

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

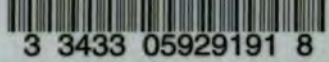
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

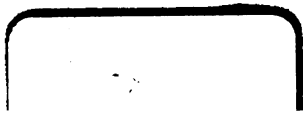
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929191 8

Cellar 15B7

Handwritten scribbles

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

=

*Ἐπιπέδῳ δὲ τῶν ἀσπίδων, τοῖς ἰστέροις μὴ δύνασθαι περὶ
ἑαυτοῦ τὰ δίπλα κῆρα κρῖναι, κῆρα ποιῆσαι. Ὁμοίως
δ' ἔργον καὶ τῆς δόξης καὶ πομπῆς ἐπιπέδου ἐπιπέδου
ἐν τοῖς ἐπιγυρομένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένη τὰς
ἐν ἀδυναμίαις καὶ τῶν ἀδυναμιῶν.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

= 101

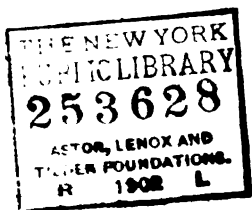
ТОМЪ СТО-ПЕРВЫЙ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ
КАРЛА КРАЙЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА КРАЙЯ.

1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

въ томъ, чтобы по означеніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 4 мая 1850.

Ценсоръ Н. Срезневскій.

Ценсоръ Ю. Шидловскій.

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR
LENOX
TILDEN

ОГЛАВЛЕНИЕ

С Т О - П Е Р В А Г О Т О М А .

=

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Поездка въ Болгары въ 1849 году. (Изъ записокъ путешествовавшаго по Россіи). <i>Павла Юрткульскаго</i>	5	✓
Король Ричардъ-Третій. Драма Вильяма Шекспира. Дѣйствіе четвертое и пятое. Переводъ съ англійскаго <i>Григоря Данилевскаго</i>	97	✓
Женщина въ тридцать лѣтъ. Часть вторая. Повесть <i>Е. Подольской</i>	169	

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Три ступени. Романъ графини д'Аншъ. Ступень вторая.....	1
То же. Ступень третья.....	69
Измаялъ зръ-Рашиди. Разсказъ Теодора Павѣ.....	151

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Уснахи новѣйшей химіи.....	1
✓ Яковъ Борисовичъ Княжичъ. Статья первая. <i>Вл***</i>	17
Записки о Россіи. Ярославская губернія. Статья вторая.....	87
✓ Яковъ Борисовичъ Княжичъ. Статья вторая. <i>Вл***</i>	129
Живопись во Франціи въ осемнадцатомъ столѣтїи. Статья шестая. — Корнель, Лафоссъ и Жувене.....	217
✓ Генріетта Зонтагъ.....	233

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

✓ Историческое обозрѣніе азовской и черноморской торговли Россіи съ осемнадцатаго до девятнадцатаго столѣтїа. Статья первая. <i>Г. Н — в</i>	1
✓ Тоже. Статья вторая.....	29

V.

КРИТИКА.

Повздка на Синай. Съ приобщеніемъ отрывковъ объ Египтъ и Святой Земль. А. Уманца. Санктпетербургъ, 1850. Двъ части.....	1
Путешествіе по Нижнему Египту и внутреннимъ областямъ Дельты. А. Раѣаловичи. Санктпетербургъ, 1850!.....	25

VI

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Апрѣль и апрѣль, 1850. Новыя книги.....	41
— — Разныя извѣстія.....	18
Май, 1850. Новыя книги.....	19

VII.

С М Ъ С Ъ.

М А Й.

Причины паденія арей.....	1
Сервантесъ, драматическій поэтъ.....	3
Кабриолетъ Паганини.....	13
Слзвой отъ рожденія.....	10
Музыкальныя новости.....	76
Новыя музыкальныя сочиненія.....	72
Моды.....	81

І Ю Н Ъ.

Пароходство на Гангесъ и Индъ.....	89
Музыка у Галловъ.....	93
Вагъ-Дейкъ и мельничиха.....	100
Бой саранчи. — Монъ-Бланъ. — Исторія Желзнаго Креста. (Изъ всемъ путешественника).....	111
Дворянинъ и Денди.....	124
Женщины въ Арлзъ.....	126
Вторая Сандрильона.....	133
Дешевый экипажъ.....	137

Союзъ женщинъ	138
Сеттины румяна. Разсказъ Шарля Ребо. Статья послѣдняя	143
Музыкальныя новости	153
Французскія книги	162
Новыя музыкальныя сочиненія	165
Моды	173

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОЪЗДКА ВЪ БОЛГАРЫ ВЪ 1849 ГОДУ.

(Изъ записокъ путешествовавшего по Россіи.)

I.

— Слѣдовательно, по твоимъ понятіямъ, ты осмотрѣлъ все, что есть замѣчательнаго въ казанской губерніи? спросилъ меня, продолжая начатый разговоръ, добрый пріятель мой и старый товарищъ, по классной скамейкѣ въ корпусѣ, Владиміръ Александровичъ Д**. Nota bene для читателя: разговоръ нашъ происходилъ въ Казани, въ номерѣ, который занималъ я въ гостинницѣ, содержимой экономомъ дворянскаго собранія.

Ироническая улыбка и голосъ, которымъ былъ сдѣланъ вопросъ, немножко меня смутили; однако же я храбро отвѣчалъ:

— По-крайней-мѣрѣ, я видѣлъ все, что хотѣлъ видѣть, то-есть, осмотрѣлъ вдоль и поперекъ самую Казань, въ которой, безспорно, есть много достойнаго вниманія....

— А именно? прервалъ меня другъ мой.

— А именно, продолжалъ я, — я успѣлъ полюбоваться величественнымъ Кремлемъ, маститой Суюнбекиной башней, вновь строящимся дворцемъ превосходнаго рисунка; поклониться мощамъ преподобныхъ казанскихъ чудотворцевъ Гурія и Варсонофія; взглянулъ на памятникъ убиеннымъ при осадѣ Казани и монументъ нашему великому Державину; я рассмотрѣлъ наконецъ подробно безподобныя кабинеты университета, егѳ обсерваторію, клинику, анатомическій театръ, милиціа-кабинетъ, библіотеку....

— Далѣе, ввернулъ мой пріятель.

— Далѣе, повторилъ я, не забыты мною родіоновскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, духовная академія, ботаническій садъ, новая дамба и....

— Et cetera et cetera, докончилъ пріятель, заиѣтя, что я уже начинаю затрудняться въ исчисленіи осмотрѣнныхъ мною казанскихъ достопримѣчательностей. Вижу, продолжалъ онъ, что ты дѣйствительно пересмотрѣлъ здѣсь все, что заслуживаетъ особеннаго вниманія пріѣзжаго, пересмотрѣлъ до-того, что наконецъ въ головѣ моей рождается вопросъ: что же ты будешь дѣлать въ эти остальные четыре дня, которые тебѣ остается пробыть, по маршруту твоему, въ Казани, до полученія ожидаемыхъ тобою писемъ? Вопросъ этотъ, заключилъ мой пріятель, я дѣлаю изъ желанія помочь тебѣ съискать средство разсѣять скуку, которая непременно посѣтитъ тебя въ бездѣйствіи. Я очень хорошо знаю, что ты только созданъ для того, чтобы не посидѣть, какъ говорится, на мѣстѣ и переѣзжать безъ успокоенія, изъ одной стороны въ другую, что ты, правду сказать, очень добросовѣстно исполняешь, превосходно олицетворяя собою *regretium mobile!*...

— И такъ, на зло же тебѣ, прервалъ я, съ улыбкою, словоохотнаго пріятели, — я остаюсь здѣсь, вотъ въ этомъ самомъ номерѣ, на всѣ четыре дня и сложа руки посвящаю себя превосходному *lag niente*; то-есть, выкуриваю вотъ всѣ эти

сигары, пересчитываю эти книги и не выхожу изъ комнаты и халата.

— Однако, свазалъ мой пріятель, съ коварнымъ намѣреніемъ вывести меня изъ бездѣйствія, не худо бы было тебѣ, хвалящемуся такъ познаніемъ Россіи, взглянуть я на уѣзды казанской губерніи, въ которыхъ, право, есть много любопытнаго....

— Да, это бы дѣйствительно было не худо, прервалъ я его съ досадою, если бы я тебѣ не сказалъ раньше, что пересмотрѣлъ и по уѣздамъ все, что заслуживало вниманія: церковь, воздвигнутую при Іоаннѣ-Грозномъ, въ Свіяжскѣ, развалины возлѣ бывшаго города Билярска....

— И развалины древней столицы Болгаровъ? сказалъ мой пріятель.

— Столицы? Какой столицы Болгаровъ? живо спросилъ я.

— Какой? повторилъ мой другъ, съ проницескою улыбкою, какую только я когда-либо видѣлъ на лицѣ чело-вѣка, — той самой столицы, которой исполинскія зданія, сотни вѣковъ существующія, и теперь какъ-бы вѣщаютъ о могуществѣ созидавшаго ихъ народа, объ его всемірной торговлѣ, просвѣщеніи; тѣхъ развалинъ, гдѣ каждый камень, каждая надпись могутъ служить безконечной темой для историка, археолога, нумизмата; тѣхъ остатковъ маститой древности, которые любопытствовали видѣть и Великій Петръ и Великая Екатерина, и которые столько занимали ученыхъ: Палласа, Френа, Сенковского....

Ясно было, что пріятель мой хотѣлъ поразить меня этой торжественной рѣчью въ самое сердце, и ему удалось это намѣреніе какъ нельзя лучше: я сидѣлъ блѣдный, безъ движенія, едва помня себя....

— Батюшки, караулъ! Да, вѣдь въ казанской губерніи, въ ста-двадцати-пяти верстахъ отъ Казани находятся развалины древней столицы Болгаровъ, съ ихъ чудными минаретами, палатами и загадочными надписями; остатки того славнаго города, который летописцы наши называютъ „Великимъ“, и котораго обладатели, еще при зародышѣ нашего государства, вели торговлю съ Греціей, Персіей и Индіей! Да какии же образцы, составляя предварительный маршрутъ сво-

ему путешествію, я забылъ о Болгарахъ? Вотъ ошибка, за которую я вполне былъ достоинъ насмѣшекъ своего друга. Но время еще не потеряно: у меня впереди три дня. Это дѣлая вѣчность! „Коня! полъ-царства за коня!“ готовъ былъ я воскликнуть въстѣ съ Шекспиромъ.

— Анисимъ! вскричалъ я на своего человѣка, самымъ неистовымъ голосомъ. Чтобы черезъ часъ почтовыхъ лошади были заложены въ коляску и ваши на своихъ мѣстахъ.

Почтеннѣйшій Анисимъ, знавшій о моемъ предположеніи пробыть въ Казани еще четыре дня и потому, вѣроятно, располагавшійся въ оставшееся время заплатить порядочную дань Морфею, при этомъ приказаніи выразилъ глазами такую фигуру изумленія и недоумчивости, что я долженъ былъ повторить свой приказъ двумя нотами выше, чтобы заставить его схватиться за шапку.

Мой пріятель разсыпался въ острогахъ о моемъ глубокомъ знаніи Россіи вообще и казанской губерніи въ особенности. Наконецъ, сокрушивъ весь запасъ своихъ стрѣлъ о крѣпкую броню моего терпѣнія, онъ принялъ на себя глубокомысленный видъ и началъ вѣщать мнѣ менторскимъ голосомъ:

— И такъ, любезный другъ, ты оставляешь столь умно придуманный тобою четырехдневный кейфъ и отправляешься осматривать развалины столицы древнихъ Болгаровъ, которая въ названіи своемъ сохранила и по-нынѣ имя народа, ее соорудившаго. Но прежде своего осмотра, ты долженъ отъ меня получить нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія, чтобы могъ извлечь изъ своего посѣщенія сколь возможно большую пользу. Я могъ это сдѣлать тѣмъ удобнѣе, что самъ былъ тамъ, года три тому назадъ. И такъ, слушай...

— Слушаю обѣими ушами, отвѣчалъ я.

— Развалины столицы Болгаровъ, началъ мой пріятель, находятся теперь въ селеніи спасскаго уѣзда, называемомъ: *Болгары*. Если ты хочешь произносить это названіе такъ, какъ оно произносится на самомъ мѣстѣ и вообще здѣсь въ губерніи, то долженъ дѣлать удареніе на букву *о*, и произносить *Болгары*, а не *Болгáры* и не *Булгаръ*, какъ это обыкновенно пишется. Когда именно выстроены зданія, отъ

которыя теперь остались развалины въ Болгарахъ и какое было первоначальное ихъ назначеніе, можно узнать обстоятельно, вопроса самыхъ развалины!... Только надобно быть Оресенъ, чтобы заставить говорить камни... Что же касается до различныхъ сужденій объ этомъ предметѣ нашихъ ученыхъ, то прочтя отъ листа до листа ихъ изысканія, пренія и разглагольствованія, ты будешь имѣть лишь право громко воскликнуть съ Сократомъ его знаменитое изрѣченіе: „Я только то знаю, что ничего не знаю“; разумеется, приписывая эти слова въ прямомъ, а не переносномъ смыслѣ. Достоверно лишь одно, что эти зданія были сооружены Болгарами, когда они уже исповѣдывали магометанскую вѣру; следовательно время постройки ихъ надобно положить не ранѣе первой четверти десятаго вѣка, когда болгарскимъ царемъ Алмасомъ, были вызваны изъ Багдата, чрезъ посольство къ халифу Муктадиру, художники, искусные въ сооруженіяхъ строеній, хотя въ Болгарахъ есть много развалинъ различныхъ зданій и въ числѣ ихъ два минарета, называемые „столбаны“; но исключительнымъ вниманіемъ пользуется главный, по высотѣ минареть, стоящій возлѣ находящейся тамъ церкви, который собственно и называется въ народѣ, Болгарскимъ столбомъ. Я тебѣ почелъ за нужное сдѣлать послѣднее предувѣдомленіе, прибавилъ мой пріятель, для того, чтобы ты обратилъ на этотъ столбъ, какъ на самый замѣчательный остатокъ древности, особенное вниманіе, и чтобы къ тебѣ не примѣнилась басня Крылова о любопытномъ, не примѣтившемъ слона.

Я наклонилъ голову въ знакъ одобренія.

— Вотъ тебѣ еще порученіе, продолжалъ мой пріятель. Вѣроятно ты читалъ споры ученыхъ о томъ, находилась ли столица Болгаровъ на самой Волгѣ или въ девяти верстахъ разстоянія отъ ея берега, гдѣ теперь развалины? Ну такъ я тебѣ дѣлаю порученіе при осмотрѣ мѣстности вывести свое заключеніе и тѣмъ положить свою лепту на алтарь знанія.

Я далъ обѣщаніе положить, но только никакъ не болѣе одной лепты.

Вслѣдъ за тѣмъ другъ мой разсказалъ мнѣ о знакомствѣ

своимъ съ почтеннымъ номѣщикомъ спасскаго уѣзда, въ границахъ котораго находятся Болгары, майоръ Ж. Онъ обладалъ нѣсколькими чрезвычайно замѣчательными вещами, найденными въ развалинахъ древней столицы, и въ особенности удивительно рѣдкимъ кинжаломъ, серебряныя ножны котораго были вычеканены съ такимъ совершенствомъ, что сдѣлали бы, по словамъ его, честь самому Бенвенуто-Челлини. Желая доставить и мнѣ удовольствіе полюбоваться этимъ кинжаломъ, красотою котораго онъ не могъ нахвалиться, пріятель мой тутъ же написалъ рекомендательное письмо къ господину Ж**, и вручилъ мнѣ съ строгимъ наказомъ, быть у него при проѣздѣ черезъ городъ Спасскъ, гдѣ онъ живетъ и гдѣ я долженъ буду мѣнять лошадей. При этомъ другъ мой слегка коснулся біографіи своего знакомаго, которому меня рекомендовалъ:

Майоръ Ж** былъ герой двѣнадцатаго года, слѣдовательно человекъ пожилыхъ лѣтъ, но энергическій и живой, какъ двадцатилѣтній юноша. Онъ служилъ исправникомъ въ спасскомъ уѣздѣ около тридцати лѣтъ и по этому знаетъ уѣздъ вдоль и поперекъ, а слѣдовательно никто лучше его не могъ объяснить всего, что могло касаться до Болгаръ въ настоящемъ ихъ положеніи. Для меня это была суцная находка, потому что другъ мой сообщилъ мнѣ, что ежели я успѣю понравиться майору, то онъ, по старой привычкѣ развѣзжать по уѣзду, самъ отправится со мною, что иногда дѣлаетъ, и тогда будетъ самымъ лучшимъ моимъ чичероне. Когда къ этому пріятель мой присокупилъ еще, что черезъ майора я могу пріобрѣсти, за безцѣнокъ, множество древнихъ монетъ и вещей, находимыхъ въ землѣ крестьянами села Болгаръ, во время полевыхъ работъ, которые обыкновенно сообщаютъ ему, какъ любителю, о своихъ находкахъ, то я торжественно объявилъ, что немедленно по пріѣздѣ въ Спасскъ, отправлюсь съ рекомендательнымъ письмомъ и употреблю всѣ усилія, чтобы понравиться ветерану.

Между-тѣмъ, благодаря расторопности моего Анисима, колеска вскорѣ была готова и черезъ полчаса я былъ уже за заставою города.

Мы выѣхали изъ Казани на чрезвычайно живописную до-

рогу, которая шла по берегу огромнаго озера Кабана. Съ одной стороны высились затѣйливыми обрывами горы песчанку, увѣчанныя темною елью и широколиственнымъ дубомъ; съ другой, голубыя волны Кабана били о берегъ. Миновавъ, однако же, загородный архіерейскій домъ, картинно бѣлѣвшійся въ темной зелени, на высокой горѣ, дорога сдѣлалась однообразнѣе и я, выкуривъ двѣ регалии, почелъ долгомъ вступить въ разговоръ съ своимъ Автомедономъ, погонявшимъ четверку огромнымъ веревочнымъ бичемъ.

— Какъ тебя зовутъ, любезный?

— Да Иваномъ Нарманскимъ, сударь.

— А что, мы теперъ, Иванъ, ѣдемъ по спасской дороге?

— По спасской, ваше благородіе.

— Ты бывалъ ли когда въ Спасскъ?

— Коли не бывалъ. Да я гонялъ не токмо что до Спасска, а ѣздилъ и дальше, въ Симбирскъ, въ Тетюши, въ Самару....

— Такъ по этому ты былъ и на болгарскихъ развалинахъ?

— Ну вотъ, что за Спасскимъ, старый городъ развалился, еще тамъ есть Болгарскій столбъ.... Э, знаю. Въ самомъ-то селеніи былъ я, почитай, разъ десятокъ, а развалины-то невдомекъ было посмотреть.

Я пожалъ плечами въ глубокомъ изумленіи. Быть десять разъ въ Болгарахъ и не обратитъ вниманія на развалины! О Потентотъ! Нѣтъ, ты не получишь серебрянаго рубля на водку, которымъ я обыкновенно награждаю ящичковъ, общившихъ мнѣ какое-нибудь любопытное извѣстіе для моего дневника. Это будетъ, съ моей стороны, наказаніемъ за твое невѣжество.

— Неужели тебѣ не любопытно, любезный другъ, сказалъ я, послѣ нѣкотораго молчанія, посмотреть, напимѣръ, на какую-нибудь древнюю монету, сохранившуюся втеченіи нѣсколькихъ столѣтій?

— Древнюю.... сирѣчь старую, повторилъ ящичкъ, почесавъ подъ шапкой голову, да что на нее смотрѣть-то? Послѣ того, какъ становой объявилъ, что стертые деньги не

будутъ ходить, я, почитай, старья-то, теперь, и даромъ не возьму, хоть цѣлую пудовку давай. Развѣ Мордвамъ али Чувашамъ сбыть на поднизи бабамъ....

Я громко засмѣялся и неумѣстности своихъ распросовъ, сдѣланныхъ въ пылу археологическаго восторга и наивнымъ отвѣтамъ Ивана, дорожившаго только новизною.

Переѣхавъ лошадей на первой станціи, я послѣ пятичасовой ѣзды изъ Казани, подѣхалъ къ селенію Япанчину, напоминавшему именемъ своимъ славнаго набѣдника Япанчу, который дѣлалъ набѣги на отряды войскъ нашихъ, осаждавшихъ Казань, при Іоаннѣ-Четвертомъ Васильевичѣ. И дѣйствительно, мѣсто, гдѣ стоитъ селеніе Япанчино, находилось нѣкогда во владѣніи этого татарскаго витязя. Отсюда мы должны были переправиться черезъ Каму, чтобы попасть на другую половину казанской губерніи. Въ ожиданіи, пока Татары устанавливали экипажъ мой, я вошелъ отдохнуть, по приглашенію одного изъ перевозчиковъ, въ крайній отъ пристани домъ, довольно изрядной наружности.

Япанчино было первымъ татарскимъ селеніемъ, въ которомъ я находился со дня моего рожденія, а потому не удивительно, что переступя за порогъ дома, я съ любопытствомъ осматривался кругомъ себя. Въ-самомъ-дѣлѣ, убранство дома напоминало, что тутъ живутъ люди, послѣдующіе Корану: внутренность его состояла изъ четырехъ комнатъ, единообразно меблированныхъ. Къ одной сторонѣ, во всякой комнатѣ, настланы были доски, на три четверти аршина отъ полу, такимъ-образомъ, что составляли какъ бы кровати, распростравшіяся во всю ширину комнатъ. Помосты эти, съ обѣихъ сторонъ, замѣщены были огромными пуховыми постелями, въ разноцвѣтныхъ, полосатыхъ наволочкахъ, прислоненными стоймя, къ боковымъ стѣнамъ, одна на другую. Надъ этими постелями, кругомъ всѣхъ стѣнъ, тянулись узенькія полки, украшенныя лежавшими другъ возлѣ друга подушками, также въ разноцвѣтныхъ наволочкахъ. На перекладинахъ, тянувшихся, возлѣ потолка надъ помостомъ, навѣшаны были узорчатые халаты, весьма тщательно сложенные. Въ простѣнкахъ, между окнами, красовались большіе листы бумаги, испещренные изрѣченіями изъ Алкорана, размалеван-

мени различными колерами. Въ заключеніе, въ особенныхъ углубленіяхъ печекъ изъ фигурнаго изразца, стояли плоскодонные мѣдные тазы, съ длинными сосудами для омовенія. Для приданія картинѣ еще болѣе восточнаго колориту, на одномъ изъ помостовъ стояла на колѣнахъ Татарка, обратясь лицомъ къ мечети, видѣвшейся въ окнѣ; она молилась, безпрестанно прикасаясь лбомъ къ плетеному коврику, разостланному подъ нею; на помостѣ же сосѣдней комнаты сидѣли за рукодѣльемъ, поджавъ подъ себя ноги, двѣ молоденькія Татарки, очень недурной наружности, но такъ много нарумяненные и съ столь сильно начерченными зубами, что это составило бы гордость любой русской боярыни шестнадцатаго столѣтія.

При входѣ моемъ, онѣ закрыли половину лица широкими рукавами своихъ пестрыхъ рубашекъ, смотря однако же на меня съ любопытствомъ большими черными глазами, не лишеными пріятности и южнаго блеску. Въ довершеніе эфекта, трехлѣтній татарченочекъ, сбросилъ съ головы ермолку, топталъ ее ногами, по серединѣ комнаты, крича во все горло что-то по-татарски.

Старый Татаринъ, повидимому хозяинъ дома, войдя въ комнату, спросилъ съ поклономъ, ломанымъ русскимъ языкомъ, не надобно ли будетъ для меня поставить самоваръ. Я отвѣчалъ, что не нужно, и обратясь лицомъ къ окну, началъ разсматривать представлявшееся изъ него мѣстоположеніе. Дѣйствительно, картина была завлекательная: солнце, начинавшее склоняться къ западу, сыпало черезъ тонкія облака, носившіяся тамъ и сямъ по небу, снопы своихъ лучей, въ свѣтлую Каму, которая, монотонно ударяя по временамъ въ берегъ, казалась безпредѣльно широкимъ зеркаломъ. Вдали, на другомъ берегу, чуть видѣлся темный дубовый лѣсъ, водернувшійся синевою, отъ западаващаго солнца. Прямо противъ окна, по самой серединѣ Камы, плыла хитро-раскрашенная коноводная машина, съ множествомъ флюгерковъ и флаговъ, таща за собою подчалки съ хлѣбомъ. Вдали, на самомъ краю горизонта, бѣлѣло два, три паруса, которые, словно чайки, летѣли надъ водою, увлекаемые теченіемъ. Вѣтерокъ не шелохнетъ и все селеніе будто спитъ,

въ какомъ-то обаяніи. Только взрѣдка отдаленное рокотаніе грома, будто напоминаетъ о чемъ-то невѣдомомъ; только голосъ муззина раздается вдаль съ мечети, да волна однообразно бьетъ о берегъ.... Я забылся.... Молодая черноглазая Татарка, съ берега черпавшая воду, откинувъ красную чадру съ лица, будто манила меня къ себѣ; раздававшійся возлѣ окна, изъ густыхъ листьевъ дуба, серебряный голосъ соловья, словно несся на землю, съ верхнихъ слоевъ ээира....

— Пей чай, бачка; на водѣ холодна будетъ, раздался позади меня хриплый голосъ хозяина.

Я вздрогнулъ, будто окунулся вдругъ въ холодную воду. Но мечты мои разсѣялись; волшебная дымка слетѣла съ глазъ.... Я очнулся, и завелъ отъ скуки разговоръ съ хозяиномъ.

— Что это за книга лежитъ у тебя на окнѣ? спросилъ я его, указывая на книгу, испещренную арабскими буквами.

— Коранъ, бачка.

— Что же, ты что-ли его читаешь?

— Ге, мой, бачка, не читаетъ его.

— Ну такъ кто же читаетъ?

— Никто, бачка, такъ лежитъ. Мулла велитъ покупать у него, чтобы здѣсь лежало. Мулла бульно сердитъ кто не купитъ. Тому, говорить, Фатима, Мугаметова дочь, не будетъ помогать проходить, послѣ смерти, чрезъ Эль-Сыратъ.

— Что, который тебѣ годъ, старина?

— Ге, годовъ бульно много.

— А ты былъ въ Оренбургѣ?

— Ге, мой ходилъ туда съ старымъ отцемъ молиться.

— Не былъ ли ты еще гдѣ-нибудь дальше? спросилъ я хозяина.

— Юкъ, отвѣчалъ онъ. Далеко не ходилъ. Далеко ходить, нельзя домъ оставляй. Былъ близко: въ Казани, въ Сингиляхъ, въ Булгарахъ....

— Я самъ ѣду въ Болгары, посмотрѣть развалины. Что, Болгарскій столбъ высокъ?

— Ге, столба нѣтъ, отвѣчалъ хладнокровно старикъ, помотавъ головою.

Меня будто ледяными иголками ударило въ спину! Я вду състрѣть Болгарскій столбъ, и вдругъ — столба нѣтъ! Да для чего же мой пріятель, Владиміръ Александровичъ, рекомендовалъ мнѣ его какъ главную замѣчательность и совѣтовалъ обратить на него особенное вниманіе?

— Какъ нѣтъ столба? вскричалъ я въ крайнемъ изумленіи. Куда же онъ дѣвался? Утѣшилъ его что ли кто?

— Ге, кто будетъ тащить столбъ! столба нѣтъ, снова отвѣчалъ старикъ утвердительною голосомъ и какъ-будто обижаясь, что не довѣряли его словамъ.

Очевидно, что онъ въ эту минуту или смѣялся надо мною, или сошелъ съ ума, что казалось тѣмъ болѣе страннымъ, что за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, Татаринъ говорилъ, хотя дурнымъ русскимъ языкомъ, но весьма толково, о прочихъ предметахъ.

Я хотѣлъ только пуститься въ объясненія, когда вбѣжавшій Анисимъ увѣдомилъ меня, что паромъ собираются отваливать и что надобно отправляться поскорѣе, потому что подуваетъ вѣтеръ и рѣка начинаетъ разъигрываться.

Я поспѣшно пошелъ къ пристани и черезъ пять минутъ паромъ отвалилъ. Въ-самомъ-дѣлѣ Анисимъ говорилъ правду: заговорясь съ Татаринномъ, я не замѣтилъ, сидя возлѣ самаго окна, что собравшіяся облака заволокли небо, и довольно свѣжій вѣтерокъ зарыбилъ Каму. Мало-по-малу вѣтеръ началъ болѣе и болѣе усиливаться, задерживая движеніе парома на водѣ, хотя съ десятокъ молодыхъ Татаръ, сидя въ веслахъ, гребли изо всѣхъ силъ, напѣвая какую-то пѣсню. Между-тѣмъ стемнѣло. Небо еще болѣе насынилось; удары грома раздались надъ самыми нашими головами. Чудны были эти минуты: порывистый свистъ вѣтра и шумъ валовъ и повелительный голосъ стараго корщика-Татарина, управлявшаго рулемъ, и заунывная, пронзительная пѣсня гребцовъ, не та пѣсня, которую поютъ наши мужички, вспоминая о не бѣлыхъ свѣжкахъ или Волгъ-матушкѣ, широко въ раздольи; но какая-то дикая, однообразная...

Послѣ двухъ-часовой усиленной работы гребцовъ, мы подплыли наконецъ къ другому берегу; но сильный прибой волнъ не позволялъ причаливать къ нему. Со стороны кори-

чаго требовался особенный маневръ для уничтоженія препятствія, и онъ мгновенно приступилъ къ дѣлу. Но громкому и презрительному крику его, гребцы вдругъ прекратили свои завыванія и какъ-будто воодушевившись духомъ самаго шайтана, начали съ неизвѣтной силой и скоростью ударять веслами, прикрикивая при всякомъ движеніи отрывисто, въ видѣ веселой пѣсни, слѣдующій безмысленный, но оригинальный романсъ.

Разъ, два, три!

Разъ, два, три!

Вотъ какъ, да вотъ какъ!

Еще разъ! Другой разъ!... и тому подобное.

Благодаря этому финалу, мы черезъ пять минутъ прикнули къ берегу, а черезъ слѣдующія пять я уже несея на всѣхъ рысяхъ, по дорогѣ къ городу Спасску.

II.

Я пріѣхалъ въ Спасскъ въ одиннадцатомъ часу вечера, слѣдовательно, по уѣздному, уже довольно поздно для того, чтобы идти въ домъ къ маіору Ж**, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо отъ моего друга. Не смотря на то, я спросилъ, однако же, хозяйина плохой, но единственной въ городѣ гостиницы, въ которой остановился, далеко-ли находится домъ маіора? Кто представилъ мою досаду, когда трактирщикъ отвѣчалъ, что маіоръ совсѣмъ не живетъ въ городѣ, потому что уже два года, какъ выѣхалъ изъ него, за тридцать верстъ, въ свою деревню.

И такъ все мои надежды осмотрѣть Болгары въ обществѣ или, по-крайней-мѣрѣ, при напущиваніи совѣтами этого опытнаго челоуѣка, какимъ я воображалъ себя Ж**, разрушились. Я не могъ удержаться, чтобы не вырваться, вслухъ, своего сожалѣнія, что маіора не было въ городѣ. — „Позвольте узнать, если смѣю сдѣлать вопросъ, батюшка, спро-

слѣ меня. Хозяинъ гостиницы, старикъ поттенной наружности, но какому случаю, или лучше сказать, надобности, изволите вы находить нужнымъ, или лучше сказать, необходимымъ, имѣть свиданіе съ господиномъ майоромъ?

Я объяснилъ ему, что имѣя намѣреніе осмотрѣть Болгары, хотѣлъ познакомиться съ нимъ, какъ съ человекомъ, который живя возлѣ, нѣскольکو десятковъ лѣтъ, могъ сообщить мнѣ любопытныя свѣдѣнія о древностяхъ тамъ находящихся, тѣмъ болѣе, что онъ самъ собираетъ эти древности.

— Правду сказать, отвѣчалъ хозяинъ, господинъ майоръ большой знатокъ или, лучше сказать, любитель древности и имѣетъ у себя много любопытныхъ вещей, отысканныхъ или лучше сказать, вырытыхъ въ Болгарахъ. Преимущественно находится у него кинжалъ, или лучше сказать ятаганъ, найденный тамъ и достойный по лезвею и ножнамъ своему большаго удивленія. Я неоднократно имѣлъ удовольствіе его разсматривать.

И словоохотный трактирщикъ началъ описывать мнѣ, въ подробности, кинжалъ, о которомъ я слышалъ уже второй разъ и который, къ величайшей досадѣ моей, не могъ я видѣть своими глазами, потому что ѣхать къ майору въ его деревню, не имѣлъ времени, а видѣть другимъ образомъ кинжалъ, не было возможности. Я снова громко пожалѣлъ, что ни майоръ, ни кинжалъ его, не давались мнѣ, какъ закодированный кладъ, въ руки.

— Позвольте, вскричалъ трактирщикъ, хлопнувъ себя рукою по лбу; ахъ я дуракъ, или лучше сказать существо, лишнее разсудка! Вы желаете ѣхать въ Болгары въ сопровожденіи свѣдущаго человека, и мнѣ давно бы слѣдовало предложить вамъ, для сопутствія, Егора Федосѣича! Эй, Петя, вскричалъ онъ, обращаясь къ стоявшему у дверей половому. Сбѣгай-ка, братъ, къ Егору Федосѣичу, да позови его сюда. Только скажи, чтобы онъ собрался ужъ прямо по дорожному. Скажи, что въ Болгары поѣдетъ.

— Что это за Егоръ Федосѣичъ? спросилъ я съ любопытствомъ хозяина?

— Кузь мой, батюшка, отвѣчалъ онъ. Крестилъ моего втораго сынишка, Петрушу. Этотъ отвѣтъ былъ для меня не

совсѣмъ удовлетворителемъ и я снова пустился въ распросы. По справкѣ оказалось, что Егоръ Федосѣичъ служилъ въ спасскомъ уѣздѣ безчисленное множество лѣтъ при земской полиціи и командировался прежде въ Болгары, съ нѣкоторыми учеными, пріѣзжавшими осматривать развалины. Нынѣ хотя Егоръ Федосѣичъ находился въ отставкѣ, однако, по привычкѣ, съ удовольствіемъ отправлялся въ путешествіе по уѣзду, со всякимъ кто приглашалъ его. При этомъ трактирщикъ сообщилъ мнѣ таинственно, что Егоръ Федосѣичъ сопутствуетъ въ такихъ поѣздкахъ не только изъ интересу, чтобы получить какой-нибудь подарокъ, сколько изъ желанія потолковать съ новымъ лицомъ, по своей словоохотливости.

Едва мнѣ сообщена была біографія моего будущаго компаньона, какъ явился на-лицо и самъ Егоръ Федосѣичъ. Это былъ старичекъ, лѣтъ подъ шестьдесятъ, небольшого росту, съ подслѣповатыми глазами и рѣдкими сѣдыми волосами, вившимися, по старой привычкѣ, кольцами на головѣ; впрочемъ, по лѣтамъ довольно живой и развязный. На немъ была коротенькая бекешка, на заячьемъ мѣху и шерстяной шарфъ, скрещенный на груди, въ доказательство, что онъ былъ въ дорожномъ платьѣ. На одной изъ пуговицъ бекешки висѣлъ кисетъ, а въ рукахъ была трубка, съ коротенькимъ волосянымъ чубукомъ.

— Честъ мнѣю кланяться и рекомендоваться, сказалъ онъ мнѣ, съ довольно непринужденнымъ поклономъ; потомъ обратился къ хозяину и пожавъ ему руку, вскричалъ: „Здравствуй, кумъ! Что, ты опять хочешь потревожить, на ночь глядя, мои старыя кости? Хе, хе, хе!“

Физиономія Егора Федосѣича съ перваго взгляду такъ мнѣ понравилась, что я рѣшился безъ труда совершить, въ сопровожденіи его, двадцати-верстную поѣздку, чтобы по-крайней-мѣрѣ не разсуждать въ дорогѣ съ самимъ собою. А разговорясь мало-по-малу съ Егоромъ Федосѣичемъ, я, къ величайшему удивленію моему, увидѣлъ въ немъ столько, такъ сказать, практическаго ума и всѣ отвѣты его исполнены были такой житейской опытности, что мнѣ, слушаая его, не разъ приходило на умъ изрѣченіе одного писателя, сказавшаго, что „кто много испыталъ, тотъ умнѣе того, кто

ного читаль". Особенно интересно было въ его разговорѣ какое-то простодушіе, доказывавшее, что онъ не старался блеснуть разсказомъ, но говорилъ прямо отъ души, слово за слово, что ему приходило въ голову. Это была для меня въ дорогѣ дорогая находка.

Между-тѣмъ мой Анисимъ поставилъ на столъ дорожный самоваръ и погребецъ съ чайнымъ приборомъ. Черезъ десять минутъ темная струйка полилась изъ чайника по стаканамъ. Я предложилъ чай Егору Федосѣичу. Сначала онъ отказался, объявивъ, что теперь уже давно время ужинать; но принесенная Анисимомъ изъ коляски плетеная бутылка съ старымъ ромомъ, переѣбила дѣло. Онъ съ удовольствіемъ принялся за стаканъ, оказавъ явное покровительство плетенкѣ, которая послѣ четырехъ стакановъ чаю, выпитыхъ имъ, убавилась почти на половину. Между-тѣмъ Егоръ Федосѣичъ вошелъ къ свою сѣру: онъ отпускалъ разныя прибаутки, подсмѣивался надъ своимъ кумомъ и разсказывалъ нѣкоторые любопытные эпизоды изъ своей жизни.

Ржаніе подъ окномъ гостиницы свѣжихъ лошадей, заложенныхъ въ коляску, напомнило намъ однакоже, что пора отправляться. Я расплатился съ хозяиномъ и поблагодаривъ его за доставленіе мнѣ пріятнаго товарища, пригласилъ съ собою Егора Федосѣича. Мы понеслись по гладкой дорогѣ на лихихъ лошадяхъ. Ночь была прекрасная и воздухъ, послѣ недавняго дождя, вѣялъ ароматомъ. Я закурилъ сигару и предложилъ другую моему спутнику; но онъ отказался, увѣривъ, что къ сигарамъ не привыкъ и не хочетъ привыкать, потому что онъ обходятся дороже табаку. При этомъ Егоръ Федосѣичъ отстегнулъ кисетъ отъ пуговицы бекеша, набилъ свою трубочку и съ наслажденіемъ закурилъ ее. Правду сказать, что если сигары обходятся дорого, то я готовъ бы былъ дать еще дороже, чтобы только не слышать запаху той отвратительной травы, которую Егоръ Федосѣичъ имѣлъ слабость называть табакомъ. Но учтивость заставила меня помириться съ своимъ положеніемъ и не сказать ни слова моему чичероне.

Съ четверть часа мы ѣхали молча. Егоръ Федосѣичъ курилъ трубку съ закрытыми глазами, видимо наслаждаясь спо-

койною качною экипажа. Наконецъ онъ выпустилъ изъ рта послѣдній залпъ дыму, выколотивъ трубку на дорогу и обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— А что стоятъ-сь, если смѣю спросить, ваша коляска?

— Четыре тысячи ассигнаціями, отвѣчалъ я.

— Конечно англійской работы?

— Нѣтъ, вѣнская.

— И не ломка?

— Покажѣтъ хороша. Со времени покупки ея, втеченіе четырехъ лѣтъ, не смотря на частыя поѣздки, не было еще никакой поправки.

— Конечно деньги большія, да за то и вещь хороша-сь. Да по мнѣ ужъ кто имѣеть возможность жертвовать тайными деньгами на экипажи, такъ разумѣется, лучше заплатитъ дорожку, да чтобы было прочивѣ. Вотъ у насъ прошлаго году-сь судья изволилъ купить въ Казани у каретника коляску и заплатилъ тысячу рублей. На видъ-то кажется и хороша, только что толку-сь: какъ еще въ первый разъ вѣхалъ сюда изъ Казани, такъ она сломалась два раза на дорогѣ, а послѣ и говорить нечего. Вотъ и выходитъ справедливо, что дешевое-то на дорогое наведетъ, или какъ говорить пословица: дорого да мило, а дешево, да гнило. Только коли правду сказать, такъ здѣсь вообще плохая ѣзда на ресорныхъ-то экипажахъ. Еще вотъ по большой дорогѣ туда и сюда; а поѣзжайте-ка по проселочнымъ, такъ того и смотри, что нѣмецкую-то коляску придется лечить русскими молоткомъ. Толи дѣло хорошій тарантасъ сибирской работы, и не дорого и покойно, словно въ колыбели! Даромъ, что вы, господа петербургскіе называете все ихъ „дурандасами“. Вотъ къ слову сказать, вспомнилъ я теперь происшествіе, которое со мной тоже было въ Болгарахъ: лѣтъ съ двадцать тому назадъ.... да, такъ точно.... въ 1829 году, былъ здѣсь иностранный путешественникъ, господинъ Гумбольтъ....

— Какъ, вы видѣли Гумбольта? прервалъ я съ любопытствомъ.

— Какже-сь; я его и возилъ сюда. Изъ Казани до Спасска онъ изволилъ прибыть, на пароходѣ, потому что

это было во время разлива, а изъ Спасска ѣхалъ въ Болгары въ коляскѣ господина майора Ж**, который былъ тогда инспекторомъ. Самъ-то господинъ майоръ не могъ сопровождать его за болѣзнию; вотъ онъ и командировалъ меня, какъ члена земской полиціи, для распоряженій. Надобно вамъ сказать, сударь, что Болгары стоятъ на крутой горѣ, которая прежде составляла берегъ Волги....

— Неужели вы увѣрены, Егоръ Федосѣичъ, прервалъ я его снова, что городъ Болгары стоялъ нѣкогда на берегу Волги, когда, именно, многіе ученые сомнѣваются въ этомъ?

— Да вольно же господамъ ученымъ сомнѣваться-съ и видѣть черное тамъ, гдѣ бѣлое. Впрочемъ, теперь не о томъ рѣчь. Вотъ-съ какъ мы доѣхали до горы, господинъ Гумбольтъ вышелъ изъ коляски; я тоже выѣзъ изъ своего праптаса. Коляскѣ господинъ Гумбольтъ велѣлъ ѣхать впередъ, а самъ остался, съ бывшимъ съ нимъ профессоромъ казанскаго университета Э**, внизу, разсматривать земляные слои, изъ которыхъ состоялъ берегъ. Вотъ-съ, какъ коляска начала подниматься, меня и дернула словно нечистая сила. Думаю: господинъ майоръ, отдавая коляску, приказалъ мнѣ беречь ее какъ свой глазъ, потому что коляска была небольшая—только съ молоточка.... Дай-ка, думаю, сяду въ нее чтобы чего не случилось. Сказано — сдѣлано. Только мы поднялись до половины горы, вдругъ лошади, видно испугавшись чего, рванулись въ сторону: шкворень пополамъ, кузовъ на бокъ и я, со всего маху, грянулся на землю! Ну хоть бока себѣ порядкомъ помялъ, да еще слава Богу, что не свалился подъ гору. Вотъ вамъ, батюшка, и рессорные экипажи!

Я постылся и поблагодаривъ Егора Федосѣича за разсказъ, спросилъ: на чемъ онъ основываетъ свое мнѣніе, что городъ Болгары стоялъ нѣкогда на берегу Волги?

— На чемъ, сударь? повторилъ Егоръ Федосѣичъ съ улыбкою, да на свидѣтельствѣ собственныхъ своихъ глазъ. Если и ваши глаза видятъ на десять шаговъ впередъ, въ чемъ и прочемъ сомнѣваюсь, потому что вы что-то часто заглядываете въ вашу лорнетку, такъ завтра, или даже и сегодня, подтвердите своимъ зрѣніемъ.

И действительно любопытно было убедиться въ этой догадкѣ. Еще прежде меня двадцать ученыхъ путешественниковъ, осматривая Болгары, старались опредѣлить древнюю мѣстность этой столицы въ отношеніи къ Волгѣ и, по достохвальному обыкновенію всѣхъ ученыхъ, рассуждая объ одномъ и томъ же предметѣ, выводили, почти каждый, особое заключеніе — доказательство, что въ ученоемъ мірѣ органъ зрѣнія играетъ не слишкомъ завидную роль. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время развалины древней столицы Болгаровъ находятся въ девяти верстахъ отъ Волги, тогда какъ арабскій писатель Ибнъ-аль-Варди, жившій въ тринадцатомъ столѣтіи, очень ясно говоритъ, что Болгаръ, считавшійся знаменитымъ городомъ того времени и имѣвшій у себя пристань, стоитъ на самомъ берегу Волги. Другой знаменитый арабскій географъ, Эмадъ-Эддинъ-Исмаиль, онъ же Абульфеда, родившійся въ 1273 году и умершій въ 1331, подтверждаетъ то же, удостовѣряя, что городъ Болгары находился на сѣверо-восточной сторонѣ Волги, на одной равнинѣ съ Сараемъ, и Волга, протекая близъ города, огибала его съ сѣверной и западной сторонъ. Новѣйшіе ученые, рассматривая развалины Болгаръ и не видя близъ нея Волги, раздѣлились на нѣсколько партій, каждая съ своимъ различнымъ ученіемъ; а именно: одни говорятъ, вопреки свидѣтельству арабскихъ писателей, но руководствуясь очевидностью, что городъ этотъ никогда не былъ на самомъ берегу. Другіе приводятъ въ доказательство того, что рѣка протекала близъ столицы и послѣ того измѣнила теченіе, татарскую лѣтопись „Теварихъ-удъ-Давайръ“, въ которой говорится, что Волга перемѣнила свое русло черезъ пятьдесятъ четыре года, по завладѣніи городомъ Тимуръ-Аксакомъ, по-просту Тамерланомъ, слѣдовательно въ 1445 году, такъ какъ Тамерланъ разрушилъ этотъ городъ, во время похода своего на Тохтамышша, въ 1391 году. Наконецъ третьи, самые ново и много ученые, опасаясь, чтобы между этими двумя партіями не возгорѣлась война въ родѣ Алой и Бѣлой розы, вздушали составить новое предположеніе, на изобрѣтеніе котораго нужно было имѣть цѣлый четверикъ остроумія. Эти господа третьи, вѣря буквально во всѣ арабскія лѣтописи, которыя

послѣ Тысячи и Одной ночи, безспорно самой справедливѣйшей изъ всѣхъ арабскихъ исторій, приобрѣли особую степень вѣро- лгій, утверждаютъ, что городъ Болгары дѣйствительно сто- ялъ возлѣ Волги. Но какъ Волги въ настоящее время подъ развалинами Болгаръ на-лицо не имѣется, словно она въ воду канула, а между-тѣмъ, объяснять, что Волги тутъ не видно потому, что она совершила фантастическій вояжъ, за девять верстъ, какъ толкуеть татарская лѣтопись, значило бы объяснить по старому, — тогда какъ ученое пред- положеніе должно отличать новизною, — то эти господа трети и постановили нижеслѣдующій аргументъ: болгарская столица дѣйствительно стояла близъ Волги, согласно съ Арабами; но и самая Волга дѣйствительно находится на томъ же мѣстѣ гдѣ была прежде, даже и не думая о путе- шествіи. Видная же нынѣ разница, по которой развалины отстоятъ отъ рѣки на девять верстъ, происходитъ оттого, что нынѣшнія развалины суть остатки не того города Бол- гаръ, о которомъ упоминають арабскіе писатели, а другого, выстроеннаго позже, а когда — о томъ Богъ вѣдаетъ; городъ же Болгары, нынѣ скрывшійся съ лица земли, о которомъ повѣствуютъ Ибнъ-аль-Варди и Абульфеда, стоялъ именно на томъ девяти-верстномъ пространствѣ, которое отдѣляетъ теперь рѣку отъ развалинъ. Bravo! Да здравствуетъ словесное истолкованіе.

Я самъ готовъ былъ придерживаться этого предположенія, что-то плохо вѣря въ путешествіе нашей Волги-матушки и рассказы о томъ татарской лѣтописи, съ-тѣхъ-поръ, какъ одинъ Татаринъ въ Казани страшно надулъ меня халатомъ, продавъ за настоящій бухарскій, своего произведенія. Послѣ этого въ моихъ глазахъ показалось очевиднымъ, что и ав- торъ лѣтописи Теврихъ-удъ-Даванръ, надувалъ такимъ же образомъ своихъ почтеннѣйшихъ потомковъ.

Однако, Егоръ Федосѣвичъ, которому я передалъ всѣ эти пренія, не былъ подобно мнѣ убѣжденъ въ послѣднемъ пред- положеніи, и спросилъ меня, усмѣхаясь:

— А что же эти господа ученые, которые утверждаютъ, что возлѣ Волги стоялъ другой городъ, не высмотрѣли ли это въ зрительныя трубы?

— Не знаю, можетъ—быть и въ трубы. А что?

— Да такъ; я бы тогда сказалъ про нихъ пословицу, что глаза по ложкѣ, а не видятъ ни крошки, отвѣчалъ онъ съ смѣхомъ. Да вотъ, вскричалъ вдругъ Егоръ Федосѣичъ, послѣ небольшой паузы, благо мы подвѣзжаемъ и къ Болгарамъ; будьте вы сами судьей. Ну взгляните, что вы видите?

Дѣйствительно, мы уже приближались къ селу Болгарамъ, чего я прежде не замѣтилъ, занятый разговоромъ съ моимъ спутникомъ.

Передъ нами высилась довольно крутая гора, наверху которой, по всему протяженію темнѣли крестьянскіе домики. Подъ горою растягивалось болото, покрытое мѣстами мелкимъ кустарникомъ. Вдали за болотомъ высились непрерывною цѣпью горы, ограничивая собою горизонтъ. Блестящій мѣсяцъ, ясно вырѣзавшись изъ тонкихъ облаковъ, кидалъ лучи своего свѣту во всѣ стороны, черезъ прозрачный воздухъ разрѣженный дождемъ, съ такою щедростью, что наши взоры могли далеко оглядывать окрестность.

— Ну, скажите, Христа—ради, вскричалъ Егоръ Федосѣичъ, съ жаромъ обращаясь ко мнѣ и энергически сдѣлавъ полукругъ рукою, съ чего же господа ученые вздумали сомнѣваться въ томъ, что Болгары никогда не стояли на Волгѣ, когда вотъ передъ вашими глазами свидѣтельство? Посмотрите на эту гору, гдѣ находятся развалины и на дальняя горы, по ту сторону болота. Не ясно ли, что они были берегами Волги, которая текла по мѣсту, гдѣ теперь это болото, а слѣдовательно возлѣ самыхъ Болгаръ. Вы, чай, видѣли, пробѣгая изъ Япанчина, вправо отъ дороги, ложе старой Камы, измѣнившей нѣкогда свое теченіе? Ну, не правда ли, что эта мѣстность очень сходна съ тою. Да и что мудредаго, что татарскіе писаки, о которыхъ вы говорили, правы, и что Кама, впадающая въ Волгу, въ одно время съ нею переимѣнила теченіе, потому что, до Волги отсюда въ прямую линію всего верстъ осемь, что увидите вы завтрашній день, если взберетесь наверхъ какой—нибудь развалины. Да и вотъ что еще возьмите въ соображеніе: говорятъ, что эти Болгары были когда—то знаменитымъ городомъ, жители котораго

вали торговлю съ разными отдаленными странами; ну вотъ вы мнѣ теперь и скажите, что же заставило бы этотъ знаменитый народъ строить свою столицу въ девяти верстахъ отъ Волги и добывать воду изъ колодезь, какъ нынче; и не вѣрнѣ ли предположить, что эта рѣка у нихъ, какъ говорится, была подъ самымъ носомъ, то-есть, вотъ между этими берегами? Пожалуй, вы меня будете увѣрять, батюшка, съ другими учеными, что это остались на горѣ развалины новаго города, а старый-де, стоявшій возлѣ самой Волги, уничтожился отъ времени и она, матушка, изводитъ здравствовать на прежнемъ мѣстѣ. Ну-съ, такъ посмотрѣлъ бы я, какъ этотъ старый-то городъ былъ выстроенъ на болотѣ, которое идетъ отъ развалинъ вплоть до рѣки и въ другихъ мѣстахъ такъ глубоко, что попалъ, — такъ и поминай какъ звали! Хе, хе, хе! полноте, батюшка, прибавилъ Егоръ Федосѣичъ, очень серьезно: ясно, какъ дважды-два четыре, что эти развалины находятся на крутомъ берегу бывшей Волги и составляютъ остатки *единственнаго*, существовавшаго тутъ города, точно такъ же какъ ясно и то, что вашъ городъ, построенный на топкомъ болотѣ, могъ возникнуть только въ туманномъ воображеніи вашихъ ученыхъ! Наконецъ, ничего нѣтъ вѣроятнѣе, что Волга на девять верстъ отдѣлилась отъ города и оставила, въ воспоминаніе о себѣ, вотъ это болото. За симъ прошу у васъ извиненія, что я, какъ говорятъ охотники, очень *возрился* на ученыхъ, потому что, батюшка, по моему лучше судить такъ, какъ кажется на глаза, нежели отвергать очевидность и выдумывать такіе мудрости, чтобы умъ заходилъ за разумъ.

И онъ снова началъ усердно смѣяться.

— Bravo! Егоръ Федосѣичъ, вскричалъ я, выходя изъ экипажа; исполать вамъ! Да ваши доказательства яснѣе этого мѣсяца, который смотритъ на насъ сверху такими пронизательными глазами. Теперь, пока коляска будетъ подниматься по горѣ, мы пойдемъ пѣшкомъ, чтобы вамъ не совершить снова паденія, какъ передъ лицомъ великаго Гумбольта; а между-тѣмъ позвольте выпить чарку водки, сколько за ваше здоровье, столько и во уваженіе того, что съ вашей прежней Волги, то-есть, съ настоящаго болота несетъ препоря-

дочною сыростью. — Эй, Анисимъ, фляжку! Не прикажете ли, Егоръ Федосеичъ?

Я видѣлъ, что это понутру моему товарищу. Дѣйстви-тельно, онъ былъ полонъ удовольствія.

— Вотъ, что благо, то благо, батюшка! вскричалъ Егоръ Федосѣичъ, потирая руки. Кстати теперь пропустить красоулю, чтобы червяка заморить. Правду говорятъ, что дорога борозда къ загону. Э, да какая у васъ знатная фляга-то, вскричалъ Егоръ Федосѣичъ, взявъ изъ рукъ Анисима дорожную фляжку съ водкой и отвинчивая сверху серебряный стаканъ. Ну, изъ такой посуды не грѣхъ заложить хороший фундаментъ въ желудкъ!

При этихъ словахъ онъ нацѣдилъ въ стаканъ водки и разомъ выпилъ ее.

Это, на языкѣ Егора Федосѣича, значило заложить фунда-ментъ.

Въ это время, мы взобрались уже на гору; я увидѣлъ какое-то строеніе, возвышавшееся надъ прочими, которое однако же, за отдаленіемъ, трудно было рассмотреть въ подроб-ности. Я полагалъ, что это былъ минаретъ, носящій назва-ніе „Болгарскаго или Большаго столба“, тотъ самый, кото-рый мнѣ совѣтовалъ осмотрѣть другъ мой Д** и существова-ніе котораго было отвергнуто япончинскимъ Татарникомъ. Я вспомнилъ разговоръ свой въ Япончинѣ и не понималъ, что за фантазія пришла старику меня обманывать.

— Вѣдь это Большой столбъ? Спросилъ я Егора Федо-сѣича, показывая на высившееся зданіе.

— Это колокольня, отвѣчалъ Егоръ Федосѣичъ, улыбаясь; а Большаго столба здѣсь теперь нѣтъ.

При этихъ словахъ, я едва не вскрикнулъ отъ изумленія. Господи, Боже мой! Да что же это значить! Нѣсколько ми-нуть я молчалъ, стараясь объяснить себѣ такую поразитель-ную противоположность между рассказами моего друга и полученными здѣсь свѣдѣніями. Я припомнилъ, что читалъ даже описаніе этого столба у Паласа и Лепехина.

Между-тѣмъ Егоръ Федосѣичъ, смотря на меня, посмѣи-вался втихомолку. Наконецъ я обратился къ нему за объ-ясненіемъ.

Разгадка была очень проста; три года тому назадъ, столбъ упалъ и разсыпался до основанія. Егоръ Федосѣичъ сообщилъ мнѣ при этомъ, что причиною его паденія была, по всей вѣроятности, непрочность фундамента, который въ разные времена подрывали тайно крестьяне села Болгарь, отыскивая подъ столбомъ какой-то кладъ, о существованіи котораго и до настоящаго времени находится между ними преданіе.

И такъ Большаго болгарскаго столба не существуетъ! Вотъ новость, которая, кажется, не всякому извѣстна и о которой я могу сообщить во всеуслышаніе.

Мы остановились въ новомъ чистомъ домикѣ какого-то крестьянина, знаконца Егора Федосѣича, гдѣ онъ постоянно останавливался, и хотя былъ уже второй часъ ночи, однако я велѣлъ своему Анисиму, которой былъ моимъ дорожнымъ поваромъ, заняться изготовленіемъ намъ ужина. Мой походный ветръ-дотель тотчасъ же принялся за дѣло, переполошивъ весь домъ, чтобы достать разныхъ съѣдобныхъ принадлежностей для своего незатѣйливаго производства. Послѣ порядочнаго антракта, ужинъ былъ готовъ и мой Анисимъ торжественно явился съ кастрюлею съ супомъ. Егоръ Федосѣичъ, при такомъ удобномъ случаѣ, почелъ за нужное заложить новый фундаментъ, вѣроятно найдя, что прежній былъ не довольно проченъ.

Порядочно проголодавшись какъ отъ дороги, такъ и отъ сѣваго ночнаго воздуха, я съ наслажденіемъ принялся за супъ и —увы! не смотря на громкій вопль желудка, долженъ былъ оставить его послѣ первой ложки. Оказалось, что въ супъ положена была моимъ искуснымъ стряпателемъ курица такихъ почтенныхъ лѣтъ, что если бы мой Анисимъ не увѣрялъ, что она передъ путешествіемъ въ кастрюлю была жива, то я готовъ бы былъ держать пари, что курица эта сохранилась отъ болгарскаго народа вмѣстѣ съ развалинами ихъ столицы. Разумѣется отъ мяса такой старушки нельзя было ожидать ничего полезнаго, какъ это и оказалось на опытъ: супу, не приправленнаго ничемъ кромѣ соли, рѣшительно нельзя было взять въ ротъ ни одной ложки и я, съ сокрушеннымъ сердцемъ долженъ былъ приняться за холод-

ныя яства, сохранившіеся еще въ коляскѣ отъ прежнихъ на нихъ нашествій. Мой Егоръ Федосѣичъ, однако же, не унывалъ: онъ преспокойно и неторопливо окончилъ весь супъ, приюстился къ моему дичинному сыру и чесночной колбасѣ, и прекративъ ихъ существованіе съ равнымъ успѣхомъ, велѣлъ еще приготовить для себя десятокъ яицъ на скорую руку. Ударъ по брюху и междоушье ухъ! произнесенное съ наслажденіемъ, послѣ уничтоженія заказаннаго имъ десерта дали мнѣ знать, что онъ наконецъ наполнилъ свой желудокъ и слѣдовательно доволенъ своимъ состояніемъ.

Я принялся было за книгу, но не успѣлъ прочесть страницы, какъ пронзительный храпъ съ какимъ-то жалостнымъ визгомъ, понесшійся плавною гаммою, изъ органа обонянія Егора Федосѣича, напомнилъ мнѣ, что завтра надобно отправляться по ранше осматривать развалины и что, слѣдовательно, до утра, не лишне не много соснуть. Я погасилъ свѣчу.

ПАВЕЛЪ ЮРТУЛЬСКІЙ.

=

ЖЕНЩИНА ВЪ ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ.

=

I.

Долго ждали весны петербургскіе жители въ 183* году! За то, какъ-будто желая вознаградить ихъ за долгое терпѣніе, въ одно утро, она спорхнула къ нимъ безъ обыкновенныхъ переходовъ, во всей чарующей прелести мимолетной весны полярныхъ странъ и привела за собою цѣлый рядъ безоблачныхъ, теплыхъ дней, — рѣдкое явленіе подъ петербургскимъ небомъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней, Невскій проспектъ, эта единственная въ мірѣ улица, представлялъ зрѣлище весьма пріятное и одушевленное, болѣе обыкновеннаго. Экипажи мелькали по гладкой торцевой мостовой, останавливались передъ магазинами, отъѣзжали, обгоняли одинъ другаго. Ярко свѣтило солнце, осыпая золотыми искрами щегольскіе наряды дамъ, разноцвѣтныя ткани, драпированныя въ окнахъ, тысячу предметовъ роскоши, тысячу блестящихъ бездѣлицъ, выставленныхъ на соблазнъ проходящимъ, смѣтливою промышленностью иностранцевъ. Перья, цвѣты и бусы, бронза и хрусталь, рисунки и уборы, оружіе проходящихъ гвардейскихъ взводовъ, все, въ блескѣ непривычныхъ лучей, казалось какъ-то новѣе и привлекательнѣе, все сіяло, невольно манило и очаровывало зрѣніе. — Какъ волны, стремились взадъ и впередъ пестрыя группы гуляющихъ, мѣняясь взглядами, поклонами и привѣтствіями, если встрѣчи происходили между знакомыми. — Передъ магазиномъ **М-me В****, тол-

па совершенно стѣснилась. Съ лятаго чугунаго крыльца, сошли двѣ дамы. Одна, — женщина пожилыхъ лѣтъ, простой и добродушной физиономіи, другая, въ полномъ цвѣтѣ жизни и красоты, достигнувшей крайней точки своего развитія. Въ ней все привлекало вниманіе: изящный нарядъ и величавый ростъ, и темныя ленты волосъ на аристократически-блѣдномъ челѣ. Но всего болѣе нравилось въ ней выраженіе спокойнаго счастья, которое придавало какую-то особенную прелесть ея правильному и нѣсколько гордому облику. Онѣ медленно подходили къ стоявшей за тротуаромъ коляскѣ, какъ-вдругъ глаза молодой женщины, разсѣянно пробѣгавшіе толпу, встрѣтились съ глазами мужчины, который уже съ минуту преслѣдовалъ ее своимъ взоромъ. Легкая краска пробѣжала по ея лицу. Молодой человѣкъ, — левъ по костюму и манерамъ, — казалось, только и ждалъ этого взгляда. Онъ отвѣчалъ на него глубокимъ поклономъ и въ этомъ поклонѣ исчезающее недоумѣніе казалось спорило съ удивленіемъ и радостью.

Дама скоро оправилась отъ минутнаго движенія и первая привѣтствовала своего знакомца:

— Антоній Николаевичъ!... Вы здѣсь?... А мнѣ сказывали, «что вы странствуете далеко»?

— Я только вчера пріѣхалъ. Но вы, Зенеида Александровна, давно ли вы наши? на долго ли? Не спрашиваю о здоровья.... Вы такъ....

— Полноте, пожалуйста. Старымъ знакомымъ стыдно говорить другъ-другу комплименты. Пріѣзжайте-ка къ намъ безъ церемоній, какъ бывало, въ Карлсбадѣ. Мы поговоримъ о прошломъ, о *то.из*, кто помнилъ васъ и на смертной постели, прибавила она со вздохомъ и прекрасные глаза ея увлажнились слезою.

— Могу ли имѣть честь сегодня....

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Вы знаете, намъ должно еще говорить о дѣлѣ. Я живу на **, противъ **. — До свиданія.

Во время этого быстраго размѣна словъ, молодая женщина, движеніемъ исполненнымъ граціи и достоинства, взошла въ коляску, гдѣ уже сидѣла ея спутница. Красивыя сѣрыя лошади тронулись. Задержанные этимъ небольшимъ препятствіемъ, волны зрителей потекли своимъ путемъ, но левъ все еще стоялъ на одномъ мѣстѣ и глядѣлъ за коляскою, пока не скрылось страусовое перо, падавшее со шляп-

ки на плечо красавицы. — Она! прошептала онъ наконецъ, медленно удаляясь. На силу-то мнѣ удалось съ нею встрѣтиться!... Вотъ счастливый день! Право, она еще похорошѣла! Она свободна и.... богата!... Богата!...

Оставимъ его на этомъ словѣ, съ цѣлымъ роємъ возникшихъ изъ него мыслей и желаній безконечными вариациями одной вѣчно-чудесной темы. — Наслаждение! Комфортъ! не это ли девизъ вѣка? И все чуждое этому мощному двигателю рукъ и умовъ и все, что находится подъ солнцемъ, не кажется ли, въ глазахъ положительныхъ дѣтей его, жалкой химерой, блѣднѣющей передъ существенностію, полною жизни и приманокъ.

Съ своей стороны, дамы не оставались въ молчаніи....

— Съ кѣмъ это ты остановилась, Зенеида Александровна?

— Старый знакомый, тетушка. Вы знаете, Антонъ Николаевичъ Темницкій. Онъ *вашъ* — московскій: хоть и называетъ *своими* петербургскихъ, примолвила она улыбаясь.

— Еще бы не знать! Съ матерью-то его, — царство ей небесное! (она была тогда еще въ дѣвкахъ) мы частехонько видались. А Марья-то Матвѣевна! Помнишь, что пріѣзжала о праздникахъ; она ему двоюродная.... Правда, не много проку въ этой роденькѣ. Вотъ твой генераль покойникъ — другое дѣло. А что, мать моя, правда ли, что онъ отказалъ ему по духовной....

— Правда, тетушка. Затѣмъ-то я его и пригласила. Хочется поскорѣе кончить.

— Ну ужъ, по мнѣ, это лишнее. Довольно того, что онъ и при жизни не оставлялъ его своею милостью. Что онъ ему? Да и на долгъ ли такому франту. Вишь онъ какъ....

Тутъ голосъ пожилой спутницы Зенеиды Александровны былъ заглушенъ громомъ экипажа по каменной мостовой, на которую они выѣхали, при поворотѣ въ **. Еще нѣсколько минутъ и коляска остановилась у лакированного подъѣзда четырехъ-этажнаго дома. Черезъ полчаса, молодая женщина вышла на балконъ бельэтажа, наклонилась надъ двѣтами, которыми онъ былъ уставленъ и весело окинула глазами шумную улицу. Какое-то особенное одушевление проглядывало на лицѣ ея и во всѣхъ движеніяхъ. Какъ-будто отъ счастливаго расположенія духа всѣ предметы казались ей въ привлекательномъ видѣ. Быть-можетъ, то было и любопытство. Зенеидѣ Александровнѣ, тридцати-

лѣтней вдовѣ генерала Столина, едва была знакома наша сѣверная Цальмира. Года четыре тому назадъ, передъ отъѣздомъ въ чужіе края, она провела въ ней нѣсколько мѣсяцевъ, но постоянная болѣзнь мужа заключала молодую женщину въ тѣсной сферѣ домашняго круга и отгоняла всякую мысль, чуждую предмету ея заботъ и попеченій.

Уставъ смотрѣть безотчетно на пеструю панораму улицы, Зенеида Александровна опустила на мягкую подушку гамбсовскихъ креселъ и подперши голову рукою, унеслась далеко, далеко, въ неопредѣленной, но пріятной мечтѣ. —

Возможно ли! скажете вы, женщина въ тридцать лѣтъ и мечтаетъ, — мечтаетъ, какъ молоденькая дѣвушка? А почему жъ и нѣтъ? На душѣ этой женщины было такъ ясно, какъ на душѣ младенца. Она весело, со всею довѣрчивостью прекраснаго сердца смотрѣла на жизнь и людей. Пробѣгая въ памяти прошедшее, она не находила въ немъ ни одного мучительнаго воспоминанія, ни одного мгновенія, которое бы заставило лицо ея зардѣться краскою стыда, сердце болѣзненно сжаться раскаяніемъ, или грудь тяжело вздохнуть подъ бременемъ неизгладимаго заблужденія. Самыя утраты милыхъ отзывались въ душѣ ея, полной упованія, не воплемъ отчаянія, но тихою скорбію, въ надеждѣ свиданія тамъ «гдѣ нѣтъ ни разлуки, ни болѣзни, ни воздыханія».

И вотъ, мало-по-малу, вся жизнь ея, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, возникла и разлилась передъ нею въ стройныхъ, яркихъ картинахъ, съ ощущеніями, столь свѣжими, какъ-будто все это только что вчера совершилось.

Послѣдуемъ за мечтательницею, дополняя разговоромъ то, что могло бы показаться неяснымъ въ несвязныхъ очеркахъ, рисуемыхъ воспоминаніемъ въ волшебномъ фонарѣ давно минувшаго.

Зенеида Б**, дочь небогатыхъ московскихъ дворянъ, на седьмомъ году лишилась отца, и жила съ матерью въ ветхомъ домикѣ Замоскворѣчья, у ***. Тутъ же, съ давнихъ поръ, поселились ея родные, съ материнской стороны, три тетушки, съ полдюжины двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, — по други и товарищи ея дѣтства.

Зенеида ходила въ пансіонъ къ знакомой мадамѣ, и, возвращаясь домой обѣдать и ночевать, помогала матери въ хозяйствѣ. Она сдѣлала порядочные успѣхи въ наукахъ и рукодѣльяхъ, такъ, что на семнадцатомъ году, могла кое-что работать на продажу и давать уроки двумъ дѣвочкамъ

изъ сосѣднихъ кумуческихъ семействъ. Не замѣтно, ей минуло двадцать лѣтъ. Мать начинала уже думать, что ей долже отказаться отъ надежды пристроить свою любимицу. При этой мысли слезы, украдкою отъ дочери, падали на работу старушки. Потомъ она утѣшалась, повторяя про себя, съ теплымъ чувствомъ упованія: «Богъ не безъ милости. Не хочу гнѣвить Отца небеснаго сомнѣиємъ». И, по мѣрѣ ея, ей исполнилось.

Одну изъ подругъ Зенеиды сговорили за пріѣзжаго изъ Петербурга чиновника. Покровитель жениха случился, на ту пору, въ Москвѣ, и согласился быть посаженнымъ отцемъ. Кто бы могъ водумать, что этотъ ничтожный случай будетъ имѣть вліяніе на судьбу Зенеиды? По-крайней-мѣрѣ, она не-сколько о томъ не мечтала, когда, съ простодушною радостію готовила себѣ нарядъ; — увы! — стоявшій ей столько хлопотъ и трудовъ, а матери ея пожертвованія почти всей небольшой суммы, которую она откладывала на всякій случай. Но видно, такъ было угодно Богу. Изъ всѣхъ дѣвушекъ за вечеринкѣ, генералъ Столинъ обратилъ вниманіе именно на ту, которая была всѣхъ бѣдѣе. Ему понравилось ея свѣжее, шлое личико, черные блестящіе глазки, ея искренняя веселость и въ особенности, почтительная и довѣрчивая нѣжность, которая выказывалась въ ея обращеніи съ матерью. Такъ, по-крайней мѣрѣ, онъ самъ послѣ ей рассказывалъ. Черезъ пять мѣсяцевъ, къ удивленію знакомыхъ и невыразимой радости матери, Зенеида Б. называлась генеральшею Столиною. Генералу было лѣтъ полъ шестьдесятъ. Около тридцати про-велъ онъ на службѣ и въ походахъ, и вскорѣ послѣ женить-бы, вышелъ въ отставку. Зенеида сдѣлалась его неразлуч-ною спутницею въ уединеніи, въ прогулкахъ и въ занятіяхъ. Молодая женщина безъ ропота и возраженій подчинилась образу жизни, избранному ея мужемъ. Она ѣздила туда только, куда онъ могъ ее провожать; принимала тѣхъ, кто былъ ему пріятенъ. Доктора предписали ему ѣхать на воды. Зенеида радовалась отъ души этому путешествію, но не забывала своихъ поступковъ, хоть четыре года нѣжныхъ ласкоченій пріобрѣли ей неограниченную довѣренность мужа. Посѣтителю Карлсбада въ 183. году, съ участіемъ и ува-женіемъ, смотрѣли на молодую, прекрасную женщину, ко-торая вездѣ, на водахъ и на прогулкахъ, за обѣдомъ въ сак-сенской залѣ и за чайнымъ столкомъ въ липовой аллеѣ, являлась ангеломъ-хранителемъ возлѣ большого старого мужа.

Ея образъ, столь свѣтлый и кроткій, казалось, осуществлялъ идеалъ смиреннаго достоинства и возвышенной прелести, которыхъ соединеніе составляетъ вѣнецъ женщины. Обращеніе ея, ласковое съ дамами, вѣжливое и простое со всѣми, тотчасъ смѣнялось холодностію съ тѣми изъ мужчинъ, которые, считали ея поведеніе лицемѣріемъ и осмѣливались выходить изъ предѣловъ почтительной вѣжливости. Иные задавали себѣ вопросъ: возможно ли, чтобы женщина молодая, прекрасная, охотно стала покорять свои желанія прихотямъ стараго мужа и добровольно, безропотно, отказалась отъ наслажденій, которыя одни только даютъ цѣну молодости и богатству? Чтобы, при первомъ сопротивленіи своей волѣ, она не заставила дѣлать по своему? И встрѣтивъ въ мужѣ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые женщины обыкновенно называютъ «тиранами», «деспотами», чтобы не употребила хитрости, или обмана для удовлетворенія прихотей, порождаемыхъ раздражительнымъ женскимъ воображеніемъ среди нѣги и праздности?

Отвѣтъ на такіе вопросы можно было найти въ воспитаніи, данномъ Зенеидѣ простою, набожною матерью, въ понятіи о дѣйствительности и святости долга, усвоенномъ ею съ ранняго дѣтства. Съ душею ея сроднилось твердое убѣжденіе, что исполненіе долга есть первое условіе земнаго счастья и залогъ грядущихъ упованій; что грѣхъ не простой звукъ, но ужасное пятно, язва для души, которую онъ заражаетъ, вѣчный врагъ ея спокойствія. Въ этомъ вся загадка.

Мать Зенеиды, женщина стараго вѣка, не умѣла умствовать. Для нея, благодарность была обязанностію, а обязанность словомъ могущественнымъ, которое не терпитъ ни объясненій, ни переговоровъ. Отдавая Зенеиду за не-ровню, она не скрыла трудности подвига отъ юной женщины и сама растолковала ей необходимость борьбы и всегдашней осторожности. Она говорила, отпуская ее въ Петербургъ:

«Если до меня дойдетъ худое слово о твоёмъ поведеніи — я не переживу дочернаго безславія. Но еслижъ ты научишься прикрывать грѣхъ обманомъ, — я можетъ-быть и не узнаю этого; тѣмъ хуже для тебя. Хоть ты и укроешься отъ суда людскаго, но, помни, что нигдѣ не уйдешь отъ суда Божія. И не будетъ на грѣшницѣ моего благословенія!..» Строгая рѣчь старушки, всегда кроткой и снисходительной, ея торжественный видъ и крупныя слезы, которыя катились по щекамъ ея, — сдѣлали сильное впечатлѣніе на Зе-

венду. Эта минута навсегда врѣзалась въ ея памяти. При всякомъ дурномъ помыслѣ, при малѣйшемъ поползновеніи, ей становилось страшно. Она прибѣгала къ молитвѣ, перечитывала простыя, трогательныя письма матери, ограждала себя тройною броней наружной холодности, удваивала вниманіе къ мужу. Съ нѣжнымъ, любящимъ сердцемъ женщины, Зененда соединяла твердость характера, силу воли. Изъ среды волненій и бурь, возникали чистые, свѣтлые образы ея дѣтства. Супругъ составилъ счастье ея родныхъ, обезпечилъ, успокоилъ мать; эта мысль была твердынею, о которую сокрушались волны ея помысловъ и желаній. Одинъ разъ только... Это было въ Карлсбадѣ. Въ числѣ посѣтителей, постоянно навѣщавшихъ генерала, находился сынъ его стараго сослуживца, того самаго, который (онъ часто объ этомъ рассказывалъ), спасъ ему жизнь въ какомъ-то сраженіи. Антонъ Николаевичъ Темницкій.... но, описывать его не стоитъ труда. Онъ былъ, какъ всѣ молодые люди нашего вѣка, сходные съ нимъ положеніемъ и воспитаніемъ. Впрочемъ, всѣ находили, что онъ имѣлъ пріятную, привлекательную наружность; а тѣ, которые знали его короче, считали въ числѣ его недостатковъ, или качествъ, какъ хотите—горячую голову, холодное сердце, умъ вкрадчивый и гибкій языкъ. Важность свою въ нашемъ разсказѣ, а слѣдовательно и въ судьбѣ Зененды, онъ заимствуетъ не отъ силы страстей, не отъ особенныхъ какихъ-нибудь достоинствъ или пороковъ, а просто, какъ это бываетъ съ большею частію людей, отъ стеченія обстоятельствъ, оттого, что въ этой цѣпи интересовъ и событій ей угодно было помѣстить его главнымъ звеномъ, слѣпымъ орудіемъ ея непреклонной и неизбѣжной воли. Онъ только-что лишился отца и получилъ въ наслѣдство имѣніе, разстроенное и обремененное долгами. Такимъ образомъ, онъ увидѣлъ себя въ состояніи, близкомъ къ бѣдности, въ тѣ годы, когда молодой человѣкъ, сокрушивъ прекраснѣйшія обаянія первой юности, начинаетъ плѣняться могуществомъ золота и постигать всю его цѣну въ жизни. Это сознание своего положенія и ожиданіе будущаго, столь несообразнаго съ желаніями и привычками, сильно на него подѣйствовали и нерѣдко вызывали на лицо его выраженіе тревожнаго и мрачнаго раздумья. Осуждая неблагоразуміе покойнаго товарища, генералъ громко выражалъ свое сожалѣніе о сынѣ и при всякомъ случаѣ помогалъ ему словомъ и дѣломъ.

И такъ, первое чувство, которое испытала жена его при знакомствѣ съ Антономъ Николаевичемъ, было чувство сожалѣнія и участія, которое, наконецъ, обратилось въ привычку, когда онъ, по просьбѣ генерала, сталъ посѣщать ихъ почти ежедневно. Да, она даже меньше остерегалась съ нимъ, чѣмъ съ другими мужчинами. Онъ былъ моложе ея, и по слухамъ, страстно влюбленъ въ прекрасную дѣвушку, которая съ семействомъ своимъ находилась также въ Карлсбадѣ. Чтò касается до Антона Николаевича, то онъ въ минуты, свободныя отъ положительныхъ расчетовъ и соображеній, напрасно старался разгадать истинный характеръ женщины, которой дѣла, наружность, положеніе и общій голосъ придавали особенную занимательность. Сначала, онъ смотрѣлъ на нее, какъ на жертву бѣдности и эгоизма родныхъ. Онъ слѣдилъ за нею, съ ежеминутнымъ ожиданіемъ какой-нибудь вспышки страсти, кокетства, на призывъ ропота или неудовольствія. Но, мало-по-малу, въ немъ возникало невольное уваженіе къ ея характеру, всегда кроткому и ровному, къ ея безукоризненному поведенію. Потомъ, было ли то простое любопытство, или особенное влеченіе—только ему захотѣлось сблизиться съ нею еще болѣе, глубже проникнуть въ ея сердце. Не разъ, послѣ длинныхъ разсужденій съ генераломъ о походахъ, о тактикѣ, о сельскомъ хозяйствѣ, о политикѣ, Антонъ Николаевичъ заводилъ разговоръ болѣе занимательный съ молодою женщиною. Но напрасно вызывалъ онъ ее къ доверчивости, напрасно старался тронуть ее, завлечь, пробудить въ ней сочувствіе, заставить ее врасплохъ и похитить тайну ея сердца. Она всегда держала себя въ отдаленіи и съ постояннымъ успѣхомъ отражала всякое покусеніе проникнуть въ ея душу. Наконецъ, неудачныя попытки оживить эту новую Галатею наскучили ему. Онъ отчаялся разрушить очарованное кольцо, которое, какъ-будто окружало эту женщину. Чтобы утѣшить свое оскорбленное самолюбіе, онъ рѣшилъ, что подъ прекрасною ея оболочкою нѣтъ сердца, и продолжалъ посѣщать генерала, хотя уже и не съ прежнимъ усердіемъ, безъ всякихъ видовъ на дружбу или любовь жены его. Наконецъ, онъ привыкъ видѣть ее за работою, съ опущенными рѣсницами на пальцы, безмолвною и, повидимому, безучастною свидѣтельницею ихъ бесѣдъ, или за картами, съ лицомъ вѣчно яснымъ и спокойнымъ.

Огорчилась ли Зенaida этой переменою? Увлеклась ли, хотъ на минуту, сладостною и такъ легко исполнимою, въ

гдѣхъ женщины надеждою, внушить чувство преданное, честое, безкорыстное и прочее и прочее?

Между-тѣмъ, мужъ ея чувствовалъ облегченіе. Они начали прогуливаться и не уставали любоваться окрестностями Карлсбада. Какъ хорошъ онъ, этотъ городокъ, среди горъ, эта корзинка цвѣтовъ, улей пчелъ, заключенный природою въ гранитной оградѣ! Разъ, какъ-то, они отправились на Трехъ-крестовую гору. Генераль и одинъ изъ друзей его ѣхали въ телѣжкахъ, запряженныхъ ослами. Антошъ Николаевичъ и Зенеида шли позади, любуясь чуднымъ инстинктомъ послушныхъ животныхъ, которыя, осторожно и медленно ступали по крутой и не широкой дорожкѣ, огибающей гору. Еще подальше два человѣка везли маленькую телѣжку съ запасомъ для чаю и подника. Миновавъ половину восхода, генераль изъявилъ желаніе отдохнуть. Отказываюсь отъ приступа, сказалъ онъ. Егоръ, Трофимъ, раскиньте палатку. Мы здѣсь присядемъ, закусимъ, выкуримъ по сигаркѣ. А чтобы знакомые не корили насъ лѣнью, Зенеида взберется на гору съ Антономъ Николаевичемъ. Такъ мы и не солжемъ, коли скажемъ, что были на самой вершинѣ. Ты, я, — не все ли это равно?

Зенеида отговаривалась; генераль, смѣясь, настаивалъ. Напились чаю. Зенеида упредила Антона Николаевича, но достигнувъ верхней площадки, утомленная крутымъ восходомъ, скользкимъ отъ сухихъ сосновыхъ иголъ, сѣла у подошвы крестовъ, осѣняющихъ городъ съ высоты Dreikreuzenberg. Щеки ея, всегда немного блѣдныя, зардѣлись яркимъ румянцемъ. На мѣсто шляпки, забытой въ палаткѣ, пунцовый газовый шарфъ, который она, въ торопяхъ, набросила на голову, окружалъ ея лицо и темныя кудри, какъ бы огненнымъ вѣнкомъ. На ту пору, на горѣ, не случилось гуляющихъ. Вечеръ былъ прелестный. Изъ саду, расположеннаго на другомъ отдѣлѣ горъ, нѣсколько пониже, долетали разтѣживающіе звуки Оберовой аріи изъ «Балдерки»; арія, переданной намъ творцомъ русскихъ libretti слѣдующими словами :

Все въ жизни повторяеть:

Нѣтъ счастья безъ любви!

И въ эту минуту, казалось, вся природа вторила голосу сирены, и шумъ потока, блиставшаго въ глубинѣ ущелья

серебристыми клубами пѣны и теплый, животворный воздухъ и чистое небо, на краю котораго, надъ далекими горами, клубились легкія, полу-прозрачныя облака. Зененда въ молчаніи смотрѣла на эту картину. Странныя мгновенія бывають въ жизни человѣка! Болѣзненная раздражительность овладѣваетъ душою, сердце слабѣетъ и разнѣживается, дыханіе тѣснится въ груди. Никогда живѣе не чувствуешь одиночества, никогда пламеннѣе не желаешь обнять отсутствующаго друга и съ горячими слезами упасть на грудь его. Руки протягиваются въ пространство къ существу незримому и часто незнакому; взоръ ищетъ встрѣтить другой, полный участія къ судьбѣ нашей, угадывающій сокровеннѣйшія тайны сердца въ самыхъ отдаленныхъ его изгибахъ. Въ эти-то минуты, первая жепщина, съ которою сближаетъ насъ судьба, становится для насъ другомъ, первый мужчина съ наружностью, не совсѣмъ непріятною, съ рѣчью искусною и вкрадчивою, можетъ овладѣть воображеніемъ. Зененда съ утра находилась въ такомъ расположеніи. Душа ея такъ была настроена, всѣ фибры ея такъ натянуты, что, казалось, малѣйшаго сотрясенія, сообщеннаго ей какимъ-нибудь ничтожнымъ обстоятельствомъ, достаточно было, чтобы разрушить ея равновѣсіе и уничтожить власть, которую она, по-наружности, еще сохраняла надъ собою. Испуганная непонятнымъ ей волненіемъ, еще болѣе встревоженная молчаніемъ своего спутника, она едва смѣла поднять глаза, чувствуя на себѣ испытующій, глубокій взоръ. Въ-самомъ-дѣлѣ, Антонъ Николаевичъ уже нѣсколько минутъ разсматривалъ ее со вниманіемъ и удивленіемъ. Какъ оживотворено было прекрасное лицо ея. Изъ глазъ сіялъ по временамъ долгій, пронзительный лучъ. — Неужели я обманулся? подумалъ онъ. И рѣшился еще разъ закинуть сѣти, подвергнуть ее послѣдному испытанію. Но какъ обратиться къ ея чувству? Это значитъ пробудить ея осторожность. Когда же ловець пугаетъ неискуснымъ движеніемъ птичку, которую хочетъ сдѣлать своею жертвою? Нѣтъ, должно дѣйствовать искуснѣе. Теперь онъ падаетъ на нее со всѣхъ сторонъ; онъ заговоритъ ея тщеславію, этой слабой струнѣ женщины. Онъ возбудитъ въ ней зависть, ревность, недовольство мужемъ, недовольство своею судьбою, всѣ темныя страсти человѣческаго сердца, — нужды нѣтъ! онъ, пожалуй, возмутитъ ея душу и жизнь, и возмутитъ на вѣки, не будучи въ состояніи ничѣмъ возна-

градить ее за разрушенное спокойствіе, лишь бы только самолюбіе его было удовлетворено; лишь бы только не говорить себѣ съ досадою и съ горькимъ чувствомъ униженія: «Вотъ женщина, на которую я такъ, для развлеченія, для забавы, задумалъ произвести впечатлѣніе и.... не успѣлъ».... Конечно, онъ не сознается въ душѣ своей, что эта женщина, которую онъ собирался сдѣлать предметомъ наблюденій надъ женскимъ сердцемъ, подруга его благодѣтеля; что такой поступокъ можно бы назвать недостойнымъ, низкимъ.

Между-гѣмъ, Зененда Александровна, чтобы отвлечь отъ себя вниманіе своего спутника, встала и принялась его расспрашивать о различныхъ точкахъ панорамы, которая рисовалась передъ ними. То указывала она ему на рѣку, которая, въ сіяньи послѣднихъ солнечныхъ лучей, блестѣла какъ серебряная лента, прихотливо раскинутая по долинѣ; то, подойдя къ самой закрапнѣ горы и опустивъ глаза къ ея подножію, отыскивала въ единственной улицѣ города тотъ домъ, гдѣ они помѣщались. Но все какъ-то не ладилось. Не смотря на всѣ ея усилія придать своему голосу разнѣренную и спокойную твердость, которою онъ отличался, она чувствовала, какъ звуки дрожали и замирали, выходя изъ устъ ея. Напрасно, по прежнему, хотѣла она смотрѣть прямо въ лицо своему спутнику, какъ человѣкъ, увѣренный въ невозмутимой ясности своей души, глаза ея невольно опускались, какъ-будто совѣсть въ чемъ-то укоряла ее. Полная досады на самое себя, желая во что бы то ни стало, прекратить это несносное положеніе, она быстро удалилась отъ края площадки, но въ ту же минуту одумалась и начала сходить съ горы своимъ обыкновеннымъ шагомъ. Ни за что бы въ мірѣ она не согласилась, чтобы онъ заглянулъ въ ея душу; ничего такъ не боялась она, какъ того, что Антонъ Николаевичъ перетолкуетъ по-своему несвойственное ей волненіе. Она сдѣлала послѣднее усиліе надъ собою и принудила себя заговорить съ нимъ, но на этотъ разъ о вещахъ самыхъ положительныхъ и, слѣдовательно, самыхъ безопасныхъ.

— А что же балъ, о которомъ вы такъ много говорили? Когда же онъ будетъ?

— Послѣ-завтра.

— А гдѣ?

— Въ Саксонской залѣ.

— Поздравляю васъ. Вы его ждали съ нетерпѣніемъ.

— Меня тамъ не будетъ.
 — Почему же? Вы такъ любите балы.
 — Я разлюбилъ ихъ.
 — Давно ли?
 — Съ-тѣхъ-поръ, какъ полюбилъ семейную жизнь.
 — Вы? вы шутите. Я вамъ не вѣрю.
 — Почему же? отчего вамъ кажется труднѣе *разлюбить* нежели *никогда не любить*.... балы?

— Кто жъ ихъ не любитъ?
 — Тотъ, кто никогда на нихъ не бываетъ. Вы напримѣръ.
 — Я? О, это совсѣмъ дѣло другое. Я живу въ своемъ собственномъ мѣрѣ. Все милое мнѣ — вокругъ меня.

— Почему же вы думаете, что я «мое милое» долженъ отъяскивать — на балъ?

— Полноте, сказала Зенеида Александровна, принуждая себя улыбнуться; перестаньте пригворяться. Всѣмъ извѣстно, что Елена Петровна царица баловъ и не пропускаетъ ни одного изъ нихъ.

Антонъ Николаевичъ остановился и пристально посмотрѣлъ на нее.

— А вы увѣрены, продолжалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, придавая особенное выраженіе своему голосу, — что *въ ней* заключается *все мое милое*?...

Зенеида Александровна, вмѣсто отвѣта, споткнулась и вскрикнула, какъ-будто отъ внезапной боли. Въ-самомъ-дѣлѣ, ей было больно. Да, ей стало невыразимо больно его слушать. Она ясно видѣла, къ чему клонились его рѣчи. Она понимала и таинственные его намеки и каждое измѣненіе его голоса и значеніе cadaго его взгляда! и ей было досадно на него, что онъ смѣлъ говорить съ ней такимъ образомъ; на себя, — что понимала его, и еще болѣе досадно, что въ глубинѣ души находила какое-то странное удовольствіе слушать его. Какъ человѣкъ, который упивается въ полномъ сознаніи своего порока, она наслаждалась и въ то же самое время упрекала себя за свое наслажденіе. Слезы готовы были брызнуть изъ глазъ ея. Антонъ Николаевичъ почувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко и потому вдругъ повернулъ нападеніе съ другой стороны, и нѣжный, почти страстный голосъ перемѣнилъ на спокойный, довѣрчивый голосъ друга.

— Послушайте, Зенеида Александровна, сказалъ онъ, подавая ей руку, какъ другъ вашего дома, какъ человѣкъ,

шлютъ преданный Григорію Алексѣевичу, я давно хотѣлъ поговорить съ вами. Знаете ли? ваше затворничество, ваши постоянные отказы вступить въ общество возбуждаютъ толки, подозрѣнія....

— Что мнѣ за дѣло!

— Но, обвиняютъ генерала....

— Моего добраго, благороднаго друга!....

— Да! обвиняютъ въ эгоизмѣ... въ ревности... Говорятъ.... Но что пересказывать.... Все, что обыкновенно говорится, когда мужъ старикъ, а жена молодая пре....

— Но что жъ мнѣ дѣлать? успѣшила прервать его Зенеида Александровна.

— Вы должны уничтожить эти слухи. Вы получили приглашеніе на балъ посланника. Удостоите меня чести быть вашимъ кавалеромъ. Балъ будетъ прелестный. Что-то необыкновенное въ своемъ родѣ.... Это вмѣстѣ и пикникъ и сельскій праздникъ, и балъ и маскарадъ! зала убрана цвѣтами, колонны увиты плющемъ. Музыка восхитительная, новая. Третьяго дня только, прибылъ сюда знаменитый оркестръ изъ Вѣны, весь изъ виртуозовъ, и будетъ играть въ первый разъ вальсы Ланнера, — сущее очарованіе!... Да, я и забылъ. Наряды будутъ фантастическіе. Елена Петровна готовитъ себѣ прелестный костюмъ. Я видѣлъ. Но, прибавилъ онъ почти шопотомъ, полусмѣливымъ, полустрастнымъ тономъ, не ей быть царицею бала, если вы согласитесь....

Зенеида Александровна молчала. Но странно: слова, убѣжденія молодаго человѣка, смущая ее, не были ей непріятны. Невольно рядъ картинъ, удовольствій, побѣдъ, мелькалъ передъ ея глазами. Она успѣшила сойти къ мужу; но уже было поздно. Слова искусителя подѣйствовали. Вечеромъ, генералъ, по обыкновенію, сталъ упрашивать жену ѣхать на балъ. Послѣ нѣсколькихъ отговорокъ, произнесенныхъ негвердымъ голосомъ и какъ-будто только для очищенія совѣсти, Зенеида Александровна согласилась, съ легкимъ замѣраніемъ сердца, похожимъ на укоръ этого неподкупнаго друга. Она съ живостью занялась своимъ туалетомъ, приготовила себѣ костюмъ, прелестный вкусомъ и простотою; такой, словомъ, какой можно встрѣтить только въ поэтическихъ праздникахъ на минеральныхъ водахъ. Въ первый разъ, послѣ замужества, она съ радостію думала о своей красотѣ и съ смутнымъ, но сладостнымъ чувствомъ, мечтала о впечатлѣніи, которое произведетъ на балѣ. Кто знаетъ! быть-

можетъ, то былъ первый шагъ въ мѣръ разсѣянности, кокетства и тщеславія, первый шагъ къ ея нравственному перерожденію.... Но ангелъ хранитель ея бодрствовалъ. Онъ не попустилъ коварнымъ внушеніямъ разрушить въ одну минуту дѣло столькихъ годовъ, уничтожить плодъ материнскихъ молитвъ. Утромъ, въ день бала, генералу стало хуже. Онъ упрашивалъ жену не обращать на это вниманія, отправиться въ *Sachsensaal* съ знакомыми дамами и съ Антономъ Николаевичемъ; но она рѣшительно отказалась. А какъ досадно, какъ больно ей было отказаться! Говорятъ даже, что она убѣжала въ свою комнату и когда вышла оттуда, то лицо ея пылало и глаза распухли отъ слезъ. Въ назначенный часъ пріѣхалъ Антонъ Николаевичъ, заранѣе торжествуя побѣду. Зенеида сидѣла въ пеньюарѣ у креселъ мужа и съ величайшимъ вниманіемъ слѣдила за мѣломъ, которымъ генералъ чертилъ на столѣ положеніе дѣйствовавшихъ армій подъ Кульмомъ. И когда Антонъ Николаевичъ, наклонившись къ ней, сталъ ее спрашивать, за чѣмъ она перемѣнила намѣреніе, Зенеида отвѣчала ему въ немногихъ словахъ съ обыкновенною своею привѣтливою улыбкою, холодно и спокойно.

Вскорѣ послѣ этого, Антонъ Николаевичъ возвратился въ Петербургъ, Зенеида съ мужемъ отправились далѣе. Съ-тѣхъ-поръ они не встрѣчались. Спустя три года генералъ мирно скончался на рукахъ жены, осыпая ее благословеніями и отказавъ ей большое имѣніе. Молодая вдова возвратилась къ матери и провела годъ траура въ семействѣ, которое приняло ее, какъ ангела-хранителя. Уваженіе, любовь, которыми ее окружали, были для прекрасной души ея достаточною платою за все, что она вынесла въ борьбѣ со свѣтомъ, съ собою и съ своею юностью. Потомъ, спокойствіе ея опять было нарушено смертію матери. Она долго плакала. Наконецъ, уступая убѣжденіямъ родныхъ, рѣшилась ѣхать въ Петербургъ и заняться устройствомъ своего имѣнія. Тетка, которой дочь была помѣщена Зенеидою въ одно изъ петербургскихъ заведеній, съ радостью вызвалась ей соупутствовать.

— Зенеида Александровна! Зенеида Александровна! Что это ты такъ задумалась? Сергѣй въ третій разъ доклады-

весть: Антошъ Николаичъ Темницкій пріѣхалъ.... Прикажишь принять, матушка?

Вызванная голосомъ Ольги Максимовны изъ области воспоминаній, въ которую ее отбросила утренняя встрѣча, Зенеида Александровна долго не могла понять, чего отъ нея хотѣли. Наконецъ, устыдясь своей разсѣянности, она отъ души засмѣялась, проскользнула мимо удивленной тетушки, — которая подошла къ дверямъ балкона, заняла свое обыкновенное мѣсто на диванѣ и граціозною улыбкою привѣтствовала гостя, который въ эту минуту входилъ въ комнату.

Съ перваго взгляда на Зенеиду, Темницкій былъ уже пораженъ переменною, которая произошла въ пріемахъ и во всей наружности молодой женщины, съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ съ нею разстался. Съ прежнимъ достоинствомъ, сколько было свободы, граціи, развязности въ каждомъ ея движеніи! Но это было только начало чувства, которое онъ долженъ былъ испытывать во все продолженіе своего посѣщенія.... Не разъ, слушая ее, смотря на нее, онъ спрашивалъ себя: та ли это холодная, молчаливая женщина, которую дамы, въ шутку, или съ досады, называли: *grude*, *grécieuse*; а мужчины бездушною. Онъ смотрѣлъ на нее и не вѣрилъ. Какъ мило лицо ея, оживленное игрою ума! Какъ, порой, становится привлекательно, запечатлѣнное отраженіемъ глубокаго чувства! Глаза ея, полные умиляющей нѣжности, когда рѣчь коснется ея мужа, предмета ея нераздѣльныхъ мыслей и попеченій, то вдругъ загорятся пламенемъ восторга, когда, въ разговорѣ, промелькнетъ мысль высокая, выраженіе, которое приходится ей по душѣ. Бываютъ минуты, что нѣтъ силы выносить блеска этихъ чудныхъ очей! Румянецъ, струею, вспыхиваетъ и исчезаетъ. Платительная, остроумная усмѣшка придаетъ вѣсь самымъ ничтожнымъ словамъ. Между Зенеидою, которую онъ знавалъ, въ теченіе пяти лѣтъ, въ Петербургѣ и Карлсбадѣ, и его теперешнею собесѣдницею, была такая же разница, какъ между истомленною, запуганною птичкою, выставленною на петербургской биржѣ и прелестнымъ, счастливымъ бенгали, весело порхающимъ по цвѣтущимъ деревьямъ своей родины; какъ между экзотическимъ растеніемъ, хилымъ и увядающимъ, съ трудомъ взлелѣяннымъ страстнымъ ботаникомъ — и пышнымъ цвѣткомъ, который привольно красуется и благоухаетъ въ тепломъ родномъ воздухѣ. Такъ время роскошно развило эту прекрасную женщину. Что же сказать

объ ея умѣ, воображеніи? Неужели и это—чудесное превращеніе? Иначе, какой расчетъ, какое кокетство особеннаго рода могло принудить эту женщину таить драгоценнѣйшіе дары природы, съ такимъ же стараніемъ, съ какимъ другіе скрываютъ скудость ума и невѣжество?...

Но, скажете вы, какъ могъ онъ такъ хорошо рассмотреть эти драгоценные дары въ первое посѣщеніе? Что жъ мудренаго: быть-можетъ, каждый изъ нихъ, завѣдомо или невольно и не отдавая себѣ отчета, чувствовалъ къ другому влеченіе. Вѣдь, межъ ними существовала же связь, которую скрѣпляло общее чувство привязанности и благодарности къ усопшему другу. Быть-можетъ, была и другая связь.... По-крайней-мѣрѣ, воспоминаніе о мужѣ Зенеиды, было главнымъ предметомъ ихъ разговора. Слезы, которыя блистали на ея рѣсницахъ, и чувство неподдѣльнаго сожалѣнія на лицѣ Антона Николаевича сблизило ихъ скорѣе многихъ лѣтъ, проведенныхъ вмѣстѣ.

Желая изгладить впечатлѣніе грусти, которая разлилась въ прекрасныхъ чертахъ его собесѣдницы, Антонъ Николаевичъ склонилъ разговоръ на другіе предметы. Кстати и ловко упомянулъ онъ о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ, которыя она посѣщала въ свое двухъ-годовое путешествіе, и Зенеида, нисколько о томъ не думая, высказала разнообразныя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя ею въ продолженіе своего добровольнаго затворничества; но высказала со всею прелестью, со всѣмъ отсутствіемъ педантизма, которыя можно найти только въ немногихъ женщинахъ.

Разговоръ, переходя отъ предмета къ предмету, дробясь и переливаясь на всѣ возможные тоны, не терялъ своего одушевленія и занимательности для бесѣдующихъ, до той самой минуты, когда стрѣлка часовъ, стоявшихъ на каминѣ, указала на четыре. Тогда только Антонъ Николаевичъ всталъ съ Зенеидою Александровною и съ Ольгою Максимовною, которая также принимала участіе въ бесѣдѣ, когда разговоръ не превышалъ ея понятій.

Слѣдуя обычаю святой старины, котораго она не хотѣла покинуть и въ «иностранномъ» Петербургѣ, она долго извинялась, что онѣ не приглашаютъ гостя у нихъ *откушать*, потому что были отозваны на именинный обѣдъ. О дѣлѣ, по которому пріѣзжалъ Антонъ Николаевичъ, не было и помину. Уже откланиваясь, случайно, или умышленно, онъ

краснѣлъ объ нейъ и просилъ позволенія побывать для видѣль «для объясненій».

Нужно ли говорить, какое дѣйствіе произвело это свиданіе на молодую женщину, которая была такъ расположена дать свободный доступъ въ свою душу всемъ пріятнымъ впечатлѣніямъ? Съ минуту, послѣ отъѣзда Темницкаго, она стояла на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ ее оставилъ.

— Все также разговорчивъ, ловокъ и любезенъ! И при этомъ, такъ чувствителенъ! говорила она въ раздумьи. Кто бы это подумалъ? Какъ жаль, что я не знала его прежде!

Но, черезъ минуту, прибавила: какъ хорошо, что я не знала его прежде!

И весело принялась за свой туалетъ.

Она была увѣрена, что впечатлѣнія дня изглядятъ изъ ея души воспоминаніе объ утреннемъ посѣщеніи. Но, ложась спать, невольно и почти вслухъ, повторила тѣ же слова объ Антонѣ Николаевичѣ. Недовольная собою, что такъ долго имъ занималась, она, съ досадою, задула алебастровую лампу, стоявшую на столѣ, и задернула завѣсъ, съ твердымъ намѣреніемъ не думать больше о такомъ вздорѣ.

II.

Легко, быстро и прекрасно пролетали для Зененды часы. Отчего же, когда мѣсяць спустя, послѣ прогулки на Невскомъ проспектѣ, она сидѣла, по обыкновенію, въ своей маленькой гостиной, гдѣ любила работать и заниматься чтеніемъ, глаза ея, недавно столь живые и блестящіе, задумчиво устремлялись на окно, а пальчики невнимательно перебирали кисти у шитой подушки? Отчего ея свѣтлое чело, по временамъ, омрачалось тайною думою? Что занимаетъ ее? Или минувшій день ей открылъ, что чего-то не достаетъ къ ея счастью и она тревожилась, не умѣя разгадать: радуется, или печалится ее это открытіе?

Вотъ, наконецъ, она встала и молча, въ какой-то странной, несвойственной ей разсѣянности подошла къ окну.

— Что съ тобою, Зененда Александровна? спросила ее съ изрещеннымъ участіемъ ея неразлучная собесѣдница, Ольга

Максимовна. Что это ты сегодня, какъ будто и разсѣянна и задумчива?

— Ничего, милая тетушка, отвѣчала Зенеида. Я думала о своихъ дѣлахъ, о томъ, что они еще долго задержать меня въ Петербургѣ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Ахъ, Зенеида Александровна, а я такъ бы и полетѣла домой.... Ну, что это за городъ? Живешь, напримѣръ въ одномъ домѣ съ людьми, а не знаешь ни кто они, ни откудава и за чѣмъ здѣсь, и знакомства съ ними не сведешь. Каждый только о себѣ и думаетъ — куска хлѣба даромъ никто не даетъ, пообѣдать не позоветъ. То ли дѣло у насъ, въ Москвѣ-матушкѣ! Всякій радъ-радехонекъ хлѣбъ-соль раздѣлить; еще обижаются, что не ходятъ.... Ну, ужъ городокъ православный!... А все-таки не должно упускать своихъ выгодъ.... Что жъ ты хотѣла съѣздить со мною къ Агнеюшкѣ? прибавила она робко и ласкательно, послѣ минутнаго молчанія. Не поѣдешь?

— Извините, милая тетушка; право никакъ не могу. Голова болить. Сдѣлайте милость, располагайте моимъ экипажемъ и потрудитесь, отвезите милой кузинѣ, что мы вчера для нея купили.

— Спасибо, дружечекъ, спасибо! только ты, право, ее бадуешь, говорила Ольга Максимовна, вдвойнѣ обрадованная позволеніемъ и тѣмъ, что на свободѣ переговорить съ дочерью, сколько душѣ угодно. Но помилуй, хорошо ли стоять у окна съ головою болью? Ты вся горюшь! Ужъ не лихорадка ли у тебя?

— О нѣтъ, тетушка, не безпокойтесь! Я полежу на диванѣ, потру виски одеколономъ и все пройдетъ.

— Тото же, душенька. Но миѣ пора....

Ольга Максимовна удалилась, совѣтуя племянницѣ, въ случаѣ усиленія недуга, прибѣгнуть къ извѣстному ей симпатическому средству, котораго пользу неоднократно она испытала надъ собою. Шумъ шаговъ ея стихъ въ отдаленіи, затѣмъ вскорѣ послышался стукъ отъѣзжающей кареты. Зенеида еще разъ взглянула въ окно и бросилась на диванъ. Сердце ея сильно билось, щеки рдѣли яркимъ румянцемъ; глаза, то бросали лучи, пронзительнѣе молніи, то влажные и полные нѣги, исчезали подъ темной сѣтью рѣсницъ. Правильныя черты лица ея то оставались нѣсколько минутъ неподвижны и полны думъ или воспоминанія, то оживлялись улыбкою. Онѣ говорили, казалось, о какой-то прекрас-

ной мечтѣ; грудь ея волновалась.... Да, она мечтала — и любовь была ея мечтою. Любовь, союзъ съ существомъ избраннѣйшимъ сердцемъ, въ которомъ все мило, все нравится: умъ, наружность, понятія, душа, взоръ, одежда, улыбка, движеніе глазъ и руки.... Этотъ эдемъ любящаго сердца, *его любовь*, безпредѣльная и нескончаемая, — души, раскрытыя одна для другой, общность всего — прелестныя малютки — священная любовь матери, которая, всегда сильная, живая, глубокая — таится въ сердцѣ женщины за-долго прежде, нежели судьба дозволитъ ей быть матерью.... Очаровательная картина семейной жизни!! Сердце молодой вдовы замирало отъ полноты счастья.... глаза ея увлажались нѣгою и любовью.... Въ эту минуту доложили о пріѣздѣ того, чей видъ съ такою силою пробудилъ въ душѣ Зенеиды мысли, которыя прежде были подавлены благоразуміемъ, а потомъ сами умолкли передъ печалью о потерѣ близкихъ и въ шумѣ различныхъ заботъ. На одно мгновеніе, краска сильнѣе запылала на ея лицѣ, какъ-будто бы она устыдилась своей мечтательности; какъ-будто убоялась, что и другіе могутъ разгадать по ея наружности тайны ея помысловъ. Но она не замедлила оправдаться. И когда Антонъ Николаевичъ вошелъ въ комнату, смущеніе и мечтательность уступили мѣсто свободной любезности свѣтской женщины. Онъ пріѣхалъ *по дѣлу*. Послѣ первыхъ привѣтствій, необходимо было заняться этимъ *дѣломъ*, и вотъ, достали кипу разныхъ бумагъ, которыхъ одинъ видъ могъ бы испугать любую женщину. Но благодаря предусмотрительности покойнаго генерала и рѣдкой честности его повѣреннаго, *о дѣлѣ* разсуждать много оказалось не нужнымъ. Между-тѣмъ, какъ повѣренный Зенеиды, въ другой комнатѣ, готовилъ для подписи Антону Николаевичу какія-то бумаги — Зенеида и гость провели нѣсколько прелестныхъ часовъ, разговаривая о тысячѣ важныхъ бездѣлицъ.

Черезъ нѣсколько дней, давали «Баядерку». Въ то время, какъ играли хорошенькую увертюру этого летучаго, миленькаго произведенія Обера, дверь одной изъ ложъ бель-этажа съ шумомъ распахнулась. Вошли дамы, — одна изъ нихъ молодая и прекрасная. Величавый ростъ, граціозные приемы, блестящіе черные волосы, выпадающіе изъ подъ пунцоваго воздушнаго тока, — нарядъ, въ которомъ богатство спорило со вкусомъ, обратили на нее всѣ лорнеты партера и ложъ.... Но занавѣсъ поднялся.... Любопытные бросили

свои заключенія, пересуды и обратились къ сценѣ. Дама, бывшая предметомъ вниманія, казалось, не замѣчала его. Она слушала и смотрѣла съ удовольствіемъ, которое показывало, что она еще не пресытилась этимъ зрѣлищемъ, какъ привычныя посѣтительницы театровъ. Но дѣйствіе, произведенное ея появленіемъ, не укрылось также легко отъ наблюдательности молодаго человѣка, который сопровождалъ ее. Торжествующая поза, которую онъ принялъ на своемъ стулѣ, поставленномъ сзади красавицы, самодовольная улыбка, блеснувшая подобно молніи и отразившаяся въ глазахъ побѣдоноснымъ выраженіемъ, все, даже движеніе руки, небрежно и съ неподражаемою самоувѣренностію игравшей бантомъ галстука, и тысяча другихъ, едва уловимыхъ признаковъ, обнаружили бы для глазъ наблюдателя самолюбіе, удовольствованное въ высшей степени. Но одно ли только самолюбіе?... Зато голосъ его былъ такъ пѣженъ, когда онъ обращался къ Зенеидѣ съ замѣчаніями на игру актеровъ, на лица въ ложахъ и партерѣ.... Но вотъ она слегка затрепетала, улыбнулась и едва замѣтная краска пробѣжала по щекамъ ея.... Раздалась арія :

«Все въ жизни повторяетъ :
Нѣтъ счастья безъ любви».

Какъ живо напомнили ей эти звуки сцену на карлсбадской горѣ. Искуситель былъ возлѣ нея. Но теперь, эти два стиха звучали ей вѣчною, непреложною истиною, заключающею въ себѣ цѣлый міръ счастья и наслажденій!... Теперь, она уже не боялась ихъ. Она съ радостнымъ трепетомъ повторяла въ умѣ приговоръ индѣйскаго оракула, принимая слова аріи вѣстниками блаженства; ей казалось, они громко призывали ее въ прекрасный эдемъ, въ который еще не отваживалась ступить ея робкая нога. Теперь, о, теперь она готова была вѣстриться имъ, летѣть за ними!... Она невольно обратила глаза на своего спутника и тотчасъ же ихъ потушила.

Какой взоръ! То былъ первый, на который отвѣчать уже не было преступленіемъ. Сладостный трепетъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу. Съ этой минуты, Зенеида, хотя повидимому все также внимательно слушала и смотрѣла — хотя ни разу не отвратила отъ сцены глазъ, которые блистали влажнымъ пламенемъ, подъ полуопущенными рѣсницами ;

но пьеса была для нея потеряна: Она не видела, не слышала ничего, что говорили, вѣли, дѣлали на сценѣ. Передъ нею разыгрывалась другая драма, несравненно занимательнѣе. — драма ея жизни, которую митомъ импровизировало ея сердце на тему одного взора, а лицами въ этой драмѣ были — она и Антонъ. Когда Зенеида сходила съ лѣстницы, опираясь на его руку, то въ первый разъ испытывала неизъяснимое наслажденіе, которое находитъ женщина въ поестеніи и покровительствѣ милаго. Она въ молчаніи предавалась этому сладостному и новому для нея ощущенію....

Послѣ вечера въ оперѣ, Зенеида Александровна и Антонъ Николаевичъ были неразлучны. Кромѣ того, что раза два, три въ недѣлю, онъ посѣщалъ ее поутру «по дѣлу», они встрѣчались на прогулкахъ, въ магазинахъ, у знакомыхъ, вездѣ, какъ-будто условясь заранѣе. Сверхъ того, подлѣ различными предлогами, онъ заѣзжалъ къ ней и вечеромъ; иногда — чтобы завести новую повѣсть; въ другой разъ, чтобы увѣдомить о завтрашнемъ спектаклѣ. Отъ пьесы, разговоръ переходилъ къ музыкѣ, отъ музыки, къ гармоніи сферъ и гармоніи душъ и, попавъ на этотъ занимательный, неистощимый предметъ, — они до того увлекались, что Ольга Максимовна, наскучивъ раскладывать пасьянсъ и слушать не понимая, обращалась обыкновенно къ Антону Николаевичу съ вопросомъ :

— А который-то часъ, батюшка? — ухищреніе, достойное жей провинціальной мудрости! Ольгѣ Максимовнѣ стоило только оберотить голову къ камню, на которомъ бронзовый ашуръ грустно склонился кудрявою головкою надъ утекающими невозвратно часами; но она спрашивала о часахъ съ тою цѣлю, чтобы дать почувствовать любителямъ музыки и метафизики, что пора уже ложиться спать. А Ольга Максимовна была такая строгая блюстительница приличій, что ни за что не согласилась бы оставить молодыхъ людей воедино.

Антонъ Николаевичъ, улыбаясь вставалъ, брагъ шляпу и проговоривъ съ полчаса стоя, раскланиваясь, припоминая на прощанье «дѣло», о которомъ ему «на дняхъ» должно будетъ переговорить съ Зенеидою. Незамѣтно, его посѣщенія, ожиданіе ихъ, воспоминаванія объ нихъ сдѣлались главнымъ предметомъ мыслей Зенеиды; а какъ совершилось это чудо, она сама не умѣла бы того сказать. Давно ли, все, — и предметъ искусства и хозяйственныхъ распоряженія и планы для

будущей жизни, все занимало такъ живо, такъ дѣятельно, ея свободный, игривый умъ? Теперь, все сосредоточилось въ одномъ. Все, болѣе или менѣе, имѣло отношеніе къ маму. Также незамѣтно, вліяніе Антона Николаевича распространилось и на все, ее окружающее. Она занималась только тѣмъ, что ему нравилось. Въ нарядахъ, соображалась болѣе съ его вкусомъ, нежели съ своимъ. Антонъ Николаевичъ былъ любитель комфорта, и домъ Зенеиды превратился мало-по-малу въ игрушку, въ обитель вкуса и роскоши, въ средоточіе всего, что питаетъ умъ и услаждаетъ чувства, не смотря на то, что старый повѣренный безмолвно и съ досадою трясъ головою и даже отваживался дѣлать ей представленія.

Въ началѣ іюня, Зенеидѣ надобно было переѣхать на дачу, частію для того, чтобы самой взглянуть на нѣкоторыя постройки, сдѣланныя уже послѣ смерти ея мужа, а частію; просто для того, чтобы исполнить петербургскій обычай, по которому непремѣнно должно оставить на лѣтнее время, свою городскую квартиру.

И вотъ Зенеида, съ тетушкою, на дачѣ. Не должно позагать, чтобы ея жилище имѣло малѣйшее сходство съ большею частію дачъ, которыми загромождены окрестности Петербурга на разстояніи семи, осьми и даже десяти верстъ. Эти дачи (не исключая и принадлежащихъ людямъ достаточнымъ), состоятъ изъ множества уголковъ, тѣснящихся одинъ къ другому и образующихъ улицы, подобныя городскимъ. Тамъ, тотъ же воздухъ и шумъ и та же пыль, какъ въ городѣ, тамъ нельзя выйти изъ комнатъ, не встрѣтись лицомъ къ лицу съ толпою гуляющихъ, разодрѣтыхъ по всѣмъ требованіямъ моды; — нельзя сказать громко слова, не угостивъ чужія уши разговоромъ вещей, вовсе до нихъ не касающихся; тамъ, больше претензій на знакомства, наряды, больше принужденія, чѣмъ въ городѣ; — слѣдовательно, нѣтъ ни тѣни покоя и уединенія, неразлучныхъ съ понятіями о сельской жизни, тамъ.... но въкъ не кончишь, если изчислять всѣ выгоды и пріятности петербургскихъ дачъ. Не знаю, чего ищутъ, чего желаютъ петербургскіе жители, въ особенности тѣ, которые неимѣютъ дѣтей, когда они добровольно, цѣною послѣднихъ денегъ и

бесчисленныхъ хлопотъ, рѣшаются купить мѣсяцы пытки, называемой *жизнью на дачѣ*? Жилище Зенеиды принадлежало къ числу немногихъ, уцѣлѣвшихъ отъ духа промышленности и разчета. То было убѣжище отрадное, гдѣ можно было забыть, что находишься по близости столицы. Домъ ее стоялъ отдѣльно, далеко отъ другихъ владѣльцевъ; впереди его, лугъ съ длинною аллеєю на дорогу и группами деревь; передъ домомъ цвѣтники; сзади садъ, въ которомъ можно было углубиться и, въ иное время, не увидать ни души, кромѣ трехъ коровъ на лугу у фермы и лебедей на пустынномъ прудѣ. Дача находилась въ осьми верстахъ отъ Петербурга. Въдъ это только часть ѣзды; а не отратно ли, спешите, черезъ часть времени, укрыться отъ шума столицы подъ мирную тѣнь развѣсистыхъ липъ барской дачи и опять возвратиться въ городъ, когда прискучить уединеніе,—если только можетъ оно прискучить! — И очень можетъ; доказательствомъ тому — Зенеида. Въ первые два дня, она была весела и дѣятельна до чрезвычайности; осмотрѣла свое владѣніе, всѣмъ распорядилась, многое перемѣнила, другое украсила, обратила весь домъ внутри и снаружи въ пестрый, благоуханный цвѣтникъ. На третій, она задумчиво сидѣла на балконѣ, подъ бѣлымъ съ малиновыми коймами навѣсомъ, окруженная всею мимолетною роскошью нашей весны и отъ времени до времени посматривала на аллею, которая вела отъ петербургской дороги къ ея владѣнію. Ольга Максимовна, пользуясь деревенскою свободою, большую часть времени *отдыхала*. «А въдъ на дачѣ скучнѣе чѣмъ въ городѣ», подумала Зенеида. Только что она это подумала, ловкій всадникъ быстро проскакалъ по аллеѣ. Прежде чѣмъ она успѣла окончить восклицаніе удивленія и удовольствія, онъ былъ возлѣ нея. Эта минута, какъ ударъ волшебнаго жезла, все измѣнила. Погода стала пріятнѣе, небо яснѣе, цвѣты душистѣе, лѣсъ потерялъ свое однообразіе, маленькія пространства дачи показались живописнѣе богемскихъ и рейнскихъ видовъ.... Теперь, и въ слѣдующіе дни, Зенеидѣ не приходило и на мысль, что «на дачѣ скучнѣе чѣмъ въ городѣ». Антонъ Николаевичъ пріѣзжалъ каждый день къ завтраку, и когда уѣзжалъ, луна всходила уже высоко надъ горизонтомъ. То было время очарованія для Зенеиды. Никогда она не чувствовала себя покойнѣе, веселѣе, счастливѣе. Красота ея сіяла ослѣпительнымъ метеоромъ.

— Видишь, Зенеида Александровна, какъ тебѣ полезенъ

вольный воздухъ, говорила однажды Ольга Максимовна, смотря на свѣжій румянецъ племянницы и ея, глаза блестяще огнемъ юности и здоровья.

Зенеида улыбнулась и, покрасивъ, смотрѣла въ глаза Антону Николаевичу. Ея милая улыбка говорила ему : ты знаешь, отчего я похорошѣла... Они уже понимали другъ-друга.

Однажды, Ольга Максимовна сидѣла, по обыкновенію, за столикомъ. Передъ нею были разложены карты, но давно уже забытыя, не удостоивались ея вниманія. Она казалась задумчива, печальна. И это уже не въ первый разъ; но Зенеида такъ была поглощена чувствомъ новаго для нея счастья, что забыла обо всемъ ее окружающемъ. Однако же на этотъ разъ, задумчивость тетки возбудила ея вниманіе. Ея доброе сердце въ минуту встревожилось. — Что съ вами, любезная тетушка ? спрашивала она съ участіемъ Ольгу Максимовну, обвиняя ее. Тетушка отвѣчала коротко, съ замѣшательствомъ ; ссылаясь на головную боль. Добрая провинциалка не умѣла скрывать своихъ ощущеній. Зенеида остановилась на минуту передъ нею, приложивъ пальчикъ ко рту и, казалось, о чемъ-то размышляла. Вдругъ, какъ будто пораженная внезапною мыслию, она тихо ударила себя по лбу и вышла.

Черезъ минуту, карета ожидала ее у подъѣзда. Она вышла садиться : на крыльцѣ встрѣтилъ ее Антонъ Николаевичъ : — Что это значитъ, вскричалъ онъ. Вы ѣдете, а наше чтеніе ?

— Отложено. Пусть будетъ это для васъ наказаніемъ за то, что вы заставили меня забыть свою обязанность.

— Но куда же вы такъ неожиданно собрались, — если этотъ вопросъ не слишкомъ нескромный ? — прибавилъ онъ съ нѣкоторою досадою.

Это маленькое движеніе мужской подозрительности, не было неприятно Зенеидѣ.

— О любопытство ! вскричала она съ лукавою усмѣшкою; но такъ и быть, скажу вамъ. Я ѣду въ **. Тысяча развлеченій, чего я никакъ себѣ не прошу, выгнали у меня изъ памяти, что я обѣщала тетушкѣ взять маленькую мою кузину погостить къ себѣ на дачу.

— И вы привезете ее съ собою ?

— Надѣюсь.

— А наши прелестные вечера ? Наши прогулки ? Наши восхитительныя *mediaposche* *вдвоемъ*, — въ присутствіи Ольги Максимовны ?

— О! вскричала со смѣхомъ Зенеида, Агния помѣшаетъ еще менѣе. Вѣдь она ребенокъ! Она будетъ гоняться за бабочками, рвать цвѣты, — а вечеромъ спать, или мечтать о куколѣ и о новой шляпкѣ. Прощайте!...

Зенеида подала ему руку и порхнула въ карету, веселая, смѣющаяся, счастливая своею любовью, счастливая мыслью объ удовольствіи, которое доставить родственницамъ.

Къ вечеру уже, Зенеида возвратилась на дачу, въ сопровожденіи дѣвушки лѣтъ шестнадцати, смуглой, худенькой, блѣдой. Любопытно было видѣть фигуру Ольги Максимовны при неожиданномъ появленіи дочери. Удивленіе, восхищеніе попеременно показывались и исчезали на ея простодушномъ лицѣ. Въ избыткѣ радости, она не находила словъ и выраженій, она только обнимала дочь, смѣялась и смотрѣла въ глаза Зенеидѣ, качая головою.

— Ахъ, ты моя проказница, вскричала она наконецъ. — Я только что сгрустилась о моей Агнечкѣ, и думаю самъ: какъ бы выбрать денекъ, да съѣздить повидаться, узнать что съ нею? Ужъ не больна ли она теперь? а моя Зенеида Александровна, какъ разъ угадала. Да какъ же тебя отпустили? Вѣдь, ты говорила въ послѣдній разъ, что не пустить! На долго ли?

Зенеида улыбалась, смотря на волненіе тетушки и радость кузины. Она обрадовала ихъ еще болѣе, сказавъ, что ей позволили пробыть на дачѣ цѣлый мѣсяцъ. Показавъ гостѣ домикъ и садъ, сколько можно было видѣть съ балкона, она совѣтовала ей пойти въ приготовленную для нея комнату и отдохнуть отъ дороги, которая съ непривычки утомила ее. Къ тому же, былъ часъ девятый. Въ заведеніи, гдѣ воспитывалась дѣвушка, въ это время уже предаются покою. Ольга Максимовна съ торжествомъ увела дочь, уложила ее, и въ разговорахъ съ нею забыла о цѣлостн мірѣ.

— Теперь, не угодно ли вамъ начать наше чтеніе? сказала Зенеида, обращаясь съ плѣнительною улыбкою къ Антону Николаевичу, который съ участіемъ смотрѣлъ на семейную сцену.

Они сошли съ балкона и въ молчаніи достигли любимаго мѣста Зенеиды. Это очаровательное убѣжище было не далеко отъ дома. Густыя деревья осѣняли сквозную бесѣдку, уютную плуццемъ и уставленную цвѣтами и деревьями. Отъ

нея, широкая аллея шла до самого моря и на берегу наступалась такъ, что изъ бесѣдки можно было видѣть паруса, которые мелькали вдали и любоваться моремъ въ ясную и бурную погоду. Тамъ они сѣли. Ариость лежалъ передъ ними, но чтеніе, за которое они такъ торопились приступить, не начиналось. Вечеръ былъ необыкновенно хорошъ. Солнце скрылось. Тихо и робко луна восходила надъ моремъ. Зенеида съ обыкновеннымъ восхищеніемъ наслаждалась прелестью вечера. Движеніе, ею сдѣланное, чувство удовольствія, которое она доставила близкимъ ей, придадо лицу ея блескъ и жизнь. Она была очень хороша! Бѣдный Ариость все лежалъ не тронутымъ.

— Что вы такъ на меня смотрите? О чемъ вы задумались? Отъ чего вы не читаете? спрашивала въ одно и то же время Зенеида, смѣясь искренно или притворно надъ своимъ молчаливымъ собесѣдникомъ.

— Я смотрю на васъ, отвѣчалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, и думаю, что вижу одно изъ тѣхъ существъ, о которыхъ говорятъ преданія, одну изъ прекрасныхъ фей, которыя однимъ движеніемъ, однимъ словомъ разливаютъ вокругъ себя счастье.

— Ого, какъ замысловато! Вотъ что значитъ чтвать Ариоста, сказала Зенеида, покраснѣвъ.

Сердце-вѣщунъ говорило ей, что эти слова — только начало важнѣйшаго объясненія и она, какъ ни желала его прежде, теперь испугалась и готова была бѣжать.

— Нѣтъ, это просто выраженіе того, что чувствуетъ всякій, кто видѣлъ васъ какъ я, въ кругу семейномъ. Но вы правы. Къ чему сравненія, когда они далеко уступаютъ дѣйствительности. Подобная вамъ женщина, не есть ли въ самомъ-дѣлѣ, добрая волшебница для тѣхъ, кому Провидѣніе подарило это сокровище?

— О конечно!... если она молода и прекрасна.... а если нѣтъ.... того и гляди, попадетъ въ разрядъ гномовъ, саламандръ и прочихъ, годныхъ только исполнять вашу волю. Но ужъ поздно.... Чтвать нельзя. Пойдемте домой! Тетушка, пожалуй, еще придетъ извиняться, что оставила насъ такъ долго однихъ.

— Пойдите.... на одну минуту.... сказалъ Антонъ Николаевичъ, взявъ ее за руку и заставляя ее снова войти въ бесѣдку. Неужели добрая волшебница, не захочетъ осчастливить только одного меня изъ всѣхъ ей подвластныхъ?

— Пусть мой вѣрнопреданный объявитъ свое желаніе, и если оно благоразумно.... продолжала Зенеида тѣмъ же шутливымъ тономъ, между-тѣмъ какъ голосъ ея замѣтно дрожалъ и лицо вдругъ поблѣднѣло.

— Мое желаніе, сказалъ Антонъ Николаевичъ, опустившись со скамьи на колѣно и устремивъ на нее пламенный взоръ.... желаніе моего сердца, всей моей жизни — извѣстно вамъ давно.... или я очень ошибся и мы никогда не понимали другъ друга. Къ чему откладывать! Мы оба свободны. Кто мѣшаетъ намъ устроить нашу жизнь такъ, чтобы мы получили право быть вѣчно не разлучными?... Знаю, что я васъ не достоинъ; я ничѣмъ не заслуживаю такого счастья.... но я молодъ, способенъ ко всему хорошему.... Скажите слово.... Ваша любовь сдѣлаетъ меня счастливейшимъ въ мірѣ.

И онъ тихо къ себѣ привлекалъ и прижималъ къ устамъ руку, которую Зенеида не старалась отнять. Она не отвѣчала. Но грудь ея сильно воздымалась.... Она вся трепетала. Чело ея пылало, хотя щеки ея были блѣдны. Какъ то случилось, она сама не чувствовала, только голова ея склонилась на плечо Антона Николаевича и благовонные ея локоны рассыпались по его лицу. Она опомнилась, когда была уже въ его объятіяхъ, когда первый поцѣлуй любви, пробудилъ ея душу для невѣдомаго ей до-тѣхъ-поръ блаженства.

Все было тихо.

Самый вѣтеръ не шелестилъ листьями. Въ этой тишинѣ можно было слышать, какъ бились одно возлѣ другаго два любящіяся сердца. Минута за минутою, быстро, не слышно, улыбаясь, улетали легкокрылыя отъ любовниковъ. Если-бы четверть часа спустя, какой-нибудь любопытный сильфъ заглянулъ въ плющевую бесѣдку, онъ сложилъ бы крылья и не усталъ бы вѣчно смотрѣть на дивную картину юности, красоты, непорочной любви—всего лучшаго въ жизни, всего прекраснѣйшаго въ твореніи Бога. Зенеида обвила своею рукою шею Антона. Склонивъ голову на грудь его, она шептала :

— Быть-можетъ, я поступила дурно, что такъ легко дала тебѣ читать въ моемъ сердцѣ—быть-можетъ свѣтская женщина сочла бы за нужное, долго томить тебя неизвѣстностью, чтобы придать больше цѣны своей любви, но мое сердце презираетъ эти уловки. Воспитанная въ уединеніи, отдавъ всю

жизнь затворничеству, я научилась слушаться только сердца и совѣсти. Я люблю тебя, и любя вѣрю безпредѣльно. Вѣрю, что ты не сталъ бы играть моимъ счастьемъ, показывая любовь, которой не чувствуешь, и стараюсь приобрѣсти мою, которой я не умѣю давать въ половину.

Вмѣсто отвѣта, Антонъ снова заключилъ ее въ свои объятія.

— Да я люблю тебя, продолжала Зенеида! Снова отдаю мою жизнь, мои мысли, душу, всю себя во власть другому. Какъ легка, какъ сладостна эта жертва! Я счастливае ею, нежели всею свободою! Одного только прошу я и, если нужно, требую.... Это будетъ послѣднее изъясленіе моей воли. Свадьба совершится не прежде года.

— Года!! Вскричалъ Антонъ Николаевичъ, опустивъ ручку, которую прижималъ къ губамъ. Наполнивъ сердце мое блаженствомъ, ты можешь терзать его жестокими словами. Цѣлый годъ!! Нѣтъ, это невозможно!

— Антонъ, сказала Зенеида съ кротостью, но съ выраженіемъ непоколебимой рѣшимости, — не прежде, какъ черезъ годъ, мы произнесемъ другъ другу клятву, — священную, высокую клятву, послѣ которой нѣтъ возврата. Скажу болѣе. До тѣхъ поръ, для постороннихъ, мы останемся тѣмъ же, чѣмъ были до этой минуты.

— Ты приводишь меня въ отчаяніе, Зенеида. Но объясни по-крайней-мѣрѣ, что подало поводъ къ такому странному, непонятному желанію?

— Во-первыхъ, не прошло еще двухъ лѣтъ, какъ я схоронила матушку. Я дала обѣтъ носить по ней трауръ два года.

Нѣтъ! лучше скажу тебѣ всю правду, какъ буду говорить во всѣ минуты жизни....

Она окунула взоромъ пространство.... Поздняя пора, мѣсто уединенное и прекрасное, безмолвіе ночи, звездное небо надъ ихъ головами, — все придавало этой минутѣ что-то торжественное и сообщало тоже самое выраженіе голоса и лицу молодой женщины. — Я чувствую въ душѣ какой-то тайный, непреодолимый голосъ, который повелѣваетъ мнѣ поступить такъ, а не иначе. (апрасно старалась бы я объяснить его тебѣ, себѣ самой. Я испытываю его непостижимое могущество во всей силѣ и повинуюсь ему.

— Но, Зенеида, съ возвращеніемъ въ городъ, тебѣ необходимо будетъ показаться въ свѣтъ. Тамъ окружатъ тебя

искатели, поклонники твоей красоты и скажу ли? твоего богатства. Между ними....

Зенеида положила на уста ему свою маленькую ручку.

— Да, г-нъ, промолвила она, смотря ему въ глаза съ неизъяснимымъ вѣжливостію. Люби ты меня, какъ теперь.... а я.... я, пусть предлагаютъ мнѣ сердца.... царства.... я не измѣнюсь!...

Они медленно пошли къ дому, озаряемые луною, которая, казалось, съ улыбкою внимала имъ.

У баджона, пользуясь тѣнью, которую бросалъ на лужайку огромный кустъ орѣшника, влюбленные обнялись въ послѣдній разъ и разстались.

Зенеида встрѣтила въ залѣ тетюшку, которая только что сошла отъ дочери, и такъ была занята своею радостью, что не замѣтила ни отсутствія племянницы, ни краски цымавшей на лицѣ Зенеиды, ни огня ея взоровъ. Зенеида поспѣшила къ себѣ, съ сердцемъ, полнымъ невыразимаго восторгу.

Антонъ Николаевичъ тихо, озаренный предестію ночи, на которую впрочемъ не обращалъ вниманія, медленно пошелъ къ дачѣ друга, еще объятый трепетомъ любви, полный мыслью о Зенеидѣ и повторяя въ умѣ сказанныя ею слова. Годъ! еще цѣлый годъ! Тайное предчувствіе Зенеиды, казалось, перелилось и въ его душу....

И предчувствіе не обмануло. Черезъ день, Зенеида занемогла, занемогла опасно! Не станемъ описывать ни горести, ни безпокойства окружающихъ ее и облагодѣтельствованныхъ ею, ни чувствъ самой Зенеиды.

Пусть читатели оставятъ себя на мѣсто этой женщины, прекрасной, богатой, на верху блаженства, застигнутой опасностію смерти, среди восторговъ любви.... Они поймутъ!...

— Какъ! повторяла она, когда приходила въ чувство.... Умереть! умереть въ то время, когда я начала пользоваться счастьемъ, всѣми средствами жизни! Когда я узнала, что значить любить и быть любимой!!

Отказаться отъ счастья, умереть, покинуть жизнь, когда она такъ прекрасна!! И вперивъ блестящій жаромъ болѣзненнаго взора на Антона Николаевича, который не отходилъ отъ нея, сжимая руку его въ своихъ ослабѣвшихъ рукахъ, она повторяла:

Умереть молодою и счастливою!! Она роптала, плакала,

просила и молила Бога дать ей пожить этой прекрасной жизнью! И всѣ плакали и молились съ нею. — Громко плакала и молилась очарованная ею Агней.... И Богъ услышалъ ихъ.... Зенеида выздоровѣла, оправилась. Только опасность лишиться друга и счастья, поселила въ ней боязнь и сомнѣнiе.... И она часто повторяла съ ропотомъ: еще годъ! еще цѣлый годъ! Но не измѣнила своего рѣшенiя.

III.

И годъ прошелъ!... *Годъ!* Какое слово на вѣсахъ чело-вѣческой судьбы! Сколько переменъ, сколько горестей и обмановъ, сколько тяжкихъ, разрушенныхъ заблужденiй прибавляетъ онъ часто къ жизни чело-вѣка. Но что годъ? Нерѣдко день, часъ, одна минута рѣшаетъ участь людей, возвышая однихъ, неумолимо сталкиваетъ другихъ въ глубину золь и бѣдствiй. И кто изъ насъ осмѣлится сказать, что новый, наступающiй годъ застанетъ его въ томъ же положенiи, съ тѣми же чувствами, понятiями, желанiями и стремленiями, какъ прежнiй? счастливъ, о счастливъ тотъ, кто по прошествiи года, осмотрѣвшись вокругъ себя, — видитъ всѣхъ прежнихъ друзей своихъ, кто заглянулъ въ свое сердце, находитъ въ немъ всѣ прежнiя упованiя, прежнюю вѣру во все, что ему было свято и дорого!...

Какую же переменъ произвелъ въ жизни нашей знакомки годъ, который долженъ былъ рѣшить ея участь?

Воспользуемся правами невидимки-писателя, посмотримъ сами. — Лѣто. Зенеида на дачѣ. Еще слишкомъ рано для прогулки. Вѣрно всѣ собрались въ стеклянной галлерей, обращенной къ сѣверу и названной *померанцовой*, отъ множества этихъ деревцовъ, запахъ и цвѣтъ которыхъ Зенеида особенно любила. Тамъ она, обыкновенно, читала или работала въ жаркое время; тамъ диваны, растянутые вокругъ стѣнъ, манятъ къ покою и нѣгѣ и свѣжiй воздухъ весь пропитанъ благоуханiями цвѣтовъ, которыми уставлена галлерей. Точно, здѣсь все семейство, кромѣ одной Ольги Максимовны. Зенеида на диванѣ, читаетъ, облокотившись въ полудежащемъ положенiи на подушку. Отчего жъ на лицѣ ея не видать того небеснаго отраженiя, которымъ сча-

ете озаряетъ чело своихъ любимцевъ, которое окружаетъ такимъ блестящимъ вѣнцемъ красоту и молодость, молодитъ лицо отцвѣтшее, скрашиваетъ дурное? Или, быть-можетъ, это дѣйствіе серьезнаго чтенія? На другомъ диванѣ, въ противоположномъ углу комнаты, сидитъ, или лучше, дремлетъ надъ работой, женщина неопредѣленныхъ лѣтъ и незначительной фізіономіи, худая и длинная. Посреди залы, Антонъ Николаевичъ, въ щегольскомъ утреннемъ нарядѣ, играетъ въ воланъ, съ молодою, должно быть, очень молодою дѣвушкою. Лица ея разсмотрѣть нельзя, она стоитъ задомъ къ стеклянной двери; но шея ея, и руки обнаженныя до локтя, такъ бѣлы и такъ изящно округлены; каждое движеніе ея юнаго, стройнаго тѣла, каждый взмахъ руки, напоминаютъ волнообразныя движенія лебедя, который играетъ и плещется на одинокомъ прудѣ, и вмѣстѣ граціозныя, кокетливыя движенія бѣленькой, хорошенькой кошечки, избалованной и разнѣжившейся на солнцѣ.

Перекидывая перышко, игроки очень усердно и повидимому, очень весело перекидывались словами, потому что, по временамъ, улыбка озаряла лицо молодаго человѣка, а со стороны дѣвушки слышался звонкій, серебристый смѣхъ. Вдругъ, Антонъ Николаевичъ, оттого ли, что слишкомъ разговорился, или оттого, что заглядѣлся на свою милую противницу, такъ сильно бросилъ къ ней перышко, что оно взвилось до потолка, описало правильную дугу въ воздухѣ и перелетѣло черезъ голову дѣвушки. Слѣдуя за его полетомъ и надѣясь подхватить его на свою ракетку и отбросить, — а можетъ-быть, просто изъ шалости, Агнея быстро закинула назадъ головку. Отъ этаго движенія, показавшаго всю гибкость ея стана, гребень, который придерживалъ ея волосы, — выпалъ; густыя волны черныхъ локоновъ разсыпались по плечамъ и груди. Она громко застѣблалась и въ то же время, вся вспыхнула. Антонъ Николаевичъ бросился было поднимать гребень, но остановился на срединѣ пути, чтобы полюбоваться прелестнымъ созданіемъ, которому новость прически и положенія придавали такой оригинальный видъ. Она очень хорошо это чувствовала, потому что не спѣшила привести въ порядокъ свои роскошныя кудри и не разъ, украдкою бросала взоръ въ зеркало, которое висѣло напротивъ нея и отражало каждое ея движеніе. Наконецъ, она принуждена была наклониться за гребнемъ, граціознымъ движеніемъ руки подобрала волосы,

заколола ихъ и убѣжала изъ комнаты. Длинная дама, сидѣвшая за работой (это была ея гувернантка), съ ропотомъ послѣдовала за нею.

—Mademoiselle Agnès! вскричалъ было молодой человекъ, какъ будто этимъ умоляющимъ восклицаніемъ призывалъ ее къ продолженію столь заманчивой для него игры, — но взоръ его встрѣтился съ взоромъ Зенеиды, которая, опустивъ на колѣна руку съ книгою, смотрѣла на него внимательно. Лицо ея было важно и задумчиво. Антонъ Николаевичъ въ смущеніи бросилъ ракетку на столъ и подошелъ къ дивану. Зенеида посмотрѣла на него, не говоря ни слова, а только тихо, едва слышно, вздохнула. Послѣ минутнаго молчанія, она замѣтила съ своимъ обыкновеннымъ спокойствіемъ:

— Жаль, что Агнѣя становится такъ вѣтрена и рѣзва!

— Ахъ, она еще такъ молода! произнесъ выразительно Антонъ Николаевичъ....

— Я и не виню ее. Желала бы только для ея же пользы, чтобы она иногда думала о будущемъ и пользовалась воспитаніемъ, какого не получаютъ дѣвушки и не такія бѣдныя. Когда она воротится къ матери, — а это время ужъ близко, — ей должно будетъ заботиться не объ однихъ нарядахъ.

— Какъ! неужели вы хотите разстаться съ нею?

— Развѣ вы не знаете условія съ тетушкой?

— И вы рѣшитесь отпустить ее? Она такъ привязчива! Ея милая веселость такъ оживляетъ нашъ кругъ!...

Зенеида быстро на него взглянула и — горько усмѣхнулась. Она едва не вскричала: А годъ тому назадъ, кто упрашивалъ меня не вводить въ нашъ кругъ лишняго свидѣтеля нашего счастья? Кто боялся за наши уединенныя прогулки? Но подавивъ жестокою боль сердца, удержалась.

— Права, которыя имѣетъ надъ нею мать, священнѣе моихъ. Я не должна отнимать у ней счастья жить съ дочерью, потому только, что ея общество мнѣ пріятно.

Сказавъ это Зенеида встала и тихо вышла изъ комнаты.

Вмѣсто того, чтобы слѣдовать за нею, расскажемъ въ короткихъ словахъ, въ поясненіе этой маленькой сцены, все, что произошло новаго и особеннаго въ теченіе года, въ небольшомъ семейномъ кругу пашей знакомки.

Мы разстались съ Зенеидой Александровною, вскорѣ послѣ того, какъ она привезла на дачу свою кузину. Мѣсяцъ, назначенный для ея пребыванія на дачѣ, прошелъ незамѣт-

то. Каждый день, Агнея твердила матери, какъ ей весело у тетеньки и каждый день аккуратно Ольга Максимовна снова начинала высказывать Зенеидѣ свою благодарность. Стали поговаривать о возвращеніи въ **. Бѣдная малютка заплакала слезами. Ольга Максимовна напрасно старалась ее утѣшить. Наконецъ, не зная что съ нею дѣлать, расплакалась съ дочерью.

Счастіе сдѣлало еще добрѣе Зенеиду, добрую отъ природы, какъ рѣдкія существа на землѣ. Она предложила своей теткѣ, чтобы Агнея жила у нея тотъ годъ, который оставалось ей провести въ **, для окончанія воспитанія. Какъ было принято ея предложеніе, много ли слезъ пролито при этомъ удобномъ случаѣ почтенною Ольгою Максимовною, пересказывать считаемъ за лишнее. Зенеида пригласила къ себѣ знакомую Француженку, для того, чтобы она учила Агнею своему языку и музыкѣ, а сама стала заниматься съ нею по-англійски. Антонъ Николаевичъ, большой любитель литературы и считавшій себя знатокомъ, потому что изрѣдко помѣщалъ статейки въ одномъ журналѣ, — изъ любви къ Зенеидѣ, вызвался проходить съ Агнеею, русскую словесность и исторію. Говоримъ, изъ любви къ Зенеидѣ, — потому что просидѣть два часа съ дѣвочкой, совершенно не занимательною и по лѣтамъ далеко отставшею въ умственномъ образованіи, казалось ему несносною пыткой.

Въ-самомъ-дѣлѣ, ученіе шло не такъ-то успѣшно. Агнея не изъявляла большаго желанія приняться за книги, отъ которыхъ такъ недавно избавилась. Лицомъ къ лицу съ молодымъ учителемъ, она робѣла, дичилась, отвѣчала не хотя, но и кромѣ того, ее, казалось, тяготило все, что требовало малѣйшаго напряженія мысли. И такъ, Агнея, Антонъ Николаевичъ, и если уже говорить правду, и сама Зенеида, охотнѣе собирались на прогулку, нежели въ учебную залу. Въ эти пріятныя и слишкомъ быстрые для всѣхъ часы, Агнея бѣгала за цвѣтами и бабочками и увлекалась всякою бездѣлицею. Ольга Максимовна степенно шла сзади съ гувернанткой, или чаще разговаривала съ нею о разныхъ занимательныхъ предметахъ подъ тѣнію орѣшника, — гдѣ первая нерѣдко погружалась въ сладкій сонъ, а вторая вынимала изъ ридикюля романъ, напоминавшій ей о блаженныхъ дняхъ юности, Антонъ Николаевичъ садился возлѣ Зенеиды, и чѣмъ бы ни начиналась рѣчь, всегда сводилъ ее на неизмѣнную

тому ихъ любви, на то время, когда они будутъ дѣлать радости и печали жизни.

Въ подобныхъ разговорахъ, время бѣжало незамѣтно. Иногда Зенеида, съ усмѣшкою, прерывала его краснорѣчье вопросомъ : — А что же урокъ Агней? и поспѣшно призвала ее къ себѣ. Агнея прибѣгала, но при первомъ словѣ объ урокъ, дѣлала кислую рожицу, отвертывалась и снова убѣгала. А если Зенеида принимала строгій видъ, Агнея цѣловала ея руки, шею, щеки, до-тѣхъ-поръ, пока она не улыбнется. Неизвѣстно почему, эти ребяческія ласки неминуемо возбуждали досаду Антона Николаевича. — Ахъ, оставьте ее, говорилъ онъ обыкновенно Зенеидѣ, пусть ее гуляетъ и поправляется.

— Ваша правда, пусть ее гуляетъ! повторяла Зенеида, смотря на него съ выраженіемъ безпредѣльной любви и счастія. Тѣмъ всегда и оканчивалось дѣло. А Ольга Максимовна? О, единственною ея мыслию, единственнымъ желаніемъ было видѣть дочь веселою и довольною; тогда и она была весела и довольна. — Неволить ее къ ученію, тревожить заботою о томъ, что будетъ съ нею *посль* — это было не ея дѣло. Во всемъ, что касалось до ея судьбы, она полагалась съ безпредѣльною увѣренностію на Зенеиду, вѣруя въ нее, какъ фаталисты въ судьбу, безусловно, безотчетно, не позволяя себѣ ни дѣйствій, ни словъ, ни даже мысли, которая бы показала тѣнь сомнѣнія. И она была права. Сердце ея, какимъ-то инстинктомъ, вѣрнѣе глубочайшихъ расчетовъ разума, угадало, съ кѣмъ оно имѣло дѣло.

Между-тѣмъ, здоровье Агней укрѣплялось не по днямъ, а по часамъ. На щекахъ ея заигралъ румянецъ, тонкій какъ листокъ розы; грудь ея пополнѣла, руки округлились, лицо заблестало полу-прозрачною бѣлизною. Эта перемѣна въ ея наружности оставалась незамѣтною только для Зенеиды и Антона Николаевича, погруженныхъ въ свои собственныя ощущенія и для матери Агней, на глаза которой она и прежде и теперь была красавицею.

Промелькнуло лѣто. Жители окрестныхъ дачъ, одни за другими перебрались въ столицу. Зенеида должна была остаться до зимы въ своемъ прекрасномъ убѣжищѣ, потому что домъ ея въ городѣ передѣлывался. Но къ чему ей было торопиться? Имъ такъ было хорошо.

Въ началѣ зимы, Антонъ Николаевичъ долженъ былъ отлучиться мѣсяца на два изъ Петербурга, по дѣлу важному

для самой Зенеиды Александровны. Въ его отсутствіе, она никуда не выѣзжала и дѣлила время между немногими знакомыми и воспитаніемъ Агней. «Развѣ твое отсутствіе, для нея не то же время траура?» писала она къ Антону, въ отвѣтъ на его упреки за свое затворничество. И вотъ минута воздаянія настала. Онъ воротился, — все тотъ же нѣжный и страстный. Послѣ нѣсколькихъ свиданій, посвященныхъ сердечнымъ изліяніямъ съ глазу на глазъ, безъ докучливыхъ свидѣтелей, начался прежній образъ жизни. Снова принялись за уроки. Вотъ, въ одно утро, когда появилась къ нему Агней, Антонъ Николаевичъ былъ пораженъ юностію и красотою этой дѣвочки, такъ недавно еще худощавой, смугловатой, съ блѣдно-желтымъ оттѣнкомъ, дѣвочки, чертамъ которой болѣзненный видъ придавалъ что-то суровое и непріятное. Это превращеніе было для него столько же неожиданно и изумительно, какъ быстрый переходъ безобразной темной куколки въ блестящую бабочку. Агней чрезвычайно походила на свою кузину, или тетюшку, какъ она ее называла. У ней былъ такой же греческій окладъ лица, тѣ же чистыя правильныя формы, то же рафаэльское выраженіе въ чертахъ. Она имѣла ея глаза, большіе, темные съ нѣсколько поднятыми рѣсницами, что и придавало ея головкѣ такой идеальной характеръ. Это явленіе, какъ-будто смутило учителя и произвело, натурально, перемѣну въ его отношеніяхъ къ ученицѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, нельзя же было обращаться съ сухимъ, докторскимъ тономъ, съ необыкновенною красавицею, которой головка такъ величаво возвышалась на лебединой шейкѣ, которой чудные глазки, смотря ему прямо въ лицо, горѣли такимъ яркимъ лучемъ. А полу-кроткая, полу-лукавая улыбка на свѣженькихъ губкахъ, которая прерывала его всякій разъ, когда онъ, нахмутивъ брови, принималъ видъ угрюмаго педагога.

Послѣ нѣсколькихъ уроковъ, Антонъ Николаевичъ, съ радостію, замѣтилъ въ Агней умственную перемѣну, которая изумила его столько же, сколько быстрое развитіе ея физическихъ формъ. Съ возвращеніемъ здоровья, умъ дѣвушки получилъ новую жизнь и дѣятельность.

Конечно, ея усердіе къ ученію увѣнчивалось знаніями поверхностными, тѣми преимущественно, которыя льстили ея тщеславію. По-крайней-мѣрѣ, она показывала столько же любопытства и вниманія, сколько прежде была разсѣянна и не-

внимательна. Сначала, познанія и краснорѣчіе, которыя не жалѣя уже, рассыпалъ передъ нею наставникъ, изумили дѣвушку. Она стала робѣть передъ его превосходствомъ, сколько врежде робѣла передъ нимъ бессознательно. Она тщательно, какъ святыню, хранила его слова на сердцѣ и, чтобы заслужить его одобреніе, дѣлала немовѣрные усилія, дорого стоившія ей склонности къ лѣни и безмечности. Потомъ, женское лукавство одержало верхъ надъ добрыми началами. Агней замѣтила свою власть и незамедлила искусно ею воспользоваться. Прошло еще немного времени, и роли ихъ, оставаясь по наружности все тѣми же, совершенно измѣнились въ сущности. Философъ подчинился вліянію прекрасной ученицы; маленькая лукавая дѣвочка, съ однимъ оружіемъ женской хитрости и красоты, дѣлала что хотѣла изъ своего страшнаго, ученаго наставника. На Антона Николаевича дѣйствовало очарованіе, слишкомъ могущественное и сладостное, чтобы онъ могъ принять противъ него какія-нибудь предосторожности.

Въ такомъ положеніи находились дѣла и отношенія жителей дачи, когда истекалъ уже срокъ, назначенный Зенеидою для брака ея съ Антономъ Николаевичемъ и когда мы застали ихъ въ померанцевой галлерей.

Общество собралось уже передъ обѣдомъ. Никто не замѣтилъ, слѣдовъ слезъ на глазахъ Зенеиды, но и замѣтивъ, кто понялъ бы, что вызвало ихъ? минутная ли прихоть? своенравіе свойственное женщинѣ, или глубокая горестъ сердца, въ которое запало первое сѣмя сомнѣнія, которое почувствовало первое дыханіе урагана, грозящаго разрушить прекраснѣйшее зданіе ея свѣтлыхъ надеждъ! Случилось, однако же, обстоятельство, которое едва не заставило Зенеиду измѣнить себѣ: обстоятельство, незначительное, если хотите, смѣшное — для зрителя равнодушнаго; но неоцѣненной важности для любви, которая все кладетъ на вѣсы сердца. Послѣ обѣда, она зашла въ комнату Агней. Первый предметъ, который бросился въ глаза Зенеидѣ, были прекраснѣйшіе букеты цвѣтовъ, разставленные на окнахъ, на столахъ, на комодѣ. Тутъ красовались рѣдкія растенія, которыхъ не было въ саду Зенеиды, и дикіе полевые цвѣты, которые можно было нарвать только за предѣлами дачи. Замысловатый составъ букетовъ, красивое сочетаніе красокъ и формъ, эти пышныя розы, искусно полускрытыя въ темной, изумрудной зелени, эти бѣлоснѣжныя

камелии, обвѣнныя цѣлыми кистями хорошенькихъ, голубенькихъ цвѣточковъ, милая томно-помякнутая ароматной головкой, пунцовые амариллеы, какъ пламя въмчающіе самую верхушку этихъ душистыхъ созданій, полныхъ поэзіи и смысла, говорящихъ глазамъ и сердцу — между тѣмъ, какъ въ другихъ обиліе вьющихся стеблей и тысяча узкихъ, атласныхъ, лентовидныхъ листьевъ, вистѣвшихъ подобно кудрямъ, разбросаннымъ по плечамъ красавицы, въ минуту грусти и ибни, дышали какою-то тайною сердечной печалью, — однимъ словомъ, — все свидѣтельствовало о вкусѣ и терпѣніи творца этихъ маленькихъ chefs-d'œuvre, все говорило, что онъ занимался ими съ стараніемъ, съ любовью, какъ будто-желая перелить въ нихъ свою задушевную мысль.

— Bravo, Agnès, сказала Зененда съ принужденною улыбкою, указывая на букеты дѣвушкѣ, которая перекалывала ленты на шляпкѣ, примѣривая ее передъ зеркаломъ — я не полагаю, чтобы у тебя достало столько вкуса и терпѣнія.

— Вы и не ошибаясь, belle tante, не я ихъ дѣлала.

— А кто же?

— Ахъ, ma tante, ужъ вѣрно какой-нибудь сальфъ, или геній въ родѣ тѣхъ, о которыхъ читалъ намъ Антонъ Николаевичъ, хотя онъ и хвалится, будто самъ ихъ дѣлалъ.

Зененда тихо удалилась и прошла къ себѣ. Теперь только она замѣтила, что въ ея вазахъ, съ недѣлю уже, стояли блѣдые, засохшія растенія; а прежде онъ не пропускалъ дня, чтобы не принести ей свѣжаго букета.

Трудно выразить впечатлѣніе, какое сдѣлалъ на нее видъ этого обыкновеннаго предмета.... Эти увядшіе цвѣты, это забытое вниманіе, были для ея сердца ибмъ, но краснорѣчивымъ образомъ чувства, которое разливало въ ея жизни предель и счастье, подобно тому, какъ эти цвѣты, когда-то, разливали ароматъ въ ея спальнѣ и утѣшали ея взоры. Теперь онъ отнималъ у нея чувство и цвѣты, чтобы украсить или существо, и безъ того уже прекрасное, цѣлымъ будущимъ надеждъ!...

Наступилъ часъ обыкновенной прогулки. Зененда отговорила головною болью и вросила идти безъ нея. Это, казалось, встревожило Антона Николаевича. Голосомъ, въ которомъ отзывалась вся прежняя любовь его, онъ повторялъ ей вопросы за вопросами, умолялъ употребить какія-нибудь средства. Быть-можетъ блѣдность и видъ страданія, разлитого во

всѣхъ чертахъ Зенеиды, пробудили въ немъ непритворную заботливость; быть-можетъ, онъ старался казаться нѣжнѣе, и потому уже, что не находя въ душѣ прежней любви, чувствовалъ что-то, похожее на угрызенія совѣсти. Но Зенеида уже не обманывалась. Въ его словахъ она слышала голосъ дружбы, состраданія, — но не любви! «Любя по прежнему, имѣлъ ли бы онъ нужду спрашивать: что со мною? думала она. Онъ угадалъ бы малѣйшее движеніе моей души. Такъ бываетъ, когда два сердца живутъ *одною* жизнію, живутъ одно для другаго. Теперь, онъ желаетъ выразить мнѣ только участіе и не говоритъ ни слова о любви. Нѣтъ, какъ прежде, ни клятвъ, ни увѣреній, ни мыслей о будущемъ счастья. Стало-быть, прежде онъ любилъ меня, а если и обманывалъ, такъ потому только, что обманывался самъ.

Между тѣмъ Агнея, наскучивъ ждать Антона, прибѣжала звать его сама, со шляпою въ рукѣ. Приближаясь своимъ легкимъ шагомъ, она подошла къ галлерей, въ ту минуту, когда Антонъ Николаевичъ, растроганный грустью Зенеиды и можетъ-быть, желая только, чѣмъ бы то ни было, прекратить докучливое для него выраженіе, — обхватилъ ее станъ одною рукою, а другою прижималъ къ губамъ ея руку. Этотъ знакъ любви отъ милаго человѣка, сначала, потрясъ все существо Зенеиды ощущеніемъ блаженства. Съ намѣреніемъ оттолкнуть его, она, сама того не замѣчая, прижималась еще крѣпче къ его груди. Однако жъ, собравъ всѣ силы, она тихо высвободилась изъ его объятій и просила его удалиться, говоря, что желаетъ уснуть.

Но Агнея видѣла довольно. Лицо ея измѣнилось въ одно мгновеніе. Веселая улыбка, которая такъ заманчиво открывала ея губки, спорхнула съ быстротою испуганной птички. Она вспыхнула. Выраженіе изумленія, досады, омрачило ея лицо. Она удалилась также не слышно, какъ подкралась къ сидящимъ.

Невозможно, чтобы Агнея не знала или, по-крайней-мѣрѣ, не подозрѣвала, какія отношенія соединяли Антона съ ея благодѣтельницею; но легкомысленная, безпечная, никогда не давала себѣ труда размышлять о томъ, что видѣла, какъ скоро это не касалось ея непосредственно. Еще менѣе привыкла она опережать мыслію время, переносясь въ будущее. Она ни за что въ мірѣ не могла бы объяснить, отчего видѣнное ею возбудило въ ней негодованіе и что-то, похожее на обманутую увѣренность. Между-тѣмъ, когда она

возвратилась къ садовой калиткѣ, гдѣ ожидала ее гувернантка, лицо ея пылало, какъ отъ самаго сильнаго движенія, и въ своемъ смущеніи она не могла отвѣчать ни слова на вопросы своей спутницы.

Черезъ минуту пришелъ Антонъ Николаевичъ. Агнѣя встрѣтила его усмѣшкою негодованія. Она не приняла его руки и гордо отвернулась, когда онъ началъ съ нею говорить.

— Mais, quelle mouche vous a donc piqué, ma chère Agnès? Vous manquez aux convenances! замѣтила мадамъ.

— Ah, c'est vrai! вскричала дѣвушка, съ злобною усмѣшкою; j'oubliais le respect que je dois à mon... oncle, хотѣла она сказать, но удержалась и прибавила: à mon maître. Стрѣла попала въ цѣль, и Агнѣя должна была радоваться ея дѣйствию. Но не довольствуясь этимъ, она обратилась къ Антону Николаевичу, съ видомъ самой тонкой и вмѣстѣ самой холодной вѣжливости, примѣшивая въ свои фразы, всѣ возможные выраженія французской любезности и столько «monsieur», сколько могло ихъ тамъ умѣститься.

— Ахъ, шепнулъ ей Антонъ Николаевичъ, по-крайней-мѣрѣ не сердитесь на меня! Я не вынесу этого!

Негодованіе дѣвушки въ половину исчезло отъ трогательнаго выраженія его голоса. Она не отнимала уже руки, которою ему удалось овладѣть, взглянула на него и прекратила свои нападенія, считая вѣрно недостойнымъ своего великодушія преслѣдовать непріятеля, который казался такимъ жалкимъ и разстроеннымъ.

Молча прошли они садъ. Но это состояніе принужденія нисколько не согласовалось съ живостью Агнѣи. Ей нужно было смѣяться, говорить, подѣ часъ бѣгать; а съ кѣмъ же бы она могла все это дѣлать, если не съ Антономъ Николаевичемъ? По неволѣ, ей должно было съ нимъ примириться, не такъ какъ мирится ровный съ ровнымъ, а какъ могущественный властелинъ, который снисходитъ къ низшему. На перекресткѣ, съ котораго Антонъ Николаевичъ, обыкновенно, сворачивалъ на дорогу въ сосѣднюю дачу, гдѣ было его жилище — они разстались уже въ совершенномъ согласіи.

Свѣтлая іюньская ночь тихо спустилась на землю, утомянную дневнымъ зноемъ. На дачѣ все стихло. Зенеда встала съ роскошной постели, на которой напрасно стара-

дась найти успокоеніе. Накинувъ темное манто, котораго цвѣтъ слился съ зеленою деревъ, она тихо прокралась въ бесѣдку, гдѣ въ первый разъ коснулись ея уха слова любви, произнесенныя единственнымъ человѣкомъ, котораго она любила въ жизни. Странная прихоть сердца! Оно ищетъ окружить себя сладостными воспоминаніями утраченнаго счастья, какъ-будто для того, чтобы возвысить цѣну потери, чтобы заставить себя скорбѣть еще сильнѣе. Она стала на серединѣ бесѣдки и съ горестью смотрѣла вокругъ себя. Вотъ они, свидѣтели ея счастья и его любви! То же свѣтлое небо надъ ея головою, съ своими безчисленными звѣздами, то же море разстилается вдаль, съ своимъ таинственнымъ блескомъ и подвижною, осеребренною дымкою своихъ волнъ. Та же природа, упоенная нѣгою, спокойно, отрадно дышущая съ таинственными купами деревьевъ, гдѣ чуть шепчутъ листочки, съ безчисленными голосами кузнечиковъ и послѣднею пѣсней соловья! Но гдѣ жъ она, моя любовь? гдѣ мое счастье? Какъ могла я потерять сердце, которое отдалось мнѣ въ такую торжественную минуту, въ глазахъ всей природы! И неужели я въ-самомъ-дѣлѣ потеряла его? Она вспомнила, съ какою твердостію противилась пламеннымъ убѣжденіямъ Антона Николаевича, соединиться съ нимъ прежде истеченія года,—и повѣрила, что есть предчувствія, которыя не обманываютъ! А какъ она была счастлива въ тотъ вечеръ! Сердце ея не могло вмѣщать блаженства, которымъ было переполнено; уста не находили словъ, для выраженія благодарности Творцу, благословенія для того, кто сдѣлалъ ее столь счастливою. Что же сдѣлалось, съ-тѣхъ-поръ, что онъ могъ такъ къ мнѣ измѣниться? Развѣ я не все таже, довѣрчивая, готовая любить его, — увы! любящая его безпредѣльною любовію? Чтò же случилось? чтò измѣнило такъ наши отношенія?

Теперь ей казалось непостижимымъ, какъ могла она до-сихъ-поръ не увѣрится въ наклонности Антона Николаевича къ Агнѣ. Она припоминала тысячу обстоятельствъ, которыя доказывали, что она ему нравилась, какъ будто чудесная сила раскрывала ей глаза, пораженные слѣпотою! какъ будто рука генія, добраго, злаго—кто его знаетъ?—отдернула таинственную завѣсу съ ея глазъ. Ахъ! если разъ упадетъ въ душу сомнѣніе, съ какою гигантскою силою растеть оно изъ зерна, едва примѣтнаго! какъ оно опустошаетъ насъ! Съ какою ужасающею быстротою, не имѣя ни воли, ни силы остановиться,

дится сердце по гибельному пути подозрѣнія и недоувѣрчивости, когда уже разъ на него вступило! Она вспомнила, какъ Антонъ Николаевичъ постепенно становился нѣжнѣе къ ея родственницѣ, какъ голосъ его терялъ свою обыкновенную твердость, когда онъ къ ней обращался; какъ часто по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ онъ на нее, не сводя глазъ, и какимъ огнемъ горѣли тогда его глаза, какою нѣжностью они дышали! —Трепетъ обдалъ все ея тѣло, когда она обо всемъ этомъ вспомнила. Она желала плакать; но невѣдомая ей досихъ-поръ мука сушила слезы; глаза горѣли и напрасно судорожно смыкались; ни одной слезы не выкатилось изъ подъ ея пылающихъ рѣсницъ. —И чѣмъ могла она заслужить его любовь, —это сокровище ни чѣмъ не оцѣнимое? Можетъ ли легкомысленная дѣвочка любить его такъ нѣжно, безпредѣльно, самоотверженно, какъ любила я! Способна ли она все счастье жизни своей полагать въ его любви — въ его счастьи! Какое преимущество имѣетъ она передо мною?... Она прелестна и молода!... Прелестна, какъ можетъ-быть была прелестна я въ моей юности. И я хороша, но что значитъ моя красота передъ красотою Агней? Она цвѣтокъ, едва распустившійся, полный аромата; — а я цвѣтокъ, отжившій свою пору, съ ужасомъ ожидающій, не вѣетъ ли вечершій вѣтеръ, не ложится ли ночная тѣнь; цвѣтокъ, для котораго не бываетъ другой зари, не всходить другому солнцу! Она, — восходящее свѣтило, омытое свѣжею волною моря, радостно привѣтствуемое природою; я, — грустное вечернее солнце, которое спѣшитъ укрыться за горою, утомленное зрѣлищемъ земнаго горя и земной тревоги! Я понимаю; онъ смотритъ на это созданіе съ такимъ же чувствомъ счастья и наслажденія, съ какимъ встрѣчаютъ весну, когда она слетаетъ оживить землю. — А моя красота? Что можетъ внушить она? Развѣ только чувство грустнаго удовольствія, какъ видъ осенней зелени, которая иногда тѣшитъ глаза разнообразными оттѣнками, но вмѣстѣ заставляетъ сердце сжиматься предчувствіемъ смерти, мыслью о конечности и разрушенія всего, что цвѣтетъ въ этомъ мірѣ. А какъ все, что похоже на надежду, имѣетъ сильную власть надъ сердцемъ человѣка! Какъ манитъ его любовь и весна и юность! Ты правъ, Антонъ! *Ей* цвѣты, любовь и наслажденія, *ей*, юной, исполненной надеждъ въ будущаѣмъ! Мнѣ, — холодную дружбу, слова опыта и разсудка! Все въ свое время. Для меня, пора любви миновала, для нея, только что начинается!...

Переходя отъ мысли къ мысли, отъ грустнаго чувства къ другому, еще грустнѣйшему, она умилилась надъ собою.... Теплые ручьи слезъ облегчили ея сердце.... Она спрашивала себя : что дѣлать? Какъ помочь своему глубокому горю? Какую принести жертву? на какой подвигъ обречь себя, чтобы не допустить разрушенія всего своего блаженства? Тысяча плановъ приходило ей въ голову— и всѣ отвергало ея недовольное сердце. Наконецъ, ей вспало на мысль—немедленно отослать Агнею къ ея родителямъ! Но что ее тамъ ожидаетъ? Бѣдность, близкая къ нищету! Ея мать, издержавъ замужемъ, небольшую частицу, доставшагося на ея долю имѣнiя, жила, почти изъ милости, у сестры, у которой было девять человѣкъ дѣтей. Какую роль станеть играть между ими Агнея, поставленная ею на довольно значительную степень образованiя, обязанная ей прiятностью, дарованiями, даже красотою?... Прислуживать своимъ двоюроднымъ сестрамъ, или идти въ чужой домъ.... ей, которую она прiучила къ ласкамъ и довольству? Сердце Зенеиды ужаснулось этой мысли. Такъ благородная душа ея и въ самомъ страданiи, съ любовiю матери, помышляла объ участи близкихъ. И о чьей же участи! Той, которая можетъ-быть губила ее смертельно. Она упрекала себя въ томъ, что одну минуту думала лишить своего покровительства существо, которое однажды призрѣла въ святилицѣ своей семейной жизни.... И къ чему бы это послужило? говорила она со слезами. Если его плѣняютъ только юность, красота, все, что на мигъ льститъ чувствамъ,—то можно ли полагаться на его привязанность? Сегодня, очаровала его Агнея, завтра онъ встрѣтитъ другую, еще прекраснѣе и забудеть ее, какъ забылъ меня.... Если во мнѣ онъ не умѣлъ оцѣнить моей души, моей безпредѣльной любви, тѣхъ свойствъ, которыя принадлежать мнѣ неотъемлемо,—то не меня любилъ онъ—и стоитъ ли такой человѣкъ чувства чистаго и вѣчнаго? Стоитъ ли онъ его?...

Но едва Зенеида успѣла выразить эту мысль и ужаснувшись, отвергнула ее съ негодованiемъ. Какъ женщина съ душою возвышенною, съ чувствомъ глубокимъ и истиннымъ, она необходимо должна была уважать того, кого любила и прежде, нежели она хорошенько узнала Антона, сердце ея привыкло уже считать его существомъ совершеннымъ.

Между-тѣмъ, ночь тихо свивала свои покровы и спѣшила

удалиться на западъ. Отъ востока повѣялъ утренній вѣтеръ и нѣсколько утишилъ волненіе Зененды. Она спрашивала себя (такъ трудно потерять вѣру въ то, что составляетъ наше счастье!), точно ли несчастье ея такъ вѣрно? Не преувеличило ли ея воображеніе вещей обыкновенныхъ? Не наирасно ли встревожилось ревнивое сердце, зоркое и безпокойное, какъ драконъ, который стережетъ сокровище? Ахъ! какъ бы желала она, чтобы тоска, которая ее мучила, разсыпалась съ ночными призраками!... И легковѣрное сердце забилось отрадіе, какъ будто надежда слѣтѣла въ него, вмѣстѣ съ сладостными звуками, которыми соловей, изъ ближней рощи, привѣтствовалъ появленіе зари.

Зененда затрепетала, когда на другой день Агнея вошла къ ней узнать объ ея здоровьи. Привыкнувъ повѣрять всѣ движенія души своей, она замѣтила, что встрѣтила свою любимицу съ чувствомъ, котораго прежде никогда не испытывала; она внимательно разсматривала ея прелестныя черты, ея нѣжную кожу, какъ-будто видѣла ее въ первый разъ; какъ-будто желала составить себѣ точное понятіе о ея красотѣ, и послѣ невольнао взглядывала въ зеркало. Встревоженное сердце ея искало на своемъ свѣтломъ челѣ слѣдовъ, которые улетающіе годы неизбѣжно оставляютъ на лицахъ наиболѣе щадимыхъ временемъ. И она открыла эти слѣды, еще скрытые для другихъ! Едва замѣтное, но губельное зерно разрушенія, которое будетъ съ каждымъ днемъ расти и развиваться, до той минуты, когда это прелестное лицо обратится въ жалкую развалину. «Боже! думала она, Ты щадить полевой цвѣтокъ; его не предаешь Ты въ жертву конечному разрушенію, и весною, снова, изъ праху, обновляешь это мимолетное, бездушное твореніе Твоего Промысла;—а лицо человѣка, лучшее, благороднѣйшее изъ Твоихъ созданій, этотъ образъ, на которомъ напечатлѣно Твое божественное дыханіе.... это чело, гордое и прекрасное, эти глаза умные, дышащія любовью, эта чудная оболочка, блѣже мрамора, нѣжнѣе розы, жалко, безобразно искажится, разрушится, погибнетъ безъ возврата!...» И сердце ея сжималось, при видѣ своей красоты, столь ослѣпительной и столь близкой къ закату....

Съ этой поры нравъ Зененды видимо измѣнился.

Смотря на нее, задумчивую, тревожную или разсыпанную, Агнея прерывала оживленный разговоръ, или встрѣтивъ ея черные глаза, устремленные на нее, съ страннымъ, испыты-

ющійся выраженіемъ, невольно заглушала свой дѣтскій смѣхъ. Время чаю и обѣда, обыкновенно столь пріятное, проходило въ принужденіи и молчаніи. Прогулки, оживленныя умомъ и изобрѣтательностью Зенеиды, за которыя ее, по справедливости, можно было уподобить доброй волшебницѣ, — совершались теперь, отдѣльными группами, или служили только поводомъ къ взаимной недовѣрчивости, къ наблюденіямъ и подозрѣнію.

— Что вытакъ грустны, *ma belle tante*? спрашивала иногда Агней, обвинвъ прекрасную шею молодой женщины своими бѣленькими ручками.

— Нездоровится, милая, былъ обыкновенный отвѣтъ Зенеиды. И, въ-самомъ-дѣлѣ, она все становилась блѣднѣе, — исчезъ блескъ, которымъ счастье озаряло ея милое лицо; она тихо увядала, какъ будто для того, чтобы, отъ противоположности, выставлялась еще разительнѣе, пышно-разцвѣтающая красота Агней. Агней умоляла ее послать за докторомъ. Агней не была неблагодарна. Она любила Зенеиду, какъ любили ее всѣ, кого судьба съ нею сблизила.... Видя ее страждущею, она забывала ту минуту, которая, сначала, неотступно представлялась ея воображенію, ту минуту, когда она увидѣла Зенеиду въ объятіяхъ Антона, и которой воспоминаніе, невѣдомо для нея самой, пробуждало въ юной душѣ ея какое-то чувство раздраженія противъ ея благодѣтельницы.

IV.

Августъ былъ еще въ половинѣ; погода стояла совершенно лѣтняя, когда Зенеида Александровна изъявила желаніе оставить дачу. И вотъ, въ одно утро, при яркомъ свѣтѣ солнца, которое блистало на пѣвѣтахъ, еще сохранившихъ капли росы, Зенеида вышла изъ дому въ сопровожденіи Агней и Антона Николаевича. Гувернантка предпочла сѣсть въ карету. Чувство грусти и какого-то смутнаго ожиданія томило и сжимало душу молодой женщины. Она остановилась, прощальнымъ взглядомъ окинула маленькій уголокъ, который, благодаря ея стараніямъ, какъ оазисъ, отличался отъ сосѣднихъ дачъ, и слезы невольными

спусти на ея рѣсницахъ. Тайное предчувствіе говорило ей, что прежде, нежели она опять посѣтитъ эти мѣста, рѣшится судьба трехъ существъ. Скоро окончится споръ; — будетъ произнесенъ приговоръ: кому быть счастливымъ, кому пасть жертвою.

Они удалились. Мѣсто волненій, душевныхъ тревогъ и желаній, — стихло и опустѣло, предоставленное во владѣніе дворнику, — который, изо всѣхъ земныхъ страстей, зналъ только одну, — страсть къ вину: равнодушно начиналъ и равнодушно оканчивалъ день, ни о чемъ и ни о комъ не заботясь, не разбирая, счастлива ли его жизнь и скоро ли суждено ей кончиться.

Трудно было бы описать состояніе борьбы и неизвѣстности, въ которыхъ провела Зенеда три мѣсяца. Она, то ласкала себя надеждою, обвиняя глаза свои въ слѣпоту, а умъ въ предубѣжденіи, перечитывала всѣ знаки довѣренности и нѣжности, которые изъявлялъ ей Антонъ Николаевичъ; старалась убѣждать себя, что вниманіе, оказываемое имъ Агнѣ, было не что иное, какъ невольная, минутная дань, которую молодой человѣкъ всегда платитъ юности и красотѣ, и которая исчезаетъ, не имѣя силы измѣнить чувствъ, утвержденныхъ на взыблемомъ основаніи уваженія и душевнаго сходства. Тогда она оживала, была по прежнему счастлива, одушевлена, умъ ея и глазъ снова сыпали искры. Тогда, она находила себя прекрасною, прекраснѣе, чѣмъ когда-нибудь, и эта увѣренность, въ-самомъ-дѣлѣ, озаряла ея красоту несравненнымъ блескомъ. Новдругъ, одинъ взглядъ Антона Николаевича, съ нѣжностію устремленный на Агнью, какое-нибудь ничтожное доказательство, что она занимаетъ его мысли, и Зенеда снова содрогалась ревностію, снова испытывала адскія терзанія, неразлучныя съ самою разрушительною изъ всѣхъ человѣческихъ страстей. Нерѣдко, случалось, что простой намекъ на тѣлность женской красоты и быстротечность молодости, неумышленный вопросъ о лѣтахъ женщины одинаковаго съ нею возраста, уязвляли ее какъ змѣиное жало. А если подобное замѣчаніе, хотя безо всякаго намѣренія, дѣлалъ Антонъ, — его слова казались ей исповѣдью его тайныхъ помысловъ, приговоромъ, который онъ произносилъ ей любви.... И удалившись въ свою комнату, она горько плакала, истощала жизнь свою стремленіемъ къ недостижимому! Однигъ словомъ, въ это короткое время, она вынесла всю тревогу, которую производитъ въ человѣкѣ сердце, когда оно не

признаетъ власти разсудка, когда душа вся отдается земнымъ помысламъ и страстному желанію земнаго блаженства. Она заплатила полную дань слабости и безразсудства, къ какимвъ только можетъ быть способна женщина.

Наступило время вывозить Агнею въ свѣтъ. Зенеида, мнѣе, нежели когда-нибудь, была расположена являться въ общество; но это было необходимо для Агней; а она поставила себѣ за долгъ исполнять всѣ требованія, которыя, въ томъ, или въ другомъ отношеніи, могли имѣть вліяніе на будущую судьбу дѣвушки, взятой ею на попеченіе. Она рѣшилась исполнить и эту несносную для нея обязанность и какъ бы пользуясь совершенною свободою духа, занялась всѣми подробностями туалета Агней, для перваго, и обыкновенно, столь блестящаго бала, въ Благородномъ собраніи.

Утромъ того дня, Зенеида Александровна отдыхала въ своей уборной, послѣ небольшой прогулки пѣшкомъ.

Вокругъ нея, на столикахъ, на диванѣ, разбросаны были рисунки, листки газетъ и еще неразрѣзанныя книжки журналовъ. Не удостоивая вниманія сокровищъ современнаго ума, учености, остроумія, безкорыстной любви къ искусству, любезности особеннаго рода и, даже, генія, — Зенеида съ напряженною наблюдательностію устремила неподвижный, почти дикій взоръ на одну точку. Голова ея склонилась впередъ, какъ-будто все существо ея порывалось достигнуть предмета, который поглощалъ ея вниманіе; щеки ея, то блѣднѣли, то вспыхивали яркою краскою; судорожно сжимались губы, какъ-будто, стараясь заглушить болѣзненный вопль.

Какой же это предметъ, который съ такимъ могуществомъ оковалъ вниманіе Зенеиды, какъ-будто бы всѣ ея жизненные силы сосредоточились въ одномъ чувствѣ зрѣнія? — Предательское зеркало, которое въ огромномъ стеклѣ своемъ, отражало все происходившее въ сосѣдней комнатѣ. Впрочемъ, тамъ не происходило ничего необыкновеннаго. Агней, какъ она дѣлала это каждое утро, играла въ четыре руки съ Антономъ Николаевичемъ увертюру изъ Мейерберовыхъ «Гугенотовъ». Но музыка какъ-то не шла на ладъ. Взоръ Антона Николаевича, какъ-будто повинуюсь вліянію тайнаго магнетизма, невольно слѣдилъ за гибкими, волнистыми очертаніями шейки, на которой, вмѣсто всякаго покроя, лежала узкая лента темнаго бархату. Торопливо начиналъ онъ свою

партію, и въ разсѣянности, дѣлалъ ошибку за ошибкою.... Агнѣя смѣялась надъ нимъ и не прерывая своей игры, поверно была его по пальцамъ кончикомъ своего мизинца, всякій разъ, какъ онъ бралъ фальшивую ноту или начиналъ не спросясь каданса.

— Ахъ! вскричала она наконецъ, какіе вы сегодня несносные! Нѣтъ, вотъ, что вамъ надобно играть! И протянувъ руку на басовой ключъ, она взяла нѣсколько аккордовъ черезъ его руки. Голова ея касалась плеча Антона. Онъ вдыхалъ благовопія, которыми умащены были блестящія ленты ея черной косы.

Въ эту минуту, мадамъ Азюваль вызвали изъ комнаты. Какъ навожденіе злаго духа, который, говорятъ, всегда подстрекаетъ нашу слабую сторону, Антономъ овладѣло неодолимое искушеніе. Что, если бы напечатлѣть поцѣлуй, одинъ только поцѣлуй, на этой прелестной, лебединой шейкѣ! Съ жадностію пчелы, летящей упиться ароматною сладостію цвѣтка, — прильзнуть губами къ дѣвственной оболочкѣ, которая сіяла передъ нимъ свѣжѣе, роскошнѣе всѣхъ цвѣтовъ. Ближе и ближе склонялся онъ.... Но, вдругъ, тайное, могущественное чувство удержало его. Съ трепетомъ, стыдясь самого себя, поспѣшно, всталъ онъ изъ-за фортепіано, сильно оттолкнувъ стулъ. Агнѣя, въ недоумѣніи и не безъ страха смотрѣла на Антона Николаевича, какъ онъ быстро ходилъ по комнатѣ со всѣми признаками душевнаго волненія, котораго не могъ, а можетъ-быть, и не старался скрывать.... Онъ забылъ, не только о присутствіи, но даже о существованіи Зенеиды. Да если бы и вспомнилъ, то могъ ли думать, что она невидимая, наблюдаетъ за нимъ, неуспынно, неумолимо, какъ совѣсть, которая такъ внезапно въ немъ пробудилась. Онъ слышалъ, что иногда у стѣнъ бываютъ уши и потому, не вымолвилъ почти ни слова, но могъ ли онъ думать, что у нихъ бываютъ также и глаза на виновныхъ!

— За что жъ вы разсердились? спросила наконецъ Агнѣя.

Антонъ Николаевичъ затрепеталъ при звукахъ ея голоса. Онъ остановился передъ нею. Глаза его пылали. На лицѣ ясно выражалась душевная борьба.

Нѣсколько разъ, казалось, онъ готовъ былъ говорить, но въ ту же минуту устремлялъ безпокойный, почти непріязненный взоръ къ дверямъ будоара, и губы его смыкались, какъ-будто, зажатыя невольной рукою.

— Извините.... Агния.... прощансь бы наконецъ, отрывисто, сегодня.... я не могу съ вами играть.... я.... не такъ здоровъ.... Извините меня передъ тетушкою.... Впрочемъ.... не говорите ничего.... я вернусь къ обѣду. И поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Агния нѣсколько времени смотрѣла ему вслѣдъ, качая головкою. Никогда еще не случилось ей видѣть его въ такомъ странномъ расположеніи духа. Потому она вскочила, побѣжала, напѣвая романсъ, въ свою комнату, надѣла шляпку, вызвала шадате и черезъ минуту облетала магазины въ той самой коляскѣ, въ которой года за полтора красовалась Зенaida.

Что жъ дѣлаетъ теперь эта женщина, тогда столь прекрасная и веселая, что одинъ видъ ея, казалось, свидѣтельствовалъ о счастіи! Блѣдна, почти бездыханна, лежала она, закинувъ голову на шелковыя подушки дивана, какъ изящное мраморное изваяніе, котораго бѣлизна, отъ времени, утратила часть своего блеска. Нѣсколько минутъ оставалась она въ положеніи совершеннаго безчувствія, сохраняя только одно ѣдкое ощущеніе нестерпимаго страданія. Увы! этотъ мигъ разорвалъ слабую нить, которою душа еще держалась надежды. То былъ послѣдній ударъ, разрушившій все ея счастіе. Теперь, она отдала бы всю свою жизнь, чтобы воротить даже самое состояніе сомнѣнія, которое казалось ей такъ мучительнымъ. Ужасная пустота облегла ея сердце. Жизнь и природа, небо и земля, люди и предметы неодушевленные, — все покрывлось непроницаемымъ мракомъ, среди котораго возникали, по временамъ, мучительные призраки, оледѣняющіе сердце. Что станетъ она дѣлать съ своею жизнію ?!

Она все видѣла. Отъ нея не укрылось ни одно изъ движеній Антона, ни одинъ взглядъ, ни самая малѣйшая складка на лбу его. И все, что изумляло Агнью, что удивило бы другаго зрителя, болѣе равнодушнаго, все казалось ей такъ понятнымъ, такъ яснымъ. Она могла истолковать причину и значеніе каждаго его движенія, такъ хорошо научилась она читать въ его душѣ. Она могла подсказать ему слова, которыя онъ произносилъ въ полголоса, или которыя произносилъ только мысленно. Казалось, она слышала ти-

ную бѣсѣду души его, во время происходившей въ немъ бѣдѣ.

Слезы неволью ручьемъ покатились изъ ея глазъ. Не тѣ благодатныя слезы горести, отъ которой мы можемъ освободиться черезъ день, черезъ мѣсяць, черезъ годъ, когда-нибудь, не тѣ слезы, которыя оевѣжаютъ душу, какъ весенній дождь природу; а слезы глубокой печали, для которой нѣтъ ни завтра, ни послѣ-завтра, ни конца, ни надежды, ѣдкія, жгучія слезы, которыя крупными каплями пади на грудь ея. И въ мигъ, источникъ ихъ изсякъ. Да, она все поняла. Теперь она убѣдилась, что онъ любилъ Агнею! Любилъ истинною, чистою любовію, которая заставляетъ самаго дерзкаго трепетать передъ предметомъ своего чувства, самаго легкомысленнаго, благоговѣть передъ нимъ, уважать его чистоту. Вотъ истинная любовь! Не таковъ былъ онъ, когда увлеченный юношескою пылкостью, минутною прихотью, оболщенный новостію,—кто знаетъ?—подстрекнутый самолюбіемъ, ни мало не колеблясь, заключилъ меня въ свои объятія. Тамъ, выказывался пылъ страсти земной, переходящей; здѣсь, все дышетъ любовію вѣчною, святою! Все кончено! Нѣтъ надежды! Нѣтъ возврата! Онъ любить ее, любить на вѣкъ! Эта любовь должна рѣшить судьбу его. «И закрывъ лицо платкомъ, неподвижная, безъ слезъ, безъ рыданій, она долго оставалась въ одномъ положеніи, съ смутнымъ, глубокимъ ропотомъ: зачѣмъ могильный саванъ не покрылъ ее прежде, нежели она навѣки утратила всѣ свои надежды. Она вспомнила свои жалобы, свое отчаяніе, когда считала себя въ опасности умереть. «Безумная!... Тысячу разъ счастлива была бы я, когда бъ не дожидая до этой минуты, говорила она, когда бъ умерла съ вѣрою въ любовь его, съ упованіями чистыми и прекрасными? О, какъ жалѣла она о безмятежныхъ дняхъ юности, когда, покоряясь одному долгу, избѣгала малѣйшаго прикосновенія страстей, этой язвы, этой гибельной отравы души! Какъ горько жалѣла о временн, полномъ очарованій, когда, вступая въ міръ, еще для нея новый, свободная и богатая средствами, она составляла себѣ тысячу плановъ счастья, когда все, что есть въ жизни прекраснѣйшаго, казалось, было уже въ ея рукахъ! И теперь, все это разрушено! все утрачено, все попорано!

Горестъ и мученіе, которыя испытывала Зенеида, въѣ всякаго выраженія. Отчаяніе овладѣло ею. Она упала на

колѣна передъ диваномъ, билась о него головою, рвала на себѣ волосы и прижавъ лицо къ подушкамъ, безотчетно старалась заглушить громкіе, дикіе вопли. Эта пытка была для нея тѣмъ ужаснѣе, что никогда она не знала, никогда не думала знать ничего подобнаго. Она проклинала жизнь, людей, себя.... Но за что же себя? Она, которая не знала за собою другаго преступленія, кромѣ любви и довѣрчивости, которой вся жизнь была, отъ юности, храмомъ благородныхъ помысловъ, источникомъ добрыхъ дѣлъ!

— Нѣтъ, сказала она, наконецъ, не себя должна я клясть, а того, кто поругался чувству, попрагъ всѣ достоинства женщины, за безпредѣльную любовь заплатилъ жесточайшею мукою; за то, что я всю себя, все что имѣю, хотѣла посвятить ему, чтобы сдѣлать его какъ можно счастливѣе, кто оборвалъ всѣ цвѣты моей жизни, разрушилъ ее безъ возврата, оторвалъ отъ сердца надежды, упованія и разметалъ ихъ во прахъ!... Промѣнялъ мою душу, мою любовь на розовыя щечки дѣвочки! Его, злаго духа моей жизни.... его проклиная я!... Проклинаю и тебя, змѣю, согрѣтую моимъ дыханіемъ! О, если бы.... Зачѣмъ, въ рукахъ моихъ нѣтъ стрѣлъ уничтожить неблагодарныхъ!... А ты, открывшее мнѣ всю мѣру моего злосчастія, погибни.... какъ погибло во мнѣ всякое благотворное чувство!... Въ безуміи, въ ярости, съ силою, которую могло сообщить одно лишь отчаяніе, она схватила алебастровую вазу, стоявшую у дивана и бросила ее въ зеркало. Блестящіе обломки съ трескомъ и стукомъ посыпались на полъ. Въ эту минуту, она нечаянно взглянула въ уцѣлѣвшій остатокъ стекла и — содрогнулась. — Боже! я ли это? простонала она и всплеснувъ въ отчаяніи руками, закрыла ими свое пылающее лицо.... Потому что могла ли Зенеида, которой наружность была прекраснымъ отпечаткомъ внутренней чистоты и гармоніи, могла ли она, не содрогнувшись отъ ужаса, узнать себя въ этой Медеѣ, съ волосами, въ беспорядкѣ расброшенными по плечамъ, съ чертами, обезображенными отчаяніемъ, съ пламенѣющими, блуждающими взорами, съ щеками, на которыхъ блѣдность смѣнялась багровою краскою.... Задыхаясь отъ горести и глубокаго стыда, она упала на диванъ и горько, неутѣшно рыдала. Мстительница Немезида исчезла. Снова явилась добрая, любящая женщина, — существо, въ которомъ самое жестокое страданіе не истребляетъ врожденной кротости и преданно-

сти. — «О, Антонъ! шептала она, рыдая, такъ вотъ слѣдствія моей любви къ тебѣ! Къ тебѣ, котораго я считала ангеломъ-хранителемъ всего прекраснаго въ душѣ моей, виновникомъ жизни, полной добра и возвышенныхъ наслажденій!... Погубивъ мое счастье, неужели ты погубишь и душу?... И она плакала, плакала до-гѣхъ-поръ, пока совершенное истощеніе силъ не погрузило ее въ глубокое усыпленіе. — О, думала она, если бы за этимъ ужаснымъ мученіемъ послѣдовала болѣзнь, которая привела бы меня къ желанному концу!... — Но, пробудясь, она съ удивленіемъ почувствовала себя крѣпче тѣломъ и спокойнѣе духомъ. Казалось, что жестокій порывъ отчаянія облегчалъ ее душу отъ ужаснаго бремени, которое надъ нею тяготѣло, подобно тому, какъ гроза освобождаетъ природу отъ избытка электричества. Вся сила ея характера возвратилась къ ней. Она почувствовала твердую рѣшимость выносить всѣ страданія, которыя ей еще готовятся, не обнаруживая ни передъ кѣмъ своей слабости. Одна мысль, что виновникъ ея несчастія могъ подозрѣвать униженіе, до котораго она, за минуту передъ тѣмъ, доходила, была ей невыносима, возмущала всю ея душу, — гордую столько же, сколько, порой, она являлась нѣжною, — и вдыхала въ нее мужество скорѣе на все отважиться, все выстрадать, нежели выдать тайну своего сердца на сожалѣніе, быть-можетъ на поруганіе людямъ. Она собралась съ духомъ и силами, поправила беспорядокъ въ волосахъ, одеждѣ и тогда уже позволила на горничную, чтобы окончить свой туалетъ того времени, какъ всѣ соберутся къ обѣду. Горничная Зенеиды находилась при ней съ дѣтства и принадлежала къ числу рѣдкихъ слугъ, которые умѣютъ цѣнить въ господахъ и другія достоинства, кромѣ щедрости, — способныхъ привязываться безкорыстно и неліцемерно. Въ то время, какъ отчаяніе и скорбь исторгали вопли изъ души Зенеиды, Анна работала въ своей комнатѣ, отдѣленной отъ уборной одною спальнею. Встревоженная необыкновенными звуками, которые къ ней долетали, она тихо подошла къ двери и была свидѣтельницею отчаянія барыни.... Первою ея мыслию было плотно притворить всѣ двери, ведущія въ другіе покои. Потомъ, разгласивъ между служителями, что госпожа ея нездорова, и легла отдохнуть и чтобы никто не осмѣливался приблизиться къ уборной, она сама возвратилась къ ней и не смѣя войти, удерживая свои слезы, наблюдала про-

исходившее, готовая летѣть на помощь при первой надобности. Тогда уже, когда Зенеида Александровна крѣзко загнула, Алина тихо удалилась, качая головою при мысли о всемъ, что видѣла; всѣ разспросы домашнихъ, отчего она блѣдна и встревожена, не вынудили у нея ни одного слова, которое бы могло повредить любимой госпожѣ.... Какъ обрадовалась эта честная душа, когда, послѣдивъ на зовъ своей барыни, она нашла ее твердою и почти спокойною. Удвоивъ обыкновенное усердіе, Алина, благодаря тысячѣ туалетныхъ пособій, порожденныхъ волшебною изобрѣтательностію вѣка, помогла Зенеидѣ Александровнѣ уничтожить послѣдніе признаки ея недавнихъ страданій.... Такимъ-образомъ, эта минута глубокаго униженія и величайшаго нравственнаго разстройства, — плодъ несчастной страсти, достигнувшей послѣдней степени силы и отчаянія, — эта минута, единственная въ жизни благороднаго существа, въ которомъ такъ ясно отразились все достоинство, вся нѣжная прелесть женщины, осталась навсегда для всѣхъ тайною.

Когда возвратилась Агнея и вслѣдъ за нею Антонъ Николаевичъ, Зенеида Александровна ходила быстрыми шагами стараясь усиленнымъ движеніемъ заглушить борьбу чувствъ, неумокавшую въ душѣ ея, успокоить тревожныя мысли, которыя облегчали, тѣснили ея бѣдный разсудокъ въ самыхъ послѣднихъ его предѣлахъ. Лицо ея, подъ легкимъ слоемъ румянъ, было смертельно блѣдно; глаза, напротивъ, горѣли необыкновеннымъ огнемъ, но и этотъ единственный признакъ ея волненія легко могъ укрыться отъ зрителей, не посвященныхъ въ тайну ея внутренней жизни. Тотъ только, кому было бы извѣстно все, что она испытала до этой минуты, только тотъ могъ угадать, что она приняла какое-нибудь рѣшительное намѣреніе, или готовится принести жертву, требующую всѣхъ душевныхъ силъ. За обѣдомъ она говорила спокойно; однако жъ въ этомъ спокойствіи видно было что-то особенное, потому что Антонъ, сидѣвшій напротивъ нея, раза два вздрагивалъ и устремлялъ на нее взоръ, выражающій недоумѣніе и непонятную для него самую боязнь. Зенеида Александровна тихо, безъ принужденія избѣгала его взора и продолжала обращаться къ племянницѣ съ разспросами о предстоящемъ вечернемъ туалетѣ. — Казалось, ничего особеннаго не произошло между этими тремя существами, которыхъ взаимныя отношенія

были такъ странно переиспечены и запутаны, но кто прѣмъ наблюдать человѣческое сердце, тотъ съ ужасомъ почувствовалъ бы присутствіе какой-то враждебной силы: онъ увидѣлъ бы желѣзную руку судьбы, которая, неумолима, холодно чертила на лицѣ каждаго неизмѣнный приговоръ и каждаго неодолимо влекла въ цѣли, заранѣе ею поставленной....

Когда насталаъ часъ туалета, Зененда занялась имъ съ такою дѣятельностью, съ такою заботливостью, съ какою только можетъ заняться кокетка, пламенно желающая довершить побѣду надъ обожателемъ, котораго поклоненіе льститъ ей тщеславію. Она сама выложила всѣ свои вещи и по нѣсколь- ку разъ примѣривала каждую къ платью, которое готовилась надѣть. Казалось, она хотѣла истощить все свое искусство, чтобъ придать прелесть своему наряду и возвысить красоту, котораю надѣляла ее природа; хотѣла ли она явиться глазамъ Антонова Николаевича во всемъ блескѣ очарованія и красоты, въ надеждѣ пробудить въ душѣ его угасшую любовь или, по-крайней-мѣрѣ, сожалѣніе; хотѣла ли сказать послѣднее прости, свѣтлымъ забавамъ юности, въ послѣд- ній вечеръ, послѣ котораго судьба ея должна была рѣшиться на вѣки?... Всѣ эти мысли, казалось, смутно толпились въ душѣ Зененды. — Если бы я умерла, наконецъ, сказала она, смотря съ грустною улыбкою на разложенные передъ нею наряды, вѣдь положили же бы меня въ гробъ въ пре- краснѣйшемъ платьѣ, увѣнчали бы голову мою цвѣтами. Ну, и сегодня, не скорошла ли я безъ возврата всѣ мои желанія? Этотъ вечеръ будетъ моимъ торжественнымъ прощаніемъ, съ юностью, любовью, надеждами, — со всѣмъ, что красить жизнь, что согрѣваетъ душу и радуетъ сердце?!...

Спокойна, величава какъ царица, вступила Зененда Александровна въ рядъ комнатъ, ведущихъ въ залу собранія. Однакъ упрекъ можно было сдѣлать ея наружности въ этотъ вечеръ. Лицо ея было, можетъ-быть, слишкомъ важно, а бархатное платье цвѣту *pensée* было немного мрачно для такого блестящаго собранія, если бы не возвышали его брилліантовыя пряжки, придерживавшія атласныя тор- сажы на юбкѣ, рукавахъ и лифѣ. Зато, прозрачная, какъ облако, блондовая накладка съ легкой кистью брилліанто- выхъ съ золотомъ колососьевъ, окружала ея высокое чело такимъ благороднымъ, изящнымъ образомъ. Не смотря на свое уныніе, Зененда Александровна не могла не сознаться,

что она хороша и съ горделивымъ, радостнымъ трепетомъ, прислушивалась къ лестному ропоту и еще болѣе лестнымъ взглядамъ, которыми привѣтствовали ея появленіе въ залу. Она, быть можетъ, и забыла бы на минуту свою тревогу и подозрѣнія; быть-можетъ съ прежнею довѣрчивостію, съ прежнимъ блаженствомъ, оперлась бы на руку, которую предложилъ ей Антонъ Николаевичъ, при выходѣ изъ кареты, если бы, подобно гибельному призраку, не мелькалъ въ глазахъ ея, свѣтлый, воздушный образъ дѣвушки съ розами въ черныхъ кудряхъ и на бѣломъ тюлевомъ платьѣ. Агнѣя шла передъ своею теткою, обѣ руку съ молоденькою подругою, дочерью чиновника въ звѣздѣ, который съ важностію велъ Зенеиду Александровну. Проходя мимо зеркалъ, она видѣла и могла сравнить эти два образа, оба столь прекрасные, но столь рѣзко противоположные, не смотря на фамильное сходство лицъ, и послѣ невольнаго сравненія, глаза ея грустно отвернулись отъ зеркала, и незамѣтный, но тяжелый вздохъ поколебалъ страждущую грудь подъ бархатомъ и алмазами, которые ее покрывали.

Какія впечатлѣнія вынесла Зенеида изъ этого великолѣпнаго вечера? Что испытала она, въ этой огромной залѣ, гдѣ мода собрала для начатка зимнихъ празднествъ всю пышность и все величіе Петербурга? Чело ея оставалось постоянно свѣтло и спокойно; улыбка не сходила съ устъ; но на душѣ было смутно и тяжело, какъ среди болѣзненнаго сновидѣнія. Безсознательно смотрѣла она на блестящія группы, которыя вились передъ нею и вокругъ нея, стремясь шумнымъ потокомъ за знаменитыми посѣтителями или извѣстными красавицами. Какъ во снѣ, долетали до нея поклоны, привѣтствія знакомыхъ, иногда слова съ намѣреніемъ, или безъ намѣренія, почти вслухъ сказанныя: «*Quelle belle femme!*» и сопровождаемая взорами, хотя ненарушающими самаго строгаго приличія, однако ясно доказывающими, что они были направлены по ея адресу. И потомъ еще яснѣе: *Qu'elle est bien encore, Me. Stoline!* — *Encore!!* печально отозвалось въ сердцѣ Зенеиды. — Чудо женщина!... — Да вѣдь ты отъявленный обожатель балзаковъ «*femmes de 30 ans!*» Не хочешь ли, я покажу тебѣ портретъ ея, писанный пятнадцать лѣтъ назадъ? Вотъ, такъ очарованіе! Что бы за прелестная Хитана изъ нея вышла!...

Двое молодыхъ людей, — бѣлокурый съ едва пробивающимися усиками, вздернутымъ носомъ, какъ-будто бы, не смо-

тя на свою молодость, онъ готовъ былъ вызвать на бой весь міръ, — другой—военный, извѣстный посѣтитель всѣхъ баловъ, опытный и положительный по вѣку, но не по лѣтамъ, отдѣлился отъ толпы и направился на другую сторону залы. Зененда невольно послѣдовала за ними взорами. Почти противъ нея, Агнѣя танцевала кадрили, лучезарная, радостная, хотя и немного смущенная; — vis-à-vis ея была подруга, съ которою они пріѣхали на балъ; кавалеромъ—Антонъ Николаевичъ, торжествующій, внимательный, почти страстный, почти ревнивый къ впечатлѣнію, которое производило кругомъ недюжинное личико Агнѣи. Когда онъ успѣлъ пригласить ее? Еще за минуту, онъ стоялъ за стуломъ Зененды, повидимому вѣжливый и счастливый.... Зененда отвернулась съ улыбкою предложила своему кавалеру и нѣкоторымъ знакомымъ обойти съ нею залу.... Сердце ея разрывалось. Слезы готовы были брызнуть изъ глазъ. Однако жъ она превозмогла себя до конца, позволила Антону Николаевичу проводить себя до кареты и на возвратномъ пути, улыбаясь, слушала благодаренія и рассказы Агнѣи, которая была въ восхищеніи отъ бала и отъ своихъ успѣховъ. Пріѣхавъ домой, она поцѣловала ее въ голову и отпустила, говоря, что смертельно устала и тотчасъ ляжетъ спать....

Но она не ложилась. Сбросивъ пышныя украшенія, которыя тяготили ее, она упала въ кресла и долго, долго сидѣла неподвижно, поникнувъ головою на руки, какъ-будто удрученная невыразимою скорбію. — Когда она встала, лицо ея было блѣднѣе алебастровой лампы, которая освѣщала комнату своимъ таинственнымъ полусвѣтомъ. Невѣрными, колеблющимися шагами, подошла она къ бюро, отперла его, надавила пружину потаеннаго ящика и вынула изъ него бумагу. Эта бумага была написана черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ Антонъ Николаевичъ умолялъ ее отдать ему свою руку. Первый взглядъ Зененды на эти строчки пробудилъ въ душѣ ея столь тягостныя ощущенія, что она опять принуждена была сѣсть въ кресла. Долго не имѣла она силъ снова взглянуть на черты, напомнившія ей такъ живо минуты столь счастливыхъ и безъ возврата утраченныхъ. Когда же она, наконецъ, продолжила свое волненіе и поднесла къ глазамъ бумагу, то при первыхъ словахъ, дышащихъ такою безпредѣльною такою безграничною любовію къ Антону, такою живою надеждою на счастье, — ручей слезъ полился изъ глазъ ея на бумагу, которая трепетала въ дрожащихъ рукахъ. —

То была минута самой жестокой борьбы въ душѣ Зенейды. Два раза бралась она за перо, чтобы запечатлѣть свое отреченіе отъ всякаго притязанія на земное счастье и каждый разъ, рука ея упала и горестные вопли вырывались изъ глубины разтерзаннаго сердца. Она быстро встала и бросилась на колѣна передъ ликомъ Спасителя.

Она съ чувствомъ глубокой скорби просила у неба силъ совершить то, отъ чего зависитъ счастье всѣхъ... да, и ея собственное счастье...—«Если бы я имѣла слабость соединиться съ нимъ, могла ли бы я быть спокойною, при мысли, что когда-нибудь онъ станетъ любить меня менѣе, что юность, красота могутъ до-того увлечь его, что онъ начнетъ жалѣть о счастьи, тогда для него недоступномъ и станетъ проклинать... О, никогда! никогда!... Желать болѣе всего на свѣтѣ счастья милого человѣка и ежеминутно видѣть, ежеминутно чувствовать, что всѣ наши усилія не только остаются тщетными, что не только не отъ насъ зависитъ сдѣлать его счастливымъ, но что онъ считаетъ насъ преградою своему счастью»...

Когда она встала, глаза ея блистали благочестивымъ восторгомъ; благородное выраженіе лица говорило, что она поставила себя выше всего земнаго... Рука дрожала, но взоръ выражалъ твердую рѣшимость. Дѣло самоотверженія совершилось въ минуту. Содержаніе бумаги осталось то же, только были вычеркнуты пламенные выраженія привязанности къ Антону Николаевичу и на мѣсто имени Зенейды вписано имя Агнии.

Нѣсколько минутъ стояла она, скрестивъ руки, смотря смутнымъ взоромъ на приговоръ, который себѣ подписала... Потомъ позвонила. — Послушай Алина, сказала она вшедшей дѣвучкѣ, завтра чѣмъ свѣтъ, снеси эту бумагу къ Семену Ивановичу (ея повѣренному), но снеси сама, слышишь-ли? Не отдавай ее никому, кромѣ его самаго. Скажи, что я прошу его, непременно, исполнить все по моему письму и привести мнѣ ее завтра совсѣмъ готовую.... Видя, что Алина остановилась на минуту у дверей комнаты и грустно на нее смотрѣла, какъ будто желая и не рѣшаясь о чемъ-то спросить ее, Зенейда махнула ей рукою... Алина вышла, отирая глаза. Зенейда бросилась на постель, потушивъ свою лампу.. Все стихло. Можно бы подумать, что женщина, которая покоилась на этомъ роскошномъ ложѣ, спитъ глубокимъ, безмятежнымъ сномъ, если-бы по временамъ тихіе, но раз-

диамонды дуги стоны не пролетали въ воздухѣ среди ночи безмолвнѣ.

V.

Не менѣе тревожную ночь провелъ и Антонъ Николаевичъ. Но какъ различны были его чувства отъ тѣхъ, которыя истерзали всю душу Зенеиды! Онъ походилъ на человѣка, который безумно расточая имѣнiе, смутно чувствуетъ, что стремится къ своей гибели и не находитъ никакого средства выдти изъ положенiя, о которомъ одна мысль приводитъ его въ трепетъ. Теперь онъ не могъ уже себя обманывать, какъ обманывалъ до-сихъ-поръ, стараясь ловкими, искусными софизмами усыпить свою совѣсть; теперь, онъ ясно видѣлъ, что не Зенеиду любилъ онъ, но Агнею. Прелестная видомъ и столь юная душою, столь неопытная умомъ, какъ доврчиво раскроетъ она ему свое сердце, ему, который будетъ ея покровителемъ; какъ охотно вручитъ ему руководство надъ своими поступками, мыслями, чувствами! Какъ легко будетъ усовершенствовать ее, дать ей такое направленiе, какое онъ пожелаетъ. А какъ она весела, безпечна, игрива! Какая хандра, какой отчаянный сплинъ устоитъ противъ ея дѣтскаго лепета, противъ одного ея поцѣлуя! Какой длинный рядъ восхитительныхъ дней, ожидаетъ ихъ въ будущемъ. Они оба такъ молоды! Можно ли сравнить съ нею Зенеиду, для которой въ жизни, кажется, нѣтъ ничего легкаго, свѣтшаго, которая на все смотритъ съ такой важной точки? — Можно ли сравнить ее съ этимъ очаровательнымъ созданiемъ... Самое богатство Зенеиды, теперь возставало противъ нея же, въ сердцѣ Антона. «Не унижительно-ли, говорилъ онъ, быть всѣмъ обязаннымъ женѣ?.. Не благороднѣе ли, не тысячу ли разъ прiятнѣе для мужа, когда жена зависитъ отъ него во всѣхъ отношенiяхъ; когда онъ для нее другое Providence, источникъ нравственнаго и вещественнаго блаженства? Правда, Зенеида Александровна добра и благородна... Но вѣдь, нельзя же, чтобы когда-нибудь, хотя однимъ словомъ, хотя невольнo, безъ намѣренiя, хоть легкимъ намекомъ, она не дала мнѣ почувствовать превосходства, кото-

рое имѣть надо мною въ этомъ отношеніи?» Да и въ одномъ ли этомъ? Если бы Антонъ хотѣлъ исповѣдать свои сокровенныя мысли, то сознался бы, что долженъ уступить ей во многомъ, и что это сознание болѣе всего способствовало породить въ немъ боязнь соединенія съ нею. О мужчины, мужчины!... Держать въ домашнемъ быту, такую же твердою рукою, скипетръ умственного и душевнаго владычества, какъ и владычества внѣшняго, или ежедневно, ежедневно, видѣть и сознавать превосходство слабѣйшаго существа, которое раздѣляетъ съ вами земный удѣлъ, — какъ бы впрочемъ, скромно и смиренно оно ни было, — который изъ васъ не устрасится послѣдняго и не изберетъ первое? Однимъ словомъ, союзъ съ Зенеидою представлялся ему не иначе, какъ подъ видомъ мрачнаго невольничества, а съ ея стороны, былъ внушеніемъ неблагороднаго эгоизма, посягательства на свободу и любовь человѣка, который гораздо моложе ея, которому предстояло такое прекрасное, обширное будущее, между-тѣмъ, какъ еще лѣтъ пять, и она уже почти въ преддверіи старости. Всего болѣе, возмущала его неизбежность этого союза... Въ-самомъ-дѣлѣ, вѣдь нельзя же ему придти къ Зенеидѣ и прямо, въ глаза сказать ей: «я разлюбилъ, или лучше сказать, никогда не любилъ васъ; отдайте мнѣ мое слово».

Такимъ образомъ, въ то время, какъ Зенеида, столь достойная счастья и столь несчастливая, едва сознала, едва убѣдилась, что союзъ, такъ пламенно ею желанный, не составитъ счастья Антона Николаевича, — не только имѣла благородство отказаться отъ него, но еще почерпнула въ своей высокой душѣ силу осыпать благодѣяніями ту, которая разрушила всѣ ея надежды — въ то время, когда предметъ этой самоотверженной любви, терзался только за себя, — думалъ только о себѣ, ни сколько не заботясь о томъ, какой жестокой ударъ наноситъ Зенеидѣ.

Среди этихъ мыслей, около полудня, онъ получилъ отъ Зенеиды письмо, въ которомъ она просила его, немедленно придти къ ней. Легко можно представить дѣйствіе этого посланія въ подобную минуту! Бѣдный воображалъ уже, что она хочетъ говорить съ нимъ о ненавистномъ союзѣ... Онъ такъ хорошо зналъ ее, такъ умѣлъ угадывать ея мысли!! Съ волненіемъ и страхомъ, вошелъ онъ въ комнату Зенеиды и сѣлъ на указанное ею мѣсто, почти не поднимая глазъ отъ смущенія. Зенеида начала говорить ему, что замѣти-

за его наклонность къ Агнелю? Опустивъ голову, не имѣя духу промолвить ни одного слова, онъ долженъ былъ выслушать, что Зенеида приготовила уже письмо къ матери молодой дѣвушки, что она не сомнѣвается въ ея согласіи, тѣмъ болѣе, что даетъ въ приданое за Агнеею половину своего имѣнія. Зенеида говорила долго. Казалось, она спѣшила высказать въ одинъ разъ все, что ей нужно было передать ему, чтобы никогда уже не начинать подобнаго разговора.

О клятвѣ, которую они, когда-то, дали другъ-другу, — не было и помину. Такая развязка, которую, никогда бы не придумало воображеніе Антона Николаевича изумила, смутила, поразила его. Какъ! ни упрековъ, ни порывовъ отчаянія и негодованія, — обычнаго языка обманутыхъ женщинъ, — ни одного слова укоризны, ни одного намека на права, которыя она на него имѣла! О, какъ горда, какъ высока казалась ему эта женщина за минуту имъ отверженная! Какъ благородна! Что она перестала любить его, объ этомъ онъ не могъ, не хотѣлъ и подумать. И такъ онъ достигъ цѣли, онъ свободенъ. — Стало-быть доволенъ, счастливъ? Ни сколько. — Эта свобода пришла ему *не такъ*, какъ онъ хотѣлъ, далась ему совсѣмъ неожиданнымъ, нисколько не зестнымъ образомъ... Вотъ, если бы она была въ отчаяніи, въ изступленіи; а то, такъ хладнокровно уступать его другой... О, это возмущало его душу, то-есть, его самолюбіе.. Въ своемъ негодованіи, онъ едва не сталъ съ жаромъ опровергать ее, едва не сталъ клясться, что онъ никогда, никого, кромѣ ея не любилъ, хотя бы только для противорѣчія, только для того, чтобы вывести ее изъ спокойствія, посмотреть, что она скажетъ... Удивленіе, негодованіе, и быть-можетъ отблескъ прежней страсти, готовый съ досады снова разгорѣться, блеснули во взорѣ, который онъ вперилъ въ глаза Зенеиды. И—такое еще было могущество этого, столь знакомаго ей взора, надъ ея душою, что незамѣтный трепетъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу. Блѣдное, какъ алебастръ лицо ея на мигъ оживилось румянцемъ и послѣ того стало еще блѣднѣе. Не поднимая болѣе глазъ на Антона, она дернула за шитую ленту, висѣвшую надъ диваномъ и шепнула что-то вошедшей служанкѣ.

Между-тѣмъ, Антонъ Николаевичъ не понималъ, что въ немъ происходило... Любилъ ли онъ Зенеиду, или нѣтъ, но ему казалось жестоко лишиться ее такимъ образомъ. Онъ готовъ былъ упасть передъ нею на колѣна и вскричать: Ужь если

намъ должно разстаться, Зененда! пусть я услышу отъ тебя хоть одно вѣжное слово, пусть увижу хоть одну слезу въ глазахъ твоихъ, услышу хоть одинъ звукъ негодованія... Такъ холодна и надмѣнна!.. Безумное противорѣчье! Чего желать онъ? Для чего хотѣлъ, чтобы она мучила себя и его? Не боялся ли онъ, что этотъ тихій, спокойный образъ, столь блѣдный и грустный, будетъ привидѣніемъ являться ему въ безмолвіи ночей, садиться врозь него, въ тиши домашняго круга, прикинется къ изголовью его брачнаго ложа и воспоминаній о благородной жертвѣ его нечестивства, отравитъ его счастье?...

Появленіе новаго лица прекратило тягостную сцену. Агнѣя вышла во всемъ блескѣ красоты, еще болѣе трогательной, отъ сладостнаго, тайнаго предчувствія. Приходъ ея, какъ будто разрушилъ очарованіе, которое тяготѣло надъ сердцемъ Антона. При видѣ Агнѣи, оно громко заговорило и полетѣло къ ней на встрѣчу. Минутная вспышка страсти, пробужденной уязвленнымъ самолюбіемъ, исчезла какъ дымъ.... Исчезъ и мимолетный слѣдъ волненія съ лица Зененды.... Взоръ ея, снова важный и спокойный, сіялъ добротою и участіемъ матери къ юной дѣвушкѣ, взятой ею на попеченіе. Она сказала ей, въ немногихъ словахъ, что Антонъ просилъ ее въ замужство, подвела ее къ нему, сложила ихъ руки и тихо вышла изъ комнаты. Агнѣя, прелестнымъ румянцемъ и взорами, въ которыхъ изображалось счастье, отвѣчала на пламенные изъясненія Антона.

Агнѣя была въ упоеніи! Она стала рѣзвѣе, живѣе, чѣмъ когда-нибудь и со всею пылкостью своего характера, со всѣмъ простодушіемъ своихъ лѣтъ, выражала Зенендѣ свое счастье и свою благодарность. О, нѣтъ сомнѣнія, она и не подозрѣвала, что чувствовала ея благородная благодѣтельница въ минуты подобныхъ признаній. Любовь — самое себялюбивое чувство — переполняла ея сердце. Но не такъ полно, не такъ безмятежно было счастье Антона. Въ самомъ тѣлу восторговъ его новой любви, воспоминанія о прежнихъ его отношеніяхъ къ Зенендѣ и быстрая перемена, происшедшая въ ихъ положеніи, поражали его такъ, что по

предсказанъ, ему становилось даже страшно. Они бросали тогда взоръ на Агнесю, на Зенеиду и на все ихъ окружающее, чтобы увѣриться, не сонъ ли это и спрашивали себя, какими чудомъ могло это произойти? Но лицо и взоръ Зенеиды были безотвѣтны и неудолимы. Она занималась приготовлениями къ свадьбѣ съ невѣроятною дѣятельностію. Все кидѣло подъ ея присметромъ.

Она дѣлала съ Агнесою визиты, возила ее на всѣ празднества; въ тотъ же день поутру, и послѣ обѣда, одна объѣзжала магазины, какъ-будто желала въ этомъ шумѣ и движеніи подавить въ себѣ всякое чувство, заглушить мысль, воспоминаніе, забыть, если возможно, даже свое существованіе.

Возвращаясь поздно вечеромъ домой, утомленная, измученная, еще болѣе принужденіемъ и борьбою, нежели своею безумною дѣятельностію, она почти безъ чувствъ падала на постель, спала ночь мертвымъ, свицовымъ сномъ, и утромъ пробуждалась къ новой борьбѣ, къ новымъ страданіямъ.

Между-тѣмъ, быстро приближался день свадьбы. Наступила рѣшительная минута, для которой Зенеидѣ необходимо было собрать всѣ силы, истощенныя борьбою и невѣроятными усиліями, чтобы достойно довершить предпринятый ею подвигъ. Вынесетъ ли она? Станетъ ли ея нравственныхъ и тѣлесныхъ силъ, чтобы увидѣть передъ алтаремъ, съ другою, того, отъ кого она ожидала блаженства всей жизни? Какими глазами будетъ смотрѣть на счастье этихъ двухъ юныхъ, страстныхъ супруговъ на счастье, которое должно казаться ей извительною, жестокою насмѣшкою?... Вынесетъ ли она такую пытку? Или, совершивъ уже такъ много, показавъ себя столь благородною и высокою, сохранивъ отъ всѣхъ свою завѣтную тайну, она для того подняла столько труда, вытерпѣла столько мукъ, чтобы пасть при самомъ концѣ, чтобы сдѣлаться предметомъ сожалѣнія, обидныхъ намековъ, пересудъ и толковъ толпы, чтобы къ счастью, ей измѣнившему, и торжеству ея юной соперницы, прибавить еще жалкій, смѣшной трофей своей горести?...

Но судьба сжалялась надъ нею и избавила ее отъ этого послѣдняго усилія, вѣроятно потому, что она болѣе нежели возможно, оказала твердость, къ какой только можетъ быть способна женщина.

До свадьбы оставалось не болѣе двухъ недѣль. Вдругъ

пришло письмо отъ матери Агней, которую ожидали съ часу на часъ. Разсыпаясь въ изъявленіяхъ благодарности, Ольга Максимовна писала Зенеидѣ, что никакъ не можетъ отправиться въ путь, по причинѣ жестокаго ревматизма, что въ довершеніе всѣхъ ея благодѣяній, она проситъ привести къ ней Агнею и тамъ сыграть свадьбу. Прочитавъ письмо, Зенеида подняла къ небу взоръ, исполненный глубокаго чувства. Она, въ глубинѣ души, благодарила Провидѣніе, которое освобождало ее отъ послѣдняго и самаго жестокаго испытанія.... Она уже начинала сомнѣваться въ своихъ силахъ.

Сначала предложеніе будущей тещи нашло жестокаго противника въ Антонѣ Николаевичѣ. Ему смертельно не хотѣлось ѣхать въ Москву и, какъ онъ говорилъ, «вѣнчаться со всею семьею и всѣми родственниками» Агней. Агней тоже сдѣлала гримасу при мысли, что она должна будетъ отказаться отъ петербургскихъ празднествъ и отъ удовольствія явиться на гуляньяхъ и въ кругу своихъ знакомыхъ, въ блестящемъ нарядѣ молодой, рука объ руку съ красавцемъ-мужемъ. Но Зенеида, всею своею властію, подкрѣпила просьбу ея матери. Положили, что Антонъ Николаевичъ отправится впередъ, чтобы все приготовить къ брачному торжеству, а Зенеида съ Агнеею послѣдуютъ за нимъ, дня черезъ четыре. Наканунѣ отъѣзда, Зенеида почувствовала себя очень дурно. Изъяснивъ Агней, какъ она сожалѣетъ, что не можетъ присутствовать на свадьбѣ, она поручила ее попеченіямъ гувернантки и двумъ родственницамъ, которыя съ радостію согласились поѣхать на свадьбу. Вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда, Зенеида въ-самомъ-дѣлѣ занемогла опасно. Два мѣсяца была она на краю могилы; но лишь только приходила въ себя, то первую ея мыслию было умолять окружающихъ, ни подъ какимъ видомъ не писать о ея болѣзни въ Москву. Я не хочу нарушать ихъ счастья, говорила она, и просила Бога, чтобы какое-нибудь обстоятельство удержало молодыхъ отъ возвращенія въ Петербургъ. Ея желаніе исполнилось. Съ наступленіемъ весны, Антонъ Николаевичъ повезъ свою молодую жену, въ подмосковную, подаренную ей Зенеидою, снисходя въ особенности на желаніе тещи, которой страхъ какъ хотѣлось похозяйничать въ деревнѣ.

Потомъ, одинъ дальній родственникъ Антонъ Николаевичъ, до-тѣхъ-поръ едва помнившій о его существованіи, услышавъ, что онъ женился на богатой дѣвушкѣ и сверхъ-того,

какъ полагали, будущей наследницѣ Зенеиды Александровны, пригласилъ молодыхъ пожить съ нимъ нѣсколько времени. Полюбивъ ихъ общество, онъ предложилъ имъ сдѣлать ихъ своими наследниками, если Антонъ согласится взять мѣсто въ **, чтобы не разлучаться съ нимъ. Старикъ было уже за сѣмдесятъ; нѣтнѣе его было значительно. Какъ отказаться за такую цѣну, пожертвовать двумя, тремя годами жизни? Зенеида, съ своей стороны, употребила совѣты и всѣ свои старанія, къ исполненію желанія стараго родственника. Мать Агнѣя поселилась съ нею. Постояннымъ пребываніемъ старика было прекрасное село, со всѣми удобствами жизни и сверхъ того, только въ трехъ верстахъ отъ губернскаго города, куда Агнѣя могла ѣздить блистать красотою и нарядами. Это нѣсколько ее утѣшало въ потерѣ столичныхъ удовольствій. По выздоровленіи, Зенеида отправилась на дачу, которую недавно купила на *** дорогѣ. Миленькую дачу, свидѣтельству ея счастья, она отдала Агнѣѣ, чувствуя, что никакая власть не заставила бы ее рѣшиться переступить за черту убѣжища, которое, въ теченіе года, было для нея земнымъ раемъ, гдѣ каждое дерево, каждый уголъ пробудили бы въ душѣ ея тысячу воспоминаній и снова заставили бы перейти черезъ всѣ терзанія, за которыя она едва не заплатила жизнью. Въ своемъ новомъ убѣжищѣ, Зенеида провела все лѣто въ глубокомъ уединеніи. Когда пріѣзжавшіе навѣстить ее знакомые, шутили надъ ея затворничествомъ, она отзывалась страстію садить, строить. Въ-самомъ-дѣлѣ, она не оставила камня на камнѣ въ купленной ею дачѣ. Тамъ, гдѣ были строенія, она разводила сады; на мѣстѣ пруда, раскинулись цвѣтники.... Причуды ея никого не удивляли, никому не казались предосудительными; она была свободна и имѣла всѣ средства удовлетворять своимъ прихотямъ. Не посвященные въ тайны ея страданій, они говорили только, что никогда не видывали женщины болѣе причудливой, болѣе привязанной къ жизни, болѣе занятой ея удобствами. И кто могъ угадать, что въ душѣ ея не оставалось уже ни одного желанія, что въ голову ея не входило ни одного плана для будущаго, что она отдавалась теченію своей судьбы, не заботясь, не спрашивая, куда ее влекутъ ея быстрыя, все уносящія волны времени.

Въ концѣ осени, Зенеида возвратилась въ городъ и жизнь ея потекла также, какъ за годъ передъ тѣмъ. Все пошло своимъ чередомъ. Исчезла только душа, оживлявшая ея суще-

неутолимую тоску. Разочарованіе, неотступное какъ тѣнь Банко, на пиру Макбета, снова садилось возлѣ нея, блѣдное, съ тусклымъ взоромъ, съ улыбкою горькаго сожалѣнія, съ улыбкою, съ которою утратившій вѣру въ любовь и счастье, омертвѣвшій душою, внимаешь чистымъ, безкорыстнымъ мечтанъ юности. Оно шептало ей: самый обольстительный призракъ счастья, которое только можетъ дать жизнь, стоитъ ли того, чтобы пламенно желать его, чтобы стремиться къ нему! — Что такое любовь? — Отдать душу избранному, прилѣпиться всѣмъ сердцемъ къ нему, въ немъ поставлять все свое блаженство, — и что же? Возникаетъ обольщеніе, явится дитя съ черными глазами и цвѣтущимъ личикомъ — и всѣ усилія, всѣ качества души преданной и вѣрной, жертва всей жизни — все напрасно! Ничто не спасетъ отъ измѣны и разлуки.... И желать всей душою, называть счастьемъ то, что одна минута, слѣпой случай, улыбка ребенка, могутъ у тебя похитить — оторвутъ отъ сердца съ кровію и жизнію. Иногда, въ толпѣ искателей, случилось ей встрѣтить взоръ, голосъ, выражавшій истинное чувство и тѣмъ болѣе истинное, что оно, скромное и боязливое, только изрѣдка и какъ-будто неволью, какъ-будто отъ излишней полноты, выливалось наружу. Зенеида чувствовала себя какъ-будто тронутую. Но тутъ какъ злой духъ, опять возникало убійственное воспоминаніе и ядовитымъ жаломъ точило ей сердце сомнѣніе. Вздоръ! развѣ онъ не увѣрялъ меня въ любви взоромъ и голосомъ, и гдѣ же она, гдѣ его любовь?.. Ну и эта также; до перваго обольщенія. Это вѣчно-живое, вѣчно-лѣкое воспоминаніе объ измѣнившей ей любви, облекало ее сердце ледяною корою для всякаго чувства, завѣшивало жизнь могильнымъ покровомъ отъ всякаго покушенія на счастье. И она спрашивала себя съ тоскою, что же ей дѣлать? гдѣ искать того, что по-крайней-мѣрѣ хоть завяло бы, оживило ее душу, предоохранило ее отъ конечной гибели, не допустило ее до несчастія пережить себя самую, охладѣть, очерствѣть, испытать смерть нравственную, за-долго до физическаго разрушенія.

Душа Зенеиды была слишкомъ прекрасна, чтобы она могла когда-нибудь попасть въ число угрюмыхъ, отчаянныхъ, но довольныхъ мизантроповъ, которыхъ такъ много во фракъ и юбкѣ, которые клеветаютъ на жизнь, отказывая ей во всемъ прекрасномъ, клеветаютъ на человѣка, не допуская въ немъ

ничего безкорыстнаго, благороднаго... Ея сердцу была необходима вѣра въ благородство человѣка и благодѣтельность Творца. Она вѣрила, что есть на землѣ счастье, есть любовь, которая сильна устоять противъ обольщеній и побѣдить разрушительную силу времени. Но этотъ прекраснѣйшій даръ Провидѣнія, этотъ проблескъ неба въ земной жизни, эти мечты, навѣяныя Ангелами въ душу человѣка — исключительное достоинство, драгоцѣннѣйшее преимущество юности. Такъ думала она, и сознавалась съ горькимъ убѣжденіемъ, что юность, пора любви и восторговъ, для нея миновала, что она стояла у нея на той грани жизни, въ которой природа предназначила женщинѣ наслажденія болѣе спокойныя, но не менѣе сладостныя, наслажденія дружбы, семейное счастье, свѣтлыя радости матери, возвышенное удовольствіе жить въ другихъ и для другихъ. О, если бы она могла жить такою жизнью! Тогда бы удовлетворены были всѣ желанія ея сердца! Сколько разъ, смотря на мать, которая ласкала свѣжаго, прелестнаго младенца, она думала: зачѣмъ онъ не мой? Зачѣмъ я не могу прижать его къ своей груди, похитить, унести далеко, далеко и жить для него и перелить на него этотъ пламень любви, втунѣ пожарающей душу! И она отворачивалась, чтобы скрыть слезы, которыя готовы были рѣкою хлынуть изъ глазъ; она бѣжала отъ зрѣлища, которое заставляло ее выносить всѣ пытки неудовлетворенной чувствительности. «Кто виноватъ, спрашивала она, что я утратила лучшіе годы моей жизни, что пора разсудка застала меня въ полномъ разгарѣ сердечной жажды, что время ушло для меня, не исполнивъ ни одного изъ своихъ обѣщаній? Не знаю, но чувствую, что я какъ-то не во время и не у мѣста въ жизни, гибну отъ избытка чувствъ, которыя не на кого обратить мнѣ, потому что я одинока и безсемейна. Она плакала, но ни на кого не ждалась, не роптала, не была поражена неисповѣдимыми предначертаніями Творца, которыя идутъ своимъ чередомъ, сокрушая на пути тлѣнныя надежды человѣка; сердце ея страдало, но еще не было ожесточено.

Между-тѣмъ, тѣ, которые часто бывали съ нею въ обществѣ, не могли надивиться ея равнодушію и постоянству, съ какими она отклоняла искательства самыхъ завидныхъ жениховъ столицы. Особенно женщины терялись въ догадкахъ. Однѣ увѣряли, что ея поведеніе заранѣе затверженная роль,

внушеніе самаго утонченнаго кокетства; другіе, напротивъ, приписывали его честолюбію.

Зеленда знала эти толки и не обращала на нихъ вниманія. Вѣрная своей цѣли, она съ твердостію, близкою къ отчаянію стремилась къ ней, не заботясь о томъ, что скажутъ ея слуги. Она продолжала тотъ же образъ жизни. Ладья ея, на расдушенныхъ парусахъ, неслась по морю свѣтскихъ удовольствій. За невѣніемъ прихотей, она старалась придумать ихъ, не упускала ни одного случая разсѣять себя, заглушить тоску, которая медленно подтачивала ея жизнь, какъ червь незримо точитъ прекраснѣйшій цѣтокъ, скрывшійся въ самой глубинѣ его роскошной, ароматной чашечки. Говорили ли ей о человѣкѣ, замѣчательномъ по уму, она спѣшила познакомиться съ нимъ, сблизиться, съ любопытствомъ спрашивала, съ жадностію слушала, какъ-будто надѣялась, что онъ откроетъ ей тайну жизни, научитъ ее новому воззрѣнію на міръ и всѣ предметы, и что все приметъ новый видъ въ ея глазахъ, все получитъ новую цѣну. — Встрѣчалась ли ей женщина, которой наружность показывала счастье, она искусно умѣла ей понравиться, сводила съ ней дружескую связь, наблюдала за ея поступками и словами, въ надеждѣ, что похититъ у ней ключъ къ душевному миру, ея примѣромъ научится извлекать счастье изъ грустнаго земнаго удѣла, какъ алхимикъ, обольщенный мечтою извлечь золото изъ камня — и все напрасно! и все тщетно! Слова мудрыхъ были сладостны для ея ума, но не утоляли боли сердца! Остроумцы могли научить ее только смѣяться надъ счастьемъ и несчастьемъ. Встрѣчались ей очень многіе примѣры истиннаго счастья, но основою ему служила любовь супруговъ, любовь материнская, именно тѣ чувства, которыми ей не суждено было насладиться и въ лишеніи которыхъ, она не могла утѣшиться.... Напрасно жаждала, просила она улады, прибѣгая попеременно, то къ шуму свѣта, то къ свободѣ уединенія, то заглушая вопль сердца говоромъ толпы, то тихо убаюкивая его бесѣдою двухъ, трехъ друзей — ни откуда не выносила она впечатлѣнія, которое пролило бы сладостную теплоту въ ея душу, ни откуда не почерпнула убѣжденій, вѣрованій, на которыхъ могла бы довѣрчиво соорудить зданіе будущаго счастья. Наконецъ, потерявъ надежду на возрожденіе, она отказалась отъ усилій обновиться душою, какъ кормчій бросаетъ руль, когда тщетны всѣ старанія спасти свой корабль отъ потопленія. Она безмолвно

покорилась жребію, ожидая забвенія и спасенія только отъ времени; но и время измѣняло ей, какъ измѣнило всѣмъ. Для нея, оно утратило свою волшебную силу. Годы уходили, не принося душѣ ея исцѣленія, ни даже отрады. Подъ блестящею, возбуждающею зависть наружностію, эта молодая женщина, въ тайникѣ своей души, была самымъ несчастнѣйшимъ, глубоко, безотрадно бѣдствующимъ созданіемъ. Между-тѣмъ, она получила изъ Москвы письмо, въ которомъ ее увѣдомляли, что одна изъ ея тетокъ занемогла и желаетъ съ нею повидаться. И Зенеида тотчасъ отправилась, какъ-будто надѣясь перемѣною мѣста и собесѣдниковъ дать новое направленіе своимъ мыслямъ.

Е. ПОДОЛЬСКАЯ.

=

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ-ТРЕТІЙ.

ВІЛЛЯМА ШЕКСПИРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Король Тоуэрнъ.

Входятъ: съ одной стороны КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА, ГЕРЦОГИНЯ ЮРКЪ и МАРКИЗЪ ДОРЗЕТЪ; съ другой — АННА, ГЕРЦОГИНЯ ГЛОСТЕРЪ, съ ЛЭДИ МАРГАРИТОЮ ПЛАНТАГЕНЕТЪ, маленькой дочерью КЛАРЕНСА, которую ведетъ за руку.

ГЕРЦОГИНЯ.

Кто это къ намъ идетъ на встрѣчу? — Внучка
Плантагенетъ съ своею теткой Глостеръ!
Навѣрно и онъ стремится въ Тоуэръ,
Чтобы поздравить принца вмѣстѣ съ нами?
Я очень рада нашей встрѣчѣ, дочь
Моя!

АННА.

Дай Богъ обвѣстятъ вамъ, миледи,
И счастья и радости.
Т. СІ. — Отд. 1.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Пошли

Господь и вамъ, сестра! Куда вы?

АННА.

Въ Тоузэръ,

И если я не ошибаюсь, мы

Идемъ къ одной и той же цѣли съ вами:

Поздравить нашихъ свѣтлыхъ принцевъ....

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Да,

Любезная сестра! — Благодарю!

Пойдемте вмѣстѣ....

Входятъ Бракенберн.

Вотъ и комендантъ!

Любезный комендантъ, прошу, скажите,

Здоровъ ли принцъ и младшій сынъ мой Юркъ? —

БРАКЕНБЕРН.

Здоровы оба, слава Богу!.... Только

Простите, къ нимъ васъ допустить нельзя мнѣ:

Король стражайше это запретилъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Король? Какой король?

БРАКЕНБЕРН.

Нѣтъ! Я хотѣлъ

Сказать вамъ — лордъ протекторъ.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Упаси

Его Господь отъ царственнаго титула!

Такъ это онъ преграды воздвигаетъ

Межъ насъ, между любовію дѣтей

И матерью?.... Я мать ихъ; кто же смѣетъ

Не допустить меня къ моимъ же дѣтямъ?

ГЕРЦОГИНЯ.

Я мать отца ихъ, — я хочу ихъ видѣть.

АННА.

Я тѣтка по родству имъ, по любви

Я мать ихъ.... Скорѣе жъ къ нимъ ведите

Меня, я принимаю на себя
Отвѣтственность; обязанность твою
Съ тебя передо всѣми я слагаю.

БРАКЕНБЕРИ.

Нѣтъ, люди, не могу; никакъ нельзя:
Я связанъ клятвою, и потому
Простите. —

Уходить.

Входить Стэнли.

СТЭНЛИ.

Встрѣть я васъ хоть часомъ позже,
Я бъ могъ поздравить герцогиню Юркъ
И матерью и спутницею двухъ
Прекрасныхъ королевъ. —

Герцогиня Глостеръ.

Но, люди, — вы

Пожалуйте въ Вестминстеръ! Васъ тамъ ждѣтъ,
Какъ Ричарда достойную супругу, —
И тронъ, и честь, и лавры діадемы.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

О! Поскорѣй разряжьте поясъ мой,
Пусть сердце бѣдное свободнѣй бьется!
Иль эта вѣсть ужасная совсѣмъ
Линитъ меня сознанія и чувствъ.

АННА.

Проклятая, убійственная новость.

ДОРЗЕТЪ.

Родная, ободритесь, успокойтесь.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Не говори со мною, милый Дорзетъ!
Смерть и страданья по твоимъ нитамъ
Несутся.... Имя матери твоей
Зараза для ея дѣтей несчастныхъ....
Спасай скорѣе жизнь свою, бѣги
Не медля за-море, — и вѣрный Ричмондъ
Тебя, вдали отъ этой адской бури,
Убережетъ.... Бѣги, мой сынъ, бѣги

Изъ этой бойни страшной!... Укрывайся,
 Не увеличивай собой числа
 Кровавыхъ мертвецовъ, чтобъ наде мной.
 Проклятье Маргариты не разсылось,
 Чтобъ не пришлось мнѣ умереть, по слову
 Ея, ни матерью, ни королевой
 Британнии, ни счастливой женой!...

СТЭНЛИ.

Благодарюжень вашъ советъ, милэди.

Дорзету.

Спешите, не теряйте ни минуты.
 Вы отъ меня получите письмо,
 Въ немъ сыну моему я также дамъ
 Советъ, последовать за вами въ бѣгство.
 Не накликайте смерти — безразсуднымъ
 Упрямствомъ!

ГЕРНОГЕНА.

О! всеслышный викоръ бѣдотворный!

Проклятая моя утроба! *Ложо*
 Коварной гибели!... Ты василиска
 Извергла въ этотъ миръ, — и смерть летитъ
 Съ рясницъ его отравленнаго она!...

СТЭНЛИ.

Идемте, лэди, поспешите: мнѣ
 Приказано васъ привести какъ можно
 Скорый!

АННА.

Я не могу идти за вами....
 О! если бѣ Господу угодно было,
 Чтобъ обручъ золотой, который долженъ
 Обнять мое грѣховное чело,
 Сталъ раскаленнымъ до-красна желззомъ
 И до-мозгу бѣ прожегъ мой жалкій черепъ!
 Пускай меня помажутъ страшнымъ ядомъ,
 Чтобъ умерла я прежде, чѣмъ успѣютъ
 Воскликнуть мнѣ: «да здравствуетъ супруга
 Британскаго монарха!»

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАБЕТА.

Въ путь, беднѣшка,

Иди; я не завидую твоей
 Блестящей славѣ.... Я не отану даже
 Тебѣ желать несчастій, чтобъ разсвѣтъ,
 Чтобъ утолить мое нѣмое горе!...

АННА.

Не станешь? Почему жъ? — Когда недавно
 Ко мнѣ явился тотъ, кого теперь
 Я называю мужемъ, и увидѣлъ
 Меня за трупомъ Генриха; когда
 Явился онъ еще не смывъ какъ должно
 Съ злодѣйскихъ рукъ своихъ остылой крови
 Супруга моего, невинной жертвы,
 Второго ангела, къ могилѣ твое
 Котораго тогда я провожала,
 Рыдая какъ безумная; когда,
 Вамъ говорю, я Ричарда лицо
 Увидѣла, вотъ въ чемъ моя молитва
 Была: «Будь проклятъ», я сказала,
 «За то, что ты меня вдовой-старухою
 «Изъ молодой жены насильно сдѣлалъ!...
 «Самъ женишься, пусть горе никогда
 «Не покидаетъ ложа твоего...
 «Жена твоя, когда ужъ ты найдешь
 «Безумную, которая тебя
 «Отдастъ на вѣкъ свою свободу, — пусть
 «Несчастіе твою жизнью будетъ,
 «Чѣмъ я кончиной моего супруга!»
 И что же? Черезъ мигъ, скорѣй, чѣмъ можно
 Вновь повторить мое проклятье, лезть
 Его рычей медовыхъ соблазнила
 Мой слабый духъ и женственное сердце,
 И на меня жъ обрушилась моя
 Проклятія! — И съ той поры глаза
 Мои не знаютъ сладкаго покоя,
 На часъ одинъ не освѣжила ихъ

Ресника золотого споведья
 На ложь грѣшномъ.... Призраки его
 Ужасныхъ грезъ менѣ сжеминутно
 Гнегутъ и пробуждаютъ!... Онъ меня,
 Какъ Варякову дочь, со всѣмъ коварствомъ
 Хранить.... Но, я увѣрена, не долго
 Мнѣ жить: онъ скоро и со мной покончитъ!

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Прощай же, бѣдная, мнѣ жаль тебя!

АННА.

Не болѣе, чѣмъ я тебя жалю.

ДОРЗЕТЪ.

Прощай! Какъ грустно ты встрѣчаешь славу.

АННА.

Прощай! Какъ грустно съ ней ты расстаешься.

ГЕРЦОГИНЯ, ДОРЗЕТУ.

Ты къ Ричмонду скорѣ поѣзжай;
 И счастье да сопутствуетъ тебѣ!...

АННЪ.

Ты къ Ричарду спѣши, и да хранить
 Тебя святыя ангелы!

Елисаветѣ.

СПѢШИ

Во храмъ, и да даруетъ онъ тебѣ
 Покой и миръ!... А я сойду въ могилу
 И тамъ свое спокойствіе найду!...
 Я выстрадала восемьдесятъ лѣтъ,
 Тяжелыхъ лѣтъ печали и рыданій, —
 И каждый часъ блаженства моего
 Недвѣлой слезъ и мукъ уничтожался!...

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Нѣтъ, стойте! Обернемтеся на Тоузръ!
 Твердыня дряхлая, — въ твоихъ стѣнахъ
 Заложены завистливымъ коварствомъ
 Мои малютки, — сжался надъ дѣтми!
 Ты колыбель суровая для нѣжныхъ
 Созданій!... Грубая, сздая нянька!

Товарищъ устарѣлый и угрюмый
Ихъ рязыхъ игрѣ! Не угнетай, храни
Можь дѣтей! — Такъ разстанется съ вами,
Вѣзье камни, грустное безумье!...

Уходить.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тронная конната во дворцѣ.

Звучитъ трубы. Ричардъ королемъ возсѣдаетъ на тронѣ; БОКИНГЕМЪ,
КЭТЗЕН, ПАЖЬ и другіе.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Оставьте насъ! — Братъ Бокингемъ!

БОКИНГЕМЪ.

Милордъ!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Дай руку! — Помощи твоей, советамъ
Твоимъ обязанъ Ричардъ королевствомъ!
Но неужель мы славой облеклись
На день одинъ?... или она за нами
Останется и мы найдемъ въ ней счастье?

БОКИНГЕМЪ.

Да не кончается она во вѣкъ
И на-всегда да остается съ вами!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Братъ Бокингемъ, теперь я разыграю
Роль оселка!... Я испытаю, вправду ль
Ты золото? Наслѣдникъ Эдуарда
Живеть еще... Ты повѣдь, что сказать
Хочу я?...

БОКИНГЕМЪ.

Говорите, государь.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Какъ, Бокингемъ? Я ужъ сказалъ тебѣ:
Мнѣ королемъ хотѣлось бы остаться!...

БОКИНГЭМЪ.

Но вы король и безъ того, мой уряды
Великій властедникъ!...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

А! Я король?!

Пусть такъ!— Но Эдуардъ, не живъ ли онъ?

БОКИНГЭМЪ.

Живъ, благородный лордъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Печальный выводъ,

Когда изъ этого: «живъ, благородный лордъ!»—

Выходитъ, что и послѣ жить онъ будетъ.

Братъ, ты сегодня странно безтолковъ:

Неужели я долженъ все сказать?

Я требую немедленной кончины

Побочныхъ мальчишковъ. Ну! Что жъ ты скажешь

На это? Говори скорый, будь точенъ!

БОКИНГЭМЪ.

Король, вы въ правѣ дѣлать, что хотите.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Такъ, такъ! Ты нынче совершенный ледъ!

Твое искательство вполнѣ замерзло!

Скажи, согласенъ ты на ихъ кончину?

БОКИНГЭМЪ.

Позвольте мнѣ подумать, государь,

Сообразить хотя минуту прежде,

Чѣмъ отвѣчать мнѣ: я сейчасъ вернусь

И сообщу мое вамъ мнѣнье.

Уходитъ.

КЪ ЭМЪ, ВЪ СТОРОНУ.

Вспыхнулъ

Король и разсердился: посмотрите,

Онъ до крови кусаетъ губы...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Лучше

Имѣть дѣла съ чугунными башками

Глушцовъ или съ мальчишками дьявольскими!...

Тотъ, кто въ меня выдвигаетъ взоръ впередъ,
 Не для меня.—Кичливый Боккингемъ
 Уже не въ мзру остороженъ! Пажи!

ПАЖИ.

Король!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Не знаешь ли ты человека,
 Котораго бы звонкіе червонцы
 Могли склонить на тайное убійство?

ПАЖИ.

Я знаю джентльмена одного,
 Желанія котораго всегда
 Въ разладъ съ кошелькомъ его печальнымъ:
 Червонцы передъ нимъ смальвей фаланги
 Ораторовъ, и золото какъ-разъ
 Его на чѣбъ трудно соблазнить!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

А кто онъ?

ПАЖИ.

Тирръ!...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Его я частью знаю!
 Ступай и приведи его ко мнѣ!

ПАЖИ УХОДЯТЪ.

Хитрецъ и плутъ — коварный Боккингемъ
 Не будетъ болѣе сосѣдомъ тайнъ
 Моему.... Онъ былъ неутомимъ такъ долго....
 Не дать ли духъ ему перевести
 Теперь? — Духъ такъ!

ВХОДИТЪ СТЭНЛИ.

Что новаго, лордъ Стэнли?

СТЭНЛИ.

Король, я слышалъ, что мятежный Дорзетъ
 Бѣжалъ въ помѣстья Ричмонда и тамъ
 На васъ съ нимъ замышляетъ ополченье.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Приблизься, вѣрный Кэзби: разузна

Скорѣ слухъ, что при смерти больна
 Моя супруга Анна; я жъ отправилюсь
 Распорядиться объ ея арестъ.
 Съищи мнѣ джентльмена побѣдѣй,—
 Я Клэренсову дочь съ нимъ обвѣчаю:
 А сынъ его и глупъ и не опасенъ!
 Что жъ ты заснулъ?... Я говорю тебѣ,
 Скорѣ слухи распусти, что Анна,
 Моя супруга, при смерти больна:
 За дѣло!... Для меня необходимо
 Въ началъ самогъ разрушать ихъ планы;
 Созрѣють, такъ не разочтешься съ ними!..

Кэтэби уходитъ.

Во что бы то ни стало, мнѣ должно
 Жениться на племянницѣ; не то
 Престолъ мой выстроенъ на хрупкихъ камняхъ!
 Какъ?!... Умертвить ея любимыхъ братьевъ
 И съ нею жъ въ бракъ вступить?... Невѣрный путь.
 Къ побѣдѣ!... Но я до того уже
 Погрязъ въ крови, что каждый грѣхъ рождаетъ
 Во мнѣ другой и болѣе грѣхъ... Моимъ
 Глазамъ невѣдомы святыя слезы!

Входятъ пажъ съ Тиррлемъ.

Ты Тирръ?

ТИРРЪ.

Джемсъ Тирръ, покорнѣйшій слуга
 Монарха моего!...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Какъ, въ-самогъ-дѣлѣ?

ТИРРЪ.

Извольте испытать, свѣтлѣйшій лордъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Рвыишься ль ты убить кого-нибудь
 Изъ приближенныхъ мнѣ, моихъ друзей?

ТИРРЪ.

Когда угодно вашей чести!... Только

Я бѣ умертвилъ охотный двухъ враговъ
Монарха моего!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что-жь? Очень можешь!

Есть у меня два страшные врага,
Два демона моихъ несчастій, два
Гонителя покоя и отрады
Моей; займися ими, вѣрный Тиррль!
Я разумью здѣсь побочныхъ пташекъ,
Что въ Тоузрѣ сидятъ.

ТИРРЛЬ.

Доставьте мнѣ

Возможность къ нимъ пробраться и я тотчасъ
Избавлю васъ отъ вашихъ опасеній.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Твои слова — гармонія!... Мой милый,
Стань ближе: съ этимъ знакомъ ты заставишь
Себя впустить къ нимъ; а потомъ запомни
Вотъ это...

Шепчетъ ему на ухо.

И конецъ! — Скажи мнѣ только:

Успѣхъ! И я тебя любовь мою
Дарую, и ты будешь возвеличенъ!

ТИРРЛЬ.

Я кончу все сейчасъ же! —

Уходитъ.

Входитъ Боккингемъ.

БОККИНГЕМЪ.

Государь,

Я наконецъ обдумалъ вашъ вопросъ
И вашу мысль послѣднюю.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Прекрасно!

Но это мы теперь оставимъ! Дорзетъ
Соединился съ Ричмондомъ, бѣжалъ...

БОКИНГЭМЪ.

Милордъ, я это слышалъ...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ,

Стэнли, Ричмондъ —

Твоей супруги сынъ, — остерегайся!...

БОКИНГЭМЪ.

Милордъ, я васъ осмѣлюся просить
 О должной, объ обещанной награды:
 Вы поклялись, ручались честью, дать мнѣ
 «Гильфораское блистательное графство
 «И все имѣнье движимое брата!»

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ, не замѣчалъ его.

Лордъ Стэнли, за женой своей смотри.
 Ты мнѣ ответишь за ея сношенья
 И переписку съ Ричмондомъ!

БОКИНГЭМЪ.

Милордъ,

Угодно ль вамъ принять мое прощенье?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Я помню, Ричмондъ былъ дряннымъ мальчишкой
 Тогда, какъ Генрихъ предсказалъ ему
 Корону... Онъ король?!... Быть-можетъ! —

БОКИНГЭМЪ.

Лордъ!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Но какъ же предсказатель позабылъ
 Меня, тогда, какъ я былъ тутъ же, возлѣ,
 И не сказалъ, что я его убью?...

БОКИНГЭМЪ.

Милордъ, обещанное вами графство, —

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

А Ричмондъ?! Я недавно былъ въ Экстерѣ.
 Мэръ изъ учтивости задумалъ мнѣ
 Какой-то замѣкъ показать и назвалъ
 Его Ружмонтомъ!... Режовое имя
 Заставило меня невольно вздрогнуть...

Одинъ ирландскій бардъ мнѣ предсказалъ
Кочину, чуть я Ричмонда увижу...

БОКИНГЭМЪ.

Милордъ!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Который часъ?...

БОКИНГЭМЪ.

Я вамъ осмѣлюсь

Напомнить объ обещанной наградѣ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Прекрасно! Но который часъ?...

БОКИНГЭМЪ.

Пробѣть

Сю минуту десять.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ну, такъ бей же!

БОКИНГЭМЪ.

Какъ бей же?!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Также! Ты вѣдь автоматъ

И съ молоткомъ стонишь между своими

Желаньями и мыслями моими.

Сегодня я, любезный Бокингэмъ,

Совсѣмъ не въ дарственномъ расположеніи!..

БОКИНГЭМЪ.

Рѣшите же, угодно ль вамъ или нѣтъ,

Сдержать обещанное вами слово?...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ты_надоелъ мнѣ: я не въ духѣ нынче!

Уходитъ со святой.

БОКИНГЭМЪ.

Такъ вотъ что? — Онъ презрѣшьемъ платитъ мнѣ.

За всѣ мои труды, за всю услугу?

На это королемъ его я сдѣлалъ?...

О! Вспомнимъ Хэстингса, и поскорѣй

Въ Брекнокъ, пока еще смиренъ злодѣй.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Танъ-же.

Входитъ Тирръ.

ТИРРЪ.

Кровавое, насильственное дѣло
 Исполнено!... Ужасное убійство,
 Убійство гнусное, какимъ во вѣкъ
 Еще не обгарили эти земли!...
 Дайтонъ и Форрестъ, палачи мои,
 Мои сообщники въ убійствѣ этомъ,
 Двѣ кровожадныя собаки, два
 Отъявленныхъ, бездушныхъ негодяя,
 Растаяли отъ жалости, рыдали
 Какъ дѣти малые, передавая
 Мнѣ повѣсть о кончинѣ ихъ... «Вотъ такъ
 «Лежали кроткіе малютки!» Дайтонъ
 Рассказывалъ. «Вотъ такъ они лежали»—
 Со вздохомъ Форрестъ говорилъ— «обнявши
 «Другъ друга ручками, какъ алебастръ
 «Прозрачными : ихъ губы цѣловались,
 «Какъ на одномъ стеблѣ четыре розы,
 «Четыре близнеца, во всей красѣ
 «Ихъ лепестковъ пурпурно-ароматныхъ...
 «Молитвенникъ лежалъ на ихъ подушкѣ...
 «Тутъ отнялся вполне мой дерзкій духъ...
 «Но сатана!» злодѣй на этомъ словѣ
 Замолкъ... «Мы задушили», говорилъ
 Рыдая Дайтонъ, «свѣтлыя созданья
 «Природы-матери, какихъ она
 «Съ начала міра намъ не создавала!...»
 Въ тоскѣ, терзаемые состраданьемъ,
 Они оттуда вышли; ихъ языкъ
 Покинуло испуганное слово...
 И такъ я наконецъ расстался съ ними,

Чтобъ обо всемъ повѣдать королю.

Входитъ король Ричардъ.

Но вотъ и онъ.—Привѣтъ вамъ, мой властитель.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что скажешь вѣсть твоя, любезный Тиррль?

Порадуешь ли ты меня?

ТИРРЛЬ.

Когда

Исполнить ваше порученье — значить

Дать радость вамъ, вы счастливы вполне:

Все кончено! —

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

И ты ихъ трупы видѣлъ?

ТИРРЛЬ.

Да, государь!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

И самъ ихъ скоронилъ,

Любезный Тиррль?

ТИРРЛЬ.

Ихъ капелланъ тюремный

Похоронилъ, но гдѣ, мнѣ неизвѣстно.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

По окончаньи ужина, сейчасъ

Приди ко мнѣ, любезный Тиррль; подробно

Расскажешь мнѣ ты о кончинѣ ихъ.

А между-тѣмъ подумай хорошенько,

Чѣмъ могъ бы я тебя вознаградить.

Немедленно желаніе твое

Исполнится... За этимъ — до свиданья!

ТИРРЛЬ.

Вашъ преданный слуга, достойный лордъ!

Уходитъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Сынъ Кларенса запрятанъ въ Тоузъ, дочь

Обвѣчана съ ничтожнымъ дворяниномъ,

Два сына Эдуарда мирно спать

На ложь Авраама, а моя

Сузруга, Анна, пожелала свѣту

Спокойной ночи! — Я уверень, Ричмондъ
 Бретанскій на Калсавету метить,
 На маленькую дочку брата, мысля
 Союзомъ этимъ — до вѣнца добратся!...
 Пойдемъ же къ ней, къ хорошеенькой принцессѣ —
 Достойнымъ и счастливымъ женихомъ.

Вбѣгаетъ Кэтзби.

КЭТЗБИ.

Милордъ!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Какія новости, дурныя
 Или хорошия, тебя сюда
 Втокнули дерзко такъ?

КЭТЗБИ.

Дурныя, лордъ:
 Мортонъ вчера за Ричмондомъ бѣжалъ,
 А Бокингэмъ, съ безстрашною ватагой
 Валисцевъ, выступилъ походомъ въ поле,
 И рать его растетъ...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Отважный Ричмондъ

И Эли мнѣ опаснѣе, чѣмъ этотъ
 Лукавый Бокингэмъ съ его полками!
 Идемъ! — Трусливое раздумье рабъ,
 Свинцовый рабъ медлительности сонной!...
 За неподвижностью идетъ безсиле
 И нищенство съ походкою улитки!...
 Нѣтъ! быстрота, огонь пускай меня
 На грозныя свои подхватятъ крылья...
 Меркуриемъ Юпитера, герольдомъ
 Владыки пусть они мнѣ будутъ! Въ путь!
 Сюда, ко мнѣ, воинственный народъ!
 Мой щитъ совѣтомъ осѣнитъ мнѣ грудь,
 Измѣнники бѣгутъ!... Впередъ, впередъ! —

Уходить.

ИЗЪЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОВ.

Танъ же. Передъ дворцомъ.

Входятъ королева Маргарита.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА.

Такъ, наконецъ нхъ счастье перезрѣло
И надасть въ исгавншій, смрадный звѣзъ
Холодной гибели! Я здѣсь скрывалась
И стерегла паденіе враговъ
Монхъ. И вотъ я дождалась сегодня
Прелюдіи великолѣпной сцены!
Теперь — во Францію, въ надеждѣ сладкой,
Что и послѣдствія все также будутъ
Трагичны, горестны и безпощадны...
Но кто-то здѣсь идетъ!... Бѣдняжка, спрячься.

Входятъ королева Елизавета и герцогиня Доркъ.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

О! бѣдныя, несчастныя малютки!
Цвѣтки, неразвернувшіе листочки,
Минутная краса!... Когда еще
По воздуху летаютъ ваши дупи,
И въ вѣчныя семеня вы не скрылись,
Носитесь надо мной на вашихъ крыльяхъ
Лазеро-воздушныхъ и внимайте
Рыданьямъ вашей матери!...

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА. Восторону.

Носитесь

Надъ ней, шепчите ей, что право мести
Младенческое утро заце въ полночь,
Въ седую полночь обратно...

герцогиня л.

Эти

Несчастія меня лишили слова,
И мой языкъ разбитый нрмъ и тихъ!
Плантагенеть, достойный Эдуардъ,
Зачѣмъ скончался ты?...

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА.

Плантагенеть

Плантагенету отплатилъ, кончиной
Принцъ Эдуардъ разсчелся съ Эдуардомъ.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Къ чему же, Господи, оставилъ ты
Невинныхъ агнцевъ? Для чего ты бросилъ
Ихъ въ волчью пасть?

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА.

Гдѣ Генрихъ, гдѣ мой сынъ?

ГЕРЦОГИНЯ.

Нѣмая жизнь, слѣпое зрѣнье, призракъ,
Живущій смертію, жилище горя,
Позоръ твореній, собственность могилы,
Похищенная жизнью, итогъ
И краткій перечень ужасныхъ дней, —
Смири свое глухое безпокойство
На праведной землѣ британской, такъ
Неправедно облитой нашей кровью!...

Садится на землю.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

О! Если бъ ты могла мнѣ даровать
Моглу также скоро, какъ приютъ
Покоя грустнаго! Я никогда бы
Не оставляла здѣсь моихъ костей,
Я скрыла бъ ихъ въ твоихъ тяжелыхъ недрахъ
И кто же, кромѣ насъ, имѣеть столько
Причинъ вздыхать и сътовать?

Садится на землю.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА.

Когда

Старѣйшая печаль достойна боль
И почестей и уваженій вашихъ,
Отдайте первенство моей!...

Выходитъ впередъ.

И пусть

Она царитъ надъ вашею печалью!...

Садится подлѣ нихъ.

Когда жъ тоскъ товарищество люблю,
Высказывайте мнѣ несчастья ваши,
Перебирая горести мои!
Быль у меня достойный Эдуардъ,
Но Ричардъ умертвилъ его! Супругъ
Быль у меня, но Ричардъ и его
Убилъ!

Елисаветъ.

И у тебя былъ Эдуардъ,
Но Эдуарда Ричардъ умертвилъ!
Быль у тебя и Ричардъ, — но его
Какъ и другихъ убилъ коварный Ричардъ!

ГЕРЦОГИНЯ.

И у меня былъ Ричардъ, но его
Ты умертвила! У меня былъ Рютландъ,
И умертвить его ты помогла.

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА.

И Кларенса имѣла ты, но Ричардъ
Его убилъ!.... Ты вывела на свѣтъ
Собаку адскую и всѣхъ насъ гонить
Она къ кровавой гибели; у этой
Собаки, прежде, чѣмъ глаза раскрылись,
Прорывались зубы, чтобъ терзать
Ягнятъ и кровь невинную сосать!
Чтобъ насъ загнать въ могилы, ты извергла
Губителя всѣхъ божескихъ созданий,
Тирана, страшпаго во всей вселенной,
Который царствуетъ слезами душъ
Рыдающихъ. — О, Боже правосудный!
Какъ я тебя благодарю, что эта
Свирѣпая собака не щадитъ
Дѣтей у бѣдной матери своей
И дѣлаетъ ее подругой прочихъ
Страдалицъ....

ГЕРЦОГИНЯ.

Ты супруга короля
Покойнаго, не радуйся несчастьямъ

Монизъ : свидѣтель Богъ, и о тебѣ
Жалва!

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА.

О! прости мнѣ! До-сихъ-порѣ
Я голодала местию; но теперь
Я начинаю насыщаться ею!
Твой Эдуардъ, убившій моего
Роднаго Эдуарда, — умеръ! Скоро
За моего же Эдуарда умеръ
И твой послѣдній Эдуардъ! А Юрѣ
Малютка мнѣ принесть въ престою барышнѣ;
Затѣмъ, что мало будетъ и двоихъ
Великихъ Эдуардовъ, чтобъ сравнять
Твою печаль съ печалью Маргариты!...
Твой Кларенсъ, умертвившій Эдуарда,
Любимца моего, скончался; съ нимъ
Погибли и свидѣтели кончины
Несчастнаго: Вогэнъ, и Грей, и Риверсъ,
И развращенный Хэстингсъ; всѣ они
Задохлися въ довременныхъ могилкахъ!...
И только Ричардъ, этотъ чорный вѣстникъ
Пучины адской, живъ еще, оставленъ
Межъ нами факторомъ ея владыкъ,
Чтобъ вербовать и посылать туда
Земныя души!... Но близка, близка
И жалкая безжалостнаго гибель!
Земля разверзлася и пышетъ адъ,
И демоны ревуть, и небо молитъ,
Чтобъ онъ скорѣй покинулъ этотъ мѣръ!...
Молю тебя, о Боже милосердый!
Разторгни узы, съ жизнью его
Связавшія и этотъ бѣдный свѣтъ,
Чтобъ прежде, чѣмъ умру, сказать могла я:
«Издохла гнусная собака!»

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Ты

Мнѣ предсказала, что настанетъ время

Когда придется мнѣ молить тебя,
 Чтобы ты мнѣ помогла въ проклятыхъ этой
 Горбатой, башенной и гадной жабы,
 Пузатого тарантула и змея!...

КОРОЛЕВА МАГГАРИТА.

Тогда тебя я называла блескомъ
 Пустьшигъ моихъ богатствъ; тогда тебя
 Звала я жалкой твнью, королева,
 Изображеніемъ того, чѣмъ я
 Была когда-то, перечнемъ коварныхъ
 Трагедій ужасной!... Высоко
 Ты вознеслась лишь для того, чтобы громче
 И тяжелѣй тебѣ упасть: повѣрь,
 Тебя дразнили только, ты не мать
 Двухъ этихъ мальчиковъ!... Ты просишь — оми
 Того, чѣмъ ты была, цвѣточное знамя,
 Въ которое направлены всѣ ружья,
 Ты водяной пузырь, ты дунованье,
 Ты вывѣска величья, королева
 Несчастливая, для пополненія сцены
 Представленная только! Гдѣ твой мужъ
 Теперь? Гдѣ сыновья твои? Гдѣ братья?
 Гдѣ радости твои и наслажденія?
 Кто преклоняется передъ тобой?
 Кто восклицаетъ: «Боже! королеву
 «Спаси!»... Гдѣ перы, льстившіе тебѣ
 Низкоклонники? Гдѣ твой народъ,
 Въ восторгъ за тобой толпой божавшій?
 Перебери все это и представь
 Себя, чѣмъ ты была, и что теперь ты!
 На мѣсто счастливой жены, теперь
 Ты скорбная вдова; была ты мать,
 И радостная мать, теперь же плачешь
 О томъ, что матерью была ты; вмѣсто
 Того, чтобы тебя просили, ты
 Сама теперь скитаешься и молишь....
 На мѣсто королевы — ты раба,

Увѣчанная торніемъ и горемъ!
 Ты издѣвалась надо мной, теперь же
 Я надъ тобою издѣваюсь!... Въмѣсто
 Того, чтобъ намъ тебя бояться, ты
 Боишься насъ, и мы тобою правимъ,
 Какъ нами ты когда-то помыкала!...
 Такъ повернулось праведное счастье
 И предало тебя въ добычу лъть,
 Оставивъ при однихъ воспоминаньяхъ
 Мучительной, промчавшейся години.
 Ты завладѣла мѣстомъ Маргариты,
 Прими же съ нимъ и часть моихъ утратъ!
 Ты половину бремени несешь
 На горделивой выгъ, — но стрехаю
 И остальную я съ моей усталой
 И дряхлой головы, — и всю ее
 Слагаю на тебя!... Прощай, вдова
 Властительнаго Юрка, королева
 Угрюмага несчастья, прощай!
 Меня во Франціи утѣшить горе
 Британніи!...

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

О! подожди немного!

Ты такъ искусна въ огненныхъ проклятьяхъ,
 Дай силы мнѣ, проклясть моихъ враговъ!

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА.

Не спи ты по ночамъ, бодрствуй днемъ;
 Почаще сравнивай живое горе
 Съ умершимъ счастьемъ, припоминай
 Своихъ малютокъ — лучшими, чѣмъ были
 Они на самомъ дѣлѣ, ихъ убійцу
 Гнусный, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ есть....
 И украшай все то, чего лишилась
 Ты, бѣдная! Тогда ты заклеишь,
 Какъ надобно, виновниковъ несчастій
 Твоихъ, тогда съумѣешь ты сложить
 Слова твоихъ проклятій безпощадныхъ!

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Туа моя измученная рѣчь ;
Ты заостри се своею рѣчью !

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА.

Ее твои страданья заострятъ,
И, какъ мое извѣтельное слово,
Она ворхнетъ изъ ядовитыхъ усть!...

Уходить.

ГЕРЦОГНИА.

Къ чему несчастіямъ — многорѣчивость ?

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Нѣтъ, дайте волю имъ, безмолвнымъ этимъ
Ходатаямъ страданія, воздушнымъ
Преемникамъ отрады беззавѣтной,
Ораторамъ убогаго несчастья!
Пускай все то, что выскажутъ они,
Не поправляетъ ничего : отраднo
Уже и то, что сердцу съ ними легче!

ГЕРЦОГНИА.

О, если такъ, слагай свои проклятья!
Идемъ, дыхавіемъ упрековъ злобныхъ
Задушимъ сына моего, какъ опъ
Вчера твоихъ малютокъ задушилъ!

Барабанный бой.

А!... барабаны Ричарда!... Готовься жъ
И собирай огонь твоихъ проклятій!

Входить король Ричардъ и за нимъ его войско.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Кто смѣетъ мнѣ дорогу преграждать ?

ГЕРЦОГНИА.

Та бѣдная, которая жалветъ,
Что во-время тебѣ не преградила
Пути ко всемъ твоимъ убійствамъ, извергъ,
И что тебя тогда не задушила,
Когда еще на свѣтъ не выходилъ ты!

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Ты золотой короною чело
Свое прикрылъ, когда на немъ должно

По всемъ правамъ герцога убійство принца,
 Которому она принадлежала, —
 Убійство сыновей моихъ и братьевъ!...
 Скажи мнѣ, гдѣ мои родные дѣти,
 Предатель?...

ГЕРЦОГЪ ГИЛЬЯ.

Жаба! жаба! гдѣ твой братъ,
 Несчастный Кларенсъ твой, гдѣ сынъ его
 Малютка Недъ-Плантагенетъ?

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Гдѣ Риверсъ,
 Гдѣ добрый Грей, Вогэнъ?

ГЕРЦОГНИА.

Гдѣ честный Хэстингсъ?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Гремите трубы! — Бейте барабаны! —
 Чтобъ небеса не слышали, какъ эти
 Безсмысленныя бабы здѣсь кричать!
 Гремите, говорю я!...

Трубы и барабаны.

Укротитесь,

Не забывайте должнаго приличья, —
 Иль я пойду кричать, иль я васъ заглушу
 И раздавлю раскатами тревоги!

ГЕРЦОГНИА.

Ты сынъ мой?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Кажется, благодаря
 Создателя, отца и васъ!...

ГЕРЦОГНИА.

Сносн же

Съ терпѣнiемъ мою нетерпѣливость!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ахъ, герцогниа, духъ мой захватилъ
 Частичку вашего, — а вашъ упрековъ
 Не вынесеть....

ГЕРЦОГИНЯ.

О! дай мнѣ досказать!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Извольте, только я не буду слушать!

ГЕРЦОГИНЯ.

Я ласково и кротко общаюсь

Съ тобою говорить.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

И покороче!

Мнѣ, матушка, нѣтъ времени совсѣмъ!

ГЕРЦОГИНЯ.

Какъ ты нетерпеливъ! Известно Богу,
Въ какой тоскѣ, въ какихъ смертельныхъ мукахъ,
Какъ долго я тебя ждала!...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Но развѣ

Я наконецъ не родился и васъ

Не успокоилъ, матушка?

ГЕРЦОГИНЯ.

Крестомъ

Счастлива клянусь, ты родился

На свѣтъ, чтобы его мнѣ адомъ сдѣлать!

Бользненно и тягостно мнѣ было

Рожденіе твое; младенцемъ ты

Капризенъ былъ и страшно своенравенъ;

Дитятей отрокомъ лукавъ, и дикъ,

И золь, и беспощадно бышенъ; дерзокъ,

Смърль и буенъ — юношею; только жъ

Ты возмужалъ, — въ тебѣ явилась гордость,

Коварство, хитрости и кровожадность;

Ты сталъ еще опаснѣе, — запрятавъ

Подъ маску кротости свой алчный духъ!

Припомни мнѣ хотя единый часъ,

Въ который ты доставилъ бы собой

Мнѣ счастье!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ей-ей, ни одного —

Не вспомню. ... кроме Гомерова часа ,
 Когда васъ пригласили безъ меня
 Позавтракать !... Но впрочемъ, если я
 Противенъ вамъ, — позвольте мнѣ избавить
 Васъ отъ моей особы и отъ стрѣлъ
 Моихъ нападокъ !... Бейте барабаны !

ГЕРЦОГИНЯ.

Прошу тебя, дослушай рѣчь мою !...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Вы говорите черезчуръ ужъ ѣдко !

ГЕРЦОГИНЯ.

Одно хоть слово !... Я въ послѣдній разъ
 Съ тобой, быть-можетъ, говорю.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ужели ?

ГЕРЦОГИНЯ.

Кто знаетъ, что Господь намъ присудилъ ?...
 Тебѣ ль назначено погибнуть прежде,
 Чѣмъ выйти изъ сраженія съ побѣдой,
 Иль я умру подъ бременемъ годовъ
 И горя — и тебя ужъ не увижу ?!
 Такъ унеси жъ съ собой мой проклятье,
 Тяжелое проклятье !!... И пускай
 Оно тебя въ минуту роковой,
 Последней битвы, утомить сильнѣй,
 Чѣмъ все твое желѣзное оружье !!...
 Мои мольбы пускай на сторонѣ
 Твоихъ враговъ сражаются, — а души
 Малютокъ падшихъ да вселяютъ въ нихъ
 Безстрашіе и мужество, — пророча,
 Имъ торжества, успѣхи и побѣду !
 Ты кровью живь, въ крови и задохнешься !

* Humphrey's-Нонг происходитъ отъ выраженія Humphrey's dinner, обѣдъ надъ памятникомъ герцога Гоффри. На этотъ памятникъ стекалось тогда смотрѣть множество народа, и нѣкоторые здѣсь искали приглашенія на обѣдъ или завтракъ.

Позоръ тебя всю жизнь не покидалъ,
И при смерти тебя онъ не покинетъ!...

Уходить.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Я болѣе еще причинъ имѣю
Тебя, убійца, проклинать; но слабъ
Мой духъ, — и я скажу одинъ аминь
Къ проклятыямъ герцогини!...

Хочетъ идти.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Погодите,

Мнѣ съ вами, королева, нужно слово
Замолвить!

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Я ужъ не имѣю болѣ
Сыновъ вѣнчанной крови для твоей
Бездушнѣй жажды, дочерей же бѣдныхъ
Я въ монастырь отдамъ; пускай онъ
Спасаются отъ сана королевъ,
Рыдающихъ въ отчаяннѣ!... Тебѣ
Нѣтъ нужды въ смерти ихъ, могучій Ричардъ!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

У васъ есть дочь — Елисавета, чудо
Невинности и красоты, и скромной,
Высокой царственности.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Неужель

Она должна за это умереть?
О, пощади ее!... Я развращу
Ея невинность, я обезображу
Ея красу!... Послунай! Я готова
Оклеветать сама себя, — сознаться
Въ измѣнѣ мнимой ложу Эдуарда!...
Я на нее наброшу покрывало
Безчестія! Чтобы ее избавить
Отъ гибели насильственной, скажу,
Что Эдуардъ ей вовсе не отецъ!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Вы обезчестите ея рожденье;
Она взычанной крови!...

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Я жъ скажу,

Что это ложь, и сохранию ей жизнь.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ея рожденье взрывная охрана
Ея спокойствія и жизни!

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Но сама

Охрана эта умертвила братьевъ
Ея!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ничуть! созвздія одни,
Которымъ ихъ рожденье противно
Казалось, виноваты въ томъ!

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Нѣтъ! люди,

Которыхъ ихъ рожденье тяготило.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Никто не избѣжитъ предначертаній
Судьбы!

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Малютки лучшей бы кончины
Дождался, когда бы жизнь твою
Святая добродѣтель осѣнила.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Вы говорите, точно, будто я
Убилъ племянниковъ моихъ...

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Конечно;

Ты, добрый дядюшка, лишилъ ихъ счастья,
Родныхъ, свободы, королевства, жизни!...
Чьи руки ни пронзили бъ ихъ сердца,
Ударъ твоимъ неправеднымъ умомъ
Направленъ!... Ножъ убійственный и тулъ
И робокъ былъ, до той поры, пока

Не вѣточилъ его ты на своемъ
 Гранитномъ сердца, и пока его
 Во внутренность овечекъ беззащитныхъ
 Ты не послалъ!... О! еслибы привычка
 Къ отчаянью не упрощала злобы, —
 Языкъ мой при тебѣ не промнео бы
 Именъ дѣтей монахъ, пока бѣ въ глаза
 Твои, какъ звѣрь, я не впилась когтями,
 Железными трезубьями; пока
 Сама бы я въ щелы не раздробилась
 О грудь твою скалистую, какъ чолнъ,
 Лишенный въ этой гибельной пучинѣ
 И парусовъ, и мачты, и снастей!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Дай Богъ, чтобъ взрешь былъ завѣтный плачъ мой,
 Услыжъ войны опасной и кровавой, —
 Какъ вѣрно то, что я задумалъ сдѣлать
 Для счастья вашего и вашихъ!... Это
 Испушить все, чѣмъ я обидѣлъ васъ!

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Какая же еще отрада можетъ
 Скрываться для меня подъ ризой неба?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

А возвышеніе вашихъ дочерей?

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

На эшафотъ, чтобъ обезглавить ихъ?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Нѣтъ! на вершину почестей и счастья,
 На высшую ступень величья смертныхъ.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Льсти, льсти моей печали этой сказкой!
 Все объясни, какимъ ты состояньемъ,
 Какой достойной почестью надѣлишь
 Мое дитя?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Всѣмъ, что имѣю я!

Да! — И себя и все готовъ отдать
 Я вашему дитяти, если въ Леть

Души обиженной вы потопить
 Рзынитесь — воспоминанья зла,
 Которое, по вашимъ заключеньямъ,
 Я вамъ накликалъ!...

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Говори короче,
 Чтобъ это кроткое расположенье
 Не миновалось прежде, чѣмъ успеешь
 Его ты высказать....

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Такъ знайте жъ, я
 Отъ всей души влюбился въ вашу дочь!!..

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Мать дочери моей отъ всей души,
 Какъ ты, о томъ же думаетъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

О чемъ же?

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

О томъ, что ты въ ея влюбился дочь
 Отъ всей души!... Вѣдь ты любилъ и братьевъ
 Ея — отъ всей души?! -- Благодарю
 Тебя за это всей моей душою!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Не объясняйте словъ моихъ неправо.
 Я говорю вамъ ясно, что душевно
 Влюбленъ я въ вашу дочь и что желаю
 Доставить ей величье королевы!...

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Прекрасно, — только кто жъ при этомъ будетъ
 Ей королемъ?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

А тотъ, кто въ королеву
 Ее преобразить! И кто же кромѣ
 Его, мнѣздя?

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Какъ? Такъ это — ты?...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да, я!... А вы что думаете, лэди,
Объ этомъ?

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Чѣмъ же ты ее склонить
Надвнешся на сторону свою?...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Объ этомъ посоветоваться съ вами
И думалъ я. Вы знаете ее
Получше всѣхъ....

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

И моего совета
Послушаешься ты?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Отъ всей души!

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Пошли же къ ней, съ тѣмъ самымъ человѣкомъ,
Который былъ убійцею двухъ братьевъ
Ея, окровавленные сердца
Несчастныхъ, — вырвавъ на нихъ заранъ
Два имени завѣтныхъ: «Эдуардъ
и Йоркъ!» — Увидѣвъ ихъ, она заплачетъ!...
Ты помнишь, какъ когда-то Маргарита
Измученному твоему отцу
Дала платокъ, обмоченный въ крови
Страдальца Рютлянда: и ты такой же
Ей предложи!... Скажи, что онъ напитанъ
Пурпурной влагою, изъ труповъ братьевъ
Ея истекшею, и попроси,
Чтобы она имъ осушила слезы!
Когда и это не пробудитъ въ ней
Любви, пошли ей письменный реэстръ
Твоихъ достойныхъ дѣлъ, — и расскажи,
Какъ ты убилъ ея любимыхъ дядей,
Какъ Риверсъ и несчастный Кларенсъ пали,
И какъ ты не замедлилъ, для ея жъ
Спокойствія, раздѣлаться и съ тѣткой
Ея, съ добрышею милэди Анной!...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Вы надо мной съветесь, королева :
Ужели этимъ я приобрету
Расположенъе дочки вашей?...

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Что же дѣлать?

Другой дороги нѣтъ, когда тебѣ
Нельзя другимъ явиться челоушкомъ
И вовсе Ричардомъ не быть, который
Все это сдѣлалъ!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Вы скажите ей,

Что дѣлалъ я все это — изъ любви,
Изъ дружбы къ ней одной.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

О, да! готова!...

Когда она узнаетъ покороче,
Какими жертвами она купила
Твою любовь, она ужъ не откажетъ....

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Послушайте! — что сдѣлано, того
Ужъ не воротить! Челоукъ порой
Недальновидно дѣйствуетъ, и послѣ
Жалеть самъ объ этомъ.... Я лишилъ
Наслѣдья предковъ — вашихъ сыновей;
Но, чтобъ поправить это, свой вѣнецъ
Отдать я вашей дочери желаю!...
Я истребилъ потомство вашей крови
И воскресну его потомствомъ новымъ,
Потомствомъ вашей дочери.... Святое
Названье бабушки пріятно также,
Какъ и названье матери.... Внуята
Тѣ жъ дѣти, разница въ одномъ кольцѣ!...
Все тѣжъ и кровь и плоть, — и кольцо новое
Страданій подвергается здѣсь та,
Изъ-за которой вы когда-то боре
Переносили!... Ваши дѣти были

Мученьемъ вашей юности; мнѣ
Вамъ будутъ утѣшеніемъ годъ старость!
Вы потеряли сына—короля....
Но ваша дочь вслѣдъ за утратой вашей
Восходитъ на престолъ!... Я не могу
Вамъ возвратить всего, какъ ни жалагъ бы
Я этого! Поэтому примите
Хоть то, что я могу.... Несчастнѣй Дорзетъ,
Вашъ сынъ, печально бредитъ по чужбинѣ, —
Но нашъ союзъ немедленно его
Отъзвѣзъ возвратитъ, — и я возвышу
Его, наградами осыплю!... Вашу дочь
Назвавъ своей прекрасною женой,
Король и сына вашего отъ сердца
И за—просто наименоуетъ братомъ....
Вы королевой—матерью опять
Предстанете, и раны нашихъ бѣдствій
Излечатся двойнымъ богатствомъ счастья!...
О! сколько радостей еще увидимъ
Мы въ будущемъ: святая каменная слезъ,
Пролитыхъ вами, возродится снова,
Но превращенныя въ алмазы, перлы....
И цѣнность ихъ, процентами блаженства
Умноженная, возвратится къ вамъ....
Ступайте—жъ, матушка, ступайте къ вашей
Прекрасной дочери, и ободрите
Ея застычивость и робость вашей
Разумной опытностью; слухъ ея
Вы приготовьте къ говору блаженства
И къ сладкоговѣжной рѣчи жениха....
Въ пугливомъ сердцѣ возбудите пламя
Высокихъ почестей, откройте ей
Всѣ прелести безмолвныхъ наслажденій
Супружества!... А я съ моимъ мечемъ
Пойду на этого бунтовщика,
Пигмея—Бокингема!... Накажу

Его и возвращусь въ триумфъ, въ лаврахъ....
 Своей женѣ я передамъ трофеи....
 И будетъ намъ она — вѣнцомъ победы,
 И «цезарь-цезаря!» ей имя будетъ! —

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Но какъ же ей я назову того,
 Кто хочетъ быть ея супругомъ?!.. Братомъ
 Ея отца?... иль дядей?... или тѣмъ,
 Кто умертвилъ ея несчастныхъ братьевъ
 И дядей?... Дай ты мнѣ хотя одно
 Названіе, съ которымъ бы тебя —
 Господь, законъ и честь моя, и эта
 Любовь узнали, безъ того, чтобъ ты
 Ея душѣ противнымъ не казался!...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Скажите ей, что миръ отчизны нашей
 Упрочится отъ этого союза.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

И вѣчною борьбой она должна
 Купить его?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Скажите ей, что самъ
 Король ее объ этомъ умоляетъ,
 Скажите, что великой королевой
 Я сдѣлаю ее!

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Чтобы свое величье
 Оплакивать, какъ мать ея?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Скажите,
 Что я любить ее и нежить буду
 Безъ умолку!

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

А долго ль эта вѣчность
 Продлится?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

До поры, угодной небу
И матери-природы.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

До поры,
Которую ей предназначить адъ
И Ричардъ?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Объявите ей, что я,
Ея король, рабомъ ея покорнымъ
Желаю сдѣлаться!...

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Повѣрь, она,
Раба твоя, гнушается подобнымъ
Владычествомъ!...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Употребите всю
Красноречивость вашу въ этомъ дѣлѣ!

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Прямое и простое предложеніе
Скорѣе принимается!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Такъ вы

Ея просто объявите о любви
Моей!

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Но предложеніе безчестья
Еще ужаснѣе — въ простыхъ словахъ!...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Всѣ ваши возраженія слишкомъ ложны
И мелки!!

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Нѣтъ! они ужъ слишкомъ верны
И глубоки! — Въ сырыхъ могилахъ дѣти
Мои лежать и глубоко и верно!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Миледи, не касайтесь этой грустной
Струны: все это кончено давно ужъ!

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Нѣтъ, я ее касаться вѣчно буду,
Пока вся струны сердца моего
Не лопнуть!...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Если такъ, — моей *подвязкой**,

Короною моею тебѣ кляпуюсь....

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Ты обезчестилъ первую, другую
Ты силою похитилъ.... и твою
Подвязка осрамленная лишилась
Достоинствъ кавалерственныхъ; твоя жъ,
Похищенная силою, корона
Лишилась славы царственной своей!...
Когда ты хочешь, чтобъ сердечной клятвѣ
Твоей повѣрили, клянися тѣмъ,
Чему ты никогда не дѣлалъ зла!...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Клянуса этимъ міромъ!

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Онъ исполнитъ

Твоей неправды!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Смертью моего

Отца!

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Ты осрамилъ ее твоею

Безчестной жизнью!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Самимъ собой!...

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Ты опозорилъ самаго себя!...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Такъ небомъ!!!...

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Передъ небомъ ты скорѣй

* Подвязка — орденъ.

Всего виновенъ!... Еслибъ ты боялся
 Нарушить клятву, данную ему,
 Союзъ, упроченный мнѣмъ суругомъ,
 Не нарушался бы и братъ мой жилъ!...
 Когда бы ты боялся измѣнить
 Священной клятвѣ, — царственный металлъ,
 Объемлющій теперь твое чело,
 Блесталъ бы на челѣ мнѣмъ дѣтой,
 И оба принца безмятежно бѣ жили...
 Твое коварство не убило бѣ ихъ
 И на одномъ печальномъ ложѣ въ землю
 Не опустило бы на спящъ червей!...
 Ну, чѣмъ же ты еще мнѣ поклянешься?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Моею будущностью...

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Ты въ прошедшемъ
 Надъ нею наругался!... У меня
 Самой довольно слезъ, чтобы омыть
 Грядущіе года отъ всѣхъ несчастій,
 Которыя въ прошедшемъ ты свершилъ!
 Малытки-дѣти, у которыхъ ты
 Убилъ отцовъ, въ печальномъ сиротствѣ
 Живутъ, чтобы на старости своей
 Оплакать это все! Отцы, которыхъ
 Дѣтей заражалъ ты, живутъ, страдая,
 Какъ старыя, бесплодныя растенья, —
 Чтобъ это все на старости оплакать!
 Изъ, не клянись грядущимъ! Ты его
 Еще до срока исказилъ въ прошедшемъ!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Пусть будетъ столько жъ вѣренъ мой успѣхъ
 Въ войнѣ грядущей, сколько вѣрно то,
 Что я желаю счастья вамъ и каюсь!
 Да истреблю я самъ себя! Судьба
 И небо да лишатъ меня блаженства!
 Дашь — да не дасть мнѣ свѣта, ночь — ~~покажетъ~~

И да возстанутъ всѣ созвѣзды противъ
 Моемъ началъ, когда я не люблю
 Любовью чистою и некорочной,
 Святыми помыслами сердца — вашей
 Прекрасной дочери!... Въ ней все мое
 И ваше счастье... Безъ нея меня
 И васъ, и царство наше, и ее
 Несчастную, и много — много вѣрныхъ,
 Невинныхъ душъ постигнетъ смерть и гибель!
 И разореніе и запустѣнье!...
 Ничто не въ силахъ отвратить, и все
 Неотвратить всѣхъ этихъ бѣдотвѣй, кромѣ
 Союза этого!... И потому
 Вы, матушка безцѣнная, — я долженъ
 Такъ называть васъ, — будьте у нея
 Ходатаемъ любви моей, скажите
 Ей не о томъ, чѣмъ былъ я, но о томъ,
 Чѣмъ быть хочу я; не о томъ, что я
 Заслуживаю, но о томъ скажите,
 Что заслужить желалъ бы я!... Представьте
 Ей нужду этого! Не увлекайтесь
 Горячностью въ такомъ высокомъ дѣлѣ.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

Неужели навѣтамъ сатаны
 Я уступить должна?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да, если онъ
 Советуетъ вамъ доброе.

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.

И я

Сама себя обязана забыть,
 Чтобъ только быть собою?...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Безъ сомнѣнья,
 Когда воспоминаніе о васъ
 Самихъ вамъ повредить, миледи, можетъ.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

Но ты можешь детей убить?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Я НХЪ

На лонъ вашей дочери прекрасной
Похороню, — и вновь на этой почвѣ
Они родятся сами изъ себя,
На утѣшеніе вамъ!...

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

И я должна

Склонить ее на это предложеніе?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Васъ это матерью счастливой, леди,
На вѣки сдѣлаетъ...

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

Изволь! — ПИНИ

Ко мнѣ немедленно; я обо всемъ
Тебя уведомяю!...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ, цѣлуетъ ее.

Такъ передайте-жѣ

Ей этотъ поцѣлуй! — Прощайте.

Королева Елизавета уходитъ.

Дура!

Безсмысленная и вѣтранныя баба! —

Входитъ Ратклифъ и за нимъ Катэбинъ.

Что новаго?....

РАТКЛИФЪ.

Могучій повелитель!

У западнаго берега явися
Безчисленный и сильный флотъ. На берегъ
Бѣгутъ толпы сомнительныхъ бродягъ,
Безъ всякаго оружія, и воева
Не думаютъ отбить врага... По слухамъ.
Народнымъ, этимъ флотомъ править Ричмондъ.
Они сложили паруса и ждутъ,
Что Бокнингъ ихъ высадитъ помешетъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Скорай посла надежнаго къ Норвельку!
Скачи ты самъ мль Кэтзби... Гдѣ же Кэтзби?

КЭТЗБИ.

Здѣсь, государь.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Скорѣ позннай

Къ Норвельку!...

КЭТЗБИ.

Я не пощажу, милордъ,
Ни лошади, ни самого себя.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ты, Раткляфъ, въ Сальсбѣри скачи : когда
Придеши ты туда... (Кэтзби) ну, что же ты,
Бездальникъ, негодяй лѣнивый, здѣсь
Стоишь.... в къ герцогу не ѣдешь?

КЭТЗБИ.

Ваше

Величество еще не объявили,
Что́ долженъ я ему сказать....

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Прости,

Мой вѣрный, добрый Кэтзби! — Объяви
Ему, чтобъ онъ немедленно собиралъ,
Какое только можетъ, ополченье, —
И съ нимъ ко мнѣ бы мчался въ Сальсбери!

КЭТЗБИ.

Лечу!...

Уходить.

РАТКЛЯФЪ.

Что́ жъ въ Сальсбѣри я долженъ дѣлать,
Милордъ?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да, въ-самомъ-дѣль, что тебѣ
Тамъ дѣлать безъ меня?

РАТКЛЯФЪ.

Вы тотчасъ мнѣ

Впередъ приказывали ѣхать.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Я

Раздумалъ!...

Входятъ Стэнли.

Ну, что новаго, лордъ Стэнли?

СТЭНЛИ.

Нѣтъ ничего хорошаго, свѣтлѣйшій
 Монархъ, чтобъ вы съ отрадой услышали,
 И ничего печальнаго, о чемъ бы
 Не могъ я вашей чести доложить!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Вотъ-на! загадки!! — Ничего дурнаго
 И ничего хорошаго?... Какая
 Тебѣ необходимость столько мнѣ
 Скакать околицами, если ты
 Ближайшею дорогою намъ можешь
 Сказать свои таинственныя вѣсти?
 Что новаго, опять я повторяю?

СТЭНЛИ.

Лордъ, — Ричмондъ на морѣ!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Пускай онъ въ немъ

Утонится, — чтобы не онъ, а море
 Надъ нимъ ходило! Ревегать бездушный!
 И для чего пустился въ море онъ ?

СТЭНЛИ.

Не знаю, но мнѣ кажется, милордъ, —

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что жъ кажется тебѣ?...

СТЭНЛИ.

Что, возбужденный
 Мортонъ, Дорсетомъ и Бокингэмомъ,
 Онъ въ Англію пустился за короной....

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Но развѣ упразднился тронъ у насъ?

Рука, владѣвшая мечомъ, изсохла?
 Король скончался? Въ королевствѣ нѣтъ
 Властителя? И кто же, кромѣ насъ,
 Живъ изъ наследниковъ вѣнчаныхъ Йорка?
 И кто законный Англіи король,
 Какъ не наследникъ Йорка?... Говори же,
 Зачѣмъ пустился въ море онъ?...

СТЭВЛИ.

Милордъ,

Я виноватъ, — ошибся, — и не знаю.
 Другой причины этому походу.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ошибся ты, и ужъ не знаешь болѣ.
 Другой тому причины? Ты не знаешь,
 Зачѣмъ пришелъ Валлисецъ? — Стэвли, жди.
 Къ нему бѣжать задумалъ, ты — измѣнникъ!

СТЭВЛИ.

Нѣтъ, государь! Напрасно вы меня
 Подозрѣваете въ измѣнѣ!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Гдѣ же

Твой войска, чтобъ отразить его?
 Отвѣтствуй, гдѣ твои друзья, вассалы?
 На западныхъ, мятежныхъ берегахъ
 Для охраненія высадки враговъ?!...

СТЭВЛИ.

Мои друзья на сѣверѣ, милордъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Холодные жъ они друзья мнѣ! Чтò имъ дѣлать
 На сѣверѣ, когда ихъ государь
 На западъ нуждается въ ихъ силахъ?

СТЭВЛИ.

Имъ не было приказано, великій
 Монархъ! Но если вамъ угодно будетъ
 Пустить меня, я соберу мнѣхъ.

Друзей и вашей чести ихъ представляю,
Когда и гдѣ прикажете вы имъ!...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ты съ Ричмондомъ соединиться хочешь?
Нѣтъ, сэръ, я вамъ не доверяю!...

СТЭНЛИ.

СВѢТЛЫЙ

Монархъ, вы не имѣете причины
Подозрѣвать меня! Я никогда
Измѣнникомъ вамъ не былъ и не буду!...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Пусть такъ! — Иди жь и собирай войска!
Но сынъ твой, Стэнли, здѣсь остаться долженъ.
Будь твердъ и вѣренъ мнѣ, когда не хочешь,
Чтобъ голова его слетѣла съ плечъ!

СТЭНЛИ.

Вы съ нимъ, милордъ, по вѣрности моей
Поступите!...

Уходитъ.

Входитъ гонецъ.

ГОНЕЦЪ.

Свѣтлѣйшій государь,

Я получилъ извѣстье отъ моихъ
Друзей, что Кортин и его надменный братъ
Владѣтель Эксетерскій, съ толпой другихъ
Мятежниковъ, оружье въ Девонширѣ
Внезапно подняли!...

Входитъ другой гонецъ.

ВТОРОЙ ГОНЕЦЪ.

Монархъ великій,

Гильфорды въ Кентѣ подняли оружье!...
И съ каждымъ часомъ къ нимъ бѣгутъ другіе
Измѣнники, и силы ихъ растутъ!

Входитъ третій гонецъ.

ТРЕТІЙ ГОНЕЦЪ.

Милордъ, поутру войско Бокингема!...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Прочь! съ глазъ долой, зловѣщая сова!
Все пѣсни смерти?!

Бьеть его.

Вотъ тебѣ на память

До лучшей вѣсти!

ТРЕТІЙ ГОНЕЦЪ.

Я хотѣлъ, милордъ,
Вамъ донести, что войско Бокингэма
Разсыяно, разливомъ водъ отъ сильныхъ
Дождей, поутру выпавшихъ нежданно!..
И что, покинутый, онъ убѣжалъ
Одинъ, невѣдомо куда...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Прости!...

Вотъ кошелекъ тебѣ мой....

Бросаетъ ему кошелекъ.

Залечи

Мои удары имъ! — А что, ты слышалъ,
За голову измѣнника награду
Мои друзья назпачили?

ТРЕТІЙ ГОНЕЦЪ.

Милордъ,

Она давно объявлена!

Входитъ четвертый гонецъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОНЕЦЪ.

Свѣтлѣйшій

Монархъ, сэръ Томасъ Ловель и маркизъ
Лордъ Дорзетъ, говорятъ, знамена бунта
Въ Йоркширѣ подняли! Но вотъ другое
Извѣстіе, оно васъ успокоитъ :
Бретанскій флотъ разсыянъ бурей! Ричмондъ
На дорзетширскій берегъ выслалъ шлюбку,
Чтобъ разузнать, его ли ждуть отряды,
Которые стояли тамъ?... Ему
Отвѣтили, что Бокингэмомъ въ помощь

Они къ нему отправлены! Но онъ
Имъ не повѣрилъ, подвѣлъ паруса,
И повернулъ назадъ, въ свою Бретань.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Впередъ, впередъ! Теперь ужь мы готовы,
Когда не для сраженья съ иноземнымъ
Врагомъ, хоть для того, чтобъ усмирить
Бунтовщиковъ домашнихъ!...

Входитъ Кэтзи.

КЭТЗИ.

Государь,
Митский Бокингэмъ подъ стражу взятъ....
И это — вѣсть хорошая! Но вы
Должны узнать и вѣсть дурную.... Ричмондъ
Явился съ многочисленной толпой
Въ Мильфордъ!...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Въ Сальсбѣри! впередъ! Пока
Мы здѣсь болтали съ вами, можно бъ было
Сраженье выиграть, или проиграть!
Одинъ изъ васъ проводить Бокингэма,
А прочіе за мною!... Въ Сальсбѣри!!

Уходятъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Комната въ домѣ лорда Стэнли.

Входятъ СТЭНЛИ и СЭРЪ ХРИСТОФОРЪ-ОРЗВИКЪ, капеланъ ГРА-
ФИНИ РИЧМОНДЪ, ЖЕНЫ СТЭНЛИ.

СТЭНЛИ.

Сэръ Христофоръ, скажите отъ меня
Милорду Ричмонду, что сынъ мой запертъ
Въ хлѣвъ известнаго вамъ кабака.
Едва возстану я, мой юный сынъ

Линится головы! И это только
 Мынаетъ мнѣ соединиться съ ними!
 Скажите, гдѣ-жъ теперь достойный Ричмондъ?...

ХРИСТОФОРЪ.

Блезъ Пемброка, или у Харфордъ-веста,
 Въ Валлисѣ.

СТЭВЛИ.

Кто жъ при немъ изъ лицъ извѣстныхъ?

ХРИСТОФОРЪ.

Воинственный сэръ Вальтеръ Хэрбертъ, сэръ
 Джильбертъ Тальботъ, сэръ Вильямъ Стэвли, Оксфордъ,
 Могучій Пемброкъ, Блентъ и Ричъ-ан-Томасъ,
 Съ толпою храбрѣхъ воннохъ, — а съ ними
 И прочіе сподвижники!... Они
 Пойдутъ на Лондонъ, прямо, если имъ
 Не преградятъ дороги нападенемъ.

СТЭВЛИ.

Прекрасно! — Такъ идите же къ милорду
 И передайте мой ему привѣтъ!
 Увѣдомьте его, что королева
 Согласна дочь свою Елисавету
 Отдать ему въ супруги!... Эти письма
 Подробно все ему передадутъ.

Вручаетъ ему бумаги.

И такъ, милордъ, прощайте, до свиданья!...

Уходятъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Салсбери. — Открытое мѣсто. Входятъ ШЕРИФЪ со стражей, ведущею на казнь БОКИНГЭМА.

БОКИНГЭМЪ.

Такъ Ричардъ не желаетъ говорить
Со мной?

ШЕРИФЪ.

Да, добрый герцогъ, покоритесь
Судьбѣ своей.

БОКИНГЭМЪ.

Несчастный Хэстингсъ, Грей,
Король благочестивый мой, и вотъ,
Погибше отъ гнусной и коварной
Несправедливости, — виняйте мнѣ!
И если ваши пламенные души,
Негодования полныя и гнѣва,
Увидятъ съ облаковъ лазурныхъ то,
Что дѣлается здѣсь, вы отмщевы!...
Порадуйтесь гибели моей. —
Друзья, сегодня день поминovenья
Усопшихъ?

ШЕРИФЪ.

Точно такъ, свѣтлѣйшій лордъ.

БОКИНГЭМЪ.

И день поминovenія усопшихъ
Мнѣ будетъ днемъ позорной казни?!... Этого

Священный день, при жизни Эдуарда,
 Я призывалъ на голову мою,
 Когда бъ я навънилъ роднымъ его
 Жены, или его несчастнымъ дѣтямъ....
 Я въ этотъ самый день желалъ погибнуть
 Отъ въроломной зависти того,
 Кому бъ доверился я больше всѣхъ!...
 И этотъ, этотъ самый день кончаетъ
 Всѣ помыслы грѣховныя моей
 Испуганной души! Господь всевидѣць,
 Котораго я обмануть пытался,
 На голову мою же обратилъ
 Мои мольбы притворныя и клятвы....
 Онъ даровалъ мнѣ въ-самомъ-дѣлѣ то,
 Чего просилъ я въ шутку! Стрѣлы грѣшныхъ
 На ихъ же груди направляетъ Онъ!
 Всей тяжестью проклятыя Маргариты
 Обрушилось на голову мою:
 «Припомни это въ день, когда печалью
 «Изравить сердце онъ твое», — она
 Мнѣ восклицала — «и скажи — отъ сердца
 «Тогда: пророчицею Маргарита
 «Несчастливая была!»... Друзья! впередъ!...
 Ведите грѣшника къ позорной плахѣ!...
 Неправдѣ, злу — и наказанье злое!

Его уводить.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Равнина близъ Тѣворза.

↑ ходять съ барабаннымъ боемъ и съ распущенными знаменами — РИЧ-
 МОНДЪ, БЛЕНТЬ, ХЭРБЕРТЬ и другіе, съ войскомъ.

РИЧМОНДЪ.

Товарищи и братья по оружью,
 Мы съ вами безпрепятственно прошаемъ

Въ средину самую роднаго царства;
 И вотъ отъ Стэнли, тестя моего,
 Я получилъ отраднѣйшія письма,
 Которыми онъ ободряетъ насъ!
 Смирный, хищный, кровавадный вохра,
 Онустошающій поля и ватни
 Сады, взврь дикій, вашей теплой кровью,
 Весь въкъ свой упивавшійся, теперь,
 Какъ увяряютъ насъ, лежитъ въ срединѣ
 Британніи, близъ Лестера. — Отсюда
 До Лестера одинъ лишь день пути....
 Во имя Бога, храбрые друзья,
 Впередъ!... Пожнемъ одной кровавой пыткой
 Теперь мы жатву вѣчнаго покоя!...

ОКСФОРДЪ.

Лордъ, совесть каждаго изъ насъ — фаланга
 Безчисленныхъ мечей. Мы отразимъ,
 Мы побѣдимъ бездушнаго злодѣя.

ХЭРБЕРТЪ.

Его друзья подъ наши знамена
 Сбегутся....

БЛЕНТЪ.

Все друзья его — друзья
 Ему изъ страха одного; при первомъ
 Удобномъ случаѣ они его
 Покинутъ.

РИЧМОНДЪ.

Тѣмъ отраднѣе для насъ!
 И такъ, друзья, впередъ, — во имя Бога!...
 Надежда вѣрная быстрѣ мысли,
 Она летитъ на ласточкиныхъ крыльяхъ!
 Владыки съ ней — подобье божества,
 А бѣдные страдалцы — съ ней владыки!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Бозфорзское поле.

**Входят: КОРОЛЬ РИЧАРДЪ, съ войскомъ; ГЕРЦОГЪ НОРФОЛЬКЪ,
ГРАФЪ СЕРРИ, и другіе.**

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Здѣсь, на Бозфорзскомъ полѣ этомъ, нынче
Мы разобьемъ палатки! Что такъ мрачны
Вы, свѣтлый Серри?...

СЕРРИ.

На сердце моемъ,
По-крайней-мѣрѣ, въ десять разъ свѣтлѣе
Моей наружности.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Лордъ Норфолькъ!

НОРФОЛЬКЪ.

Здѣсь,

Мой повелитель!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Добрый Норфолькъ, намъ
Не миновать ударовъ! Вы какого
Объ этомъ мнѣнія?

НОРФОЛЬКЪ.

Довольно будетъ

Всего на ихъ и нашу долю!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Здѣсь

Разбить мою палатку. Эту ночь
Я проведу въ Бозфорзскомъ полѣ. Гдѣ-то
Прійдется завтра быть?...

Солдаты разбиваютъ королевскую палатку.

Э! Все равно!

Кто разузналъ, какъ многочисленъ врагъ?

НОРФОЛЬКЪ.

Въ его рядахъ не болѣе шести
Или семи вооруженныхъ тысячъ!...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Такъ мы сильнѣй его едва ль не втрое!
 Притомъ одно ужъ имя короля —
 Бойница, башня силы, а у нихъ
 Его-то именно и вѣть! — Готовьте жъ
 Палатку намъ! А вы со мной, милорды,
 Идите. Мы изслѣдуемъ для битвы
 Получше мѣстность и возьмемъ съ собой
 Искусныхъ въ этомъ дѣлѣ. — Поскорѣе жъ!
 Откладывать намъ нечего, затѣмъ,
 Что завтра всѣмъ и безъ того довольно
 Отъищется работы и трудовъ....

Уходить съ своей свитой.

—
 На другомъ концѣ поля показывается Ричмондъ, сэръ Вильямъ Брандонъ, Оксфордъ и другіе лорды. Нѣсколько солдатъ разбиваютъ палатку Ричмонда.

РИЧМОНДЪ.

Усталое, таинственное солнце
 Въ туманѣ золотистомъ потонуло....
 И слѣдъ его блестящей колесницы
 Намъ предвѣщаетъ радостное утро.
 Сэръ Вильямъ Брандонъ, вамъ я поручаю
 Штабартъ мой. — Припесите мнѣ въ палатку
 Бумаги и чернилъ. Я начерчу
 Планъ битвы завтрашней и всѣмъ назначу,
 Кому какое мѣсто занимать;
 Придумаю, какъ лучше бъ размѣстить
 Нашъ маленькій отрядъ. — Лордъ Оксфордъ, вы,
 Сэръ Вильямъ Брандонъ, и сэръ Вальтеръ Хэрбертъ,
 Останетесь со мною! — Графъ же Пемброкъ
 Пойдъ тѣ къ своимъ солдатамъ. Свѣтлый Блентъ,
 Вы пожелайте доброй ночи лорду
 И передайте отъ меня ему,
 Что, въ два часа утра, въ моей палаткѣ,
 Его желаю видѣть я.... Теперь,

Мой добрый капитанъ, другая просьба :
Извѣстно ль вамъ, гдѣ Стэнли?

Блентъ.

Если я

Нужныхъ полковъ не принялъ за его
Полки, — чего не думаю я вовсе, —
Такъ онъ находится, по-крайней-мѣрѣ,
Съ полъ-мили къ югу отъ могучихъ полчищъ
Монарха своего....

Ричмондъ.

Любезный Блентъ,
Найдите средство помѣститься съ нимъ,
Едва возможно это безъ особой
Опасности — и передайте лорду
Вотъ эту важную бумагу!...

Передасть ему бумагу.

Блентъ.

Пусть

Лишуся жизни я, — а передамъ!
Покойной ночи, лордъ!...

Уходить.

Ричмондъ,

Покойной ночи

Безцвнный капитанъ! — Пойдемте жъ, лорды,
Подумаемъ о завтрашнихъ трудахъ
Въ моей палаткѣ!.. Я совсѣмъ озябъ! —

Уходить въ палатку.

Въ палатку Ричарда входятъ: онъ самъ, Норфолькъ, Ратклифъ
и Кэтзби.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Который часъ?

Кэтзби.

Часъ ужина, милордъ :

Девятый...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Вѣсть я не хочу! — Подайте

Мнѣ поскорѣй бумаги и чернилъ.

Исправилъ-ль мой шлемъ и легче-ль сталъ онъ?

Внесли-ль мое оружіе въ палатку?...

КЪТІВЪ.

Все введено и все готово, лорды!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Любезный Норфолькъ, ты иди на место,
Тебѣ назначенное. Не звай!
И выборы надежныхъ часовыхъ.

НОРФОЛКЪ.

Иду, милордъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Пораньше, на зарѣ,
Проснися съ ласточками, добрый Норфолькъ.

НОРФОЛКЪ.

Богъ да хранитъ васъ, мой властитель!

Уходитъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Раткливъ!

РАТКЛИВЪ.

Милордъ!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Пошли гонца скорѣе къ Стэнли.
Вамъ сказать ему, чтобъ онъ явился
Съ своимъ отрядомъ до восхода солнца;
Когда не хочетъ, чтобъ единственный сынъ
Его сокрылся въ бездну вѣчной ночи!
Кэтэм.

Дай мнѣ вина, да принеси ночникъ.
А къ утру, къ битвѣ, осадить мнѣ Сёрри*.
Да чтобъ дровки можешь завѣтныя коней.
Но тяжело и кривки были!— Раткливъ!

РАТКЛИВЪ.

Милордъ!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Угрюмаго Норсъмбарленда
Ты видалъ нынче?

РАТКЛИВЪ.

Около зари
Вечерной, видалъ я, какъ онъ, а съ нимъ—

* Ситроу—сынъ Ричардова, историческое имя.

И Томасъ Серри, обходящъ ряды
Всей арміи, одушевляя храбрыхъ
Солдатъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Я имъ доволенъ! — Дай мнѣ кубокъ
Вина. — Не знаю почему, но только
Я пьиче какъ-то вялъ и не свободенъ
Душой... Поставь его... А гдѣ жъ бумага
И перья?...

РАТКЛИФЪ.

Здѣсь, милордъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Вели же стражъ

Моей не спать. Теперь оставь меня. —
Часу въ двѣнадцатомъ опять въ палатку
Мою прійди: ты мнѣ тогда поможешь
Падеть оружіе. — Иди же съ Богомъ.

Ратклифъ и Кетэби уходятъ. — Палатка Ричарда закрывается.

Палатка Ричмонда открывается и въ ней видны онъ и другіе лорды.

Входитъ Стэнли.

СТЭНЛИ.

Побѣда и покой да увѣнчаютъ
Твой шлемъ!

РИЧМОНДЪ.

Все доброе, что принесетъ
Намъ эта ночь, — тебѣ, мой благородный
Отецъ! — Скажи, здорова ли моя
Старушка мать?

СТЭНЛИ.

Она мнѣ поручила
Тебя благословить; ея моленья
И день и ночь па небо за тебя
Несутся... Но оставимъ это... — Время
Безмолвное летитъ, и непримѣтно
Уже рѣзветъ пасмурный востокъ.

И такъ, чѣмъ кратче и скорѣй, тѣмъ лучше:

Веди войска; едва забрежжетъ день,

И пусть судьбу твою рывааетъ воля

Оружія и смертоносной битвы.

Я жъ, если только будетъ можно мнѣ,

(Затѣмъ что такъ, какъ я желаю, врядъ ли

Возможно будетъ), постараюсь всѣмъ

Воспользоваться и къ тебѣ на помощь

Явлюся въ мигъ рѣшительнаго боя!...

Я не могу сживнѣть съ такимъ рѣшеньемъ:

Стань я до времени въ твои ряды,

И брата твоего казнятъ въ глазахъ

Отца!... Прощай же! — Общая опасность

И краткость времени не позволяютъ

Намъ высказать священныхъ нашихъ чувствъ,

Изнаютъ нашей сладостной бесѣды

И отравляютъ счастье свиданья

Друзей, томившихся въ разлукѣ мрачной.

Да ниспошлетъ Господь намъ наконецъ

Досугъ для светлыхъ изліяній дружбы!...

Еще — прощай, мой сынъ! — Будь храбръ и счастливъ.

РИЧМОНДЪ.

Милорды, потрудитесь проводить

Его... А я немного отдохну

И успокою легкою дремотой

Встревоженные мысли, чтобъ на завтра,

Когда прійдется мнѣ летать на крыльяхъ

Побѣды, — сонъ меня не подавилъ

Своей свинцовой тяжестью!... Милорды,

Еще желаю вамъ спокойной ночи! —

Лорды уходятъ вѣстѣ съ Стэнли.

О! Господи! Какъ полководецъ твой,

Молю Тебя, взгляни могучимъ окомъ

На воинство мое... Вложи въ его

Десницу острое желѣзо гвѣзды,

Чтобы подъ тяжестью его ударовъ

Распались шлемы хищниковъ-враговъ!...

Дай намъ сроднить Твою святую кару,
 Прославить на землѣ Твоей побѣду!...
 Тебѣ я поручаю бодрый духъ мой,
 Пока мои расхищенья не сомкнутся...
 Своимъ покровомъ охвати меня —
 И спящаго и въ бѣгѣ раковой!...
 Засниплеть.

Въ серединѣ, между открытими надгробк. Ричарда и Виктора, является
 духъ Принца Эдуарда, сына Генриха-Шестого.

духъ, Ричарду,

Тяжелымъ гнетомъ на душу твою
 Налегу завтра я! Припомни, ты,
 При Тьюксборн, мѣся зарею въ цѣль
 Моей весны! — Отчайся жь, и умри! —
 Ричмонду.

Мужайся, Ричмондъ! Души гнѣвныхъ, пришедъ,
 Убитыхъ, явятся тебѣ на помощь!
 Тебя, достойный Ричмондъ, ободрять
 Сынъ Генриха, покойнаго монарха! —

Является духъ Генриха-Шестого.

духъ, Ричарду.

Когда я былъ въ числѣ печальныхъ смертныхъ,
 Ты истерзалъ помазанное тѣло
 Мое смертельными мечами! Вспомни,
 Ужасный Тоузъ! вспомни короля!
 Отчайся и умри! Царькоу Генрихъ.
 Передъ тобой: отчайся и умри! —
 Ричмонду.

Ты жь, добродѣтельный и кроткій, встань
 И побъждай! Король, тебѣ корону
 Предсказывавшій, говорить во снѣ
 Съ тобой теперь: живи и процвѣтай! —

Является духъ Кларенса.

духъ, Ричарду.

Тяжелымъ гнетомъ на душу твою
 Наложетъ поутру несчастный Кларенсъ,
 Замытый до-смерти твоимъ виномъ

Противникъ, жестоко тобой убитый*!...
 Въ часъ битвы, завтра, вспомнишь ты его,
 И мечь потугавший — покинетъ руку...
 Отчайся и умри! —

Ричмонду.

А за тебя.

Ланкастеровъ отрада, молитъ души
 Убитаго потомства Юрка! Небо —
 И ангелы да поведутъ къ побѣдѣ
 Твои ряды! — Живи и процвѣтай!
 Являются духи Риверса, Грея и Вогэна.

риверсъ, Ричарду.

Тяжелымъ гнетомъ на душу твою,
 Близъ Померета убитый, Риверсъ лежитъ...
 Страдай, не спи! — Отчайся и умри!

грей, Ричарду.

Припомни Грея, — и твой алчный духъ
 Отчаянье пугливое задушить!...

вогэнъ, Ричарду.

Вогэна вспомни и покинь отъ страха
 Свое копьё! — Отчайся и умри! —

Всѣ три духа вмѣстѣ.

Ричмонду.

Вставай! Проснись! Сознанье нашей смерти
 Уже вошло въ Ричардову грудь...

Внимай и пробуждайся для победы! —

Является духъ Хэстингса.

духъ, Ричарду.

Кровавый и преступный, преступленья
 Исполненный и просыпайся! Бой
 Кровавый да окончитъ жизнь твою...
 Припомни Хэстингса, умри, отчайся!

Ричмонду.

Ты жъ, безмятежная душа, вставай,

* Здѣсь намекается на смерть Кларенса, утопавшаго въ бочкѣ вина
 влэвэин.

Вооружись, кидайся въ бой могучій —
И побъждай для благъ твоей отчизны! —

Являются духи двухъ молодыхъ сыновей Короля Эдуарда.
духи, Ричарду.

Малютокъ, въ Тоузър тобой убитыхъ,
Припомни въ сновидѣньи, Ричардъ! Въ грудь
Твою заложимъ мы свинцомъ тяжелымъ,
На твой позоръ, тоску и гибель! — Души
Шлемянниковъ зываютъ предъ тобой:
Отчайся и умри, коварный Ричардъ!

Ричмонду.

Ты жъ, Ричмондъ, спи спокойно! Ты проснешься
Для радостей! И ангелы святые
Тебя отъ вепря упасутъ!... Живи, —
И длинный рядъ царей твое потомство
Украсятъ славою великихъ дѣйствій!
Несчастные малютки Эдуарда
Къ тебѣ зываютъ: царстуй и живи! —

Является духъ королевы Анны.

духъ, Ричарду.

Твоя жена, бездупный Ричардъ, Анна
Несчастливая твоя, на грѣшномъ ложѣ
Не знавшая съ тобой покоя, — сонъ твой
Теперь тревожить... Завтра, въ мигъ сраженья,
Припомни обо мнѣ и урони
Иступленный свой мечъ.... Умри, отчайся!

Ричмонду.

Ты жъ, мирная душа, спокойно спи,
Пусть грезится тебѣ успѣхъ, победа...
Жена врага тебѣ желаетъ счастья!

Является духъ Бокингэма.

духъ, Ричарду.

Я первый помогалъ тебѣ добыть
Корону и послѣдній умерщвленъ
Твоимъ злодѣйствомъ! Но, въ кровавой сѣчѣ,
Ты вспомнишь Бокингэма и — умрешь
Отъ ужаса свершенныхъ преступлений! —

Снѣ, снѣ! пустьъ смерть и кровьъ тебѣ присягуютъ....
 Измученный, отчаяньемъ терзайся,
 И воду ярмомъ отчаянья задохнись!...

РИЧМОНДУ.

Меня сразила смерть, я не успѣлъ
 Тебѣ помочь; но ободрися, Ричмондъ,
 И веселись душой! — Господь и англы
 Его архангеловъ на сторонѣ
 Твоей сразятся; и надменный Ричардъ
 Падеть, — падеть — въ пылу своей гордыни! —
 Духи исчезаютъ. Ричардъ пробуждается въ ужасѣ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

.... Коня другаго мнѣ!... Переважите
 Мнѣ раны!... Господи, умилосердись!..
 Что жъ это? — Небо!! — Это только сонъ!! —
 О, трусь негодный, совѣсть, какъ ты мучишь
 Меня?! — Починикъ трепещетъ синимъ свѣтомъ!...
 Теперь глухая полночь.... Капли пота
 Бѣгутъ съ испуганнаго тѣла.... Странно! —
 Чего боюся я? — Себя? — Здѣсь нѣтъ
 Лица живаго, кромѣ самого
 Меня.... А Ричардъ — Ричарда такъ любить! —
 Все я, все тотъ-же я!! — Здѣсь нѣтъ убійцы! —
 Какъ нѣтъ? — А я?... Бѣги же поскорѣй!...
 Отъ самаго себя? — Какая пужда?
 Чтобъ я не отомстил!... Кому? Вотъ-нѣ!...
 А самому себѣ?... Нѣтъ, я люблю
 Себя. — За что жъ себя ты любишь? — Вѣрно
 За что-нибудь хорошее, что я
 Доставилъ самому себѣ? — О! нѣтъ!
 Нѣтъ, я себя скорѣе ненавижу
 За преступленія мои! — Злодѣй ты!!
 Нѣтъ, врешь! я вовсе не злодѣй!... Глупецъ,
 Ты самаго себя чернить не смѣешь!
 Глупецъ! не льсти себѣ! — Мое сознанье
 Владѣетъ тысячами языковъ....
 У каждаго изъ нихъ есть обвиненье,

И каждое мнѣ этикъ обманскій
 Клеймить меня злодѣемъ и убійцей!...
 Да! Я клятвopеступникъ, страшный извергъ!
 Убійца я, безжалостный убійца,
 И въ высочайшей степени убійца!
 Злодѣйства безобразныхъ, грѣхи,
 Сверхъчеловѣчные въ безчеловѣчныхъ отгнѣнкахъ
 Моей рукой, толпятся передъ треномъ
 Судьи небеснаго и восклицаютъ:
 «Винювентъ ты! винювентъ!» — Какъ же мнѣ
 Не потеряться?... Нѣтъ созданья въ мирѣ,
 Которое бы Ричарда любило!
 Погибну я, и ни одна душа
 Не станетъ обо мнѣ жалеть и плакать.
 Да и къ чему жалеть мнѣ, если самъ я
 Себя ни мало не жалю? — Мнѣ
 Пригрѣзилось, что души всѣхъ убитыхъ
 Моимъ стараніемъ, къ моей налаткѣ
 Слетались и каждая отищенье
 На голову убійцы призывала!...

Входитъ Ратклифъ.

РАТКЛИФЪ.

Милордъ!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Кто тутъ?!

РАТКЛИФЪ.

Я, Ратклифъ! — Ганнибъ сельскій!

Пятую уже два раза прокричалъ,
 Привѣтствуя зарю: и всѣ друзья
 Монарха нашего вооружались!...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

О! Ратклифъ, я ужасный видѣлъ сонъ.
 Какъ полагаешь ты, друзья мои
 Намъ не изменять?

РАТКЛИФЪ.

Безъ сомнѣнья нѣтъ,

Милордъ!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

О! Ратклифъ! Я боюсь, боюсь...

РАТКЛИФЪ.

Возможно ли призраковъ бояться, ваше
Величество?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Клянуся Павломъ, въ эту
Глухую полночь духи мертвецовъ
Такъ ужаснули Ричардову душу,
Какъ не удастся ужаснуть ее
И десяти полкамъ живыхъ солдатъ,
Закованныхъ въ желъзо, предводимыхъ
Надменнымъ Ричмондомъ!... Еще пока
Не разсвѣло. — Пойдемъ со мною, Ратклифъ.
Уходятъ съ Ратклифомъ.

Въ палатку Ричмонда входятъ: ОКСФОРДЪ и другіе лорды.

ЛОРДЫ.

Пріятнаго утра, лордъ Ричмондъ.

РИЧМОНДЪ, просыпаясь.

Лорды

И джентльмены, извините! Я,
Лытлай, сегодня заспался совсѣмъ!...

ЛОРДЫ.

Какъ почивали вы, милордъ?

РИЧМОНДЪ.

Чудесно!

Прекраснѣйшіе сны, какіе только
Когда либо въ усталой головѣ
Являлись, съ той поры, какъ вы ушли, —
Меня не покидали! Мнѣ казалось,
Что души Ричардовыхъ бѣдныхъ жертвъ
Слетались къ моей палаткѣ, громко
Взывая: встань и побъждай! — Клянусь,
Моя душа наполнена восторгомъ!...
Который часъ теперь, милорды?

ЛОРДЫ.

Скоро

Четыре.

РИЧАРДЪ,

Такъ пора вооружаться
И строить наши храбрые ряды.

Подходить къ войску.

Друзья и земляки! Распространяться
О томъ, что я уже поведалъ вамъ,
Не позволяютъ мнѣ ни время наше,
Ни наши нужды, — помните одно, —
Господь сражается за наше дѣло,
И теплыя молитвы райскихъ душъ
Окопами предъ нашими рядами
Стоять! — Сердца озлобленныхъ враговъ,
За исключеньемъ Ричарда, желаютъ
Побѣды намъ, а не вождю дружинъ
Своихъ!... И въ-самомъ-дѣль, джентльмены,
Кто предводитель ихъ?.. Тиранинъ, убійца,
Возвысившійся кровью и на тронъ
Въ крови взошедшій!... Не щадилъ онъ средствъ
Для достиженья цѣли и губилъ
То самое, что подавало средства
Его трудамъ!... Простой, фальшивый камень,
Сверкающій алмазомъ потому,
Что вмѣсто фольги у него коропа
Британнн, похищенная имъ!...
Онъ врагъ небесъ, и если вы пойдете
На Божьяго врага, Господь укроетъ
И защититъ поборниковъ своихъ!...
Устанете, свергая супостата,
Заснете мирно, побѣдивъ его....
Сразитесь съ врагомъ отчизны вашей
И благо земляковъ вознаградитъ
Васъ за труды. — Возставьте на защиту
Несчастныхъ женъ и жены встрѣтятъ васъ,
Какъ побѣдителей, въ триумфъ мирномъ!...
Избавьте отъ меча дѣтей-малютокъ,
И ваши дѣти и родные внуки
Вознаградятъ васъ въ старости за это!..

И такъ, во имя Бога и святыхъ
Его законовъ, распускайте ваши
Побѣдныя знамена и долой
Ретивые мечи!... Когда, друзья,
Несправно дѣло наше, пусть мой трупъ
Холодный — на холодную равнину
Падеть наградою моихъ желаній! —
Когда жъ удастся мнѣ, успѣхъ победы
Я раздѣлю съ послѣднимъ изъ моихъ
Слудвижниковъ!... Гремите жъ барабаны,
И потрясайте воздухъ сонный трубы —
Веселиемъ и храбростью!... Святой
Георгій! Небо! — Ричмондъ и побѣда! —

Уходить.

Слова являются — Ричардъ, Ратклифъ, свита и войско Ричарда.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что говорить о Ричмондъ суровый
Норсъомберландъ?

РАТКЛИФЪ.

Что онъ прямой невѣжда
Въ военномъ дѣлѣ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Это правда: что же
Ему сказалъ на это Сёрри?

РАТКЛИФЪ.

Онъ

Сказалъ съ улыбкою: «Тѣмъ лучше, лордъ,
Для насъ!»

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

И это правда! Безъ сомнѣнья!

Бьютъ часы.

Считите-ка часы, да календарь
Подайте мнѣ. — Кто видѣлъ нынче солнце?

РАТКЛИФЪ.

Я не видалъ....

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Такъ значить памъ оно

Сзѣтѣ не хочеть нынче!... Въ этой книгѣ

Написано, что цѣлый часъ уже
 Оно должно блестять на гарнизонтъ;
 Кому-то нынче будетъ черный день !...
 Лордъ Раткливъ !...

РАТКЛИВЪ.

Государь !

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Сегодня солнце

Совсѣмъ не хочетъ показаться.... Мрачно
 Нависло небо гнѣвное надъ нашимъ
 Отрядомъ. — Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ эта
 Слезливая роса исчезла съ поля....
 Не разсвѣтаетъ !... Впрочемъ, что жъ такое?
 Не я одинъ, и Ричмондъ погрузится !
 Накмуренное надо мною небо —
 И надъ его померкло головой !...

Входитъ Норфолькъ.

НОРФОЛКЪ.

Къ оружію, къ оружію, король !...
 Враги уже несутся по равнинѣ....

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Скорѣй — тревогу !... Мнѣ коня взнудать !
 Сказать милорду Стэнли, чтобъ придвинулъ
 Овъ свой отрядъ ! — Я въ поле поведу
 Войска и такъ устрою планъ сраженія :
 Передовыя линіи, изъ равныхъ
 Частей пѣхоты и отрядовъ конныхъ,
 Подъ предводительствомъ милорда Сёрри
 И Норфолька, — разтянутся фалангой....
 Стрѣлки займутъ средину. Между-тѣмъ
 Я съ главной силой выступлю за ними
 И сильный центръ пѣхоты окрится
 Блестящей конницей ! — Святой Георгій
 И это все — помогутъ намъ ! Какъ ты
 Объ этомъ думаешь, достойный Норфолькъ ?

НОРФОЛКЪ.

Прекрасное распоряженіе, крабрыи

Король.... Но вотъ что я нашелъ зарей
Сегодня — около моей палатки.

Подаетъ ему свитокъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Читаеть.

....«Джонъ Норфолькъ, дружище, смотри, не храбрысь! —
«Твой Джонъ» — ужъ преданъ и проданъ, очнись!»...

Все это выдумки враговъ презрѣнныхъ !...
Впередъ же, джентльмены ! По мѣстамъ !
Не позволяйте говорливымъ грезамъ
Тревожить воли.... Смѣло же впередъ !
И прямо въ схватку, на смертельный бой!...
Что вамъ сказать еще ?! — Вы не забудьте,
Съ кѣмъ вы ведете бой !... Съ толпой бродягъ,
Бездельниковъ, воровъ и бѣглецовъ ;
Съ презрѣнной накипью Бретани, съ гнусной
Толпой рабовъ, которыхъ бѣдный край
Извергнувъ изъ себя, искать по свѣту
Достойной гибели и приключеній ! —
Вы спали мирно, но они явились
Лишить васъ сна ! У васъ есть земля, вы
Имѣете прекрасныхъ женъ, и вотъ
Имъ хочется лишить васъ блага первыхъ
И честь послѣднихъ опозорить !... Кто
Ведеть ихъ полчища ? — Дрянной мальчишка
Откормленный въ Бретани нашимъ лѣвбомъ....
Молокососъ, котораго нога
Всю жизнь его, не уходила въ свѣгъ
За щиколотку, выше банмака !...
Отбросимъ эту сволочь снова въ море....
Очистимъ родину отъ бѣглецовъ
Французскихъ, этихъ жадныхъ попрошайекъ,
Которымъ жизнь давно ужъ надоела....
Не соблазняя коварный ихъ успѣхъ, —

Давно бы ужъ повѣсился крѣсы :
 Отъ недостатка средствъ къ существованью !
 Ужъ если пасть и быть побѣждену,
 Пускай, друзья, насъ побѣждаютъ мужи,
 А не гнилые выродки Бретани,
 Которыхъ наши дѣды — въ ихъ же бѣдной
 Странѣ — такъ знатно колотили, били,
 И въ завершенье радостнаго дѣла
 Еще такимъ потомствомъ наградили ! ..
 Ужели эта сволочь завладѣтъ
 Землями нашими, уже ль отнять
 Она у насъ супругъ и дочерей ?...

Влали раздается глухой барабанный бой.

А !... Слышите, милорды ?!.. Барабаны !..
 Ихъ барабаны !! — Джентльмены, въ битву ! —
 Впередъ, впередъ, безстрашные драбаты !..
 Стрѣлки, прицѣливайтесь прямо въ лобъ !
 Пришпоривайте вашихъ скакуновъ....
 Въ крови купайтесь и ужасните
 Небесный сводъ обломками мечей !

Входитъ гонецъ.

Что жъ Стэнли ? Гдѣ его отрядъ могучій ?

Гонецъ.

Милордъ.... онъ отказался вамъ служить !..

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Долой же голову родному сыну

Его ! Долой немедленно !

НОРФОЛКЪ.

Милордъ,

Врагъ перешелъ уже болота наши....

Отсрочьте казнь до окончанья битвы !

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

О ! . . Тысяча сердець теперь трепещетъ

Въ моей груди ! — Знамена, — на врага, —

Впередъ ! — Нашъ старый, громоносный возгласъ :

«Святой Георгій» ! да вдохнетъ въ сердца

Монхъ друзей — огонь драконовъ лютыхъ....

Впередъ, и да възвучаетъ насъ побѣда ! —

ДВЕНАДЦАТЫЙ ДЕЙСТВІЕ.

ДРУГАЯ ЧАСТЬ ПОЛЯ.

Смятеніе. — Шумъ битвы. — Стычь. — Входятъ: съ одной стороны Норфолькъ съ войскомъ, съ другой — Кэтэви.

КЭТВИ.

Спасайтесь, лордъ Норфолькъ! Поскорѣй
Бѣгите!.. Ричардъ чудеса творить!
Кидается въ опаснѣйшія схватки....
Подъ нимъ убили лошадь, — онъ одинъ
Дерется, итншій.... И въ объятыхъ смерти
Повсюду ищеть Ричмонда!.. Слышите,
Милордъ, нль этотъ день на-вѣкъ потерянь!...

Смятеніе. — Бѣгаетъ король Ричардъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Коня! — Коня!! — Все царство за коня! —

КЭТВИ.

Бѣгите, государь! Я тотчасъ вамъ
Добуду лошадь....

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Рабъ!! Я жизнь мою

Поставилъ на агру судьбы — и снѣло
Взгляну въ глаза неумолимой смерти!
Въ сраженіи — шесть Ричмондовъ навърно?..
Я пятерыхъ убилъ, — а онъ все живъ!!..
Коня! — Коня!! — Все царство за коня!! —

Уходитъ.

—

Шумъ битвы. — Король Ричардъ и Ричмондъ входятъ и уходятъ, сражаясь другъ съ другомъ.... Отступленіе. — Трубы. — Возвращаются: Ричмондъ, Стэнли съ короной, многіе другіе лорды и войско.

РИЧМОНДЪ.

Хвала творцу и вашему оружию,
Побѣдоносные мои друзья!..
Дашъ — вамъ!...

СТЭЛИ.

Достойный Ричмондъ, ты раскрылъ
 Намъ доблести души твоей! Внимай!
 Вотъ тотъ венецъ, которымъ долго такъ
 Владѣли хищники.... Я снялъ его
 Съ безжизненной, кровавой головы,
 Чтобы твое чело украсить имъ....
 Носи жъ его! Владѣй имъ по закону,
 И возвышай его твоею славой!

РИЧМОНДЪ.

Великій Богъ да скажетъ намъ на это:
 Аминь! — Скажите, живъ ли вѣрный сынъ
 Милорда Стэли? —

СТЭЛИ.

Живъ, по онъ теперь
 Покуда въ Лестеръ.... Когда угодно
 Вамъ, лордъ, и мы отправимся туда!...

РИЧМОНДЪ.

Кто изъ людей известныхъ палъ въ сраженъи,
 У насъ и у враговъ?...

СТЭЛИ.

Лордъ Вальтеръ Феррерсъ,
 Сэръ Робертъ Бракенбери, Вильямъ Брандонъ
 И герцогъ Норфолькъ!...

РИЧМОНДЪ.

Схоронить тѣла ихъ
 Со всею почестью, приличной сану
 И ихъ рожденью! — Объявить прощенье
 Всемъ воинамъ бѣжавшимъ, если только
 Они опять съ повинной головой
 Вернутся къ намъ! Теперь соединимъ,
 Какъ клятвенно и причастившись тайнъ
 Святыхъ мы вамъ ужъ обѣщали, вмѣстѣ —
 И бѣлую и пурпурную розу!!..
 Да улыбнутся небеса на ихъ
 Союзъ; такъ долго хмурились они
 На ихъ вражду! — И кто, услышавъ это,

Не скажетъ намъ: аминь, того я прямо
 Изъишикомъ бездушнымъ назову! —
 Да, должно Англія сама себя
 Терзала, и неустово бѣсилась!...
 Въ безумномъ ослѣпленіи — братъ на брата
 Вставалъ и проливалъ родную кровь....
 Отецъ тиранилъ сына, сынъ мятежный
 Шелъ въ палачи родимаго отца....
 Да прекратятся же раздоры Юрка
 Съ Ланкастеромъ — въ святомъ соединеніи
 Кларисветы съ Ричмондомъ, законныхъ
 Наслѣдниковъ вѣнчаннаго семейства! —
 Соедини ихъ, Боже милосердый!
 И пусть потомство ихъ, — когда потомство
 Ты имъ пошлешь, — грядуще въка
 Обидемъ, отрадою, весельемъ
 И благодатнымъ миромъ увѣнчаетъ!
 Владыко всемогущій! Преломи
 Оружіе измѣны, если ей
 Захочется бывшее возвратить
 И затопить потокомъ слезъ и крови
 Родную Англію, отчизну нашу!...
 Владыко праведный, не дай злодьямъ,
 Которые задумаютъ нарушить
 Священный миръ, вкусить отраду мира!....
 Все обновится!... Раны нашихъ смугъ
 Закроются незримо, заживутъ!...
 И Царь небесъ — на нашъ святой восходъ
 Свасительный аминь — произнесетъ! —

Занавѣсъ опускается.

==

Въ заключеніе нашего перевода «Ричарда-Третьяго» скажемъ нѣ-
 сколько словъ объ извѣстнѣйшихъ актеряхъ, выполнявшихъ, въ
 разные времена; роли въ этой драмѣ.

Драма, особенно драма Шекспира, торжествует только своимъ достоинствомъ, если она не предполагается на сценѣ театра; актеръ-художникъ дополняетъ, животворитъ идеи поэта, выясняетъ ихъ, даетъ имъ гармоническую плоть и дѣлаетъ ихъ доступными органамъ зрителей. — Такъ иногда, при жизни своей, поэтъ бываетъ гораздо менѣе славенъ, чѣмъ актеръ, выполняющій его созданія; послѣднему зритель приписываетъ свои сердечныя движенія, свое наслажденіе; послѣдній, подобно гальскому Геркулесу, приковываетъ къ устамъ своимъ — цѣлый народъ своихъ поклонниковъ!... Но, увы! приходитъ роковая, безвозвратная пора, и этаго голоса, этого могучій голосъ, — смолкаетъ навсегда: завѣса другаго міра падаетъ между нами и актеромъ! — Отъ него, какъ отъ исполнителя музыканта, какъ отъ пѣвца, какъ отъ прелестной танцовщицы, остается одно — звукъ его имени и нѣсколько лучей славы! Произведенія его — исчезаютъ вмѣстѣ съ нимъ, вмѣстѣ съ его жизнью, которая иногда десятки лѣтъ увлекаетъ цѣлыя поколѣнія и цѣлыя современности наполняетъ новыми, эстетическими началами!... И едва-едва остаются ото всей его личности немногія слабыя отголоски, немногія преданія, выраженные слабымъ, безплотнымъ словомъ....

Ни одинъ поэтъ столько не сдѣлалъ для актеровъ, сколько сдѣлалъ Шекспиръ; ни одинъ изъ писателей-драматурговъ, не создалъ такого множества характеровъ, типовъ, которые живутъ самостоятельною жизнью и совершенно овладеваютъ нашимъ воображеніемъ! Большая часть актеровъ приобрѣтала свою славу исполненіемъ ролей Шекспира. — Скажемъ о нѣкоторыхъ изъ болѣе прославленныхъ, въ отношеніи къ «Ричарду-Третьему». — *Беттертонъ*, по словамъ записокъ Коллея Гиббера, «былъ единственнымъ человекомъ, который еще могъ играть роли созданій Шекспира, такъ точно, какъ Шекспиръ одинъ только и могъ писать для сцены».... Главное достоинство Беттертона было: разнообразіе игры и примѣненіе своей артистической личности къ личности каждой изъ играемыхъ имъ ролей... Въ «Ричардѣ-Третьемъ» съ нимъ могъ соперничать одинъ Кинъ!... Коллей о немъ заключаетъ такъ: «въ роляхъ, созданныхъ во Шекспиромъ, онъ превосходилъ всѣхъ другихъ актеровъ; въ Шекспировскихъ же твореніяхъ онъ превосходилъ самого себя». — Онъ родился въ 1685 году, умеръ въ 1710. — *Гаррикъ* — былъ знаменитъ въ роли «Ричарда-Третьяго», въ «Лирѣ» и «Макбетѣ». — Онъ родился

въ 1716 году, умеръ въ 1779 году, и происходилъ отъ французской фамили. Англичане ставятъ его выше всѣхъ своихъ актеровъ; природа, естественность и разнообразіе были его главными качествами. Будучи самъ сочинителемъ, Гэррикъ всю свою жизнь разработывалъ творенія Шекспира. Онъ иногда передѣлывалъ роли Шекспира, оправдываясь желаніемъ приблизить ихъ къ духу своей эпохи! Упреки этотъ впрочемъ исчезаетъ при мысли о достоинствахъ Гэррика: онъ возвратилъ своею игрою всю популярность Шекспиру, которую этотъ послѣдній потерялъ съ той поры, какъ англійская сцена лишилась Беттертова!... Онъ поочередно былъ то страшень, то благородень, то патетичень, то страстень; и никогда актеру столько не изумлялись и не аплодировали, сколько изумлялись и аплодировали Гэррику!... По его смерти Англія воздала ему почести великихъ людей, и онъ былъ похороненъ въ пыльномъ склепѣ Вестминстерскаго аббатства. — Роли *Маргариты* и *Елисаветы* въ «Ричардъ-Третьемъ» со славою исполняла мистриссъ *Притчардъ*. Она первая замѣнила собою молодыхъ актеровъ, которые до нея обыкновенно исполняли всѣ женскія роли Шекспира. Она также неподражаемо играла роли лэди Макбетъ, королеву въ «Гамлетъ» и «Катерину» въ «Генрихъ-Осьмомъ». Мистрисъ Притчардъ родилась въ 1711 году, умерла въ 1768 году. — Послѣ этихъ именъ мы можемъ назвать *Кука*, которому было уже сорокъ пять лѣтъ отъ роду, когда онъ, въ 1801 году, на Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ, дебютировалъ въ роли короля «Ричарда-Третьяго».... Ему аплодировалъ самъ Кембль! — Будучи прекрасень собой, Кукъ отличался, главнымъ образомъ, неподражаемымъ выраженіемъ ненависти, зависти, хитрости и злой провиіи.... Онъ вздѣлъ играть въ Соединенные-Штаты, гдѣ, въ Нью-Йоркѣ, въ 1812 году, и скончался, на пятьдесятъ-осьмомъ году отъ рожденія. — Но славнѣйшимъ изъ исполнителей роли «Ричарда-Третьяго» — былъ *Кинъ*. *Эдмондъ Кинъ* владелъ удивительными качествами. — Иногда онъ впадалъ въ тривіальность и уже въ слишкомъ изступленную энергію гнѣва и горячности.... Но, безъ этого, онъ былъ благородень, высокъ и изящень! — «Ричардъ-Третій» и «Шейлокъ» были главными его ролями.... Ричардъ-Третій, изъ котораго онъ дѣлалъ безобразнаго Донъ-Жуана, росъ мгновенно и становился почти гигантомъ, едва надъ нимъ распадалась туча опасности!... Вся зала потрясалась электрическимъ ударомъ;

когда онъ кричалъ: «Коня! коня! все царство за коня!» — Кинъ, подобно всѣмъ англійскимъ актерамъ, въ совершенствѣ владѣлъ шпагою и рапирою.... Поэтому въ роли Ричарда онъ растягивалъ съ умысломъ послѣднюю сцену его борьбы съ Ричмондомъ, и умиралъ, показавъ вполне свое искусство владѣнія шпагою. Кинъ оставилъ сына; но сынъ его вовсе не имѣетъ таланта своего отца.

Изъ нашихъ русскихъ актеровъ назовемъ *Мочалова*, который исполнялъ въ Москвѣ роль характера «Ричарда-Третьяго», и который былъ неподражаемъ въ пятомъ актѣ; этотъ пятый актъ, подъ именемъ «Сна короля Ричарда-Третьяго» — въ послѣднее время въ Москвѣ давали обыкновенно отдѣльно.... Въ одинъ изъ послѣднихъ беневолюсовъ *Мочалова* мы сами его видѣли въ этомъ пятомъ актѣ: въ монологѣ, который Ричардъ произноситъ тотчасъ послѣ пробужденія отъ страшнаго сна и въ знаменитомъ возгласѣ: «Коня! — Коня! — все царство за коня!» — *Мочаловъ* былъ неподражаемъ и въ полномъ смыслѣ слова — страшенъ. Въ Петербургѣ въ этой роли прославился *Брянскій*, который передѣлалъ «Ричарда-Третьяго» для нашей сцены. Роль «Бокингэма» съ большимъ успѣхомъ игралъ *Григорьевъ 1-й*. Въ одномъ изъ гражданъ, выведенныхъ во второмъ дѣйствіи, въ третьемъ явленіи, въ тридцатыхъ годахъ — являлся *Мартыновъ*, еще не пріобрѣвшій той заслуженной славы, которую онъ теперь пользуется у насъ на Руси. — Въ женскихъ роляхъ «Ричарда-Третьяго» — не являлось до-сихъ-поръ ни одной достойной, русской артистки.

ГРИГОРІЙ ДАНИЛЕВСКІЙ.

==

ЖЕНЩИНА ВЪ ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

I.

Прямо противъ того мѣста, гдѣ возвышается нашъ древній Кремль съ своими храмами, стѣнами и башнями, на берегу Москвы-рѣки, который не былъ тогда еще обдѣланъ каменною набережною, — стояли два домика; оба такой незавидной наружности, что съ противоположнаго берега, не смотря на близость, вы не замѣтили бы ихъ въ разнообразной массѣ зданій, улицъ, садовъ и монастырей, которая поражаетъ и увлекаетъ вниманіе, при первомъ взглядѣ на Замоскворѣчье.

Одинъ изъ этихъ домиковъ, казалось, былъ необитаемъ; ставни его были закрыты; на поросшемъ травою дворѣ никого не было видно. Напротивъ того, въ другомъ, все доказывало присутствіе хозяевъ: окна раскрытыя, убранныя бѣлыми кисейными запавѣсками съ бахромою и уставленыя горшками бальзаминовъ и гераній. Въ этомъ домикѣ, двѣ женскія фигуры привлекали вниманіе проходящихъ. Ближе къ окну, склонясь головою на руку, сидѣла молодая женщина. Лице ея было прекрасно и выразительно, но такъ блѣдно, какъ будто она только-что встала послѣ продолжительной, тяжелой болѣзни. За нею рисовалась граціозная, остиенная свѣтлыми кудрями, головка дѣ-

вочки лѣтъ тринадцати. Какъ будто сочувствуя тайнымъ думамъ своей собесѣдницы, прелестная, какъ ангелъ, малютка склонилась на ея плечо въ тихомъ раздумьи. Эта женщина была Зенеда. Двѣ недѣли уже, какъ она пріѣхала въ Москву и жила съ своими родственницами. Жила!... Нѣтъ, не жила она; а съ утра до вечера, съ вечера до утра, прозябала въ какомъ-то оцѣпенѣніи, подавленная единственною, безотвязною мыслью, неспособная ни къ какому ощущенію, такъ еще живо и такъ сильно было въ ней ощущеніе скорби, разрушившей все ея существованіе.

Подобно неизцѣлимо-больной, которая знаетъ свое положеніе и уже не требуетъ, не ищетъ изцѣленія,—она открывала глаза послѣ тяжелаго, тревожнаго сна, къ бодрствованію, еще болѣе тягостному и безотрадному; безотчетно, механически, двигалась и говорила, когда приличіе, необходимость, или боязнь огорчить окружающихъ, къ тому ее вынуждали. Но чаще садилась она у окна, поникнувъ головою, и по цѣлымъ часамъ, неподвижно оставалась въ одномъ и томъ-же положеніи. Она смотрѣла на величественный Кремль, святыню русскаго сердца, который, прямо передъ ея глазами, возвышался на противоположномъ берегу, блистая главами и крестами своихъ храмовъ, возносясь къ небу своими колокольнями и теремами, опоясывая берегъ рѣки башнями и стѣнами. Но это зрѣлище не пробуждало въ ней никакихъ мыслей, никакихъ чувствъ; память не уносила ее въ давнишнее, не развертывала передъ нею свитка преданій и событій. Только еще какой-то безсознательный инстинктъ сердца напоминалъ ей, что эти мѣста и ей драгоценны. Она смотрѣла на вѣтхій домикъ, гдѣ родилась и жила съ матерью; домикъ этотъ стоялъ теперь пустой, потому что Ольга Максимовна, которой онъ принадлежалъ, была въ отсутствіи, и свѣтлые образы дѣтства Зенеды, ея прекрасной трудолюбивой юности, и воспоминаніе о матери, все сливалось для нея въ одно неопредѣленное, тяжелое чувство скорби, которая сжимала ея сердце, не пробуждая въ ней умиленія, не увлажая глазъ ея слезою. Все принимало видъ унылый, соответствовавшій состоянію ея души. Затворенныя окна этого домика казались ей глазами бѣдной, осиротѣвшей матери, которая уже не имѣетъ и слезъ оплакивать свою безутѣшную горестъ.

По-крайней-мѣрѣ, здѣсь, она могла сбросить оковы при-

ужденія, отдохнуть отъ убійственно тяжелой роли, которую постоянно разыгрывала въ Петербургѣ.

Минута, въ которую она почувствовала, что можетъ въ свободѣ не возбуждая ни чьего изумленія и любопытства, предаться унынію, которымъ была переполнена душа ея, была уже для нея нѣкоторымъ облегченіемъ, въ сравненіи съ пыткой вѣчной борьбы, которую она выдерживала столько времени. Жизнь уединенія, однообразія и спокойствія, почти могильнаго спокойствія для другой женщины ея лѣтъ и состоянія, — была для Зенеиды тоже, что мягкая постель для усталаго путника; она доставляла ей по-крайней-мѣрѣ минутную отраду, мимовременное самозабвеніе.

Домикъ, гдѣ теперь гостила Зенеида, былъ жилищемъ многочленинаго семейства, въ то время, какъ она вышла замужъ. Но съ тѣхъ-поръ утекло много воды, много произошло переменъ. Одни, подобно ея матери, переселились въ отчизну вѣчную; нѣкоторые изъ дѣтей оставили родительскій домъ для брака, другіе для того, чтобы на чужбинѣ снискивать средства къ существованію. У роднаго очажь оставались еще двѣ тетки Зенеиды, старушка вдова и пожилая дѣвушка, да съ ними сирота, внучка первой, дѣвочка, которую мы уже видѣли. Что кто ни говори, а есть въ мірѣ духовномъ какая-то не постижимая симпатія, которой дѣйствія не разъ случалось испытать каждому изъ насъ, между-гдѣ какъ умъ нашъ напрасно старается изъяснить ея причины. Отчего, при первомъ взглядѣ на существо, до того намъ чуждое, мы чувствуемъ къ нему влеченіе сильное, необъяснимое, какъ будто еще до свиданія, души наши были связаны незримыми, но могучими узами. И не въ одной любви замѣтны дѣйствія этой непонятной симпатіи. Нерѣдко у двухъ женщинъ, при первомъ свиданіи, рождается начало пріязни искренней и продолжительной. Случается, вы пріѣзжаете въ родное семейство; къ вамъ приводятъ одинаково вамъ близкихъ дѣтей, и вдругъ вы чувствуете, что одного изъ нихъ вы полюбили всей душою, и оно, съ своей стороны, этотъ ангель, которому еще чужды ваши предубѣжденія, наши страсти, и лживыя мудрствованія, оно протягиваетъ вамъ свои ручки, чтобы ласкать васъ, смотреть на васъ съ любовію, которой взоры его никому другому не выражаютъ. Точно такая связь обнаружилась съ первымъ разѣ между Зенеидою и маленькою Юльяніею. Мамутка не покидала ее ни на минуту; но вмѣсто того, что-

бы съ живостію своего возраста, по обыкновенію всѣхъ дѣтей, докучать ей своимъ лепетомъ и шумными играми, она, казалось, чуднымъ инстинктомъ угадала ея тайную скорбь и по цѣлымъ часамъ безмолвно сидѣла возлѣ нея, устремивъ на нее свои голубые, свѣтлые глаза съ выраженіемъ нѣжнѣйшаго сочувствія.

Теперь, что сказать о двухъ родственницахъ Зененды? У счастливыхъ народовъ и счастливыхъ людей, нѣтъ исторіи. Поэтому, жизнь; характеръ и мнѣнія Патали Максимовны и Пелагеи Максимовны не требуютъ пространнаго описанія. Одинъ день проходилъ для нихъ также, какъ и другой, третій, какъ всѣ дни: въ занятіяхъ хозяйственныхъ, въ дѣлахъ благочестія Пробуждаясь съ первымъ благовѣстомъ, онѣ спѣшили къ заутреннѣ, и только болѣзнь, или проливной дождь могли удержать ихъ отъ исполненія обязанности, которая обратилась имъ въ привычку, такъ-что въ тотъ день, въ который что-нибудь помѣшало имъ исполнить ее, добрыя женщины чувствовали въ душѣ необыкновенную пустоту. Прямо изъ церкви онѣ проходили на рынокъ, не по необходимости, не потому, чтобы имъ некого было послать, а потому что находили удовольствіе торговаться, выбирать припасы и послѣ хвалились умѣньемъ покупать. Дома ожидалъ ихъ уже кипящій самоваръ. Послѣ небольшой усталости, съ какимъ наслажденіемъ пили онѣ чай съ медомъ, если день былъ постный, или съ густыми сливками, разговаривая о назидательныхъ или житейскихъ предметахъ и съ радупіемъ подчуя одна другую. Потому что между этими двумя женщинами, почти отдѣленными отъ остальнаго міра лѣтами и обстоятельствами, существовала нѣжнѣйшая дружба, основанная на родствѣ и сходствѣ мнѣній и характеровъ и скрѣпленная цѣлою жизнью, проведенною вмѣстѣ. Впрочемъ, въ этой дружбѣ замѣтны были нѣкоторые оттѣнки, такъ же какъ и въ характерахъ сестеръ: напримѣръ Пелагея Максимовна, дѣвица сорока двухъ лѣтъ и только пятью годами моложе Натали Максимовны, обращаясь къ ней, называла ее *вы* и сестрица; а упоминая объ ней въ разговорѣ, говорила: сестрица Наталя Максимовна, между-тѣмъ какъ та, въ дружескихъ изліаніяхъ, не рѣдко говорила ей *ты* и Полинъка. Но эта разница была только паружная. Съ обѣихъ сторонъ кротость, согласіе и довѣренность были равно постоянны и ненарушимы.

Однообразно протекала ихъ жизнь, незамѣтно приближаясь

къ неизбежной для всѣхъ нѣтѣ. Въ физическомъ ихъ быту, было по-крайней-мѣрѣ столько же простоты и однообразія. Комнаты маленькія, ни чѣмъ не оклеенныя, потемнѣвшія отъ времени; ветхая мебель, велюда неприхотливыя кушанья, темныя будничныя шафоры и бѣлыя коленкоровыя въ праздничные дни; единственная прислуга въ домѣ, состоявшая изъ старой, горбатой кухарки, старый толстый котъ, — все отвѣчало о'но другому.

Какая жизнь! скажете вы. И неужели вы назовете ихъ счастливыми? Почему же нѣтъ, если для счастья достаточно мира, согласія, отсутствія жалобъ, ропота страстей и страданій. Впрочемъ, по общему закону, по которому каждый изъ насъ долженъ заплатить свою дань страданію, и двѣ сестры испытали въ своей жизни горести и утраты. Одной суждено было пережить потерю мужа и многочисленнаго семейства. Другая, наружности некрасивой, почти изувѣченная и въ молодости должна была отказаться отъ всякой надежды на счастье. По печали жизни не поразили смиренной, скромной ихъ души. Глубокая, справедливая горестъ одной, тихое уныніе другой, не возмутили обычнаго теченія ихъ дней, и онѣ не только не считали существованія своего тягостнымъ и бесполезнымъ бременемъ, но находили еще въ немъ много прелести. Зенеида съ любопытствомъ, но вмѣстѣ и съ уваженіемъ смотрѣла на своихъ родственницъ, на ихъ дѣятельность, ясность ихъ душъ и лицъ, на необыкновенное ихъ умѣнье наслаждаться тѣмъ, что представляла имъ бѣдная жизнь. Она спрашивала себя: почему она, которую Богъ благословилъ молодостью, красотою, богатствомъ, умомъ живымъ и просвѣщеннымъ, была такъ несчастлива, между-тѣмъ, какъ возлѣ нея, два существа, удрученныя лѣтами, бѣдностію, нерѣдко болѣзнями,—каждый день устами и сердцемъ благодарили Бога за свое существованіе? Этой загадки разгадать была она не въ силахъ, не желая, какъ можетъ-быть поступала бы на ея мѣстѣ другая, изъяснить ее своимъ превосходствомъ, — даромъ пагубнымъ на землѣ для его обладателя!.. Но загадку эту всего ближе было объяснить тѣмъ, что всѣ способности, которыми надѣлила ихъ природа, были устремлены къ религіи. Ея торжественныя и величественныя обряды служили пищею ихъ уму и дѣятельности и наполняли пустоту однообразной жизни.

Глубокая задумчивость Зенеиды была прервана движе-

нѣмъ дѣвочки, которая приподняла свою голову съ ее плеча и тихо цѣлуя шею молодой женщины, сказала, замѣтно утѣряя голосъ, чтобы не слишкомъ ее обезпечить:

— Вотъ идутъ бабушки!

Въ-самомъ-дѣлѣ, на довольно отягощенъ входѣ на возвышеніе, гдѣ стоялъ домикъ, съ трудомъ взбирались двѣ пожилыя женщины. Усталость, однако же, несколько не измѣнила хорошаго расположенія богомолкъ. Подходя къ дому, онѣ еще издавѣка кланялись ласково Зенеидѣ и кивали головою и грозили дѣвочкѣ. Онѣ прямо прешли въ комнату Зенеиды, и съ участіемъ освѣдомились о ея здоровьи.

— За что вы мнѣ грозили, бабушки? спросила, смѣясь, дѣвочка, когда очередь повѣдуевъ дошла до нея.

— За то, что ты лѣнивица, не пошла съ нами къ всеобщей. Къ тому же, твоя покойница тетушка была именниница въ этотъ день.

— А кто же остался бы съ тетушкой? отвѣчала дѣвочка, цѣлуя съ нѣжностію руку Зенеиды. Она нездорова....

— Слышишь, Полинька? — Ну нечего дѣлать, и то правда. А какъ ты теперь себя чувствуешь, Зенеида Александровна?

— Хорошо, тетушка, благодарю васъ.

— Ну, врядъ ли хорошо, подхватила Пелагея Максимовна, сомнительно качая головою. Не даромъ ты блѣде своего ченчика. Ужъ этотъ мнѣ Петербургъ! Какъ жила съ нами, была румянее вотъ этого яблочка.... На, Олинька, кушай. Не правда ли, хороши яблочки? а вѣдь не дорого заплатила, за все гривенникъ...

— Ужъ это не отъ Петербурга, Полинька, а Богъ знаетъ отъ чего. Изъ Петербурга писала намъ Агней, что Зенеида Александровна такая красавица, цвѣтетъ какъ розанчикъ.

При имени Агней, Зенеида затрепетала, какъ будто отъ внутренней нестерпимой боли. Въ одну минуту лицо ея вспыхнуло яркимъ румянцемъ; но онъ быстро смѣнился прежнею блѣдностію. Словно кто-нибудь коснулся острымъ орудіемъ живой, еще кровавой раны. Изъ всѣхъ присутствующихъ, только одна Олинька замѣтила движеніе Зенеиды, и испуганная внезапною переменною на ея лицѣ, съ недоумѣніемъ и беспокойствомъ смотрѣла въ глаза своей любимицы. Между-тѣмъ старушки, которыя успѣли уже усѣсться около стола, хлопотали за самоваромъ, по обыкновенію, разсказывая, что происходило особеннаго при выходѣ изъ церкви,

и убедительно приглашая Зенеиду пойти съ ними къ обиднѣ, какъ скоро она будетъ чувствовать себя лучше.

Посвятивъ читателя въ тайны чувствъ и страданій героини нашей повѣсти, мы едва коснулись ея религіозной жизни. Надобно сказать, что Зенеида была воспитана въ правилахъ строжайшей набожности. Въ эпоху своихъ страданій, она какъ будто забыла о Богѣ. Ударъ, который разрушилъ все вокругъ нея и въ ней самой, не оставивъ ей никакой надежды на счастье, между-тѣмъ какъ она чувствовала себя такъ достойною счастья, такъ способною дарить имъ другихъ, — этотъ ударъ страшно подействовалъ на ея душу. Въ душѣ ея не было умиленія, въ сердцѣ ея не было источника благотворныхъ, теплыхъ чувствъ... Побывавъ на могилѣ матери, она не плакала, не молилась, но судорожно охвативъ надгробный крестъ, безъ чувствъ, съ глухими воплемъ, пала на холодную плиту... И такъ, бѣлая изъ снисхожденія къ своимъ родственницамъ, чувствуя себя еще не совсемъ здоровою, пошла она съ ними въ древній храмъ Успенія.... Тамъ удалась въ самый уголъ, закрывъ лицо воалемъ, чтобы упрятаться отъ взоровъ людей. Служба еще не начиналась. Зенеида окинула робкимъ взоромъ храмъ, съ его древними иконостасомъ, гробницами и темными изображеніями на стѣнахъ. При этомъ обзорѣ, постепенно, смутно возникли изъ могилы прошедшаго давно забытые образы ея дѣтства!.. Но когда коснулись ея слуха тѣ же самые звуки, тѣ же молитвы, которыя она повторяла, въ этомъ самомъ мѣстѣ, едва вступая въ жизнь, въ душѣ ея оживились впечатлѣнія дней незнанія, мира и любви. Выходя изъ храма, Зенеида дышала свободнѣе. И въ первый разъ грустная улыбка проглянула на ея лицѣ.

II.

Обрадованная первымъ лучемъ отрады, который блеснулъ отъ храма, Зенеида, втайнѣ, дала себѣ слово раздѣлять съ своими родственницами ихъ благочестивыя упражненія.

Наступили послѣдніе дни масляницы. Площадь Москвитки, почти передъ самыми окнами домика, покрыта была горами и балаганами, пестрѣла разноцвѣтными флагами,

рыцарскими, кинжала экипажами и народомъ. Но вотъ, прешель вечеръ прощальнаго воскресенья и опустѣло, стихло мѣсто, накануне кипѣвшее жизнью. Умолкли тысячи голосовъ, оглашавшихъ городъ воплями тревоги и суеты житейской. Въ торжественныхъ звукахъ колоколовъ, на крыльяхъ вѣтры, тако спустилась на землю мысль о небѣ, чтобы очистить ее отъ грѣховъ цѣлаго года своимъ святымъ вѣянiемъ!

Въ день пасхи, Зенеида пришла въ храмъ съ сокрушеннымъ сердцемъ и съ чистою молитвою на устахъ. Проикнутая умиленiемъ, она почувствовала въ себѣ какое-то возрожденiе; ея душа, угнетенная бременемъ страданiй, вдругъ воспрянула къ жизни новой, доселѣ ей неизвѣстной, въ сердцѣ ея водворились миръ и покой. Таково было первое дѣйствiе молитвы надъ бѣдною Зенеидою. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе молитва и размышленiе, укрѣпляя, возвышали новую жизнь этой женщины. Душа ея проникалась обѣтами безсмертiя, а умъ, получая новыя силы, становился способнымъ предвкушать мысль о блаженствѣ праведниковъ. Тогда земное, утраченное ею счастье, не являлось предъ ней столь обольстительнымъ, какъ прежде; а несчастье, ее постигнувшее и оскорбленiе, панесенное ея сердцу, начинали терять свою горечь... Ожесточенiе и уязвленная гордость утихли. Пробудилось смиренiе и издало свой тихiй, сладостный голосъ, такъ чудно умѣряющiй наши горести, — которыя самолюбiе дѣлаетъ столь ѣдкими, мучительными, нестерпимыми для души!

Эти мысли наполняли ея душу страхомъ и раскаянiемъ.... Примирился съ Творцемъ, стало ея пламеннымъ желанiемъ, первую потребностiю ея прозрѣвшей души.... Она плакала и трепетала, внимая возвышенному канону покаянiя и огненными буквами врѣзалось въ самую глубь ея сердца каждое слово священныхъ, краспорѣчивыхъ обличенiй.... Прежде, когда такъ упорно стремилась она, въ тревожномъ морѣ свѣтской жизни, заглушить и утолить страданiя сердца, — чувства ея и помыслы были такъ смутны, такъ разнорѣчивы, что только стѣсняли, задушали ея внутреннее существо. Они дѣлали цѣль и центръ всего въ этой песчинки въ мірозданiи, этой капли въ океанѣ. Теперь же, напротивъ, по мѣрѣ того, какъ душа ея глубже и глубже уносила ее въ возвышенные предѣлы религiи, разрѣшались цѣпи эгоизма, которыя приковывали ея помыслы къ одной себѣ. Мысль ея свѣтлѣла, область ея рас-

ширяться; въ безбрежномъ горизонтѣ раскрывались и двигались передъ ея умствепными глазами не человѣкъ только, но цѣлое человѣчество; не малый міръ этотъ, но бездны міровъ; не мигъ существованія на землѣ, называемый жизнію и дѣлмый еще на кратчайшіе миги, которые мы зовемъ молодостью, старостью и прочее, — но существованіе міровъ, — вѣчность! А надъ всѣмъ этимъ, и вокругъ всего, — душа, вѣнецъ, око творенія, начало и цѣль его — Богъ!!.. Такъ очищалась душа Зенеиды, погружаясь въ божественныя струи религіи. Съ тѣмъ вмѣстѣ, все существо ея, часть отъ часу живѣе, проникалось чувствомъ высочайшаго совершенства. И это совершенство, этотъ чистѣйшій идеаль Добра и Мудрости, наполнялъ ее благоговѣніемъ, любовью и восторгомъ, столь же высокими, столь же безпредѣльными, какъ ихъ внушившій предметъ, — и столь же различный отъ того, что мы привыкли называть въ жизни этими именами, сколько различенъ и далекъ прекрасный, недоступный для насъ сводъ небесъ отъ земли, попираемой нашими ногами! Въ первый разъ въ жизни, она испытала счастье чистое, живое и полное, для выраженія котораго нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ. Безпрепятственное, неутомимое стремленіе къ лучшему, къ вѣчной красотѣ, истинѣ и благу, котораго высокій идеаль хранится начертанный въ глубинѣ нашего сердца, и которому мы не находимъ нигдѣ на землѣ даже слабаго подобія, — она нашла ему достойную пищу.

Подобно землѣ, изсохшей отъ продолжительнаго зноя и жадно вбирающей потоки дождевой воды, Зенеида была вся слухъ. вся жадное, пламенное вниманіе къ спасительнымъ истинамъ, которыя оглашаютъ церковь въ продолженіе величественной и трогательной службы семи-недѣльнаго поста. — И какъ воскъ, размягченный теплымъ дыханіемъ, принимаетъ всѣ формы, такъ душа ея, согрѣтая божественнымъ дуновеніемъ вѣры, казалось, утрачивала свои прежнія свойства, вся перерождалась, преобразовывалась при звукѣ ея чудодѣйственныхъ глаголовъ!

III.

Съ какимъ восторгомъ встрѣчаемъ мы свѣтлый праздникъ!
Послѣ обѣдни, разговляясь съ своими родственниками въ

саду, подъ свѣтлымъ небомъ, при громкомъ звонѣ, который раздавался съ кремлевскихъ колоколенъ, и которому вторила вся Москва своими тысячью колоколами, — Зенaida чувствовала себя счастливою.... какъ не бывала никогда въ самую свѣтлую пору своихъ юношескихъ надеждъ и мечтаній....

— Тетушка! да поцѣлуйте же меня еще разочекъ, вос-
клицала въ избыткѣ младенческой радости Юліянія. Какъ
вы прекрасны сегодня!... Стало-быть вы болѣе не грустите?
вы выздоровѣли?

— Да, дитя мое, я *выздоровѣла*. Я точно освободилась
отъ жестокой смертельной болѣзни!...

Тетушки смѣясь восторгу малютки, дружески подчивали
одна другую.

Стало-быть пріязнь, возникшая между Зенaidой и Юлія-
ніею, не ослабѣла послѣ того, какъ первая углубилась въ
набожность? Конечно — нѣтъ. Юліянія была неразлучною
спутницею Зенaidы, вездѣ и всегда, какъ-будто сердце
дѣвушки было привязано къ ея родственицѣ незримою
нитью. Зенaida, исполненная пламенною ревностію и же-
ланіемъ истиннаго счастья этому созданію, походившему ви-
домъ и душою на ангела, старалась перелить въ ея душу
набожность, любовь и благодарность къ Создателю и стрем-
леніе къ добру, которыми сама была проникнута. И не-
рѣдко слезы восторга прерывали ея голосъ. Она видѣ-
ла, какъ добрыя сѣмьяна принимались въ непорочной
душѣ дѣвушки и обѣщали пышный и неувлаемый
цвѣтъ.... Нерѣдко, звѣзды загараились на полночномъ не-
бѣ, луна серебрила его темный сводъ, золотымъ столбомъ
ложилась черезъ рѣку, играла на куполахъ кремлевскихъ
храмовъ, — а двѣ жепщицы, столь различныя возрастомъ
и судьбою, но душою такъ понимавшія одна другую, еще
разговаривали. Часы летѣли для нихъ быстрее, чѣмъ часы
самой упительной, шумной разсѣянности. Не разъ, Ва-
сильевна, исполнявшая въ домѣ всѣ должности и въ томъ
числѣ должность няни, приходила напомнить, что уже
поздно.

— Матушка, Ульяна Петровна, пожалуйста почитать; ба-
бушка приказала.

— Ахъ, оставь меня, Васильевна, прощу тебя.

Но посланница явилась снова. Тогда Зенaida сама преры-

или разговоръ, и волею или неволею, дѣвушка должна была идти вслѣдъ за нянею.

— Ахъ, няня, няня! сколько разъ я просила тебя не звать меня Ульяною! Что за Ульяна!... Меня зовутъ Юліанією.

— И, матушка, по вашему Юліанія, а по нашему такъ Ульяна; оно и проще и молвится скорѣе.

IV.

Тихо и пусто въ домигѣ, гдѣ жила Зеневда съ своими родственниками. Окна затворены; на крыльцѣ, гдѣ обыкновенно сживали старушки, никого не видно; домъ будто всѣми оставленъ. Впрочемъ, сегодня день праздничный. Быть-можетъ онѣ отправились на богомолье или запоздали у обѣдин. Но вотъ, кто-то показался у воротъ. Это Васильевна. Она, повидимому, въ больномъ безпокойствѣ. То появится у воротъ, то войдетъ въ комнаты, то снова выйдетъ и смотритъ въ ближнюю улицу, заслоня руками глаза отъ солнечныхъ лучей, которые ярко блистали на полуденномъ небѣ. Всѣ движенія старушки и несвязныя, отрывистыя слова показывали нетерпѣливое ожиданіе. Наконецъ, изъ-за угла показалась другая женщина. Васильевна радостно бросилась ей на встрѣчу.

— Ахъ, Марфа Трофимовна, вы ли это, матушка? А ужъ я всѣ глазенки проглядѣла, васъ поджидаючи.

— Что дѣлать, родная. И такъ торопилась, видишь, какъ шпыхалась. Да что это вамъ вздумалось сегодня къ обѣдин?

— Ахъ, кумушка, вѣдь сегодня принимаетъ ангельскій образъ матушка наша, Зеневда Александровна.... хоть бы разочекъ на нее взглянула!... Ну, посидите же, родная, а я сбѣгаю. Смотрите, чтобы не ушелъ кофе.... а пуще всего, чтобы не забрался кто въ хоромы.

— Ступайте, ступайте, Прасковья Васильевна, все будетъ въ цѣлости.

Васильевна пустилась что есть мочи, но на дорогѣ еще долго повторяла свои наставленія. Быстро бѣжала она по мосту, расталкивая толпу и наконецъ, выбившись изъ силъ, очутилась въ воротахъ **скаго монастыря. Но здѣсь ожидало ея самое главное затрудненіе. Церковь была полна народа. Васильевна не потеряла бодрости.... Батюшки, отцы-родные, сударыни - матушки; пропустите, ради Господа

Бога!... повторяла она самымъ трогательнымъ голосомъ, умильно кланяясь направо и налево.

И передъ убѣдительными просьбами маленькой горбатой старушенки, невольно разступались ряды любопытныхъ. Она достигла мѣста, откуда, приподнявшись на цыпочки и вытянувъ шею, могла взглянуть на Зенеиду.

Между-тѣмъ, какъ бѣдная Васильевна, для достиженія своей цѣли, употребляла неимоверныя усилія, вынуждавшія ропоть досады или невольную улыбку окружающихъ, передъ Царскими вратами совершалось дѣйствіе. Первое движеніе толпы, по свойственной человѣку суѣтности и слабости, было движеніе жалости и удивленія, при мысли, что созданіе, столь совершенное, столь способное наслаждаться жизнью и дарить другихъ счастьемъ, бѣжало изъ міра, — и этотъ свѣтъ, который долженъ былъ представлять ей столько обольстительнаго, мѣняло на жизнь затворничества и труда! Тихо отирали свои слезы стоявшія, почти возлѣ Зенеиды, Наталья и Палагея Михайловны. А передъ ними, сложивъ крестообразно на груди руки, устремивъ взоръ на любимицу свою, Юліанія, слѣдила за каждымъ ея движеніемъ. Губы ея были полураскрыты, на глазахъ блистали слезы умиленія. Такъ стояла она во все продолженіе обряда, неподвижно, не трогаясь съ мѣста. Священнодѣйствующій, въ знакъ отреченія, вступающей въ монашеское житіе, отъ всѣхъ мірскихъ соблазновъ, въ послѣдній разъ принялъ отъ нея ножницы. Вотъ, упали на землю ея черные волосы, роскошное украшеніе ея благородной головы. Юліанія наклонилась, подняла одну прядь этихъ прекрасныхъ, шелковистыхъ волосъ, съ пламеннымъ, нѣжнымъ чувствомъ прижала ихъ къ губамъ своимъ.... Не въ силахъ болѣе удерживать чувствъ своихъ, она закрыла лице и тихо зарыдала. Когда Васильевна могла взглянуть на предметъ своихъ желаній, на Зенеиду, то сестра Серафима, уже облеченная всею монашескою одеждою, съ распятіемъ въ одной рукѣ, съ зажженною свѣчею въ другой, стояла передъ иконою Спасителя. Она молилась. Прекрасенъ былъ свѣтлый ликъ, проникнутый выраженіемъ божественнаго восторга!

V.

Въ уединенномъ и пустынномъ краю Восточной Россіи, на берегу рѣки N, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, углубляясь

въ землю двумя рукавами, не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго, она образуетъ небольшой полуостровъ, — между вершинами столѣтнихъ деревьевъ, горятъ куполы пятиглаваго храма, и далеко сіяютъ ихъ золотые кресты, возносясь надъ всею окрестною странюю. Вотъ все, чтѣ видно со стороны рѣки. Но съ другой стороны рядъ бѣлыхъ каменныхъ зданій, обнесенныхъ высокою оградюю, представятъ путешественнику, лишь только онъ вѣдетъ на возвышеніе, отъ котораго липовая аллея приведетъ его къ воротамъ.

Однажды, вечеромъ, дорожная четверомѣстная кареталандо остановилась у монастырскихъ воротъ. Молодой челоуѣкъ, котораго можно было бы назвать прекраснымъ, если бы какое-то утомленіе, какъ бы глубокая скука жизни не искажала его правильнаго лица, — вышелъ первый и подавъ руку молодой и красивой женщинѣ. За ними выпрыгнулъ мальчикъ лѣтъ семи, прелестный, черноглазый и чернокудрый и наконецъ медленно вышла пожилая дама, при помощи слуги и служанки. На монастырскомъ дворѣ путешественники встрѣтили монахиню. Вѣроятно, то была сестра-экономка, потому что огромная связка ключей висѣла у ней за поясомъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ ими, монахиня повела ихъ по длинному переходу, по обѣимъ сторонамъ котораго расположены были келіи. Подойдя къ двери, которая находилась на самомъ концѣ коридора, она произнесла обычное славословіе. Амѣнь, отвѣчалъ изнутри тихій и пріятный голосъ.

Монахиня ввела ихъ въ свѣтлую и просторную комнату и, поклонясь, удалилась. Оставшись въ комнатѣ, посѣтители думали съ минуту, что съ ними никого не было и готовы уже были считать обманомъ чувство голода, который имъ свачала послышался. Но скоро за большою рѣшеткою, густо обросшею плющемъ, они увидѣли женщину въ одеждѣ послушницы. Она стояла лицомъ къ окну и, казалось, вся была поглощена тихимъ созерцаніемъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, прекрасная картина представлялась изъ окна на монастырскій садъ, на рѣку, которая видѣлась изъ-за деревъ, озаренная золотыми лучами вечерняго солнца. На другомъ ея берегу разстилались луга, за ними синѣлъ лѣсъ, а еще далѣе, возвышались въ неясныхъ очеркахъ верхи **хъ горъ. Нигдѣ не было слѣда жизни и дѣятельности. Все тихо и пустынно. Только на противоположномъ берегу, по теченію

рѣши, легкимъ струнъ дыма, поднимавшагося съ дуновъ, трель и вѣстахъ, непомысли о присутствіи человека въ этой шумѣ.

— Чтѣ, сестра Анна, полегче ли ей? тихо, но съ участіемъ проговорила послушница, не отводя глазъ отъ она. Не получая отвѣта, она медленно обернулась къ вошедшимъ и показала имъ юное, прелестное лицо, сіяющее ослѣпительную бѣлизною подъ черными покрывами послушницы.—

— Юлинька!—Агвня!—Бабушка!! раздалось въ одно и то же время. Съ крикомъ радостнаго изумленія бросилась молодая дѣвушка въ объятія старушки, потомъ къ Агвнѣ и тысячу разъ цѣловала малютку. — Какимъ чудомъ я васъ вижу, сказала она наконецъ.

Бабушка рассказала ей, что они ѣхали, по обыкновенію, на зиму въ Петербургъ; что на этотъ разъ, никакъ не могли утерпѣть, чтобы не повидаться съ ихъ общею благодѣтельницею и для этого рѣшились сдѣлать верстъ триста кругу.... «Но гдѣ же тетушка?» спросила Агвня. — Она пошла въ селеніе навѣстить больную женщину, отвѣчала Юліанія, и немедленно послала увѣдомить Зененду о прибытіи гостей, а между-тѣмъ пригласила ихъ выпить чаю. Пока они шли, Антонъ Николаевичъ, постоянно хранившій глубокое молчаніе, какъ-будто боясь обнаружить происшедшее въ его душѣ, осматривалъ комнату. Лишенная всякихъ украшеній, она имѣла видъ праздничный, потому что вся была наполнена цвѣтами. Все въ ней было чисто и просто: но во всемъ вѣяло какое-то благоуханіе святой, благочестивой мысли, которая оживотворяла каждый предметъ. Все носило отпечатокъ жизни, посвященной дѣятельности и добру, протекавшей незамѣтно и тихо среди занятій, возвышающихъ душу или служащихъ къ пользѣ ближнему. Тамъ, стояли полуоткрытыя пальцы, въ которыхъ по бѣлому атласу разстилались, какъ живые, цвѣты, вышитые Зенендою и Юліанією; — это былъ покровъ на престолѣ. Тутъ же, на стулѣ, иезжала шитая Зенендою рубашка изъ грубаго полотна, для бѣдной старой женщины. На стѣнахъ висѣли картины священнаго содержанія и нѣсколько прекрасныхъ видовъ изображеній. У окна стояли два живописные станка съ начатыми рисунками. Когда визитерскій глазъ Антона Николаевича добрался и до нихъ, Юліанія, краснѣя, отвѣчала на его вопросы, что одинъ изъ нихъ присутъ она,

а другой Зенеида, которая написала уже множество образковъ для монастырскихъ храмовъ.

— И она находитъ время заниматься всѣмъ этимъ? произнесъ Антонъ Николаевичъ въ полголоса, какъ бы говоря самъ съ собою. Онъ не зналъ, какъ многое можетъ совершить существо, живущее въ уединеніи, одушевленное святымъ энтузіазмомъ добра, посвящающее ему каждый мигъ своей жизни, каждое биеніе своего сердца.

— А развѣ она только это дѣлаетъ! съ жаромъ возразила Юліянія, которой робость исчезла, какъ скоро рѣчь коснулась Зенеиды. Она учить меня музыкѣ, а сестеръ перковному рѣбію. Она надзираетъ за школою и больницею, ходитъ навѣщать больныхъ и бѣдныхъ въ селеніе. Она воплощенная добродѣтель! Ангелъ всей стороны!..... Антонъ Николаевичъ смотрѣлъ съ изумленіемъ на юную дѣвушку. Лицо ея, за минуту проникнутое глубочайшимъ выраженіемъ смиренія и стыдливости, сіяло теперь пламеннымъ и чистѣйшимъ восторгомъ добродѣтели, и въ прекрасныхъ голубыхъ глазахъ сверкали слезы умиленія и благодарности. Въ первый еще разъ, чувство донынѣ ему совершенно чуждое, тайно проникло въ душу Антона Николаевича, согрѣло его сердце и оковало губы. Но время уходило, а Зенеиды все еще не было. Юліянія предложила пойти ей на встрѣчу. Они согласились.

— Лучше поѣдемъ въ каретѣ, замѣтила Агнея.

— Я отправилъ ее въ гостиницу, сказалъ Антонъ Николаевичъ. Теперь и лошадей уже отложили.

— Вы вѣчно дѣлаете вздоръ, отвѣчала Агнея, отвернувшись отъ него съ выраженіемъ досады, которая совершенно указала ея прекрасныя черты.

Немного словъ сказано супругами, но какой свѣтъ проливали они на ихъ взаимныя отношенія! Увы! ужели рай любви существуетъ только въ романахъ, и высокое самоотверженіе Зенеиды принесло одни минутныя, скоропреходящіе плоды?

Въ молчаніи, вышли они на монастырскій дворъ, обсаженный кругомъ высокою оградой деревьями и кустарниками; прошли мимо обширныхъ каменныхъ зданій, на которыя Юліянія указывала по очереди, говоря: вотъ наша маленькая школа; это богадѣльня, а вотъ больница. Тамъ подальше магазинъ для хлѣба и сѣна, которые собираются съ монастырскихъ полей бѣдными крестьянами. Они издалека

приходятъ искать здѣсь работы, потому что тетушка кормитъ ихъ и платитъ изъ своихъ собственныхъ денегъ. Пройдя садъ и огородъ, старательно обрабатываемые сестрами подъ присмотромъ игуменьи, они вступили въ лѣсъ. Здѣсь дорога шла по самому берегу рѣки.

— Гдѣ же селеніе? спрашивала утомленная и нетерпѣливая Агнея. — А вотъ сейчасъ, отвѣчала Юліянія: мы повернемъ отъ рѣки на право — и увидимъ его.

Въ-самомъ-дѣлѣ, сквозь группы развѣсистыхъ дубовъ, показались нѣсколько крестьянскихъ дворовъ, не тѣсно налѣпленныхъ одинъ возлѣ другаго, какъ бываетъ обыкновенно въ русскихъ деревняхъ, но раздѣленныхъ садиками, огородами и занимающихъ обширное пространство. Такъ устроила Зенсида, отдавъ купленные ею земли подъ поселеніе крестьянамъ. При вступленіи въ монашество, она уволила крестьянъ одной изъ своихъ деревень, наиболѣе любимой покойнымъ ея мужемъ, но многіе изъ жителей этого селенія, многолюднаго и не довольно привольнаго, съ радостію послѣдовали за своею прежнею госпожою, когда она предложила имъ поселиться на купленныхъ ею около монастыря земляхъ, — обеспечивъ ихъ благосостояніемъ всѣми возможными пособіями для обзаведенія. При материнскихъ попеченіяхъ Серафимы, маленькая колонія процвѣтала, благословляя свою благодѣтельницу?

Оставивъ бабушку и малютку съ Антопомъ Николаевичемъ на скамьѣ, подъ дубомъ, Юліянія пошла съ Агнеею въ хижишу, гдѣ находилась ея родственница. Но едва они вступили въ нее, Агнея съ выраженіемъ ужаса и отвращенія выбѣжала назадъ и сѣла на скамьѣ. Зрѣлище, которое ей тамъ представилось, такъ было неожиданно, такъ различно отъ тѣхъ, которыя она привыкла видѣть, такъ мало способно было нравиться молодой свѣтской женщинѣ, упоенной роскошью и лестію.... Тамъ, на бѣдной кровати, лежала старая, умирающая женщина, мать многочисленнаго семейства, которое въ благоговѣнно-печальномъ молчаніи, стояло въ разныхъ углахъ избы и только безмолвными поклонами привѣтствовало вошедшихъ женщинъ. Казалось, ея страданія скоро должны были окончиться, но она еще страдала.... Склонясь надъ нею, монахиня, которой блѣдный и выразительный ликъ дышалъ святымъ чувствомъ вѣры и любви къ ближнему, шептывала умирающей, съ глубокимъ чувствомъ умиленія, утѣшительныя слова, которыя должны

были усладить конецъ ея земной жизни и возбудить въ ней помыслы о вѣчности. Съ благоговѣйнымъ умиленіемъ внимала болящая кроткимъ рѣчамъ монахини. Вдругъ взоръ ея сталъ меркнуть.... Въ эту самую минуту вошла Юліянія въ сопровожденіи своей молодой родственницы.

Когда старушка скончалась, Серафима закрыла ей глаза и помолясь о упокоеніи усопшей, — вышла изъ хижины на встрѣчу своимъ гостямъ. Она обняла ихъ со всѣмъ дружескимъ нѣжной родственницы, ласково подала руку Антону Николаевичу, трогательно благословила, прижавъ къ своей груди, его маленькаго сына; потомъ еще разъ перешла въ объятія старушки своей тетки, которая, обвивъ руками ея шею и обливая ее слезами, долго не могла отъ нея оторваться. — Ахъ, Зенеида, Зенеида Александровна! говорила она, между-тѣмъ рыдая, что это тебѣ вздумалось за живо схоронить себя! Тебѣ ли не житье было въ свѣтѣ!... Тебѣ ли?... И не могла кончить отъ полноты чувства. Зенеида обняла свою тетушку съ улыбкою, выражавшею благодарность за ея участіе и вмѣстѣ снисхожденіе къ сужденію женщины, для которой вовсе не было вѣдомо несчастіе, заставившее ее презирать міръ. Тутъ, Юліянія извѣстила Зенеиду о прибытіи церковниковъ. — Подождите меня одну минуту, сказала Серафима, вошла въ хижину, сотворила краткую молитву надъ усопшею, сказала нѣсколько утѣшительныхъ словъ плачущимъ около нея родственникамъ и возвратилась къ ожидавшимъ. Тогда всѣ вмѣстѣ отправились въ обратный путь, къ великому удовольствію Агнии, которая находила все это, по-крайней-мѣрѣ, очень страшнымъ. — Серафима шла между ею и ея матерью, Юліянія убѣжала впередъ съ малюткою; Антонъ Николаевичъ замыкалъ шествіе одинъ, молчаливый и мрачный. — Когда они подходили къ монастырю другою, кратчайшею дорогою, вечерній благовѣстъ огласилъ пустынный окрестности. Серафима и Юліянія поспѣшили въ храмъ, откуда достигало уже къ нимъ тихое, пріятное пѣніе. Ольга Максимовна, крестясь и утирая глаза, послѣдовала за ними. — Агния удалась въ приготовленныя для нея комнаты, повторяя, что она умираетъ отъ усталости и наказывая мужу скорѣе отправиться въ гостиницу и прислать съ горничною все, что ей нужно для вечерняго туалета. Антонъ Николаевичъ исполнилъ порученіе, но самъ не возвратился въ монастырь. Мрачный, томимый тревожными думами, онъ до разсвѣта

пробуждалъ по окрестностямъ, то останавливался на берегу рѣки и безотчетно смотрѣлъ на струи ея, серебряныя и шумныя; то углублялся въ чащу дѣса, словно гонимый немилымъ привидѣніемъ и вдругъ останавливался, прислушиваясь къ шуму вѣтра и скрипу старыхъ вѣковыхъ елей, — какъ будто для того, чтобы вырваннымъ шумомъ и движениемъ заглушить внутреннюю тревогу души. Было ли то раскаяніе, жалость, или, просто, воспоминаніе минувшаго, которыя всегда, болѣе или менѣе, тревожатъ насъ и проникаютъ сердце сожалѣніемъ, заставляя съ перемѣною обстоятельства видѣть страшную перемѣну и въ насъ самихъ — кто знаетъ!

Недѣлю уже гостила въ тихой обители родственницы настоятельницы и, къ удивленію, недѣля эта прошла быстро. Даже Агнея не жаловалась на скуку. Впрочемъ, для нея дни были несравненно короче, нежели для всѣхъ прочихъ. Она позже всѣхъ вставала, долго завтракала, занималась туалетомъ по обыкновенію. Потомъ гуляла съ Юліяніею въ монастырскомъ саду, или каталась съ нею въ коляскѣ по окрестностямъ: подобныя прогулки позволялись Юліяніи, потому что она не подлежала всей строгости монастырскихъ правилъ. Она, казалось, не слишкомъ скучала даже, когда, собравшись въ кельѣ игуменьи, сестры работали за огромнымъ ковромъ, назначеннымъ къ ихъ храмовому празднику, или смотрѣла, какъ рисовали, или работали одна возлѣ другой Серафима съ Юліяніею. Вечеромъ, Агнея, оставаясь одна въ комнатѣ съ Юліяніею, обыкновенно разсказывала ей о жизни, которую она вела въ Петербургѣ, прошедшею замою, и какъ надѣется устроить свой домъ въ эту поѣздку. Описавъ юной послушницѣ въ самыхъ яркихъ краскахъ наслажденія, которыя столица такъ щедро предлагаетъ богатымъ, — она спрашивала ее, неужели ей не хотѣлось бы испытать этихъ очаровательныхъ удовольствій?

— О нѣтъ, обыкновенно съ простодушіемъ говорила Юліяніа. Раздосадованная ея холодностію, Агнея восклицала полу-сердитымъ, полу-шутливымъ тономъ: О, какъ бы я желала заставить тебя перемѣнить мнѣніе! И, не те-

для надежды, снова цускалась въ рассказы. А Юліянія, тихо, какъ младенецъ, засыпала подъ говоръ, не имѣвшій для нея смысла. Ольга Максимовна, напротивъ, такъ любила монастырскую жизнь, что, казалось, никогда бы не оставила Серафимы. Она была неизмѣнною, добродѣтельною ея спутницею во веѣхъ благочестивыхъ упражненіяхъ. Столько же изъ любопытства, сколько по необходимости, она сопровождала ее на молитву и на благотворенія, присутствовала при садовыхъ и хозяйственныхъ работахъ; посѣщала больницу, когда Серафима и Юліянія, поочередно съ другими сестрами, осматривали больныхъ, нѣрѣдко издалека приходившихъ искать исцѣленія, по слуху о добродѣтеляхъ и попеченіяхъ настоятельницы.

Ольга Максимовна сидѣла въ школѣ, все время, какъ Серафима и Юліянія учили дѣтей грамотѣ и работамъ и никогда не пропускала случая послушать какъ Серафима, въ извѣстную часть дня, читала вслухъ сестрамъ нравоученія. Сердце старушки было глубоко поражено такою дѣятельною, постоянною и пламенною любовью къ добру. Она казалась ей праведницею, внушающею благоговѣніе и удивленіе. Она даже начинала думать, что счастье могло быть доступно душѣ этой женщины, не смотря на ея отреченіе отъ всего, что называется въ мірѣ счастіемъ. Однажды — это было въ праздникъ — отслушавъ обѣдню, поселяне еще толпились передъ монастыремъ, больные и престарѣлые наслаждались въ саду, передъ терасою теплою прекраснаго осенняго дня, монахини составили кружокъ на терасѣ, гдѣ находились въ нѣкоторомъ отдаленіи и Серафима съ Ольгою Максимовной. Случайно, или желая въ послѣдній разъ испытать душу своей родственницы, Ольга Максимовна заговорила о счастьи и назначеніи женщины, о горестной участи тѣхъ, которыхъ судьба осудила на одиночество.

— Да, отвѣчала Зеневда, сердцу женщины такъ свойственны любовь и преданность, что не имѣя близкихъ предметовъ для своей любви, она вездѣ ищетъ ихъ и сама создаетъ себѣ семейство. Счастлива та, которая успѣваетъ въ этомъ, такъ какъ я! Смотрите на этихъ женщинъ, изъ которыхъ каждая пришла сюда съ сердцемъ, разтерзаннымъ жизнью, и которая вмѣстѣ со мною научилась забывать мръ для Бога и добра; посмотрите на этихъ больныхъ и престарѣлыхъ — вотъ сестры и братья мои!

прибавила она, указывая на дѣтей, ею воспитанных, на поселянъ, этихъ взрослыхъ дѣтей, которыхъ, не смотря на ихъ грубость и невѣжество, она умѣла заставить чувствовать прелесть добра и святость вѣры.

Антонъ Николаевичъ, видя ее столь глубоко проникнутую божественною любовью, понялъ, что это существо, столько его превосходящее, также мало могло хранить въ сердцѣ своемъ враждебное противъ него чувство, какъ могучій, блистающій величіемъ царь противъ ничтожнаго, исчезающаго предъ нимъ во прахъ бѣдняка, который, когда-то, по неведению, оскорбилъ его. Да, ея величіе поражало его. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на существо особеннаго рода. Привыкнувъ нѣмѣть передъ глазами столько красивыхъ образовъ ничтожности, свсенравія и мелочности женщины, онъ съ невольнымъ удивленіемъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ Серафимы. Являлась ли она ему въ созерцаніи, съ благороднымъ челомъ своимъ, подъятымъ къ небу, съ прекрасными глазами, полными святаго восторга; блистала ли ликъ ея жаромъ добра и добродѣтельнымъ негодованіемъ противъ пороковъ и низости, въ разговорахъ съ Юліяніею, дышала ли онъ состраданіемъ, когда она помогала страждущимъ, или устремляла взоръ свой на Юліянію съ невыразимою улыбкою материнской нѣжности, — лицо ея, прекрасное и сильное выраженіемъ, казалось ему достойнымъ рѣзца или кисти величайшаго художника, а дѣла—памяти и удивленія людей.

Но возлѣ этой жены, величавой и полной добродѣтельной силы, — пріютилось другое существо, не менѣ привлекавшее вниманіе своею свѣтлою прелестью и ангельскимъ смиреніемъ. Свѣтла, чиста какъ лилія, нѣжна и тиха какъ горлица, послушна и весела какъ дитя, — росла Юліянія, блистая совершенствами ума и красотою наружною, столько же, сколько добротою и святостію души. Казалось, она разливала вокругъ себя какой-то ароматъ чистоты и невинности. Нельзя было ее видѣть и не любить, передъ нею умолкало въ душѣ человѣка все враждебное и нечистое; казалось, съ нею должно было говорить иначе, а не языкомъ людей, оскверненнымъ выраженіемъ ихъ обмановъ и страстей. Въ этомъ мірѣ для нея существовало только добро, къ которому стремилась она всею душею. Сынъ Агненъ, страстно

полюбить эту дѣвушку, съ глазами свѣтлыми, какъ у младенца, и привѣтливою небесною улыбкою. Сама Агнея неволью поддалась вліянію этого милаго существа. Она стала кротче; голосъ ея дѣлался мягче и не столь повелителенъ; выраженіе лица—пріятнѣе. Однажды, въ минуту праздности, ей пришло въ голову, что не худо было бы имѣть собесѣдницею повѣренною и участницею жизни эту дѣвушку, кроткую, любящую и притомъ умную и въ тысячѣ разнообразныхъ занятій никогда не знавшую скуки. Она тотчасъ ухватилаея за эту мысль, со всею настойчивостью своенравнаго и самовластнаго характера. Ея живое воображеніе ясно уже рисовало ей, какъ ей будетъ пріятно показывать простодушной и неопытной дѣвушкѣ тысячу различныхъ предметовъ, которыми такъ богата свѣтская столичная жизнь; съ какимъ вкусомъ нарядить ее, будетъ всеѣмъ показывать, какъ свое произведеніе, созданіе своего ума и вкуса. Ревности между ними не могло существовать. Ничто не было противоположнѣ ихъ красотъ: красоты совершенно идеальной Юліаніи, ея пепельныхъ волосъ, ослѣняющихъ лицо, нѣсколько блѣдное, продолговатое, ея глазъ, открытыхъ, свѣтлыхъ, голубыхъ какъ небо: и свѣжаго, полного лица двадцати—пяти—лѣтней Агнеи, ея черныхъ глазъ, нѣсколько прищуренныхъ и ярко и лукаво блиставшихъ изъ подъ густыхъ черныхъ локоновъ. Каждая изъ нихъ только выигрывала отъ сравненія. Притомъ же, Юліанія такъ не ловка, а она... Эта пріятная мысль такъ заняла Агнею, что, вопреки своему обыкновенію, она сообщила ее мужу, матери, прося способствовать ей въ исполненіи, намекнула даже Юліаніи, которая тихо засмѣялась несбыточнымъ грезамъ молодой причудницы.

Однажды, все собрались у Серафимы. Послѣ нѣсколькихъ словъ о постороннихъ предметахъ, Антонъ Николаевичъ сказалъ, что завтра поѣдетъ въ ближній городъ и черезъ три недѣли возвратится, чтобы продолжать путь.

— Право, прибавилъ онъ, полу-шутя, полусерьезно, какъ бы хорошо было, если бы ты, милая Агнея, согласилась остаться съ тетушкою, пока я съѣздитъ бы одинъ въ Петербургъ и устроилъ наши дѣла. Я постарался бы возвратиться какъ можно скорѣе, и мы отправились бы опять жить въ нашу деревню.

— Вотъ еще что вздумалъ! Не угодно ли самому остаться? а я хочу провести и непременно проведу зиму въ Петербургѣ и буду жить тамъ каждую зиму....

— Тетушка, меужели вы ей не посовѣтуете...

— Жизнь, избранная мною, прилична мнѣ, отвѣчала Серафима, послѣ продолжительнаго молчанія. Совѣсть другое назначилъ Богъ Агнѣй. Удѣлъ ея — пользоваться жизнью, наслаждаться семейнымъ счастьемъ, не скрываясь отъ свѣта. Жизнь въ свѣтѣ представляетъ болѣе искушеній, болѣе борьбы и потому самому болѣе достойный подвигъ, нежели жизнь отшельника. Пусть будетъ она доброю женою, хорошею матерью — и Богъ пошлетъ ей благословеніе столь же богатое, какъ и тѣмъ, которые свалились въ пристань уединенія.... Умиленіе, произведенное не столько словами Серафимы, сколько глубокимъ чувствомъ, звучавшимъ въ ея голосѣ, — произвело общее молчаніе. Агнѣя первая нарушила его съ своею обыкновенною живостію:

— Такъ, милая тетушка, не слушайте его. Вѣдь онъ часто самъ не знаетъ, что говорить... Вотъ, лучше отпустите съ нами Юліанію.

Автопъ Николаевичъ и Ольга Максимовна присоединили свои просьбы къ просьбамъ Агнѣи, не слушая возраженій Юліанія... При первыхъ словахъ Агнѣи, Серафима затрепетала и бросила на свою любимицу взоръ невыразимой нѣжности.... Потомъ впала въ глубокое размышленіе.... Наконецъ сказала, что подумаетъ—и простилась съ ними.

—

На другое утро, она призвала къ себѣ Юліанію. Бѣдная женщина всю ночь не смыкала глазъ. Богъ требовалъ отъ нея послѣдней жертвы, которую принести стоило ей усилій..... Молча и трепеща, ждала Юліанія, когда она начнетъ говорить:

— Милая Юліанія, сказала Серафима; я отпускаю тебя въ Петербургъ съ твоими родственниками.

Слезы покатались изъ глазъ прекрасной дѣвушки: она бросилась на грудь Серафимы.

— О! тетушка, шептала она, что мнѣ дѣлать въ этомъ мѣрѣ, гдѣ вы, такая прекрасная и добрая, не могли найти счастья... О! если я васъ ничѣмъ не огорчила, если вы меня любите, не отсылайте меня отъ себя!...

Серафима крѣпко прижала ее къ груди своей. Слезы ихъ смѣшались... Когда обѣ онѣ успокоились:

— Дитя моего сердца, сказала Серафима, ты молода, прекрасна, ижѣшь теперь хорошее состояніе. Быть-можетъ, Богъ назначилъ тебѣ счастье въ свѣтѣ. Дерзнемъ ли мы противиться Его опредѣленіямъ? Ты такъ молода, такъ неопытна, мудро ли, что жизнь въ этомъ уединеніи достаточно наполняетъ твоё сердце и мысли... Но кто поручится, что это продолжится на всегда; что и для тебя, теперь безмятежной, не наступитъ часъ тревожныхъ желаній, часъ страстей, — почти неизбѣжныхъ для насъ, бѣдныхъ, слабыхъ женщинъ!... И если бы ты отреклась отъ свѣта, еще не зная его, могла ли бы я быть спокойна, думая, что рано или поздно, украсивъ его мечтою и пыломъ юношескихъ чувствъ, ты станешь жалѣть, что не извѣдала его счастья.... роптать!... Нѣтъ, дочь моя, ступай, испытай, извѣдай сама, узнай все, что можетъ дать тебѣ жизнь — ступай смѣло подъ покровомъ Бога и твоей совѣсти — потому что ни одна изъ особъ, съ которыми ты отправляешься, не можетъ быть твоимъ руководителемъ! Богу, одному вручаю тебя. Пусть твоею защитою отъ всякой дурной мысли будетъ вѣра и воспоминаніе обо мнѣ... И если испытавъ все, ты возвратишься ко мнѣ столь же чистою и красивою, съ такимъ же желаніемъ посвятить себя Богу.... О какъ я буду счастлива!...

Черезъ три дня послѣ того, Юліянія, одѣтая въ бѣлое платье сестры своей, сѣла въ карету, готовую увезти ее отъ всего, что она любила въ жизни. Закрывъ лицо руками, дѣвушка тихо плакала, не будучи въ силахъ смотрѣть на тѣхъ, кого она покидала. На высокой террасѣ монастырской, выходящей на дорогу, стояла Серафима съ монахинями.... Коляска тронулась. Агния торжествовала. Мальчикъ ласково жалея къ гостѣ. Ольга Максимовна улыбалась сквозь слезы. Антонъ Николаевичъ казался равнодушнымъ; но по временамъ бросалъ быстрый, невыразимый взглядъ на Юліянію, и глаза его сверкали тайною радостью.

Сестры сошли съ терассы. Долго еще смотрѣла Серафима вслѣдъ за удаляющимся экипажемъ. Когда онъ скрылся изъ виду, она тихо удалилась. Монахини разошлись по кельяѣ. Вечерній мракъ спустился на монастырь и его живописныя окрестности. Все стихло и успокоилось.—Только въ кельѣ сестры Серафимы до солнечнаго восхода теплилась лампада, освѣщавшая жаркое моленіе...

Е. ПОДОЛЬСКАЯ.

=

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

Т Р И С Т У П Е Н И .

=

РОМАНЪ ГРАФИНИ Д'АНЖЪ.

=

СТУПЕНЬ ВТОРАЯ.

ПАДЕНИЕ.

Я была помѣнана, дитя мое, тѣмъ сердечнымъ помѣнительствомъ, которое всѣхъ опаснѣе и ужаснѣе.

Забыла и положеніе мое и имя, которое носила, забыла все для этой причудливой страсти вмѣств и источника и разрушенія моей жизни. У меня оставалась только одна идея — заставить въ распахъ Ринара, уничтожить его моимъ присутствіемъ.

Я одѣлась какъ можно проще; но не смотря на мое отчаяніе, на мою ревность, мнѣ предстояло явиться передъ соперницей: надо было быть красавицей! Я съ чрезвычайнымъ стараніемъ занялась этимъ

Т. СІ. — Отд. II.

горестнымъ туалетомъ; мнѣ особенно хотѣлось остаться звитной дамой и положительнымъ образомъ показать, что такое я и что она.

Я позаботилась о малѣйшей бездальцѣ; ничего не было примѣтно и все однако же ярко выказывалось. Отъ меня вѣяло тѣмъ неизлечимымъ ароматомъ хорошаго общества, которое ощущаютъ даже самые недалековидные. Я была довольна собою; это величайшая похвала, какую только можетъ сказать себѣ ревнивая женщина.

Ревностью не ослабляется самолюбіе.

Я послала за фіакромъ, вышла съ горничною, чтобы не возбудить подозрѣній швейцара, и не была примѣчена. Меня привезли по адресу, который я запомнила. Клеофея сказала, что виконтъ долженъ быть ее ждать. Горничная моя увѣрилась, что его еще не было и я надѣялась захватить его на проходѣ и увести съ собою. О! какія минуты провела я! Сколько безумныхъ намѣреній мелькали въ мозгу воображеніи! Сколько неизвѣстныхъ до-тѣхъ-поръ горестей мучили меня! Наконецъ кучеръ виконта де Ланперіэ закричалъ, чтобы фіакръ отъѣхалъ, я спрыгнула внизъ и подбѣжала къ виконту какъ сумасшедшая въ ту минуту, когда онъ всходилъ на первыя ступеньки лѣстницы. Воля моя быть ощущенъ, но я въ замѣшательствѣ потеряла перчатки, Ришаръ узналъ мою руку и вскрикнулъ отъ удивленія.

— Да, прошептала я; это я.

— Одinia, продолжалъ онъ потомъ, что вы здѣсь дѣлаете?

— Что я дѣлаю? отвѣчала я, схвативъ его за руку: я пріѣхала за вами, пріѣхала вырвать васъ у этой женщины, пріѣхала сказать, что вы меня обманываете, потому что я васъ люблю!

Онъ нѣсколько секундъ посмотрѣлъ на меня въ нерѣшимости, потомъ продолжалъ:

— И я также люблю васъ, Одinia, и вотъ почему умоляю не оставаться здѣсь; пойдѣте, я отвезу васъ домой.

— И вы не оставите меня, Ришаръ?

— Какъ это можно, Одinia, а знаешь мужъ!

— О! вы возвратитесь къ ней! возразила я въ отчаяніи.

— Дано честное слово, что нѣтъ; пойдѣте.

Я колебалась.

Въ эту минуту ворота заскрипѣли, пара прекрасныхъ сѣрыхъ ло-

иной встал на дворъ, улюбившаяся головка оказалась въ дверцахъ швейцарской кареты, весело прокричавъ имя Ринара.

Меня нельзя было видѣть; спрятавшись за колонной, я сама не знала гдѣ нахожусь; голова у меня кружилась, однако я слышала какъ виконтъ прощенталь:

— Поздно!

Онъ взялъ меня на руки и отвезъ въ швейцарскую.

— Что? что такое? спрашивали кругомъ.

— Какой-то женщины сдѣлалось дурно, отвѣчалъ довольно холодно виконтъ, посадивъ меня на стулъ.

— Какая хорошенькая! вскричала Клеофея, которая послѣдовала за мной.

Это слово привело меня въ себя. Я была хороша! хороша передъ ними, въ глазахъ соперницы, которая сама признавалась въ этомъ; я не могла столько надѣяться. Я подняла голову, гордо откинула мои швейцарские локоны, посмотрѣла прямо и твердо на ту, которая осмѣлилась насмѣхаться надъ моимъ гнѣвомъ, и на того, кто кивалъ мнѣ. Оба они невольно потушили глаза.

— Лучше ли вамъ? спросила жена швейцара, равнодушная къ драмѣ, которой и не подозрѣвала.

— Не угодно ли войти ко мнѣ? продолжала робко Клеофея.

Ринаръ сдѣлалъ невольное движеніе губами, которое отгадала я одна; онъ боялся.

— Благодарю, продолжала я съ очень замѣтнымъ презрѣніемъ. Этотъ господинъ проводитъ меня домой.

Глаза красавицы вспыхнули; по женскому инстинкту, которымъ обладаютъ даже женщины самыя глупыя, она отгадала все и отвѣчала сухо:

— Если вамъ неудобно войти ко мнѣ, то моя карета и мои люди въ вашемъ распоряженіи; но этотъ господинъ ждетъ здѣсь одного человѣка, съ которымъ ему необходимо видѣться, и не можетъ проводить васъ.

О, другъ мой, какія мы презрѣнныя существа! Какъ стѣсти дѣлаютъ насъ мелочными и ничтожными! Я, маркиза де-Менкабриѣ, дочь благороднаго графа де-Рудольфсгейма, готовилась войти въ соотязаніе съ женщиной, отвергнутой обществомъ, заклеянной общимъ мнѣніемъ! готовилась оскорбить ее, у ней въ домѣ, дать ей право выгнать меня и все это за человѣка, который уже не любилъ меня! Мы посматривали другъ на друга какъ тигрицы; положеніе виконта

становилось ужаснымъ: онъ не смѣлъ сказать слова, изъ опасенія раздражить эти два заглавные бѣшенства, готовые отъ бездѣлицы сдѣлаться неукротимые и страшные.

— Мнѣ очень жаль, перебила я наконецъ, придавая каждому слову важность сентенціи, мнѣ очень жаль, что я обременю васъ и его, но я полагалась на то, что онъ меня проведетъ и не уведу безъ него.

— Ну, такъ вы останетесь! вскричала Клеофея, не будучи въ состояніи долѣе притворяться и бросающаяся между Ринаромъ и мною.

Для виконта де-Ланшеріе наступила минута рѣшительная, и я должна отдать ему справедливость, что онъ не колебался. Легонько оттолкнувъ свою любовницу, онъ взялъ меня за руку, и вывелъ за дверь.

— Вы ошибаетесь, сударыня; помните всегда, что женщина никогда не проситъ моего покровительства напрасно, даже когда она мнѣ незнакома. Я не знаю этой госпожи, но готовъ отвести ее куда бы она ни пожелала и не допущу, чтобы она получила малѣйшее оскорбленіе.

Воспитаніе, данное виконту дядей, все выказалось въ этомъ отвѣтѣ. Нельзя было выразиться съ болѣющимъ приличіемъ и твердостью. Мадмоазель Клеофея не знала что отвѣчать.

Едва мы сѣли въ карету, я бросилась на шею Ринару и залилась слезами; называла его нежнѣйшими именами, просила прощенія. Ринаръ почти противъ воли увлекся моею восторженной нежностью. Мы провели нѣсколько часовъ, забыли — я ревность, онъ невѣрность.

Но пробужденіе наступило, и на другой день, очутившись одна между этими постыдными и жгучими воспоминаніями, я почувствовала какъ пропало мое спокойствіе. Я уже не взирала; адская рана сомнѣнія открылась въ моемъ сердцѣ.

Мнѣ удалось скрыть мою вчерашнюю экспедицію, никто не подозрѣвалъ о ней. Клеофея меня не знала; къ тому же Ринаръ вѣроятно увидавшись съ ней съ своей обычной ловкостью, умѣлъ заставить ее молчать. Я ничего болѣе о ней не слыхала. Баронеса д'Ормезъ поняла перемену въ моихъ отношеніяхъ къ Ринару, окружила меня своей дружеской привязанностью, хотѣла меня разсвѣять, снова наложить сорванную повязку, старалась увѣрить, что виконтъ совершенно воротился ко мнѣ, и занимается только мною.

Я пыталась вѣрить этому одну недѣлю, но скоро принуждена была отказаться отъ этой химеры. Ринаръ долго принуждалъ себя и всегда скрывался. Умъ не жить замѣняло ему сердце. Онъ съ такимъ ста-

раионгъ наблюдавъ за своими поступками, что мнѣ невозможно было воиать его. Что за странная пытка! я подозрвала безъ положительной уврренности, не имѣла права жаловаться, вспылить, не имѣла единственнаго облегченія разбитыхъ сердець.

Я худѣла, страдала, умирая на меденномъ огнѣ. Кузина безпрестанно меня упрашивала или смѣло рвниться на разрывъ или чисто-сердечно примириться съ своимъ положеніемъ. Особенно умоляла она меня избгать сценъ, которыя убиваютъ любовь, отнимаютъ у нея прелесть и очарованіе. Я обшчала и противъ воли безпрестанно попадалась. Собственными руками разрушила я послѣднюю тѣнь счастья; я не разсчитывала и позволила горести овладѣть мною.

Конецъ муки наступилъ однако. Послѣдняя, самая жестокая катастрофа все разорвала. Ринаръ совершенно пересталъ любить меня, лишилъ даже тѣхъ притворныхъ знаковъ нѣжности, которые дотолѣ бросалъ мнѣ изъ милости. Одна прелестная иностранка, одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя рождаются для того, чтобы заставлятъ страдать другихъ, одна изъ этихъ женщинъ безъ сердца, по которымъ впечатлѣнія скользятъ, которыхъ единственная потребность быть обожаемыми и мучить свои жертвы, одна изъ такихъ женщинъ совершенно имъ завладела и приказала меня бросить; онъ меня бросилъ съ жестокостью неслыханной, съ жестокостью человека уже не любящаго. Ничто его не обезоруживаетъ, ничто не трогаеть, онъ топчетъ ногами бывшій свой кумиръ, бросаетъ его въ грязь. Какъ-будто хочеть наказать за то, что любилъ и заплатитъ мукой за каждый поцѣлуй, каждый взглядъ, каждую улыбку.

Я занемогла и чуть не умерла. Мужъ мой, занятый дѣлами, ничего не зналъ. По его приказанію за мной ухаживало пропасть докторовъ, сидѣлокъ, слугъ и все это было опубликовано, все оцѣнено по самой высокой таксъ этого денежнаго вѣка, гдѣ все считается на деньги.

Когда огромная любовь вырвана изъ сердца, въ душѣ остается пустота, утомленіе, безнадежность, которыя ничѣмъ нельзя наполнить, а когда перейдешь это странное испытаніе, злой червякъ начинаетъ подтачивать въ насъ покой, добродѣтель, тишину, этотъ червякъ — скука! дочь страстей и мать пороковъ.

Мнѣ захотѣлось воротиться въ Альзась. Парижъ мнѣ опротивѣлъ, окружающее тяготило мнѣ сердце какъ безсмынное горе; даже при-

судотвіе Элизы казалось мнѣ несноснымъ. Я страстно желала излечиться, но для этого надо забыть; а какой притудливый геній забвенія! не слушается просьбъ и приходитъ, когда его не просятъ.

Мужъ мой продолжалъ свою систему; мы видѣлись полчаса каждый день, онъ говорилъ со мною немного о моемъ здоровьи и очень много о своихъ надеждахъ и богатствѣ, и оставлялъ меня, упрямивъ исполнять всѣ мои прихоти и обѣщая скоро отвести въ Блуменбергъ.

Виконта встрѣчали вездѣ въ свитѣ княгини П**. Онъ выказывалъ для нея роскошь и сумасбродство, отъ которыхъ остерегался прежде. Дядя его не смѣлъ показаться ко мнѣ, сказывался больнымъ и только посылалъ узнавать о моемъ здоровьи. Наконецъ мы съ Эрнестомъ съѣли въ карету; баронесса оставалась въ Парижѣ. Моя грусть, мое болезненное состояніе не много удовольствія общали ей; она привязалась къ одной родственницѣ, очень веселой и богатой, поѣхала съ нею на морскія ванны и потомъ въ Англію.

Дорогой я молчала и много думала. Мнѣ хотѣлось ухватъ и между тѣмъ каждый поворотъ колеса, удаляя меня отъ виконта, разбивалъ мнѣ сердце.

— Другъ мой! сказала я мужу, ты мнѣ позволишь никого не принимать?

— Я никогда не противорѣчилъ тебѣ, Оділія, хотя эта безпрестанная перемѣчивость характера могла бы сильно возмутить мою жизнь. Ты свободна; надѣюсь, что родной воздухъ, дружба Вильфрида, Адрианы, возвратятъ тебя къ веселости и къ прежнимъ привычкамъ.

— Ахъ, да! вскричала я, Вильфридъ, Адриана! я увижу ихъ, увижу могилу батюшки, матушки. Дай Богъ, чтобы меня поскорѣ положили возлѣ нихъ!

— Тетка твоя увѣряла, что тебѣ досталась отъ Блуменберговъ восторженность, приближающаяся къ мистицизму; иногда, душенька, я готовъ этому повѣрить, право ты....

— Сумасшедшая, перебила я съ горькою улыбкой; ты ужъ меня въ этомъ увѣрялъ, я не забыла.

Эрнестъ легонько пожалъ плечами и не отвѣчалъ нѣсколько минутъ, потомъ обернувшись ко мнѣ, взялъ меня за руку и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Ты больна, Оділія, а я тебя огорчаю, прости меня, другъ мой. Твое сердце такое щекотливое, уязвляется когда хочешь его при-

любить. Говори тебе о дружбѣ твоего дѣтства, и хотѣла напомнить какъ тебя любить, и какъ следовательно, ты должна дорожить жизнью.

— Любить! О! мнѣ уже не любить, не могутъ любить и я умру отъ него, Эрнестъ!

— Опять эти идеи, опять эти любовныя химеры, и безумныя и вредныя! Будешь ли ты наконецъ смотреть на свѣтъ съ настоящей точки зрѣнія? будешь ли когда-нибудь разсудительна?

— О! замолчи, замолчи. Не повторяй этихъ губительныхъ словъ, скайся надо мною, другъ мой, я такъ несчастна! Позволь мнѣ жить одной, не удивляйся, что мои глаза будутъ красны, а щеки похудѣютъ. Мы не понимаемъ другъ друга. О! какъ бы я тебя любила, если бы ты этого захотѣлъ!

— Не больше какъ я тебя люблю, отвѣчалъ онъ дружески.

Гауль, какъ я была безумна и виновна, что не поняла такого человека; онъ говорилъ правду; счастье было тутъ, между моимъ мужемъ, Адрианой и Вильфридомъ, въ моихъ горахъ, въ замкѣ моихъ предковъ, между моими бѣдными, которые благословляли меня, и крестьянами, которые обожали. Оно было въ повѣи нашихъ развалинъ, въ рѣчкѣ, извилющейся между маргаритокъ, въ добродѣтеляхъ дѣятельнаго крова, въ семейной молитвѣ.

И я не поняла его! я упорно гонялась за лживымъ призракомъ, который говорилъ мнѣ о страсти, о безумной радости и привелъ къ безднѣ, откуда я вышла разбитая, уничтоженная, израненая, и измѣнена до-того, что не узнаю сама себя и ищущу смерти какъ единственнаго и послѣдняго приближенія.

Мы приѣхали въ Блауенбергъ ночью; это была страшная минута. Колоссальная тѣнь баиненъ, падавшія на рвы, при лунномъ сіяніи, которыхъ черная тѣнь какъ будто была усыяна блестками отъ игры свѣту, потокъ, котораго шумъ покрывалъ голоса моихъ людей, привѣтствовавшихъ меня съ благополучнымъ привѣдомъ; все, до маленькаго сѣнца нашей капеллы, указывавшаго мнѣ мѣсто дорогихъ могилъ, къ которымъ я не смѣла подойти не красясь, все вносило въ мою душу угрызение и отчаяніе. Я съ трудомъ могла преодолѣть себя.

Войдя въ мою комнату, я стала на колѣна передъ портретомъ баинки; сказала ему какъ я страдаю, умоляла простить меня, выплакала все свои слезы. Разбитая усталостью и скорбью, я заснула на

этомъ мѣстѣ, и утромъ горничная нашла меня раскороетргом на коврѣ.

Меня положили въ постель въ лихорадкѣ. Адриана съ Вильфридомъ усядись у моего изголовья; когда я пришла въ себя, взоръ мой встрѣтился съ ихъ взорами; они молча пожали мнѣ руку. Я опустила глаза, потому что чувствовала себя недостойною привязанности, блиставшей на ихъ лицахъ.

— Простите! простите! вскричала я среди раздирающихъ рыданій.

— Замолчите, Одилия! возразилъ Вильфридъ поспѣшно, или я самъ себя не прощу.

Болезнь моя возвратилась еще мучительнѣе, еще тягостнѣе: мнѣ надо было заключить въ себя самой мои мысли, не слышать ничего о Ришарѣ, не жаловаться на мое несчастье. Я надѣялась, что умру.

Я тогда не знала, что скорбь не убиваетъ, она спиливаетъ челоуька, доколѣ не испилится сама, какъ тѣ напилки, которыми обдѣлываютъ алмазь. Ничто не можетъ передать вамъ попеченій, которыхъ я была предметомъ со стороны Вильфрида и его жены. Но если уже я признаюсь вамъ во всемъ, если открываю тайны сердца, то должна сказать вамъ все. Я была неблагодарна, не потому, чтобы не чувствовала сколько было нѣжности въ этихъ благородныхъ созданіяхъ, не потому чтобы во мнѣ не доставало признательности, но оттого, что присутствіе ихъ меня утомляло, оттого что я отдала бы ихъ чистосердечныя дружескія ласки, ихъ чистую преданность за вѣтренную и лживую привязанность баронессы д'Ормесь. Они заставляли меня краснѣть противъ воли, съ ними я не смѣла думать вслухъ, а отъ нея я не скрывала ничего. Словомъ, они представляли мою совесть, это — страсть.

Къ тому же я уже не понимала ихъ: чтобы меня разсвѣять, они разсказывали небольшія приключенія своей простой и спокойной жизни; я находила ихъ *провинціалами*; мы говорили не однимъ языкомъ. Они даже не знали фамиліи моихъ блистательныхъ друзей; мои новыя идеи были имъ чужды; театры, искусства, свѣтъ они знали только по книгамъ и уже давно, совершенно заняты дѣлами и дѣтьми, неглижировали прежними занятіями. Вильфридъ сдѣлался настоящимъ помѣщикомъ, Адриана доброю матерью семейства. Оба одѣвались Богъ знаетъ поваковски: это оскорбляло глаза мои, привыкшіе къ щегольству. Разъ мнѣ пришло въ голову, что если бы они вошли въ такомъ нарядѣ въ мою парижскую гостиную, то Богъ знаетъ какихъ бы пошлыхъ двусмыслен-

встѣи не говорили фешіонбельные рыцари моихъ модныхъ вечеровъ. Я съ досады повернулась въ постели, просто разсердилась на нихъ. Вильфридъ, прежде такой стройный, съ такой гордой и благородной красотой, *опустился* и не походилъ уже на поэтическаго юношу. У Адрианы уже не было сладостной свѣжести. Грубый румянецъ, возможно пошлая полнота не позволяли ее узнать; она не носила перчатокъ, и руки ея лишились своей аристократической формы. Мое самолюбіе страдало отъ этого. Какая мелочность, не правда ли? Я ихъ однако любила, любила искренно, вѣжно. Сердце окружается незлысанными изгибами, которые извѣдать невозможно.

Едва могла я встать, мнѣ захотѣлось приняться за мои повѣздки верхомятъ. Я надвѣялась найти въ нихъ забвеніе и покой; утомляя тѣло, я хотѣла убить думы, пробѣгала мои любимыя мѣста, мои чудныя развалины, мои столѣтніе лѣса, отправляясь мечтать и плакать на вершинѣ башенъ, на берегу ручьевъ; сидя на лугу, составляла букеты изъ полевыхъ цвѣтовъ, и все одна и та же мысль преслѣдовала меня: вездѣ сожалѣніе, вездѣ слезы, вездѣ одиночество.

Однажды Вильфридъ повѣхалъ со мною въ Рибовиліе. Оставивъ лошадей и людей въ городѣ, мы отправились къ замкамъ. Молчаливая и грустная, опиралась я на его руку. Слезы мои текли медленно и падали одна по одной; я ужасно страдала. Вильфридъ вдругъ остановился и доведя меня до тѣнистой ели, посадилъ и самъ свѣзъ возлѣ. Я машинально повиновалась. Онъ взялъ меня за руку, поцѣловалъ тихонько и потомъ движеніемъ, полнымъ вѣжности и цѣломудрія, отбросивъ локоны волосъ моихъ, вытеръ мои влажныя щеки и пристально глядя на меня въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, казалось, искалъ какими средствами можетъ утѣшить меня.

— Одиля, сказалъ онъ наконецъ, вы меня разлюбили?

— Вильфридъ! отвѣчала я тономъ упрека.

— Нѣтъ, вы меня разлюбили, перестали довѣрять мнѣ; я сталъ для васъ постороннимъ человѣкомъ, передъ которымъ вы закрываете и сердце и мысль.

— О! перебила я, закрывъ лицо руками, я не смѣю!

— Несмѣете, боитесь меня, не можете сказать мнѣ; зачѣмъ вы страдаете. Развѣ я не знаю, развѣ я не угадаю?

— Вильфридъ! Вильфридъ! вы не знаете; о! нѣтъ, не говорите, что вы знаете!

— Знаю, Одилия, продолжалъ онъ, съ выраженіемъ неизъяснимои грусти. Знаю, что вы вступили на ложную и пагубную дорогу, знаю, что нашли вашу жизненную долю слишкомъ горькою и упорно ищете другой; знаю, что ищете счастья на этой землѣ, гдѣ много, что находить покой? Знаю, что съ умомъ безпокойнымъ, съ сердцемъ страшнымъ, съ воображеніемъ необузданнымъ, вы нуждаетесь въ буряхъ, волненіяхъ, въ шумныхъ радостяхъ. Я знаю, Одилия, помню только, что вы несчастны, открываю вамъ мои объятія и говорю: «Полагайтесь на меня безъ боязни, полагайтесь какъ на брата, какъ на друга».

Рыданія раздирали мнѣ грудь.

— О! продолжалъ онъ, крѣпко прижавъ меня къ сердцу, о! если бы я могъ предвидѣть, не такая участь досталась бы вамъ. Моя драгоценная Одилия, ты въ такомъ положеніи! ты! о! это ужасно!

Невозможно было узнать въ Вильфридѣ этого человека съ простыми приемами, съ наружностью почти пошлой, котораго я вамъ описывала сейчасъ. Глаза его блистали, лицо приняло выраженіе чистаго энтузіазма, онъ опять былъ прежній Вильфридъ. Мы обнялись и заплакали; преграда рушилась, мнѣ не въ чемъ было признаваться, я могла открыть сердце безъ опасенія, меня бы поняли. Струны, съ дѣтства звучавшія для меня въ сердцѣ Вильфрида, не лопнули, мы были по прежнему связаны чувствомъ, этимъ вѣчнымъ союзомъ возвышенныхъ душъ.

Я рассказала Вильфриду исторію моего послѣдняго года; онъ смотрѣлъ на меня съ грустью и изумленіемъ, подстерегая на лицѣ истину моихъ словъ. Онъ долго молчалъ; я спрашивала его два раза, онъ все не отвѣчалъ.

— Чтò же вы думаете? начала я наконецъ.

— Чтò я думаю, Одилия? я углубляюсь въ вашу прошедшую жизнь и оплакиваю блѣое, можетъ-быть залогъ будущаго, еще болѣе бурнаго.

— Вы ошибаетесь, другъ мой, для меня нѣтъ будущаго.

— Я боюсь быть слишкомъ дальновиднымъ, Одилия? съ вашимъ легкомысленнымъ и мечтательнымъ характеромъ... Извините за то, что я скажу вамъ, не называйте меня ни строгимъ, ни моралистомъ, позвольте представить вамъ картину, развивающуюся передъ моими

слезами, и можете-быть, я успею спасти васъ, моего друга, мою сестру.

— Говорите, отъ васъ я могу всё слышать.

— Вспомните де-Тоннэ, вашего мунка, де-Шанбура. Развѣ вы ихъ также не любили? и не забыли одного за другимъ?

— Мать, продолжала я, сильно покраснѣвъ, я никого не любила, не буду никого любить кромѣ виконта де-Ланперіе.

— Можеть-быть я ошибался; но вѣдь вы думали, что любили, и будете думать, что любите. Посудите, до чего можеть это васъ довести!

— Не опасайтесь, Вильфридъ, мое сердце умерло; я знаю, чувствую, что оно не пробудится. Перенесу ли я въ другой разъ то, что чуть было меня не убило?

— Умерло можеть-быть ваше сердце, но не воображеніе. Вы будете безрестанно гоняться за этой химерой, которую однажды увидели и которой потерю такъ горько оплакиваете.

— Мать, мать, тысячу разъ мать.

А если бы вы заботься, Одилія, нашлось бы еще средство привязать васъ къ самой себѣ, къ тѣмъ, кого вы любите, сделаться великою и сильной, ввести въ жизнь вашу такой интересъ, что отъ взглянуть бы и ваше прошедшее и будущее.

— Какой же?

— Душа ваша полна великодушія и благородства, Богъ далъ вамъ и много ума и много денегъ, употребите и то и другое. Займите умъ вашъ наукою, искусствами, а сердце благотворительностью и милосердіемъ. У васъ мать дѣтей, будьте матерью несчастныхъ: помогайте бѣднымъ, утѣшайте отчаянныхъ. Дайте цѣль вашей пожизненной дѣятельности, позвольте себя любить возмъ и вы не будете желать, чтобы васъ любилъ одинъ.

— Цѣлкія воображенія жадно хватаются за подаваемую имъ вѣтъ счастья. Я расстрогалась, бросила взоръ на прелестную мѣстность, раскинутую передо мною, которой часть принадлежала мнѣ, гдѣ я могла сделаться благодѣтельницей, и, протянувъ Вильфриду руку, я сказала, съ глазами влажными отъ слезъ, на этотъ разъ несчастныхъ: Я послѣдую вашему совету, Вильфридъ, буду дѣлать добро.

— Благодарю, благодарю, другъ мой! Вы и меня также спасаете, потому что я чувствую вашу горестъ, плачу о вашихъ слезахъ.

— О, какъ онъ любить меня, этотъ человекъ, которому я причинила столько сирданій, котораго нежности никогда не поняла!

Послѣ этого разговору, я считала себя спокойнѣе, потому что много занималась и наконецъ, успѣла оглушить себя.

Исключая больницы, о которой говорила, я раздавала значительныя милостыни, выстроила дома для бѣдныхъ, завела мастерскія и въ два мѣсяца меня благословляли за десять милъ кругомъ и я вообразила, что излѣчилась, потому что была любима. Мужъ позволялъ мнѣ много тратить для бѣдныхъ. Обязанности помѣщика онъ понималъ въ большомъ размѣрѣ. Его аристократическія правила очень хорошо согласовались съ моей новой прихотью. Въ этой странной натурѣ все соединилось. Эрнестъ былъ вмѣстѣ и купецъ и вельможа, щедръ и скупъ, обидчивъ и беззаботенъ.

Нѣсколько времени я успѣвала прогонять докучливые призраки, но когда выполняла всѣ планы, когда наступила зима и дурная погода прекратила мои прогулки, врагъ появился снова въ видѣ самомъ неудобопобѣдимомъ: явилась скука, эта непоколебимая тяжесть, которая силу бездѣйствія противопоставляетъ самой упорной борьбѣ, и създаетъ душу какъ ржавчина желѣзо.

Я хотѣла бѣжать отъ нея; читала, пожирала книги, писала миллионы страницъ, пѣла, списывала картины моей галлерей, всѣ окрестныя ландшафты, а она все оставалась возлѣ меня, неподвижно, безпрестанно, неотразимо. Настала новая пытка.

Я думала о Парижѣ, о его веселостяхъ, праздникахъ, которыхъ была царицею; иногда запираясь въ комнату, вынимала мои нарядныя платья, кружева, каменья, наряжалась въ нихъ передъ зеркаломъ, припоминала мои побѣды, видѣла у ногъ поклонниковъ моихъ, ожидающихъ улыбки; каждый нарядъ припоминалъ мнѣ успѣхъ, любимое воспоминаніе, и я горѣла желаніемъ явиться опять непобѣдимою, раздавить своимъ презрѣніемъ и измѣнника и соперницу.

Я выходила послѣ этого *монолога* еще грустнѣе и скучнѣе, стала угрюма и всѣмъ недовольна, ничто мнѣ не нравилось, Вильфридъ не смѣлъ меня разспрашивать, боялся узнать о моемъ новомъ паденіи, хотя предвидѣлъ это.

Каждый день я приходила къ столу въ разномъ платьѣ. Мнѣ хо-

глось слышать безпрестанно, что я хороша: мнѣ надобны были угожденія, во что бы то ни стало. Эти добрые люди смотрѣли на меня съ изумленіемъ и приписывали себя возъ мои страданія.

Мужъ мой, попроницательнѣе всѣхъ, сказалъ мнѣ разъ вечеромъ, когда я грустно возвращалась въ свою комнату, вся въ кружевахъ и въ розовомъ атласномъ платьѣ.

— Право жаль, милая Одилія, расточать этой деревенщинѣ такія ученые туалетныя выдумки; черезъ недѣлю мы поѣдемъ въ Парижъ.

По пріѣздѣ туда, первый визитъ сдѣлала мнѣ баронесса д'Ормесъ. Она нашла, что я похудѣла и много шутила надъ тѣмъ, что называла моею глупостію.

— Не въ этомъ дѣло, прибавила она: намъ нужно явиться блистательно, громогласно, оглушительно, такъ чтобы заговорили объ этомъ на цѣлыя двѣ недѣли. Дайте въ слѣдующій понедѣльникъ балъ, да такой, чтобы всѣ женщины перебѣсились. Пригласите княгиню П** и виконта, будьте къ нимъ милы какъ нельзя болѣе, выберите нарядъ самый простой, но такой же дорогой, какъ праздникъ, чтобъ онъ удивительно шелъ къ вамъ, чтобы былъ безукоризненъ и — увидите! Вы понимаете, что я хочу сказать? нарядъ смѣлый по своей наивности, обдуманнѣй за мѣсяцъ, но кажущійся импровизаціей, гдѣ бы золото скрывалось подъ совершеннымъ отсутствіемъ претензій. Будь я богата, я бы на каждое время года изобрѣтала одинъ или два такихъ наряда, которые бы доставили пищу злословію завистниковъ и модныхъ журналовъ.

Сначала я заставляла себя упрямивать, потомъ призналась, что Элиза права. Мужъ мой согласился; мы разослали приглашенія, нестаравшись напередъ разгласить вездѣ, что праздникъ будетъ великолепенъ. Я сама повѣдала къ некоторымъ знакомымъ вмѣстѣ съ баронессой, поселившейся опять у меня. Я дрожала при мысли встрѣтить Ришара, а это казалось мнѣ неизбѣжнымъ. Графъ де-Шерсонъ пріѣхалъ ко мнѣ. Я говорила съ нимъ о племянникѣ какъ можно естественнѣе; бѣдный графъ нѣсколько оправился; онъ боялся жалобъ и элегій. На другое утро виконтъ записался у Швейцара.

Читая это имя, я менѣе растрогалась чѣмъ думала. Не излучилась ли я? Насмѣшки баронессы д'Ормесъ были бы сильнѣе цѣлыхъ

мазницею борами? Первое свиданіе рѣшилъ въпросъ и случай до-
шедшия предостановляю:

Я надевала шубу въ передней австрійскаго посла, когда вѣнскій
де-Ландеріо вошелъ; сердце мое сильно забилось. Элиза, вниматель-
ная къ моимъ движеніямъ, стала передо мною, чтобы дать мнѣ вре-
мя оправиться; я сдѣлала необыкновенное усиліе и поклонилась Ри-
шару съ развязностью равнодушія; онъ, напротивъ того, смѣшался.

— Вы очень поздно пріѣхали въ Парижъ, маркиза, сказалъ онъ,
потупивъ взоръ.

— У меня были гости, продолжала я, мы много веселились въ
Эльзаеъ, я немножко забыла вашу сторону, но хочу вознаграждать
себя и даю балъ въ слѣдующій понедѣльникъ; вы непременно будете,
надеюсь, виконтъ?

Онъ поклонился и заговорилъ съ Элизой. Подали мою карету, онъ
посадилъ меня и просилъ позволенія пріѣхать ко мнѣ.

Я не спала цѣлую ночь, но баронесса увѣрила, что я была уди-
вительна. Такія победы стоятъ дорого!

— Вы слышали о моемъ балѣ, Рауль, потому что объ немъ еще
не забыли. Наврядъ видѣли когда-нибудь такое изобиліе свѣтъ, цвѣ-
товъ и шелковыхъ тканей; буетъ роскошно былъ заваленъ напит-
ками, которые свѣтились какъ-будто по волшебству. Оркестръ, со-
ставленный изъ самыхъ лучшихъ музыкантовъ, игралъ непрерывно
до семи часовъ утра. Нарядъ мой получилъ совершенное одобреніе
кушны. Представьте себѣ три тунни изъ старыхъ англійскихъ кру-
жовъ неестественной тонкости. Это кружево досталось мнѣ отъ бабуш-
ки моего мужа и было нарочно для нея заказано. Кружева выко-
таны были съ гербы, попеременно съ гербами знатныхъ родовъ
нижнихъ домовъ. Нижнее платье изъ бѣлаго ну-де-соа, было роскошно
только по своей чрезвычайной свѣжости. Букетъ, приколотый къ ле-
фу и тотъ, который я держала въ рукъ, состоялъ изъ оранжерей-
ныхъ цвѣтовъ, такихъ же дорогихъ какъ брилліанты; подобныхъ най-
ти было невозможно. Для головнаго украшенія я выбрала одинъ изъ
этихъ натуральныхъ цвѣтовъ и приколотила его сзади съ брилліантомъ
въ сорокъ тысячъ франковъ внутри цвѣтка, а стебель зашила
изумрудными лентами, высокой цѣны. Ожерелье, браслеты и се-
режки остались въ своихъ футлярахъ.

Я должна вамъ признаться, что эта великолепная простота презы-

чине; она дожила. Прощайте мой и я была: прелесть, веселье; ува-
 жамый. Марку моему, это чрезвычайное, льстиво. Я уверена, что виконту
 стало досадно, потому что я из отъезда вечером была кумиромъ и даже
 Парна. Книгина, которую я затмила своимъ блескомъ, надулась на
 глумъ: вечеръ и краше отъ того не была.

Мнѣ хотѣлось еще больше: я осмысла ее самымъ утонченнымъ
 инстинктомъ, облизала какъ можно больше съ Ринаромъ, котораго са-
 ма пригласила на два вальса какъ человека посторонняго. Они оба
 ушли съ досады.

Я съе предупредила, милый Рауль, что мнѣ много горестныхъ за-
 бавденій придется разсказать вамъ. Не удаляйтесь ни к чему, про-
 стите все мои проступки, умоляю васъ на козлахъ. Подумайте, что
 я умираю, что эти признанія служатъ уже большимъ искупленіемъ, но
 будьте строги и простите мнѣ ради моего страшнаго наказанія. Особенно
 не ведумайте о жестокомъ уроке, который я даю вамъ, надзирайте
 за собою, укротите ваши страсти, потому что если вы позволите
 имъ взять власть надъ жизнью, для нихъ уже тогда не будетъ удачи;
 они совершенно овладѣютъ вами и доведутъ до чего доведутъ я — до
 ступамъ.

Въ день моего бала мнѣ представили молодого немецкаго дипломата
 брата Штермана. Онъ соединялъ пріятность, мало свойственную его
 соотечественникамъ съ ихъ несовершенной красотой, съ ихъ превосход-
 нымъ воспитаніемъ. Онъ не отходилъ отъ меня съ самаго начала ве-
 чера съ этой настойчивостью, которая всегда неизгладимый предвот-
 ный начала любви. Я хотѣла угождать виконта, литься главамъ его
 иррадиацию блистательной свѣтой: никогда не была я любезнае, ко-
 мичковъ, и каждый добивался моей улыбки какъ величайшей изъ ми-
 лостей.

Штерманъ показался мнѣ причиннае дружекъ; онъ былъ всегда
 тутъ, не доучая, встречался со мною всегда въ тотъ самый моментъ
 когда мнѣ этого хотѣлось, удалялся прежде чѣмъ могъ наскучить и
 умелъ эту трудную мѣру, означающую и страсть и уваженіе, къ
 чужу женщины очень чувствительны.

Во второй день, въ итальянской оперѣ, ложа моя была полна; ба-
 рыни тоже были, но по прежнему исполненный причинія.

До весны встречались мы съ ними каждый день. Утромъ въ Будон-
 скомъ саду, вечеромъ къ обществу или въ театра: все мои короткіе

знакомые скоро рѣшили, что баронъ ухаживалъ за мной. Баронесса д'Ормезъ сдѣлалась его покровительницей, безпрестанно расхваливала мнѣ его скромность и благородный характеръ.

— Преданность подобнаго чловѣка, говорила она, привязала бы къ жизни самую отчаянную душу. Это ужъ не мотылекъ какъ виконтъ, а сердце серьезное, разумъ избранный, настоящій Вертеръ.

Я слушала и молчала, однако слушала; а въ подобномъ случаѣ это го уже слишкомъ много. Знать это знала. Я никогда не могла отдать себѣ отчета въ ея намѣреніяхъ. Можетъ-быть у нея не было ничего опредѣленнаго; можетъ-быть она только слѣдовала инстинкту своей натуры, склонной къ интригамъ. Наконецъ она увлекла меня... впечатлѣнія этой второй страсти нисколько не походили на первыя. Я боялась, мнѣ было неловко.

Гюнтеръ представлялъ ложный отблескъ сердца и поэзіи, который туманное нѣмецкое воспитаніе придаетъ всѣмъ. Изъ тѣхъ, которые не совершенно злы, всегда остается что-то, добрые становятся чудесными, а взроломные заимствуютъ оттуда оружіе для измѣны и приманки для увлеченія чистосердечныхъ душъ. Когда мнѣ надо было воротиться въ Блуменбергъ, Штерманъ, чтобы не разставаться со мною, поселился какъ мызникъ, подъ чужимъ именемъ въ сельскомъ домикѣ возлѣ насъ. Никто этого не подозрѣвалъ: мы встрѣчались каждый день, то въ лѣсу, то въ моемъ паркѣ, вмѣстѣ проводили время. По нѣкоторымъ сторонамъ моего характера, Гюнтеръ совершенно со мной сходствовалъ. У насъ была одинаковая склонность къ поэзіи и чтенію, мы искали однихъ и тѣхъ же впечатлѣній, усваивалъ однѣ и тѣже мысли. Въ любви это великое дѣло, и потому я воображала себя связанной на всю жизнь и строила на этомъ непрочномъ фундаментѣ зданіе будущности. Я еще не довольно страдала, чтобы разочароваться сама съ собой, я была искренна и съ другими. Я вѣрила, вѣрила твердо и не переносила мысли о разрывѣ, потому что начинала чувствовать, что стремлюсь къ новымъ заблужденіямъ, а этого я рѣзительно не хотѣла. Я родилась честной женщиной, это такъ справедливо, что теперь, послѣ столькихъ лѣтъ безумія, это чувство существуетъ еще въ моемъ сердцѣ.

Я твердо рѣшилась оставаться привязанной къ барону во что бы то ни стало. Уроки Эдвы, моя опытность, заставляли меня бояться его

невѣрности; я заранее къ этому приготовилась, разобрала логически мою ревность и рѣшилась на слѣпое и страдательное снисхожденіе, рѣшалась на все, только чтобы не быть совершенно забытою.

Настала зима; мнѣ было нужно терпѣніе, но размышленіемъ я старалась побѣдить себя, страдала страшно, увѣряя васъ. Я видѣла, что меня меньше любили. Эта горестъ, уже разъ испытанная, которой все фазы были мнѣ известны, вдвойнѣ раздирала меня, потому что я ее предчувствовала, угадывала въ малѣйшихъ подробностяхъ.

Никогда не забуду тотъ день, когда баронъ показалъ мнѣ одинъ изъ тѣхъ знаковъ равнодушія, которые вырываются изъ сердца, когда любовь уменьшается; помню, что я три часа провела въ слезахъ и въ самомъ ужасномъ отчаяніи повторяла.

— Вотъ она, вотъ зима! она ужалила меня въ прежнюю рану; это то же жало: знаю что меня ожидаетъ!

И я пересчитывала мѣсяцы горести, которымъ подчинилась, борьбу, униженіе, которымъ подвергалась.

Баронесса д'Ормесь преслѣдовала меня насмѣшками, смѣялась надъ моими слезами, увѣряя, что будь я меньше слаба, я бы всегда господствовала надъ Гюнтеромъ.

— Помните, говорила она, что любимы только ловкія, а не любящія. Жертвъ не приносите никогда, а требуйте. Мужчины признательны только пока ничего не получили. Это самая неблагодарная и злая порода на свѣтѣ. Чтобы управлять ими и удерживать ихъ, надо быть злѣе ихъ, иначе они презираютъ насъ и затопчутъ ногами.

Ахъ, Рауль! я должна признаться, что она была права!

Цѣлую зиму я переносила съ стонческою добродѣтельною невнимательностью Гюнтера. Я надѣялась такимъ образомъ опять привязать его, какъ будто мужчину, который уже не любитъ, можно привязать чѣмъ-нибудь.

Весною онъ сталъ все болѣе и болѣе небреженъ: не обращалъ вниманія ни на мою безропотность, ни на скрываемыя страданія, ни за что не былъ мнѣ признателенъ; однако я не теряла терпѣнія, старалась не наскучать ему сценами; никогда не передамъ вамъ, чего мнѣ это стоило.

Въ одно утро я получила по почтѣ коротенькую записочку, въ которой были только эти слова:

— Простите мнѣ, Одилия, я эду не простившись съ вами; прощаніе были бы слинкомъ мучительны для насъ обоихъ. Я получила позволеніе переменить мѣсто жительства, оставляю Парижъ надолго, можетъ-быть на всегда; я не забуду васъ, мы были идеаломъ любви и преданности, а я очень виновенъ.

«Еще разъ простите мнѣ и вѣрьте, что куда ни занесла бы меня судьба, вы всегда найдете меня готовымъ доказать вамъ мою признательность.

— У васъ никогда не будетъ лучшаго друга.

«Гюнтеръ».

О, милый Рауль, надо набросить покрывало на эту горестъ, какъ древніе накидывали на лицо Агамемнона; изобразить ее невозможно.

Однако противъ моего обыкновенія, я заключила ее въ себя, ничто не вышло наружу. Я совершенно владела собой, свѣтъ не имѣлъ удовольствія считать мои слезы, разсуждать о блѣдности моего лица. Я осталась на полѣ сраженія, съ улыбкой на губахъ, повторяла какъ другіе, какъ я сожалѣю о внезапномъ отъѣздѣ этого бѣднаго Штермана. Какая потеря для общества! онъ такъ хорошо вальсировалъ! такъ чудесно начиналъ котильонъ!

Такимъ-образомъ я лишила злыхъ удовольствій отгадать мои сожалѣнія, покрывъ ихъ спокойною наружностью. Иногда у женщинъ мужество героевъ!

Кухина перевозносила меня до небесъ. Она тоже не знала, подъ какой безстыдной маской я скрывалась. Ея легкомысленный характеръ, еще легкомысленнѣе моего, потому что у меня по-крайней-мѣрѣ сердце оставалось серьезно; ея легкомысленный характеръ, говорю я, позволялъ ей видѣть только внешнюю оболочку.

— Удивляюсь вамъ, Одилия, говорила она, вы — Клоринда.

— Милая Элиза, я ваша воспитанница; но признаться по правдѣ, мужество мое ослабѣваетъ, я изнемогу.

— Сохрани Богъ! лучше употребите всѣ возможныя средства, даже самыя сильныя.

— О! я умираю болѣе, чѣмъ въ первый разъ, къ горести быть несознанной, покинутой, присоединяется родъ какого-то стыда и жестокаго страху, которыхъ я не знала.

— Такъ постарайтесь закружить себѣ голову, не уступайте этимъ

враждебныхъ расположеній, вы лишитесь вашего торжества. Перенесите сцену, перенесите славу вашу въ другое мѣсто: поклонники наслѣдуютъ за вами, будьте спокойны. Что вы думаете о путешествіи? Поедемъ въ Англію, въ Италію?

— Сохрани Боже! я терпѣть не могу иностранцевъ.

— Ну такъ посмотримъ Пиреней.

— Туда слишкомъ далеко.

— Морскія ванны?

— Тамъ слишкомъ весело.

— Пломбьерскія воды, Монъ-д'Оръ?

— Пломбьеръ возлѣ Германіи.

— Но Монъ-д'Оръ, кажется, сіяетъ среди Франціи. Хотите туда?

— Согласится ли Эрнестъ? вѣхать съ нимъ нечего и думать. *Дьявол* не позволитъ ему.

— Эрнестъ согласится на все, что вы захотите, только бы вы позволили ему толковать въ клубѣ о курсѣ облигацій, о цѣнѣ желѣза, о богатствѣ другихъ и о надеждахъ собственнаго своего. Вотъ теперь кстати сказать:

Hélas! que ce monsieur est bon.

— Вы сущій демонъ, Элиза, вы меня увлечете.

— Напротивъ, я спасаю васъ. Ваши щеки впали, глаза потускнѣли, а этого—то прежде всего и надо избѣжать. Воды возвратятъ вамъ прежній цвѣтъ лица; сколько больныхъ ѣдутъ туда лечиться отъ той же болѣзни!

По этому разговору вы можете составить себѣ понятіе о встрѣчкѣ, коварномъ умѣ этой женщины и о ея нагубномъ вліяніи на меня. Она поговорила съ моимъ мужемъ, который также подчинился ея вліянію, выпросила для меня значительную сумму на удовольствія и наряды, потомъ съ торжествомъ пришла рассказать мнѣ объ успѣхѣ.

Я позволяла ей распоряжаться всѣмъ и ничѣмъ не занималась; она купила для меня и платья и шляпки, и все вещи и, какъ бы по волшебству, въ назначенный день, мнѣ стоило только сѣсть въ берлингъ, гдѣ я нашла все удобства, даже мою собачку.

Мы нашли на водахъ множество знакомыхъ, и мое состояніе, имя, репутація красавицы и свѣтской женщины, скоро сдѣлали меня центромъ высшаго круга.

Прошедшее мало-по-малу заглохло во мнѣ. Скорбь моя утхла, я вырыла ей глубокую могилу въ душѣ моей, бросила ее туда, и когда зарыла ее, мнѣ показалось, что все кончено у меня съ нею; но день суда долженъ былъ настать, она должна была вытти изъ гроба и, вызванная угрызениемъ совѣсти, подать противъ меня улики. Я почувствовала ее тогда во всей силѣ и не имѣю мужества жить подъ ея гнетомъ.

Героюмъ водъ былъ красивый молодой человекъ изъ Дофинѣ.

Леону де-Шассанъ было двадцать четыре года и онъ былъ воспитанъ по-европейски во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ былъ единственный сынъ вдовы, въ Монъ д'Орв одерживалъ первыя побѣды и потому всѣ призывали въ немъ обворожительность, свойственную молодымъ людямъ, воспитаннымъ женщиной умной и хорошаго общества. Мать его, дочь знатнаго дома, одного изъ послѣднихъ остатковъ прежняго двора, передала сыну старыя правила общечитія и изящныя манеры, былъ забытыя. Онъ напоминалъ мнѣ виконта де-Ланперіе еще съ бѣльшей граціей, если съ меньшимъ изяществомъ.

Мнѣ нечего говорить, что онъ полюбилъ меня страстно: это должно было случиться, но онъ полюбилъ меня истинно, это гораздо рѣже. Боронесса разыграла свою роль въ этомъ приключеніи. Радуюсь моимъ заблужденіямъ, потому что онъ служилъ ей извиненіемъ въ собственныхъ глазахъ, она смѣясь увлекала меня къ безднѣ, мѣшая обернуться, чтобы измѣрить глазомъ скать, по которому я спускалась.

Однажды вѣчеромъ, въ гостиной, рассказывали исторію одной женщины, которая, чтобы отдѣлаться отъ нелюбимаго уже человека, обманула его лживой горестью. Я покраснѣла отъ этого лицемерія и сказала Леону съ глубокимъ презрѣніемъ:

— О! когда не любятъ, надо тотчасъ признаться, *я не постигаю какъ можно обманывать!*

— Я думаю, отвѣчалъ онъ, вы такая благородная и чистосердечная!

Вы увидите, Рауль! Я рассказываю вамъ не факты, а разскаю, анализирую передъ вами сердце женщины, чтобы завѣщать вамъ эту грустную науку жизни.

На водахъ я не имѣла времени думать, видѣла, что Леонъ счастливъ и сама считала себя счастливою. Мы оставались такъ цѣло

леть, я воспевала победу, баронесса смеялась, Леонъ воображалъ себя счастливымъ. Отъ одного имени Blumenberga дѣлалось мнѣ душно. Какъ увидѣться съ Вильфридомъ? Если я такъ краснѣла послѣ перваго заблужденія, что же будетъ теперь?

Я рѣшилась провести осень въ Парижѣ, хотя это было бы преступленіемъ противъ хорошаго тону. Леонъ вѣхалъ за мною и бѣдная мать его благодарила небо, что такая прелестная и знатная дама приняла подъ свое крылышко ея сына при вступленіи его въ парижскій свѣтъ. Жизнь въ Парижѣ и на водахъ совершенно различны. Въ Монъ-д'Оръ, Леонъ былъ самымъ красивымъ, богатымъ и лучше всѣхъ воспитаннымъ молодымъ человѣкомъ. Въ Парижѣ его тотчасъ затмили люди, которые не стоили его, но хорошо знали свѣтскую, оверную и бульварную жизнь. Они забавляли меня, заставляли смеяться; благодаря имъ, я забывала, а это было мое постоянное желаніе. Леонъ, напротивъ, спрягалъ глаголь любить во всѣхъ видахъ и искалъ только свиданія наединѣ, а мнѣ нужно было общество, мнѣ было веселье, когда Леонъ былъ со мною, но было весело и безъ него. Онъ подстрекалъ мое кокетство, я возбуждала его ревность и почти съ наслажденіемъ мучила его.

— Bravo! говорила Элиза, этотъ васъ не броситъ!...

Леонъ такъ любилъ меня, что не могъ не замѣтить, что я люблю меньше. Онъ горько жаловался, дѣлалъ мнѣ отчаянныя сцены; я принуждена была сознаться въ моемъ равнодушіи, я его не любила, а онъ меня любилъ, и я не могла разорвать нашихъ отношеній и навлекши на себя презрѣнія этого обманутаго мною чловѣка!

Тогда я удвоила жестокость, суровость! осыпала этого ребенка ироническими словами, словами, которыя наносятъ душѣ жестокія раны.

Онъ все терпѣлъ. Я его не щадила, хотѣла наскучить ему; онъ ничего не видѣлъ, онъ любилъ и все надвѣлся, хватаясь за послѣднія вѣтви: я сама была такова!

— Душенька, повторяла Элиза, отъ такого чловѣка не легко отвѣжиться. Понимаете ли вы теперь, какъ мы наскучаемъ мужчинамъ слишкомъ большою любовью и какъ они обожаютъ женщинъ, которыя насъ мучатъ?

Однако надо было кончить. Сужденія Леона замѣчали, говорили

объ нихъ, мислелась; это становилось важнее, и этого не могла перенести!

Вечеромъ мы были съ нимъ, разумеется, и съ баронессой въ театрѣ, и оба разговаривали въ глубинѣ ложи. Онъ возобновилъ жалобы.

— Вы не любите меня, Одилія, или лучше сказать вы уже не любите меня. Вы не таковы были прежде!

Адская мысль пришла мнѣ на умъ: наконецъ я достигну чего желаю.

— Вы безпрестанно повторяете эти упреки, Леонъ, и не знаете какъ вы несправедливы.

— О! нѣтъ, отвѣчалъ онъ со слезами на глазахъ, я говорю правду.

— Какъ! неужели вы не понимаете меня до такой степени? Не видите въ глубинѣ души моей жестокихъ страданій?

— Вы страдаете! вы! Отчего? что съ вами? Хотите моей крови, жизни?

— Я страдаю за васъ, Леонъ, потому что разбиваю ваше сердце, потому что вы судите обо мнѣ дурно и я вамъ оставляю неприятное воспоминаніе.

— Воспоминаніе? Вы, воспоминаніе! Вы были и всегда будете единственной надеждой моей жизни.

— Всегда! Леонъ, вы слишкомъ молоды!

— Я молодъ, да, но сколько страдалъ! Какъ вы меня мучите, Одилія!

— Когда это нужно.

— Нужно! зачѣмъ?

— Ну, я скажу вамъ все. Тайна эта тяготитъ меня, убиваетъ и я открою вамъ ее, другъ мой, чтобы по-крайней-мѣрѣ вы не обижали меня. Леонъ, соберите ваши силы, мы должны разстаться.

— Лучше умереть.

— Это однако необходимо и если я такъ васъ мучила, если вы меня находите жестокою, это потому, что я надѣялась отвѣчь васъ отъ себя и сдѣлать эту разлуку менѣе тягостной.

— Боже мой! Боже мой! кто требуетъ такой ужасной жертвы?

— Не спрашивайте меня, другъ мой, я поклялась молчать; знайте только, что для вашей будущности, для моей, для вашей матери, мы не можемъ колебаться.

— Матушка! вскричалъ онъ, залившись слезами.

— Я подаю вамъ примѣръ мужества и страдаю болѣе васъ. Если бы опасность угрожала мнѣ одной, я бы ее преодоляла, но она грозитъ намъ обоимъ; развѣ вы не довольно меня любите, чтобы поступить такъ же какъ я?

— О! я могу все сдѣлать. Но послушайте, Одиля, что это за опасность? Можетъ-быть вы пугаетесь напрасно, можетъ-быть она не такъ велика, какъ вы предполагаете. Довѣрьтесь мнѣ, мы вмѣстѣ найдемъ средство отклонить ее. Есть средство вѣрное, если только вы примете его. Оставимъ Францію, будемъ жить только другъ для друга. Оставьте все, что привязываетъ васъ здѣсь. Переименуемъ фамилію, уѣдемъ навсегда отсюда и тогда чего можемъ мы бояться?

Мнѣ стало ужасно жаль, Рауль; я нашла сердце по своему сердцу, и не могла любить его. Надо было кончить эту тягостную сцену, положить предѣлъ пыткамъ, лгать, и утѣнить молодаго человѣка; мнѣ было жаль его.

— Не говорите такъ, Леонъ, я не могу, не должна принять ваше предложеніе. Прошу васъ объ одномъ, будьте тверды или моя твердость изнеможетъ передъ вашей горестью, а вѣдь вы мужчина! Повѣрьте, я никогда васъ не забуду, у васъ никогда не будетъ лучшаго друга.

— Друга! прошепталъ онъ. О, я умру!

Я, не примѣчая того, употребляла тѣ же выраженія, какъ Гюнтеръ, выраженія жестокія и холодно ироническія! Я хитрила какъ женщина, презираемая мною въ Монъ-д'Орвѣ, и дѣлала это безсознательно. Видите ли, какова наша слабость, Рауль? О, Боже мой, Боже мой! какъ ужасно такъ упасть!

Дома мы остались одни съ Леономъ. Обращаясь къ его любви, къ его великодушію, я вырвала обѣщаніе въ послушаніи. Я призвала ему, что скоро узжаю, что онъ не долженъ вѣхать за мною, вѣдь опасеніемъ видѣть меня погибшею. Отчаяніе Леона тяготило меня, эта горестъ покорная, принятая какъ приносимая жертва, этотъ взоръ безпрестанно овлажаемый слезами, искавшій на устахъ мощь слова любви, улыбку состраданія — раздирала меня. Я хотѣла прекратить эту муку и краснѣла сама за себя. Въ первый разъ была я не откровенна, играла недостойную комедію, унижалась въ собственныхъ глазахъ. Я возненавидѣла сначала того, для

кого играла эту комедию — можно ли быть такъ ужасно несправедливой! — потомъ, что понятнѣе, искусительницу, привлекившую меня къ такому крайнему позору.

Будучи не въ состояніи переносить долге принужденія, однажды, когда баронесса обѣдала въ гостяхъ, я удалила Леона подъ какимъ-то предлогомъ, уложила мои вещи, сѣла въ дорожную карету и отправилась въ Фонтенеблô, скрывъ отъ людей цѣль этой поездки.

Оставивъ нѣсколько прощальныхъ строкъ кузинѣ, длинное письмо, портретъ свой и локонъ волосъ Леону, я уехала одна съ своей растерзанной совѣстью.

Я велѣла отвезти себя въ гостинницу, запретила людямъ сказывать кто я, легла спать, старалась заснуть, но это было невозможно : тысячу различныхъ мыслей осаждали меня и между всѣми, самую упорную, самую раздражающею было угрызеніе и презрѣніе къ самой себѣ. Моя благородная и великодушная натура пробуждалась, упрекая меня въ униженіи огненными чертами; мнѣ стало стыдно. Я чувствовала чрезвычайную потребность возвратиться на свое мѣсто, сдѣлаться достойною моего имени, отца, семейства, вставала, проливая горькія слезы раскаянія и безнадежной скорби, молилась отъ всей души, испрашивала у Бога силы преобразоваться, оставить этотъ опасный путь, по которому могла только собрать презрѣніе и позоръ. Внутренній голосъ принесъ мнѣ утѣшеніе, говорилъ о будущемъ, о душевномъ очищеніи и скоро я возвратилась къ надеждѣ. Да, я могла подняться, я была еще молода, долгіе годы были передо мною, я могла искупить мои заблужденія, получить прощеніе и здѣсь и тамъ : я уже не колебалась. Хотя было еще темно, я позвонила, спросила лошадей и приказала ѣхать по эльзасской дорогѣ; мои люди подумали, что я сошла съ ума. Баронесса, брошенная въ Парижъ, въ то время, когда менѣ всего этого ожидала, когда уже столько лѣтъ мы были неразлучны, мой внезапный отъездъ, послужать поводомъ къ безчисленнымъ предположеніямъ; нужно было ихъ прекратить: особенно въ глазахъ моего мужа нужно было не оскорбить женщины, владѣющей моими тайнами. Я думала о томъ цѣлую дорогу, составляла самые странные и романическіе планы; разсудокъ раскрылъ мнѣ ихъ несообразность; съ-тѣхъ-поръ я представляла все случаю, минутнымъ впечатлѣніямъ, въ чемъ рѣдко бы-

вастъ недостатокъ у насъ, женщинъ, принужденныхъ защищаться хитростью. Я терпѣть не могла лжи, но какъ быть?

Вотъ еще одно изъ неудобствъ этой извилистой жизни: всегда увлеченъя далѣе, чѣмъ считаешь возможнымъ.

Когда я прѣвхала въ Blumenбергъ, мужъ мой былъ въ отсутствіи. Онъ вовсе не ожидалъ меня, а предполагалъ напротивъ, что я осталась въ Парижѣ на цѣлую зиму и хотѣлъ самъ прѣвхать ко мнѣ въ январь. Отсутствіе его дало мнѣ время оправиться; я послала за Вильфридомъ, онъ прѣвхалъ одинъ. Адриана была на послѣднихъ дняхъ беременности.

— Зачѣмъ вы воротились, Одилія? Чтѣ съ вами случилось? спросилъ онъ, подбѣжавъ ко мнѣ съ распростертыми объятіями.

— Ничего, кромѣ желанія жить съ вами, жить спокойно, въ раскаяніи, неукоризненно, убѣжать отъ лживыхъ друзей, увлекающихъ меня, искупить будущимъ прошедшее.

— Можеть ли это быть? правду ли вы говорите?

— Вы увидите, Вильфридъ; поведеніе мое поручится за искренность.

Слеза скатилась у меня по щекъ.

— Слава Богу! прошепталъ онъ. Вы съ нами не разстанетесь?

— Никогда!

— Будете жить съ нами и для насъ?

— Да, другъ мой, да. Свезите меня къ Адрианъ.

— О! какъ она будетъ счастлива! Поведите скорве, скорве.

— А Эрнестъ когда воротится?

— Черезъ три дня; какъ и онъ тоже будетъ счастливъ! О, милая Одилія, съ радости не умирають..

Мы пошли въ Рекувремонъ прыжкомъ, по тропинкамъ, еще покрытымъ послѣдними осенними цвѣтами. Намъ было весело, мы оставивались на каждомъ шагу, отыскивая любимое мѣстоположеніе, выходя вездѣ воспоминаніе.

Когда я вошла въ мирное жилище Вильфрида, которое не посѣщала такъ долго, мною овладѣло особенное чувство. Все тамъ казалось такъ тихо и спокойно! Никогда страсти не переступали за порогъ этого дома, никогда виновная мысль не приближалась къ нему. Я бросилась на шею къ Адрианъ, подозвала къ себѣ изумленныхъ малютокъ, смѣялась, плакала...

— И я также, говорила я, хочу быть вашей матерью, и я также хочу жить здесь съ вами, въ безопасности отъ бурь и горестей. Адриана, отдай мнѣ твоего будущаго ребенка, онъ принесетъ въ мою жизнь то, чего до-сихъ-поръ въ ней не доставало, утѣшитъ меня во всемъ, научитъ обязанностямъ, которыхъ я не знаю; я завѣщаю ему все, что имѣю: фамилію батюшки, готовую угаснуть; хотите?

Адриана въ нерышимости посмотрѣла на мужа.

— Одилія, отвѣчалъ Вильфридъ, и наши дѣти и все что мы имѣемъ принадлежитъ вамъ, вы это знаете. Предложеніе же, которое вы сдѣлали, такъ важно, что не можетъ быть обсуждено въ минуту восторженности; къ тому же маркизъ васъ еще не видѣлъ, а мнѣ кажется, прежде насъ долженъ отвѣчать онъ.

Разсудительныя слова Вильфрида потушили мой восторгъ. Слишкомъ часто забываютъ, что для нѣкоторыхъ больныхъ надо скрывать лекарства; для нѣкоторыхъ натуръ необходимо идеализировать добродѣтель.

— Вы *правы*, отвѣчала я оскорбившись, надо посоветоваться съ моимъ мужемъ.

Впечатлѣніе это изгладилось однако подъ ласками этого милого семейства, но я уже не упоминала о моемъ намѣреніи, а оно, можетъ быть спасло бы меня! Недоразумѣніе остается между нами какъ ледовитая преграда. Мнѣ показалось, что графу и графинѣ де-Блуменбергъ не хотѣлось доверить мнѣ своего ребенка, а они съ своей стороны, не смѣли коснуться этого предмета, изъ опасенія оскорбить моего мужа и показать жадность, вовсе несвойственную ихъ благородному характеру. Дѣло осталось пока такъ. Я только крестила малютку, Одилію, родившуюся черезъ недѣлю.

Я встрѣтила мужа на крыльцѣ, когда онъ выходилъ изъ кареты; онъ едва вѣрилъ глазамъ.

— А баронесса? спросилъ онъ послѣ первыхъ минутъ.

— Осталась въ Парижѣ, боится деревни зимой.

— А ты сколько здѣсь останешься?

— Всегда.

— Всегда! повторилъ онъ смѣясь. О! это слишкомъ долго для тебя, Одилія.

— Увидишь! и для перваго доказательства прошу тебя приказать продать нашъ парижскій отель и мебели.

— Вот что называется ожечь свои корабли; но, съ твоего позволенія, мы подумаемъ.

— Зачежь? къ чему это?

— Потому что черезъ нѣсколько мѣсяцовъ мы, можетъ-быть, не увидимъ ни дому въ такомъ удобномъ мѣстѣ, ни искуснаго обойщика, чтобы омеблировать его въ двѣ недѣли.

— Эрнестъ!

— Не сердись, другъ мой. Я считаю тебя очень твердой, очень умнѣющей; однако дай срокъ для испытанія, въ этомъ нельзя отказать.

— Отъ всего сердца, но ты увидишь, что онъ будетъ вовсе лишній.

— Мы проведемъ эту зиму здѣсь?

— И эту и другія.

— Начнемъ съ этой, будемъ охотиться, зададимъ празднества. Можетъ-быть, при твоихъ новыхъ отшельническихъ идеяхъ тебѣ это не нравится? А я было пригласилъ кого-то! другаго такого же отшельника, который, какъ ты, убѣгаетъ отъ свѣта, ненавидитъ его, вѣдуюсь только, что не отъ одинаковой причины. У тебя это капризъ, вслѣдствіе неприятнаго сна; не привидѣлся ли тебѣ тигръ, готовый растерзать тебя? А у него, любовное огорченіе, быстрое отчаяніе, его обманули, ему измѣнили. Онъ бродитъ вокругъ того мѣста, которое было свидѣтелемъ этого преступленія, кричитъ всѣмъ рыцарскимъ отголоскамъ имя невѣрной; вы будете вмѣстѣ сочинять легенды, ты изъ опасенія, онъ изъ сожалѣнія, это будетъ превелико-любно. Ну что, не отгадываешь?

— Нѣтъ, возразила я, невольно смутившись.

— Понци между своихъ вздыхателей, а вѣдь онъ былъ однимъ изъ нихъ, негодяй!

— Не знаю.

— Не хочешь знать. Онъ былъ здѣсь съ тобою, потому въ Баденѣ... понимаешь?

— Но....

— Нечего дѣлать, надо назвать его, если ты не хочешь: это Ришаръ де-Ланперіе! А! за твое кокетство славно отплатили, онъ уже вовсе не красавецъ, и просто оглупѣлъ; княгиня таскала его за собою по всѣмъ германскимъ водамъ, потомъ бросила въ Баденъ, не простившись, для какой-то знатной особы, которой вскружила го-

лову. Можно ли думать послѣ этого, что онъ еще безъ ума отъ этой женщины?

— Это всегда такъ: мужчины любятъ долго только тѣхъ, которыя ихъ обманываютъ.

— Вотъ правило баронессы д'Ормезъ. Я ее знаю, какая неблагодарная эта женщина!

Я посмотрѣла на него молча и съ изумленіемъ.

— Да, конечно; впрочемъ, вы все похожи другъ на друга.

— Не станемъ затѣвывать спору, милый Эрнестъ. Когда пріѣдетъ виконтъ де-Ланперіе?

— Когда возвратятся силы; онъ умираетъ въ Страсбургѣ. Да еще можетъ-быть твое возвращеніе прогнать его: онъ возненавидѣлъ женщину, не хочетъ видѣть ни одной. Ты заплатишь за княгиню.

— Если позволишь, я напишу къ нему, онъ страдаетъ и я увѣрена, что чувствуетъ ко мнѣ дружбу и пріѣдетъ, не смотря на твои шутки.

— Какъ хочешь, но предупреждаю, что онъ теперь не стоитъ того, чтобы вылечить его.

Меня волновало множество различныхъ ощущеній. Сначала имя Ришара, произнесенное при мнѣ вдругъ такъ неожиданно и въ такихъ обстоятельствахъ, потомъ эти плоскія шутки, которыя оскорбили меня.

Маркизь принадлежалъ къ тому классу парижскихъ мужей, которые, опасаясь казаться смѣшными, бѣгутъ сами на встрѣчу смѣшному, сами принимаютъ трудъ дѣлаться посмѣшищемъ, чтобы другіе ихъ не сдѣлали и такимъ-образомъ становятся дураками вдвойнѣ. Онъ былъ очень увѣренъ во мнѣ въ глубинѣ своего сердца и самолюбія, но зналъ, что въ свѣтъ меня находятъ втреной, и думалъ, что самъ шутя надъ этими толками и дѣлая видъ, что знаетъ ихъ и презираетъ, онъ уменьшитъ ихъ рѣзкость.

Будь я невинна, расчетъ былъ бы благовиденъ и даже вѣренъ, но я чувствовала себя виновною и сколько страдала отъ этого самохвальства! Я никогда не понимала женщинъ, которыя устремляютъ презрѣніе свѣта на того, кому принадлежать, которыя безъ уваженія къ себѣ и къ нему, предають его злословію людей злыхъ и праздныхъ. Однимъ изъ величайшихъ наказаній моихъ заблужденій было то, что они падали на моего мужа; я бы хотѣла спасти его отъ стыда и взять его весь на себя, хотѣла бы сдѣлаться тысячу разъ преступ-

нее, въ тысячу разъ достойнее презрѣнія, чтобы только избавить моего мужа отъ всего этого, потому что я любила его. Если бы онъ не оттолкнулъ меня, я бы любила его болѣе; простите, что я твержу объ этомъ безпрестанно, это вѣчное угрызение моей жизни.

Мысль моя обратилась потомъ на Ришара, на эту другую привязанность, также неизмѣнную, и которую ничто не погаситъ. Она связана съ самыми глубокими нѣбрами моего сердца; на человѣческомъ языкѣ ей нѣтъ имени: это не любовь, не дружба, это чувство покровительства, неизяснимой, почти материнской нѣжности.

Я къ нему написала.

«Вы недалеко отъ меня, Ришаръ, вы страдаете и нуждаетесь въ утѣшеніи, пріѣзжайте же, пріѣзжайте скорѣе, васъ ожидаетъ другъ и, конечно, лучший другъ. Мы поплачемъ, пожалуемъ вмѣстѣ, я все забыла, Ришаръ, исключая моей безграничной нѣжности и вашихъ огорченій. Не правда ли, что вы полагаетесь на меня?»

Едва отправила я это письмо, мнѣ принесли другое отъ Леона, и я нашла тамъ тѣ же горести, въ которыхъ хотѣла утѣшить виконта. Леонъ также умиралъ и умиралъ для меня. Съ одной стороны я принесла бальзамъ для излеченія, съ другой мечъ для пораженія.

Узнавъ о пріѣздѣ Ришара, Вильфридъ задрожалъ.

— Бѣдная кузина! свѣтъ, отъ котораго вы убѣгаете, преслѣдуетъ васъ противъ вашей воли.

— Это не свѣтъ, Вильфридъ, а другъ и другъ несчастный. Посоветуете ли вы мнѣ бросить его?

— Другъ!

И горькая улыбка сжала его губы.

— Да, другъ, чтобы вы тамъ не думали, Вильфридъ.

Противъ его воли, ревность таилась въ глубинѣ всего, что онъ чувствовалъ ко мнѣ. Это было единственное пятно въ прекрасной душѣ Вильфрида. Черезъ недѣлю пріѣхалъ виконтъ. Эрнестъ ничего не преувеличилъ, я съ трудомъ его узнала. Взоръ мой выразилъ ему, что я чувствовала. Онъ поблагодарилъ меня такъ же, но едва остались мы одни, онъ со слезами протянулъ мнѣ руку.

— Одиля, Одиля, говорилъ онъ, простите ли меня?

— Бѣдный другъ! не будемъ думать о прошломъ, займемся вами, вами однимъ, отдохните, успокойтесь со мною.

— О! вы добры, вы всегда были добры. Вы ангелъ, а я него-

дай. Ваши несчастія дѣло моихъ рукъ, я наказанъ справедливо. А вы еще предлагаете мнѣ софроннице вашей привязанности!

— Я всю жизнь буду любить васъ, Ринаръ, не той безумной любовью, которую я уже не буду чувствовать ни къ вамъ ни къ кому другому, но нежностью неизменной, которую вы найдете всегда одинаковою, когда вамъ вздумается потребовать ее.

Я чувствовала чрезвычайное облегченіе отъ этого *добраго дѣла*; никогда не видала я сердца болѣе уязвленного, никогда не встрѣчала подобной безнадежности, подобнаго отчаянія. Я слушала по цѣлымъ часамъ, какъ онъ рассказывалъ мнѣ то, что рассказывалъ вчера. Отискивая въ памяти каждую улыбку, каждый взоръ, каждое слово клягити, чтобы ослѣпить ихъ и утратить призрачную сожалѣнія, почти такъ же обманчивою какъ надежда.

Иногда, однако, чувство горечи пробѣгало во душѣ людей, при мысли, что я его любила такъ, какъ онъ любилъ эту кокетку, и что онъ презрѣлъ эту любовь, что затопталъ ее ногами, какъ съ нимъ сдѣлали теперь. Я была ничѣмъ для того, кто занималъ первое мѣсто въ моей жизни, онъ видѣлъ во мнѣ только повѣренную, терпѣливаго друга, у котораго находилъ помощь и состраданіе, но забывалъ наше прошедшее, искупленное столькими слезами.

Часть зимы проведена такимъ образомъ. Мы были спокойны, вели жизнь въ занятіяхъ и пріятно. Виконтъ утѣшался понемногу, нова страдалъ, онъ не замѣчалъ однообразія: съ спокойствіемъ наступила скука. Онъ уговаривалъ меня воротиться въ Парижъ, я съ твердостью отказалась, опасаясь послѣдствій. Баронесса д'Ормезъ, какъ женщина умная, остереглась поспорить со мною и также звала меня. Леонъ не разставался съ матерью, писалъ мнѣ раздрающія письма, все спрашивая разгадку тайны, которую я отъ него открывала и достигла ли цѣли наша жертва. Я еще увертывалась, ответы мои становились рѣже и я оправдывала ту истину, что никогда не прощадютъ другимъ своей собственной вины. Виконтъ де-Ланперіе увѣхалъ въ февралѣ, исполненный признательности за то, что называлъ мною высокимъ милосердіемъ.

Я всегда сохранила въ немъ друга, правда друга, эгоиста—но мы женщины должны считать себя очень счастливыми, если тотъ, кому мы всею пожертвовали, не покрываетъ насъ презрѣніемъ и ненавистью.

Мы остались одни. Вильфридъ съ Адрианой, знавшіе теперь мой

характеръ, всеми силами старалась не допустить скуку приблизиться ко мнѣ. Каждый день выдумывали новыя удовольствія. Модныя книги, оперы, журналы, романы, являлись какъ бы по волшебству. Почти легенды, ученые открытiя, прогулки въ окрестностяхъ, гости : у меня не оставалось для себя времени ни одной минуты, ихъ заботливая доброта все предвидѣла.

Я пыталась пробудить у Эрнеста хоть сколько-нибудь нѣжного чувства, и встрѣтила ту же положительность, ту же спокойную дружбу. Надо было постараться стать съ нимъ въ уровень, что было для меня весьма трудно.

Когда я *перебрала* тѣхъ, кто жилъ со мною, когда ихъ средства къ разсыпанію истощались, когда я устроила дѣла моихъ бѣдныхъ, мнѣ показались дни слишкомъ долгими. Весною когда природа облеклась въ нарядъ свой, я почувствовала, какъ новая сила, новая крепость проникли все существо мое. Красота моя приняла блескъ необыкновенный, поразившій всѣхъ окружающихъ, даже моего мужа. Парижъ, собственно говоря, свѣтъ, не привлекалъ меня. Вильфридъ наблюдалъ надъ моею душою и угадалъ ее сквозь маску, которой я прикрывалась. Онъ вырвалъ у меня признаніе, мнѣ хотѣлось путешествовать. Онъ вызвался вѣхать со мною, я отказала; мнѣ хотѣлось быть одной. Онъ сталъ настаивать, но Адриана и дѣти были нездоровы, ему нельзя было оставить ихъ. Мужъ мой смѣялся надъ этимъ, предоставлялъ мнѣ все на волю и не находилъ ничего неумѣстнаго въ моемъ одинокомъ путешествіи, въ моей каретѣ, съ моими людьми и, съ обыкновенной точки зрѣнія, онъ былъ правъ : но Вильфридъ былъ дальновиднѣе его!

Чтобы согласить всѣ эти различныя мнѣнія, мнѣ дали въ сопутницы дальнюю родственницу батюшки, женщину пожилую, необыкновенно добрую и необыкновенно глупую. Вильфридъ согласился въ разсужденіи третьяго качества : любопытная, нескромная, болтунья, она должна была писать каждый день и всѣ мои поступки можно было узнать черезъ нее. Вильфридъ обѣщалъ мнѣ явиться при малѣйшей опасности и мы уѣхали въ Швейцарію.

Начало этого путешествія напоминаетъ мнѣ послѣднія минуты истинной веселости, какія только случалось мнѣ испытать въ жизни. Бѣдная мадамъ де-Вальсгеймъ служила мнѣ посмѣищемъ съ утра до вечера. Я просила ее не мѣшать мнѣ мечтать и не заговаривать

со мною, пока я сама не заговорю. Сѣрый шерстяной чулокъ, который она безпрестанно вязала, разстроивалъ мнѣ нервы, и едва она засыпала, я схватывала его украдкой и распускала то, что она навязала, возвышая такимъ образомъ это пошлое вязаніе до высоты Пенелопиной работы. Старушка никакъ не могла понять этого чуда и приписала проказамъ домашнего.

Мы посѣтили Базель, Цюрихъ, Луцернъ и располагались добраться до Женевы, когда легкое нездоровье моей спутницы принудило насъ остановиться. Я легко утѣшилась перспективою чуднаго озера четырехъ кантоновъ и надеждою осмотрѣть его на свободу. Помѣстивъ мою больную съ горничной въ лучшей комнатѣ гостиницы, я начала прогулки въ сопровожденіи двухъ слугъ, находившихся при мнѣ съ моего дѣтства. Я не намѣрена представить вамъ здѣсь ни географическаго описанія, ни путевыхъ впечатлѣній; всѣмъ извѣстно озеро четырехъ кантоновъ, но едва ли кто знаетъ небольшой уголокъ, не далеко отъ городу, на берегу озера, мѣстечко самое поэтическое и самое мечтательное въ окрестностяхъ. Я приходила туда каждый день и однажды утромъ войдя въ нижнюю залу живописной хижины, находившейся въ концѣ долины, я отступила при видѣ челоуѣка въ щегольскомъ дорожномъ платьѣ. Онъ тотчасъ всталъ и поклонился, извиняясь, что обезпокоилъ меня. Я смотрѣла на него молча: онъ говорилъ мнѣ по-французски и я не могла понять присутствія соотечественника въ этомъ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ не встрѣчала никого. Онъ повторилъ извиненія, я въ замѣнательствѣ пролепетала нѣсколько словъ: удивленіе всегда меня смущаетъ. Онъ назвалъ себя; это имя, котораго я не скажу вамъ, нынѣ одно изъ самыхъ знаменитыхъ во французской литературѣ, тогда было совершенно неизвѣстно, и если признаться, болѣе заслуживало извѣстности, до полученія ея. Здѣсь я просто назову его подъ псевдонимомъ Анатоля.

Мы разговаривали нѣсколько минутъ; изумительная красота маленькаго эрмитажа подала намъ неисчерпаемый поводъ къ похваламъ.

— Я воображала себя Христофоромъ Колумбомъ, сказала я улыбаясь и вижу, что меня опередили; ваше открытіе кажется прежде моего?

— Да, вотъ уже два мѣсяца я провожу здѣсь цѣлые дни; поездка

въ Оберландъ на время удавила меня. Если мое присутствие вамъ хоть сколько-нибудь мешаетъ, я перенесу свою музу въ другое мѣсто.

— Вы поэтъ?

— Да, поэтъ недостойный, но отъявленный. Съ-тѣхъ-поръ какъ я оставилъ Францію и нахожусь въ этихъ чудныхъ горахъ, я не живу, а мечтаю.

— И гораздо лучше, уверяю васъ.

— О! я уверяю, что и вы также поэтъ.

— Нѣтъ, я женщина очень обыкновенная, знаю свѣтъ и потому предпочитаю мечты действительности.

Послѣ небольшой прогулки, я воротилась домой. Анатолий охотно уступилъ мнѣ хижину и я воротилась туда на другой день, съѣла на берегу озера и запыла; голосъ мой звучно повторился эхомъ горъ, я создавала сама въ себѣ тысячу призраковъ о духахъ водъ, о легендахъ, которыми убаюкивали мое дѣтство и не могла не улыбнуться при мысли, что присутствие поэта уже дѣйствовало на меня.

Мадамъ де-Вальсгеймъ не могла писать, а я каждый день вмѣсто ея писала къ моему ментору и думала, что не къ чему упоминать о такой незначительной встрѣчѣ. Жизнь вела я такую уединенную и одинокую, что дружбѣ его нечего было беспокоиться. Спутница моя не соврадалась, мы все оставались въ Луцернѣ и я ждала безъ терпѣнія.

Однажды я замечталась до поздней ночи. Лодочники сказали мнѣ, что собиралась гроза, что если я боюсь, то лучше переночевать въ хижинѣ. Гроза на луцернскомъ озерѣ! Я слишкомъ хорошо знала мою обязанность въ исполненіи моего новаго званія поэтической женщины, чтобы отказаться отъ такой поѣздки. Я не трусиха, а въ эту минуту расхрабрилась до восторженности.

Мы поѣхали, и черезъ четверть часа буря страшно разразилась. Безъ боязни смотрѣла я на это зрѣлище, пѣла какую-то балладу, слышавшая голосъ мой съ воемъ бури, къ великому изумленію лодочниковъ, шептавшихъ молитвы.

Страшный крикъ моего лакея заставилъ меня приподнять голову. Въ лодкѣ открылась течь, и бѣднякъ, большой трусъ отъ природы, считалъ уже насъ погибшими.

— Въместо того, чтобы кричать, Андрей, надо выливать воду,

Т. СІ. — Отд. II.

мы недалеко оть Луцерна и прїѣдемъ прежде чѣмъ подвергнемся опасности. Будемъ все трудиться, продолжала я, обращаясь къ лодочникамъ, вы гребите, а я съ людьми буду вычерпывать воду и доведемъ съ Божіей помощію.

Но воды было такъ много, что мы не могли сладить съ нею. Все были ужасно встревожены, я одна нисколько. Положеніе казалось мнѣ такимъ романтическимъ, что я не могла его опасаться.

Вдругъ среди ночнаго мраку явилась намъ лодка и въ ней одинъ только человекъ, вхавшій по одной съ нами дорогѣ. Кормчій окликнулъ его, онъ отвѣчалъ и между ними завязался разговоръ, прерываемый шумомъ бури. Они однако поняли другъ-друга и уговорились, что я перейду на другую лодку съ моими людьми, а нашу лодку одинъ изъ лодочниковъ доведетъ до ближайшаго берега. Перемѣна совершилась не безъ труда и мы поспѣшно направились къ городу. Избавитель мой, сидя на кормѣ, управлялъ движеніями лодки и гребъ съ удивительной силой. Я не могла разсмотрѣть его черты, но благодарила его, и теперь, когда считала себя въ безопасности, принялась опять пѣть. На этотъ разъ я выбрала жалобный, страстный романсъ, исполненный очарованія и грусти. Лодка пошла медленно, избавитель уже не гребъ, а слушалъ. До-тѣхъ-поръ я говорила по-нѣмецки, теперь пѣла по-французски: понималъ ли меня этотъ человекъ?

Я продолжала, наблюдая за нимъ; онъ облокотился на весла неподвижно, словно упоенный восторгомъ; успѣхъ этотъ польстилъ мнѣ: никогда публика не была внимательнѣе къ высокимъ звукамъ мадамъ Малибранъ или мадмоазель Фальконъ. Я замолчала, онъ пересталъ гребти, и когда мы прїѣхали въ Луцернъ, выйдя изъ лодки, я обернулась, чтобы отдать ему кошелекъ и примѣтила, что онъ бѣгомъ бѣжалъ въ городъ.

— Кто этотъ человекъ? спросила я въ изумленіи.

— Не знаю, отвѣчалъ лодочникъ, кажется, иностранецъ.

— Вотъ странный побѣгъ, подумала я.

И грустно воротилась домой, рассказавъ тамъ мое приключеніе со всемъ восторгомъ, который оно внушило мнѣ. Мадамъ де-Вальсгеймъ никогда не утѣшилась, что не могла написать о томъ.

Черезъ два дня я гуляла въ лѣсу, возлѣ хижины; портфель попался мнѣ на глаза, я подняла его и открыла, не зная кому надо его

возвратить. Онъ былъ весь полонъ очень замѣчательныхъ стиховъ къ какимъ-то воображаемымъ Беатриче и Элеоноръ и запечатлѣнныхъ жгучей страстью. Последняя пѣска заключала намекъ на озерное приключеніе, вѣрный рассказъ о впечатлѣніяхъ поэта въ то время, когда онъ слышалъ пѣніе мое среди урагана. Я не могла не понять, что я и Беатриче, Анатолий и мой гондольеръ было одно и тоже. Я очень покрасѣла и первымъ движеніемъ моимъ было осмотрѣться, не наблюдаютъ ли за мною. Глаза мои проникали далеко въ лѣсъ, я не видала никого; тогда, почти по невольному чувству, я перечла эти огненные страницы, эти выраженія внутренней мною страсти: вся поэзія предмета и автора бросилась мнѣ въ голову и обаяла меня. Въ первый разъ я внушала стихи. Множество угожденій окружали меня, я отвергла объѣты многихъ свѣтскихъ людей; но мои общественныя связи, все въ кругу высшемъ, никогда не сблизжали меня съ этими властелинами разума, обманчивыми существами, которымъ гений или талантъ придаетъ вмѣстѣ и сердце и очарованіе, тогда какъ у нихъ часто нѣтъ ни того ни другаго.

Сколько удовольствіе видѣть себя прославляемой въ чудныхъ стихахъ, которые льстятъ и самолюбію и чувствамъ женщины, еще не было мнѣ известно и я была охвачена восторгомъ. Въ этотъ вечеръ я осталась позже въ моемъ эрмитажѣ, читала и перечитывала страстные строфы и не побожусь, чтобы желаніе второй опасности и такого же спасенія не промелькнуло въ моемъ воображеніи. Портфель надо было рѣшиться оставить у себя. Во-первыхъ, какъ его отдать? Потомъ, отдавъ его, надо было признаться, что я читала и приняла посвященіе: эти причины, благовидныя или нѣтъ, принудили меня скрыть мою находку.

На другой день, когда я воротилась въ книжку, мызынца спросила меня, не попадалась ли мнѣ книга на дорогѣ. Случай узнать все, показался такъ хорошъ, что я не хотѣла его пропустить.

— Книга? чья?

— А вотъ этого Француза, что вы здѣсь видали наемдинъ?

— Такъ онъ опять былъ здѣсь?

— Онъ приходитъ каждый день, отвѣчала она, улыбаясь.

— А!

И я принялась раздумывать

— Я думаю, что онъ здѣсь еще, прибавила крестьянка; види, что я ее не спрашиваю.

— Гдѣ же?

— Гдѣ-нибудь въ лѣсу. Э! да вотъ и онъ.

Я подняла глаза и въ первый разъ въ жизни совершенно сконфузилась; Анатолій смутился еще больше моего, но лицо его сіяло счастьемъ, я почти возгордилась.

Сладко быть красавицей и возбуждать восхищеніе: ты только можешь отвергать эту истину, на чью долю никогда ни красоты ни восхищеніе не доставались.

Я немножко оправилась, крестьянка ушла.

— Я очень рада васъ видѣть, потому что много вамъ обязана и напрасно искала случая выразить вамъ мою признательность.

Удивленіе изобразилось на его лицѣ.

— Какъ вы, знаете?

— Неужели вы думаете, что я васъ не узнала?

— Узнали! вскричалъ онъ съ порывомъ радости и не показавъ мнѣ этого! прибавилъ онъ грустно.

Я уже совсѣмъ оправилась и совершенно владѣла собой.

— Маска женщины и ничего мужчины всегда уважаются, продолжала я смѣясь.

— О! вы смѣетесь!

Одно изъ первыхъ условій поэзіи — меланхолическое положеніе души, а я еще не дошла до этого. Анатолій, одѣланный послѣ одного изъ колоннъ поэтического храма, не измѣнилъ своему призванію; а я, слабая ученица, чистосердечно изумлялась знаку, напечатанному на члѣ поэта, прстерлась передъ его могуществомъ и прекорилась всѣмъ жертвамъ, всѣмъ страданіямъ, которыя предшлеть мнѣ рокъ.

Благоразуміе требовало воротиться въ Луцернъ, бѣжать отъ Анатолія, отослать ему его альбомъ и укрыться скорѣе на груди истиннаго друга, моего неизмѣннаго приближеннаго, у меня не достало мужества. Я начинала вкушать смертельный ядъ хвалы, приправленной любовью, и не могла оторвать отъ него губъ. Я провела цѣлый день, слушая какъ меня сравнивали попеременно со всеми вдохновительными и знаменитыми музами поэтовъ: моя красота, умъ, душа, прославлялись на всѣ тоны. Голова моя закружилась и я вообразила,

что никого не любила кроме Анатолія, котораго однако не любила вовсе. Мы разстались, общалась увидаться на другой день; онъ, влюбленный до безумія, я — увѣривъ себя, что влюблена, твердо рѣшившись, однако, сопротивляться всѣми силами. Цѣлую ночь провела я, драпируясь въ целомудренныя покровы, рѣшилась довести Анатолія къ славы моея преданностью и чистотою, не смотря на взаимную страсть, сохранить вънецъ невинности. Я отказывала въ признаніи, только получила его и если любовь сіяла во всемъ существѣ моемъ, уста по-крайней-мѣрѣ оставались безмолвными и Анатолій могъ только предполагать.

Когда я его увидѣла, сердце мое забилось, какъ-будто было со-участникомъ всего этого; правда, что оно часто бьется въ голову. Я любовалась своимъ поэтомъ, а онъ былъ не красивъ. Только глаза его и лобъ иногда сіяли, когда наступало вдохновеніе.

О! какія минуты проводили мы, сидя одинъ возлѣ другаго, я — ушваясь его словами, которыхъ музыка меня восхищала, онъ — паря душою на крыльяхъ безграничнаго. Я понимала все его безуміе и рѣшилась умерить его, мечтала о чудномъ сопротивленіи, о высокой преданности, хотѣла привести возлюбленнаго въ Капитолій и потомъ удалиться, чтобы оплакать страшное прошедшее, возвышавшееся между нами какъ призракъ. Я развила Анатолію мою теорію, показала ему эфирную область, въ которой мы должны были остаться, заставила его презирать эти пошлыя страсти, которымъ всѣ подчиняются. Никогда сентиментальный паеосъ не произносился съ бѣльшей искренностью, ни принимался съ бѣльшимъ энтузіазмомъ.

Мадамъ де-Вальсгеймъ съ своимъ ревматизмомъ еще удерживала меня въ Луцернѣ. Мнѣ хотѣлось воспользоваться этой принужденной остановкой, чтобы ознакомиться съ окрестностями, пробѣжать озеро, села, горы. Спутница моя не знала, что я была не одна, потому что слуги мои, оба родившіеся въ домъ батюшки, скорѣе бы умерли, нежели согласились сдѣлать хоть малѣйшій доносъ о моихъ поступкахъ. Мнѣ нечего было имъ говорить объ этомъ, они были скорѣе друзья, чѣмъ слуги.

Анатолій не смѣлъ вообразить, что я женщина, для него у меня были бѣлыя крылья и золотой вънецъ на лбу. Послѣ онъ часто повторялъ мнѣ, что никогда не находилъ ничего подобнаго съ тѣмъ, что ему внушило это путешествіе, гдѣ онъ почерпнулъ зародышъ своего

великолепнаго таланта и что, конечно, я была причиною его законнаго успѣху. Мы нѣсколько дней провели въ этихъ разъѣздахъ. Я послала письма Вильфриду, не обманывала его, а только молчала, не увѣряла, что путешествовала одна, но не говорила тоже въ чьемъ обществѣ. Какъ вѣстая женщина, я такъ искусно проскользнула между правдой и ложью, что на волосокъ не задѣла ни той ни другой. Этого было довольно для благороднаго созданія, къ которому я обращалась, этого было довольно для моей совѣсти, усыпленной восторгами Анатолія.

Любимымъ моимъ мѣстечкомъ была все-таки хижина. Мы тамъ были какъ у себя, съ нашими первыми воспоминаніями. Мы долго находились одинъ возлѣ другаго, вовсе не подозревая этого. Анатолій слѣдовалъ за мною шагъ за шагомъ съ перваго дня, скрываясь за сѣнями и я не ручаюсь, что знаменитый альбомъ былъ оставленъ на дорогѣ безъ намѣренія.

— Одиля, я хочу просить у васъ одной милости, сказалъ мнѣ однажды Анатолій.

— Вы знаете, что я заранѣе соглашаюсь.

— Чтò бы это ни было?

— Конечно. Вы не потребуєте ничего такого, въ чемъ бы я должна была отказать.

— Останемся эту ночь въ нашемъ убѣжищѣ. О! не говорите: нѣтъ. Мы будемъ гулять по озеру, пока луна освѣщаетъ воды, потомъ воротимся вмѣстѣ домой, поужинаемъ вмѣстѣ, будемъ говорить дотѣхъ-поръ, пока сонъ сомкнетъ ваши глаза, потомъ разстанемся. Вы будете спать спокойно подъ моей защитой, я буду охранять покой вашъ, и украсу счастье мое химерами и моей любовью. Не откажите, другъ мой! развѣ вы не царица мыслей моихъ и чувствъ? осмѣлюсь ли я подумать чтò-нибудь вамъ неугодае?

Нужно ли говорить, что я согласилась. Предстояла борьба, надо было побеждать опасность: этого было довольно, чтобы заставить меня рѣшиться.

Мы исполнили точь въ точь условленную программу. Прогулка на водѣ, пѣніе, чтеніе стиховъ, ужинъ, разговоръ. Все шло хорошо пока, и молодой человекъ не забылся ни на минуту. Но когда наступило время сна, когда убаюканная вѣжной любовью, сладостнымъ вѣніемъ, словами, полными очарованія, я опустила голову на изго-

лось кровати, стоявшей возлѣ моего стула и Анатолий устремилъ взоръ на лицо мое, на мои длинныя, распущенныя волосы, закрытыя глаза и полуоткрытыя губы, шептавшія его имя, молодость его, страсть, чистота, безмолвіе, красота моя призвали его на землю. Онъ сталъ на колына передо мною, сложилъ руки почти въ восторгъ и я слышала его жалобы, не будучи въ состояніи отвѣчать. Голосъ этого челоуѣка походилъ на восхитительную музыку; я чувствовала, какъ онъ проникалъ въ мое сердце, и если бы я не собрала всю свою энергію, чтобы выйти изъ этого опаснаго состоянія, пропала бы и рышность моя и любовь, потому что я увѣрила себя, что малѣйшая слабость разрушитъ ее.

Я пробудилась, встрѣтила пылкій взоръ Анатолия, увидѣла его у моихъ ногъ, сіяющаго этой страстной красотою, которую истинное чувство придаетъ всемъ выразительнымъ фizioноміямъ и прошептала чуть слышно:

— Анатолий, развѣ вы забыли?

— Я ничего не забылъ, Оділія, вы видите, я у ногъ вашихъ, убажваю васъ какъ сестру, но мнѣ грустно, я страдаю, плачу, умираю. Передо мною открывается новая жизнь, полная очарованія, безумія, страсти. Я не виноватъ, что покинулъ эфирныя области, въ которыхъ мы вмѣстѣ обитали, не достало воздуха и я долженъ былъ опустить крылья. Оділія! Оділія! неужели вы меня покинете?

Я позвала людей, велѣла разбудить лодочниковъ, и не слушая ничего болѣе, не позволяя поэту слѣдовать за мною, бросилась въ лодку, приказавъ отвезти меня въ Луцернъ.

Уже разсвѣло, но берега озера были еще пусты. Вмѣсто того, чтобы воротиться въ гостинницу, я поехала на кладбище, гдѣ была нѣсколько разъ. Въ Швейцаріи кладбища очаровательны. Ничто не напоминаетъ мрачную и холодную смерть, души спятъ тамъ, окруженныя цвѣтами. Каждая могила — корзина въ восхитительномъ саду; тропинки, окруженныя боярышникомъ, извинаятся по этому лабиринту, птицы поютъ, солнце блещетъ, Альпы своими туманными вершинами освѣняютъ эту веселую картину, и голосъ пастуховъ привноситъ съ пастбищъ еще большее очарованіе покоившамся тѣнямъ.

Душистый утренній вѣтерокъ наполнялъ рощи благоуханіемъ, когда я вѣрнула, все было празднествомъ и блескомъ въ этомъ последнемъ

убиенца, какой-то танцовенный нарц окружалъ дорезья и придавалъ имъ фантастическія формы.

Я была довольна собою, устояла противъ страннаго оболщениа и теперь пришла за новыми силами, не затымъ, чтобы начать борьбу, но чтобы положить ей конецъ, и воротиться туда, гдѣ ожидало меня спокойствіе.

Я села на скамейку между двумя могилами, куда, можетъ-быть, мать приходила оплакивать своего ребенка, и всю жизнь буду помнить этотъ день, ознаменованный приключеніемъ страннымъ, котораго причины объяснить я не могу, но съ котораго началась новая эра моей жизни.

Я сидѣла, радуясь моей энергій, увѣренная, что поборола могучаго врага — страсть неукротимую и пылкую, которой поприщемъ было мое собственное сердце.

— Я такъ его люблю, моего дорогаго Анатолія!

Тогда, Рауль, въ ту самую минуту, словно въ отвѣтъ на эту мысль, насмѣшливый, рѣзкій смѣхъ послышался внутри меня и странный голосъ отвѣчалъ саркастическимъ тономъ:

— Безумная! нѣтъ, ты его не любишь! и ничего уже не будешь любить!

Я вскочила съ испугомъ и бросилась бѣжать, голосъ бѣжалъ со мною, смѣхъ раздавался въ ушахъ. Ужасно!

Не знаю, знакома ли кому эта мука, но я испытала ее въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ; этотъ врагъ не отсталъ отъ меня, испаралъ мнѣ сердце когтями и я побѣдила его только тѣмъ, что согласилась ему вѣрить, что наконецъ увидала истинну положительную, что выслушала его приговоръ и рѣшилась подвергнуться казни.

— Нѣтъ, говорилъ онъ мнѣ въ тотъ день на луцернскомъ кладбищѣ, нѣтъ, ты не любишь этого человека. Ты не противилась сильной страсти, а слѣдовала плану, начертанному твоимъ воображеніемъ. Тебѣ нужна была эта развязка и увѣренность, что ты велика и сильна передъ оболщеніемъ. Тебѣ нужны невѣдомыя еще волненія и ты выбрала для этого жертву, убаюкиваешь ее сладостными грѣзами, съ нѣмъ ведешь ее на край бездны, толкаешь туда ногой, холодно смотришь какъ она гибнетъ и стараешься угадать, граціозно ли упадетъ она. О, дочь Рудольфсгеймовъ, что ты сдѣлала изъ вѣрна своего, въ какую грязь его втоптала!

Все это раздавалось въ сердцѣ моемъ, другъ мой, я задыхалась, хотѣла возмутиться противъ этого могучаго голоса и была принуждена молча склонить голову, потому что голосъ былъ правъ. Что это былъ за голосъ! Конечно моя совѣсть, ставшая почти осязаемой. Но она тяготила меня, мнѣ хотѣлось отъ нея освободиться.

Внѣ себя, почти въ помѣнательствѣ, воротилась я домой, умоляя мамъ де-Вальсгеймъ позволить перенести себя на пароходъ и оставить Луцерна въ тотъ же самый день. Я не могла оставаться тамъ ни часу долѣе. Привыкнувъ къ моей власти, она согласилась.

Я написала Анатолю непонятное письмо, въ которомъ прощалась съ нимъ навсегда, умоляя забыть меня, потому что не могла составить его счастья, и уѣхала.

Въ Блауменбергъ воротились мы другой дорогой. Я спряталась въ глубину кареты и во все время не сказала ни слова, не посмотрѣла ни на одинъ пейзажъ. Одна мысль постоянно преслѣдовала меня: это ужасное паденіе, это разочарованіе въ самой себѣ, самое ужасное изъ всѣхъ, отъ котораго ничто не излечиваетъ и которое дополняетъ все другія разочарованія. И если бы вы знали, какое отвращеніе отъ жизни, какое презрѣніе къ самой себѣ, какое угрызеніе за прошедшее и какая безнадежность въ будущемъ! О! если бы женщины не поклялись быть несчастными, то никогда не уклонились бы отъ пути долгу.

Когда я пріѣхала въ Блауменбергъ, меня нельзя было узнать. Душа отражалась на лицѣ и я носила неотемлемый отпечатокъ разочарованія.

Анатолій написалъ мнѣ письмо, которое можетъ назваться образцовымъ произведеніемъ. Оно чрезвычайно польстило моему самолюбію и было отъ чего. Я отвѣтила на него вѣчнымъ прощаніемъ. Горесть и отчаяніе проглядывали въ каждомъ словѣ. Сущность моей натуры хороша, Рауль; если бы меня лучше воспитали, лучше руководили, я была бы совсѣмъ другая.

У мужа моего были дѣла въ Парижѣ. Разъ утромъ онъ спросилъ меня, смѣясь, не хочу ли я вѣхать съ нимъ?

— Очень рада, отвѣчала я.

Вальфридъ вошелъ въ эту минуту; Эрнестъ объявилъ ему о моемъ намѣреніи, онъ поблѣднѣлъ.

— Правда ли, кузина?

— Совершенная правда, Вильфридъ.

И взявъ его за руку, я увлекла въ садъ.

— Послушайте, Вильфридъ, остаться здѣсь долѣе мнѣ нѣтъ возможности, вытка слишкомъ тяжела. Мнѣ нужно закружить себѣ голову, отнять у себя даже мысль. Что ожидаетъ меня я не знаю, но прошу васъ, Вильфридъ, не покидайте меня, когда все меня покинетъ. Пусть рука ваша поддерживаетъ меня до послѣдняго дня, пусть голосъ вашъ говоритъ мнѣ о надеждѣ. Если бы вы знали, какъ я страдаю, какими слезами искупаю свои заблужденія, вы бы пожалѣли обо мнѣ, другъ мой!

— Одилія, ваши страданія раздираютъ мнѣ сердце болѣе чѣмъ вамъ самимъ, и клянусь, если вы позволите, я все брошу и поѣду съ вами. Жена моя васъ любитъ столько же, сколько я васъ люблю; скажу, что я вамъ необходимъ, она не будетъ жаловаться на мое отсутствіе, къ тому же у насъ есть дѣти, мать, родные. Отецъ вашъ поручилъ васъ мнѣ, я никогда васъ не покину, что бы ни случилось, что бы вы ни дѣлали. Я знаю васъ лучше чѣмъ кто-нибудь, знаю какое сердце бьется подъ вашимъ безуміемъ. Знаю, чего вы стоите, болѣе чѣмъ знаете вы сами. Не бойтесь же, Одилія, и скажите, чего вы отъ меня хотите?

— Оставайтесь, Вильфридъ, возразила я, опустивъ голову. Я васъ призову, когда вы мнѣ понадобитсяъ, а то какъ же мнѣ забыть; закружить себѣ голову, если вы будете со мною?

Онъ понялъ и въ свою очередь опустилъ голову.

Когда я обняла графа и графиню де-Блуменбергъ, въ ту минуту какъ садилась въ карету, когда мой послѣдній взоръ встрѣтилъ ихъ рука въ руку другъ съ другомъ, окруженныхъ дѣтьми, ужасное чувство зависти уязвило мнѣ сердце. И я бы могла быть такою какъ они!

Баронесса д'Ормесъ удивилась моей переменѣ. Съ того времени начался у меня этотъ непрерывный сарказмъ, въ которомъ въ меня часто упрекали. Я бросала на все желчь моего разочарованія во мнѣ уже не было той благосклонности, которая прежде все извиняла, я хотѣла наказать другихъ за мое уничтоженіе и вся остальная жизнь моя была непрерывнымъ раздоромъ между свѣтомъ и мной.

— Что дѣлается здѣсь? говорила я баронессѣ. Веселятся ли? какова будетъ зима? Мнѣ нужны празднества, поѣздки верхомъ, и

нужно покоя ни днемъ ни ночью. Жалую васъ распорядительницей вселостей въ моемъ домъ, хотите?

— Кажется, вамъ надобно уединеніе, госпожа отшельница? Не правда ли, что оперныя декорации и люстры лучше солнца и швейцарскихъ горъ?

Мы сдѣлали вмѣстѣ визиты и потомъ начали этотъ парижскій образъ жизни, который убилъ бы женщину съ воображеніемъ спокойнымъ и который однако удваиваетъ жизнь. Я выѣзжала каждый вечеръ, кокетство мое вполне удовлетворялось, я была въ модѣ болѣе чѣмъ когда-нибудь, меня окружали тысячи поклонниковъ, но мнѣ было скучно! Танцевъ я уже не любила, свѣтъ надоелъ мнѣ; я почувствовала, что мнѣ нуженъ былъ въ жизни *интересъ*.

Между моими обожателями находился отставной гвардейскій полковникъ, извѣстный по своей храбрости и необыкновенной силѣ; характеръ у него былъ благородный, лицо выразительное, ростъ прекрасный. Умъ, оригинальный и забавный. Любимый, уважаемый всѣми, онъ привязался ко мнѣ съ тревожной настойчивостью, которая меня пугала.

Я боялась его, а между-тѣмъ одно мое слово успокоивало сама бышенныя его вспышки. Женщины любятъ показывать власть свою надъ существомъ сильнымъ и могучимъ, я тоже поддавалась этому чувству.

Мы часто ѣздили въ театръ. Однажды вечеромъ, де-Фужронъ, обѣдая у насъ, предложилъ взать въ оперу. Не знаю почему, намъ вздумалось — кажется, люди мои еще не пообедали — съѣсть въ насмѣвную карету. Де-Фужронъ, разплачиваясь съ кучеромъ, сказалъ ему что-то, показавшееся тому обиднымъ и онъ отвѣчалъ какой-то дерзостью на мой счетъ. Никогда не видала я ничего быстрее и ужаснее гнѣва *воина*. Схвативъ кучера, сходявшаго съ козелъ, за воротъ, онъ бросилъ его въ лужу такъ же легко и проворно, какъ я бы бросила свой носовой платокъ.

Съ этого дня, де-Фужронъ сдѣлался тѣмъ *интересомъ* въ моей жизни, о которомъ мнѣ говорила баронесса д'Ормесь. Я не прошу у васъ снисхожденія, не извиняюсь, а просто сбрасываю покрывающую меня маску, хочу, чтобы вы, чистое и благородное созданіе узнали кого вы любите. Это единственное средство исцѣлить васъ, а изцѣлить васъ надо.

Альфонсъ де-Фужронъ вврьгъ и любилъ, — я безъ труда управляла имъ. Но едва овладѣвала имъ боязнь или подозрѣніе, онъ только и твердилъ о мщеніи, и я скоро поняла, что эта *игрушка* слишкомъ тяжелая, не долго будетъ *забавлять* меня. Баронесса увеличивала страхъ мой.

— Душенька, говорила она, этотъ человекъ способенъ на все; онъ, пожалуй, готовъ убить вашего мужа, чтобы на васъ жениться.

— Вы смѣетесь, Элиза, а это вовсе не смѣшно.

— Я не смѣюсь, а умираю отъ страху. Какъ можете вы допускать, чтобы васъ любили такимъ образомъ! Это хорошо для тѣхъ, кто не знакомъ съ жизнью, но вы!

Мнѣ точно скоро надобѣ присмотрѣть де-Фужрона. Разсудите сами, оставилъ ли меня въ покоѣ мстительный голосъ! Я точно была жалка, милый Рауль. Мнѣ захотѣлось тогда воротиться назадъ, захотѣлось сильной рѣшимостью вырваться отъ этой муки и раскаяніемъ приобрести покой.

Въ этотъ годъ давали великолѣпный балъ для прежнихъ придворныхъ служителей. Я была одною изъ патронессъ.

Утромъ, въ день бала, когда у меня оставался одинъ только билетъ, мнѣ подали письмо отъ одной моей пріятельницы, герцогини ***, которая между прочимъ писала мнѣ:

«Билетъ, о которомъ я прошу васъ, назначается подателю этой записки; я надѣюсь, что вы примете его подъ свое покровительство, милая маркиза.»

— Проси, сказала я человеку.

Доложили о князь ***, сынъ герцогини.

— Боже мой, князь, вскричала я, матушка ваша любить сюрпризы и перипетіи, вотъ, по случаю бального билета, настоящий балетный выходъ!

Князь отвѣчалъ мнѣ очень остроумно, съ совершеннымъ знаніемъ приличій. Я смотрѣла на него, пока онъ говорилъ; я поняла, что матери было пріятно представить мнѣ такого сына. Онъ былъ не высокъ, но никогда болѣе стройная талія не привлекала взоръ женщины. Лицо его было не красиво, но очаровательно, большіе глаза, живая и умная физиономія, благородные приемы, такъ хорошо выказывающіе знатнаго человека, тотчасъ поразили меня. Въ этомъ двадцати-пяти-лѣтнемъ молодомъ человекѣ сіялъ отблескъ породы

и явилась прошлаго столетію; только въ этотъ видѣла я это замѣчательное соединеніе.

Онъ восхвалялъ за законными нашими принципами и на время веропылся въ отечество, которое вѣрность перенесла для него въ другое мѣсто.

Я расширявала его о наимень благородномъ государѣ, князь герцогъ отъ сердца, я принимала этотъ языкъ съ самаго дѣтства и знакомство было сдѣлано. Онъ ангажировалъ меня на вальсъ, и я восторгъ отъ себя позаботился о моемъ нарядѣ, совершенно блондъ. Мнѣ пришла фантазія покрыться брилліантами, чего я не дѣлала почти никогда. Мужъ мой въ прошломъ году заказалъ для меня брилліантовую маркизскую корону, одну изъ превосходнѣйшихъ вещей, которыя только случалось мнѣ видѣть. Я надѣла ее въ первый разъ и въ нашла ее восхитительной.

— Снѣгъ мой, сказала герцогиня князю, надо такую же корону вложить въ твою корзинку.

Я съ живостью подняла голову.

— Развѣ князь женится? спросила я невольно.

— Нѣтъ, отвѣчала герцогиня, онъ дѣлаетъ свадебныя покупки для своего пріятеля, маркиза***.

Не знаю почему, это объясненіе облегчило меня. Де-Фужронъ явился черезъ нѣсколько минутъ и посмотрѣлъ на князя съ такимъ видомъ, что я задрожала. Онъ почувалъ соперника и конечно этотъ прелестный молодой человекъ могъ потревожить не такого ревнивца. Молодчикъ долго расширявалъ меня, я имѣла терпѣніе отвѣчать на все, чего обыкновенно я не дѣлала, и онъ совершенно успокоился.

На другой день князь оставилъ у меня карточку, и я дулась нѣмалъ день за то, что имѣла велевкость выхвать со двора именно въ этотъ часъ.

Герцогиня часто прѣзжала ко мнѣ; рѣдко проходилъ день, чтобы мы не видѣлись. Возвращеніе Гастона нисколько не измѣнило этихъ привычекъ и такъ какъ князь почти не разставался съ матерью, то между нѣлымъ молодымъ человекомъ и мною вдругъ установилась гороткость. Онъ былъ почтителенъ какъ нельзя болѣе, я однако замѣтила, что онъ находилъ меня прелестною.

Князь показывалъ мнѣ самую утонченную вежливость, осмѣшалъ меня угожденіями, предупреждалъ мои желанія, отказался отъ холо-

стаго общества, не разговаривая съ матерью, въ оперѣ сидѣть синою къ сценѣ, устремивъ взоръ на меня : словомъ это была искривная, юная любовь, одно изъ тѣхъ таинственныхъ обожаній, которые такъ рѣдки въ нашемъ вѣкѣ.

Я видѣла и молчала. Князь потерялъ веселость и аппетитъ. Для состоянія его я не могу найти болѣе справедливаго сравненія : онъ увядалъ какъ цвѣтокъ, выгнувшій на стеблѣ. Блѣднѣлъ замѣтно; каждый день черты его измѣнялись и родные начали серьезно о немъ беспокоиться. Единственный сынъ, наследникъ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій во Франціи, онъ былъ центромъ множества привязанностей, пружиною многихъ блестящихъ надеждъ. Эта неизъяснимая или скорѣе необъяснимая болѣзнь возбудила толки всѣхъ интересовавшихся княземъ.

А я, другъ мой, въ это время размышляла себя въ тишинѣ, новона мое разбитое и истерзанное сердце на этой чистой и юной любви. Мнѣ случалось иногда говорить себя, что у женщины, любимой такимъ существомъ, есть еще сердце, что она не можетъ пасть такъ низко какъ я предполагала.

— На этотъ разъ я принесу жертву полную и совершенную, не отступлю передъ самымъ безграничнымъ самоотверженіемъ. О, да! я чувствую, что я это сдѣлаю!

Но тогда ужасный смѣхъ раздавался до самыхъ тайныхъ изгибовъ души моей, тогда насмѣшливый голосъ отвѣчалъ:

— Да, ты принесешь себя въ жертву для этого прелестнаго молодцаго человека, который будетъ называться герцогомъ ***, и будетъ черезъ мѣсяцъ самымъ моднымъ кавалеромъ въ Парижѣ. Ты привяжешь его къ себѣ всеми возможными средствами, тебѣ будетъ ужасно жаль если онъ исцѣлится, ты тогда потеряешь невольника, да еще какаго. Ты будешь щеголять сама передъ собой этой любовью и, можетъ-быть, заставишь меня умолкнуть, но не надолго. Увидишь! увидишь!

И я страдала, и я бросалась болѣе чѣмъ когда-нибудь въ оглушительный вихрь свѣта, чтобы постараться забыть и заставить молчать неутомимаго демона.

Вы, можетъ-быть, помните о маскарадѣ графини ***, гдѣ находилось все лучшее парижское общество. Цѣлый мѣсяцъ ни о чемъ другомъ не говорили. Пересмотрѣли всѣ библиотеки, перебрали in-folio и

дике знаменитый балъ герцогини Беррійской, въ 1830 году, не сдѣлалъ столько суматохи.

Я выбрала костюмъ, тогда совершенно новый, и сдѣлавшійся послѣ очень обыкновеннымъ, — костюмъ пастушки времянь Людовика—Пятнадцатаго. Пудра удивительно шла ко мнѣ, свѣжій и щегольской нарядъ выказывалъ все преимущества моего стана. Платье небесно голубаго цвѣту, на бѣлой юбкѣ, было покрыто множествомъ розовыхъ герляндъ безъ листьевъ, ихъ было по—крайней—мѣрѣ аршинъ двадцать въ фестонахъ вокругъ всего платья, на рукавахъ, у лифа, въ перевязяхъ на плечахъ. Мои брилліанты, великолѣпныя матеріи, изъ которыхъ былъ сшитъ мой костюмъ, кружева, которыми былъ обшитъ онъ, сдѣлали нарядъ мой самымъ замѣчательнымъ на балѣ и потому входъ мой въ залу былъ истиннымъ торжествомъ. Меня окружали, разсматривали, нарочно приходили въ ту комнату, гдѣ я танцевала, чтобы посмотреть на меня.

Гастонъ, одѣтый по рыцарски въ чудесныя латы, показался мнѣ прелестнѣе обыкновеннаго. На немъ былъ бѣлый шарфъ и кольчуга, вышитая лиліями.

Прислонившись къ двери, онъ смотрѣлъ на меня съ восхищеніемъ, невятымъ для всѣхъ.

Мать его наблюдала за нами, не говоря ни слова, но конечно она очень страдала. Я уловила ея взглядъ, запечатлѣнный тревожною заботливостью и невольно покраснѣла.

Де—Фужронъ нарядился въ французскій кафтанъ, въ которомъ мучился ужасно. Толстыя икры, выставленныя наружу, придавали ему пошлый видъ; отъ пудры онъ сдѣлался еще красивѣе, но при всемъ своемъ великолѣпнѣ, показался мнѣ безобразнымъ.

Гастонъ, разумется, не танцевалъ, ему мѣшали латы; не знаю откуда пришла ему фантазія нарядиться въ нихъ. Почти весь вечеръ оставался онъ на одномъ мѣстѣ, страшно блѣдный, не сводя съ меня глазъ, вздрагивая, когда я съ нимъ заговаривала. Де—Фужронъ наконецъ это замѣтилъ.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ, вальсируя со мной, что этотъ князь вздумалъ въ васъ влюбиться ?

— Будто онъ одинъ! отвѣчала я съ принужденнымъ смѣхомъ, да и что вамъ до этого?

— Все ничего, если еще останетсѣ издѣкатомъ, а если ниче, такъ увидимъ.

— Вы меня не испугаете вашимъ намекомъ, я васъ считаю слишкомъ благовоспитаннымъ для того, чтобы компрометировать женщину!

— А я васъ слишкомъ уважаю, чтобы бояться быть обманутымъ, и такъ все къ лучшему.

Я невольно задрожала; онъ хотѣлъ успокоить меня какою-то глупостью и, признаться ли вамъ, Рауль? мнѣ стало такъ противно, что я просила его отвести меня на мѣсто, подъ предлогомъ внезапной усталости.

Хозяйка дома, которой онъ приходился съ родни, увела его на другой конецъ отеля, и я вздохнула свободно.

Гастонъ тогда подошелъ ко мнѣ. Группы рѣдѣли, многіе разъѣжались, мы оставались почти одни въ будоаръ. Онъ сѣлъ возлѣ меня и нѣсколько минутъ ничего не говорилъ; наконецъ, не поднимая глазъ, сказалъ съ очевиднымъ волненіемъ:

— Я не хочу умереть, не сказавъ вамъ хоть одинъ разъ въ жизни, что я васъ люблю и умираю за васъ.

Его блѣдныя и впалыя щеки, потухшій взоръ подтверждали слова. Сердце мое начало биться въ-самомъ-дѣлѣ; давно ужъ этого со мною не случилось!

— Зачѣмъ умирать? отвѣчала я въ такомъ сильномъ смущеніи, что онъ едва разслушалъ.

— За тѣмъ, что вы меня не любите, за тѣмъ что не будете никогда любить. Я не убью себя, изъ любви къ матушкѣ, но буду ждать смерти, это дольше, но вѣрнѣе.

— Князь, пролетѣла я...

— Вы правы, для васъ я князь ***. Вы пожалуйте объ угасающемъ имени моихъ предковъ, кончающемся со мною, и о моей матери, лишившейся единственнаго сына .. и слеза задрожала на его рѣсницѣ.

— Гастонъ.... продолжала я.

— О! повторите, повторите еще это имя, которое сдѣлается мнѣ драгоценнымъ, потому что вы произнесли его. О! благодарю!

Если бы вы видѣли, какъ поднялась его голова, какъ раскраснѣлись щеки, какъ заблесталъ взоръ!

— Выслушайте меня, маркиза, и простите меня. Моя жизнь въ вашихъ рукахъ, мнѣ нечего васъ увѣрять въ томъ, вы видите; если вамъ жалъ моей матери, позвольте говорить вамъ иногда объ этомъ, можетъ быть тогда я не умру, потому что буду вѣрить вашему участию, вотому что создамъ себѣ мечту и это придастъ мнѣ силы. Позвольте ли, маркиза?

Агъ, Рауль! я сказала да, сказала очень тихо, можетъ быть сказавъ только взоромъ, но ему не нужно было слышать, онъ почувствовалъ.

Съ этого дня Гастонъ сталъ замѣтно поправляться. Де-Фужронъ молчалъ, но наблюдалъ за мною съ необыкновеннымъ стараніемъ, при-зналъ ко мнѣ въ тѣ часы, когда я менѣе всего его ожидала, и требовалъ строгаго и точнаго отчету въ моихъ поступкахъ. Онъ любилъ меня истинно, безъ поэзіи, безъ очарованія, но искренно и преданно. Онъ хотѣлъ, чтобы я была добра, скромна, опасался моей вѣтренности изъ ревности, но также изъ истинной дружбы.

Баронесса д'Ормесь терпѣть не могла Альфонса, который съ своимъ добрымъ, прямымъ, хотя нѣсколько грубымъ характеромъ, опасался за меня ея совѣтовъ и примѣру.

Я забыла вамъ сказать, что мужъ мой уѣхалъ на годъ въ Англію, чтобы устроить себѣ тамъ торговыя сношенія, полезныя для его предпріятій.

Баронесса все оставалась со мною, но за ней уже менѣе ухаживали.

Если бы у меня была дочь, другъ мой... нѣтъ не дочь, мнѣ бы слишкомъ было ужасно потерять ея уваженіе, но племянница или какая-нибудь молодая дѣвушка, которую бы я любила, которой бы я хотѣла рассказать, что знаю и что желала бы знать ранѣе, я бы написала мою исторію для нея, какъ пишу ее для васъ. Я бы показала ей, какъ ужасенъ рядъ заблужденій, показала бы муку души, моей, открыла бы эти ужасныя и незаконныя таинства, среди которыхъ жила я, и потомъ сказала бы ей:

— Теперь выбирай. Вотъ что тебя ожидаетъ, если ты сойдешь съ прямаго пути, вотъ знакъ безчестія, который ты будешь носить на челѣ и рана, которая растерзаетъ тебѣ сердце. А вотъ миръ, радости домашняго круга, уваженіе свѣта, дружба близкихъ къ тебѣ. Выбирай, дитя мое, иди съ гордо-приподнятымъ челомъ,

какъ достойная и уважаемая женщина или смиришь, трепещи передъ Богомъ; передъ мужемъ, передъ собою, передъ дѣтьми: съ одной стороны — адъ, съ другой — рай.

Вотъ что я сказала бы ей, вотъ что скажу тѣмъ, которые будутъ читать эти страницы, если вы дадите ихъ прочесть кому-нибудь. Каждая минута была для меня мукой невзроятной, и боялась чѣловѣка, котораго, казалось мнѣ, люблю, боялась того, кого не хотѣла любить, прислушивалась къ мальшнему шуму; если говорили шопотомъ я дрожала, если дверь отворалась, когда одинъ изъ нихъ былъ вонъ меня, я чуть не падала въ обморокъ, подстерегала ихъ взгляды, мысли, такъ сказать, и моя искусственная любовь увеличивалась черезъ все эти затрудненія, а отвращеніе къ Альфонсу становилось непреодолимѣе.

Однажды, когда я воротилась изъ того небольшого домика на Новомъ Бульварѣ, гдѣ каждое утро видѣлась съ Гастономъ, воротилась изнуренная борьбою съ безумными намѣреніями Гастона, предлагавшаго мнѣ укрыться съ нимъ въ какомъ-нибудь уединенномъ уголку земнаго шара, швейцаръ сказалъ мнѣ, что де-Фужронъ ждетъ меня уже давно. Я вошла въ свою комнату снять шляпку и шаль и воротилась въ гостиную, гдѣ Альфонсъ съ баронессой д'Орнесъ о чѣмъ-то сильно спорили. Одна была очень красна, другой очень блѣдень.

— Вотъ она, можете распросить ее сами, сказала Элиза, увидѣвъ меня.

— Ну что жъ? да! вскричалъ Альфонсъ, не поклонившись даже мнѣ, потому что не владѣлъ уже собою; да, она будетъ говорить, я считаю ее искренней, она не захочетъ, чтобы я такъ страдалъ.

Ироническая улыбка промелькнула по губамъ баронессы и довершила мою рѣшимость.

— Что такое? спросила я, стараясь сохранить хладнокровіе.

— Да вотъ что, Одилия: госпожа баронесса, — и съ какимъ презрѣніемъ произнесъ онъ это слово — госпожа баронесса мучить меня цѣлый часъ, увѣряя, будто вы рѣшились свергнуть то, что она называетъ моимъ игомъ; будто я вамъ очень опротивѣлъ, стараясь безпрестанно сблизиться съ вами. Скажите мнѣ, Одилия, что должно я объ этомъ думать?

Я съела съ видомъ какъ нельзя болѣе спокойнымъ и спросила, обернувшись къ баронессѣ :

— Вы это сказали?

— Сказала, почти въ этихъ самыхъ выраженіяхъ.

— Стало-быть, надо мнѣ отвѣчать. Я готова, полковникъ, извольте спрашивать.

— Четыре раза былъ я у васъ сегодня; вы были вчера нездоровы, я не спала цѣлую ночь, умирала отъ безпокойства. Гдѣ были вы такъ долго? заклинаю, скажите мнѣ правду?

— Ахъ, Боже мой! отвѣчала я съ наглостью женщины, которой представился случай отмстить за цѣлые мѣсяцы притворства, мнѣ очень жаль, но я не скажу вамъ.

Де-Фужронъ поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Не скажете?

— Нѣтъ, я не обязана и не хочу давать вамъ отчета.

— Стало быть *эта женщина* права, вскричалъ онъ, съ яростью сжавъ зубы и показывая на Элизу.

Я холодно встала.

— *Эта женщина* — баронесса д'Ормесъ, моя родственница и другъ; она здѣсь такая же хозяйка какъ и я, и для тѣхъ, которые это забудутъ, дверь моя будетъ заперта.

— Эта женщина змѣя, которая погубила васъ, Одмиа; вы родились благородной и искренней, безъ нея вы и остались бы такою. Давно слѣдую и наблюдаю я за нею, и теперь знаю какова она!

Баронесса д'Ормесъ вспомнила тогда объ имени своихъ предковъ, кровь закипѣла въ ея жилахъ. Вставъ, также съ большимъ достоинствомъ она пошла къ двери.

— Господинъ полковникъ, произнесла она очень твердо, вы хорошо сдѣлали, что сняли эполеты : французская армія отреклась бы отъ офицера, способнаго оскорбить женщину.

Она хотѣла выйти, я бросилась къ ней.

— Оставайтесь на минуту, кузина. Мосьё де-Фужронъ обвиняетъ меня въ неискренности, въ неблагородствѣ, увѣряетъ, что вы научили меня обманывать. Я должна защитить васъ и оправдать насъ обоихъ. Садитесь.

Она посмотрѣла на меня съ удивленіемъ и съела.

— Вы требуете отъ меня откровенности, я никогда не была такъ

рада исполнить ваше желаніе. Да, я буду говорить безъ изворотовъ, и вы узнаете всѣ мои мысли. Мы сдѣлаемся врагами непримиримыми, вы никогда мнѣ не простите, мнѣ будетъ очень жаль, но все же это лучше того состоянія, въ которомъ я нахожусь. Спрашивайте же.

Альфонсъ дрожалъ отъ гнѣва.

— Правда ли, Одилия, что вамъ надоѣла и любовь моя и заботливость?

— Да, правда.

— Правда ли, что вы старались избавиться отъ меня?

— Правда.

— О! Боже мой! но вы любите меня, однако?

— Нѣтъ, не люблю.

Лицо де-Фужрона страшно поблѣднѣло.

— Не любите, то-есть, перестали любить; но, по-крайней-мѣрѣ любили?

Я колебалась съ минуту: увлеченная потребностью высказать истину, я съ живостью встала, и подошла къ де-Фужрону, стоявшему посреди комнаты.

— Нѣтъ, я никогда васъ не любила! Вы льстили моему самолюбію, я гордилась, что могу опереться на вашу руку, вотъ все!

Онъ опустился на стулъ, пораженный въ свою очередь, а я ходила по комнатѣ въ такомъ раздражительномъ состояніи, котораго вы не поймете, мой чистосердечный и добродушный Рауль; мною овладѣло то, что можно бы назвать лихорадкою истины. Я мстила несчастному, скорѣе предлогу чѣмъ причинѣ моихъ страданій, терзала его сердце, подобно тигру, котораго подстрекаетъ кровь. Мнѣ было такъ легко и весело какъ давно уже не бывало, я сбросила постыдную маску, пригвожденную къ лицу моему ложью.

Де-Фужронъ, съ угрюмымъ взоромъ, съ опущенной головой, казался осужденнымъ на смерть.

Баронесса д'Ормесь, веселая, торжествующая, ободряла меня взглядами, и лицо ея дышало удовлетвореннымъ мнѣніемъ.

— Вы меня обманули, началъ наконецъ бѣдный Альфонсъ; стало-быть, вы любите другаго?

— Да, возразила я не колеблясь.

— Кого?

— Благородный человекъ, получая признаніе отъ женщины, не долженъ употребить тайну ея во зло. Если я назову вамъ кого люблю, отъ долженъ быть для васъ неприкосновеннымъ.

— Знаю, и потому спрашиваю кто онъ?

— Князь ***.

— Уверены ли вы, что любите его, не потому ли избрали вы его, что онъ льститъ вашему самолюбію? Знаетъ ли онъ, по-крайней-мѣрѣ, что вы за женщина, или любить васъ также безумно какъ я?

Я молча опустила голову.

— Вы молчите, онъ также обмануть. Ахъ! несчастіе всѣхъ васъ вы сами, Одилія. Я страдаю, страдаю жестоко; этотъ молодой человекъ будетъ страдать въ свою очередь, потому что наступитъ минута, когда онъ образумится, какъ образумился я. Но вы! вы, дочь благородной фамиліи, вы, маркиза де-Мопкабриэ, вы дошли до такого въроломства! О! вотъ истинная скорбь, вотъ горесть, которую время только увеличитъ, для которой нѣтъ утѣшенія. Вы родились не для этого, я знаю, чувствую, потому что хорошо узналъ васъ. Эта женщина васъ погубила, слѣпой мужъ бросилъ, довѣрилъ ей, и будетъ отвѣчать передъ Богомъ, если не передъ людьми.

Онъ замолчалъ на минуту и вытеръ лобъ, покрытый потомъ.

— Я оставляю васъ, маркиза; горесть моя велика, но она пройдетъ: все излечивается, когда мы не носимъ въ себѣ причину скорби; я оставляю васъ и мнѣ остается только одно мщеніе — предать васъ вамъ самимъ и презрѣнію, котораго вы отъ меня заслуживаете.

— Милостивый государь! вскричала я, повелительно показывая на дверь, вы меня оскорбляете!

— Хорошо! я уйду, но не отступаю отъ своихъ словъ, можетъ-быть въ будущемъ вы объ нихъ вспомните, можетъ-быть со всѣхъ сторонъ раздастся въ ушахъ вашихъ это слово: презрѣніе! презрѣніе! последнее, которое услышите вы отъ меня!

И онъ выпнелъ, не поклонившись ни мнѣ ни баронессѣ.

Я осталась словно пораженная ударомъ; никогда подобное униженіе не уязвляло мнѣ сердце, никогда не чувствовала я себя такъ далеко отъ самой себя. Крупныя слезы катились безмолвно по моему лицу. Баронесса д'Ормесь, послѣ минутнаго молчанія, вскричала:

— Человекъ этотъ просто мужикъ; не понимаю, какъ вы терпели его такъ долго, на вашемъ мѣстѣ я бы давно его выгнала. Вмѣсто

того, чтобы плакать, вы бы должны радоваться, что отвязались от него. Каких жестоких вещей наговорил онъ! Тамъ хуже для него; оскорбленіе падаетъ на того, кто его наноситъ; мы съ вами чувствуемъ чего мы стоимъ.

— Я не знаю, встрѣчаются ли въ вашей жизни такіе страшные поступки, какъ тотъ, въ которомъ вы меня упрекнули. Что до меня, то я принимаю проклятіе, призванное на мою голову, принимаю потому, что заслужила его.

— Вы настоящий ребенокъ, Одилия, всегды обижаетесь. Перестаньте думать объ этомъ, ступайте-ка въ свою комнату, да одѣньтесь, уже время вѣхать.

И баронесса вышла изъ гостиной, напѣвая оперную арію.

Я болѣе часу оставалась на одномъ мѣстѣ, не имѣя силы сдѣлать малѣйшее движеніе. Мнѣ все слышалось это жестокое слово: презрѣніе! презрѣніе! Потомъ я написала къ де-Фужрону эти коротенькія строчки:

«Альфонсъ, вы сказали правду, но еще не признайте меня, я раскаиваюсь».

Онъ отвѣчалъ:

«Дай Богъ! ежели только не поздно!»

Я заперлась въ своей комнатѣ и не велѣла никого принимать, даже Гастона. Къ обѣду постучались въ окно, выдававшееся въ садъ, я не отвѣчала. Опять стали стучаться, я посмотрѣла сквозь занавѣску: это была баронесса съ княземъ. Они смѣялись и продолжали стучаться.

— Она спитъ, говорилъ молодой человекъ.

— Сердится, отвѣчала Элиза.

— Такъ я подожду. Но какъ уведомить ее о нашихъ плачахъ?

— Напишите и потомъ просунемъ записку за дверь если можно;

— Попробуемъ.

Они воротились, письмо было просунуто, я прочла. Дѣло шло объ ужинахъ въ *Rocher de Cassale*. Я уронила бумажку, какъ это было далеко отъ моихъ мыслей! Черезъ полчаса они воротились. Баронесса говорила беззусупинно. Потомъ послышался умоляющій голосъ Гастона, я все еще сопротивлялась, до-тѣхъ-поръ, пока моя не поразило выраженіе истинной горести и безвокойства: тогда я бросилась и разсуждая болѣе и отворила. При видѣ моей бѣдности и слезъ,

князь съ испугомъ спросилъ меня о причинѣ. Въмѣсто отвѣта я опять заплакала и легонько его оттолкнула.

Увлеченная тѣмъ же движеніемъ, которое заставило меня открыть душу мою де-Фужрону, я упала на колѣна и хотѣла говорить.

— Одилія! возвращали они оба, поднимая меня.

— Вы погибли, если заговорите, шепнула мнѣ баронесса.

Но намѣреніе мое было принято. Я обернулась къ Элизѣ и сказала ей:

— Оставьте насъ, кузина. Мнѣ нужно говорить съ княземъ.

— Я не могу оставить васъ въ эту минуту, Одилія. Вы вѣдъ себя, воображеніе васъ увлекаетъ и Богъ знаетъ, до чего доведетъ; позвольте мнѣ остаться.

— Нѣтъ, кузина, продолжала я, уйдите, я знаю, что я говорю.

Она уступила къ крайнему своему сожалѣнію и мы вошли въ мой будуаръ, небольшую уединенную комнату. Я уже не плакала: восторженность моя, возбужденная до высочайшей степени, составляла всю мою силу, всю мою рышность. Я показала князю повелительнымъ движеніемъ на кресла и продолжала ходить по комнатѣ. Лихорадочное волненіе мое объяснило Гастону, что я нахожусь не подъ вліяніемъ страсти.

Гастонъ смотрѣлъ на меня съ неописаннымъ испугомъ и тоскою. Я упала на колѣна и сложивъ руки, съ сердцемъ полнымъ рыданій, преклонилась передъ тѣмъ, кого выбирала въ свои судьбы.

— Гастонъ, если бы я узнала васъ за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то не была бы теперь той презрѣнной женщиной, которая лежитъ у вашихъ ногъ; тогда я была благородна и чиста, тогда была достойна васъ.

И я рассказала ему все!

Бѣдный Гастонъ! какая бѣдность покрѣла черты его! О! какъ страдалъ онъ! Нѣсколько минутъ оставались мы словно уничтоженными; я, согбенная подъ тяжестью стыда, онъ — уязвленный разочарованіемъ страшнымъ, огорченіемъ, которому нѣтъ даже имени. Глаза его поднялись медленно и встрѣтились съ моими, и этотъ взоръ, отягченный слезами, ни на одну минуту не выразилъ гнѣва.

Я, задыхаясь отъ біенія сердца, едва переводя духъ ожидала перваго слова Гастона, и слово это было словомъ прощенія. Онъ по-

цѣловалъ лобъ мой, омоченный слезами и сказалъ съ нѣжнымъ выраженіемъ :

— Я васъ люблю!

Однако съ этого дня Гастонъ уже не уговаривалъ меня бѣжать.

Я была любима и думала, что люблю съ страстью, которой отблескъ освѣщаль жизнь мою.

Однажды, однако, князь показался мнѣ не такъ нѣженъ какъ обыкновенно; одно незначительное обстоятельство мнѣ показало это: охлажденіе всегда показываютъ обстоятельства незначительныя. Съ-тѣх-поръ я предвидѣла, что должно было случиться и пробудилась отъ своего сна.

Гастонъ становился задумчивъ, притворялся нѣжнымъ, осыпалъ меня изысканными угожденіями и неглижировалъ тѣми, которыя самопроизвольность сердца находить такъ легко. Я все чувствовала, все понимала, съ холодной увѣренностью опытности, этимъ неумолимымъ скальпелемъ, открывающимъ самыя тайныя изгибы сердца, что мнѣ надѣяться надолго привязать къ себѣ человека, которому повѣрила всѣ свои тайны — верхъ безумства!

Я присутствовала каждый день при упадкѣ страсти, когда-то столь пылкой и не знаю ничего ужаснѣе этой агоніи. Давно уже Гастонъ обманывался самъ. Трудно сознаться, что уже не любишь, когда составишь химеру о любви вѣчной. Гастонъ упрекалъ себя въ равнодушіи какъ въ важномъ проступкѣ, боролся съ нимъ. Безумный! любовь живетъ борьбою только когда увеличивается, и едва начнетъ ослабѣвать, бѣжитъ борьбы и ничто не удерживаетъ ея, ничто не останавливается, ничто не разжигаетъ.

Это самая огорчительная изъ истинъ сердца.

Будучи опытноѣ князя, я ожидала отъ времени однихъ только огорченій и хотѣла сдѣлать благоразумное отступленіе, избавить себя отъ униженія быть брошенной, а для этого нельзя было терять ни минуты. После нѣсколькихъ часовъ размышленія, послѣ благоразумнаго разговору съ Элизой, я написала къ Гастону:

«Самая прекрасная роль въ жизни самоотверженіе, другъ мой. Всѣ объ ней мечтають, не многіе принимаютъ ее, особенно не многіе умѣють принять кстати.

«Пока мы любимы, она легка и сладостна; когда любви уже нѣтъ»

остается только дать одно доказательство. — примѣтить это и уда-
литься.

«Вы боретесь сами съ собою, Гастонъ, хотите вернуть улетаю-
щее чувство, стараетесь говорить и доказать мнѣ, что оно все то же,
какъ-будто мое сердце не опровергаетъ вашихъ словъ! Прощайте! Вы
свободны.

«Я всегда буду помнить васъ. Считайте меня лучшимъ другомъ,
Гастонъ, и если вы сохранили еще ко мнѣ какую-нибудь привязанность,
не старайтесь меня видѣть. Я не буду имѣть силы совершить жертву,
если взоръ мой встрѣтится съ вашимъ».

Я послала это письмо, показавъ прежде баронессѣ, которая его одо-
брала и мы тотчасъ уѣхали съ ней въ Версаль. Мы провели тамъ
несколько дней въ совершенномъ уединеніи, никто не зналъ гдѣ мы
были: я чувствовала потребность подкрѣпить себя, прежде чѣмъ от-
правлюсь въ Blumenбергъ, куда звалъ меня мужъ. Я блуждала часть
дня по великолѣпнымъ аллеямъ парка, окруженная великими тѣнями
великаго столѣтія, старалась жить въ славномъ прошедшемъ, а не
въ нашемъ ничтожномъ настоящемъ, гдѣ все мелочно, все ограни-
чено, исключая честолюбія и жажды золота. Я мысленно населяла
эти рощи, видѣла благородныхъ дамъ въ длинныхъ платьяхъ, вельможъ
въ бархатныхъ полукѣфтаньяхъ, слышала остроумные и глубокомы-
сленные разговоры, прелестныя фразы, перемѣнивавшіяся съ фразами
сердца. И когда, возвращаясь изъ области фантазіи, спускалась
въ глубину души моей, я находила тамъ страшное разочарованіе, без-
граничную пустоту, которую ничто не могло наполнить, находила
утомленіе, крайнюю потребность въ спокойствіи и отвращеніе отъ все-
го: это я называю послѣдней степенью несчастія.

— Я никогда не утѣшусь! говорила я.

Голосъ, безмолвный во все время свиданія моей съ княземъ, по-
слышался еще повелительнѣе. Это были звуки непрерывные, сар-
казмы безжалостныя.

— Ты не утѣмишься? развѣ не утѣнилась ты, когда, по твоему
мнѣнію, лишилась любви мужа? развѣ не утѣнилась въ непостоянствѣ
Ришара? не испытала ли всѣ горести, всѣ опасенія? Нѣтъ, тамъ, до
чего ты дошла, нѣтъ ни горя, ни продолжительнаго чувства: въ
минуту страданія и радости, знаешь заранее, что радости и страданію
будетъ конецъ.

«О Боже мой! ужасно! но голосъ былъ правъ!

Воротясь въ Парижъ, я узнала, что князь привѣзжалъ ко мнѣ каждый день. Мнѣ отдали отъ него цѣлую дюжину писемъ; я не распечатывъ, поместила ихъ въ одинъ конвертъ, прибавивъ эти слова:

«Я не довольно увѣрена въ моему благоразумію, чтобы читать ваши письма, другъ мой; подождите, пока я сама не напишу вамъ, а те все ваши письма будутъ имѣть ту же участь. Я запрусь въ деревнѣ, чтобы собраться съ силами, и едва вы снова найдете своего друга, я немедленно уведомию васъ».

— Душенька, сказала Элиза, этотъ человекъ будетъ сожалѣть объ васъ цѣлую жизнь, потому что вы оставили его кстати. Не будьте такъ слабы: послушайте его теперь и уступите пламени, вспыхнушему отъ увѣленнаго самолюбія, и можетъ-быть черезъ двѣ недѣли дорого заплатите за это.

Я не довольно любила, чтобы подвергать опасности мою побѣду; оставивъ баронессу д'Ормезъ распоряжаться послѣдствіями войны, я поехала нѣкъ въ Альзасъ того спокойствія, которое становилось самою простою потребностью моей жизни.

Эрнестъ вывѣхалъ мнѣ на встрѣчу съ Вильфридомъ и Адрианой. Я минуту была счастлива, обнявъ ихъ. Мужъ мой сдѣлался для меня другомъ, котораго я носила фамилію и не производилъ на меня никакого впечатлѣнія. Я нашла его перемѣнившимся: онъ съ грустью призывалъ мнѣ, что нѣсколько компрометировалъ свое состояніе и что цѣлый годъ мы должны ограничивать свои расходы.

— Тѣмъ лучше, отвѣчала я; если хочешь, проведемъ этотъ годъ здѣсь, а потомъ поѣдемъ путешествовать. Я не хочу больше въ Парижъ, онъ меня убиваетъ и теперь кажется бы кстати продать нашъ отель; это поправить твои стѣсненныя обстоятельства, какъ ты думаешь?

— Я очень радъ, что ты такъ разсудительна, Одиля, я этого не ожидалъ. Ты предупреждаешь мои намѣренія: именно теперь у меня торгуютъ домъ нашъ со всеми мебелями, согласна ли ты?

— На все чего ты захочешь, другъ мой; повторяю, я отказываюсь отъ Парижа, поселяюсь здѣсь пока ты захочешь объѣхать со мной Еврону, смѣшно, что мы ея не видали.

— Къ счастью, отвѣчалъ Эрнестъ улыбаясь, что наши стѣсненныя обстоятельства не долго продолжатся и что въ столицѣ отелей вдоволь.

— Ты можешь не верить мне, другъ мой; нѣсколько разъ вкусы мои перемѣнились, но наступаетъ возрастъ, когда они не перемѣняются.

— Одилия, тебѣ по возрасту двадцать-пять лѣтъ, выглядишь въ зеркало, ты никогда не была свѣжее и моложе. Ты возобновляешь знаменитый источникъ.

— Молодость моя кончается, другъ мой, я уже не обманываю себя шоттами.

— Ты! Ахъ, бѣдный другъ мой, ты и при смерти будешь мечтать.

Мужъ мой никогда не зналъ меня. Вильфридъ не сказалъ ни слова. Эрнестъ обернулся къ нему, и улыбаясь спросилъ! не самая ли я разсудительная женщина на свѣтъ?

— Кузина будетъ всегда твѣмъ, чѣмъ захочетъ, отвѣчалъ онъ холодно.

— Какіе вы все печальные, продолжалъ Эрнестъ, развѣ такъ празднуютъ свиданіе? Ну, Одилия, рассказывай намъ свои веселости, успѣхи, победы. Что же ты не описываешь чудесъ знаменитаго маскарада, позабавъ же насъ, бѣдныхъ сельскихъ жителей, почернѣвшихъ отъ дыма желѣзнаго завода.

Эрнесту надо было подробно разсказать о модномъ свѣтъ, о клубѣхъ, скачкахъ; онъ расширявалъ о всѣхъ знакомыхъ женщинахъ, о всѣхъ мужчинахъ. Это былъ настоящій допросъ, не изъ ревности, но изъ любопытства, отъ бездѣлья. Вильфридъ слушалъ молча; онъ такъ хорошо зналъ меня, что по выраженію, съ которымъ я произносила некоторыя имена, угадалъ мои отношенія къ нимъ. Не зная подробностей моей жизни, онъ уловилъ почти все ея нити въ этомъ разговорѣ, вустомъ по наружности. Грусть его удвоилась.

— Ну, Одилия, прибавилъ мужъ мой, ты славно повеселилась и надолго еще останешься царицею моды.

— А я думаю, прощанталъ Вильфридъ, что вы были очень несчастны, моя бѣдная кузина.

Я сжала руку графа.

— А баронесса д'Ормесъ пріѣдетъ?

— Не думаю. Она поѣдетъ провести зиму въ провинцію.

— Какъ! и она тоже остепенилась! Пригласила ли ты кого-нибудь, во-крайней-мѣрѣ? Мадамъ де-Рекувремонтъ, я, да мои инженеры общество слишкомъ серьезное для вашей свѣтлости.

— Эрнестъ, ты долженъ бы, кажется, знать, что я всегда счастлива съ тѣми, кого люблю.

— Счастлива-то, можетъ-быть, но скучаешь: счастье не удовольствіе.

И неумолимый голосъ продолжалъ:

— Этотъ человекъ тебя знаетъ и не пощадитъ. Ты соскучишься, не захочешь закопаться въ этомъ старомъ замкѣ съ однимъ только обожателемъ Вильфридомъ, слушать какъ кричатъ дѣти Адриана и стучать молотки твоего мужа.

Не имѣя возможности заставить молчать этотъ голосъ, я обратилась къ моему первому, лучшему другу, почувствовала neodолжимую потребность опереться на него, чтобы избавиться отъ муки, которой время придало болѣе силы. На другой день моего прѣзда, мы имѣли продолжительный разговоръ. Онъ не смѣлъ меня спрашивать, но вызывалъ мою довѣренность.

— Я уже сказалъ вамъ, Одиля, что вы всегда найдете у меня снисхожденіе и прощеніе. Я принимаю васъ, бѣдную раненую птичку, когда вы возвращаетесь домой, не спрашиваю кто сдѣлалъ эти раны, заслуженныя ли онъ, только вижу ваши страданія и отираю ваши слезы.

О! милый Рауль, опять на этотъ разъ стыдъ удержалъ мои признанія. Я боялась не лишиться этой неисчерпаемой привязанности, но дать поводъ къ власти надъ собою какъ бы благосклонна ни была она. Утаивъ признанія, я оттолкнула сердце, стремившееся ко мнѣ съ снисхожденіемъ и состраданіемъ, отказалась отъ бальзаму для ранъ моихъ и растрвила ихъ притворствомъ.

Баронесса узнавъ, что я продаю отель, написала мнѣ:

«Душенька, вы вѣрно поклялись быть обожаемой бѣднымъ княземъ. Онъ теперь такъ влюбленъ, какъ во времена знаменитаго маскарада. Безпрестанно зоветъ васъ, начинаетъ опять худѣть, не разстается со мною, твердитъ мнѣ объ васъ съ утра до вечера и твердилъ бы съ вечеру до утра, если бы ему позволить, потому что онъ не спитъ по ночамъ. Герцогиня хочетъ вести его на воды, онъ совершенно противъ этого. Она намѣрена женить его, онъ пожалуй застрѣлится; словомъ, это самое удивительное дѣло, которое только случилось мнѣ видѣть въ жизни. Возобновленная любовь! Вотъ что значитъ уметь выбрать время! Я завидую этому успѣху, подобнаго не случалось мнѣ имѣть.

Напишите ему теперь дружеское письмо, въ которомъ явитесь совершенно исцѣлившейся и онъ прямо поидетъ въ домъ сумасшедшихъ. Вотъ какъ мы съ вами посмѣемся!

Я не смѣялась, другъ мой, но самолюбію моему было очень лестно. А въ это время Гастонъ страдалъ! Сердце его было открыто всѣмъ впечатлѣніямъ, мое закрывалось всѣмъ надеждамъ, всѣмъ вврованіямъ. Не смотря на его огорченія, я находила его гораздо счастливѣе меня!

Я поставила домъ мой на болѣе серьезную ногу, предалась домашнимъ дѣламъ, создала себѣ новыя занятія, взялась опять за кисти, принялась за музыку, и прогулки въ дорогихъ горахъ моихъ возвращали мнѣ прежнія мысли.

Я отдыхала съ наслажденіемъ, сидѣла по цѣлымъ часамъ, ни о чемъ не думая, смотря на небо, слушая пѣніе птицъ, живя жизнью глазъ, ушей, словомъ жизнью физической и скрывая мою душу. Это существованіе, хотя несомнѣнное съ сердцемъ пылкимъ и живымъ воображеніемъ, было однако же типомъ прекраснаго послѣ проведенныхъ мною годовъ.

Я не писала къ Гастону, мнѣ не хотѣлось ни насмѣхаться надъ нимъ, ни возобновлять страсть, которой наступилъ предѣлъ. Напрасно баронесса д'Ормезъ всячески старалась уговорить меня, напрасно собственное мое сердце тайно упрашивало меня призвать своего невольника, я устояла и эта побѣда подтвердила мнѣ дѣйствительность моей перемѣны.

Я приближаюсь къ происшествію странному, къ происшествію, которому вы, можетъ-быть, не повѣрите, а оно истинно. Мы, альзасскіе горцы, всегда слыли духовидцами и особенно мое семейство обвиняли во второмъ зрѣніи. Тетушка увѣряла, что видѣла каждый годъ мадамъ д'Оберкрихъ, бывшую настоятельницу монастыря Святой Одиліи. Батюшка утверждалъ, что видѣлъ отца въ день его смерти; я еще не могла упомянуть ни о какомъ явленіи и потому Вильфрідъ говорилъ, смѣясь, что наша фамилія, перейдя въ женское колыно, приходитъ въ упадокъ.

Это вступленіе необходимо для слѣдующаго разсказа и вы увидите какъ эпизодъ, по наружности чуждый, страннымъ образомъ связывается съ моей будущностью. Не берусь изъяснять его, я разсказываю и не прошу васъ вѣрить, вѣрю сама.

У насъ была старая родственница, которую давно уже общала я

посетить. Наконецъ мы рѣшились поѣхать туда всѣ вмѣстѣ, мужъ мой, графъ и графиня де-Блуменбергъ, мадамъ де-Вальсгеймъ и я. Всю дорогу только и разговору было что о чудномъ замкѣ, въ который мы ѣхали. Говорили, что тамъ въ некоторыхъ комнатахъ спать нельзя, что всѣ здѣшніе домовые сходились туда на шабашъ.

— Ты не воротись отсюда, Одиля, не поговоривъ съ обитателемъ другаго міра или будешь недостойна фамиліи Рудольсгеймовъ, прибавилъ Эрнестъ.

— Когда такъ, я принимаю вызовъ и обязуюсь вочевать именно въ томъ самомъ мѣстѣ, которое было свидѣтелемъ самыхъ странныхъ явленій. Слава Богу, я не боюсь ничего, а это, можетъ-быть, доставитъ мнѣ волненіе совсѣмъ особеннаго рода.

— Смотри, не отступись послѣ, возразилъ Эрнестъ. Съ крестовыми походами твои предки и съ отцовской и съ материнской стороны не переставали посѣщать замокъ и при жизни и послѣ смерти. Старая баронесса — послѣдняя отрасль фамиліи д'Оберкригъ. Оберкригская фамилія, кажется, самая знаменитая во всемъ Альзасѣ.

— Конечно, перебилъ Вильфридъ, будь вы Альзасецъ, Эрнестъ, вы бы это знали. Фамилія эта угасла; послѣдняя наследница вышла за чужестранца, Мюнбризона.

— Старая баронесса де Луцбергъ, не смотря на свое оберкригское происхожденіе, кажется мнѣ немножко помѣнана. Она разскажетъ вамъ сотню нелѣпныхъ сказокъ и не позволитъ усомниться въ истинѣ.

— Ахъ, Боже мой! вскричала Адриана, я заранѣе умираю отъ страха и не сомкну глазъ въ этомъ Удольскомъ замкѣ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы пріѣхали. Баронесса приняла насъ со всѣмъ церемоніаломъ прежнихъ временъ. Вниманіе ея, разделяемое между всеми, особенно обращалось на меня. Она никогда не смѣялась и можете вообразить, какъ у нея было скучно. Покровъ холоду, даже страху охватилъ насъ, торжественность фамильныхъ портретовъ, мрачность обоимъ ничего не значили въ сравненіи съ наружностью владѣтельницы замка. Корридоры, лѣстницы, повторяли малѣйшій шумъ; затворяющаяся дверь отдавалась тысячью отголосками. У мужа моего было слишкомъ много сарказму въ умѣ, чтобы пропустить такой славный случай. Едва встали мы изъ-за стола, онъ повелъ атаку.

— Мы съ истерическимъ желаніемъ узнать ваше чудное владѣніе, куз-
ница.

— Маркиза де-Монкабриэ была уже здѣсь; конечно вы не помните?

— Нисколько, вѣрно я была тогда очень молода?

— Вы провели здѣсь три мѣсяца, будучи ребенкомъ съ вашей поч-
тительней тетузкой, мадамъ де-Рудольфсгеймъ.

— А отецъ мой?

— Это было въ первое время горестнаго вдовства его, онъ не
оставилъ Блуменберга.

— Объ этомъ старинномъ замкѣ ходятъ фантастическіе разсказы,
и такъ давно здѣсь живете, что вѣрно знаете, справедливы ли они?

— Я родилась и умру здѣсь. Я прожила семьдесятъ лѣтъ, ни разу
не ночевала внѣ замка, и могу васъ увѣрить, что все разсказы спра-
ведливы.

— Какъ! привидѣнія, таинственные голоса!

— Все справедливо.

Мы все переглянулись съ испугомъ. Баронесса это примѣтила.

— Успокойтесь, та часть замка, которую вы займете, остается
совершенно спокойною; чтобы видѣть мнѣхъ *посѣтителей*, надо
этого хотѣть. Только одна моя комната *посѣщается*, но я ничего
не боюсь.

Мнѣ моему этого было мало.

— Жена моя веѣлилась объ замкѣ, что попросить у васъ одну изъ
посѣщаемыхъ комнатъ. Она стыдится какъ истая Рудольфсгеймъ,
что ничего еще не знаетъ о другомъ мирѣ. Ваше присутствіе при-
детъ ей смѣлости.

Баронесса де-Луцбергъ бросила на меня долгій и глубокій взглядъ,
въ которомъ сверкала настоящій магнетизмъ.

— Правда ли, кузина, сказала она торжественнымъ тономъ, что
вы этого хотѣте?

— Правда. Я желаю сама узнать, что должно думать о фантасти-
ческихъ разсказахъ моей фамиліи.

— И у васъ достанетъ мужества?

— Достанетъ.

— То, что вы увидите, будетъ связываться какимъ бы то ни было
образомъ съ вашимъ будущимъ, предупреждаю васъ. Дѣло идетъ не
о пустомъ хвастовствѣ, а о предсказаніи.

Адриана дергала меня за платье и предлагала переночевать съ нею, но я бы не отступилась ни за что на свѣтъ.

— Вы увеличиваете мое желаніе, баронесса. Выберите сами приличную комнату и я обещаю вамъ остаться достойною крови, изъ которой происхожу.

— Подумайте еще. Надо остаться одной, совершенно одной. Нельзя ни звать на помощь, ни сохранить при себѣ оружіе. Довѣріе и молитва должны быть вашей единственной защитой. Впрочемъ, вреда вамъ не будетъ никакого, будьте спокойны.

— Я имѣла честь отвѣчать вамъ, баронесса, что на все согласна.

— Вотъ герония, продолжалъ смѣясь, Эрнестъ. У меня заранѣе волосы становятся дыбомъ.

— Но точно ли нѣтъ ни какой опасности? настаивалъ Вильфридъ.

— Опасность воображаемая, конечно. Одилия завтра расскажетъ намъ чудеса, графиня де-Блуменбергъ уже дрожитъ.

— Я очень рада, что не привезла сюда дѣтей, отвѣчала просто Адриана.

Сердце матери выкажется вездѣ.

Баронесса де-Луцбергъ позвонила и приказала слугѣ приготовить одну изъ таинственныхъ комнатъ.

— Если вы струсите, кухня, дерните за ленту у кровати, я услышу и приду къ вамъ.

— Вы не знаете Одилию, продолжалъ Эрнестъ, рывившись обернуть все въ шутку: она не позоветъ васъ, хоть бы домовые всего свѣта напали на нее.

До вечера ни о чемъ другомъ не говорили. Эта женщина, семьдесятъ лѣтъ живиная съ призраками, сама походила на призракъ; огромная гостиная, которую лампы едва едва освѣщали, торжественность, царствовавшая на всѣхъ лицахъ, даже въ малѣйшихъ движеніяхъ слугъ, все это оледенило меня почтительнымъ ужасомъ и помощью моего воображенія я перенеслась въ идеальную сферу, гдѣ мнѣ предстояло встрѣтить тѣхъ, которые прежде меня были на землѣ. Я сочла почти обязанностью подвергнуться опасности, предназначенной моему поколѣнію и съ могучей рывимостью вошла въ свою комнату.

Прошло десять часовъ; было очень холодно, хотя наступилъ іюнь. Комнаты эти, вѣрно давно не обитаемыя, сохраняли ледяную сырость. Всѣ пошли со мною, чтобы посмотреть мое жилище. Вильфридъ пред-

легла остаться на ночь у дверей моей спальни, я отказала. Эрпестъ искалъ средство отпустить двѣ три шуточки, правда безъ отголоску. Баронесса де-Луцбергъ не занималась никѣмъ и ничѣмъ. Она обошла комнату, чтобы посмотреть все ли въ порядкѣ, потомъ сказала мнѣ:

— Матушка ваша почевала здѣсь, когда была вами беременна, кушала, а это было, увы! не задолго до ея кончины.

— Намъ не надо бы позволять Одилинъ оставаться здѣсь, сказалъ Вильфридъ моему мужу, пораженный словами баронессы.

— Когда ей такъ хочется!

— Я ничего не боюсь, повторяю вамъ, Вильфридъ.

— Притомъ же, здѣшнія привидѣнія пречестныя особы, семьдесятъ лѣтъ не убили баронессы, кажется они очень уважаютъ фамилію Рудольфсгеймовъ. Развѣ вы не понимаете, что эта женщина помышана? прибавилъ онъ шопотомъ.

— Но это можетъ сдѣлать странное впечатлѣніе на умъ Одилинъ.

— У ней его слишкомъ много для этого.

— Ахъ, маркизь! самыя великія умы часто слабѣютъ передъ суевѣріемъ; вспомните Наполеона, который взривъ картамъ.

Эта длинная комната въ видѣ галлерей, представляла и величественный и роскошный видъ. Въ высокому и широкому каминъ весело пылало огромное пламя, освѣщая покой. Мѣдная люстра висѣла на потолкѣ, на тяжелыхъ креслахъ находились гербы Оберкрингскаго дома. Тоалетъ мой, украшенный кружевами, занималъ амбразуру окна, а огромное бюро стояло возлѣ камина. Горѣло множество восковыхъ свѣчей, огонь въ каминѣ обѣщалъ продолжаться на всю ночь, и потому мнѣ было видно до послѣдняго уголка моего опаснаго жилища.

Я осталась одна не передъ опасностью, но передъ сильнымъ впечатлѣніемъ; мой смѣлый характеръ и живое воображеніе завлекли меня. Теперь я раскаявалась и трусила. Чуть было не вздумала я призвать горничную, уйти къ Адрианъ, сдѣлать все на свѣтъ, только бы избѣгнуть суеты, для которой была въ этой комнатѣ: самолюбіе меня удержало. Я легла, не погасивъ свѣчей и стала ждать.

Плачевный звукъ часовъ замка, находившихся не далеко, потрясалъ старый домъ до основанія. Я слушала и смотрѣла вокругъ себя: я была въ лихорадкѣ. Свѣтъ свѣчей блѣднѣлъ, огонь въ каминѣ уменьшался, вѣтеръ свистѣлъ, время уходило, а я еще не видала ничего.

Пробила полночь; полночь часъ привидѣній и никакой шумъ не нарушилъ безмолвія. Въ эту минуту было можно услышать біеніе моего сердца; я думала, что задохнусь.

Мало-по-малу я успокоилась, глаза мои, устремленные на пламя! утомлялись, предметы вертелись вокругъ, я заснула. Сколько времени продолжался этотъ сонъ, не знаю. Меня разбудила дверь возлѣ моей кровати, заскрипѣвшая на своихъ петляхъ. Большое зеркало надъ каминомъ, прямо противъ меня позволяло мнѣ видѣть все.

Въ эту дверь вошло два человѣка: мужчина въ старинномъ французскомъ кафтанѣ, съ напудренными волосами, лѣтъ около сорока и ребенокъ лѣтъ четырехъ, одѣтый по модѣ тогдашняго времени, котораго тотъ мужчина велъ за руку. Оба были очень блѣдны, и только лицо ребенка, очень хорошенькаго, походило на лицо живаго существа. Мужчина, съ безстрастной физиономіей, съ множествомъ орденовъ, между прочимъ и съ орденомъ Святаго-Людовика, подошелъ прямо къ камину и сталъ на минуту у огня. Бросивъ вокругъ себя нерѣшительные взоры и конечно не примѣтивъ меня, онъ вынулъ изъ кармана ключъ, такой же фантастическій какъ самъ онъ, и отворилъ бюро, открывшееся съ зловѣщимъ шумомъ. Нѣсколько минутъ рылся онъ въ ящикахъ, вынулъ оттуда бумаги и сталъ читать. Потомъ грустно покачавъ головою, бросилъ ихъ въ огонь и смотрѣлъ какъ онъ горѣлъ.

Въ это время мальчикъ, державшійся за полу его кафтана, медленно пробѣгалъ глазами по комнатѣ, взоры наши встрѣтились и я почувствовала себя словно обвороженною.

Въ продолженіе всей этой сцены, желая увѣриться, точно ли не сплю, я щипала и кусала себя до крови и убѣждалась положительнымъ физическимъ ощущеніемъ, что не была игрушкою сна.

Когда я увидѣла, что ребенокъ примѣтилъ меня, когда его раздраженные глаза сожигали лицо мое, я подумала что умираю и прошептала молитву.

Созженіе бумагъ продолжалось, а ребенокъ все смотрѣлъ на меня. Потомъ дернувъ товарища за руку, онъ указалъ на меня; тогда, Рауль, этотъ человѣкъ безъ малѣйшаго удивленія, безъ малѣйшаго волненія въ чертахъ, сдѣлалъ повелительный знакъ и оставивъ свое аутодафе, прямо пошелъ ко мнѣ.

Ужасъ мой дошелъ до величайшей степени, я хотѣла встать, хо-

ткань притати; и была не въ составленіи; онъ все подходилъ, а на следы-нашего, не видѣла, зрѣлки его, безъ воровъ, привлекали мои гла-за, а не могла отвести ихъ въ сторону; наконецъ онъ протянулъ руку къ моему завязану, а не могла болѣе выдержать, и лишилась чувствъ.

Когда я пришла въ себя, восходящее солнце весело освѣщало мою комнату, огонь висѣлъ, свѣтъ ветулки, дверь и бюро, оба совер-шенно закрытые, вездѣсь, но отворялось цѣлый вѣкъ, птицы вали надъ снѣгомъ, вокругъ меня все было полно жизни, составлявшей по-решительный контрастъ съ образомъ смерти.

Я съ трудомъ омынулась, чувствовала непонятное утомленіе, члены мои казались мнѣ разбитыми, я еще не знала, что чувствую; то что находилось у меня передъ глазами, было такъ далеко отъ то-го, что я видѣла вчера. Я воюотылась къ мыслямъ о снѣ, порожден-номъ вчерашними разсказами; укушеніе и пятна, которыми были по-крыты мои руки, призвали меня къ действительности, память пред-ставила мнѣ все, что я точно видѣла.

Я прыгнула съ постели и принялась отыскивать еще болѣе зар-ныхъ слѣдовъ. Дверь, находившаяся между панелей, затворялась безъ ключа, внутренней задвижкой. Бюро, герметически закрытое, пред-ставляло розыскамъ достопочтенную пыль. Въ каминѣ не было пеп-лу, я, однако, была увѣрена, что видѣла!

Какъ мнѣ хотѣлось поскорѣе распросить баронессу! Она, безъ-со-мнѣнія могла мнѣ объяснить моихъ таинственныхъ поствителей, ска-зать ихъ имена; не должна ли она знать ихъ, какъ ясновидящая!

Она не заставила ждать себя и пришла ко мнѣ, когда никто еще не вставалъ въ зѣмкѣ.

— Ну что, сказала она, обнимая меня, видѣли вы что-нибудь?

Я разсказала видѣніе мое съ величайшими подробностями; она вы-слушала безъ удивленія.

— Вы увидите этого ребенка, онъ еще живъ; теперь взрослый мужчина и будетъ имѣть большое вліяніе на вашу судьбу, это влія-ніе измѣнитъ даже вашу будущность.

— Будетъ ли это вліяніе благопріятно?

— Не думаю.

— Можете вы сказать мнѣ его имя?

— Вы видѣли его и отца его портреты тамъ внизу, въ галлерей,

это графы де-Серли, родственники вашей матери, она провела здесь, возвращаясь изъ эмиграціи; отецъ жилъ въ этой комнатѣ и тутъ занемогъ. Онъ везъ важную переписку, и во время арестованія герцога ангійскаго, былъ отведенъ въ темницу прежде чѣмъ успѣлъ сжечь ее : думаютъ, что онъ тамъ умеръ. Сынъ его, воспитанный за границей, воротился во Францію въ 1814 году и никогда здѣсь не былъ. Можете надѣяться, что узнаете его когда-нибудь.

Пока мы оставались однѣ , я вѣрила по ея словамъ и тому что видѣла, но когда мужъ мой, Вильфридъ и даже Адриана увѣрили меня , что мнѣ все пригрезилось во снѣ , когда показали мнѣ портреты отца и сына въ тѣхъ же комнатахъ, какъ я сказала, мнѣ надо же было повѣрить сумасбродству моего воображенія. Пораженная на-канунѣ чудесными разсказами, мрачнымъ видомъ комнаты, я увидѣла во мнѣ образы, созданныя сначала дѣйствительностью. Я только могу сказать вамъ навѣрно, что послѣ я увидѣла этого ребенка, сдѣлавшагося уже взрослымъ мужчиною, что предсказаніе баронессы исполнилось точь-въ-точь и что вліяніе этого челоуька на жизнь мою довело меня до того, что я хочу сдѣлать завтра.

=

Т Р И С Т У П Е Н И .

=

РОМАНЪ ГРАФИННИ Д'АНТЬ.

=

СТУПЕНЬ ТРЕТЬЯ.

=

ВЕЖДА.

Мужъ мой не переставалъ называтья надо мною все время, пока мы оставались у баронессы. Въ следующую ночь онъ почевалъ въ той самой комнатѣ и спалъ глубокимъ сномъ, какъ уварялъ насъ утромъ. Никто къ нему не являлся и я, вочуя съ Адрианой на другомъ концѣ зѣмка, также ничего не видала. Что вамъ сказать объ этомъ? не знаю. Но этотъ сонъ, это видѣнiе, это помншательство, какъ вамъ угодно будетъ назвать, совершенно измѣнило направление моихъ идей. Я стала болѣе размышлять, и нѣсколько мѣсяцевъ бодрость моя не измѣнилась. Я прочла всего Сведенборга, прочла все, что древнiе и новѣйшiе авторы написали о видѣнiяхъ, и рѣшила такъ, что если другiе видѣли, — я тоже могла видѣть. Гуляя, я мечтала, какъ прежде, но какая разница! Въмсто того, чтобы населять мои воздушныя кинки надеждами, я наполняла ихъ сожалѣнiями; припоминала чудныя дни, проведенныя въ Блауменбергѣ, въ совершенной невинности, припоминала Альберта де-Тоннѣ и первое признанiе въ любви, припо-

минала то, чѣмъ я не была уже, видѣла себя окруженною развѣнами, ничего не воздвигнувъ на ихъ мѣсть. Приближался зрѣлый возрастъ, вѣстникъ старости, скачущій впередъ ея, чтобы приготовить ей жилище и помѣщающій ее очень плохо, если предусмотрительность не сопровождаетъ его.

Нѣкоторыя женщины и даже женщины умныя, обманываются на счетъ своего возраста; я никогда не могла этого понять. Мнѣ кажется, что прежде всѣхъ сама открываешь у себя морщины и сѣдые волосы. Малѣйшее поврежденіе въ кожу поражаетъ насъ, морщина на лбу, пятно на щекѣ — все видишь, все угадываешь, прежде чѣмъ замѣтятъ другіе. Время много меня пощадило, однако знаю, чего я лишилась, знаю нефермию въ моихъ чертахъ. Не понимаю, какъ и другіе не чувствуютъ ея. Въ то время, о которомъ говорю, красота моя еще не измѣнялась, слезы почтили мои вѣки, страданія не разбили меня совершенно какъ теперь. Я иногда смотрѣла въ зеркало съ удовольствіемъ, говоря себѣ, что въ Парижъ явлюсь все такою же. По письмамъ я знала о паденіи моихъ современницъ: ни одна не могла уже домогаться скиптра моды, а я навѣрно овладѣла бы имъ, если бъ захотѣла. Желаніе убѣдиться въ томъ начало проявляться при провозденіи второй зимы въ деревнѣ. Я геройски сражалась съ старыми своими врагами: скукой и потребностью угожденій, я чувствовала себя готовою уступить; ужъ и то много, что устояла до-сихъ-поръ! Все окружающее потеряло прелесть въ моихъ глазахъ, я не была чувствительна ни къ чему, благотворительныя дѣла не волновали уже моего сердца. Вильфридъ не упускалъ ни одного изъ моихъ вѣстатльвй, слѣдовалъ съ ужасомъ за ихъ успѣхами и предвѣдѣлъ конецъ. Мужъ мой, проученный послѣдними потерями, очень ограничилъ расходы, это ему понравилось и что-то похожее на скупость появилось у него въ характеръ. Эта страсть похожа на всѣ другія; едва ей предоставишь часть самаго себя, она овладѣваетъ остальнымъ; въ одинъ годъ мужъ мой сдѣлался скупцомъ и началъ копить дѣньги. Мы съ нимъ шли по путямъ совершенно противнымъ я — къ возвращенію въ свѣтъ, а онъ къ экономіи день отъ дня стройжайшей. Я это знала, но умирала отъ желанія новыхъ успѣховъ. Я покусилась на кой-какія попытки, ихъ отвергли съ урономъ.

— Какъ можно думать о Парижѣ, этой безднѣ, гдѣ поглащаются несмѣтлыя богатства, когда съ бездѣлицей можно въ своемъ по-

нать жить по-княжески? Зачѣмъ туда вѣхать? За скукой, за за-
вистниками? выказать наряды и экипажи? Къ чему? Развѣ въ Страс-
бургѣ и Кольмарѣ выказать ихъ нельзя? не славнѣе ли оставаться
верными въ провинціи, чѣмъ склонять голову передъ выскочками,
идами-банкирами, которые всегда богаче помѣщиковъ?

Я не опровергала этихъ разсужденій, опроверженіе только прида-
етъ мнѣ силу. Я молчала, но у меня также были свои аргументы,
свои намѣренія. По свадебному контракту состоянія наши были раз-
дѣлены и я просто хотѣла потребовать моихъ доходовъ, чтобы из-
держать ихъ какъ мнѣ вздумается. Я не знала, что не имѣла на это
права, что должна жить тамъ, гдѣ угодно мужу. Эрнестъ угадалъ
мою цель и счелъ нужнымъ развѣ навсегда прекратить всякое тре-
бованіе и изъясниться съ откровенностью.

— Не къ чему брать столько изворотовъ, я очень хорошо понимаю
въ чемъ дѣло. Ты хочешь вѣхать на зиму въ Парижъ. Такъ ли?

— Такъ, другъ мой.

— А это невозможно, душа моя.

— Невозможно? почему?

— Потому что у меня нѣтъ на это денегъ.

— Мнѣ не столько нужно, какъ ты, можетъ-быть, думаешь; мо-
ихъ собственныхъ доходовъ будетъ довольно.

Онъ засмѣялся.

— Славно! А совѣтовалась ты съ адвокатомъ?

— Полно! кто объ этомъ думаетъ!

— Я думаю за тебя и прому сдѣлать это непременно, чтобы убѣ-
диться, что ты ничѣмъ не можешь располагать безъ моего согла-
сія; хотя имѣнія наши раздѣлены, однако ты должна жить въ су-
пружескомъ жилищѣ, развѣ захочешь требовать развода.

Дѣло идетъ не о требованіи, но объ угожденіи; я не вижу, зачѣмъ
я здѣсь нужна. Благодаря тебѣ, что мы другъ для друга столько уже
любимъ? Я не буду дѣлать тебѣ упрековъ, но если по твоей милости
мы стали чужды другъ для друга, то по-крайней-мѣрѣ не станемъ
взаимно мучиться, будемъ наслаждаться преимуществами равнодушія.

— И я тоже, Одилия, не буду дѣлать тебѣ упрековъ, а если мы
начнемъ это, то послѣдствія могутъ быть важны. Ты никогда не хотѣла
знать ни меня, ни моей привязанности. Я люблю тебя, люблю по-
крепно и никогда не повѣрю, чтобы ты была ко мнѣ равнодушна,

я знаю, что и ты любишь меня. Нѣтъ, мы необходимы другъ другу болѣе чѣмъ ты думаешь, мы равно необходимы здѣсь нашимъ же годамъ, крестьянамъ, Вильфриду, твоимъ болѣющимъ, за которыми ты такъ ухаживаешь. Я тебя говорилъ, что это не продолжится. Одиля! Знаешь ли, ужасно подумать, какъ измѣняются твои вѣрныя.

— Ты думаешь? а я все та же.

— Нѣтъ. Тебѣ хочется въ Парижъ, а недавно ты его ненавидѣла. Была счастлива съ нами, а теперь скучаешь. Что ты будешь дѣлать въ Парижъ? Дома у тебя нѣтъ; найти и устроить такой домъ, какъ твой, надо цѣлые мѣсяцы, можетъ-быть годы, а пока неужели ты наймешь квартиру съ мебелью, какъ студентъ? Ты не проживешь такъ и двухъ дней.

Я знаю одинъ отель, который продается, для насъ онъ будетъ очень удобенъ. Въ нѣсколько недель я беру на себя найти мебель не хуже прежней, ничего нѣтъ легче.

— На какія деньги?

— Въ деньгахъ у меня недостатку нѣтъ, я знаю, доходы твои огромны и одно это помѣстье много приноситъ.

— Мнѣ нужны деньги для вещей, которыя полезны.

— Ну, такъ я продамъ свои брилліанты.

— Полно! рѣшишься ли ты показаться въ общество и не слышать какъ вокругъ тебя шепчутъ. «Это прелестная маркиза де-Монкабриѣ на ней брилліантовъ на нѣсколько миллионновъ».

— Можно такъ сдѣлать, что и не примѣтятъ, такъ что даже ты самъ не узнаешь; теперь удивительно умѣютъ поддѣлывать брилліанты.

— Такъ лучше превратимъ ихъ въ деньги и увеличимъ наши земли: онъ принесутъ доходъ.

— О! Эрнестъ, что изъ тебя вышло?

— Человѣкъ разсуждающій, думающій о будущемъ, сдѣлавшійся серьезнымъ, и пора. Что ты скажешь, когда узнаешь, что я послалъ просьбу объ увольненіи меня изъ клуба?

— Скажу, что ты не могъ этого сдѣлать, другъ мой.

— Однако я сдѣлалъ и съ удовольствіемъ. Тратилъ тамъ бездну денегъ попустому, да къ чему быть членомъ клуба, когда живешь въ Блуменбергъ?

— Так ты твердо решился всегда здесь остаться?

— Непременно, исключая кой-каких позадок по делам или для удовольствия. Мне нравится этот край, здесь хорошо жить, слава обзавелась, союды прекрасные, уважают нас как вольна бома, что же еще надо?

— Боже мой! ты выведешь меня из терзаний!

— Послунай, Одилия, станемъ разсуждать. Чего тебѣ хочется? расстаться? это легко. Давай праздники, балы, устрой театр, а тебѣ кинизы не стану, только бы ты не приглашала всей провинціи к тебѣ бы это не слишкомъ дорого стоило.

— Я не хочу ни праздниковъ, ни баловъ, хочу захать, и если мене любишь, какъ увѣрала сейчасъ, то не станешь противиться. Я зная соню.

— Повторяю, невозможно. Если бы ты была женщина, какъ вся другія, еслибъ удовольствовалась скромнымъ образомъ жизни, но видъ ты въ доныгахъ счету не знаешь, тебѣ бы надо казначая, какъ было въ старину.

— Отпусти меня, мнѣ будетъ довольно небольшой суммы.

— Какой напримѣръ?

— Почему я знаю! ну хоть четверть того, что мы вмѣстѣ издерживали.

— Я думаю! сто тысячъ франковъ!

— Неужели много? такъ шестдесятъ, пятьдесятъ, сколько хочешь. Только будь у меня домъ и гардеробъ, карета, свои люди, ложки. Я буду принимать, общаю.

— Чудесно! ты говоришь о безумной роскоши.

— Нѣтъ, это только необходимое.

— Твое *необходимое* раззорительно, душа моя.

— Я всегда такъ жила и съ составиенъ, которое принесла тебѣ...

— Такъ ты непременно хочешь меня оставить?

— Позжай со мною, я буду счастлива вдвойнѣ.

— На это отказъ формальный. А для тебѣ вотъ мои условия; даю тебѣ двадцать тысячъ франковъ на все твои парижскія издержки; не стану вмешиваться ни во что, устранивайся, какъ тебѣ угодно, это до мене не касается; возьми съ собою людей каникъ хочешь, это твое дело, а не мое. Правится тебѣ это, такъ соглашайся, нѣтъ, такъ оставь.

— Двадцать тысяч!

— Да, двадцать тысяч на четыре мѣсяца, по пяти тысяч въ мѣсяцъ, сумма, кажется, недурна. Ты можешь имѣть чудесную квартиру, обитую утрехтскимъ бархатомъ или шерстянымъ дамасомъ, обюссонскіе ковры, кнсейные занавѣсы, чего еще лучше? Наскину карету, славную кухарку, и два мѣста въ ложь Итальянской Оперы.

Я не могла выдержать и ушла.

А конечно мужъ мой былъ правъ: пять тысячъ въ мѣсяцъ для одной женщины было за-глаза, но для меня весьма мало. Привыкнувъ къ необузданной роскоши, къ удовлетворенію всѣхъ моихъ прихотей привыкнувъ первенствовать по богатству надъ парижскимъ обществомъ, которое обходилось со мною какъ съ избалованнымъ ребенкомъ, я не могла перенести мысли, чтобы жить, отказывая себѣ въ чемъ-нибудь и провела ночь, отъискивая средство устроить все. Мужъ мой никогда не измѣнялъ однажды припятого рѣшенія, добиться отъ него бѣльшаго нечего было и думать, но оставалось стараться найти въ другомъ мѣстѣ то, въ чемъ онъ мнѣ отказывалъ. У меня была дружба, которыхъ я облизывала во времена моей роскошной жизни будутъ ли они признательны? надо попытаться. Это униженіе раздражало меня противъ моего мужа до такой степени, что вы не можете вообразить. Демонъ послалъ мнѣ мысль, которая прекратила всѣ затрудненія.

— Соглашусь! пока достанетъ, проживу какъ-нибудь, а потомъ на дѣлаю долговъ, онъ долженъ же будетъ заплатить.

Надо было взглянуть на лицо моего мужа, когда я сказала ему на другой день, что подумавъ, соглашаюсь на его предложеніе! ъду въ Парижъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Услыхавъ эту новость, Блу менберги грустно переглянулись. Не знаю, хорошо ли я заставляла васъ слѣдить за движеніями моего сердца, поняли ли вы непрерывную борьбу благородной природы съ жаждою удовольствій и поклоненій, которую ничто не могло утолить? Присутствовали ли вы въ постепенномъ униженіи моего сердца? Видѣли ли, какъ улетали одна за другою добродѣтели женщины, уступая мѣсто потребности волненій безпрестанно возобновляющихся? Скука, моя самая страшная непріятельница, побѣдила меня въ третій разъ, восторжествовала надъ моею рвнностью, надъ моимъ самолюбіемъ, надъ истинными приязанностями души моей и почти насильно приводила въ свѣтъ, ко

терей погубилъ меня, и въ которомъ все-таки я чувствовала потребность жить.

Вернуться назадъ, когда сойдешь съ прямаго пути, можно только въ слѣдствіе геройской твердости, а она у меня къ несчастію тогда не было. Я только и думала объ отъѣздѣ, назначенномъ въ первыхъ числахъ декабря. Надо было имѣть время устроиться, до начала праздниковъ.

— Когда воротитесь, Одилия? спросилъ Вильфридъ, грустно смотря на мои приготовления.

— Не знаю, другъ мой, разумеется не прежде весны, можетъ быть даже позже.

— Вы будете писать ко мнѣ, не правда ли, и подробнѣе? Я получаю отъ васъ только записочки, увѣдомляющія о здоровьѣ тѣла, но не души. Зачѣмъ не говорите мнѣ всего, кузина? Зачѣмъ боятесь меня, зачѣмъ еще скрываете отъ меня что-нибудь?

— Потому что я не смѣю быть съ вами такою какою на самомъ дѣлѣ, Вильфридъ; я вовсе не похожа на ту Одилию, которую вы такъ любили въ дѣтствѣ, на то, чѣмъ я обещала вамъ быть, я краснѣю за себя.

— Не краснѣйте никогда передъ вашимъ братомъ, возразилъ онъ, взявъ мою руку; въ его сердцѣ нѣтъ для васъ ничего кромѣ снисхожденія и милосердія.

При каждомъ моемъ отъѣздѣ онъ говорилъ мнѣ тоже, и каждый разъ его трогательныя просьбы оставляла я безъ вниманія. Въ концѣ ноября мужъ мой вошелъ въ мою комнату съ письмомъ въ рукѣ.

— Душа моя, сказалъ онъ, фантастическое началось опять. Я сейчасъ получилъ это объявленіе отъ баронессы де-Луцбергъ, расвѣчатавъ по адресу, но вышло, что оно писано къ тебѣ. Прочти и скажи мнѣ, что ты объ этомъ думаешь.

Въ письмѣ заключалось слѣдующее.

«Танцевальная комната никогда не обманываетъ, кузина: тотъ, кого вы видѣли здѣсь, скоро будетъ у васъ, хотя мы вовсе не ожидали увидѣть его въ Эльзасѣ. Сцѣпленіе обстоятельствъ, довольно странныхъ, заставило его предпринять эту повздуку; дай Богъ, чтобы ни вамъ ни ему не пришлось раскаиваться! Я сочла долгомъ увѣдомить васъ о пріѣздѣ графа де-Серли, чтобы васъ не удивило его посѣщеніе и чтобы вы имѣли время приготовиться. Не надо

связаться надъ сверхъестественными и коннотативнымъ воззрѣн; имъ вѣдѣно, что они иногда справедливы, и прочая....

— Точно странно, что этотъ де-Серли немного теперь прижмется съ другаго конца свѣта, признайся, Эрнестъ.

— Ба! старая сивилла знала какъ его выкупать, она вызвала привидѣннѣ знакомое, это удобнѣе. Мнѣ любопытно посмотреть на этого господина, который занимаетъ роль домашняго привидѣннѣ: у него вѣрно въ карманѣ глухой фонарь и ключи отъ всѣхъ комнатъ.

— Увидимъ!

Черезъ три недѣли, гуляя на террасѣ, возвышающейся надъ дорожкой, мы увидѣли, что фазтонъ, четверкой, управляемый жондлемъ и двумя верховыми, подъѣзжаетъ къ замку.

— Шесть слугъ, шесть лошадей, пентюралъ мужъ мой, и такіе лошадей! посмотри, Одилія! Ужъ не Англичанинъ ли это какой-нибудь, привлеченный сюда молвою о твоихъ прелестяхъ? Клянусь честью, что это наше привидѣннѣ, продолжалъ онъ! когда фазтонъ остановился у крыльца; я узнаю его гербы.

Привидѣннѣ, если ужъ дали ему это имя, подходило къ намъ. Мужъ мой пошелъ къ нему на встрѣчу, я осталась на своемъ мѣстѣ въ сильномъ волненіи. Новый гость нашъ, исключая разницы въ лѣтахъ, походилъ на ребенка таинственной комнаты. Я поклонилась ему, блѣднѣя и дрожа какъ въ ту роковую ночь. Эрнестъ не пропустилъ случая поднудить надо мною вполголоса, представляя мнѣ графа де-Серли. Наружность его была серьезна, онъ подошелъ ко мнѣ съ граціей немовожко иностранной, но изящной и самъ навелъ разговоръ на такой тонъ, что вывелъ меня изъ замѣчательства. Лошади его стояли у крыльца, что показывало церемоніальный визитъ. Мы упросили его не только обѣдаться обѣдать, но и провести у насъ несколько дней. Онъ рассчитывалъ на это заранѣе, но утонченная квинтъ-эссенція его англійскаго воспитанія не позволила ему выказать это ничѣмъ. Онъ заставилъ себя просить именно столько, какъ предписывало приличіе.

Обрадовавшись, что представился случай нарядиться, я вышла въ семь часовъ, одѣтая просто, но со вкусомъ. Мы застали кузена, де-Серли также приходилъ намъ кузеномъ, рассказать о своихъ путешествіяхъ, индійскихъ кампаніяхъ, охотахъ, все что онъ могъ,

принимать, и рассматривать его чудство. Мужъ мой не терпелъ ни виду своей идеи.

— А здесь вы никогда не бывали прежде? спросилъ онъ.

— Только когда я была ребенкомъ, у баронессы де-Луцберги, во время смерти моего несчастнаго отца.

— И съ-тѣхъ-поръ вы переписывались съ этой Гоеманской женой?

— Очень рѣдко.

— Уведомили вы ее о вашемъ приездѣ?

— Вовсе нѣтъ. Я сама не знала за два мѣсяца, что буду въ здѣсь.

Я побладила.

— Старыя бумаги, въ которыхъ я нашла духовную моей бабушки, заставили меня призвать сюда. Духовная эта налагаетъ на старшаго изъ нашихъ родъ обязательство, о которомъ я ничего не знала.

— Какое-нибудь завѣщаніе?

— Нѣтъ, поклоненіе и даръ Notre-Dame-des-Égises.

— И вы тамъ были?

— Конечно, я очень уважаю фамильныя приказанія.

Въ вечеръ этотъ и недѣля, проведенная у насъ графомъ прошли; каждый день мы болѣе увѣрялись въ его достоинствахъ. Это былъ чловкъ благородный въ полномъ смыслѣ слова. Онъ скоро съ нами подружился, какъ дружатся въ деревнѣ, гдѣ не расстаешься съ утра до вечера. Даже онъ понравился Вильфриду, успѣвъ еще труднѣйшій. При немъ стали говорить о моемъ отъездѣ.

— Какъ, маркиза, вы ѣдете въ Парижъ?

— Да, графъ, черезъ нѣсколько недѣль.

— И я также проведу тамъ зиму.

— Графъ твой родственникъ, Олимпія, сказалъ мужъ мой, ты тамъ будешь одна, никому лучше не могу поручить я тебя какъ графу.

Де-Серли молча поклонился; это тѣмъ болѣе поразило меня, что онъ почти тотчасъ переизмѣнилъ разговоръ какимъ-то неожиданнымъ и пустымъ вопросомъ. Вильфридъ тоже замѣтилъ это и послѣ оканчалъ мнѣ. Откуда происходило это молчаніе? Развѣ онъ не хотѣлъ заниматься мною? но онъ не принималъ труда скрывать свое восторженное удивленіе или, скорѣе, какъ чловку благородному, ему не

хотѣлось взять такое порученіе отъ моего мужа? я всегда такъ думала; какъ бы то ни было, онъ не принялъ его.

Графъ былъ прежде очень хорошъ собою: рана возле глаза немножко его безобразила. Станъ его остался удивительнымъ, онъ это зналъ и выказывалъ, впрочемъ, безъ принужденія.

Послѣ его отъезда въ Блуменбергъ не прекращались похвалы на его счетъ. Даже Вильфридъ, благоразумный Вильфридъ, заразился восторгомъ. Я говорила меньше и, вѣроятно, чувствовала больше другихъ. Графъ любилъ меня, я въ этомъ не сомнѣваюсь. Привыкнувъ находить любовь на каждомъ шагу, я обыкновенно не обращала на нее вниманія; теперь же думала, думала, и надо признаться, съ самолюбіемъ. Для князя блистала послѣдняя искра моего сердца, ей уже не было суждено загораться. Мнѣ нужно было занятіе для ума и воображенія, нужно было наполнить пустоту, оставленную въ моей жизни всеми разорванными привязанностями, и я бросала въ эту пустоту все, что ощущенія могли представить мнѣ разнообразнаго. О! какое презрѣнное состояніе! какое грустное и мучительное безнокойство! тому, кто узналъ ихъ, нечего надѣяться на спокойствіе, потому что эта бездна не наполнится, хотя поглощаетъ слезы и кровь нашего сердца.

Я продолжала приготовляться, написала къ баронессѣ, чтобы она отыскала мнѣ приличную квартиру, просила ее переехать ко мнѣ, отчего она, разумѣется, не отказалась. Я уже не обманывалась на счетъ этой женщины и между-тѣмъ ни минуты не могла обойтись безъ нея въ Парижъ. Она льстила самымъ дурнымъ, самымъ постыднымъ страстямъ моимъ, следовательно тѣмъ, которыя хвалятъ всего труднѣе. Отвѣтъ баронессы д'Ормессъ сообщалъ мнѣ подробности о многихъ изъ тѣхъ лицъ, о которыхъ я говорила. Почти все они съѣхались въ Парижъ. Даже Гюнтеръ занялъ прежнее мѣсто при австрійскомъ посольствѣ. Мнѣ предстояло много краснѣть среди разорванныхъ колецъ моей грустной цѣпи. Лобъ мой не былъ укрытъ отъ стыда, я не переступила послѣдняго шагу. Викторъ ждалъ меня съ нетерпѣніемъ; онъ точно любилъ меня привязанностью постоянною; признавая свои вѣны, онъ прощалъ ихъ самому себѣ, усиліе самое трудное. Въ ссорѣ двухъ друзей, двухъ любовниковъ, тотъ всегда виновнѣе, кто труднѣе рвшается забыть. Великодушное существо находитъ счастье въ прощеніи.

Никтолку вступилъ донъ отъезда. Я шла въ деревнѣ съ горничной и Андреемъ; даже верхового мужъ мнѣ не далъ!

Въ ту минуту какъ я садилась въ карету, Адриана привела ко мнѣ всѣхъ своихъ дѣтей и мою маленькую крестницу, которая по странной случайности, очень на меня походила. Я растрогалась, целуя ее; слезы выступили у меня на глазахъ, я чуть было не отказалась отъ своего намѣренія.

Адскій смѣхъ раздался:

— Развѣ ты завтра не будешь въ отчаяніи? Развѣ одиночества, неостаянія радости твоей жизни, свѣтъ и его удовольствія, не ожидать тебя въ Парижъ? Нѣтъ, несчастная, ты не можешь остаться.

— Веселись же хорошенько, Одилия, говорилъ въ это время мужъ мой; ниши намъ обо всемъ. Я, можетъ-быть, приѣду къ тебѣ и привезу остальныхъ людей. Впрочемъ, не надѣйся на это и расположись такъ, какъ бы меня вовсе не ожидала.

— Да, да, отвѣчала я, сама не понимая, чтò говорю.

— Прощайте, Одилия, повторяли Вильфридъ съ Адрианой, да хранитъ васъ Богъ!

— Берегите мою крестницу, друзья мои; повторите ей, чтобы она меня любила, она будетъ моей дочерью.

Я уехала. Съ этого дня начались истинныя несчастія, самое великое поношеніе моей жизни; до-сихъ-поръ я могла обманываться на счетъ моего сердца, мечтала о возможности раскаянія, скоро мнѣ остался одинъ выходъ — отчаяніе. Эти размышленія тогда меня не занимали, я не знала, чтò меня ожидало, вѣсила надъ послѣдней ступенью, не считая ее даже возможною, прогоняла докучливыя мысли, украшала всеми прелестями воображенія возвращеніе свое въ этотъ блистательный свѣтъ, гдѣ мѣсто мое оставалось пусто уже нѣсколько лѣтъ.

Вечеромъ, при чудесномъ заходящемъ солнцѣ, на одной станціи я рассматривала крестьянъ, окружавшихъ меня съ любопытствомъ и наконецъ нашла, что споръ Андрея съ почтмейстеромъ продолжается слишкомъ долго.

— Надо будетъ подождать здѣсь, сказалъ мнѣ слуга мой, лошадей нѣтъ.

— Нѣтъ лошадей на этой станціи! ты самъ не знаешь, чтò говоришь, Андрей.

— Вот въ разсудокъ, а не велики делишариски, получилъ я отъ баронессы избрала верховой, сейчасъ здѣсь прѣзжавшій.

— А! сколько ихъ?

— Двадцать.

— Что же это за вриццъ?

— Графъ де-Серли. У него три кареты.

— Графъ! такъ я его подожду, я уверена, что онъ уступитъ мнѣ лошадей, по-крайней-мѣрѣ для моей кареты.

Черезъ несколько минутъ вихрь пыли возвестилъ о прѣздѣ *набоба* (такъ въ Эльзаса звали графа за его богатство и пребываніе въ Миди). Онъ узналъ гербы мой на дверцахъ и выпрыднулъ изъ экипажа, ведомого ко мнѣ.

— Буду ли я имѣть счастье услужить вамъ въ чемъ-нибудь, маркиза? спросилъ онъ съ обыкновенной своей важностью.

— Вы можете не задерживать меня здѣсь. Я сижу безъ лошадей, благодаря вашему истинно королевскому великолюбію.

— И всѣ лошади и всѣ мои экипажи, къ вашимъ услугамъ, маркиза.

Онъ приказалъ, чтобы заложили мою и его карету.

— Люди наши подождутъ вмѣстѣ, если позволите.

— Но я не могу допустить этого, графъ. Не лую дорогу будетъ въ безъ слугъ, они насъ не догоняютъ.

— Догонятъ, уверяю, кузина. Посмотрите, одинъ изъ слугъ моихъ уже увалалъ, чтобы догнать верхового и велѣть ему приготовить лошадей и для васъ. Позвольте мнѣ эту маленькую охвость?

Что сказать вамъ, милый Рауль? всю дорожку звали мы вѣзетъ. Графъ часто садился ко мнѣ въ карету, осыпая меня злыми усердными и милыми угожденіями, для которыхъ не довольно одного богатства. Разговоръ его чрезвычайно мнѣ нравился, онъ соединилъ съ самымъ образованнымъ умомъ рыцарскую важность, неизотпуную вышннимъ мужчинамъ.

Прѣзжавъ въ Парижъ, мы условились, что если можно, будемъ жить въ одномъ домѣ и во всякомъ случаѣ станемъ видѣться какъ можно чаще.

Въ домѣ, въ которомъ баронесса выбрала мнѣ квартиру, одинъ изъ лучшихъ въ Парижѣ, находилась другая квартира, гораздо величавше, но слишкомъ для меня дорогая. Ее нанялъ де-Серли.

Обернула уши по ширине и не могла проглотить ни дышать, ни заткнуть въ свою душу. Принимала тысячу визитовъ, дала закуски, устроивалась, словомъ принялась за парижскій образъ жизни, насколько забытый въ мою продолжительную уединеніи. Считала это проказомъ свое обыкновенное дѣйствіе, и оглушилъ меня. Потому я онемѣлась, начала отдавать себя отчетъ и являлось безпомощство. Во-первыхъ домъ, общій съ другими жильцами, сталъ мнѣ непріятенъ. Шумъ на улицѣ мѣшалъ спать ночью и слышать днемъ. Вязото моею восхитительной теплицы, вѣсной самкою радками и душистыми цвѣтами; наде было удовлетворяться жардиньерками, гдѣ были камелии и умирали розы, по недостатку воздуха. Мнѣ захотѣлось здѣть верхомъ; мнѣ привели нечистокровную лошадь, слезливую сестру Лудоровъ; я нанявала ее помыслу, два раза създила, у нея не было ни жару, ни горячности; я ее отослала. У Кремля прельстила моя чудесная англійская лошадь; я купила ее очень дешево, за пять тысячъ франковъ, четверть моего капитала.

Еще не все: нужна была лошадь для жокея, но такая красивая, по-крайней-мѣрѣ, достойная моей, и опять двѣ тысячи франковъ улетали. Несколько необходимыхъ поправокъ, двери не плотно затворявшіяся, слишкомъ простые занавѣски, сивершия кровати, дурныя кресла, неполная поваренная посуда, гадкія ковры, на все это вышло тысячи три. Прибавьте наряды, дюжину чепцовъ вечернихъ и утреннихъ, новая ограда вещей, медальи бездѣлушки, духи, бѣлье, кружева, деньги за квартиру, моши, новая ливрея людямъ, хотя самая простая, изъ всего этого вышло то, что послѣ первыхъ недѣль, роясь въ коммодѣ, я нашла только семь или осемь сотъ франковъ. Я упала на кресла въ изумленіи. Куда дѣвались деньги? Я купила только необходимое, жила бережно, не давала ни одного обѣда, ни одного вечера! наняла кухарку самую простую, карету держала наемную. Самолюбіе мое страдало каждый день, при встрѣчѣ съ женщинами, которыхъ прежде я забрызгивала грязью, и которыя теперь гордо перегоняли въ своихъ экипажахъ съ гербами, мою скромную наемную карету. Я не вздѣла ни въ Булонскій Лѣсъ ни въ Елисейскія Поля и увѣрю васъ, что эти непрерывныя оскорбленія моему тщеславію наконецъ прорыли очень болѣзненную рану. Боронесса безпрестанно насмѣхалась, повторяя:

— Самые виноваты!

Въ тотъ страшный день, когда я открыла концы вассы, я позвала къ ней уведомить о своемъ горѣ.

— Я вамъ говорила сто разъ, сами виноваты.

— Конечно виновата, надо было экономничать.

— Нѣтъ, не то.

— Что же такое?

— Надо было взять отъ мужа достаточную сумму. Какъ! вы принесли въ приданое около трехъ сотъ тысячъ франковъ, у него есть собственное свое состояніе, дѣтей у васъ нѣтъ и онъ скупится, отказываетъ вамъ въ *необходимомъ*. Да это ни на что не похоже!

— Но въ Блауменбергѣ у меня есть все что нужно.

— Конечно, съ скукой въ придачу. Что жъ, воротитесь въ Блауменбергъ.

— Не хочу.

— Такъ что же будете дѣлать?

— Напишу къ нему и попрошу денегъ.

— Къ Эрнесту?

— Ну, да.

— Развѣ вы его не знаете? или забыли, что онъ никогда не подается.

— Правда.

— Онъ отсчиталъ вамъ двадцать тысячъ на четыре мѣсяца, уверилъ, что не получите больше, и *прикажетъ* воротиться, если узнаете о вашемъ положеніи.

— Что же дѣлать?

— Долги.

— Это легко сказать, надо жить, содержать людей....

— Я бы дала вамъ советъ, но вы не послушаетесь.

— Какой?

— Нечего говорить, не послушаетесь.

— А можетъ-быть.

— Разсердитесь, раскричитесь.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

— На вашемъ мѣствѣ я бы ни слова не сказала мужу, призвала бы графа де-Серли, *своего кузена* — она сдѣлала удареніе на этомъ словѣ — рассказала бы ему все и откровенно попросила помочь мнѣ.

— Элиза, вы помѣшались.

— Вы должны говорить такъ, а между-тѣмъ я указываю вамъ единственное средство выпутаться изъ бѣды.

— Де-Серанъ влюбленъ въ меня!

— Знаю.

— Неужели вы не чувствуете, что въ этомъ поступкѣ будетъ уни-
зительнаго?

— Чувствую тоже, что и вы, только не вижу зачѣмъ.

— Есть минуты, когда вы заставляете меня краснѣть.

— Замѣьте, пожалуйста, что вы всегда согласитесь съ моимъ мнѣніемъ.

— Теперь этого не будетъ.

— Такъ воротитесь въ Блауенбергъ.

— Элиза, вамъ весело меня мучить.

— Душенька, я всегда говорю вамъ правду, вы принуждены со-
знаться.

— Какъ! этотъ человекъ меня любить, и открыть ему свое поло-
женіе! сказать: Дайте мнѣ въ займы безъ вѣдома мужа, не все ли
равно, что сказать: Подарите!

— Совсѣмъ вѣтъ. У васъ свое собственное состояніе, вамъ легко
будетъ возратить, хоть мало-по-малу; откладываете въ Блауенбер-
гъ изъ своего годоваго содержанія.

— Откладываетъ изъ двѣнадцати тысячъ франковъ, чтобы запла-
тить можетъ-быть....

— Сто тысячъ. Тогда продайте ферму, имѣніе у васъ съ мужемъ
отдѣльное. Притомъ же заимодавецъ не станетъ приставать къ вамъ.
Набобъ! что значить для него эта сумма? бездѣлица! онъ столько же
заплатитъ за какую-нибудь прихоть, китайскую куклу, перстень, и въ
двадцать разъ больше броситъ за одну изъ вашихъ улыбокъ.

— Перестаньте, кузина, сказала я вставъ съ негодованіемъ, или
всей моей дружбы не достанетъ на то, чтобы извинить васъ.

— Милая Одилія, отвѣчала она съ насмѣшливой улыбкой, я пере-
ѣду на другую квартиру.

Она оставила меня одну, я принялась размышлять. Противъ воли
мысли, возбужденныя ею, преслѣдовали меня. Я отгоняла ихъ, онъ
снова появлялся. Но, еще сильная противъ такихъ искушеній, я ис-
кала средствъ избавиться отъ нихъ и нашла.

Вы знаете, каменья мои истинно великолѣпны. Я не могла продать

ихъ божь сиротамъ мужа, но могла заложить по крайней мере половину. Мнѣ бы все еще оставалось довольно, чтобы заплатить долгъ. Я вспрыгнула отъ радости, я спасена! Приказавъ позвать одного изъ самыхъ богатыхъ бриллиантниковъ и взявъ съ него слово хранить тайну, я спросила, сколько онъ дастъ мнѣ въ займы за мои бриллы. Онъ разсматривалъ ихъ, вертѣлъ туда и сюда и предложилъ пятьдесятъ тысячъ франковъ за то, что стоило навѣрно четыреста. Пятьдесятъ тысячъ! я согласилась, закрывъ глаза, и на другой день онъ принесъ мнѣ деньги. Отдавая ему бриллы, я чувствовала, какъ у меня сжималось сердце; въ первый разъ прибѣгала я къ такимъ средствамъ! Маркизская корона, съ трудомъ вышла изъ моихъ рукъ. Это последнее воспоминаніе сердца сжигало меня; мнѣ казалось, что разрушается последнее звено, связывавшее меня съ честию — то достойнымъ уваженіемъ; я угадывала бездну, разверзшуюся передо мною, и эти вещи казались мнѣ камнемъ, привязаннымъ на шею утопающимъ и притягивающимъ его на дно.

Когда Жидъ ушелъ, я осталась съ банковыми билетами, смотрѣла, но не видѣла ихъ. Въ эту минуту вошла Элиза.

— Господи, Боже мой! вскричала она, вы или нашли кладъ, или последовали моему совету?

— Ни то, ни другое.

— Маркизь прислалъ? тигръ смягчился?

— Нѣтъ.

— Такъ вы заняли и верно за страшные проценты...

— Вы не узнаете, милая баронесса. Это секретъ.

— Проклоняюсь передъ вашей великой мудростью.

— Вы никогда не видали женщины очутившейся; какъ всемо смутатся изъ бѣды!

— Что мы теперь будемъ дѣлать?

— Мнѣ бы хотѣлось оставить этотъ долгъ; но могу сказать, какъ онъ мнѣ не нравится!

— И мнѣ также. Отъ гадкаго шуму на улице, отъ скверныхъ стѣнъ передъ окошками, у меня дѣлается слезы; никогда нѣтъ ни солнца, ни воздуха, уверень съ тоски.

— Поищемъ другой.

— Какъ кстати пришло. Графъ говорилъ мнѣ вчера, что онъ

оглянуть восхитительный домъ съ садомъ въ предмѣстьи Сентъ-Оноре, которое вы такъ любите. Поѣдемъ посмотрѣть.

— Сейчасъ.

— Я пошло сказать *Амадису*, чтобы онъ проводилъ насъ; онъ будетъ такъ радъ! Боже мой, какъ мнѣ жаль невинныхъ созданий, любящихъ искренно! Для нихъ малѣйшая бездѣлица — счастье, а горестней у нихъ еще болѣе. А мы вѣдь были такія же, Одилія!

До цинизма этой женщины я никогда не достигну. Съ одинаковымъ хладнокровіемъ, она бросала сарказмы на прошедшее и презрѣніе на настоящее, а между-тѣмъ въ умѣ ея было такое сильное очарованіе, въ манерахъ такая неодолимая прелесть, что ее любили, не смотря ни на что. Я уже говорила, что не будучи совершенно дурною, она была развращена.

Отель въ предмѣстьи Сентъ-Оноре былъ точно восхитителенъ, не такой огромный и великолѣпный какъ прежній мой, но еще красивѣе, уютнѣе. Онъ построенъ въ два этажа и нижняго для меня было довольно. Когда я спросила о цѣнѣ, мнѣ сказали такую ничтожную, что я вскричала:

— Надо тотчасъ дать задатокъ. Однако я тамъ заплатила за три мѣсяца впередъ.

— Позвольте мнѣ жить въ верхнемъ этажѣ? перебилъ графъ.

— Очень рада.

— Такъ не заботьтесь о вашей теперешней квартирѣ. Я передамъ свою пріятелю, у котораго большое семейство, онъ будетъ очень радъ присоединить къ ней и ванну.

Черезъ три дня я поселилась въ этомъ прелестномъ отелѣ, купила четверку лошадей и начала вести почти прежній образъ жизни. Баронесса время отъ времени совѣтовала мнѣ быть экономнѣе. У этой женщины не было ни малѣйшаго лицемерія; любопытство было видѣть, съ какимъ безпристрастіемъ она расточала добро и зло, смотря по своимъ впечатлѣніямъ. Графъ де-Серли осыпалъ меня внимательными угожденіями. Я не имѣла времени пожелать чего-нибудь новаго. Прелестныя цвѣты окружали меня. Графъ удовлетворялъ эту разорительную роскошь, одну изъ самыхъ моихъ любимыхъ. Мы вмѣстѣ пользовались садомъ и теплицей, имѣла ли я право мѣшать ему украшать ихъ? Не естественно ли было, что въ моихъ комнатахъ я выставилъ

да эти великодушныя произведешя нашихъ соединенныхъ усилій; и я и никто не думалъ находить это дурнымъ. Притомъ же, графъ былъ такъ богатъ!

Однажды, когда я воротилась изъ оперы, мнѣ подали письмо, въ которомъ какой-то Гамеръ просилъ позволенія переговорить со мною, по дѣлу, лично до меня касающемуся и очень важному. На другой день, когда онъ пришелъ за отвѣтомъ я велѣла дать ему адресъ моего нотаріуса, но онъ снова написалъ мнѣ, что хочетъ говорить со мною, что приходитъ отъ барона Гюнтера Штермана, и что этого имени довольно заставить меня догадаться. Гюнтеръ опять оставилъ Францію; я не знала чего онъ отъ меня хочетъ, но приказала принять Гамера, когда тотъ придетъ. Онъ явился въ два часа. Съ перваго взгляду увидала я, что это человекъ не изъ хорошаго общества и неволью стала остерегаться, я терпѣть не могу людей дурно воспитанныхъ, и увѣрена, что съ ними не доберешься ни до чего хорошаго.

— Точно ли съ маркизой де-Монкабриѣ имѣю честь говорить?

— Да. Чтѣ могу я сдѣлать для барона Штермана? Вы кажется, пришли отъ его имени?

— Нѣтъ не отъ его имени, но ради его; это двѣ вещи разныя, особенно въ такомъ случаѣ.

— Объяснитесь, я слушаю.

— Баронъ долго жилъ въ Вѣнѣ, вамъ это должно быть извѣстно. Будучи принужденъ поспѣшно уѣхать по одному порученію, онъ ввѣрилъ своему другу шкатулку съ важными бумагами и незначительными вещами.

Ничто не можетъ дать вамъ идею съ какимъ презрительнымъ видомъ этотъ человекъ произнесъ послѣднія слова. Я посмотрѣла на него съ удивленіемъ и видя, что онъ не продолжаетъ, сказала:

— Чтѣ же мнѣ до этого за дѣло?

— Гораздо болѣе, чѣмъ вы думаете, возразилъ онъ, поклонившись съ насмѣшливымъ почтеніемъ.

Мнѣ стало страшно этого человека, сама не знаю почему и, повернувшись съ гнѣвнымъ движеніемъ на диванъ, я сказала:

— Оканчивайте же, я жду.

— Тотчасъ приступаю къ дѣлу. У друга барона была возлюбленная, очень хорошенькая дѣвушка, которая любила его до безумія и

страшно ревновала. Она замѣтила эту шкатулку и хотѣла узнать, что въ ней содержится; любовникъ отвѣчалъ, что она принадлежитъ не ему и не хотѣлъ говорить болѣе. Дѣвушка встревожилась; будучи дружна съ добрыми и честными парнями, готовыми отмстить за ее оскорбленіе и помочь ей, она ввѣрила имъ свое огорченіе и они обещали раздѣлаться и съ шкатулкой и съ повѣреннымъ. Въ-самомъ-дѣль въслѣдствіе обстоятельствъ, которыя будутъ слишкомъ долго вамъ описывать, черезъ недѣлю шкатулка была въ рукахъ друзей дѣвушки, они ее открыли, узнали, что тамъ находилось и совершенно успокоились въ счетъ вѣрности ее любовника.

— Я право не вижу, почему это все можетъ до меня касаться.

— Минуточку терпѣнія, мы приступаемъ къ дѣлу. Въ этой шкатулкѣ находились, какъ я уже сказалъ, нѣсколько бездѣлушекъ и письма. Бездѣлушки отдали Лизбетъ въ вознагражденіе за безпокойства, а бумаги рассмотрѣли съобща и узнали, что они могутъ сдѣлаться славными всеселами, и мнѣ, какъ повѣренному отъ всего общества, поручили передать вамъ образчикъ.

Онъ подалъ мнѣ письмо, адресованное Гюнтеру; я узнала собственный мой почеркъ. Мнѣ чуть было не сдѣлалось дурно.

— Теперь вы понимаете, маркиза, почему это касается до васъ?

Я сдѣлала едва примѣтный знакъ, я была уничтожена.

— Общество владѣетъ пятидесятью такими автографами, всѣ нумерованные: переписка держалась въ порядкѣ. Если вамъ угодно будетъ вручить мнѣ сто тысячъ франковъ, а всѣ знаютъ, что это для насъ бездѣлица, то письма будутъ отданы вамъ отъ перваго до послѣдняго. Въ случаѣ отказа у насъ есть своя типографія, въ которой мы напечатанъ этотъ романъ, назвавъ всѣхъ по имени, и разошлемъ его по всей Европѣ. Издержки не пропадутъ, исторія презантительна сама по себѣ. А оригинальную рукопись мы вручимъ, какъ оно и слѣдуетъ, маркизу де-Монкабриѣ.

Я побагровѣла отъ гнѣва; въ тонѣ этого чловѣка было еще болѣе дерзости чѣмъ въ словахъ.

— Во первыхъ, милостивый государь, перебила я, я васъ не боюсь, вы дурно рассчитали. Вы сами объявили себя воромъ, мнѣ стоитъ только протянуть руку и вы выйдете отсюда съ полицейскими.

— Мы это предвидѣли, возразилъ онъ, безъ малѣйшаго смущенія;

если я не возвращусь здоровъ и невредимъ въ назначенное время, письма напечатаны. Вы вольны поступить какъ вамъ заблагоразсудится.

— О ! это ужасно ! вскричала я. Баронъ Штерманъ все узнаетъ, онъ не допустить, чтобы играли его именемъ, онъ развѣдаетъ все, станетъ преслѣдовать васъ судомъ.

— Баронъ Штерманъ очень тонкій и честолюбивый дипломатъ, ему хочется сдѣлать отличную карьеру и онъ почувствуетъ какъ такая огласка повредитъ ему. Если насъ схватятъ, мы погибли, стало-быть намъ нечего никого щадить, мы назовемъ всѣхъ и не возвратимъ ста тысячъ, тогда къ чему же послужитъ эта огласка ? Къ тому же баронъ путешествуетъ, письмо, можетъ-быть, и не дойдетъ къ нему.

— О ! Боже мой ! Боже мой ! что дѣлать ?

— Заплатить сто тысячъ, и все будетъ кончено.

— У меня нѣтъ ста тысячъ. Безъ позволенія мужа я не могу ихъ достать и навѣрно не пойду у него просить.

— У васъ есть друзья, огромный кредитъ. Сто тысячъ ! право, это бездѣлица, мы слишкомъ великодушны, надо бы потребовать больше.

— Прошу дать мнѣ недѣлю на размышленіе.

— Я въ отчаяніи, но не могу даже дать часу.

— По-крайней-мѣрѣ дайте мнѣ время съискать деньги, я не знаю откуда ихъ взять.

— А ваши друзья ?

Онъ говорилъ это во второй разъ ; въ этой фразѣ показалось мнѣ дерзкое намѣреніе и я отвѣчала надменно :

— Я не имѣю нужды въ друзьяхъ, я никогда ни у кого не занимаю.

— А ! да, ваши великозпные брилліанты !

— Мои брилліанты !

— Развѣ отъ насъ скрыто что-нибудь ? Третья часть вашихъ вещей въ рукахъ Н**. Если отдадите ему остальное, то получите вечеромъ сто тысячъ франковъ, ручаюсь вамъ.

— Такъ вы знаете Н** ? (Жидъ, у котораго я заняла первую сумму).

— Я имѣю честь быть его корреспондентомъ.

— Я призову его завтра, послѣ-завтра ...

— Прошу извиненія, маркиза; но будетъ поздно, я долженъ быть въ Вьнѣ черезъ двѣнадцать дней, потрудитесь разсчитать. Переговоры уже отняли много времени, и я боюсь, что прѣвду послѣ назначеннаго сроку; право, я буду въ отчаяніи за васъ.

— Не можете ли вы написать?

— О такихъ вещахъ не пишу.

— Какимъ же образомъ буду я обезпечена?

— Очень легко. Вы отдадите сто тысячъ франковъ банкиру, съ порученіемъ заплатить ихъ въ Вьнѣ только по полученіи вашихъ бумагъ.

— Но, стало-быть, надо объяснить все дѣло банкиру?

— Разумѣется.

— Я этого не хочу.

— Такъ сдѣлаемъ вотъ какъ: Н** будетъ посредникомъ, мы получимъ отъ него сто тысячъ въ тотъ день, когда онъ передастъ вамъ самимъ ваши письма, разумѣется, по полученіи залога.

— Это лучше.

— И мнѣ тоже кажется. Извините, что я васъ обезпокоилъ, маркиза. Надѣюсь на ваше слово и вечеромъ пришлю вамъ Н**. Позвольте еще сказать вамъ, что донести на Н** будетъ для васъ хорошо. У него ваши вещи и расписка на пятьдесятъ тысячъ франковъ; если его захватятъ, онъ скажетъ все. Журналы публикуютъ его показаніе и вся Европа узнаетъ, что маркиза де-Монкабриѣ заложила свои брилліанты, во-первыхъ, чтобы покрыть свои расходы, потомъ выкупить письма. Вы понимаете, какъ будетъ жестоко съ вашей стороны принудить такого честнаго чловѣка дать показанія такого рода!

Я слишкомъ хорошо понимала необходимость молчать, даже съ Элизой, которая бы опять принялась за свой обычный припѣвъ. Я не могла понять, какимъ-образомъ дошла я до такой бездны позора. Мнѣ угрожаетъ подобная тварь и я не смѣю ничего сказать ни для защиты ни для отмщенія: надо было склонить голову и молчать.

Вечеромъ пришелъ ростовщикъ, мы условились. Я должна была отдать ему все мои вещи, онъ вычелъ впередъ огромные проценты. Меня ограбили такъ очевидно, что я считала себя въ правѣ жаловаться. Онъ выслушалъ меня безъ досады, только отвѣтивъ:

— Какъ угодно, берите или вѣтъ.

Ахъ! надо было *взять*. Вотъ часто какъ одинъ проступокъ влечь за собою другой! Заблужденіе, забытое уже многіе годы, было источникомъ и причиною тѣхъ, которыя дѣвели меня до этого. Баронесса, графъ, примѣчали мою грусть и безпрестанно допрашивались причины. Я упорно молчала, для меня уже не было ни покою ни удовольствій. Я боялась, что злодѣи перемѣнятъ мнѣніе и потребуютъ большаго, видя какъ скоро я согласилась на ихъ требованіе; пока у меня не было въ рукахъ этихъ гадкихъ писемъ, я не жила. Наконецъ Жидъ приспѣлъ ихъ, я сосчитала: всѣ были цѣлы, я отдала ему вещи и могла спать спокойно. Большое безпокойство однако волновало меня. По возвращеніи, что сказать мужу, который навѣрно спросить у меня вещи, чтобы спрятать въ потайной сундукъ? какія сценны ожидали меня? Я подумала о Вильфридѣ, но у Вильфрида не было собственнаго состоянія, все принадлежало Адрианъ или, лучше сказать, мадамъ де-Рекурвемонъ, которая еще жила. Опъ не могъ ничѣмъ располагать безъ ея согласія и конечно она не дастъ ему такой суммы. Съ прямымъ умомъ, сухимъ сердцемъ, строгими правилами, она обладала всѣмъ, что было пужно, для того, чтобы судить меня неумолимо. Уже давно видѣла она меня неохотно и очень порицала снисхожденіе дѣтей своихъ ко мнѣ. Мнѣ не оставалось никакихъ средствъ, надо было ждать грозу, не думая о томъ, чтобы предупредить ее. Голосъ опять сталъ пасмѣхаться надо мною и повторять мнѣ, что я мучусь очень глупо, что не стоитъ труда безпокоиться объ огорченіи шимолетномъ какъ другія и что можно утѣшиться во всемъ.

Сохрани васъ Богъ отъ такой логики, мпльй Рауль! Посудите, до чего надо дойти, чтобы не вѣрять даже въ горестъ!

Графъ де-Серли влюблялся съ каждымъ днемъ все больше и больше. Онъ долго молчалъ, потомъ заговорилъ и говорилъ безпрерывно, и писалъ, когда переставалъ говорить. Я оставалась холодна, но чувствительна къ этой страсти, чрезвычайно деликатной. Элиза безпрестанно бранила меня, обвиняла въ жестокости и неловкости.

Я ничего не отвѣчала. Беззаботная, утомленная жизнью, я искала волненій и удовольствій и не находила ихъ. Напрасно развѣзжала я по театрамъ, баламъ, прогулкамъ, пустота оставалась вездѣ, потому что бездна находилась въ моемъ сердцѣ, бездна безпредѣльная, гдѣ все исчезало, не оставляя слѣдовъ.

Уже недѣли двѣ говорили о великолѣпномъ балѣ, который намѣрена была дать родственница моего мужа.

— Надѣюсь, Одилія, что въ этотъ вечеръ, вы рѣшитесь разстаться съ вашимъ пансіонскимъ нарядомъ. Конечно, презирать въ ваши лѣта эти *тщеславныя украшенія*, безъ которыхъ можете обойтись вы одни — кокетство великолѣпное, но на этотъ случай, вамъ необходимо рѣшиться быть менѣе милой, а болѣе прелестной.

Говоря такимъ-образомъ, Элиза смотрѣла на меня пристально. Я была увѣрена, что она подозрѣвала, но нисколько не смѣшалась.

— Я совершенно противнаго мнѣнія, милая баронесса, и хочу сдѣлаться какъ можно проще. Мои брилліанты всегдѣ извѣстны, нѣтъ никакой нужды выставлять ихъ на показъ.

— Какъ это не по-женски! Можно ли позволить англійскимъ леди затмить Француженокъ! А если бы вы хотѣли, что за чудесный нарядъ! платье изъ бѣлаго дамасу, на которое мы нашли бы столько камней, сколько можетъ оно сдержать, на лифъ, на рукава, въ видѣ передника на юбку. Попробуемъ, хотите? я увѣрена, что это вамъ понравится.

— Моихъ вещей здѣсь нѣтъ. Не имѣя намѣренія надѣвать ихъ, я отдала ихъ потаріусу, чтобы не заботиться.

— Удивительное благоразуміе! да еще и таинственное въ добавокъ!

Я покраснѣла, она кажется не замѣтила. День бала приближался, все обращались ко мнѣ съ тѣмъ же вопросомъ, точно сговорились. Я отвѣчала уклончиво; мнѣ казалось, что я читаю свою тайну на всѣхъ лицахъ. Въ это время я получила письмо отъ моего мужа, оно довершило мой ужасъ.

— Уже нѣсколько недѣль, милая Одилія, мнѣ падождаютъ вздорныя слухи, о которыхъ я бы и не говорилъ тебѣ, если бъ они не были вредны моему кредиту. Увѣряютъ, будто у тебя нѣтъ уже твоихъ брилліантовъ, по-крайней-мѣрѣ, будто ты ихъ не носишь. Нѣкоторые даже увѣряютъ, что видѣли ихъ въ рукахъ извѣстнаго брилліантника, показывавшаго ихъ съ гордостью, почти какъ свою собственность. Отсюда тысячу басенъ о растройствахъ моихъ дѣлъ, объ отважныхъ спекуляціяхъ, толкуютъ о нашихъ прошлогоднихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, дураки и злые разсуждаютъ по своему. Твоя угроза продать брилліанты пришла мнѣ на память. Надѣюсь, что ты ее

не исполнила. Я знаю, какъ ты причудлива: пожалуй, цѣлую зиму носишь натуральные цвѣты и тратишь на эту причоть цѣну нѣсколькихъ ожерельевъ, чтобы сѣять этой отрицательной роскошью, а не жемчужными брилліантами, достойными королевы.

Но такъ, какъ дѣло становится серьезно, брось камелии и японскіе цвѣты и явись на первомъ балѣ въ полномъ блескѣ. Если откажешь мнѣ, Одилія, то заставишь повѣрять вещамъ очень страннымъ. Я долженъ все сказать тебѣ; злословіе, или скорбѣе, клевета, не оставались на этомъ, а прибавляютъ, что ты тратишь въ Парижѣ остатки нашего состоянія, чтобы обмануть публику, что мы кругомъ въ долгу да мало ли еще что! Положи конецъ этимъ мукамъ, прошу тебя, другъ мой, прошу чрезвычайно и очень серьезно».

Письмо это поразило меня. Кто могъ сказать Эрнесту? кто изменилъ мнѣ? Негодный Жидъ? Онъ такъ общалъ мѣзъ молчать! Оставился ли онъ на этомъ, по-крайней-мѣрѣ? Не разгласилъ ли причину моего безпокойства? Я бросилась къ нему, спрашивала, представляла, умоляла, онъ былъ непоколебимъ и все отвѣчалъ:

— Я никому не говорю.

— Однако въ свѣтъ это извѣстно, мужъ мой узналъ, требуетъ, чтобы я надѣла брилліанты на первый балъ, какъ быть?

— Это затруднительно.

— Умоляю, дайте мнѣ ихъ на одинъ день.

— Если заплатите полтораста тысячъ, отдамъ сейчасъ.

— Вы знаете, что у меня ихъ нѣтъ.

— Такъ я долженъ сохранить залогъ.

На всѣ мои просьбы онъ отвѣчалъ холодно:

— Деньги или залогъ.

Было отчего сойти съ ума. Я воротилась, не зная, что дѣлать и нашла Элизу громко хохотающую, съ графомъ. Онъ не смѣялся.

— Шутка слишкомъ смѣшна, говорила она.

— Что такое? спросила я.

— Графъ хочетъ драться на дуэли.

— И вамъ это смѣшно?

— Еще бы! Онъ хочетъ драться за васъ, душенька, чтобы заставить молчать дураковъ, которые осмѣливаются васъ обвинять.

— Въ чемъ же меня обвиняютъ?

— Въ томъ, что вы заложили брилліанты, для того, чтобы купить

кого-то или что-то, какъ-будто вы могли это одѣлать, такъ, чтобы я не приметила.

— Повторяю, баронесса, это гадко, низко, я доберусь до не-точника и раздѣлаюсь. Я родственникъ маркизы и, кажется, имѣю право.

— Кто съ вами споритъ?

— Вы мнѣ сдѣлаете удовольствіе любезный графъ, не мѣшаться въ это дѣло. Мужъ мой писалъ мнѣ объ немъ сегодня; онъ все знаетъ и это касается его одного.

Графъ вздохнулъ, замолчалъ и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ.

— Одѣля, сказала баронесса, признайтесь, что это правда, и что вы въ большомъ затрудненіи.

— Почему вы такъ думаете?

— Потому что вы блѣдны, потому что вы плакали, потому что нѣкъ Эрнеста приводитъ васъ въ отчаяніе.

— Милая Элиза, вы всегда предполагаете дурное.

— Я предполагаю правду, что часто одно и то же. Но вы уверты-метесь, отвѣчайте же.

— Ну да, скрывать я больше не могу.

— Но ради Бога, куда вы издержали такую сумму?

Я разсказала, она поблѣднѣла.

— Это очень важно, душенька, очень важно. Если не надѣнете брилліанты, Эрнестъ узнаетъ, захочетъ добраться до сущности дѣла и тогда можетъ все открыть.

— Но какъ быть? Жидъ неумолимъ.

— Дайте мнѣ подумать. До бала кузины никакого балу не будетъ, намъ остается недѣля. Не можетъ ли помочь вамъ графъ де-Блумбергъ?

— Ахъ! вѣтъ. А то я бы не искала въ другомъ мѣстѣ.

— Такъ надо поискать здѣсь, между нашими друзьями, кто-нибудь заступитъ Жида, возьметъ брилліанты, будетъ вамъ давать когда нужно, если это скупецъ, или дастъ вамъ денегъ подъ вашу рукописку, подъ мою; я дамъ въ обезпеченіе все что имѣю; надѣюсь, что вы не сомнѣваетесь.

Я молча пожала ей руку.

— Не мучьтесь и будемъ дѣйствовать. Мы вышутаемся. Полтора-ста тысячъ не бездѣлица, но нужды нѣтъ.

— О! зачѣмъ не осталась я въ Эльзасъ!

— Зачѣмъ не вышла за Вильфрида? Всѣ эти сожалѣнія бесполезны. Ошибка сдѣлана, надо ее поправить, а не плакать.

У насъ еще было много такихъ разговоровъ. Минута приближалась, а мы не паходили средствъ; пакапупъ бала ничего еще не было сдѣлано. Меня била лихорадка безпокойства и огорченія.

— Я безъ труда сдѣлаюсь больна, чтобы не ѣхать на балъ, Элиза, не достаеъ уже силъ.

— Вы поѣдете на балъ и будете его царицею, я имѣю предчувствіе, не тревожьтесь.

Я догадалась, что она сказала графу, была увѣрена, что онъ не откажетъ и не скрывая отъ себя неизбѣжныхъ слѣдствій этого поступка, радовалась, что это было сдѣлано безъ моего вѣдома. Я могла притвориться, что ничего не знаю, моя умпрающая честность привязывалась къ этой пити. Ночью я не спала. Припявъ услуги графа, въ душѣ я заходила далеко и дрожала, чтобы онъ не предложилъ ихъ. Противъ воли предсказаніе баронессы д'Оберкрихъ приходило мнѣ на память; оно дѣйствительно исполнилось. Графъ де-Серли имѣлъ большое вліяніе на мою будущность: онъ дополнилъ мѣру презрѣнія, которое пѣтала я къ себѣ.

На другой день рано утромъ я послала къ разнымъ повѣреннымъ найти необходимую сумму. Всѣ отвѣты были дурны; имѣнія Элизы было не довольно для залогу, а мое поручительство не имѣло никакой силы безъ согласія моего мужа.

— Все поггло, сказала я въ отчаяніи.

— Не совсѣмъ. Жду послѣдняго средства, можетъ-быть оно удастся.

День и объѣдъ прошли печально. Видя, что никто не приходитъ, я начала бояться, что она вздумала прибѣгнуть къ графу. Мы вышли изъ-за стола; она зажгла канделябру въ шесть свѣчей, не говоря ни слова.

— Что это за иллюминація?

— Пойдемте со мною, такъ узнаете.

Мы вошли въ мою спальню и удивленіе приковало меня къ мѣсту. На кровати было разложено платье, покрытое камнями, цѣною паверно въ миллионъ.

— Однлія, не волшебница ли я?

— Элиза, это сонъ!

— Нѣтъ, вотъ бѣлый дамасть, вотъ ваши брилліанты, рубины, изумруды, на лѣвъ, юбокъ, рукавахъ, все это пришито крѣпко, будьте своейны. Можетъ ли быть восхитительнѣе! Какъ мы сегодня пристыдимъ нашихъ враговъ!

— Но, букеты въ новой оправѣ, именно по такому рисунку какъ я желала; какъ это сдѣлалось?

— Вѣрно Жидъ постарался.

— А вотъ рубины еще лучше моихъ, они не принадлежать мнѣ, это ошибка, я не возьму.

— Все Жидъ, кузина! Въ этихъ фуглярахъ вы найдете остальное: ожерелье, діадемы, браслеты, перстни, все на лицо.

— Конечно надо возвратитъ ихъ завтра утромъ?

— Возвратитъ? Полноте! кому же? Ни вы, ни я ничего не знаемъ.

— Вы знаете, Элиза.

— Нѣтъ. Все принесли ко мнѣ съ этой запиской, написанной почеркомъ незнакомымъ и безъ подписи:

«Сдѣлайте одолженіе, милостивая государыня, передать эти вещи маркизу де-Монкабриѣ отъ имени Жида, который ни теперь ни послѣ не требуетъ за то никакого вознагражденія».

— И ничего больше?

— Ничего. И такъ, душенька, наряжайтесь же и поѣдемъ.

— Однако рубиновъ я не могу оставить, отошлю ихъ къ Жиду, это ошибка.

— Можетъ ли Жидъ ошибиться, въ такихъ дорогихъ рубинахъ! вы помѣшались, Одилия. Опъ не возьметъ ихъ, а то его поймаютъ какъ вора.

— Но я заплачу эту сумму, надо распросить брилліантника.

— Завтра, завтра поговоримъ объ этомъ, нынче вечеромъ будемъ думать только о торжествѣ. Къ тому же или я ошиблась или волшебникъ откроется.

Ахъ! я слишкомъ хорошо его знала!

Не думаю, чтобы въ Парижѣ когда-нибудь видѣли нарядъ великолѣпнѣе. Завидовали, критиковали, любовались, осыпали комплиментами. Я, разумѣется не танцевала, но много прохаживалась, опираясь на руку графа де-Серли.

Я воротилась очень поздно, легла утомленная и ни о чемъ не ду-

мала, но на другой день увидала свое положеніе въ настоящемъ его видѣ. Я не могла скрыть отъ себя, что принявъ подобное благодѣяніе отъ мужчины, влюбленнаго въ меня, я давала ему права на мою признательность. Въ этомъ критическомъ положеніи я еще нашла софизмъ :

— Онъ не станетъ требовать любви моей, онъ слишкомъ деликатенъ, напротивъ это будетъ новой причиной, чтобы уважать тебя.

И демонъ отвѣчалъ :

— Онъ потребуетъ и ты въ томъ не сомнѣваешься. Онъ не станетъ требовать прямо, но его глаза, но все его движенія будутъ говорить за него, и ты знаешь заранее, что уступишь и думаешь, что сладко быть любимою человѣкомъ, который можетъ все, для котораго никакая прихоть не кажется сумасбродною. Онъ покрываетъ свое богатство плащомъ своихъ достоинствъ, оно блеститъ сквозь нихъ.

— Все было правда, Рауль. Неумолимый скальпель открывалъ одну за одной отвратительныя раны души моей, припуждалъ меня видѣть и сознаваться. Не знаю, какъ могла я переносить такъ долго эту пытку!

Я послала за бриллианщикомъ. Онъ назвалъ мнѣ одного известнаго нотаріуса, который отъ моего имени вручилъ ему должную сумму. А о рубинахъ онъ не зналъ ничего. Просьбами, обещаніями, угрозами я ничего не добила, ему хорошо заплатили! Нотаріусъ говорилъ тоже: неизвѣстный отдалъ ему, отъ моего имени, полтора ста тысячъ франковъ, объяснивъ какъ употребить ихъ. Онъ исполнилъ порученіе, взялъ расписку, и отдалъ бриллианты; болѣе ничего онъ не зналъ. Цѣлую недѣлю говорили о моемъ удивительномъ нарядѣ; въ-самомъ-дѣлѣ онъ былъ чудно хорошъ.

Я отгадала. Это былъ графъ! По его милости я жила также три мѣсяца въ этомъ прелестномъ отелѣ, ничего о томъ не зная. Онъ меблировалъ его, платилъ очень дорого, а что я платила, было только жалованье привратника и садовника. Четверку лошадей онъ велѣлъ продать мнѣ за полцѣны, отгадывалъ мои желанія, я все покупала чрезвычайно дешево. Я узнала это послѣ и въ то же время почувствовала, что надо было отказаться отъ роскоши, сдѣлавшейся моей жизнью, воротиться въ Блуменбергъ, признаться во всемъ мужу, выпросить у него чѣмъ заплатить долги. Я должна сказать по правдѣ,

то борьба была ужасна, что я съ трудомъ рѣшилась, что хорошихъ вытрезвѣй чуть было не преодолѣли дурныя, и что только одно опасеніе совершеннаго открытія со стороны мужа могло побѣдить ужасъ, который внушала моей душѣ одна мысль о низости. Баронесса д'Оржестъ, по обыкновенію, толкнула меня въ бездну, можетъ-быть съ намереніемъ, можетъ-быть невольно. Она перетолковывала письма Эреста и рассказывала мнѣ скрытые слухи о моихъ брилліантахъ.

— Душенька, истину почуяли, громко не говорятъ объ ней по причинѣ вашего богатства, но тѣ, которые предупредили маркиза о верныхъ толкахъ, могутъ донести ему и объ этихъ. Берегитесь!

Она была права. Мужъ мой, чѣмъ довѣрчивѣе, тѣмъ щекотливѣе былъ, еслибы онъ открылъ мою измѣну, не только никогда не простилъ бы мнѣ, но еще сдѣлалъ бы всеобщую огласку. Онъ объявилъ бы меня виновною, и отмстилъ бы всѣми возможными способами. Я отступила передъ этимъ опасеніемъ, предпочла увеличить мои проступки, сдѣлать ихъ непрощительными, и сказала себѣ, что между совершенной погибелью и однимъ лишнимъ проступкомъ колебаться было не возможно. Я припомнила въроломные совѣты баронессы и увѣждалась потокомъ.

Графъ явился самымъ счастливымъ и признательнымъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Любовь его была обожаніемъ, кромѣ меня и моихъ удовольствій онъ не думалъ ни о чемъ. Къ удовольствіямъ я была неасытна, потому что въ этотъ постыдный союзъ страсть не входила, мнѣ были нужны вихрь свѣта, веселости, шумъ, словомъ все, что необходимо существамъ, которыхъ натура, сама по себѣ благородная, такъ развратилась, что онъ не смѣютъ прямо взглянуть на себя. Мужъ мой, которому я написала, что не хочу воротиться въ Эдзасъ, позволилъ мнѣ остаться еще нѣсколько недѣль. Онъ не скучалъ, устроивъ себѣ жизнь безъ меня, жизнь дѣловую, съ охотою, съ путешествіями, что стоило ему менѣе въ сравненіи съ тѣмъ, сколько мы тратили вмѣстѣ и что, следовательно, было для него удобнѣе. Мы условились, что графъ де-Серли купить помѣстье, въ которомъ Леонъ де-Шамбургъ давно уже не жилъ и которое продавалъ теперь. Эдмондъ — такъ звали де-Серли — долженъ былъ сдѣлать помѣстье это вѣдательнымъ, пригласить множество гостей, и просить меня, какъ сосѣдку и родственницу, занять мѣсто хозяйки. Ничто не могло быть проще этого распоряженія, я согласилась, и радуясь и нѣтъ. Эдмондъ

доставлялъ мнѣ удовольствія, и этимъ мнѣ чрезвычайно нравился, но самъ онъ былъ мнѣ въ тягость, почти ненавистенъ. Едва мы оставались одни, я бы хотѣла прогнать его на другой конецъ свѣта, хотѣла бы оттолкнуть его докучную любовь. Я его оскорбляла, осыпала сарказмами, онъ все переносилъ, потому что любилъ! Баронесса, по своей системѣ, не порицала меня, однако уговаривала быть осторожнѣе.

— Не надо выводить людей изъ терпѣнія, душенька; они могутъ, вдругъ собравъ все свои силы, къ удивленію нашему вырваться.

— Ну чтожъ! пусть его вырвется! Отвязаться отъ него только и есть одно это средство. Если самъ онъ удалится, я не буду виновата. А если бы вы знали, Элиза, чего мнѣ стоитъ эта признательность, какую тяжесть ношу я, какія мысли осаждаютъ меня, какое преслѣдуетъ отвращеніе! Остановись я на минуту, я сойду съ ума! Жизнь моя и разумокъ только и поддерживаются непрерывною разсыянностью.

Наступила весна, мы уехали съ баронессой въ Эльзась. На дорогѣ графъ разстался съ нами и повхалъ къ баронессѣ де-Луцбергъ, пока будетъ готовъ его замокъ. У насъ только и говорили, что объ этихъ перестройкахъ, и Эрнестъ съ первыхъ словъ сказалъ мнѣ:

— Я видѣлъ работы, все дѣлается по-царски. Гдѣ, чортъ побери, эти набобы берутъ столько денегъ?

— Мѣстоположеніе такъ хорошо!

— Не лучше нашего. А все-таки Блуменбергъ съ своими башнями, рвами, подъемными мостами и зубцами, остается царемъ Эльзаса.

— Графъ первый въ томъ сознается, сказала Элиза, онъ самъ признается, что ничто не сравнится съ этой благородной крѣпостью, и что онъ далъ бы за нее миллионы.

— Да, но онъ ее не получитъ, не правда ли, Одилия?

— Ручаюсь за это, другъ мой.

Мужъ мой выказывалъ къ графу какую-то досаду, беспокоившую меня. Онъ порицалъ его, металъ эпиграммы на людей, обогатившихся вдали Франціи.

— Не подозрѣваетъ ли онъ? говорила я Элизѣ.

— Нѣтъ, душенька, завидуетъ, бонится, чтобы графъ не сталъ здѣсь важнѣе его. Огромное состояніе графа пугаетъ его; онъ, который

двигать людей только поэтому, опасается, что потеряет въ глазахъ другихъ, потому что графъ де-Серли *въсчитъ* болѣе его.

— Неужели вы считаете его такимъ?

— Онъ всегда былъ къ тому способенъ, а теперь, достигнувъ возраста, когда люди оставляють страсти молодости для страстей серьезныхъ, онъ пристрастился къ золоту.

— Скажите мнѣ отчего, милая Элиза, зная такъ хорошо самое себя, оставаясь неумолимою передъ моими проступками, я такъ мало знаю жизнь; ребенокъ цѣнить ее лучше меня. Я всегда обманываюсь наружнымъ видомъ, никогда не добираюсь до сущности. Это странно.

— Менѣе нежели вы думаете. Вы заблудились въ тропинкахъ, для которыхъ не созданы ваши шаги. Отсюда ваше невѣдѣніе: вы не видите ничего изъ окружающаго васъ, потому что мечтали о другомъ горизонтѣ. Я, напротивъ, не такъ счастливо одаренная, устроилась въ жизни какъ въ моей собственности, выведала ее до послѣдняго угла, и мнѣ въ ней хорошо; я беру изъ нея то мнѣ нравится, бросаю остальное, а вы этого никогда не сдѣлаете.

Баронесса д'Ормезъ опредѣлила въ нѣсколькихъ словахъ то, что я всегда предполагала, не находя достаточнаго изъясненія; она точно обладала превосходствомъ надо мною, хотя можетъ-быть мои умственные способности превышали ее, превосходствомъ оцѣнивать всякое положеніе и извлекать изъ него лучшее. Она была ловка, а я никогда не умѣла быть ловкою.

Вильеридъ путешествовалъ тогда съ женою и съ дѣтьми. Я почувствовала истинное облегченіе, не встрѣтивъ ихъ чистыхъ взоровъ. Ужасное положеніе — убѣгать тѣхъ, кого болѣе любишь, чтобы не кричать передъ ними.

Не стану описывать вамъ великолѣпія замка *** и всего что тамъ происходило по пріездѣ помѣщика. Руководимый баронессой, онъ такъ цѣнилъ самолюбіе моего мужа, такъ искусно умѣлъ вездѣ предоставить ему первое мѣсто, что Эрнестъ сталъ отъ него безъ ума. Еще болѣе онъ доставилъ ему удовольствіе хулить его издержки, *принадлежась* ему, что тратилъ капиталы.

— Де-Серли не такъ богатъ, какъ можно бы полагать, говорилъ мнѣ мой своимъ пріятелямъ, онъ не хочетъ жениться; ни дѣтей, ни близкихъ родственниковъ у него нѣтъ, онъ хочетъ пользоваться

своимъ богатствомъ и ничего не оставить послѣ себя. На его мѣстѣ я бы дѣлала тоже; эти люди, привыкшіе къ жизни на Востока, не становятся эгонстами.

— Для этого не нужно ѣздить на Востокъ, возражала беронесса д'Ормесь, посмѣиваясь изъ подтишка.

Я позволяла обожать себя съ такой небрежностью, что никто не могъ бы предположить малѣйшей короткости между графомъ и мною. Онъ сохранялъ несчастный видъ отвергнутаго любовника, я его убѣжала не по расчету, но по инстинкту, потому что онъ мнѣ не нравился. Я была готова возненавидѣть его; только недоставало удобнаго случая; онъ скоро представился.

Замокъ графа походилъ на волшебный фонарь. Туда стекались со всѣхъ концовъ земли, потому что Эдмондъ зналъ цѣлую вселенную. Его продолжительныя путешествія, служба за границей и особенно, надо признаться, благородныя, отличныя качества, доставили ему друзей вездѣ. Празднества, обѣды, увеселенія разнаго рода снѣнялись безпрестанно, и прїездъ каждаго новаго гостя становился сигналомъ къ возобновленію удовольствій. Сначала весны намъ обѣщали виконта де-Ранблѣ, льва перваго разряда, котораго встрѣчали вездѣ въ Парижѣ, который и у меня бывалъ на большихъ балахъ, но съ которымъ я никогда не имѣла короткаго знакомства, не знаю почему. Я недавно узнала его исторію и расскажу вамъ ее въ нѣсколькихъ словахъ. Онъ былъ сынъ богатаго мануфактуриста, и просто назывался Густавомъ Арбрель, купилъ по случаю виконтство де-Ранблѣ, женился по любви на бѣдной дѣвушкѣ, во время путешествія въ Венгрію, оставилъ ее тамъ, и въ Парижѣ женился на другой богатой невестѣ. Когда бѣдная Софія пришла въ Парижъ доказывать свои права, онъ такъ хорошо умѣлъ сладить съ нею, притворившись снова влюбленнымъ, что она сожгла свадебный контрактъ. Но когда вторая жена виконта умерла и бѣдная Софія увидѣла, что онъ не думаетъ возвратить ей права, забытыя ею добровольно, когда она педла ея-стоящій характеръ негодяя, она отравила себя ядомъ, а Густавъ Арбрель, виконтъ де-Ранблѣ безъ малѣйшаго угрызения, пользовался въ свѣтъ всеми возможными успѣхами.

Въ замкѣ графа де-Серли я въ первый разъ сошла съ коротко съ виконтомъ. Онъ, казалось, удивился, что еще не воздалъ почтостей *такой красавицѣ*, а я нашла его гораздо лучше чѣмъ ожидала,

судя по репутаціи. Онъ обладалъ лживою наружностью порядочнаго, умнаго и благороднаго человека, до такой степени, что нельзя было обмануться, когда не изучишь его подробно, и я тоже обманулась какъ другіе. Мужъ мой, очень разборчивый въ отношеніи молодыхъ людей, потому что старлся, сознавался однако въ его очевидномъ превосходствѣ.

— Для вышшняго моднаго льва, говорилъ Эрнестъ, человекъ этотъ удивителенъ. Онъ никому не наступаетъ на ноги, а если это случается, то проситъ извиненія, не кладетъ ноги на каминъ, не куритъ водъ носъ женщинамъ, не спросясь позволенія, не говоритъ о своихъ любовницахъ, не рассказываетъ исторій, отъ которыхъ покраснѣлъ бы любой солдатъ, наконецъ онъ въжливъ, порядочно воспитанъ, это удивительно! необыкновенно! тѣмъ болѣе, что онъ умъ.

Я сознавалась во всемъ этомъ, прибавляя сама себя, что виконтъ очень не дуренъ собою, что его прекрасные черные волосы, большіе глаза, блѣдное лицо, прелестный станъ могли привлечь вниманіе женщины, и позволила ему ухаживать за мной. Я въ то время не знала Густава такъ хорошо какъ теперь. Усилія Эдмонда забавлять меня уже не удавались, я устала отъ сельскихъ баловъ и праздниковъ, устала быть вездѣ первой красавицей и щеголихой безъ оспариванія, не принимая другаго труда какъ надѣть первое повалившееся мнѣ на глаза платье и показаться. Парижъ! Парижъ! мнѣ хотѣлось въ Парижъ. Время еще не наступило воротиться туда; покаместъ мнѣ попалась красивая игрушка, я хотѣла ею воспользоваться и принялась за дѣло.

Мое утомленное кокетство отдыхало. Я забыла свое женское ремесло. Чтобы нравиться окружающимъ, я не нуждалась ни въ какой наукѣ, они сочли бы себя очень счастливыми, если бы я имъ только возводила любить себя. Тутъ представлялась слава. Мужчину, привыкшаго къ успѣхамъ, не легко покорить. Эти господа обыкновенно дѣйствуютъ навѣрно, утѣшаются въ потерѣ, исправляя ее новымъ торжествомъ. Виконтъ скоро понялъ мое расположеніе, оно ему полюбилось, но ему тоже хотѣлось забавляться и эти два желанія пошли одно другому наперекоръ. Я разгорячилась и зашла нѣсколько дальше. Элиза, болѣе меня опытная, боялась виконта.

— Берегитесь, говорила она, въ виконтѣ де-Ранблѣ есть что-то,

что я пугаюсь. Опять мне кажется положиться на этихъ разбойниковъ, которые поджидаютъ въ закоулкѣ лѣсу и даютъ своимъ жертвамъ время доверчиво выйти на дорогу, чтобы убить ихъ. Ему все надлежало, давно уже сердце его сдѣлалось похоже на губку поглощающую все.

Я засмѣялась.

— Что мнѣ за дѣло до его сердца!

— Больше чѣмъ вы можете-быть думаете. Если этотъ человекъ сумѣетъ взяться, вы еще вообразите, что любите его, и къ чему это приведетъ васъ, позвольте спросить?

— Нѣтъ, ужь конечно, я не стану больше *воображать*, что люблю кого-нибудь!

— Сколько разъ вы это говорили, а между-тѣмъ!...

— Обманулась, не такъ ли! теперь уже не стану обманываться, въ душѣ моей не осталось даже и оболочки заблужденія.

— Заблужденіе или нѣтъ, забавляйтесь имъ благоразумно. Я не доверяю выпившей модной молодежи. Репутація женщины для нихъ ничего не значить, они губятъ ее, смѣясь, и показываютъ ея письма въ оперѣ или въ Café de Paris.

Я стала остерегаться Густава, опъ разгорячился и зашелъ далѣе, во вѣчной тактикѣ расчитанной любви. Баронесса уговаривала меня сохранить это положеніе и не сдѣлать ни малѣйшей стратегической ошибки, если я дорожу побѣдой. Отсутствіе Вильфрида оставило ее могущественной возлѣ меня и она этимъ пользовалась. Я слушала ее, признавая превосходство ея свѣдѣній, но увѣряла, что было справедливо, что ни малѣйшая мысль о любви не пробуждалась во мнѣ. Тогда она перестала беспокоиться, судя о моемъ характерѣ по своему собственному; она видѣла меня твердой и увѣренной въ себя.

Зима приближалась, а мы все стояли на одной точкѣ. Странное дѣло! Густавъ не говорилъ о возвращеніи въ Парижъ; напротивъ журналы и письма пріятелей описывали возвратившіяся удовольствія, онъ твердо держался на своемъ мѣстѣ, и не думалъ оставлять Эмзасъ прежде меня. Эрнестъ, съ своей обычной беззаботностью, далъ мѣ такую же сумму какъ прошлый годъ, и съ тѣми же условіями позволялъ снова начать свѣтскую жизнь, которую не хотѣлъ разделять со мною.

Графа нѣсколько беспокоилъ виконтъ. Видя, что онъ не трогается

съ мѣста, онъ объявилъ о необходимой повѣздкѣ въ Страсбургъ, а въ это время мы съ Элизой должны были вѣхать. Викоутъ понялъ, что надо было уступить и отправился впередъ, получивъ позволеніе бытъ у меня. Элиза сказала мнѣ смѣясь :

— Душенька, вы проведете зиму восхитительно, если захотите. Графъ ревнуетъ, викоутъ ревнуетъ, да новыхъ наберется, и вы можете присутствовать при очень пріятной скачкѣ. Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто ломаетъ себѣ шею.

Ихъ мой смотрѣлъ на отъѣздъ мой такъ же равнодушно какъ обыкновенно.

— Веселись себѣ, сказалъ онъ, оставайся сколько хочешь, съ условіемъ, что не перейдешь границы своего бюджета. Я сдѣлаю повѣздку въ Вѣну и въ это время уменьшу прислугу. Наверно я встрѣчусь съ Блументбергами и мы воротимся вмѣстѣ. Чтѣ ты скажешь, если я приду за тобою Вильфрида?

— Я буду очень рада его видѣть.

— А пока у тебя есть графъ, баронесса, всѣ твои старыя и новыя дѣла, ты не будешь скучать, я спокоенъ.

Слова Эрнеста сжимали мнѣ сердце. Они служили тѣмъ, кто зналъ истину, къ сыгнаннымъ пересудамъ, а я всегда болѣе краснѣла за моего мужа, чѣмъ за себя. Я дѣлала все чтѣ могла, чтобъ избавить его отъ восточныхъ шутокъ, такъ глубоко уязвляющихъ деликатную женщину въ томъ, чье имя она носить.

Викоутъ де-Ранблѣ явился въ Парижъ краснѣе и щеголеватѣе чѣмъ прежде. Элиза терпѣть его не могла и безпрестанно меня мучила за него. Духъ противорѣчія существуетъ у женщинъ, можетъ-быть по тому я его стала принимать лучше. Но мы оба все еще держались оборотительнаго положенія и я думала, что онъ терять терпѣніе. Онъ казалъ это отчаяніемъ. Точно это было уморительное отчаяніе, развивавшееся уживами, актрисами, увеселеніями разнаго роду и старательнымъ посвщеніемъ клубу. Это не казалось мнѣ очень опасо.

Въ тотъ годъ явился блестящій метеоръ и внушилъ мнѣ опасеніе за владычество мое, уже баснословно продолжительное. Я серьезно стала опасаться потерять его, и это спасеніе было причиной послѣдней моей глупости.

Прелестная Венеціанка, маркиза Бильба, пріѣхала провести зиму въ

Парижъ. Она была идеаломъ и образцомъ чудныхъ женщинъ Пасю Веронезе, съ жгучими глазами, съ шелковистыми волосами, которыя находятся только въ Венеци и находятся такими какъ мы видимъ ихъ въ картинахъ школы, выне которой, по моему мнѣнiю, нѣтъ на свѣтъ. Эта маркиза Бильба произвела эффектъ тѣмъ болѣе, что онъ былъ новъ. Никогда подобная красавица не появлялась на парижскомъ горизонтѣ. И потому ее обожали, воспѣвали, за ней гонялось все, что любить моду. Я видѣла минуту, когда меня бросятъ, и не смыкала глазъ, потому что дорожила владычествомъ, которое хотѣли у меня похитить, мучила графа, не знавшаго куда ему дѣваться и выскивала средства воротить толпу, слѣдовавшую по другой тропинкѣ.

— О! говорила я баронессѣ, будь у меня мой отель, дай мнѣ мужъ денегъ, какой бы праздникъ придумала я, и какъ бы привлекла ихъ!

Элиза повторила это передъ графомъ де-Серли. Черезъ двѣ недѣли, не говоря мнѣ ни слова, онъ купилъ чудесный домъ, обмеллировалъ его сверху до низу, и сдѣлалъ изъ него одно изъ великолѣпнѣйшихъ жилищъ на свѣтъ. Онъ предложилъ мнѣ прогулку и карета остановилась передъ этимъ волшебнымъ дворцомъ, гдѣ новое изумленiе ожидало меня на каждомъ шагѣ. Я не могла придти въ себя.

— Кому, говорила я, принадлежитъ этотъ отель? кто его такъ украсилъ? для какой восточной принцессы собраны эти чудеса?

— Для васъ, кузина. Маркизь де-Монкабри далъ мнѣ это порученiе. Хорошо ли я исполнилъ? это вамъ подарокъ на новый годъ.

— Какъ? мнѣ? отъ Эрнеста?

— Читайте.

И онъ подаль мнѣ письмо моего мужа, который благодарилъ его за покупку, сдѣланную для него и радовался удовольствию, которое она мнѣ доставитъ. Я не могла понять этой прихоти, не совмѣстной съ экономическими идеями Эрнеста. Баронесса объяснила мнѣ загадку. Графъ обладалъ самой изящной деликатностью. Чтобы не оскорбить меня и удовлетворить моей раззорительной фантази, онъ написалъ къ Эрнесту, прося оказать ему услугу, купить у него отель, платя ему пожизненную сумму, чтобы ему остался кусокъ хлѣба, когда онъ растратитъ свое состоянiе — выдумка, изобретенная для моего мужа. Самолюбию Эрнеста было прiятно поспѣшить на помощь

тому, чья роскошь иногда его унижала. Онъ согласился на покупку, которой всю выгоду еще не угадываеъ, потому что не зналъ дома. Графъ прибавлялъ въ концъ своего письма :

«Я сдѣлалъ эту глупость для женщины, которая меня обманула и не хочу имѣть этого дома. Позвольте умолчать объ этомъ кузинѣ и сказать ей, напротивъ, что я дѣйствовалъ для нея, отъ вашего имени; это сдѣлаетъ вамъ честь, а мнѣ большое удовольствіе.»

Можете себя представить, согласился ли мужъ мой, съ своимъ самолюбіемъ, которое вамъ извѣстно. До заключенія контракта, нотаріусъ его осмотрѣлъ домъ и не могъ опомниться отъ изумленія.

«Это просто даромъ, писалъ онъ. Графъ де-Серли — сумасбродъ, выъ отель великолѣпнѣе Лувра.»

Баронесса все это рассказала мнѣ, Рауль, а я никогда не подала виду, что знаю и также подписала контрактъ! Видите, до чего я дошла! Само собою разумѣется, что праздникъ былъ данъ и еще пышнѣе чѣмъ я желала. Графъ подарилъ мнѣ индѣйскій костюмъ, нарочью для меня заказанный, котораго богатство превосходило рассказы *Тысячи и одной ночи*. Онъ чудо какъ шелъ ко мнѣ и я буквально была покрыта драгоценными камнями. Къ моимъ присоединились вещи графа, онъ мнѣ далъ ихъ на этотъ вечеръ и я съ трудомъ принудила его послѣ взять ихъ назадъ. Я была очаровательна, вы это знаете, потому что любовь ваша ко мнѣ началась съ этого дня. Я могу теперь признаться въ этомъ безъ тщеславія, я говорю и сушу о себѣ какъ потомство, съ тѣмъ же холоднымъ взглядомъ, съ тѣмъ же равнодушіемъ. Развѣ я теперь существую?

Маркиза Бильба выбрала одинъ изъ оригинальныхъ костюмовъ венеціанскаго живописца и нарядилась въ него съ отчаянной вѣрностью. Конечно, она была менѣе великолѣпна, но такъ же хороша, какъ я. Никогда соперничество не шло ровнѣе. Густавъ, выведенный моимъ кокетствомъ изъ терпѣнія, присталъ издали къ свитѣ маркизы, не оставая однако и женой. Я поняла въ этотъ вечеръ, что если не переставу его мучить, то онъ сброситъ оковы и перейдетъ къ врагу. Но его тщеславіе, тщеславіе сына Арбреля, простолюдина, было очень лестно, когда онъ подавалъ руку царицъ этого волшебнаго праздника; мои брилліанты затмѣвали двадцать лѣтъ престолной Итальянки и онъ оставилъ бы меня съ сожалѣніемъ, однако оставилъ бы. Я это почувствовала и, въ пылу моего торжества, въ упоеніи

успѣха, отнынѣ упроченнаго, захотѣла еще этой лебеды, потому что ее оспаривали.

Маркиза два раза вальсировала съ виконтомъ, прекрасные глаза ея слѣдовали за нимъ, когда онъ говорилъ со мною, и онъ, казалось, съ трудомъ слушалъ меня. Тщеславіе овладѣло мною въ первый разъ въ жизни, замѣшило мнѣ сердце и придадо видъ страсти.

— Не глядите такъ на эту женщину! сказала я съ гнѣвомъ.

— Зачѣмъ линать меня этого развлечения, когда не хотите позволить мнѣ смотреть на васъ?

— Не знаю, что я вамъ позволяю и что запрещаю, но не хоту, чтобы вы на нее смотрѣли.

— А она вѣдь на меня смотритъ! Если бы она меня любила....

— Вы были бы очень счастливы, не такъ-ли?

— Развѣ она не восхитительна?

— Вы ее любите, перебила я, еще больше взбѣсившись.

— Что вамъ за нужда, когда вы заставляете меня умирать?

— Вы не видите, какъ я страдаю?

— Я вижу, что вы жестоки, что вамъ пріятно меня мучить.

— Такъ вы ничего не понимаете?

— Берегитесь, маркиза, не обманывайте меня, вы меня убьете.

— Не хотите ли заставить меня думать, вы что ревнуете?

— Ну да! я ревную!

— Стало-быть вы меня любите?

Я не отвѣчала, онъ однако понялъ.

— Одилія! моя Одилія! прош-пталъ онъ мнѣ на ухо.

Мы не разставались во весь вечеръ.

Я дошла до последней ступени этой нравственной лѣстницы, по которой спускалась уже много лѣтъ. Я обманывала вдругъ двухъ, потому что не любила ни того, ни другаго. Вотъ женщина, которую вы любите, Рауль, та, которой вы предложили жизнь вашу, не краснѣете ли вы теперъ?

Но возвратимся къ послѣднимъ днямъ моего безумія. Я опять слѣдалась царицею моды. Горделивая Бильба поняла свое поражение, съ гордостью дочери венеціанскихъ дождей, не хотѣла продолжать борьбы и уѣхала никогниго, не сказавъ никому ни слова.

Я приближаюсь къ самому жестокому времени моей жизни; до-

не рассказать вамъ сцену, отъ воспоминаія которой сердце еще обливается у меня кровью. Я обещала вамъ признаться во всемъ.

О, дитя мое, не откажите мнѣ въ состраданіи, подумайте, что начитывая эти строки, я себя ненавижу, презираю, подумайте, что я стою явлюсь передъ своими судіей и будьте снисходительны.

Въ это время, сердце мое превратилось, такъ сказать, въ мумію. Ничего не чувствовала, ни горести, ни радости, не чувствовала даже ужасныхъ ранъ, наносимыхъ моему личному достоинству, постыдннмъ положеніемъ, которое я занимала.

Страшный ударъ пробудилъ меня. Я возвратилась съ балу. Вездѣ царствовало безмолвіе, я читала какой-то романъ, чтобы заснуть, когда стукъ экипажа и голосъ, кричавшій отворить ворота, прервалъ мое чтеніе. Я привстала и начала прислушиваться. Послѣ переговоровъ, продолжавшихся нѣсколько минутъ, карета въѣхала на дворъ, слуги проспнулись, дверь въ переднюю отворилась и торопливые шаги слышались въ гостиной возлѣ моей спальни: начали стучаться.

— Кто тамъ? вскричала я.

— Я, Вильфридъ.

— Войдите, войдите!

Онъ вошелъ, подбѣжалъ ко мнѣ, и крепко обнялъ нѣсколько разъ. Я предчувствовала несчастье.

Одilia, бѣдная Одilia, повторялъ онъ, цалуя мою руку.

— Что такое? зачѣмъ вы такъ взволнованы? Вы вѣрно устали, сейчасъ вамъ приготовить компату.

— Не нужно, я долженъ сейчасъ вѣхать назадъ.

— Зачѣмъ? Вы не все мнѣ говорите. Что Адриана и Эрнестъ? здоровы ли они?

— Вооружитесь мужествомъ, другъ мой....

— Говорите, говорите!

— Вставайте, одѣньтесь, Одilia и поѣдте со мною, вашъ мужъ ищетъ васъ видѣть.

— Чего онъ отъ меня хочетъ?

Я дрожала всѣми членами.

— Хочетъ.... хочетъ обнять васъ до кончины и можетъ-быть мы прїдемъ слишкомъ поздно.

— О, Боже мой!

— Да, у него сдѣлалось воспаленіе въ груди вслѣдствіе просту-

ды послѣ охоты на болотѣ. Мы сначала надвѣялись счастья его и вот почему васъ не уведомляли, но теперь остается надежда только на чудо и можетъ-быть ваше присутствіе совершить его; поспѣшимъ же!

— О, да! поспѣшимъ! Дай Богъ, чтобы я его застала! Эрнестъ! мой бѣдный Эрнестъ!

Мужчины не понимаютъ истинной и глубокой привязанности, которую жена питаетъ къ мужу, даже тогда, если можетъ упрекнуть себя въ отношеніи его. Нашъ мужъ, это мы сами, наша совесть, если хотите, это *nido paterno*, куда птичка возвращается, разбитая своимъ паденіемъ, куда часто приноситъ стрѣлу, убивающую ее, но куда возвращается, увѣренная, что найдетъ покровъ и убѣжище. Это что-то такое задушевное, такъ соединенное съ самими нами, что если мы ненавидимъ мужа, то вѣжно его любимъ, любимъ не смотря ни на что; это маякъ, стоящій твердо среди бури, гавань, гдѣ отдыхаешь, спасеніе, если онъ того захочетъ, и часто онъ не знаетъ своего могущества.

О! да, говорю вамъ въ эту торжественную минуту, говорю съ горечью души, говорю отъ имени всѣхъ заблудшихся женщинъ.

Я едва успѣла уложить кое-что, написать нѣсколько прощальныхъ строкъ, сѣла въ карету одна съ Вильфридомъ, люди ѣхали за нами въ его коляскѣ. Обезумѣвъ отъ горя, безпокойства, я молчала; онъ смотрѣлъ на меня: болѣе года протекло послѣ нашей разлуки.

— Зачѣмъ вы не говорите со мной, Одилія? сказалъ онъ наконецъ.

— Затѣмъ, что я думаю.

— Думать и говорить со мной развѣ не все равно?

— Прежде, а не теперь!

— Теперь! дорогая и милая Одилія, вскричалъ онъ, привлекъ меня къ себѣ, теперь приходи плакать, приходи страдать къ этому сердцу, гдѣ ты царствовала.

Я рыдала, прислонившись къ покровителю моей жизни, къ существу, созданному ко вѣчно для меня, и котораго я не умѣла опадать.

Во всю дорогу онъ былъ ко мнѣ невыразимо добръ. Я страдала, но была счастлива. Я надѣялась, чувствовала что-то, словомъ воскресла для горести; не значило ли это воскреснуть для жизни?

Эрнестъ встрѣтился съ Вильфридомъ на возвратномъ пути изъ Вѣ-

ны. Они вместе возвратились въ Рекувремонтъ и тамъ мужъ мой нѣсколько разъ ѣздилъ на охоту, съ своей обычной горячностью. Большія болота, въ долині, славятся изобиліемъ птицъ ; мужъ мой вълѣ несосторожность спрятаться тамъ, послѣ продолжительной ходьбы, простудился, получилъ воспаленіе въ груди, почти неизбежное въ подобномъ случаѣ. Крѣпкое здоровье дѣлало его неблагоразумнымъ.

Когда карета въѣхала на дворъ Блауменберга, я не имѣла силы обратиться съ вопросомъ къ людямъ ; они это примѣтили.

— Маркизу лучше, сказалъ мнѣ дворецкій.

Я вздохнула свободнѣе.

— Пустите меня къ нему.

— Прежде надо его приготовить, отвѣчалъ Вильфридъ. Графиня прямо здѣсь ?

Адіана сама отвѣчала, обнявъ насъ обонихъ.

— Онъ ждетъ васъ, ждетъ съ нетерпѣніемъ, считаетъ дни, часы, минуты, зоветъ Одилію; я думаю, она хорошо сдѣлаетъ, если придетъ сейчасъ.

Мы пошли въ комнату больного, онъ услышалъ мой голосъ.

— Это она, прошепталъ онъ. Одилія, это Одилія !

И онъ также любилъ меня ! Привязанность часто спитъ въ глубинѣ сердца и великое страданіе пробуждаетъ ее ! Я увидѣла его на кровати, блѣднаго, исхудалаго, протягивавшаго мнѣ руки. Мои угрозы, моя нѣжность одержали верхъ надъ всеми возможными моими разсужденіями ; я почувствовала смертельное терзаніе сердца, никакая человѣческая власть не могла бы заставить меня итти далѣе, я упала на колѣна, сложивъ руки, думала, что я молилась ; да, я молила Бога и его простить меня. Минута эта была торжественна. Вильфридъ, поднявшій меня, оставилъ меня на колѣпахъ нѣсколько минутъ ; онъ понималъ, что это было мое мѣсто.

— Одилія, Одилія! продолжалъ Эрнестъ, поди сюда.

Я бросилась въ его объятія. Это тѣ невыразимыя и рѣдкія минуты, когда душа наша возвышается до истинной искренней любви. Безъ любви чувствуешь ея божественную сущность, умственное могущество, наше счастье въ этомъ мірѣ. Онъ отдалялъ меня и смотрѣлъ нѣсколько секундъ.

— Бѣдняжка ! ты утомилась, а все та же !

Отблескъ нашей прежней нежности осветил насъ обонхъ въ эту минуту.

— Я не умру безъ тебя, рука твоя зареетъ мнѣ глаза. Благо дарю тебя, мой Боже!

— Ты не умрешь, Эрнестъ, я съ тобою и спасу тебя.

— Нѣтъ, другъ мой, ты увидишь мою последнюю улыбку, которая безъ тебя никогда бы не появилась на губахъ моихъ, вот и все: я знаю мое положеніе, не ослабляюсь, намъ надо разстаться.

Адриана сдвигала мнѣ знакъ не отчаяваться и принесла кресла къ постели.

— Уступаю вамъ свое мѣсто, продолжала она весело; теперь вамъ за нимъ ухаживать, я буду только вашей помощницей.

— Какой ангелъ! перебилъ Эрнестъ, показывая на Адриану если бы ты знала, что она заставила меня понять и видѣть въ нашей прошлой жизни, улетавшей незамѣтно! Мы ей обязаны спокойствіемъ моихъ последнихъ минутъ.

— Не говорите такъ много, а теперь слушайте насъ, не утомляйтесь, докторъ предписалъ вамъ покой.

Въ одинъ мигъ она растолковала, что мнѣ надо было дѣлать: усадила сидѣлкой до вечера.

— Вы и Вильфридъ будете спать ночью, прибавила она, я хочу требую; путешествіе и безпокойство разбило васъ. Я останусь возле маркиза, пока вы соберетесь съ силами.

Надо было повиноваться, самъ Эрнестъ такъ приказалъ. Въ эту ночь ему стало лучше, онъ немного заснулъ, прѣздъ мой принесъ ему пользу. Тѣло иногда отдыхаетъ отъ своихъ болѣзней, опираясь на душу, когда она счастлива. Докторъ прѣхалъ на другой день, и долго его спрашивала, онъ не далъ мнѣ большой надежды.

— Маркизь крѣпкаго сложенія, молодежь борется съ смертью, натура можетъ-быть спасетъ его; но что до моей науки, то я объявляю ее теперь безсильной.

— Благодарю васъ, докторъ. Я хотѣла знать правду, теперь буду молиться Богу.

— Молитесь и какъ можно болѣе оставайтесь съ больными. Прогрѣднѣе и привязанность спасаютъ людей, оставленныхъ нами.

Ахъ! мнѣ не суждено было этого счастья! Въ продолженіе четырехъ

дой нушу моему было то лучше то хуже. Мы безпрестанно переходили отъ опасенія къ надеждѣ ; наконецъ вечеромъ 28 февраля съ Эрнстомъ начались предсмертныя страданія.

Я сидѣла возлѣ его постели, смотря на это лицо, гдѣ не оставалось никакого слѣда ни молодости, ни жизни, угнетенная подѣ тяжестью гѣри и неспособная говорить. Эрнестъ чувствовалъ приближеніе смерти и сохранялъ полную память. Священникъ, докторъ, Вильфридъ, Адрианъ окружали насъ.

— Я бы хотѣлъ остаться одинъ съ Одиліей, сказалъ онъ обернувшись къ своему духовнику.

— Сынъ мой, прошепталъ почтенный священникъ, тѣ, которыхъ соединилъ Господь, могутъ, разставаясь, вспомнить вмѣстѣ о прошлой жизни и мечтать о новой въ небесной обители.

Сердце мое еще болѣе сжалось, я чувствовала себя слабою передъ тѣмъ, кого такъ оскорбила, и который черезъ нѣсколько часовъ долженъ былъ это узнать. Я искала глазами Вильфрида, онъ меня пошелъ и сказалъ мнѣ тихо :

— Я буду тамъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ, призовите меня, если будетъ нужно.

— Моя возлюбленная, сказалъ Эрнестъ, когда все вышли, подвинься ближе.

Я повиновалась.

— Я открылъ мою душу священнику, онъ выслушалъ мою исповѣдь и распрашивалъ меня о многомъ, показалъ мнѣ свѣтъ съ настоящей точки зрѣнія, а поступки мои въ ихъ настоящемъ видѣ. Я знаю теперь мои обязанности, я думалъ, что все ихъ исполнилъ, но примѣчаю, что совершенно пренебрегъ ими. Онъ предписалъ мнѣ просить у тебя прощенія.

— Прощенія ! у меня ! воскричала я съ ужасомъ.

— У тебя, пренебреженной, почти брошенной для матеріальныхъ выгодъ, у тебя, которой молодость шла безъ руководителей среди опасностей, которая могла пасть и осталась чистою.

— Боже мой !

Я упала словно пораженная молніей : этого было слишкомъ. Онъ продолжалъ.

— Если бы я повѣрилъ свѣту и услуживавшимъ увѣдомленіямъ, я бы считалъ тебя погибшею, другъ мой. Ты найдешь въ моемъ бюро мно-

жество писемъ, гдѣ мнѣ доносить на твои мнимыя связи, я никогда не читалъ ихъ до конца, но сохранилъ все, чтобы показать тебѣ и научить узнавать окружающихъ. Прочти тебѣ только объ одномъ : прочти ихъ, сдѣлай то, что у меня не было мужества сдѣлать. Если ты виновна, Одиля, сохрани Богъ, чтобы я это думалъ, я не хочу этого знать, хочу умереть такъ какъ жилъ, съ довѣремъ къ тебѣ ; но если ты виновна, твоимъ наказаніемъ будетъ угрызеніе, которое это довѣріе завѣщаетъ тебѣ. Я тебя знаю, ты бы страшно страдала.

— Другъ мой ! другъ мой ! перебила я рыдая, ты раздрааешь мнѣ сердце.

— Конечно, я понимаю, подобный разговоръ, начатый въ первый разъ между нами, и въ такую минуту—вещь страшная; но позволь мнѣ кончить. Если ты согрѣшила, дитя мое, раскайся, перемѣни образъ жизни, воротись на прямую дорогу, Одиля, и Господь проститъ тебѣ, какъ я прощаю и благословить, какъ я благословляю.

Я стояла на колынахъ, чувствовала, что сердце мое готово разорваться, губы готовы открыться, чтобы обвинить себя. Онъ продолжалъ:

— Но не правда ли, моя возлюбленная Одиля, что я долженъ умолять тебя о снисхожденіи и тысячу разъ благодарить за то, что ты осталась безукоризненна? О! скажи, скажи мнѣ, что ты меня любила, какъ я любилъ тебя, что оба заняты, я дѣлами, ты удовольствіями, мы шли каждый по различной дорогѣ, не теряя однако другъ друга изъ виду. Мы стремились къ одной цѣли—сдѣлать другъ друга счастливыми и соединиться, когда истощили бы все свои проекты, все развлечения. Если бы Господь не призывалъ меня къ себѣ, если бы позволилъ остаться съ тобою, о! какъ различна была бы наша жизнь впередъ! Ты бы нашла то, что тщетно во мнѣ искала прежде! Но конечно онъ этого не хочетъ, конечно нужно искупленіе прошедшему: я совершаю его моею смертью, ты совершишь жизнью.

Онъ также плакалъ, бѣдный Эрнестъ; а я, какія слезы проливала! Угрызенія и сожалѣнія терзали мнѣ душу; это, конечно, было искупленіе жестокое, какъ онъ сказалъ!

— Я оставляю тебѣ преданнаго покровителя, вѣрваю въ твою истинную, какую только можешь ты встрѣтить послѣ моей, нашему Вильериду; онъ будетъ управлять твоимъ имѣніемъ по моимъ пла-

нми, онъ знаетъ ихъ. Оставляю тебя все что имѣю, оставляю тебя самостоятельной обладательницей прекраснѣйшаго состоянія въ цѣлой Европѣ, можетъ-быть; по-крайней-мѣрѣ у тебя не будетъ матеріальныхъ заботъ. Мнѣ нечего поручать тебѣ несчастныхъ, ты знаешь; какъ отрадно помогать имъ.

Потомъ съ чудной ясностью онъ вспомнилъ всѣхъ, кто страдалъ въ нашихъ помѣстьяхъ и изъ нашихъ знакомыхъ, назначилъ въ пользу ихъ суммы, растолковалъ какъ надо это сдѣлать, и наконецъ дошелъ до баронессы д'Ормесь.

— Бѣдная баронесса! она всегда меня любила, оказала мнѣ большую услугу, не разставаясь съ тобою, окружая тебя попеченіями. Дѣйствительно десять тысячъ франковъ пожизненной пенсін, оставь комнату въ твоёмъ отелѣ. Вы будете говорить вмѣстѣ обо мнѣ.

Вы знаете, какая потребность въ искренности существуетъ у меня и какъ въ некоторые минуты, я неспособна скрыть истину. Я встану съ отчаяннымъ движеніемъ, вскричавъ:

— Нѣтъ, этого не будетъ!

Все, что было во мнѣ честнаго, возмутилось отъ слышаннаго мною. Эту женщину, которая меня погубила, или, по-крайней-мѣрѣ, которая совѣты такъ способствовала къ развитію во мнѣ зла, эту женщину хвалить, награждать мужъ мой! О! я не могла снести за него такого униженія, не могла допустить торжествовать лукавство и хотѣла открыть все. Эрнестъ слѣдовалъ за мною грустнымъ взоромъ.

— Молчи, Олимпія! Если кузина измѣнила признательности, дружбѣ, отдавая тебѣ дурные примѣры или совѣты, я не хочу знать и прощаю ей.

Казалось, что маркизъ де-Монкабриэ соединилъ въ часъ своей кончины всѣ достоинства, которыя жизнь его оставляла въ тѣни. Это великодушіе, это величіе души, едва подозрѣваемые въ немъ до сихъ поръ, изумляли меня, внушали горькое сожалѣніе; если бы я ранѣе знала ихъ, если бы не отчаялась послѣ первой попытки, если бы не пренебрегла этимъ счастіемъ для невозможныхъ химеръ, то не преклоняла бы теперь голову передъ своимъ судьбою, не выносила бы этого униженія!

Вильфридъ, въ безпокойствѣ отъ этого продолжительнаго разговора, востучался въ дверь, прося позволенія войти.

— Да, да, отвечалъ больной, пусть Адриана тоже войдетъ. Я долженъ съ вами проститься, оставить послѣднія препорученія и послѣ заниматься только небомъ.

Они подошли вмѣстѣ.

— Друзья мои, продолжалъ Эрнестъ, завидяю вамъ то, что у меня было самаго дорогаго на свѣтѣ, оставляю вамъ мою Одилю. Будьте ея братьемъ и сестрою; окружите ее вашими попеченіями, она остается одна, у ней нѣтъ родныхъ кромѣ васъ. Говорю вамъ здѣсь передъ нею и передъ Богомъ, мнѣ не въ чемъ упрекнуть ее, она все употребила, чтобы украсить союзъ нашъ, и если не сдѣлала его сладостнее и важнее, то оттого что я мало способствовалъ тому. И такъ моя Одилія будетъ теперь важною. Вильфридъ, она хороша, молода еще, чрезвычайно богата, можетъ-быть сдѣлаетъ второй выборъ. Наблюдайте за нею, другъ мой. Не смотрите ни на сокровища ни на пачесть, но пусть она выйдетъ за человѣка благороднаго, который бы могъ любить ее и сдѣлать ее счастливою.

Эта трогательная заботливость, эта привязанность была для меня самымъ жестокииъ наказаніемъ. Я оставалась на колышкахъ, закрывъ лицо руками; ни просьбы Вильфрида и его жены, ни нѣжныя приказанія моего мужа не могли заставить меня переменить положеніе.

— Я умру здѣсь, на этомъ мѣстѣ, говорила я, не имѣю права занимать другаго.

— Твое мѣсто въ моемъ сердцѣ, моя возлюбленная, чтобы принять мой послѣдній вздохъ, послѣдній поцалуй, чтобы придать мнѣ бодрость въ этомъ горестномъ переходѣ, тебѣ, подружка моей жизни. Приди сюда, приди ко мнѣ, я этого желаю, хочу.

Священникъ и докторъ явились на порогъ двери, одинъ предлагалъ свое святое посредничество, другой жаловался, что больной говоритъ слишкомъ много.

— Вы правы, отецъ мой; время думать единственно о Богѣ, но я утѣшалъ это бѣдное созданіе, а ваши предписанія, докторъ, мнѣ уже не нужны, благодарю за попеченія.

Священникъ подошелъ къ постели и просилъ насъ присоединиться къ его молитвамъ.

— Я сдѣлалъ, что вы предписали, дайте же мнѣ отущеніе въ грѣхахъ. Я раскаиваюсь и надѣюсь.

Мы окружили постель, на колышкахъ и обливаясь слезами; свяще-

никъ прочелъ предсмертныя молитвы, потомъ приобщилъ его и со-
боровалъ. Эрнестъ былъ удивителенъ, сложивъ руки онъ ясно от-
крылъ священнику, несмотря на свои отраданія; время отъ вре-
мени я открывала холодный потъ съ лица его, онъ тогда бросалъ на
меня признательный взоръ съ слабою улыбкой.

Но мръ того какъ ночь исчезала, онъ сталъ постепенно ослаб-
вать, не могъ пошевелить оледенѣвшими членами.

— Я не увижу солнца, Одилия, сказалъ онъ, не увижу тебя, но
увижу, думая о Богѣ и о тебѣ.

Съ большимъ трудомъ произнесъ онъ эти слова, глаза его закры-
лись, онъ какъ-будто задремалъ. Мы безмолвно стояли вокругъ
него, докторъ пощупалъ пульсъ, сдѣлалъ знакъ Вильфриду.... Эр-
нестъ уже не было.

Здѣсь я бы хотѣла отдохнуть, остановиться на этомъ горькомъ
вспоминаніи о смерти, потому что то, чтò остается мнѣ сказать,
такъ тяжело, я такъ съ-тѣхъ-поръ отрадала, что нужна воли очень
малая, чтобы не отказаться отъ обязанности, которую наложили
на меня справедливость и мое участіе къ вамъ.

Я была свободна. Я чувствовала, что снова готова пасть, что не
могу жить безъ вихря свѣта, безъ непрерывнаго оглушенія, безъ
лихорадочныхъ волненій, сдѣлавшихся для меня привычкою. Я была въ
отчаяніи, достигла высшей точки сердечнаго бездѣйствія, когда чув-
ствовала, что стѣна возвышается между всѣмъ, чтò есть благородна-
го, великодушнаго и душою, сдѣлавшейся сухой, бесплодной; ни къ
чему неспособной.

Насыщаясь сама надъ собою, я написала къ Эдмонду и Густаву.
Я бы хотѣла сохранить эти письма; онъ были такъ ужасны,
столько заключали презрѣнія; горестной веселости, что больно бы-
ло читать ихъ. Я говорила каждому, что не люблю его, что никогда
его не любила, описала себя не такъ какъ была, потому что скрыла
ужасна и слезы, но какою хотѣла казаться. О! они должны были
страдать, читая эти строки, я напала на самые звучные фибры ихъ, —
на самолюбіе Густава, на любовь Эдмонда. Одинъ увидѣлъ, что слы-
шалъ игрушкой, другой чувствовалъ, что не былъ понять ни на одну
минуту. А я смѣялась, мнѣ было отрадно проливать желчь, нано-
сить вредъ!

Вильфридъ и Адриана съ матерью поселились въ Блуменбергъ по

моей просьбѣ. Мадамъ де-Рекувремонтъ съ трудомъ рѣшилась на это; я уже вамъ говорила, что она не любила меня. Выгоды звучать, искусно выставленные Вильфридомъ, который совсѣмъ о томъ не думалъ, заставили ее рѣшиться. Я все поняла. Въ вечеръ ихъ пріѣзда я довершила ей радость этимъ рѣшительнымъ объясненіемъ:

— У меня нѣтъ дѣтей, Вильфридъ, и никогда не будетъ, я рѣшилась не выходить замужъ, все мое состояніе будетъ принадлежать вашимъ дѣтямъ, моей крестницѣ Одилии достанется половина. Второй сынъ ея, если у ней будетъ ихъ два, приметъ фамилію и гербъ Рудольфгеймъ-Блуменбергъ; если у ней будетъ одинъ только сынъ, то онъ долженъ принять ихъ; если дочь — то ея мужъ. Отецъ мой желалъ страстно, чтобы объ эти фамиліи не угасли.

Вильфридъ старался измѣнить мою рѣшимость, я подала ему актъ, написанный нотаріусомъ.

— Принимаю его, Одилия, если вы этого требуете, но съ условіемъ, чтобы вы взяли его назадъ, когда раскаетесь, и чтобы мнѣ позволено было возвратитъ его, когда я раскаюсь, что рѣшился взять.

Я слабо улыбнулась: я хорошо знала, что этотъ день не наступитъ никогда. Развѣ жизнь моя не кончилась въ тотъ день, когда умерло сердце! Я написала также къ моему парижскому нотаріусу, чтобы заплатитъ графу де-Серли долгъ мой за выкупъ брилліантовъ и настоящую цѣну моего отеля по оцѣнкѣ. Графъ не хотѣлъ брать денегъ, но уступилъ мнѣ настоятельнымъ увѣреніямъ, что я буду любить его больше, когда не буду ему ничего должна. Это была правда, униженіе много уменьшало мое чувство.

Я начала обращать вниманіе на мою крестницу, премиленную девочку, увѣряла себя, что буду ее любить, выбрала ей гувернантку, назначила особенный экипажъ и людей, хотѣла, чтобы она звала меня маменькой, отвела ей комнату возлѣ моей, играла въ материнство вполнѣ какъ только возможно; демонъ хохоталъ громко, потому что эта струна оставалась еще безмолвнѣ другихъ. Наступилъ сентябрь. Я просила графа де-Серли не пріѣзжать въ свое помѣстье лѣтомъ. Уваженіе къ первому времени моего вдовства требовало этого. Виконтъ же легко утѣшался въ мое отсутствіе; однако писалъ ко мнѣ довольно аккуратно, я ему отвѣчала и нѣсколько разъ принуждена была распечатывать письмо, чтобы не ошибиться въ адресъ и не послать его бѣдному графу, которому писала въ тотъ же день. Стыдясь

и жалко сказать! Наконецъ въ сентябрь графъ прѣхалъ. Онъ былъ радъ меня видѣть, потому что очень любилъ меня. Я оставалась холодна и думала только, что мнѣ будетъ не такъ *скучно* съ лишнимъ гостемъ. Онъ разсказалъ мнѣ, какое дѣйствіе произвела въ Парижѣ смерть моего мужа; какъ все кричали: — Вотъ богатая и прелестная вдова! и какъ уже меня выдали разъ десять замужъ.

— За кого же?

— Да за всѣхъ вашихъ знакомыхъ.

— Однако жъ?

— За Виконта де-Ланперіе, напримѣръ.

— Ни онъ, ни я объ этомъ не думаемъ. Еще за кого?

— Говорятъ, будто герцогиня *** старается раздуть прежнюю страсть сына, потому что ваше золото и брилліанты славно бы украсили княжескую корону.

— Мнѣ не нужно этой короны.

— Прежде вы его не любили, можетъ-быть полюбите теперь.

Я покраснѣла, эта ложь пробуждала воспоминаніе.

— Нѣтъ-ли еще кого?

— Сотни.

— Назовите хоть одного.

— Позвольте?

— Конечно.

— Меня, чтò вы скажете на это?

— Какъ вы спрашиваете?

— Серьезно, какъ о дѣлѣ, котораго я желаю больше всего на свѣтѣ.

— Любезный графъ, я не знаю человека благороднѣе васъ, болѣе достойнаго любви и потому никогда не буду вашей женою.

— Затѣмъ же, Боже мой?

— Затѣмъ, что я хочу видѣть васъ счастливымъ, затѣмъ, что вы служиваете имѣть жену не такую какъ я.

— Одеялія, откуда эта жестокость къ себѣ самой, къ тому, кто бы отдалъ вамъ жизнь? Не хорошо.

— Я справедлива, исполняю долгъ, хотя знаю, что по мнѣнію свѣта, по собственному моему, будь я рѣшительно безъ совѣсти, ничто не казалось бы вѣрнѣе этого брака.

— Конечно, Эдмунд, богатою, принама; все есть. Я люблю васъ до безумія, вы не можете въ такомъ сомнѣваться. Вы меня любите, что бы вы тамъ ни говорили:

— Конечно, я люблю васъ, можно и единicomъ много и слишкомъ мало, чтобы принять ваше имя. Вотъ вамъ все объясненіе моего отказа. Не говорите мнѣ больше объ этомъ, забудьте эти химеры.

Бѣдный графъ посмотрѣлъ на меня глазами полными слезъ. Господи! за что меня такъ любить?

Къ графу прѣехали гости, но я видѣла самыхъ короткихъ друзей трауръ не позволяетъ мнѣ бывать въ обществѣ, и присутствіе Вальфрида дѣлало домъ мой гораздо серьезнѣе. Вальфридъ дѣлался грустнее день ото дня. Мы съ его женою принимали это, спрашивали о причинахъ, онъ всегда давалъ этотъ отчаянный отвѣтъ:

— Ничего.

А я подозрѣвала что съ нимъ и была такъ низка, что радовалась. Онъ любилъ меня болѣе чѣмъ когда-нибудь. Мысль о моей свободѣ, мысль, что я бы могла принадлежать ему, безпрестанно его преслѣдовали. Я чувствовала неограниченную власть свою надъ этой могучей и сильной натурой, застигала взгляды, устремленные на меня въ безмолвномъ созерцаніи и чувствовала уврѣненіе въ своей красотѣ. Графъ де-Серли старательно скрывалъ свои чувства, и строго ему велѣла. Однажды, однако, онъ чуть не измѣнилъ себя ревностью къ Густаву. Одинъ изъ панихъ сосѣдей прѣехалъ съ письмомъ, наполненнымъ множествомъ новостей, которыя прочелъ самъ. На второй страницѣ онъ остановился и взглянулъ на меня.

— Читать ли далѣе, маркиза?

— Читайте до конца, пожалуйста, если впрочемъ можно.

— Можно, если хотите, рѣчь идетъ объ васъ.

— Меня выдаютъ замужъ?

— Именно.

— За кого?

— Говорить ли?

— Да, да.

— За Виконта де-Ганблѣ.

— Графъ поблѣднѣлъ.

— И прибавляютъ, что онъ самъ разглашаетъ объ этомъ и говорить, что ѣдетъ въ Эльзасъ, къ вамъ.

— Я на жду никого, отвѣчала я сухо.

— И я тоже, прибавилъ графъ; я не приглашаю Виконта и во-
все не намѣренъ его принимать.

— Когда я говорила о путешествіи въ Парижъ, Вильфридъ объя-
вилъ, что поедетъ съ мною. Я старалась отъгнать его отъ этого на-
меренія, онъ былъ непреклоненъ.

— Откаля, я не оставлю васъ.

— Такъ стало-быть Адриана тоже поедетъ?

— Адриана?

Онъ возражалъ.

— Нѣтъ, Адриана должна остаться здѣсь съ дѣтьми.

— Я увезу крестнику, увезу своихъ наследниковъ, Адриана по-
едетъ.

— Ну, пусть едетъ.

Онъ, конечно, понялъ, что нестанвая долже, измѣнить себя. Мы
шли все вмѣстѣ, графъ де-Серли впередъ. Адриана вступала въ Па-
рижъ въ первый разъ, я собиралась показать ей его, но вроткая
женщина не заботится о томъ, что увидитъ. Единственно занимаясь
дѣтьми и Вильфридомъ, она составила изъ нихъ свою вселенную.

— Ахъ! надо окончить признанія, — та же виновная жизнь началась.
Помните ли, Рауль, вечеръ у вашей тетушки, гдѣ вы съ такимъ жаромъ
разговаривали, сидя возлѣ каминна? Три женщины слушали васъ,
а мы смотрѣли только на одну. Какіе взоры бросали вы на нее!
какъ обращали къ ней все, что ваше сердце внушало губамъ жар-
кихъ, жгучихъ выраженій! Эта женщина слушала васъ холодно, раз-
бирала васъ покаивствъ вы воспламенялись, говорила самой себя:

— Онъ красивъ, молодъ, очарователенъ, съ душой, исполненъ пре-
красныхъ чувствъ, вступаетъ въ свѣтъ какъ другіе и обожжется по-
добно другимъ. Стало-быть я еще хороша, если меня такъ любятъ!

И разсматривая монхъ соперницъ, я прибавляла:

— Имъ двадцать лѣтъ, онъ невинны, прелестны, а ихъ не любятъ
какъ меня.

Вы уехали и ваша тетушка сказала намъ, что думала объ васъ:

— Рауль не созданъ ни для этого свѣта ни для этого вѣка. Опа-
сность страстей его, онъ могутъ довести его до всего. Женщина, ко-
норую онъ полюбитъ, можетъ сдѣлать однимъ словомъ счастье или

печалью его жизни; покойная мать его это живо чувствовала, последнимъ словомъ ея было:

— Берегитесь первой любви Рауля!

Слова эти запечатались въ моей памяти, послѣ я убѣдилась въ этой истинѣ и этой грустной исторіей обязаны вы этому убѣжденію. Вы часто бывали у меня. Сколько разъ, забывая балы, куда призывала васъ ваша юность и которые запрещали мнѣ трауръ, сколько разъ проводили мы въ разговорахъ цѣлые часы! Не примѣчая окружавшихъ меня грустныхъ танцевъ, вы сдѣлали изъ меня ангела. Вы еще не сказали мнѣ этого, думали вы, а между-тѣмъ говорили безпрестанно; по вашему мнѣнію я и не догадывалась, а я знала васъ наизусть. Бѣдняжка! какъ вы старались скрывать любовь, которой я *должна* была обижаться! О! если бы я могла выразить вамъ, какое чувство зависти внушали вы мнѣ, когда послѣ, лежа у моихъ ногъ, вы говорили мнѣ объ этой любви. Вы любили, счастливецъ, и смѣли жаловаться! Но за одну изъ вашихъ горестей, за одну вашу радость я бы отдала и имя и состояніе, которымъ завидовали всѣ! Всѣ мои брилліанты не стоили одной изъ тѣхъ милыхъ слезъ, которыя текли у васъ по щекамъ и которыя я вытирала вашими волосами. Вы, конечно, тоже помните, что было наканунѣ новаго года, когда успѣвъ удалить всѣхъ, я приняла васъ въ своемъ кабинетѣ, какъ обѣщала. Вы меня просили подарить вамъ и принять отъ васъ въ подарокъ кольцо. Я напомню вамъ весь этотъ вечеръ, онъ дополняетъ исторію моей жизни: я солгала въ послѣдній разъ, но не такъ была виновна, надо было успокоить истинное отчаяніе. Вы знаете, мы были одни, вы пришли въ больномъ волненіи, потому что приняли намѣреніе великое. Я приняла васъ съ этой ласковой улыбкой, которую равнодушіе и кокетство расточаютъ всѣмъ, протянула вамъ руку и вашъ поцалуй оставилъ на ней жгучій слѣдъ. Потомъ сняла съ пальца кольцо, и вы просили, чтобы я сама надела вамъ его. Вы тоже должны были дать мнѣ кольцо и никогда не забуду, съ какимъ выраженіемъ, ставъ на коленя, вы на меня смотрѣли и просили выслушать васъ безъ гнѣва, простить вашу смѣлость. Я васъ обманывала, вы воображали себя любимымъ, не смѣли требовать доказательства, чистота вашего чувства опасалась затмить вашего ангела, выразивъ ему положительное желаніе. Какъ вы далеко были отъ мысли, что эта чистая женщина измѣнила вамъ и не

ить однимъ? Это ужасно, не правда ли? Вы оставались у моихъ ногъ, я играла локонами вашихъ волосъ, какъ за минуту передъ тѣмъ гладила длинные уши моей собачки, все съ одинаковымъ спокойствіемъ.

— Посмотримъ же, говорила я, что это за великая тайна, къ которой надо быть такъ снисходительной?

— О! это точно большая тайна, не знаю, какъ осмѣлюсь сказать вамъ.

— А если я отгадаю?

— Ахъ, если бы вы могли!

— Попробую. Вѣрно какая-нибудь просьба?

— Точно.

— Локонъ, букетъ, лепточку?

— Нѣтъ, совсѣмъ другое!

— Портретъ?

— Еще больше.

— Не понимаю.

— О! вы никогда не отгадаете:

— Отказываюсь.

— Такъ я скажу.

— Слушаю.

— Моя благородная, прелестная, дорогая Одиля, я хочу васъ слыть.

— Меня?

— Не смотрите на меня такъ, не опасайтесь, не обвиняйте меня ни одной минуты. Уваженіе равняется съ моей страстью, ни одна изъ моихъ мыслей не тронула чистоты вашей души. Вы свободны, я тоже, будьте моей женой!

— Вашей женой!

Самое мучительное признаніе, которое остается мнѣ сдѣлать, всего лучше опишетъ вамъ мое паденіе: я ничего тогда не почувствовала, кромѣ страстной охоты захохотать. Мысль вытти за двадцатьлѣтняго мальчика показала мнѣ до того смѣшной, что я не замѣтила сколько въ ней высокаго и благороднаго съ вашей стороны.

— Да, моей женою, повелительницей моей жизни, никто не будетъ этого достойнѣе васъ. И видите, Одиля, какъ я васъ уважаю, я ни минуты не думаю, чтобы вы обратили вниманіе на разность нашихъ

состояній. Моя любовь знает вашу такъ, какъ вына мою. Вамъ известно, что ваши милліоны не пойдутъ на весы ни съ той, ни съ другой стороны. Я хочу на васъ жениться, потому, что люблю и никого не буду любить кромѣ васъ, потому что безъ васъ не могу жить. Не интересъ управляетъ моимъ поступкомъ. Я буду герцогомъ де-Моньеръ по смерти дѣдушки и, следовательно, вы безъ опасенія можете переименовать вашу фамилію на мою, такъ же, какъ я могу дать вамъ фамилію моего благороднаго отца, моей достойной матери. Вы будете носить ее также благородно и достойно; дѣвъ мой съ гордостью назоветь васъ дочерью.

— Но я могу быть вашей матерью, дитя!

— Вы! васъ можно принять за сестру мою, сударыня. Вы прелестнѣе всякой молодой дѣвушки!

— Вы не разсуждаете, Рауль. Это была бы такая глупость, въ которой бы вы вѣкъ раскаявались, и я не допущу васъ до нея.

— Одилія, Одилія! вы меня не любите!

О! какъ иногда сердце дальновиднѣе опытности! Какъ вы скоро почувствовали, что отвѣтъ мой былъ бы порывомъ признательности, если бы я васъ любила! я продолжала:

— Если бы я не любила васъ, Рауль, я бы прежде подумала о себѣ, чѣмъ о васъ.

Вы не называли этого любовью и были правы.

— Да, если бы вы меня любили, вы бы сдѣлали связь нашу вѣчною, вы бы думали, какъ устранить всѣ препятствія, нашему соединенію на всю жизнь, словомъ желали бы принадлежать мнѣ.

Я не могла и не хотѣла говорить откровенно и молчала.

— Вы не отвѣчаете, чувствуете, что не правы, не такъ ли? Вы собираетесь сказать мнѣ, что соглашаетесь и даете мнѣ время приготовиться къ радости.

— Я скажу вамъ только одно, все то же, Рауль: этотъ бракъ—глупость, и я въ не сдѣлаю.

— О! маркиза, какъ вы жестоки!

Вы очень страдали въ эту минуту, бѣдное дитя!

— Вы раздираете мнѣ сердце, Рауль; умоляю, поставьте себя на мое мѣсто, вы бы поступили такъ же.

Вы не такъ думали и мысль ваша справедлива. Женщина, любящая и преданная, будь она бѣдна, а вы богаты, дала бы огромное докла-

завѣтъ бланкетства и самоотверженія, отказавъ вамъ, потому что тогда она жертвовала бы своимъ счастьемъ вашему. Но я, выходя изъ вѣтъ, становилась смышлою, не получая для себя ни малѣйшей выгоды. А истинная любовь не смотритъ на это, приноситъ себя въ жертву безъ тайной мысли и увѣрю васъ, другъ мой, что женщина не можетъ лучше доказать любовь, какъ становится женою человека въозле ея. Она приближаетъ въ то же время и насмѣшки свѣта и несчастія сердца: надъ нею насмѣхаются и она страдаетъ. Пока она любима, она должна переносить поражающую увѣренность, что мужъ ей служить предметомъ насмѣшекъ, а когда ее разлюбятъ, она должна скрывать свои слезы, ей не позволено жаловаться, обвинять ея, а не его; напротивъ, объ немъ жалуютъ и онъ самъ жалуется о себѣ. Ей выпадаютъ на долю упреки мужа, свѣта, свой собственные, ревность, порицаніе, мука всѣхъ родовъ и она должна переносить все, это ужасно. Умная женщина, рѣшаясь на подобную жизнь, не обманываетъ себя и, конечно, даетъ доказательство любви безграничной, какія бы впрочемъ не предлагали ей выгоды. Я отказала, потому что не любила, и ничто въ отвѣтъ не заставило бы меня взять назадъ отказъ. Я жестока, Рауль, но это необходимо, и если я говорю правду, то потому, что прикладываю сильное и спасительное лекарство къ ранѣ, которую сдѣлала сама.

— На вашемъ мѣстѣ, Одиля, продолжали вы, я не причинилъ бы несчастія человеку, связавшему свою жизнь съ своей любовью. Что говорите вы о будущемъ? Будемъ ли мы еще жить? Къ этому чудному настоящему должны мы привязаться; однимъ словомъ, вы можете уничтожить или осчастливить двѣ судьбы. Одиля, Одиля, сжаьтесь надо мною!

А я была безжалостна, была палачомъ, судьбою, провознесила и исполняла приговоръ, оставалась холодна и размышляла; знала, до какой поръ можно продолжать пытку, не жестоцивъ вашихъ слезъ. Что вы думаете заслуживаетъ женщина, способная на все это? Вы встали, кидили по комнатамъ, мало-по-малу гнали овладѣвая вами; не отдавая себѣ отчету, вы понимали, что другая не такъ бы поступила въ такомъ мѣстѣ.

— Маркиза, сказали вы вдругъ, мнѣ часто говорили объ этихъ ученыхъ кокеткахъ, которыя безжалостно играютъ сердцами муж-

чинъ, разбиваютъ ихъ, топчутъ ногами; конечно, вы одна изъ нихъ, а я считалъ васъ ангеломъ!

Вы были готовы ускользнуть отъ меня, сорвать съ меня вѣнецъ невинности, главную мою силу, я только взглянула на васъ, но въ этотъ взглядъ я вложила такой истинный упрекъ, что-то такое трогательное и простодушное, что обманула бы и опытные васъ; и вы упали къ ногамъ моимъ со слезами. Тогда, Рауль, я разыграла сцену, одну изъ этихъ сценъ, которыя наконецъ переходятъ въ истинныя, потому что актеръ самъ воспламеняется. Я клялась, что люблю васъ выше всего, окружила тысячами изгибами лживой нежности, словомъ, взялась за ремесло сирены и исполнила его по совѣсти, мы должны были обмануться. Вы съѣли на прежнее мѣсто, мы оба молчали.

— Одилая! сказали вы вдругъ, поднявъ голову, а бы хотѣлъ зять о чемъ вы думаете?

— Думаю о томъ, сколько доброты и благородства въ вашемъ сердцѣ, Рауль, люблю васъ.

— Будете ли отвѣчать откровенно на мой вопросъ?

— Буду.

— Не любилъ ли васъ графъ де-Блуменбергъ?

— Любилъ.

— И теперь еще любить?

— Что думаете вы о Вильфридѣ, Рауль?

— Думаю, что это одинъ изъ самымъ благородныхъ людей на свѣтѣ.

— Вотъ отвѣтъ на вашъ вопросъ.

Въ эту минуту легкій на помыслъ, вошелъ Вильфридъ. Онъ сдѣлалъ едва замѣтное движеніе удивленія и досады.

— Не помѣшалъ ли я вамъ, маркиза? Мнѣ сказали, что вы никого не принимаете, но я думалъ, что не будучи нескромнымъ, долженъ привести вамъ важное письмо, на которое отвѣчать надо немедленно завтра утромъ.

Дѣло шло о прибыльной спекуляціи, которую могли у меня перебить.

— Входите ко мнѣ когда хотите, Вильфридъ, въ эту минуту ваше присутствіе мнѣ особенно пріятно. Я имѣла очень серьезный разговоръ съ мосье де-Монферомъ.

Вы оба посмотрели другъ на друга съ удивленіемъ, я продолжала :

— Вы мнѣ сказали, Рауль, что графъ казался вамъ самымъ благороднымъ человѣкомъ на свѣтѣ, хотите взять его въ посредники?

— Маркиза... этого не нужно.

— Извините, на такую серьезную вещь я не могу рѣшиться, не посоветовавшись съ нимъ, и лучше пусть это будетъ при васъ: видите, что я поступаю чистосердечно.

— А я, Одилія, сказалъ Вильфридъ, подамъ вамъ совѣтъ, внушенный дружбой и честью.

— Другъ мой, мосье де-Мовіеръ проситъ моей руки.

Вильфридъ задрожалъ, у оружія моего было два клинка, оно рѣшило васъ обоимъ.

— Отвѣчайте за меня, прошу васъ.

— Если вы его любите, если думаете быть съ нимъ счастливы, то отвѣчать должны вы.

Нападеніе было прямо, я его почувствовала и пѣдала другой оборотъ.

— Что бы сдѣлали вы на моемъ мѣстѣ, Вильфридъ?

— На вашемъ мѣстѣ я бы посоветовался съ своимъ сердцемъ, и если бы нашелъ въ немъ любовь довольно прочную, довольно высокую для того, чтобы перенести и горе и порицаніе, я бы сказалъ любимому: я ваша.

— И вы бы сказали ему только это?

Вильфридъ смутился на минуту.

— Я бы открылъ ему и мысли и жизнь свою и послѣ оного былъ бы властенъ рѣшать.

— И вы бы связали будущность любимаго человѣка съ вашей, когда ему двадцать лѣтъ, а вамъ почти вдвое?

— Да, отвѣчалъ вполголоса Вильфридъ, да, если бы меня поддерживала безграничная преданность, если бы я чувствовалъ возможность умереть, лишившись его любви.

— Видите ли, Одилія! говорили вы мнѣ тихо.

— Это мое мнѣніе, продолжалъ Вильфридъ, но можетъ-быть не ваше.

— Ошибаетесь, другъ мой.

И обернувшись къ вамъ, я прибавила:

— Черезъ два мѣсяца, мы опять приступимъ къ этому разговору, и если еще хотите, то получите мою руку.

Какъ вы обрадовались! какъ смутился Вильфридъ! какъ я наслаждалась вами обоими! И вы оба были обмануты. Вильфридъ вернулъ искреннему признанию съ моей стороны, признанию, которое могло оправдать одна безграничная страсть и однако какъ онъ былъ далекъ отъ истинны! Вы же не видѣли на свѣтъ причины, которая бы могла помѣшать вамъ обладать мною; любовь ваша была такова, что могла побѣдить все препятствія. А я наказывала Вильфрида за то, что онъ доставилъ вамъ оружіе сразиться со мною, у васъ же выпросила два мѣсяца, потому что до-тѣхъ-поръ, конечно, игрушка моя надоесть мнѣ и я сказала бы вамъ это спокойно, если бы не было другаго средства. Женщины, убившія свое сердце, становятся чудовищами, вампирами: имъ нужно въ пищу крови и слезъ.

Вильфридъ отдалъ мнѣ письмо и ушелъ, а вы, Рауль, остались, упоенные счастьемъ, начали сумасбродствовать такъ какъ сумасбродствуютъ въ юности, когда сердце заглушаетъ умъ. Я сожалѣла объ васъ и однако слушала, а когда вы упали, вздохъ сожалѣнія заперъ на моихъ губахъ.

Въ нашей женской натурѣ есть родъ делкатности, развиваемой воспитаніемъ, и никогда насъ не покидающей. Эта делкатность часто замѣняетъ намъ лучшія качества, внушаетъ слова, наперекоръ нашему гнѣву и страстямъ и мы не смѣемъ бороться съ нею.

На другой день я была очаровательна съ Вильфридомъ. Ему было трудно уступать моимъ усиліямъ, онъ былъ серьезенъ цѣлый день. Адриана, которой вы очень правитесь, нѣсколько разъ заговаривала объ васъ, онъ не отвѣчалъ ничего. Я не могла удержаться отъ маленькой шалости.

— Ужъ не ревнуете ли вы къ Раулю? сказала я смѣясь.

— Ревную, повторилъ онъ съ волненіемъ.

— Разумется, не сказала ли сейчасъ Адриана, что онъ ей очень правится?

— Адриана не изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ позволено ревновать, Одиля.

Мнѣ пришлось покраснѣть.

Наступила масляница. Трауръ мой приходилъ къ концу. Вы очень этому радовались. Вамъ казалось, говоряи вы, что все преграды ру-

нитом. Въ качествѣ покровительствуемаго подыхателя, у васъ часто вырывались при Вильфридѣ намеки на ваше счастье. Вы считали дни, часы, минуты до блаженства. Въ одинъ вечеръ вы потрапились у меня съ графомъ и Густавомъ, хотя, де-тъхъ-поръ, я избѣгала свести ихъ. Непредвиданный случай привелъ это обстоятельство. Вильфридъ тоже былъ тутъ и чтобы нѣсколько избавиться отъ этого затруднительнаго положенія, я велѣла принимать всѣхъ. Пріѣхали гости, говорили обо всемъ. Графъ де-Серли и виконтъ де-Ранблѣ узхали не въ духъ, по-дворянъ другъ другу какъ всегда. Вы оставались послѣднимъ. Вильфридъ тоже не уходилъ на свою половину, хотя Адриана ушла давно. Поговоривъ съ волчаса втроемъ, вы отправились, сказавъ :

— Мнѣ осталось только ждать шесть недѣль !

Вильфридъ посмотрѣлъ, какъ вы затворили дверь, прошелся по камнѣтѣ и остановясь передо мною, сказалъ :

— Одиля, любите ли вы этого молодого челоуька ?

Я прикилась смѣяться.

— Конечно нѣтъ, отвѣчала я, не люблю, то-есть, не влюблена, по-крайней-мѣрѣ.

— И не хотите за него выйти ?

— Но совѣсти, Вильфридъ, неужели вы считали меня такой оу-наследней ?

— Не знаю считаль ли, но знаю, что вы поступаете дурно, играя сердцемъ этого ребенка, его надеждами. Я не предполагалъ васъ злое, маркиза.

Я опять засмѣялась.

— Это не злость, а женская забава. Чѣмъ мнѣ лучше заниматься ? Стоить ли щадить мужчинъ ! Развѣ они насъ щадять ?

— Забавляйтесь тѣми, которые забавляются, платите фальшивой монетой за фальшивую монету, это еще я прошу. Вашего де-Ранблѣ, напримѣръ, вы можете обманывать, онъ обманывается и васъ и всѣхъ, но этого простодушнаго ребенка, этого ребенка ! Онъ вѣритъ, обожаетъ, отдаетъ вамъ чтѣ у челоуька есть драгоцѣннѣйшаго, свою первую любовь, а вы съ нимъ такъ обходитесь ! Одиля, повторяю, это дурно, недостойно васъ. Я предостерегу его.

Это слово меня уязвило.

— Не взяли ли вы на себя роль надзирателя моего дому и моего сердца, Вильфридъ ?

— Я взял на себя заботу о вашемъ счастьи, Одилія, о вашей чести и буду смотреть за тѣмъ и за другою.

— А знаете ли вы, стоитъ ли ихъ защищать?

— Я думаю, что счастье для васъ еще возможно на землѣ, а честь, полагаю, осталась неприкосновенной.

— О! Вильфридъ, Вильфридъ! возразила я, вы меня не знаете.

— Нѣтъ, Одилія, не знаю, если вы что другое, а не бѣдная заблудная душа, увлеченная съ пути, потому что не умѣли ее удерживать тамъ. Нѣтъ, я васъ не знаю, если вы потеряли чувство собственного достоинства, уваженіе къ своему имени! Вы не та Одилія, которую я обожаю, которую еще люблю больше всего на свѣтѣ.

Мнѣ пришла адская мысль, мысль достойная увѣичать мое паденію. Чтобы привести ее въ исполненіе, нужно было имѣть ловкость, волю и не потерять ни одного изъ моихъ преимуществъ: я собрала ихъ всѣ.

Лучше всѣхъ причесокъ шли ко мнѣ приподнятые волосы. Голова моя принимала тогда совершенно новое выраженіе; точно портретъ Бушѣ, гдѣ своеправіе спорить съ граціей. Подъ предлогомъ мигрени я подобрала локоны на косу. Бѣлое платье изъ индѣйской кисеи, безъ всякаго украшенія, придавало мнѣ воздушный видъ. Я прилегла на диванъ: боронесса д'Ормезъ была бы довольна мной.

— Такъ вы меня разлюбите, сказала я, окончивъ всѣ приготовленія, если не найдете меня такою какъ воображали?

Онъ все прохаживался и не смотрѣлъ на меня.

— Такою какъ я воображалъ, Одилія! О! давно уже изгладился этотъ чистый образъ и уступилъ мѣсто другому, давно уже сифида съ бѣлыми крылышками, улетѣла передъ обманутой и слабой женщиной, но на все еще столь же прелестной....

Въ эту минуту онъ обернулся, увидѣлъ меня и остался неподвиженъ; я позвала его самымъ нежнымъ голосомъ:

— Вильфридъ!

Онъ подошелъ, словно привлекаемый очарованіемъ.

— Вильфридъ, подойдите и слушайте.

Онъ сѣлъ возлѣ, не сводя съ меня глазъ.

— Послушайте, Вильфридъ, я не должна неправильно владѣть ни вашимъ уваженіемъ, ни дружбой: вы все узнаете.

— Я ничего не хочу знать, Одилія, хочу считать васъ достойною,

если не безграничнаго обожапія, то по-крайней-мѣрѣ моего снисхожденія.

— А я хочу, чтобы вы меня любили такою какъ я есть, или бы совсѣмъ не любили.

Это объясненіе полугнѣвное, полуумоляющее, удивило его, онъ слушалъ, почти побѣжденный.

— Вильфридъ, будьте сострадательны, я очень несчастна!

— Вы несчастны, другъ мой? когда я бы отдалъ тысячу разъ жизнь мою, чтобы избавить васъ отъ малѣйшаго огорченія!

— Да, я несчастна, потому что сердце мое умерло.

— Оттого что много страдало?

— Во-первыхъ оттого что страдало, во-вторыхъ потому, что заставляло страдать другихъ.

— Вы заставляли страдать, вы, такая добрая, сострадательная!

— Посмотрите на Рауля!

— Но онъ первый?

— Нѣтъ, не первый, страдалъ болѣе его, онъ молодъ, забудеть.

— Кто же еще?

— Вы все узнаете, Вильфридъ, слушайте, говорю я вамъ.

И я принялась развивать передъ нимъ длинную цѣпь слабостей и страстей, провела передъ его глазами всю жизнь мою, назвала тѣхъ, кто ее наполнилъ, начертила картину перваго времени моей любви. Онъ слушалъ меня, сжавъ на груди руки, удерживая біеніе сердца. Самыя противоположныя страсти выражались на его физиономіи, я читала въ ней какъ въ открытой книгѣ, вызывала ихъ и прогоняла по своему произволу. Мало-по-малу, однако я сама воссламенилась, забыла свою жестокою игрою, заговорила искренно и стала еще краснорѣчивѣе. Когда я дошла до втораго проступка, Вильфридъ потупилъ глаза, при третьемъ съ нимъ сдѣлалась невольная дрожь: страшная борьба завязалась въ немъ. Я неумолимо вырвала одну по одной всѣ мечты изъ души его, онъ вскрикнулъ и хотѣлъ наконецъ прервать меня, чувствуя, что не владѣетъ собою, что любить не смотря ни на что, любить женщину безъ сердца и безъ чести.

— Замолчите, сказалъ онъ, не продолжайте; довольно! слишкомъ довольно! Вы не сдѣлали этого!

— Я сдѣлала еще больше, обманывала! дошла до самаго постыд-

кого: униженія, до униженія женщинъ презрѣннѣхъ в сдѣлала это за тѣмъ, чтобы доставить себѣ бесполезную роскошь, прихоти, изряды.

— Вы, Одилія! дочь графа де-Рудольфсгейма! подруга моего дяди, единственная любовь моей жизни!

— А послѣ я изменила и этому человѣку в тѣмъ, кого предвѣщаему, играла сердцемъ Гауля, ребенка и готова играть всѣмъ, что есть чистаго и благороднаго на свѣтѣ.

Вильфридъ плакалъ. Я говорила тогда правду; горечь, которая грызла мнѣ душу, вылилась на мои губы, слова мои выходили, запечатлѣнные желчью, я не думала о томъ, что меня слушаютъ, и коповъдывалась своей совѣсти.

— И потому я себя ненавижу! презираю себя! и хотѣла бы умереть, чтобы избавиться отъ ужаса переносить самое себя.

— Умереть, вамъ, Одилія!

Это была несчастная минута въ жизни Вильфрида. Волкъашъ, сдерживаемый столько лѣтъ, пылающій огонь подъ пепломъ, которому я бросила такую страшную пищу, разразился; наступила минута безумія, въ которую онъ былъ ужасенъ.

— Умереть, продолжалъ онъ, тебѣ Одилія, тебѣ, моей жизни и слез! Умереть! о! нѣтъ, ты не умрешь, потому что умерла бы не одна. Я теперь чувствую болѣе чѣмъ когда-нибудь силу любви моей, чувствую, узнавъ, что ты ее недостойна. Я люблю тебя, люблю! Сь-тѣхъ-поръ какъ я на свѣтѣ, эта страсть меня охжигаетъ, я возбуждаю ее, потому что ты того хотѣла. Сь-тѣхъ-поръ какъ ты свободна, она преслѣдуетъ меня всюду. Чувство, укрощенное долгомъ и волею, пробуждается пламеннѣе прежняго. Я ревную, ненавижу тѣхъ, кто тебя любитъ и кто свободенъ. Сегодня я чуть не оскорбилъ этого ребенка, когда онъ говорилъ о своихъ надеждахъ; черезъ тебя я сдѣлался презрѣннѣе тебя, потому что отвергаю, оскорбляю Адриана; образецъ всѣхъ женщинъ, мать моихъ дѣтей, ту, которая любила меня одного, такъ какъ я любилъ тебя одну.

Я не отвѣчала: двѣ мысли разделяли мою душу, радость торжества моего и вѣчное угрызеніе.

— Молчи, продолжалъ Вильфридъ все болѣе и болѣе безумнымъ голосомъ, дай мнѣ смотрѣть на тебя, не разрушай моей мечты, не говори, что меня не любишь, что любила другихъ, дай мнѣ насла-

даться хищерами! Пусть разъ въ жизни любовь моя выльется наружу; пусть крики скорби и гнѣва, заглушаемые столько лътъ, достигнутъ наконецъ до тебя! Моя возлюбленная, моя Одилия, слышишь-ли? знаешь-ли? Я люблю тебя!

Это великое слово, которое приноситъ намъ и столько радости и столько слезъ, это слово, вырвавшееся изъ души столь продажной, столь благородной, не пробудило ничего въ сердце, гдѣ ничего не оставалось, ничего кромѣ злой мысли, — кромѣ ужаснаго смѣху, задушивающаго меня своими страшными когтями. Несчастный Вильфридъ страдалъ, но предался безумной радости, внушаемой отчаяніемъ, единственной, которую я могу теперь испытывать. Бѣдный Вильфридъ! столько борьбы, столько добродѣтели должны были уступить передъ изворотами кокетки! Это воспоминаніе останется для него горькимъ на всю жизнь; — единственный упрекъ, который онъ можетъ собою сдѣлать и заслужить его черезъ меня. Спустя нѣсколько минутъ онъ успокоился; холодные взгляды мои падали на него какъ свинецъ, и заставляли прійти въ себя.

— О! сказалъ онъ, какой я презрѣнный человѣкъ! кто вырветъ у меня эту любовь? кто возвратитъ мнѣ разсудокъ? я не узнаю себя! Ядовитое дыханіе посылало во мнѣ желаніе и виновныя намѣренія; неужели я долженъ потерять столько лътъ, проведенныхъ безъ утѣхи и вѣнны?

Онъ опять заплакалъ, но уже о себѣ. Я тогда встала, взяла его за руку: мнѣ стало его немножко жаль.

— Вильфридъ, мужайтесь! соберите силы! будьте опять моимъ благороднымъ братомъ, никогда не были вы мнѣ такъ нужны.

— Чгѣ я могу теперь? Вы пали, погибли, и я также нагъ и погибъ.

— Вы можете подняться, Вильфридъ. Ступайте къ Адрианъ, продолжала я, видя, что онъ не отвѣчаетъ; у васъ есть убѣжище и утѣшеніе. Ступайте! у меня нѣтъ ничего и я не хочу ничего, даже васъ, потому что вы уже не слышите моего голоса, остаетесь глухи къ моимъ мольбамъ.

Онъ всталъ; безуміе исчезло, онъ сдѣлался опять сильнымъ: противоположеніе наступило.

— Благодарю, Одилия, что напоминала мнѣ то, о чемъ бы я никогда

не долженъ забывать и о чемъ забыть первый разъ въ жизни. Вы правы, я пойду къ Адрианъ.

И вытеревъ наскоро глаза, онъ вышелъ, не прибавивъ ни одного слова.

Оставшись одна, я почувствовала ужасное терзаніе сердца; одиночество мое показалось мнѣ полнымъ; этотъ другъ, этотъ послѣдній другъ, оставивъ меня, унесъ мою послѣднюю надежду. Я посмотрѣла вокругъ себя съ ужасомъ, который не могла преодолѣть. Я была одна! одна въ жизни и въ привязанности; все мои богатства не могли ни дать мнѣ друга, ни сдѣлать меня тѣмъ, чѣмъ я была прежде. И угрызеніе за послѣднюю сцену являлось мнѣ во всемъ своемъ униженіи. Я машинально позвонила, безъ всякой надобности, чтобы услышать человѣческой голось, чтобы населить пустыню, гдѣ я видѣла себя брошенной. Слуга подалъ мнѣ письмо. Я распечатала его равнодушно; оно было отъ графа и заключало слѣдующія слова:

«Я не могъ говорить съ вами сегодня вечеромъ, другъ мой, и могу сказать вамъ хоть нѣсколько словъ. Я провожаю въ маскарадъ провинціальную кузину; никакъ не могъ отдѣлаться. Пожалуйте обо мнѣ, тѣмъ болѣе, что я долженъ послѣ ужина въ семейномъ кругу, между молодыми супругами и двумя братцами. Судите же какъ это будетъ весело! Думать о васъ, вовсе не будетъ заслуга и вы не обязаны за это благодарить меня.

«До завтра.»

Въ маскарадъ! подумала я. Въмѣсто того, чтобы мнѣ здѣсь умирать отъ скуки, не поѣхать ли туда? Кто мнѣ помѣшаетъ? Развѣ я обязана кому отдавать отчетъ? Да, по съ кѣмъ я туда поѣду? Наверно Вильфридъ, преданный своимъ супружескимъ радостямъ, откажетъ мнѣ; да притомъ же я не хочу даже, чтобы онъ и зналъ. Жаль что баронесса д'Ормесь въ отсутствіи! У меня нѣтъ такой короткой пріятельницы, чтобы я могла довериться, ну такъ поѣду одна. Почему бы и не такъ? пикто недогадается, еще будетъ веселье. Я опять позвонила и позвала Андрея.

— Поѣдемъ со мной къ костюмеру, сказала я, возьми на прокатъ черное домино и маску, найми фіакръ и отвези меня въ оперу.

«Андрей не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія, хотя намѣревался

провести эту ночь въ постели; нарядился у Бабона, въ страшный черный мѣшокъ и торжественно вошелъ со мною въ фойе, въ два часа утра.

— Останься здѣсь, сказала я, показавъ ему на пустую скамейку; и подь какимъ предлогомъ не оставляй этого мѣста, засни, если хочешь, но чтобы я была увѣрена, что найду тебя здѣсь въ случаѣ нужды.

Я начала тогда блуждать одна въ этой толпѣ и одиночество показалось мнѣ еще ужаснѣе; я видѣла каждого занятымъ, слышала веселый смѣхъ; вокругъ меня перекидывались остроумными и грубыми шутками и я почти плакала, зачѣмъ я брошена. Во что бы то ни стало, мнѣ хотѣлось разсвѣяться; я отыскивала знакомое лицо; какъ вдругъ привѣтила графа де-Серли подь руку съ толстой женщиной. Наверно онъ скучалъ порядочно. Мое очень простое домино не представляло ничего замѣчательнаго, къ тому же онъ вовсе не предполагалъ найти меня на балъ; я рѣшилась рискнуть и заговорила съ нимъ.

— По напрасну теряешь время, сказалъ онъ, я пришелъ сюда не веселиться.

— Это видно, продолжала я.

Онъ засмѣялся и надъ своей важностью и надъ моимъ отвѣтомъ, котораго почтенная провинциалка вовсе не поняла.

— Если можешь отвязаться отъ своей ноши, прибавила я, я отпущу тебя. Мы поговоримъ о прелестной маркизѣ, шепнула я ему на ухо.

— Что ты объ ней знаешь? перебилъ онъ съ живостью.

— Много разныхъ разностей, увидишь.

— Но о какой маркизѣ говоришь ты?

Онъ хотѣлъ поправить данный промахъ. Влюбленный ревнивецъ, случающій въ маскарадѣ, ужасно неостороженъ: боязнь ему извѣдать.

— Поздно! возразила я захотавъ, будь впередъ поскромнѣе.

Я убѣждала. За нѣсколько шаговъ давно забытое лицо поразило меня: Альбертъ де-Тоннѣ! моя первая любовь, первая моя мечта. Сердце мое немножко заневѣлелось, я взяла его за руку.

— Альбертъ! сказала я такъ тихо, что едва можно было разслушать.

Онъ обернулся словно гальванизированный. Онъ былъ уже не мо-

лодь и это имя, Албертъ, въ устахъ женщины теперь рѣдко касалось его слуха.

— Кто ты? спросилъ онъ.

— Что тебѣ за нужда до моего имени? Я женщина, которую ты любилъ.

— Гдѣ?

— Далеко отсюда.

— Но гдѣ же?

— Посмотри, узнаешь это?

Я припомнила его путешествія въ Испанію, а кошелекъ мой былъ какъ нарочно полонъ к вадруплями; я утромъ положила ихъ туда для рѣдкости.

— Въ Испаніи?

Онъ заговорилъ со мной по-испански, я не понимала и отвѣчала по-нѣмецки.

— Обманываешь, ты не Испанка, вѣрно изъ Дрездена: ты слишкомъ чисто говоришь по-нѣмецки для иностранки.

Онъ продолжалъ разговоръ по нѣмецки, расширявалъ о тысячь вещей; принималъ меня за десять различныхъ лицъ и совершенно не узналъ. Я долго съ нимъ оставалась, потомъ опасаясь, чтобы онъ не вспомнилъ обо мнѣ, оставила его, не смотря на его просьбы. Эта встрѣча еще болѣе меня опечалила, я бы хотѣла найти кого-нибудь, надъ кѣмъ бы могла вдоволь посмѣяться. Вдругъ двое мужчинъ заступили мнѣ дорогу. Я взглянула: это были князь и де-Фужронъ. Я забыла вамъ сказать, что послѣ моей исторіи они дрались на дуэли; де-Фужронъ былъ раненъ и послѣ его болѣзни, во время которой Гастонъ навѣщалъ его, они стали искренними друзьями.

— Послушай, красавица, ты не убожишь прежде чѣмъ не скажешь намъ словечка, мы два вѣрные друга, Орестъ и Пиладъ, ожидаемъ Герміоны. Ну, говори же, кого ты ищешь, чего тебѣ надо?

Я посмотрѣла на прекрасное лицо Гастона, мою последнюю химеру, на Альфонса, предсказавшаго мнѣ мое униженіе и смутилась.

— Мы ищемъ здѣсь удовольствія, а не жеманства! Свѣтскія женщины такія фальшивыя, что отъ нихъ нельзя получить ласки, не опасаясь царянины

— А вы это оба знаете по опыту, не такъ ли?

— Да, чортъ побори! Но кто же тебѣ сказалъ? Это становится интересно.

Я искусно перемѣнила голосъ; по причинѣ моего траура, они оба у меня не бывали; я не принимала почти никого. Едва знали, что я въ Парижѣ, и я не опасалась быть узнавшею.

— Да, я знаю, какъ составилаь ваша дружба, что ея скрѣпило.

— Чтѣ же такое?

— Кровь одного изъ васъ и слезы женщины.

Гастонъ поблѣднѣлъ. У него сердце такое какъ у васъ, онъ вспомнилъ!

— Баронесса д'Ормесь, прошептала онъ.

— Я не знаю баронессы д'Ормесь, продолжала я, но мы увидимся а вы узнаете кто я, пока не удерживайте, меня ждутъ.

Я исчезла въ толпѣ. Мысль, разыграть роль колдуньи, пришла мнѣ во время этого разговору, я надѣялась славно позабавиться. Но судьба рѣшила, что этотъ вечеръ будетъ имѣть страшное вліяніе на мою жизнь.

Громкій смѣхъ заставилъ меня обернуться. Молодой человекъ приставалъ къ двумъ маскамъ, которымъ, казалось, это очень не нравилось. Я узнала Леона де-Маланъ.

— Пропустите меня, я васъ избавлю отъ него, шепнула я маскамъ.

— Зачѣмъ пришла старая чертовка? ты мнѣ мѣшаешь. Я увѣренъ, что ты стара и дурна, пошла прочь.

— Можетъ-быть я и стара и дурна, но если захочу, заставлю поспѣть на вашъ счётъ, мосьё де-Маланъ.

— Позволяю если можешь, только не надъ моимъ именемъ; но большое дѣло, что ты его знаешь, оно довольно известно, могу похвалиться.

— Да, въ провинціи, въ Лионѣ, въ Монъ-д'Орѣ, гдѣ ты былъ такъ влюбленъ.

— Я былъ влюбленъ только разъ въ жизни и, признаюсь, отъ всего сердца, что былъ порядкомъ глупъ. Обворожившая меня волшебница сыграла со мной славную шутку.

— Я ее знаю, она прелестна, но никогда тебя не любила, у тебя был счастливый соперник; вот почему она сыграла съ тобой славную шутку, какъ ты говоришь.

— Если ты знаешь эту женщину, продолжалъ онъ съ видомъ невыразимой дерзости, скажи ей, что я ее презираю и ненавижу.

— Ненавидишь? стало быть еще любишь? Помнишь....

И я напоминала ему прогулку въ горахъ, во время нашей короткости, ветку, которую онъ сорвалъ, поклявшись, что никогда съ ней не разстанется.

— Есть ли у тебя эта ветка?

— Кто тебѣ сказалъ? Кто ты? Ты или демонъ или она, я съ тобой не разстанусь.

— Напротивъ, разстанешься теперь, но послѣ мы увидимся и я все расскажу тебѣ; до-тѣхъ-поръ ты не добьешься отъ меня ни слова.

— Не обманешь этимъ «иглярствомъ», говори сейчасъ, я съумю тебя принудить.

— Попробуй.

Онъ пытался всячески, я оставалась безмолвною.

— Убирайся къ чорту! вскричалъ онъ наконецъ.

Я захохотала и повернулась къ нему спиной.

— Они все здѣсь сегодня, думала я, я ихъ всѣхъ увижу, всею буду говорить обо мнѣ, хочу знать, что они думаютъ, какое впечатлѣніе я оставила; можетъ-быть, родится какое-нибудь воспоминаніе среди этихъ развалинъ. Поищемъ еще.

Одного не будетъ, подумала я черезъ минуту, — Гюнтера.

Какъ призракъ, вызванный изъ бездны, Гюнтеръ явился глазамъ моимъ, входя по лѣстницѣ. Я остолбенѣла, однако подошла къ нему.

— Милостивый государь, сказала я, какъ дворянинъ можетъ вѣрять тайну женщины Жиду?

Онъ ничего не зналъ. Находясь въ отсутствіи нѣсколько лѣтъ, онъ узналъ отъ пріятеля пропажу писемъ, остальное было ему неизвестно.

— Я не понимаю тебя, сказалъ онъ, ты принимаешь меня за другаго.

— Нѣтъ, Баронъ Гюнтеръ Штерманъ! поди, спроси у Жида Исаака, что сдѣлалось съ письмами одной маркизы и за какую цѣну она должна была ихъ выкупить.

— Ты меня пугаешь! и меня обвиняютъ?

— А кого же обвинять, позволю спросить?

— Ну, ея автографовъ довольно и безъ этихъ; если бы она захотѣла выкупить все, то какъ ни богата, а растратила бы свое состояніе.

— Какъ! Гюнтеръ неблагодаренъ! краснѣешь отъ перваго благороднаго движенія и чтобы загладить его, бросаешь грязь въ женщину, которую любилъ!

— Не узнаю ли я тебя, колдунья? ты меня интересуешь, но у меня назначено свиданіе и я не могу слушать тебя дольше: потолкуемъ объ этомъ послѣ.

И сдѣлавъ знакъ рукою, онъ оставилъ меня, не обращая вниманія ни на мою брань, ни на тайну, которую я ему объявила.

— Такъ-то онъ меня бросаетъ! прошептала я.

Потомъ я встрѣтила одного за другимъ, де-Ранблѣ и Анатолія Съ первымъ я размѣнялась нѣсколькими словами, но втораго увлекла въ ложу и хотѣла попробовать поэзіи.

— Этотъ вспомнить, говорила я сама себѣ.

— Швейцарія славная страна, не правда ли?

— Скучная до смерти.

— Какъ! а прогулка на Луцернскомъ озерѣ, а мечтанія въ лѣсахъ, элоги, сочиняемые на берегу озеръ; развѣ все это такъ скучно, какъ ты увѣришь?

— Ты мнѣ напоминаешь цѣлую пастушескую драму, надъ которой одна прелестная дама вѣрно насмѣхалась вмѣстѣ съ тобою, хотя бы ей сдѣловало погребсти эту тайну въ святилищъ своей души. Такъ узнай же и скажи ей отъ меня, что если мы когда-нибудь встрѣтимся съ нею въ хижинѣ швейцарской или другой какой-нибудь, я не остаюсь такимъ дуракомъ, какъ тогда. Я уважалъ женщину, которая сама себя не уважала. Я никогда ей этого не прошу.

— Какъ! ваши элегіи, поэтическіе разговоры!...

— Глупости! съ женщиной такого рода.

— А она думала, что оставила тебя чистый образъ для твоихъ грёзь....

Онъ захохоталъ.

— Маркиза посмѣялась надъ тобою, какъ надо мною и надъ многими другими. Веселая и шаловливая герцогиня романовъ Поль-де-Кока, въ прозѣи она не понимаетъ ничего.

Столько страдать, чтобы слышать такія вещи отъ человека, о которомъ воспоминаніе, таившееся въ самомъ отдаленномъ уголкѣ души, было прибъжищемъ отъ грубыхъ ранъ положительныхъ натур! Думать, что онъ также сохранилъ этотъ оазисъ, гдѣ мы вмѣстѣ провели нѣсколько дней и найти это презрѣніе, подпасть такому суду! Такъ вотъ этотъ человекъ съ эфирными стихами, съ туманными строфами, котораго всѣ женщины считали сильфомъ! Вѣрьте послѣ этого поэтамъ!

Я оставила его и съѣла на скамейку у лѣстницы. Не долго была я одна. Очень смуглый мужчина, съ сѣдыми волосами, съѣлъ возлѣ меня. Я сняла перчатку и вытерла пыль подъ маской; онъ посмотрѣлъ на мою руку и съ живостью схватилъ ее.

— Извините, сударыня, сказалъ онъ, но въ жизни есть столько странныхъ сближеній, мнѣ сейчасъ говорили о женщинахъ, причинѣ всѣхъ моихъ несчастій, а ваша рука похожа на ея руку. Не думаю, чтобы нашлись еще двѣ такія руки. Но я увѣренъ, что вы не она; она не осталась бы одна, какъ простая смертная, безъ толпы поклонниковъ. Къ тому же она, кажется, въ отсутствіи.

Я узнала этого человека, это былъ Леонъ де-Шанбуръ, пятидесяти-лѣтній старикъ, согбенный, перемѣнившійся до-того, что его нельзя было узнать. Я его узнала только по голосу.

— Вы любите, васъ обманули, но развѣ на свѣтъ бываетъ иначе и мужчины не заслуживаютъ ли, чтобы имъ платили тѣмъ же, чѣмъ они насъ безпрестанно подчуютъ?

Я перемѣнила голосъ, и онъ не догадался.

— О! обманули, обманули, это бы еще ничего; измѣнили, надо бы сказать. И посмотрите на послѣдствія: я убѣжалъ изъ отечества, по-

терять на войнѣ здоровье и молодость. О! да будетъ она проклята! И знаете ли, что это за женщина? она наполнила свѣтъ скандалезными приключеніями, не уважила ни фамилію мужа, ни отца.

— И этотъ также! подумала я, вставая. О! я должна воротиться домой или сойду съ ума; не знаю, что происходитъ во мнѣ, меня преслѣдуютъ фуріи. О! уѣду, уѣду!

Въ ту минуту, какъ я шла разбудить Андрея, я увидѣла Ринара. Я подумала, какъ его любила, что для него сдѣлала и лучъ надежды проскользнулъ сквозь горестъ, тяготившую меня.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобой, сказала я ему своимъ подлымъ голосомъ.

— А мнѣ нѣтъ вовсе никакой охоты. Какъ бы ты ни умна была, ты не добьешься у меня улыбки.

— Тебѣ грустно?

— Нѣтъ, скучно.

— Ахъ! какъ мнѣ тебя жаль!

— Да, я скучаю вездѣ и отъ всего, отъ глупостей, благоразумія, молитвы, дружбы, любви, отъ настоящаго, прошедшаго и будущаго.

— Какъ! и отъ прошедшаго тоже?

— Да. Я бы его отдалъ за четверть часа искренней веселости.

— И не хотѣлъ бы сохратить ни одного воспоминанія?

— Ни одного.

— Однако я знаю женщину, которая искренно и страстно тебя любила.

— Какая-нибудь сумасшедшая! Не ты ли? Жаль мнѣ тебя, потому что я не любилъ ни одной.

— Ни одной?

— Неможно одву и то головой, потому что она сдѣлала меня до того несчастнымъ, что я любилъ ее по духу противорѣчія.

— Иностранку.

— Именно. Да тебѣ что до того?

— А кромѣ нея, ты ничего не помнишь?

— Нѣтъ, всѣхъ ихъ собираю въ одно воспоминаніе, которое могу назвать глупостью.

— Вотъ какъ мужчины помнятъ! прошептала я.

— Я была поражена въ сердце. Какъ! столько слезъ, преданности,

нѣжности, чтобы быть забытой одними, получить презрѣніе другихъ. Съ этой минуты намѣреніе мое, принятое давно, окончательно утвердилось. Я оставляю имъ воспоминаніе, котораго они не забудутъ, ругаюсь! Неблагодарные! О! я хочу мщенія! Хочу принудить ихъ вспомнить.

Планъ мой былъ составленъ въ нѣсколько секундъ. Я опять подошла къ Ришару, который былъ недалеко. Онъ началъ шутить надъ моей настойчивостью.

— Погоди! сказала я. Ровно черезъ мѣсяць, будь здѣсь въ три часа утра, внизу большой лѣстницы, возьми эту мопету (я подала ему квадрупль), покажи ее замаскированному челоуѣку въ черномъ домино, съ краснымъ бантомъ на плечѣ. Онъ тебѣ скажетъ, куда прѣхать ужинать. Разсвѣтъ ли это твою скуку?

— Конечно, если ты молода, и хороша. Ужъ не въ Венеціи ли мы?

— Согласенъ? Ужинъ будетъ хорошъ, приключеніе любопытно, ругаюсь тебя. Ты долженъ дать честное слово, что никто на свѣтѣ, даже твой лучшій другъ не узнаетъ объ этомъ свиданіи.

— Даю.

Подобное приглашеніе было сдѣлано всѣмъ тѣнямъ, вызваннымъ въ этотъ странный вечеръ. Всѣ согласились съ удивленіемъ и любопытствомъ. Послѣ тысячи изворотовъ, чтобы избавиться отъ ихъ преслѣдованія, я воротилась домой, велѣла укладываться, написала къ Вильфриду, что чувствуя потребность въ уединеніи, уѣзжаю на нѣсколько дней въ Блуменбергъ, прошу его съ Адрианой подождать меня въ Парижъ и говорить всѣмъ, что я побѣжала повѣстить большую родственницу. Тоже написала я графу де-Серли, вамъ, Густаву, потому послала за почтовыми лошадьми и уѣхала.

Я получила отъ васъ письмо на другой день пріѣзда. Это письмо, исполненное истинной нѣжности, утвердило меня въ моемъ намѣреніи. Я хотѣла отличить васъ между всѣми, потому что вы одни любили меня серьезно и пламенно, и занятая вашей будущностью, я употребила время моего уединенія, чтобы начертать для васъ эту исповѣдь. Потомъ рѣшилась увидѣть васъ еще разъ и пригласила прѣхать ко мнѣ. Ночь въ маскарадѣ панесла мнѣ ужасный ударъ: встреча со всѣми, способствовавшими моей гибели, собраніе людей, разбивавшихся со мною словами любви, привели меня въ себя. Презрѣ-

не къ самой себѣ сдѣлалось невыносимо, дошло до отвращенія; я почувствовала невыразимую потребность кончить разомъ чтобъ выйти изъ этой грязи, въ которую погрузилась и не нашла другаго убѣжища кромѣ смерти. Совершенная увѣренность, что не оставлю слѣдovъ въ воспоминаніи тѣхъ, кому отдавалась я, причинила мнѣ сильное огорченіе. Въ эти послѣдніе часы я выстрадала болѣе чѣмъ въ дни моей мучительной жизни. Вашъ образъ являлся мнѣ среди всего этого, чистымъ, вѣчнымъ, утѣшительнымъ. Мнѣ казалось, что теперь я могла бы васъ любить и прогнала эту мысль, какъ искушеніе: я уже не была достойна васъ!

Два дня уже вы жили въ Блуменбергѣ въ восторгѣ, что я пришла къ вамъ и что была вѣчна, но не получали отъ меня согласія, такъ страстно желаемого. Я еще молчала, смерть должна вамъ отвѣчать.

Вы помните эти дни, гдѣ я нашла въ васъ грезы моей юности и невинности! Помните, какъ забывъ свѣтъ, вы погружались въ безконечныя наслажденія страсти цѣломудренной и безукоризненной. Помните наше прощаніе возлѣ развалинъ, помните послѣдній взглядъ, наполненный слезами. Бѣдный Рауль, вы уже не увидите меня!

Время, назначенное для ужина, приближалось. Андрей, получивъ отъ меня предписанія, похвალъ прежде меня; ему было много дѣла. Я распорядилась моимъ отъездомъ такъ, что прїѣхавъ успѣла только переодѣться для моей роли. Этотъ день былъ вчерашній. Остановившись на квартирѣ, нарочно нанятой и приготовленной для этого торжественнаго свиданія, я одѣлась великолепно какъ невеста или покойница. Въ пышномъ домино, въ маскѣ, закрытая съ головы до ногъ, я пошла въ маскарадъ. Всѣ мои гости были тамъ; я подошла къ каждому и спросила, не забылъ ли онъ обещанія.

— Какъ это можно! отвѣчалъ каждый.

Потомъ они закидали меня вопросами, на которые я не хотѣла отвѣчать. Я заинтересовала ихъ до послѣдней степени. Мнѣ пужно было, во что бы то ни стало, добиться отъ нихъ удостовѣренія, которое должно было служить мнѣ условіемъ. Мужчины такъ любопытны!

— Общайте именемъ вашей части, такъ какъ вы общали мнѣ молчать, что моя маска останется для васъ неприкосновенна, что вы не

будете стараться узнать меня, и если невзначай догадаетесь, то ни намекайте ни одним словомъ, не сообщите этой догадки никому.

Они дали обещаніе, можетъ-быть воображая, что не сдержатъ его. Поставивъ Андрея на назначенное ему мѣсто, я спряталась за колонну и ждала.

Явился графъ де-Серди съ квадруредомъ въ рукѣ; отыскавъ глазами указанную маску, онъ подаль монету. Андрей поклонился и всталъ ее молча.

— Ну что жъ? спросилъ онъ.

— Еще не время.

Графъ прохаживался нѣсколько минутъ. Принесъ де-Фужронъ и тоже подаль квадрурь.

— Куда вѣхать? спросилъ онъ.

— Потерпите немножко.

Другіе стали приходить и скоро замѣтили, что многіе отдають также испанскую монету той же маскѣ и ждутъ. Они глядѣли съ удивленіемъ. Гастонъ пришелъ послѣдній. Де-Фужронъ рѣшился тотчасъ спросить его: искренняя дружба давала ему на то право.

— Мнѣ кажется, что ты говорилъ съ этой маской, князь.

— Говорилъ.

— Мнѣ кажется, что ты отдалъ ей квадрураль?

— Отдалъ.

— И я тоже.

— Вотъ еще!

— У кого ты ужинаешь?

— У демона.

— И я тоже.

— И я тоже, подхватилъ Ришаръ, усмѣхавъ ихъ.

— И я тоже, отвѣчали другіе, столпившись вокругъ.

— Вотъ странность!

— Господа, пожалуйста со мною, сказала Андрей, кареты поданы.

— Право! это ужъ черезъ-чуръ оригинально.

Я ихъ ждала въ великолѣпной столовой, наполненной, буквально, самыми рѣдкими и душистыми цвѣтами; я хотѣла, чтобы послѣдній пиръ сосредоточилъ всю роскошь моей жизни. Чудесный сервизъ, нарочно для того купленный, отличныя кушанья и вина покрывали столъ; нѣсколько комнатъ, меблированныхъ съ безпримѣрной пышностью,

иды были изъ столовой съ каждой стороны. Не смѣю вамъ сказать, какой суммы стоило мнѣ это безумное прощаніе съ жизнью. Что нужно! Для моихъ племянниковъ еще осталось довольно.

Войдя въ этотъ волшебный дворецъ, гости переглянулись въ перинности.

— Господа, вскричалъ Гюнтеръ смѣясь, это ужинъ Лукреціи Борджіа!

— Точно такъ, отвѣчала я. Не угодно ли съѣсть за столъ?

— Не кроется ли въ этихъ кушаньяхъ смертельный ядъ?

— Общаю вамъ пить и ѣсть вмѣстѣ съ вами, это достаточная порука.

Всѣ съѣли какъ пришлось, но виконта де-Ланперіе и князя Гастона я посадила возлѣ себя. Не явился ни одинъ слуга, столики съ приборами между каждымъ собесѣдникомъ, замѣняли ихъ. Разговоръ являлся сначала медленно, но скоро началъ оживляться. Въ глазахъ всѣхъ блистало любопытство, какъ во всѣхъ стаканахъ шампанское.

— Господа, сказала я, вспомните о данномъ словѣ: ни одинъ изъ насъ не можетъ измѣнить ему, не прослывъ въ глазахъ другихъ въ-роломнымъ, не забудьте это.

Всѣ отвѣчали поклономъ, но воображеніе ихъ работало въ высшей степени.

— И мы ничего не узнаемъ? спросилъ де-Серли.

— Прежде чѣмъ разстанемся, я оставляю вамъ прощаніе, которое, надѣюсь вы не забудете.

Бѣдный графъ! онъ тоже меня любилъ.

Веселость становилась живѣе, смѣялись надъ цѣлымъ Парижемъ, маскарадъ продолжался съ своими приключеніями и перипетіями. Мнѣ дали тысячу вопросовъ, на которые я отвѣчала смѣясь. Да, я смѣялась, Рауль, смѣялась въ виду всѣхъ этихъ призраковъ моего прошедшаго, собравшихъ вокругъ меня, какъ мстительныя тѣни.

Наконецъ наступила ожидаемая минута. Я потребовала молчанія и получила его безъ труда; перестали смѣяться, ждали.

— Господа, сказала я, не старайтесь узнавать, вы ничего не узнаете. Вы никогда меня не видали и никогда не увидите. Я уѣзжаю изъ Парижа сегодня же и никогда не ворочусь, но, для удовлетворенія вашего свѣтскаго тщеславія знайте, что я хороша и происхожденія благороднаго, знайте, что имя мое, произнесенное здѣсь, заста-

вить всѣхъ васъ преклонить голову. Теперь пусть каждый изъ васъ припомнить разговоръ со мною, мѣсяць тому назадъ. Вы обѣщали не открывать его и я надѣюсь на ваше слово. Каждый изъ васъ говорилъ мнѣ о женщинѣ и говорилъ съ презрѣніемъ. Эти бѣдныя женщины! — вы понимаете, что не могли говорить объ одной и той же, — эти бѣдныя женщины такъ презираются всеми и никто ихъ не защищаетъ. Онѣ достойны призрѣнія. Вы все забыли объ этихъ падшихъ кумирахъ, все, исключая ихъ проступка, не помните ни любви ихъ, ни жертвъ, ни счастья, полученнаго отъ нихъ. А если бы вы знали, какъ онѣ выкупили свои проступки, если бы знали, чего имъ стоитъ каждое заблужденіе, какими страданіями онѣ платятъ за каждый вашъ поцалуй! Повѣрьте моему искреннему голосу, который слышите въ послѣдній разъ: падающую женщину должно поддерживать, она болѣе достойна состраданія. Въ свѣтъ нѣтъ положенія ужаснѣе этого. Она губитъ себя, предаетъ себя горести, чтобы получить взаменъ презрѣніе отъ тѣхъ, которые ее погубили и пользовались ея проступками. Я хотѣла напечатлѣть въ вашей памяти эту истинную обстоятельствомъ страннымъ и неизгладимымъ, хотѣла обратиться къ вамъ съ просьбой, взаменъ необыкновеннаго развлеченія, которое доставила вамъ. Какъ воспоминаніе объ этой просьбѣ, какъ залогъ въ вѣрности исполненія ея, сохраните эти квадрупелі. Каждый разъ, какъ они поразятъ ваши взоры, подумайте о той, чье имя вы такъ жестоко заклеили.

Торжественное молчаніе отвѣчало мнѣ. Всѣ чувствовали глубину чувства, подъ влияніемъ котораго я дѣйствовала, всѣ отгадывали подъ этой таинственной и грустной оболочкой душу еще грустнѣйшую. Наконецъ виконтъ де-Ланперіе заговорилъ:

— Милостивая государыня, сказалъ онъ, думаю, что могу отвѣчать за всѣхъ искренною благодарностью за хорошее объ насъ мнѣніе. Тайна эта остается для насъ непонятною, по слово дано, мы не будемъ стараться пропикнуть ее. Увѣрю васъ честью дворянина, что если кто изъ насъ изменитъ тому, въ чемъ поклялся мы, другіе возьмутъ на себя трудъ напомнить ему обѣщанія.

— Да! да! вскричали всѣ.

— Я того и ожидала отъ васъ, -виконтъ!

И будучи не въ состояніи преодолѣть свое волненіе, я наклонилась къ нему и прошептала на ухо отдавая ему квадрупель.

— Всегда помните, виконтъ, этотъ вечеръ.

Не знаю, узналъ ли онъ меня; быть-можетъ и узналъ, потому что, когда онъ поцѣловалъ мнѣ руку, я почувствовала на ней слезу.

— Вы говорили инепотомъ съ виконтомъ, сказалъ съ живостью Густавъ: для всѣхъ должны вы быть одинаковы и каждый изъ насъ, получая квадрупель, имѣетъ право на признаніе.

— Конечно, отвѣчали другіе.

Они подходили ко мнѣ одинъ за другимъ; я вставала и инептала имъ слова, по-большей части ничего пезначущія, которыя никакъ не могли имъ открыть. Де-Фужрону я сказала:

— Этотъ урокъ стоитъ полученной вами раны, не такъ ли?

Анатолю:

— Напишите восточную поэму на этотъ вечеръ; она замѣнитъ не-
удавшіяся элегіи и испкупитъ ихъ всѣ.

Я увѣрена, что онъ это сдѣлаетъ.

— Теперь, господа, прощайте; не хочу стѣснять васъ, оставай-
тесь здѣсь сколько угодно. Вамъ подадутъ новыя кушанья и вина.
Я уйду безъ опасенія подъ охраненіемъ вашей чести. Вспомните
мою послѣднюю волю и не забудьте обо мнѣ.

Поклонившись, я ушла съ растерзанной душою, съ разбитымъ
сердцемъ, съ совершенной увѣренностью, что мы уже не увидимся въ
этомъ мірѣ.

Теперь все кончено, Рауль: я приняла достаточное количество опи-
ума и прощаюсь съ вами. Бумаги эти будутъ вамъ отданы. Вы прочтете
въ нихъ исторію очень несчастной и очель виновной женщины, уви-
дите ея горести и слезы, научитесь избѣгать обманчивыхъ сѣтей, ко-
торыя опутали ее. Если исполнить мою волю, если вы захотите ува-
жить ее, узнавъ какова я, то вы женитесь на моей крестницѣ. Она
воспитана ангеломъ, берегите это сокровище, не допустите ее погнѣ-
нуть, и вы можете это сдѣлать, если съумевете благоразумно руково-
дить ее.

Надобно это запечатать, я уже не увижу васъ, Рауль! О! умоляю,
не презирайте меня, сохраните для меня воспоминаніе. Уношу образъ
вашъ какъ утѣшеніе. Благодаря Бога я не даю вамъ права также

бросить въ мѣся оскорбленіемъ. Да хранить васъ Господь, да сдѣлаетъ васъ счастливымъ. Оставайтесь такимъ какъ теперь, достойнымъ любви безпорочной души. Имѣйте состраданіе къ несчастнымъ женщипамъ. Удѣлите имъ всѣмъ, какъ мнѣ, слезу воспомнанія. Прощайте!

ЭПИЛОГЪ.

Десять лѣтъ какъ написана эта исторія, десять лѣтъ хранилась она въ моемъ бюро; но сегодня, въ торжественный день моей жизни, я окочу развязку, прежде чѣмъ вручу ее тому, кто долженъ ее получить.

Опять къ вамъ обращаюсь я, Рауль, къ вамъ, осуществившему самое дорогое желаніе моего сердца, и сегодня утромъ обѣщавшему составить счастье моей обожаемой Одили.

Десять лѣтъ тому я хотѣла умереть и однако живу.

Вы еще не знаете обстоятельствъ какъ я опять возвратилась къ жизни, вамъ извѣстно только возвращеніе мое къ добродѣтели, а въ то какими путями достигла я до него; слушайте же:

Я выпила ядъ. Ужасная рвота заставила меня вытерпеть несмысленныя страданія. Въ продолженіи трехъ часовъ заглушала я подушками крики: невольная дремота овладевала мною. Вдругъ стали стучаться въ дверь, я ничего не отвѣчала, удерживала дыханіе и рыданія: я узнала голосъ Вильфрида и Адрианы.

— Она не спитъ, говорила Адриана; Яковъ, проходя мимо спальни, слышалъ стоны:

Вильфридъ опять постучался. Я оставалась безъ движенія: мнѣ было невозможно пошевелиться, а чувствовала приближеніе смерти; спасти меня уже было нельзя, и я желала скончаться на ихъ рукахъ. Слабо назвала я ихъ по имени.

— Она зоветъ, Вильфридъ, она страдаетъ, больна! Пошли за докторомъ. Одилия! милая Одилия!

Вильфридъ ничего не говорилъ, но дѣйствовалъ. Оба бросились ко мнѣ, блѣдные, почти внѣ себя.

— Одиля, вскричалъ Вильфридъ, что съ тобой? Она умерла! Боже мой! она отравилась!

— Доктора! ради Бога, доктора!

Адриана побѣжала, Вильфридъ наклонился ко мнѣ, я его узнала.

— Другъ мой, сказала я едва дыша, оскорбивъ послѣдними годами всей жизни и память отца и священныя воспоминанія дѣтства, я должна умереть. Не оставляй меня, не зови на помощь, поздно!

Онъ испустилъ крикъ, который еще раздастся въ моемъ сердцѣ, крикъ такого глубокаго отчаянія, что тысячи словъ не могли бы быть краснорѣчивѣе. Явилась Адриана, потомъ докторъ. Переломъ былъ ужасенъ, я долго боролась между жизнью и смертью. Ксчастію я вышла слишкомъ сильный приемъ опиума, это меня спасло; желудокъ мой не принялъ его, тотчасъ выкинувъ его назадъ. Но какъ я страдала! какой преданности была предметомъ! Графъ и графиня де-Блуменбергъ не оставляли меня ни на минуту, ни днемъ, ни ночью. Адриана говорила мнѣ слова утѣшенія и мира, ласки дѣтей ея казались мнѣ полны очарованія дотоль неизвѣстнаго, а Вильфридъ какъ былъ въжестъ! Я привязывалась къ жизни, не примѣчая того, привязывалась къ надеждѣ, смѣла смотреть на самое себя, вѣрила въ раскаяніе. Каждый день кузина приводила примѣры, способные возвратить мнѣ бодрость и довѣріе, привела ко мнѣ священника, который вложилъ мнѣ въ сердце новыя мысли; я вѣрила, любила, на колынахъ съ искреннимъ угрызениемъ признавалась въ проступкахъ, молилась изъ глубины души, и встала полная силы и могущества.

Едва я оправилась, мы поѣхали въ Блуменбергъ. Я приказала продать мой отель, безвозвратно разорвала связь съ моими заблужденіями, съ тѣми, кто раздвѣлялъ ихъ, съ свѣтомъ, почувствовала необходимость жить въ уединеніи, написала къ прежнимъ друзьямъ, къ вамъ, милый Рауль, уведоливъ васъ о моей рѣшимости и желаніи относительно крестницы; ваше любящее сердце привязалось къ этому утѣшенію.

Баронесса д'Ормесъ получила пенсіонъ съ премиленькимъ помѣстьемъ въ придачу, но я никогда съ ней не видалась. О знаменитомъ уживъ ничего не узнали. Почти все гости меня узнали, особенно когда моя болѣзнь и переменна жизни надѣлали шуму. Апатолій обязанъ этому воспоминанію однимъ изъ лучшихъ цвѣтковъ своего поэтического вѣнка.

А моя жизнь протекала съ-тѣхъ-поръ сладостно и безоблачно, въ исполненіи моихъ обязанностей. Счастіе, за которымъ гонялась внѣ дома, нашла я среди родныхъ, друзей, въ употребленіи на пользу и добро денегъ, расточаемыхъ прежде на безумства. Окружающіе благословляютъ и любятъ меня. Я возвратила уваженіе свѣта и свое собственное, снова заняла мѣсто, котораго бы не должно было оставлять; словомъ, я счастлива, счастлива радостью другихъ и спокойствіемъ совѣсти. Религія, благотворительность, дружба, обязанности, руководятъ меня теперь, и съ высоты башенъ моего дорогаго Блуменберга я слѣдую взоромъ за бурями, которыя уже не достигаютъ до меня.

ИЗМАИЛЬ ЭРЪ-РАНИДИ.

РАЗСКАЗЪ ТЕОДОРА ШАВЪ.

Въ окрестностяхъ Розетты, на берегу Нила, жилъ престарѣлый египтянинъ, бѣдный какъ и всѣ египтяне. Египтянину по многому вѣзды отъ баснословнаго плодородія почвы, которую онъ воздѣлываетъ и орошаетъ въ ночь лнца; почти все, что онъ выручаетъ, идетъ на уплату податей. Сверхъ-того, война похитила у старика сыновей, отправившихся на войну въ Аравію; такъ-что онъ остался одинъ съ женою, которой старость не позволяла уже заниматься полевыми работами, и принужденъ былъ взять себѣ въ помощь одного сироту, по имени Измаила. Всѣ трое вели бѣдную и жалкую жизнь въ одной изъ тѣхъ мазанокъ, построенныхъ изъ нильскаго илу, голубарытыхъ въ землѣ, и болѣе похожихъ на нору дикаго зверя, чѣмъ на человеческое жилище, которыя встрѣчаются повсюду въ роскошной нильской долинѣ. Нѣсколько тонкихъ собакъ спали на крыльяхъ, сложенныхъ изъ камня, покрытой сухими листьями, и во многихъ мѣстахъ промоченъ дождемъ и разнесенной вѣтрѣмъ; при малѣйшемъ шорохѣ, собаки вскакивали на ноги, съ дикимъ воемъ. Что сторожили они съ такою неусыпною ревностью? Источенную червями самопрядку и медлюжники разбитыхъ кувшиновъ; дождь у стараго египтянина не водилось, а если былъ, то онъ держалъ тайну крѣпко за зубами, какъ обезьяна держитъ въ сумкѣ похищенный пасть. Надъ

темною хижинною восходилъ столбъ густаго, чернаго дыму, и казался грязнымъ пятномъ на яркой лазури неба. Въ корняхъ нѣсколькихъ финиковыхъ деревьевъ, осыпавшихъ хижину, покоялся огромный котъ, котораго полнота свидѣтельствовала, что мыши доставляли ему обильную пищу; дѣйствительно, это было единственное существо въ домѣ, навѣдавшееся досыта и не страдавшее отъ бѣдности хозяевъ.

Два или три десятины земли, раздѣленныя на правильные квадраты канавами, изъ которыхъ вода удобно распределялась по бороздамъ, составляли всю аренду феллаха. Во время вспашки, онъ запрягалъ въ соху верблюда и буйвола, не обращая вниманія на то, что природа, давъ этимъ животнымъ такія разнородныя способности, вѣроятно никогда не назначала ихъ работать вмѣстѣ. Одинъ тянулъ медленнымъ и ровнымъ шагомъ, опустивъ голову и едва отнимая ступню отъ земли; другой шелъ прыжками, вытянувъ вверхъ свою длинную шею и раскидывая впередъ и по сторонамъ свои поджарыя ноги. Измаилъ шелъ впереди, съ плеткою въ рукѣ, и тащилъ хромую пару, съ примѣрнымъ безпристрастіемъ ударяя кнутомъ то по лысымъ бокамъ верблюда, то по морщинистой спинѣ буйвола. Какъ бы то ни было, земля была вспахана, съ немалымъ трудомъ для обоихъ животныхъ, которыя больше мѣшали другъ-другу, чѣмъ помогали. Не менѣе тяжелъ былъ трудъ и для Измаила, который долженъ былъ ходить босикомъ по раскаленной почвѣ, и для старика, который сгорбившись и въ потъ лица нажималъ соху. Ни одно облачко не освѣжало дневнаго зноя; солнце равно палило своими безжалостными лучами и морщинистое лицо сѣдобородаго феллаха и бритый затылокъ юноши. Въ минуты отдыха, они сѣли на купы тамариссовъ, и молча ѣли по ячменной сайкѣ, прикусывая ее зеленымъ лукомъ. Изрѣдка благотворный вѣтерокъ съ Нилу прохладѣлъ ихъ, вздувая мимоходомъ ихъ кафтаны изъ синей набойки, протертые долголѣтнею службою, и они снова съ покорностью принимались за работу. По окончаніи посѣва, начиналась новая забота: полѣвка. Усывшись по обоимъ концамъ канавы, и держа концы длиннаго кожанаго жѣлба, Измаилъ и хозяинъ опускали его въ канаву, наполняли водою, поднимали его, и переливали воду на скатъ вебольшаго тына, откуда она распределялась жолобками по бороздамъ. Эта тяжелая работа очень утомляла Измаила; слезы мѣшались съ потомъ;

который катился крупными каплями съ его лба, и онъ не разъ готовъ былъ молить о пощады, еслибъ только посмѣлъ ; но хозяинъ съ нетерпѣннѣмъ ускорялъ движеніе кожаного жолоба, и бѣднѣйка долженъ былъ опять приниматься за работу, какъ измученный оселъ прибавляетъ шагу, почувствовавъ на бокахъ острый конецъ погонщицкой вѣлки. Вечеромъ, когда они возвращались домой, жена есмлаха послала Измаила къ источнику за водою. Она обращалась съ нимъ очень сурово, и вымещала на немъ свою досаду, когда нитка запутывалась на ея мотовилѣ. Случалось ли, что голодные собаки опускали морду въ горшокъ варившейся дурры, старикъ взыскивалъ съ Измаила же, обвиняя его въ присвоеніи лишней порціи ихъ общаго ужина. Старость и нищета уничтожили въ хозяевахъ послѣднюю искру состраданія. Не смѣя громко роптать на незаслуженные упреки и брань, Измаиль со слезами на глазахъ вѣлъ, за дверью, свою скудную пищу. Дивные египетскіе вечера, когда въ одинъ мигъ несмѣтное число звездъ загараются по всему небесному своду, Измаиль проводилъ болѣею частью въ горькихъ слезахъ, прижавшимся къ стѣнѣ хижинъ. Дѣйствительно, трудно было бы видѣть болѣе глубокую нищету подъ болѣе благословеннымъ небомъ.

Какъ скоро колосья начинали наливаться, Измаиль долженъ былъ беречь ихъ отъ птицъ. Ему давали въ руки пращу, взваливали на спину мѣшокъ камешковъ, и съ этимъ онъ долженъ былъ отправляться на возвышеніе, съ котораго открывалось все поле. Опускалась ли стая птицъ на золотистую ниву, онъ принимался бить въ ладоши, кричать и пускать камешки пращею. Это были для него минуты счастья. Радостный взоръ его блуждалъ по зеленымъ равнинамъ. Его забавляло чирканіе птичекъ, которыхъ онъ вспугивалъ камешками ; карканіе воронъ казалось ему очаровательнымъ пѣніемъ въ сравненіи съ ворчаніемъ и бранью старухи, которая онъ долженъ былъ выслушивать дома. Какое было ему дѣло, что палящіе лучи солнца ударялись отвѣсно въ его спину? Прикованный къ тѣсному пространству, на которомъ онъ долженъ былъ кружиться, онъ вытягивался на цыпочкахъ, стараясь проникнуть взоромъ за предѣлы своего ежедневнаго горизонта. Со стороны равнины тянулись длинные караваны навьюченныхъ верблюдовъ, которыхъ видны были однѣ головы надъ облакомъ пыли. Со стороны рѣки, надъ линіею ивъ и камышей, обозначающею берегъ, скользили вдали паруса судовъ. Стаи птицъ, привлечен-

няя наливающейся пивото, парили въ поднебесьх; вдоль канавъ, коихъ воды, бѣгали бекасы и опускались аисты. Онъ прислушивался къ шороху вѣтра, ходившаго по золотистой нивѣ.

Вечеромъ, когда онъ возвращался домой послѣ дня, проведеннаго на вольномъ воздухѣ, вдвое мрачнѣе казалась ему длинная хижина, въ которой онъ видѣлъ только угрюмыя, суровыя лица стараго феллаха и его жены! Жажда неизвѣстнаго, которая можетъ мучить душу молодаго феллаха, точно также какъ и душу поэта, день и ночь подстрекала его бросить этотъ образъ жизни, не представлявшей никакой отрады его воображенію. Онъ колебался сначала въ выборѣ между сухимъ путемъ и водою, между степью и Ниломъ. Известно, что видъ каравана, показывающагося мгновенно на горизонтѣ, на возвратномъ пути изъ дальняго и таинственнаго странствія, имѣетъ почти неотразимую, обаятельную силу надъ воображеніемъ Африканца; но для Египтянина — Нилъ есть тотъ священный путь, который ведетъ къ благословеннымъ странамъ, гдѣ восходитъ солнце. Нилъ остался побѣдителемъ въ этой борьбѣ влаги съ суроью; положивъ пращу и мышокъ съ камешками на пригоркѣ, Измаилъ побѣждалъ безъ оглядки къ берегу.

Имѣлъ ли онъ какое-нибудь понятіе о новой жизни, которую онъ завидѣлъ вдали между парусами? Нѣтъ; но онъ прыгалъ, какъ серна, довольный тѣмъ, что не увидитъ болѣе угрюмаго крова своихъ старыхъ феллаховъ.

Когда свѣжій вѣтерокъ въ первый разъ понесъ Измаила по волнамъ Нила, ему показалось, что онъ мгновенно перенесся въ рай земной. Треугольныя паруса трепетали на реяхъ; *канджа*, накрываясь подъ напоромъ вѣтра, скользнула какъ касатка, слегка покачиваясь, мимо песчаныхъ отмелей, огибала острова, покрытыя роскошною растительностью и быстро проносилась мимо селеній, скрывавшихся подъ тѣнистыми финиковыми пальмами.

— Какъ обширенъ, какъ прекрасенъ Божій міръ, думалъ Измаилъ; пусть другіе пахутъ землю, а я буду гулять по рѣкѣ!

И растянувшись подъ мачтою, юнга лѣниво уносился въ безпредѣльную даль. Женщины, ходившія по плотинамъ, съ кувшинами на головахъ, пастухи, гнавшіе буйволовъ по высокой травѣ, суда, стоявшія на якоряхъ передъ селеніями, крестьянскія избы, теравшіяся на необъятной равнинѣ, все это мелькало передъ нимъ роскошнымъ

своимъ движеніемъ. Онъ вдыхалъ полною грудью живительный рѣчной воздухъ, и чувствовалъ, какъ жизнь разливалась по всемъ его жиламъ. К несчастью, мечты его были прерваны въ самую лучшую минуту сильнѣйшмъ ударомъ лѣнька по плечу, которымъ шкиперъ напомнилъ ему, что юнга не за тѣмъ на суднѣ, чтобы сидѣть сложа руки и смотреть, какъ обгоняются струн. Каждая нашла на мель; матросы много соскочили за бортъ, и старались плечами снова столкнуть ее въ фарватеръ. Измаиль былъ меньше своихъ товарищей; вода доходила ему по шею, ноги его скользили по песку, и онъ уже сожалѣлъ о вригоркѣ, съ котораго еще наканунѣ пускалъ камешками въ воду. Онъ утонулъ бы, еслибъ хозяинъ не схватилъ его за уши и не вытащилъ на палубу; потомъ онъ послалъ его сушиться на реяхъ, и убирать паруса, которые мотались на мачтахъ.

Такъ началъ Измаиль свое судоходное поприще. Много ли онъ выигралъ въ перемежь ремесла, — не знаю; во всякомъ случаѣ онъ не унывалъ при первой неудачѣ. Юнга скоро забываютъ наказанія; они переносятъ ихъ безъ ропоту, какъ покоряются перемежамъ вѣдра и кеная. Измаиль потиралъ только плечо; но побой отъ человека, которому повиновалось столько рослыхъ и здоровыхъ матросовъ, казался ему далеко не такъ унижительною, какъ несправедливая брань прежнихъ его феллаховъ. Притомъ, ему нравилась кочевая жизнь нильскаго судовщика; доселѣ онъ былъ круглымъ спротою, теперь пришелъ родину на своей кандажѣ, и родныхъ въ товарищахъ. Не смотря на всѣ неудобства своего новаго положенія, онъ рѣшился оставаться въ немъ.

Однажды кандажа пристала къ берегу въ Фуа, древнемъ городѣ на правомъ берегу Нила, насупротивъ устья канала Махмудіа, идущаго изъ Александріи. Путешественники обыкновенно останавливаются здѣсь, чтобы посѣтить остатки развалинъ Саиса и отыскивать на окрестной равнинѣ мѣста, гдѣ былъ некогда Паукратисъ, «единственный портъ, говоритъ Геродотъ, куда при Фараонахъ дозволялось приходить греческимъ кораблямъ». Суда, ходящія съ товарами между Розеттою и Камромъ, также останавливаются въ этомъ городѣ, потому что его базары всегда изобилуютъ плодами и живностью; притомъ они тутъ же могутъ запастись необходимыми канатами. Фуа одинъ изъ самыхъ богатыхъ городовъ Нижняго Египта. Есть времена въ году, особенно осенью, когда сотни судовъ стоятъ вдоль набережной,

такъ что сквозь строй ихъ мачтъ и канатовъ едва можно видѣть теченіе Нила, хотя онъ въ этомъ мѣстѣ такъ широкъ, что его можно бы принять за озеро, и усаженъ роскошными островками, которые возвышаются изреди отмелей, какъ оазисы среди степи. Множество минаретовъ возносятся надъ куполами и надъ плоскими кровлями домовъ: одни четверугольные и остроконечные, какъ шпицы, другіе круглые и точно осыенные чаемою. Банановыя и фиговыя деревья опускаютъ на стѣны и черезъ заборы свои широкія листья и густыя вѣтви, будто желая придать своею зеленью болѣе яркости пестрому ряду зданій, который тянется по берегу. Однимъ словомъ, это городъ въ высшей степени живописный и вполне достойный смотреться въ струи Нила.

Въ то время, какъ канджа приставала въ Фуа, густой туманъ облегалъ весь горизонтъ. Солнце только что восходило, и оставалось еще невидимымъ больше часу до сѣвернаго вѣтерка, который разгоняетъ ночной туманъ, и котораго судоходцы жадутъ всегда, чтобы подниматься по Нилу. Въ ожиданіи благопріятной минуты, экипажъ вышелъ на берегъ, оставивъ въ канджѣ одного юнгу Измаила. Судно стояло противъ небольшой площади, которой середина занята купою финиковыхъ пальмъ. Сторону ея, обращенную лицомъ къ рѣкѣ, занимаетъ старая кирпичная мечеть съ двухъ-яруснымъ минаретомъ. По правой и по лѣвой сторонамъ тянутся бѣдные лавчонки и цирюльни. Тутъ же раскинуто нѣсколько палатокъ на кольяхъ, служащія кофейнями. Не смотря на раннюю пору, въ палаткахъ сидѣли уже турецкіе и египетскіе купцы, рядомъ съ арабскими судоходами, пили кофе изъ микроскопическихъ чашечекъ и тянули благовопный дымъ сирійскаго табаку изъ предлинныхъ чубуковъ. Передъ домами, феллахскія жены, одѣтыя въ синіе кафтаны съ всяческими рукавами, опустивъ покрывала на лицо, предлагали прохожимъ сочныя апельсинны и финики, съ которыхъ онъ сгоняли мухъ опахалами. Голодные коршуны съ крикомъ кружились надъ мечетью, горлицы ворковали на балконахъ, и бурья собаки, полудисицы и полуволки, шмыгали между ногъ прохожихъ. Прибавьте, въ дополненіе картины, тамъ осла, терпѣливо шагающаго въ пыли, съ ношею на спинѣ, здѣсь отдыхающаго, протянувшагося на песокъ, верблюда, и наконецъ, на первомъ планѣ, Аиту, — такъ называется на востокъ вольница, извѣстная въ Европѣ подъ именемъ Арпаутовъ или Албапцевъ.

Это племя пандуровъ, приводящее въ восторгъ живописцевъ живописностью своей одежды и вооруженія, и наводитъ ужасъ на восточныхъ горожанъ и поселянъ своимъ свирѣпствомъ и своими насильств. Ничто такъ не олицетворяетъ звѣрской силы, какъ эти безпоясные и кровожадные рубаки, имѣющіе всегда при себѣ цѣлый арсеналъ пистолетовъ, кинжаловъ и ятагановъ.

Амта, котораго мы видѣли на площади, противъ которой стояла канджка Измаила, расхаживалъ по ней взадъ и впередъ, съ важностью и надменностью побѣдителя; всѣ сторонились передъ нимъ, боясь даже однимъ робкимъ взглядомъ оскорбить его. Широкіе шаровары, покрытые золотымъ шитьемъ, хлопали объ турецкіе сапоги. Зной заставилъ его снять камзолъ; изъ подъ широкихъ холстинныхъ рукавовъ, во многихъ мѣстахъ продиравшихся отъ долгой службы, видны были длинныя, жилистыя руки. То онъ закидывалъ ихъ за спину, горделиво поднявъ голову, то опиралъ ихъ на пару пистолетовъ, торчавшихъ изъ за тяжелаго пояса, и чуть не доходившихъ до подбородка. Огъ времени до времени онъ зѣвалъ. Вся его наружность представляла что-то ужасное и вѣсть съ тѣмъ смѣшное.

Измаиль, оставшись одинъ на канджѣ, весело напѣвалъ вполголоса въсенку. Это такая отрадная минута для юнга, — когда весь экипажъ сойдетъ на берегъ и оставитъ его полнымъ господиномъ на тѣсномъ пространствѣ, гдѣ онъ во всякое другое время долженъ быть рабомъ всѣхъ и каждого. Измаиль ходилъ взадъ и впередъ по налубѣ, шаря по всѣмъ угламъ. Нечаянно попалась ему трубка хозяйна, и онъ закурилъ ее; потомъ, почувствовавъ, что пора завтракать, потѣшалъ огонь подъ котломъ, и сталъ печь въ золѣ ячменныя лепешки. Онъ весело и безпечно болталъ съ прочими югами, оставшимися на своихъ судахъ, шутилъ съ ними и смѣялся. Въторокъ, начинавшій разрывать туманъ надъ рѣкою и пробуждать усыпавшую природу, вливалъ невыразимое удовольствіе въ его сердце. Скоро солнце взошло, и мгновенно облило горѣдъ, окрестныя поля и рѣку потокомъ свѣту и жару. Въ это время Амта, соскучивъ мѣрять площадь съ постоянствомъ часоваго маятника, улегся подъ кувую деревьевъ и захрапѣлъ. Но едва онъ предался наслажденію сна, какъ ворона, клевавшая плоды на одномъ изъ деревьевъ, уронила ему на носъ цѣлый градъ финиковъ. Амта проснулся и всколых-

потрясающую; потомъ, осмотрѣлся кругомъ и яростные взоры его остановились на смѣющемся лицѣ юнга. Бѣдняжка хотѣлъ скрыть свою веселость, но уже было поздно: Анта его видѣлъ, и прицѣпился уже въ него свой длинный пистолетъ. Курокъ щелкнулъ... но пистолетъ осыкъся.

Измаилъ спрятался за маткою, какъ быкъ прячется за сучкомъ отъ ружья охотника, и слѣдилъ за каждымъ движеніемъ врага, котораго ярость еще возрасла отъ неудачи. Куницы, сидѣвшіе въ шлюпкахъ, равнодушно смотрѣли на происходившее, не отнимая даже трубокъ отъ ртовъ. Анта бросился къ канджѣ, выхватилъ изъ-за пояса другой пистолетъ и выстрѣлилъ. На этотъ разъ, пистолетъ не осыкъся; пуля перерезала веревку, на которой держался парусъ, — тяжелая рея съ шумомъ грохнулась на палубу, и опрокинула котелъ, въ которомъ варился завтракъ экипажа. Въ это самое мнѣніе хозяинъ возвращался съ матросами на свое судно; юнга же съ быстротою молніи бросился черезъ бортъ.

Мысль, что дерзкій погибъ въ волнахъ, успокоила грознаго Анту и утѣшила его въ двукратной неудачѣ. Онъ важно зарядилъ свои пистолеты и засунулъ ихъ за поясъ; потомъ, бросивъ презрительный взглядъ на толпу, какъ человекъ, совершившій великій подвигъ, закинулъ назадъ свою красную феску съ синею кистью и принялся по прежнему расхаживать по площади.

— Возвращаться ли мнѣ на судно? думалъ про себя Измаилъ, спрятавшись за высокимъ бортомъ ближайшей канджи.

Но Анта все еще былъ въ виду, и юнга не смѣлъ показаться. Съ другой стороны, хозяинъ, видя весь ущербъ, причиненный пулею на его канджѣ, и не зная какъ все это случилось, былъ въ страшномъ гнѣвѣ на Измаила. Онъ бѣгалъ по палубѣ, искалъ и звалъ несчастнаго въ такихъ неободрительныхъ выраженіяхъ, что бѣдняжка предпочелъ перескочить черезъ бортъ на другое судно, потому что вѣрѣе, и такъ даже. Наконецъ онъ достигъ набережной, и побѣжалъ безъ оглядки. Между-тѣмъ поднялся вѣтерокъ и рыва покрылась такимъ множествомъ парусовъ, что издали можно бы принять ихъ за стаю чаекъ, расправляющихъ крылья. Бѣдный юнга! давнѣе онъ мечталъ, что черезъ три дня онъ будетъ въ Каирѣ, увидитъ этотъ славный городъ? а вместо того долженъ снитаться взыскомъ.

какъ нищій, безъ пристанища, не имѣя ничего за душою, кромѣ полудесятка турецкихъ піастровъ, завязанныхъ въ полу кафтана.

Въ несколькихъ миляхъ выше Фуа, правый берегъ Нила выдается въ рѣку и образуетъ мысъ, у подножія котораго вода проложила себѣ глубокое русло. Во время мелководія суда огибають этотъ мысъ очень близко, чтобы избѣгнуть отмелей, которыя въ этомъ мѣстѣ занимають почти всю ширину рѣки. Разлитіе Нила даетъ на этомъ мѣстѣ необыкновенную силу растительности. Все пространство его занято поствами манса и хлопчатой бумаги; цапли и аисты съ важностью прохаживаются вдоль глубокихъ канавъ, которыми перерзаны эти поля. Мѣстами виднѣются пространства болѣе легкой почвы, на которыхъ растутъ колючія финиковыя деревья, и мелкій кустарникъ съ черными, изогнутыми сучьями; сюда феллахи гонягъ свои стада буйволовъ на подножный кормъ. На болѣе песчаныхъ мѣстахъ является кой-гдѣ горбъ одинокаго верблюда, и между-тѣмъ какъ онъ щиплетъ траву, бѣлый ибисъ стоитъ на его спинѣ въ томъ таинственномъ положеніи, въ какомъ встрѣчается онъ въ іероглифахъ. Немдалеку бѣдная мечеть свидѣтельствуетъ присутствіе селенія, но дома его такъ низки, что ихъ не видно съ берегу; видны только довольно высокія строенія въ видѣ ульевъ, и по множеству голубей, летающихъ вокругъ, можно догадываться, что это голубятни. Въ этомъ-то селеніи Измаиль рѣшился искать убѣжища, послѣ несчастнаго случая, заставившаго его бѣжать съ канджи. Измученный голодомъ, не зная куда дѣваться, онъ долго бродилъ вокругъ жилищъ; воспоминаніе о старикахъ, у которыхъ онъ провелъ столько лѣтъ въ горести и нищетѣ, останавливало его каждый разъ, какъ онъ хотѣлъ постучаться въ дверь; наконецъ онъ увидѣлъ отворенную дверь, и вошелъ. Хозяинъ, богатый земледѣлецъ, предложилъ ему пасту его буйволовъ. Измаиль подумалъ, разсудилъ, что пастухъ живетъ покрайней-мѣрѣ не въ душной хижинѣ, а на вольномъ воздухѣ, и согласился.

На слѣдующій день онъ отправился съ своимъ стадомъ. Буйволы, чувствуя свѣжесть воды, повлекли его къ берегу Нила, и онъ поплелся за ними, повѣся голову. Паруса безпрестанно перекрещались на рѣкѣ, слегка воздымаемая утреннимъ ветромъ. Канджи шли вверхъ, къ Капру, съ моельщиками, отправлявшимися въ Мекку; другія суда, большихъ размѣровъ, подъ краснымъ флагомъ съ тремя полумѣсяцами

спускались къ Александріи, съ невольниками, купленными на верховьяхъ Нила. Множество черныхъ, курчавыхъ головъ жалось къ тысячамъ окнамъ между деками, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и посмотреть на берега этой рѣки, которая должна была казаться имъ такою безконечною. Смотри на этихъ несчастныхъ Нубійцевъ, похищенныхъ съ родины и отправляемыхъ въ неволю, Измаиль почувствовалъ себя менѣе несчастнымъ.

— Есть на землѣ люди, которыхъ судьба еще прискорбѣе моея! подумалъ онъ.

И праздные взоры его устремились на канджу, которая приближалась къ берегу, чтобы обогнуть мысъ. Это была та самая канджа, съ которой онъ наканунѣ бѣжалъ. Онъ могъ ясно разглядѣть на палубѣ суровое лицо ренса, въ бѣлой кисейной чалмѣ; матросы отдыхали, утѣвшись кружкомъ на носу, и слушая одну изъ тѣхъ волшебныхъ сказокъ, которыя онъ самъ такъ любилъ слушать. Увы! неужели странствія его уже кончены навсегда? неужели ему предлегло всю жизнь слѣдовать за медленнымъ шагомъ буйволовъ, и никогда болѣе не ходить на местной канджѣ по величественному Нилу?

— Чтобы окликнуть канджу? подумалъ онъ. На ней все уже исправлено... меня можетъ-быть поколотятъ, но примутъ опять, и клянусь, что въ другой разъ уже не буду смѣяться въ лицо никакому Агъ.

Между-тѣмъ какъ онъ дѣлалъ то шагъ впередъ, то шагъ назадъ, не зная на что рѣшиться, вниманіе его было вдругъ привлечено молодою дѣвушкою, которая вышла изъ кустарника, прислушиваясь, казалось, къ шуму струй, разбиваемыхъ судномъ, и ходила по берегу, напѣвая жалобную пѣсню. Ренсъ, не говоря ни слова, бросилъ ей нѣсколько мелкихъ денегъ, завернутыхъ въ тряпочку, и парусъ скоро скрылся изъ виду. Пищая остановилась, услышавъ, какъ подаяніе рейса ударилось объ землю; но какъ она ни шарила въ высокой травѣ, сколько ни приподнимала пригнувшіяся къ землѣ вѣтви, Измаиль видѣлъ, что она ничего не находила. Первою мыслью его было помочь ей; но едва онъ сталъ приближаться къ ней, она закрыла лицо руками, и спряталась въ кустахъ.

Между-тѣмъ солнце возвышалось. На противоположномъ берегу Нила, пески отмельей, сливаясь съ песками степи, начли искриться какъ раскаленное желѣзо. Изнуренные знюемъ буйволы пролагали себѣ путь сквозь камыши, растягивались въ водѣ и наслаждались прола-

доу влаги какъ кайманы; на поверхности ея видѣлись только ихъ черные рога и сплющенные морды. Это было время, которое пастухи посвящаютъ обыкновенно сну, приютившись подъ тѣнью ивы. Измаиль начиналъ уже смыкать глаза, когда маленькая нищая, выпедивъ изъ своего сокровеннаго убѣжища, тихонько прошла подлѣ него.

— Нашла ты свои деньги? спросилъ онъ, не вставая.

Дѣвочка вздрогнула, остановилась и отступила на шагъ назадъ.

— Что жъ ты меня боишься? продолжалъ пастухъ, вставая. Развѣ ты не видишь меня?

Дѣвочка сдѣлала отрицательный знакъ головою.

— Бѣдняжка, сказалъ Измаиль съ состраданіемъ, ты слѣпа! Какъ же можешь ты бѣгать у самой воды?

— О, отвѣчала она, нѣсколько оправившись отъ перваго страху, я хорошо знаю этотъ мысъ, на сто шаговъ кругомъ, и могу одна найти дорогу отсюда, къ избушкѣ матушки, у въѣзда въ деревню.

— Хочешь, я отведу тебя въ тѣнистое мѣсто? сказалъ Измаиль; не оставайся тутъ, песокъ жжетъ ноги... пойдѣмъ!

— Нѣтъ, нѣтъ; когда стапавится очень жарко, мнѣ видится въ той сторонѣ, откуда грѣетъ солнце, какой-то свѣтъ, который меня радуетъ. Притомъ я должна караулить суда, а прихожу сюда на встрѣчу тѣмъ судамъ, которыя поднимаются по рѣкѣ на парусахъ. Я слышу плескъ разсѣкаемаго или течения, и прошу подаванія у рейсовъ. Милостыня ихъ часто попадаетъ среди терновнику, и я должна долго искать ее, часто раздираю себѣ руки и ноги... но Богъ милостивъ, съ терпѣніемъ всегда найду....

— Зачѣмъ ты спряталась давеча, когда я подошелъ къ тебѣ!

— Я подумала, что ты, можетъ-быть, какой-нибудь злой пастухъ изъ окрестностей, и хотѣлъ меня обокрасть; другіе нищіе завидуютъ мнѣ, потому что здѣсь на мысу выгодное мѣсто. Случается также, что ребятишки дурачатъ меня: бросаютъ камешки въ траву и кричать мнѣ: — «Нищи, Фатьма, нищи!» — И заставивъ меня пропскать полчаса, убѣгаютъ и смѣются надъ слѣпою.

— Я буду твоимъ защитникомъ, сказалъ Измаиль, сажая дѣвочку подлѣ себя.

Съ-тѣхъ-поръ, они каждый день сходились на этомъ мѣствѣ. Легко понять, что дружба скоро связала эти двѣ юныя души, равно забытыя судьбою. Бѣдная Фатьма, которой такъ долги были дни,

проводимые во мракъ и въ одиночествѣ, нашла голосъ, который съ участіемъ отвѣчалъ на ея голосъ. До нея кто любилъ Измаила? Никто; молодой пастухъ не могъ не полюбить единственное существо, не отвергавшее его, какъ другіе. Казалось, само Провидѣніе свело его съ этимъ существомъ, которое было еще безпомощнѣе его и которому онъ могъ служить защитникомъ и покровителемъ. Онъ замѣнялъ бѣдной нищей даже зрѣніе, котораго она была лишена. Какъ-скоро вдали показывалось судно, онъ предупреждалъ ее; такъ что она могла уже спокойно спать подъ своимъ кустомъ, въ полной увѣренности, что не пропуститъ случая получить подаваніе. Когда ей бросали милостыню, она всегда подбирала ее сама. — Позволь мнѣ искать самой, говорила она Измаилу; это моя отрада, моя работа. Вѣдь это одно, что я могу дѣлать!

Когда солнце жарко горѣло на полуднѣ, она клала иногда голову на колына пастуха, и восклицала съ восторгомъ: — Измаиль, теперь я вижу тебя! держись вотъ такъ, противъ солнца... о, я вижу твѣнь... это ты, это ты!

По вечерамъ, когда прохлада Нила распространялась по набережью, и птички начинали наполнять воздухъ своимъ пѣніемъ, она призывала Измаила, клала руку ему на плечо, и говорила: — будемъ бѣгать, Измаиль; веди меня далеко, далеко, — туда, гдѣ я еще никогда не бывала!

И они пускались съ легкостью серпъ по песку, поросшему лавнію. Мало-по-малу, съпяая, прежде прятаяся въ кустахъ, въ непрерывномъ страхѣ, стала смѣле; лицо ея, досель скучное и безпокойное, засіяло молодостью, какъ цвѣтокъ, увяло прозябшій среди сыраго двора, вдругъ раскрывается въ полномъ блескѣ отъ нечаянно упавшаго на него луча солнца.

Такъ проходили для нихъ дни за днями, однообразно, но тѣмъ не менѣе счастливо. Однажды утромъ, въ то время, какъ Нилъ началъ прибывать отъ продолжительныхъ дождей, Фатъма стояла на сторожѣ на обычномъ мѣстѣ, почти по плечи въ мокрой травѣ. Судно приближалось къ мысу; чуткое ухо съпной разслышало нѣсколько голосовъ, говорившихъ на чужомъ языкѣ, и сердце ея наполнилось радостью; путешественникъ, зашедшій въ далекую страну, болѣе другаго расположенъ подавать помощь неимущему. — Благодареніе Аллаху, который посылаетъ мнѣ щедрыхъ Франковъ! сказала Фатъма.

иногда ей крѣпко забилось. Она побѣжала къ рѣкѣ, называя свою пѣсенку; каждая неслась какъ ласточка, потому что вѣтеръ дулъ ей прямо въ коры. Слыная услышала какъ нѣсколько медныхъ монетъ, шуршавшихъ вѣтеръ, брякнули объ землю въ кустарникахъ. Она побѣжала туда.

— Берегись, кричалъ ей реисъ, упадешь въ обвалъ.

Дождь растворилъ грунтъ; у ногъ Фатьмы былъ обвалъ, котораго она еще не знала, и упала въ него. Оглушенная паденіемъ, она нѣсколько минутъ лежала на землѣ безъ движенія, только пальцы ея бессознательно вцѣплялись въ песокъ, какъ-будто она боялась, чтобы нильское теченіе, журчавшее ей подъ самымъ ухомъ, не увлекло ея. Она кликнула Измаила; но Измаиль ушелъ нарезать камышу, изъ котораго онъ плелъ корзины, и былъ такъ далеко, что даже мычаніе его буйволовъ, разсѣявшихся по кустарнику, едва достигало берега.

Между-тѣмъ пассажиры, увидѣвъ паденіе бѣдной дѣвочки, потребовали отъ реиса, чтобы онъ велѣлъ убрать паруса, и пристать къ берегу. Когда они вышли на берегъ, Фатьма, оправившись нѣсколько отъ ушиба, силилась выбраться на свою дорогу. Шумъ шаговъ, который она слышала за собою, беспокоилъ ее; ей было стыдно, что она могла упасть, — она, рыскавшая столько времени по этимъ мѣстамъ, чтобы изучить по возможности тѣсное пространство, составлявшее ея вселенную! Дрожа отъ страха и нетерпѣнія, она ощупывала крутой берегъ, возвышавшійся передъ нею, когда реисъ, досадуя на эту непредвидѣнную остановку и трату времени, сказалъ одному изъ европейскихъ пассажировъ:

— Экимъ бузургъ, достопочтенный врачъ, вы видите, что она не ушиблась. Оставьте ее; поѣдемъ, пока не спалъ вѣтеръ; и завтра, когда угодно Аллаху, мы будемъ въ Каиръ!

Но врачъ не слушалъ его увѣщаній; онъ взялъ слѣпую дѣвочку за руку, и сказалъ ей, взглянувъ пристально въ лицо:

— Не бойся, моя милая, и отвѣчай мнѣ. Сколько тебѣ лѣтъ?

— Четырнадцать, отвѣчала дѣвочка, въ сильномъ волненіи.

— Твои глаза всегда были закрыты?

— Нѣтъ; но они уже такъ давно больны, что я даже не помню, когда видѣла свѣтъ Божій.

— Хочешь взять со мною въ Канръ? я, можетъ-быть, выведу тебя.

Въ эту минуту Измаиль, удивленный остановкою канджи въ этомъ необычномъ мѣстѣ, тихонько подошелъ къ мысу, и раздвинувъ кустарники, съ безпокойствомъ смотрѣлъ на происшедшее. Путешественники помогли слѣпой взобраться на берегъ, и шли къ деревнѣ; но она старалась идти поодаль отъ нихъ, все къ чему-то прислушивалась, и безпрестанно наклонялась то на право, то на лѣво. Услышавъ шорохъ въ кустахъ и узнавъ шаги Измаила, она бросилась къ нему и съ живостью схватила его руки. Лицо ея выражало такое сильное волненіе, что Измаиль остановился какъ вкопанный и не смѣлъ спросить ее о причинѣ.

— Измаиль, сказала она послѣ минутнаго молчанія, видишь этихъ Франковъ? они зовутъ меня съ тобою.... чтобы....

— Зачѣмъ? вскричалъ юноша съ живостью.

— Чтобы исцѣлить мои глаза, возвратить мнѣ зрѣніе!... Они идутъ къ матушкѣ.... она поведетъ со мною.... Ты не отвѣчаешь, Измаиль? а я буду такъ счастлива!... я также буду видѣть, повторила она съ восторгомъ, буду видѣть, и тогда возвращусь сюда.... къ тебѣ!

— Когда тебѣ возвратятъ зрѣніе, я уже буду тебѣ не нуженъ, отвѣчалъ пастухъ печально, и ты меня забудешь.

Фатма плакала отъ радости, а Измаиль отъ горести. На слѣдующій день, на разсвѣтъ, арабскіе матросы взбирались на реи и распускали паруса, а рейсъ стоялъ у руля, и смотрѣлъ на берегъ. Скоро показалась Фатма, а за нею мать ея, съ небольшимъ узелкомъ, заключавшимъ все ихъ имущество. Дѣвочка шла такъ скоро, что казалось, будто она уже прсзрѣла. Она едва опиралась на клюку, которая издавна поддерживала ея невѣрный шагъ. Ни одно ея движеніе не укрывалось отъ внимательнаго взору Измаила; онъ ждалъ ее на дорогѣ, неподвижный и съ тоскою въ сердцѣ. Когда два друга разлучаются, какъ несчастенъ тотъ изъ нихъ, который остается! Когда Фатма поравнялась съ нимъ, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, она услышала это, и обратила къ нему свои закрытые глаза; но тотчасъ же пошла далѣе, боясь обратить на себя вниманіе матери; притомъ за нею шли франкскіе путешественники, и въ числѣ ихъ врачъ, который внушалъ ей глубокое почтеніе, почти

переходившее въ страхъ. Врачъ очень хорошо замѣтилъ, что Измаиль не слускалъ съ нихъ глазъ; онъ сдвигалъ ему нѣсколько вопросовъ, но вѣстухъ не отвѣчалъ.

— Можно подумать, сказалъ врачъ своимъ товарищамъ, что этотъ вѣстухъ сердится на насъ за то, что мы похитили у него бѣдную слянуу. — Эй, пріятель, продолжалъ онъ, обращаясь къ Измаилу, вотъ тебѣ на утѣшеніе *бакшишизъ*.

Вѣстухъ покачалъ головою, будто хотѣлъ сказать: Не нужно, я не шипій.

— Чортъ возьми! сказалъ врачъ; феллахъ не беретъ денегъ, когда даютъ!... это неслыханная вещь! Какъ тебя зовутъ?

— Измаиломъ.

Вѣтеръ вдругъ зарябилъ поверхность Нила; уже издали видно было, какъ онъ несся отъ устья, поднимая пыль на равнинѣ, наклоняя нвы и камыши, и оживляя своимъ шелестомъ усыпленную окрестность. Когда первое дуновеніе его коснулось парусовъ, канджа накрепчилась, дрогнула, какъ копь, почувявъ шпоры съдока, и понеслась, оставляя за собою длинную борозду пѣны. Фатьма старалась освонтъся съ ниво для нея стихією; внезапная качка судна заставила ее ухватиться за канаты. Однако же лицо ея все обращалось къ берегу, и Измаиль вѣдалъ, что она съ нимъ прощалась. По мѣрѣ удаленія канджи, онъ же приближался къ водѣ, и наконецъ почувствовалъ подъ ногами липкій песокъ. Тутъ, подъ купою тростниковъ, онъ нашелъ посохъ сляой, который она оставила ему на память. Онъ поднялъ его; это была гладкая, гибкая пальмовая вѣтвь.

Паруса канджи, скрываясь отъ времени до времени за островами, снова показывались на горизонтѣ, и наконецъ совершенно исчезли; тогда онъ взошелъ на берегъ, еще разъ обратился въ ту сторону, гдѣ скрылось все, что привязывало его къ жизни, и пошелъ собирать свое стадо, которое между-тѣмъ разбрелось во всѣ стороны. Эта забота не позволила ему на первое время слишкомъ предаться своему горю. Нѣсколько дней посѣщалъ онъ всѣ тропинки, по которымъ незадолго водилъ бѣдную Фатьму; но скоро вѣтеръ стеръ даже слѣды ихъ ногъ. Вскорѣ затѣмъ пришло время разлитія Нила; река разостлалась моремъ по долинамъ. Всѣ острова были затоплены; волны, вздымаемая вѣтромъ, разбивались о пальмы, которыхъ одны вершины выходили изъ воды. Судамъ уже не было надобности слѣ-

довать по определенному фарватеру; они шли самой прямой дорогою, далеко от мыса, который они должны огнбить въ другое время. Буйволамъ, животнымъ почти земноводнымъ, было очень по сердцу разлитіе воды, образовавшее на лугахъ озера и болота. Но бѣдному Измаилу одиночество стало вдвое тяжелѣе, онъ оспротѣлъ въ другой разъ на этомъ берегу, котораго не посѣщали уже путешественники. Ничто болѣе не привязывало его къ этому мѣсту; онъ дождался только, чтобы нилскія воды возвратились въ свои предѣлы и далъ ему возможность пуститься въ путь; какъ-скоро желанное время наступило, онъ простился съ хозяевами, и отправился.

Куда же онъ пошелъ? да куда было и идти, какъ не въ Каиръ? во-первыхъ, въ большомъ городѣ представлялось ему болѣе средствъ снискивать пропитаніе, а во-вторыхъ его влекла туда другая мысль, въ которой онъ едва давалъ себя отчетъ.

«Кто не видалъ Каира, ровно ничего не видалъ, говорится гдѣ-то въ «Тысячъ одной ночи»; земля тамъ изъ чистаго золота, небо чудно чудесъ!.. Каиръ столица вселенной». Разумется, что изъ этихъ словъ арабскаго писателя должно удалить часть на долю арабской страсти къ метафорамъ и преувеличенію. Однако же трудно, даже въ Азін, найти городъ богаче столицы Египта памятниками въ истинномъ мавританскомъ стилѣ. Какой мусульманскій городъ представить изумленнымъ взорамъ такое разнообразіе мечетей и минаретовъ, такое множество портиковъ и куполовъ? Есть ли на всемъ востоцѣ столица, которая могла бы похвалиться, что находится на берегу болѣе славной и болѣе величественной рѣки? Для насъ, обитателей холоднаго сѣвера, небо его действительно чудо! Что касается до земли, она не то, что золотая, а просто состоитъ изъ песку и сырой пыли; зато какія облака пыли поднимаются, когда верблюды или ослы выгзажаютъ рысью на большую площадь, похожую на просѣку въ лѣсу домовъ, или когда они бросаются въ обгонку съ носильщиками въ узкіе и кривые переулки. Прибавьте еще ко всему этому всадниковъ, которые проносятся съ быстротою молніи, щеголяя своими кривыми ятаганамъ и чапраками изъ алаго бархату, вставъ на широкихъ стременахъ и распустивъ по вѣтру свои шитые золотомъ мейтики. Смотри на нихъ, какъ они скачутъ сломя голову сквозь толпу, невольно припоминаешь стихъ одного персидскаго поэта: «Источникъ солнца за-

тешается отъ пыли, которую поднимають копыта ихъ ретивыхъ коней!»

Понятно, что Измаиль, понавъ прямо съ мирныхъ пастбищъ, куда онъ водилъ своихъ буйволовъ, въ такой городъ, былъ ослепленъ его великолпемъ; досель онъ видалъ только небольшія гавани, окружающія Розетту. Онъ бродилъ на удачу, теряясь среди толпы, которая врывается въ переулки, какъ нильскія воды, въ началъ разлитія, врываются въ канавы, перерезывающія поля. Наконецъ усталость пригудла его състь въ углу площади, подъ высокимъ заборомъ, оснненнымъ густою твнью смоковницъ. Передъ нимъ, подъ навсомъ юсейни, нъскольکو арабскихъ эмировъ въ черныхъ плащахъ курили и бесъдовали.

— Трудъ человека, говорилъ одинъ, долженъ быть выше превратностей судьбы. Живи трудомъ своихъ рукъ, въ потъ лица; а когда мужество твое начнетъ упадать, помолись Аллаху, чтобы онъ подкрпнлъ тебя.

— Если бъ луна стояла на мьсть, прибавилъ другой, она всегда оставалась бы полумьсяцемъ. Я отправлюсь странствовать по востоку и западу, накоплю себъ богатства или умру вдали отъ родины.

— Когда собаки видятъ человека въ рубищъ, подхватили третій, онъ лають и кидаются на него; но увидевъ человека богатаго, онъ идутъ къ нему, вилая хвостомъ.

Этотъ разговоръ сильно поразилъ умъ Измаила; онъ долго еще слушалъ бы бесъду эмировъ, если бы толпа молодыхъ парней, погонщиковъ ословъ, спавшая до-сихъ-поръ въ нъкоторомъ разстоянн, не проснулась на ревъ своихъ ословъ Бъдныя животныя, оставленные на солнцъ,—между-твмъ какъ погонщики-преспокойно спали въ твнн,—горько жаловались на ихъ невниманн. Успоковъ своихъ скотовъ, погонщики стали весело разговаривать; она рассказывали другъ другу соверненныя ими въ этотъ день поъздки и побрякивали въ рукахъ вырученными деньгами. Измаиль разсматривалъ ихъ съ большимъ вниманнмъ; какъ дикій голубь, вытвсненный изъ роднаго лбу, и залетввшій нечаянно въ голубятню, онъ узнавалъ въ этихъ юношахъ подобныхъ себъ феллаховъ; но дерзкая наружность ихъ заставляла его чуждаться ихъ общества. Между-твмъ прошелъ цвльй часъ, а они не замвчали его. — Не заговорить ли съ ними, поду-

малъ онъ; они знаютъ городъ.... Они такіе же поселенцы, какъ я, и нашли себѣ средство пропитанія!

И осмотрѣвъ еще разъ живыя и плутовскія лица этихъ негодяевъ, онъ выбралъ того изъ нихъ, который казался всѣхъ помоложе, полагая, что съ нимъ легче будетъ завести рѣчь. Онъ всталъ; но только что хотѣлъ открыть ротъ, какъ маленькій погонщикъ, насмѣшливо окинувъ его взоромъ съ ногъ до головы, спросилъ:

— Кто ты? откуда ты, деревенщина? ты не нашъ.

Измаилъ, смущенный и оскорбленный, хотѣлъ отступить.

— Э братцы, подхватилъ другой, онъ вѣрно идетъ на поклоненіе въ Мекку; видите, у него въ рукъ странническій посохъ.

Это былъ посохъ бѣдной савпой, который Измаилъ хранилъ какъ правый глазъ.

— Оставьте его, сказалъ третій, росло и здоровье всѣхъ прочихъ, растапливая своихъ товарищей, которые окружили робкаго савлаха. — Говори, продолжалъ онъ, обращаясь къ Измаилу; какъ тебя зовутъ?

— Измаиломъ.

— Изъ Рашида? *

— Такъ точно, отвѣчалъ Измаилъ.

— Помню тебя; ты тотъ самый Измаилъ эръ-Рашида, что бѣжалъ съ канджи въ Фуа?

Затѣмъ онъ разсказалъ товарищамъ исторію соннаго Анты, и какъ онъ, проснувшись, пустилъ пулю въ бѣднаго юнга, да промахнулся. Этотъ разсказъ очень понравился погонщикамъ, которые опять окружили Измаила, но на этотъ разъ уже дружески, и требовали, чтобы онъ разсказалъ имъ дальнѣйшія свои приключенія.

Когда онъ кончилъ, старшій погонщикъ сказалъ: — Я также оставилъ канджу, и въ тотъ же день, какъ ты. Наша канджа шла въ Рашидъ; но я перешелъ на другое судно, и прошелъ на немъ въ Каиръ. Теперь я живу припѣваючи.... Ну, а ты, что ты здѣсь водлываешь?

— Покажешь ничего, отвѣчалъ Измаилъ; я только что пришелъ, и....

— И не знаешь, за чтѣ приняться?

— Правда, отвѣчалъ пастухъ, опустивъ глаза.

* Арабское названіе Розетты.

— Послунайся моего совѣта, братецъ, иди въ погонщики ословъ; это самое немудреное. Стоитъ только поступить къ хозяину, который будетъ давать тебѣ осла, съ ранняго утра становись у входа франкаго квартала, и какъ увидишь одного изъ тѣхъ чужеземцевъ, что ни дать ни взять пара щипцовъ съ котломъ на головѣ, кричи: Good donkey, signore, very good donkey! хороший оселъ, господинъ, отличный оселъ! Этимъ Франкамъ надо все знать, все видѣть; ты вези его въ цитадель, къ гробницамъ мамлюкскихъ султановъ, на величавый базаръ.

— Не скоро узнаешь все эти мѣста, сказалъ Измаиль; а я не знаю даже названія этой площади.

— Объ этомъ не заботься; только Франкъ сядетъ на осла, ты стегни скотину, поѣзжай, куда глаза глядятъ; первый встрѣчный товарищъ укажетъ тебѣ дорогу. А проплутаешь, такъ тебѣ же лучше, побольше ѣзды, побольше возьмешь денегъ. Потомъ, когда Франкъ станетъ расплачиваться, ты плачь, кричи, реви, соберется народъ, ты жалуйся, что невѣрный *кафиръ* не даетъ заслуженнаго бакшиша. Франкъ испугается, и броситъ тебѣ горсть пиастровъ.

При этихъ словахъ, погонщикъ взглянулъ на товарищю, какъ будто хотѣлъ сказать: — Не такъ развѣ, братцы?

Краснорѣчье погонщика произвело сильное впечатлѣнiе на Измаила.

— Ну, а потомъ, какъ разсчитываться съ хозяиномъ? спросилъ онъ.

— Хозяинъ, давшій тебѣ осла, не будетъ ходить за тобой по пятамъ, и смотреть какъ реисъ. Пусть онъ три раза выдеретъ тебѣ оба уха, прежде чѣмъ ты отсчитаешь ему вырученныя деньги. Дамъ тебѣ еще хорошій совѣтъ: не связывайся съ крючко-носными Жидами, потому что все они собаки, готовые удавиться изъ за гроша; не связывайся также ни съ Коптомъ, что носить всегда черемшину за поясомъ, потому что это хитрая лиса, которая всякаго проведетъ; ни съ Туркомъ, что такъ важно ходить, нагнувъ на глаза свою огромную чалму, потому что Турки народъ безжалостный къ нашему брату, простолюдину. Но какъ только увидишь Франка, старайся, во что бы ни стало, перебить его у товарищю, потому что онъ принадлежитъ по праву тому, кто первый ухватитъ его за ногу.

— Обидалъ ли ты? спросилъ погонщикъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Измаилъ, съ скромностью гостя, отвѣчающаго на приглашеніе хозяина.

— Тѣмъ лучше, отвѣчалъ его новый знакомецъ; пойдемъ со мною.

И онъ повелъ его въ маленькую лавчонку, гдѣ разложены были разные плоды. Онъ выбралъ нѣсколько дюжины банановъ, взялъ два, три фунта лепешекъ, сдѣланныхъ изъ финиковъ, такъ хорошо раздавленныхъ, что онъ на видъ кажутся просто массою косточекъ, съ черными крапинками, испеченныхъ на какомъ-то черномъ сокъ. Положивъ эти лакомства въ шляпу Измаила, который дивился ихъ количеству, погонщикъ сказалъ: — ты долженъ угостить насъ; давай деньги, я расплачусь.

Измаилъ вытаскивалъ изъ за пояса нѣсколько піастровъ. Выведши изъ лавчонки, погонщикъ позвалъ своихъ товарищей, которые съ жадностью бросились на бананы и финиковыя лепешки, запивая ихъ чистотою водою изъ ближайшаго фонтана, бившаго подъ каменнымъ навѣсомъ, украшеннымъ причудливыми арабесками. Послѣ этого угощенія, все погонщики признали Измаила своимъ товарищемъ.

Съ слѣдующаго дня онъ уже бѣгалъ, съ трубкою за пазухой, застѣвъ рукава и шаровары, по столичному городу Канру, отъ площади Эзбекию къ Тулувской мечети, и отъ Биркетъ-аль-Фаррейна къ Румейской площади. Какъ онъ казался простодушнѣе своихъ товарищей, то чужеземцы отдавали ему предпочтеніе передъ прочими погонщиками, и онъ выручалъ хорошія деньги. Однако же, ни безпрестанная гонѣба, ни пріятности ремесла не изглаживали изъ его памяти того времени, когда онъ пасъ буйволовъ на берегу Нила. Прорыскавъ, какъ голодная собака по всемъ концамъ города, прокрячавъ цѣлый день прохожимъ и своему ослу однообразные: *аръ-ре-даль-эикъ* (береги ногу), *аль-эминъ-эикъ* (направо), *аль-ше-каль-фикъ* (дальше), онъ задумывался о тѣхъ грустныхъ, но пріятныхъ вечерахъ, когда бѣгалъ съ маленькою сляпою. Онъ закрывалъ лицо руками, чтобы живѣе рисовались въ воображеніи эти сцены, безцѣстанно оживавшія въ его памяти, и ему казалось, будто онъ слышалъ голосъ Фатымы и всеяку, которую она пѣла выбѣгая навстрѣчу судамъ. Одно размышленіе утѣшало его: онъ осуществлялъ во-

за арабскаго Эмира, такъ поразившія его: «Живи трудомъ своихъ рукъ и въ потѣ лица!»

Однажды, когда онъ пришелъ рано утромъ на обычное время, единъ Франкъ сѣлъ, не говоря ни слова, на его осла и отправился въ христианскій кварталъ. Это настоящій лабиринтъ темныхъ переулковъ, дворовъ и крытыхъ проходовъ, которые запираются на ночь, и въ которыхъ не трудно заблудиться даже среди дня. Измаилъ шелъ за нимъ, шагъ за шагомъ, положивъ руку на спину осла. Франкъ отъ времени до времени смотрѣлъ на него съ большимъ вниманіемъ; когда они вышли на довольно свѣтлую улицу, Измаилу показалось, что это былъ тотъ самый врачъ, который увезъ слѣпую дѣвочку. Чтобы удостовѣриться въ справедливости своей догадки, онъ зашелъ впередъ осла, подъ видомъ будто хотѣлъ посторопиться передъ прохожими, робко взглянулъ назадъ, такъ, что врачъ, — это былъ действительно онъ, — также узналъ его.

— А, сказалъ онъ, старый знакомый! что, ты все еще по прежнему отказываешься отъ бакчишей добрыхъ людей?

Измаилъ отвѣчалъ движеніемъ руки, которое ясно говорило: — Попробуйте, и увидите.

— Ты уже принимался за многія ремесла, продолжалъ врачъ; Фатъма рассказала мнѣ твою исторію... У тебя доброе сердце, Измаилъ; не унывай, и Богъ тебя не оставитъ.

Потомъ, отвѣчая на робкій вопросительный взглядъ погонщика, онъ продолжалъ: — Любезный другъ, я не колдунъ, который снимаетъ болѣзнь заклинаніями, и не дервишъ. Фатъма еще слѣпа, мнѣ нужно время, чтобы ее изцѣлить.

Съ этими словами онъ остановился передъ домомъ; дверь тотчасъ открылась, и онъ исчезъ, оставивъ въ рукъ Измаила щедрое награжденіе.

Часто случалось погонщику возить сѣдоковъ въ Старый-Каиръ; при видѣ множества судовъ, стоявшихъ у пристани, въ немъ просыпалось съ новою силою старое желаніе странствовать по морю. Разказы о дальнихъ путешествіяхъ, которые онъ слышалъ передъ кофейнями, разжигали его безпокойное воображеніе. Изъ этихъ приключеній, разсказывавшимся передъ внимательными слушателями, пригипивалось много басенъ, много чудесъ, которыя придавали имъ еще болѣе прелести. Измаилъ, бѣдный и необразованный, смотрѣлъ съ благоговѣн-

омъ на богато-одѣтыхъ купцовъ, которые бывали въ Багдадъ, Самаркандъ, въ Кашмиръ и Цейлонъ. Такъ вотъ гдѣ надо искать счастья и богатства, думалъ онъ; но какъ пробраться туда? какъ сдѣлать первый шагъ на пути, который долженъ вести къ богатству? Вотъ что затрудняло его, что останавливало весь его мечтательные планы. Однако же судьба, которая любитъ подчасъ посылать счастье простымъ и добродушнымъ людямъ, рѣшилась навести его на путь. Англійскій пароходъ собирался отплыть изъ Суэца въ Остъ-Индію; множество путешественниковъ отправилось уже къ Красному морю, чтобы съѣсть на пароходъ. Наканунъ его отправленія, одинъ запоздалый путешественникъ встрѣтилъ Измаила, который приступилъ къ нему съ обычною фразою: *Very good donkey, sir!*

— Точно ли хорошій осель? спросилъ путешественникъ.

— Отличвѣйшій осель, отвѣчалъ Измаиль.

— Такъ поѣдемъ; если ты доставишь меня въ Суэсъ въ двадцать четыре часа, я заплачу тебѣ, что стоитъ осель.

Измаиль съ радостью принялъ предложеніе; путешественникъ прибылъ въ Суэсъ въ ту самую минуту, какъ пушка возвѣщала отправленіе парохода, такъ что онъ успѣлъ еще нанять шлюбку и съѣсть на отъѣзжавшее судно. Измаиль, не отдохавшій ни минуты въ эти двадцать четыре часа, едва передвигалъ ноги отъ усталости; онъ легъ, и проспалъ нѣсколько часовъ. Когда онъ проснулся, осель еще лежалъ на соломѣ; бѣдному животному уже не суждено было встать!

— Благодареніе Аллаху, который привелъ меня сюда! воскликнулъ Измаиль. Вотъ путь къ тѣмъ странамъ, о которыхъ я слышалъ столько чудесъ; я отправлюсь туда; возвращусь съ полнымъ поясомъ золота, наверху на голову чалму изъ бѣлой кисеи, надѣну на плеча коричневымъ кафтанъ каирскихъ купцовъ. Фатьма тогда уже не будетъ слѣпою!... Голосъ мой перемѣнится, она меня не узнаетъ; но посохъ, который она оставила на песокъ, никогда не разлучится со мною!

И съ этою мыслью онъ отправился отыскивать одного изъ своихъ каирскихъ товарищей. — Вотъ, сказалъ онъ, деньги за осла; отдай ихъ моему хозяину. До свиданія! когда-нибудь ворочусь, если угодно будетъ Аллаху.

Сидя на берегу Краснаго моря, въ глубинѣ бухты, въ которой слы-

ваются пески Азии и Африки, Измаиль смотрѣлъ на пространныя песчанныя пространства, открытыя морскимъ отливомъ. Красноватыя, мутныя волны Аравійскаго залива не напоминали ему прозрачныхъ, синихъ волнъ Средиземнаго моря. Суэсъ, этотъ окаменѣлый городъ, плохо походилъ на чудные края, о которыхъ рассказывали ему путешественники. За нимъ раскидывались станомъ арабскіе погонщики верблюдовъ, возвращавшіеся въ Сирію; они ставили свое оружіе въ козлы, вышускали женъ изъ клятокъ, въ которыхъ они перевозятъ ихъ, какъ невольницъ; потомъ, пообедавъ, отправлялись опять въ путь и скоро исчезали въ необъятныхъ равнинахъ степи, какъ стая птицъ въ безпредѣльности неба. Ему показалось, что эти погонщики ходили и не довольно скоро, и не довольно далеко. Ему не было никакой охоты идти съ ними; притомъ кто ручался, что они не продадутъ его дорогою. Въ некоторомъ разстояніи отъ гавани стояло нѣсколько тяжелыхъ судовъ, отъ которыхъ онъ не могъ отвести взоровъ; но они стояли неподвижно на якорѣ. Однако же въ ушахъ Измаила все звучали таинственныя слова, которыя онъ слышалъ въ Каирѣ: «Буду странствовать по востоку и по западу; сдѣлаюсь богатымъ человекомъ, или умру на чужбинѣ».

Между-тѣмъ какъ онъ размышлялъ о средствахъ исполнить свое непрежннее намѣреніе, отправиться странствовать въ дальніе края, въ Суэсъ прибыло нѣсколько каравановъ съ турецкими и египетскими купцами, которые собирались съѣсть здѣсь на суда; частью затѣмъ, чтобы поклониться гробу пророка въ Меккѣ, а болѣе, чтобы поторговать въ приморскихъ городахъ Аравіи. Какъ скоро они показались на пристани, лѣниво покачиваясь подъ пестрымъ зонтикомъ, въ койкахъ, привѣшанныхъ къ спинамъ верблюдовъ, суда ожили. Легкіе челноки пристали къ берегу, чтобы перевозить пассажировъ. Юнга, сидѣвшій на кормѣ, издавалъ пронзительный пѣвучій крикъ, а гребцы, нубійскіе невольники, опускали весла въ воду, отвѣчая гортаннымъ харканіемъ: будто стая вороновъ отвѣчала на пѣсню малиновки. На кормѣ стояли шкипера, въ которыхъ не трудно было, по черной бородѣ и суровому лицу, узнать іеменскихъ Арабовъ. Измаиль обратился къ одному изъ нихъ, и просилъ принять его на свое судно. Шкиперъ охотно принялъ его; нѣсколько дней плавалъ онъ на Красномъ морѣ, прошелъ Бабъ-эль-Мандебскій проливъ, и вступилъ въ Индійскій океанъ.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ; Измаиль былъ уже не тотъ необра-

званный пастухъ, не тотъ робкій погонщикъ ословъ, котораго судьба такъ безжалостно преслѣдовала. Двѣятельная жизнь матроса сдѣла-ла его сильнымъ и здоровымъ, ловкимъ и проворнымъ морякомъ. Онъ выучился читать, что даже дается не всякому папъ; а свидѣ-нія его, хотя не очень большія, въ искусствѣ мореплаванія, достави-ли ему у мусульманъ званіе и санъ *накоды* (шкипера).

Измаилъ, какъ каждый Египтянинъ, былъ бережливъ, то-есть, по нашему скупъ; почти каждый зажиточный человекъ на Востоке скупъ, частью по врожденной склонности, частью по боязни. Веда почти затворническую жизнь, они любятъ скрывать свои богатства въ до-махъ, и имѣть ихъ всегда подъ рукою; да и какъ не прикидываться имъ бѣдняками, когда они знаютъ, что богатство тотчасъ привлечетъ на нихъ корыстолюбивый глазъ паши, аги или бея? Измаилъ, вѣр-ный своему племени, не подвѣлъ носу, когда у него накопилась по-рядочная сумма денегъ. Если онъ и помышлялъ о днѣ, когда ему можно будетъ перестать рыскать по морю, то никому не говорилъ того. Можетъ-быть и то, что ему и самому тяжело было подумать объ отступленіи, какъ игроку, когда карта везетъ. Какъ бы то ни было, но пять лѣтъ спустя по выходѣ его изъ Каира, судно, при-надлежавшее ему, стояло на якорѣ передъ Моккою; это было боль-шое одномачтовое судно, известное въ этихъ мѣстахъ подъ именемъ *баглова*. Уже послѣдніе тюки кофе были уложены; *накода* Измаилъ собирался спясться съ якоря; ему оставалось только кончить расче-ты съ нѣкоторыми арабскими и персидскими купцами, торговавшими въ городъ.

Обойдя базаръ, чтобы проститься съ однимъ пріятелемъ, получить письмо отъ другаго, и положить его въ складки чалмы, по обычаю *накодъ*, онъ отправился на площадь, на которой останавливаются ка-раваны, приходящіе изъ внутреннихъ областей. Эта площадь находит-ся у самыхъ стѣнъ Мокки, съ южной стороны. На нее въѣзжаютъ черезъ узкія ворота, съ двумя высокими зубчатыми башнями, на ко-торыхъ предполагается стража изъ человекъ двѣнадцати или пятнад-цати Антовъ. Правда, что они по бѣльшей части спятъ, но въ нав-сомъ, среди сабель, пистолетовъ, винтовокъ, разбросанныхъ въ жи-вописномъ безпорядкѣ турецкой гауптвахты. Морской вѣтеръ и вер-блюды поднимаютъ на обширной площади удушливое облако пыли; смотря на то, тутъ не такъ душно какъ въ городъ, гдѣ высокія

стыи не даютъ свободнаго движенія воздуху. На горизонтѣ видныя Сенахскія горы, родина кофейнаго дерева; взоръ можетъ тутъ отдохнуть на зелени, столь рѣдкой въ голой и пустынной странѣ, называемой Счастливою Аравіею. Притомъ, на этой площади есть нѣсколько деревьевъ, граціозныхъ акацій, дающихъ гораздо больше тѣни, чѣмъ пальма. За то подъ ними устроено множество кофейнь, которыя заключаются просто въ полудюжинѣ чашекъ, разставленныхъ вокругъ очага, на которомъ кипитъ вода, во множествѣ чубуковъ, нѣсколькихъ кальянахъ, и кisetъ табаку, повѣшенномъ на дерево. Потребителя сидятъ вокругъ, на диванахъ, или скорѣе на ящикахъ, очень похожихъ на клетки, въ которыхъ развозятъ цыплятъ. На такой диванъ сѣлъ и Измаиль. Между-тѣмъ какъ онъ курилъ кальянъ, къ нему приблизился знакомый ему египетскій купецъ.

— Что новаго въ сенахской землѣ? спросилъ Измаиль; что, Арабы по прежнему грабятъ караваны?

— Мои верблюды пришли домой благополучно, отвѣчалъ купецъ; степь, слава Аллаху, теперь безопадна, но за то въ городѣ не убеешься отъ грабежа! Ты знаешь, нагода, продолжалъ онъ, наклонясь на ухо Измаилу, — прекрасный цейлонскій жемчугъ, который я скрывалъ у себя въ подвалѣ, и который я надѣялся выгодно продать въ Константинополь?... у меня ихъ украли.

— Тутъ есть десятка два негодяевъ, сказалъ Измаиль, взглянувъ вскося на Литовъ, растянувшихся въ тѣни, какъ леопарды; не люблю я этихъ Турковъ.

— Начальникъ ихъ, Али-ага, мнѣ пріятель, продолжалъ купецъ; славный человекъ, безъ всякой гордости; онъ мнѣ нѣсколько обязанъ, бралъ у меня деньги взаймы. Онъ обещалъ мнѣ отыскать вора; чтобы придать ему болѣе ревности, я обещалъ тысячу цехиновъ въ награду тому, кто принесетъ мнѣ похищенный жемчугъ. Это не составитъ и десятой части ихъ цѣны.... Знаешь ты этого Али-агу?

— Нѣтъ; такъ онъ взялся отыскать вора?

— Да; и вчера отправился отыскивать нѣкоторыхъ изъ своихъ Литовъ, которые бѣжали съ оружіемъ.... и съ моимъ жемчугомъ, вѣроятно.

Затѣмъ друзья разстались. Вечеромъ подулъ вѣтеръ, и багловъ Измаила снялся съ якоря. Нубійцы, составлявшіе большую часть экипажа, подняли большой парусъ; рея, длиною въ тридцать локтей, медленно

и мѣрно подыалась, при звукахъ бубенъ. Когда наконецъ вѣтеръ ударилъ въ распущенный холстъ, судно тронулось и удалилось отъ берега. Последніе лучи солнца играли на аравійскихъ пескахъ, городъ, окруженный словно рамкою, съ одной стороны моремъ, съ другой длинною цѣпью горъ, представлялъ одинъ только поясъ стѣны съ башнями, отъ которыхъ кой-гдѣ отдѣлялись шпицы минаретовъ, зеленый зонтикъ пальмы или блѣдная зелень фисташкового дерева.

Отъ Мокки до Бабъ-эль-мандебскаго пролива только двѣнадцать миль; судно, при попутномъ вѣтрѣ, прошло это пространство въ одну ночь. Когда Измаилъ вышелъ на палубу, онъ очень удивился, увидѣвъ пассажира, котораго вовсе не помнилъ. Незнакомецъ былъ одѣтъ какъ одѣваются остъ-индскіе мусульмане; широкіе, короткіе шаровары, бѣлый кафтанъ, застегнутый на лѣвомъ боку, и вмѣсто чалмы остроконечная шапка, изъ подъ которой торчало пара предлинныхъ ушей. На вопросы Измаила онъ овѣчалъ съ смиреніемъ, что онъ бѣдный Индусъ, ходившій на поклоненіе въ Мекку, и теперь возвращавшійся на родину. Съвни утромъ на корабль безъ вѣдома нагоды, онъ долженъ былъ весь день скрываться въ трюмѣ, чтобы его не высадили. — Именемъ милосердаго Аллаха, говорилъ онъ, заклиною тебя сжалиться надо мною; бѣдный молещикъ немного займетъ мѣста, а присутствіе его даруетъ счастье гостепріимному хозяину на морѣ какъ и на сушѣ.

Матросы, пустившіе его за небольшія деньги, съ умиленіемъ слушали его рѣчь; Измаилъ съ своей стороны разсудилъ, что небольшая бѣда позволить ему занять уголокъ на палубѣ, не разбирая точно ли онъ молещикъ, или просто бродяга. Притомъ, нищій, явившійся безъ вѣдома шкипера, на арабскихъ и персидскихъ судахъ не рѣдкость. Экипажъ охотно дѣлитъ свой хлѣбъ, вѣля въ немъ благословеніе Божіе.

Въ первые дни пилигримъ, вѣроятно безпокоймый непривычною ему качкою судна, скромно жался въ самомъ носу корабля. Поджавъ ноги на цыновкѣ, закутавъ голову въ покрывало, онъ перебиралъ между пальцевъ янтарныя четки, и съ умиленіемъ шепталъ сто именъ Аллаха. Матросы приносили ему плоды и куски *нузи*, любимаго лакомства Арабовъ, варимаго изъ меду и верблюжьяго молока. Самъ Измаилъ, прохаживаясь по палубѣ, нерѣдко почтительно заговаривалъ съ нимъ, и подавалъ ему кофе и трубку. Мало-по-малу онъ сталъ вѣсть смѣлье; и вышедъ изъ своего усыпленія, сталъ также прогуливаться по палубѣ,

притомъ, съ такою твердою и смѣлою поступью, съ такимъ гордымъ видомъ, поднявъ голову, закинувъ руки за спину, что Измаилу показавось, что его воинственные замашки не согласовались съ званіемъ Индуса. Это замѣчаніе побудило его наблюдать за незнакомымъ пассажиромъ, не показывая однако же никакого подозрѣнія. Съ этою мыслью Измаиль, вычистивъ свои пистолеты, заржавѣвшіе отъ влажнаго морскаго воздуха, положилъ ихъ, будто не нарочно, на шпиль, на носу корабля, а самъ удалился. Какъ скоро пилигримъ увидѣлъ пистолеты, взялъ ихъ, попробовалъ курки, и протянулъ руку противъ глазу, будто цапнулся въ непріятеля.

— Этотъ хаджи дѣйствуетъ оружіемъ лучше, чѣмъ перебираетъ четки, подумалъ Измаиль; нашъ Индусъ родился ближе къ Смирнѣ, чѣмъ къ Мадрасу!... Мнѣ сдается, что я его гдѣ-то уже видалъ, въ чалмѣ, и съ прицѣленнымъ пистолетомъ какъ теперь! Положу руку на отсѣченіе, если это не переодѣтый Турокъ!

Между-тѣмъ багловъ неся по Индѣйскому океану какъ чайка. Незнакомецъ, вѣрный своему званію моельщика, рассказывалъ матросамъ о всѣхъ чудесахъ, какія онъ видѣлъ въ Меккѣ; матросы оказывали ему глубокое уваженіе; по вечерамъ собирались въ кружокъ около него слушать его совѣты. Большая часть изъ нихъ были, какъ мы уже сказали, Негры, народъ невѣжественный, легковѣрный и лживый. Арабы, занимавшіе высшія должности на суднѣ, жаловались Измаилу, что матросы бросали работу, чтобы слушать рассказы хаджи. Эти мелочи не укрывались отъ глазъ нагоды Измаила. Вліяніе незнакомца на экипажъ вредило собственной его власти, и внушало ему нѣкоторое безпокойство; онъ рѣшился внимательнѣе наблюдать за дѣйствіями хаджи. Для этого онъ спрятался однажды вечеромъ на палубѣ, закутавшись въ шерстяной плащъ, который совершенно скрывалъ его лицо; Негры, по обыкновенію, составили кружокъ около пассажира.

— Негры! говорилъ онъ имъ, сознайтесь, что ваша служба у нагоды очень тяжела; и какая вамъ отъ нея выгода,.. платятъ вамъ скудно....

— А кормягъ еще скуднѣе, подхватилъ одинъ Негръ богатырскаго роста, страдавшій — ненасытимымъ аппетитомъ, этою карою небесною.

— Адиакъ великъ! продолжалъ незнакомецъ; онъ можетъ дать

вамъ вся сокровища, сокрытыя въ недрахъ земли и на днѣ океана! Я знаю страны, гдѣ цехиновъ сколько душъ угодно, гдѣ жемчугъ лезутся пригоршнями, гдѣ можно жить въ счастіи и изобиліи, ничего не дѣлая.

Негры слушали, разинувъ рты.

— А далеко ли отсюда до этого рая, хаджи? спросило нѣсколько голосовъ.

— Не такъ далеко, какъ до рая Мохаммедова, отвѣчалъ хаджи, и я могъ бы вести васъ туда... Былъ бы я вашимъ начальникомъ.....

Онъ умолкъ; Исмаилу не нужно было болѣе, чтобы угадать замыслъ пассажира. Онъ хотѣлъ овладѣть судномъ, для чего, разумется, необходимо было прежде всего справиться съ шкиперомъ. Исмаилъ рѣшился предупредить врага, привести злой умыселъ его къ развѣту прежде чѣмъ онъ созрѣетъ, и тогда взять врага върасплохъ. Первою его заботою было устранить оружіе отъ рукъ Негровъ; онъ роздалъ его своимъ Арабамъ, убѣждая ихъ держаться осторожно. На слѣдующій день, желая испытать экипажъ, онъ заставилъ его проработать съ восхода солнца до поздней ночи, и потомъ отпраздновалъ его святъ безъ ужина. «Ступайте, собаки, сказалъ онъ имъ, ступайте набивать себѣ брюхо рѣчами хаджи.»

Негры въ уныніи удалились на носовую часть судна; нѣсколько минутъ прошло въ глубокомъ молчаніи; но потомъ они начали переговариваться вполголоса; мало-по-малу жалобы ихъ становились громче, и наконецъ обратились въ явный ропотъ. Буря, готовая разразиться на палубѣ *баглова*, росла также быстро, какъ растеть ураганъ на Индѣйскомъ морѣ. Рослый Нубіецъ, звѣній за четверыхъ, съ яростію кричалъ, что должно разграбить съѣстные припасы; его дикій взоръ бродилъ на палубѣ, отыскивая какое-нибудь оружіе, чтобы преломить входъ трюма. Заходящее солнце бросало на черныя лица какой-то кровавый отливъ; однакоже вѣтеръ нѣсколько укротилъ свою ярость; на востокъ показались высокія горы, окружающія Бамбай, и видъ земли успокоилъ Нубійцевъ.

— Эта земля, шепнулъ хаджи, не та, о которой я вамъ говорилъ, и къ которой я бы васъ повелъ, еслибъ былъ вашимъ начальникомъ.

— Молчать! закричалъ Исмаилъ твердымъ голосомъ; готовься жорь.

— Дай намъ ужинать, ревъли негры, удерживаемые еще однако же спокойною наружностью наководь.

— Готовьте жорь! повторилъ онъ.

— Черезъ бортъ, въ воду его со всеми Арабами! шепталъ хаджи, прячась за неграми, и выхвативъ изъ подъ кафтана пару турецкихъ пистолетовъ, какіе носятъ Аиты.

Подстрекаемые рвчамъ хаджи, Негры издавали дикій ревъ, но ни одинъ не смѣлъ приблизиться къ наководь. Трусые, продолжалъ хаджи; сбросьте ихъ за бортъ, я судно наше со всемъ грузомъ!— Съ этимъ словомъ онъ вышелъ впередъ; это движеніе увлекло нѣсколько чело-вѣкъ; самый смѣлый побѣжалъ къ корму, махая весломъ. Измаиль, слѣдившій за каждымъ движеніемъ, однимъ выстрѣломъ положилъ его на мѣсть, и бросился къ хаджи. Арабы шли за нимъ; оружіе каждаго было направлено на возмутителя, который, оставленный внезапно Неграми, отступалъ сколько могъ. Онъ стоялъ, опершись на бортъ, и опустивъ пистолеты дуломъ внизъ, будто окаменѣлый; негры, приведенные въ ужасъ смертью товарища, перестали роптать и броси-лись на колѣна, рыдая и прося пощады.

— Хаджи, закричалъ Измаиль, брось оружіе, или ты погибъ!

Хаджи раскрылъ руки, и опустилъ пистолеты на палубу.

— Ты лжець и предатель, хаджи, продолжалъ Измаиль; я ви-дѣлъ тебя въ Фуа; эти же самыя пистолеты ты некогда направилъ въ меня, — тогда ты былъ Антою, — и выстрѣлилъ! Теперь юнга, по которому ты стрѣлялъ, можетъ стереть тебя съ лица земли!

— Пощади, возопилъ Аита; пощади, я заплачу тебѣ богатый вы-купъ.

— Не лги, отвѣчалъ Измаиль, прицѣливаясь.

— Клянусь пророкомъ, скажу всю правду.... внизу, въ трюмъ, лежатъ узелокъ съ моимъ индскимъ платьемъ; въ поясъ.... я не-мѣ! пощадь хорошенько, и ты найдешь четыре большія жемчужины....

— Ужъ не цейлонскія ли?

— Клянусь гемовою, настоящія цейлонскія, и очень цѣнныя.

— Ты укралъ ихъ, злодѣй!

— Я ихъ нашелъ, пробороздилъ Аита.

— Ужень, закричалъ Измаиль, грознымъ голосомъ; ты ихъ укралъ у шестогоаго куица, который давалъ тебѣ займы деньги. Тебя зовутъ Аит-аю; ты укралъ ихъ!

Анта опустил голову на бортъ, какъ человекъ, покорно ожидающій неизбежной смерти.

— Ребята! сказалъ нагода Измаилъ матросамъ, приготовьте жечь! Они повиновались съ усердіемъ.

— Теперь бросьте въ море тѣло этого бунтовщика, который мараетъ палубу своею кровью, и свяжите этого Турка, измѣнническаго законамъ гостепріимства.

Два дня спустя послѣ этого происшествія, корабль стоялъ на бомбейскомъ рейдѣ. Измаилъ отпустилъ Анту, самъ съезъ его на берегъ и сказалъ: — Убирайся къ чорту, ты въ странѣ, гдѣ управляютъ Франки; берегись же, потому что они възнаютъ воровъ, разбойниковъ и предателей!

Затѣмъ онъ продалъ свой багловъ, и возвратился въ Мокку на чужомъ суднѣ. Пріѣхавъ въ Мокку, онъ отправился къ своему пріятелю, египетскому купцу.

— Ну что, отыскалъ ты вора? спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ тотъ печально.

— Стало быть розыски добраго, честнаго Али-аги остались безъ пользы?

Пріятель не отвѣчалъ.

— Вотъ посмотри, продолжалъ онъ, мнѣ повезло лучше тѣмъ ему; вотъ четыре жемчужины, доставшіяся мнѣ совершенно случайно; если онъ могутъ замѣнить тебѣ украденныя...

Купецъ взглянулъ на нихъ опытнымъ взоромъ пастуха, узнающаго свою овцу изъ тысячи, и тотчасъ отсчиталъ Измаилу награду, обѣщанную тому, кто возвратитъ ихъ ему.

— Спасибо, сказалъ нагода; я точно заработалъ твои цехины. Но конецъ възвѣщаетъ дѣло; я прощусь съ моремъ, и возвращусь на берега Нила.

Измаилъ имѣлъ наконецъ три вещи, бывшія предметомъ всѣхъ его желаній: бѣлую кисейную чалму, коричневый кастанъ и полный покъ цехиновъ; сверхъ того, онъ могъ съ самодовольствомъ помышлять, что всѣмъ этимъ онъ былъ обязанъ своему труду, терпѣнію и мужеству. По странной игрѣ случая, онъ вѣдалъ изъ Суеса въ Канръ на ослѣ того самого рослаго парня, который принялъ его некогда въ общество погонщиковъ. Повидимому положеніе его съ тѣхъ-поръ ни въ чемъ не измѣнилось. Измаилъ, узнавъ его, сказалъ

съ участіемъ: — Любезный другъ, неужели тебѣ не надоело еще бѣгать за осломъ по песку?

— Чтожь дѣлать? мое ремесло, отвѣчалъ погонщикъ.

— Да развѣ нѣтъ другихъ ремеслъ, повыгоднѣе? Поѣдемъ со мною; а куплю судно въ Розеттѣ, и дамъ тебѣ на немъ занятіе.

— Нѣтъ, отвѣчалъ феллахъ, настоящая жизнь, по моему, лучше. Я не знаю заботъ; денегъ прятать не нужно, потому что, что я шурчу, то же и спущу, чтобы воры не украли. Уставу работать, такъ ложусь въ тѣни подлѣ мечети.... Пусть другіе ходятъ на судахъ.... а я останусь погонщикомъ.

— Какъ угодно, пріятель, отвѣчалъ Измаиль, и вспомнилъ время, когда этотъ безпечный погонщикъ казался ему очень важнымъ лицомъ.

По мѣрѣ приближенія его къ цѣли, приключенія его датскихъ и юношескихъ лѣтъ все живѣе представлялись его памяти. Скоро онъ достигъ холмовъ, съ которыхъ открывается весь Каиръ, раскинутый вокругъ цитадели, извилистое теченіе Нила, то сжатое между двухъ полосъ песку, то украшенное прелестными садами; а на горизонтѣ пирамиды, будто три огромные шатра, раскинутые у входа въ степь. Это чудное зрѣлище вырываетъ восклицанія изумленія и слезы умиленія у мошельщиковъ, возвращающихся изъ Аравіи; какъ же должно было забиться сердце Измаила, который возвращался изъ гораздо дальнѣйшихъ странъ? Когда онъ вступилъ въ улицы города, какъ жалки показались ему водоносы и чернорабочіе, бѣгавшіе въ шлѣпкахъ, съ обнаженными по козѣвѣ ногами и засученными рукавами! А онъ самъ когда-то принадлежалъ къ числу этихъ людей, онъ заидовалъ имъ по прибытіи своемъ въ столицу, когда не было у него даже камня, чтобы склонить на него голову. Множество слѣпыхъ — ихъ можно насчитать въ столицѣ Египта цѣлыя тысячи, — просили милостыни, и онъ давалъ имъ подаваніе съ тайнымъ волненіемъ. Каждый разъ какъ слѣпая женщина приближалась къ нему, онъ трепеталъ, чтобы не узнать въ ней Фатмы, маленькой слѣпой, съ которою онъ бѣгалъ по берегу Нила.

На слѣдующій же день по прибытіи въ Каиръ, Измаиль отправился къ европейскому врачу; видно, врачу везло, потому что онъ уже занималъ хорошенькій домикъ въ коптскомъ кварталѣ, съ прекраснымъ фасадомъ на дворъ и съ садомъ, въ которомъ росли виноградъ и

яговыя деревья. Постучавшись въ ворота, Египтянин невольно смутился, и когда слуга отворилъ дверь, у него едва стало силы проворботать нѣсколько словъ. Впусти, закричалъ врачъ; кто тамъ такой? — И подойдя къ окну на дворъ, онъ увидѣлъ Измаила, приложившаго руку ко лбу, и почтительно кланявшагося ему, какъ проситель кланяется обыкновенно своему милостивцу.

— Достопочтенный господинъ, покровитель бѣдныхъ, утѣшитель страждущихъ, да растеть ежедневно твое счастье, и да не угасаетъ звезда твоего благополучія...

— Что тебѣ надо? спросилъ врачъ.

— Твоя милость не узнаетъ меня? спросилъ Измаиль, смутившись еще болѣе.

— Нѣтъ; отъ какой болѣзни лечилъ я тебя?

— Не меня, отвѣчалъ Измаиль, а бѣдную слѣпую дѣвочку....

— Фатьму? вскричалъ врачъ, вперивъ взоры въ почитителя. Ужъ ты не Измаиль ли, юнга, пастухъ, погонщикъ ословъ. . и что еще?

— Накода, отвѣчалъ Измаиль: я плавалъ на Индѣйскомъ океанѣ.

— И разбогатѣлъ?... Очень пріятно тебя видѣть; садись, почтеннѣйшій накода.

Врачъ хлопнулъ въ ладоши, чтобы подали кофе и трубки; онъ сѣлъ съ Измаиломъ рядомъ, на одинъ диванъ, у окна выходившаго въ садъ. Дѣти врача гуляли по саду подъ присмотромъ молодой дѣвушки въ томъ очаровательномъ нарядѣ, который восточныя женщины носятъ у себя дома. Бѣлый кисейный шарфъ обвивалъ ея голову и шею; станъ ея былъ стянутъ маленькимъ камзоломъ изъ турецкаго сукна, а изъ-подъ тунки опускались пышные шальвары, шитые золотомъ. Она что-то напѣвала вполголоса, собирая виноградъ и фиги. Между-тѣмъ какъ они оба курили, врачъ спрашивалъ Измаила о его странствіяхъ, и тотъ отвѣчалъ ему съ приличною степенью, не смѣя, какъ ревностный мусульманинъ, обращать ни въ которую сторону слишкомъ любопытныхъ или нескромныхъ взоровъ. Ему также хотѣлось бы кой о чемъ спросить, но онъ не зналъ какъ приступить къ дѣлу. Притомъ, если бы Фатьма прозрѣла, неужели врачъ не поспѣшилъ бы сказать ему, какъ скоро его узнать.

— И такъ, почтеннѣйшій, началъ докторъ послѣ некотораго молчанія, будто желая снова завязать разговоръ, Богъ наградила тебя? Я тебѣ предсказывалъ.... Мнѣ также довольно хорошо повезло въ

Кадръ; удалось вылечить довольно больныхъ... Какъ видишь, Измаиль, у меня хорошецькій домиць съ садомъ.

Говоря это, докторъ отворилъ окно. Молодая дѣвушка все еще была подъ деревомъ, и Египтянинъ вздрогнулъ, когда голосъ ея коснулся его слуха. Дѣти врача, увидѣвъ своего отца у окна, прибѣжали къ нему съ корзинками плодовъ, которые онъ подалъ Измаилу, но Измаиль стоялъ неподвижно, стараясь проникнуть черты дѣвушки сквозь покрывало, которое она опустила на лицо при видѣ гостя. Онъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее, какъ морякъ силится разглядѣть берегъ подъ измѣнчивыми очертаніями облака. Наконецъ онъ вскричалъ: — Фатьма! — и бросилъ въ садъ пальмовый посохъ съ загнутымъ концомъ, который держалъ въ рукъ.

При этомъ голосъ, дѣвушка подняла голову, затрепетала, схватила съ земли гладкій, гибкій пальмовый посохъ, и залилась слезами, будто взнемогая подъ бременемъ воспоминавія. Смотрите, сказалъ Измаиль, она плачетъ, какъ я плакалъ, когда она оставила меня.

— Но не думаю, чтобы она плакала отъ горести, сказалъ врачъ. Ты помнишь, какъ ты угрюмо смотрѣлъ на меня, Измаиль, когда я увезъ ее; а я почти такъ же сердитъ теперь на тебя, потому что ты покидаешь подругу моихъ дѣтей. Она отплатила мнѣ за мои попеченія во время ея болѣзни любовью къ нимъ. Я награжденъ съ избыткомъ за добро, какое ей сдѣлалъ... Возьми ее, Измаиль... если я сейчасъ помучилъ немного твое нетерпѣніе, то это потому только, что, увидѣвъ тебя здѣсь, я тотчасъ угадалъ, зачѣмъ ты пришелъ.

Измаиль купилъ въ Розеттѣ судно, которымъ онъ самъ управляетъ, какъ реисъ; это прелестная двухмачтовая канджа, на которой десять человекъ матросовъ и юнга, почти не знающій побоевъ. Путешественники, которымъ удастся провѣхаться на ней, не нахвалятся на опрятность каюты, и на вѣжливость и услужливость хозяина. На мысу, гдѣ некогда стояла Фатьма, стоитъ теперь другая слѣзная дѣвочка; и всегда будетъ стоять кто-нибудь, потому что это мѣсто прибыльное.

Мать Фатьмы пожелала возвратиться въ свою деревню, и Измаиль построилъ ей домиць, въ которомъ старушка живетъ очень счастливо; какъ большая часть соотечественницъ, она убѣждена, что французскій врачъ колдунъ, и что каждый Европеець — врачъ. Не смотря на свою любовь къ Фатьмѣ, еще усилившуюся съ-тѣхъ-поръ, какъ она

его жена, Измаиль не разстается съ Няломъ ; вѣдь Няль былъ предметомъ его первой любви. Бывъ какъ-то въ Розеттѣ, онъ полюбилъ взглянуть на хижины стараго феллаха, у котораго онъ былъ въ дѣтствѣ работникомъ. Старики, должно быть, умерли, потому что онъ ихъ не нашелъ ; кровля хижины провалилась, и въ хижинѣ не оставалось никого, кромѣ кота, который ужасно исхудалъ и одичалъ. Собаки рыскали вокругъ, и повидимому были голоднѣе чѣмъ когда-либо. Впрочемъ, увидѣвъ Измаила, вмѣсто того чтобы лаять, какъ бывало встарину, онъ жался къ нему, будто прося его покровительства. Это напомнило разбогатѣвшему феллаху слова одного изъ арабскихъ эмировъ на каирской площади: «Когда собаки видятъ нищаго въ рубищѣ, онъ лаютъ и кидаются на него ; но когда проходитъ человекъ богатый, онъ бѣгутъ къ нему на встрѣчу, виляя хвостами!»

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

УСПѢХИ НОВѢЙШЕЙ ХИМИИ.

Наука химіи въ настоящее время такъ расширила свой объемъ, что даже краткое обозрѣніе ея не вмѣстилось бы въ тѣсныхъ предѣлахъ нѣсколькихъ страничекъ. Поэтому цѣль этой статьи ограничивается однимъ изображеніемъ, въ общихъ чертахъ, тѣхъ великихъ переворотовъ, которые совершались въ этой наукѣ въ послѣднее десятилѣтіе. И даже при этомъ ограниченіи, задача предстоитъ еще не легкая, когда вспомнимъ, какъ многообразны вошедшія въ химію нововведенія и какъ необходимо, при изложеніи ихъ, обращать вниманіе и на тождественные успѣхи другихъ отраслей естествознанія. Тутъ должна идти рѣчь не объ одномъ умноженіи открытій и фактовъ, но и о переворотѣ въ основныхъ началахъ науки, о расширеніи ея круга, о преобразованіи методовъ изслѣдованія. Къ этому

должно еще присоединить введеніе новой номенклатуры, новых знаков, которое стало необходимо при умноженіи новыхъ открытій. Химикъ, который за сорокъ лѣтъ исполнѣе обладалъ своею наукою, растерялся бы въ лабиринтъ названій и фактовъ, которые представляютъ новѣйшая химія. Если же все это справедливо въ отношеніи элементарной части науки, *неорганической химіи*, то во сколько разъ справедливѣе еще въ отношеніи обширной области *органической химіи*, этой новооткрытой области, которая такъ богата любопытными явленіями, и сдѣлалась уже предметомъ такой ревностной разработки, что химикъ, который за два, за три года оставилъ свои занятія и снова принимается за нихъ, находитъ уже совсѣмъ новую науку.

Еще болѣе изумляетъ современное состояніе химіи, когда вспомнимъ, что она была въ древности. Древніе философы, занимавшіеся изслѣдованіемъ явленій природы, и не подозревали истинной науки естествознанія. Раскрытіе законовъ путемъ опыта было имъ совершенно неизвѣстно. Если же этотъ источникъ знанія остался сокрытымъ отъ пытливаго ума Грековъ, то нельзя ожидать, чтобы его открыли Римляне. Химическія изысканія Арабовъ также не имѣютъ большой цѣны; они также не дѣлали строгихъ опытовъ, и болѣе ендософствовали, чѣмъ изслѣдовали.

Можно смѣло положить, что химія только въ прошломъ вѣкѣ получила значеніе науки. Все важнѣйшія открытія въ области ея, за исключеніемъ очень немногихъ, сдѣланы въ послѣдніе семьдесятъ или много сто лѣтъ. Правда, что до того времени Бойль, Гукъ, Ньюто́н, Шталъ и Гальсъ стяжали славу искусныхъ химиковъ; однако же основныя начала, на которыхъ зиждется нынѣ наука химіи, открыты только между 1750 и 1790 годами, въ этотъ славный періодъ, который будетъ вѣчно памятенъ въ исторіи естественныхъ наукъ именами Блека, Кавендиша, Ватта, Пристляя, Бергмана, Шееле, Лавуазье, и открытіемъ кислорода, водорода, азота, углеродной кислоты, скрытнаго теплорода, химическаго сродства, состава воды и атмосфернаго воздуха, и наконецъ изслѣдованіемъ свойствъ окисей и кислотъ.

Отличительную черту новѣйшаго періода естественныхъ наукъ со-

ставляютъ: строгая точность опытовъ, обобщеніе и упрощеніе законовъ природы и прорастающее изъ того воссоединеніе различныхъ отраслей естествознанія. Химія представляетъ тому самый разительный примѣръ.

За пятьдесятъ лѣтъ, когда разлагали минеральную воду, руду или другой какой-либо предметъ, то едва находили въ нихъ половину тѣхъ составныхъ частей, которыя открываются помощью нынѣшнихъ методовъ изслѣдованія. Находимые элементы по большей части были конечно наиболѣе бросающіеся въ глаза и значительнѣйшіе, по-крайней-мѣрѣ въ количественномъ отношеніи; нерѣдко однако же случалось, что самые главные элементы, именно тѣ, которые обусловили физическія свойства разлагаемаго вещества и играли самую важную роль въ отношеніяхъ его къ другимъ веществамъ, ускользали отъ вниманія ученаго. То, что тогда считалось неизбежною утратою, *sepulchrum mortuum* въ совершеніи опыта, для новѣйшихъ химиковъ составляетъ нерѣдко самую важную часть изслѣдуемаго вещества; въ ней скрывались часто самыя полезныя вещества, которыхъ открытіе расширило науку и промышленность самымъ неожиданнымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, лѣтъ тридцать тому назадъ открыты іодъ и бромъ, при разложеніи некоторыхъ морскихъ растений и морской воды. Въ этихъ тѣлахъ открылись два новые элемента съ такими особенными и важными свойствами, что ученые принуждены были приписать имъ совершенно особое, хотя не вполне еще изслѣдованное и опредѣленное, участіе въ явленіяхъ, происходящихъ на поверхности земли. Обстоятельство, что они являются сравнительно въ весьма ограниченныхъ количествахъ, нисколько не ослабляетъ основательности этой гипотезы, потому что химическое дѣйствіе отдѣльныхъ веществъ только до известной степени зависитъ отъ ихъ количества. Въ настоящемъ случаѣ, впрочемъ, стоить только вспомнить огромную массу морской воды, занимающую часть земнаго шара, и въ которой іодъ и бромъ являются существенными элементами, чтобы убѣдиться въ важности этихъ веществъ въ проявленіяхъ земли. Всѣ замысловатѣйшіе способы изслѣдованія новѣйшей химіи были постоянно прилаганы къ этимъ новымъ элементамъ. Тщательныя изысканія открыли присутствіе ихъ въ различныхъ минеральныхъ ключахъ и даже

въ некоторыхъ металлахъ. Химикамъ доказали ихъ существованіе съ самыми сильными химическими агентами, съ кислородомъ и хлоромъ; ввели ихъ во множество различныхъ сочетаній, изъ которыхъ врачи извлекли сильные врачебныя средства, а физики, изучивъ дѣйствіе на нихъ свѣта, сдѣлали блестящее приложеніе ихъ къ искусству, въ фотографіи или свѣтописи. Для открытія присутствія ихъ въ какомъ-либо веществе, употребляютъ такіе тонкіе реагенты, что одинъ изъ нихъ, амаль, открываетъ іодъ, хотя бы онъ составлялъ только одну миллионную часть данной жидкости.

Не входя въ дальнѣйшія подробности, мы замѣтимъ только, что та же точность соблюдается во всехъ химическихъ дѣйствіяхъ. Случайность, непоследованные результаты изгоняются изъ науки, какъ всякая неопредѣленная гипотеза. Каждый опытъ поваряется въ соевыхъ и численными отношеніями разлагаемыхъ тѣлъ, и только поваренный такимъ образомъ опытъ признается достовѣрнымъ. Эта строгость въ изслѣдованіяхъ, введенная химикомъ Лавуазье и упроченная его последователями, довела химическій анализъ до такой точности, что химикъ вѣрѣдко еще до приступленія къ дѣйствию можетъ оправдать его результаты.

Здѣсь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о вліяніи, которое имѣютъ даже небольшія количества некоторыхъ веществъ, являясь въ химическихъ соединеніяхъ. Мы уже замѣтили, что некоторыя вещества, не смотря на свое незначительное количество, сообщаютъ важныя, существенныя свойства сложнымъ тѣламъ, въ составъ которыхъ они входятъ. Новѣйшая химія, особенно органическая, можетъ указать на множество подобныхъ фактовъ. Если извѣстный элементъ постоянно является въ данномъ сложномъ тѣлѣ, и притомъ всегда въ одинаковомъ вѣсовомъ отношеніи къ прочимъ его составнымъ частямъ, то можно съ полною увѣренностью сказать, что этотъ элементъ, какъ ни незначительно его количество, составляетъ существенную часть соединенія. При нынѣшнихъ успѣхахъ химическихъ познаній этотъ законъ подтверждается все больше и больше. Углеродная кислота, напримѣръ, находящаяся въ атмосферѣ, составляетъ едва тысячную ея долю. Такое же важное значеніе имѣютъ іодъ и бромъ въ составѣ морской воды, съ тѣмъ только различіемъ, что

заключаются въ ней въ несравненно меньшей еще пропорціи. Железо входитъ въ составъ крови; въ мозгу и въ нервахъ найдена ничтожная пропорція фосфору, въ костяхъ — фторной кислоты, въ белковинахъ, фибринахъ, и другихъ животныхъ веществахъ — сѣра. Фосфоръ и сѣра, кремнеземъ и другія металлическія окиси оказываются въ различныхъ растительныхъ веществахъ. Чтò является туго въ соединеніяхъ, произведенныхъ природою, то же повторяется и въ некоторыхъ искусственныхъ сочетаніяхъ, придуманныхъ наукою. Въ нихъ, какъ и въ природѣ, мы видимъ, что самыя незначительныя количества какого либо вещества, введенныя въ большія массы другаго, существенно измѣняютъ его свойства; такъ напримѣръ, чтобы опять у золота его гибкость, достаточно подвергнуть его при плавлѣ парамъ антимоінія. Свойства многихъ металловъ совершенно измѣняются отъ примѣси къ нимъ едва одной тысячной доли другаго металла. Явленія такого рода такъ многочисленны, что приведеніе нѣсколькихъ примѣровъ скорѣе уменьшитъ, чѣмъ расширитъ понятіе о великомъ законѣ, изъ котораго они происходятъ. Этотъ законъ, несомнѣнное пріобрѣтеніе новѣйшей науки, слѣдующій: въ составныхъ частицахъ тѣлъ совершаются измѣненія, взаимныя дѣйствія одной на другую, смотря по тому, какъ свѣтъ, электричество и теплота содѣйствуютъ или противодѣйствуютъ химической дѣятельности. Изученіе этихъ проявленій ведетъ насъ въ среду самыхъ таинственныхъ соотношеній вещественнаго міра, и пробуждаетъ въ насъ надежду, что мы со временемъ достигнемъ знанія физическихъ истинъ, которыя находятся еще далеко за кругомъ, на предѣлахъ котораго стоимъ въ настоящее время.

Мы видимъ уже нѣкоторые слѣды этой будущей науки. Океанъ, это огромное хранилище всего, чтò стекаетъ въ него со всѣхъ частей земли, долженъ заключать въ себѣ слѣды всѣхъ разлагаемыхъ частицъ, заключавшихся въ принятыхъ имъ веществахъ. До-сихъ-поръ взоръ нашъ не можетъ ничего разобрать въ этомъ беспорядочномъ скопищѣ разнородныхъ матеріаловъ, а видитъ одну основу къ будущему образованію земель, и средства прокормленія множества живыхъ существъ, населяющихъ море. Но все подтверждаетъ, что когда-нибудь скопленные въ океанъ матеріалы будутъ лучше извѣст-

ны, и что изслѣдованіе ихъ прольетъ новый свѣтъ на многія необъясненныя еще явленія. Многосложная смѣсь паровъ, воздуху и другихъ газовъ, обнимающая земной шаръ, атмосфера, заключаетъ кромѣ того примѣсь разныхъ известныхъ химическихъ агентовъ; по всемъ вѣроятіямъ она содержитъ еще мелкія частицы многихъ другихъ тѣлъ, еще не открытыя, и которыя частью внесены въ нее испареніями земли, частью рождаются въ самомъ воздухѣ дѣйствіемъ электрическихъ и химическихъ измѣненій. Мы знаемъ, что жизненная сила органическаго міра находится въ совершенной зависимости отъ нѣкоторыхъ элементовъ атмосферы. Но кромѣ соотношеній, которыхъ нормальность необходима для поддержанія жизни на землѣ, есть безъ-сомнѣнія другія, столь же важныя, которыя намъ не известны, и въ которыхъ участвуютъ вещества, примѣнявныя въ чрезвычайно малыхъ количествахъ въ окружающей насъ воздухѣ. Можно полагать, что въ воздухѣ есть химическіе агенты, уничтожающіе тѣ миазмы и зловредныя испаренія, которыя, сгустившись по стеченію разныхъ обстоятельствъ, причиняютъ болѣзни и даже смерть. Намъ известно, что въ атмосферѣ находятся углеродная кислота и аммиачовый газъ, знаемъ также, что количество ихъ весьма незначительно, вѣроятно затѣмъ, чтобы эти вещества состояли въ надлежащемъ отношеніи къ потребностямъ органической жизни; по всемъ вѣроятіямъ есть въ ней и другіе агенты, въ еще меньшихъ количествахъ, и еще болѣе неуловимые, которые тоже содѣйствуютъ къ развѣтлю существовъ, наполняющихъ міръ.

Чтобы оцѣнить важность этихъ чрезвычайно малыхъ количествъ, новые химики, особенно Либихъ и Дюма, употребили очень простой по основной мысли, но въ приложеніи несовершенный еще способъ. Зная въ какихъ численныхъ отношеніяхъ изслѣдуемое вещество соединяется съ другими веществами, въ сляніи съ которыми оно уже изслѣдовано, они старались приблизительно исчислить все количество его въ воздухѣ. Такъ, напримѣръ, для познанія растительной жизни и другихъ явленій, встрѣчающихся на поверхности земли, весьма важно опредѣлить количество углероду, находящееся въ атмосферѣ. Для разрѣшенія этого вопроса должно прежде всего исчислить общій вѣсъ атмосферы, что возможно исполнить съ достаточною вѣрностью;

потомъ исчислить въсь углеродной кислоты, по известному отноше-
нію ея въ соединеніи къ воздуху, и наконецъ вычесть изъ въсь
углеродной кислоты двадцать-семь процентовъ, потому что въ стѣ
частяхъ углеродной кислоты содержится двадцать-семь частей кисло-
роду. По этому исчисленію въсь всего углероду содержащагося въ
атмосферѣ, составляетъ три тысячи осемдесятъ-пять мильярдовъ фун-
товъ. Либихъ утверждаетъ, впрочемъ основываясь на довольно шат-
кихъ предположеніяхъ, что эта сумма превосходитъ въсь въсьхъ ра-
стений и въсьхъ копей каменнаго угля на землѣ. Повторяя тоже исчи-
сленіе для другихъ веществъ, вступающихъ въ соединеніе съ расти-
тельными и животными тѣлами, химикъ достигалъ очень любопытныхъ
результатовъ, которые принесли даже большую пользу земледѣлію и
другимъ промысламъ.

Другая отличительная черта новѣйшей химіи заключается въ ея,
такъ сказать, творческой силѣ. Анализъ, при всевозможномъ своемъ
совершенствѣ, не представляетъ такого разительнаго свидѣтельства
успѣховъ науки, какъ синтезъ, то-есть, воспроизводимыя химикомъ
соединенія веществъ. Эти соединенія можно назвать созданіями хи-
міи, потому что по б'льшей части не существуетъ имъ первообраза
въ окружающей насъ природѣ. Они открываются только въ лабора-
торіяхъ и на фабрикахъ, гдѣ случай или искусство наводятъ на ихъ
слѣдъ. Такихъ примѣровъ безчисленное множество. Говоря о бромѣ и
іодѣ, мы сказали, что ихъ употребляли во всякаго рода соединенія, и
какую огромную пользу они принесли. При обзорѣни органической
химіи, увидимъ мы химическія подражанія произведеніямъ природы,
которыя наиболѣе доставили славы наукъ. Здѣсь приведемъ одинъ
только примѣръ другаго рода. Каждый изъ новооткрываемыхъ ме-
талловъ вводится въ самыя разнообразныя соединенія съ другими тѣ-
лами и веществами. Эти опыты породили цѣлый рядъ продуктовъ,
которые также новы человѣку, какъ и чужды природѣ. Нѣкоторые изъ
нихъ употребляются съ большою пользою, другія, напротивъ, имѣютъ
очень опасныя свойства. Къ послѣднимъ принадлежатъ гремучія ме-
таллическія смѣси, и тѣ насильственные соединенія известныхъ га-
зовъ, которыя грозятъ ежеминутно расторгнуться съ всеразрушающею
силою. Порохъ, какъ простая смѣсь, а не химическое соединеніе, въ

можетъ собственно назваться химическимъ изобрѣтеніемъ; однако же и его дѣйствіе зависитъ отъ известнаго отношенія химическихъ силъ; напротивъ приготовленіе гремучей хлопчатой бумаги основано единственно на химическомъ средствѣ ея составныхъ частей. — Другой примѣръ творчества химіи представляетъ закись азота, которая, при вдыханіи ея, производитъ родъ опьяненія. Она состоитъ изъ соединенія азота съ кислородомъ, почти въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ въ атмосферномъ воздухѣ, но нигдѣ не встрѣчается въ природѣ. Въ новѣйшее время доказано, правда, что атмосфера есть огромная масса газовъ, но нисколько не химическое соединеніе этихъ различныхъ газовъ; не смотря на то, все-таки удивительно, что достаточно самаго ничтожнаго различія въ количественномъ отношеніи частей, чтобы произвести съ одной стороны атмосферу, удовлетворяющую всемъ потребностямъ органической жизни, съ другой одуряющую закись азота. Химія представляетъ множество подобныхъ примѣровъ, особенно органическая. Два другія порожденія лабораторій, сѣрный эфиръ и хлороформъ, представляютъ еще болѣе поразительныя свойства. Эти вещества порождены воспрепятствованіемъ химическому соединенію элементовъ нѣкоторыхъ химическихъ составовъ, и есть причины думать, что со временемъ откроется еще множество подобныхъ веществъ.

Мы показали отличительныя черты новѣйшей химіи и подтвердили ихъ примѣрами. Теперь остается намъ исчислить вкратцѣ важнѣйшія открытія, сдѣланныя этою наукою.

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія, какъ мы уже сказали, ученое изслѣдованіе газовъ, воды, окисей, ученіе о скрытомъ теплотѣ, о химическомъ средствѣ, и прочая, положили начало разумной наукѣ. Затѣмъ послѣдовали успѣхи за успѣхами. Первое десятилѣтіе девятнадцатаго столѣтія ознаменовалось нѣсколькими великими открытіями, изъ которыхъ одно особенно заслуживаетъ все наше вниманіе. Это такъ называемая атомистическая теорія, или, точнѣе, законъ эквивалентовъ или опредѣленныхъ пропорцій. Тутъ необходимы нѣкоторые поясненія.

Первый опытъ привести химическія соединенія въ систему, являетсѣ въ составленныхъ Бергманомъ, Жофруа и другими сравнительныхъ

таблицахъ средства различныхъ тѣлъ и порядка, въ которомъ они разлагаются другъ друга. Изъ этого стали выводить простое начало, это тѣло, которое вытѣсняетъ другое тѣло изъ соединенія его съ третьимъ, имѣть болѣе его средства съ послѣднимъ. Этотъ взглядъ, хотя онъ до некоторой степени и справедливъ, скоро оказался неудовлетворительнымъ, потому что при немъ вынуждались изъ виду другія силы, которыя также имѣютъ свое значеніе въ химическихъ процессахъ.

Бертолле первый доказалъ неудовлетворительность этихъ таблицъ и что одни степени химическаго средства недостаточны для объясненія физическихъ явленій. Впрочемъ онъ впалъ въ противоположную, столь же важную ошибку. Онъ, и за нимъ его ученики, стали придавать такую важность содѣйствующимъ причинамъ, напримѣръ количеству и сдѣленію, что почти устранили первую и главную причину, взаимное влеченіе различныхъ веществъ.

Вопросъ оставался долго нерешеннымъ; возникли другіе вопросы и знали всѣхъ химиковъ до-тѣхъ-поръ, пока открытіе некоторыхъ важныхъ законовъ соединенія тѣлъ не бросило неожиданный свѣтъ на спорные пункты. Тогда ученіе о химическомъ средствѣ получило математическую точность. Ученые убѣдились, что составныя части сложнаго тѣла состоятъ въ неизмѣнныхъ отношеніяхъ между собою, что эти отношенія могутъ быть выражены числами, и что весь тѣлъ въ различныхъ ихъ соединеніяхъ есть простое произведеніе его въса въ первомъ соединеніи. Открытіе этого закона произвело такой же переворотъ въ химіи, какъ Ньютонова теорія тяготѣнія въ астрономіи и Эрстедова начало индукціи въ ученіи объ электричествѣ. Можно бы многое еще сказать о сущности и значеніи этого открытія, но мы думаемъ, что яснѣе покажемъ ихъ, указавъ на некоторыя частности, тѣмъ общими разсужденіями.

Предварительно скажемъ нѣсколько словъ объ исторіи новой теоріи. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ открытіяхъ, ученые уже за нѣсколько лѣтъ подходили къ самой цѣли. Саксонскій химикъ Вещель, въ 1777, и Ирландецъ Гиггинсъ, въ 1789 году, дѣлали опыты, которые могли привести ихъ прямо къ закону эквивалентовъ. Но Дальтону суждено было первому, въ 1804 году, ясно обнять новое

ученіе и обогатить имъ ученый міръ. Берцеліусъ, Волластонъ и Гь-Люссакъ всѣхъ болѣе содѣйствовали развитію и общему признанію атомистической теоріи.

Слѣдующій примѣръ объяснить сущность этой важной атомистической теоріи или теоріи эквивалентовъ. Опредѣливъ относительный вѣсъ главнѣйшихъ простыхъ тѣлъ, на примѣръ кислорода, водорода, азота и углерода, чрезъ дальнѣйшее приложеніе этихъ первыхъ результатовъ, мы откроемъ относительный вѣсъ и прочихъ простыхъ тѣлъ, а слѣдовательно и сложныхъ тѣлъ, происходящихъ изъ ихъ соединеній. Вода состоитъ изъ кислорода и водорода; эти составныя части относятся другъ къ другу по вѣсу, въ водѣ, какъ 8 къ 1. Это дѣло чистаго опыта, до котораго химики дошли съ вѣсами въ рукѣ. Точно также опредѣлили они въ вѣсовыхъ числахъ отношеніе частей въ пяти различныхъ соединеніяхъ кислорода съ азотомъ. Если въ первомъ соединеніи вѣсъ кислорода мы выразили числомъ 8, то для вѣсу азота получимъ число 14. Всѣ послѣдующія соединенія ихъ различаются между собою тѣмъ, что для каждаго высшаго прибавляется еще такая же пропорція кислорода. Помощію вѣсовъ открывается, что закись азоту заключаетъ 14 частей азоту и 8 кислорода; азотная окись — 14 частей азоту и 16 кислорода; азотистая кислота — 14 частей азоту и 24 кислорода; азотнокислая азотистая кислота — 14 частей азоту и 32 кислорода; азотная кислота — 14 частей азоту и 40 кислорода. Такимъ-образомъ получаемъ мы рядъ постоянныхъ вѣсовыхъ отношеній для трехъ тѣлъ; для водорода 1, для кислорода 8, для азоту 14. И эти числа прилагаются не только къ соединенію исчисленныхъ тѣлъ между собою, но и во всѣхъ соединеніяхъ, гдѣ водородъ замѣщается кислородомъ или на оборотъ, 8 частей кислорода замѣщаютъ одну часть водорода и наоборотъ. Точно также 8 частей кислорода или 1 водороду замѣщаются 16 частями сѣры.

Другой примѣръ. Въ 117 вѣсовыхъ частяхъ киновари заключается 101 часть ртути и 16 частей сѣры. Чтобы выгнать изъ этого соединенія ртуть, необходимо и неизмѣнно должно употребить 27 частей желѣза. Если возьмемъ желѣза меньше этого количества, то нѣкоторое количество киновари останется неразложеннымъ; если же взять больше, то бу-

доть остатокъ чистаго желѣза. Какъ въ 171 частяхъ киновари заключается 16 частей сѣры, то отъ внесенія 27 частей желѣза образуется 43 части сѣрнистаго желѣза, и отдѣляется 101 часть ртути. То же отношеніе между желѣзомъ и ртутью, которое мы видимъ въ соединеніи ихъ съ сѣрою, открывается во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ они взаимно замѣщаются. Такъ напримѣръ, въ соединеніи ртути съ моромъ, іодомъ, кислородомъ, если мы хотимъ замѣстить ртуть желѣзомъ, то всегда должны употребить на 101 часть ртути 27 частей желѣза. Повторяемъ однако же, что эти числа, 101 и 27, означаютъ только взаимное отношеніе ртути и желѣза въ различныхъ ихъ химическихъ соединеніяхъ; они показываютъ только, на сколько болѣе въ-су носить въ соединеніи одинъ атомъ ртути, чѣмъ одинъ атомъ желѣза.

Этому взаимному отношенію простыхъ тѣлъ совершенно соответствуетъ и отношеніе сложныхъ тѣлъ; не только въсовыя отношенія ихъ частей всегда постоянны, но и въсовыя отношенія ихъ частей. Кали, напримѣръ, состоитъ изъ одного атома калия, = 39, и одного атома кислорода = 8; слѣдовательно его атомный вѣсъ равенъ 47. Сѣрная кислота состоитъ изъ одного атома сѣры, = 16, и трехъ атомовъ кислорода, = 24 (3+8) и выражается числомъ 40. Поэтому и въ сѣрнокисломъ кали, кали и сѣрная кислота относятся другъ къ другу, какъ 47 къ 40.

Здѣсь слѣдуетъ поговорить о такъ называемыхъ *изомерическихкихъ* и *аморфическихкихъ* тѣлахъ. Первымъ выраженіемъ Берцелиусъ означилъ тѣ тела, которыя, при одинаковыхъ и въ одинаковыхъ пропорціяхъ употребленныхъ элементахъ, представляютъ однако же различныя химическія свойства. Это явленіе объясняется принятіемъ различной группировки атомовъ въ изомерическихкихъ тѣлахъ. Открытіе *аморфизма* принадлежитъ берлинскому профессору Мичерлиху. Изомерическими (одновидными) тѣлами называются тѣ тела, которыя замѣщаютъ одно другое въ подобныхъ соединеніяхъ безъ измѣненія формы кристалловъ. Такъ напримѣръ, въ квасцахъ (состоящихъ изъ сѣрой кислоты, кали, глинозема и воды), можно замѣстить сѣрную кислоту хромовою или селеновою кислотою, кали окисью амміака,

глиноземъ окисью желѣза, хрома или марганца, а форма кристалловъ квасцовъ останется все та же.

Перейдемъ къ органической химіи. Успѣхи, сдѣланные ею въ последнее время, дѣлаютъ ее самымъ блестящимъ приобретениемъ естествознанія; отъ нея должно ожидать результатовъ, которые будутъ имѣть сильное и многостороннее вліяніе на благо человечества. Здѣсь особенно ясно является важность новыхъ методовъ анализа и синтеза и точнаго исчисленія вса составныхъ частей въ химическихъ соединенияхъ.

Изъ шестидесяти элементовъ, то-есть, неразлагаемыхъ до сихъ поръ, около шестнадцати такихъ, которые болѣе или менѣе постоянно встрѣчаются въ органическихъ веществахъ, и четыре изъ нихъ особенно въ значительныхъ количествахъ: кислородъ, водородъ, азотъ и углеродъ. Остальные, къ которымъ принадлежатъ, напримѣръ, сера, фосфоръ, разныя земли, щелочи, желѣзо, находятся въ весьма ограниченныхъ количествахъ, но кажутся, однако же, не менѣе существенными.

Изслѣдованіе твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, переходящихъ въ живые существа, пищи, которую они принимаютъ, воздуха, который они вдыхаютъ, и которымъ органы ихъ поддерживаются и обновляются наконецъ тѣхъ частей пищи, которыя они опять отдѣляютъ отъ себя подъ различными видами, сдѣлала органическую химію самымъ прочнымъ основаніемъ физиологій. Отнынѣ только можно надѣяться, что медицина когда-нибудь станетъ на ряду съ самыми точными науками. Въ это же время химики обратили вниманіе и на растительное царство; сравнили явленія, раскрытыя анализомъ растений, съ составомъ атмосферы, почвы и тука, изъ которыхъ они извлекаютъ себѣ пищу. Съ-тѣхъ-поръ земледѣліе стало наукою, и человекъ расширилъ свое владычество надъ землею, отъ которой долженъ добывать свои средства пропитанія.

Вся вещества, употребляемая въ пищу, какаго бы рода они ни были, имѣютъ свое начало въ прозябаемомъ царствѣ. Изъ этого нѣкоторые естествоиспытатели заключили, что жизненный процессъ,

совершающійся въ растеніяхъ, обращаетъ минералы въ органическія кислоты; эти же достигаютъ еще высшаго развитія въ тѣлахъ животныхъ, которыхъ они служатъ пищею; но эта гипотеза, съ перваго взгляда довольно правдоподобная, совершенно опровержена изслѣдованіями Либиха, Мульдера и другихъ: Изъ нихъ извѣстнѣйшій открытій, столько что сахаристое и жирное вещества совершенно одни и тѣ же въ животныхъ какъ и въ растеніяхъ; но что даже три главнѣйшія элемента животныхъ существъ, фибрина, бѣлковина и казеинъ находятся и въ растеніяхъ, и съ тѣми же свойствами. Мульдеръ еще более обобщаетъ это важное открытіе. Онъ наивѣстъ, что эти три элемента суть только видоизмѣненія одного основнаго вещества и различаются между собою только различными содержаніемъ фосфора, при и некоторыми обменъ.

Этотъ предметъ ведетъ насъ къ другому, весьма близкому къ нему, именно къ важному ученію о «сложныхъ радикалахъ». Подъ этимъ названіемъ разумется классъ сложныхъ тѣлъ, имѣющихъ такія разнѣ особенности, что они въ своихъ соединеніяхъ дѣйствуютъ какъ простые тѣла. Некоторые изъ нихъ существуютъ самостоятельно, какъ напримѣръ *киамъ* или *синеродъ*, состоящій изъ соединенія двойнаго атома углероду и одного атома азоту; *какодиль*, отличающійся своимъ нестерпимымъ зловоніемъ, и состоящій изъ углероду, водороду и мышьяку. Многіе другіе радикалы существуютъ только кѣмъ, какъ напримѣръ *этиль*, радикалъ всѣхъ родовъ ээра. Ихъ можно изслѣдовать въ различныхъ его соединеніяхъ, но въ самостоятельномъ видѣ онъ донынѣ не являлся. Прибавивъ, что по новой химической фразеологій алкоголь долженъ называться гидратомъ киса этила, мы дадимъ понятіе о теоріи этихъ сложныхъ радикаловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ примѣръ терминологіи, необходимой для означенія ихъ химическихъ отношеній.

Органическая жизнь представляетъ слишкомъ обширное поприще, чтобы приводить примѣры, которые могли бы придать намъ образно больше живости и ясности. Мы охотно познакомятъ бы читателя съ некоторыми изъ тѣхъ родовъ соединеній; которые дѣлаются все болѣе и болѣе сложными, и между-тѣмъ развиваются съ необыкновенною быстротой и живостью. Мы встретили бы тутъ органиче-

скія вещества, которыя чрезвычайно различны между собою по свойствамъ, въ составъ же разнятся только незначительными ототупленіями въ количественныхъ отношеніяхъ частей. Такъ, напримеръ, химія представляетъ цѣлый рядъ водородо-углеродныхъ соединений, которыхъ первую степень составляетъ маслородный газъ, а последнюю сахаръ. Между ними находимъ муравейную кислоту, древесную кислоту, уксусную кислоту, алкоголь. При каждой изъ этихъ степеней соединеніе дѣлается сложнѣе; но при каждой оно остается такъ вѣрно закону опредѣленныхъ пропорцій, что химикъ, дѣлающій опытъ надъ этими веществами, можетъ заранее опредѣлить, сколько атомовъ надлежитъ прибавить или убавить, чтобы превратить данную степень въ слѣдующую. Съ вѣроятностью можно предположить, что маслородный газъ, какъ простѣйшій и самый постоянный членъ, во всемъ этомъ рядѣ соединеній является сложнымъ радикаломъ; всѣ же другія степени соединенія суть только различныя степени его окисленія.

Другое, не менѣе замѣчательное явленіе въ органической жизни представляютъ измѣненія, совершающіяся въ свойствахъ тѣхъ даже отъ самаго незначительнаго измѣненія въ количествѣ или даже образѣ сочетанія ихъ элементовъ. Мы представили уже тому нѣсколько примѣровъ; но самыя разительныя встрѣчаются въ наблюденіи вліянія органическихъ агентовъ на животную жизнь. Стоитъ только отнять отъ соединенія или прибавить къ нему одинъ атомъ, чтобы изъ полезнаго вещества сдѣлать вредное, изъ питательнаго — разрушительное, и наоборотъ; такъ тѣсна связь между химическими процессами внѣшняго міра и проявленіями жизни. Каждая ткань, каждая жидкость въ животномъ тѣлѣ имѣетъ свой особый составъ и свое особое химическое назначеніе; каждая органическая функція есть источникъ или результатъ химическаго измѣненія. Воздухъ, который мы вдыхаемъ, едва достигнетъ легкихъ, какъ уже въ нихъ совершается химическій процессъ, венозная кровь обращается въ артеріальную, необходимую для поддержанія животной жизни. Едва пища входитъ въ желудокъ, тотчасъ начинаются другія химическія дѣйствія; часть ея обращается въ кровь; части же, которыя не могутъ быть ассимилированы тѣлу, устраняются въ разныхъ видахъ. Все

ты явленія совершаются подъ вліаніемъ жизненнаго начала, которое гнѣтѣ нельзя опредѣлять, но можно изучать въ его проявленіяхъ. Вероятно, когда это начало дѣйствуетъ неправильно, помннутые процессы также отступаютъ отъ правильнаго хода, и рождается болѣзнь. Новыя физиологическія и патологическія изслѣдованія даютъ право думать, что многія болѣзни происходятъ изъ химической порчи крови, происходящей частью отъ вредныхъ веществъ, порожденныхъ самою кровью, частью отъ ядовитыхъ веществъ, проникшихъ въ нее и распространяющихся въ ней процессомъ, похожимъ на броженіе.

Въ заключеніе нашего нестройнаго обозрѣнія приведемъ нѣсколько замѣчаній о броженіи и гнѣніи. Это также химическія явленія, которыми подвержены органическія вещества, особенно содержащія въ себѣ азотъ. Изъ нихъ возникаютъ новыя вещества, поддерживающія жизнь органическихъ существъ, и содѣйствующія непрерывному воспроизведенію растительныхъ и животныхъ поколѣній. Атмосфера доставляетъ растеніямъ, а чрезъ нихъ животнымъ, углеродную кислоту, амміакъ и воду, и снова извлекаетъ эти три вещества изъ броженія, гнѣнія и разрушенія органическихъ веществъ. Либихъ и Берцеліусъ изслѣдовали, со свойственною имъ проницательностью, этотъ непрерывный кругъ разрушенія и возрожденія, и Либихова теорія броженія принята всеми учеными. Она основывается на томъ, что когда самыя малыя частицы какого-либо тѣла приходятъ въ движеніе, одного прикосновенія достаточно, чтобы сообщить это движеніе частицъ другому тѣлу. При этомъ прикасающееся тѣло можетъ быть безконечно мало, и нѣтъ никакой необходимости, чтобы оно передавало другому что-либо изъ своихъ составныхъ частей. Важность этой теоріи очевидна, когда подумаемъ, что она не только предлагается къ явленіямъ броженія, которыя мы видимъ ежедневно, но и объясняетъ дѣйствіе ядовъ и другіе источники болѣзней.

Остается намъ еще бросить одинъ взглядъ на самое замѣчательное явленіе органической химіи, именно на воспроизведеніе органическихъ веществъ, не только подобныхъ натуральнымъ, но совершенно тождественныхъ съ ними. Такихъ веществъ наберется около двадцати. Сюда принадлежатъ: мочевины опаловая, росолодонная, муравейная, молочная и янтарная кислоты, и прочая. Недостаетъ однако же въ

число ихъ органическихъ тканей, и ихъ частей; бальзамы; студени-
стые вещества, смолы. Должно также замѣтить, что эти искусствен-
ныя воспроизведенія слѣдуютъ не изъ простѣйшихъ ихъ элементовъ,
какъ производитъ ихъ природа, а изъ многосложныхъ разложимыхъ
сложныхъ телъ.

Однимъ словомъ, органическая химія въ новѣйшее время дошла,
повидимому, почти до предѣла, который долженъ остановить все
дальнѣйшіе ея успѣхи. Однако же чудеса, которыя открыли намъ ас-
tronomія, изученіе электричества, свѣта и другихъ явленій, не позво-
ляютъ намъ слишкомъ торопиться въ назначеніи ей конечной грани-
цы, за которую наука уже не можетъ переступить.

ЯКОВЪ БОРИСОВИЧЪ КНЯЖНИНЪ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

I.

Говорятъ, что истинныя произведенія искусства никогда не старѣютъ: они всегда юны, всегда прекрасны, какъ весна, и всегда даютъ намъ новыя наслажденья; ихъ красоты чисто безусловны, независимы ни отъ вѣка, ни отъ прихоти современности. Мы смотримъ на прекрасную картину, на статую, любимся ими, наслаждаемся, и не всегда вспоминаемъ тотъ вѣкъ, который произвелъ ихъ; часто мы и не знаемъ его, а картина или статуя имѣетъ для насъ свою прелесть, свой интересъ, потому что ихъ красоты безусловно принадлежатъ всемъ вѣкамъ и вкусамъ. Точно такъ же мы можемъ наслаждаться и поэтическимъ произведеніемъ, незнакомые съ вѣкомъ творца его. Гомеръ, Данте, Тассъ, Шекспиръ всегда будутъ восхищать насъ и ни одно поколѣнье не скажетъ, что они состарѣлись. Захотимъ ли мы познакомиться съ вѣкомъ поэта, къ его же произведенью опять обращаемся мы, такъ какъ прежде обращались только для одного наслажденья, и здѣсь оно представляетъ намъ новый интересъ, новыя красоты. Таковы истинныя произведенья искусства: они точно не старѣютъ.

Но есть еще и другія творенья, которыя, подобно человеку, подвержены старости и часто забвенью, и они имѣютъ для насъ свѣтъ

интересъ, только этотъ интересъ болѣе частный, спеціальнѣй: мы обращаемся къ нимъ не съ тѣмъ, чтобъ наслаждаться, а только чтобъ изучить изъ нихъ вѣкъ или народъ, среди котораго они созданы — въ этомъ случаѣ они имѣютъ свою значительную важность. Таковы всѣ произведенья нашихъ писателей осемнадцатаго вѣка, развѣ только исключитъ одного Державина. Станемъ ли мы разсматривать ихъ съ той точки, съ какой обыкновенно смотримъ на истинныя произведенья искусства, къ какому бы вѣку не принадлежали они? нѣтъ; они нисколько не удовлетворяютъ нашимъ требованьямъ; въ нихъ общія красоты не возвышаются надъ современными воззрѣнiami, надъ требованіемъ современно-условнаго вкуса, а вполне уступаютъ имъ все свое право и мѣсто. Расположимся читать эпопеи Хераскова, трагедіи Сумарокова или Княжнина, такъ, какъ читаемъ Тасса или Шекспира; послѣ нѣсколькихъ сценъ мы начнемъ зѣвать, скучать, и наконецъ закроемъ книгу. А между-тѣмъ намъ извѣстно, что современники Сумарокова и Хераскова восхищались своими поэтами, сочувствовали имъ; вотъ эта-то связь между писателемъ и современниками-читателями и важна для насъ. Мы уже не можемъ пренебрегать такими писателями, потому что не можемъ пренебрегать обществомъ нашихъ дѣдовъ, которое принадлежитъ исторіи. Какъ скоро общество сочувствовало своему поэту, онъ уже имѣетъ полное право требовать отъ насъ всего нашего вниманья, имѣетъ полное право занять мѣсто въ исторіи литературы. И какъ иначе разгадаемъ мы жизнь той или другой эпохи, если не изъ современнаго ей писателя? Мы сочувствуемъ тѣмъ же другимъ идеямъ, значитъ, мы живемъ или хотимъ жить ими, и вотъ объясняется наша жизнь и наше стремленіе.

Слѣдственно такіе писатели важны намъ не сами по себѣ, не какъ жрецы искусства, а важны потому, что намъ дорога жизнь нашихъ дѣдовъ, какъ наша исторія.

Вотъ, съ этой-то точки мы должны смотрѣть на нашихъ поэтовъ и писателей осемнадцатаго вѣка.

«Но стоитъ ли какого вниманья литература чисто-подражательная, можетъ-быть, скажутъ нѣкоторые: что изъ нея узнаемъ мы? а такова была наша литература.» Мы нисколько не отрицаемъ ея подражательности, но развѣ самое наше общество не отличалось той же самой подражательностью? Слѣдственно литература отчасти достигала своей цѣли; она хотя не вполне, но выразила характеръ общества.

Князь Вяземскій въ своемъ сочиненіи «Фольк-Висенъ» хочетъ утвердить свою мысль, «что между литературою нацією и нацией обществомъ не было ничего взаимнаго.» Едва ли это такъ; у насъ есть писатели, которые покажутъ намъ совершенно другое. Не говоримъ уже объ одахъ Ломоносова, Державина и другихъ, которые, по словамъ князя Вяземскаго, «заинтересовали воистинну, оковывали вниманіе слушателей, но подобно сладкозвучному Ромбергу или меланхолическому смычку Паганини, звуки замолкли, раздраженные нервы утихли, и между нами и другими уже нѣтъ никакого нравственнаго соответствія.» Не говоримъ объ этихъ поетахъ, хотя они и предметы своихъ произведеній и свой восторгъ заимствовали изъ того же общества, которое внимало и сочувствовало имъ, чего мы не можемъ сказать о Паганини. Но возьмемъ журналы: «Живописецъ», «Собесѣдникъ», и другіе болѣе извѣстные и замѣчательные въ то время; пересмотримъ ихъ, перечитаемъ множество писемъ частныхъ людей, и мы несомненно будемъ поражены тѣмъ сочувствіемъ, съ какимъ встречали и читали эти литературные журналы, а въ нихъ нѣтъ ничего Паганини-скаго; очень простые и преимущественно сатирическія статьи на современную нраву. Писатели (имена многихъ изъ нихъ неизвѣстны или забыты) брали свои мысли, свои картины изъ общества, которому хотѣли давать читать ихъ, и оно, читая, выказывало свое сочувствіе. Развѣ тутъ нѣтъ никакой взаимности? Вспомнимъ еще, что упомянутые нами журналы въ короткое время имели несколько изданій, что общество удовлетворялось ими. Новиковъ, взявшійся издавать «Московскія Ведомости», съ званіемъ дѣла и помѣщая въ нихъ литературныя статьи, довелъ ихъ до 4,000 подписчиковъ. Но узнаемъ же только одинъ процессъ чтенія занималъ такое число читателей? Трудно согласиться на это. Мы охотно огласимся и даже подтвердимъ, что между нашей литературою и обществомъ не было и нѣтъ того соответствія, какое во Франціи, Англіи, Германіи, что наша литература была бѣдна; но она была бѣдна потому, что едва могла считать свое существованіе годами, не говорю уже десятками лѣтъ; она бѣдна и теперь, а все же отъ не недостатка взаимности между ней и обществомъ. Утверждать, что совершенно нѣтъ этой взаимности — значитъ идти противъ фактовъ. Князь Вяземскій, въ доказательство своей мысли беретъ тотъ фактъ, что сношенія, завязавшіяся между Россією и представителями евро-

какого пресвященнаго, не были начаты и продолжались равными съ обѣихъ сторонъ договаривающимися лицами: съ одной стороны идишь литераторовъ, съ другой Дворъ и вельможъ. Представители нашей литературы, продолжаетъ онъ, не были участниками въ дѣлѣ, которое, казалось, могло-быть ближе къ нимъ, нежели къ тѣмъ, которые дѣйствовали. Литература и литераторы наши оставались въ сторонѣ.» Не знаю, можетъ ли этотъ фактъ служить доказательствомъ того, что между *нашей* литературой и *нашимъ* обществомъ не было *ничего* взаимнаго. Онъ доказываетъ только то, что наша литература, хотя и была покровительствуема Дворомъ, но не существовала для него. Дворъ имѣлъ свою литературу, литературу французскую. Писатели его были писатели французскіе; вотъ отъ чего онъ вступаетъ въ договоръ съ ними, вотъ отъ чего не равенъ этотъ договоръ. Наши писатели остались въ сторонѣ, за тѣмъ, что они писали не для Двора, а преимущественно для класса чиновнаго, нѣсколько образованнаго, и не принадлежавшаго ко Двору; они писали преимущественно для той массы, которая уже начинала образовывать изъ себя, такъ называемый, средній классъ общества. Они составляли собой особый кругъ, смявъ съ одной стороны подражать произведеніямъ французскихъ писателей, съ другой дѣйствовать на свое общество. Въ этомъ отношеніи и въ самой подражательности ихъ заключаются нѣкоторыя отбѣжки оригинальности. Въ то время не столько идеѣ, сколько вънѣшній формы переходили въ нашу литературу съ запада. Въ послѣдствіи, въ началѣ настоящаго столѣтія, когда, утвердивъ форму, мы стали сближаться, стали короче знакомиться съ западными идеями, литература наша потеряла, кажется, и эту маленькую оригинальность, но это былъ законъ необходимости, черезъ него уже потомъ и литература приняла нѣкоторыя черты народности.

«Русскій народъ, говоритъ князь Вяземскій, сильнѣе, плечистѣе, громогласнѣе своей литературы. Въ сравненіи съ нимъ она нѣсколько щедушна. Мѣсто, занимаемое имъ въ литературномъ мірѣ, не соответствуетъ тому, коимъ завладѣлъ онъ въ мірѣ политическомъ.» Это фактъ, нельзя не согласиться съ нимъ, но и онъ имѣетъ свой законъ необходимости. Литература только тогда можетъ выражать свой народъ, когда образованное общество, которое рождаетъ ее, будетъ заключать въ себѣ всѣ черты народности, иначе эта литература выразитъ общество, а нисколько не народъ. Наше общество жило *жизнью*

подражательной, чуждой всякой народности, оттого и наша литература не могла выразить народа, придти въ равновѣсіе съ его силами, а напротивъ всегда пребывала гораздо щедумнѣе его. Давно-ль и европейскія литературы сдѣлались изъ литературъ общества литературами народа? много ли десятковъ лѣтъ считаютъ онѣ? какъ же отъ насъ требовать равенства съ ними? Среди нашихъ писателей осмнадцатаго вѣка не станемъ искать ни народныхъ, ни чисто-оригинальныхъ, хотя уже Державинъ и отчасти Фонъ-Визинъ стоятъ въ границѣ послѣднихъ, но обратимъ вниманье на самую подражательность, и въ ней мы найдемъ уже многое. Посмотримъ, хотѣли-ль самые писатели быть оригинальными, хотѣли-ль и современники-читатели ихъ видѣть у себя оригинальныхъ писателей. Нѣтъ, ни то ни другое. Писатели силились сравниться съ Расиномъ, Корнелемъ, Тасою и другими, употребляя для того ихъ же собственные средства и орудія; читатели тоже хотѣли видѣть у себя Расиновъ, Корнелей, Мольеровъ, Пиндаровъ, Гомеровъ и другихъ знаменитостей всѣхъ вѣковъ; какъ ребенокъ силится подражать старшимъ, такъ и мы тогда силились на подобное же подражаніе въ своей жизни. Напудривъ свои головы по-французски, надѣвъ блестящіе французскіе кафтаны, мы необходимо должны были искать того же блеска и во всемъ, что хотя вѣскольکو соприкасалось съ нами, или что занимало насъ. Слово у насъ возродилось *вкусъ*, но вкусъ свой, особенный, возбужденный французскими пряностями. Конечно, онъ былъ временной, весьма условный, но вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется, и необходимый для того времени, если мы возьмемъ въ разсужденіе ту новую жизнь, которая тогда возникла у насъ. Мы не хотѣли, чтобъ нашъ Ломоносовъ былъ Ломоносовымъ, Сумароковъ — просто Сумароковымъ и прочая, нѣтъ, мы искали имъ другія имена въ литературахъ французской, древне-греческой, латинской; и вотъ у насъ явилась живая портретная галлерей почти всѣхъ знаменитыхъ поэтовъ Франціи, Греціи, Рима; только жаль, что ни одинъ изъ этихъ портретовъ не былъ похожъ на свой оригиналъ. Они точно были сняты въ отсутствіе оригинала, по словесному описанію посторонняго лица. Но этого не замѣчали зрители; они съ увлеченіемъ смотрѣли на нихъ; сердца ихъ трепетали отъ радости при видѣ своихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Расиновъ.

Такъ Сумароковъ восторженно восклицаетъ по смерти Ломоносова:

«Съ нашихъ старыхъ Малербъ, онь Пшадару подобаетъ»,

хотя при жизни его былъ постоянный дѣятельный его противникъ. Въ 1772 году, Новиковъ издалъ свой «Словарь о российскихъ писателяхъ», небольшую книжечку, гдѣ заключаются краткіи біографическія и литературныя свѣдѣнія о нашихъ писателяхъ. Тамъ мы найдемъ не мало именъ французскихъ и другихъ литературныхъ знаменитостей. А вспомнимъ, много ли писателей, достойныхъ вниманія, было у насъ въ-самомъ-дѣль до 1772 года. Кантемиръ, Тредьяковский, Ломоносовъ, Сумароковъ — и только. Прочіе, какъ напримѣръ Херасковъ, Княжичинъ, Фонъ-Визинъ, только что начинали свое литературное поприще. Между-тѣмъ мы находимъ въ этомъ «Словарѣ» стихи, по которымъ наша литература почти была равна греческой и французской, и имѣла всѣ ихъ знаменитости. Сообщаемъ читателю часть изъ этихъ стиховъ, забавныхъ по своей наивности:

«Представленъ свѣту здѣсь мужей разумныхъ родъ,
Которы принесли Россіи вѣчный плодъ;
Не множествомъ вѣковъ, но со временъ Петровыхъ
Россія зреть въ себѣ писателей сихъ новыхъ.
О чудо естества! гдѣ есть сему примѣръ?
Уже въ толь притки дни въ ней Пшадаръ и Гошербъ.
Читая одного увидишь Цицерона,
Въ другомъ Овидіа, въ иномъ Анакреона;
Тотъ воображеніемъ вознесся какъ Мильтонъ,
А тотъ прославился ученіемъ, какъ Платонъ.
Въ одномъ обращеніи ты важность всю Маррона,
Въ другомъ пріятность всю забавнаго Скарона,
У коего въ стихахъ рѣзвился самъ Ероть,
Давъ слову важному шуточный обороть.
Иной, какъ Боалло тамъ видится въ сатирѣ,
Иной какъ самъ Малзербъ гласеть на звонкой лирѣ.
Тамъ сѣверный Расинъ*, писателей примѣръ,
Въ которомъ видны намъ и Кино и Мольербъ;
Сей первый намъ отверзъ въ театрѣ российский двери,
Въ еклогахъ гласъ его, гласъ нѣжныя свирѣли;
Во притчахъ онь своихъ намъ зрится какъ Фонменъ,
Или еще предъ нимъ въ семъ словъ предположенъ.
Здѣсь узришь прозово писателей отъившихъ,
Извлечшихъ лѣтопись свою изъ хлябей темныхъ,

* Сумароковъ.

Въ которыхъ крылася она погребена,
 Чрезъ конхъ вѣдоны намъ древни времена.
 Тамъ хочешь чужествовать любви влатья узы,
 Стараея слышать слово Россійской * *Дель-Сюевъ*,
 Въ которой овна пріятность вся видна.
Въ Россіи Сафо есть и Сафо не одна.
 Хотя Россія ты отъ солнца удаленна,
 Но солнечнымъ лучемъ ты также озаренна,
 Какъ самый къ оному въ Европѣ близкій край.
 Неправо нять, что быть въ тебѣ не можетъ Рай.
 Ты такъ какъ прочія страны любовью таешь,
 И тѣхъ же ты въ себѣ любимцевъ музъ питаешь,
 Которые огнемъ божественнымъ горятъ.
И се Россія твой прекрасный Вертеррадъ!
Востерый ты всегда донынѣ орошала;
 Потребно чтобъ ты двесь плоды его вкушала,
 И услакоилась за ея твои труды.
Писатели твои суть красные плоды.»

Таково было увлеченіе, и оно очень понятно. Сдѣлавъ значительныя завоєванія въ политическомъ мірѣ Европы, мы хотѣли сравниться съ ней и въ мірѣ наукъ и искусствъ. При всемъ томъ мы по всей справедливости должны воздать честь и славу нашимъ писателямъ осемнадцатаго вѣка. Труды ихъ, какъ кажется, были безкорыстны и благородны. Съ одной стороны они хотѣли обогатить нашу только что возникшую литературу произведеніями, подобными тѣмъ, какими славилась западъ; съ другой же хотѣли показать своимъ соотечественникамъ собственныя ихъ пороки и недостатки, искоренить ихъ, и вмѣсто того внушить своимъ согражданамъ сознаніе истиннаго человеческого достоинства, и тѣмъ облагородить ихъ общество. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только посмотреть безпристрастно на каждаго болѣе известнаго писателя: съ одной стороны мы увидимъ трагедіи, злопен, съ другой комедіи, сатиры, нравственныя сочиненія. Мы не беремъ въ расчетъ лирическихъ пѣснопѣній, которыя выражали преимущественно одинъ восторгъ предъ громомъ русскихъ побѣдъ и предъ мудростью Русской Царницы.

Среди безкорыстныхъ дѣятелей и корифеевъ нашего литературнаго осемнадцатаго вѣка, Княжнинъ безспорно занимаетъ одно изъ главныхъ

* Елисавета Васильевна Хераскова, супруга творца «Россіады».

и почетныхъ мѣсть. Разсмотрѣвъ его сочиненія, мы увидимъ въ нихъ многіе отгѣнки, которые набросило на нихъ общество, современное нашему писателю, чрезъ что необходимо познакомимся мы и со многими чертами жизни того же общества. Конечно, мы не беремъ на себя труда представить во всей полнотѣ жизнь его современниковъ, вывести всѣ идеи, которыя развивались у нихъ, всѣ ихъ стремленія и прочее, это уже принадлежитъ исторіи литературы, которая будетъ имѣть дѣло не съ однимъ, а со всеми современными писателями.

Очень жаль, что мы весьма небогаты матерьялами для біографіи бѣльшей части нашихъ писателей. Они сами и современники ихъ оставили намъ весьма мало свѣденій, да и тѣ отрывочны, разбитыя по разнымъ частямъ, такъ что не мало труда стоитъ собрать ихъ. Впрочемъ по преданью извѣстно, что некоторыя важныя лица того времени вели записки, и, какъ должно полагать, весьма любопытныя, но къ сожалѣнію онѣ еще не изданы въ свѣтъ, и вѣроятно гдѣ-нибудь хранятся въ рукописяхъ. При всѣхъ этихъ недостаткахъ, мы не можемъ обещать читателю обширной біографіи Княжнина, тѣмъ болѣе, что у насъ даже въ рукахъ его частныхъ писемъ, которыя, конечно, должны служить большимъ пособіемъ для біографа. Предоставляемъ другимъ воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что намъ неизвѣстно, а между-тѣмъ и сами не станемъ отказываться отъ труда, пользуясь извѣстныя.

Отецъ нашего писателя, дѣйствительный статскій совѣтникъ Борисъ Ивановичъ Княжнинъ проживалъ въ Псковѣ. По службѣ своей онъ принадлежалъ ко временамъ Екатерины-Первой, Петра-Второго, Анны Іоанновны; следственно ко времени какой-то борьбы между старымъ и новымъ, русскимъ и нѣмецкимъ. Какія имѣлъ онъ убѣжденія, какой взглядъ на жизнь, мы рѣшительно ничего не знаемъ; но можемъ даже сказать, кто была его супруга.

Сынъ его, Яковъ Борисовичъ, родился 3 октября 1742 года, и первыя пятнадцать лѣтъ жизни, провелъ въ отцовскомъ домѣ. Подробности его домашняго воспитанія намъ тоже неизвѣстны. Какой-то безымянный біографъ Княжнина говоритъ, что самъ Борисъ Ивановичъ воспитывалъ сына въ правилахъ строгой нравственности; но эти слова слишкомъ общи и неудовлетворительны. Мы же можемъ сказать, кажется, утвердительно, что будущій русскій писатель не

былъ отданъ на руки ни Французу, ни Нѣмцу, которые тогда такъ искусно, а можетъ-быть и бессознательно умѣли искоренять въ своихъ питомцахъ всякое уваженіе ко всему отечественному. По-крайней-мѣрѣ вліяніе подобнаго иноземнаго образованія не выказывается во всей жизни Княжнина. Вѣроятноже, что какой-нибудь приходскій дьячекъ или пономарь первый взялъ на себя трудъ умственнаго его развитія, и за нѣсколько рублей въ годъ научилъ его читать, писать, прочелъ съ нимъ Псалтырь, Апостольскія Дѣянія и другія церковныя книги: такое первоначальное воспитаніе было очень обыкновенно и даже обще въ то время.

Впрочемъ самъ Княжнинъ оставилъ намъ нѣсколько строкъ о томъ, какъ онъ проводилъ свое дѣтство на берегахъ рѣки Великой:

Бывало съ милою Авророй
 Встрѣчалъ я первый Фебовъ вѣздъ
 И въ мысли восхищенной, скорой
 Сіялъ какъ искра въ кучи звѣздъ.
 Бывало, разныхъ птичекъ пѣнье
 И громкій голосъ соловья,
 Шумъ водопадовъ, ихъ стремленье
 Внималъ съ живѣйшимъ чувствомъ я.
 Бывало, пляски, хороводы,
 Веселыхъ, добрыхъ и поселянъ —
 Гдѣ безъ искусства видъ природы
 Для блага общаго имъ данъ —
 Меня въ младенчествѣ питали!
 Я съ ними радости дѣлалъ,
 Рѣзвились, пѣли и играли,
 Кто прожилъ такъ, тотъ прямо жилъ.

Вѣроятно, такое первоначальное развитіе, тѣсно связанное съ природой, возродило въ душѣ Княжнина то мечтательное чувство, которое не оставляло его во всю жизнь.

Отчего отецъ Княжнина, по современному дворянскому обычаю, не записалъ сына ни въ какой полкъ еще ребенкомъ? Что заставило его безъ пользы держать мальчика у себя дома до пятнадцати лѣтъ? Вѣроятно, онъ имѣлъ на то свои причины. Но, какъ кажется, онъ не былъ похожъ на *Простаковыхъ* — родителей *недоросля Митрофанушки*, которые не хотѣли обременять свое дѣтище ни службой, какъ дѣломъ изнурительнымъ, ни наукой, какъ занятіемъ *безполез-*

Лавинъ, а можетъ-быть и *среднѣмъ*, по мнѣнію *того* *авт.* Много было у насъ такихъ Простаковыхъ, но на нихъ не былъ похожъ Борисъ Ивановичъ Княжнинъ — и это доказывается тѣмъ, что въ 1757 году онъ привезъ сына въ Петербургъ для воспитанія.

Здѣсь молодой Княжнинъ былъ отданъ на руки профессору академіи наукъ Модераху, и съ этихъ поръ начинается истинное его образованіе.

Въ пансіонѣ у Лави онъ обучался новѣйшимъ языкамъ: французскому, немецкому и итальянскому, читалъ Расина, Галлера, Метастазія и другихъ извѣстныхъ поэтовъ, что вѣроятно много служило къ развитію его нѣжнаго чувства и дарованія. Науки: географія, исторія, математика развивали и обогащали свѣдѣніями умъ его. Около этого времени Ломоносовъ издалъ свою реторику, и вѣроятно по ней учился Княжнинъ правиламъ словесности, а можетъ-быть слышалъ и самого Ломоносова, который нѣкоторое время былъ учителемъ при академическомъ училищѣ. По-крайней-мѣрѣ языкъ Княжнина, какъ видно, образовался отъ изученія языка ломоносовскаго.

При такихъ занятіяхъ вспыхнулъ въ юномъ ученикѣ поэтический даръ. Первые стихи его были написаны на школьной скамейкѣ. «Онъ писалъ многія изрядныя мелкія стихотворенія, говоритъ преосвященный Евгений, авторъ «Словаря русскихъ писателей»: заслуживъ ими похвалу, онъ почувствовалъ въ себѣ къ сему упражненію сильную склонность, которой не могла ограничить въ немъ ни служба, ни частая перемѣна въ ней.»

Между прочимъ онъ написалъ какую-то оду къ Икарну. «Первое сіе произведеніе, говоритъ одинъ безъименный его биографъ*, столь же было юно какъ и лѣта его, но при всемъ томъ нѣныя строфы въ этой же самой одѣ начертаны были перомъ необыкновеннымъ.» Не знаемъ, напечатана ли эта ода; намъ, по-крайней-мѣрѣ, нигдѣ не случилось встрѣтить ее.

Въ 1764 году, черезъ два года послѣ возшествія на русскій престолъ Екатерины-Второй, кончилъ Княжнинъ свое ученіе, и съ этихъ поръ для него начинается новая эпоха. Онъ вступаетъ на служебное

* Въ краткой биографіи Княжнина при его сочиненіяхъ, изданныхъ въ 1817 году.

и литературное творчество, и продолжать его до самой смерти. Въ этомъ отношеніи онъ все принадлежитъ вку Екатерины-Великой.

II.

Молодой Княжину вступилъ въ свѣтъ съ пылкой надеждой пользоваться всеми его благами: образованный, прекрасный собой, много обаяній могъ онъ ожидать отъ общества; да и оно не могло не замѣтить его. Знакомый съ лучшими произведеніями искусства Италіи, Франціи, Германіи, съ истинной любовью къ своему отечественному *марсалу*, онъ имѣлъ силы идти путемъ Сумарокова и обратить на себя вниманіе образованныхъ людей. Съ другой стороны вынужденность въ обращеніи, ловкость въ танцахъ, еще болѣе могли ему блеснуть въ обществѣ. «Сама Терпсихора, говорить въ своихъ занискахъ С. Н. Глинка, учила его тому, что теперь называють граціозностью. А въ этой граціозности онъ не уступалъ въ стройныхъ танцахъ славному Пикю, корнесю театральныхъ балетовъ въ царствованіе Екатерины.»

Княжину отличался необыкновенной скромностью, и какой-то тихой мечтательностью, что было, кажется, уже врожденнымъ въ его характерѣ. Вотъ отчего онъ увлекался то Галлеромъ, пивцомъ альпійскихъ горъ, то Геснеромъ, Теоокритомъ Швейцарин, и они-то въ послѣдствіи отразились во многихъ его стихотвореніяхъ. Воображенію Княжинна, по словамъ того же Глинки, любило витать по облачнымъ вершинамъ альпійскимъ и романтическимъ долинамъ.

Слѣдствіемъ такого направленія характера нашего поэта была нежная чувствительность его души: она-то волновала его кровь и воспаляла его предъ всеми, что оскорбляло человеческое достоинство.

Самъ Княжину говорить :

Чувствительность! о даръ божественъ!
Ты насъ прятѣи ведешь къ концу;
И крыль твоихъ полеть торжественъ
Возносить сердце ко Творцу.

Вотъ главные черты характера Княжинна. Мы несколько не замѣчаемъ въ немъ ни безпокойнаго, неуживчиваго нрава, ни нестерпимаго самоправія, да и современники его отзываются о немъ съ самой про-

красной стороны; а между-темъ видимъ, что кантъ поэтъ беспрестанно перемѣняетъ мѣста своей службы. Не знаемъ, что было тому причиной, вѣроятно свойственное всемъ стремленіе — искать лучшаго. Сначала Княжнинъ избралъ дипломатическое поприще и опредѣлился юнкеромъ въ иностранную коллегію; здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе начальства основательнымъ знаніемъ языковъ — французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго, и былъ произведенъ въ переводчики. Вдругъ онъ оставляетъ эту службу, и переходитъ въ канцелярію «о строеніи домовъ и садовъ»; но и здѣсь онъ былъ не долго. Другой родъ службы привлекалъ его. Беспреданныя счастливныя войны Россіи сдѣлали тогда военную службу особенно почетной; военный человекъ игралъ въ обществѣ роль несравненно бѣльшую, чѣмъ статскій; все высшее дворянство, все образованные молодые люди, избирали преимущественно службу военную, мечтая о ратныхъ подвигахъ и блестящихъ лаврахъ. Вѣроятно и Княжнинъ въ своихъ мечтахъ рвался на это поприще. Мы не знаемъ, какимъ образомъ онъ нашелъ протекцію фельдмаршала графа Киряла Григорьевича Разумовскаго, въ свѣдѣніе ли прежнихъ связей своего отца, или въ свѣдѣніе своихъ личныхъ качествъ; какъ бы то ни было, только графъ доставилъ ему случай перейти въ военную службу. Княжнинъ получилъ чинъ капитана, и назначенъ адъютантомъ при дежурныхъ генералахъ. Теперь-то открылась поэту вполне блестящая жизнь, и онъ съ юношеской пылкой страстью предался ей. Почетная служба, общество, балы, маскаралы, все увлекало его. Но при этомъ онъ не бросилъ своихъ поэтическихъ занятій; онъ читалъ и изучалъ тѣхъ и другихъ писателей, и сознательно готовилъ себя на литературное поприще.

Въ своемъ стихотвореніи: «Воспоминаніе старика», онъ говоритъ самъ, какъ проводилъ это время своей блестящей юности:

Бывало, не смотря на стужу,
 На мрачность всѣхъ осеннихъ дней,
 Весельемъ грусть обзоружу,
 Не потерявъ весны своей.

Въ спокойномъ тихомъ кабинетѣ,
 Межъ грацій, межъ пріятныхъ музъ,
 Забывъ какъ мучатся въ сѣнь свѣтъ,
 Таскаютъ всѣхъ печалей грузъ,

Безпечно въ книгахъ зарывался,
Я съ пылкимъ чувствомъ зрѣлъ красы,
Поэмой нѣжною плѣнялся,
Я ей лишь посвящалъ часы.

Или въ исторіи древнихъ вѣковъ
Летѣлъ къ протекшимъ временамъ,
Зрѣлъ Римлянъ, Египтянъ и Грековъ,
Какъ будто съ ними жилъ я тамъ.

Потомъ пушусь гулять по свѣту
За книгой обтеку весь міръ;
Или въ романахъ безъ предмета
Влюблялся въ тысячу Платинръ.

Съ живымъ воображеніемъ — вольнымъ,
Бывало, какъ орелъ парилъ,
И будучи собой довольнымъ
Въ себѣ все благо находилъ.

Какое прекрасное занятіе въ тишинѣ кабинета! прямо поэтическое занятіе! Замѣтимъ, что тогда весьма не многіе занимались такъ, особенно при подобномъ счастливомъ положеніи въ свѣтъ, въ какомъ былъ нашъ поэтъ. Далѣе онъ говоритъ:

Когда жъ мое уединенье
Возметъ улымый, мрачный видъ:
Остава кабинетъ и чтенье
И зданье древнихъ пирамидъ —

Скачу на балъ богатый, пышный,
Гдѣ нектаръ изъ сосудовъ бьетъ,
И гдѣ утѣренность гость лишній,
Гдѣ роскошь царствуетъ, живетъ.

Тамъ съ нимфами въ кругу рѣзвился,
Себя Парисомъ воображалъ;
И всѣмъ до одной прельстяся
Мое всѣмъ сердце отдавалъ....

Въ это время Княжнинъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Федоромъ Григорьевичемъ Каринымъ, который подобно ему былъ пламеннымъ любителемъ искусствъ и словесности. Каринъ* перевелъ книгу съ

* Еще будучи студентомъ московскаго университета, Каринъ перевелъ съ итальянскаго языка комическую драму «Графъ Кира-мелли» (1759 г.)

французскаго языка: «Разсужденіе о добродѣтеляхъ и извѣраженіяхъ, служащее послѣдованіемъ разсужденію о преступленіяхъ и наказаніяхъ». Одинъ выборъ книги для перевода явно показываетъ въ немъ чловѣка дѣльнаго, радующаго объ общей пользѣ; и можно сказать утвердительно, что онъ переводилъ не по заказу книгопродавцевъ, какъ дѣлали въ то время весьма многіе и даже самъ Князьнинъ: Каринъ владелъ огромнымъ имѣніемъ, и слѣдственно не имѣлъ нужды въ книгопродавческихъ заказахъ. Онъ жилъ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, и жилъ пышно, роскошно, разгульно. Вотъ что говоритъ о немъ С. Н. Глинка въ своихъ запискахъ: «Я познакомился съ Кариннымъ уже въ то время, когда отъ семи тысячъ душъ у него оставалось только три тысячи, когда за роскошный разгулъ молодости, въ старости платилъ онъ тяжелую дань докучливой подагры. Въ цвѣтущіе годы жизни своей онъ не уступалъ въ пышности сатрапамъ древней Персіи. Да и что тогда было въ Москвѣ? Улицы ея были блестящимъ маскарадомъ, кареты летали великолѣпными цугами; на запяткахъ гайдуки исполнскіе; во оторожамъ кареты скороходы, порхашіе зефирами, въ шелковыхъ чулкахъ, даже и въ трескучіе морозы. Кровь видно была горяча. А неволь охота? Иначе разноцвѣтное войско. Что за царя! Что за дочке! Сколько глупыхъ «уръ со всеми прихотями застольными..... Все приведенное здѣсь съ избыткомъ было у юнаго Карина». Съ такимъ пріятелемъ Князьнинъ могъ жить весело и разгульно, не истощая своего небольшого имѣнія, достававшагося ему отъ отца. Но нашъ неетъ не удовольствовался этимъ; онъ пристрастился къ картежной игрѣ, и попалъ въ общество игроковъ. Въ то время въ Петербургѣ были игорныя дома, гдѣ игра была постояннымъ ремесломъ весьма многіхъ; это была величайшая зараза общества, зло, которое несытали на себя цѣлые сотни людей; богачи проигрывали огромныя имѣнья, и, желая отыгратъ, прибѣгали къ ростовщикамъ, давая имъ невѣроятные проценты; сколько наконецъ было несчастныхъ, которые искали конца всему въ самоубійствѣ. Уже въ послѣдствіи генералъ-губернаторъ Бестужевъ сталъ преслѣдовать этихъ игроковъ-обыгрывателей, послѣ того, какъ они обыграли начисто собственнаго его сына.

Считаю не излишнимъ привести здѣсь слова забытаго нашего писателя комедій, Лукина; нѣкоторое время онъ самъ былъ страшный

игрокъ, и зналъ все это дѣло, какъ нельзя лучше; вотъ что говорить онъ :

«Играшки видѣлъ я болѣе ста человекъ, не только совершенно промотавшихся, но въ самую погибель приведшихъ. Большею частью случалось сіе съ молодыми дворянами, присылаемыми отъ отцовъ свезти съ глупыми дядьками или къ несмысленнымъ и безпечнымъ родственникамъ. Раззорались они обыкновенно ремесленными карточными игроками, изъ коихъ нѣкоторымъ слѣзное счастье, часто порочнымъ людямъ въ неистовыхъ дѣлахъ помогающее, допустило награбить довольноное богатство.

«Вообрази, читатель, толпу людей, не рѣдко болѣе ста человекъ составляющую. Обыкновенно собираются оные художники въ большую залу. Иные изъ нихъ сидятъ за столомъ, иные ходятъ по комнате, но все сооружаютъ разныя наказанія, достойные вымыслы къ обыгранію своихъ соперниковъ; хитрейшіе изъ нихъ скопомъ условливаются очистить простаковъ, вновь появившихся. Но можно общественно о нихъ сказать, что все они приходятъ съ одними мыслями, дабы каждому у прочихъ отнять до послѣдней полушки, и динить не только пропитанія, но и самыя чести. Изъ сотни обыкновенно одинъ или двое подобно Крезу и Мидасу имѣютъ предъ собой золотыя горы, возвышенныя отъ изживенія нечестивыхъ ихъ противоборниковъ или лучше сказать изъ крови и жизни ихъ. Выигрывающіе богачи сидятъ кичливо, о столъ облокотятся, и, имѣя видъ веселый, изъявляютъ полное удовольствіе, грабя звѣрски свою братію. А злосчастные игроки истощающіе послѣднія силы разныя имѣютъ виды. Иные блѣдностію лицъ подобны мертвецамъ, изъ гробовъ встающимъ, иные кровавыми очами ужаснымъ фуріямъ; иные унылостію духа—преступникамъ на казнь ведущимся; иные необычайнымъ румянцемъ ягодъ клюквы; а съ иныхъ течетъ потъ ручьями, будто бы они полезное дѣлаютъ дѣло. Большая часть оныхъ мотовъ пришедъ въ изступленіе клянутъ день своего рожденія, бьютъ по столу, терзаютъ волосы, дерутъ карты какъ гибельныя несчастья свое-

• Кому нивѣзъ извѣстенъ Лукинъ, а между-тѣмъ мы находимъ у него весьма много любопытныхъ современныхъ извѣстій, которыя иному могутъ показаться драгоценной находкой. Кажется, ни одинъ писатель не былъ тогда такъ болтливъ и откровененъ съ публикой какъ этотъ. Въ свѣзѣхъ нѣтъ мы будемъ говорить о немъ и объ его комедіяхъ.

го орудія. Словомъ они дѣлаютъ дѣла неудобопонятныя, и надлежитъ списать ихъ сборище кистью искуснѣйшаго живописца для доставленія тебѣ, читатель, точнаго объ нихъ понятія. По моему жемънью они здѣсь суть тѣни, томящіяся вмѣсто вѣчнаго мрака въ здѣшней жизни....

«Ты увидишь здѣсь тѣхъ, которые предъ нѣсколькими минутами ругались надъ игроками, бѣднѣйшими людьми въ свѣтъ, и тутъ покажется тебѣ, будто-бы души ихъ изъ тѣла въ тѣло переселились. Они начнутъ клясть свою судьбину, грызть пальцы и бить столъ руками, а ты, которые, взявши въ свою власть золотыя горы, заступаютъ мѣсто прегордыхъ соперниковъ, станутъ на нихъ кичливо поглядывать, и, улыбаясь, вразумлять ихъ, что они уже отмщеніе получили. Все сіе такъ скоро или, удобнѣе сказать, мгновенно случается, что конечно бы ты, читатель, переселенію душъ повѣрилъ, если бы не увидѣлъ, что деньги переселяются отъ счастливыхъ къ несчастнымъ.... Надлежитъ къ тому еще увѣдомить, что въ оныхъ сходбищахъ бываютъ самыя безбожныя ростовщики и безсовѣстные купцы, продающіе въ десятеро дороже.....»

Не правда ли, какъ живописно это описаніе? Вотъ въ такое общество попалъ нашъ Княжнинъ; имъ овладѣла страсть, отъ которой онъ не могъ вдругъ освободиться. «На бѣду свою, говоритъ Глинка, онъ очень твердо зналъ математику, а потому въ ставкѣ картъ пустился въ *гадательныя* исчисленія, но онъ не зналъ тогда, что въ рукахъ банкюмета готовъ громовый отводъ противъ всѣхъ гаданій понтера.» Наконецъ Княжнинъ образумился, переселилъ свою страсть, не думая отыгрываться, и бросилъ карты. Но онъ не досчитался многого въ своемъ родовомъ наслѣдствѣ; половина его была уже проиграна, а другая вѣроятно разстроена. «Кто долго игралъ съ игроками-ремесленниками, тотъ прошелъ огонь и воду», говоритъ Лукинъ. Мы не знаемъ, прошелъ ли нашъ игрокъ-поэтъ такой огонь и такую воду, по-крайней-мѣрѣ, какъ видно, у него на долге остались впечатлѣнія отъ этой жизни. Уже спустя довольно времени, онъ написалъ оду «Утро», гдѣ выставляетъ предъ нами игроковъ:

Для дѣлности и славы мертвымъ
 Какія тѣни тамъ слагать?
 Своей преступной страсти жертвы
 Въ порочномъ бѣднѣи дни губять.

Фортуна, въ выборахъ слѣпая,
 Буждойъ нѣтъ судьбу бросая
 Изъ нихъ невиннѣйшихъ разить;
 Игрою скрывъ щедроты лѣстивы,
 Какъ Сфинксъ, опустошавшій Фивы
 Гаданьемъ гибели манитъ.
 Во ономъ сонѣ смертныхъ блѣднѣхъ
 Друзей, ведущихъ вѣчну прю,
 Себѣ и обществу злоредныхъ
 Какихъ страшилащѣй я зрю?
 Отчаяніе тамъ скрежешеть
 И ярость пылки взоры мететь,
 Штъ жалости и чести нѣтъ;
 Корысть и алчность нин править,
 Коварство люты сѣти ставить
 И златомъ къ блѣдности олегошь.
 Скрывая пропасти цѣнтами,
 Се како смертные текутъ
 Къ погѣбеди, котору сами
 Себѣ въ безуміи плетуть!
 Сребро нинъ очи ослѣпляетъ;
 Нинъ гордость въ узы уловляетъ;
 Невольники своихъ страстей
 Одну тѣвь очастія хватають,
 О камень ногу претыкають
 Свратяся невинности съ путей.

Сравните это описаніе со словами современника его, Лукина; въ нихъ найдется много общаго и сходнаго: и тотъ и другой были участники и очевидцы одного и того же дѣла.

Такое поведеніе Княжнина имѣло вліяніе едва ли не на всю его жизнь въ матеріальномъ отношеніи. Онъ уже не могъ жить доходами со своего имѣнія, расточеннаго такъ легкомысленно; часто терпѣлъ нужду, и принужденъ былъ брать заказную работу отъ разслабленныхъ петербургскихъ книгопродавцевъ. Къ такому труженничеству Княжнинъ долженъ былъ прибѣгнуть немедленно послѣ своей победы надъ картежной страстью. Онъ схватился за переводы, и первый трудъ его, вѣроятно по заказу какого-нибудь книгопродавца, былъ переводъ съ итальянскаго языка записокъ о Морей; вотъ заглавіе этой книги: «Записки исторіографическія о Морей, покоренной ору-

жіемъ венеціанскимъ; о царствѣ Негропонтскомъ и о прочихъ близъ лежащихъ мѣстахъ, также и о тѣхъ, которыя въ Далмаціи и въ Эпирѣ приведены подъ власть Венеціи, сначала турецкой войны, наступившей въ 1684 году и продолжавшейся до 1687, съ описаніемъ крепостей Кастель-Ново и Хинна, перевелъ съ итальянскаго Яковъ Кляжинъ».

Вѣроятно эта книга написана какимъ-нибудь Венеціанцемъ, что подтверждается многими хвастливыми выходками, которыя могли льстить только самолюбію Венеціанъ. Не можемъ ничего сказать объ исторической точности этихъ записокъ, но мѣстами онѣ довольно занимательны, особенно тамъ, гдѣ излагаются кровавыя войны между Венеціанами и Турками. Въ настоящее время забыты и оригиналъ и переводъ. Мы не можемъ сказать, какъ близокъ переводъ къ оригиналу, потому что не могли отыскать послѣдняго. Но это сочиненіе не относится къ области искусства, и намъ кажется, нѣтъ особенной нужды сравнивать подобные переводы съ подлинниками. Что же касается до языка, то онъ довольно легокъ для того времени, и своимъ складомъ гораздо лучше многихъ другихъ сочиненій, которыя въ тѣ годы выходили на русскомъ языкѣ. Есть, впрочемъ, довольно длинныя не совсѣмъ ясныя періоды, но они ничто въ сравненіи съ тѣми многими переводами, которые наполняли русскую бібліотеку*.

* Выписываемъ для образца изъ этого перевода Кляжинна: «Въ семь островѣ (Цантѣ) есть епископство, древностію кефалонскому неуступающее. Церковь его была прежде подвластна папѣ римскому до-тѣхъ-поръ, какъ въ Константинополѣ воздвиглось патриаршество, которому по власти императора многія итальянскія и всѣ греческія церкви подверглись. Въ то время, какъ нѣкоторые западные владѣтели сдѣлали союзъ между собою противу хищниковъ Обѣтованной земли и противу Константинопольской имперіи, показанная церковь пока возвратилась къ церкви Римской. Многіе знатные люди старались быть епископами на семь островъ, въ разсужденіи доходовъ, которыхъ считалось болѣе шести сотъ скупидій. Два епископа сей церкви были попеременно въ соборѣ Трентскомъ, гдѣ оказали явно свою твердость и добродѣтель. Первый изъ нихъ былъ Францеско Комендонн, а второй Петръ Дельонно, благородной Венеціанинъ, наследовавшій достоинства перваго. Приходскихъ греческихъ церквей, находящихся въ городѣ и замкѣ и прочихъ по общанію построенныхъ считается до сорока четырехъ, а въ городѣ оныхъ пятнадцать, изъ которыхъ въ каждой по одному алтарю, стоящему на востокъ и украшенному греческою живописью. Греки въ своихъ храмахъ запре-

Кажется, этой книги не замѣтилъ никто изъ современниковъ, или по-крайней-мѣрѣ она мало была известна имъ. О ней не упоминаетъ даже Новиковъ въ своемъ «Словарѣ русскихъ писателей», а онъ, кажется, не оставлялъ безъ вниманія ни одной строчки, написанной на русскомъ языкѣ; и за какіе-нибудь ничтожные стишки помѣщалъ автора ихъ въ числѣ русскихъ писателей. О существованіи этого перевода ничего не говоритъ въ своемъ словарѣ и преосвященный Евгений. Но онъ упоминаетъ о какомъ-то романѣ «Графъ Коменжъ», который перевелъ Княжнинъ, вѣроятно съ французскаго языка, и отзывается о переводѣ съ хорошей стороны.

Новиковъ же говоритъ, что Княжнинъ * писалъ (до 1772 года) много весьма изрядныхъ стихотвореній, одъ, элегій и тому подобное, и перевелъ въ стихи *Письмо графа Коминга къ его матери*. Заимствуя, что всѣ известныя намъ стихотворенія Княжнина написаны или по-крайней-мѣрѣ напечатаны уже послѣ 1772 года; о какихъ же упоминаетъ Новиковъ, мы не знаемъ; впрочемъ, иногда онъ говоритъ о сочиненіяхъ, которыя никогда и не бывали въ печати, а, можетъ-быть, известны были некоторымъ любителямъ только въ рукописяхъ. *Графъ Коменжъ*, упоминаемый преосвященнымъ Евгениемъ, и *Графъ Комингъ*, о которомъ говоритъ Новиковъ, вѣроятно одно и то же лицо, только ни Коменжа ни Коминга мы не могли найти ни въ одномъ известномъ намъ каталогѣ русскихъ книгъ. Одинъ составитель словаря называетъ этотъ переводъ цѣлымъ романомъ; другой же только письмомъ, написаннымъ стихами; къ-несчастью, мы не можемъ уничтожить этого разногласія; сколько мы не отыскивали, по ни письма ни романа рѣшительно не оказалось. Впрочемъ для насъ это не большая потеря: если переводъ былъ романъ, то въ-

знаютъ имѣть вырѣзанные и вставленные образа. Олтари въ нихъ устроены изъ камня и закрываются рѣшетками. Туда простолюдинамъ не позволено входить. Когда епископа постигнетъ смерть, всѣ греческіе приходскіе духовные собираются, и въ силу древняго обыкновенія, хотя оное церковнымъ установленіемъ и запрещено, выбираютъ они тайно другаго. Сей епископъ не имѣетъ вѣрнаго дохода, а живетъ податью Грековъ, которые ежегодно ему присылаютъ пшеницу и прочіе припасы; и такъ то тѣмъ то другимъ знатные доходы собираетъ....»

* Новиковъ называетъ Княжнина *Федоромъ Борисовичемъ*, но это ошибка.

роятно изъ тѣхъ многихъ мелочныхъ французскихъ романовъ, которые книгопродавцы обильно снабжали русскую публику; а съ прозаическими языками переводчика мы знакомы изъ его перваго перевода; если же онъ было только стихотворное письмо, то тѣмъ менше мы будемъ сожалѣть о немъ; и безъ него мы можемъ познакомиться со стихами Княжнина изъ его Дидоны, которая появилась въ 1769 году, вслѣдъ за переводами.

До-сихъ-порѣ все труды нашего поэта были только однимъ приготовленіемъ къ литературному поприщу. Оно собственно начинается съ «Дидоны», первой трагедіи Княжнина. Не успѣла она еще выйти изъ подъ пера сочинителя, какъ уже заговорили о ней. Ее провознесли всякій, кому только прочитывалъ Княжнинъ, а вѣроятно онъ не уставалъ прочитывать ее нѣсколько разъ сряду, подобно каждому самолюбивому писателю. Молва о прекрасной трагедіи новаго писателя достигла до Императрицы Екатерины. Она, какъ покровительница и любительница искусствъ, и особенно театральныхъ представлений, пожелала видѣть Дидону представленною на своей придворной сценѣ. Ея желаніе было исполнено. Она увидѣла Дидону, была довольна, похвалила автора, и ея лестная похвала утвердила его славу. Но Княжнинъ не возгордился этимъ, хотя и почиталъ себя счастливымъ за вниманіе Государыни, онъ напротивъ выказалъ здѣсь всю свою скромность, которую всегда отличалъ онъ. «Вы нашь Расинъ!» сказалъ ему кто-то по окончаніи трагедіи. — «Молчите, потомучто возражалъ Княжнинъ: ради Бога молчите; не то кто нибудь услышитъ ваши слова и впредь ничего не станетъ вѣрить вамъ». Конечно, названіе сверснаго Расина могло льстить нашему поэту, но онъ еще болѣе принять его, самъ благоговѣя предъ именами Корнея и Расина.

Восхищенный лестнымъ вниманіемъ Императрицы, Княжнинъ посвящалъ ей свою трагедію. При этомъ написалъ онъ скромные стихи; въ нихъ замѣчается языкъ той общей признательности, того общаго чувства, какія питали все русскіе люди къ своей мудрой матери-монархинѣ. Здѣсь Княжнинъ не обременяетъ имени Екатерины громкими, длинными эпитетами, не сравниваетъ ее ни съ Минервой ни съ Церерой, не называетъ даже богиней, что было въ большомъ обыкновеніи у тогдашнихъ стихотворцевъ. Въ этихъ стихахъ Княжнинъ выражаетъ недоувѣрчивость къ собственному своему труду, но онъ не сомнѣвается, что потомство вспомнитъ трудъ этотъ.

Трудъ бранный слабого таланта моего
 Твоей премудрости возарзіемъ возвышешъ,
 Межъ русскихъ славныхъ лиръ пребудеть вѣчно слышенъ.
 Потомство имя зрѣ священное ему,
Оставитъ слабости творчюю мѣру:
 Благовостомъ пользуясь Тобой насажденнымъ,
 Что взоръ Твой освятилъ, то будетъ все почтеннымъ.
 Такъ скажутъ : «Авторъ сей хотя и не достигъ
 До тѣхъ высотъ, гдѣ Фей въушаетъ громкій стихъ ;
 «Екатеринна вннцанья удостоенъ, —
 «Пусть будетъ на Парисъ къ мѣстезку онъ пристроенъ.
 «Ея заповани мы счастливы на вѣкъ ;
 «Великъ ли, малъ, намъ все пріятенъ человекъ,
 «Кто былъ подвластенъ ей. И слабое растѣнье,
 «И гордый кедръ — одной руки промазеденье.
 «Пріятны чада намъ, когда любезна мать».

Потомство дѣйствительно съ любовью произноситъ имя Екатерины, съ уваженіемъ смотритъ и на всѣхъ тѣхъ, слава которыхъ озарялась собственной ея славой, но все это не мѣшаетъ ему цѣнить труды ихъ по внутреннему ихъ достоинству.

Въ своемъ мѣствѣ, мы разберемъ критически весь трагедіи Княжнина, и посмотримъ, можетъ ли трудъ его быть вѣчно слышенъ межъ славныхъ русскихъ лиръ, а теперь только скажемъ, что его «Дидона» не можетъ выдержать строгой критики, какъ произведеніе искусства. Не смотря на это она необходимо должна была понравиться современникамъ. Если они были въ восторгѣ отъ тяжелыхъ трагедій Сумарокова, то и Дидона имѣла полное право на тотъ же самый восторгъ. Младенческій вкусъ ихъ, возбужденный ложно-классическими произведеніями Франціи, не могъ развиваться быстро; онъ еще не могъ видѣть различія между Сумароковымъ и Корнелемъ, Княжниннымъ и Расиномъ. Но при всемъ этомъ ухо зрителя не могло не замѣтить различія между суровымъ языкомъ Сумарокова и сильнымъ языкомъ Княжнина. Для насъ давно устарѣлъ и княжнинскій стихъ, но въ то время его можно было считать и сильнымъ и звучнымъ и образцовымъ. Зрители должны были восхищаться, слушая монологи, подобные слѣдующимъ :

«Какъ буду я сносить Дидоны лестныя взгляды,
 Иному а не мнѣ дающіе отрады !

Пойду, как алчный тигръ, противъ коньхъ враговъ,
 Сражуся съ мертвыми, пойду противъ боговъ:
 Тамъ въ грудь предъ алтаремъ Энейю мечъ воззал,
 И сердце яростной рукою извлекаю,
 Злодѣя наказавъ, Дидонѣ отомщу,
 И брачныя свѣщи въ надгробны превращу».

(Дѣйствіе II. Явлениі III.)

или

«Чѣмъ гнѣваю боговъ? Тѣмъ развѣ ихъ гнѣваю,
 Что болѣе всего, Эней, тебя люблю?
 Или хочешь смертію моею себя прославить?
 Не оставляй меня — мой духъ меня оставитъ;
 Не оставляй меня для горькихъ слезъ моихъ!
 Тебѣ ль Эней, тебѣ ль искать утѣхи въ нихъ?
 Воспомни клятвы всѣ, мнѣ данныя тобою,
 И зри у ногъ твоихъ царицу предъ собою».

Въ то время еще не было журнальныхъ рецензій; были рецензіи словесныя, которыя переходили въ обществѣ изъ устъ въ уста, и ихъ-то долженъ былъ подслушивать авторъ, чтобъ слышать какой-нибудь судъ надъ своимъ сочиненіемъ. По этому мы не можемъ дать подробнаго отчета, какъ современники Княжнина разбирали его трагедію; никто изъ нихъ не оставилъ намъ письменной рецензіи. Впрочемъ, въ «Словарь» Новикова, изданномъ въ свѣтъ скоро послѣ этой трагедіи, слышится общій отзывъ публики; вотъ что говорится тамъ: «Княжнинъ сочинилъ трагедію «Дидону», дѣлающую ему честь. Сія трагедія весьма много похваляется знающими людьми, и почитается въ числѣ лучшихъ въ російскомъ театрѣ; она еще въ свѣтъ не издана. Впрочемъ подалъ онъ надежду ожидать въ немъ хорошаго трагическаго стихотворца». Въ «Драматическомъ словарѣ», изданномъ въ 1787 году какимъ-то любителемъ театральныхъ представлений, находимъ мы подобный же отзывъ: «Дидона — трагедія въ стихахъ, писанная господиномъ Княжнинымъ отменно съ удачею, подражаніе итальянскому сочиненію господина аббата Метастазія. Много разъ съ похвалою представлена на Санктпетербургскомъ театрѣ».

Не будь всѣхъ этихъ отзывовъ, мы и тогда могли бы сказать, что общій голосъ былъ въ пользу Княжнина; не даромъ же сорокъ лѣтъ была на сценѣ его Дидона. Замѣчательно еще то, что слѣдую-

это пожеланіе называло Княжнина не иначе, какъ творцомъ *Дидоны*.

Смотри! на полотнѣ изображенъ Княжнинъ,
 Достигшій чрезъ дары до Пиндовыхъ вершинъ...
 Покоримъ нѣжности чувствительнымъ сердца
 Вѣчайте похвалою *Дидонны творца*....

Этотъ стихъ написанъ къ портрету Княжнина въ 1804 году. Мы имеемъ еще нѣсколько подобныхъ стиховъ, нѣсколько другихъ замѣчаній, гдѣ «Дидонъ» отдають предпочтеніе предъ всеми произведеніями Княжнина.

Такимъ-образомъ Княжнинъ одной трагедіей создалъ себѣ громкую славу среди своихъ современниковъ. Весь образованный Петербургъ восхищался своимъ новымъ поэтомъ, но Москва еще только по слухамъ знала его, а вмѣстѣ съ Москвою и почтенный ея обитатель, отецъ русскаго театра, Александръ Петровичъ Сумароковъ. Для волной славы юнаго поэта не доставало только похвалы этого старца, который своимъ приговоромъ обыкновенно рывалъ судьбу начинающихъ писателей: въ то время онъ пользовался огромнымъ авторитетомъ.

Но скоро Княжнина увидѣла и Москва; сюда привлекли его какіе-то важныя дѣла, относящіяся до устройства собственнаго его состоянія. Конечно явился онъ въ Москву не иначе, какъ съ рукописью своей трагедіи; ему хотѣлось слышать приговоръ Сумарокова, и вотъ онъ съ своей обыкновенной скромностью представился отцу русскаго театра, и просилъ его совѣтовъ.

— Я виноватъ предъ вами, говорилъ онъ Сумарокову: мнѣ надлежало до представленія трагедіи моей отдать ее на вашъ судъ; но я неосторожно поторопился прочесть ее нѣкоторымъ моимъ пріятелямъ. Молва о «Дидонѣ» дошла до Императрицы, и она требовала, чтобъ ее съиграли, между-тѣмъ, какъ я самъ переписывалъ трагедію мою для васъ, отца нашего русскаго театра.

Объ этихъ словахъ Княжнина упоминаетъ въ своихъ запискахъ С. Н. Глинка; тутъ же еще прибавляетъ онъ: «Не нужно говорить, съ какимъ восторгомъ обнялъ Сумароковъ юнаго соперника своего». Другой современникъ Княжнина говоритъ слѣдующее: «Отецъ русскаго театра принялъ творца «Дидоны» со всеми знаками вели-

чайшаго почтенія къ его дарованіямъ; «Дидона» посвящена ему на суданіе; онъ держалъ Княжнина въ своемъ кабинетѣ нѣсколько времени, но сдѣлалъ ли на «Дидону» свои замѣчанія или нѣтъ, того неслѣдуетъ знать. Княжнинъ, какъ видно, поправился Сумарокову, и вотъ отецъ нашего театра вздумалъ разыграть въ своемъ домѣ небольшую комедію. Онъ представилъ Княжнину свою младшую дочь, Екатерину Александровну, просилъ его быть ежедневнымъ гостемъ у него въ домѣ, а самъ обещалъ заняться чтеніемъ «Дидоны». Черезъ нѣсколько дней Княжнинъ съ робостью спросилъ у своего гостеприимнаго хозяина, какъ правится ему «Дидона». Сумароковъ отвѣчалъ, что онъ снова перечитываетъ «Энеиду» и «Дидону» Лефранка-Помпаниана, чтобы высказать основательно свое мнѣніе*.

Сумароковъ не ошибся въ своемъ расчетѣ; не много свидѣній нужно было пылкому поэту, чтобы влюбиться въ Екатерину Александровну. Она, какъ видно умѣла увлечь его, тѣмъ болѣе что и сама славилась поэтомъ. Новиковъ въ своемъ «Словарѣ» причисляетъ ее къ числу русскихъ писателей; «она писала, говоритъ онъ, весьма изрядныя стихотворенія, напечатанныя въ ежемѣсячномъ сочиненіи, «Трудолюбивая пчела».... Но въ означенномъ журналѣ мы нашли только одно маленькое стихотвореніе Екатерины Сумароковой; черезъ него-то вѣроятно она и попала въ «Словарь» Новикова, въ число нашихъ писателей. Это стихотвореніе действительно *изрядное* для того времени, и едва ли не нежнѣе многихъ стихотвореній *батюшки*, Александра Петровича.

Мы не знаемъ, свои ли чувства выражала здѣсь сочинительница, но она выражала ихъ отъ лица поэта, разлученнаго со своей любезной.

Для любопытныхъ мы выпишемъ это стихотвореніе, названное «Элегіей»:

О ты, которая всегда меня любила,
 А нынѣ навсегда содѣлала уже забыла,
 Ты мнѣ еще мила, мила въ моихъ глазахъ,
 А я ужъ безъ тебя въ стенаньи и слезахъ.
 Хожу безъ памяти, не знаю что спокойство,
 Все плачу и грущу; мой то жизни савойство.
 Какъ я съ тобою былъ, приятель былъ тотъ часъ,

* Записки С. Н. Глинки

Не то скрывался и скрывался отъ насъ,
 Однако я люблю, люблю тебя сердечно,
 И буду я любить тебя всѣмъ сердцемъ ввѣчно,
 Хотя и разстался я, любезная, съ тобой,
 Хотя не вижу я тебя передъ собой.
 Увы! за что, за что, только я несчастенъ!
 За что, любезная, тобою такъ я страстенъ!
 Всего ты, рокъ, лишила, ты отнял все, злой рокъ,
 Въ вѣкъ буду я стнать, когда ты такъ жестокъ,
 И послѣ моего съ любезной разлученья,
 Не буду провождать минуты безъ мученья.

Эти стихи были написаны въ 1759 году; сочинительница говорить о любви, следовательно можно полагать, что въ это время было ей не менѣе шестнадцати лѣтъ, а можетъ-быть даже и болѣе; значитъ въ 1769 году она была по-крайней-мѣрѣ двадцати-шести лѣтъ, тогда какъ самому Княжнину едва-едва было двадцать-семь. Въ такихъ годахъ дѣвица Сумарокова могла владѣть искусствомъ — очаровать восторженнаго поэта.

Но какъ бы то ни было, только Княжнинъ влюбился страстно, пламенно, какъ настоящій Эней. Вотъ что говорить объ этой любви его С. Н. Глинна:

«Вскорѣ нашъ поэтъ забылъ трагедію, и какъ-будто отъискивалъ въ себѣ самого себя. Одна изъ дочерей Сумарокова была въ замужствѣ за графомъ Головиннымъ, а другая, цвѣтя умомъ и красотою, ожидала еще суженаго: и этотъ суженый былъ Я. Б. Княжнинъ. Съ поэзіей музъ въ душѣ его откликнулась и поэзія любви. То же было и въ сердцѣ юной дочери Сумарокова. Часто казалось влюбленному поэту, будто въ глазахъ ея онъ вычитываетъ то, что Дидона говорила Кнею....

«Одинъ твой взглядъ, твой вздохъ и слово устъ твоихъ
 Долгъ сердца моего»....

Часто и онъ порывался выговорить:

«Кто можетъ такъ любить, какъ я тебя люблю,
 Все вахожу въ тебѣ!»...

«Но чрезвычайная скромность Княжнина оковывала уста его робостью. А любовь душевная, любовь, какъ-будто изъ заветной храмы судьбы переходящая въ сердце, и безъ робости боязлива. Мо-

гуществомъ, сильное ея отремленіе то вѣрить, то надѣется; а та, увлекаясь порывами сомнѣнія страдаетъ и на порогъ счастья; но это страданіе для души поэтической — блаженство. Книжники это чувствовали и выражали въ прекрасныхъ стихахъ, дышавшихъ и вдохновеніемъ Сааы и сердечнымъ словомъ нашего поэта.

Вотъ они:

«Что я — ты чувствуешь ли то же?
 Не видя, алчу зрѣть тебя;
 Урвавъ, забвеніе себя,
 Стократно памяти дороже,
 Объяснить душу, чувство, умъ.
 Въ тревогѣ ивжной сладкихъ думъ
 Душой твою красы лобзаю;
 И кровь то мерзнуть, то кипить,
 И самъ себя тогда не знаю.
 Мы сердцемъ лишь тогда живемъ,
 Какъ сердце чувствуемъ въ другомъ.»

«Это было воспоминаніе; а что кипѣло въ душѣ поэта въ настоящемъ, въ тѣ дни, въ тѣ мгновенія, когда безмолвная любовь порывалась высказаться. Истомленный страстію, онъ открылся пріятелю своему Федору Григорьевичу Карину, пламенному любителю словесности и искусствъ. Каринъ взялся быть посредникомъ, и полетѣлъ къ Сумарокову. У творца «Семиры» страсть любви была жизнью его жизни. Страдалицы угадываютъ сердце благотворительное, а кто живетъ любовью, тому и въ другомъ не трудно разгадать тайну любви.

«Сумароковъ сказалъ Карину, что и онъ и дочь его уважаютъ умъ и душевныя качества Якова Борисовича, и что онъ радъ увѣчать взаимную ихъ склонность. Стремительное нетерпѣніе нашего поэта равнялось порывамъ его любви. Едва вошелъ Каринъ, онъ вскричалъ: «Жизнь или смерть?» Каринъ отвѣчалъ ему стихами изъ «Дидоны», съ нѣкоторою перемѣною:

«Се день уже насталъ желаемый тобою;
 Дидона перстень свой Енею отдастъ,
 И ваши бракъ сердца на вѣки сопряжетъ.»

«Въ тотъ же день голосъ сердца высказалъ все той, къ кому оно

герало. А Сумароковъ, съ восторгомъ соединяя два сердца, достойныя одно другаго, написалъ на рукописной «Дидонъ:»

«Мы не въ равной долгъ:
Я тебѣ мила; а ты — стократъ мнѣ болѣ.»

«И съ этой надписью поручилъ невестѣ возвратити женку трагедію, которую умышленно продержалъ цѣлый мѣсяцъ, дожидаясь того, что предвидѣлъ....»

Такимъ-образомъ Княжнинъ сдѣлался зятемъ Сумарокова, и уехалъ въ Петербургъ со своей молодой женой. Здѣсь онъ занялъ почетное мѣсто среди молодыхъ писателей.

Счастливыя успѣхъ «Дидоны» побудилъ нашего поэта продолжать труды на драматическомъ поприщѣ. Сюжетъ своей первой трагедіи Княжнинъ взялъ изъ древней исторіи, а самое его изложеніе заимствовалъ у итальянскаго поэта Метастазіо. Но теперь онъ хотѣлъ идти по слѣдамъ своего тестя; Сумароковъ бралъ имена для своихъ трагедій изъ русской исторіи; заставлялъ лица, носящія эти имена, влюбляться, страдать, плакать, бѣсноваться, тиранствовать, наконецъ лишать себя жизни, и такимъ-образомъ составлялъ трагедію по всемъ правиламъ французскаго классическаго искусства. Такъ же хотѣлось и Княжнину выставити на сцену *что-нибудь русское*, то-есть, представити историческія лица изъ русской исторіи. Въ этомъ случаѣ, кажется, нѣсколько получше Сумарокова сдѣлалъ онъ выборъ сюжета для такой трагедіи. Онъ порылся въ лѣтописи Нестора, нашелъ тамъ сказаніе о любви Владиміра-Новгородскаго къ Рогнедѣ, князю полоцкой, за которую сватался братъ Владиміра, Ярополкъ, князь кіевскій; и на этомъ-то сказаніи основалъ сюжетъ своей новой трагедіи. По-крайней-мѣрѣ онъ воспользовался историческимъ фактомъ, чего никогда не дѣлалъ Сумароковъ. Разумвется, поэтъ передѣлалъ все это сказаніе по своему, и образцемъ для себя взялъ «Андромаху» Расина. Замѣтимъ, что Княжнинъ никогда не отличался изобрѣтательностью, а планы для своихъ трагедій и комедій постоянно бралъ у другихъ писателей. Въ этомъ случаѣ Пушкинъ весьма верно характеризуетъ его названіемъ *переимчиваго*.

Такимъ-образомъ явилась новая трагедія Княжнина: «Владиміръ и Ярополкъ». Но не смотря на то, что сюжетъ ея взятъ изъ русской исторіи, что она написана стихами весьма недурными для того вре-

жени, она не имела никакого успѣха на сценѣ. Она напоминала зрителямъ—судьямъ известную Расинову «Андромаду», и ни въ какомъ случаѣ не могла сравниться съ ней. Преосвященный Евгений говорить, что она не имела успѣха и оставлена безъ вниманія за многія театральныя неисправности. Мы не знаемъ, что это были за неисправности, потому, что ни одинъ современникъ не оставилъ намъ подробныхъ еказаній.

Этотъ неуспѣхъ, вѣроятно, побудилъ Княжнина попробовать силы въ другомъ родѣ драмы, и вотъ вскорѣ явилась его комедія «Несчастье отъ кареты». Уже въ ней можно было видѣть, что Княжнинъ обладаетъ даромъ комизма. Конечно ее нельзя назвать чисто-оригинальной комедіей, но не смотря на это, она прекрасно характеризуетъ тотъ вѣкъ, когда высшимъ образованіемъ считалось одно умѣе говорить по-французски, высшимъ счастьемъ — жить въ Парижѣ; модной жизнью — глупое презрѣніе ко всему русскому, отечественному, то время, когда для многихъ, по словамъ Глинки, парижская мода была все, а человечество — дѣло постороннее; въ этомъ случаѣ комедія можетъ назваться *русскою*. И до Княжнина много было у насъ комедій, осмѣивавшихъ современные недостатки, но было очень мало такъ обдуманно и такъ легко составленныхъ, какъ «Несчастье отъ кареты». Видно, что Княжнинъ раздражался непритворнымъ негодованіемъ предъ множествомъ гнусныхъ современныхъ сценъ, которыя удавалось ему видѣть и слышать. Сама Императрица писала комедіи, направляя ихъ противъ современныхъ пороковъ, желала, чтобъ и другіе даровитые люди подражали ей. Княжнинъ сознавалъ свой талантъ, и вотъ съ перваго шагу употребилъ его въ дѣло какъ нельзя лучше для своего времени. Онъ желчно осмѣялъ тѣхъ русскихъ Французовъ, которые жалуютъ только о томъ, что они не дѣйствительные Французы, тѣхъ гнусныхъ безумцевъ, которые разоряли своихъ крестьянъ, чтобъ только не отстать отъ послѣдней парижской моды. «Несчастье отъ кареты» носить названіе комической *оперы*. Въ наше время, такое названіе показалось бы довольно страннымъ, затѣмъ, что комедія написана прозой, и едва ли найдется въ ней дюжина куплетовъ для пѣнія. Ея форма — форма нашихъ водевилей, украшенныхъ нѣсколькими куплетами. Но въ то время подобныя произведенія назывались операми; разумѣется, главное въ нихъ была не музыка, а самое содер-

жане; музыка служила не больше какъ для разнообразія или для украшения, безъ котораго легко можно было обойтись, не вредя самой комедіи, но въ этомъ случаѣ уже не годилось названіе оперы.

Написать такимъ образомъ свою комедію, Княжнинъ долженъ былъ позаботиться о музыкѣ къ куметамъ, прилеженнымъ къ комедіи. Въ это время, при императорскомъ дворѣ придворнымъ капельмейстеромъ былъ Паскевичъ, который славился своимъ талантомъ. Къ нему-то обратился нашъ поэтъ, и вотъ съ его помощью комедія поставлена на сцену. Въ первый разъ она была представлена на придворномъ театрѣ, въ Эрмитажѣ, гдѣ присутствовала сама Императрица и вся императорская фамилія. Не нужно говорить, что въ числѣ зрителей-придворныхъ было не мало такихъ, которые видѣли въ комедіи свои портреты. Екатерина знала это, потому, что знала всѣ пороки и недостатки современнаго общества, и постоянно старалась искоренять ихъ. Вотъ отчего комедія Княжнина сдѣлалась ее любимой комедіей, и безвременно была даваема при ея дворѣ.

При такомъ вторичномъ благоволеніи Императрицы, еще крѣпче утвердилась слава Княжнина на *россійскомъ парнасѣ*.

Вскорѣ за тѣмъ явилась его новая комедія или *комическая опера* «Скупой» съ музыкой того же Паскевича. Эта уже не вохожа на верную; она не что иное, какъ слабое подражаніе Мольерову «Скупому» и другимъ французскимъ комедіямъ, но въ ней уже нѣтъ никакого отношенія къ русской современности. Можетъ-быть Княжнинъ испыталъ нѣкоторыя непріятности отъ тѣхъ лицъ, чьи портреты выставилъ онъ въ своей первой комедіи, и потому не рѣзался вторично кельнуть ихъ новымъ представленіемъ другой какой-нибудь ихъ глупости. Для насъ эта комедія не имѣетъ даже особеннаго историческаго достоинства, и Екатерина не отличила ее, подобно первой, но зато она имѣла большой успѣхъ на императорскомъ публичномъ театрѣ; въ ней талантъ славнаго въ то время актера Крутицкаго восхищалъ публику. Вотъ какъ отзывается о ней современный драматическій словарь: «Скупой — опера комическая въ одномъ дѣйствіи — сочиненіе россійское Княжнина; сочиненіемъ и музыкой довольно правящая публикѣ; а что болѣе сего: монологъ оной, подражая монологу «Скупой изъ Мольера», будучи расположенъ речитативою, приноситъ отънынѣ чести сочинителю. Представлена въ первый разъ въ Санктпетербургѣ, и много разъ въ Мо-

скавъ какъ на больномъ Петровскомъ театрѣ, такъ и въ вокаль бываетъ играна». Упомянутый монологъ въ-самомъ-дѣль написанъ не дурно. Сказать правду, комедія не могла не понравиться публикѣ, которая уже привыкла къ переводнымъ французскимъ комедіямъ, гдѣ главную роль играли хитрые, расторопные слуги съ такими же служанками, а въ этомъ нѣтъ недостатка въ «Скупомъ» Княжнина; кроме того въ немъ довольно комизма, не въ словахъ, а въ самомъ дѣйстви лицъ, что, конечно, не маловажное достоинство во всякой комедіи.

Такимъ-образомъ Княжнинъ завоевалъ у публики и славу комическаго писателя.

При такихъ успѣхахъ на литературномъ поприщѣ, нашъ поэтъ занималъ не послѣднее мѣсто и въ блестящемъ обществѣ. Въ то время писатели составляли двѣ группы: одна изъ нихъ — писатели старые, знаменитые, въ главѣ которыхъ стояли Сумароковъ и Майковъ; они свысока смотрѣли на другую группу — молодыхъ писателей, только начинавшихъ свое поприще; они были въ почетѣ; ихъ сужденія уважались современниками, какъ сужденія опытныхъ писателей. Княжнинъ, какъ кажется, присталъ къ этой группѣ стариковъ, сдѣлавшись затемъ Сумарокова. Лукинъ, одинъ изъ молодыхъ писателей, хотя годами и старше Княжнина, жалуется на этихъ аристократовъ нашей литературы, что они съ гордой насмѣшливостью смотрятъ на его собратій, только бранятъ ихъ, а не наставляютъ ни однимъ совѣтомъ. «Они только любятъ, говорилъ онъ, когда смиренно придеши въ ихъ многолюдную гостиную и съ низкими поклонами вручиши имъ свою рукопись, съ просьбой просмотрѣть и исправить ее; тогда они во всеуслышаніе гордо называютъ себя твоимъ учителемъ, и обыцаютъ наставить тебя въ тайнахъ искусства.» Не мудрено, если и господствовало среди нихъ подобное тщесловіе: они были обременены славой; на Руси кроме ихъ сочиненій еще мало было другихъ; нужно же было поставить себя на такую ногу, чтобъ ихъ не затмили новыя восходящія светила. Мы не знаемъ, заразился ли такимъ свойствомъ и Княжнинъ, что было, кажется, противъ его характера; но въ это время онъ былъ во всеобщемъ уваженіи. Онъ жилъ открытымъ домомъ; былъ, кажется, въ короткихъ отношеніяхъ съ знаменитымъ таврическимъ княземъ Потемкинымъ, который покровительствовалъ русскимъ

исстеламъ; продолжалъ дружбу съ роскошнымъ Кариннымъ; былъ коротко знакомъ съ директоромъ академіи наукъ, Домашневымъ, образованнѣйшимъ челоѡвкомъ въ свое время; также съ Александромъ Петровичемъ Ермоловымъ, вѣроятно братомъ нашего славнаго ветеран-генерала, Алексѣя Петровича Ермолова. Княжнинъ питалъ особую любовь и уваженіе и къ знаменитому русскому актеру, Дмитревскому, который уже успѣлъ и умѣлъ превосходно образовать себя. Вечера у Княжнина, какъ видно, были весьма веселые; а самъ хозяинъ былъ душой общества. Въ запискахъ С. Н. Глинки упоминается объ одномъ подобномъ собраніи. «Однажды, говоритъ авторъ записокъ, обѣдали у Княжнина великолѣпный князь таврической и Каринъ. Остроты сыпались аттическою солью, и князь Потемкинъ не всегда сидѣлъ, погрузившись въ глубокую думу и грызя ногти. Развеселивъ въ гостепріимной бесѣдѣ, и оборотавъ къ юному Адонису, Карину, онъ сказалъ:

«Ты Каринъ,
Райскій кринъ;
Ты лилеи
Намъ милѣе
Многихъ умишковъ униѣ,
И весеннихъ дней яснѣ».

«Каринъ не ходилъ въ карманъ за словами: за пріѣтъ онъ тотчасъ паятылъ пріѣтвомъ:

«Не Каринъ —
Райскій кринъ;
Ты всѣхъ розъ для насъ алѣе
И милѣе всѣхъ цвѣтовъ;
Ты въ битвахъ — громовъ страшнѣ,
А съ друзьями — весь любовь».

Это описаніе бросаетъ намъ нѣкоторый отблнокъ на вечера нашего поэта.

Вотъ какъ онъ самъ смотрѣлъ на жизнь въ это время:

«Собраніе прекрасно
Утѣхъ мірскихъ, забавъ,
Для насъ Творецъ создавъ,
Намъ счастье проливаетъ....
.....

Пріятели наслажденій
И чистыхъ и честныхъ,
Я другъ ли заблужденій?
Ахъ! нѣтъ; когда мой стыхъ,
Хвала сей жизни сладость,
Казалъ вамъ счастья радость...

.....
Советовалъ я вамъ
Чтобъ счастливы быть смѣли,
Не слѣдуя духамъ,
Которые не любятъ,
Что толь прелестно намъ...

Советовалъ я вамъ
Утѣхъ не опасаться,
Но столько наслаждаться
Болше должно намъ;
Все счастье составляетъ
Умѣренность одна:
Кто черезъ край хватаетъ,
И кто все пьетъ до дна,
Одинъ лишь тотъ страдаетъ,
Одинъ пороченъ тотъ.
Внушать блаженства плоды,
Не притупляя чувствъ,
Знай жьрдъ, есть искусство!...

.....
Зачѣмъ тянуться намъ
За чуждыми цвѣтами,
Когда ихъ подъ ногами
Сбирать всякъ можетъ самъ?
Умѣй лишь осторожно
И нѣжно такъ срывать,
Природѣ чтобъ возможно
Опять ихъ породить,
Мы счастьеемъ всѣ равны,
И низкіе и славны,
Богатый и бѣднякъ,
Ученый и простякъ
Имѣютъ счастья долю.
Иль мыслите вы такъ,
Что Богъ святую волю
Тогда переѣмля,

Какъ случай наградилъ
Кого богатствомъ, знаютъ?

(Полн. собран. сочин. Княжина 1848 года. Изд. Смирдина. Часть вторая, стр. 523).

Не долго наслаждался Княжинъ такой жизнью. Думая о счастье, кажется онъ забылъ о своемъ имѣннѣ, которое не могло роскошно содержать его; и оно, какъ должно полагать, довольно паразитировало. Тутъ же случились еще какія-то неурядицы обстоятельства, и вѣроятно довольно важныя, которыя, по словамъ одного биографа Княжина, растерзали его чувствительную душу. Княжинъ вышелъ въ отставку, простился съ прежней жизнью, и вмѣстѣ съ женой и съ двумя дѣтьми удалился куда-то подъ крестъ уединеня. Это случилось на четвертомъ году его женитьбы. Съ-этѣхъ-поръ, въ продолженіе осьми лѣтъ, мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій о жизни нашего поэта. Гдѣ онъ жилъ, чѣмъ собственно занимался онъ, на это мы ничего не можемъ сказать нашему читателю. Одинъ безымянный биографъ намекаетъ, что въ это время Княжинъ въ строгомъ уединеніи занимался тщательнымъ образованіемъ своихъ дѣтей призрами собственной своей жизни; но такой намекъ для насъ еще слишкомъ не удовлетворителенъ. По-крайней-мѣрѣ можно догадаться, что не совсемъ счастлива была жизнь нашего поэта. Здѣсь-то, вѣроятно, испыталъ онъ многое, что потомъ такъ жгучо выразилось въ его «Сатирическомъ словарѣ». Здѣсь же, вѣроятно, по опыту дѣлалъ онъ подобныя опредѣленія:

Заря — предвѣстница новой радости счастливымъ и новой горести злополучнымъ.

Листы — листочки, никуда болѣе не пригодные, какъ къ соусамъ.

Молодость — время, въ которое частыя бури и непогоды много затмѣваютъ хорошихъ дней,

Оболиценіе — выигрышъ надъ слабыми чувствами, за который послѣ платинъ большимъ проигрышемъ.

Суета мірская — картина, которую должно разсматривать одалъ, чтобъ узнать полную ей цѣну.... и прочая.

III.

Только раз из своего удивленна Княжнина подалъ о себѣ вѣсть обществу: эта вѣсть заключалась въ переводъ Вольтеровой «Генриады»; но нигъ онъ только показалъ, что нужда заставила его взяться за работу. Его трудъ, говорятъ, былъ заказной; да и безъ всякаго посторонняго свидѣтельства видно, что онъ работалъ не по страсти, а по назначенію книгопродавца.

Въ это время имя Вольтера громъло и у насъ въ Россіи; оно эпопея читалась всей Европой, ее превозносили и нами, знавшие французскій языкъ, а между-тѣмъ мы несчастныя, которые не знали его, не были знакомы и съ ней, съ прославленной «Генриадой». И вотъ въ 1777 году, явился переводъ Княжнина, и при томъ бѣлыми стихами. Что сказать объ этомъ переводѣ? Спустя четырнадцать лѣтъ (1791 года) въ «Московскомъ журналѣ» Карамзина, мы встречаемъ слѣдующее общее замечаніе о «Генриадѣ» по случаю новаго ея перевода римованными стихами уже другаго переводчика:

«Генриада», говорится тамъ, есть одна изъ тѣхъ поэмъ, которыя главное достоинство состоятъ не въ великихъ новыхъ мысляхъ — не въ новыхъ, съ самой природы снатыхъ, образахъ — не въ прекрасныхъ стихахъ. Тутъ труднее переводить ее.

Здѣсь надобно не только выразить мысли поэта, но и выразить ихъ съ такою же точностію, съ такою же чистотою и пріятностію, какъ въ подлинникѣ, иначе поэма потеряетъ почти всю свою дѣлу. Но какія препятствія надобно одолѣть переводчику? Кромъ некоторой негибкости нашего языка, мѣра и рима составляетъ такую трудность, которую едва-либѣ и самъ Вольтеръ, переродивъ въ Русскаго, преодолѣть могъ. Однимъ словомъ легче (по моему мнѣнію) сочинить на русскомъ языкѣ эпическую поэмѣ въ двадцать пѣсней, нежели перевести хорошо десять пѣсней «Генриады»....

Противъ такого мнѣнія нельзя сказать ни слова. Но при Княжнинѣ, за четырнадцать лѣтъ, еще никто не умѣлъ выразить его. Въ «Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ» (1777 года) мы встречаемъ что-то въ родѣ рецензіи на переводъ Княжнина. Вотъ что говорится тамъ: «Генриада», героическая поэма въ десяти пѣсняхъ, сочиненіе господина Вольтера, переложенная россійскими бѣлыми стихами капитаномъ Яковомъ Княжнинимъ — содержаніе сея поэмы основано на пагубныхъ про-

известіи гражданскихъ междоусобій, начавшихъ смущать Францію при Францискѣ Второмъ....» За тѣмъ излагается историческое содержаніе поэмы; но поро: рецензента было слишкомъ не искусство: оно излагаетъ такъ сухо, такъ вяло, что читатель долженъ думать, какъ рассказанная исторія можетъ быть содержаніемъ какого бы то ни было поэтическаго произведенія.

«Что касается до французскаго подлинника, даже читаемъ мы, по-вашему повѣстно, что оный почитается нѣкимъ драгоцѣннымъ сокровищемъ стихотворства, а каковъ переводъ, читатели сами могутъ судить о немъ по предложеннымъ здѣсь изъ онаго нѣкоторымъ выпискамъ»....

А самъ рецензентъ ничего не нашелся сказать ни въ пользу, ни во вредъ перевода; какъ же могли судить читатели, не знавшіе французскаго языка! Слѣдя переводъ съ подлинникомъ, рецензентъ видѣлъ, что первый *въ словахъ* почти ничѣмъ не разнится отъ втораго; а между-тѣмъ онъ совсѣмъ не занималъ его и не дѣйствовалъ на его душу, какъ дѣйствовалъ самый подлинникъ. Чтò жъ такого скрытнаго было въ этомъ подлинникѣ, что совершенно терялось въ переводѣ? Этому не могъ понять рецензентъ, и вотъ отчего не произнесъ никакого приговора. Да и кто тогда думалъ, что «Генриада» замѣчательна только одной красотой стиховъ; большая часть считала ее произведеніемъ Гомеровскимъ, до-тѣхъ-порѣ, пока Карамзинъ не показалъ намъ, какъ должно смотреть на эту героическую поэму. Впрочемъ и самъ Княжнинъ видѣлъ все несовершенство своего перевода; онъ тоже не постигъ сущности «Генриады», и заботился только передать какъ можно ближе самыя слова поэта, пренебрегъ даже рифмованными стихами, замѣнивъ ихъ *блѣвыми*, самыми незвучными. Какъ онъ смотрѣлъ на Вольтера, это мы видимъ въ его стихахъ, которыми онъ посвящаетъ свой переводъ Домашневу. Они напечатаны въ «Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ» уже послѣ изданія самаго перевода. Издатели журнала припечатали къ нимъ и самое письмо, которое они получили отъ автора. Оно нѣсколько знакомитъ насъ съ Домашневымъ и отчасти съ самимъ Княжниннымъ, который почти называетъ его своимъ благодѣтелемъ:

«Государи мои, пишетъ Княжнинъ: при семъ прилагаю мое приписаніе въ стихахъ, которыми посвятилъ я мой переводъ «Генриады» господину камеръ-юнкеру и академіи наукъ директору, Сергію Го-

расширившему Домашневу. Скромность его, возвышающая еще больше его достоинства, не хотѣла воспріять отъ меня и этой слабой жертвы. На должность каждаго упражняющагося въ наукахъ, которыхъ господинъ директоръ есть достойный представитель и ободритель, представляеть меня противу воли его отдать ему справедливость, и для того я васъ, государи мои, покорно прошу помянутое приписаніе напечатать въ вашемъ Вѣстникѣ. Если бы только тщеславіе видѣть свои стихи напечатанными побуждало меня, тогда, зная слабость омыт, могъ бы я сомнѣваться о вашемъ снисхожденіи, но гдѣ истинное усердіе и благодарность гласять, того, я увѣренъ, не приминете ни сообщать обществу».

Мы не знаемъ, былъ ли доволенъ Домашневъ этимъ переводомъ. Зажитимъ, что самая поэма была не въ характеръ нашего поэта; вотъ отчего, кромѣ незвучности поспынныхъ стиховъ, она вышла холодна до крайности; видно, здѣсь ни что не трогало сердца переводчика; слова тѣ же, только въ нихъ нѣтъ нисколько поэтического огня, что иногда блеститъ у Вольтера.

Для образца приведемъ нѣсколько стиховъ изъ этого перевода:

«Пою владѣвшаго во Франціи героя,
 Который на престолъ имѣлъ рожденъемъ право,
 право приобрѣлъ на тронъ с ебѣ оруженъ;
 Который чрезъ бѣды владѣти научился;
 Гонимый побѣдилъ, и побѣда простила;
 Смирилъ Иверію, Маіена, заговоръ,
 Былъ подданныхъ своихъ отецъ и побѣдитель.
 Святая истина! тебя я призываю;
 Виѣсти въ моихъ стихахъ, твой свѣтъ, твою и силу:
 Твой долгъ о томъ вѣщать, что должно о томъ вѣдать:
 Твой долгъ изображать народовъ предъ очами
 Порочны дѣйствія развратовъ ихъ ужасныхъ,
 Вѣщай то, какъ раздоръ всѣ области смутилъ;
 Открой несчастія ты буйнаго народа ...
 Еще державствовалъ на тронѣ Валоа;
 Но во трепещущихъ отъ роскоши рукахъ
 Не могъ держать бразды смущенна государства:
 Законовъ слаба власть была вездѣ поправна;
 Или лучше то сказать, не царствовалъ онъ богъ,

На тронѣ усыпленъ, облитъ вредной вѣгой
Корены тяготы не могъ онъ удержать**.

Ната. 10 первой ягси.

Не одну только «Генриаду»** перевелъ Княжиннъ въ это время. Его современники, оставившіе о немъ свои свидетельства, единогласно говорятъ, что Княжиннъ переводилъ изъ Корнеля и Кревильона, но никто не указалъ на заглавія тѣхъ переводовъ. Въ это время трагедіи Корнеля, Расина, Вольтера и другихъ французскихъ писателей безпрестанно, одна за другой, являлись у насъ на русскомъ языкѣ, и потому намъ трудно среди нихъ отыскать переводы Княжинна: изъ нихъ онъ невыставлялъ своего имени.

Впрочемъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы можемъ догадываться. Въ одномъ мѣстѣ мы находимъ свидетельство, что Княжиннъ переводилъ нѣкоторыя трагедіи *бѣлыми стихами*. Въ каталогъ русскихъ книгъ

* Вотъ стихи полнинника:

Je chante ce héros, qui régna sur la France
Et par droit de conquête, et par droit de naissance,
Qui par de longs malheurs apprit à gouverner,
Calma les factions, sut vaincre et pardonner,
Confondit et Mayenne et la Ligue, et l'ibère,
Et fut de ses sujets le vainqueur et le père.
Descends du haut des cieux, auguste vérité,
Répands sur mes écrits ta face et ta clarté
Que l'oreille des rois s'accoutume à l'entendre,
C'est à toi de montrer aux yeux des nations
Les coupables effets de leurs divisions.
Dis, comment la discorde a troublé nos provinces;
Dis les malheurs du peuple et les fautes des princes,
.....
.....
Valois régnaît encore, et ses mains incertaines
De l'Etat ébranlé laissaient flotter les rênes; etc.

** Пресвященный Евгеній говоритъ, что княжинскій переводъ «Генриады» имѣлъ еще другое изданіе въ 1790 году; но онъ ошибся: въ этомъ году вышелъ переводъ «Генриады», только уже промованными стихами и совершенно другаго переводчика. Въ 1803 году явился третій переводъ той же поэмы, написанный Н. Сиряковымъ, а въ 1822 году было его второе изданіе, исправленное.

Сопикова мы отыскали, что бѣлыми стихами переведены трагедіи Корнелія: «Сидъ», «Смерть Помпея», и «Цинна»; всѣ онѣ напечатаны въ 1779 году. А въ «Драматическомъ словарѣ» есть даже краткій о нихъ отзывъ: «Сидъ», — трагедія Петра Корнелія въ пяти дѣйствіяхъ переведена на російскій языкъ бѣлыми стихами съ удачею; въ оей піесѣ характеры столько интересны, что каждая роль должна быть сыграна актеромъ знающимъ.

«Смерть Помпея» — трагедія Петра Корнелія, переведена бѣлыми стихами — матерія піесы столько интересна, къ тому жъ и *точность перевода*, что читателя конечно должна приводить въ любовытство.

О «Циннѣ» нѣтъ особеннаго оvědенія. Въ настоящее время трудно найти эти переводы: они даже не упомянуты въ Смирдинскомъ изданіи; а о переводахъ изъ Кребиллона нѣтъ нигдѣ слѣда. Пресвященный Евгений говоритъ, что всѣ они сдѣланы на заказъ, и не стоятъ ни своихъ подлинниковъ, ни славы переводчика.

Мы не знаемъ, играли ли ихъ на театрѣ, но видно, что они хорошо сходили съ рукъ книгопродавцамъ, иначе не было бы такихъ частыхъ заказовъ; слава французскихъ трагиковъ гремѣла у насъ, какъ и во всей Европѣ, но не всѣ же знали французскій языкъ, и потому знакомились съ ними въ русскихъ переводахъ.

Въ «Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ», издаваемомъ И. Богдановичемъ, Княжнинъ печаталъ свои переводы нѣкоторыхъ пьесъ Геснера, но не подписывалъ имени. Это ужъ не были переводы заказные, и потому они много разнятся отъ первыхъ. Княжнинъ, по своему вѣжному меланхолическому характеру, всегда имѣлъ какое-то сочувствіе къ Геснеру. Известно, что Геснеръ старался представить жизнь челоуѣка лицомъ къ лицу съ природою, но представлялъ ее больше въ образахъ пастушка съ пастушкой, въдъ, разумется, любовь играла первую роль. Здѣсь Геснеръ старался, кажется, подражать Теоокриту; только любовь его соддалась не изъ дѣйствительности, а изъ какого-то мечтательнаго міра, любовь пастушеская, которая существуетъ только въ мечтахъ сантиментальныхъ вздыхателей. Геснеръ умѣлъ описывать природу цѣлыми и блестящими красками, населялъ ее людьми-мечтателями, счастливицами, которые родились только для наслажденія природою въ любви; и такимъ-образомъ онъ увлекалъ читателей своими пьесами. Въ это время въ Европѣ не одинъ онъ принялъ такое направ-

любо; было довольно писателей, довольно и подражателей, которые шли въ моду *пастушескую* мечтательность и сентиментальность; наконецъ она сдѣлалась вкусомъ въка и дошла до приторной крайности. Подобно многимъ и Княжнинъ увлекался Гесперомъ, и вздумалъ наконецъ познакомить своихъ соотечественниковъ съ нѣмецкими идиллиями. Онъ перевелъ двенадцать идиллій* и старался передать ихъ какъ можно ближе къ подлиннику, обращая вниманіе и на русскій языкъ: Вотъ для примѣра два разговора:

1.

Меналкъ. Что мнѣ въ золотъ? я все емлю. Развѣ мнѣ на него полагать отъ монхъ деревъ плоды или цвѣты на лугахъ? или молоду моего стада?

Есинь. О счастливый пастухъ! я не знаю, чѣмъ тебя подарить; такъ награждать тебя за твоё благодѣяніе?

Меналкъ. Дай мнѣ круглую флягу, которая у тебя на поясъ виситъ; мнѣ кажется влады Вакхъ на ней и боги любви, собирающіе виноградные гроздіе, вырваны.

Ототинкъ съ приятною улыбкою далъ ему флягу; пастухъ аки молодой агнецъ, скакалъ отъ радости.

Изъ идилліи «Меналкъ и Есинь».

2.

Дамонъ. Взгляни, Филлиса, взгляни, что вонъ на деревъ! два голубя.... посмотри!... посмотри, какъ дружески они крыльями обнимаются; послушай, какъ они воркуютъ; вотъ, вотъ чистятъ они острыи свои шейки, вотъ опять головки и мѣста около маленькихъ глазъ. Пойдемъ, Филлиса, пойдемъ и обнимемся руками, такъ, какъ они крыльями; наклонись, чтобъ я могъ шею и глаза твои щекотать.

Филлиса. Положи только твои губы къ моимъ, онъ Дамонъ, ела-тъ самъ щекотаться.

Дамонъ. Ахъ, Филлиса, сколько сладка сія забава! благодарствую вамъ, благодарствую маленькіе голуби — да не убьетъ васъ ястребъ....

Дамонъ и Филлиса.

* «Меналкъ и Есинь», «Ожиданіе Дафны на гулянье», «Дафнисъ», «Мартилья», «Дамонъ и Дафна», «Дамонъ и Филлиса», «Филлиса и Хлоя», «Дамонъ», «Титиръ и Меналкъ», «Твердое намѣреніе», «Ревность».

Нельзя не замѣтить, что Княжнинъ старался подражать здѣсь языку Ломоносова; только одна пьеска «Миртилья» переведена полуславянскимъ языкомъ, а все прочія представляли что-то особенное въ нашей тогдашней словесности: до-сихъ-поръ проза нашихъ журналовъ заключалась только въ сатиры и въ краткихъ нравственныхъ разсужденійхъ. Княжнинъ едва ли не первый положилъ основаніе нашимъ сантиментальнымъ разсказамъ своими переводными пьесками. Черезъ два года (1783) явилась «Душенька» Богдановича, и затѣмъ мало-по-малу мечтательность и сантиментальность чрезвычайно вошли въ моду, которая при Карамзинѣ достигла своего полного развитія. — Около осьми лѣтъ* скрывался Княжнинъ отъ большаго свѣта; около осьми лѣтъ онъ жилъ въ уединеніи въ знакомствѣ съ своими музами и книгопродавцами, какъ выражается преосвященный Евгеній. Наконецъ нашъ поэтъ снова выступаетъ на дѣятельное гражданское поприще подъ непосредственное начальство добродѣтельнаго вельможи, Ивана Ивановича Бецкаго. Дѣйствительный тайный совѣтникъ, украшенный многими орденами, семидесяти-пяти лѣтній старецъ, Бецкій былъ тогда приближенной особой къ Императрицѣ Екатеринѣ. Она поручала ему въ завѣдываніе многія части управленій, назначила его президентомъ россійской академіи художествъ, главнымъ директоромъ императорскихъ строеній домовъ и садовъ, попечителемъ благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ, и наконецъ избрала его исполнителемъ своей великой материнской мысли — это учрежденіе въ Россіи воспитательныхъ домовъ для несчастныхъ младенцевъ. Бецкій оправдалъ довѣріе своей монархини, превосходно исполнилъ свое дѣло, и оставилъ по себѣ славное имя. Будучи вполнѣ государственнымъ мужемъ, и понимая, какъ важно для государства образованіе дѣтей, онъ обращалъ все свои заботы къ этой цѣли. Не довольствуясь одними распоряженіями, онъ даже взялся за перо, и собравъ все планы и учрежденія Екатерины, написалъ полную систему публичнаго и нравственнаго воспитанія для обоюдо различныхъ состояній. Книга эта была напечатана въ 1774 году въ

* Преосвященный Евгеній говоритъ, что Княжнинъ жилъ въ уединеніи ровно осемь лѣтъ; но мы, сражаясь съ годами, должны сказать *около осьми лѣтъ*; за тѣмъ что въ 1772 году Княжнинъ оставилъ свою службу, а въ 1779 году мы видимъ его снова на службѣ.

духъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «Учрежденія и уставы, касающіеся до воспитанія и обученія въ Россіи юношества обоого пола». Неутомимый въ своей дѣятельности, Бецкій нуждался въ секретаря, который могъ бы завѣдывать всѣми дѣлами его управленія. Имя Княжнина давно уже было известно между образованными соотечественниками. Бецкій много слышался о немъ, и задумалъ пригласить его къ себѣ въ помощники. Съ удовольствіемъ принялъ Княжнинъ такое лестное предложеніе, и ревностно принялся за дѣло. Онъ умѣлъ приобрести скоро полное довѣріе и благосклонность своего начальника. Бецкій уже ничего не дѣлалъ безъ Княжнина, съ нимъ онъ обрабатывалъ всѣ бумаги, такъ что ни одна изъ нихъ не выходила изъ рукъ Бецкаго, не побывавъ въ рукахъ его секретаря. Всѣ важныя дѣла по всѣмъ частямъ, находившимся въ управленія Бецкаго, поручались Княжнину. При учрежденіи воспитательнаго дома, многія постановленія хотя и были писаны самимъ Бецкимъ; но окончены и приведены въ порядокъ были уже Княжнинымъ. Такимъ-образомъ нашъ поэтъ сдѣлался участникомъ важнаго дѣла въ Россіи. Одаренный отъ природы прекраснымъ сердцемъ, руководствуясь постоянно высей добра, онъ не могъ соскучиться своими безпрестанными занятіями.

Въ первый годъ своей новой службы (1779), вѣроятно по порученію Бецкаго, Княжнинъ говорилъ рѣчь въ публичномъ собраніи императорской академіи художествъ, при выпускѣ ея питомцевъ-художниковъ. Этой рѣчи мы не можемъ оставить безъ вниманія, потому что въ ней выражается личность самого автора. Здѣсь ясно высказываются многія заветныя мысли Княжнина, которыя одушевляли всю его жизнь, отличали его отъ толпы, и не рѣдко отражались въ его сочиненіяхъ. Княжнинъ сначала говоритъ о важности воспитанія, но въ защиту его не матеріальныя выгоды представляетъ онъ, указываетъ на него какъ на средство сдѣлаться челоуѣку достойнымъ его священнаго имени. Его мысли благородны и новы для того времени, когда еще немногіе понимали сущность истиннаго образованія, а еще меньшее число пользовалось имъ; его мысли, можно сказать, мысли самой Екатерины.

«Часто видимые примѣры*, говоритъ онъ, свидѣтельствуютъ въ

* Полное собраніе сочиненій Княжнина, 1848 года. Изданіе Смирдина, часть II стр. 590—394.

томъ, что человекъ, хотя и обогащенный дарами природы, но безъ воспитанія, лишённый надежнаго путёводства, не шествуетъ, но, такъ сказать, скитаясь въ путяхъ свѣта, и не умѣя править собою, падеть (падаетъ); и показавъ къ пушему сожалѣнію согражданъ своихъ, сколько бы онъ могъ полезенъ быть, увыдаетъ не остави по себѣ ничего, или весьма мало плодовъ, которые каждый гражданинъ обязанъ приносить въ жертву своему отечеству.

«И такъ если разумъ, оставленный на произволъ судьбы, не исполнимоуемый сердцемъ, не имѣя сопутникомъ своимъ благоуміа, безплоденъ, а иногда и вреденъ бываетъ, то уже сего единаго довольно къ явному изображенію того, колікия пользы выспослави Россіи такими благотворящими уставовленіями, которыя рожденнаго человека уготовляютъ быть во все теченіе его жизни достойнымъ сего священнаго имени... Воспитаніе отъ самыхъ нѣжныхъ отеческихъ лтъ упоеніемъ добродѣтели приводитъ въ созрѣніе духъ и сильными начертаніями на сердце, умягченномъ благоуміемъ, изображая все, чѣмъ человекъ обязанъ монархамъ и отечеству, производить въ немъ, если онъ и не имѣеть отличныхъ дарованій, хотя не великаго, но конечно полезнаго гражданина, и дѣлаетъ его въ занимаемомъ, по мѣрѣ силъ его, округъ достойнымъ членомъ общества. Титло благородное, титло, принадлежащее только единымъ благовоспитаннымъ: нѣтъ нужды на блистательной ли, или мрачной степенн отъ поставленъ своимн талантами; довольно, если онъ полезенъ, исполняя то, что должность его званія ему повелѣваетъ»....

Все это не есть простое обыкновенное умствованье, которое родилось въ головѣ нашего оратора только въ ту минуту, когда онъ принялся за свою рѣчь, и которое чрезъ нѣсколько дней онъ могъ забыть совершенно, нѣтъ, это было чувство его жизни, это была скрытая, тайная сторона его комедій, гдѣ на виду предъ лицомъ читателя выставляются только люди, заклеянные невѣжествомъ.

Здѣсь же Княжичиъ коснулся и тайнаго заветнаго стремленія своей души, стремленія, которое побуждало его къ безпрестаннымъ трудамъ, и которое, можетъ-быть, доставляло ему много отраднхъ минутъ въ жизни — это стремленіе къ славы. Такъ говорить о ней, какъ говорилъ Княжичиъ, можетъ только тотъ, кто самъ безпрестанно стремится къ ней, и ее полагаетъ задачей своей жизни.

«Кажется, говорить онъ, что благоуміе съ великими талантами

должно тѣсно сопряжено быть; и въ-самомъ-дѣль тотъ, кому воспитаніе не дано благородныхъ и возвышенныхъ чувствованій, можетъ ли любить славу? а не любящій славы къ чему способенъ? Славолюбие, поддерживаемое добродетелью, есть та лѣствица, по которой человекъ, одаренный способностями, превышаетъ и само человечество. Сія страсть великихъ и благородныхъ душъ, очищенная благоправіемъ, производила смертныхъ, которыхъ имена, вписанныя въ храмъ вѣчности, остались бессмертными; она даровала всемірной Апеллесовъ и Праксителейъ въ древнія и новѣйшія времена; она оныхъ и Россіи даруетъ»....

Въ послѣдствіи въ другой рѣчи Княжнинъ еще яснѣе выразилъ это свое заветное стремленіе къ славѣ.

Княжнинъ подобно всемъ боготворилъ свою монархію, но подобно же многимъ не докучалъ ей хвалебными одами; онъ самъ говоритъ :

Во звукъ лиръ нѣтъ нужды ей,
Въ сердцахъ хвалу лкбвь ей пишетъ,
Хвала ей — счастье нашихъ дней,
Отраднѣй кликъ блаженна міра. —
Вотъ ей достойнѣйшая лира.

.....

Я вѣдаю, что дерзки оды,
Которы вышли ужъ изъ моды,
Весьма способны докучать

.....

И чашъ, не чудно то, когда
Докучныхъ лиръ *стольникъ* тогда,
Твердя все тоже навсегда
Уморю сухаго склада,
Могли вниманье отвратить
Воспитой ими героини:
И только отъ своей богини
Одно званье заслужить.

Но при всемъ томъ иногда какъ будто невольно вырывались изъ души его восторженныя похвалы Екатеринѣ; онъ отличаются особеннымъ выраженіемъ чувства, дышать благодарностью, хотя и не плюютъ высокаго Державинскаго полета. Такъ и въ своей рѣчи Княжнинъ незамѣтно переходитъ къ Екатеринѣ, и какъ скоро произнесено это священное имя, уже нѣтъ силъ, чтобъ подъ его звуками не наговорить тысячи похвалъ.

«Живописецъ, скульпторъ, желающій представить великодушное дѣланіе героя, говоритъ Княжнинъ, не долженъ ли духомъ вознестись чувствовать то же, что ощущалъ и самъ творитель онаго? Не должно ли имѣть хотя *искру того всеоживляющаго пламени, хоть часть благотворяща души Екатерины*, чтобы живо начертать ея дѣянія, чтобы изобразить, съ какимъ величіемъ на суцѣ и на водахъ она грѣмѣла на враговъ отечества, съ какою кротостію она даровала тишину вселенной и съ какимъ челоуѣколюбіемъ на тронѣ среди величества и славы *препочитая всему быть матерью подданныхъ*, печется съ помощію достойныхъ ея вельможъ, *воспитаніемъ сотворять прямыхъ челоуѣковъ*, дабы они разлились по лицу Россіи, надели грады, ею созданныя, распространяя наиболѣе благоправіе — сіе украшеніе народовъ, споспѣшествовали бы ко утверженію *алмазаго* ею общественнаго благоденствія»

За тѣмъ Княжнинъ обращается къ молодымъ художникамъ: «Вы, юноши! предстоящіе сему знаменитому собранію, совершившіе назначенное время для воспитанія, готовые изыти въ свѣтъ изъ сего покровя, подъ свѣію котораго вы возвращены, научены — внимайте беспрестанно *гласу милосердія, вопіющему съ престола подданнымъ*: будьте счастливы! но такъ, чтобы отечество ваше было вами блаженно, и для сего будьте такъ какъ должно челоуѣкамъ, почтя честию носить преславныя узы гражданскихъ должностей....

«Крѣпитесь, чтобы съ благодарностію и благоговѣніемъ познавать, koliko вы счастливы; родясь въ сей благословенный вѣкъ, красующійся челоуѣколюбіемъ, въ который Монархи, престола наследники и знаменитые особы только то единое поставляютъ своею славою и достоинствомъ, чтобы, вспооществуя несчастнымъ, благотворить, и *челоуѣчество упавшее возводитъ воспитаніемъ на степень челоуѣчества*».....

Всего этого нельзя назвать ни словами лести, ни пустыми риторическими фразами; вѣтъ, тутъ видно сердце, которое не можетъ скрыть своего чувства. Да и кто тогда могъ удержаться отъ похвалъ передъ своей матерью — царицей? Въ стихотвореніи своемъ «Посланіе къ российскимъ питомцамъ свободныхъ художествъ», Княжнинъ еще яснѣе выражаетъ свои мысли о наукахъ, объ образованіи:

... Чтобы вѣчности въ безсмертный храмъ войти,
Талантъ единый слабъ къ свершенію пути,

Когда не озаешь пространнѣмъ просвѣщенемъ.
 Гордись однимъ собой, гнушайся ученемъ
 И самолюбиемъ на вѣки ослѣпленъ,
 Онъ въ дикости своей пребудетъ укрѣпленъ.
 Не видѣвъ въ глубостѣ небеснѣй оный пламень;
И самъ алмазъ въ корѣ есть тотъ же дикій камень
 Науки, званія всѣ сродны межъ собой:
 Небесны чада, всѣ назначены судьбой,
 Въ жилище бревностей переселясь отъ вѣка,
 На крыльяхъ мудрости возвыситъ человекъ.
 Старайтесь, жертвуя небеснымъ снѣмъ сестранъ (науканъ)
 Вы, юноши, снискать блещаніе даранъ,
 Чѣмъ васъ украсила обильная природа,
 Для чести вашей и росскаго народа.
 Напрасно будете безъ помощи наукъ
 Надежду полагать на дѣло вашихъ рукъ:
*Безъ просвѣщенія напрасно все старанье,
 Скульптура — кукольство, а живопись — маранье.*
 И чтобъ достигнуть вамъ до славной высоты,
 Искусства видны гдѣ безсмертны красоты,
 И гдѣ духъ творческій натурою владѣтъ,
 Гдѣ ираморъ говоритъ, и душу холстъ имѣтъ,
*Сравнитесь съ знаменемъ великихъ вы людей;
 А безъ того имѣть къ успѣху нѣтъ путей;*
 Художникъ всегда останется безславенъ.
Художникъ безъ наукъ ремесленнику равенъ.
 Не воображайте вы себѣ, чтобъ Апеллъ
 Лишь только кистию одной владѣть умѣлъ,
 Снискатель естества, премудрости любитель,
 Онъ въ краскахъ философъ и смертныхъ просвѣтитель....

Здѣсь Княжнинъ, какъ поэтъ, употребилъ уже другой способъ вырженія; жаль только что онъ не обратилъ достаточнаго вниманія на обработку стиха; а онъ имѣлъ силу владѣть имъ.

Надъ всеми науками, необходимыми какъ для таланта, такъ и для здраваго человека, Княжнинъ возвышаетъ чистоту нравовъ, и науку — *умѣть на сѣпѣи жить*. Какая жъ это наука? самая простая и легкая — стараться быть человекомъ :

«Напередъ талантовъ всѣхъ намъ нуженъ человекъ!»

Талантъ, помраченный дикостью, заставитъ все общество бѣжать отъ

себя, какъ отъ страннаго негодима, и наконецъ самъ погибаетъ.

Но это означенная наука

..... единая искусства въ свѣтъ выводитъ,
 При жизни славу имъ (талантамъ) она одна находитъ,
 И украшая ихъ творить блаженнымъ вѣкъ.

 Чтобъ зданія привлечь ко внутреннимъ краскамъ,
 Не должно-ль чтобъ и входы прианчивъ былъ очанъ....

Съ этой наукой талантъ снискиваетъ себѣ и пріятность и почтенъ въ обществѣ.

Нертѣдко то виной художниковъ роушенъ,
 Которые хотя имѣютъ дарованъ,
 Но не утѣвъ себѣ пріятностей снискать,
 Почтенъ въ обществѣ не могутъ привлекать;
 И всюду привнесъ одну съ собою снуку,
 Привѣтствомъ мучать всѣхъ и сами терпятъ муку.
 Почто въ востачіи за то винить людей,
 Что счастья за талантъ не виднѣ въ жизни сей?
 Почто роптать на роль, живя въ платечной долѣ?
 Почтенъ заслужить отъ свѣта въ нашей волѣ.
 Не вите также, чтобъ почтеніе о'рѣсть
 Нужна бы вамъ была чиновъ степенна честь.
*Не занимался за сломъ о ртцахъ алералъ,
 Рафаель не бывалъ коллежникомъ ассеворалъ.*
 Животворящую оиъ кистию одною
 Не меньше славенъ сталъ, какъ славенъ и герой,
*Художникъ, своему способству незначителю,
 Желаетъ гина лишь въ добаселъ даровалю*.*

Разумѣется, все это относится не только къ художникамъ, но и ко всемъ жрецамъ искусства. Здѣсь мы только замѣтимъ, что Княжнина какъ-то странно принимаетъ слово—счастіе: оно по его словамъ не что иное, какъ синонимъ почтенію, которое оказываетъ свѣтъ умному человеку, но это скорѣй ведетъ къ славъ, чѣмъ къ счастію, часто случается, что человекъ, при всемъ къ нему уваженіи добромыслящихъ людей, не знаетъ счастія. По мнѣнію Княжнина счастіе таланта—въ собственныхъ его рукахъ, потому что въ его волѣ заслужить почтеніе отъ свѣта. Эта мысль какъ-то не сходится въ сво-

* Полное собраніе сочиненій Княжнина, 1848 года. Изданіе Смирдина, стр. 499.

нѣ чести, сами слова — частіе, но, принимая ихъ, самому, тѣмъ же мѣрило; припомъ же слова и счастье равно — рѣдко, достаются иуды одному человеку.

Здѣсь же кстати замѣтить еще объ одномъ стихотвореніи Княжнина, написанномъ около того же времени — это «Посланіе тремъ граціямъ»; оно отчасти показываетъ намъ, какъ смотрѣлъ Княжнинъ на искусства. По его мнѣнію, главнѣе въ искусствѣ есть грація; безъ нея нѣтъ истиннаго искусства; ее же даетъ намъ ни наука, ни даже многоуважаемая въ то время реторика, а только одна природа. Граціи онъ называетъ сопутницами всего прекраснаго.

Сопутницы прекраснаго всего!
 Сама краса не стоитъ ничего:
 Черты ея бездушны, слезы, слезны,
 Коль ошело знакомство лшима,
 Жеманится безъ прелесть оца

.....

Напрасно Ферть ухитить хотѣлъ всѣхъ,
 Что стихъ его вѣстивъ притетво наме;
 Что написать никто не можетъ краше;
 Что отъ его быть долженъ драмы смѣхъ,
 За тѣмъ, что слогу, по правиламъ шутовымъ,
 Коническій, и острый, и иржавый,
 Не ввелъ его проказной муамъ въ грѣхъ;
 Что онъ такъ чистъ, какъ ясная водица,
 То правда; но и столько жъ вкусенъ онъ;
 И зрителей упрямая станца,
 Въ тотъ часъ, какъ самъ онъ имъ давалъ замонъ
 Хвалить себя въ ладони ударяя,
 Сидѣли отъ не праведно злѣя,
 Межъ тѣмъ Еннъ, любезный новичокъ,
 Сшибъ мастера своею драмою съ ногъ,
 Вамъ, Граціи, служитель онъ покорный,
 И, не смотря на судъ отъ Ферта озарный,
 Помрачилось безъ правды злѣе и левъ*,
 Риторикъ есел на пострамленде.

* Вероятно это паномъ на Аблесимова. Его комедія «Мельничка» извѣстна въ 1779 году, написана противъ многихъ современныхъ правилъ; и, не смотря на то, была принята съ восторгомъ всѣми.

Вот какія чудеса дѣлають Граціи! Здѣсь же Княжнинъ предлагаетъ правила и наставленія каждому писателю; они не многосложны:

«Любезенъ бузѣ, воспитанъ и вѣдливъ»
 Но чтобы намъ до этого достигнуть,
Риторика! пожалуй, извини:
 Всѣ бисеры твои намъ должно кинуть.

Эти мысли весьма оригинальны для того времени, когда риторика часто замѣняла талантъ; когда безъ нея никто не осмѣливался браться за перо; она же предписывала самыя строгіе законы, и немножко ототунить отъ нихъ уже было преступленіе. Далѣе говорить Княжнинъ:

Безъ мудростей вы всѣхъ сердце паричи,
 И истинный оселю даюте вкусъ,
 Когда васъ нѣтъ, храни музыка дремлетъ,
 И живопись нахмуренъ видъ присмлетъ;
 А гордал архитектура — грубъ,
 Поэзія души не воспитываетъ,
 И танцы есть лишь шарканье ногой.
 Актера себя предъ зрителемъ ломаетъ.
 А съ вами Гюсъ*, подпора Мельпомены,
 Пріятная владчица сердецъ,
 Отъ нашихъ слезъ беретъ похвалъ вѣнецъ...

 О, вы! вы всѣ, которыхъ дни блаженны
 Художествамъ пріятнымъ посвященны,
 И славы въ хранѣ грядущи музъ въ садѣ,

* Французская актриса въ Петербургѣ. «Гюсъ дѣйствительно была Мельпоменою французскаго петербургскаго театра, говоритъ современникъ ея, Глинка. Мнѣ было семнадцать лѣтъ, когда въ первый разъ я видѣлъ ее въ *Альзирѣ*. Сильно волновалось сердце мое во время двухъ дѣйствій; но когда въ третьемъ дѣйствіи, почитая *Замора* убитымъ, и, взывая къ тѣни его, она произнесла: «le trait est dans mon cœur», я дуналъ, что сердце вырвется у меня изъ груди, выбѣжалъ изъ театра и за трепетъ душевный заплатилъ горячкою. Вскорѣ потомъ встрѣтилъ я эту драматическую очаровательницу въ Лѣтнемъ саду, и что же увидѣлъ? женщину небольшого росту, лицо въ веснушкахъ; волосы золотистые.

*Когда прельщать самъ должны бытъ предметы,
Чтобъ и мена остались вѣрни отъ него,
Вы Граціи молнитесь сердечно.*

Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ вѣрно подмѣтилъ Княжнинъ это могущество граціи во всехъ искусствахъ. Былъ ли Боало его наставникомъ или нѣтъ, но только въ немъ разумно развилось эстетическое чувство, которое немногіе изъ его современниковъ могли высказать такъ ясно и сознательно.

Получая достаточное жалованье, Княжнинъ снова могъ жить открытымъ домомъ. Конечно въ это время въ немъ уже не кипѣло того юношескаго восторга къ жизни, какъ прежде; онъ смотрѣлъ на нее уже не тѣмъ яснымъ взоромъ, но за то опытность мужа отличала его отъ многихъ, неискушенныхъ бѣдствіями жизни; въ эти годы сильнѣе развилось его комическое направленіе, которое онъ выказалъ въ своихъ прежнихъ комедіяхъ. Княжнинъ, какъ видно, былъ любимъ и уважаемъ всеми, кто только зналъ его. «Открытый домъ Княжнина, говоритъ одинъ его современникъ, былъ самымъ лучшимъ сборищемъ для всехъ ученыхъ людей; любителямъ изящныхъ наукъ въ кругу его общества, въ маленькомъ семъ пантеонѣ, питали сердца свои, а молодые стихотворцы образовывали юныя свои дарованія, оживотворяясь разумомъ нашего поэта». Въ это время Сумарокова уже не было на свѣтѣ*, и вотъ зять его, по словамъ современниковъ, остался какъ бы его наследникомъ въ драматическомъ искусствѣ; и сдѣдственно въ главѣ первостепенныхъ писателей. Княжнинъ всегда уважалъ память Сумарокова, называлъ его славнымъ поэтомъ и возстановителемъ російской Мельпомены, а его трагедіи бессмертными. Николевъ, даровитый писатель, въ осмѣяніе умершаго Сумарокова, написалъ комедію: «День рожденія стихотворца.» Во время ея представленія просвѣщенные зрители остались ею довольны.

Въ это время Княжнинъ сблизился съ фонъ-Визинимъ, который уже обезсмертилъ себя своимъ «Недорослемъ». Фонъ-Визинъ отличался въ обществѣ своими колкими и ѣдкими остротами, которыя всегда рождались отъ его благороднаго чувства: Княжнинъ же отли-

* Сумароковъ умеръ въ 1777 году.

чался скромностью, и, опасаясь ссоръ и споровъ, удерживалъ своей лязкъ отъ всякихъ насмѣшекъ и колкостей; но оба комика часто остряли другъ надъ другомъ. Въ это же время Княжнинъ соединился самой тѣсной дружбой съ Иваномъ Леонасьевичемъ Дмитревскимъ, русскимъ актеромъ, который пользовался тогда величайшею славой въ Россіи. Онъ былъ сынъ ярославскаго купца, вместе съ Волковымъ, по желанію Императрицы Елисаветы, вызванъ въ Петербургъ, и здѣсь опредѣленъ въ кадетскій корпусъ для образованія.

Обучившись лязкамъ, и постепенно развивая свой талантъ трагедіями Сумарокова, Дмитревскій первый вступилъ придворнымъ актеромъ на русскій театръ, отырытый въ 1756 году. Черезъ девять лѣтъ онъ былъ посланъ путешествовать по Европѣ для усовершенствованія себя въ театральномъ искусствѣ. Но безъ пользы для себя и для театра путешествовалъ онъ; едва ли кому изъ русскихъ тогда уступалъ онъ въ своемъ образованіи. Возвратясь въ Россію, онъ всецѣло предался своему искусству; обратилъ вниманіе на декламацию русскихъ актеровъ, смягчилъ тотъ расхвѣтъ, съ какимъ они обыкновенно произносили свои монологи, и устроилъ русскую сцену сообразно съ требованіемъ искусства. Онъ превосходно игралъ въ трагедіяхъ и комедіяхъ, и даже самъ писалъ ихъ; особенно была въ большой чести переводная опера его «Дианно дерево». Не рѣдко онъ помогалъ советами молодымъ писателямъ, но просьбы ихъ не направлялъ ихъ собственныя сочиненія, и такимъ-образомъ всеми силами способствовалъ развитію своего любимаго искусства. Онъ питалъ особенное уваженіе къ Сумарокову, какъ къ отцу русскаго театра, и даже по смерти его написалъ ему похвальное слово. Уважая и Княжнина за его драматическій талантъ, Дмитревскій нашолъ въ немъ искренняго друга, и вѣроятно часто былъ полезенъ ему своими советами.

Княжнинъ не оставлялъ своей мысли — писать трагедіи. Сюжетъ «Владимира и Ярополка» былъ взятъ изъ исторіи, но трагедія не имѣла успѣха. Тогда Княжнинъ рѣшился идти уже прямо по стопамъ своего тестя: выдумать сюжетъ, придавъ ему видъ историческій. И вотъ такимъ-образомъ онъ написалъ новую трагедію «Рославль». Въ пей онъ выставилъ Русскаго въ плѣну у ивѣдскаго короля Христіана. Главная мысль поэта была представить твердость характера русскаго человека, непреодолимую любовь

его къ отечеству, чести, праведумію и прочая. Все это соединилось въ одномъ лицѣ Росслава и выставилось въ контрастъ противъ тиранизма Христіана, и никакой зачатки его некоемудра. Разумѣется, любовь составляетъ здѣсь важную причину; около нея вертится главное дѣйствіе; все стонуть, охаютъ, страдаютъ, и все отъ любви, какъ и во всѣхъ трагедіяхъ того времени.

Осмаго февраля 1784 года трагедія «Росславъ» въ первый разъ была назначена для представлѣнія. Въ то время всякая новая пьеса привлекала въ театръ огромное число зрителей; еще больше собралось имя Княжнина, который давно уже не являлся съ новой пьесой, а жилъ въ обществѣ только своей прежней славой. Публика съ невыразимымъ восторгомъ приняла трагедію, аплодировала при всякомъ словѣ Росслава, котораго игралъ Дмитревскій, и, говорятъ, игралъ увлекательно. По окончаніи трагедіи, восхищенные зрители единогласно съ торжественными рукоплесканіями вызывали автора. Такой чести до-тѣхъ-поръ не видала еще ни одна трагедія на русской сценѣ: намъ не было известно обыкновеніе вызывать сочинителей. Вызовъ Княжнина былъ первый вызовъ отъ русской публики. Скромный Княжнинъ никакъ не ожидалъ этого; пораженный нечаянно, онъ былъ оглушенъ гремѣвшими кликами, и, смущенный, опрометью бѣжалъ изъ театра. Но имя Княжнина не умолкло; все признавали его Расиномъ, первымъ современнымъ русскимъ трагикомъ, и за то хотѣли почтить небывалой честью. Наконецъ Дмитревскій явился впереди публикой, и успокоилъ ее слѣдующими словами: «М. Г., сочинителя пьтъ въ театрѣ*»; но голосъ вашъ, столь для него лестный и перешедшій и въ мое сердце, передамъ ему съ чувствомъ благодарности за тотъ торжественный вызовъ, которымъ вы увѣщали его». За этими словами загремѣли новыя рукоплесканія, но Княжнинъ зналъ о нихъ только по однимъ рассказамъ Дмитревскаго. Дмитревскій, возвратясь домой, нашелъ тамъ своего друга, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ его. Увидя хозяина, Княжнинъ бросился обнимать его съ восторженными словами: «Счастливъ Княжнинъ, что родился во времена Дмитревскаго; ему, а не себѣ обязанъ онъ торжествомъ «Росслава». Княжнинъ посвятилъ свою трагедію княгинѣ Екатерины Романовны Дашковой. Въ своемъ посвятельномъ письмѣ

* Свидѣтельство С. П. Главина.

незтъ представляють некоторую характеристику занятій этой любимицы Екатерины; въ немъ же онъ указываетъ и на ту оригинальность своего «Росслава», которая отличала его отъ всѣхъ современныхъ трагедій. Выписываемъ читателю все это письмо, довольно любезнѣе по своему тону :

«Просвѣщенному вашего сіятельства разуму, который столько знаій объемлетъ; вашему вкусу, тонкому, изящному и разборчивому, осмысливаюсь представить на судъ моего сочиненія трагедію «Рославъ». Я этого, можетъ-быть, никогда бы не отважился сдѣлать, опасаясь быть помѣхою вашихъ важныхъ упражненій;

Но та, которая бесѣдуетъ съ Невтономъ,
 Возвышена достоинствомъ своимъ
 Быть сердцемъ мѣкъ наукъ и троновъ
 И быть красою имъ,
 Умѣетъ и сама прельщать насъ ширвымъ тономъ*.

Остроумію вашему все свойственно. Вы столько же легко мыслію протекаете пространства, Ураніею измѣренныя, и проникаете въ таинства природы, какъ пожинаете цвѣты парнасскіе. Таковъ и долженъ быть предстатель наукъ**. Привязанность его вкуса къ одному предмету оставляла бы всѣ другія дарованія въ небреженіи, и привела бы ихъ въ оцѣпенность. Но вы изволите знать, сколько безъ изытія всѣ знанія нужны; вамъ извѣстно, что они непрерывною нитію взаимнаго союза сопряжены, что одно другое подкрѣпляетъ или украшаетъ; вамъ извѣстно, что бы мудрствованіе было безъ слова и слово безъ мудрствованія. А для того вы ни самой малѣйшей части и въ словесныхъ наукахъ не хотите оставить безъ вниманія и ободренія таланта. Можетъ-быть, милостивая государыня, не желая отнять у васъ времени, которое вамъ драгоценно, я уже проступился въ ономъ, и вамъ наскучилъ. Но, говоря о васъ, можно ли говорить сокращенно. *Больше всего боюсь, чтобы вы не приняли этого за намѣреніе лести, члмъ часто грѣшны бываютъ письма, при которыхъ сочиненія вельможамъ подносятся.* Но вы изволите сами знать, что мое скромное усердіе еще не все сказало, въ чемъ свѣтъ вамъ справед-

* Книжница Дашкова, по желанію Екатерины, написала комедію «Тонсковъ», довольно впрочемъ посредственную.

** Дашкова была въ то время председателемъ академіи наукъ.

*любовь отдасть; оставя то, что никто меня извѣстію лести об-
винить не можетъ,*

*Однѣ заслуги тѣя, моя не подла мужа;
Блѣжа порокова со лестію оюза,
Въ терпѣліи своемъ несчастна, но тогда,
Не приносила жертвъ фортуны никогда.*

•А сверхъ того, мое почтеніе къ вашимъ достоинствамъ, принося жертву единому вашему просвѣщенію, инаго ничего не желаетъ, какъ только суда моему сочиненію, *гдѣ не обыкновенная страсть любви, которая на російскохъ театръ только одна была представляема, но страсть великихъ душъ, любовь къ отечеству, изображена.* Не занятъ самолюбіемъ, симъ развратителемъ моихъ собратій—стихотворцевъ, ласкаю себя и дежду, что эта добродѣтельная страсть къ своему обществу, которая ваше сердце наполняетъ, *возможетъ приобрести ваше благоволеніе; и что вы для сего единаго найдете мое произведеніе достойнымъ вашего покровительства.* Блаженъ, если этимъ моимъ слабымъ опытомъ подвину я російскихъ писателей, живущихъ болѣе меня дарованій, своими (ихъ) безсмертными сочиненіями живыхъ театральныхъ картинъ, *нашихъ истинныхъ героевъ и благотворителей согражданъ* вводитъ въ храмъ вѣчности”....

Изъ этого письма нельзя не видѣть, что Княжнинъ уже чувствовалъ всю приторность любви во французскихъ и нашихъ трагедіяхъ; ему хотѣлось видѣть на нашей сценѣ другія чувства и страсти. Жаль, что онъ не былъ знакомъ съ Шекспиромъ, иначе онъ вѣрно бы воспользовался многими превосходными образцами. Но самъ онъ еще не могъ произвести дѣйствительной реформы; потому, что талантъ его могъ дѣйствовать только подражательно, по извѣстнымъ образцамъ. Въ его «Рославъ» любовь почти такъ же приторна, но надъ ней уже возвышаются другія чувства. Отчего же Княжнинъ не представлялъ самъ *нашихъ истинныхъ героевъ и благотворителей согражданъ*, героевъ историческихъ, которыхъ ему хотѣлось видѣть на нашей сценѣ? отчего жъ онъ выставилъ небывалое лицо Рослава, сказавъ фактъ шведской исторіи? Мы не знаемъ, что отвѣчать на такой вопросъ; вѣроятно тутъ много дѣйствовали примѣры и даже совѣты покойнаго Сумарокова; или можетъ—быть онъ не находилъ въ нашей исторіи любви, безъ которой еще не могла обойтись наша тра-

годя, но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же было побуждать другихъ на такое дѣло!

Нельзя сказать, что Княгиня въ своемъ письмѣ не преувеличиваетъ достоинства Дашковой; но замѣтимъ, что это преувеличеніе не отъ лести, которой чуждался авторъ «Росслава»; нѣтъ, оно было отъ того уваженія и удивленія, какое питала къ ней большая часть образованныхъ современниковъ. Да и въ-самомъ-дѣлѣ, эта любимица и достойная сановница Екатерины была замѣчательное лицо того времени. Она была тогда единственная русская женщина — такъ образована, такъ начитана, и съ такой любовью къ искусствамъ и наукамъ. Окончивъ девятнадцати лѣтъ, она схватилась за книги, и покровительствуемая Екатериной, тогда еще Великой-Княгиней, проводила съ нею большую часть времени въ чтеніи извѣстныхъ писателей и въ изученіи современныхъ философовъ. Такимъ-образомъ, можно сказать, она сама образовала себя и явилась помощницей Екатерины въ дѣлѣ образованія ея поданныхъ. Въ 1782 году, Екатерина назначила Дашкову директоромъ академіи наукъ; въ этомъ званіи Екатерина Романовна всеми силами старалась споспѣшествовать успѣхамъ академіи. На слѣдующій годъ (1783) Императрица поручила ей составить другую академію, подъ названіемъ россійской, которая обязана была заниматься преимущественно русскимъ языкомъ; княгиня Дашкова пригласила многихъ русскихъ писателей и другихъ людей, извѣстныхъ своими знаніями, составить изъ себя членовъ академіи: сама же она была назначена ея председателемъ. Новая академія дѣлательно занялась составленіемъ русскаго словаря. Къ этому труду княгиня Дашкова, отъ имени академіи, пригласила въ среду ея членовъ и Княжнина. Княжнинъ всегда былъ готовъ трудиться для пользы общества; и теперь онъ принялъ ревностное участіе въ издаваемомъ словарѣ; говорятъ, что онъ же вмѣстѣ съ Фонъ-Визинымъ переводилъ словарь, изданный французской академіей.

Въ это время княгиня Дашкова получаетъ рукопись стиховъ почти еще неизвѣстнаго поэта, Державина; а стихи эти были «Ода Фелиць». Пораженная твердостью и звучностью языка, смѣлостью кисти, наковецъ пламеннымъ вдохновеніемъ, съ какимъ описываетъ поэтъ образъ Фелицы, Дашкова поднесла оду Екатеринѣ, а сама задумала мысль издавать журналъ. Она видѣла изъ примѣра Державина, что многіе таланты скрываются въ неизвестности, и не могутъ

исполнѣ развивать себя, затѣмъ, что, не имѣють средствъ дѣлать извѣстными свои сочиненія: а въ этотъ годъ (1783) не предвидѣлось даже ни одного журнала. Княгиня Дашкова, какъ покровительница искусствъ, рѣшилась помочь безпомощнымъ писателямъ, и вотъ, съ разрѣшенія Императрицы, объявила изданіе журнала, въ которомъ назначалось помѣщать только оригинальныя произведенія русскихъ писателей. Этотъ журналъ былъ «Собесѣдникъ любителей русскаго слова»; по своему достоинству и по своей оригинальности, онъ былъ единственный журналъ того времени; въ немъ не только находили убѣжище ваши писатели, среди которыхъ была и сама Екатерина, но его съ восторгомъ читали всѣ истинно-русскіе люди, и не могли нахвалиться имъ; первое произведеніе, помѣщенное въ немъ, была «Ода Фелиць». Въ этомъ журналѣ участвовалъ и Княжнинъ. Тамъ напечаталъ онъ свою рѣчь, сказанную имъ въ собраніи академіи художествъ; мы уже говорили о ней читателю. Тамъ же печаталъ онъ и нѣкоторыя свои мелкія стихотворенія, одни уже извѣстныя публикѣ, но переправленныя, какъ на примѣръ «Утро», «Морь звѣрей» (прежде напечатанныя въ журналѣ «Академическія извѣстія», 1781 года); другія новыя, «Стансы Богу», «Улиссъ и его спутники», «Вечеръ», «Феридина ошибка» и другія; всѣ онъ выражаютъ два направленія Княжнина: или сатирическое или мечтательное, геснеровское.

Между-тѣмъ нашему поэту готовилась новая слава. Въ это время въ Европѣ славилась итальянская опера «Милосердіе Тита» (*Clemenza di Tito*), написанная аббатомъ Метастазіо въ честь германскаго императора Карла-Шестаго. Екатеринѣ-Второй угодно было ввести ее на нашу русскую сцену; быть-можетъ въ лицѣ Тита она видѣла отраженіе своей собственной прекрасной души, которая всегда была склонна къ великодушію и милосердію. Она повѣрила свою мысль директору своего театра, тайному совѣтнику и дѣйствительному камергеру, Василью Ивановичу Бибикову. Бибиковъ былъ страстный любитель театральныхъ представленій, и даже самъ написалъ комедію въ русскихъ нравахъ «Лихоненъ», которая много разъ и всегда съ похвалою была играна на придворномъ театрѣ. Хорошо знакомый съ нашими драматическими талантами, онъ остановилъ свой взоръ на Княжнинѣ, и поручилъ ему исполнить мысль Императрицы. Княжнинъ съ жаромъ принялся за дѣло. Боготворя Екатерину, онъ хотѣлъ въ лицѣ римскаго императора выставить образъ Русской Императрицы.

Для этого не нужно было измѣнять самую оперу. Въ-самомъ-дѣлѣ то дѣйствіе, которое представилъ Метастазіо, много напоминало собой нѣкоторыя дѣйствія Екатерины. Титъ изъ милосердія своей ангельской души прощаетъ своихъ враговъ и благодѣтельствуетъ имъ — не разъ тоже самое дѣлала и Екатерина. Титу предлагаютъ сокровища, собранныя со всей имперіи, и изъ нихъ хотѣтъ построить храмъ въ честь его, «утѣхи человѣческаго рода;» Титъ отказывается, и указываетъ на несчастныхъ страдальцевъ, едва спасшихся отъ гибельнаго изверженія Везувія, жертвой котораго сдѣлались Геркуланъ и Помпея; имъ-то, этимъ несчастнымъ, назначаетъ онъ собранныя сокровища. Въ 1767 году русское дворянство и купечество предприняли соорудить памятникъ въ честь Екатерины, и для того уже собрали значительную сумму денегъ. Екатерина узнала о томъ и остановила усердіе: «что значать памятники, воздвигнутые изъ золота и мрамора, сказала она; я лучше желаю воздвигнуть себѣ монументъ въ сердцахъ своихъ поданныхъ». Потомъ она изъявила желаніе, чтобъ эту сумму, собранную до 150,000 рублей и еще увеличенную собственнымъ ея щедрымъ взносомъ, обратить къ облегченію несчастныхъ, на сиротскіе дома, богадѣльни, госпитали. Такимъ-образомъ Титъ въ томъ видѣ, какъ онъ представленъ у Метастазіо, много напоминалъ современникамъ Княжнина ихъ Императрицу. Сущность дѣйствія Княжнинъ оставилъ ту же самую во всей ея полнотѣ, но онъ старался еще увеличить кротость характера Тита.

Въ три недѣли изъ либретто итальянской оперы составлялась русская трагедія, и въ скоромъ времени была представлена на театрѣ. Не нужно говорить, съ какимъ восторгомъ слушали ее зрители; тутъ ужъ было не до критики, гдѣ была только одна чувствительная признательность къ той высокой особѣ, которая представлялась въ лицѣ Тита. Дмитревскій здѣсь превзошелъ самого себя. Современники говорятъ, что ни одного разу не опускалась занавѣсъ безъ того, чтобъ кто-нибудь изъ зрителей не провожалъ актеровъ глазами, увлажненными слезой; эта слеза, конечно, была лучшей наградой и автору и актеру, а еще болѣе самой Русской Царицѣ.

Говорятъ, что Княжнинъ уступалъ Дмитревскому половину своей чести въ этой трагедіи, и со слезами благодарности обвинялъ его. Екатерина изъявила нашему поэту свое милостивое благоволеніе, и

прислала ему богатую табакерку съ своимъ везелемъ, украшеннымъ брилліантами.

Между-тѣмъ Княжнинъ, ревностно занимаясь службой у Бецкаго, принялъ на себя еще новую обязанность. Графъ Ангальтъ, начальникъ императорскаго сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса, наслышавшись о талантахъ и образованіи Княжнина, предложилъ ему преподавать кадетамъ уроки *россійскаго слога* или реторику, и притомъ только въ тѣ часы, какіе оставались у него свободными отъ службы. Княжнинъ принялъ предложеніе, и на этомъ новомъ и благородномъ поприщѣ оказалъ, какъ и вездѣ, свою полезную дѣятельность. Здѣсь онъ въ первый разъ читалъ своего «Тита». — «Я былъ въ числѣ слушателей, говорить въ своихъ запискахъ С. Н. Глинка: и теперъ повторяю съ Сень-Ламберомъ:

«Ужъ соловей умолкъ, но слышу пѣснь его!»

«Здѣсь же, въ присутствіи графа Ангальта и всѣхъ офицеровъ, Княжнинъ говорилъ кадетамъ рѣчь объ употребленіи времени. И въ этой рѣчи не натянутое умствованіе, которое часто наполняетъ рѣчи, а явныя убѣжденія, выведенныя изъ опытовъ жизни, прекрасная философія души, которая часто углублялась сама въ себя, благородное стремленіе гражданина ко благу своего отечества, и наконецъ личныя стремленія поэта. Вотъ чтò говоритъ Княжнинъ объ употребленіи времени:

«Всякій о семъ (какъ употреблять свое время) говоритъ и старается, но всякій оное различно понимаетъ. Сіе разнообразіе мнѣній, кажется мнѣ, по большей части происходитъ отъ того, что люди, привыкнувъ пользы всѣхъ обращать къ своимъ, единственно распредѣляютъ время по собственнымъ вкусамъ и выгодамъ. Сколько пристрастій и слабостей, сколько образовъ употреблять время въ пользу свою, то-есть насыщать желанія свои иногда пустыми и дѣтскими забавами (ибо всякій возрастъ можетъ имѣть свои куклы), иногда со вредомъ своего здоровья и самой чести, а иногда со вредомъ другихъ. Не подумайте, государи мои, чтобъ я въ семъ словъ хотѣлъ быть сатирикомъ реда человѣческаго; чтобы, исчисляя всѣ недостойные пути, которыми роскошь и празднолюбіе ведутъ насъ къ гибели, а чтò еще болѣе — къ безславію, и дѣлаютъ человѣковъ едва заслуживающими священное имя человѣка. Я изобразилъ бы предъ вами иногда до-

стойное слезъ употребленіе нашего времени. Я не хочу вашихъ невинныхъ душъ смутить видомъ безобразія такихъ слишкомъ мрачныхъ картинъ, которыми, покрывая ихъ прелестнымъ лакомъ, оболщаютъ часто насъ врожденныя во всѣхъ сердцахъ страсти; сіи крылія, возвышающія челоѡкѡвъ, если разумокъ ими предъ свѣтильникомъ добродѣтели управляетъ, и также низвергающія ихъ, если онъ царствуютъ надъ разумкомъ. Отдалимъ отъ нашихъ мыслей пороковъ картины, и вмѣсто того, чтобъ унижать челоѡчество, лучше сдѣлаемъ ему честь изображеніемъ тѣхъ отмынныхъ, тѣхъ возвышенныхъ душъ, которыя приуча себя отъ младенчества находить выгоды свои въ выгодахъ общественныхъ и содѣлавъ свою страстію славу, почитали время для того дорогимъ, чтобы полезными быть. Вотъ, мнѣ кажется, мнѣніе мудрыхъ объ употребленіи времени въ пользу.... И въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ оспорить мнѣніе мудраго: стараться быть всегда полезнымъ обществу, и не хотѣть, чтобъ оно служило его праздности». За тѣмъ Княжнинъ выводитъ, что все время жизни челоѡка не его время; оно принадлежитъ отечеству.

«Соображая сіи святые обязанности, продолжаетъ онъ: рассмотримъ теперь, что значить въ семъ смыслѣ употреблять время свое съ пользою? Но чтобъ изслѣдовать сіе обстоятельство, начнемъ отъ начала рожденія челоѡка. Проходя ничтожныя лѣта младенца, которыя достойны почтенія и вниманія по одной только надеждѣ, что сіе слабое и почти ничѣмъ отъ прочихъ тварей неотличающееся созданіе, не вѣчно будетъ младенцемъ, а со временемъ станетъ на чреду истинныхъ челоѡковъ; приступимъ прямо къ возрасту, когда понятіе разверзается, когда душа начинаетъ выходить изъ узъ земныхъ. Оруженный нуждами, тогда челоѡкъ чувствуетъ необходимость быть нужнымъ. И вотъ время его начинается. Не забывайте, государя мои, что я, оставляя тѣхъ, которые по образцу только челоѡчки, говорю о тѣхъ, которые дѣлаютъ честь всему имени. И такъ чувствуя необходимость быть нужнымъ, челоѡкъ чувствуетъ необходимость быть ко всему способнымъ. Какимъ образомъ достигнуть до того — божественный сонмъ наукъ и художествъ, соединенныхъ неразрывнымъ союзомъ, является его глазамъ. Безсмертный свѣтъ, отъ нихъ блистающій, показываетъ новой душѣ юно-

ни то, что онъ есть и то, что онъ можетъ быть, когда разумъ его освѣтится ихъ сіяніемъ»....

Далѣе Княжнинъ описываетъ свойство наукъ, необходимыхъ для образованія ума, какъ на примѣръ математика, физика, логика, и показываетъ тѣсную связь ихъ между собою. «Но все то мало, если сердце низко, говоритъ онъ: *остроумный и развращенный человекъ, когда сіе можетъ быть совмѣстно, пагубнѣе невѣжи простодушнаго*». Для образованія сердца онъ предлагаетъ исторію, нравученіе, богословіе, но при этомъ онъ забываетъ искусства, которыхъ самъ былъ страстный любитель. Ко всему тому «умѣть повиноваться, умѣть повелѣвать, умѣть жить добродѣтельно — столько же необходимо какъ и дышать». «Юриспруденція должна быть важнымъ предметомъ изученія для всякаго». А если, продолжаетъ онъ: кому власть монаршая вручаетъ вѣсы правды, куда, съ одной стороны, льются слезы горестныя невинно-притѣсненныхъ, а съ другой — наглый порокъ, дерзновенною рукою, возвыся гордое чело, подавляетъ слабость — сколько лестно единымъ наклономъ сихъ вѣсовъ, подъявъ невинность, утѣнить ея плачъ и незвергнуть алчное высокомеріе».... (Сочиненія Княжнина вторая часть, стр. 600; изданіе Смирдина). Наконецъ Княжнинъ требуетъ совершеннаго знанія природнаго языка, такъ какъ всякій рождается для пользы своего отечества. Такимъ образомъ онъ составляетъ какъ бы систему для образованія души, на что долженъ употреблять свое время юноша. Ничего не считаетъ онъ тутъ лишнимъ, ничего не позволяетъ исключать: все, подкрѣпля одно другое, способствуетъ *созидать, украшать и возвышать душу*.

Наконецъ здѣсь Княжнинъ, какъ поэтъ, выражаетъ во всей ясности то свое личное стремленіе, котораго только нѣсколько коснулся онъ въ своей первой рѣчи, произнесенной художникамъ въ ихъ академіи — это стремленіе къ славѣ:

«Укрѣпляйте его (голосъ славы) всеми силами, говоритъ онъ: берегитесь заглушать его, и не стыдитесь любить славу страстно. Сія единая страсть достойна сердца мудраго. Я знаю, многіе, не могшіе удостоиться благостей ея, противъ нея возглашали и притворялись показывать къ ней презрѣніе; но несравненно легче *оней худо говорить, нежели умѣть ее заслужить*. Вѣрьте, государи мои, во вашимъ собственнымъ чувствамъ, что *она единая виновни-*

ца всѣхъ великихъ дѣлъ. Человѣкъ, не чувствующій ея, слабъ, замѣнанъ въ стадъ рода человеческого, млветь и пресмыкается подъ игомъ мрачной и лѣнливой жизни; но алчущій славы, отвергая недостойный покой, самъ изъ себя исторгается, и, такъ сказать, неслѣнно умножаетъ самаго себя: во время юности въ трудахъ ученія; во время возраста совершеннаго въ исполненіи своихъ обязанностей, и служа человѣкамъ силами и просвѣщеніемъ, далеко оставляетъ ихъ въ некоторомъ родѣ обожанія къ себѣ. Такъ *единою славою сдѣлались всѣ великіе во всѣхъ родахъ люди.* Ею составлялись тѣ герои, тѣ побѣдители народовъ и защитники своего отечества, тѣ законодатели, философы, превосходные писатели — сіи благодѣатели и просвѣтители рода человеческого, которыми древняя Греція, древній Римъ и другіе новѣйшіе народы насъ приводятъ въ удивленіе и восхищеніе. Ею кажутся намъ превыше человѣковъ Соловъ, Платонъ, Сципіонъ, Титъ, — сей Титъ, называвшій тотъ дѣвъ потеряннымъ, котораго не употреблялъ онъ на пользу государства своего; словомъ *ею сдѣлано все, что ни было великаго, достойнаго нашего обожанія; нынѣ же все то царствуетъ на тронѣ російскомъ*....

Какія въ-самомъ-дѣлъ прекрасныя убѣжденія, и притомъ какъ кстати эта нелестная похвала Екатеринѣ, сдѣланная будто мимоходомъ. Замѣьте, какъ самый языкъ этой рѣчи обработанъ и твердъ, что уже съ перваго взгляда не можетъ идти въ сравненіе съ прежней прозой Княжнина: этотъ языкъ какъ будто переходный отъ языка Ломоносовскаго къ Карамзинскому. Въ это время Карамзинъ еще только готовился къ литературному поприщу мелкими переводами, которые печатались въ «Дѣтскомъ чтеніи» Новикова. Княжнинъ не зналъ Карамзина лично, но былъ хорошо знакомъ съ другомъ юности его, Петровымъ. «Петровъ, по свидѣтельству Дмитріева * , зналъ древніе и новые языки, при глубокомъ знаніи отечественнаго слова, одаренъ былъ необыкновеннымъ умомъ и способностію къ здоровой критикѣ; но къ сожалѣнію ничего не писалъ для публики, а упражнялся только въ переводахъ.... Онъ былъ угрюмъ молчаливъ и подчасъ насмѣшливъ, питалъ страсть къ познанію и къ изящному, имѣлъ силу въ умѣ и доброту въ сердцѣ».

* См. «Николай Михайловичъ Карамзинъ» Старчевскаго, стр. 19.

Такой характеръ легко могъ сойтись съ характеромъ Княжнина, который при тѣхъ же прекрасныхъ качествахъ и еще при болынихъ дарованіяхъ, также смотрѣлъ на многое желчно и съ угрюмой ироніей, что уже досталось ему изъ опытовъ жизни.

Такимъ-образомъ знакомство Княжнина уже зрѣлыхъ лѣтъ и молодого Петрова легко могло обратиться въ пріязнь. Впослѣдствіи Петровъ, восхищенный письмами «Русскаго путешественника», показывалъ ихъ Княжнину, и Княжнинъ достойно оцѣнилъ ихъ, какъ необыкновенно прекрасную новость. Войдя въ классъ къ кадетамъ, онъ восторженно сказалъ имъ: «Привѣтствую русскую словесность съ новымъ писателемъ. Юный Карамзинъ создаетъ новый, живой одушевленный слогъ». Эти слова доказываютъ безпристрастную любовь его къ отечественной словесности: голосъ зависти былъ чуждъ его благородному сердцу.

Княжнинъ не имѣлъ особеннаго дара — читать свои произведенія и тѣмъ болѣе рѣчи, а потому, какъ кажется, онъ мало увлекалъ слушателей. Вотъ что говорится о немъ въ одномъ сочиненіи: «Жаль того, что даръ изображать словами свои произведенія не отвѣчалъ дару краснорѣчія, какимъ обогащены объ его рѣчи. Природная застенчивость препятствовала ему выражать всю красоты, съ какими долженъ ораторъ изъясняться. Вообще онъ не любилъ самъ читать своихъ сочиненій; изъ скромности не хотѣлъ отличать себя излишними порывами восхищенія, а пренебреженіемъ боялся унизить ихъ. Но рѣчи сіи были вскорѣ послѣ того напечатаны, и читатели увидѣли совершенство пера сочинителя, котораго (совершенства) онъ не могъ изъяснить будучи ораторомъ»....

Занимаясь преподаваніемъ словесности, Княжнинъ написалъ нѣсколько замѣчаній для реторики. Мы приводили читателю нѣкоторые стихи его, гдѣ онъ выражался какъ-будто съ недоувѣрчивостью и даже съ какой-то насмѣшливостью объ этой наукѣ. Но не должно полагать, что Княжнинъ въ-самомъ-дѣлѣ не уважалъ реторики, и считалъ ее наукой бесполезной; нѣтъ, онъ только возставалъ противъ тѣхъ, которые реторикой хотѣли замѣнить природный талантъ. Онъ признавалъ достоинство реторики какъ науки, но смотрѣлъ на нее только какъ на вспомогательное орудіе для таланта:

а безъ таланта отвергалъ всю ея силу. Да и какъ можно было не признавать ее въ то время, когда она играла преважную роль и въ школахъ и у писателей: не знать реторики и написать хорошую пьесу — считалось невозможнымъ. При такой важности реторики, нельзя полагать, чтобы и учитель и его ученики довольствовались теми риторическими замѣчаніями, которыя остались намъ отъ Княжнина, тѣмъ болѣе, что въ это время была въ болыной чести подробная реторика Ломоносова. За чѣмъ же Княжнинъ писалъ эти краткія и отрывочныя записки? Для поясненія этого вопроса стоитъ только просмотрѣть внимательно реторику Ломоносова и потомъ обратиться къ самымъ замѣчаніямъ Княжнина. Тогда мы можемъ сказать, кажется, утвердительно, что Княжнинъ писалъ только о томъ, что пропустилъ Ломоносовъ, или на что онъ не обратилъ должнаго вниманія, или наконецъ что выразилъ не такъ ясно, не полно или сбивчиво. Эти записки могли служить не больше, какъ дополненіемъ къ ломоносовской реторикѣ. Такимъ образомъ съ самаго начала Княжнинъ говоритъ о связи логики, грамматики и реторики, о барбаризмахъ и солецизмахъ, чего мы не встрѣчаемъ у Ломоносова. За тѣмъ онъ приступаетъ къ тремъ должностямъ, которыя обязанъ соблюдать писатель: *вымыселъ*, *расположеніе* и *рассказъ* (элокуція). Ломоносовъ весьма много распространяется о нихъ, дѣлаетъ раздѣленія и подраздѣленія; но ничего этого нѣтъ у Княжнина; онъ старается только выразить эти три первыя дѣйствія ума въ тѣсной связи ихъ между собою въ одномъ примѣрѣ, что, кажется, выпустилъ изъ виду Ломоносовъ. Далѣе Княжнинъ распространяется о слогѣ, и главнымъ образомъ раздѣляетъ его на два вида: возвышенный и простой. Ломоносовъ упоминаетъ только о величественной и стремительной матеріи (содержаніи); но не касается никакого раздѣленія слога. Да и могъ ли онъ подраздѣлять его: онъ создалъ себѣ свой языкъ, свой слогъ, и больше не зналъ никакого другаго. Уже послѣдователи и подражатели его принялись за раздѣленіе; ломоносовскій языкъ назвали они высокимъ слогомъ, а всякій другой, болѣе близкій къ разговорному — простымъ. Во время Княжнина ученіе о слогѣ было самымъ важнымъ ученіемъ: желаніе подражать Ломоносову, произвело много сочиненій часто пышныхъ, надутыхъ и отъ того очень смѣшныхъ; слѣдственно необходимо было дать въ правлахъ некоторое раздѣленіе и ограниченіе. «Главнѣйшее свойство

простаго слога, говорилъ Княжнинъ, есть то, что нѣтъ въ немъ опредѣленной мелодіи, ниже всегда выдерживаемой гармоніи въ расположеніи словъ, ниже числа чувствительнаго, которое наблюдается въ составѣ періодовъ изъ многихъ мыслей или фигуръ краснорѣчія; все, кажется, сдѣлано съ небреженіемъ: одинъ членъ за собою другаго не влечетъ; нѣтъ прогрессіи возрастающей въ идеяхъ и фразахъ. Въ простомъ слогѣ все должно быть просто, легко и пріятно; но въ слогѣ возвышенномъ все великолѣпно, сильно и выразительно. Въ примѣрѣ перваго Княжнинъ приводитъ письмо госпожи Севиньи, писанное къ ея родственнику о смерти полководца Тюрення*; въ примѣрѣ втораго — отрывокъ рѣчи французскаго проповѣдника Флешье, который говорилъ о томъ же самомъ предметѣ**. Въ первомъ выра-

* Вотъ это письмо: «Къ вамъ обращаюсь, любезный графъ, чтобъ описать наименѣе печальнѣйшую потерю, какая только могла случиться: Франція, а именно, смерть господина Тюрення. Я увѣрена, что вы услыша отъ меня эту вѣсть, столько же тѣмъ будете тронуты и огорчены, сколько и мы здѣсь. Сіе извѣстіе дошло въ Версаль въ понедѣльникъ. Король былъ ошечаленъ, сколько должно утратою вѣнечайшаго полководца и самаго честнаго человѣка. Весь дворъ плакалъ, а господинъ Кондонъ едва въ обморокъ не упалъ. Все было готово, чтобы ѣхать въ Фонтенебло веселиться, но все разрушилось. Никогда и ни о какомъ человѣкѣ столько искренно не сожалѣли: весь Парижъ и весь народъ въ смущеніи и въ жалости; всѣ собираются въ толпу, и всѣ много не говорятъ, какъ только сожалѣють о семъ героѣ. Я вамъ посылаю обстоятельную реляцію о томъ, что онъ сдѣлалъ въ послѣдніи дни своей жизни. Послѣ трехъ мѣсячныхъ чудесныхъ побѣдъ, которыми люди военнаго ремесла довольно надивиться не могутъ, насталъ послѣдній день его жизни и славы».

** Выписываемъ и этотъ отрывокъ рѣчи: «Уже трепеталъ во своихъ шатрахъ врагъ разстроенный; уже для спасенія своего устремлялся въ ущелины горъ сей орелъ, когото дерзновенный полетъ сначала устрашалъ наши области. Сіи молніи изъ жерлъ мѣдныхъ, изобрѣтенныя для истребленія человѣковъ, гремѣли со всѣхъ сторонъ для ускоренія и споспѣшествованія сего отступленія, — и Франція въ молчаніи ожидала успѣха сего предпріятія, которому по всѣмъ правиламъ войны надлежало неминуемо сбыться. Увы! мы вѣдали то, чего должно надѣяться; а не помышляли о томъ, чего должно устрашаться... О Богъ, ужасный! во праведный въ своихъ совѣтахъ и судьбахъ о чадахъ человѣческихъ, Ты распоряжаешь и побѣдителями и побѣдами... Ты избираешь въ днѣ Твоему безпредѣльному величію великія жертвы — и поражаешь, когда

жается простое впечатлѣніе, которое произвела вѣсть о смерти героя Франціи; во второмъ все представляется въ картинѣ и въ живописныхъ описаніяхъ. Отсюда вытекаетъ и все различіе самыхъ *слогговъ*. Въ наше время, мы сказали бы о переводной рѣчи Флешье, что она не дурна своими описаніями, но нѣсколько напыщена или надута. Княжнинъ и его современники не могли сказать послѣдняго, потому что вся напыщенность этой рѣчи заключается въ *великокопныхъ* словахъ, которыя тогда составляли высоту и украшеніе рѣчи. Мы не признаемъ раздѣленія *слога на слоги*; мы только говоримъ, что должно пользоваться словами и выраженіями *чисто русскими*, употребляя краски, какія требуетъ описываемый предметъ или цель его описанія; мы не станемъ заботиться о *высокихъ* выраженіяхъ, а станемъ только стараться объ ясномъ выраженіи своей идеи, которая сама по себѣ возвыситъ наши *простыя* слова. Княжнинъ и самъ чувствовалъ, что все дѣло состоитъ во внутреннемъ содержаніи описываемаго предмета. «Надежить, говорить онъ, чтобъ содержаніе весь умъ и чувство сочинителя наполняло, и тогда свойственное оному выраженіе, само собою будетъ находиться. Буде же сочинитель, удаляясь отъ своего содержанія, завсегда кстатѣ и не кстатѣ захочетъ блистать не по содержанію того, что пишетъ, тогда все будетъ неестественно».

Но при этомъ Княжнинъ признавалъ и необходимость *великокопныхъ* словъ, что видно изъ его сравненія обоихъ приведенныхъ примѣровъ. «Надобно примѣчать, между прочимъ говорить онъ, чтобъ на російскомъ языкѣ въ простомъ *слогѣ* великокоп-

Тебѣ угодно, тѣ знаменитыя главы, которыя Ты толикократно увѣнчиваешь. Не ожидайте, почтенные слушатели, чтобъ я открылъ вамъ плачевное зрѣлище. чтобъ я представилъ сего великаго человѣка, простертаго на его собственныхъ трофеяхъ, чтобъ я явилъ вамъ сіе тѣло блѣдное и окровавленное, близъ котораго еще дымится молніе его сраженное; чтобъ я кровь его заставилъ вопіять, яко кровь Авела, и чтобъ изобразилъ вашимъ очамъ законы и отечество, оплакивающіе его. Я смущаюсь, государи мои. Тюреннь умираетъ, — все приходитъ въ смутеніе, счастье колеблется, побѣда утомляется, удаляетъ миръ, добрыя намѣренія союзниковъ ослабѣваютъ; воинство, покрытое мрачнымъ одѣяніемъ печали, упражняется въ отдаваніи ему послѣдняго долга погребенія, и слава, разносящая по вселенной чрезвычайныя происшествія, наполняетъ всю Европу гремящею молвою жизни сего мужа и печальнымъ сожалѣніемъ объ его смерти».

идеть слово, кои, во большей части мы беремъ изъ славянскаго языка, всегда убѣгать въ причастіяхъ, которыя въ возвышенномъ слогѣ придаютъ важности слову, а простой весьма безобразятъ. Напримеръ, если кто скажетъ въ простомъ слогѣ вмѣсто — *то дерево, которое растеть въ моемъ саду*—*дерево, произрастающее въ моемъ саду*—*будетъ смѣшонъ и показывать, что не кстати надуются».*

Замѣчаніе весьма тонкое. А вотъ еще другое замѣчаніе, весьма дельное и въ настоящее время: «Чтобъ ощутительнѣе показать, говоритъ Княжнинъ, какъ должно осторожно разсмѣрять свой слогъ по положенію вещей, хотя и въ одинакихъ случаяхъ, приведу въ примѣръ два надгробныя рѣчи. Оеофанъ, славный російскій проповѣдникъ, при погребеніи Петра-Великаго, начинаетъ свое слово. *«Что видимъ, Россіане, кого погребаемъ? Петра-Великаго!* Сіе слова были прерваны всеобщимъ рыданіемъ, — и сего простаго начала довольно было, чтобъ при видѣ простертаго въ гробъ героя растерзать сердца всѣхъ, кои безъ того были безсмѣрно огорчены. Спустя нѣсколько времени, въ Малороссіи нѣкоторый проповѣдникъ, зная, какое дѣйствіе произвело начало Оеофанова слова, хотѣлъ имъ воспользоваться и тронуть своихъ слушателей. Сіе было при погребеніи неязвѣстно какого-то сотника. Проповѣдникъ, не разбирая обстоятельства, началъ точно Оеофановыми словами: *«Что видимъ, Россіане, и кого погребаемъ? Сотника»!*

Отъ слога Княжнинъ переходитъ къ *ораторскимъ аргументамъ* (доказательствамъ по силлогизмамъ) и потомъ къ *общимъ мѣстамъ*, которыя у Ломоносова называются *реторическими мѣстами*. Ломоносовъ слишкомъ много распространяется о тѣхъ и о другихъ, иногда и не совсѣмъ ясно. Княжнинъ сократилъ эти правила, стараясь только представить ихъ въ самыхъ ясныхъ примѣрахъ.

Затѣмъ Княжнинъ приступаетъ къ *описанію нравовъ оратора и вообще всякаго сочинителя*. Ломоносовъ только мелькомъ касается достоинствъ, нужныхъ для оратора, и полагаетъ ихъ болѣе во внѣшности, какъ напримеръ важная порода, чинъ, старость и прочее. Княжнинъ, напротивъ, распространяется объ этомъ предметъ, касаясь только нравственныхъ качествъ какъ оратора, такъ и вообще вся-

наго сочинителя. Очень любопытно это описание, тамъ было, что въ немъ отражается самъ поэтъ :

«Благодаряе, говоритъ онъ, не изъ послѣднихъ украшеній оратора. Если сердце его неисправлено и чуждо добродетели, то всегда произведенія его отзываются сирадомъ пороковъ, и не смотря на разумъ его, рождаютъ отвращеніе въ читателя или слушателя благоправномъ, *котораго похвала должна быть первымъ предметомъ для всякаго писателя, ищущаго истинной славы.* Правы въ краснорѣчїи принимаются въ иномъ смыслѣ, нежели какъ въ поэзіи: въ поэзіи разумется не о поэтѣ, но о лицахъ, имъ представляемыхъ, *не требуется того, чтобы оныя были всегда добродетельны, — довольно если они истинны, то-есть сходственны съ изображаемыми героями, или съ тою идеею, которую о нихъ имѣють.* Въ краснорѣчїи же, когда говорится о нравахъ, то сие значить, что тамъ должна сіять не только описываемая добродетель, но и *добродетель личная оратора.* Первое — требуется тому, чтобы онъ былъ честный человекъ, и чтобы *слава его носила на себѣ знаменіе его честности.* Второе — долженъ онъ быть скромнень; ничто такъ не раздражаетъ слушателя, какъ гордость человека, предъ нимъ говорящаго: тогда слушатель оскорбленный принимаетъ на себя качество строгаго и нежалостнаго судїи... Надлежитъ примолвить, что *скромность есть знакъ истинной учености и истиннаго дарованія и достоинства*»...

Замѣтимъ, что Княжнинъ былъ самъ писатель и даже ораторъ, следовательно онъ создавалъ въ себѣ описанныя имъ качества.

Наконецъ Княжнинъ оканчиваетъ свои риторическія записки замѣчаніемъ объ ораторскихъ страстяхъ. Ломоносовъ прямо приступаетъ къ описанію каждой изъ нихъ, какъ напрямъръ радости, печали, любви и прочая, и для каждой представляетъ примѣры. Княжнинъ сначала защищаетъ страсти отъ нападковъ нѣкоторыхъ метафизиковъ, которые восклицали противъ употребленія страстей: «Когда философія, говоритъ онъ, отъ начала вѣка тщетно пекущаяся о томъ, чтобы люди любили истину только для нея самой и безъ всякой корысти, получить въ томъ успѣхъ, то краснорѣчіе тогда переставетъ прибѣгать къ страстямъ; а доколѣ сие сбудется, доколѣ оно должно слѣдовать прежнему своему правилу и въ защищеніе добродетели вооружить все пружины, въ человекѣ находящіяся, для утвержденія въ

жить людей или для отпущенія за нее». Затѣмъ Княжнинъ, описавъ довольно картинно дѣйствіе страстей, переходитъ къ самому источнику ихъ, къ способностямъ и дѣйствіямъ нашей души. Страсти выводитъ онъ изъ воли, которая имѣетъ способность устремлять къ любви или ненависти; отсюда двѣ главныя страсти — любовь и ненависть; и онъ-то составляетъ основаніе воли прочимъ страстямъ, подробно описаннымъ у Ломоносова.

Тѣмъ и заключаются риторическія записки Княжнина. Что касается до ясности изложенія, то въ этомъ мы должны отдать справедливость сочинителю: языкъ его легокъ, и уже много удаляется отъ ломоносовскаго; онъ скорѣе приближается къ карамзинскому.

Ревностно исполняя благородную должность учителя, Княжнинъ разнѣлъ и образовалъ талантъ Озерова, который былъ тогда кадетомъ въ шляхетномъ корпусѣ. Озеровъ, полюбивъ искусства, устремился поощрять своего учителя, и превзошелъ его, но превзошелъ, пользуясь его постановленіями и примѣрами. Если Озеровъ важенъ въ нашей литературѣ, то значить важна и заслуга Княжнина, а этой чести никто не можетъ отнять у него; самъ ученикъ впоследствии отзывался о своемъ учителѣ съ прекрасной стороны: «Княжнинъ былъ моимъ учителемъ и образцомъ въ поэзіи» говорилъ онъ; а такія слова творца «Эдина» вѣроятно были бы самой лучшей наградой его славному учителю, если бы онъ могъ слышать ихъ. Изъ числа многихъ учениковъ Княжнина упомянемъ еще Ефимьева, известнаго въ свое время комическаго писателя, который подражалъ своему учителю; его пятнактная комедія въ стихахъ «Преступникъ отъ любви, или братомъ проданная сестра», имѣла три изданія*.

Въ 1785 году Княжнинъ собралъ все свои сочиненія, и поднесъ ихъ Императрицѣ Екатеринѣ. Милостиво приняла она нашего поэта, приказала напечатать на свой счетъ все труды его, и ему же самому подарила все отпечатанные экземпляры. Они вышли въ свѣтъ уже въ 1787 году, въ четырехъ частяхъ.

А между-тѣмъ Княжнинъ прибавилъ еще двѣ новыя трагедіи: «Владиславъ» и «Софонизба». Жаль, что онъ оставилъ свою мысль выставлять въ трагедіяхъ нашихъ истинныхъ героев и благотворителей свѣражданъ; послѣ своего «Рослава» онъ попалъ прямо на

* Последнее изданіе было въ 1821 году.

слѣды Сумарокова, обратился къ *ложно-славянскому міру*, къ умолаемымъ *любознымъ стонамъ*, и такимъ-образомъ создалъ своего «Владисава». Эту трагедію онъ посвятилъ другу своему, Александру Петровичу Ермолову. Бюланъ, придворный камеръ-музыкантъ, написалъ къ хорамъ ея музыку, которую преосвященный Евгений называетъ *меланхолическою*. «Сюжетъ» Софонизбы заимствованъ у стариннаго итальянскаго поэта Триссино. Говорятъ, что объ трагедіи имѣли успѣхъ на сценѣ, и особенно первая, со славянскими именами, которыми сочувствовалъ русскій патриотизмъ.

Вслѣдъ затѣмъ Княжнинъ написалъ комедію «Хвастунъ», комедію въ стихахъ и совершенно въ новомъ родѣ. Стихи его обработаны, легки, прекрасны, и даже въ настоящее время могутъ читаться безъ утомленія. Дѣйствіе комедіи мѣстами весьма забавно, но оно введено слишкомъ искусственно, хотя отчасти и выражаетъ современное общественное стремленіе. Въ ней еще слишкомъ ощутительно подражаніе французскимъ комедіямъ, роли слуги и служанки еще однѣ изъ главныхъ ролей, но она довольно отделяется отъ направленія современныхъ ей русскихъ комедій; въ ней уже нѣтъ тѣхъ обыкновенныхъ длинныхъ сентенцій, тѣхъ правоченій, какія вы найдете почти во всѣхъ комедіяхъ того времени, въ ней комизмъ выводится изъ самыхъ положеній, въ какія авторъ поставилъ свои лица, но при всемъ томъ, какъ я сказалъ, въ ней много *своей особенной* искусственности.

Комедія весьма понравилась публикѣ, и надолго утвердилась на русской сценѣ.

Черезъ нея Княжнинъ, говорятъ, пожалъ *новые лакры*, и сталъ считаться едва ли не первымъ русскимъ писателемъ, какъ трагическимъ, такъ и комическимъ.

Около этого времени, министръ Безбородко лично узналъ Княжнина, оцѣнилъ его постоянную дѣятельность, и, нуждаясь въ подобномъ человѣкѣ, перезывалъ его отъ Бецкаго къ себѣ; онъ предлагалъ ему и чины и огромное жалованье. Рѣдко кто устоялъ бы противъ такого оболъщенія, и къ числу этихъ рѣдкихъ принадлежатъ Княжнинъ. Онъ считалъ Бецкаго уже своимъ благодѣтелемъ, и ни за какое золото, ни за какіе чины не хотѣлъ оставить его: онъ боялся показать ему свою неблагодарность. Такимъ образомъ Княжнинъ остался при своемъ мѣстѣ въ томъ же чинѣ надворнаго советника и съ

тытъ же жалованьемъ; его намѣреніе было служить Божьему до самой смерти. И дѣйствительно, онъ какъ будто предчувствовалъ свою близкую смерть, и одважая еще болѣе дѣятеленъ. Онъ написалъ оперу «Орфей», но не такую оперу, которая заимствовала свое названіе отъ нѣсколькихъ куплетовъ, а оперу-мелодраму, назначенную исключительно для пѣнія. Опера эта сама по себѣ довольно неистова, съ раздражающими криками и столами Орфея при дверяхъ ада, но она вошла въ честь черезъ музыку. Музыка къ ней написалъ сначала придворный музыкантъ Торелли, только она не понравилась, и Княжнинъ обратился къ Омину, молодому человѣку, который долго жилъ въ чужихъ краяхъ, образовалъ тамъ свой талантъ, и наконецъ возвратился въ свое отечество. Онъ взялся удовлетворить просьбу Княжнина, и своимъ превосходнымъ талантомъ помрачилъ совершенно прежнюю музыку Орфея. Онъ вскорѣ умеръ, но въ Орфеѣ оставилъ незабвенную по себѣ память, говоритъ одинъ его современникъ.

Затѣмъ Княжнинъ написалъ комедію «Сбитенщикъ», которая долго считалась у насъ національной комедіей. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ характерѣ Сбитенщика есть черты народнаго характера. Мысль этой комедіи навѣяна «Мельникомъ», пьесой Аблесимова; но не смотря на это, въ ходѣ дѣйствія она безпрестанно напоминаетъ намъ то Мольера, то Бомарше. Въ своемъ мѣствѣ мы разберемъ ее во всей подробности мѣствѣ съ другими комедіями; она дѣйствительно достойна особеннаго вниманія, какъ сама по себѣ, такъ и по тому сочувствію, съ какимъ долгое время встрѣчала ее на сценѣ русская публика. Комедіи: «Трауръ», «Неудачный примиритель», «Мужья, женихи своихъ женъ», «Притворно-сумасшедшая», выходили одна за другой въ короткое время; всѣ онѣ написаны по образцу французскихъ комедій, и не имѣютъ никакого отношенія къ русской современности. Въ это же время Княжнинъ обрабатывалъ новую пятиактную комедію въ стихахъ — «Чудаки». Характеромъ своимъ она сходна съ «Хвастуномъ», и подобно ему долгое время была любимой комедіей публики. Она сдѣлалась извѣстной уже послѣ смерти автора.

Княжнинъ началъ было писать въ концѣ своей жизни, трагедію «Пожарскій», но написалъ только первый монологъ ея. Такимъ же образомъ начата была и поэма «Петръ-Великій», но пришла смерть, не стало сочинителя, не кончены и начатыя произведенія. Впрочемъ мы ни сколько не жалѣемъ объ этой поэмѣ; вообще поэма была совер-

искино не въ характера Клячкина; его увлекало только искусство — соз-
дать себе новую славу, а не сознанию своих силъ и своего талан-
та, такъ, что поэма вѣрно бы подверглась участи своихъ со-
временныхъ поэмъ.

Вотъ все литературное поприще Клячкина.

И. Д. ***

=

ЗАПИСКИ О РОССИИ.

=

Ярославская губернія.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Когда слышите рѣчь о Ярославлѣ и Ярославцахъ, — кажется, нѣтъ ничего знакомѣе этого предмета, а попробуйте дать отчетливое, полное понятіе о жителяхъ ярославской губернии, это не такъ легко. Въ нашей природѣ есть свойство сначала знакомиться съ тѣмъ, что вѣдальше отъ насъ, съ тѣмъ чего мы вовсе не знаемъ, а потомъ уже всматриваться и въ то, что поближе.... Не видать церкви Исакія, не видать эрмитажа, художественныхъ произведеній нашей академіи — не бѣда, успѣемъ увидѣть, — а не знать Парижъ, Лондонъ, челоуку съ притязаніями на образованность — бѣда, непростительно....

Мы путешествуемъ въ киргизскія степи, осматриваемъ новую землю, пустынные прибрежья Ледовитаго моря, аздымъ отыскивать источники Ила, и летимъ на почтовыхъ, едва успѣвая напиться чаю, мимо земли близки къ намъ, но отнюдь не менѣе занимательныхъ.

Населеніе ярославской губерніи принадлежитъ къ великороссійскому племени, и отличается, какъ мы и прежде говорили, своею предприимчивостію, трудолюбіемъ и смѣлленостію. Владѣя землями большою чѣстію скудными, не всегда вознагражденными труды земледѣльца

и удостоверяясь въ возможности зарабатывать гораздо удобнѣе и больше ремесломъ, или у себя дома, или на чужой сторонѣ, ярославскій житель, особливо по сию сторону Волги, занимается земледѣліемъ или столяркѣю, сколько ему необходимо для домашняго обихода. Больше же — или пускается въ обороты, если имѣетъ какой-либо капиталъ или занимается ремесломъ, преимущественно наследственнымъ отъ отца, или отправляется искать барыни на сторонѣ. Такихъ выходцевъ, разсѣивающихся по цѣлой Россіи бываетъ, среднимъ числомъ, ежегодно отъ 50 до 60 тысячъ человекъ; половина изъ нихъ проживаетъ въ столицахъ, гдѣ занимаются торговлею, мастерствами или нанимаются въ услуженіе. Многие изъ этихъ людей богачутъ, другіе трудятся исключительно для поддержки своихъ семействъ, для уплаты податей, оброковъ и тому подобное.

Общее число жителей въ ярославской губерніи опредѣлить съ точностію также трудно какъ и въ другихъ губерніяхъ государства. По послѣдней 8-й ревизіи въ губерніи было 412,168 мужскаго пола и 484,738 женскаго пола; всего 898,906 человекъ. Осьмая ревизія, какъ извѣстно, была въ 1834 году. По свѣдѣніямъ за 1846 годъ, сообщеннымъ гражданскимъ вѣдомствомъ въ губерніи считалось 465,773 мужскаго пола и 540,518 женскаго пола; всего 1,006,291 душа. По свѣдѣніямъ, тоже за 1846 годъ, основываясь на исчисленіяхъ господина Кеппена, въ губерніи было обоюго пола 1,008,100 человекъ, а основываясь на вѣдомости о народонаселеніи Россіи, составленной при статистическомъ отдѣленіи совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ А. К., въ губерніи 1,005,479 обоюго пола жителей. Такая разность нисколько не удивительна, если вспомнимъ разнородность источниковъ, по которымъ различными лицами опредѣляются цифры народонаселенія.

Показанное число жителей далеко не все проживаетъ въ губерніи. Однихъ отвлекаютъ обязанности службы, другихъ потребности и притомъ общественной жизни, иныхъ торговля; много народу отправляется изъ губерніи для заработковъ; наконецъ въ воловомъ итогѣ числа жителей есть и такіе, которые только числятся, а лично вовсе не принадлежатъ губерніи.

Опредѣлить же наличное число жителей губерніи, при настоящемъ способѣ народонисчисленія, нѣтъ никакой возможности.

Изъ общаго числа жителей живетъ въ городахъ до 37,000 муж-

ского пола и до 40,000 женскаго пола; всего до 77,000 человекъ; остальное число живётъ въ уездахъ. Стало-быть въ настоящее время въ городахъ живётъ $\frac{1}{12}$ часть всего народонаселенія губернии. Изъ числа городскихъ обывателей есть постоянные жители, которыхъ число всегда определяется съ точностію, потому что они платятъ подати и повинности; таковы мѣщане, мастеровые и частію купцы; есть еще временные жители городовъ, — это дворяне, чиновники и тому подобные; число которыхъ не всегда определяется вѣрно, потому что это люди не платящіе податей и слѣдовательно, за невѣрность ихъ итога, не подвергающіе никаго отвѣтственности.

Чтобы сдѣлать сравненіе, въ какой степени народонаселеніе городовъ измѣнилось въ теченіе послѣдняго столѣтія, возьмемъ цифры за 1794 годъ, по извѣстіямъ Дено-картъ, по извѣстіямъ Шторха и Георги, (безъ дворянъ гражданскихъ и военныхъ служителей); по таблицѣ 1802 года и наконецъ за 1846 годъ.

По извѣстіямъ Дено-картъ за 1794 годъ было въ городахъ ярославской губернии слѣдующее число жителей:

а) Въ старыхъ городахъ:

1) Въ Ярославль 8,920 мужскаго пола и 8790 женскаго пола; всего 17,710 человекъ; въ Угличъ 2,567 муж. пола и 3,068 женск. пола; всего 5,695 чел.; изъ числа ихъ купцовъ и мѣщанъ 999 муж. пола и 985 женск. пола; въ Ростовъ болѣе 5,000 обоего пола; въ Романовъ 1,137 муж. пола и 1,195 женск., всего 2,332; изъ числа ихъ купцовъ и мѣщанъ 336 муж. пола и 585 женск. пола; въ Пошехонь 828 муж. пола; въ Любимъ 773 муж. пола.

б) Въ новыхъ городахъ:

Въ Мологъ 2,503 обоего пола; въ Рыбинскъ 2,040 обоего пола, изъ числа которыхъ купцовъ и мѣщанъ 355 муж. пола и 584 женск. пола; въ Борисоглебскъ 1,160 муж. пола и 1,174 женскаго; всего 2,334 человекъ; въ Даниловъ 634 муж. пола и 703 женск.; всего 1,337 человекъ; въ Мышкинъ 369 человекъ муж. пола.

2) По извѣстіямъ Шторха и Георги, населеніе городовъ безъ дворянъ и военныхъ служителей, было обоего пола.

Въ Ярославль—18,996 душъ; въ Угличъ—5,362 души; въ Ростовъ—4,931 душа; въ Романовъ—2,087 душъ; въ Пошехонь—1,668 душъ; въ Любимъ—1,500 душъ; въ Мологъ—2,109 душъ; въ Рыбинскъ—2,200 душъ; въ Борисоглебскъ—2,076 душъ; въ Даниловъ—1,250

душъ; въ Петровскъ 919 душъ; въ Мышкинъ—633 душъ; всего 43,789 жителей городскихъ обоеихъ половъ.

9) По таблицъ 1802 года въ городахъ губернии было слѣдующее число жителей:

Въ Ярославль 14,100 муж. пола и 11,104 женскаго пола; всего 25,213 об. пола. Изъ этого числа купцовъ, мещанъ и цѣховыхъ 7,276 муж. п. и 8,930 жен. пола; духовенства 264 муж. п. и 385 женскаго; кроме того монаховъ 14; монахинь 93 и 863 священника.

Въ Угличъ 2,405 муж. пола и 3,046 жен.; всего 5,760 об. пола; изъ этого числа купцовъ, мещанъ и цѣловыхъ 2,234 муж. пола и 2,394 жен.; духовенства 84 муж. пола и 122 женскаго.

Въ Ростовъ 2314 муж. пола и 2,446 жен.; обоюго пола 5,000 чел. Изъ этого числа 1,960 муж. пола и 2,124 женскаго; купцовъ, мещанъ и цѣловыхъ; духовенства 157 муж. пола и 166 жен.; кроме того 49 монаховъ и 14 монахинь.

Въ Романовъ 1,108 муж. пола и 1,343 женок.; всего 2,500 чел.; изъ этого числа 919 муж. пола и 1,157 женок., купцовъ, и мещанъ; духовенства 102 муж. пола и 107 женскаго.

Въ Пешконовъ 954 муж. пола и 1,126 женскаго; обоюго пола 2,200 чел. Изъ этого числа 805 м. п. и 965 ж. п. купцовъ, мещанъ и цѣловыхъ; духовенства 78 м. п. 108 ж. п.

Въ Любимъ 745 м. п. и 870 ж. п.; всего 1,800 чел.; изъ этого числа 562 м. п. и 655 ж. п. купцовъ, мещанъ и цѣловыхъ; духовенства 61 м. п. и 105 ж. п.

Въ Мологъ 1,252 м. п. и 1,480 ж. пола; всего 2,900 чел.; изъ нихъ 1,117 м. п. и 1,312 ж. п. купцовъ, мещанъ и цѣловыхъ; духовенства 61 м. п. и 116 ж. п.

Въ Рыбинскъ 1,209 м. п. и 1,455 ж. п.; всего обоюго пола 2,800 чел.; изъ нихъ 1,058 м. п. и 1,031 ж. п., купцовъ, мещанъ и цѣловыхъ; духовенства 47 м. п. и 85 ж. п.

Въ Борисовъ-Ябокъ 906 м. п. и 1,118 ж. п., всего 2,100 чел.;

* Итогъ во всѣхъ слѣдующихъ городахъ не равенъ числу жителей мужскаго и женскаго пола вишь потому, что въ него включены домашние служители и отставные солдаты, не входящие въ количество постоянныхъ городскихъ жителей.

иоанннъ-купецк., мѣщанъ и цѣловаль 842 м. п. и 1,026 ж. п.;
духовенствъ 25 м. п. и 28 ж. п.

Во Дамболовѣ 157 м. п. и 1,126 ж. п.; всего обоюга пола 1,900
чел.; купцовъ 475 м. п. и 715 ж. п. купцовъ, мѣщанъ и цѣловаль;
духовенства 56 м. п. и 69 ж. п.

Во Вятрское 488 м. п. и 522 ж. п.; обоюга пола 1,150; чис-
ло купцовъ 466 м. п. и 504 ж. п. купцовъ, мѣщанъ и цѣловаль;
духовенства 5 м. п. и 16 ж. п.

Во Мылкинскѣ 441 м. п. и 591 ж. п.; всего об. пола 1,000 чел.;
число купцовъ 271 м. п. и 345 ж. п. купцовъ, мѣщанъ и цѣловаль;
духовенствъ 57 м. п. и 87 ж. п.

Изъ этой таблицы видно, что постоянныхъ городскихъ жителей
собственно горожанъ въ губерніи, то-есть купцовъ, мѣщанъ и цѣ-
ловаль было въ 1802 году 17,963 м. п. и 21,730 ж. п.: всего 39,693
чел. Всѣхъ городскихъ жителей, включая гражданскій и полицейскій
штаты, духовенство и тому подобныхъ 23,635 м. п. и 24,107 ж. п.,
всего 47,742 человека. Наконецъ проживающихъ по большей части
въ городахъ губерніи, считая домашнихъ служителей и отставныхъ
солдатъ, до 51,250 человекъ обоюга пола.

4) По свидѣніямъ мѣстнаго начальства за 1846 годъ жителей въ
городахъ Ярославской губерніи было:

Во Ярославль 15,485 муж. пола и 15,781 жен.; изъ этого чис-
ла духовенства : чернаго 29 м. п. и 142 жен.; бѣлаго 363 м. п. и
388 ж. п.; дворянъ потомственныхъ 260 м. п., чиновниковъ и при-
казнослужителей 693 м. п., почетныхъ гражданъ 29 м. п.; купцовъ
1 гильдіи 40 м. п., 2 гильдіи 72 м. п., 3 гильдіи 408 м. п.; мѣ-
щанъ 6,972 м. п.

Во Ростовъ 3,161 м. п. и 3,697 ж. п.; изъ этого числа духовенства
чернаго 36 м. п. и 83 ж., бѣлаго 165 м. п.; дворянъ потомствен-
ныхъ 36 м. п., чиновниковъ и приказнослужителей 80 м. п. *,
почетныхъ гражданъ 25 м. п.; купцовъ 1 гильдіи 1, 2 гильдіи 28,
3 гильдіи 425 м. п.; мѣщанъ 2,017 м. п.

Во Рыбинскѣ 3,362 муж. пола и 3,425 женскаго; изъ этого чис-

* Число чиновниковъ и приказнослужителей почти вездѣ въ уѣздныхъ
городахъ одинаково, простирается отъ 50 до 100 человекъ, а потому мы
и не будемъ о нихъ упоминавать.

сла 3 монаха, благо духовенства 36 м. п.; потомственных дворянъ 7, почетныхъ гражданъ 12; купцовъ: первой гильдіи 12 м. п., второй гильдіи 40, третьей гильдіи 354 м. п., мѣщанъ 2,117 м. п. Въ Угличѣ 5,594 м. п. и 4,716 ж. п.; изъ этого числа духовенства чернаго 10 монаховъ и 92 монахини; благо 124 м. п., потомственныхъ дворянъ 34 м. п., почетныхъ гражданъ 7 м. п., купцовъ первой гильдіи 4 м. п., второй гильдіи 3 м. п. третьей гильдіи 108 м. п., мѣщанъ 3,438 м. п.

Въ Мышкинѣ 732 м. п. и 1,111 ж.; изъ этого числа благо духовенства 15 м. п., потомственныхъ дворянъ 17 м. п., почетныхъ гражданъ 19 м. п., купцовъ второй гильдіи 8, третьей гильдіи 107, мѣщанъ 319 м. п.

Въ Мологѣ 2,087 муж. пола, 2,234 женскаго; изъ этого числа 130 монахини и 34 м. п. благо духовенства; потомственныхъ дворянъ 27 м. п., почетныхъ гражданъ 7, купцовъ третьей гильдіи 128, мѣщанъ 1,490 м. п.

Въ Пошехоньѣ 1,429 м. п. и 2,174 жен.; изъ нихъ 21 м. п. благо духовенства; 29 потомственныхъ дворянъ, 156 м. п. купцовъ первой гильдіи и 552 мѣщанъ.

Въ Любимѣ 829 муж. пола и 998 жен. пола; изъ нихъ 27 м. п. благо духовенства, 15 потомственныхъ дворянъ, 2 почетныхъ гражданина, 4 купца второй гильдіи, 40 м. п. третьей гильдіи и 403 м. п. мѣщанъ.

Въ Даниловѣ 1,221 м. п. и 1,362 жен.; изъ нихъ 15 м. п. благо духовенства; 5 м. п. потомственныхъ дворянъ, 2 почетныхъ гражданина, купцовъ первой гильдіи 3, второй 4, третьей 33; мѣщанъ 741 муж. пола.

Въ Романо-Борисоглыбскѣ 3,098 м. п. и 4,433 жен.; изъ нихъ 81 м. п. благо духовенства, 15 потомственныхъ дворянъ, 16 м. п. почетныхъ гражданъ, купцовъ второй гильдіи 3 м. п., третьей 278 м. п.; мѣщанъ 2,263 м. п.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что въ городахъ Ярославской губерніи всѣхъ вообще жителей въ 1846 году, было до 37,000 м. пола и до 40,000 жен. Разсматривая же этихъ жителей по сословіямъ, найдемъ, на основаніи отчетовъ мѣстнаго начальства, что изъ числа ихъ принадлежало къ черному духовенству: 78 муж. пола и 447 ж.; благо духовенства было въ городахъ 881 муж. пола и 1,090 женск.

Петометрънныхъ дворянъ, причисленныхъ по городамъ, было 445 м. п. и 443 жен. Чиновниковъ и приказнослужащихъ во всѣхъ городахъ состояло 1,398 м. п. и 1,521 жен.; почетныхъ гражданъ 119 м. п. и 114 ж. п.; купцовъ: первой гильдіи 30 м. п., 40 ж. п.; второй 162 м. п. и 184 ж. п.; третьей 2,037 м. п. и 2,405 ж. п.; мѣщанъ 19,312 м. п. и 25,447 ж. п.; крестьянъ: государственныхъ 440 м. п. и 275 ж. п., удѣльныхъ 13 м. п. и 25 ж. п., помѣщичьихъ 1,640 м. п. и 2,216 ж. п., разныхъ наименованій 1,484 м. п. и 2,000 ж. п.; военно-служащихъ: офицерскихъ чиновъ 237 м. п. и 107 ж. п., нижнихъ чиновъ 7,375 м. п. и 2,516 ж. п.; безсрочно-отпускныхъ: офицерскихъ чиновъ 3 м. п., 1 ж. п., нижнихъ чиновъ 167 м. п. и 54 женскаго пола.

Изъ сличенія цифръ, помѣщенныхъ въ этихъ таблицахъ, видимъ, что народонаселеніе въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ прибавилось не во всѣхъ городахъ ярославской губерніи равномерно. Такъ въ Ярославѣ, Угличѣ, Пошехонѣ, Мологѣ, Даниловѣ, Мышкинѣ оно почти удвоилось. Въ Рыбинскѣ и Романовѣ-Борисоглебскомъ народонаселеніе почти устроилось; и наоборотъ въ Ростовѣ оно увеличилось немного болѣе 20%, а въ Любимѣ осталось почти на той же степені, на которой находилось и въ 1794 году. Приращеніе народонаселенія однако же въ этомъ случаѣ не служитъ доказательствомъ, чтобы городская жизнь значительно развилась; число жителей увеличилось не столько отъ развитія торговли и городскихъ промысловъ, сколько отъ простаго размноженія народонаселенія.

Торговля и мастерства расширяются по мѣрѣ запроса на нихъ, по мѣрѣ увеличенія потребителей, а главный классъ потребителей дворяне, проживающіе въ городахъ, и чиновники различныхъ вѣдомствъ остались въ 1846 году, по количеству, почти тѣже, которые были и въ 1802 году; и въ 1802 и 1846 годахъ дворянъ съ чиновниками въ губернскомъ городѣ было около 900 чел. мужскаго пола; въ Уездныхъ городахъ хотя въ нѣкоторыхъ число чиновничьяго класса и прибавилось, но это было, еще повторимъ, въ слѣдствіе обыкновеннаго размноженія народонаселенія, потому что потребность въ чиновникахъ не измѣнилась.

Чиновникъ, служа лѣтъ двадцать, тридцать въ одномъ городѣ, обзаводясь домомъ, разнымъ скарбомъ и умеръ, оставивъ семью, которая осталась доживать свой вѣкъ подъ готовою кровлею, пока не

подростуть новые чиновники, изъ которыхъ часть обрѣчена для поддержанія сени, а другая увеличитъ народонаселеніе каково-нибудь смежнаго уезднаго города, а иногда и губернскаго.

Дворяне ярославской губерніи мало живутъ въ городахъ: это видно изъ сравненія количества ихъ въ городахъ и въ уездахъ.

Такъ напримѣръ, въ Рыбинскѣ, въ городѣ живетъ всего семь человѣкъ потомственныхъ дворянъ, а въ уездѣ 70 муж. пола; въ Угличѣ въ городѣ 34, а въ уездѣ 72 муж. пола; въ Мышкинѣ въ городѣ 17, а въ уездѣ до 100 муж. пола и такъ далѣе.

Въ городахъ сосредоточивается преимущественно два класса, торговый и административный, оба погруженные въ свои дѣла и не могущіе служить представителями развитія общественной жизни. Купцы, проживающіе въ городахъ ярославской губерніи, мало принадлежатъ этимъ городамъ: нѣтъ торгъ внѣ городовъ, такъ что многіе изъ нихъ даже большую часть года бываютъ въ отлучкѣ.

Перевѣсъ дворянъ, проживающихъ въ городѣ, противъ проживающихъ въ уездѣ, значителенъ только въ губернскомъ городѣ; здѣсь живетъ 260 муж. пола потомственныхъ дворянъ, а въ уездѣ всего 37 муж. пола. Эти цифры лучше всего доказываютъ развитіе городской жизни въ Ярославѣ. Здѣсь внутренняя мѣстная торговля производится дѣятельно, ремесленники богатеютъ, не смотря даже на то, что множество вещей выписывается или лично закупается въ Москвѣ и Петербургѣ. Впрочемъ, Ярославъ не примѣръ другимъ городамъ. Здѣсь много элементовъ для развитія общественной жизни, кромѣ стеченія дворянства; въ особенности важно географическое положеніе города, ссылающее сюда на житье разнаго рода людей, для разныхъ надобностей.

Съ одной стороны это географическое положеніе, съ другой развитіе общественной жизни, двинули въ Ярославль мануфактуры, торговлю и капиталы, эти существенныя и главныя пружины благоденствія и процвѣтанія городовъ.

Кромѣ Ярославля мало гдѣ въ губерніи развита городская жизнь; отношеніе городскихъ жителей губерніи (конечно мужскаго пола) въ общему числу составляетъ 1: 13, а между-тѣмъ общее отношеніе горожанъ въ государствѣ къ сельскому народонаселенію составляетъ около десятой части.

число сельских жителей, причисля сюда и посадских, распространяется до 428,800 муж. пола и до 500,500 женскаго.

Это народонаселеніе губерніи размѣщено по уѣздамъ слѣдующимъ образомъ:

Въ *Ярославскомъ уѣздѣ* всѣхъ жителей 55,752 муж. пола и 72,226 женскаго; изъ этого числа 32 монаха; 581 муж. пола причислить былому духовенству, 37 муж. пола потомственныхъ дворянъ, 350 муж. пола чиновниковъ и приказнослужителей, 29 муж. пола купцовъ третьей гильдіи, 370 муж. пола посадскихъ, 13,557 муж. пола государственныхъ крестьянъ, 1,246 муж. пола удѣльныхъ, и 37,830 муж. пола помѣщичьихъ.

Въ *Ростовскомъ уѣздѣ*: 55,198 муж. пола и 59,674 женскаго; изъ числа ихъ: 52 монаха, 1,108 муж. пола благаго духовенства, 23 м. п. потомственныхъ дворянъ, 6 чиновниковъ и приказнослужителей*, 6 м. п. купцовъ второй гильдіи, 14 м. п. третьей гильдіи, 27 м. п. посадскихъ; крестьянъ: государственныхъ 21,512 м. п., помѣщичьихъ 30,338 м. п.

Въ *Рыбинскомъ уѣздѣ*: 33,419 муж. пола и 35,864 женскаго; изъ этого числа: 70 монаховъ, благаго духовенства 351 м. п. потомственныхъ дворянъ 70 м. п., купцовъ третьей гильдіи 15 м. п., посадскихъ 98 м. п.; государственныхъ крестьянъ, 7,470 м. п., помѣщичьихъ 22,144 м. п.

Въ *Угличскомъ уѣздѣ*: 49,437 муж. пола и 49,747 женскаго; изъ этого числа: 7 монаховъ, благаго духовенства 732 муж. пола, потомственныхъ дворянъ 72 м. п., купцовъ: первой гильдіи 3 м. п., третьей гильдіи 20 м. п., посадскихъ 102 м. п.; крестьянъ: государственныхъ, 20,555 м. п., помѣщичьихъ 26,700 м. п.

Въ *Мышкинскомъ уѣздѣ*: 40,767 м. п. и 46,125 женскаго; изъ этого числа 22 монаха; благаго духовенства 364 м. п., потомственныхъ дворянъ 99 м. п., купцовъ третьей гильдіи 89 м. п., мещанъ и посадскихъ 8090 м. п., крестьянъ: государственныхъ 31,252 муж. пола.

Въ *Мологскомъ уѣздѣ*: 43,181 муж. пола и 47,549 женскаго; изъ этого числа: благаго духовенства 351 м. п., потомственныхъ

* Чиновниковъ и приказнослужителей въ уѣздахъ всѣхъ около этого количества, а потому мы и не будемъ упоминать о нихъ.

дворянъ 50 м. п., купцовъ третьей гильдіи 22 м. п., мѣщанъ и посадскихъ 54 м. п., крестьянъ: государственныхъ 8,771 м. п., помѣщичьихъ 32,988 м. п.

Въ пошехонскомъ уездѣ: 41,514 муж. пола и 48,951 женскаго, изъ числа ихъ: 17 монаховъ, 584 м. п. блага духовенства, 132 м. п. потомственныхъ дворянъ, 9 м. п. купцовъ третьей гильдіи, 56 посадскихъ; крестьянъ: государственныхъ 10,751 муж. пола, помѣщичьихъ 29,406 м. п.

Въ любимскомъ уездѣ: 29,329 м. п. и 33,068 женскаго; изъ этого числа 12 монаховъ, 424 м. п. блага духовенства, 123 м. п. потомственныхъ дворянъ, 5 м. п. купцовъ третьей гильдіи, 493 м. п. посадскихъ; крестьянъ: государственныхъ 4,204, удѣльныхъ 52 м. п., помѣщичьихъ, 23,350 м. п.

Въ даниловскомъ уездѣ: 32,917 м. п. и 54,540 женскаго; изъ этого числа: блага духовенства 261 м. п., потомственныхъ дворянъ 59 м. п., купцовъ третьей гильдіи 10 м. п., посадскихъ 15 м. п., крестьянъ: государственныхъ 4,765, удѣльныхъ 656 м. п., помѣщичьихъ 25,068.

Въ романо-борисоглибскомъ уездѣ: 48,308 муж. пола и 53,543 женскаго; изъ этого числа: блага духовенства 728 м. п., потомственныхъ дворянъ 487 м. п., купцовъ третій гильдіи 5 м. п., посадскихъ 206 м. п., крестьянъ: государственныхъ 5,069 м. п., помѣщичьихъ 40,555 муж. пола.

Разсматривая сельскихъ жителей ярославской губерніи по сословіямъ, найдемъ, что они въ 1846 году были раздроблены слѣдующимъ образомъ:

Чернаго духовенства въ уездахъ губерніи было 212 муж. пола

Блага духовен. 5481 муж. пола и 6,667 женскаго.

Потомственныхъ дворянъ, 1,152 м. п. и 1,492 женскаго.

Чиновниковъ и приказнослужителей 442 м. п. и 580 женскаго.

Купцовъ: первой гильдіи 3 м. п. и 4 жен., второй гильдіи 28 м. п., 32 женск., третьей гильдіи 218 м. п. и 304 женск. *Мѣщанъ* и посадскихъ 9,511 м. п. и 10,556 женскаго.

Крестьянъ государственныхъ: 127,906 муж. пола и 144,246 женскаго; удѣльныхъ 1,954 м. п. и 2,000 женскаго; помѣщичьихъ 268,379 муж. пола и 319,623 женскаго; разныхъ наименованій 5,038 м. п. и 7,302 жен.

Военныхъ: состоящихъ на службѣ офицерскихъ чиновъ 32 м. п. и 3 женск., нижнихъ чиновъ 4,548 м. п. и 303 женск.; отставныхъ нижнихъ чиновъ 2,929 м. п. и 7,095 женскаго; безсрочно отпускиныхъ офицерскихъ чиновъ 7 м. п. 1 жен., нижнихъ чиновъ 957 м. п. и 340 женскаго.

Основываясь на таблицахъ народонаселенія городовъ и уездовъ, а также на цифрахъ, представляемыхъ намъ ревизіями, мы можемъ сдѣлать, во-первыхъ, общій обзоръ жителей губерніи по состояніямъ, а во-вторыхъ опредѣлить сколько то будетъ возможно, движеніе народонаселенія.

Изъ общаго числа жителей *Чернаго духовенства* въ губерніи 290 человекъ и 447 монахинь, *Благого духовенства* въ губерніи 6,560 человекъ, при нихъ сланикомъ 7,700 женскаго пола.

Ярославское духовенство одно изъ самыхъ древнихъ въ Россіи, потому что проповѣдь святаго Евангелія проникла въ Ростовскую область, заключавшуюся въ нынѣшней ярославской губерніи, вскоре послѣ благовѣстія ея въ Кіевъ. Разпространенію христіанства въ Ростовской области много способствовали и обстоятельства того времени: эта область, по раздѣленіи Россіи на удѣлы, досталась князьямъ душою привязаннымъ къ религіи. Таковъ былъ Ярославъ Владиміровичъ, любитель церковныхъ уставовъ и благолѣпія, таковъ былъ Борисъ (св. мученикъ), по словамъ лѣтописей «на ратьхъ храборъ, въ советъхъ мудръ и благодать Божія на немъ». Къ княженію Бориса относится и начало ростовской соборной церкви, древнѣйшей въ губерніи. Эта церковь сначала была деревянная, во имя Успенія Божія Матери, потомъ сгорѣла; на мѣсть сгорѣвшей В. К. Андрей Боголюбской, въ 1164 году, построилъ новую каменную церковь, лѣтъ черезъ тридцать развалившуюся. Нынѣшній соборъ заложенъ въ 1213 году св. княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ Ростовскимъ. Храмъ этотъ, довершенный уже въ бѣдственные времена татарскаго ига, по своему водчеству и обширности, одинъ изъ лучшихъ древнихъ храмовъ въ Россіи и не уступаетъ красотою владимірскому, считавшемуся совершенствомъ своего времени. Въ XIII вѣкѣ св. епископъ Игнатій устлалъ полъ его краснымъ мраморомъ, а послѣдующіе архіереи и въ особенности митрополитъ Іона, постепенно его украшали стѣннымъ писаніемъ. Въ храмъ почиваетъ па-

сколько архиестроф. известныхъ православной церкви. Соборный ростовскій храмъ былъ, такъ сказать, родоначальникомъ ярославскихъ храмовъ и монастырей. Въ концѣ прошедшаго столѣтїа въ губерніи было 836 церквей и 12 монастырей. Теперь въ губерніи 879 церквей, исключая монастырскихъ; монастырей же 15 мужскихъ и 4 женскихъ. Изъ храмовъ, кромѣ ростовскаго, замѣчательны еще кафедральный успиискій соборъ въ города Ярославль; сюда стекается множество народу на поклоненіе чудотворной иконы Казанской Богоматери, которая по усердію гражданъ, въ лѣтнее время, бываетъ носима въ города Рыбинскъ, Романовъ и окрестныя селенія.

Наибольшее число монастырей въ Ростовъ и его уезды: 3 мужскихъ съ 88 монахами и 1 женскій съ 83 монахинями. Изъ ростовскихъ монастырей въ особенности замѣчательны: Спасо-Яковлевскій-Дмитриевъ монастырь, въ самомъ городѣ, очень богатый и постоянно богатѣющій отъ множества богомольцевъ, стекающихся сюда на поклоненіе почитающимъ тутъ мощамъ св. Дмитрія Ростовскаго.

Богооявленскій Аврааміевъ монастырь въ полуторѣ верста отъ Ростова, при Ростовскимъ озерѣ, основанный, какъ и некоторые полагаютъ, около 990—1000 года и ростовскій Борисоглебскій монастырь на рѣдѣ Устьѣ, въ 18 верстахъ отъ Ростова, съ двумя духовными училищами. Борисоглебскій монастырь основанъ въ 1363 году и окруженъ каменною оградой въ 15 аршинъ вышиною и 3¼ аршинъ толщиною.

Въ Ярославль и его уезды 2 мужскихъ монастыря съ 60 монахами и 1 женскій со 140 монахинями.

Изъ ярославскихъ монастырей замѣчательны: *Спасскій*, въ губернскомъ городѣ, по своему богатству и большому стеченію народа къ чудотворной иконѣ Петерской Богоматери и *Толчскій* монастырь, въ 87 верстахъ отъ Ярославля, на правомъ берегу Волги.

Сюда стекается множество народу на поклоненіе чудотворной иконы Толчскія Богоматери. Всего пять монастырей въ Даніловъ, Романовъ-Борисоглебскъ и ихъ уездахъ.

Патомствомныхъ дворянъ въ губерніи 4,597 человекъ мужскаго пола и 1,935 женскаго. При открытіи наместничества въ 1777 году дворянъ считалось 705 муж. пола; а въ 1802 году ихъ было уже 1,152 человека. Такимъ-образомъ въ теченіе 70 лѣтъ число дворянъ болѣе нежели удвоилось. Теперь относительно общаго народонаселенія

губерніи дворяне составляютъ 0,37 процента. Богатые дворяне мало живутъ въ губерніи; даже люди средняго состоянія или служатъ или проживаютъ въ Москвѣ; это тѣмъ удобнѣе, что имѣнія болѣею частью оброчныя и не требуютъ большаго присмотра. Наибольшее число дворянъ въ романо-борисоглебскомъ уездѣ, 487 мужскаго пола и 573 женскаго; наименьшее въ ростовскомъ, мологскомъ.

Тимошниковъ и приказнослужителей въ губерніи 1,840 человекъ мужскаго пола; ихъ, кромѣ губернскаго города, почти вездѣ поровну. *Купечество* ярославское и богато и многочисленно. Здѣсь числится 119 почетныхъ гражданъ; 33 купца первой гильдіи, 168 второй и 2,255 человекъ третьей. Значитъ въ губерніи всего 2,575 человекъ купческаго званія. Замѣчательно, что наличное число купцовъ меньше нежели въ ревизскихъ сказкахъ 1834 года. По нимъ числится въ ярославской губерніи 2,796 человекъ купческаго званія. Между тѣмъ отъ ревизіи до ревизіи то-есть, отъ 1816 до 1834 года купеческое сословіе возрасло на 12,33 процента: Это приращеніе не служитъ однако же доказательствомъ, что ярославское купечество уменьшилось только въ последнее время; въ концѣ прошедшаго столѣтія оно было еще многочисленнѣе нежели при восьмой ревизіи; по свѣдѣніямъ, сохранившимся въ описаніи ярославской губерніи, Германа, тогда считалось въ губерніи купцовъ 3,390 муж. и 6,088 жен. пола.

Въ настоящее время отношеніе купчества къ общему итогу народонаселенія составляетъ 0,63 процента.

Купечество города Ярославля занимаетъ первое мѣсто въ губерніи и по количеству (219 человекъ) и по богатству; за нимъ по обширности оборотовъ слѣдуетъ рыбинское. Вслѣдъ за этими двумя городами слѣдуетъ ростовское купечество; здѣсь тоже 490 человекъ купцовъ мужскаго пола; даже болѣе нежели въ Рыбинскѣ; мало только купцовъ 1 гильдіи: всего одинъ. Самое бѣдное купечество въ Даниловѣ; здѣсь все купеческое общество состоитъ человекъ изъ 40 и изъ этого числа нѣкоторые только записаны въ Даниловѣ, а обороты производятъ въ другихъ мѣстахъ. Въ концѣ прошедшаго столѣтія многочисленнѣйшее купечество было въ Угличѣ, потомъ въ Ростовѣ и Ярославлѣ; меньше купцовъ считалось въ Любимѣ и Мологѣ.

Мещанъ и посадскихъ въ губерніи до 29,000 человекъ мужскаго пола и около 36,000 женскаго. — Мещане составляютъ основное населеніе городовъ; стало-быть ихъ болѣе въ тѣхъ городахъ, кото-

рые людѣе; такъ въ Ярославль ихъ до 7,000 мужскаго пола и четырьмя стами болѣе женскаго, а въ Мышкинѣ мѣщанъ всего 320 человекъ мужскаго пола и около 700 женскаго. — Кромѣ городовъ мѣщане живутъ еще въ посадахъ и занятныхъ городахъ. По 8 ревизіи мѣщанъ и цѣховыхъ въ губерніи считалось 16,515 муж. пола; это значитъ въ теченіе 12 лѣтъ количество ихъ увеличилось на 43,10 процента. Такое увеличеніе числа мѣщанъ очень ясно не могли произойти иначе, какъ отъ переходовъ въ это состояніе изъ другихъ. Въ періодъ времени отъ 7 ревизіи до 8, въ теченіе 18 лѣтъ, количество мѣщанъ возрасло только на 22,36 процента... и это очень много, несравненно болѣе возрастанія народонаселенія во всѣхъ другихъ сословіяхъ, кромѣ свободныхъ хлѣбопашцевъ. Вообще въ настоящее время мѣщане, относительно общаго числа жителей, составляютъ 6,22 процента, а при 8 ревизіи составляли 4,35 процента.

Государственныхъ крестьянъ въ губерніи 128,346 муж. пола. Число ихъ, послѣ послѣдней ревизіи въ 12 лѣтъ увеличилось слишкомъ 28-ми процентами, тогда какъ между 7 и 8 ревизіей въ 18 лѣтъ это число возрасло только 11,17 процентами, потому что государственныхъ крестьянъ по 8 ревизіи было 91,633 муж. пола. Почти такое же приращеніе государственныхъ крестьянъ было и до 7 ревизіи, потому, что въ концѣ прошедшаго столѣтія, по свѣдѣніямъ, сохранившимся въ описаніи Ярославской губерніи Германа, всѣхъ казенныхъ крестьянъ въ губерніи было 81,854 муж. пола и 98,074 женскаго пола. — По этимъ цифрамъ нельзя однако же судить о степени движенія народонаселенія, потому что количество казенныхъ имѣній возрасло въ это время не только отъ размноженія, но и отъ купли.

Въ настоящее время государственные крестьяне составляютъ 27,47 процентовъ всего народонаселенія губерніи, а по 8 ревизіи они составляли только 21,34 процента.

Наибольшее число государственныхъ крестьянъ въ мышкинскомъ уездѣ, потомъ въ ростовскомъ, угличскомъ; самое меньшее число въ любимскомъ уездѣ.

Удѣльныхъ крестьянъ въ губерніи не много, не болѣе 2,000 муж. пола, почти столько же сколько было и при 8 ревизіи. Относительно общаго народонаселенія они составляютъ всего 0,49 процента. Отъ 7 къ 8 ревизіи число ихъ возрасло на 13,58 процентовъ.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что главное народонаселение губерній составляют *помѣщичьи крестьяне*: ихъ слѣшкомъ 270,000 муж. пола и до 322,000 жен. пола. Замѣчательно, что общее число помѣщичьихъ крестьянъ въ последнее время не только не увеличилось, а даже значительно уменьшилось. По 8 ревизіи помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніи было 286,571 душа мужескаго, стало-быть 66,90 процентовъ тогдашняго народонаселенія, а теперь они составляютъ только 57,8 процента.

Въ настоящее время помѣщичьихъ крестьянъ даже менѣе нежели было въ концѣ прошедшаго столѣтія, потому что тогда ихъ, съ дворовыми людьми, по свѣдѣніямъ Германа, было до 274,925 муж. пола, въ томъ числѣ 2,420 мастеровыхъ на фабрикахъ и заводахъ. Возрастаніе количества помѣщичьихъ крестьянъ и до 8 ревизіи было очень слабо; такъ напримѣръ между 7 и 8 ревизіями оно простиралось только до 4,1 процента. Изъ этого однако же, не надобно заключать, чтобы въ помѣщичьихъ имѣніяхъ заключались какія-нибудь причины, замедляющія размноженіе народонаселенія. Уменьшеніе въ губерніи общаго числа помѣщичьихъ крестьянъ было отчасти слѣдствіемъ перехода ихъ въ другія состоянія, а частью и оттого, что многія помѣщичьи имѣнія приобретены вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ.

Наиболѣе помѣщичьихъ крестьянъ въ романо-борисоглѣбскомъ уездѣ. — Здѣсь все имѣнія небольшія, такъ, что среднимъ числомъ приходится душъ по 80 на помѣщика, но есть множество помѣщиковъ съ 10, даже 5 душами. — Мудрено ли, что такіе помѣщики проводятъ время въ своихъ деревняхъ и вовсе незнакомы съ городской жизнью. — Поле, скотный дворъ и домашній очагъ — вотъ кругъ ихъ дѣятельности, изъ котораго нѣкоторые выступаютъ лѣтъ черезъ шесть, являясь на выборы — людей посмотреть, себя показать.

Не смотря однако же на уменьшеніе количества помѣщичьихъ крестьянъ, они, какъ мы сказали, до-сихъ-поръ составляютъ главное, многочислѣннѣйшее сословіе губерній; казна разширила здѣсь свою населенную поземельную собственность только со времени перечисленія экономическихъ крестьянъ въ государственные, а до того въ ярославской губерніи казнѣ не принадлежало и 1,000 душъ мужескаго пола, потому что экономическихъ крестьянъ въ концѣ прошедшаго столѣтія считалось около 81,000 муж. пола. Здѣсь издревле вся земля была занята,

раздѣлена и воздѣлана, а что если и оставались мѣста пустошорки, то вѣроятно тѣ, которыхъ русскіе государи жаловали вотчинами, желая имѣть свои помѣстья по близости отъ Москвы; выранивали ихъ, и такимъ-образомъ постепенно вся земля ярославской губернии перешла въ частное владѣніе; кромѣ того множество земель и имѣній въ губерніи искони принадлежало духовенству, почти самому старинному на Руси, потому что, какъ извѣстно, ростовская епархія учреждена еще въ 992 году.

О возрастаніи народонаселенія губерніи трудно сказать что-нибудь положительное — вѣрное. Вся данныя для этого недостаточно точны. При открытіи ярославскаго намѣстничества въ 1777 году, въ немъ считалось 740,900 об. пола жителей. Почти тоже самое количество встрѣчаемъ мы и въ свѣдѣніяхъ за 1783 годъ, съ оговоркою, что въ этомъ числѣ 10,000 такихъ, которые не платили податей. — Не много поздне, въ 1785 году, въ Обзорѣніи Россійской Имперіи, Пящева, означено то же самое число жителей въ губерніи. Въ 1794 году вообще считалось 375,475 душъ муж. пола и 391,691 женск. пола, а всего 767,166 чел. жителей обоого пола. — Почти это же число, именно 766,439 душъ обоого пола, показываетъ и академикъ Шторхъ, въ Статистическомъ обзорѣніи російскихъ губерній. Въ 1795 году по 5 ревизіи считалось 381,051 чел. муж. пола.

Полагая, что въ 1795 году число женскаго пола простиралось до 442,000 (то-есть 8½ больше нежели мужскаго) и стало-быть обоого пола было до 793,000 — выйдеть, что народонаселеніе губерніи съ 1777 года до 1795, въ теченіе 18 лѣтъ увеличилось почти 8 процентами, или ежегодно увеличивалось 0,4 процента или около 3,280 человекъ обоого пола ежегодно*.

По шестой ревизіи, въ 1811 году, въ губерніи было мужскаго

* Опредѣленіе ежегоднаго приращенія народонаселенія дѣлается или приближительно черезъ раздѣленіе общаго приращенія народонаселенія въ извѣстное число лѣтъ, на число этихъ лѣтъ; или точно, черезъ вычисленіе по формулѣ $X = \sqrt[n]{\frac{A}{B}} - 1$, гдѣ n показываетъ число лѣтъ въ томъ періодѣ, за который уже имѣемъ общее приращеніе, А народонаселеніе въ началѣ періода, В въ концѣ. — Для опредѣленія средняго годовичнаго приращенія въ Россіи, все равно которому ни слѣдовать изъ этихъ способовъ, потому что неопредѣленности въ фактахъ во всякомъ случаѣ будутъ несравненно значительнѣе неопредѣленностей отъ вычисленія.

пола 392,474 человекъ, а по пятой считалось, какъ мы уже сказали, 381,051 человекъ мужскаго пола, стало-быть въ теченіе 17 лѣтъ мужское народонаселеніе въ губерніи возрасло только 2,9 процентами, или ежегодно возрастало около 0,17 процента, то-есть ежегодно прибавило около 672 человекъ мужскаго пола; обоего же приблизительно до 1,400 человекъ.

	Родилось.	Умерло.
1796	20,286 обоего пола.	10,477 обоего пола.
1799	22,479	11,902
1804 муж. пола.	17,611	10,713
жен. пола.	16,551	10,277
1805 муж. пола.	16,853	10,292
жен. пола.	15,559	10,295
1806 муж. пола.	16,045	11,921
жен. пола.	15,070	11,529
1807 муж. пола.	17,637	10,924
жен. пола.	16,469	10,474
1808 муж. пола.	16,795	13,370
жен. пола.	15,445	12,911
1809 муж. пола.	16,648	12,088
жен. пола.	15,854	11,673
1810 муж. пола.	18,839	12,338
жен. пола.	18,016	11,942

Стало-быть, начиная съ 1804 года, родилось мужскаго пола 120,480 чел., жен. 112,944; умерло 81,646 муж. пола, 79,101 женскаго пола, то-есть, въ теченіе 7 лѣтъ прибыло 38,834 мужчинъ и 33,843 женщинъ, или среднимъ числомъ прибывало въ годъ по 5,547 мужчинъ, между-тѣмъ какъ по расчету общей прибыли, народонаселеніе прибывало ежегодно только 3,280 человекъ обоего пола.

Такая разниа объясняется обстоятельствами. Во-первыхъ убыль народа бываетъ не отъ одной смертности; во-вторыхъ родится наибольшее число въ самой губерніи и стало-быть, записывается въ метрическія книги, а умираютъ многіе внѣ губерніи, что нѣгдѣ не показывается до самой ревизіи; это въ особенности относится до ярославской губерніи, гдѣ значительное количество народа бываетъ постоянно въ отлучкѣ; при самой ревизіи, по несовершенству способовъ народныхъ переписей того времени, могли быть ошибки; наконецъ, надобно вспомнить, что это за время было на-

чало нынѣшняго столѣтїя; сколько въ немъ было причинъ для задержанїя увеличенїя народонаселенїя.

Миниѣсть о производствѣ 6 ревизїи изданъ 18 мая 1811 года, а тогда Россїя, едва оправившаяся отъ цѣлаго ряда тяжелыхъ для нея войнъ, почти была готова на новую борьбу съ Наполеономъ. — Въ 1811 году, для отпора непрїятеля, на первый случай, она сформировала 335,000 человекъ, кромѣ войскъ, остававшихся въ Финляндіи и Петербургѣ, въ Грузїи, на кавказской линїи, въ Одессѣ и Крыму, въ Оренбургѣ и Сибири, въ дунайской арміи и наконецъ кромѣ войскъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи. —

Наибольшее число умирало дѣтей отъ 1 до 5 лѣтъ, именно отъ 4 до 5,500; десятилѣтнихъ умирало около 300 человекъ въ годъ, 35-ти лѣтнихъ около 200 чел.; 50-ти лѣтнихъ около 350 чел.; 70-ти лѣтнихъ около 550 чел.; 90 лѣтнихъ около 150 человекъ; 100 лѣтнихъ около 10 чел., 105-ти лѣтнихъ, въ 1804 году умерло трое, въ 1805 году одинъ; 110-ти лѣтнихъ, въ 1803 году умерло трое, въ 1804 году одинъ; въ 1805 году четверо.

Число браковъ во весь этотъ періодъ времени было почти одно и тоже — ежегодно около 7,000. — Наибольшее число ихъ было въ 1802 году, именно 7,381. Такимъ-образомъ на каждое супружество въ теченїи 10 лѣтъ можно полагать отъ 3 до 4 дѣтей.

По седьмой ревизїи, бывшей въ 1816 году, въ ярославской губерніи считалось 384,812 мужскаго пола и 436,908 женскаго пола, всего 821,720 человекъ.

Это значитъ отъ шестой къ седьмой ревизїи, въ теченїе 5 лѣтъ народонаселенїе не только не увеличилось, а даже уменьшилось на 1,99 процента, или среднимъ числомъ ежегодно уменьшалось почти на 0,40 процентахъ.

Числительное отношенїе мужскаго пола къ женскому при седьмой ревизїи было какъ 100 къ 113,54.

По осьмой ревизїи, бывшей въ 1834 году, народонаселенїе Ярославской губерніи состояло изъ 412,168 муж. пола и 484,738 жен. пола; всего изъ 898,906 человекъ.

Стало-быть приращенїе въ 18-ти-лѣтній срокъ отъ седьмой къ осьмой ревизїи простиралось до 9,393 процентовъ, или ежегодно до 0,522 процента. Обращая это въ числа, будемъ имѣть ежегоднаго приращенїя, по 4288 человекъ обоего пола.

Въ 1834 году народонаселеніе губерніи, какъ мы уже сказали, состояло изъ 898,906 человекъ; въ 1846 же году (по Кеппену) жителей было 1,008,100 обоюга пола; стало быть въ теченіе 12 лѣтъ народонаселеніе увеличилось почти 11,5 процентами или увеличивалось почти цѣлымъ процентомъ ежегодно.

Производящая нынѣ ревизія покажетъ, въ какой степени вѣрно численіе народонаселенія за послѣдніе годы; вѣроятно, приведенная цифра окажется значительно увеличенною, потому сомнительно, чтобы приращеніе народонаселенія ежегодно доходило до цѣлага процента. Доказательствомъ того, что приведенная цифра народонаселенія за 1846 годъ едва ли окажется вѣрною, можетъ служить и то, что по разсчету числа родившихся и умершихъ выходитъ приращеніе тоже около процента, даже годами и меньше. —

Въ 1834 году родилось 24,782 м. п. 24,126 ж. п.; всего 42,908 чел., а умерло 15,289 м. и 15,927 ж. п. всего, 31,216 чел.; въ 1837 году родилось 21,273 м. п., 20,428 ж., всего 41,701, а умерло 16,403 м. п. 16,907 ж. п.; всего 33,310 чел. Въ 1840 году число родившихся было 20,102 м. п. и 19,125 ж., всего 39,227, а умершихъ 15,843 м. п. и 16,131 ж., всего 31,974 чел. Въ 1842 число родившихся было 40,795 об. п. (20,833 и 19,962), а умершихъ 31,461 об. п. (15,464 и 15,997); въ 1843 году число родившихся было 39,789 об. п. (20,215 и 19,574), а умершихъ 32,123 об. п. (15,852 и 16,271); въ 1844 году родившихся было 39,940 об. п. (20,334 и 19,606), а умершихъ 32,981 об. п. (16,123 и 16,858); въ 1845 году число родившихся было 41,407 об. п. (21,012 и 20,395), а умершихъ 35,709 об. п. (17,154 м. п. и 18,555 ж. п.); въ 1846 году родилось 37,242 об. п. (19,033 м. п. и 18,209 ж. п.), а умерло 36,662 об. п. (17,775 м. п. и 18,887 ж. п.). Почти всѣ эти цифры и порознь и вмѣстѣ показываютъ, что число родившихся ежегодно превышаетъ число умершихъ относительно всего народонаселенія губерніи или немного болѣе процента, или немного меньше.

Черезъ годъ узнаемъ вѣрное народонаселеніе губерніи.

О долголѣтности жителей губерніи православнаго исповѣданія можно судить по слѣдующимъ цифрамъ.

Въ 1838 году умерло двое сто десятилѣтнихъ и одинъ столѣтнѣтній; въ 1839 году сто десятилѣтнихъ умерло пятеро, сто вѣтнѣтнѣтнихъ двое и одинъ стодвѣнацатилѣтній; въ 1840 году

стодесятилѣтнихъ умерло трое и одинъ стодвадцатилѣтній. Въ 1841 году стодесятилѣтнихъ умерло шестеро и одинъ сто пятнадцатилѣтній; въ 1842 году опять умерло шестеро стодесятилѣтнихъ; въ 1843 умеръ одинъ стопятнадцатилѣтній; въ 1845 году умерло трое стодесятилѣтнихъ и одинъ стопятнадцатилѣтній; въ 1846 году умеръ стодвадцатилѣтній. Стопятилѣтнихъ умираетъ не менѣе, чловѣкъ по пяти, по шести ежегодно.

Число браковъ въ періодъ времени отъ 1834 года до 1846 протиралось среднимъ числомъ ежегодно до 7850. Меньшее число браковъ было въ 1839 году, именно 8,438, наименьшее въ 1841 году 6,945.

Таково движеніе народонаселенія въ ярославской губерніи.

Жители ярославской губерніи населяютъ 11 городовъ, изъ числа которыхъ одинъ губернскій, девять уездныхъ, одинъ занятый и 9,524 селенія. Число селеній въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ почти не увеличилось. Георги (въ 1794 году) волагаетъ въ губерніи 554 села и 7,705 приселковъ (сельцо) или деревень; всего 8,259 селеній; а по извѣстіямъ дено-картъ за то же время, ихъ считалось 531 село, 1,573 сельца, 23 погоста и 7,705 деревень, всего 9,832 селенія; стало быть еще болѣе нынѣшняго, но тутъ вѣроятно есть ошибка. Изъ городовъ, по числу домовъ, первое мѣсто принадлежитъ конечно Ярославлю, въ немъ 2,784 дома, изъ которыхъ 450 каменныхъ; число домовъ въ Ярославлѣ противу конца прошедшаго столѣтія не только не увеличилось, а даже уменьшилось; въ 1794 году въ немъ считалось 2,819 домовъ, а въ 1802 году уже только 2,715. Это однако же, не указываетъ, чтобы городъ обезлюдѣлъ, объднчалъ; напротивъ онъ болѣе сосредоточился и украсился каменными домами, которыхъ въ 1794 году было почти вдвое менѣе нынѣшняго, именно только 267 домовъ; въ 1802 году ихъ было уже 439. — За Ярославлемъ, по числу домовъ, слѣдуетъ Ростовъ, имѣющій 987 домовъ, изъ числа которыхъ 145 каменныхъ; потомъ Угличъ (954 дома, изъ числа которыхъ 266 каменныхъ); потомъ Молога (711 домовъ; изъ которыхъ 25 каменныхъ); Романо-Борисогльбскъ (702 дома, изъ которыхъ 104 каменныхъ); Рыбинскъ (651 домъ, изъ которыхъ 202 каменныхъ); въ Рыбинскѣ въ послѣднее пятидесятилѣтіе вообще домовъ почти удвоилось, а каменныхъ, въ двухъ возрасло до 202; такъ видимо возрастаетъ благосостояніе этого города. Даниловъ (450 домовъ; изъ которыхъ 23 камен.

Похонье (375 домовъ, изъ которыхъ 33 каменныхъ), Любимъ (312 домовъ, изъ которыхъ 6 каменныхъ); Мышкинъ (145 домовъ изъ которыхъ 13 каменныхъ).

Всѣхъ домовъ въ городахъ ярославской губерніи 8,067, изъ числа которыхъ 1,257 каменныхъ. Такимъ образомъ приходится на каждую дворъ около 9 человекъ обоего пола.

Селенія въ губерніи по большей части малыя, дворовъ въ 5, 10, 20, 30, много въ 50, такъ что села въ 60, 100 и болѣе дворовъ считаются уже большими и известны въ большей части губерніи.

Во всѣхъ вообще селеніяхъ ярославской губерніи считается 128,992 двора; стало быть на каждую деревню приходится только около 12 дворовъ. Таковъ характеръ населенія всей вообще сѣверной полосы Россіи. Двѣ тысячи восемь сотъ семьдесятъ деревень губерніи имѣютъ менѣ 10 дворовъ; и только 83 селенія имѣютъ болѣе 50 дворовъ. Въ особенности малыя деревни въ похонскомъ уездѣ; тамъ нѣтъ ни одной деревни болѣе 50 дворовъ и 600 имѣютъ менѣ 10 дворовъ; въ романо-борисоглебскомъ уездѣ тоже нѣтъ деревень болѣе 50 дворовъ; въ мышкинскомъ уездѣ только два селенія имѣютъ болѣе 50 дворовъ, въ угличскомъ только 3, но зато около 400 деревень имѣютъ менѣ 10 дворовъ; въ любимскомъ уездѣ только 5 деревень имѣютъ болѣе 50 дворовъ и 238 имѣютъ менѣ 10 дворовъ; въ даниловскомъ 6 деревень имѣютъ болѣе 50 двор. и 509 менѣ 10; въ рыбнскомъ 6, (болѣе 50) и 513, менѣ 10 дв.; въ могомскомъ 15 дер. имѣютъ болѣе 50 двор. и 422 дер. менѣ 10 дв.; наибольшее число многолюдныхъ селеній въ ростовскомъ уездѣ: именно 31 дер. болѣе 50 дворовъ и только 129 менѣ 10 дворовъ.

Замѣчательнѣйшія по величинѣ, по числу дворовъ, слѣдующія деревни: въ ярославскомъ уездѣ: Великое село (500 дворовъ), Курба (100 д.) Норская слобода (141 дв.); въ Ростовскомъ уездѣ: Порьче (400 дв.) Угодича (223 дв.), Борисоглебскія слободы (203 д.), Вожажниково (109 д.), Воржа, Ильинское (100 дв.); Вятское (144 д.), Заозерье (410 дв.); даниловскаго уезда; угличскаго уезда: романо-борисоглебскаго уезда, Давыдовское (140 дв.); и другія.

Селенія въ губерніи, смотря по величинѣ ихъ, располагаются въ одну или нѣсколько улицъ. Строченія, выходящія на улицу, по обыкновенію сжаты и представляютъ почти сплошную массу дворовъ, вы-

тянутыхъ въ болѣе или менѣе прямую линію. — По задамъ расположены огороды, гумна.

Тамъ, гдѣ лѣсъ дешевъ, или жители побогаче, избы вообще строятъ высокія, съ *подъизбищами*, служащими лѣтомъ вмѣсто подвала, а зимою для помѣщенія молодаго скота. Къ этимъ жильямъ становятся подъ одну крышу прочія хозяйственныя помѣщенія; сверху, наравнѣ съ избами, чуланы, сѣнники, соединяющіеся между собою поломъ, или помостомъ, а внизу хлѣва и конюшни. Самые дворы покрываются одною общою и широкою крышею.

Въ торговыхъ селахъ, гдѣ преимущественно сосредоточивается промышленность, дома строятся и содержатся съ большими удобствами и опрятностію, нежели въ селеніяхъ, гдѣ исключительно занимаются земледѣліемъ; во-первыхъ жилые покои просторнѣе, печи съ трубами, досчатые полы и свѣтлыя окна, во-вторыхъ, по большей части, особливо въ мышкинскомъ уездѣ, избы куревыя, низкія и не помѣстительныя.

Распределение народонаселенія по уездамъ весьма неравномерно. Это можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

	Число десятинъ удобной земли на ревннскую душу.	Число жителей на квадрат. версту.
Въ романо-борисоглѣбскомъ уездѣ	3 $\frac{3}{4}$	65
— ярославскомъ	4	59
— мышкинскомъ	5	45
— даніловскомъ	5 $\frac{1}{2}$	54
— ростовскомъ	5 $\frac{3}{4}$	38
— угличскомъ	6	37
— рыбннскомъ	7	30
— любннскомъ	8 $\frac{3}{4}$	21
— моголскомъ	10 $\frac{3}{4}$	20
— помеховскомъ	12 $\frac{1}{2}$	16

Вообще народонаселеніе по лѣвую сторону Волги скуднѣе, а по правую многочисленнѣе.

Почти все народонаселеніе ярославской губерніи православное; приношеніями его содержатся 15 мужскихъ монастырей, 4 женскихъ, и 879 храмовъ. Иновѣрцевъ, по свѣдѣніямъ за 1846 годъ, всего только 897 человекъ мужскаго пола и 54 женскаго. Изъ этого числа наиболѣе римско-католическаго исповѣданія, именно 630 мужскаго

и 27 женскаго; лютеранъ и реформатовъ 56 муж. пола и 27 женскаго, мусульманъ 21 человекъ муж. пола и Евреевъ 190 человекъ. Евреи почти все въ Ярославль; это кантонисты, состоящіе на службѣ въ третьемъ учебномъ карабинерномъ полку и частию служащіе нижніе воинскіе чины въ гарнизонномъ батальонѣ и инвалидовъ въ командахъ. Наибольшее число иновѣрцевъ, конечно, въ ярославскомъ уездѣ, именно 471 муж. пола (съ Евреями, которыхъ въ ярославскомъ уездѣ 181 чел.); наименьшее въ даніловскомъ уездѣ, именно 27 муж. пола.

Образованность жителей губерніи стоитъ на высшей степени противу многихъ другихъ губерній государства. Этому способствуютъ не столько учебныя заведенія, находящіяся въ губерніи, но и то обстоятельство, что Ярославецъ, побывавъ въ Москвѣ, Петербургѣ, побывавъ въ разныхъ отдаленныхъ мѣстахъ государства, невольно разширилъ кругъ своихъ свѣдѣній, понятій и возвратившись на родину, дѣлитъ своимъ пріобрѣтеніемъ съ ближними. Грамотный человекъ въ губерніи не рѣдкость; это тоже есть слѣдствіе промышленнаго духа здѣшняго народонаселенія.

По свѣдѣніямъ за 1846 годъ, учебныхъ заведеній въ губерніи находящихся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, всего 29; но этими заведеніями далеко не ограничиваются средства для распространенія образованія, или по-крайней-мѣрѣ грамотности народонаселенія. Есть еще учебныя заведенія въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ, въ удѣльномъ вѣдомствѣ; есть школы въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и наконецъ, есть духовно-учебныя заведенія.

Въ Ярославль, какъ въ губернскомъ городѣ, наиболѣе гражданскихъ учебныхъ заведеній.

Изъ числа ихъ въ особеннѣе замѣчательнъ Демидовскій лицей, основанный въ 1805 году, подъ названіемъ Демидовскаго училища высшихъ наукъ. Ярославская губернская гимназія съ благороднымъ при ней пансіономъ, основана еще въ 1785 году; но въ 1805 преобразована. Кромѣ того, въ городѣ находятся: уездное училище, два приходскихъ училища, женскій благородный пансіонъ и частная школа для начальнаго обученія дѣтей женскаго пола. Въ уездныхъ городахъ и некоторыхъ селахъ находятся слѣдующія учебныя заведенія:

	Уездныя училища.	Приходскія.
Въ Ростовѣ	1	2
— Рыбинскѣ	1	1
— Мологѣ	1	1
— Угличѣ	1	2
— Романово-Борисоглебскѣ . . .	1	1
— Любимѣ	1	1
— Пошеховѣ	1	1

Всѣ эти училища учреждены между 1786 и 1789 годами.

Въ Мышкинѣ	1
— Даниловѣ	1

Въ Даниловѣ, кромѣ того есть еще частная школа для дѣвѣцъ.

Въ селѣ Великомѣ	1
— — Маринскомѣ	1
— — Шальскомѣ	1
— — Воскресенскомѣ	1
— — Старо-андреевскомѣ	1

Въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ всего 176 учащихся; въ лицахъ 10, въ гимназій съ пансіономъ 16, въ уездныхъ училищахъ по 5 въ каждомъ, въ приходскихъ по 2 въ каждомъ. Всѣхъ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства только 1,700 человекъ. Это значитъ, что 0,36 процента жителей мужскаго пола; а объ учащихся женскаго пола и говорить не стоитъ: ихъ всего-навсѣ 42 дѣвѣцъ. Конечно здѣсь не принимается въ расчетъ домашнее образованіе.

Не велико число учащихся въ губерніи, правда; но если мы оглянемся назадъ, возьмемъ напримѣръ число учащихся въ 1807 году, то увидимъ, что оно было въ три съ половиною раза меньше, всего около 500 человекъ мужскаго пола и 26 женскаго; даже въ 1824 году учащихся въ губерніи было всего 763 мужскаго пола и 11 женскаго; замѣчательно, что въ 1810, 1811 и около этихъ годовъ, было учащихся болѣе нежели въ послѣдніе годы царствованія Александра, напримѣръ, въ 1811 году ихъ было до 900 мужскаго пола.

Разлагая число учащихся въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ по сословіямъ, найдемъ, что наиболѣе обучается въ учебныхъ заведеніяхъ мѣщанъ, именно 741, потомъ оберъ-офицерскихъ дѣтей — 243

человекъ. Дворянъ обучается 192 человекъ, изъ числа которыхъ 142 человекъ въ гимназій. Крестьянъ обучается 117 казенныхъ и 163 приходскихъ. Наибольшее число учащихся въ рыбинскомъ уездномъ и приходскомъ училищахъ, сличкомъ по 60 человекъ — и все мещанъ.

При некоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ устроены учебныя пособія. Такъ при демидовскомъ лицевъ находятся : а) бібліотека, содержащая до 2600 экземпляровъ книгъ, сличкомъ въ 6,000 томовъ; б) охотничій кабинетъ, имѣющій до 136 снарядовъ и инструментовъ; в) минералогическій кабинетъ, въ которомъ 868 разныхъ земель и камней въ 3104 штукахъ; г), зоологическій кабинетъ съ 215 экземплярами чучель млекопитающихъ и птицъ и съ 547 раковинъ; г) минцъ-кабинетъ, въ которомъ содержится до 740 экземпляровъ разнаго рода медалей и д) химическая лабораторія.

Въ фундаментальныхъ бібліотекахъ ярославской гимназій и уездныхъ училищахъ находится книгъ :

	Названій.	Томовъ.
Въ ярославской гимназій . . .	720	2443
Въ уездныхъ училищахъ :		
— Ярославскомъ	171	474
— Ро. товскомъ	229	527
— Рыбинскомъ	544	1,242
— Мологскомъ	238	247
— Угличскомъ	259	593
— Романов-борисоглѣбскомъ . .	150	399
И того		2,311
		5,925

Духовно-учебныхъ заведеній въ ярославской епархіи 5 : семинарія и 4 уездно-приходскія училища : ярославское, борисоглѣбское, угличское и пошехонское.

Въ нихъ по свѣдѣніямъ за 1846 годъ учащихся въ первой 16 и въ послѣднихъ 28; учащихся въ первой 552, а въ послѣднихъ 1,249 человекъ; стало-быть учащихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ всего 1,801 человекъ. Это число въ теченіе времени мало измѣнилось; почти столько же обучалось ежегодно въ продолженіе всего текущаго столѣтія.

Осталось сказать о сельскихъ училищахъ; но свѣдѣнія о нихъ чрез-

вычайно бѣдны. Мы знаемъ навѣрное, что школы есть во многихъ помѣщичьихъ имѣнiяхъ, но сколько такихъ школъ, сколько въ нихъ обучается мальчиковъ, объ этомъ нигдѣ никогда не пишется и не печатается. Въ сельскихъ уездныхъ заведенiяхъ ведомства государственныхъ имуществъ, по свѣдѣнiямъ за 1847 годъ, обучалось въ 21 училищѣ 562 человека. Число учащихся въ этихъ училищахъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ, такъ что 4 года назадъ, въ 1843 году, школъ было всего 13, а учащихся всего 218.

Впрочемъ, еще повторимъ, и образованность и грамотность, расширяются въ народѣ и въ училищахъ, и во время его отлучекъ съ родины. Ярославецъ по природѣ дѣятельный, любознательный, сродный болѣе къ торговлѣ и ремеслу нежели къ земледѣлю, созналъ уже пользу грамотности, — и потому пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ выучиться читать и писать. Учатся обыкновенно не мальчиками, а въ 20, 25 лѣтъ; въ учителяхъ нуждаются только на первыхъ порахъ, — а тамъ букварь — да сказка — лучшие руководители. Жаль только — нечего читать простому народу.

=

ЯКОВЪ БОРИСОВИЧЪ КНЯЖНИНЪ.

=
СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=
IV.

О сочиненіяхъ Княжнина у насъ было высказано множество мнѣній: кто возставалъ противъ него, кто защищалъ его; но до самаго послѣдняго времени не было еще ни одного полного критическаго разбора сочиненій этого писателя. При своей жизни, Княжнинъ не слышалъ критики: ея еще не было тогда, потому что не было науки; у насъ были учебныя руководства къ тому или другому знанію, а развитія научныхъ идей еще не существовало. Наша наука была подобна только-что пересаженному дереву: оно долго не растетъ, долго какъ-будто блекнетъ и чахнетъ, а между-тѣмъ, питаясь соками, укрѣпляетъ свои корни; здѣсь еще нельзя и думать о плодахъ; ихъ обильно соберетъ хозяинъ, но только въ другое время. Мы перенимали трагедіи и комедіи у Расина, Вольтера, Мольера и другихъ; отчего жъ бы намъ не перенять и критики у Лагарпа, который славился тогда во всей Европѣ? Отвѣтъ все тотъ же: безъ живой, подвижной науки не можетъ быть критики. Правда, у насъ появились-было некоторыя историческія разсужденія и споры, похожія на критику; но это была критика фактовъ, дѣяній, а не критика мысли. Мы узнали некоторыя правила искусства черезъ подражаніе, по переимчивой смѣтливости, а не по теоріи; какая жъ тутъ можетъ быть критика!

Впрочемъ, самое слово *критика* у насъ уже существовало. Наши писатели шестидесятыхъ годовъ, какъ мы уже замѣтили, раздѣлялись на двѣ группы — старыхъ и новыхъ; первые подсмѣивались надъ вторыми, пускали въ ходъ разные *словца* и *шуточки*; разумѣется, имъ находились и подражатели; носили изъ дому въ домъ забавныя сужденія; находились и мелкіе литературные враги того или другаго писателя, издавнаго свое новое сочиненіе, и эти пускали въ общество свои остроты и колкія замѣчанія; всѣ такіе толки назывались тогда *критикою*. Вотъ отчего у насъ долгое время подъ именемъ критики разумѣли, если не брань, то по-крайней-мѣрѣ осужденіе и порицаніе; вотъ отчего впоследствии смотрѣли на нее такими странными и недовѣрчивыми глазами; она получила свое значеніе изъ ничтожнаго и грязнаго источника, утвердилась въ немъ, и много нужно было времени, что бы она могла измѣнить это ложное значеніе на настоящее. Только Карамзинъ, и въ особенности Мерзляковъ, стали возстановлять истинное достоинство критики, указывая ей на другую цѣль. Но еще и въ настоящее время мы встрѣчаемъ людей, которые подъ именемъ критики разумѣютъ брань или ужь непременно порицаніе и даже часто смѣшиваютъ ее съ сатирой: вотъ какъ сильно утвердилось ея первоначальное значеніе. Наши *критики* того времени обращали вниманіе только на вѣншнюю сторону сочиненія, на форму. Такъ, когда въ 1783 году, княгиня Дашкова, издавая журналъ «Собесѣдникъ», приглашала писать критики и открывала имъ мѣсто въ своемъ журналѣ, явились подъ именемъ критики только одиѣ колкія замѣчанія на слова и даже буквы нѣкоторыхъ сочиненій, помѣщенныхъ въ томъ же «Собесѣдникѣ», и особенно на «Записки о гносительнo русской исторіи»; они были безъ подписи, и мы не можемъ сказать, знали-ли критики, что ихъ писала сама Екатерина? Конечно, все это имѣетъ свое значеніе въ исторіи развитія нашей критики; мы должны были сперва очистить свой языкъ, должны были дать опредѣленное значеніе тѣмъ или другимъ словамъ, утвердить грамматическія формы и правописаніе; такое именно стремленіе мы и встрѣчаемъ въ осемнадцатомъ вѣкѣ; въ редкомъ журналѣ мы не найдемъ опредѣленія русскихъ словъ, объясненія русскихъ синонимовъ и прочая, и не мало писателей трудилось надъ критикой слова; но они не называли своего труда критикою, а себя критиками, потому, что они не *критиковали* сочиненій.

Такимъ-образомъ, слава многихъ нашихъ писателей утвердилась современными вкусомъ, а не здравой критикой. Вотъ отчего у насъ было такъ много восхваляемыхъ и трагедій и комедій. Въ 1786 г. Академія наукъ нашла этихъ пиесъ такое большое количество, что вздумала собрать ихъ и напечатать подъ названіемъ «Россійскаго Театра». Вотъ что говорится въ предувѣдомленіи къ этому «Театру» отъ имени Академіи : «Россія преимущественно можетъ хвалиться обширностію и богатствомъ своего слова, которое особливо въ преславный вѣкъ великія Екатерины отличнѣйшими умпроизведеніями достигло до высшей степени совершенства.... и между россійскими театральными сочиненіями находятся такія, кои острою мыслью, пріятностію и важностію слога, замысловатыми шутками, а папаче възыпанымъ въ оныхъ нравоученіемъ способствуя къ искорененію предразсужденій и пороковъ, служатъ яснымъ доказательствомъ тому, что и отечество наше изобилуетъ полезными сочиненіями....»

И такихъ сочиненій набралось сорокъ-три тома. Спору нѣтъ, что оны были полезны, но гдѣ же все эти описанныя свойства ихъ, гдѣ же эти отличнѣйшія умпроизведенія, достигшія до высшей степени совершенства? Исключимъ, пожалуй, одну или двѣ трагедіи Княжнина, въкоторыя его комедіи; комедіи Фопъ-Вязина и Аблесимова; что же тогда останется? выдержать ли все это хотя самую слабую критику? Нѣтъ, безъ вѣдома критики утвердилась ихъ слава, и за то, вполсѣдствіи, отъ одного соприкосновенія съ ней пала и никогда ужъ не вставала. И такъ, судьей сочиненій былъ у насъ только одинъ современный вкусъ; много также значила и похвала Императрицы, которая хотя судила о драматическомъ искусствѣ по французской теоріи, но въ то же время понимала и хвалила Шекспира. Громче всѣхъ утвердилась драматическая слава Сумарокова и потомъ Княжнина, потому, что ни тотъ ни другой не имѣли соперниковъ, а послѣдній въ-самомъ-дѣлѣ былъ лучше всѣхъ. Макаровъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что никто не смѣлъ отыскивать въ твореніяхъ Сумарокова и Княжнина недостатки. Являлся смѣлый выскочка и растобарывалъ какъ-нибудь не въ выгоду общепринятаго хорошизмъ; и вотъ старики всѣхъ круговъ начинали надъ выскочкою смѣяться, и говорили въ одинъ голосъ : «Смотри, пожалуй, — умѣе хочеть быть Сумарокова.»

Эта слава такъ сильно утвердилась въ умахъ современниковъ,

что даже и послѣ нихъ она звучала долгое время, и никто не смѣлъ отважиться поколебать ее; такъ окончился осемнадцатый вѣкъ. Въ началъ нашего вѣка стали было дѣлать нѣкоторыя замѣчанія на трагедіи Княжнина, упрекая его преимущественно тѣмъ, что онъ многіе свои монологи заимствовалъ у французскихъ трагиковъ. Но все еще предубѣжденіе къ критикѣ было весьма сильно; все еще считалось дерзостью, оскорбительной для русскаго имени, — смотрѣть критическимъ глазомъ на сочиненія тѣхъ писателей, которыхъ отцы наши увѣнчали лавровыми вѣнками. Такъ, когда Мерзляковъ, уже въ 1815 году, вздумалъ разобрать «Россиаду» Хераскова, онъ долженъ былъ весьма осторожно приступить къ этому дѣлу; онъ зналъ, что услышитъ нашихъ крикуновъ; и вотъ не одну страницу посвящаетъ онъ тому, чтобъ показать важность критики, ея необходимость, ея достоинство и прочая; онъ долженъ былъ оговориться словами, что критика не унижаетъ, а возвышаетъ истинное произведеніе искусства. Конечно, слышать подобныя слова многимъ казалось дико; они все еще думали, что критика только бранить, и ничего больше. Мерзляковъ первый поколебалъ славу всѣхъ нашихъ литературныхъ знаменитостей; его критика, безъ всякихъ колкостей, легко и осторожно мяла и обрывала листья съ лавровыхъ вѣнковъ; она весьма здраво осуждала наши знаменитыя сочиненія въ ихъ цѣлости; а между-тѣмъ восторженно хвалила многія ихъ частности. Впослѣдствіи явилось множество критиковъ: большая часть изъ нихъ уже безпощадно напала на своихъ дѣдовъ-писателей, и наконецъ совершенно втоптала ихъ въ грязь. Такимъ-образомъ явилась новая крайность.

Вотъ какимъ путемъ дошла до насъ слава Сумарокова, Княжнина, Хераскова и другихъ.

Приступая къ разбору сочиненій Княжнина, мы говоримъ, что наша литература того времени была чисто-подражательная, что наши писатели только подражали Французамъ. Значитъ, мы должны подробно рассмотреть состояніе современной французской литературы, должны разобрать ея направленіе, ея идеи, ея жизнь, и потомъ уже приступить къ разбору своего отечественнаго писателя. Да, съ перваго взгляда намъ покажется необходимо заглянуть во Францію. Но выкинувъ поглубже въ направленіе нашей литературы осемнадцатаго вѣка, мы увидимъ, что такой трудъ былъ бы едва ли не

безполезенъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что наши писатели до-Карамзинской эпохи переносили и утверждали только форму искусства, а не тѣ идеи, не ту жизнь, которой кипѣла современная французская литература. Вильменъ, въ своей исторіи литературы, приступая къ эпохѣ Вольтера, разсматриваетъ состояніе англійской литературы, и онъ имѣетъ на то свои причины: Франція приняла тогда много идей отъ Англии, усвоила и стала развивать ихъ въ своей литературѣ. Наши писатели особенно, кажется, не выказали у себя ничего подобнаго: мы были знакомы преимущественно съ вышней жизнью Франціи, и вотъ вышность ихъ литературы или лучше сказать, форма ихъ искусства и переходила къ намъ. Правда, нельзя утверждать, чтобъ намъ были совершенно незнакомы идеи запада, онѣ проглядывали и въ нашемъ обществѣ, разумѣется, высшемъ, офрануженномъ своей вышностью, но оставались тамъ безъ всякаго развитія.

Форма французскаго искусства образовалась и утвердилась при Людовикъ-Четырнадцатомъ, и потомъ въ продолженіи слѣдующихъ столѣтій господствовала во всей Европѣ: Лафонтенъ, Корнель, Расинъ, Мольеръ, Боало и наконецъ Вольтеръ были европейскими корифеями.

У насъ Сумароковъ первый обратился къ нимъ. Прежде всего онъ устремилъ свое вниманіе на трагедію. Увлекаясь французскими трагиками, онъ составилъ себѣ изъ нихъ какъ-бы *рецептъ*, и по нему уже склеивалъ всѣ свои девять трагедій. Онъ, по словамъ князя Шаховскаго, поставилъ у входа въ драматургію тѣнь Аристотеля, вооруженную тремя единствами. Это было главное условіе французской трагедіи, хотя только одинъ Расинъ вполнѣ исполнялъ его; и вотъ оно же составило главную сущность рецепта Сумарокова: единство дѣйствія, единство мѣста и наконецъ, единство времени. Это была рама трагедіи, куда нужно было вставить самое дѣйствіе. Затѣмъ, должно же опредѣлять и это дѣйствіе; въ чемъ же состоятъ ему? Главное его основаніе была любовь; изъ нея-то вытекали всѣ стремленія, всѣ чувства, всѣ другія страсти, всѣ бѣды, и она-то наконецъ доводила до убійства одного или несколькихъ героевъ. А кто были эти герои? Разумѣется, цари и князья, влюбленные въ царевенъ и княженъ; двое всегда любятъ одну (развѣ исключить «Хорева») и при томъ такъ, что слабый лю-

бить и самъ, а сильный несчастливъ въ своей любви, и слѣдственно развинтъ до бышонства. Къ этимъ любовникамъ и любовницамъ необходимы принадлежности — наперсники и наперсницы; это люди самые безхарактерные, какъ движущіяся куклы; а обязанность ихъ самая трудная — слушать всякую болтовню влюбленныхъ и непременно что-нибудь отвѣчать на нее. Еще и нынче мы встречаемъ на нашей итальянской сценѣ подобныхъ наперсницъ; наперсники же почти совершенно вывелись изъ моды. Вотъ такимъ образомъ составился рецептъ для трагедій Сумарокова и его подражателей. Но Сумарокову оставался еще другой трудъ — выдумать любовное дѣйствіе съ данными условіями, представить его въ монологахъ, и наконецъ справиться съ грубымъ необработаннымъ языкомъ, давая ему размѣръ и ритму. Этотъ трудъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ немаловажный, и нужно было имѣть много таланта, чтобъ окончить его лучше Тредьяковскаго. Французы брали сюжеты для своихъ трагедій преимущественно изъ древней римской или греческой исторіи; Сумароковъ вѣроятно не могъ пользоваться такими источниками, и потому обратился къ древней русской лѣтописи, но тамъ онъ не нашелъ трагической любви; и вотъ, безъ дальнѣйшихъ хлопотъ, онъ бралъ оттуда историческія имена, а иногда даже и просто выдумывалъ ихъ*; заставлялъ влюбляться одно лицо въ другое, которыя онъ называлъ этими именами, и затѣмъ начинались стоны, вопли, страданія, пока кому-нибудь изъ героевъ не вздумалось заколоться. При такомъ составленіи трагедій оказался недостатокъ въ дѣйствіи; тамъ являются на сцену герои и героини безъ всякой побудительной причины, объясняются въ любви, плачутъ, клянутся, бьются и несколько не подвигаютъ впередъ самаго дѣйствія; рѣдко услышишь отъ нихъ или отъ *выстника*, что дѣйствіе сдѣлало шагъ впередъ. Мерзляковъ оправдываетъ ихъ сравненіемъ съ своей современностью: «Можно ли удивляться, говоритъ онъ уже въ 1817 году, что въ первородной трагедіи нашей не видимъ надлежащихъ побудительныхъ причинъ, противоборствъ и связей трагическихъ, когда и нынѣ еще показываются у насъ на театрѣ подобныя странныя яв-

* Сумароковъ иногда прибѣгалъ и къ трагедіямъ Шекспира, но разсуждается передъвынималъ ихъ по своему, по тому же рецепту, такъ что въ нихъ уже ничего не оставалось шекспировскаго. ed by Google

лрія? *Есть любовь, есть закалающіеся кстати и некстати; есть работа мечу и отравъ: вотъ и трагедія*. Лучшаго опредѣленія, кажется, нельзя сдѣлать нашей первородной трагедіи. Впрочемъ, не многимъ лучше ея были и современныя трагедіи Вольтера; онъ отличался преимущественно прекраснымъ обработаннымъ языкомъ, чего строго нельзя требовать отъ Сумарокова: Вольтеръ имѣлъ передъ собой прекрасные образцы, могъ пользоваться трудами цѣлаго столѣтія, у Сумарокова же была одна грубая масса, а справиться съ ней — не было таланта Ломоносова.

Но съ искусствомъ хорошихъ актеровъ многіе внѣшніе недостатки монологовъ могли быть сглажены, и такимъ образомъ не слишкомъ поражали уши слушателей. Конечно, актерамъ нужно было большое умѣнье и искусство, чтобъ не только читать, но и представлять трагедіи Сумарокова. «Я представляю себя, говоритъ Мерзляковъ, всѣхъ актеровъ Сумарокова людьми, которые, бѣжавъ отъ опасности, пришли къ большой рѣкѣ, которой ни переплыть, ни перейти нельзя. Они остановились на берегу ея, и, смотря на близкую опасность,жимаютъ плечами и остаются въ нерѣшимости». Въ самомъ дѣлѣ лица Сумароковскихъ трагедій были похожи скорѣе на суетливыя тѣни, чѣмъ на живыя лица, и воплотить ихъ было трудно актеру. При всемъ этомъ нельзя сказать, что современники Сумарокова, не развитые искусствомъ, приняты бы и всякую трагедію съ тѣмъ же восторгомъ, съ какимъ принимали трагедіи отца русскаго театра; вѣтъ, у нихъ уже были свои маленькія требованія, которыя обнаруживаютъ въ нихъ только-что возникшій вкусъ къ искусству. Мы уже не говоримъ о тяжеловѣспой трагедіи Тредьяковскаго, но укажемъ только на трагедіи Ломоносова; онъ были составлены по всѣмъ правиламъ Аристотеля, обработкой же языка стояли гораздо выше Сумароковскихъ; а между-тѣмъ ихъ приняли холодно, и никто не думалъ восхищаться ими. Вотъ доказательство, что зрители имѣли свой вкусъ и свои требованія: они не прельщались звучнымъ языкомъ, но хотѣли, чтобъ самая рѣчь соответствовала свойству и характеру лицъ; они еще не могли требовать естественности страстей, нравовъ, характеровъ, но требовали естественности рѣчи; они могли не замѣтить, если бъ ягненокъ былъ больше волка, а голубь имѣлъ бы перья лебедя, но не могли бы снести, когда бы ягненокъ закричалъ волкомъ, а голубь запылъ бы лебедемъ.

Это требованіе, конечно, есть требованіе возникающаго вкуса, а Ломоносовъ забылъ исполнить его, обрабатывая языкъ своихъ трагедій: тамъ лица говорятъ съ лирическою восторженностію поэта, говорятъ звучными стихами, только эти стихи какъ-то не согласуются съ самымъ голосомъ говорящихъ.

Такимъ образомъ современники Сумарокова отдавали ему одному честь трагика. Мы уже давно не можемъ восхищаться ни однимъ монологомъ его трагедій, тамъ менѣе содержаніемъ многихъ изъ нихъ, которое въ самомъ дѣлѣ *ничто*, но онѣ важны для нашей исторіи съ своей внешней стороны; онѣ первыя выразили ту форму, которую потомъ развивали и утверждали другіе писатели, стараясь сливать ее съ самымъ содержаніемъ. Это было первое развитіе нашего искусства и литературы, и для нея, подражательной, оно было необходимо. Какъ при Петрѣ Великомъ началась наша европейская жизнь съ внешности, съ формы, такъ и при дочери его, Елисаветѣ, началась наша литература образованіемъ формы, а содержаніе выразилось уже въ другомъ періодѣ. Не съ этой ли самой точки мы должны смотреть и на оды Ломоносова, Петрова и ихъ послѣдователей? Разумѣется, мы не можемъ поставить Ломоносова на одну степень съ Сумароковымъ: Ломоносовъ былъ и преобразователь языка, а этотъ важный трудъ его еще болѣе служилъ къ вышнему развитію литературы.

Продолжателемъ дѣла, начатаго Сумароковымъ, явился зять его, Княжнинъ. Теперь мы приступимъ къ подробному разбору его трагедій, но прежде всего приведемъ слова Мерзлякова, которые отчасти характеризуютъ эти трагедіи: «Мѣсто Сумарокова, говоритъ онъ, занялъ родственникъ и ученикъ его, Княжнинъ. Въ его трагедіяхъ слогъ чище, благороднѣе, возвышеннѣе, нежели въ трагедіяхъ Сумарокова: нѣтъ столь неприличныхъ и частыхъ обращеній къ предметамъ бездушнымъ или къ *устамъ, рукамъ, слезамъ, очамъ*; но за то онъ впадаетъ въ противную погрѣшность: слогъ его часто бываетъ холоднѣе, напыщенъ, несвободнѣе: онъ терялся въ подробностяхъ и не умѣлъ себя останавливать; ему хотѣлось быть вездѣ высокимъ: въ одной сценѣ «Рослава» помѣстилъ онъ все высокія слова, разсыпая въ трагедіяхъ Корнеля, Расина и Вольтера. Онъ подражалъ всемъ французскимъ трагикамъ вмѣстѣ, или лучше, переводилъ изъ нихъ. — Это не Сумароковъ! Почти ни одинъ плакъ, ни одинъ характеръ, ни одинъ монологъ не принадлежитъ ему.

Это вѣрная характеристика трагедій Княжнина со стороны ихъ содержанія; мы разберемъ ихъ во всей подробности, покажемъ, откуда переводилъ и заимствовалъ Княжнинъ, но не станемъ за это укорять его: здѣсь намъ важно только развитіе формы, а не оригинальность содержанія, не самобытность таланта.

Вся трагедія Княжнина мы можемъ раздѣлить на два разряда: одѣ переводныя или заимствованныя у итальянскихъ трагиковъ; другія же *славянскія*, въ родъ Сумароковскихъ.

Въ 1724 году итальянскій поэтъ, аббатъ Метастазіо, написалъ первую свою драму «Оставленная Дидона» (*Didona abbandonata*); она была назначена въ либретто для оперы, и имѣла большой успѣхъ на европейскихъ сценахъ. Ея содержаніе основано на слѣдующемъ сказанніи Виргилія и римскихъ историковъ. Послѣ разрушенія Трои, судьба и боги назначили Энею, одному изъ родственниковъ Пріама и героевъ Иліады, возстановить троянскій народъ, и указали ему на Италію. Эней съ своими товарищами, спасаясь отъ меча Грековъ и внимая голосу судьбы, бѣжалъ на нѣсколькихъ корабляхъ отъ развалинъ Иліады. Но на пути богъ Нептунъ разгнѣвался на него, взволновалъ море, разбилъ его корабли и погубилъ многихъ его товарищей; самъ Эней съ остальными спасшимися Троянцами, былъ выброшенъ на африканскій берегъ, близъ того мѣста, гдѣ будто бы тогда Дидона строила Карфагенъ. Со всѣмъ дружелюбіемъ приняла она троянскаго героя, съ любопытствомъ слушала героическіе подвиги его подъ стѣнами и въ стѣнахъ Трои, а между-тѣмъ Венера и Амуръ, въ образъ маленькаго Асканія, сына Энея, вдохнули взаимный пламень любви и въ хозяйку и въ гостя. Эней, сгорая сильной страстью, хотѣлъ навсегда остаться у ногъ прекрасной Дидоны; но судьба не измѣняетъ своихъ опредѣленій. Боги безпрестанно и различными средствами стали напоминать своему избраннику объ его цѣли, и вотъ наконецъ, послѣ многихъ усилій, Эней долженъ былъ оставить Карфагенъ для Италіи. Въ это время Дидонъ угрожалъ Ярбу, царь нумидійскій, которому она прежде отказала въ своей рукѣ подъ предлогомъ, что хочетъ сохранить память о своемъ первомъ мужѣ, Сихевѣ, и навсегда остаться ему вѣрною. Въ отчаяніи, считая Энея измѣнникомъ, она велѣла приготовить костеръ, и на немъ сожгла себя. Световій прибавляетъ еще къ этому, что будто и Анна, сестра Дидоны, была ея соперницей и любила Энея тайной любовью.

Метастазіо начинаетъ дѣйствіе своей трагедіи съ того времени, какъ Эней, побуждаемый богами, рѣшается оставить Карфагенъ: онъ объявляетъ о своемъ намъреніи Дидонинной сестрѣ, которую Метастазіо называетъ Селеной, разсказываетъ ей свой сонъ, гдѣ являсь ему тѣнь отца и побуждала исполнить вѣлвіе судьбы; Селена поражена удивленіемъ; въ это время входитъ Дидона, замѣчаетъ смущенію Энея, слышитъ его вѣдомые намеки на какую-то волю судьбы, и не можетъ понять ничего изъ его словъ. Эней оставляетъ ее, а Осмида, наперсница Дидоны, лукаво объявляетъ ей свои подозрѣнія, что Эней ревнуетъ ее къ Ярбу. Дидона вѣритъ Осмидѣ, и посылаетъ ее усовестить Энея. Между-тѣмъ является Ярбъ, царь нумидійскій, подъ именемъ посла, Арбаче, вмѣстѣ съ своимъ наперсникомъ, Араспомъ. Онъ напоминаетъ Дидонѣ ея обѣщаніе — остаться навсегда вѣрною Синею; говоритъ ей о молвѣ, которая гласила, что Дидона отдастъ свою руку и царство Энею, и вслѣдствіе этого представляетъ ей оскорбленіе, которое она причинила Ярбу своимъ прежнимъ отказомъ — быть его женой; наконецъ, какъ посолъ, онъ угрожаетъ ей отъ имени своего государя, если она въ самомъ дѣлѣ предпочтетъ ему Энея. Дидона, раздраженная словами посла, объявляетъ ему о своей любви къ Троянцу, показываетъ презрѣніе ко всемъ его угрозамъ и затѣмъ оставляетъ его. Ярбъ въ бѣшенствѣ; онъ клянется мстить царицѣ всеми средствами. Въ это время въ головѣ Осмиды составляетъ честолюбивый планъ. Она предлагаетъ Ярбу свои услуги, и въ награду за нихъ проситъ карфагенскаго престола. Ярбъ соглашается. Вслѣдъ затѣмъ онъ встрѣчаетъ Энея, и невидимый имъ, хочетъ поразить его, но Араспъ, руководимый правилами чести, удерживаетъ руку своего царя. Въ это время является Дидона, узнаетъ дерзкій замыселъ Ярба, и приказываетъ взять его подъ стражу. Затѣмъ Эней, вѣдывая съ царицей, объявляетъ ей волю боговъ и свое непремѣнное назначеніе — отправиться въ Италію. Дидона, пораженная этими словами, умоляетъ его остаться, укоряетъ въ невѣрности, но все напрасно: Эней неумолимъ. Во второмъ дѣйствіи Дидона осуждаетъ Ярба на смерть, считая его посломъ, нарушившимъ права посольства; но къ ней еще разъ является Эней и испрашиваетъ прощеніе своему врагу. Ярбъ освобожденъ; съ помощью Осмиды и некоторыхъ карфагенскихъ вельможъ, онъ приводитъ въ исполненіе свои замыслы противъ царицы и ея возлюбленнаго. Между-тѣмъ Дидона еще думаетъ удержать Энея,

она призываетъ его къ себѣ; представляетъ ему свое положеніе, угрозы Ярба и наконецъ просить только одного совѣта: по ея словамъ, осталось ей двѣ дороги — умереть или отдать свою руку нумидійскому царю; она колеблется въ выборѣ, и просить Энея, чтобы онъ сдѣлалъ его. Эней, все еще пылая страстной любовью, не знаетъ, что предложить царицѣ, наконецъ на неотступное ея требованіе, предлагаетъ послѣднее — отдаться Ярбу. Тогда Дидона призываетъ Ярба, какъ посла, хладнокровно объявляетъ ему, что она, по совѣту Энея, рѣшается исполнить требованіе царя. Но не удался и этотъ замыселъ Дидоны: она думала, что Эней, слыша ея предложеніе, воспламенится ревностью, не захочетъ уступить ее другому, и навсегда останется въ Карфагенѣ. Эней дѣйствительно терзается, слыша слова царицы, но не забываетъ воли судьбы, и потому не хочетъ быть свидѣтелемъ холодной бестыды Дидоны съ Ярбомъ; смущенный, несколько разъ порывается онъ уйти, но Дидона всякій разъ удерживаетъ его! И все напрасно. Эней оставляетъ Дидону. Видя, что не удалось и это послѣднее средство, Дидона, въ отчаяніи, отказываетъ Ярбу. Разумѣется, Ярбъ приходитъ въ бѣшенство, считаетъ себя осмѣяннымъ, и хочетъ жестоко отомстить ей. Въ третьемъ дѣйствіи Эней со своими Троянцами готовится войти на корабль; сюда же, на берегъ, является и раздраженный Ярбъ съ своимъ войскомъ, которое до-сихъ поръ скрывалось около Карфагена; Нумидійцы вступаютъ въ драку съ Троянцами, но послѣдніе прогоняютъ первыхъ. Наконецъ Эней уязвляетъ, освободивъ прежде виновную Осмиду, которую Ярбъ привязалъ къ дереву, напрасно считая ее изменницей. Затѣмъ Ярбъ, пылая дикимъ мщеніемъ, зажигаетъ городъ; этимъ средствомъ онъ думаетъ принудить Дидону отдать ему свою руку, и объявляетъ себя нумидійскимъ царемъ. Дидона презрительно отказываетъ на все его предложенія. Селена также страдаетъ любовью, подобно сестрѣ, но будучи не въ силахъ болѣе сносить горести, она объявляетъ Дидонѣ о своей любви къ Энею; сюда же является и преступная Осмида, признается царицѣ въ своей изменѣ, раскаивается и проситъ прощенья. Отчаянная Дидона ни въ чемъ не находитъ утѣшенія; желая разомъ окончить свои страданія, она бросается въ огонь, который уже подступилъ къ дворцу*.

* Эта трагедія была переведена на русскій языкъ въ 1766 году неизвестнымъ.

Не станемъ разсуждать о достоинствахъ и недостаткахъ этой трагедіи Метастазіо, но обратимся прямо къ «Дидонъ» Княжнина. Княжнинъ не перевелъ «Оставленной Дидоны»; вѣроятно, онъ не нашелъ въ ней строгихъ правилъ французской трагедіи, и потому передалъ ее по своему. Энею онъ придалъ наперсника въ лицѣ Антенора, котораго не оказалось у Метастазіо. Ему—то при самомъ началѣ трагедіи, объявляетъ Эней о волѣ боговъ и о своемъ намъреніи оставить Дидону, не смотря на то, что все уже было готово къ совершенію ихъ брака. Замѣтимъ, что Эней твердитъ почти во всей трагедіи объ опредѣленіи судьбы и боговъ, но не выражаетъ ясно, въ чемъ именно заключалось это опредѣленіе. У Метастазіо Эней въ нѣсколькихъ словахъ ясно высказываетъ его, приводя слова своего отца, который явился ему во снѣ:

«Сынъ* (сказалъ онъ, а я слушалъ его), неблагодарный сынъ, *развѣ здѣсь Италия*, то царство, которое назначили тебѣ Аполлонъ и я? Несчастливая Азія ждетъ, что ты силой своего мужества возстановишь Трою въ другой землѣ; ты обещалъ это; я слышалъ твое обещаніе въ послѣдній мигъ своей жизни.... и ты мѣдишь, неблагодарный предъ отечествомъ, предъ самимъ собою и предъ своимъ родителемъ; здѣсь ты губишь себя въ праздности и въ любви»....

Изъ этихъ словъ читатель тотчасъ узнаетъ въ чемъ дѣло. Не то услышать онъ у Княжнина; вотъ что говорить здѣсь тень Анхиза, явившаяся во снѣ Энею:

«Неблагодарный сынъ, того ль я ожидалъ
Отъ крови моея боговъ смѣшенной съ кровью?»

* Figlio (ei dice, e l'ascolto) ingrato figlio,
Questa è d'Italia il regno,
Che acquistarti commise Apollo ed io?
L'Asia infelice aspetta,
Che in un altro terreno
Opra del tuo valor, Troja rinosca:
Tu il promettesti; io nel momento estremo
Del viver mio la tua promessa intesi...

.....
E tu frattanto ingrato
Alla patria, a te stesso, al genitore
Qui nell'ozio ti perdi e nell'amore?..

Мой сынъ, любезный сынъ, отягощенъ любовью,
 Во праздниости свой вѣкъ напѣрился влачить;
 Зевесу клятву давъ, дерзаетъ измѣнить!»

или жрецъ говорить отъ имени *какого-то* бога :

«... О слабый ты Эней!

Гдѣ мужество души дѣвалось твоей?
 Тебѣ врученно мною Троянъ оставше племя;
 Чтобы посѣяти неслѣтныхъ лавровъ семя;
 А семяна сія, на терніе упавъ,
 Бесплодны для меня, безъ пользы свѣту ставъ.»

Изъ этихъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ намековъ, читатель только смутно узнаетъ, что Зевесъ назначилъ Энею возстановить Трою, но гдѣ именно, въ какомъ мѣстѣ? объ этомъ можетъ онъ развѣ только догадываться въ концѣ трагедіи; отъ такой недомолвки происходитъ чрезвычайная темнота во всемъ дѣйствіи. Всякій читатель, незнакомый съ преданіями римской исторіи, непременно задастъ себѣ слѣдующіе вопросы : о чемъ же бѣснуется Эней, куда онъ хочетъ бѣжать, когда ему предлагаютъ цѣлое кареагенское царство, гдѣ онъ можетъ исполнить волю боговъ возстановить Трою? — Чего же требуютъ отъ него и сами боги, когда онъ почти достигъ ихъ опредѣленія? Не сталъ бы спрашивать объ этомъ читатель, если бы онъ зналъ, что одна Италия назначена судьбой для возстановленія Трои. Такимъ-образомъ причина терзанія Энея непонятна читателю. Конечно, Антеноръ зналъ объ ней, и потому не требовалъ отъ Энея никакого поясненія; онъ сначала только укорялъ его въ недостойной любви, отчаявшись видѣть возстановленіе Трои; но потомъ выказалъ необыкновенную радость и даже зафилософовалъ, услышавъ твердое намѣреніе Энея оставить Кареагенъ. Въ это время входитъ Дидона съ своей наперсницей Элизой, видитъ смущеніе Энея, но ничего не можетъ понять изъ отрывистыхъ словъ его; затѣмъ Эней уходитъ.

«Скажи, Элиза, мнѣ, не молвила ль чего
 Я въ оскорбленіе любезна моего?»

спрашиваетъ смущенная Дидона, и наконецъ подозрѣваетъ Энея въ ревности къ Ярбу, который прислалъ къ ней своего посла: о немъ Эней упомянулъ въ предъидущемъ разговорѣ съ ней. Во второмъ

дѣйствіи, подвѣсивъ посла выходитъ на сцену Ярбъ, а съ нимъ наперсникъ его, Гіасъ.

«Се зрю *противный домъ*, несносные чертоги (говоритъ Ярбъ),
Гдѣ все, что я люблю, немилосерды боги
Троянску страннику съ престоломъ предають.»

Затѣмъ онъ начинаетъ бѣсноваться отъ ревности; бранить Энея безъ всякой пощады, грозить мщеніемъ, и отъ всѣхъ этихъ словъ его читатель снова приходитъ въ смутное положеніе. За что же онъ бранится, зачѣмъ такъ бѣснуется, спрашиваетъ онъ: кто же виновать, что онъ опоздалъ влюбиться и предложить свою руку Дидонѣ? Чѣмъ же Эней оскорбилъ его? и всѣ эти вопросы остаются безъ отвѣтовъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, здѣсь Княжнинъ впалъ въ крайнюю ошибку, отступивъ отъ Метастазіо. У итальянскаго поэта упоминается, что Ярбъ еще прежде предлагалъ Дидонѣ руку, но она отказала ему изъ желанія остаться вѣрной своему первому мужу, Сихею; теперь же, когда онъ услышалъ объ Энеѣ, которому карагенская царица готовила свой тронъ, теперь онъ могъ считать себя обиженнымъ: онъ имѣлъ право и на укоры и на угрозы, и на месть. У Княжнина же Ярбъ является только въ первый разъ, и видя себя предупрежденнымъ, начинаетъ ссору безъ всякаго права, представляется влюбленнымъ въ Дидону по однимъ слухамъ о ней, никогда не выдавъ ея, и такимъ образомъ выказывается свирепымъ какъ звѣрь. Гіасъ представленъ въ противоположность ему какимъ-то греческимъ философомъ со строгими правилами чести, такъ что странно видѣть подобнаго наперсника у такого дикаря каковъ Ярбъ. Ярбъ у Метастазіо, не смотря на свое полное право мести, сохраняетъ царское достоинство въ разговорѣ съ Дидоной; онъ представляетъ ей обиду, которую она нанесла царю, говорить, что она можетъ загладить свою вину, если сдѣлается его супругой и выдастъ ему Энея; въ противномъ же случаѣ грозитъ ей страшной войной.

«Пока со мной Эней, говоритъ Дидона, ты не смутинь меня; пусть приходятъ на эти берега и Гарамантійцы и Нумидійцы, вся Африка и цѣлый свѣтъ *».

* I uche sia meco Enea, non mi confondo,
Vengano a questi lidi
Garamanti, Numidi Africa e il Mondo.

У Княжнина, въ длинномъ разговорѣ Ярба съ Дидоной, не соблюдено никакого достоинства лицъ. Ярбъ безъ всякаго права начинается стыдить Дидону, самъ являясь какимъ-то тщеславнымъ хвастуномъ ;

«Царица, постыдись ты страсти своей,

говорить онъ :

... Ярба несть тебѣ не будетъ ли опасна,
Онъ можетъ показать тобою униженъ,
Кто долженъ быть изъ двухъ совѣстниковъ почтенъ,
Трояскій ли бѣглець отъ Грековъ побѣжденный,
Иль Ярбъ къ владычеству богамъ въ свѣтъ рожденный.?

Конечно, съ этой рвѣю и Дидона должна была сообразовать свои слова.

Въ третьемъ дѣйствіи, воинъ объявляетъ Дидонѣ, что —

*«Гетульского царя посоль ожесточенный
По граду здѣсь лить ядъ злости сокровенный.
Вельножей, вопновъ серебромъ прельшая взоръ,
Готовить на тебя погибелей соборъ», и проч.*

При этихъ словахъ, Дидона посылаетъ за Энеемъ Элизу, въ намѣреніи вмѣстѣ съ нимъ уничтожить замыслы мнимаго посла.

Вскорѣ Элиза возвращается съ вѣстью, что Эней со своими Троянцами уже садится на корабли. Пораженная царица снова посылаетъ свою панерсницу возвратить ей Энея :

*«Стремись и возврати мою въ Эней душу,
Скажи ему, что жизнь мою въ сей часъ я рушу,
Проси, моли, пролей потоки горькихъ слезъ,
Грози за смерть мою отщепеніемъ небесъ.
Яви ему все то, что духъ мой ощущаетъ,
Скажи ему.... скажи: Дидона умираетъ.»*

По зову Элизы, Эней дѣйствительно является къ Дидонѣ. Княжнинъ и здѣсь не умѣлъ воспользоваться своимъ оригиналомъ. Разговоръ Дидоны съ Энеемъ былъ бы у него прекрасенъ, еслибъ онъ перевелъ его слово въ слово изъ *Метастазіо*. Но нашъ поэтъ до-нельзя растянулъ его, наполнилъ плачемъ, стонами, и сдѣлалъ его водянымъ и приторнымъ. Вообще все наши трагикки не умѣли выражать сильныхъ чувствъ сердца; они не знали того, что истинное чувство

требуетъ только нѣсколькихъ словъ для своего выраженія, а не огромныхъ монологовъ, въ которыхъ оно теряетъ всю свою силу и только томитъ слушателя своимъ многословіемъ. Эней и здѣсь выражается такъ темно о вѣлннн боговъ, что читатель все еще не можетъ разрѣшить своихъ вопросовъ.

Не знаемъ, почему Княжнинъ передѣлалъ или, лучше сказать, исказилъ прекрасную отдѣльную сцену у Метастазіо, гдѣ отчаянная Дидона предлагаетъ Энею разрѣшить ея сомнѣніе: умереть ли ей или отдать руку Ярбу. Представляемъ читателю эту небольшую сцену:

ДИДОНА *.

Въ такой сомнительной долѣ напрасно всякое другое средство: мнѣ

: * Вотъ итальянскій подлинникъ:

DIDONA.

In così dubbia sorte
 Ogni remedio è vano,
 Degio in contrar la morte
 O superbo African porger la mano;
 L'uno e l'altro mi spiace e son confuso.
 Al fin femmina e sola
 Lungi dal patrio ciel, perdo il corraggio,
 E non e maraviglia
 S'io risolver non so: tu mi consiglia...

 Dimmi, che far deggio? con alma forte
 Come vuoi, scegliero Jarbo o la morte.

ЕНЕА.

Jarbo o la morte! E consigliarti io deggio?
 Colei, che tanto adoro
 All' odiato rival vedere in braccie!

DIDONA.

Se tanto pena
 Trovi nelle mie nozze; io le ricuso:
 Ma per tormi agli insulti
 Necesario è il morir. Stringi quel brando,
 Svena la tua fedele
 E pieta con Didone esser crudele.

ЕНЕА.

Ch'io ti sveni? Ah! piu tosto
 Cada sopra di me de Ciel lo sdegno:

должно или встрѣтить смерть или протянуть руку гордому Африканцу: я бы не хотѣла ни того ни другаго, но я слабая женщина, одинокая, вдали отъ роднаго неба, я теряю всякую бодрость: не диво, если я не могу рывнуться; дай же мнѣ советъ.... скажи мнѣ, что должна я дѣлать? желаю ли ты, чтобы я избрала Ярба или смерть?

ЭНЕЙ.

Ярба или смерть! и я долженъ совѣтовать тебѣ? видѣть въ объятіяхъ ненавистнаго соперника ту, кого я такъ обожаю! ту!...

ДИДОНА.

Если столько муки находишь ты въ моемъ бракѣ, то я отвергаю его; но въ такомъ случаѣ, чтобы избавиться отъ всѣхъ обидъ, мнѣ должно умереть; такъ обнажи свой мечъ, и порази свою вѣрную подругу; это будетъ состраданіе — быть жестокииъ съ Дидоной.

ЭНЕЙ.

Мнѣ поразить тебя! Ахъ!... пусть лучше падетъ на меня небесный гнѣвъ; пусть лучше боги возмутъ мои дни, и сохранятъ твои.

ДИДОНА.

Такъ я отдаюся Ярбу.... или убей меня.

ЭНЕЙ.

Нѣтъ, если должно уступить судьбѣ, протяни свою царственную руку Ярбу; пусть душа Энея лишится покоя, и цѣной его пусть будетъ твоя жизнь.

Княжнинъ, какъ мы сказали, передѣлалъ эту сцену, и приклянулъ ее къ предъидущему разговору и объясненію Энея. Вотъ какъ у него выразилась она.

Prima scemin gli Dei
Per accrescer tuoi giorni, i giorni miei

ДИДОНА.

Dunque a Jarba mi dono.....

.....

Dunque mi svena?

ЭНЕЙ.

No, se ceda al destino: a Jarba stendi
La tua destra:iedi Di pace priva
Regni l'alma d'Енея, purcha tu viva.

ЭНЕЙ.

Я мыслю, что ты гнѣвъ невинному являешь...
И такъ ужъ ты меня изъ сердца своего...
Я мыслю, что... ахъ, нѣтъ, не мыслю ничего!

ДИДОНА.

Чтобъ я невѣрностью твоею огорченна,
Жалѣть измѣнника была бы униженна,
Чтобъ я... тиранъ! узнай, могу тебя забыть;
Я больше сдѣлаю: хочу супругой быть
Тому, котораго я прежде презирала,
Которому тебя я, льстецъ, предпочтала.
Я съ Ярбомъ сопрягусь: съ нимъ буду вѣчно жить;
Въ сей день и при тебѣ хочу я объявить.
Сейчасъ къ посланнику его....

ЭНЕЙ.

. Пстой, жестока!
И ты согласи ставъ съ свирѣностію рока,
Па мѣсто, чтобъ мою судьбину облегчить,
(тренишься смерть мою лишь болѣ отягчить!)
И такъ, о небо! я уже всего лишуюсь
И не съ возлюбленной я нынѣ разлучаюсь, —
Съ невѣстой Ярбовой...

ДИДОНА.

. Ннѣ слава то велить.
Любовь сердца сплела, а слава разлучить,
Я славы голосу тебя не меньше внимаю;
Какъ ты и я такъ честь себѣ въ законъ пріемлю.
Иной уа: асть то, соединяясь со мной,
Что можно съ честію владѣти сей страной;
Что больше мой пре толъ привести возможеть славы,
Какъ неавѣстный исканіе державы.
Въ иномъ я радости и счастье буду зрѣть,
Которыя въ тебѣ я льстилася ннѣть.
Иной ннѣ возвратить все, что тобою трачу,
Иной... ты слезы льешь, и я съ тобою плачу!...
Эней, не вѣрь словамъ отчаянной любви;
Лишась тебя, умру!..

Не совсѣмъ дурепъ, кажется, этотъ послѣдній монологъ, но опъ во
замѣнить сцены, приведенной нами изъ Метастазіо. После такихъ
словъ Дидоны, Эней соглашается остаться въ Карфагенѣ, а Дидона

приказываетъ жрецамъ готовить *ко браку алтари*. Такимъ образомъ Княжнинъ расходится съ *Метастазіо* и въ самомъ дѣйстви. Можетъ-быть Княжнинъ заимствуетъ некоторыя сцены и монологи у *Леджанка-Помпиньяна*, но къ несчастію намъ не удалось достать этого послѣдняго. Въ слѣдующемъ актѣ Яръ снова мучится ревностью и мщениемъ, ищетъ на своей сторонѣ карфагенскаго вельможу *Тимара*. Наконецъ онъ врывается въ храмъ, гдѣ все уже было готово для брака, и гдѣ *Эней* уже ожидалъ *Дидону*; тамъ онъ производитъ страшное опустошеніе, желая достигнуть своимъ мечемъ груди *Энея*. Всего этого зритель не видитъ на сценѣ, а только слышитъ въ разказахъ *Дидоны* и *Элизы*. Наконецъ *Эней* одолеваетъ *Ярба*, и въ оковахъ выводитъ его на сцену, гдѣ *Дидона* въ отчаяніи ожидала, чѣмъ кончится дѣло. *Яръ* и теперь не оставляетъ своего высокомерія; *Дидона* отдаетъ его въ полную власть *Энея*, а *Эней* изъ великодушія даетъ ему свободу. Послѣ этого, кажется, естественнѣе всего было идти во храмъ, и тамъ совершить назначенный бракъ, но у нашихъ героевъ о бракѣ вдругъ не стало и помину; все расходится, оставивъ одного *Ярба*, который снова принимается за брань; но и онъ скоро уходитъ съ новыми замыслами. Въмѣсто него сцену занимаетъ *Эней* съ *Антеноромъ*. *Антеноръ*, какъ докучная совѣсть *Энея*, преслѣдуетъ его своими укорами, и наконецъ уговариваетъ бѣжать изъ *Карфагена*. Только въ этой сценѣ читатель находигъ уже поздній намекъ на опредѣленіе боговъ:

«Зевесъ, котораго тобой презрѣтъ предѣлъ,
Въ *Италіи* искать отечества велѣлъ»,

говоритъ *Антеноръ*. *Эней*, послѣ многихъ стоновъ и вздоховъ, соглашается съ своимъ наперсникомъ, и велитъ готовить корабли.

Въ пятомъ актѣ, воинъ доноситъ *Дидонѣ*, что

«*Яръ* съ воинствомъ во градъ въ сей часъ дерзнулъ вступить.»

Дидона беспокоится и велитъ своей другой наперсницѣ, *Арсинтѣ*, искать *Энея*. По не съ отраднымъ извѣстіемъ возвратилась *Арсинта*: *Эней* уже оставилъ *Карфагенъ*. *Дидона* приходитъ въ отчаяніе, клянетъ змѣнника, терзается, стонетъ; наконецъ является *Элиза* и вручаетъ своей царицѣ письмо, оставленное *Энеемъ*. Такое явленіе вѣсть какъ-то неурядице на читателя; къ чему это письмо? что за

необходимость была прибѣгнуть къ такому средству многихъ европейскихъ французскихъ трагедій, тѣмъ болѣе, что въ немъ рѣшительно нѣтъ ничего новаго, и оно нисколько не поднимаетъ впередъ дѣйствія? Вообще, чересчуръ приторны бываютъ подобныя неумѣтныя и несвоевременныя явленія. Пока Дидона тоскуетъ и мечется, Ярбъ дѣлаетъ свое дѣло; вотъ что возвыщаетъ воишь своей царицы:

«Неизбѣжная погибелъ намъ грозитъ:
Ярбъ лютый городъ весь во пепелъ превратитъ.
Упиться кровію ужъ воишь алкала,
И съ пламенемъ въ рукахъ по улицамъ сверкала,
Жестокостью царя наполнены летать;
Но се ужъ варвары къ тебѣ съ царемъ спѣшатъ».

Дѣйствительно, на сцену является Ярбъ съ своими воинами; онъ описываетъ царицѣ то гибельное положеніе, въ какое онъ поставилъ весь городъ, грозитъ ей низвергнуть престолъ ея, и наконецъ представляетъ нѣтъ себѣ какое-то комическое лицо, смѣсь глухой идиотки и высокопарія; вотъ что онъ говоритъ, *показывая видъ, что зочетъ стать на колыки*:

«Спасся... должно ли, чтобы тебя забавить,
У ногъ твоихъ себя лишь низостью безславить?
Я вѣдаю, что рокъ тебя не мнѣ судилъ,
Что Ярбъ тобой презрѣнъ, что Ярбъ тебѣ не милъ.
Но волю моею не время ужъ гнѣшатся,
Погибнуть должно днесъ или съ Ярбомъ сочетаться.
Сей день, несчастный день назначенъ мнѣ судьбой,
Иль все сразитъ или во брань иду съ тобой.
Пойдемъ; не ты молчишь и мнѣ не отвѣчаешь.
По вѣстамъ мнѣ ты взоръ отчаянный бросаешь.
Энея ищешь ты жестока! вижу я.

Кажется, ничего не можетъ быть неумѣтнѣе этихъ словъ Ярба. Разумѣется, Дидона презираетъ все его предложенія и угрозы. Онъ въ гнѣвъ удаляется отъ нея, но оставляетъ ее въ покое только одну минуту; возвратясь снова, онъ объявляетъ, что уже весь городъ въ пламени. Дидона видитъ справедливость словъ его; и сама бросается въ огонь.

«Дидона! нѣтъ ес... я злобой омраченъ,
Бросая громъ, своимъ самъ громомъ пораженъ».

говорить при этомъ Ярбъ, и тѣмъ оканчивается трагедія.

Такимъ образомъ нѣтъ *прежъ актовъ* «Оставленной Дидоны» Метастазіо, Княжиннъ составилъ свою *пятиактную* трагедію, и въ то же время сократилъ самое дѣйствіе подлинника: онъ оставилъ безъ вниманія любовь Дидониной сестры, которая у Метастазіо представляема важнѣмъ, втайнѣ страдающимъ существомъ; Дидониной наперсницъ онъ не внушилъ тѣхъ честолюбивыхъ измѣнническихъ плановъ, которые у итальянскаго поэта выводятъ ее изъ блѣднаго положенія всѣхъ наперсницъ французскихъ трагедій. А эти двѣ женщины, сестра и наперсница Дидоны, въ концѣ трагедіи составляютъ ~~моментъ~~ своимъ признаніемъ передъ кареагенской царицей.

Вообще вся трагедія Княжинна кажется растянутой отъ недостатка дѣйствія, хотя тамъ его гораздо больше чѣмъ въ Сумароковскихъ трагедіяхъ; за то у Сумарокова нѣтъ той темноты и сбивчивости языка, что читатель сейчасъ видѣлъ у Княжинна. Еще замѣтъ у нашего трагика недостатокъ умѣнья выражать сердечные порывы и страсти, а это самое важное во всякой трагедіи. «Хорошіе трагические инторы, говоритъ Княжиннъ въ своихъ риторическихъ замѣткахъ, преимуществуютъ въ изображеніи страстей болѣе другихъ писателей; если надлежитъ ихъ выражать, то надобно самому чувствовать, а безъ того нельзя оныхъ достигнуть ни системою, ни прикладомъ». Мы не знаемъ, чувствовалъ ли нѣкъ Княжиннъ, но видимъ, что онъ не всегда умѣетъ сладить съ ними; часто онъ выдаетъ даже въ своихъ несвойственныхъ и приторными выраженіями. Такъ напримеръ Дидона говоритъ Энею, прерывая первый разговоръ свой съ Антоноромъ :

«Ужъ тѣнь, что не былъ ты со мной одной минуты,
Ты въ сердце мнѣ вселялъ мученья, скорби люты.
Скажи, возлюбленный, какъ я сюда пришла,
«О какъ здѣсь тайно рогъ изъ устъ дражайшихъ мѣлъ?
«О нѣтъ! въ уста твои любовныхъ вѣщала?
«Нѣтъ мысли хотъ твои меня ли изображали?»

Или вотъ ея же слова, когда Элиза приводитъ къ ней Энея, готового оставить Кареагенъ; замѣтьте, что предъ этимъ Дидона была

въ страшномъ отчаяніи, при мысли, что Эней обманулъ ее; и вотъ вдругъ какой переходъ:

«Я слышала, что ты оставить предпріялъ
Несчастную, меня, что ты уйти желалъ.
Желалъ ты или вѣтъ, меня въ томъ увѣрилъ;
Я думаю, что то мнѣ ложно объявляли,
Не вѣрю я тому... но ты, Эней, молчишь,
Не вѣрю.. ахъ, тиранъ, ты вѣрить мнѣ велишь!
Эней».

Въ сію ужасну ночь, о гибельный ударъ!
Онъ (Зевесъ) самъ мнѣ повелѣлъ тушить къ Дидонѣ жаръ.
.....
.....

ДИДОНА.

*Ступай; я болѣе прощати не умлю.
Мнѣ полно мучиться; я много слезъ лила
И долго предъ тобой любовницею была;
Царица буду днесь. Довольствуйся геройствомъ.
Оставь меня, прителецъ, вопрекъ подобный свойствомъ».*

Такимъ образомъ читатель видитъ, что содержаніе трагедіи во выдерживаетъ и самой слабой критики. Форму мы будемъ разсматривать вообще, послѣ разбора содержанія всѣхъ трагедій Кьяжипа, а теперь обратимся къ «Титову милосердію».

Черезъ десять лѣтъ (1734 года) послѣ «Оставленной Дидоны» Метастазіо написалъ трагедію «Милосердіе Тита» (la Clemenza di Tito) въ честь императора Карла-Шестаго. У насъ она сдѣлалась известной еще задолго до Княжнина. Въ первый разъ играли ее итальяскіе оперисты въ Москвѣ, въ день коронаціи Императрицы Елисаветы Петровны; сюда же былъ приклеенъ еще прологъ, сообразный съ торжествомъ дня, написанный Шгелнымъ: «La Russia afflitta e ti consolata» (Россія опечаленная и тотчасъ же утѣшенная). Въ 1742 году Меркурьевъ перевелъ эту трагедію на русскій языкъ («Милосердіе Титово», съ прологомъ Метастазія); можно думать, каковъ былъ языкъ ея, но переводъ замѣчательнѣе тѣмъ, что его игралъ Волковъ за своемъ маленькомъ ярославскомъ театрѣ. Все содержаніе трагедіи Метастазіе осталось и у Княжнина съ небольшими измѣненіями.

Обратимся къ «Софонизбъ», третьей заимствованной трагедіи Княжнина. Ея содержаніе было не совсѣмъ ново въ числѣ

тринадцати пьесъ, игранныхъ въ Москвѣ до 1709 года, была также: «Сципионъ Африканскій или Погубленіе королевы Софонизбы», и вѣроятно переводъ съ нѣмецкаго. Въ Европѣ въ продолженіе двухъ столѣтій появлялось множество пьесъ, названныхъ именемъ Софонизбы; всѣ онѣ могутъ считать своимъ родоначальникомъ итальянскаго поэта Триссино. Онъ первый, въ 1524 году, написалъ трагедію «Софонизба», и посвятилъ ее папѣ Льву-Десятому. Трудъ его составилъ эпоху въ исторіи итальянской литературы: это была первая трагедія, написанная по всѣмъ правиламъ Аристотеля, на итальянскомъ языкѣ и наконецъ легкими неріемованными стихами. Въ этомъ случаѣ весьма любопытно посвяtitельное письмо поэта, гдѣ онъ сится защитить свои нововведенія; его слова выражаютъ современный взглядъ на драму. Подобно Аристотелю, онъ ставитъ трагедію выше всѣхъ родовъ поэзіи, и при этомъ же недостойно унижаетъ комедію*. Трагедія, говоритъ онъ, дѣлаетъ нравы лучшими, а комедія худшими; первая, возбуждая страсти, приноситъ слушателю удовольствіе, а жизни человѣческой пользу, вторая же возбуждаетъ только одинъ смѣхъ. Слѣдовательно, трагедія въ Италіи необходимо должна быть писана на итальянскомъ языкѣ, чтобы понимать ее каждый изъ народа. Выразить страсти** гораздо лучше и приличнѣе неріемован-

* «Sapendo che la Tragedia, secondo Aristotele, é preposta a tutti l'altri poemi per imitare con suave sermone una virtuosa e perfetta azione, la quale habbia grandezza. E come Polygnoto, antico pittore, nel opere sue imitando faceva corpi di quello che erano migliori; e Pausan peggiori, così la Tragedia imitando fa i costumi migliori; e la Comedia peggiori. E per cio essa Comedia muove riso, cosa, che partecipa di bruteza, essendo cio, che è ridiculo difetoso e brutto. ma la Tragedia muove compassione e toma; con quali e con altri amèstramenti arreca diletto a l'ascoltatori et utilitate al vivere humano».

** «Non credo gia, che si possa giustamente attribuire a vizio l'essere scritta in lingua Italiana, et il non haver anchora secondo l'uso comune accordate le rime, ma lasciatele libere in molti luoghi. Percio che la cagione, la quale m'ho indotto a farla in questa lingua sie: che avendo la Tragedia sei parti necessarie, cioè la Favola, i Costumi, le Parole, il Discorso, la Reppresentazione et il Canto. Manifesta cosa è, che avendo sia reppresentare in Italia, non potrebbe essere intesa da tutto il popolo, se ella fosse in altra lingua, che Italiana composta; et appreso Costumi, le sentenzie et il Discorso non arre cherebonno universale utilitate, e diletto, se non fossera intese da l'ascoltanti. Quanto poi al non haver per tutto accordate le rime, non dire altra ragione. che lo trovero e mil-

ными отходами, говорить Тресеино, потому что речею переманить обдуманность речи, что противно языку страстей. Объясняю довольно наивное, но какъ бы то ни было, а переводомъ Тресеино принялось успѣшно, и существуетъ даже до настоящаго времени.

Содержаніе «Софонизбы» итальянскій поэтъ взялъ изъ сказанія Тита Ливія. Вотъ что говоритъ римскій историкъ Софонизба, дочь карагенскаго полководца Аздрубала, жена нумидійскаго царя Сивакса, склонила своего мужа отказаться отъ союза съ Римлянами и перейти къ Карагенянамъ. Сиваксъ проигралъ битву и сдѣлался пленникомъ Масиниссы, римскаго союзника. Софонизба — женщина во двѣть лѣтъ и рѣдкой красоты, встрѣтила юнаго побѣдителя карцевыхъ овнякъ, пришла къ его колѣнямъ, и бакликала по шлему съ Римлянамъ. Масинисса, побужденный красотой царичи, обилъ ей исполнить всѣ ея просьбы и, влюбленный, рѣшился въ тотъ же день жениться на ней. Сципіонъ, римскій полководецъ, не одобрилъ его брака съ пленницей, жестоко укорилъ его и побуждалъ къ рѣзкѣ слѣдующей рѣчью: «Вѣрь мнѣ, въ чинъ вѣкъ, мы должны страшиться не столько вооруженныхъ неприятелей, сколько страсти, которыя безпрестанно со всѣхъ сторонъ обседаютъ насъ. Тотъ, кто своей мудростью съумѣетъ надѣть на нихъ узду и укротить ихъ, тотъ дѣйствительно приобрѣтетъ больше чести и одержитъ побѣду гораздо славнѣе той, какую мы выиграли у Сивакса». Масинисса былъ прѣстыженъ упреками Сципіона, но хотѣлъ сдержать обещаніе, данное Софонизбѣ: не допустить Римлянъ завладѣть ею, а ее попытать стыдъ — идти по улицамъ Рима за триумфальной колѣсницей. Съ этой целью онъ послалъ къ ней одного изъ своихъ приближенныхъ съ чашей яда. Царича взяла ее изъ рукъ посла, сказавъ слѣдующее: «Принимаю этотъ брачный подарокъ, и принимаю съ признательностью, если правда, что Масинисса не могъ сдѣлать ничего болѣе для своей супруги». . . . Затѣмъ она съ твердостью души выпила ядъ и умерла.

fore, e più nobile, e forse men facile ad assicurare di quello, che per avventuro è reputato. E lo vedere non solamente nelle narrazioni et evazioni utilissime, ma nel muover compassione necessarie. Percio che quel, sermone, il quale suol muover questo nasce dal dolore, et il dolore mando fuori non pensando parole, nel a rima, che pensamiento dimostra, e veramente a la compassione contraria. . . .

Почти ничего не изменилъ Триссино въ этомъ разсказъ, представивъ его въ дѣйствіи: онъ только заставляетъ Софонизбу упомянуть о томъ, что она еще прежде своего брака была обещана Масиниссу, и потому неожиданно отдана Сифаксу. Поэтъ ввелъ эту рѣчь впрямую только для того, чтобъ мгновенная любовь Масиниссы къ нумидійской царицѣ, и затѣмъ поспѣвшій бракъ ихъ не показался читателю довольно страннымъ. Въ дѣйствіе трагедіи введены еще лица — помощники Сципіона, Лелій и Катонъ, подруга Софонизбы Бригидия, и еще нѣсколько второстепенныхъ; впрочемъ всѣ они, кромѣ Бригидии, едва ли не лишнія. Вся пьеса не раздѣляется ни на какія дѣйствія, а идетъ непрерывно съ начала до конца, подобно греческимъ трагедіямъ; здѣсь же хоръ почти не оставляетъ сцены, выражая лирически свои чувства и своими разсказами подымаетъ дѣйствіе впередъ.

Саме собою разумѣется, что Княжнинъ не могъ цѣликомъ перенести эту трагедію на нашу сцену: по своей формѣ она уже слишкомъ устарѣла, но онъ могъ пользоваться всеми ея порожденіями, которыми, какъ мы оказали, не мало было въ Европѣ. Изъ нихъ болѣе дружелюбно замѣчательна трагедія Мере (Maiget), написанная въ 1629 году; въ свое время она имѣла необыкновенный успѣхъ; на нее смотрѣли, какъ на чудо, говоритъ одинъ французскій комментаторъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, Софонизба и здѣсь сдѣлала эпоху въ литературу. Ею Мере, старшій современникъ Корнеля, ввелъ театральныя единства, которыя потомъ развивали и утверждали Корнель и Расинъ. Мере нѣсколько измѣнилъ содержаніе Триссиновой Софонизбы: въ самомъ началѣ у него играетъ важную роль письмо, посланное Софонизбой къ Масиниссу въ римскій лагерь, и перехваченное Сифаксомъ; изъ него Сифаксъ узнаетъ, что его жена любитъ врага; онъ укоряетъ ее, сердится, и не хочетъ верить ея оправданіямъ. Оправданіе было въ-самомъ-дѣлѣ хитрое: она послала любовное письмо къ Масиниссу съ тѣмъ, чтобы привлечь его на свою сторону, обезсилить Римлянъ и спасти престолъ Сифакса. Сифаксъ, не вѣря словамъ, устремляется въ битву съ неприятелемъ, чтобъ найти тамъ побѣду или смерть, и находитъ послѣднюю. Ничего этого нѣтъ у Триссино: у него Сифаксъ является на сцену уже извѣстникомъ, и то на одну минуту, и представляетъ собою какое-то блѣдное существо. Мере боялся преодолѣть жизнь Сифакса, какъ самъ онъ говоритъ, для того, чтобъ читатель не на-

шелъ страннымъ положеніе Софонизбы при двухъ живыхъ мужьяхъ, о чемъ не думалъ Триссино. При концѣ трагедіи французскій трагикъ заставляеть Масиниссу заколотся надъ трупомъ Софонизбы, тогда какъ у итальянскаго поэта Масинисса мечется, тоскуеть, но остается живъ, что сообразно съ самой исторіей. Во всемъ прочемъ дѣйстви Меро нисколько не отступаетъ отъ Триссино, а только измѣняетъ самую форму; у него трагедія уже раздѣляется на пять дѣйствій и безъ всякихъ хоровъ. Вольтеръ нашелъ великія достоинства въ этой трагедіи Меро и хотѣлъ возобновить ее на французской сценѣ; для того онъ подновилъ ея устарѣлый языкъ, подкрасилъ многіе монологи, смягчилъ многія рѣзкія выраженія, и такимъ образомъ въ 1774 году поставилъ трагедію зѣ ново. Не знаемъ, долго ли она держалась на сценѣ, но она-то вѣроятно подала Княжину мысль написать новую Софонизбу. Начало его трагедіи весьма сходно съ трагедіей Меро: здѣсь также письмо Софонизбы играетъ важную роль, также оно попадаетъ въ руки Спаксу, онъ ревнуетъ, упрекаетъ и сердится. Но вѣроятно Княжнинъ боялся упрека въ буквальному заимствованіи, и потому сдѣлалъ нѣкоторые измѣненія; онъ были не совсѣмъ обдуманны, и послужили не въ пользу трагедіи. Во-первыхъ онъ измѣнилъ содержаніе письма Софонизбы; у Меро оно чисто-любвное, у Княжнина наполнено только намеками на честь и безчестіе, вотъ оно:

«Вспомни кровь, текущую въ тебѣ,
Изъ тѣною обрѣсть желасшь ты короу.
Изъ друга нашего ставъ другомъ Сиппону,
Какъ можешь римскаго раба сносить въ себѣ ?
Бѣды отечеству и Аннибалу строл,
Предатель общества ты въ счастливой судьбѣ.
Раскайся, возврати намъ прежняго героя.
Скинь узы римскія съ безчестіемъ твоимъ.
И если ты хотѣлъ когда быть мной любимъ,
Съ побѣдою твое оставя униженье,
Тѣмъ Софо. избиво ты заслужи почтенье».

Неужели это ничтожное письмо такъ взволновало Спакса? Письмо перехвачено. Вдругъ, ужъ неизвѣстно какимъ-образомъ, Масинисса узнаеть, что Софонизба писала къ нему; на этомъ извѣстїи онъ строитъ себѣ воздушные зѣмки, считая любовнымъ письмомъ нумидій-

своей царипы; какъ безумный является онъ въ городъ и даже въ чертоги Сифакса для свиданія съ ней. Необдуманнѣе этого ничего нельзя себѣ представить. Какъ бы то ни было, но здѣсь встрѣчается съ нимъ Софонизба и между ними слѣдуетъ довольно приторное объясненіе, за которымъ застаютъ ихъ Сифаксъ. Разумвется, нумидійскій царь не могъ снести этого хладнокровно. Масинисса сначала гордо потрогилъ ему мечемъ, а потомъ изъ уваженія къ Софонизбѣ представилъ ему свою грудь со словомъ «рази». А между-тѣмъ Софонизбѣ вздумалось ни съ того ни съ сего говорить своему мужу о любви къ Масиниссѣ, и при этомъ увѣрять его въ своей добродѣтели. Сифаксъ выслушалъ ее, но не разсудилъ *разить* своего соперника, считая этотъ поступокъ безчестнымъ, а только постарался выпроводить его изъ города, общая встрѣтиться въ полѣ.

Дальнѣйшее дѣйствіе трагедіи одинаково съ Мере и Триссиво, только конецъ представленъ съ другими ужасами. Мы не имѣли случая прочитать всю трагедію, извѣстныя подъ именемъ Софонизбы, и потому не можемъ сказать, заимствовалъ ли Княжнинъ у кого-нибудь, или выдумалъ самъ окончаніе своей трагедіи*. Здѣсь дѣйствуетъ не отравка, а самое странное* убійство. Масинисса, видя, что не можетъ спасти свою новобрачную жену отъ рукъ Римлянъ, рѣшился на неслыханное дѣло. Онъ притворился въ кроткомъ послушаніи, и просилъ у Циціона только одной милости: въ послѣдній разъ и наединѣ увидѣться съ Софонизбой, уже римской пленницей. Свиданіе было устроено въ тронной залѣ, гдѣ впрочемъ происходило и все дѣйствіе. Здѣсь Масинисса уговариваетъ свою супругу переселиться вмѣстѣ съ нимъ въ царство Плутона. Такимъ-образомъ оба они, взойдя на тронъ, закалываются.

* С. Н. Главка говоритъ, будто бы Княжнинъ заимствовалъ свою трагедію у *Лоре*, но онъ, кажется, ошибся. Во французской литературѣ существуетъ девять «Софонизбъ», писанныхъ разными писателями, и нѣтъ ни одной съ именемъ *Лоре*. Вотъ всѣ онѣ: Sofonis. — Mélin de S. Gelois (1559 года); — Mermel (1585 года); обѣ онѣ буквальный переводъ трагедіи Триссиво, одна прозой, другая стихами; — Mondot (1583 года); — Mont-hrelieu (1596 года); — Nicolas Montreux (1601 года) — de Mairet (1629 года) — de Pierre Corneille (1664 года) — Grange Chancel (1716 года) и наконецъ девятая — Мере, съ поправками Вольтера. У Англичанъ есть Софонизба Колманъ-Томсона; Нѣмцы также шлютъ свою.

Во всей этой трагедіи развѣ только одинъ характеръ Сципіона несколько привлекаетъ наше вниманіе своимъ благородствомъ; а все прочее приторно, вяло, напыщено, такъ что иногда заставляетъ читателей морщиться. Многіе монологи передѣланы изъ Трисонне или Море, но читатель уже знаетъ, какъ передѣлывалъ Княжнинъ: онъ не умѣлъ сохранять достоинство подлинника. Другіе монологи собственного изобрѣтенія Княжинна; но и въ нихъ найдется немного достоинства. Правда, есть стихи, весьма не дурные и даже сильные, разумеется, по сравнению съ Сумароковскими, какъ на примѣръ слѣдующая рѣчь Масиниссы:

«А что мнѣ въ сихъ вѣнцахъ, коль жизнь моя въ парцѣ?
Слезамъ ль ихъ кропить, стонамъ въ багрянцѣ?
Величье въ горести лишь бремя для сердець.
Жестокій Сципіонъ, возьми и мой вѣнецъ,
Возьми и жизнь мою!.. За кровь мою въ награду,
Хоть нѣсколько минутъ вкусить мнѣ дай отраду —
Дочь Асдубалову царицей здѣсь узрѣть,
И скиптръ оставя ей, спокойно умереть.»

Но такіе стихи принадлежать уже къ вышнему достоинству трагедіи; притомъ многіе изъ нихъ ослабляются въ связи съ другими, необдуманными и необработанными или даже не совсѣмъ сообразными со страстями и чувствами говорящаго лица. Отъ высокаго до смѣшнаго только одинъ шагъ, и Княжнинъ часто оправдываетъ это въ своихъ трагедіяхъ: онъ часто силится блистать высокою слогагою, а между-тѣмъ какъ-будто силой комизма срываетъ улыбку съ устъ читателя: только эта улыбка иногда порождаетъ досаду и влечетъ за собой непріятное чувство: нѣтъ ничего несноснѣе и непріятнѣе, какъ найти въ піесѣ такое ощущеніе, какого совсѣмъ не должна производить она. А въ трагедіяхъ Княжинна мы не рѣдко встрѣчаемъ нечаянный, неумѣстный комизмъ въ выраженіяхъ, чего и не подозревалъ авторъ.

Вотъ на примѣръ:

Фениса, наперсница Софонизбы.

Итакъ любовью грудь твоя еще томится?

СОФОНИЗБА.

Но Софонизбы честь сей страсти не страшится.

Ты въ низостяхъ меня не смей подозревать!

Страдаю, но себя умлю познать.
 Я признаюсь, тебѣ я сердце открываю,
 Что я бесплодно страсть мою одолевая, и проч.

ИИ

СШФАРКСЪ.

Царица безъ души, супруга ты безъ гести
Достойная моей ужаснѣйшей мести,
 Вострепещи въ твоей вниѣ!...

СОФОНИЗБА.

..... *Мнѣ трепетать?*
Пошто?

СШФАРКСЪ.

Дерзаетъ ты такъ смѣло вопрошать!
 Но твердость воспріявъ невинности престоюну,
 Напрасно душу ты являешь мнѣ покойну,
 Притворства твоего сквозь завѣсу сію,
 Сугубящу мой гнѣвъ зрю горесть я твою.
 Злодѣйски не всегда обманываютъ лжи
 Признаньемъ отврати ты низости улички,
 Достойная твоей, но не моей души.

СОФОНИЗБА.

Ограбленное дерзостно ты смѣя улички
Что Софонизба я того не забывала,
Коль захотѣшь, поражай, меня не унижая.

Изъ всѣхъ трагедій Княжнина эта, кажется намъ, самая худшая, несмотря на то, что авторъ имѣлъ передъ собой столько образцовъ, къ которыхъ можно бы было составить что-нибудь лучшее.

V.

Сумароковъ на долгое время далъ особенное направленіе нашимъ трагедіямъ со стороны ихъ содержанія: его семь славянскихъ трагедій произвели не мало дѣтей, себѣ подобныхъ, воспитали не мало пашековъ, названныхъ славянскими именами. Такимъ-образомъ мы не ошибемся, если назовемъ весь этотъ періодъ нашей трагедіи ложно-славянскимъ. Княжнинъ танкет не отсталъ отъ Сумарокова, и онъ можетъ похвалиться четырьмя славянскими трагедіями. Читатель уже знаетъ, какъ онъ передвѣывалъ трагедіи итальянскихъ поэтовъ, та-

перь увидить, какъ онъ умѣлъ распоряжаться и французскими трагиками. Съ такимъ умѣніемъ, конечно, ему было легче Сумарокова составлять свои трагедіи. Такъ, взявъ сказаніе летописи о полоцкой княжнѣ, Рогнедѣ, онъ примѣнилъ его къ Расиновой «Андромахѣ», вмѣсто греческихъ именъ (Герміона, Пиръ, Орестъ и другія) выставилъ славянскія (Рогнеда, Ярополкъ, Владиміръ) и такимъ-образомъ составила трагедія «Владиміръ и Ярополкъ». Въ-самомъ-дѣлѣ, кто читалъ «Андромаху» Расина, тотъ, не читая трагедіи Княжнина, будетъ знакомъ съ ея внутреннимъ содержаніемъ.

Мы могли бы привести много и много необдуманностей и недостатковъ, встрѣчаемыхъ въ этой трагедіи Княжнина, и вѣрно бы привели ихъ, если бы въ то же время могли поставить въ параллель имъ и яркія внутреннія достоинства той же трагедіи; но къ несчастью мы не нашли ихъ, этихъ достоинствъ, а безъ нихъ не стоитъ много говорить и о недостаткахъ.

Еще составилъ Княжнинъ трагедію «Владисавъ». Почти вся она состоитъ въ любовныхъ столахъ и вздохахъ; кто съ перваго взгляду повѣритъ, что это подражаніе Вольтеровой «Меропъ», гдѣ нѣтъ ни одного звука о любви, чѣмъ даже гордился французскій философъ? А между-тѣмъ Владисавъ въ-самомъ-дѣлѣ дитя или, лучше сказать, пасынокъ Меропы.

Вольтеръ представилъ дѣйствіе въ древнемъ греческомъ городѣ, Мессенѣ. Здѣсь царствовалъ Кресеонтъ, одинъ изъ потомковъ Геркулеса. Полионтъ, честолюбивый мессенскій вельможа, замыслилъ овладѣть престоломъ, и вступилъ въ тайныя сношенія съ неприятелями Мессены; онъ пустилъ ихъ въ городъ, и здѣсь началась драка и кровопролитіе, среди котораго погибъ самъ царь; его сына Егиста спасъ старикъ Нарбасъ, приверженный къ царствовавшему дому; онъ удался съ малолѣтнимъ царевичемъ въ Элиду, и тамъ воспитывалъ его подъ другимъ именемъ. Между-тѣмъ Полионтъ игралъ на себя роль защитника отечества, удалилъ неприятеля и восстановилъ порядокъ: по престолъ еще былъ празденъ. Полионтъ обратилъ свое вниманіе на Кресеонтову вдову, Меропу; онъ хотѣлъ насильно жениться на ней, чтобъ имѣть какое-нибудь право на престолъ; а между-тѣмъ послалъ отыскать Нарбаса и съ нимъ сына Меропы. Съ этого и начинается трагедія Вольтера. Меропа уже получила отъ Нарбаса извѣстіе объ Егистѣ, но еще не могла навѣрно узнать

мѣста ихъ пребыванія. Увѣренная, что сынъ ея живъ, она презрительно отказывала предложеніямъ честолюбиваго Полионта, на котораго весь народъ смотрѣлъ какъ на избавителя города, и нисколько не подозрѣвалъ причину смерти царя; этого не подозрѣвала и сама Мeroпа: она только видѣла въ немъ челоуѣка, который стремился занять престоль ея сына. Не смотря на всѣ отказы царицы, Полионтъ такъ хитро умѣлъ дѣйствовать, что народъ назначилъ его своимъ царемъ, а Мeroпа почти насильно должна была идти къ алтарю для заключенія съ нимъ брака: онъ же объявилъ, что сынъ ея убитъ, и что ей уже не остается болѣе никакой надежды. Въ это же время Мeroпъ представили одного молодаго челоуѣка, который еще не смылъ съ рукъ своихъ крови отъ недавнаго убійства. Онъ дѣйствительно признался, что его мечъ поразилъ какого-то челоуѣка, который будто бы самъ хотѣлъ убить его. И вотъ вдругъ до Мeroпы доходитъ слухъ, что тотъ убитый челоуѣкъ — сынъ ея. Бѣдная мать въ отчаяніи хочетъ отомстить за смерть Эгиста. Она уже замахивается на убійцу кинжаломъ, какъ вдругъ является Нарбасъ, и въ ужасъ останавливаетъ руку царицы; онъ объявляетъ ей, что она хотѣла заколотъ собственнаго сына: Эгистъ, воспитываемый Нарбасомъ, не зналъ своего происхожденія, и считалъ старика своимъ отцомъ, а Мeroпа уже шесть лѣтъ не видала сына, потому и не могла узнать его. Такимъ-образомъ Нарбасъ предупредилъ страшное убійство, и въ то же время разсказалъ о злодѣйствѣ Полионта. Между-тѣмъ Полионтъ уже догадывался, кто такой молодой челоуѣкъ, котораго выдавали за убійцу царевича, и потому требовалъ его къ себѣ. Нѣкоторое время Мeroпа скрывала отъ злодѣя имя своего сына, но наконецъ, когда Полионтъ явно приказалъ своимъ воинамъ заколотъ Эгиста какъ убійцу, желая воспользоваться этимъ обвиненіемъ и навсегда избавиться отъ опаснаго соперника, — Мeroпа въ материнскомъ отчаяніи объявила, что обвиненный въ убійствѣ — сынъ ея.

Но Полионтъ и тогда не оставилъ своихъ плановъ: по его мнѣнію Эгистъ былъ слишкомъ молодъ, и не могъ сопротивляться ему; и вотъ Полионтъ все еще понуждалъ Мeroпу идти съ нимъ къ алтарю; въ противномъ случаѣ грозилъ смертью Эгиста. Мeroпа, изъ любви къ сыну, согласилась на все, но Эгистъ рѣшился разомъ окончить все дѣло. Въ то время, какъ Полионтъ подводилъ

Меропу къ жертвеннику, молодой человекъ мгновеннымъ ударомъ сѣкиры повергъ его на землю, а Меропа тутъ же объявила взволнованному народу, что убійца Поллионта сынъ ея, Эгистъ. Вся радостно приняли это извѣстiе; а престолъ снова достался потому Геркулеса.

Эта трагедiя Вольтера гремѣла во всей Европѣ, и потому не удивительно, если Княжичи обратили на нее свое вниманiе. Было ли ему трудно выдумать трагическое дѣйствiе безъ любви, иди онъ не рѣшался на это нововведенiе, какъ на отважный подвигъ, только воз чувства и страсти «Меропы» онъ замѣнилъ одной любовью. Онъ представлялъ дѣйствiе въ городѣ Славянскъ, и ввелъ въ него необыкновенныя славянскiя лица. Здѣсь Витозаръ, первый вельможа славянскаго князя Владисава, соответствующiй Поллиону въ «Меропи», страстно влюбился въ Пламиру (Меропу), жену своего князя. Онъ составилъ планъ завладѣть сердцемъ Пламиры. Въ народѣ скоро разнеслась молва, что князь убитъ Печенѣгами, съ которыми онъ тогда сражился. Владисаву соорудили гробницу; народъ пѣлъ печальныя гимны, Пламира плакала, терзалась, и въ отчаянiи даже хотѣла лишиться себя жизни; но ее удерживаетъ наперсница ея, Зенда, напоминая ей объ малолѣтнемъ сынѣ, Валькарѣ. Между-тѣмъ Витозаръ тайно призвалъ Печенѣговъ къ городу, и тѣмъ поставилъ его въ затруднительное положенiе. Тогда славянскiе вельможи избрали Витозара своимъ княземъ, который долженъ былъ идти противъ непрiятеля. Но Витозаръ хотѣлъ прежде жониться, и потому силой побуждалъ Пламиру идти съ нимъ къ брачному алтарю. Въ это же время Печенѣги предлагали ему миръ, и требуютъ только сына Пламиры, жадая мести на него мщенiе за победы его отца.

Витозаръ воспользовался этимъ случаемъ и поставилъ Пламиру въ положенiе Меропы. Между-тѣмъ среди народа является человекъ въ бѣдномъ одѣжанiи; его встрѣчаетъ на площади старый вельможа, Вампиръ, и узнаетъ въ немъ князя Владисава.

Владисавъ рассказываетъ ему, какъ онъ спасся отъ рукъ злодѣевъ, которые вмѣсто него убили Вампирова сына, обманутыя ихъ сходствомъ. Тутъ же онъ узнаетъ о положенiи дѣлъ въ Славянскѣ, слышитъ, что Пламира отдаетъ свою руку Витозару и, считая ее изменницей, начинаеть стонать, плакать, метаться; наконецъ, опасаясь быть открытымъ, удаляется во внутренность гробницы, водвинутой въ

его память. Пламира, рѣшившись отдаться Витозару для спасенія своего сына, приходитъ къ Владисановой гробницѣ, чтобъ въ послѣдній разъ оплакать смерть своего любимаго супруга. Здѣсь она встрѣчаетъ Владисана, но онъ не обращаетъ вниманія на ея нѣжныя слова; укоряетъ ее, и наконецъ въ дикой ревности *подымаетъ мечъ*, чтобъ поразить свою невинную супругу.

Въ это время вбѣгаетъ Вамиръ съ гражданами и удерживаетъ руку *разъяреннаго* Владисана: онъ объявляетъ, что Пламира невинна въ измѣнѣ. Тутъ начинается слиткомъ нѣжная сцена. Наконецъ граждане клянутся надъ своими мечами защищать своего князя и испровергнуть Витозара. Но дѣйствіе еще не кончилось. Владисанъ и Пламира еще долго нѣжничаютъ, увѣряютъ другъ друга въ любви, до-тѣхъ-поръ, пока не является Витозаръ. Владисанъ скрывается во внутренность своей гробницы, а его соперникъ объявляетъ Пламиръ, что все уже готово къ браку, хочетъ насильно увлечь ее, и велитъ своимъ воинамъ разрушить гробницу. Тогда изъ нея выходитъ Владисанъ и дѣло кончается самоубійствомъ: Витозаръ закалывается.

Изъ всѣхъ трагедій Княжнина это самая необдуманная, содержаще ея сбивчиво, натянуто, безтолково, такъ что прочитать ее есть уже подвигъ необыкновеннаго терпѣнія. Зачѣмъ было Владисану скрываться, когда народъ такъ любилъ его? ему нужно было только розыскать убійцъ и наказать ихъ. Какимъ-образомъ не узналъ его народъ? Какъ Витозаръ могъ надѣяться на взаимную любовь Пламиры, которая такъ страстно любила Владисана, чтò очень хорошо было ему извѣстно? Какъ онъ могъ занять престолъ, когда былъ живъ сынъ Владисана, обожаемаго всѣмъ народомъ? Какое право имѣлъ онъ выдавать его Печенѣгамъ? Да и самое требованіе Печенѣговъ уже черезъ-чуръ натянуто.

Много подобныхъ вопросовъ и замчаній можетъ сдѣлать читатель, и ни на одинъ не получить отвѣта. Нельзя сказать, что Княжнинъ переводилъ монологи Вольтера, у котораго выражаются другія чувства и страсти, но впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ напоминаютъ французскаго трагика.

Большая часть монологовъ приторна и растянута до нельзя; любовь является тутъ пошлой, особенно въ устахъ Витозара: не думайте, что онъ дѣлаетъ всѣ злодѣяства изъ честолюбія, нѣтъ, одна

любовь его побуждаетъ къ нимъ, отъ нея онъ, кажется, даже потерялъ свой разумъ: онъ хочетъ насильно заставитьъ любить себя. Подсвонгъ Вольтера поставилъ себя одну цѣль — достигнуть престола, а Витозаръ — одну любовь Цаммиры:

Принужу я ее со мной вступить во бракъ;
 Что въ томъ? потокомъ слезъ прага прелестный прага,
 На нѣжный пламень мой стемнѣемъ отъясал,
 И разлети мои отъ адъ преобрещал,
 На то ея красой я стому обладаю,
 Чтобы видѣть, какъ она лишь будетъ угодна и т. д.

Но довольно объ этой трагедіи; кажется, изъ этаго уже видна вся ничтожность и сбивчивость ея *подражательнаго* содержанія.

Остается взглянуть еще на одну трагедію Княжнина «Рославъ».

Намъ не случалось встрѣчать такой трагедіи на французскомъ языкѣ, но можетъ-быть, подобно прочимъ своимъ трагедіямъ, Княжнинъ взялъ и содержаніе «Рослава» у какого-нибудь французскаго трагика, а можетъ-быть выдумалъ его и самъ: мы не отвѣчаемъ ни за то, ни за другое. Здѣсь онъ вывелъ Русскаго въ плѣну у Шведовъ. Дѣйствіе происходитъ, кажется, въ эпоху Густава-Вазы, когда онъ задумалъ освободить своихъ соотечественниковъ отъ Христіана (у Княжнина Христіерна); по-крайней-мѣрѣ во всей трагедіи идетъ рѣчь о какомъ-то Густавѣ, который будто бы скрывался въ *нѣкихъ* странахъ, подвластныхъ Россіи. Объ этомъ тайномъ убѣжищѣ его зналъ только Рославъ, русскій полководецъ, который въ одномъ сраженіи со Шведами —

Влеконый пламенемъ стремленія геройска,
 Израненъ весь въ крови во усы Шведовъ палъ.

Христіернъ требовалъ отъ Рослава открыть ему тайну, но соотечественникъ нашъ, не смотря ни на какія мученія, не удовлетворилъ требованію шведскаго властелина. За него вступился полководецъ Христіерна, Кедаръ, который называлъ пльвиника своимъ другомъ, и общалъ своему государю выпытать у него тайну. Рославъ былъ освобожденъ отъ оковъ и отданъ Кедару. Въ это время, Богъ знаетъ откуда, явились *Сарматы*, напали на Швецію и привели ее въ трепеть. Противъ нихъ отправился Кедаръ и взялъ съ собой Рослава. Шведскій полководецъ проигралъ-было битву,

Но лютой другъ, Росславъ, геройскииъ подонъ жаронъ,
 Увашииъ на меня (на Кедаръ) обремененъ ударонъ,
 Ушлыхъ ратниковъ надеждою, отыдонъ
 Ко славъ обратя, свой страшный кипулъ грозъ.
 Во вракѣ ночи скрытъ, въ побѣдѣ безопасна,
 Разъялъ, разметалъ сего врага ужасна....

А между-тѣмъ онъ скрылъ свой подвигъ, и приписалъ его Кедару. Кедаръ былъ осыпанъ ночестями, но въ благодарность Росславу сталъ называть его своимъ врагомъ и злодѣемъ. За что же? спросить читатель. За то, что Росславъ одержалъ побѣду; Кедаръ завидовалъ ему, а еще болѣе боялся, чтобъ онъ не открылъ истины. Всякій можетъ видѣть какъ неестественно и натянуто подобное явленіе. Кто могъ повѣрить пльнику, если бъ онъ и въ-самомъ-дѣль вздумалъ рассказывать о своемъ подвигѣ? да и кто въ состояннн назвать чело-вѣка своимъ злодѣемъ за его скрытннй дружескій поступокъ, какой оказалъ Росславъ? Но какъ бы то ни было, только Кедаръ сталъ считать Росслава своимъ непримиримымъ врагомъ; къ тому же онъ еще подозрываетъ своего прежняго друга въ любовной связи съ Зафирой, шведской княжннй, послѣдней отраслю изъ кореннаго шведскаго княжескаго дома (какаго, мы не знаемъ). Кедаръ былъ влюбленъ въ Зафору, и кромъ того еще питалъ себя честолюбивыми замыслами, если женится на Зафирѣ. А между-тѣмъ Христіернъ самъ задоталъ жениться на ней. Къ этому же присоединилась еще страстная любовь Зафиры къ Росславу, который те же горлъкъ къ ней. Такии-то обстоятельствами начинается трагедія.

Является Любоміръ, посолъ отъ русскаго князя, съ намареніемъ выкупить Росслава изъ пльна цѣною завоеванныхъ областей.

Росславъ укоряетъ Любоміра, и логически доказываетъ ему, что русскій князь не имветъ никакого права выкупать его.

«Когда бъ мой князь имѣ рѣкъ: умри ты такъ какъ жилъ,
 Тогда бъ онъ имѣ, тогда бъ по царски другомъ былъ.»

Христіернъ отвергаетъ всъ предложенія Любоміра, хвалится, что онъ своимъ мечемъ отниметъ всъ завоеванія Россіи, и обьщаетъ Росславу свободу только въ такомъ случавъ, если онъ откроетъ ему тайну о Густавъ. Росславъ не открываетъ этой тайны, снова заключенъ въ оковы, и отосланъ въ тюрьму. Къ гнѣву Христіерна,

Кедаръ бросаетъ еще искру: онъ намекаетъ ему на любовь Зафры къ пльвнику. «Понимаю», говорить съ гнѣвомъ Христіернъ :

•Да вострепещуть тѣ, мою которы страсть
Стремяся обмануть, прерѣвши царску власть».

Христіернъ еще разъ встрѣчается съ Росславомъ, и осуждаетъ его на смерть. При этомъ же Зафра ясно обнаруживаетъ свою любовь, и то же получаетъ приказаніе готовиться къ смерти.

Обоихъ осужденныхъ оставляютъ вмѣстѣ ждать смертнаго часу. Вотъ между-прочимъ часть ихъ разговора, который еще ближе познакомитъ читателя съ героемъ трагедіи :

РОССЛАВЪ.

«Я въ гробъ не за одно отечество вхожу,
Угасилицей любовь во смерти нахожу;
Се, что меня крушитъ! но такъ судьбамъ угодно.
Престань рыдать; прервавъ стenanіe бесплодно,
Себя Росславою любовницей лви,
Неколебимостью тирана удивил
.....
Мужайся, укрѣпись; *меня не ослабляя,*
Взираи на смерть мою не мучась, не стояя;
На обезславь гаса послѣдил моего...

Кедаръ, все еще показываетъ, будто онъ другъ Росслава, объявляютъ осужденнымъ, что онъ умилостивилъ разгнѣваннаго властителя, что Зафра прощена; но никакія мольбы не могли удалить казни отъ русскаго пльвника; она уже готовилась на площади. Тогда Зафра вмѣстѣ съ Любомиромъ задумываетъ устроить побѣгъ: все было приготовлено, и вотъ она является въ Росславову тюрьму, и заклинаетъ его бѣжать съ ней; но уговорить Росслава невозможно. Узвѣрившись въ этомъ, Зафра въ отчаяніи вынимаетъ кинжалъ, и хочетъ имъ заколотся. Тогда Рославъ сказалъ :

Постой жестокая, иду, тебѣ покоренъ,
Я трепещу, къ чему мнѣ путь тобой отворенъ.

На это Зафра отвѣчаетъ восторженно :

Ко счастью нашему! Меня коль любишь ты,
Передъ свѣтильникомъ любви падутъ *легли,*

Которыми тебя геройство ослепляетъ....

Ступай! но что!... нль духъ мой тщетно утѣшался?

РОССЛАВЪ.

«Довольствовайся и тѣмъ, что я поколебался!»

Пока такимъ-образомъ Зафира умоляла Росслава, уже прошло время, назначенное для бѣгства. Является Любоміръ, и объявляетъ, что Кедаръ подкараулилъ ихъ приготовленія и разрушилъ весь планъ ихъ побѣга.

Христіернъ медлитъ предать Росслава казни, желая прежде выпытать у него Густаву тайну; но Кедаръ безпрестанно возстановляетъ своего короля противъ пльнника; онъ говоритъ, что Густавъ уже самъ открываетъ свою тайну, приближаясь съ воинствомъ къ Стокгольму. Христіернъ пораженъ такимъ извѣстіемъ; но прежде всего жааетъ кончить дѣло съ Росславомъ и Зафирой. По его приказанію они представлены передъ лицо его.

Тутъ Зафира вступается за Росслава, молить, просить, но все напрасно: Христіернъ раздраженъ еще больше, Росслава уводятъ на казнь. Тогда Зафира безразсудно вздумала грозить королю своимъ мнѣніемъ на народъ, и разумется, отдана за то подъ стражу. Не прошло и минуты послѣ удаленія Росслава, какъ Христіерну объявляютъ, что въ этотъ самый мигъ совершился важный переворотъ:

Освобожденъ Рославъ, Густавъ у градскихъ стѣнъ.

.....

Уже Рославу въ казнь готовы были нуки,

Въ ушнѣхъ Стокгольмъ удара ожидалъ,

Который гордому Рославу угрожалъ.

Се Росскій вдругъ посолъ летитъ на мѣсто лобно.

«Кого» кричить, «кого караете такъ злобно?

Теряя, коня градъ недивно сей спасень,

Который самъ Кедаръ къ побѣдѣ вознесень!

Рославъ Густаву другъ, а Христіерну врагъ.»

Едва онъ речъ сіе, въ дали крутится прахъ;

Оружія видѣнъ блескъ, и слышны трубы звуки.

На небо Любоміръ, тогда воздѣвши руки,

«О Готы!» вопіеть, приспѣлъ спасенья часъ;

Густавъ у вашихъ вратъ васъ въ помощь призываетъ.»

Народъ волнуется и все опровергаетъ.

Неустрашимъ Росславъ, нѣтъ мечъ въ рукахъ,
И гордо грудь несетъ, сугубить бури страхъ.
Всѣ ратники твои отвсюду притѣсенны,
Едва противятся, сила, бодрости лишены....

Все это хорошо для оскорбленія трагедій, но какъ-то странно взвѣрить, чтобъ народъ вступился за пльнника, осужденнаго на казнь за открытую любовь къ нѣмъ князю; да и какъ онъ могъ носить словамъ другаго иностранца, что не Кедаръ, а Росславъ одержалъ известную побѣду; кажется естественнѣе бы всего было принять эти слова за хвастовство, которое могло даже унижить патриотизмъ шведскаго народа. А этотъ народъ вдругъ разтерзалъ на части Кедара, и сдѣлалъ двухъ иностранцевъ едва ли не своими предводителями. Христіанъ со злобой слушаетъ вѣсть о всемъ этомъ торжествѣ Росслава и Густава; сюда же Заѳира подбавляетъ еще немножко самъ, за что жизнь ея висѣла уже на волоскѣ: Христіанъ хотѣлъ заколотъ ея, приговаривая:

*«Но ты не ластяги моею напастью утлашайся,
Со мною ты должна во гробѣ согетаться.»*

Винтъ возбуждаетъ Росславъ съ народомъ, и вырываетъ мечъ изъ рукъ Христіана. Христіанъ видитъ, что ему больше ничего не останется дѣлать, какъ заколотся. Вздумано и сдѣлано. А Росславъ, въ награду своихъ доблестныхъ свойствъ, получаетъ Заѳиру.

Не смотря на многіе свои недостатки, эта трагедія самая лучшая изъ трагедій Княжнина. Правда, характеры въ ней такъ же односторонни и идеализированы до крайности, какъ и въ прочихъ трагедіяхъ; но за то въ ней нѣтъ той приторности, какъ въ «Соболизвѣ», «Владимирѣ и Ярополкѣ», «Владиславѣ»; языкъ ея особенно обработанъ, а въ некоторыхъ монологахъ даже самъ и прекрасенъ.

Еще въ другомъ отношеніи замѣчательна эта трагедія: въ ней видно стремленіе автора представить идеалъ характера русскаго чело-
вѣка; желаніе тронуть самую чувствительную и звучную струну своихъ соотечественниковъ, къ патриотизму и національную гордость. Первую подобную попытку сдѣлалъ Сумароковъ своимъ «Дмитріемъ Самозванцемъ». По своимъ характеристикамъ и даже по содержанію, эта трагедія едва ли не ничтожнѣе всѣхъ сумароковскихъ трагедій; но

она лежала въ другомъ отношеніи. «Сумароковъ, генеральша Шен-
градской, взошла на трону, преложившую дровишки трагикомъ къ ду-
шамъ ихъ соотечественниковъ, готовыхъ съ осядливостію сочувствова-
вшихъ горестной судьбѣ ихъ родины, и пробуждая въ сердцахъ
своихъ чувства ихъ предковъ.

«Никогда не забуду, еще замѣчаетъ онъ, что я чувствовалъ, уви-
дя въ первый разъ сію народную любимицу («Дмитрія Самозванца»)....
ни въ какой изъ превосходно представленныхъ французскихъ трагедій
Корнеля и Расина сердце мое такъ не билось. Обветшалое стихотвор-
ство Сумарокова и покажаемый часто русскій языкъ не оскорбляли
моего слуха; его поражало только то, что безпрестанно раздавалось
въ душѣ моей. Воображеніе мое, воспламененное любовью къ нашей
Державѣ и отечеству, то уносило на Красную площадь, сострада-
ющею Москвою, заглушаемому буйнымъ самохвальствомъ иновѣрцевъ,
то радовалось крику святой Руси на бодрыя воззванія Шуйскаго.
Наконецъ, набатъ, ударившій по волю Божіей въ казнь хмичничества
и святотатства, потрясъ мою душу; огонь пробѣжалъ изъ сердца во
всеякъ мой жилецъ; взрывъ радужнаго рукопожатія огромил те-
атръ, и трагедія исполнила свое дѣло».

Изъ этого отрывка читатель уже видитъ, что Сумароковъ силится
представить *предметы*, дорогіе русскому сердцу: въра и отечество;
пусть онъ выразилъ ихъ въ надутыхъ словахъ, въ неестественномъ
дѣйствіи, но для насъ важна только попытка, важно то сочувствіе,
съ какимъ встрѣтилъ ее современники Сумарокова: оно онъ затронулъ
самую чувствительную струну сердецъ ихъ. Вотъ отъ чего эта траге-
дія держалась на сценѣ долѣе другихъ сумароковскихъ трагедій.

Княжичи силится сдѣлать другой шагъ; онъ хотѣлъ выставить не-
возвышенные *предметы*, а возвышенный *характеръ* русскаго человека.
И дѣйствительно, надо сказать, что эта новая попытка сдѣлала шагъ
впередъ: стоитъ только сравнить «Дмитрія Самозванца» и «Рес-
лава».

Если въ лицѣ Реслава мы и не признаемъ вполне характера русскаго
человѣка, то все же онъ ближе къ русскому; по-крайней-мѣрѣ онъ на-
поминаетъ намъ многіе историческіе примѣры твердости русскаго чело-
вѣка. Читатель уже знаетъ, съ какимъ восторгомъ зрители встрѣчали
и эту трагедію: она сильно затронула сердца ихъ. Съ такимъ же
чувствомъ вносъдствіи встрѣчали и третью попытку; ее сдѣлалъ Озе-

режь оземь: «Дмитріюмъ Довскимъ». Онъ хотѣлъ извѣстить идею и русскіе предметы и русскіе характеры выдать, что Сумароковъ и Княжнинъ сдѣлали порознь. И здѣсь мы заглянемъ третій шагъ; ну, эта трагедія еще мало представляетъ русскую действительность, но во всякомъ случаѣ она не можетъ идти въ сравненіе ни съ «Дмитріюмъ Самозванцемъ», ни съ «Рославомъ». Вотъ какъ развивались все эти попытки; наконецъ пришло время, и Пушкинъ показалъ намъ действительно русскіе предметы, и вывелъ истинно русскіе характеры.

Изъ того разбора трагедій Княжнина, читатель видитъ всю шаткость ихъ содержанія, всю малость внутренняго достоинства большей ихъ части. До-сихъ-поръ все смотрѣли на его трагедіи только съ этой стороны; и при томъ смотрѣли довольно поверхностно; все упрекали его только въ томъ, что онъ заимствовалъ у Французовъ, но вѣдь заимствовали же и Озеровъ и Жуковский и даже самъ Пушкинъ; замѣтимъ, что здѣсь вся важность въ *достоинствѣ* содержанія; а въ этомъ-то Княжнинъ и не выдерживаетъ критики.

Впрочемъ, противъ этихъ упрековъ обвинителей Княжнина явлюсь и нѣсколько защитниковъ, которые высказывали свои замѣчанія въ пользу нашего писателя. Изъ нихъ болѣе дѣльные считаемъ не лишнимъ привести читателю.

«Творецъ «Дидоны» и «Хвастуна», говоритъ Плавильщиковъ*, имѣетъ полное право называться любимцемъ музъ; онъ трогаетъ и удивляетъ, смѣшитъ и восхищаетъ. Иные говорятъ, что онъ много, переводилъ изъ чужеземныхъ сочиненій: но какая до того нужда? *сочинитель мнѣ понравился и довольно.*»

Что противъ этого могли сказать обвинители Княжнина, если они не винкали въ самое достоинство содержанія?

Сильнее всехъ защищаетъ нашего трагика преосвященный Еггонъ †:

«Въ замѣчаніе о всехъ трагедіяхъ Княжнина, говоритъ онъ, можно сказать, что онъ имѣютъ въ себѣ много прекрасныхъ, сильныхъ и даже разительныхъ мѣстъ, а особливо при изображеніи важныхъ и геройскихъ движеній. Онъ умѣлъ весьма кстати употребить и эпиграмматическую остроту, въ которой многіе мѣры не знаютъ.»

* Плавильщиковъ былъ актеръ Императорскаго театра, одинъ изъ образованныхъ людей своего времени: онъ игралъ Владисава и Рослава.

Мы уже не можемъ согласиться со всеми этими похвалами: онъ принадлежать своему времени; но вотъ dalje продолжаетъ онъ:

«Правда, критики винили и винятъ его въ томъ, что онъ много заимствовалъ и даже почти переводилъ изъ иностранныхъ трагиковъ. Но надобно бы вспомнить, что Княжинъ писалъ не для ученыхъ критиковъ, а для публики, которой нѣтъ нужды до извѣстныхъ и неизвѣстныхъ ей подлинниковъ, когда хорошия съ нихъ списки производятъ въ ней столь же пріятныя впечатлѣнія. Славные писатели рядки, но не много и искусныхъ имъ подражателей, а публикъ лучше терпѣе, хотя подражательное, нежели собственное худо. Притомъ и славные писатели не почитали за стыдъ подражать; но разность ихъ отъ прочихъ въ томъ, что они въ переводахъ не искажали подлинниковъ, и, подражая, дѣлали не хуже ихъ; Расинъ, много переводивъ изъ Еврипида и Софокла, заслужилъ безсмертіе».

Мы вполне согласны съ этими словами пресвященнаго Евгенія, имѣя въ виду литературный вѣкъ его*; и отдали бы Княжину всю славу и честь, если бъ онъ при всемъ своемъ подражательномъ направленіи, сравнилъ съ Расинемъ, хотя мы и не сочувствуемъ трагедіямъ французскихъ трагиковъ.

«Княжинъ, говоритъ князь Шаховскій, желая упрочить нашему театру все, что находилъ достойнымъ подражанія на иностранныхъ а особливо на французскомъ, старался *обрусивать* не только многія мѣста, но и цѣлыя содержанія пьесъ, взятыхъ изъ лучшихъ чужеземныхъ твореній».

Читатель уже видѣлъ, какъ Княжинъ *обрусивалъ* свои трагедіи.

Наконецъ приведемъ еще замѣчаніе С. Н. Глинки:

«То, что Княжинъ перенималъ у другихъ, все то выражено творческимъ русскимъ словомъ. Въ чемъ состоятъ тайна поэзіи и прозы? Въ живомъ сочетаніи словъ своего природнаго языка. Жуковскій, Пушкинъ и другіе наши поэты тѣмъ же говорятъ языкомъ, какимъ и мы, люди обыкновенные; но отчего жъ изъ поэзіи ихъ переливается и въ слухъ и въ душу какая-то непостижимая сладость? — Отъ того, что въ сочетаніи словъ отыскали они жизнь души, сердца и мысли. Въ греческой Антологіи Венера говоритъ: «Вулканъ и Марсъ моя выдача, но гдѣ выдалъ меня Пракситель?» Гдѣ? Въ творческой мысли

* Пресвященный Евгеній писалъ этотъ отзывъ въ 1804 году.

средой и раздвигъ своего языка изъ архаизма инстинктивно полезность. Въ мысли олицетворялъ омерза Пракситель свое произведение; а потому представлялъ его омерзая. То же думаютъ и черныя поэты; они словами олицетворяютъ свою мысль, движенье своей души и сердца, а потомъ передаютъ намъ, въ наивнѣйшей общности словъ, свои видоизмененія; такъ поступилъ и Княжнинъ. Скажутъ, что некоторые изъ ярасокъ его поблекли. А много ли живописцевъ слова человеческого устояли противъ грозного вихря времени?...

Здѣсь Глинка, въ некоторой степени, обращаетъ вниманіе и на визитную сторону сечисной Княжнина; но онъ, кажется, слишкомъ увлекся своей мыслью, и потому въ простой риторикѣ нашло искомое намѣлъ творческое русское слово.

Если внутренняя сторона трагедій Княжнина не значить для насъ почти ничего, за то визитная представляеть гораздо болѣе интересу. До-сихъ-поръ никто не обратилъ на нее особеннаго вниманія. Прочитавъ трагедіи Сумарокова и потомъ Княжнина, нельзя не признать уснха въ развитіи самой формы. У Сумарокова сличномъ замѣтеть тотъ рецептъ, по которому онъ составлялъ свои трагедіи; тотчасъ видно, что содержаніе вставлено въ готовую форму, какъ картина въ раму, но такъ, что не рама отдѣлана для картины, а на оборотъ, картина для рамы; иногда ради этой послѣдней и составлялась и образывалась картина, какъ приходилось. У Княжнина все это уже не такъ замѣтно. Здѣсь-то мы должны сказать, что его подражанія и передѣлыванія принесли великую услугу формѣ. Самъ собою Княжнинъ не ушелъ бы далѣе Сумарокова: онъ вставлялъ бы выдуманное содержаніе въ сумароковскую форму и только, но теперь ему не нужно было дѣлать этого. У него было готово содержаніе, а съ нимъ вивать и легкій образъ или видъ формы; оставалось только обработать ее. Оттого же и болѣе дѣйствія вивается въ ней; пусть оно было заимствованное, но все же образывало форму, что для насъ и составляетъ большую важность. У Сумарокова лица болѣе похожи на летающія тѣни, у Княжнина они уже въ-самомъ-дѣлѣ лица, хотя и не имють рѣзко определенного типа. Наконецъ главный прогрессъ формы — чистота языка. Въ этомъ случаѣ уже видно вліяніе Ломоносова; особенно все описанія промышленности весьма напоминаютъ его; такъ напримѣръ въ «Дядю»: :

«Восприни Антенору, какъ алчмый Цонгъ ревилъ,
И поглоти онъ весь Приановъ родъ хотѣлъ;
Какъ волны до небесъ свирѣпствуя вздымались,
И въ тотъ же часъ отъ тучъ до ада низвергались.

(Дѣйствіе I, явленіе I.)

Въ «Богословѣ»:

При ономъ словѣ царь содрогся, поблѣднѣлъ,
И вдругъ отъ гнѣва зракъ его какъ туча рдѣлъ,
Котора, молнію сокрывъ въ кипящемъ чревѣ
На крыльяхъ вѣтренныхъ при страшномъ бурномъ реві.
Наноситъ ужасъ, страхъ, отчаянье и смерть.

(Дѣйствіе III, явленіе II.)

Необходимой принадлежностью трагедіи Княжнинъ обладалъ современную реторику: въ это время она завладѣла всей нашей литературой.

Реторика была наукой исключительно о внешней формѣ, полагающая *высокость и возвышенность* только въ однихъ громкихъ, словахъ, и преимущественно *славянскихъ*. Княжнинъ смотрѣлъ на нее, какъ на важное пособіе для таланта. У Сумарокова мы не замечаемъ ея особеннаго вліянія; онъ пользовался только короткими правилами Бозю (L'art poétique); его монологи иногда приторны, иногда водяны; но въ нихъ не видно усиленаго желанія блестящею высокостью. У Княжнина все это облеклось въ правила реторики. Она-то часто вовлекала его въ крайнюю напыщенность и надутость, хотя онъ имѣлъ въ виду только одну возвышенность слога. Вотъ наарширъ слова Ярба въ Дядонѣ:

«Свирѣпа ада дщерь, надежда злобныхъ мести,
Къ чему несчастнаго стремишься ты привести?
Лютейшей ярости мнѣ въ сердцѣ адъ вливая,
Влечешь мѣни на все мнѣ очи закрывая...
Дядонъ вѣдну страсть удобно ощущать,
Но сердце что ея терзаетъ оболгать?
Пришлецъ, ругая моею несносной части,
Въ утѣкахъ исключать те оставь все наставя,
Которы долженъ ты отъ странника терять...

(Дѣйствіе IV, явленіе I.)

Наконецъ эта же наука дѣлала многіе монологи Княжнина холодными, сухими фразами, которые нынѣ называютъ *реторическими*. Даже многія выраженія дѣляются въ противорѣчій съ самымъ чувствомъ, съ самой страстью говорящаго лица, и чрезъ то дѣлаются нѣсколько комическими, что уже мы замѣтили выше. Но тамъ, гдѣ Княжнинъ самъ былъ восхищенъ положеніемъ своихъ лицъ, тамъ реторика дѣйствительно помогаетъ ему; тамъ рѣчь его нельзя назвать ни надутой, ни напыщенной; она въ-самомъ-дѣлѣ возвышалась надъ обыкновеннымъ, и какъ будто замѣняла собой *высокую поэзію*. Надо замѣтить, что къ такой поэзіи стремились почти все наши писатели того вѣка, но ее нашелъ только одинъ талантъ Державина, а прочіе замѣняли ее реторикой. При всемъ этомъ реторика принесла трагедіямъ Княжнина болѣе пользы, чѣмъ вреда: она, наука формы, заставляла обращать вниманіе на языкъ, на слогъ, на его обработку, чистоту, приличіе и прочее, что особенно и представляютъ намъ трагедіи этого писателя. Впрочемъ еще и въ это время главнымъ недостаткомъ нашего языка была неопредѣленность значеній многихъ словъ, даже ихъ окончаній, такъ что они какъ-то странно звучатъ въ ушахъ

Дальнѣйшее развитіе этого характера трагедій принадлежитъ ученику Княжнина, Озерову: онъ уже имѣлъ свою, болѣе разумную, реторику, свой стихъ, свой языкъ; у него содержаніе и форма не раздѣляются такъ замѣтно, какъ у прежнихъ трагиковъ; напротивъ они болѣе сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое.

Мы не разбирали трагедій Княжнина въ томъ порядкѣ, какъ онѣ появлялись въ свѣтъ; но легко можемъ защититься отъ упрека, еслибъ кто-нибудь вздумалъ его сдѣлать намъ: трагедіи Княжнина не представляютъ постепеннаго развитія, такъ, чтобъ послѣдующая показывала прогрессъ въ сравненіи ея съ предъидущей. «Дидоной» Княжнинъ основалъ форму своей трагедіи, а прочими только утверждалъ ее; слѣдственно намъ не было ни какой нужды имѣть въ виду порядокъ появленія ихъ. Правда, въ нихъ замѣтна одна постепенность, только она не имѣетъ для насъ никакого интереса: — это философствованія, сентенціи, различныя правила.

Изъ всѣхъ трагедій Княжнина «Дидона» держалась на сценѣ долѣе всѣхъ.

Полевой говоритъ, что онъ ее видѣлъ въ 1811 году на москов-

ской сценѣ, гдѣ Валберхова, играя «Дидону», восхищала всю Москву. Такой продолжительный успѣхъ «Дидоны» (слишкомъ сорокъ лѣтъ) обязанъ однимъ сценическимъ эффектамъ, а еще болѣе прекрасной игрой актеровъ и актрисъ, какъ напримѣръ Дмитревскаго, Яковлева, Павильщикова, Валберховой и другихъ.

Разсмотрѣвъ въ трагедіи Княжнина, мы можемъ одѣлать себя вопросомъ: имѣлъ ли Княжнинъ *трагическій* талантъ или нѣтъ? Современники признавали въ немъ большой талантъ, но теперь уже нельзя вполне согласиться съ ними. Мы уже показали какъ плохо Княжнинъ умѣлъ пользоваться своими образцами, какимъ не-искуснымъ перомъ выражалъ онъ волненія сердца, въ какое противорѣчіе часто поставлялъ своихъ героевъ; все это заставляетъ насъ отвергать трагическій талантъ въ Княжнинѣ. Въ этомъ случаѣ Сумароковъ имѣетъ неоспоримый талантъ, хотя его трагедіи стоятъ и ниже трагедій его зятя. У Княжнина не было такого таланта, но былъ даръ стихотворства, была *страсть*, возбужденная его постояннымъ стремленіемъ къ славы, а еще болѣе современнымъ мнѣніемъ, что трагедія — высшій родъ поэзіи, слѣдственно трагическій поэтъ занимаетъ высшую степень славы. Княжнинъ могъ бы быть хорошимъ *критикомъ* трагедій, что видно изъ его посвятительнаго письма къ княгинѣ Дашковой, гдѣ онъ говоритъ о своемъ «Росславѣ». Впрочемъ при этой страсти съ даромъ стихотворства, съ помощью итальянскихъ образцовъ и реторики Княжнинъ имѣлъ силы улучшить форму нашей трагедіи. Неоспоримъ въ Княжнинѣ талантъ комическій, который ясно выказался въ его комедіяхъ; имъ-то мы посвящаемъ слѣдующія главы.

VI.

Русская литература осемнадцатаго вѣка, разсматриваемая со стороны своего духа, выразила преимущественно стремленіе — лирическое и сатирическое. Первое родилось отъ грома русскихъ побѣдъ, и потомъ, самое истинное, отъ мудрости русской Царицы; но наша лирика была въ тѣсной связи съ реторикой, которая только утверждала ея форму, и частенько замѣняла истинный восторгъ — подложнымъ. Второе и самое старшее, родилось изъ противорѣчія европей-

скаго образованія съ нашимъ, и ненюго здраваго смысла съ европейскою вѣдностью, а иногда и развратомъ. Пороки образованнаго общества всегда болѣе скрыты, такъ что надобно внимательно отыскивать ихъ и следить за ними. У насъ же пороки и недостатки были яры и видимы для каждаго; одни изъ нихъ были застарѣлые, закоренѣлые, которые достались намъ отъ до-Петровскихъ временъ, какъ напримеръ взяточничество, сутяжничество, суевѣріе; прочіе же были слѣдствіемъ увлеченія блестящей парижской вѣдностью, какъ напримеръ глупое и смѣшное пренебреженіе всего отечественнаго, воспитаніе дѣтей недоучеными Французами, дѣлавшее изъ нихъ пошлыхъ франтовъ, а иногда и безумныхъ мотовъ; и тѣ и другіе, соединенные вмѣстѣ, представляютъ самую жалкую и отвратительную картину.

Такимъ-образомъ вѣкъ Екатерины представляетъ намъ съ одной стороны исполиновъ, героевъ, титановъ, которые изъ громадныхъ каменной строили храмъ славы Россіи, съ другой стороны ничтожныхъ пигмеевъ, которые дышали зараженнымъ воздухомъ, враждались въ какой-то грязи, принимая ее за блескъ истинной жизни. Они-то заставили благоразумныхъ людей взяться за сатиру. И вотъ являлась сатира въ образъ чистой французской сатиры, въ образъ комедіи, басни, что продолжалось у насъ во все продолженіе царствованія Екатерины.

Въ первыхъ нашихъ комедіяхъ вы не найдете искусства, не найдете никакого комизма, въ нихъ видно только одно желаніе показать гнусность того или другаго порока; въ этомъ-то и представляется весь интересъ ихъ. Въ содержаніи ихъ вы не отыщете никакого развитія; вездѣ осмѣиваются одни и тѣ же пороки; вездѣ одинъ и тотъ же намекъ на возможность благородной жизни, и наконецъ вездѣ одинъ и тотъ же неопредѣленный на нее взглядъ; во со стороны формы развитіе уже весьма замѣтно. Сумароковъ первый взялся и за комедіи, хотя совершенно не имѣлъ комическаго таланта. Здѣсь онъ имѣлъ въ виду не Мольера, а мольеровскіе фарсы; онъ-то ясно показываютъ намъ, какое понятіе имѣлъ о комедіи отецъ русскаго театра. Оттого его комизмъ состоялъ болѣе въ однихъ словахъ, иногда смѣшныхъ, иногда пошлыхъ. Онъ нападаетъ преимущественно на взяточничество, на лихоимство, съ которыми непременно соединено циническое, отвратительное скряжничество. Главное содержаніе его комедій — любовь, женитьба и деньги; все это безпреставно

сближаются между собой, и производятъ дѣйствіе весьма, впрочемъ, замѣнительное. Въ комъ бы не найдете условій жизни тогдашняго русскаго общества, найдете только некоторые его пороки, и то представляемые почти въ неестественномъ видѣ. Едва ли не во всѣхъ комедіяхъ означиваются тѣмъ, что любовники или хитрые слуги прельщать и обманываютъ выставленнаго ханжу, суевѣра, скрягу, такъ же онъ всегда остается въ отчаяніи. Кажется у Сумарокова раздраженіе направлено не столько противъ самаго порока, сколько противъ того или другаго лица, особенно когда онъ выводитъ на сцену взяточника или стихотворца. Пороки Сумароковъ представляетъ отчасти въ дѣйствіи, притомъ въ самомъ отвратительномъ видѣ, а болѣе въ разсказахъ одного лица другому: одинъ описываетъ гнусныя дѣла напримѣръ скряги; а другой приговариваетъ: *ахъ подлецъ; ахъ злодѣй; свиное стродѣе; да на висьлицу его* и много, много подобнаго. Следственно здѣсь не столько осмѣивался порокъ, сколько безчестилось самое лицо гнусными ругательствами. Таковъ характеръ Сумароковскихъ комедій. Впрочемъ все онъ весьма не велики по своему объему — въ два, въ три дѣйствія, и въ пяти нѣтъ ни одной. Замѣтимъ еще, что у Сумарокова не столь важную роль играютъ слуги со служанками, хотя и отличаются излишней вольностью и фамильярностью съ своими господами, что много напоминаетъ французскія комедіи. Имена лицъ тоже французскія, какъ напримѣръ Дроманъ, Пасквиль (обыкновенныя имена слугъ), Демифонъ, Клепавдръ, Изabella, Клара, Фиветта и другія.

Во времена Сумарокова у насъ было множество комедій; но всѣ онѣ переводились почти слово въ слово съ французскихъ; онѣ осмѣивали наиболѣе общечеловѣческіе пороки и представляли дѣйствіе, насколько не сообразное съ нашими нравами и условіями нашей жизни.

Наконецъ великая Екатерина однимъ своимъ словомъ, а потомъ и собственнымъ примѣромъ, произвела переворотъ въ нашей комедіи. Она ревностно заботилась объ искорененіи многихъ золъ, происшедшихъ отъ предрасудковъ и невѣжества, объ истребленіи многихъ пороковъ и недостатковъ нашего общества, старалась показать, какъ они унижаютъ челоуѣческое достоинство. Съ одной стороны она дѣйствовала строгими полицейскими мѣрами, законами, благотвельными учрежденіями; съ другой же комедіями, которыя она считала весьма важнымъ средствомъ для достиженія своей цѣли. Чтобы ра

смотреть комедию въ этомъ новомъ видѣ, обратимся прежде всего къ свидѣтельству и къ трудамъ Лукина. Лукинъ, какъ кажется, не былъ въ большой чести у своихъ собратій, современныхъ писателей: по-крайней-мѣрѣ, начиная отъ старика — Сумарокова всѣ надъ нимъ острили, шутили, смѣялись; у него было не мало враговъ, на что онъ самъ намекаетъ въ своихъ замѣткахъ, и многіе изъ нихъ довольно нагло хотѣли унизить его; такъ напримѣръ при первомъ представленіи какой-то его комедіи, одинъ *осптракъ* разносилъ между рядами креселъ старыя газеты, говоря, что онъ гораздо занимательнѣе комедіи Лукина, тогда какъ онъ и самъ еще не видалъ ея. Мы имѣемъ передъ собою нѣсколько листковъ замѣтокъ Лукина, и считаемъ ихъ драгоценностью, какъ свидѣтельство объ его современности. Онъ показываютъ намъ, сколько ума было въ ихъ авторѣ, и какой тонкій критическій взглядъ имѣлъ Лукинъ на современную комедию и на важность ея преобразованія. Можетъ-статься у него и не было особеннаго таланта, но его комедіи для насъ весьма замѣчательны. Онъ въ числѣ первыхъ ревностно сталъ писать свои комедіи и передѣлывать французскія на наши нравы и условія нашей общественной жизни; ко всему этому побудило его одно слово, сказанное Императрицей Екатериной.

«Назадъ тому болѣе года (1764), говоритъ онъ, удалось мнѣ нечаянно услышать, что Ея Величество желаетъ видѣть на русскіи театръ комедіи прямо русскія, то-есть сочиненныя въ нашихъ нравахъ и осуждающія главные наши пороки. Сія государственная воля объявлена была придворными господами нѣкоторымъ молодымъ людямъ въ письмена вступающимъ, изъ коихъ двумя сочинены комедіи — господиномъ княземъ Козловскимъ въ одномъ дѣйствіи, «Любовникъ въ долгахъ», которая и на позорищѣ была представлена, и господиномъ Нарышкинымъ, въ пяти дѣйствіяхъ (мы не знаемъ что это за комедія), которая на театръ еще не показалась».

И такъ до Лукина была только одна известная публикѣ комедія, сколько-нибудь похожая на русскую, если не будемъ брать въ расчетъ бранчивыхъ комедій сумароковскихъ. Слова Екатерины заставили Лукина проникнуть въ самую сущность комедіи, и вотъ онъ увидѣлъ съ одной стороны всю важность и справедливость желанія Императрицы, а съ другой всю бесполезность и недостаточность переводныхъ

французскихъ комедій на нашей сценѣ ; вотъ что объ этомъ говорить онъ :

«Французскія имена на нашемъ языкѣ въ переведенныхъ комедіяхъ, когда онѣ представляемы бываютъ, странно отзываются, а иногда слушателей и отъ вниманія удаляютъ. Это говорю о тѣхъ комедіяхъ, которыя вовсе на наши нравы не склонны, а точно переведены; и когда уже въ оныхъ одни имена бываютъ неприличны, не дѣлая примѣчанія на прочее, что намъ несвойственно, то бы уже въ такой всечужеземное гораздо страннѣе показалось, которая по колюку можно склонна на русскіе обычаи....

«Мнѣ всегда не свойственно казалось слышать чужестранныя реченія въ такихъ сочиненіяхъ, которыя долженствуютъ изображеніемъ нашихъ нравовъ *исправлять не столько общіе всего свѣта, но болѣе частныя нашего народа пороки.* И неоднократно слыхалъ я отъ нѣкоторыхъ зрителей, что не только ихъ разсудку, но и слуху противно бываетъ, ежели лица, хотя по нѣскольку на наши нравы похотія, называются въ представленіи Клитандромъ, Дорантомъ, Цитоледію, Кладиною и *говорять рѣчи на наше поведеніе знаменущія....*

«Многіе зрители отъ комедій въ чужихъ нравахъ не получаютъ ни какого исправленія. *Они мыслятъ, что не ихъ, а чужестранцевъ осмѣиваютъ.* Тому причиною, что они слышатъ Парижъ, Версалію и прочія для многихъ изъ нихъ незнакомыя реченія, да и то имъ примѣтно что *осмѣиваемые образцы не только несвойственно нашимъ нравамъ изъясняются, но что они и одѣты съ незнакомыхъ имъ одежды.* Есть много и такихъ комедій, которыя сколько общественныя осмѣиваютъ пороки, какъ-то, гордость, клевету, неблагодарность и прочая, и казалось бы, что въ оныхъ отыскать ничего не должно; такъ думалъ и я, не входя прямо въ свойство театра; а какъ скоро вошелъ, то много противнаго прежнему моему мнѣнію увидѣлъ. И въ оныхъ комедіяхъ есть много шутокъ и острыхъ словъ, которыя душою и украшеніемъ сего рода сочиненій называются, и которыя не только не остры, но и вздорны будутъ, если ихъ переведемъ словесно, а не замѣнимъ своимъ; а если замѣнимъ, то будутъ уже тогда вольный переводъ, отъ котораго къ преложенію единъ шагъ ступить надлежитъ, а ступивши украситъ цѣлое сочиненіе и другимъ пользу сдѣлать....

«Тамощіе (во французскихъ комедіяхъ) слуги и служанки будутъ часто нашими пестиметрами и кокетками, а иногда и другія науученіишци изъ господъ и госпожъ нашихъ (какое колкое и сивлое замѣчаніе!). Они не рѣдко во французскихъ комедіяхъ философствуютъ, къ чему наши не удобны; а отъ естества столь много удалиться не только правила, но и сердце и разумъ не позволяютъ. Разно (подобно) слугамъ и служанкамъ и прочіе почти все образцы тоже несогласіе въ представленіи производить, и отъемяютъ способъ къ исправленію пороковъ, а особливо странчіе, нотариусы или подобные, кои у Французовъ les rôles à parteaux называются....»

«Кажется, что въ зритель, прямое понятіе нмгающемъ, къ произведенію скуки и сего довольно, если онъ однажды услышитъ, что русскій подъячій, пришедъ въ какой ни есть домъ, будетъ спрашивать: «Здѣсь ли имѣется квартира господина Оранта»?—Здѣсь, скажутъ ему, да чего же ты отъ него хочешь?—«Свадебный написать контрактъ», скажетъ въ отвѣтъ подъячій. Сіе вскружитъ у знающаго зрителя голову. Въ подлинной руссiйской комедіи имя Орантово, старика данное, и написаніе брачнаго контракта подъячему вовсе не свойственно.... Нотариусъ у насъ только вексель протестуетъ, а подъячій по должности своей дѣла въ томъ приказѣ исполняетъ, откуда датиъ ему жалованье....»

Ище разъ скажемъ: ни что не можетъ быть справедливѣе этихъ замѣчаній Лукина, относительно того времени, когда нужно было бичевать общественные пороки. Лукинъ, можно сказать, сознательно угадалъ требованія своего времени. Комедія «Могъ любовью исправленный», была первый трудъ его. Дѣйствіе ея взято не прямо изъ нашей жизни, а хитро смелено самимъ авторомъ, но по-крайней-мѣрѣ оно уже не чисто французское. Здѣсь авторъ изображаетъ отвратительныя дѣла безчестныхъ людей, которые заботятся только о своемъ карманѣ насчетъ людей доверчивыхъ; а въ то время было довольно и такъ и другихъ. Въ положеніи дѣйствующихъ лицъ Лукина мы не находимъ ни какого комизма; авторъ удовольствовался только тѣмъ, что показалъ зрителю многія плутни людей извѣстнаго рода. Здѣсь лица не рассказываютъ о перекзхъ отсутствующаго, чтобъ брешнть ихъ, но все происходитъ въ дѣйствіи; въ претивуположность итгъ авторъ вывелъ нѣсколько благородныхъ лицъ, хотя и безъ всякой науки

для комедій. Наконецъ имена лицъ чисто русскія, которыя представляютъ свою особенность: большая часть изъ нихъ были не что иное какъ ярлыки, повѣшенные на лбы дѣйствующихъ лицъ, такъ что по нимъ мы тотчасъ узнаемъ самые характеры, не читая комедій. Впрочемъ вся пьеса мало займетъ читателя; она важна для насъ только по своей новой формѣ. Другія комедіи Лукина представляютъ намъ тотъ же интересъ; нѣкоторыя изъ нихъ весьма искусно переделаны изъ французскихъ нравовъ на наши; между ними болѣе всего замѣчательна комедія «Щепетильникъ».

Если комедіи Сумарокова должно считать первымъ камнемъ, положеннымъ въ основаніе храма нашей Талии, то труды Лукина составляютъ второй, и наконецъ третій произведенія самой Екатерины, у которой была любовь къ искусству, любовь къ истинѣ, и отвращеніе отъ многихъ пороковъ и недостатковъ современнаго общества. Вотъ причины, побудившія ее взяться за перо. Ея комедіи выказываютъ намъ не комика, а болѣе чадолюбивую мать, которая стремится исправить дурные наклонности своихъ дѣтей то совѣтами, то правоученіями, то укорами.

Вотъ вся цѣль большей части комедій Екатерины. Она заставляетъ насъ удивляться, какъ хорошо знала она быть своихъ подданныхъ, и особенно своихъ придворныхъ. Она не столько выдумывала, сколько срисовывала дѣйствіе, не заботилась о комизмѣ, а только старалась представить въ самомъ жалкомъ видѣ тотъ или другой порокъ. Это была ея главная забота: все восторженное, какъ напримеръ любовное дѣйствіе, безъ котораго не могла обійтись современная комедія, было вставлено какъ-будто случайно, чтобъ только удовлетворить требованіямъ комедіи. Таковы ея комедіи: «О время», «Нянькии госноски Ворчалкиной»; «Госпожа Востникова» и другія. Здѣсь въ изложеніи Екатерина отчасти сходствуетъ въ Сумароковыя; у ней также описываются пороки въ разсказахъ, а не въ дѣйствіи, такъ на нихъ отвѣчаютъ не бранью, какъ у Сумарокова, а материнскимъ осужденіемъ, выражая, что они унижаютъ человеческое достоинство. Вотъ начало тѣхъ сентенцій и правоученій, которыми впоследствии стали отличаться наши комедіи. Екатерина же окончательное утвердила и русскія имена комедій съ тѣмъ самымъ характеромъ, который имъ видимъ у Лукина; такъ напримеръ «Ворчалкино», «Суворова», «Каришкина» и другіе уже прямо говорятъ намъ

телю, что онъ за лица. Еще замѣчательно, что Екатерина выставила болѣе женскія лица; она, кажется, преимущественно хотѣла показать, какъ вредитъ благосостоянію семейства невѣжество жены и матери. Впрочемъ она не имѣла въ виду ни одной личности. Вѣроятно, послѣ представленія первой ея комедіи «О время», между придворными были толки, подозрѣнія и догадки, кого хотѣла выставить Императрица; и вотъ въ слѣдующей своей піесѣ Екатерина высказала свое мнѣніе о комедіи:

«Комедія представляетъ дурные нравы, — говоритъ она, — и осмѣиваетъ то, что смѣха достойно, а отнюдь лично не вредитъ никому.... Сочинитель комедіи «О время» хотѣлъ вывести на театръ три порока, и вывелъ въ образъ трехъ женщинъ: одна была скупая, другая взбалмошная вѣстовщица, а третья суевѣрка... («Имянины госпожи Ворчалкиной»). Слѣдовательно одни идеалы выражались въ комедіяхъ Екатерины.

Такимъ-образомъ утверждалась форма нашей первой комедіи. Нововведенія Лукина и Императрицы Екатерины стали сливаться между собою у послѣдующихъ писателей.

Какъ же такія комедіи дѣйствовали на публику? да и какаѣ публики смотрѣла ихъ? Сумароковъ жаловался, что публика грызетъ орѣхи во время представленія его піесъ; а вотъ какъ Лукинъ характеризуетъ ее:

«Одна и весьма малая часть партера, говоритъ онъ, любитъ жалостливыя и благородныя мыслями наполненныя, а другая, и главная, веселыя комедіи, тѣ, что по французски *pièces d'intrigues* или *farces* называются. Вкусъ первыхъ съ того времени утвердился, какъ они увидѣли де-Тюшевы и Шоссеевы лучшія комедіи.... У насъ есть много такихъ зрителей, которымъ нисколько нѣтъ въ томъ нужды, сходственная ли нашимъ правамъ комедія представляется или и виду сходства не имѣющая. Они того лишь желаютъ, чтобы имъ по-смѣяться. Явное тому свидѣтельство «Принужденная женидьба», господина Мольера. Въ ней услышишь неутѣшающее хохотанье; а чему? двумъ не только нашимъ обычаямъ, но и всему естеству не сходственнымъ лицамъ. Понакратъ лишь появится, то вздорнымъ своимъ болтаньемъ или лучше сказать крикомъ, до-тѣхъ-поръ смѣяться, покуда Сганарель камнями его не прогонитъ. Спроси тутъ три доли зрителей, чему они смѣялись. Если они искренно отвѣтствовать бу-

дуть, но имъ правильнѣе сказать нечего, какъ то, что другимъ последовали. Большая часть изъ нихъ не знаетъ истиннаго слову педантъ повятія, а когда имъ сіе неизвѣстно, то уже кольми-паче не свѣдомы имъ латинскія рѣченія и наименованія наукъ въ рѣчь Панкратову вставленныя. На смѣну Панкрату выходитъ «Марфуриусъ». Только его разговоръ или лучше сказать длинная шапка, а паче всего палка, которою Сганарель его потчуетъ, потому что рѣчей его всемъ зрителямъ и слышать не можно, опять новый шумъ производить, и тутъ смѣльте еще за большую часть зрителей побожиться можно, что они не впадаютъ, чему смѣются. Сія комедія (представленіемъ оной и ей подобныхъ, какъ напримѣръ «Опекунъ бить, обмануть и доволенъ»*, подается чужестранцамъ хутое о нашемъ вкусѣ и знаніи мнѣніе) уже въ самой Франціи нѣсколько лѣтъ не была на театрѣ, что свидѣтельствуютъ ежегодныя записки о игравныхъ зрѣлищахъ въ печать отдаваемыя. Легко угадать можно, что и господинъ Мольеръ сіе сочиненіе на случай сдѣлалъ, и въ такое время, когда еще театръ французскій начиналъ вычищаться, да оное же во Франціи и свойственнѣе. Тамъ знаютъ почти всѣ граждане о педантахъ, потому что ихъ тамъ болѣе нашего; но и у насъ, не взирая на то, что науки еще начинаются, оныхъ за грѣхи наши уже довольно; но распознать ихъ трудно. У насъ не одѣты они въ отмыльные костюмы, что непременно долело бы съ ними сдѣлать*, дабы иные изъ молодыхъ людей къ нимъ слѣпо не приставали....

«Съ того самаго времени, какъ началось преложеніе комедій, нѣкоторые люди безъ всякой причины стали жестоко негодовать, и понынѣ негодуютъ за сіе не только невинное, но и доброжелательное намѣреніе, и оное вовсе отвергають. Три въ прошломъ году представленные комедіи «Французъ Русской» (Елагина), «Коріонъ» (Фонъ-Визина изъ «Сиднея» Гре-сета) и награжденная добродѣтель (Елчанинова), вытерпѣли жестокое нападеніе, и хотя оное совсѣмъ не основательно было, однако многихъ поборниковъ по себѣ имѣло.... Они лишь слѣдующими словами и всегда мнѣніе свое утверждаютъ: *передѣлывать комедіи стыдно для прелазгателя, а для того безчестно и для его одноземцевъ.* Лучше-де свои подлинныя дѣлать или надѣ-

* А. Б. Сумарокова

* Этотъ сатирическій намекъ вѣроятно на старыхъ писателей.

чѣмъ-нибудь *полезнымъ трудиться*.... Случалось мнѣ отъ нѣкихъ зрителей и то слышать, что имъ не только въ переводныхъ комедіяхъ не кажутся неприличны нашимъ обычаямъ, какъ имена дѣйствующихъ лицъ, такъ и прочія рѣченія, чужеземскія дѣла образующія, но что они и въ подлинникъ то жъ видѣть желаютъ. Сія слова утверждаютъ они тѣмъ, что къ таковымъ комедіямъ они уже привыкли. Пусть же они при сей привычкѣ и останутся.... Оные же, къ иностраннымъ комедіямъ привыкшіе, говорятъ, что они всегда хотѣли бы видѣть театръ россійской въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ былъ сначала. Вкусъ ихъ по истинѣ странный»...

Вотъ какое понятіе имѣло большинство публики. И се-то теперь стала щелкать русская, вновь сформированная комедія. Разумеется, изъ среды ея нашлось много недовольныхъ, которые, не понимая сущности комедіи, хогьли видѣть въ ней однѣ личности. Вотъ какъ Херасковъ выразилъ мнѣнія такихъ людей :

«Я слухи таковы во весь пускою съѣтъ,
 Что намъ комедіи составлены на вредъ,
 Что ими отъ страстей не можно излѣчиться,
 Что лъзя скорѣй по нихъ къ порокамъ приучиться.
 Что намъ о слабостяхъ приличнѣе молчать
 Чѣмъ вѣка ко стыду пороки обличать.
 Умно, когда бъ стихи пѣнтамъ запрестили,
 Чтобъ людьми они, какъ щепкой не шутили,
 Теперь кто въ обществѣ чуть-чуть не такъ живетъ,
 За все ухватятся и выведутъ на свѣтъ» и т. д.

Не смотря на всѣ эти толки, у насъ появилось не мало комическихъ писателей; одни изъ нихъ писали оригинальныя комедіи, другіе перелагали французскія на наши нравы, третьи просто переводили, выставляя общечеловѣческіе пороки. Впрочемъ и первыя въ дѣйствіи своихъ комедій болѣе или менѣе старались подражать Французамъ; это замѣтно даже и у Екатерины, какъ напримѣръ въ дѣйствіи слугъ и служанокъ, и у нѣкоторыхъ другихъ; иначе нельзя было и поступить; у насъ еще не было никакихъ правилъ, никакихъ теорій, которыя бы прояснили идею комедіи; слѣдственно оставалось только подражаніе.

«Мы на своемъ языкѣ, говоритъ Лукинъ, еще свойственныхъ намъ комедій не видали, и не читали ни малыхъ театральныхъ правилъ, и кто изъ насъ хотя на мало на истинный путь направилъ, тотъ долженъ самому себѣ. Онъ либо знаетъ языки ино-

странные, либо слышался отъ знающихъ театры. *Пить у насъ ни какого сочиненія, которое бы хотя малое сдѣлало о театральныя сочиненія подавало, и руководствовало начинающихъ кромѣ вѣсколькихъ стиховъ въ Елистолю (о стихотворствѣ) господина Сумарокова, но и овия почти мимоходомъ сказаны. Словомъ, не оскорбя никого, можно выговорить, что пренебрежено сѣ нужнѣйшее дѣло, которое давно бы открыло свѣтъ людямъ, кои способность къ драматическимъ сочиненіямъ имѣютъ, по не знаютъ языковъ иностранныхъ. А наипаче рѣчь о театрѣ для выраженія нашихъ однопоземцевъ не великаго труда стоитъ. Ее не самому изобрѣтать должно, а только черпать изъ чужихъ писателей, и кто о семъ писать не приметя, тотъ сдѣлаетъ всемъ, какъ къ театру прильвипимся, такъ и науки любящимъ одолженіе»....*

Не смотря на такое стонанье Лукина, подобнаго сочиненія у насъ не появлялось, и наши комики писали, подражая другъ другу. Вотъ отчего все ихъ комедіи совершенно одного и того же характера, какъ по формѣ такъ и по содержанию; все онѣ могутъ назваться русскими, только не по своему дѣйствию, а по тѣмъ общественнымъ порокамъ и недостаткамъ, какіе выражали онѣ. Ихъ дѣйствіе не взято прямо изъ нашей жизни, а просто выдуманно, *сочинено*, хотя и сообразно съ юридическими условіями русской жизни, здѣсь часто не доставало *свѣтскихъ* условій, которыя вводитъ уже самъ въкъ. Любовь составляла главную пружину этихъ комедій; въ противодѣйствіе любви всегда являлся какой-нибудь изъ нашихъ пороковъ, олицетворенный въ лицѣ отца, матери, опекуна, дяди, тетки; на подмогу имъ являлись другія безправственные люди, и, какъ водится, заставляли любовниковъ страдать и мучиться; наконецъ этимъ стонущимъ лицамъ посылаются на помощь добрые люди, и кое-какъ улаживаютъ дѣло въ пользу своихъ влюбленныхъ фаворитовъ. Чаще всего хитрые и расторопные слуги и служанки принимаютъ на себя трудъ устроить свадьбу; и такимъ образомъ все дѣло оканчивается желанной свадьбой; къ ней иногда присоединяется и другая свадьба — виновниковъ первой — слуги со служанкой. Нельзя сказать, чтобъ въ этихъ комедіяхъ вполнѣ осмѣивались пороки. Наши комики только въ половину держались опредѣленія Екатерины, именно, что *комедія представляетъ дурныя нравы*; но они не позаботились выразить дальнѣйшихъ словъ ея:

и осмѣляетъ то, что смѣха достойно. Надо замѣтить и то, что между писателями, утвердившими такую форму комедіи, не видно ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго таланта; все они были люди благородные, руководимые правилами чести, и потому не удивительно, если яркіе общественные недостатки и пороки заставили ихъ взяться за перо безъ всякаго сознанія таланта. Были впрочемъ и такіе, которые писали по одной авторской страсти. Такимъ-образомъ утвердившаяся форма породила множество характерныхъ ролей, по нимъ уже стали распределять и актеровъ; между ними явились роли любовниковъ, любовницъ, отцовъ, матерей (благородныхъ и неблагородныхъ), слугъ, служанокъ и другихъ. Подобное жъ распределение ролей было и въ трагедіяхъ — трагическихъ любовниковъ и любовницъ, тирановъ, наперсниковъ и наперсницъ и другихъ. Все это показываетъ, какъ вкоренялась одна вышность искусства; по ней уже сообразовалось и самое содержаніе.

Наконецъ Фонъ-Визинъ отличилъ свои труды талантомъ. Онъ не выдумывалъ дѣйствія, а взялъ его прямо изъ жизни; оттого нѣсколько измѣнилась и самая форма его комедій. Правда, въ его «Недоросль» благородные и нравственные люди резонерствуютъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, но за то у него нѣтъ хитрыхъ дѣйствій и фамилярностей слугъ и служанокъ, чего никогда не могло быть въ нашемъ обществѣ; нѣтъ насильственныхъ идеализацій нашихъ пороковъ, чтò часто случалось у другихъ комиковъ. Фонъ-Визинъ началъ исключительно на современное воспитаніе, которое ограничивалось двумя вышними односторонностями: одни слово *воспитать* считали синонимомъ *вскармливать*, слово, которое весьма резко опредѣляетъ Хвостовъ въ своей комедіи «Русскій Парижанецъ»:

« . . . Вить я подь матушкою росъ,
 Какъ птичка по утру прочистишь только носъ,
 Анъ тутъ и ситникъ ужъ и молоко готово,
 А тамъ пшеничнаго, такъ и пошелъ здорово,
 Хоть сучку погонять или хотъ въ городки,
 Или въ сванчку, а тамъ готовы ужъ блинны,
 Вотрушки, соченьки, да и еще съ припекой.
 За то, смотри, какой я сталъ въ летахъ широкій.
 Да и Мартыновна, сказать бы въ добрый часъ,
 Хоть какъ бывало пшь, не упрекала насъ
 А только говоритъ: во здравье дѣтки пшьте...»

Покушайте, то снмъ то тмъ себя потыщите;

Однимъ плоха была, ахъ вѣчный ей покой,

Не тмъ помянута, *сманмъ ее злоной.*

Хороши были воспитатели! Другіе полагали, что истинное образованіе можно получить только изъ рукъ Французовъ; а истиннымъ образованіемъ считали они умъе окружить себя французскимъ блескомъ, презрѣть все русское, и терять умъ отъ Парижа. На все это желчно напалъ Фонъ-Визинъ, и за то какая сатира, сколько истинныхъ *комическихкихъ положеній* явилось у него. Здѣсь одинъ талантъ безъ всякой теоріи умъе угадать идею комедіи и удовлетворить ея требованіямъ.

Наконецъ явились комедіи Княжнина «Хвастунъ» и «Чудаки», и представили намъ новый видъ комедіи; въ нихъ, кажется, есть все, чтѣ мы видѣли въ предъидущихъ комедіяхъ, и между-тмъ ни на одну изъ нихъ не похожи онъ. Многіе говорятъ, что Княжнинъ первый сталъ писать комедіи стихами, но такое мнѣніе весьма ошибочно. Эту честь мы должны отдать Хераскову. Въ 1779 году онъ написалъ стихотворную комедію «Ненавистникъ»; она много напоминаетъ собой мольеровскаго «Мизантропа», но равно какъ и первая, не имѣетъ никакого отношенія къ современности. Болѣе ихъ имѣетъ значеніе «Русскій Парижанецъ» Хвостова, комедія, написанная тоже *стихами* въ 1783 году; она замѣчательна по нѣкоторымъ монологамъ, отчасти характеризующимъ русскую современность, а нисколько не по дѣйствию. Конечно стихи во всѣхъ этихъ комедіяхъ не могутъ сравниться съ стихами Княжнина; онъ обратилъ особенное вниманіе на ихъ обработку; ихъ легкость и плавность даже и теперь не чужды интересу.

Такимъ-образомъ комедіи Княжнина имѣютъ нѣкоторую оригинальность среди всѣхъ современныхъ комедій. Вотъ какъ князь Вяземскій характеризуетъ ихъ:

«Въ твореніяхъ Княжнина нтъ природы истинной, чистой, говоритъ онъ. Комедія его переработана въ природу искусственную, условную. Но если допустить, что на сценѣ позволительно созидать міръ театралный, только по нѣкоторымъ отношеніямъ соответственный міру дѣйствительному, то безъ сомнѣнія должно признать Княжнина первымъ комикомъ нашимъ. «Хвастунъ» его не въ нашихъ нравахъ, но и не въ нравахъ иноплеменныхъ, а развѣ въ нравахъ

классической комедии: «Чудаки» тоже. Но и ту и другую комедию перечитываешь всегда съ удовольствіемъ и съѣхомъ, чего не скажешь о прочихъ нашихъ и въ особенности писанныхъ стихами».....

По нашему мнѣнію, это самая точная характеристика комедіи Княжнина.

Говорятъ, что Княжнинъ передѣлалъ своего «Хвастуна» изъ комедіи Детуша (Destouches), «Le Glorieux», но и это не совсѣмъ справедливо; отсюда Княжнинъ заимствовалъ, и то слегка, одинъ характеръ графа Тюфьери («e glorieux») и передалъ его своему хвастуну, *Верхолету*; еще слуга Верхолета Полистъ, можетъ напомнить въ сколько графскаго слугу Пасквиана; во всемъ же прочемъ комедія Княжнина совершенно расходится съ комедіей Детуша; другое дѣйствіе, другія лица, другіе характеры, и наконецъ другая развязка.

Княжнинъ представилъ своего Хвастуна молодымъ человекомъ, который промоталъ все, что у него было, надѣлалъ кучу долговъ, и наконецъ женитьбой захотѣлъ на время поправить свое состояніе. Въ одномъ домѣ съ нимъ поселилась богатая дворянка, Чванкина, которая только что пріѣхала изъ деревни съ молоденькой дочерью, Миленой. Къ нимъ-то подбился Верхолетъ, и выдалъ себя за важнаго человека, который тертитъ всеми государственными дѣлами, какъ своей пяльпой. Чванкина, помѣшанная на знакомствѣ съ зпатью, весьма была рада такой находкѣ и общала Верхолету руку своей дочери, а съ ней вмѣстѣ, разумѣется, и большое приданое. Въ это время въ Петербургъ пріѣзжаетъ изъ своей деревни дядя Верхолета, Простодумъ; его характеръ определяется уже самымъ именемъ. Узнавъ о поведеніи своего племянника, онъ является къ нему въ домъ съ намѣреніемъ пожурить его. Здѣсь онъ встрѣчаетъ слугу Верхолета, Полиста, который былъ за одно со своимъ барининомъ, и подобно ему хотѣлъ жениться на Маринѣ, служанкѣ Чванкиной, выдавая себя за дворянина и за секретаря знатнаго барина, Верхолета. Эту же хитро сплетенную ложь, онъ подтвердилъ и передъ Простодумомъ. Старикъ повѣрилъ, и обрадовался, какъ вельзя больше: его племянникъ раздастъ большіе чины, отдавъ малые во власть своего секретаря; значить и дядюшка выпадеть на долю какой-нибудь чинишка. Наконецъ показывается и самъ Верхолетъ. Увидавъ дядю, онъ приходитъ въ смущеніе, и

какъ будто сбивается со своей троны, но хитрый слуга снова наводитъ на нее своего барина :

«Сегодня при Дворѣ

Необычайно какъ вы очень долго были»,

говорить онъ ему. Эти слова въ одинъ мигъ переѣмили затруднительное положеніе Верхолета; они были ключемъ къ новому хвастовству и обману. Племянникъ, важно и надменно объявляетъ, что его пожаловали графомъ, и обѣщаетъ сдѣлать своего дядю сенаторомъ. Разумѣется, доверчивый Простодумъ еще въ болѣеюмъ восхитеніи. Но до полученія сенаторства онъ долженъ былъ по желанію своего племянника, принять на себя должность его управителя. Чѣмъ же было управлять ему? конечно баснословными доходами съ фантастическихъ имѣній, о которыхъ племянничекъ постарался наказать своему дядюнкѣ; только въ наличіи сти не оказалось ни одного гроша: прежній графскій управитель помираетъ даже и будущіе доходы; графскіе должники тоже были въ неисправности, а между-тѣмъ графу нужны были деньги для предстоящей свадьбы. Все это съ вѣскоубіемъ объявлено повому управителю, и вотъ онъ, въ надеждѣ на будущее сенаторство, предлагаетъ племяннику свои деньги, что, разумѣется, и было принято съ большимъ удовольствіемъ. Между-тѣмъ у Чванкиной происходятъ со всѣмъ другія дѣла: Милена любитъ молодаго человека Замира, который не можетъ похвастать ни графствомъ, ни чиномъ, ни связями со знатію. Все это противно ея спѣсивой матушки, она не хочетъ и слышать о Замирѣ и только изъ любви къ дочери, на нѣсколько дней откладываетъ ея свадьбу съ мнимымъ графомъ,

«Чтобъ разгулять уваръ ея любви къ Замиру».

Служанка Маринна, опасаясь, чтобъ свадьба не разошлась совсѣмъ, и желая поскорѣй выдти замужъ за Полиста, что могло случиться только послѣ свадьбы ея барышни, уговорила дѣйствовать съ своимъ женихомъ за одно, и поссорить любовниковъ. Случай не замедлил представиться. Чванкина согласилась на предложеніе секретаря Полиста, — выдать за него свою служанку, и ради этой чести позволила ей надѣть любимое платье своей дочери. На этомъ—то платье основана новая завязка для дальнѣйшаго дѣйствія комедіи, и надо сказать, не совсѣмъ удачно и осмотрительно со стороны автора. Въ этомъ платьѣ Милена сказала своему Замиру

первое «люблю», и въ знакъ своей любви обѣщала всегда одѣваться въ него. Но вотъ вдругъ оно очутилось на Маринѣ. Хитрая служанка составила планъ обмануть Замира. Она умѣла поддѣлаться подъ голосъ своей барышни, и вотъ въ то время, какъ входилъ Замиръ, она говорила Полисту этимъ поддѣльнымъ голосомъ :

«Увѣрь ты графа дорогаго
Чтобы злословія не слушалъ онъ пустаге;
Что сердце предано мое навѣкъ ему».

Замиръ былъ такъ глухъ и слѣпъ, что могъ по платью и по голосу принять ее за Милену, бросился къ ней со словомъ «клятвопреступница!» но она убѣжала, захлопнувъ дверь передъ самымъ его носомъ. Читатель видитъ всю натяжку этого дѣйствія, и она много вредитъ достоинству комедіи. Но какъ бы то ни было, только обманутый Замиръ клянетъ бѣдную Милену, и хочетъ навѣкъ забыть ее. Въ это же время пріѣзжаетъ къ нему отецъ, Честонъ, совѣтникъ какого-то намѣстничества; онъ пріѣхалъ съ намѣреніемъ устроить какъ-нибудь свадьбу своего влюбленнаго сына съ Миленой, но вмѣсто словъ любви, слышитъ отъ него одни слова презрѣнія и ненависти. А между тѣмъ Верхолеть продолжаетъ свою роль передъ Чванкиной: много онъ *нахвѣсталъ* ей, такъ что уже совершенно вскружилъ ей голову; но дядюшка Простодумъ испортилъ все дѣло. Онъ встрѣтился съ Честономъ, узналъ въ немъ своего знакома, и по секрету сказалъ ему свои виды на сенаторство, указавъ на своего племянника, какъ на сильнаго сановника и графа. Честонъ вздумалъ развѣдать все дѣло; по его розыскамъ оно скоро объяснилось: Верхолеть былъ объявленъ обманщикомъ и арестованъ, Простодумъ и Марина увидѣли себя обманутыми; Чванкина образумилась, и отдала свою дочь Замиру. Комедія оканчивается слѣдующими стихами, которыми авторъ хотѣлъ выразить ея идею :

«Чтобъ глупо не упасть и чтобъ не осрамиться,
Такъ лучше не въ свои намъ сани не садиться.»

Здѣсь каждый видитъ всю искусственность дѣйствія; оно много напоминаетъ наши прежнія комедіи: такая жъ любовь, такое жъ противодѣйствіе, неумѣстное участіе слугъ, ихъ фамильярность и прочая, но съ другой стороны большая часть дѣйствія совершается среди комическихкихъ положеній лицъ, что прежде мы находили только

у одного Фонъ-Визина. Этотъ комизмъ много говорить въ пользу Княжинна, который ставитъ свои лица то въ противодѣйствіе одно другому, то въ противорѣчіе съ самой истиной, но у него нѣтъ Фонъ-Визинской сатиры; комизмъ его легкій и игривый. Вотъ, на-
примѣръ, сцена между Простодумомъ и Полистомъ:

полисть.

Какой же человекъ ты, сударь, непонятный!
Теперь племянникъ вашъ и самъ ужъ баринъ знатный,
А я секретаремъ шибю честь служить.

простодумъ.

Не въ правду ль?

полисть.

Стану я пустое говорить!

простодумъ.

Да какъ секретаремъ? ты грамотѣ не знаешь.

полисть.

Что нужды.

простодумъ.

Какъ же ты дѣла-то отпращиваешь?

полисть.

Пословица господниѣ не поминтъ Простодумъ:

Вы это знаете, что *гость рождаеть умъ*.

Какъ съ прочими въ чинахъ съ пустою головою,

Сія пословица сбылася и со мною.

простодумъ.

Да какъ же въ писемныхъ безъ грамоты дѣлахъ?

полисть.

Мы съ баринишъ дѣла всѣ кончимъ на словахъ.

Онъ знатный человекъ.

простодумъ.

Какая же причина!

Какова жъ секретарь Полистушка, ты чина?

Губервскій лн, или?..

полисть.

Не знаю я какой,

А только вѣдаю, что самыѣ я большіея.

простодумъ.

Коллежской?

полисть.

Боже!

простодумъ.

Ахти! сенатской.

ПОЛКСТЬ:

Богъ.

ПРОСТОДУМЪ.

Ума не приложу! въ твоей однако жь волѣ,
Сенатскихъ выше нѣтъ у насъ секретарей.

ПОЛКСТЬ:

Вы ничего въ глуши не знаете своей.
Емъ слудны разумомъ, хотъ хлѣбомъ танъ богаты.
Не дажно новыи чинамъ здѣсь вышли штаты» и т. д.

Можетъ-быть у Княгинина и найдется нѣсколько сценъ натянутыхъ, но зато онъ выкупаются другими прекрасными.

Честовъ, кажется, гораздо лучше фонъ-Визинскаго Стародума. Любовники, Замиръ и Милена есть также наследіе отъ прежнихъ комиковъ; они охаютъ, страдаютъ, разсуждаютъ, но вовсе не дѣйствуютъ, не смотря на то, что на нихъ основана большая часть комедіи.

Такимъ-образомъ все главное дѣйствіе, все то, что выступаетъ на первый планъ, представляетъ намъ одну искусственность, что же касается до второстепенностей, до частныхъ, то здѣсь мы найдемъ многое, взятое изъ современной жизни; ее напоминаютъ намъ нѣкоторыя черты характеровъ Верхолета, Простодума, Чванкиной; нѣкоторые монологи, веденные весьма удачно и искусно.

Мы уже замѣтили, что порочныя стремленія нашего общества были слишкомъ замѣтными для каждаго. Блестящая вышность жизни завада вскружила много головъ, и часто приносила съ собой какое-то безстыдство, противоречащее всякому здравому смыслу. Какъ оно было ярко, это показываютъ намъ собственные слова Екатерины-Великой, которая говорила во всеуслышаніе передъ своимъ Дворомъ и даже, можно сказать, передъ всеми своими подданными:

«Похвальна, замѣчаетъ она въ своей комедіи «О Время», весьма похвальна старинная вѣрность дружбы и твердое наблюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно. Жаль, по истинѣ жаль, что нынѣ ни чему не стыдятся, и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а болыринки дерзко противъ мужей поступая, мало отъ чего когда краснѣются.»

Мы могли бы не повѣрять этимъ разнымъ словамъ, сказаннымъ почти противъ цѣлаго общества, если бы ихъ сказала не Екатерина; но ея авторитетъ для насъ несомнѣнъ; она никогда бы не рѣшилась та

можно высказать свое замечаніе, если бъ не гласны были самыя поступки. Ея слова подтверждаютъ намъ и многія современныя комедіи, и многія сатирическія статьи, помѣщенные въ «Живописецъ» и «Собесѣдникъ». Гласно было и желаніе всѣхъ благоразумныхъ людей внести всю эту грязь и соръ, которые окверняли наше общество. Особенно резко выразилъ это Новиковъ въ своемъ письмѣ къ *милостивому* сочинителю комедіи «О Время».

«Продолжайте*, государь мой, пишеть онъ, къ славу Россіи, къ чести своего имени, и къ великому удовольствію разумныхъ единомышленцевъ вашихъ, продолжайте, говорю, прославлять себя вашими сочиненіями; перо ваше достойно равенства съ Мольеровымъ. Слѣдуйте его примѣру: *взгляните безпристрастнымъ окомъ на пороки наши, закоренные худые обычаи, злоупотребленія и на всѣ развратныя наши поступки*; вы найдете толпы людей, достойныхъ вашего осмѣянія, и вы увидите, какое еще пространное поле ко прославленію вашему осталось.»

Этому совѣту слѣдовалъ и Княгиня. Характеръ его Хвастуна, какъ мы уже замѣтили, навѣянъ комедіей Дедуна, не смотря на это онъ, въ нѣкоторой степени, можетъ назваться современнымъ общественымъ типомъ. Верхолецъ, лишенный всякаго благородства мысли, хочетъ жить насчетъ довѣрія окружающихъ его людей; и вотъ онъ пользуется средствами, какія представило ему современное общество. Онъ знаетъ, какъ важенъ въ глазахъ людей внѣшній блескъ, и онъ окружаетъ себя этимъ блескомъ, обманывая своихъ заимодавцевъ; онъ принимаетъ роль знатнаго чловѣка, общается другимъ чины и покровительство, имѣя въ виду примѣры тѣхъ Екатерининскихъ героевъ, которые заслужили право и на то и на другое.

А въ то время, сколько самыхъ ничтожныхъ существъ выходило *отъ людей* черезъ одно покровительство* *милостивца* знатнаго чловѣка. Такимъ-образомъ Верхолецъ могъ общаться все, и ему могли вѣрить, имѣя въ глазахъ много примѣровъ. И за то какъ искусно онъ умѣетъ пользоваться этой доверчивостью. Онъ выманываетъ у своего *дяди* деньги, получаетъ согласіе Чванкиной на бракъ съ ея дочерью; и въ виду заманчивая цѣль, богатое приданое. Но чтобъ совершенно достигнуть ее, нужно жъ какъ-нибудь поддержать себя во мнѣніи об-

* Это письмо помѣщено въ самомъ началѣ журнала «Живописецъ».

* И этия милостивци не мало доставалось отъ нашихъ конниковъ

манываемыхъ жертвъ. И вотъ онъ не занкется въ хвастовствѣ своихъ, бросаетъ въ глаза пылъ возмъ и каждому, благо вѣрять ему, и за то съ какимъ подобострастіемъ смотритъ на него Простодумъ и Чванкина. Сцены хвастовства Верхолета ведены Княжниннымъ прекрасно. Вотъ, напримѣръ, сцена между Верхолетомъ и Чванкиной, гдѣ достойнымъ помощникомъ Хвастуна является слуга его, Полюстъ.

ВЕРХОЛЕТЪ, окруженный толпой гиду-
ковъ и скороходовъ.

«Вы здѣсь! простите мнѣ, я васъ и не приметилъ,
Народъ просителей меня вокругъ осѣтилъ
И голову вскружилъ.

ЧВАНКИНА.

Извольте продолжать,

Не безпокойтеся.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Мнѣ слова два сказать;

Вы не повѣрите, *какъ жить намъ знатнымъ можно.*

ЧВАНКИНА.

Я это чувствую.

ВЕРХОЛЕТЪ, тихо Полюсту.

Такъ можно ль жить оплошно:

Въ передней я нашелъ заимодавцевъ тну;
Они надъгнали бѣ ужасну кутерьму...

.....

(Громко.) *Отправилъ ли ты письма къ королю?*

ПОЛЮСТЪ.

Уже ко всѣмъ, сударь, отправлены дворащъ.

ЧВАНКИНА, Маринѣ.

Овѣ пишетъ къ королю — ты слышишь ли, Марина?

МАРИНА.

Предъ знатностью его все червь и паутина.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Тотъ князь, который жить отдыха не давалъ?...

ПОЛЮСТЪ.

Уже опредѣленъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

А этотъ генералъ,

Который къ моему такъ дому былъ привязанъ?

ПОЛЮСТЪ.

Овѣ вамъ за пенсіонъ во весь свой вѣкъ обязанъ.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Я очень радъ тому, доволенъ я теперь,
Сегодня запереть могу щедроты дверь и т. д.

Мы могли бы выписать еще много подобныхъ сценъ, если бы не боялись утомить читателя. Впрочемъ, Верхолетъ не всегда поддерживаетъ свой характеръ; иногда онъ является напыщеннымъ гордецомъ, какъ напримеръ въ сценъ съ Чванкиной, и Честовымъ (дѣйствіе III, явленіе 6), когда выражаетъ свое негодованіе противъ Замира, который не снялъ передъ нимъ шляпы; или въ другой сценъ (дѣйствіе II, явленіе 7), когда онъ увѣряетъ матушку, что женится на ея дочери только по одной добротѣ своего сердца, чтобъ сдѣлать ихъ счастливыми. Въ настоящемъ своемъ положеніи онъ не могъ говорить всего этого, онъ долженъ былъ только поддерживать свое хвастовство, но нисколько не высказывать нестерпимой гордости, которая могла унижать другихъ, и тѣмъ дѣлать своихъ врагами. Какъ онъ могъ надѣяться на участіе Чванкиной и Милены, оскорбляя ихъ самолюбіе неумѣстными словами? Эта напыщенность переняла въ характеръ Верхолета отъ Дегуна; но у французскаго комика графъ, le Glorieux, находится совсѣмъ въ другихъ обстоятельствахъ.

Не смотря на эту неосмотрительность со стороны Княжнина, повторимъ еще разъ, что его «Хвастунъ» выражаетъ собой множество тѣхъ безстыдныхъ людей, которые жили однимъ хвастовствомъ, пользуясь средствами, представляемыми самимъ обществомъ. Сколько и въ наше время найдется подобныхъ хвастуновъ. Представителемъ ихъ можетъ служить Хлестаковъ Гоголя; онъ можетъ назваться шукомъ Верхолета: онъ живетъ въ другой вѣкъ, оттого принимаетъ и другіе отбѣнки характера; у него другіе интересы, другіе виды, но онъ также пользуется средствами, которыя ему представляютъ современность.

Представителемъ другаго современнаго общественнаго характера является Простодумъ. Онъ совсѣмъ не глупъ, какъ называютъ его въ комедіи, нѣтъ, онъ скорѣе пошленькій простакъ, у котораго весь горизонтъ зрѣнія ограничивается только однимъ мелкимъ, ничтожнымъ эгоизмомъ. Онъ, какъ видно, вскормленъ въ помѣстьи, прожилъ тамъ весь свой вѣкъ въ безпрестанной ссорѣ съ соседями, въ счетахъ и расчетахъ съ крестьянами.

Не думайте найти въ немъ какое-нибудь сочувствіе къ человѣческимъ интересамъ, или какое-нибудь уваженіе къ людямъ ниже себя. Ему ни до чего не было дѣла; только интересы собственнаго кармана занимали его, и вотъ онъ жилъ, да наживалъ деньги и позволёнными и непозволенными средствами, а особливо послѣдними. И этотъ — то помѣщикъ пріѣзжаетъ въ столицу къ племяннику, о которомъ онъ слышалъ много худаго. Встрѣтись съ Полистомъ, онъ начинаетъ бранить его и даже поднимаетъ трость, чтобъ поколотить холопа, какъ вдругъ вѣтеръ подулъ въ другую сторону: Простодумъ начинаетъ уже унижаться предъ тѣмъ же самымъ Полистомъ, котораго за минуту онъ называлъ и плутомъ и наглецомъ. Здѣсь-то онъ подкачиваетъ всю низость своего характера.

Такимъ-образомъ этотъ ничтожный человѣкъ самъ не находитъ себя достойнымъ быть родственникомъ знатнаго человѣка; онъ ужъ давно подавилъ въ себѣ сознаніе своего человѣческаго достоинства, и полагаетъ его только въ одной вышности. Но онъ рассчитываетъ на свое будущее достоинство, которое принесетъ ему незаслуженный чинъ, и замѣнитъ поправное благородство души. Онъ имѣлъ тысячу примѣровъ передъ своими глазами, и самъ хотѣлъ представить тысячу первый, чтобъ подтвердить слова Полиста:

Люди всё рыхнулись на чинахъ.
 Нортные, столары, всё одинакой вѣры;
 Купцы, саножники, всё итѣять въ офицеры,
 И кто безъ чина свой проводитъ темный вѣкъ,
 Тотъ кажется у насъ совѣтъ не человѣкъ.

Эти слова ясно характеризуютъ стремленіе того вѣка, когда вышняя жизнь исключительно преобладала надъ всякимъ другимъ стремленіемъ; Простодумъ мечталъ о штабскомъ чинишкѣ, и вдругъ ему обѣщаютъ сенаторство. Онъ струсилъ, да и долженъ былъ струситься; во его страшило не то, что онъ не заслужилъ такого званія, не то, что онъ не достоинъ быть сенаторомъ ни по своимъ знаніямъ, ни по своимъ способностямъ; нѣтъ, онъ струсилъ только отъ одного громкаго имени, которое всегда внушало ему страхъ, какъ безчестному. Но онъ скоро оправился: сенаторство стало рисовать ему различныя виды:

Когда у насъ о томъ слышать въ деревняхъ,
 Всплеснуть руками, всё дворяне скажутъ: ахъ!

Которые себѣ въ богатствѣ мѣръ не ставятъ,
 Которые меня своею спѣсью давятъ,
Непндя пьлти тамъ вельможески лон
Опустятъ крылышки какъ мокры воробьи.
 Какъ это нѣ съѣшно! . . .

Вотъ что занимаетъ его! Врядъ ли онъ знаетъ, какая обязанность сенатора, врядъ ли понимаетъ, какая его должность; онъ только мечтаетъ о томъ, какъ онъ покажетъ свои *вельможескіе пыхи*, употребить свою матеріальную силу въ пользу своего ничтожнаго эгоизма. Но вотъ онъ встрѣчается съ благоразумнымъ человѣкомъ, Честономъ, и здѣсь еще яснѣе выказываетъ себя.

Тутъ выразился весь Простодумъ съ своимъ очень непохвальнымъ стремленіемъ. Вся его слова весьма ясно представляютъ намъ тѣхъ напыщенныхъ певждъ, которые, потерявъ всякое благородство души, хотѣли пользоваться, и самымъ недостойнымъ образомъ, своимъ вліяніемъ на дѣла, труды и нужды своихъ ближнихъ. На такихъ Простодумовъ намекали во многихъ современныхъ комедіяхъ, но никто лучше и рѣзче Княжнина не умѣлъ выставить ихъ. Простодумъ наказанъ самымъ жестокимъ для него образомъ: онъ вдругъ принужденъ былъ разстаться съ своими прекрасными мечтами, а главное потерялъ деньги, которыми онъ ссудилъ своего племянника графа. Что хуже могло быть для такого жалкаго существа, которое все живетъ одной только вышностью и для одного себя?

Наконецъ Чванкина представляетъ новое характеристическое лицо, которое также проглядываетъ во многихъ предъидущихъ комедіяхъ.

Это женщина зрѣлыхъ лѣтъ, но еще кокетка, которая считаетъ высшимъ счастіемъ связи со знатно.

Лица Полиста и Марины представляютъ намъ идеалы пройдохъ; они занимаютъ важныя роли въ комедіи, и представляютъ не мало комическихкихъ сценъ, только они нѣсколько не соответствуютъ условіямъ нашего общества. Но мы уже замѣтили, что въ комедію Княжнина вошло все, введенное прежними нашими комиками; такимъ-образомъ сюда попало и неумѣстное участіе слугъ. Полистъ есть лицо, дополняющее самаго Верхолета; онъ помогаетъ ему и хвастать и плутовать; а подчасъ онъ же выражаетъ и сатирическія замѣчанія самаго автора комедіи на современность, какъ напримѣръ.

«Наружный блескъ товару
 Въ глазахъ людей цѣны безмѣрно придаетъ.
 Иной бы, кто себя какъ куколку ведетъ,
 Кафтаномъ лишь однимъ умезъ и благороденъ;
 Сними съ него уборъ, куда бъ онъ былъ пригоденъ?
 Нарядъ достоинствамъ замѣна и уманъ».

Но чаще всего Княжнинъ влагаетъ собственныя свои мнѣнія и сужденія въ уста Честона, какъ идеала благороднаго человѣка.

Замѣтимъ еще, что комедія выиграла бы не мало, если бъ авторъ не ввелъ пустыхъ сценъ съ купеческимъ приказчикомъ о долгахъ Верховлета, о плутовскихъ переводахъ на Чванкину и прочая; въ онъ только распространяютъ комедію, но нисколько не представляютъ ничего характеристическаго и занимательнаго.

Комедія оканчивается *судейскою* развязкой. Конечно подобная развязка есть *Deus ex machina*, что не совсѣмъ прилично для художественнаго произведенія. комедія должна распутать свой узелъ тѣми же самыми лицами, которыя она ставитъ въ комическія положенія, а нисколько не вводитъ новаго лица, чтобъ однимъ его сильнымъ словомъ покончить все дѣло. Подобныя развязки были въ больномъ обыкновеніи и прежде Княжнина: такъ Лукинъ оканчиваетъ своего «Мота», Херасковъ «Панавистника», Фонъ-Визинъ «Недоросля». Замѣтимъ, что главная цѣль нашихъ комиковъ была не столько осмѣять пороки, сколько показать ихъ гнусность, которая получаетъ свое возмездіе; они часто выставляли такіе пороки, которые преслѣдовались правительствомъ, и только отъ него могли получить достойное наказаніе. Желаніе внушить порочнымъ людямъ не только стыдъ, но и страхъ, заставилъ нашихъ комиковъ прибѣгать къ законамъ; безъ которыхъ въ-самомъ-дѣлѣ не было силъ вывести лица изъ ихъ заблужденій. Хвастунъ Княжнина могъ бы обойтись и безъ этой развязки; ее можно бы было разрѣшить весьма свободно, естественнымъ комическимъ образомъ, отчего, конечно, не мало выиграла бы и самая комедія. Но Княжнинъ и здѣсь воспользовался примѣрами своихъ предшественниковъ.

ЖИВОПИСЬ ВО ФРАНЦІИ

ВЪ ОСЕМНАДЦАТОМЪ СТОЛѢТІИ.

==
СТАТЬЯ ШЕСТАЯ.

Корнель, Лафосъ и Жувене.

Въ предшествующихъ статьяхъ мы показали начала, подъ вліяніемъ которыхъ образовалась во Франціи новая школа живописи.

Теперь сдѣлаемъ легкій очеркъ художественной дѣятельности французскихъ артистовъ, предшествовавшихъ школъ Ватто, и принадлежащихъ блестящему вѣку Людовика-Четырнадцатаго.

Начнемъ съ живописцевъ, которые въ произведеніяхъ своихъ наиболее выразили эстетическія понятія своего времени и господствовавшей тогда вкусъ. Въ главѣ тогдашней школы находимъ названныхъ нами трехъ живописцевъ, о которыхъ французскіе критики отзываются какъ о самыхъ талантливыхъ художникахъ того времени.

Корнель (Cognelle) имѣлъ врожденную склонность къ живописи; отецъ его, — бывшій однимъ изъ двѣнадцати членовъ только что возникшей тогда академіи живописи, — былъ первымъ его учителемъ. Въ послѣдствіи, молодой Корнель ѣздилъ для усовершенствованія себя въ искусство въ Италію, и въ Римѣ произвелъ нѣсколько прекрасныхъ картинъ, доставившихъ ему большую извѣстность. Онъ обратилъ

особенное вниманіе на произведенія Каррачи и сталъ изучать ихъ со всѣмъ жаромъ истиннаго художника.

Вскорѣ онъ не только не уступалъ въ рисунокъ Каррачи, но даже напоминалъ иногда Рафаэля. На свѣтъ не много живописцевъ, которые бы написали столько копій съ картинъ великихъ мастеровъ, какъ Михаилъ Корнель, о которомъ мы говоримъ. Подобно трудолюбивой пчелѣ, онъ работалъ неутомимо и умѣлъ, подражая образцовымъ произведеніямъ, усвоить большую часть ихъ достоинствъ; вотъ почему имъ приобрѣтена была необыкновенная свобода рисунка, въ которой его не могъ превзойти никто изъ современниковъ.

Что касается до оригинальныхъ его картинъ, то композиція въ нихъ исполнена величія, расположеніе группъ прекрасное, очертаніе головъ отличается превосходнымъ стилемъ, а драпировка вездѣ роскошная и живописная. Свобода и мягкость кисти принадлежатъ также къ отличительнымъ свойствамъ его произведеній, которыя почти всѣ писаны въ самыхъ большихъ размѣрахъ. Онъ всю жизнь свою расписывалъ церковные купола и плафоны дворцовъ, или писалъ большіе образы для церквей.

Корнель принятъ былъ въ члены академіи живописи по представленному имъ одному простому эскизу; потому онъ удостоенъ былъ всѣхъ академическихъ званій и отличій. Людовикъ-Четырнадцатый поручилъ ему расписать четыре малые купола въ созданномъ имъ Домѣ Инвалидовъ и художникъ пашъ изобразилъ здѣсь фресками исторію Святаго Григорія.

Когда на Корнеля возложили исполненіе живописныхъ работъ въ Шаптели, гдѣ ему нужно было изобразить жизнь знаменитаго Конде, онъ написалъ, между-прочимъ картину, представляющую Музу исторіи, вырывающую вѣсколько страницъ изъ жизнеописанія героя. Это искусный намекъ на то время, когда этотъ полководецъ дѣйствовалъ противъ Франціи съ оружіемъ въ рукахъ. Далѣе, изображена Слава съ знаменемъ въ рукахъ, на которомъ написаны слѣдующія слова: «Quantum roenituit».

Корнель съ большимъ искусствомъ умѣлъ располагать свѣто-тѣнью; строго соблюдалъ правила перспективы и превосходно изображалъ пейзажъ, который у него всегда выходилъ широкимъ и свободнымъ.

Независимо отъ замѣчательнаго таланта, Корнель обладалъ и прекрасными душевными качествами: на лицѣ его отражалась доброта

сердца и кротость характера. Онъ имѣлъ многочисленныхъ друзей, вполнѣ ему преданныхъ*.

Людовикъ-Четырнадцатый; высоко цѣнившій талантъ Корнеля, назначилъ ему значительную пожизненную пенсію и далъ помѣщеніе въ зданіи Гобеленовой фабрики, гдѣ онъ и умеръ.

Корнель до такой степени занятъ былъ исполненіемъ большихъ картинъ, что у него оставалось весьма цѣннаго времени для картинъ кабинетныхъ, и оттого эти послѣднія чрезвычайно рѣдки. Однакожь эрмитажная галлерей Императорскаго Зимняго Дворца обладаетъ однимъ произведеніемъ Корнеля: это превосходный пейзажъ съ архитектурными украшеніями, на которомъ представлены Святое Семейство, святая Елизавета и святой Іоаннъ Предтеча. — Кромѣ того известно, что у нѣкоторыхъ любителей во Франціи, попадаются небольшія его картины; въ нихъ, какъ и въ произведеніяхъ его большого размѣра, очень хорошій стиль, превосходная отдѣлка и вѣсть-съ-тъмъ много вкусу и граціозности.

Корнель, во время пребыванія своего въ Римѣ, чрезвычайно много рисовавшій по образцамъ, хранящимся въ Ватиканѣ, усвоилъ себѣ благородный стиль Рафаэля, отразившійся почти на всѣхъ его произведеніяхъ, въ особенности въ изображеніи головъ стариковъ.

Возвратясь въ Парижъ, онъ занимался шутя гравированіемъ нѣкоторыхъ главныхъ своихъ картинъ и эти его произведенія носятъ отпечатокъ искусства, вкуса и эффекта.

Главныя отличительныя достоинства произведеній Корнеля — это благородство и возвышенность идей; притомъ онъ былъ большой мастеръ изображать перспективу; онъ вполнѣ располагалъ планами и мѣстомъ дѣйствія своихъ картинъ и искусно умѣлъ скрывать пространства, вредящія расположенію группъ или вообще величію лицъ и предметовъ, составляющему главное условіе историческихъ сюжетовъ.

Вообще созданія Корнеля отличаются строгостью стиля, выраженіе лицъ въ нихъ полно жизни, положенія благородны. Характеръ рисунка его совершенно античный. Произведенія его часто напоминаютъ произведенія Рафаэля и другихъ великихъ мастеровъ итальянской школы, которыхъ, какъ мы сказали, онъ изучалъ съ большимъ усердіемъ.

* См. «Galerie des peintres célèbres», par C. Lecarpentier, T. 2. Paris, 1821.

У Корнеля былъ меньшой братъ, Жанъ-Батистъ, также живописецъ историческій. Онъ уступалъ однако жъ въ искусствѣ своему старшему брату, превосходившему его бойкостью и смелостью кисти. Впрочемъ многія парижскія церкви украшены также и его произведеніями. Но его извѣстность затмѣвается славой старшаго брата.

Перейдемъ теперь къ Лафоссу (de la Fosse, Charles). Отецъ его былъ ювелиръ, а дядя извѣстный трагическій поэтъ Лафоссъ, котораго произведенія украшали французскую сцену прошлаго столѣтія.

Молодой Лафоссъ, одаренный пылкимъ воображеніемъ и счастливыми способностями, рано почувствовалъ склонность къ искусству, въ которомъ съ перваго шагу оказалъ огромные успѣхи. Онъ вступилъ въ ученики къ знаменитому Леброну и вскоре сдѣлался достойнымъ благодарній королевскихъ: онъ былъ отправленъ на отцовъ короля въ Италію. Тамъ онъ сталъ прилежно изучать правильность рисунка римской школы и высокія красоты колорита школы венеціанской. Но послѣдняя имѣла наибольшее вліяніе на развитіе его таланта и послужила потомъ основаніемъ его славы: онъ преданъ исключительно изученію твореній Тиціана, Бассано, Тинторета и Паоло Веронеза, весьма много способствовавшихъ образованію его вкуса. Вдохновленный высокими образцами, онъ постигъ тайну колорита и свѣто-тѣни и въ послѣдствіи мастерски умѣлъ употреблять ихъ въ своихъ произведеніяхъ.

Когда онъ возвратился изъ Италіи, ему поручено было написать десять картинъ для одной церкви въ Лионѣ. Находясь въ Версалѣ, и исполнивъ только двѣ изъ этихъ картинъ, онъ не хотѣлъ приниматься за другія и поспѣшилъ возвратиться въ Парижъ. Здѣсь написалъ онъ нѣсколько картинъ для королевскаго дворца и показалъ, что пребываніе въ Итали было ему не бесполезно. Потомъ, вмѣстѣ съ Петромъ Миньяромъ, расписывалъ фресками парижскую церковь Saint Eustache. Сотрудничество Миньяра усилило рвеніе Лафосса, превзошедшаго собрата своего по искусству блескомъ и прелестью колорита. Къ сожалѣнію, въ послѣдствіи при перестройкѣ храма, работы этихъ художниковъ подверглись уничтоженію.

Лафоссъ заваленъ былъ заказами: всѣ главныя парижскія церкви

онъ украсилъ трудами своей кисти, запечатлѣнными небывалую до него оригинальностью.

Онъ удостоенъ былъ званія академика, по представленной имъ картинѣ, изображающей «Похищеніе Прозерпины». Произведеніе это до такой степени понравилось академіи, что онъ вскорѣ наименованъ былъ ея адъюнктъ-профессоромъ, а годъ спустя, профессоромъ. Черезъ нѣсколько времени онъ достигъ званія ректора академіи, потомъ директора и наконецъ канцлера.

Извѣстность Лафосса простиралась за предѣлы Франціи, и Англія хотѣла переманить его къ себѣ. Одинъ любитель изящныхъ искусствъ, лордъ Монтегю, пригласилъ его въ Лондонъ, для исполненія большихъ работъ. Талантъ артиста былъ вполне оцененъ этимъ глубокимъ знатокомъ искусствъ: по желанію лорда, онъ написалъ для него нѣсколько картинъ и сверхъ того расписалъ два плафона, изобразивъ на нихъ предметы мнѣологическіе. Въ произведеніяхъ этихъ онъ выказалъ всю роскошь поэтическаго вымысла, чуднаго колорита и превосходной композиціи.

Король англійскій, Вильгельмъ-Третій, увидѣвъ произведенія французскаго артиста, талантъ котораго ему очень хвалили, былъ до такой степени приведенъ ими въ восхищеніе, что предложилъ ему остаться въ Лондонѣ на чрезвычайно выгодныхъ условіяхъ; но воспоминаніе объ отечествѣ и любовь къ славы заставили художника нашего отклонить лестное предложеніе короля, и возвратиться во Францію, гдѣ съ той поры талантъ его блисталъ еще ярче прежняго*.

Знаменитый зодчій Мансаръ окончилъ въ это время куполь въ Домѣ Инвалидовъ; куполь этотъ почитается, какъ извѣстно, однимъ изъ самыхъ высокихъ произведеній зодчества: по изяществу формъ, легкости и великолѣпію, онъ принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ памятникамъ французскаго искусства и первый обращаетъ на себя вниманіе иностранцевъ, посѣщающихъ столицу Франціи.

Лафоссу хотѣлось возвысить великолѣпіе этого монументальнаго зданія, и онъ взялся расписать фресками внутренность его громаднаго купола, и такимъ образомъ приобщилъ имя свое къ безсмертнымъ именамъ, украшающимъ не только исторію французской живописи, но и исторію достопамятнаго царствованія Людовика-Четырнадцатаго.

* «Abrégé de la vie des plus fameux peintres». T. IV. Paris. MDCCLXII, стр. 191.

Лебрень, руководившій въ самомъ началѣ ученическими трудами Лафосса, прежде встѣхъ предугадалъ въ немъ большой талантъ: блестящіе успѣхи ученика оправдали предсказаніе учителя. Пользуясь полною довѣренностью монарха, страстно любимаго изящнаго искусства, Лебрень желалъ доставить случай, кромѣ Лафосса, и другому живописцу выказать свой талантъ. *Жувене*, не смотря на его молодость, поручено было изобразить также фресками двѣнадцать апостоловъ вокругъ того же купола. Приговоръ безпристрастнаго потомства вполне одобрилъ выборъ, сдѣланный первымъ королевскимъ живописцемъ.

Лафоссъ, заботившійся больше всего о силѣ колорита и блестящихъ эффектахъ освѣщенія, обращалъ, кажется, мало вниманія на правильность рисунка. Вотъ отчего его приемы въ рисункѣ вообще тяжеловаты, въ особенности на сгибахъ или соединеніяхъ различныхъ частей тѣла (*emmanchement*); драпировка его также иногда грѣшитъ противъ изящнаго вкуса и напоминаетъ картопные рисунки; увлеченный высокими образцами, подъ влияніемъ которыхъ развивался и мучалъ его гений, онъ, ксожалѣнію, не обращалъ достаточнаго вниманія на эту важную часть живописи.

Погрѣшности Лафосса въ рисункѣ ведутъ немало къ заключенію, что природа, столь плодovitая и разнообразная въ своихъ явленіяхъ, никогда не награждаетъ одного и того же художника всеми совершенствами. Такимъ-образомъ одни обладаютъ удивительной правильностью рисунка, благороднымъ и высокимъ стилемъ; другимъ дана въ удѣлъ тайна выраженія и чарующая грація; иные, наконецъ, изумляютъ силою и волшебствомъ колорита и особеннымъ умѣньемъ освѣщать свои картины или пользоваться эффектами свѣто-тѣни. Но всѣ эти качества вмѣстѣ не даются въ удѣлъ одному артисту.

Неправильность рисунка Лафосса обнаруживается наиболѣе въ картинахъ малаго размѣра. Всматриваясь въ нихъ внимательно, видишь, что кисть его, хотя въ-самомъ-дѣль широкая и мягкая, кажется нѣсколько тяжеловатою, потому что онъ усвоилъ привычку густо накладывать краски одинъ на другія и потомъ сглаживать ихъ или выравнивать, для того собственно, чтобъ произвести ту силу эффекта, о которой онъ больше всего забтлся. По этому на картины его надобно смотреть въ некоторомъ отдаленіи, и тогда онъ полны очарованія и приковываютъ къ себѣ взоры восхищеннаго и удивленнаго зрителя. Впрочемъ, попытки некоторыхъ живописцевъ воспроизвести

какъ можно вѣрнѣе природу въ ея общихъ и полныхъ формахъ и изумительномъ богатствѣ подробностей, всегда были безуспѣшны. Желаніе ихъ состояло въ томъ, чтобъ глазъ, счастливо устроенный, могъ видѣть въ картинахъ все, что ему представляется въ мірѣ вѣннемъ и чтобъ ихъ можно было разсматривать и изучать и *вблизи и издали*; чтобы стоя въ некоторомъ отъ нихъ разстояніи, можно было вообразить себя въ виду природы, и чтобы по приближеніи къ картинамъ, безчисленныя подробности предметовъ являлись взорамъ съ совершенною опредѣлимостью и полнымъ изяществомъ. Въ такомъ направленіи нельзя не видѣть мечты объ *идеальномъ совершенствѣ*, которое едва ли доступно человеку. По этому Лафоссъ въ созданіяхъ своихъ замѣнялъ дѣйствительность эффектомъ, соединяя съ истинною относительною разумніе и чувство, и неточное изображеніе *подробностей* щедро вознаграждалъ правильностью и точностью *цѣлаго*. Притомъ существуетъ мнѣніе, что живопись, которую разсматриваютъ вообще какъ искусство подражанія, и которая есть болѣе искусство превращенія, воспроизведенія, тѣмъ болѣе достигаетъ цѣли, чѣмъ болѣе удаляется отъ природы. Живописецъ долженъ заботиться болѣе всего о томъ, чтобъ *воспроизводить* предметы, а не *копировать* ихъ въ точности. Пусть онъ передастъ возможность, вѣроятность, а не дѣйствительность.

Какъ бы то ни было, но Лафоссъ принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ живописцамъ первой четверти осемнадцатаго столѣтія. У насъ же онъ извѣстенъ по находящимся въ эрмитажной галлерей Зимняго Дворца двумъ картинамъ: первой — изображающей «Ревекку у колодезя, окруженную своими подругами и предлагающую утолить жажду служителю Авраама Елеазару», и второй — представляющей «Моисея, спасеннаго изъ воды.» Въ Императорской академіи художествъ есть также одна изъ его картинъ: это «Спаситель, которому, послѣ искушенія дьяволомъ, служатъ ангелы». Сверхъ того, занимающіеся искусствомъ знаютъ Лафосса по превосходнымъ раскрашеннымъ эстампамъ съ картинъ его. На каждой изъ этихъ картинъ изображено по двѣ фигуры, болѣею частью женскія, въ современныхъ уборахъ. Умъ, лукавство, кокетство, панвность — все выражено въ этихъ чудныхъ лицахъ съ изумительнымъ совершенствомъ. Эстампы эти, какъ мы сказали, иллюминированы, и потому даютъ совершенное понятіе о колоритѣ оригинальныхъ картинъ Ла-

фосса, котораго не даром соотечественники сравниваютъ съ Павломъ Веронезомъ.

Лафоссъ пользовался особенной дружбой известнаго любителя искусствъ Кроза (Crozat), въ домъ котораго онъ всегда жилъ, что также говоритъ въ пользу характера художника и подтверждаетъ мнѣніе о необыкновенномъ его талантѣ.

Кабинетныя картины Лафосса отличаются колоритомъ твердымъ, золотистымъ и блестящимъ; этими же достоинствами запечатлѣны и другія его картины, предметами которыхъ послужила мифологія. Къ числу произведеній этого рода принадлежитъ, между прочимъ, «Діана въ купальнѣ со всеми своими нимфами», превосходное твореніе, полное граціи и свѣжести.

Картина эта, также какъ и многія другія, которыми художникъ эту же украсилъ плафоны, известны по гравюрамъ, исполненнымъ самыми знаменитыми артистами Франціи.

Намъ остается сказать наконецъ нѣсколько словъ о третьемъ изъ названныхъ нами живописцевъ Жувенелъ (Jouvenet).

Развитіе величайшихъ талантовъ зависитъ иногда отъ самыхъ незначительныхъ обстоятельствъ: часто въ глуши мастерской какого-нибудь ремесленника скрывается человекъ гениальный, который, при другихъ условіяхъ, могъ бы блистать на иномъ, высшемъ поприщѣ. Исторія наукъ и искусствъ представляетъ множество доказательствъ этой истины.

Полидоръ де-Караваджіо, одинъ изъ величайшихъ живописцевъ и ученыхъ Италіи, въ первой молодости носилъ известковый растворъ для живописцевъ, расписывавшихъ фресками стѣны Ватикана въ Римѣ. Чудныя работы, исполнявшіяся въ глазахъ его, внушили ему охоту самому предаться изученію живописи, и въ послѣдствіи, какъ известно, онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ учениковъ Рафаэлевой школы.

Микель-Анджело, одинъ изъ величайшихъ художниковъ флорентинской школы, возстановитель искусства рисованія въ Италіи, въ пятнадцатомъ столѣтіи, — Микель-Анджело, бывшій въ одно время великимъ живописцемъ, великимъ скульпторомъ и чрезвычайно искуснымъ зодчимъ, увѣрялъ, что склонностью къ ваянію онъ обязанъ своей кормилицѣ, которой мужъ занимался этимъ искусствомъ. «Я всасывалъ, говорилъ онъ, искусство ваянія, съ молокомъ кормилицы».

Таинъ-образомъ и Жувене, еще у груди матери, занимавшейся живописью, полюбилъ это искусство, въ которомъ въ послѣдствіи обнаружилъ большой талантъ. Онъ родился въ одномъ городѣ съ поэтомъ Корнолемъ, спустя лѣтъ пятьдесятъ послѣ него и, подобно своему знаменитому земляку, былъ надѣленъ отъ природы огромными способностями. Что касается до его склонности собственно къ живописи, то она обнаружилась, какъ мы сказали, почти съ колыбели; притомъ любовь къ изящному была наследственна въ семействѣ Жувене: всѣ предки его занимались живописью и между-прочимъ дѣдъ его, Нозль Жувене, давалъ первые уроки въ рисованіи Пуссену, этому французскому Рафаэлю.

Безъ пособія учителей, руководимый однимъ природнымъ вкусомъ, Иванъ Жувене образовалъ особый родъ живописи, и подѣ влияніемъ собственнаго вдохновенія произвелъ весьма замѣчательныя творенія, приводившія въ удивленіе современныхъ ему художниковъ, у которыхъ онъ не заимствовался рѣшительно ничѣмъ.

Въ концепціяхъ его много величія; никогда не увлекаясь энтузіазмомъ, онъ всегда держался строгихъ правилъ искусства; оттого въ произведеніяхъ его чрезвычайно много гармоніи и обдуманности: подобно величавой рѣкѣ, протекающей среди обширныхъ равнинъ, гений этого художника развивается въ широкихъ размѣрахъ, восхищающихъ и удивляющихъ зрителя.

Жувене, по оригинальности своего таланта, занимаетъ во французской школѣ такое же мѣсто, какъ Рембрандтъ въ школѣ голландской. Подобно этому знаменитому мастеру, онъ обладалъ въ высокой степени искусствомъ употреблять кстати свѣто-тѣнь; колоритъ у него яркій и сильный, украшенія всегда расположены со вкусомъ и взяты изъ природы; манера композиціи прекрасная. Французы уверяютъ даже, что Жувене превосходилъ Рембрандта вкусомъ и разборчивостью, съ которыми заимствовалъ изъ природы предметы для своихъ картинъ и что въ рисункѣ его будто бы больше изящества и правильности, чѣмъ у голландскаго живописца. Жувене съ самаго начала установилъ нѣкоторыя эстетическія правила, которымъ слѣдовалъ неизмѣнно во все время своего продолжительнаго художническаго поприща. Вотъ примѣръ для художниковъ, которые въ тишинѣ труда въ силѣ молодости, должны запасаться матеріалами для зрѣлыхъ лѣтъ. *Nulla dies abeat quin linea ducta supersit* (Ни одного дня не должно

пропускать безъ труда, или не подвинувши начатаго дѣла), правило, которому въ особенности должны строго слѣдовать посвятившіе себя благородному служенію искусству.

Подобно Лесюэру, Жувене не суждено было видѣть Италиі, куда стремятся всѣ истинные художники, но его извѣстность и безъ того дошла до Рима, гдѣ гравюры съ картинъ его до такой степени приводили въ восхищеніе итальянцевъ, что они дали ему прозваніе французскаго *Каррачи*. Но что сказали бы итальянцы, если бы Жувене былъ образованъ изученіемъ хранящихся въ этомъ святилищѣ искусствъ образцовыхъ произведеній древности?

Жувене былъ только двадцати лѣтъ, когда ему поручили написать картину для Парижскаго собора. Предметомъ картины этой онъ избралъ: «Исцѣленіе разбитаго параличемъ». Здѣсь талантъ художника выказался во всемъ своемъ блескѣ. Прекрасная композиція, очертаніе головъ, смѣлое и бойкое, чистота и правильность рисунка — вотъ главные достоинства этого самаго замѣчательнаго произведенія его кисти. Лебрентъ, умѣвшій цѣнить таланты, былъ въ восхищеніи отъ красокъ и совершенствъ этой картины; онъ самъ представлялъ молодаго художника въ академію живописи, которой Жувене былъ наименованъ сначала профессоромъ, потомъ ректоромъ и наконецъ непремѣннымъ директоромъ. Одной этой черты великодушія знаменитаго художника достаточно было бы, чтобъ обезоружить зависть и клевету, которыя преслѣдовали его и за гробомъ; но Лебрентъ, кроме того представилъ потомъ Жувене Людовику-Четырнадцатому, только что открывшему тогда благотворное заведеніе для пользы своихъ ратныхъ товарищей: покрытые ранами и украшенные побѣдными лаврами, они вкушаютъ въ этомъ мирномъ уѣжищѣ спокойствіе послѣ тревогъ бранной жизни. Король поручилъ Жувене, какъ было уже говорено выше, написать фресками «Двѣнадцать Апостоловъ» въ куполъ воздвигнутаго имъ Дома Инвалидовъ. Здѣсь художникъ превзошелъ самого себя. Съ такимъ же блестящимъ успѣхомъ онъ расписалъ плафонъ въ версальской капеллѣ и произвелъ двѣ большія картины для тамошняго францисканскаго монастыря.

Съ этой поры слава его возростала быстро; онъ былъ осыпанъ милостями короля, и работая неутомимо, написалъ множество картинъ. Вполнѣ преданный искусству, онъ ни на минуту не оставалъ мастер-

ской, предпочитая приобретаемую въ стѣнахъ ея славу завидному для многихъ званію перваго живописца короля.

Вскорѣ послѣ этихъ успѣховъ, Жувене готовилось новое торжество. Ему поручили произвести четыре огромныя картины для церкви Saint Martin-des-Champs. Творенія эти поставили его въ ряду первыхъ современныхъ живописцевъ; здѣсь онъ выказалъ весь свой талантъ. Невозможно придать болѣе жизни и выраженія лицамъ, болѣе движенія фигурамъ, сообщить болѣе одушевленія, граціи и разнообразія группамъ и положеніямъ. Вообще картины эти полны истины: здѣсь кисть широкая и мягкая, правила перспективы соблюдены чрезвычайно вѣрно.

Первая изъ этихъ картинъ, со множествомъ великолѣпныхъ украшеній, представляетъ «Спасителя въ гостяхъ у Симона». Архитектура зданія величественная и благородная, убранство роскошное, многочисленная прислуга — все это придаетъ празднику видъ торжественности, все являетъ обиліе и богатство жилища; среди гостей легко узнать Спасителя, съ умиленіемъ и величіемъ наклонившагося, чтобъ приподнять Марію Магдалину, повергнушуюся къ божественнымъ Его стопамъ. Въ картинѣ этой въ особенности замѣчательна по силѣ выраженія фигура челоуька, проходящаго на последнемъ планѣ съ корзиной на головѣ. Фигура распорядителя праздника полна движенія; въ ней поразительны въ особенности чрезвычайно искусныя ракурсы.

«Воскресеніе Лазаря», вторая картина Жувене, принадлежитъ къ числу твореній, долженствовавшихъ составить эпоху въ исторіи французской школы. Никогда, можетъ-быть, сюжетъ этотъ не былъ воспроизведенъ въ живописи болѣе достойнымъ образомъ. Положеніе Спасителя исполнено величественнаго спокойствія: чудо совершилось божественною силою по просьбѣ сестеръ Лазаря. Удивленіе Апостоловъ, свидѣтелей многихъ чудесъ своего Божественнаго Учителя, не такъ велико, какъ удивленіе другихъ присутствующихъ. Какое изумленіе и ужасъ написаны на лицахъ людей, помогающихъ Лазарю выйти изъ гроба! Глядя на нихъ, раздѣляешь ихъ чувство, до такой степени оно передано вѣрно и поразительно.

На третьей картинѣ изображенъ «Чудесный ловъ». Спаситель, со взоромъ, обращеннымъ къ небу, стоитъ среди лодки, возведя руки, и этимъ движеніемъ, полнымъ достоинства и величія, измѣняетъ законы природы. Въ изображеніи рыбаковъ много истины: въ некоторыхъ

изъ нихъ, сильные и могучіе, бросились къ морю и слятся притянуть къ берегу ладью, между-тѣмъ какъ другіе несутъ съѣдъ и корзины, наполненные рыбою, покрывающе уже весь берегъ. Какъ волетка была въ Жувене любовь къ искусству, можно судить потому, что желая соединить въ этой картинѣ истину съ изобретениемъ, онъ, не смотря на суровое время года, отправился изъ Парижа въ Діэппъ, и тамъ, на берегу моря, принялся писать въ страшный холодъ, различныхъ рыбъ съ натуры и изучать на мѣстѣ признаки и особенности рыбной ловли.

Картина четвертая посвящена также предмету, заимствованному изъ евангельскихъ сказаній. Она изображаетъ «Изгнаніе продавцовъ изъ храма». Спаситель упрекалъ часто Евреевъ за неуваженіе къ храмамъ, посвященнымъ молитвѣ. «Приближалась Пасха Іудейская, и пришелъ Иисусъ въ Іерусалимъ. И нашелъ что въ храмъ продавали воловъ, овецъ и голубей, и сидѣли мѣновщики денегъ. И сдѣлавъ битъ изъ веревокъ, выгналъ изъ храма всѣхъ, также и овецъ и воловъ; и деньги у мѣновщиковъ разсыпалъ и столы ихъ опрокинулъ. И сказалъ продающимъ голубей: возьмите это отсюда, и дома Отца моего не дѣлайте домомъ торговли». (Еванг. отъ Іоанна 13—16). Смятеніе и безпорядокъ переданы художникомъ съ изумительною вѣрностью. Спаситель изображенъ на второмъ планѣ: лицо его выражаетъ негодованіе: «Ревность по домъ Твоемъ съѣдаетъ меня» (Псаломъ 68, 10). И здѣсь, какъ на предшествующей картинѣ, изображено движеніе; но подчиняясь требованію сюжета, художникъ сообщилъ движенію этому совершенно иной характеръ. Здѣсь изображено проявленіе различныхъ страстей: боязнь, скупость, гнѣвъ выражаются на лицахъ и въ положеніяхъ всѣхъ фигуръ. Группы торговцевъ и мѣновщиковъ, жарко спорящихъ за кучи золота, разсыпаннаго по полу; скамьи и столы опрокинуты: женщины и дѣти бѣгутъ, глядя въ испугъ на разъяреннаго быка, котораго насилу могутъ удержать два сильные человека; наконецъ самые голуби, вылетѣвшіе въ смятеніи изъ кѣтки и въ испугъ летающіе надъ головами, — все это увеличиваетъ общій безпорядокъ. Животныя изображены художникомъ, также какъ и группы людей, совершенно вѣрно истинъ и природъ.

Людовику-Четырнадцатому до такой степени понравились эти картины, что онъ поручилъ Жувене воспроизвести ихъ другой разъ и

отдать въ образецъ для Гобеленовой фабрики. Само собою разумѣется, что Жувене, какъ истинный художникъ, не копировалъ своихъ картинъ, а придерживаясь въ точности сюжетовъ, создавалъ совершенно другія произведенія. Такимъ-образомъ и соотечественникъ его, Нуссенъ, исполнилъ два раза свои превосходныя картины, изображающія «Семь таинствъ».

Въ известномъ изданіи: «Musée de peinture et de Sculpture», мы видѣли гравюры приведенныхъ выше четырехъ картинъ Жувене. Гравюры эти, не смотря на свою миниатюрность, даютъ достаточно понятіе о правильности рисунка, возвышенности стиля художника и необыкновенномъ искусствѣ, съ которымъ онъ группировалъ избранные сюжеты. Какъ Русскому, мнѣ пріятно вспомнить здѣсь о высокомъ вниманіи, котораго талантъ Жувене удостоенъ былъ Императоромъ Петромъ-Первымъ. Великій государь, при посѣщеніи въ 1717 году, Гобеленовой фабрики, изъ всѣхъ представленныхъ Его Величеству обоевъ, остановилъ выборъ свой на тѣхъ, которые исполнены были по упомянутымъ нами картинамъ этого художника. Для него это было самое высокое торжество. *

Его «Снятие со Креста» (находящееся въ луврскомъ музеѣ) служитъ предметомъ всеобщихъ похвалъ. Знатоки восхищаются въ особенности превосходною свободною композиціею, величіемъ идей, высоко-художественнымъ расположеніемъ плановъ и чудною группировкою. Избранный художникомъ сюжетъ принадлежитъ къ самымъ труднымъ: достоинство положенія тѣла Бого-человѣка, и выраженія лицъ, свидѣтелей этого событія — вотъ главная задача, которую надлежало разрѣшить художнику, и изъ трудной борьбы онъ вышелъ побѣдителемъ. Кромѣ достоинствъ, о которыхъ мы упомянули выше, «Снятие со Креста» имѣетъ и другія, такъ сказать второстепенныя достоинства: прозрачность колорита, чистоту и правильность рисунка и удивительную гармонію свѣто-тѣни.

Въ стилѣ и направленіи таланта Жувене соединяются, нѣкоторымъ образомъ, два противоположныя вѣка: картины его напоминаютъ и манерный вкусъ вѣка Людовика-Пятнадцатаго и величавые отголоски царствованія Людовика-Четырнадцатаго. Вотъ отчего въ француз-

* «Dictionnaire des artistes de l'école française», par Ch. Gabet. Paris, 1831.

ской живописи онъ по праву занимаетъ средину между Лобрисомъ, Лосюэромъ и Пуссеномъ.

Но безчисленное множество работъ, которыя на него возлагали, и чрезмѣрное его трудолюбіе разстроили наконецъ сильное его здоровье. На шестьдесятъ-седьмомъ году отъ рожденія, онъ пораженъ былъ апоплексическимъ ударомъ, лишившимъ его употребленія правой руки.

Можно себя представить отчаяніе художника, для котораго трудъ составлялъ часть его существованія и источникъ душевныхъ наслажденій, — осужденнаго недугомъ на томительное бездѣйствіе! Въ часы снѣдавшей его тоски и скуки, онъ ходилъ смотреть, какъ работаетъ Ресту (Restou!), племянникъ его и одинъ изъ лучшихъ его учениковъ. Разъ, желая поправить одно мѣсто въ его картинѣ, онъ взялся за кисть; но рука его, написавшая столько превосходныхъ вещей, не поправляла, а только портила картину: онъ безропотно переносилъ болѣзнь и страданія; но съ мыслью, что онъ не въ состояніи болѣе писать, онъ никакъ не могъ свыкнуться; увлеченный живостью своего характера и подъ вліяніемъ какого-то вдохновенія, онъ схватилъ лѣвой рукой кисть, и къ величайшему удивленію Ресту, написалъ новую чудную картину. Обрадованный и ободренный неожиданнымъ успѣхомъ, Жувене взялся расписать плафонъ въ залѣ одного судебного мѣста въ Руанѣ, и въ произведеніи этомъ выказалъ чрезвычайно много твердости и искусства, какъ-будто онъ писалъ въ прежніе молодые годы и притомъ не лѣвою, а правою рукою. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Парижа, то Парижане толпами пріѣзжали смотреть и восхищаться этимъ геніальнымъ созданіемъ Жувене. Здѣсь изображена имъ «Невинность, преслѣдуемая Клеветою и Завистью, и обращающаяся къ Справедливости, окруженной всѣми Добродѣтелями»: мысль высокая и полная поэзіи.

Жувене, въ ознаменованіе этого событія, къ произведенію своему присоединилъ слѣдующую подпись:

«*Joannes Jouvenet dextrâ paralyticus sinistrâ pinxit.*»

Последнимъ трудомъ его была картина, изображающая «Величаніе» (*Magnificat*), произведенная имъ для одной изъ парижскихъ церквей; но ему не суждено было видѣть картину эту на мѣстѣ: смерть застигла его за работой, наканунѣ дня, назначеннаго для выставки его творенія.

Такъ кончилъ жизнь художникъ, котораго имя занимаетъ видное

него въ которѣ французской школы. Городъ Руанъ, родина Жувене, востыгъ память его, назвавъ его именемъ одну изъ своихъ улицъ*.

Кисть Жувене была широкая и сильная, выраженіе лицъ натуральное, положенія вѣрны, рисунокъ запечатлѣвъ большимъ вкусомъ. Кромѣ огромнаго таланта, онъ былъ одаренъ чрезвычайно живымъ воображеніемъ; обладалъ умомъ веселымъ, характеромъ прямымъ и открытымъ; у него была необыкновенно очастливая память, качество драгоценное въ живописцѣ, принужденномъ часто прибѣгать къ ея пособию при изображеніи различныхъ видныхъ предметовъ. Такъ напримѣръ, рассказываютъ, что Жувене былъ однажды въ гостяхъ въ домѣ одного изъ своихъ друзей, находившагося въ отсутствіи. Хозяйка дома стала жаловаться ему на долгое невозвращеніе мужа. Они сидѣли въ гостиной, окруженные дѣтьми, которыя въ свою очередь начали просить живописца написать къ ихъ отцу, чтобъ онъ скорѣе пріѣхалъ. Жувене слушалъ ихъ, не говоря ни слова; потомъ вынулъ карандашъ и продолжая играть съ дѣтьми, принялся чертить на одномъ изъ квадратовъ паркета. Съ каждымъ движеніемъ руки, очертанія принимали болѣе выразительности и ясности. Общее любопытство присутствовавшихъ возрастало болѣе и болѣе. Но невозможно передать общей радости, когда въ чертахъ, набросанныхъ художникомъ, всѣ узнали отсутствующаго друга: дѣти въ одинъ голосъ закричали: «это папа!» — Въ послѣдствіи, доска съ импровизованнымъ портретомъ была вынута и хранится до-сихъ-поръ въ этомъ семействѣ, какъ свидѣтельство таланта художника и его дружбы.

Талантъ Жувене отличался яркими достоинствами, въ особенности въ картинахъ и сюжетахъ большихъ размѣровъ, гдѣ былъ полный просторъ его творческому воображенію; онъ съ успѣхомъ воспроизводилъ сюжеты историческіе и аллегорическіе, писалъ картины на сюжеты изъ басенъ и даже портреты.

Лучшіе граверы того времени наперерывъ передавали его творенія. Ему ставили въ упрекъ, что онъ иногда не довольно былъ строгъ въ колоритѣ; и въ-самомъ-дѣлѣ, у него колера по большей части рѣзкіе и золотистые, несогласные съ натурою, съ которою онъ гораздо чаще совѣщался, когда дѣло шло о рисункѣ.

Нельзя также не пожалѣть, что такой отличный художникъ, какъ

* Galerie des peintres célèbres. par C. Leclercq, T. 2, 1821, стр. 136.

Жувене, но всегда быть строгъ въ критикѣ, и во всегда соблюдать точность въ описаніи, въ достоверности въ картинахъ историческихъ; но недостаткомъ быть происходилъ, конечно, отъ односторонности первоначальнаго его воспитанія.

Но за то сколько красота и разнообразія вообще въ картинахъ Жувене, — обладавшаго своимъ творческимъ гениемъ одному себя; онъ преломилъ себя дорогу безъ всякой посторонней помощи. Не смотря на свои недостатки, Жувене все-таки принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ живописцамъ французской школы.

Онъ писалъ также картины небольшого размѣра, такъ называемыя tableaux de genre, которыя ни въ чемъ не уступаютъ картинамъ самыхъ лучшихъ французскихъ живописцевъ осемнадцатаго вѣка.

Д. МАЦКЕВИЧЪ.

ГЕНРИЭТТА ЗОНТАГЪ.

Генриэтта Зонтагъ родилась въ Кобленцѣ, 13 мая 1805, въ семьѣ музыкальных комедіантовъ, которой образецъ представилъ намъ Гете въ своемъ «Вильгельмъ Мейстеръ». Родившись какъ Алціона на гробѣ бурныхъ волнъ, она рано узнала превратности, испытываемыя въ жизни артистовъ. Шести лѣтъ отъ роду, она дебютировала въ Дармштадтѣ въ оперѣ, очень любимой въ Германіи, въ «Дзвъ Дуная», гдѣ, въ роли Савомѣ, заставила любоваться дѣтской граціей своей наружности и правильностью голоса. Черезъ три года послѣ того, лишившись отца, Генриэтта Зонтагъ повхала съ матерью въ Прагу, гдѣ играла дѣтскія роли подѣ дирекціей Вебера, бывшаго тогда капельмейстеромъ театра. Ея преждевременные усилія доставили ей особенную милость — позволеніе посѣщать курсы консерваторіи, хотя она не достигла еще возраста, назначеннаго уставомъ. Четыре года изучала она вокальную музыку, фортепiano и основныя правила вокализаціи. Болѣзнь первой театральной пѣвицы позволила ей въ первый разъ приступить къ довольно важной роли — роли принцессы Наварской въ «Jean de Paris», Бойельдіе. Ей было тогда пятнадцать лѣтъ. Легкость голоса, развивающіяся формы, предсказывавшія будущую красавицу, доставили ей успѣхъ, предвѣстникъ будущности ея таланта. Изъ Праги Генриэтта повхала въ Вѣну, гдѣ встрѣтила пѣвицу Фодоръ, которой примѣръ и добрые совѣты развили счастливыя способности, полученныя ею отъ природы. Занимая роли попеременно то въ немецкой, то въ итальянской операхъ, она могла усовершенствоваться

себя въ двухъ столь различныхъ языкахъ и имѣла время сдѣлать выборъ между веселыми причудами итальянской музыки и строгими, глубокими звуками новой немецкой школы. Ей предложили, въ 1824 году, пѣть въ немецкой оперѣ на лейпцигскомъ театрѣ: она поѣхала въ этотъ городъ, центръ философскихъ и литературныхъ споровъ, и приобрѣла тамъ большую славу исполненіемъ ролей въ «Фрейщюцъ» и въ «Эвриантъ» Вебера.

Поклонники гения этого великаго музыканта съ восторгомъ провозгласили имя Генріэтты Зонтагъ, распространившееся по всей Германіи, какъ имя виртуозки перваго разряда. Лейпцигскимъ жителямъ было пріятно, что Генріэтта Зонтагъ посвятила чудный органъ и вокализацию, мало извѣстную за Рейномъ, сильной и глубокой музыкѣ Вебера, Бетговена, Шпора и всѣхъ новыхъ немецкихъ композиторовъ, которые возвысили гений отчизны. Окруженная поклоненіями, прославляемая всеми извѣстными литераторами, провожаемая возгласами немецкихъ газетъ, Генріэтта Зонтагъ пріѣхала въ Берлинъ, гдѣ съ огромнымъ успѣхомъ дебютировала на Кёнигшtedтскомъ Театрѣ. Извѣстно, что «Волшебный Стрѣлокъ» былъ представленъ въ Берлинъ въ 1821 году. Въ Берлинъ же, центръ умственнаго и политическаго движенія, старавшагося поглотить дьявольскую Германію насчетъ Вѣны, гдѣ царствовали духъ преданій, чувственность и легкія мелодіи Италіи, въ Берлинъ, говоримъ мы, новая школа драматической музыки, основанная Веберомъ, нашла точку опоры. Генріэтту Зонтагъ приняли тамъ съ энтузіазмомъ какъ вдохновенную истолковательницу національной музыки. Гегельсты писали объ ней высокопарныя умозрѣнія и привѣтствовали въ ея прозрачномъ и звонкомъ голосѣ, *субъективность, слитую съ объективностью въ абсолютной единицу, выражаемой трансцендентальными атрибутами*. Дворъ Берлинскій принялъ ее съ благосклонностью. Тамъ-то дипломатія имѣла случай приблизиться къ Генріэттѣ Зонтагъ и сдѣлать проломъ въ сердца музыки.

Во время отпуску, Генріэтта Зонтагъ поѣхала въ Парижъ и дебютировала на Итальянскомъ Театрѣ 15 іюня 1826 года, въ роли Розины, въ «Севильскомъ Цирюльникѣ». Успѣхъ ея былъ блистателенъ, особенно въ варіаціяхъ Роде, которыя она пропѣла во второмъ актѣ во время урока пѣнія. Успѣхъ этотъ подтвердился и даже увеличился въ «Donna del Lago» и въ «Italiana in Algeri», въ которой

принималась переможить для нея на другой тонъ нѣсколько мѣотъ, написанныхъ для контральта. По возвращеніи въ Берлинъ, ее приняли съ удивительнымъ вниманіемъ. Она оставалась въ этомъ городѣ до конца 1826 года, потомъ поселилась въ Парижъ и дебютировала въ роли Дедемоны, въ оперѣ «Отелло», 2 января 1828 года. Она входитъ въ составъ этого созвѣздія чудныхъ виртуозовъ, которые очаровывали въ это время Парижъ и Лондонъ, и между которыми блистали въ первомъ ряду Паста, Пизарони, Малибранъ и Зонтагъ.

Между двумя послѣдними пѣвицами, столь различныхъ достоинствъ, открылось соперничество, которое дошло наконецъ до такой степени, что онѣ не могли встрѣтиться въ гостиницѣ. Когда онѣ пѣли на сценѣ, въ одной и той же оперѣ, соперничество ихъ выказывалось безчеловѣчными органными пунктами и конгревскими ракетами, которыя ожигали публику. Однажды обѣ онѣ пѣли дуэты въ одномъ частномъ домѣ, — и соединеніе двухъ голосовъ, столь различныхъ по тембру и характеру выраженія, произвело такой эффектъ, что успѣхъ двухъ великихъ пѣвицъ послужилъ къ ихъ примиренію. Съ этой минуты спокойствіе царствовало *sul mare infido*.

Однако среди успѣху и торжества искусства, черная точка поднималась на горизонтъ и вдругъ узнали, что Генриетта Зонтагъ оставляетъ театръ для болѣе важныхъ обязанностей. Она простилась съ парижской публикой во время представленія въ пользу бѣдныхъ, въ оперѣ, въ январѣ 1830 года. По возвращеніи въ Берлинъ, настоятельныя просьбы друзей и многочисленныхъ поклонниковъ заставили ее согласиться дать нѣсколько представленій, послѣ которыхъ она окончательно оставила театръ въ мавъ 1830 года, но прежде чѣмъ приняла новую роль, избранную ею въ жизни, прежде чѣмъ сбросила съ себя блистательную славу, такъ справедливо приобретенную, Генриетта Зонтагъ повзала въ Россію и давала въ Варшавѣ, Москвѣ и Петербургѣ, а потомъ въ Гамбургѣ и другихъ большихъ городахъ Германіи блистательные и прибыльные концерты.

Послѣ этого путешествія, она провела, уже подъ именемъ графини Россіи, нѣсколько лѣтъ въ Брюссель, въ Гагъ, въ Франкфуртъ и въ Берлинъ, заставляя удивляться своему голосу только въ собраніяхъ высшаго круга.

Голосъ Генриетты Зонтагъ очень обширный сопрано, тембра чрезвычайно ровнаго и изумительно гибкаго. Въ верхней октавъ отъ ме-

дальнаго *до, до до* шестой фортепианной октавы, этотъ голосъ звучалъ восхитительно, какъ серебряный колокольчикъ, и никогда не было омасаться ни сомнительной интонаціи, ни промаху въ равновѣсіи въ этихъ невообразимыхъ упражненіяхъ. Эта рѣдкая гибкость органа была слѣдствіемъ щедрости природы, развитой безпрерывныхъ и хорошо направленныхъ ученіемъ. До приѣзда въ Вѣну, гдѣ она имѣла случай слышать великихъ виртуозовъ Италіи, Генріетта Зонтагъ руководствовалась только своимъ счастливымъ инстинктомъ и болѣе или менѣе просвѣщеннымъ вкусомъ публики. Совѣтамъ Фодоръ, а еще болѣе примѣру, который ей представлялъ каждый день изящный талантъ этой изумительной пѣвицы, одолжена Зонтагъ развитіемъ своихъ природныхъ качествъ. Борьба съ такими соперницами, какъ Пизарони и Малибранъ, окончательно придали ея таланту эту степень зрѣлости, которая сдѣлала изъ Зонтагъ одну изъ самыхъ блистательныхъ пѣвицъ Европы.

Въ великолѣпномъ собраніи разныхъ вокализаций, которыя Зонтагъ развивала каждый вечеръ передъ своими поклонниками, особенно замѣчательна ясность хроматическихъ гаммъ и блескъ трелей, блестящихъ какъ рубины на бархатѣ. Каждая нота этихъ длинныхъ нисходящихъ спиралей, свѣтилась отдельной искрой и связывалась съ слѣдующей нотой тончайшей, непримѣтной связкой, и все эти чудеса исполнялись съ совершенной граціей, не поражая взоры слушателей ни малѣйшимъ усиленіемъ. Прелестное лицо, свѣтлое, кроткіе глаза, изящныя формы, талія стройная и гибкая какъ стебель молодого тополя, окончивали картину и дополняли очарованіе.

Генріетта Зонтагъ испытала себя во всѣхъ родахъ. Родившись въ Германіи, вначалѣ этого вѣка, она была напитана сильной и могучей музыкой новой нѣмецкой школы и получила первую ушатку въ образцовыхъ произведеніяхъ Вебера. Въ Парижѣ она исполнила роли Дездемоны, Семпримиды, донны Анны. Не смотря на восторгъ, возбужденный между соотечественниками, тѣмъ способомъ, которымъ умѣла она передать драматическое вдохновеніе Вебера, не смотря на блистательныя достоинства, развитыя ею въ роли Дездемоны, и особенно въ роли донны Анны, почти насильно навязанной ей завистью Малибранъ, Генріетта Зонтагъ находила свое истинное превосходство въ музыкѣ легкой и въ стилѣ умеренномъ. Роль Розины въ «Севильскомъ цирюльникѣ», роль Нинетты въ «Сорокѣ Воровкѣ», Амрианда въ

«Таняредъ», и Елены въ «Donna del Lago», были лучшимъ ея торжествомъ.

Патетическій крикъ не могъ вырваться изъ этихъ тонкихъ губъ, гдѣ блистали нѣжность и полуулыбка граціи; вспышка чувства никогда не измѣняла чистыхъ линий лица, никогда не разцвѣчивала пурпуромъ кожу бѣлую и гладкую какъ атласъ. Нѣтъ, въ это изящное тѣло, которое убѣгало передъ жаднымъ взоромъ какъ легкій паръ, природа не вложила зародыша творчества. Электрическая искра, пробѣгая по этому спокойному сердцу, никогда не зажигала въ немъ божественнаго пламени, не раздражала бурь страсти. Вотъ почему Генриетта Зонтагъ согласилась склонить свою прелестную голову предъ Гименеемъ и сойти со сцены, чтобы сдѣлаться графиней Росси.

Голосъ Генриетты Зонтагъ хорошо сохранился. Если нижнія ноты лишились полноты и нѣсколько отяжелѣли подъ рукою времени, то верхнія зато еще полны круглоты и очарованія. Талантъ ея почти такъ же изященъ какъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ, вокализация нѣсколько не лишилась той чудной гибкости, которая отличала ее прежде, и безъ большихъ усилій воображенія, въ Генриеттѣ Зонтагъ можно найти и теперь отдѣлку, прелесть, умѣренное и ясное выраженіе, отличавшія ее между высокими пѣвицами, очаровывавшими Европу вначалъ этого столѣтія. Отлично принятая избранной публикой, призванной молвою объ ея славѣ, Генриетта Зонтагъ пѣла съ большимъ успѣхомъ множество піесъ изъ своего прежняго репертуара.

Между этими піесами, обратили на себя особенное вниманіе вариации Роде, родъ мелодической канвы, которую ввела въ моду Анджалика Каталани, и по которой Генриетта Зонтагъ вышла самая замысловатая и восхитительная арабески. Восходящая гамма, пущенная съ необыкновенной силой, пролетая мимо ушей огненной лентой, возбудила живѣйшій восторгъ.

Во второмъ, третьемъ и четвертомъ концертахъ, успѣхъ Генриетты Зонтагъ былъ еще рѣзительнѣе. Прибавимъ также, что время, которое какъ-будто только пролетало мимо этой прелестной пѣвицы, не дало ей однако, того, что дается только избраннымъ: экспрессию сердца. Иногда, однако, изъ яснаго голоса Зонтагъ вырывается

что-то похожее на отблескъ нѣмецкой сентиментальности, раздрачивающій ея нѣжную мелочью и придающій ей болѣе проникновенный оттънокъ.

Знаменитыя пѣвицы девятнадцатаго столѣтія могутъ быть раздѣлены на три различныя группы: въ одной находятся тѣ, которыя особенно блистали выраженіемъ энергическихъ чувствъ, и возвышенностью стіля: какъ Пизарони, Паста и Малибранъ; въ другой замѣчательны эти чудныя сирены, которыя вспыхиваютъ и гаснутъ искрометнымъ потышнымъ огнемъ, какъ Марколинни, Персіани и множество другихъ. Между этими двумя крайними группами, надо помѣстить Фодоръ, Далро и Зонтагъ, которыя имѣли весь обольщенія граціи и богатой вокализаци, не обладая ни увлеченіемъ страсти, ни свободою и неподдѣльною веселостію. Онѣ живутъ и поютъ долго, потому что никогда не испытываютъ тѣхъ порывовъ души, которые поражаютъ и уничтожаютъ бѣдную женщину.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ АЗОВСКОЙ И ЧЕРНОМОРСКОЙ ТОРГОВЛИ

РОССІИ СЪ ОСЕМНАДЦАТАГО ДО ДВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

=

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ начала осемнадцатаго столѣтія до Кучукъ-кайнарджскаго мира (1774).

Россія еще не имѣла какъ на Азовскомъ, такъ и на Черномъ моряхъ, ни одного порта, въ то время, когда уже находилась въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ западною Европою черезъ Бѣлое море. Архангельскъ, на отдаленномъ сѣверѣ, былъ единственнымъ пунктомъ для европейской торговли; но положеніе этого порта представляло мало выгодъ мореходству. Для оживленія народной промышленности, нужно было открыть иностранцамъ ближайшіе, удобнѣйшіе, разнообразныя, торговые пути, по которымъ отечественныя произведенія могли бы найти для себя обильный истокъ. Къ этой цѣли стремился Петръ-Великій, заботясь о расширеніи предѣловъ Россіи, для пріобрѣтенія ей портовъ на моряхъ Балтійскомъ и Черномъ. Онъ долженъ былъ отложить, до окончанія военныхъ дѣйствій противъ Турціи, исполненіе любимой мысли своей, открыть торговыя связи съ Европою посредствомъ порта при Балтійскомъ морѣ. Начало осемнад-

цатаго столѣтія ознаменовалось для Россіи заключеніемъ мира съ Турціею и объявленіемъ войны Швеціи. По этому миру (1700 года, 3 июля) Россія приобрѣла Азовъ, который казался Петру ключемъ къ Черному морю, къ основанію военнаго флота и обширной торговли. Мелководіе устій рѣки Дона заставляло корабли останавливаться въ некоторомъ разстояніи отъ Азова и потому избрана другая, удобнѣйшая пристань — и основанъ Таганрогъ. Петръ употребилъ 20,000 человекъ для работъ къ улучшенію этого порта, предположилъ соединить Донъ съ Волгою для сближенія отдаленныхъ областей Россіи съ морями Азовскимъ и Чернымъ, и принялъ дѣятельныя мѣры для сооруженія канала между этими двумя судоходными рѣками. Благотворныя предначертанія великаго монарха къ основанію и распространенію торговли на югъ, вскорѣ разстроены были новою войною съ Турціею: она кончилась миромъ при Прутѣ (1711 года, 12 июля), по которому Россія обязалась возвратити Турціи Азовъ и срыть Таганрогъ; обоюдная торговля объявлена свободною, но уже нельзя было болѣе помышлять объ открытіи здѣсь торговыхъ сношеній съ европейскими государствами.

Петръ успѣлъ, наконецъ, прикнуть свои владѣнія къ берегамъ Балтійскаго моря, и Россія, имѣя здѣсь нѣсколько большихъ и малыхъ портовъ, уже могла безпрепятственно торговать съ западною Европою. Быстрое приращеніе балтійской торговли вполне оправдывало дальновидность великаго монарха и вознаграждало за ничтожность русской торговли на югъ, пребывавшей въ рукахъ донскихъ казаковъ, Татаръ и Турковъ. Бѣлградскій миръ, окончившій войну съ Турціею (18 сентября 1739 года), при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, не доставилъ Россіи никакихъ особенныхъ выгодъ, которыми она могла бы воспользоваться для основанія торговли на Азовскомъ и Черномъ моряхъ: ей дозволено было устроить портъ близъ Азова, но въ то же время она обязалась не держать на тамошнихъ водахъ ни военныхъ, ни купеческихъ кораблей, и торговля ея должна была производиться только на судахъ турецкихъ подданныхъ. Мелководіе Дона представляло большія затрудненія для плаванія судовъ къ Черкаску и оттого турецкія суда обыкновенно приходили къ Таганрогу, а донскіе казаки доставляли туда свои товары на ладьяхъ. Главная складка товаровъ была въ казачьемъ городѣ Черкасскѣ, и потому торговля находилась въ рукахъ казаковъ. доставляемые туда

товары подвергались произвольнымъ сборамъ, и купцы терпѣли большіе убытки. Для указанія, какъ маловажна была тогда торговля въ Таганрогѣ, достаточно будетъ замѣтить, что турецкихъ судовъ было тамъ въ приходѣ: въ 1746 — 17, въ 1747 — 9, въ 1748 — 12, всего въ три года 38 судовъ.

Правительство не переставало однако заботиться о распространѣніи торговли Россіи на югъ. Къ достиженію этой цѣли представлялись два средства, безъ которыхъ нельзя было ожидать успѣха: надлежало перевести тамошнюю торговлю въ руки русскаго купечества и доставить русскимъ судамъ право мореплаванія. Правительство полагало, что первое можетъ быть достигнуто учрежденіемъ торговой компаніи, а послѣднее посредствомъ переговоровъ съ турецкимъ правительствомъ.

Въ 1753 году по указамъ, посланнымъ изъ правительствующаго сената въ коммерцъ-коллегію и въ главный магистратъ, московскіе первостатейные купцы были неоднократно призываемы въ главный магистратъ, для склоненія ихъ къ открытію торговли съ Константинополемъ, къ заведенію тамъ конторы и къ вступленію въ компанію съ пребывавшими тамъ иностранными купцами; однако всѣ эти предложенія не были приняты русскимъ купечествомъ. Въ 1755 году, указомъ 2 марта, объявлено было, что отъ темерниковскаго порта* уже производится торгъ съ Константинополемъ и другими мѣстами, но для прочивѣшняго основанія торговли при этомъ новоучрежденномъ портѣ, съ вышшею пользою для казны и купечества шовъ сдѣланъ вызовъ: не пожелаетъ ли кто изъ купцовъ, по примѣру европейцевъ, учредить конторы въ темерниковскомъ портѣ; желающимъ предоставлено было съ кондиціями явиться въ сенатъ, для указанія имъ преимуществъ, какія могутъ быть дарованы этому новому учрежденію. Послѣ этого указа, московскій первой гильдіи мѣщанинъ, шелковой мануфактуры содержатель, Василій Макаровъ Хастатовъ, калужскій первостатейный купецъ Никита Тимофѣевъ Шемякинъ, ярославскій первостатейный купецъ Алексій Ивановъ Ярославцевъ, представили въ сенатъ кондиціи, на которыхъ они намѣрены учредить компанію для торговли изъ темерниковскаго порта въ

* На правомъ берегу Дона, въ тридцати верстахъ ниже Черкаска и въ такомъ же разстояніи отъ Азова, при устьѣ рѣчки Темерника

Константинополь и другія мѣста. На этомъ основаніи, выдана имъ въ 1757 году привилегія слѣдующаго существеннаго содержанія:

1) Хастатову, Шемякину и Ярославцеву дозволяется производить торговлю изъ темерниковскаго порта въ Константинополь, въ Италію, Венецію и другія тамошнія мѣста, Чернымъ моремъ и сухимъ путемъ, компанію и именовать ее російскою въ Константинополь торгующею коммерческою компанію и, кромѣ запрещенныхъ товаровъ, разрѣшается ей отпускать въ ту сторону такіе товары, какіе указами позволены, а именно: мягкую рухлядь, которою, какъ извѣстно, производится большой торгъ отъ темерниковскаго порта въ Царьградъ и въ другія тамошнія мѣста, железо полосное, прутковое и во всякихъ издѣліяхъ, также чугуны во всякой посудѣ и другихъ издѣліяхъ (кромѣ пушекъ, бомбъ, ядеръ и прочихъ военныхъ снарядовъ), какъ съ находящихся по близости къ темерниковскому порту, такъ и съ отдаленныхъ всѣхъ вообще російскихъ заводовъ, съ которыхъ компанія пожелаетъ купить; но впредь до усмотрѣнія полагается на каждый годъ извѣстное количество, а именно: жельза не въ дѣлъ и въ дѣлъ до 100,000 пудъ, а чугуна въ половину, то-есть, до 50,000 пудъ; сверхъ того: парусныя полотна и всякіе фабричныя товары, канаты, веревки, икру, рыбу, холстъ всякихъ рукъ и хрящъ, крашенину, пестрядь и юфть легкую (по 8 кожъ въ пудъ), также и другіе товары, которые, какъ изъ темерниковскаго порта, такъ и отъ тамошнихъ пограничныхъ таможенъ дозволено отпускать и дѣйствительно отпускаются. Тѣмъ, которые не записаны въ компанію и не положили въ нее акцій, запрещается отпускать товары въ Константинополь и другія мѣста отъ темерниковскаго порта и Черкаска, водянымъ и сухимъ путемъ или степью на Кубань и дабы не было для компаніи никакого подрыва и помѣшательства, строжайше вмѣнено мѣстному и таможенному начальству въ обязанность имѣть за тѣмъ наблюденіе, подъ опасеніемъ конфискаціи товаровъ въ пользу компаніи, или же взысканія въ штрафъ такой же суммы, на какую привезены товары, потому что учрежденіе компаніи нисколько не можетъ быть стѣснительно и вредно для купцовъ, уже торгующихъ въ Константинополь и другія мѣста, потому-что они могутъ, записавшись въ компанію и положивъ въ нее акціи, пользоваться равномѣрными выгодами.

2) Оберъ-директору, московской первой гильдіи мѣщанину Василю

Хастатову съ двумя товарищами его, какъ директорамъ компаніи, употребить для торговыхъ оборотовъ ея собственнаго капитала на ея акцій, и сверхъ того, положить въ компанію отъ желающихъ столько же акцій, каждую въ 500 рублей; но запрещается выдавать акціи иностраннымъ подданнымъ; если же впредь, по обстоятельствамъ будетъ нужно увеличить или убавить сумму назначенныхъ 200 акцій, то раскладывать по всемъ акціямъ, не измѣняя числа ихъ, съ общаго разсмотрѣнія оберъ-директора и директоровъ. Тѣмъ, которые не пожелаютъ болѣе участвовать въ компаніи, дозволяется продать свои акціи директорамъ или другимъ акціонерамъ или же постороннимъ людямъ, за добровольную плату. Если со дня изданія указа въ полгода не будетъ разобрано сто акцій, то директора имѣютъ право воспользоваться оставшимися за нераздачею и недопускать болѣе постороннихъ ко взятію акцій.

3) Главная контора имѣетъ быть учреждена въ Москвѣ, а вторая при темерниковскомъ портѣ или въ Черкасскѣ, по усмотрѣнію, гдѣ будетъ удобнѣе.

4) Капиталъ компаніи и конторы ея, книги и письма, равно и акціи, не подлежатъ ни подѣ какимъ предлогомъ, но казеннымъ или частнымъ дѣламъ, не только конфискаціи, аресту или слѣдствію, но и какой либо ревизіи, а если съ акціонера слѣдовать будетъ денежное взысканіе, то удовлетворять оное изъ прибылей, получаемыхъ на принадлежащія ему акціи компаніи.

5) Съ отпускаемыхъ и привозимыхъ компаніею товаровъ взимать пошлины портовые и внутреннія, такія же, какія платятся всеми русскими купцами.

6) Оберъ-директору и директоромъ дано увольненіе отъ службъ и востоевъ; дозволено имъ носить шпаги и обѣщано, что за распространеніе торговли и умноженіе пошлиннаго сбора вдвое и болѣе, они будутъ награждены чинами.

7) Прикащики компаній освобождены отъ выборовъ въ градскія службы, запрещено ставить постои въ дома и конторы, принадлежащія компаніи; прикащиковъ и служителей ея предписано вѣдать судомъ и расправою въ компанейской конторѣ, кромѣ государственныхъ и уголовныхъ дѣлъ; дозволено выдавать имъ паспорта внутри Россіи изъ конторы же, и употреблять ей печать съ надписью своего именованія вокругъ російскаго герба.

8) Компания, по собственнымъ дѣламъ должна была находиться въ вѣдомствѣ правительствующаго сената и всѣмъ коллегіямъ, канцеляріямъ, магистратамъ и ратушамъ предписано охранять выгоды компаніи, оказывать по дѣламъ ея всякое содѣйствіе и облегченіе, въ особенности возложено на попеченіе командующаго донскимъ войскомъ наблюдать, чтобы компанія въ производствѣ торговли не встрѣчала ни малѣйшаго препятствія, а также и подрыва отъ тайнаго провоза товаровъ, предписано давать конвой для охраненія отправляемыхъ ею денегъ и товаровъ и тому подобное.

Прочія статьи привилегіи относятся до внутренняго управленія дѣлами компаніи.

Компанія, получивъ эту привилегію, учредила три конторы : главную въ Москвѣ, другую въ Темерниковѣ, съ магазинами для привозныхъ и отпускныхъ товаровъ, а третью въ Константинополь, съ опредѣленіемъ въ эту контору достаточнаго числа прикащиковъ и служителей, знающихъ турецкій и греческій языки и таковую торговлю. Два года протекли въ надлежащихъ приготовленіяхъ; въ 1760 году, въ первый разъ посланы были изъ Темерникова въ Константинополь разные компанейскіе товары на турецкихъ судахъ, а именно :

Икры	11,063 пуд.	Кожъ невыдѣланныхъ	350 шт.
Масла коровьяго	30,59 —	Канатовъ и веревокъ	2,680 пуд.
Сальныхъ свѣчъ	550 —	Сайгачьихъ роговъ	350 шт.
Желта узкаго бѣлаго	119,260 арш.	Лисицъ	140 —
суроваго	59,500 —	Хвостовъ конскихъ	1,125 пуд.
хряшу	36,100 —	Гривъ	207 —
Чугуна въ дѣлѣ	5,740 пуд.	Заячьихъ мѣховъ	5,919 шт.
Желѣза полосоваго	7,460 —	Всего на сумму слишкомъ	50,000 р.

Компаніи стоило большихъ трудовъ и пожертвованій для утвержденія кредита въ отношеніи къ товарамъ, которые она старалась отправлять въ наилучшихъ сортахъ. Турецкіе купцы, получая прежде отъ казаковъ и Грековъ товары низкой доброты, не хотѣли сначала вступать въ дѣла съ компанейскою конторою изъ опасенія, что и она своими товарами оставитъ ихъ въ накладе. Компанія принуждена была продавать ихъ съ значительною уступкою противъ настоящихъ цѣвъ, съ отсрочкою платежа и съ уговоромъ, что если товары ея будутъ не лучше тѣхъ, какіе прежде доставлялись въ Константино-

воль, то она не должна требовать за нихъ денегъ. Компания успала однако приобрести довѣріе турецкихъ купцовъ; они стали прѣзжать въ Темерниковъ для торговъ, начали строить тамъ дома и селиться.

Тщетны были, однако, старанія правительства освободить русскую торговлю отъ производства ея исключительно на турецкихъ судахъ. Компания, въ представленныхъ ею кондиціяхъ, ходатайствовала о порученіи нашему послу при оттоманской портѣ испросить для компанейскихъ судовъ право свободнаго плаванія въ Константинополь, и сенатъ возложилъ на коллегію иностранныхъ дѣлъ дать кому слѣдуетъ надлежащее предписаніе; но турецкое правительство признало это ходатайство нарушеніемъ бѣлградскаго трактата и надлежало доволствоваться обвѣщаніемъ, что Турки будутъ впредь строить суда прочнѣе и бѣльшаго размѣра.

Попеченія правительства объ открытіи торговли на Черномъ морѣ, возбудили вниманіе всѣхъ торговыхъ государствъ. Англія и Голландія сначала еще выжидали послѣдствій принятыхъ мѣръ; но Франція, предоставляя своимъ соперникамъ первенство въ Балтійской торговлѣ, могла надѣяться утвердить господство свое на Черномъ морѣ и, казалось, не должна была опасаться ихъ совмѣстничества. Изъ французскихъ портовъ Средиземнаго моря судоходство было гораздо ближе, чѣмъ изъ Англіи или Голландіи и по своей значительной торговлѣ въ Левантѣ, Французы были болѣе знакомы съ тамошнимъ мореплаваніемъ, нежели другія націи. Съ давняго времени, Франція находилась въ тѣсныхъ политическихъ связяхъ съ Турціею и при благоприятныхъ обстоятельствеяхъ, успала приобрести большія преимущества для своей левантской торговли; но тщетны были всѣ усилія ея открыть себѣ путь въ Черное море. Турція ни подъ какимъ видомъ не соглашалась дозволить французскимъ кораблямъ свободный проходъ черезъ Дарданеллы. Если Франція не могла исходатайствовать себѣ это право, то другія государства тѣмъ еще менѣе могли ожидать успѣха; такимъ образомъ своекорыстная политика Турціи преграждала всѣ покушенія къ открытію непосредственной торговли съ Россіею, черезъ Черное море.

Темерниковская компанія существовала только шесть лѣтъ: въ 1762 году, указами 27 марта и 31 іюля, она уничтожена, и всѣмъ русскимъ подданнымъ разрѣшено было безпрепятственно производить торговлю изъ Темерниковскаго порта въ Константинополь, въ Италію и

другія мѣста; но къ отвращенію подрыва для компаніи, предоставлено ей было опредѣлить продажныя цѣны товарамъ въ Темерниковъ, при компанейской конторѣ, вмѣстѣ съ шестью сторонними купцами, подъ надзоромъ коменданта крѣпости Святыхъ Анны, а въ Константинополь, при тамошней конторѣ, въ присутствіи русскаго резидента, и поручено коллегіи иностранныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ коммерцъ-коллегією начертать подробную о томъ инструкцію, которую и представить на утвержденіе правительствующаго сената. Въ то же время, турецкимъ и венеціанскимъ купцамъ отведены были удобныя мѣста для постройки въ Темерниковъ домовъ и магазиновъ.

О состояніи торговли въ Темерниковъ сохранились слѣдующія свѣдѣнія :

	Привозъ.		Отпускъ.	
Въ 1758 году.	на	52,076 руб.	на	34,913 р.
— 1759	—	61,602	—	37,842
— 1760	—	85,084	—	42,283
— 1761	—	115,069	—	42,651
— 1762	—	198,906	—	41,314
— 1763	—	59,651	—	43,369
— 1764	—	44,020	—	59,096

Эти цифры показываютъ, что со времени уничтоженія компаніи, торговля склонилась къ упадку, особенно привозная; отпускная же, напротивъ того, распространилась, по утвердившемуся въ Турціи требованію на нѣкоторые русскіе товары. Казачій городъ Черкасскъ, на Дону, былъ средоточіемъ азовской торговли; сюда пріѣзжали русскіе торговцы, казаки, Турки, Греки, Армяне и Евреи для мѣны и продажи товаровъ. Турецкіе, греческіе и армянскіе купцы отправлялись въ Таганрогъ для выдержанія карантина; оттуда пріѣзжали сухимъ путемъ въ Черкасскъ, заплативъ пошлину въ Темерниковской таможенѣ, гдѣ собиралось ежегодно около 50,000 рублей.

Судя по препятствіямъ и притѣсненіямъ, которые встрѣчаемы были русскими купцами въ торговлѣ съ Турцією, нельзя было ожидать успешнаго развитія ихъ торговыхъ сношеній. Если турецкихъ судовъ вовсе не было въ приходъ или прибыло мало и грузовъ собрано достаточное для нихъ количество, то купцы должны были оставлять отправленіе своихъ товаровъ до будущаго года или платить огромный фрахтъ. Они подвергались при томъ большому риску, отправляя товары на турец-

ихъ судахъ. Частыя крушенія отъ худой, непрочной конструкціи, отъ неимѣнія хорошаго такелажа, отъ невѣжества шкиперовъ и отъ неумѣренной нагрузки, причиняли купцамъ значительные убытки. Въ случаѣ хотя малой непогоды надлежало, для облегченія судна, выбрасывать часть груза въ море; шкипера, не имѣя никакихъ свѣдѣній въ наукѣ мореходства, приставали иногда вмѣсто Крымскаго полуострова, къ абхазскимъ берегамъ, гдѣ горцы захватывали и людей и товары; другіе же съ умысломъ разбивали суда, находя въ томъ свою выгоду, потому что брали въ Константинополь, по тамошнему обычаю, отъ страховщиковъ деньги съ условіемъ, что если судно совершитъ оба рейса благополучно, то шкиперъ долженъ возвратить взятый капиталъ съ процентами, а когда судно разобьется, тогда онъ освобождается отъ платежа. Шкипера умѣли пользоваться этимъ условіемъ: если судно нестало взятой суммы, они разбивали его тамъ, гдѣ удобно можно было спасти жизнь себѣ и экипажу и подарками доставали свидѣтельство въ удостовѣреніе, что судно погибло по волѣ Божіей и тѣмъ освобождались отъ возврата денегъ. Въ случаѣ спасенія товаровъ на берегъ, жители грабили ихъ, а таможенные сборщики взыскивали пошлину сполна; мѣстныя начальства требовали всегда большихъ подарковъ, и для покрытія всѣхъ этихъ расходовъ, надлежало продавать товары, по необходимости, за безцѣнокъ.

Каждое судно должно было платить довольно значительную сумму за пропускъ мимо еникольской крѣпости; для задержанія судна, Турки, подъ разными предлогами, брали шкипера и матросовъ подъ арестъ, какъ турецкихъ подданныхъ, утверждая, что русскихъ купцовъ съ товарами ихъ останавливать не имѣютъ права, и купецъ, видя такое притѣсненіе, долженъ былъ освобождать судно подарками. Суда, нанятые русскими купцами, были задерживаемы также подъ видомъ, что шкиперу предстоитъ очередь везти пшеницу въ константинопольскіе магазины, потому что всѣ суда вообще должны были поочередно доставлять хлѣбъ въ столицу: въ такомъ случаѣ, русскій купецъ, въ возбужденіе потери удобнаго времени, долженъ былъ давать большіе подарки и на жалобы его всегда отвѣчали, что держатъ шкипера и матросовъ какъ турецкихъ подданныхъ, а что русскіе купцы пользуются свободою. Въ платежъ пошлинъ съ привозныхъ и отвозныхъ товаровъ, русское купечество въ Турціи было также сильно притѣсняемо, потому что пошлины взымались не по тарифу, какъ съ товаровъ

другихъ сиропейскихъ купцовъ, а надлежало платить съ караванъ и съ низкихъ товаровъ равную пошлину по оцѣнкѣ, какую заблаговременно сдѣлать таможенный цѣновидикъ.

Въ Крыму, русскіе купцы были притѣсняемы какъ татарскими, такъ и турецкими начальствами. — Съ 1761 по 1764 годъ имъ запрещено было вздѣть изъ Запорожской Сѣчи въ Константинополь и обратно, мимо очаковской крѣпости, а принуждали ихъ слѣдовать на перекопскую крѣпость, оттуда въ Козловъ (Евпаторію) или въ Кафу (Феодосію) и уже изъ этихъ портовъ они могли отправляться въ Константинополь, заплативъ такимъ образомъ пошлину въ Перекопи по четыре со ста, въ Козловъ или въ Кафу, по пяти со ста и наконецъ въ константинопольской таможнѣ, они должны были платить пошлину сполна. Суда, приходящія изъ Константинополя, не были пропускаемы крымскимъ ханомъ прямо до Запорожской сѣчи, но заставляли разгружаться въ очаковскія думбасы или открытыя лодки, которыхъ по необходимости навимали за высокую цѣну; сверхъ того, русскій купецъ съ каждаго константинопольскаго судна долженъ былъ платить хану по двѣсти или триста рублей. Многіе товары, особливо вина и фрукты, будучи отправляемы по Днѣпру въ открытыя лодкахъ, подвергались порчѣ и эти убытки присоединялись еще къ обременительнымъ пошлинамъ и произвольнымъ сборамъ, которыми русскіе купцы отягощены были въ Крыму и въ Турціи. — По ходатайству нашего министра въ Константинополь, разрѣшено было судамъ безпрепятственно проходить мимо Очакова, но этимъ не кончились притѣсненія: въ случаѣ мелководія Днѣпра при впаденіи его въ Лиманъ, надлежало убавлять изъ судовъ грузъ; очаковскіе жители, видя, что русскимъ купцамъ необходимы лодки для перегрузки товаровъ, брали за нихъ непомерную плату, и сверхъ того, мѣстное турецкое начальство, подъ разными предлогами, задерживало лодки, для полученія отъ русскаго купца подарковъ за пропускъ. Въ иныхъ случаяхъ, русскіе купцы, выгрузивъ товары, отправляли ихъ сухимъ путемъ до орловскаго форпоста, въ разстояніи ста-осьмидесяти верстъ отъ Очакова, но должны были въ разныхъ мѣстахъ платить пошлины крымскому хану, хотя и представляли данныя въ Константинополь платежныя квитанціи и указы о невзиманіи никакихъ пошлинъ и подарковъ въ провозѣ ихъ черезъ все турецкія области; однако же это не бы-

до принизимо въ уваженіе и нѣтъ всегда отвѣчали: тамъ выдѣние султана турецкаго, а здѣсь земля хана крымскаго.

Торговля сношенія Россіи съ Крымомъ, въ теченіе этого періода, были довольно дѣятельны, несмотря на притѣсненія, угнетавшія эту торговлю. Русскіе купцы получали и отпускали многіе товары черезъ Крымъ, пользуясь тѣсными связями этой страны съ приморскими городами Турціи. Важнѣйшимъ торговымъ городомъ въ Крыму былъ Кафа; сюда стекались корабли изъ Константинополя, Трѣбизонда, Сипопа, Амазін, Самсупа, Бургаса, Варны и многихъ другихъ мѣстъ Анатоліи и Румелии, иногда приходили суда даже изъ Александріи. Послѣ Кафы, первое мѣсто, въ торговомъ отношеніи, принадлежало городу Карасу, который, по своему положенію въ центрѣ Крыма, производилъ значительную торговлю. Козловъ (Евпаторія), приморскій городъ на западной сторонѣ полуострова, находился въ сношеніяхъ съ Румелиєю, Анатолією и Константинополемъ. — Перекопъ, небольшой городъ на перешейкѣ, соединяющемъ Крымъ съ материкомъ, служилъ складочнымъ мѣстомъ для сухопутной торговли. Въ Балаклавѣ, Керчи, Еянколь и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ, торговля была маловажна.

Главнѣйшія статьи отпуска изъ Крыма были слѣдующія: шерсть, кожи сырыя, мягкая рухлядь, воскъ, медъ, селитра, ружья, ножи, войлоки и другія шерстяныя издѣлія, сафьяны, мясо соленое, масло поровье, рыба, икра, вино, соль, хлѣбъ и наконецъ невольники. Все эти предметы, по болыной части, вывозились въ Константинополь, въ Румелию и въ Анатолію; мерлуинки, сверхъ-того, были покупаемы въ болыномъ количествѣ для Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Черкессіи; туда отправляли также ножи, которыми особенно славился городъ Бакчисарай, гдѣ выдѣлывали и ружья, бывшія въ болыномъ уваженіи въ Константинополь; значительное количество сѣделъ отправлялось въ Черкессію, Молдавію и Валахію, а иногда въ Россію и Польшу; русскіе купцы, также казаки украинскіе и запорожскіе, покупали много винограднаго вина, лучшіе сорта коего производились въ Суджкѣ, Белбекѣ, Качи и Алмѣ; они пріѣзжали также въ Перекопъ для покупки соли. Торгъ невольниками въ Крыму былъ весьма значительнъ; крымскіе купцы ѣздили въ Черкессію, Грузію, къ Абхазамъ и Калмыкамъ покупать невольниковъ мѣною на товары и увозили ихъ

въ Кафу, куда съезжались для покупки ихъ купцы изъ Константинополя, Анатолиі и Румелиі.

Крымъ снабжался почти всеми потребностями изъ Константинополя, Анатолиі и другихъ областей Турціи; отсюда доставлялись всякія бумажныя, шелковыя и шерстяныя издѣлія тамошней выдѣлки, а европейскіе товары этого рода не имѣли въ Крыму большого сбыта; желѣзныя, мѣдныя и стальныя издѣлія, галантерейныя вещи, привозились изъ Германіи, Польши и Константинополя, замки изъ Константинополя, Россіи и Польши, стекло изъ Польши, Германіи, Венгрии и Венеціи, косы изъ Германіи черезъ Валахію, золото пряденое изъ Россіи и Константинополя, чубуки изъ Константинополя и Молдавіи, разныя деревянныя издѣлія изъ Анатолиі и Молдавіи, табакъ изъ Украйны сухимъ путемъ, а моремъ изъ Варны, Бургаса и Константинополя; казаки доставляли водку (горьлку) и наливки; фрукты сухіе привозились изъ Анатолиі и острововъ Архипелага, масло деревянное изъ Метелина черезъ Константинополь, сыръ изъ Россіи и Румелии, мыло изъ Смирны и Кандіи; мѣдь желтая изъ Трѣбизонда; латунь изъ Польши, сталь изъ Венеціи, желѣзо изъ Румелии, котлы желѣзные изъ Россіи, черезъ Тамань и проч.

Русскіе купцы доставляли въ Крымъ мягкой рухляди ежегодно на сумму около 15,000 піастровъ, также большое количество холста, который почти весь отправлялся въ Константинополь; канаты и веревки, привозимыя изъ Россіи, расходились по всемъ крымскимъ портамъ, для корабельныхъ потребностей, частью же вывозились въ Константинополь и Анатолію; масло коровье (отъ 2000 до 3000 пудовъ) привозили изъ Россіи въ Крымъ обыкновенно для отпуска въ Константинополь. Казаки доставляли иногда на продажу въ Перекопъ сырыя кожи; сухія привозились изъ Астрахани и Аккермана. — Кромъ мягкой рухляди, привозимой изъ Россіи, Крымъ снабжался этимъ товаромъ изъ Молдавіи и Польши.

Вся товары, которые шли изъ Запорожской Сѣчи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Румелии сухимъ путемъ въ сѣверную и восточную часть Крыма, привозились черезъ Очаковъ, небольшой укрепленный городъ при устьѣ Днѣпра; сюда стекалось не малое число судовъ изъ Румелии, Дуная, Константинополя и нѣкоторыхъ портовъ Анатолиі, а запорожскіе казаки приходили въ Очаковъ на ладьяхъ своихъ по Днѣпру.

Въ такомъ положеніи находилась торговля въ рукахъ Турковъ, Татаръ и казаковъ ; угнетаемая пошлинами, притѣсненіями и грабѣжами, она должна была ограничиваться необходимыми для мѣстной потребности оборотами, которые не позволяли ей достигнуть большаго развитія. Эта торговля могла принять благоприятнѣйшій ходъ только вмѣстѣ съ совершеннымъ преобразованиемъ внутренняго устройства, промышленности, торговыхъ сношеній и политическихъ связей того края. — Событія, совершившіяся здѣсь со времени заключенія Кучукъ-кайнарджскаго мира, постепенно измѣнили свойство и направленіе торговли на Черномъ морѣ.

ПЕРІОДЪ ВТОРЫЙ.

Отъ Кучукъ-кайнарджскаго мира до присоединенія Крыма къ Россіи.

Война, возгорѣвшаяся между Россіею и Турціею въ 1768 году, окончилась достопамятнымъ кучукъ-кайнарджскимъ миромъ, который основалъ могущество Россіи на югѣ, подобно какъ ништадскій миръ утвердилъ преобладаніе ея на сѣверѣ. Послѣдній доставилъ Россіи порты при Балтійскомъ морѣ, черезъ которые она вступила въ непосредственныя сношенія съ Европою, а первыиъ Екатерина осуществила мысль Петра Великаго открыть для Россіи торговлю черезъ Черное море. Миръ въ Кучукъ-Кайнарджи былъ подписанъ 10 іюля 1774 года и загладилъ память того самаго дня, когда Петръ въ 1711 году долженъ былъ заключить съ портою миръ при Прутѣ. По кучукъ-кайнарджскому трактату порта признала независимость Крыма и всѣхъ подвластныхъ ему племенъ и народовъ ; предоставила русскимъ судамъ свободное плаваніе въ турецкихъ моряхъ, право проходить черезъ Дарданеллы и всѣ вообще торговыя льготы, которыми пользовались другія націи, находившіяся въ тѣснѣйшей дружбѣ съ портою ; сверхъ-того уступила Россіи Азовъ и Таганрогъ, три крѣпости : Кинбурнь, Керчь и Эвколь и большое пространство земли между Бугомъ и Днѣпромъ.

Такимъ-образомъ Екатерина открыла своимъ подданнымъ новый торговый путь, который нѣкогда былъ обширнѣйшимъ и богатѣйшимъ въ свѣтѣ. Азовскіе и черноморскіе порты Россіи могли сдѣ-

лется средоточіемъ мѣны всѣхъ произведеній сѣверной и южной Европы, а полуденнымъ губерніямъ Россіи, не имѣвшимъ, до того времени, истока для своихъ продуктовъ, представлялась возможность сбывать ихъ въ южныя страны Европы и получать оттуда, въ замѣну, необходимыя потребности, гораздо кратчайшимъ путемъ. Такое важное событіе должно было возбудить вниманіе всѣхъ торговыхъ государствъ, и не бесполезно будетъ рассмотреть теперь, какія выгоды и неудобства представлялъ этотъ путь для Россіи и какія мѣры нужны были для споспѣшествованія первымъ и устраненія послѣднихъ.

Едва сдѣлались известными въ Европѣ условія кучукъ-каинарджакаго мира, какъ общій духъ предприимчивости, господствовавшей тогда въ этой части свѣта, уже началъ предаваться самымъ блестящимъ надеждамъ. Писатели и купечество предвѣщали великій переворотъ во всемірной торговлѣ, спекулянты и капиталисты наперерывъ старались воспользоваться предполагаемыми выгодами. Общій энтузіазмъ, пробужденный освобожденіемъ Чернаго моря отъ турецкаго ига, казалось заглушало даже чувство народной зависти и своекорыстіе торговой политики. Излишне доказывать здѣсь, до какой степени эти надежды были преувеличены. Нельзя было ожидать важныхъ послѣдствій для всемірной торговли, при тогдашнемъ состояніи ея и при закрытіи пути черезъ Дарданеллы всѣмъ иностраннымъ кораблямъ, кромѣ русскихъ; если Россія, въ благоприятныхъ обстоятельствахъ успѣла заставить порту согласиться на свое домогательство, то другія націи напрасно предавались надеждѣ приобрести это право. Гораздо существеннѣйшія и вѣрнѣйшія выгоды пріобрѣла Россія тѣмъ, что плодороднымъ южнымъ губерніямъ ея представился удобный и надежный истокъ для произведеній ихъ, которыя прежде или вовсе не имѣли сбыта или же должны были отправляться дальнимъ путемъ къ Балтійскому морю; южныя страны Европы могли получать эти произведенія изъ ближайшихъ мѣстъ нежели прежде и безъ посредничества западныхъ торговыхъ націй, а Россія могла несравненно болѣе расширить свои торговлыя сношенія и наконецъ можетъ-быть даже открыть удобнѣйшимъ путемъ посреднической торговлѣ некоторыми продуктами сосѣдственной Персіи, которыя были въ большомъ требованіи въ Европѣ. **Вотъ выгоды, хотя не такъ блестящія, но не менѣе важныя,**

которыя можно было по справедливости ожидать от кучукъ-кайнарджскаго мира; но для стяжанія и этихъ выгодъ потребны были усилія, возможныя только могущественной державѣ, подъ влияніемъ благоприятныхъ обстоятельствъ.

При основаніи новой торговли, прежде всего обращено было вниманіе на сближеніе южной Россіи съ черноморскими и азовскими портами посредствомъ водяныхъ путей, потому что иначе невозможно было предполагать значительнаго подвоза туда продуктовъ изъ внутреннихъ мѣстъ, следовательно нельзя было ожидать и значительной торговли. Природа облегчила это сообщеніе посредствомъ двухъ большихъ рѣкъ, которыя, вытекая изъ глубины Россіи, принимаютъ въ себя множество побочныхъ рѣкъ и впадаютъ одна въ Азовское, другая въ Черное море. Однако, для усовершенствованія судоходства по этимъ рѣкамъ, еще надлежало отвратить многія препятствія. Донъ и Днѣпръ отъ истоковъ до устій своихъ принадлежали Россіи, но въ первомъ по мелководію въ верхнихъ частяхъ, а въ послѣднемъ по множеству пороговъ, судоходство почти было невозможно на весьма значительныхъ разстояніяхъ. Такъ какъ нельзя было уничтожить мелководіе Дона, то не оставалось инаго способа, какъ перевозить товары по этой рѣкѣ на плоскодонныхъ судахъ, которыя весною при высокой водѣ, могли безопасно плыть отъ Воронежа до самаго устья. Взорваніе днѣпровскихъ пороговъ было пѣсколько разъ предприняваемо, но почти всегда безъ успѣха. Проектъ канала вдоль Днѣпра встрѣтилъ также трудности, остановившія исполненіе этого предпріятія; притомъ, сухопутная, для обхода пороговъ, перевозка, на пространствѣ 70 верстъ, не казалась большимъ затрудненіемъ для торговли, въ сравненіи съ возможностью судоходства по Днѣпру на разстояніи 1,200 верстъ.

Проектъ Петра Великаго соединить Донъ съ Волгою, для распространенія черноморской торговли, былъ возобновленъ Екатериною въ 1768 году, но война съ Турціею воспрепятствовала совершить это важное предпріятіе.

Другое, главное, условіе, отъ котораго зависѣла Черноморская и Азовская торговля, заключалось въ положеніи и свойствахъ портовъ, которыми Россія обладала при обѣихъ моряхъ. По кучукъ-кайнарджскому миру, она приобрѣла пять портовъ, которые однако не все были одинаково удобны. Азовъ, некогда бывшій главнымъ тор-

говымъ городомъ Грековъ и Гемузцевъ, не могъ уже болѣе возстановить свою торговлю, потому что рукавъ Дона, протекающій у этого города, обмелѣлъ до того, что по немъ могли ходить только небольшія лодки. Гораздо удобнѣе въ этомъ отношеніи былъ Таганрогъ, хотя и находился въ самомъ углу Азовскаго моря и въ тридцати-пяти верстахъ отъ устья Дона. Гавань у этой крѣпости имѣла глубины не болѣе семи футовъ, но была обильна и безопасна. Сверхъ-того, построенные здѣсь, во время войны, большіе и прочныя дома представляли пріѣзжающимъ купцамъ и икиперамъ удобства, которыхъ нельзя было найти въ Азовѣ.

Такимъ-образомъ, у Азовскаго моря, Россія обладала собственно однимъ только портомъ; у таманскаго пролива, она имѣла два: Керчь и Эниколь, которые, будучи совершенно отдѣлены отъ Россіи, не представляли большихъ выгодъ ея торговлѣ и могли служить только защитой входа въ Азовское море; у самаго Чернаго моря, Россія приобрѣла одинъ портъ, который по своему положенію и свойству, былъ совершенно неудобенъ. Рейдъ кибурскій, при днѣпровскомъ лиманѣ, противъ Очакова, доставлялъ мало безопасности кораблямъ; дурной якорный грунтъ съ отмѣлями и близкое сосѣдство турецкой крѣпости представляли невыгоды, которыя никакими мѣрами нельзя было отвратить. Между-тѣмъ недостатокъ въ удобномъ портѣ у береговъ Чернаго моря и при устьѣ Днѣпра, былъ такъ ощутителенъ, что Екатерина рѣшилась заложить новый городъ. Въ 1779 году положено основаніе Херсону. Мѣстоположеніе его, ниже пороговъ и не далеко отъ устья судоходнаго здѣсь Днѣпра было весьма удачно выбрано и соответствовало тогдашнему положенію русскихъ владѣній при Черномъ морѣ. Въ Херсонѣ назначено было устроить адмиралтейство и въ этомъ портѣ должна была сосредоточиваться днѣпровская торговля. Для скорѣйшаго хода строительныхъ работъ, отражены были туда нѣсколько полковъ и въ непродолжительномъ времени, на мѣстѣ нѣкогда пустыннымъ, гдѣ стоялъ только таможенный постъ, возникъ красивый, правильный, городъ, въ которомъ черetz нѣсколько лѣтъ считалось болѣе 10,000 жителей.

И такъ, изъ шести приморскихъ мѣстъ на приобретенныхъ Россіей берегахъ, надлежитъ исключать Азовъ и Кибурнь; изъ остальныхъ четырехъ, Херсонъ, по младенческому состоянію его, а Керчь и Эниколь, по неудобствамъ мѣстоположенія ихъ, не представляли особен-

ной важности для торговли, такъ, что одинъ таганрогскій портъ остается замѣчательнымъ для исторіи торговли.

Третій предметъ, который надлежало принять въ соображеніе для основанія новой торговли, относился къ вопросу: какимъ образомъ и кѣмъ должна производиться эта торговля. Въ этомъ именно заключалось главнѣйшее затрудненіе. Когда Петръ Великій овладѣлъ берегами Балтійскаго моря, то достаточно было открыть тамошніе порты всѣмъ мореходнымъ націямъ, чтобы привести торговлю въ движеніе; напротивъ того, Черное море, кромѣ турецкаго и русскаго флаговъ, было закрыто для всѣхъ иностранцевъ. Нельзя было ожидать выгодныхъ послѣдствій, если предоставить торговлю въ руки Турковъ или, лучше сказать, факторовъ ихъ Грековъ, Рагузянъ, Армявъ и Евреевъ: такимъ образомъ не оставалось Русскимъ другаго средства, какъ самимъ производить торговлю; но для того требовались два существенныя условія; надлежало имѣть достаточный купеческій флотъ и образованныхъ купцовъ съ большими капиталами. Все это еще должно было возникнуть и нужно было много времени для того, чтобы эти два условія могли осуществиться. Однако легче можно было достигнуть перваго, чѣмъ послѣдняго. Россія могла строить корабли дешево, скоро и въ достаточномъ количествѣ. Лѣса по Днѣпру и Дону доставляли превосходный строевой лѣсъ; для учрежденія верфей преимущественно удобны были Керчь и нѣкоторыя другія мѣста; низкая работная плата облегчала кораблестроеніе, и все, что потребно для вооруженія кораблей, Россія производила сама. Равнымъ образомъ не могло быть недостатка въ снабженіи купеческихъ кораблей матросами. Отправленіе русскаго военнаго флота въ Архипелагъ, пребываніе его тамъ и военныя экспедиціи по Черному морю, были хорошею школою для образованія мореходцевъ, бѣльшая часть которыхъ, по наступленіи мира, оказалась излишнею, и матросы съ военныхъ кораблей могли быть употреблены на купеческихъ.

Гораздо болѣе затрудненій представлялъ недостатокъ въ купцахъ, которые имѣли бы необходимыя свѣдѣнія, достаточныя капиталы и кредитъ заграничный для открытія новой торговли. Такихъ купцовъ въ Россіи было вообще мало и немногіе русскіе купцы, соединявшіе въ себѣ эти качества, занимались бѣломорскою и балтійскою торговлею. Екатерина прибѣгнула къ единственнымъ средствамъ которыми

она могла располагать, не изменяя основаній своей торговой системы; она старалась поощрѣнїемъ черноморскій торговли возбудить соревнованіе богатыхъ и знатныхъ купцовъ и распространить повсюду извѣстіями свѣдѣнія о ходѣ и выгодахъ этой торговли; наконецъ, она учредила въ Константинополь торговый домъ съ пособіемъ отъ казны, желая положить начало обширнымъ торговымъ сношеніямъ съ Левантомъ и съ портами Средиземнаго моря. Эти мѣры составляютъ главные черты исторіи настоящаго періода. Уставы и таможенныя правила, издавныя для прежней торговли въ Темерниковѣ и Черкасскѣ не могли болѣе служить руководствомъ; въ 1775 году издавъ былъ для черноморскихъ портовъ новый полный тарифъ, въ которомъ пошлины со всехъ привозныхъ левантскихъ и отвозныхъ русскихъ товаровъ уменьшены противъ общаго тарифа 1766 года одною четвертью. Кроме того, въ пользу черноморской торговли, дозволено было платить пошлины русскою монетою, и все приходящія корабли освобождены были отъ платежа ластовыхъ сборовъ. — Для очистки товаровъ пошлиною, учреждена была портовая таможня въ Тагаурогъ и двѣ пограничныя таможни на Днѣпрѣ, въ мѣстахъ, удобнѣйшихъ для пристанища судовъ. Каждая изъ этихъ таможенъ имѣла въ своемъ вѣдомствѣ нѣсколько заставъ. — Хотя съ изданіемъ въ 1782 году новаго тарифа для всехъ европейскихъ портовъ и пограничныхъ таможенъ имперіи, прекратилось дѣйствіе особаго, издавнаго въ 1775 году, тарифа для черноморскихъ портовъ, однако же тамошняя торговля нисколько не пострадала, потому что все дарованныя ей льготы были подтверждены общимъ тарифомъ.

Вскорѣ по изданіи новаго тарифа, при указѣ правительствующаго сената 23 іюня 1776 года, обнародована была ведомость о товарахъ, которые могутъ имѣть самый выгодный сбытъ въ Константинополь, съ указаніемъ всехъ расходовъ и выручки. Исчислено было до двадцати осьми статей, съ которыхъ чистой прибылью приходилось не менѣе десяти, съ нѣкоторыхъ же до пятидесяти и болѣе процентовъ.

Россия могла отпускать тогда въ Турцію: мягкую рухлядь, юшку, перусину, канаты, желѣзо полосное, мѣдь досчатую, проволоку желѣзную и мѣдную, чугунные котлы, золото и серебро красное, якоря, гвозди, рыбій клей, соленую рыбу, икру паюсную, масло коровье, конскіе хвосты и гривы, моржевую кость, сальныя свѣчи,

зерна, вино солоное и хлѣбъ; послѣдній впрочемъ привозился изъ болынонь количества съ Дуная и изъ Египта. Турція могла снабжать Россію: шелкомъ, хлопчатую бумагою, шерстью, разными бушмакными, шелковыми и шерстяными издѣліями, жемчугомъ, шиткаронскими матеріалами, фруктами свѣжими и сухими, масломъ деревлянскимъ и виноградными винами съ Архипелага. Въ Крымъ, Россія могла обывать тѣже самые товары какъ и въ Турцію, а сверхъ-того бумажнаго низкаго сорта, разные желзныя издѣлія, простую посуду и тому подобное.

Изъ Крыма можно было вывозить: хлѣбъ, виноградныя вина (изъ коихъ лучшимъ почиталось судакское, для котораго бочки надлежало доставлять изъ Россіи), шерсть, мерлушки и соль.

Какъ ни полезны были мѣры, принятыя правительствомъ, онѣ обѣщали только медленный успѣхъ, пока торговля должна была оставаться въ рукахъ одного русскаго купечества. Надлежало предвидѣть, что оно ограничитъ свои предпріятія Чернымъ моремъ и что Константинополь будетъ предъломъ его торговой дѣятельности. Напротивъ того, Екатерина желала, чтобы подданные ея воспользовались всеми плодами, которые можно было получить отъ кучукъ-кайнарджскаго шира: она желала установить непосредственный торгъ отъ Чернаго моря къ берегамъ Средиземнаго и открыть русскимъ продуктамъ путь въ Левантъ, Италію, Францію, Испанію и Португалію. Для исполненія столь обширныхъ видовъ, всего дѣйствительнѣе казалось учредить, съ пособіемъ отъ казны и подъ защитою правительства, торговый домъ въ Константинополь. Основаніе его послѣдовало въ 1776 году. Генераль-прокурору и гофъ-банкиру поручено было избрать трехъ членовъ: одного, который соединялъ бы теоретическія свѣдѣнія въ торговой политикѣ, съ основательными познаніями и опытностію въ европейской и азіатской торговлѣ; другаго, который звалъ бы мореходство и кораблестроеніе, и наконецъ третьяго, изъ природныхъ Русскихъ, которому были бы хорошо извѣстны отечественныя произведенія и внутренняя торговля. Для первой цѣли избранъ былъ некто Вильямъ Этонъ, пріобрѣтшій большія познанія въ торговлѣ сначала въ Гамбургъ, потомъ еще болѣе распространившій ихъ, во время службы своей на знатнѣйшихъ конторахъ въ Лондонъ, Ливорно и Аленъ и бывшій, наконецъ, голландскимъ консуломъ въ Бассоръ. Долговѣтная опытность и путешествія въ Персію, Аравію и Ин-

дин доставляли ему возможность оказать компаніи большія услуги. Мѣсто другаго члена дано англійскому корабельщику Джемсу, который много странствовалъ по морямъ и поселился наконецъ въ Константинополь; но разныя притѣвленія со стороны великобританскаго посланника заставили его перейти въ Россію, для исхода тайствованія себя флага этой державы. Третье лицо, избранное въ члены компаніи, былъ Сидневъ, тульскій купецъ, который вздѣлъ въ разныя европейскія земли, говорилъ на многихъ иностранныхъ языкахъ, зналъ хорошо торговлю, и въ особенности русскую.

Вспомогательные способы и преимущества, компаніи предоставленные, были весьма значительны: правительство отдало ей въ распоряженіе четыре фрегата, которые отправились въ 1776 году изъ С. Петербурга въ Константинополь; вырученныя за грузы ихъ деньги уступлены были компаніи, для распространенія ея торговли. Сверхъ того, дано ей два процента комисіи за переводъ отъ трехъ до четырехъ милліоновъ піастровъ, которые Турція еще должна была заплатить Россіи. Для пріобрѣтенія же компаніи большаго числа корреспондентовъ, приказано было гофъ-банкиру отнестись къ извѣстнѣйшимъ торговымъ домамъ въ Европѣ. Со всѣхъ товаровъ, перевозимыхъ на собственныхъ корабляхъ компаніи, положено было, въ теченіе четырехъ лѣтъ, взимать только четвертую часть установленной пошлины въ черноморскихъ портахъ.

Въ іюль того же года, циркулярныя письма извѣстили объ учрежденіи компаніи, подъ фирмою: «Сидневъ, Джемсъ и Комп.» Вскорѣ потомъ Джемсъ и Сидневъ отправились черезъ Таганрогъ въ Константинополь, а Этонъ долженъ былъ ѣхать туда черезъ Англію, Францію, Италію, Германію и Венгрію. Лишь только первые двое успѣли пріѣхать въ Константинополь, прибыли туда выше-упомянутые четыре фрегата; грузы ихъ были проданы тамъ съ большою выгодой, во порта не дозволила имъ идти въ Черное море, признавая ихъ военными судами, которымъ, по мирному трактату, не дано право проходить черезъ Дарданеллы.

Грузъ ихъ составляли: парусина, канаты, желѣзо, выбойка, кисей, сукна, пряныя коренья, кошениль и другіе товары, нагруженные отчасти въ Англіи. Знаменитый капуданъ-паша Гассанъ-Алжирскій, прозванный побѣдоноснымъ, имѣвъ повелѣніе немедленно снарядить турецкій флотъ, купилъ у новаго торговаго дома всѣ потребныя на то

привасы и первый ввелъ пеньковые паруса, вмѣсто бумажныхъ, которые до того времени были употребляемы Турками.

Между-тѣмъ Этонъ, провздомъ черезъ западные и южныя государства Европы, успѣлъ завести торговыя связи съ тамошними домами. Въ Англии купилъ онъ судно, въ родъ шлюпа, весьма прочной конструкции, удобное для плаванія по Азовскому морю и отправилъ его въ Константинополь, не дожидая полной нагрузки. Одинъ изъ первыхъ домовъ въ Лондонъ далъ большіе заказы на покупку въ Астрахани гиланскаго шелку; англійскіе купцы вызвались доставлять компаниямъ сукна и другіе товары, для Астрахани, Персін, Бухарін и другихъ странъ, и такимъ-образомъ предполагалось возобновить торговлю, которую некогда производили Англичане черезъ Каспійское море. Этому поручено было также прислать подробныя калкуляціи на строевой лѣсъ, доставка котораго съ Дивпра могла обходиться дешевле нежели черезъ Ригу; предлагали даже строить на этой рѣкѣ корабли по заказамъ и тамъ же нагружать ихъ товарами. Подобныя заказы были даны ему и во Франціи, преимущественно же на корабельныя потребности, на пеньку и табакъ, а также на отправку лондонскихъ шелковыхъ товаровъ черезъ Таганрогъ. Пенька стоила тогда въ Таганрогѣ 50% дешевле, чѣмъ въ Санктпетербургѣ или въ Ригѣ, а табакъ, произраставшій около береговъ Дивпра, могъ продаваться въ южныхъ портахъ за половину петербургской цѣны его, потому что стоимость провоза равнялась цѣнности самаго товара. Въ Италиі, Этонъ получилъ заказы главнѣйше на юфть, которая была тамъ въ большомъ употребленіи. Въ Венеціи предлагалъ ему дожъ учредить въ Зантъ складку товаровъ, чтобы русскіе корабли неимѣли надобности ходить далѣе этого порта.

Компанія, отъезжая изъ Санктпетербурга, положила отправить также одно судно изъ Вьны по Дунаю въ Черное море, съ такими товарами, которые обыкновенно идутъ въ Турцію сухимъ путемъ или черезъ Триестъ, и потомъ послать это судно обратно съ русскими товарами. Это предпріятіе обѣщало большія выгоды: компанія могла бы, въ то же время, отправлять въ Россію многіе предметы, какъ-то: косы, богемскія сукна, венгерскія вина и другіе. Въ Вьвѣ, одинъ искусный корабельный мастеръ вызвался строить на Дунавъ суда разной величины и отправлять ихъ въ Черное море съ лучшимъ дубовымъ лѣсомъ, за половинную цѣну противъ обыкновенной стоимости его въ Европѣ.

Въ 1777 году, когда Эстонъ приехалъ въ Константинополь, компанія отправила купеческое имя въ Англию судно; съ богатѣйшими грузами въ Таганрогъ. — Видно, прабывшій на немъ въ этотъ городъ, открывалъ тамъ контору, которая вскоре устроила рядъ ярмарокъ: судно стало съезжаться много русскіе купцы; также поселились тамъ Френ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ достаточнаго капитала для соперничества съ компанією. Джемсъ должеъ былъ также поехать въ Таганрогъ, гдѣ присутствіе его было необходимо, потому что компанія хотала отправить оттуда корабли свои; но вдругъ она объявила, что не намъренъ выехать изъ Константинополя, по причинамъ, которыя никто не могъ разгадать. Сверхъ-того, она отказалась отъ участія во всякой другой торговлѣ, кромъ производимой между Константинополемъ и Таганрогомъ, которая сама по себѣ не требовала учрежденія компаніи съ такими преимуществами. Это несогласіе было первымъ зародышемъ разстройтва торговаго дома. Въ силу договора нельзя было ничего предпринимать противъ воли одного изъ членовъ и всѣ убѣжденія русскаго посланника, не могли заставить уворана Джемса переменить свое намъреніе.

Во время раздоровъ компаній, возникли важныя несогласія между Россійскою имперією и Оттоманскою портою, такъ, что можно было опасаться скорого уладка всей торговли. Независимоотъ Крыма была чувствительнымъ ударомъ для Порты, который она не могла скоро забыть: это сдѣлалось поводомъ къ новымъ жаркимъ спорамъ, которые окончились тѣмъ, что Порта въ 1777 году положила запрещеніе на всѣ 78 русскихъ кораблей, бывшихъ въ ея портахъ. Этотъ поступокъ былъ тѣмъ менѣе удивителенъ, что Порта уже отказалась пропустить черезъ Дарданеллы четыре русскихъ фрегата, хотя на нихъ былъ выставленъ купеческій флагъ. Къ счастью, эти раздоры между обѣими государствами кончались мирнолюбно. Конвенція, заключенная 10 марта 1779 года въ Константинополь, ясно определяла независимость хана крымскаго и границы его подчиненности султану, какъ главъ магометанскаго вѣроисповѣданія. Въ то же время подтверждено предоставленное русскимъ судамъ право свободнаго плаванія изъ Чернаго моря въ Мраморное и обратно; но это преимущество распространялось только на купеческія суда известной величины, а именно такія, которыя поднимаютъ не болѣе 26,400 пудовъ; этия акты обѣ стороны обязались немедленно приступить къ начертанію торго-

иго протата, на такъ же самыя основанія, какія допущены были къ торговлѣ трактатахъ Парты съ Франціею и Англіею.

Но смотря на благоприятную развязку вѣдъ несогласій, первоначальныя свѣдѣнія ихъ имѣли весьма вредное вліяніе на торговлю вообще и особенно на торговлю русской компаніи. Этотъ отправился въ концѣ 1777 года въ Крымъ, для полученія тамъ уплаты денегъ. Онъ нашелъ эту страну въ величайшемъ волненіи, отчасти занятою русскими войсками, и не только ни въ чемъ не успѣлъ, но былъ даже въ опасности лишиться жизни. Между-тѣмъ русское судоходство въ Константинополь почти совершенно прекратилось, и одинъ корабль компаніи съ полнымъ грузомъ, наводился подъ запрещеніемъ около полутора года.

Для турецкія и внутреннія частныя несогласія компаніи останавливали предпріятія ея во весь 1778 годъ. Этотъ повхалъ въ Санктпетербургъ съ предложеніями и въ надеждѣ возобновить торговлю своего дома въ другомъ видѣ; когда онъ прибылъ туда, Россія уже примирилась съ Портою. Нѣкоторые богатые капиталисты изъявили желаніе присоединиться къ этому дому, если онъ получитъ привилегію исключительной компаніи; они дѣйствительно подали о томъ прошеніе. Императрица, которая однако несогласилась на это предложеніе. Тогда изъ числа ихъ, купецъ Фальверъ, которому Этотъ сообщилъ многія обстоятельныя свѣдѣнія, занялся одинъ производствомъ этой торговли и черезъ несколько лѣтъ уже имѣлъ много собственныхъ кораблей, которые ходили преимущественно изъ Херсона во Францію. Вслѣдствіи, онъ дѣлалъ на своемъ изживленіи опыты надъ взорваніемъ дѣтпровскихъ пороговъ; также, еще въ бытность Этона въ Санктпетербургъ, онъ купилъ тамъ четыре испанскихъ корабля и отправилъ ихъ въ Португалію съ грузомъ русскихъ товаровъ. Если бы въ Россіи было болѣе такихъ богатыхъ, предпримчивыхъ и благомыслящихъ купцовъ, то черноморская торговля ея, безъ-сомнѣніи, пришла бы вкорѣ благоприятнѣйшее направленіе.

Между-тѣмъ какъ Этотъ собирался вѣхать обратно въ Таганрогъ, генералъ-прокуроръ отправилъ одного чиновника въ Константинополь для дірѣма отъ Порты денегъ и пересылки ихъ въ государственное казначейство и поручилъ ему изслѣдовать состояніе тамошняго торговаго дома. Это нанесло послѣдній ударъ кредиту компаніи, которая еще могла бы направить свои дѣла, если бы переводъ такъ

денегъ былъ, по прежнему, предоставленъ на ея комиссію. Къ оправданію своихъ дѣйствій, компанія послала въ Санктпетербургъ въ октябрѣ 1779 года отчетъ, изъ котораго видно, что она имѣла тогда три собственныхъ корабля, принимавшихъ грузъ; одинъ былъ назначенъ въ Таганрогъ, а два въ Смирну. Долги за товары, принадлежавшіе казнѣ и компаніи, простирались до 150,000 піастровъ; эта сумма представляла казнѣ достаточное обезпеченіе вмѣстѣ съ товарами, находившимися на складахъ въ Константинополь, въ Таганрогъ и въ Крыму. Компанія еще не понесла въ торговлѣ большихъ потерь, погибъ только одинъ корабль, и запрещеніе, наложенное на корабль ея въ Константинополь, причинили ей убытокъ только на 12,000 рублей отъ повредившихся товаровъ.

Недовѣрчивая, завистливая политика Порты, уклонявшейся отъ заключенія настоящаго торговаго трактата, и происходившая оттого ненадежность торговыхъ предпріятій, естественнымъ образомъ должны были еще увеличить разстройство компаніи, терпѣвшей отъ несогласія своихъ членовъ. Возникли новые споры между обоими дворами о досмотрѣ русскихъ судовъ у константинопольской таможи, о торговлѣ хлѣбомъ, о пакетботахъ, о русскомъ консулѣ въ Валахіи и Молдавіи и прочее. Между-тѣмъ торговля компаніи шла своимъ порядкомъ, хотя и медленно, пока наконецъ въ 1783 году между членами ея опять водворилось согласіе и продолженіе ея сдѣлалось достовернымъ. При подробнѣйшемъ изслѣдованіи состояніе дѣлъ ея оказалось гораздо лучшимъ, нежели можно было ожидать; сдѣланы были новыя благонадежнѣйшія распоряженія и существованіе компаніи продолжено еще на десять лѣтъ. Одобренный русскимъ посланникомъ планъ, былъ утвержденъ Императрицею; но, кажется, съ того времени компанія дѣйствовала какъ частное общество и не пользовалась болѣе вспоможеніемъ казны.

Такова была судьба этого достопамятнаго учрежденія, обратившаго на себя вниманіе знатнѣйшихъ торговыхъ домовъ Европы. Оно могло бы оказать большую пользу возникавшей торговлѣ, если бы приняты были успѣшнѣйшія мѣры. Впрочемъ, хотя компанія мало удовлетворила ожиданіямъ иностраннаго купечества, однако же не осталась вовсе безъ полезныхъ слѣдствій для Россіи: по-крайней-мѣрѣ, своими предпріятіями она проложила путь и даже несовершеннѣйшія спекуляціи ея показываютъ, какого обширнаго развитія могла

достигнуть черноморская торговля и какую важность она должна была со временем приобрести. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, этотъ торговый домъ одинъ не ограничивалъ свои виды только азовскими и черноморскими портами; но старался распространить свои дѣла въ Левантъ и по Средиземному морю. Въ 1769 году, построенный въ Таганрогъ корабль «Князь Константинъ» отправленъ былъ чрезъ константинопольскій проливъ и Дарданеллы въ Смирну, съ грузомъ русскихъ произведеній, не столько для торговли, сколько для того, чтобы воспользоваться правомъ, вновь подтвержденнымъ конвенціею 10 марта 1779 года. Этотъ корабль былъ пропущенъ безъ малѣйшаго препятствія. Въ 1780 году отправленъ другой корабль изъ Херсона съ грузомъ соленаго мяса, назначенный въ Тулонъ; оба принадлежали казнѣ, но вскорѣ потомъ и частныя лица, въ числѣ которыхъ находился купецъ Фальцевъ, послали пять кораблей съ желѣзомъ въ Архипелагъ, а въ ноябрѣ 1781 года отошли изъ Херсона еще пять кораблей во Францію съ пенькой и табакомъ.

Исключая эти экспедиціи, русская торговля въ этомъ періодѣ ограничивалась собственно портами Азовскаго и Чернаго морей и въ особенности Таганрогомъ, Эниколемъ и Константинополемъ, для снабженія крымскихъ Татаръ и Турковъ русскими товарами, въ замѣнъ которыхъ получались тамошнія произведенія. Даже судоходство между столь близкими портами только малою частью находилось въ рукахъ Русскихъ, а занимались имъ наиболее Греки на собственныхъ судахъ, но подъ русскимъ флагомъ. Самое большое число купеческихъ судовъ, прибывшихъ въ этотъ періодъ къ таганрогскому порту, простиралось до 29. Весь торговый оборотъ въ теченіе 1776, 1777, 1779, 1780 (кромѣ 1778 году, потому что торговля тогда была прервана), составлялъ въ Таганрогъ, среднею суммою, ежегодно до 318,000 рублей, въ томъ числѣ вывозъ на 226,000 рублей, а привозъ на 92,000 рублей. Но если разсмотрѣть каждый годъ отдѣльно, то оказывается, что торговый оборотъ постоянно упадалъ; при чемъ однако, должно взять въ соображеніе, что торговля Херсона, въ самомъ началѣ, нанесла нѣкоторый ущербъ торговлѣ Таганрога. Въ прочихъ портахъ торговые обороты были очень маловажны.

	Привозъ.	Отпускъ.	Всего.
Въ 1764	на 44,020	59,097	103,117 руб.
— 1776	— 87,143	369,823	456,966 —
— 1777	— 83,246	242,118	325,364 —
— 1778	Несогласія съ Портою. Разрывъ торговли.		
— 1779	-- 90,645	161,690	252,335 —
— 1780	— 105,471	130,187	235,658 —

Эти цифры показываютъ, что послѣ кучукъ-кайнарджскаго мира торговый оборотъ въ азовскихъ и черноморскихъ портахъ увеличился втрое, въ особенности замѣтно приращеніе отпуска русскихъ товаровъ. Главными статьями по отпуску были : желѣзо, икра, холстъ, канаты и веревки, масло коровье, кожи, мягкая рухлядь, а по привозу вина, фрукты, ладонъ, жемчугъ, мерлуинки, бумажныя и шелковыя издѣлія, кофе, масло деревянное, греческое мыло, сафьянъ и др.

Заключеніе, которое должно сдѣлать по этому сравнительному обзору, вовсе не соответствуетъ надеждамъ, родившимся въ Европѣ, при открытіи черноморской торговли; но и тѣ, которымъ можно было основательнѣе судить о послѣдствіяхъ этого важнаго событія, можетъ-быть обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Разсмотримъ теперь, какія невыгоды и препятствія останавливали развитіе этой торговли при самомъ ея рожденіи.

Главнѣйшее препятствіе возвышенію русской торговли на Черномъ морѣ состояло въ томъ, что она должна была производиться на собственный счетъ русскаго купечества, которое не имѣло потребныхъ для того свѣдѣній, капиталовъ и связей въ иностранныхъ земляхъ. Могла ли эта торговля привлекать русскихъ купцовъ, которые съ давнихъ лѣтъ уже привыкли покупать иностранные товары отъ иностранцевъ въ долгіе сроки, и продавать имъ отечественныя произведенія при портахъ, съ полученіемъ денегъ впередъ? Могли они обратиться къ торговлѣ, которая требовала разнообразныхъ свѣдѣній, обширнѣйшей промышленности, представляла болѣе расходовъ, выгоды неварныя и вообще была сопряжена съ гораздо большимъ рискомъ? Для приведенія этой торговли въ движеніе, оставались только два способа : или открыть русскіе порты кораблямъ всехъ націй или дозволить заведеніе въ нихъ иностранныхъ торговыхъ домовъ съ достаточными капиталами. Оба способа были употреблены предшественниками Екатерины при открытіи архангельскаго и санктпетербургскаго портовъ, и на югъ надлежало бы ожидать отъ нихъ такого же успѣха, если бы можно было здѣсь воспользоваться тѣми же способами. Но первое средство не было во власти Екатерины, потому что Порта заперла Черное море всемъ націямъ, исключая Русскихъ, а на второе государыня не хотѣла рѣшиться, вѣроятно изъ опасенія, что иностранцы завладеютъ тогда всю торговлю на Черномъ морѣ и вытѣснятъ Русскихъ, какъ уже представляла тогда событія Балтийская

торговля. Въ единственномъ торговомъ трактатѣ, который былъ заключенъ въ теченіе этого періода, Екатерина, даровавъ Даніи большія преимущества, исключила, однако, черноморскіе порты : это служить достаточнымъ доказательствомъ, что она желала предоставить тамошнюю торговлю только русскому купечеству.

Другое препятствіе заключалось въ недостатокъ русскихъ судовъ и матросовъ на Черномъ морѣ. При всѣхъ способахъ, конми обладала Россія, для заведенія тамъ купческаго флота, успѣхъ не соответствовалъ ожиданіямъ, потому что не было ни рукъ, ни капиталовъ, ни куццовъ, которые могли бы и находили бы выгоду распространить кораблестроеніе. Это заставило выдавать русскій флагъ всякому, кто ходатайствовалъ о дозволеніи выставить его на своемъ корабль : такимъ-образомъ, на турецкихъ водахъ плавали подъ русскимъ флагомъ такіе корабли, которые никогда не бывали въ Россіи и которыхъ шкипера и матросы не только не были ея подданными, но и никогда не посѣщали ея порты. Такая раздача русскаго флага естественно должна была внушать Туркамъ неуваженіе къ нему, тѣмъ-болѣе, что подъ этимъ флагомъ, болѣею частію плавали подданные ихъ, Греки, которые находили свои выгоды въ томъ, чтобы пользоваться этимъ преимуществомъ, столь легко предоставляемымъ.

Безпрерывныя несогласія между Россіею и Турціею, безпокойства въ Крыму и происходившая оттого непрочность мира, были также важными препятствіями, подавлявшими предпримчивость купчества. Еще многія отрасли торговли были оспариваемы Турціею, напримѣръ провозъ разныхъ товаровъ черезъ константинопольскій проливъ въ Средиземное море. Определенныя уже торговыя права русскихъ подданныхъ въ Константинополь не были даже понимаемы надлежащимъ образомъ ; важные пункты были теряемы изъ виду и часто упорствовали въ бесполезныхъ, неумѣстныхъ домогательствахъ. тогда какъ надлежало поддерживать преимущества, которыми не хотѣли воспользоваться. Напримѣръ : въ силу трактата, Русскіе должны были платить въ турецкихъ портахъ пошлину не свыше взимаемой съ другихъ наиболее покровительствуемыхъ націй. Эта пошлина составляла три процента. Но Англичане, Французы и другія націи платили по старому таможенному тарифу, въ которомъ цѣны товаровъ определены были по тогдашнимъ, составлявшимъ половину противъ настоящихъ цѣнъ, такъ, что дѣйствительно они платили только полтора

процента. Россія не позаботилась, однако, составить для себя тарифъ, на тѣхъ же основаніяхъ, чѣмъ могла бы сравняться съ иностранцами въ преимуществахъ, дарованныхъ ей по смыслу трактатовъ. Ко всемъ этимъ невыгодамъ еще должно присовокупить недостатокъ законнаго покровительства русской торговлѣ въ Турціи, ибо не было тамъ консуловъ, которые, въ случаѣ надобности, могли бы охранять права и собственность русскихъ купцевъ отъ притязаній турецкихъ мѣстныхъ начальствъ. Торговля также весьма стѣснялась тѣмъ, что между Константинополемъ и Москвою не было правильной почты, которая была необходима для установленія правильнаго вексельнаго курса между этими торговыми городами или Санктпетербургомъ. Въ то время ходила изъ Константинополя одна только почта, въ Вѣну, и потому векселя, данные въ Константинополь, надлежало посылать этимъ путемъ, причемъ за переводъ денегъ въ Европу терялось отъ 20 до 25 процентовъ. Россія принуждена была понести этотъ убытокъ отъ перевода контрибуціи, которую Порты, на основаніи мирнаго договора, обязана была заплатить ей. Въ послѣдствіи это неудобство отвращено учрежденіемъ постоянного пакетботнаго сообщенія и пограничнаго почтамта въ Ольвиополь.

Въ такомъ положеніи находились торговья обстоятельства, когда Крымъ поддался Россіи — событіе, которое надлежало предвидѣть. Безъ обладанія Крымомъ, русская торговля на Черномъ морѣ никогда не могла бы освободиться изъ младенческаго своего состоянія. Кучукъ-кайнарджскій миръ, вмѣсто того, чтобы обезпечить самостоятельность хана крымскаго, сдѣлалъ его въ сущности вассаломъ Россіи. Возрастающая морская сила Русскихъ болѣе и болѣе затрудняла сношенія съ Крымомъ; независимость, дарованная этой странѣ, ввергнула ее въ междоусобную войну, въ которой Россія и Турція дѣйствовали своимъ вліяніемъ, взаимно враждуя, и наконецъ взятіе Турками Тамана, въ 1783 году, сдѣлалось явнымъ нарушеніемъ мира. Екатерина признала себя въ правѣ присоединить къ своимъ владѣніямъ Крымъ, въ вознагражденіе понесенныхъ убытковъ и расходовъ, употребленныхъ на сохраненіе внутренняго спокойствія въ этомъ краѣ. Причины завладѣнія Крымомъ изложены въ манифестѣ 8 апрѣля 1783 года. Порты отвѣчала на то безсильнымъ молчаніемъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ АЗОВСКОЙ И ЧЕРНОМОРСКОЙ ТОРГОВЛИ

РОССІИ СЪ ОСЕМНАДЦАТАГО ДО ДВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

=

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Отъ присоединенія Крыма до начала торговли въ Одессѣ.

Этотъ періодъ открывается событіемъ, совершенно неожиданнымъ, при тайной враждѣ, которая, казалось, готова была воспламениться войною, когда Турція увидѣла Крымъ подъ русскою державою. Это событіе есть заключеніе съ портою весьма выгоднаго для Россіи *торгового трактата*: оно доказываетъ, до какой степени ослабѣло тогда могущество Оттомановъ, и какъ страшенъ былъ султану союзъ Россіи съ Австрією. Этотъ трактатъ, состоящій изъ 81 статьи, заключаетъ въ себѣ такія преимущества и льготы въ пользу русской торговли, какихъ ни Франція, въ продолженіе болѣе двухъ вѣковъ тѣсной связи съ Портою, ни другая какая-либо нація, не успѣли приобрести. По этому трактату, русскимъ подданнымъ предоставлено право платить пошлину не свыше трехъ процентовъ съ цѣны привозимыхъ и вывозимыхъ ими товаровъ на всемъ пространствѣ турецкихъ владѣній, не исключая Молдавіи и Валахіи, и притомъ только

Одинъ разъ, въ томъ мѣствѣ, гдѣ они стануть продавать привезенные ими товары или покупать товары для вывоза; кромѣ трехъ процентовъ не дозволялось взыскивать съ нихъ ни одного аспра болѣе; въ уплату же этой пошлины положено выдавать имъ тескере или свидѣтельства, которыя должны были служить имъ обезпеченіемъ отъ дальнѣйшаго взысканія. Для оцѣнки товаровъ, былъ установленъ особый тарнефъ, утвержденный обѣими договаривавшимися сторонами, въ которомъ назначены опредѣлительныя цѣны товаровъ. Если бы турецкіе таможенныя чиновники оцѣнили не поименованныя въ тарнефѣ товары, свыше настоящаго ихъ достоинства, то русскимъ купцамъ дано право уступать товаръ вмѣсто пошлины. Съ товаровъ, которые выгружаются не для продажи, положено пошлину не взыскивать; съ кораблей и судовъ назначенъ въ турецкихъ портахъ сборъ по 300 аспровъ съ каждаго, исключая тѣхъ, которые проходятъ черезъ константинопольскій каналъ, отправляясь въ другія страны, не подвѣстныя порты; такія суда освобождались отъ всякихъ сборовъ и даже отъ досмотра. Русскимъ консуламъ во владѣніяхъ Порты предоставлялись тѣ же самыя преимущества, какія дарованы были англійскимъ и французскимъ консуламъ. Спорныя дѣла на сумму свыше 4,000 аспровъ, не подлежали разбирательству другаго судебного мѣста кромѣ дивана. Всѣ права, которыми пользовались Венеціане, Французы и Англичане, въ силу заключенныхъ правительствами ихъ трактатовъ съ Портою, распространены и на русскихъ подданныхъ. Съ другой стороны, турецкимъ подданнымъ въ Россіи предоставлены были права и преимущества наиболее благопріятствуемыхъ націй. Порта едва ли бы согласилась даровать Россіи столь важныя выгоды, если бы свиданіе австрійскаго императора Юсифа съ Екатериною въ Могилевѣ, и утвердившійся между Россією и Австрією союзъ не грозилъ Турціи войною, которую Порта готова была тогда отклонить величайшими жертвованіями.

Въ такихъ обстоятельствахъ, Екатерина показала большую свислительность, ожидая согласія Порты на присоединеніе Крыма къ Россіи, чтобы вступить въ настоящія права владѣнія этою странюю. Порта въ томъ же году (1785) изъявила свое согласіе, и въ началѣ слѣдующаго повелѣно было образовать Крымъ по примѣру другихъ русскихъ губерній. Возникли города, учреждены судебныя мѣста, приняты мѣры въ пользу сельскаго хозяйства и поселены колонисты. Съ воз-

становленіемъ благоденствія этой страны, должна была возродиться и помнить о древней ея славі. Екатерина возвратила городамъ и урочищамъ имена, подъ которыми онѣ известны были во время владѣтельства Грековъ на берегахъ Чернаго моря.

Попечительныя мѣры правительства были необходимы тѣмъ болѣе, что Крымъ весьма много пострадалъ отъ внутреннихъ безпокойствъ, которыя долго его раздирали.

Изъ 1,200 селеній, которыхъ Пейссонель видѣлъ въ Крыму еще въ семидесятыхъ годахъ, академикъ Зуевъ, путешествовавшій тамъ въ 1786 году, нашелъ однѣ только развалины. — Многіе некогда большіе, цвѣтущіе города были обращены въ пепель; 1,500 греческихъ и армянскихъ семействъ оставили свою отчизну и переселились въ Россію, большое число Татаръ поселились въ соседственныхъ азіатскихъ земляхъ; еще большая часть сдѣлалась жертвою междоусобной войны. Если народонаселеніе въ Крыму до начала безпокойствъ составляло около 200,000 душъ, то, по замѣчанію Зуева, оно простиралось только до 50,000, во время присоединенія этого края къ Россіи. Не смотря на то, Крымъ во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ коммерческомъ, былъ неоцѣненнымъ приобрѣтеніемъ для Россіи. Только съ-тѣхъ-поръ, она увидѣла себя въ состояніи посредствомъ сильнаго флота охранять свободу судоходства на Черномъ морѣ и черезъ Дарданеллы, обезпечивать русскую торговлю отъ притѣсненій Порты и пользоваться, въ обширнѣйшемъ значеніи, тѣми торговыми выгодами, которыя предоставлены были ей трактатами. Въ предъидущемъ періодѣ, Россія имѣла однѣ только порты при Азовскомъ морѣ, а при Черномъ собственно ни одного. Теперь же, приобрѣла она у береговъ Таврическаго полуострова восемь портовъ, изъ которыхъ Эвпаторія, Феодосія и Севастополь скоро сдѣлались замѣчательными для торговли. Къ нимъ присоединился еще Николаевъ, построенный при слияніи рѣкъ Буга и Ингула, который, по своему мѣстоположенію, пользовался всѣми выгодами портового города.

Съ приобрѣтеніемъ Крыма и съ обширными видами, открывшимися теперь для русской торговли на Черномъ морѣ, измѣнилась и система, которую Екатерина наблюдала до-тѣхъ-поръ въ отношеніи исключительной торговли ея подданныхъ. Выше уже замѣчено, что главнѣйшимъ препятствіемъ, останавливавшимъ успѣхи черноморской торговли, была именно эта исключительная торговля, которой Ека-

терина столь ревностно покровительствовала. Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ долженъ былъ убѣдить въ этой истинѣ и она рѣшилась обратиться къ противоположной политикѣ. Императрица еще въ 1782 году, по торговому трактату съ Данією, закрыла кораблямъ ея порты Чернаго моря; а теперь рѣшилась объявить ихъ свободными для всѣхъ націй и такимъ-образомъ послѣдовать примѣру двухъ предшественниковъ своихъ, установившихъ свободную торговлю въ портахъ Бѣлаго и Балтійскаго морей. Она возвѣстила эту мѣру всей Европѣ достопамятнымъ манифестомъ, который сообщаемъ здѣсь въполнѣ:

«Почечіе Наше о распространеніи торговли подданныхъ Нашихъ и другихъ съ ними народовъ черезъ Черное и Средиземное моря достигло желаемыхъ успѣховъ, когда посредствомъ торговаго договора съ Портою оттоманскою, въ десятый день іюня 1783 года заключеннаго, изъяты всѣ трудности и препятствія, которые по образу правленія турецкаго встрѣчались на каждомъ шагѣ торговли, тамъ токмо водворяющейся и цветущей, гдѣ законы ей покровительствуютъ, и гдѣ во всѣхъ ея видахъ и оборотахъ совершенная свобода предводительствуетъ. Правиламъ такой неограниченной свободы послѣдовали Мы съ самыхъ первыхъ дней царствованія Нашего, какъ многіе указы и установленія, отъ престола Нашего изданныя, то доказываютъ. Оныя нынѣ въ полной мѣрѣ присвоаемъ и распространяемъ на торговлю черноморскую. Удобность и безопасность ея наибѣе обнадежены вступленіемъ подъ державу Нашу области таврической съ прочими землями, къ ней принадлежащими, гдѣ открыты разныя пристани морскія для всѣхъ, кто отъ избытковъ Россіи что либо для себя заимствовать, и отъ своихъ произрастеній или рукодѣлій, къ выгодѣ подданныхъ Нашихъ, съ обоюдною пользою, доставить пожелаетъ. Известно, что вскорѣ послѣ того, когда послѣдняя шестилѣтняя съ Портою оттоманскою война, многими побѣдами оружія Нашего сопровождаемая, прекращена была полезнымъ и славнымъ миромъ, воздвигли мы въ намѣстничествѣ екатеринославскомъ, на рѣкѣ Днѣпрѣ, не далеко отъ устья ея городъ Херсонъ, нашедъ въ немъ сугубую удобность и для привоза изъ Россіи ея произрастеній и для доставленія извнѣ всего, что для насъ полезно быть можетъ. Сверхъ обезпеченія сего торгу сѣбною обороною, и сверхъ многіхъ дѣятельныхъ пособій, преподали Мы къ ободренію его всѣмъ»

дое облегченіе, каковое могло только быть ему свойственнымъ и согласовать съ общими правилами торговли. Сей городъ, а съ нимъ въстать и лежащіе въ таврической области приморскіе города Наини, Севастополь, извѣстный до сего подъ названіемъ Ахтъ-Яръ, одаренный превосходною морскою пристанью, и Феодосію, инако Кафою именуемый, въ разсужденіи выгоды ихъ, повелѣваемъ открыть для всѣхъ народовъ, въ дружбѣ съ Имперіею Нашею пребывающихъ, въ пользу торговли ихъ съ верными Нашими подданными. Вслѣдствіе чего, симъ торжественно объявляемъ, что всѣ помянутые народы на собственныхъ ихъ, или наемныхъ судахъ подъ флагами ихъ могутъ свободно, безопасно и безпрепятственно къ тѣмъ городамъ приплывать, или сухимъ путемъ прѣзжать, нагружать суда ихъ и оттуда отплывать, или отъезжать по своему произволенію, поступая, что до платежа пошлины за привозимые товары касается, по тарифамъ и установленіямъ таможеннымъ. Каждый, какового бы ни былъ народа да останется въ тѣхъ городахъ, покуда надобности и собственное его желаніе удерживаютъ, спокойно и безопасно пользуясь свободнымъ исповданіемъ вѣры его и отправленіемъ по ней богослуженія по достохвалному правду отъ предковъ Нашихъ, всероссійскихъ самодержцевъ, Нами наслѣдованному, распространенному и утвержденному, да всѣ народы въ Россіи пребывающіе славятъ Бога Всемогущаго по закону и исповданію праотцевъ своихъ; моля Его обще съ подданными Нашими о умноженіи благоденствія и увеличеніи силы Имперіи Нашей. Позволяемъ всѣмъ и каждому отправлять торги свои непринужденно обществами, или порознь, и объявляемъ Императорскимъ Нашимъ словомъ, что всѣ иностранцы въ сихъ трехъ городахъ Нашихъ будутъ пользоваться тѣми же свободами, каковыми пользуются они въ престольномъ и приморскомъ городѣ Нашемъ Святаго Петра, въ областномъ и приморскомъ городѣ Архангельскомъ; на случай же войны каждый да будетъ обезпеченъ правилами нейтральной системы, Нами воздвигнутой, и которыя съ Нашей стороны всегда свято и не нарушимо исполнены будутъ.

Впрочемъ, если кто изъ иностранныхъ возьмевтъ желаніе въ тѣхъ или другихъ Нашихъ городахъ и мѣстахъ поселиться и вступить въ подданство Наше, такового всемогущимъ приемлемъ подъ защиту Нашу, обидно ему свободномъ, какъ и выше сказано,

исповѣданіи природной его вѣры, что онъ будетъ пользоваться въ полной мѣрѣ всеми правами и облегченіями для торговли и мореплаванія, подданнымъ Нашимъ дозволенными, безпредѣльною свободою заводить фабрики, рукодѣлія и прочее, для пользы его и общей позволенное, и всеми тѣми выгодами и преимуществами, которыя прочимъ подданнымъ Нашимъ равнаго ему состоянія, присвоены, удовлетворяя токмо подати, которою онъ по состоянію своему, наравнѣ съ тѣми подданными Нашими, обложенъ будетъ; да и каждый изъ нихъ, разумѣя ихъ и потомковъ ихъ, будетъ свободенъ остаться въ подданствѣ Нашемъ, доколѣ въ томъ пользу свою собственную находить; а если пожелаетъ выйти изъ онаго, то по заплатѣ трѣхлѣтней дани, каковою онъ обложенъ былъ, безпрепятственно получить увольненіе. Подробныя выгоды гражданскія будутъ изъяснены въ градскихъ установленіяхъ и въ жалованныхъ грамотахъ, которыми спадиимъ Мы города Наши, и которыя вскорѣ обнародованы будутъ».

Открывъ всемъ націямъ порты Чернаго моря и пригласивъ ихъ посѣщать эти мѣста для торговли, Екатерина мало-по-малу вступила съ многими державами въ тѣснѣйшія связи въ пользу торговли таврическаго полуострова и по большой части предоставила имъ преимущества, которыми пользовались собственные ея подданные. Основаніе этой системы было изложено уже въ указѣ 27 сентября 1782 года, при которомъ обнародованъ новый общій тарифъ. Въ искомъ пунктѣ этого указа изображено: «Хотя сей общій тарифъ имѣетъ служить и для всѣхъ портовъ Нашихъ, на Черпомъ и Азовскомъ моряхъ лежащихъ; но Мы, для ободренія тамошняго торга, уменьшаемъ платежъ пошлины по опому четвертою частью въ пользу подданныхъ Нашихъ и тѣхъ народовъ, съ которыми будутъ у насъ сдѣлапы точныя о томъ постановленія, въ замѣнъ приобретаемыхъ отъ нихъ выгодъ и облегченій для Россійской торговли. Исключаются изъ таковаго уменьшенія въ пошлянахъ тѣ товары, о которыхъ именно въ тарифѣ показано, чтобъ собирать съ нихъ пошлину и въ черноморскихъ портахъ паравнѣ съ другими тамошними, или гдѣ точно же сказано въ томъ тарифѣ какую пошлину при черноморскихъ портахъ брать».

Это постановленіе содержало въ себѣ такимъ-образомъ начало, по которому Императрица намѣревалась изъ обоюдныхъ выгодъ доста-

вить некоторымъ націямъ предпочтительное участіе въ возрождавшейся торговлѣ на Черномъ морѣ. Выборъ ея палъ прежде на тѣ государства, которыя, по своему географическому положенію и по своей морской торговлѣ, могли преимущественно содѣйствовать распространенію этой торговли. Екатерина начала съ Греціи и мелкихъ итальянскихъ владѣній.

Указомъ 24 февраля 1784 года все греческія, флорентинскія и вообще всякія итальянскія вина, привозимыя въ черноморскіе порты на русскихъ, турецкихъ или итальянскихъ судахъ и за счетъ русскихъ, турецкихъ или итальянскихъ подданныхъ, уравниены въ платежъ пошлины съ испанскими винами, прямо изъ Испаніи привозимыми, что составляло, въ сравненіи съ прежнею пошлиною, около двадцати процентовъ разности. Впрочемъ, эта льгота распространялась только на вина, а не на другіе товары, изъ тѣхъ же мѣстъ получаемые; но съ другой стороны Россія не приобрѣла, въ замѣнъ, никакихъ положительныхъ выгодъ, ибо ни великое герцогство тосканское, ни другое какое-либо итальянское владѣніе не уменьшило пошлины съ русскихъ произведеній.

Екатерина обратила потомъ вниманіе на Польшу. Открытіе ей свободнаго сообщенія съ Чернымъ моремъ представляло удобный путь къ сбыту продуктовъ ея черезъ тамошніе порты и къ приобретенію отсюда потребныхъ товаровъ. Это было великимъ благодѣяніемъ для Польши и выгодно для Россіи. Указомъ 18 ноября 1784 года положено основаніе транзитной польской торговлѣ, которая должна была приобрести большую важность; Екатерина предоставила Польшѣ сбавку таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ, привозимыхъ и отпускаемыхъ черезъ Херсонъ, открывъ имъ впрочемъ и другіе порты Чернаго моря. Въ этомъ случаѣ Россія также не получила въ замѣнъ никакихъ выгодъ, но выигрывала уже и въ томъ, что польская торговля должна была производиться черезъ посредство русскаго купечества.

Спустя годъ, манифестомъ, изданнымъ 1 ноября 1785 года, предоставлена въ пользу австрійскихъ подданныхъ уступка четвертой части пошлинъ со всехъ товаровъ обоюдныхъ земель, привозимыхъ или вывозимыхъ на русскихъ или австрійскихъ судахъ и за счетъ русскихъ или австрійскихъ купцовъ, черезъ черноморскіе порты, а именно черезъ Херсонъ, Севастополь и Феодосію. — Въ замѣнъ этой льготы, императоръ Іосифъ-Второй манифестомъ 12 ноября 1785 года постано-

имѣть такое же уменьшеніе пошлинъ по австрійскому тарифу, на тѣхъ же условіяхъ и съ распространеніемъ ихъ на привозъ или вывозъ товаровъ прямо по Дунаю.

По торговому трактату съ Франціею, 31 декабря 1786 года, сбавлены въ такой же мѣрѣ пошлины въ пользу французскихъ подданныхъ по привозу ими отечественныхъ произведеній въ порты таврическаго полуострова, не исключая даже и тѣхъ товаровъ, съ коихъ пошлины по этому трактату безъ того сбавлены были, какъ напримѣръ на шампанское и бургонское вина, французское мыло и прочее.

Франція, съ своей стороны, освободила всѣ русскіе товары, привозимые изъ черноморскихъ портовъ, отъ тридцати процентовъ надбавочнаго сбора, которому подлежали всѣ привозимые во Францію изъ Леванта товары. Что касается до прочихъ тарифныхъ пошлинъ и корабельныхъ сборовъ, то въ платежъ ихъ Русскіе были уравнены съ французскими подданными и для кораблей ихъ, приходившихъ изъ Чернаго моря, назначены были два порта — Тулонъ и Марсель.

Наконецъ и подданные королевства обѣихъ Сицилій, по торговому трактату, заключенному 6 июня 1787 года, приобрѣли такую же уступку въ пошлинахъ; при чемъ и Русскимъ предоставлена была одинаковая льгота въ неаполитанскихъ и сицилійскихъ портахъ.

Въ выборѣ государствъ, для которыхъ Екатерина допустила слажку привозныхъ пошлинъ, Императрица имѣла въ виду преимущественно страны, лежащія близъ Чернаго и Средиземныхъ морей. Эта система обнаруживаетъ мудрость великой монархини: не допуская Англичанъ и Голландцевъ, владѣвшихъ посредническою торговлею на западъ, утвердиться въ черноморскихъ портахъ и присвоить себѣ здѣсь посредническую торговлю, она облегчала непосредственныя сношенія между Россіею и южными европейскими государствами, чего, въ теченіе столь долгаго времени, домогались русскіе Государи. Тѣ нации, съ которыми при этомъ случались заключены торговые трактаты, приобрѣли и предоставили въ пользу обоюдной торговли, многія общія выгоды, кромѣ вышеозначенныхъ льготъ, о которыхъ здѣсь вкратцѣ упомянуто.

Для производства торговли по Черному морю, Россія вступила, такимъ-образомъ, въ тѣснѣйшія связи съ пятью большими державами; но благоприятнѣйшихъ для этой торговли послѣдствій, въ скорѣйшее время, могла ожидать отъ коммерческаго союза съ Франціею и

Австрію. Положеніе Франціи при Средиземномъ морѣ, состояніе ея промышленности, торговля сношенія ея съ Левантомъ и съ давняго времени обнаруженное ею желаніе вступить въ непосредственныя торговныя связи съ южными портами Россіи, однимъ словомъ, все предвѣщало счастливейшій успѣхъ. Уже въ предъидущемъ періодѣ Франція старалась открыть торговлю съ темерниковскимъ портомъ черезъ турецкое посредничество. Пейсонель, въ изданныхъ имъ «Замѣчаніяхъ о черноморской торговлѣ», имѣлъ крѣпко указать ея выгоды для Франціи и начерталъ обширный планъ о производствѣ этой торговли компаніею.

Война Россіи съ Турціею воспрепятствовала открытію составившейся во Франціи въ 1767 году компаніи, которая намѣревалась употребить нѣсколько милліоновъ для заведенія торговли съ Крымомъ и соседственными землями. Но послѣ столькихъ тщетныхъ покушеній, обстоятельствъ совершенно измѣнились, когда Франція увидѣла Крымъ во власти Россіи и когда торговый трактатъ связалъ взаимныя выгоды обеихъ государствъ.

Уже надвинулись, что этотъ трактатъ ослабитъ балтійскую торговлю, лишитъ Голландію ея посредническаго торга, сосредоточивъ его въ рукахъ Франціи на Средиземномъ морѣ, и вытѣснитъ оттуда всѣ другія націи. Но послѣдствія не оправдали столь блистательныхъ надеждъ.

Не менѣе велики были ожиданія отъ основанія торговли между Россіею и Австріею по Черному морю и Дунаю. Удобства этого пути и важныя потребности обеихъ государствъ, казалось, достаточно побуждали къ открытію этой торговли. Уже за нѣсколько лѣтъ, англійскіе купцы предполагали производить торговлю съ Турціею черезъ Вѣну по Дунаю, для избѣжанія дальняго плаванія черезъ Средиземное море. Составившаяся съ этою цѣлію компанія обязывалась сдѣлать Дунай судоходнымъ, а отъ Вѣны до Чернаго моря устроить по берегамъ его магазины и пакгаузы и дать ходъ всей торговлѣ; но компанія требовала себѣ двадцатипяти-лѣтнюю монополію и это домогательство показалось столь неумѣреннымъ, что переговоры кончились безъ всякаго успѣха. Вѣроятно, это предложеніе побудило одного богатого австрійскаго вельможу, въ октябрѣ 1768 года послать товарища своего, Клесмана, на суднѣ изъ Вѣны, къ устью Дуная, для поощренія производства оттуда торговли сухимъ путемъ

въ Крымъ и Бессарабію; но позднее время года, трудная дорога и возгорьшинался между Россією и Портою война, воззрѣплатствовали усе-ху этого предпріятія; однако, не смотря на то, возможность ожидаемыхъ отъ этой стороны выгодъ сдѣлалась предметомъ спекуляцій, которыя, послѣ кучукъ-кайнарджскаго мира, получили еще опредѣлительнѣйшее направленіе.

Весьма вѣроятно, что дунайская торговля была однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ совѣщаній между Екатериною и Юсифомъ, во время пребыванія его въ Санктпетербургъ въ 1780 году. При посещеніи императоромъ академіи наукъ, профессоръ Гильденштеттъ читалъ разсужденіе о выгодахъ и способахъ открытія между Россією и Австрією торговли по Дунаю, которая, какъ онъ полагалъ, не только способствовала бы взаимной мѣнѣ русскихъ и австрійскихъ произведеній, но и установила бы сношенія южной Германіи, Венеціи, Швейцаріи и Голландіи съ Крымомъ, Турцією, Персією, Бухарією и Китаемъ. Эти блистательные виды, казалось, могли даже осуществиться, съ-тѣхъ-поръ какъ Россія овладѣла Крымомъ и вскорѣ потомъ заключенъ былъ между этою Имперією и Австрією торговый трактатъ.

Такимъ-образомъ Екатерина совершила для черноморскихъ портовъ, тоже самое, что совершили Іоаннъ-Грозный и Петръ-Великій для Архангельска и Петербурга; по успешныя слѣдствія этихъ мѣръ зависѣли здѣсь еще отъ одного обстоятельства, которое не было встрѣчено въ торговлѣ Бѣлаго и Балтійскаго морей, а именно то, что ключемъ Чернаго моря владѣла завистливая, непріязненная Россіи держава. Открытіе портовъ этого моря всемъ націямъ, въ то время когда Турки никого туда не пропускали, покажется съ перваго взгляда явнымъ противорѣчіемъ; но, вѣроятно, намѣренія Екатерины клонились къ тому, чтобы заставить все европейскія державы соединеннымъ домогательствомъ принудить Порту къ уничтоженію навсегда этой преграды. Эта догадка, можетъ-быть, не совсемъ неосновательна, если сообразить сущность манифеста 1784 года съ мѣрами, принятыми Екатериною для возбужденія въ портахъ черноморскихъ соперничества всѣхъ мореходныхъ націй.

Изъ всѣхъ государствъ, которымъ Екатерина указами и торговыми трактатами предоставляла разныя льготы, только одно, кромѣ Турціи, могло воспользоваться этими выгодами. Намѣреніе Императри-

ны, вѣроятно, состояло въ томъ, чтобы транзитная торговля Польши производилась на Черномъ морѣ чрезъ Херсонъ, посредствомъ русскихъ судовъ, потому что въ указѣ, изданномъ по этому предмету, не упоминается о польскомъ судоходствѣ. Изъ итальянскихъ владѣній рагузинскія суда, имѣвшія турецкій флагъ, пользовались правомъ проходить черезъ константинопольскій каналъ. — Франція и Неаполитанское королевство не имѣли этого права. Слѣдовательно, взаимныя льготы, постановленныя для непосредственной торговли между Россіею и упомянутыми государствами, представляли въ сущности выгодную сторону для Россіи; въ одномъ только трактатѣ, а именно съ Неаполитанскимъ королевствомъ, оговорено было, что Россія можетъ воспользоваться условенными преимуществами въ портахъ Обихъ Сицилій тогда только, когда неаполитанскіе подданные будутъ въ состояніи пользоваться обоюдными преимуществами въ черноморскихъ портахъ Россіи; но ни одно изъ упомянутыхъ государствъ не достигло этой цѣли. Всѣ домогательства ихъ оставались тщетными. Одна Австрія, въ союзъ съ Россіею, успѣла приобрести желаемую льготу; уже въ 1783 году, когда Крымъ обратился въ русскую область, Порта допустила нѣкоторыя облегченія въ пользу австрійскаго судоходства на турецкихъ моряхъ, а въ 1784 году, въ то самое время, когда Императрица Екатерина вышеупомянутымъ манифестомъ открыла всѣмъ націямъ черноморскіе порты, Турція предоставила австрійскимъ подданнымъ тѣ же преимущества, какія дарованы подданнымъ наиболее благопріятствуемыхъ націй, разрѣшила имъ свободное плаваніе черезъ константинопольскій проливъ, по Черному морю и впадающимъ въ него рѣкамъ и дозволила безпрепятственно производить, при устьяхъ тѣхъ рѣкъ, перегрузку товаровъ изъ морскихъ судовъ въ рѣчныя.

Нѣтъ сомнѣнія, что торговля между Россіею и Германіею посредствомъ Дуная и Чернаго моря могла сдѣлаться для обоихъ государствъ весьма выгодною и важною. Южныя области Россіи получали до того времени нѣмецкіе, англійскіе и французскіе мануфактурные товары по Балтійскому морю черезъ Санктпетербургъ, или сухимъ путемъ черезъ Данцигъ, Лейпцигъ и Бреславль. Главнѣйшими статьями этого привоза были силезскія и голландскія полотна и сукна, французскія и нѣмецкія шелковыя и бумажныя ткани, пѣмецкія и венгерскія вина, штейермаркскія косы и всякаго рода галантерей-

ные товары. Не смотря на дальность пути, эти предметы, по своему малому объему и по своей относительной высокой цене, могли выдерживать дороговизну провоза скорее, нежели русскія произведения, отправлявшіеся тѣмъ же путемъ въ Германію, которыхъ цѣнность не соответствовала ихъ величинѣ и тяжести. По этой причинѣ, изъ Россіи отправлялись въ южную Германію только самыя удобныя для сухопутной перевозки товары, какъ-то: мягкая рухлядь, воскъ, мѣль, рыбій клей, щетина и тому подобное, тогда какъ посредствомъ упомянутаго водянаго сообщенія не только обходная торговля могла бы производиться легче и дешевле, но и распространялся бы сбытъ русскихъ произведеній.

При всей основательности такихъ видовъ и при всемъ желаніи обогатить государство установить эту торговлю, открытіе ея встрѣтило препятствія по затруднительности плаванія рѣкою Дунаемъ, во недостатку нарочно устроенныхъ для того судовъ и многихъ другихъ учрежденій, какъ-то: складочныхъ мѣстъ, магазиновъ и т. п., во новости самой торговли, и по незнанію настоящихъ ея способовъ и потребностей. Вся эти трудности могли быть побуждены только временемъ и постоянными усиліями. Первые опыты были сдѣланы Австріею въ 1785 и 1786 годахъ въ Херсонѣ, но не увѣнчались большимъ успѣхомъ, какого ожидали.

Польская транзитная торговля, хотя въ теченіе этого періода успѣла получить некоторое развитіе, однако также не соответствовала ожидаемю. Сбытъ хлѣба изъ Польши по Днѣпру встрѣтилъ препятствія въ зависти Турковъ, которые прежде привлекли эту торговлю въ Бѣлгородъ; впрочемъ въ 1786 и 1787 годахъ, изъ Галиціи сдѣлано было нѣсколько отправокъ, доставившихъ большія выгоды. Въ портахъ Средиземнаго моря польскій хлѣбъ сбывался менше, чѣмъ молдавскій и валахскій, которымъ нагружались въ Очаковѣ обыкновенно австрійскія и русскія суда, потому что въ случаѣ вывоза чуждѣ турецкимъ флагомъ, онъ долженъ былъ продаваться въ Константинополѣ.

Торговля Франціи, Неаполитанскаго королевства и прочихъ итальянскихъ владѣній пребывала, какъ уже сказано, въ бездѣйствіи, во смотря на всѣ распоряженія и договоры, потому что ни одно изъ этихъ государствъ не получило права свободнаго судоходства черезъ константинопольскій проливъ.

И такъ, Русскіе и Греки въ теченіе этого періода оставались един-

открытыми нациями, производившими на Черномъ морь собственную торговлю; но уже подъ влияніемъ гораздо благоприятнѣйшихъ обстоятельствъ, нежели въ предъидущемъ періодъ, даже не полагая въ число приобретенныхъ выгодъ еще слабое участіе Австріи и Польши въ этой торговлѣ. Россія имѣла болѣе портовъ при Черномъ морь, разныя притѣсенія Порты были устранены и, что всего важнѣе, правительство пригласило иностранцевъ поселяться въ черноморскихъ портахъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, собственная русская торговля на Черномъ морь могла уже принять другой видъ. Англійскіе, голландскіе и французскіе купцы, поселившіеся въ Крыму, могли безпрепятственно отправлять свои корабли подъ русскимъ флагомъ черезъ константинопольскій проливъ, не опасаясь ни малѣйшихъ затрудненій со стороны Порты.

Теперь любопытно будетъ взглянуть на результатъ торговли въ описываемый періодъ. Въ 1786 году, торговля Чернаго моря занимала около 80 кораблей подъ русскимъ флагомъ и столько же кораблей приблѣло въ русскіе порты подъ турецкимъ флагомъ, однако болѣею частію это были греческія суда. Въ 1785 и 1786 годахъ, весь торговый оборотъ въ черноморскихъ портахъ Россіи простирался на 1,112,500 руб. среднимъ числомъ, вывозъ на 627,500, а привозъ на 485,000 рублей. Эта торговля едва продолжалась четыре года, едва имѣла она время укорениться, какъ война съ Турціею, объявленная 4 августа 1787 года, опять прервала торговые сношенія. Эта война кончилась миромъ, заключеннымъ въ Яссахъ, по которому Россія приобрѣла все пространство между Днѣпромъ и Днѣстромъ, известное подъ названіемъ Очаковской степи, и Днѣстръ назначенъ былъ границею между обоими государствами.

Все заключенные послѣ кучукъ-кайнарджскаго мира трактаты, были подтверждены, и Порта обязалась охранять русскихъ купцовъ и мореходцевъ, равно корабли и товары ихъ отъ морскихъ разбоевъ Алжира, Туниса и Триполя; если же захваченные разбойниками люди и товары не будутъ возвращены, то Порта обязалась вознаграждать собственною казною убытки въ теченіе двухъ мѣсяцевъ по объявленіи о претерянномъ грабежѣ.

Этотъ важный договоръ доставлялъ Россіи полное обладаніе надъ северными берегами Чернаго моря, отъ Днѣстра до Кубани. Къ мио-

тннть удобнымиъ портами, которые уже принадлежали ей, присоединились еще два: Очаковъ и Хаджибей.

Приобрѣтеніе Очакова обезпечивало торговлю по Днѣстру, которая всегда подвержена была безпокойствамъ и опасностямъ, пока эта крѣпость находилась во власти Турковъ. Оно облегчало притомъ эту торговлю, потому что Херсонъ былъ послѣднимъ складочнымъ мѣстомъ ея, а къ нему даже мелкія суда не могли подходить по причинѣ мелководія лимана. Но съ этими выгодами положенія Очакова сопряжены были и неудобства: рейдъ этаго порта весьма не надеженъ для зимовки кораблей, потому что ледъ, идущій съ Буга и Днѣстра, подвергаетъ ихъ большой опасности. Въ избѣжаніе этихъ бѣдствій, суда, приходившія въ Очаковъ, обыкновенно отпраивались въ гавань Хаджибей, которая доставляла имъ убѣжище, безопасное отъ бурь и льдовъ. Превосходное положеніе этого мѣста, гдѣ корабль во всякое время года могли безопасно стоять на якорѣ, побудило Императрицу устроить тамъ гавань и заложить при ней городъ, который названъ Одессою. Въ то же время, она разрѣшила не только своимъ, но и подданнымъ тѣхъ государствъ, которые по трактатамъ имѣли право судоходства на Черномъ морѣ, свободный привозъ туда всѣхъ дозволенныхъ товаровъ, съ уплатою установленныхъ пошлинъ. Можно было ожидать, что это мѣсто, находясь только въ 12 верстахъ выше устья Днѣстра, будетъ столько же важно для тамошней торговли, какъ Очаковъ для торговли по Днѣпру: опытъ вскоре оправдалъ эти ожиданія. Уже въ 1795 году посѣтили одесскій портъ 35 иностранныхъ кораблей, а въ слѣдующемъ году прибыли туда 87; кажется даже, что усилившееся судоходство въ Одессу уменьшило отчасти приходъ кораблей въ Очаковъ.

Миръ, заключенный въ Яссахъ, не произвелъ никакой перемены въ состояніи судоходства на Черномъ морѣ, кромѣ того, что индіи, которые до-тѣхъ-поръ занимались имъ, начали еще съ большою дѣятельностію торговать съ тамошними портами; но ни одинъ новый флагъ не явился на этомъ морѣ. Съ 1793 по 1797 годъ, среднимъ числомъ приходило въ русскіе порты ежегодно 370 кораблей, въ коихъ 164 было подъ русскимъ, 276 подъ турецкимъ и 30 подъ австрійскимъ флагами. Торговый оборотъ простирался на 1,874,871 рубль, въ томъ числѣ по отпуску на 1,146,563 рубль и по привозу

на 718,198 рублей. Каждый годъ отдѣльно представляетъ слѣдующія суммы :

	Привозъ.	Отпускъ.	Всего.
Въ 1793 году на	665,711	1,295,563	1,961,274 рубл.
— 1794 — —	977,513	1,265,683	2,243,196 —
— 1795 — —	544,498	930,434	1,474,432 —
— 1796 — —	438,166	919,196	1,357,362 —
— 1797 — —	778,759	1,229,198	2,007,957 —

Торговныя отношенія Россіи къ государствамъ южной Европы, въ это время, значительно измѣнились. Послѣдній раздѣлъ Польши сдѣлалъ излившими всякія дальнѣйшія распоряженія о транзитной польской торговлѣ; Россія получила въ удѣлъ тѣ провинціи, по которымъ течетъ Двѣпръ со впадающими въ него рѣками; это открыло ей новыя благоприятныя виды къ распространенію черноморской торговли. — Дѣйствіе торговаго трактата съ Франціею кончилось среди ужасныхъ событій революціи, а въ 1793 году даже запрещено было привозить въ Россію всякіе французскіе товары, и всѣ сношенія съ Франціею были прерваны. Эта строгая мѣра была нѣсколько смягчена въ царствованіе Императора Павла относительно привоза французскихъ винъ и нѣкоторыхъ другихъ товаровъ. Отношенія Россіи къ Турціи въ это время были дружественныя. Даже разрывъ съ Франціею имѣлъ слѣдствіемъ поддержаніе добраго согласія между обоими государствами, потому что въ томъ же указѣ, которымъ былъ запрещенъ привозъ французскихъ товаровъ, Екатерина дозволила привозъ многихъ турецкихъ произведеній, а съ нѣкоторыхъ убавила пошлины. Однако Императрица не переставала заботиться объ усиленіи черноморскаго флота, который своею значительностью могъ бы обезпечить господство Россіи на Черномъ морѣ.

Манифестомъ 13 февраля 1798 года учреждено порто-франко во всѣхъ портахъ таврическаго полуострова на тридцать лѣтъ; всѣмъ русскимъ и иностраннымъ подданнымъ дозволено было привозить всякію товары безъ платежа пошлинъ; но при вывозѣ ихъ за черту таврическаго полуострова внутрь имперіи, равно какъ и при ввозѣ товаровъ туда изъ Россіи, долженъ былъ дѣйствовать общій тарифъ. Всѣ прежнія приморскія и пограничныя таможи были уничтожены; порты: Балаклава и Судакъ вмѣстѣ съ другими меньшими пристанями закрыты

для торговли, а въ Перекопи учреждена тамошная и таможенный постъ у геничской переправы, на оконечности Арабатской косы. — Эта мера не была, однако жъ, приведена въ исполненіе.

Сохранившіяся свѣдѣнія о состояніи азовской и черноморской торговли, въ исходе осемнадцатаго столѣтія, могутъ дать нѣкоторое понятіе объ ея успѣхахъ. Она производилась черезъ слѣдующіе порты, которые помѣщены здѣсь въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ степени важности ихъ торговыхъ оборотовъ.

Таганрогъ, по водяному сообщенію своему съ внутреннею Россією и Сибирью, посредствомъ Дона и Волги, былъ важнѣйшимъ портомъ и торговля его съ половины осемнадцатаго вѣка чрезвычайно усилилась.

	Въ 1776—1777 году.	Въ 1798—1797 году.
Привозъ . . .	85,194 руб.	270,148 руб.
Отпускъ . . .	305,970 —	587,772 —
Кораблей въ приходѣ	29	85

Слѣдующая таблица отпуска и привоза показываетъ, что въ послѣдніе годы таганрогская торговля не переставала возрастать.

Въ 1793 году	584,496 руб.
— 1794 —	952,701 —
— 1795 —	955,180 —
— 1796 —	736,328 —
— 1797 —	1,081,993 —

Евпаторія производила наиболее торгъ хлѣбомъ, который доставлялся изъ Крыма и по Днѣпру. Торговля этого порта не могла высѣяться по причинѣ частыхъ кораблекрушеній, случившихся на опасномъ его рейдѣ, и съ 1793 года болѣе и болѣе приходила въ упадокъ.

	Въ 1798—1797 году.
Привозъ	68,670 рублей.
Отпускъ	215,317 —
Кораблей въ приходѣ	67
отходѣ	106

Одесса являлась торговымъ портомъ съ 1795 года и съ-тѣхъ-поръ торговля ея приметно возрастала. Въ 1795 году, она простиралась

на 68,000 руб., въ слѣдующемъ на 172,000, а въ третій годъ на 208,000 руб.; привозъ всегда превышалъ вывозъ.

Со времени основанія Одессы, торговля Очакова ежегодно уменьшалась.

Въ 1795 году торговый оборотъ составлялъ	453,662 руб.
— 1794 —	546,452 —
— 1795 —	140,747 —
— 1796 —	126,855 —
— 1797 —	72,304 —

Одесса, важнѣйшій портъ таврическаго полуострова, не имѣла значительной торговли.

Въ 1793—1797 году.

Привозъ	47,494 руб.
Отпускъ	42,057 —
Кораблей: въ приходѣ	44 —
отходѣ	53 —

Херсонъ производилъ торговлю черезъ Очаковъ и Николаевъ или черезъ глубокинскую пристань, до которой корабли могли идти вверхъ по Днѣпру. Товары сюда не привозились, а отпускъ въ 1793—1797 года, простирался на 96,000 руб.; кораблей было въ отходѣ 37. Херсонская торговля годъ отъ года упадала:

Въ 1793 году отпущено на	147,822 руб.
— 1794 —	48,711 —
— 1795 —	47,695 —
— 1796 —	48,756 —
— 1797 —	55,538 —

Севастополь, по торговлѣ своей, не занималъ важнаго мѣста между черноморскими портами.

Въ 1793—1797 году.

Привозъ	61,779 руб.
Отпускъ	3,850 —

Главный торгъ производился привозными товарами, которые доставлялись на корабляхъ, заходившихъ для выдержанія карантина или

Т. СІ. — Отд. IV.

для починки; но не смотря на выгодное положеніе этого порта, отпускъ товаровъ никогда не могъ быть значительнымъ, по причине затруднительной доставки ихъ къ Севастополю.

Торговая Николаева начала упадать со времени основанія Одессы. Николаевскій портъ не получалъ товаровъ прямо изъ иностранныхъ земель, потому что корабли не могутъ подходить къ самому городу, а только отпускалъ русскія произведенія, которыхъ вывезено въ 1793—1797 г. на 53,536 руб.

Слѣдующая таблица показываетъ постепенный упадокъ николаевской торговли.

Въ 1793 году	она простиралась на	106,515 руб.
— 1774 —		93,400 —
— 1795 —		8,802 —
— 1796 —		18,609 —
— 1797 —		57,341 —

Порты: Керчь, Еникаль и Овидіополь производили маловажный торгъ

	Керчь.	Еникаль.	Овидіополь.
	Въ 1793—1797 г.	1793—1797 г.	1793—1797 годъ.
Привозъ	9,844	4,746	4,151
Отпускъ	8,751	9,465	5,675
Кораблей въ отходъ	33	7	
приходъ	46	8	

Не смотря на упадокъ торговли въ некоторыхъ незначительныхъ портахъ, съ обращеніемъ ея въ Таганрогъ и Одессу, общій итогъ коммерческихъ оборотовъ по Черному и Азовскому морямъ въ теченіе двадцати лѣтъ весьма увеличился, какъ видно изъ слѣдующаго сравненія :

	Привозъ.	Отпускъ.	Кораблей въ приходъ.
Въ 1776—1777	85,196	505,970	29
— 1779—1780	98,058	145,938	„
— 1785—1786	483,104	627,464	160
— 1793—1797	718,198	1,156,583	471

Таганрогъ хотя и лежитъ въ отдаленномъ углу Азовскаго моря, былъ важнейшимъ торговымъ портомъ по близости ракъ, которыя

открывали ему сообщеніе съ центральными и восточными губерніями; Одесса, какъ средоточіе, самую природою избранное для произведеній, отправляемыхъ по Днястру, Бугу и Днѣпру, занимала первое мѣсто послѣ Таганрога.

Главный и почти единотвенный торгъ производился съ Константинополемъ, куда свозились русскіе товары. Корабли наши еще не посѣщали портовъ Средиземнаго моря и даже Грецію, которая снабжалась этими товарами изъ Константинополя.

Между всеми кораблями, производившими таганрогскую торговлю, едва ли было шесть настоящихъ русскихъ; прочіе были греческіе (во большой части прежнихъ венеціанскихъ острововъ) турецкіе, аргунскіе, австрійскіе и неаполитанскіе. Всѣ, кромѣ австрійскихъ, ходили подъ русскимъ флагомъ, получая право поднять его подъ предлогомъ участія русскихъ подданныхъ во владѣніи кораблемъ. Отъ этого весьма затруднялось возвышеніе русскаго купеческаго судоходства и чужестранцы пользовались выгодами, пріостекавшими отъ преимуществъ, дарованныхъ русскимъ судохозяевамъ въ турецкихъ портахъ. Эти выгоды были столь значительны, что кораблямъ, имѣвшимъ турецкій флагъ, платилось фрахта около трети менше, потому что они принуждены были продавать, по возтребованію, грузъ свой въ Константинополь по рыночной цѣнѣ; напротивъ того, русскій флагъ доставлялъ право отправляться, если цѣны не выгодны, безъ выгрузки, къ архипелажскимъ островамъ и въ Средиземное море.

Важнѣйшими статьями отпуска были: пшеница, желѣзо полосовое, масло коровье, икра, шерсть и соль, а изъ привозныхъ: вина греческія, итальянскія и испанскія, деревянное масло, фрукты сухіе и связкіе, бекмесъ, нардекъ, орѣхи, лимонный сокъ и турецкія бумажныя, шерстяныя и шелковыя издѣлія.

Порты Таврическаго полуострова, по малому населенію, слабой промышленности и отдаленности ихъ отъ хлѣбородныхъ губерній, не могли соперничествовать съ Таганрогомъ и Одессою, куда прямо доставлялись всѣ отпускные товары. Изъ крымскихъ портовъ вывозились мѣстныя произведенія, какъ-то: соль, пшеница, кожи выдѣланныя въ небольшомъ количествѣ, масло коровье, рыба сушеная, медъ, воскъ, войлоки, веревки и мѣха. Вывозъ сырыхъ кожъ и шерсти овецъ оставался запрещеннымъ по общему тарифу. Соль и пшениц

составляли важнѣйшія статьи и хлѣбный торгъ былъ самый выгодный. Привозъ ограничивался немногими шелковыми и бумажными изделиями, которыя употреблялись Татарами; также привозили въ крымскіе порты хлопчатую бумагу, фрукты сухіе и свѣжіе, вина архипелажскія и табакъ турецкій листовой. Сбытъ этихъ товаровъ зависѣлъ единственно отъ требованія ихъ на внутреннее потребленіе въ Крыму и по этой причинѣ не могъ достигнуть значительнаго развитія.

Г. И—Ъ.

V.

КРИТИКА.

=

Повѣдка на Синай. Съ приобщеніемъ отрывковъ объ Египтѣ и Святой Земль. А. Уманца. Санктпетербургъ, 1850. Двѣ части.

Твореніе Уманца, не можетъ не получить самаго полнаго успѣху — тѣмъ болѣе полнаго, что въ виду нѣтъ никакого соперничества.

Впрочемъ, книга подобная этой, была бы встрѣчена съ отличіемъ даже и въ болѣе обильныя литературныя времена. Послѣ романа, русскій читатель ничего такъ не любитъ какъ путешествіе: а путешествія у насъ — такія рѣдкія явленія на книжномъ горизонтѣ! Ни одинъ народъ въ Европѣ не посылаетъ ежегодно за границу такого множества путешественниковъ и путешественницъ какъ Россія; недавно еще Германія, Франція и Италія кормились ихъ деньгами, и съ-тѣхъ-поръ какъ ихъ не стало, воды въ минеральныхъ источникахъ изсякли — трактиры обавкрутились — врачъ отказался отъ ремесла — модистки пошли полоть огороды: и между-тѣмъ ни одинъ народъ не издаетъ менѣе на-

шого описаній своихъ путешествій. Это можетъ зависѣть или отъ того, что описывать въ нихъ нечего, или что мы не умѣемъ путешествовать, или наконецъ, что не умѣемъ писать. Статься-можетъ и всѣ три причины вмѣстѣ содѣйствуютъ такому отрицательному результату. Какъ бы то ни было, въ послѣднее тридцати-лѣтіе произвели мы не болѣе одиннадцати или двѣнадцати книгъ этого роду. Замѣчательно, что почти всѣ онѣ принадлежатъ Востоку. Три изъ нихъ относятся къ Святымъ Мѣстамъ. Въ числѣ прочихъ помнится одно путешествіе въ Китай, два въ Бухару, одно въ Хиву, одно въ Египеть. Изъ тысячи тысячъ русскихъ путешественниковъ по Европѣ, кромѣ — господъ Греча, Ковалевскаго и одного стариннаго харьковскаго ученаго, никто не захотѣлъ рассказать намъ своихъ *пользодокъ*. Одно только путешествіе знаемъ мы на нашемъ языкѣ въ родѣ *туровъ*, гдѣ Европа и Азія вмѣстѣ испытываютъ наблюденія записнаго странствователя: — это путешествіе господина Всеволожскаго.

Западная Азія и сѣверная Африка, поприще такихъ важныхъ археологическихъ событій въ послѣднее десяти-лѣтіе, не возбуждали ни въ комъ изъ насъ участія къ своимъ любопытнымъ древностямъ. Классическія воспоминавія насъ вовсе не увлекаютъ: многіе изъ насъ, вообще, чужды ихъ. Мы проходимъ мимо величія, искусства и славы древняго міра, не примѣчая ихъ или не умѣя сказать объ нихъ ничего занимательнаго и новаго для читателей. Ни чудная исторія тѣхъ странъ, богатая самыми интересными вопросами, ни прѣжняя ихъ географія, ни полное необыкновенныхъ чертъ физическое строеніе земли, не дѣйствуютъ на нашу любознательность. Въ эту сторону мы обращаемся изрѣдка, по однимъ христіанскимъ только чувствованіямъ. Путешествіе господина Уманца, совершенное собственно для медицинской цѣли, въ изданной имъ книгѣ носить, подобно другимъ русскимъ путешествіямъ въ западную Азію, характеръ благочестиваго странствованія къ мѣстамъ, освященнымъ преданіями религіи, упоминая о прочемъ только какъ о случайностяхъ пути и края.

Искусство рассказывать поѣздки и описывать видѣнныя земли получило въ наше время такое развитіе, что теперь непременно нужно къ нему особенное и весьма разнообразное приготовленіе. Когда дороги были трудны, перемѣщенія сопряжены съ безчисленными препятствіями, издержками и даже съ опасностями, и всякой путь казался домогъдной Европѣ предпріятіемъ и подвигомъ, однѣ приключенія странствователя возбуждали уже сильное любопытство. Всякое слово о чужой землѣ почиталось интересною новостью. Чужое было такъ чужо для каждого, что въ неподвижныхъ воображеніяхъ слушателей почти смѣшивалось съ баснею. Но съ тѣхъ поръ какъ пары уничтожили разстоянія, трудности и издержки, какъ Америка стала въ двѣнадцати дняхъ пути отъ Петербурга, Венеція въ шести, Константинополь черезъ Вѣну въ десяти, Александрія въ четырнадцати, какъ всякой испыталъ самъ легкость и пріятность отдаленныхъ перемѣщеній или чувствуетъ себя готовымъ удостовѣриться въ нихъ при первомъ случаѣ, какъ путешествія изъ отважныхъ предпріятій превратились въ прогулки и потѣхи, личность путешественника совершенно исчезла: его свѣдѣнія, его наблюдательность, его искусство все мѣтко видѣть, вѣрно узнать и въ прошедшемъ и настоящемъ и занимательно описать, составляютъ главную прелесть описываемаго странствованія. Нынѣшній читатель, избалованный безчисленными рассказами всякаго роду туристовъ и самъ видѣвъ большую часть прежняго любопытнаго и диковиннаго, требуетъ очень многого отъ ѣздока, принимающагося за перо. Удовлетворить его трудно. Рассказать ему совсѣмъ неизвѣстное почти невозможно. Когда дѣло коснется заграничнаго, самъ онъ въ состояніи наставить любого члена географическихъ обществъ. Одинъ только писательскій талантъ, при весьма разнообразныхъ свѣдѣніяхъ, можетъ еще очаровать его въ наше время въ путешественникѣ.

Господинъ Уманецъ былъ членомъ комиссіи, отправленной въ 1842 году въ Египетъ для опытовъ по карантинной

части, и не являясь свободнымъ отъ официальныхъ задатій времени, сдѣлалъ изъ Александріи нѣсколько пѣшеходовъ на югъ и на востокъ — посетилъ Верхній Египетъ, сѣдлалъ на Синай, былъ въ Іерусалимѣ, видѣлъ даже Дамаскъ и Баалбекъ. Какъ самое заглавіе книги его показываетъ, онъ описываетъ только путешествіе свое на синайскій полуостровъ. Нѣсколько отдѣльныхъ статей, болѣе или менѣе касающихся Египта и Палестины и напечатанныхъ авторомъ прежде въ разныхъ журналахъ, приложены къ этому въ видѣ прибавленій.

Извѣстно, что Красное Море оканчивается къ сѣверу двумя длинными и узкими заливами, образующими подобіе буквы V. На оконечности одного изъ этихъ заливовъ, перстахъ въ стѣ-двадцати отъ Средиземнаго Моря, находится портъ *Суэйсъ*, или Суэзъ; у верхушки другого лежитъ селеніе *Акаба*. По этой причинѣ первый изъ двухъ заливовъ называютъ обыкновенно *суэскимъ*, а второй *акабскимъ*. Пространство, заключенное между двумя заливами, составляетъ родъ полуострова, котораго топографія донынѣ очень мало извѣстна. Карты его рисуются путешественниками наугадъ и не заслуживаютъ никакого довѣрія. Къ сѣверу оно занято пустынею *Скитавія*, *Бедіетъ аль тиль*, одною изъ страшнѣйшихъ пустынь Востока: къ югу и по берегамъ заливовъ громадными первоэданными горами, которыя въ нашихъ географіяхъ носятъ общее названіе Синайскаго Хребта. Горы эти состоятъ изъ нѣсколькихъ грядъ или цѣпей, расходящихся изъ центра полуострова въ разныхъ направленіяхъ: самая сѣверная, и самая значительная по протяженію, цѣпь *аль Тиль*, получила свое имя отъ ея смежной пустыни. Прочія именованы различно. Между этою грядою и угломъ полуострова лежитъ главный узелъ всѣхъ горныхъ цѣпей, извѣстный съ глубочайшей древности подъ названіями горъ *Хорива* и *Синая*. Здѣсь-то находятся высочайшія точки хребта, гора *Моисѣва*, гора *Святой Екатерины*, и другія. Измѣренія, на которыя вовсе нельзя полагаться, назначаютъ имъ вышины болѣе осми тысячъ парижскихъ футовъ надъ поверхностью Краснаго

Моря, между-тѣмъ какъ растительность ихъ, сколько извѣстно не соответствуетъ такой высотѣ, принадлежащей уже къ положѣ альпійскихъ снѣговъ. Здѣсь-то настоящій Синай Священнаго Писанія. Мѣстоположеніе двухъ вершинъ, на которыхъ происходило величайшее таинство Ветхаго Завета, съ точностью не извѣстно, и опредѣлить его очень трудно при недостаточномъ знаніи топографіи той части полуострова, но очень древнія преданія признаютъ этими вершинами два пика, возвышающіеся надъ греческимъ монастыремъ, который уже съ шестаго столѣтія существуетъ въ здѣшней сторонѣ подъ названіемъ Синайской Обители.

Весь полуостровъ чрезвычайно любопытенъ и по геологическому строенію своему, которое такъ мало изслѣдовано, и по библейскимъ воспоминаніямъ, какъ главное поле столь интересной географіи Моисѣева Исхода. Географія эта, при точности выраженіи священнаго историка, разрѣшилась бы сама собою во всѣхъ подробностяхъ, если бы можно было руководствоваться точною съемкою страны, но донинѣ, будучи объясняема приблизительными изображеніями путешественниковъ, болѣе или менѣе приготовленныхъ къ подобнымъ изслѣдованіямъ, она представляетъ одну только нгру ипотезъ и возраженій.

Синайская Обитель была посѣждаема множествомъ европейскихъ путешественниковъ. Въ числѣ ихъ встрѣчаются имена, уважаемая въ ученомъ мірѣ. Не смотря на это, исторія монастыря, донинѣ очень темна и скудна: она или погибла въ забвеніи иноковъ, чуждыхъ образованности, или, дѣйствительно очень мало примѣчательныхъ и достойныхъ памяти явленій имѣло мѣсто въ этомъ бѣдномъ и вѣчно бѣдствующемъ приютѣ, среди пустынныхъ горъ и хищныхъ кочующихъ поколѣній. Подобно подмосковной Сергіевской Лаврѣ, съ которою Синайская Обитель представляетъ отчасти и наружное сходство, она вмѣстѣ пустынь и крѣпость и много разъ выдерживала продолжительныя осады. Три племена кочующихъ въ окрестности Аравитянъ Бедуиновъ, взаимно извѣстныхъ выгодъ отъ монастыря и отъ направляю-

щихся туда путешественниковъ, почитаются его защитниками, какъ нѣкогда скиѣскія племена, ближайшія къ Черному Морю, почитались защитниками греческихъ поселеній, попеременно одолая и угнетая тѣхъ, кого взялись покровительствовать. Синайскій монастырь пользуется впрочемъ разными льготами и привилегіями, которыя изъ уваженія къ святости мѣста даровали ему сосѣдніе мусульманскіе государи, и даже показываетъ безопасную грамоту, данную ему самимъ основателемъ исламизма, Магометомъ. Не нужно и говорить, что происхожденіе ея болѣе чѣмъ сомнительно. Довольно, если ея подлинности иногда вѣрять свирѣпыя Бедуины.

Отъ Каира къ Синайской Обители разстояніе около четырехъ сотъ верстъ. Выступивъ изъ столицы Египта по большой и хорошо извѣстной караванной дорогѣ, которою ходятъ и пилигримы, отправляющіеся ежегодно въ Мекку, нужно обогнуть Суэзскій заливъ. Отъ Суэза, который лежитъ въ стѣдцати верстахъ отъ Каира, путь поворачиваетъ къ югу, извиваясь частью по берегу залива, частью же въ горахъ не въ дальнемъ разстояніи отъ береговъ, поперегъ горныхъ долинъ, спускающихся по отлогостямъ хребта къ морю.

Нашъ путешественникъ отправился по этой дорогѣ. На проѣздѣ отъ Каира до Суэза, онъ, разумѣется, съ удовольствіемъ занимается вопросами о прежнемъ и вновь предполагаемомъ путяхъ сообщенія между Ниломъ и Краснымъ Моремъ, то-есть, о древнемъ каналѣ и будущей желѣзной дорогѣ, и, въ то же время, о мѣстѣ переходу Израилтянъ черезъ Красное Море. По первому вопросу онъ присоединяется къ соображеніямъ французскихъ инженеровъ и политиковъ.

Пробѣжавъ мимо сыпучихъ песковъ и болѣе или менѣе безплодныхъ долинъ по восточную сторону Суэзскаго залива, путешественникъ наконецъ вступаетъ въ обширную долину Раху; которая, по преданіямъ, была мѣстомъ сборища для израильскаго народа передъ Хоривомъ, или Синаемъ. Подняв-

лись довольно высоко по этой покатой долинь, обнесенной высокими каменными горами, вы вступаете въ ущелье Шубъ, которое, постепенно суживаясь, ведетъ васъ съ верету еще выше. Синайскій монастырь находится въ самомъ узкомъ мѣстѣ ущелья. Когда господинъ Уманецъ, пробираясь съ своими спутниками и верблюдами по дорожкѣ, заваленной скатившимися съ горъ камнями, приближался къ этой четверугольной громадѣ зданій, окруженныхъ высокою стѣною, на двухъ переднихъ углахъ ея развѣвались два флага, русскій коммерческій и іерусалимскій. Передъ монастыремъ, вдоль ущелья и дороги лежитъ садъ, въ которомъ заключается до трехъ десятинъ земли. Яркая зелень виноградныхъ лозъ, итальянскихъ тополей, харрубовъ и другихъ деревьевъ посреди бесплодной пустыни, обворождаетъ взоръ пришельца, во всю дорогу не выдавашаго подобной растительности. Но очень странно то, что такая растительность можетъ существовать здѣсь, на высотѣ, какъ утверждаютъ, пяти тысячъ парижскихъ футовъ, почти равной высотѣ Симплона, гдѣ живутъ только елки, брусника да мохъ, гдѣ не созрѣваетъ даже капуста, съ большимъ трудомъ разводимая монахами Странно-пріемнаго Дома. Садъ отдѣленъ отъ монастыря сажень на пятнадцать и сообщеніе съ нимъ устроено посредствомъ подземнаго хода, обезпеченнаго двумя желѣзными дверями.

Монастырь расположенъ вдоль ущелья на крутой покатости, и главнымъ фасадомъ обращенъ на сѣверо-востокъ, къ горѣ Святой Епистиміи. Впереди глубокой, обложенный камнемъ бассейнъ, въ который иногда напускаютъ воду, для уюбства пріѣзжихъ; для собственнаго же употребленія монастырь имѣетъ колодцы, которые даютъ воду и въ этотъ бассейнъ. Достигнувъ тѣни стѣнъ монастырскихъ, верблюды безъ понужденія опустились на колѣви и легли на брюхо, давая знать своимъ жалобнымъ крикомъ, что пора слѣзть. Воротъ въ стѣнахъ не было видно и только вверху, почти у верхней оконечности стѣнъ, саженьяхъ въ шести отъ земли, находилось просторное окно, изъ котораго выгляды-

вали амгуры въ чернойъ плавѣ и клобукахъ. Оно прикрѣ-
то висячею деревяннаго будкаго, безъ дна; въ верхней части
оно укрѣплень блонъ, чрезъ который виситъ конецъ толстой
веревки. Чрезъ него-то входятъ въ монастырь.

Монахи давно увидали путниковъ съ вершинами стѣнъ. За-
мѣтивъ гостя еще вдали, они обыкновенно поднимаютъ флагъ
въ честь ему, желая показать свое радушіе. Входъ въ мо-
настырь допускается не иначе, какъ по письмамъ изъ Каира
отъ намѣстника, которыми гость рекомендуется синайской
братіи. Правило это соблюдается съ давнихъ временъ. Ни-
бургъ, въ 1762, не имѣлъ съ собою письма и впущенъ не
былъ. Нашего пѣшеходца Григорія Варскаго также не пу-
скали, и онъ провелъ два дня подъ монастырскими стѣнами.
Господина Уманца встрѣтили вопросомъ, есть ли у него пись-
мо изъ Джованни, то-есть, изъ синайскаго подворья въ Каирѣ.
Онъ отозвался, что писемъ нѣтъ, «Ну, такъ васъ не впускать,»
отвѣчалъ монахъ сверху. Помолчавъ съ минуту, онъ возвра-
щавъ, что письма есть, но далеко доставать, и что онъ отдастъ
ихъ, когда его поднимутъ на верхъ. «Безъ писемъ принимать
не велѣно», было отвѣтомъ. Видя такую рѣшимость, онъ по-
казалъ письма, отъ архіепископа изъ Константинополя и отъ
намѣстника его изъ Каира. Тотчасъ спустили веревку, по
которой должно было сперва отправить рекомендаціи. Че-
резъ минуту спустили ту же веревку за вещами; а потомъ,
когда часть ихъ была поднята, спустили веревку для него,
но не прежнюю, а другую, новую, и раза въ четыре толще.
Конецъ веревки былъ сдѣланъ петлею, въ которую онъ про-
лѣзъ и сѣлъ, крѣпко держась руками за бока петли. Тогда
стали поднимать его. Находясь на вѣсу, чтобы колѣннми не
биться объ стѣну, нужно слегка отталкивать себя отъ стѣ-
ны, пока не подымутъ васъ къ окну подъ самый навѣсъ.
Петля остановилась у блока. Господинъ Уманецъ колыбался
на высотѣ, какъ тюкъ товаровъ на реѣ, когда грузятъ суд-
но. Одинъ изъ монаховъ, упершись одною рукою о короб-
ку окна, другою осторожно взялъ за петлю и потянулъ къ
себѣ; въ то же время канатъ у шпеля былъ нѣсколько отпу-

щомъ, и поѣзитель очутился въ самомъ омигѣ, окруженный людьми шестью почтенныхъ отшельниковъ, вѣсело приветствовавшихъ его съ прїѣздомъ. Изъ нихъ одинъ, прїоромъ, пріоромъ росту и стану, плотный тѣломъ, правильныхъ и самыхъ благородныхъ очерковъ лица, съ бѣлою, какъ дунь, длинною бородою, держа привезенныя письма, уже размечатенныя, но еще не прочитанныя, дружески протянулъ къ нему руки, трижды обнялъ, трижды поцѣловалъ, какъ давножданнаго гостя, и пригласилъ слѣдовать за собою. Почтенный старецъ былъ игуменъ монастыря, отецъ Никаноръ.

Вровень съ окномъ находился небольшой дворикъ, съ котораго далѣе ведетъ лѣсенка въ нѣсколько ступеней. Въ внутреннїя монастырскїя зданїя видѣются почти на одномъ уровнѣ съ окномъ. На дворикѣ устроенъ большой шпиль, на который навертывается канатъ, служащїй воздушною лѣстницею. Одинъ изъ монаховъ завѣдываетъ этимъ шпилемъ и у него въ распоряженїи нѣсколько канатовъ и веревокъ разной толстоты, а чтобы шпиль и канаты предохранить отъ мекроты, дворикъ покрытъ наѣсомъ.

Пройдя по нѣсколькимъ узкимъ, извилистымъ переулкамъ, спустясь сначала по легкой покатоности, а потомъ подвѣвшись немного, наконецъ вы приходите на главный монастырскїй дворъ, гдѣ находятся помѣщенїя для бѣльшей части монаховъ, игумена, его письмоводителя, комната для засѣданїй синода и гостинное отдѣленїе для прїѣзжающихъ. Дворъ устланъ каменными плитами, продолговаты, сжатъ со вѣхъ сторонъ зданїями разной величины и архитектуры, изъ-за которыхъ видѣются верхи монастырскихъ стѣнъ. На дворѣ устроенъ красивый фонтанъ, оѣбненный старыми виноградными лозами на деревянномъ стелажѣ. Тѣнь отъ стѣнъ и отъ самаго Хорива, который отвѣсно возвышается надъ монастыремъ еще на семь сотъ футовъ, покрываетъ почти всю площадь двора; тишина вокругъ истинно мертвая, только слышенъ шумъ шаговъ, да однообразное журчанїе чистой, свѣтлой воды фонтана, проведенной сюда подземны-

ми трубами изъ нагорныхъ синайскихъ родниковъ. Игуменъ повелъ нашего путешественника по лѣстницѣ на право во второй этажъ флигеля, назначеннаго для приему гостей и прислоненнаго къ оградной стѣнѣ, ближайшей къ Хориву.

Приемныя комнаты обращены на дворъ и находятся прямо противъ лицевой стороны фонтана. Вдоль флигеля идетъ широкая галлерей, на которую выходятъ двери изъ каждаго покоя. Комнаты очень невелики, но убраны прилично даже съ нѣкоторою роскошью въ восточномъ вкусѣ; полы устланы коврами, вокругъ по стѣнамъ низкіе диваны съ подушками, но нѣтъ ни одного стула; въ переднемъ углу предъ иконою теплится лампада; вверху по стѣнѣ полка съ нѣсколькими книгами религіознаго содержанія, на французскомъ и англійскомъ языкахъ, оставленные для пришельцевъ миссіонерами библейскихъ обществъ. Въ галлерей разставлено нѣсколько деревянныхъ, разно-калиберныхъ стульевъ, въ томъ числѣ одинъ старинный, рѣзной работы кресла, прошедшія, безъ сомнѣнія, черезъ нѣсколько столѣтій. На нихъ усаживаютъ дорогаго гостя. Господинъ Уманецъ виѣлъ удовольствіе разговаривать по-русски съ двумя монахами изъ Болгаръ и съ однимъ одесскимъ уроженцемъ.

Четвероугольникъ, образуемый оградною стѣною, имѣетъ около ста двадцати шаговъ въ длину и около ста въ ширину. Высота стѣнъ не вездѣ одинакова и соотвѣтствуетъ неровной поверхности мѣста. Стѣны передней стѣны, кажутся выше прочихъ; углы выступаютъ; изъ нихъ нѣкоторые закруглены, въ видѣ крѣпостныхъ угловыхъ башенъ; западный уголъ выше прочихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по стѣнамъ, для бѣльшей крѣпости, выходятъ наружу четвероугольные небольшіе выступы, также въ видѣ башенъ. Въ одномъ или двухъ мѣстахъ поставлены небольшія пушки. У башни западнаго угла находится помѣщеніе для эконома, хозяина монастыря по продовольственной части. У него передъ глазами долина эръ-Раха съ путемъ изъ Суэза, и садъ монастырскій, для обезпеченія котораго, а вмѣстѣ и подземнаго ходу изъ саду въ монастырь, отъ шападенія Ара-

башня, въ оконѣ его кельи поставлена одна изъ пушекъ. Нижняя часть стѣны и въ особенности башень, сложена изъ огромныхъ камней, правильной формы известкового свойства; между ними попадаются изрѣдка и камни гранитные. Вся остальная часть стѣны къ верху, построена изъ камней меньшаго размѣра.

Стѣны имѣютъ цвѣтъ песковъ пустыни, кромѣ новыхъ наддѣлокъ и перестроекъ, отличающихся отъ старыхъ блѣдною. Во время бытности Французовъ въ Египтѣ, часть восточной стѣны упала; и тотчасъ же была поднята, по распоряженію Клебера, оставшагося послѣ Наполеона главнокомандующимъ въ Египтѣ; каменщики для этого были присланы изъ Каира. Потомъ, не въ давнее время, часть стѣны съ приѣзду, угрожавшая паденіемъ, была перестроена на счетъ монастырскій. Монахи сказывали господину Уманцу, что въ горахъ не рѣдко бываютъ землетрясенія, при которыхъ дрожатъ всѣ зданія; но главный храмъ, и въ особенности мѣсто Неопалимой Кудины, остаются въ совершенной покоѣ. Кромѣ большаго окна, черезъ которое вступаютъ во внутрь, есть еще въ разныхъ мѣстахъ верхней части стѣны нѣсколько окошекъ и узенькія какъ въ крѣпостяхъ, амбразуры, дающія свѣтъ въ тѣнистый и мрачный корридоръ, устроенный въ верхней части окружныхъ стѣнъ. Въ случаѣ нужды, эти разрѣзы могутъ служить для ружейныхъ выстрѣловъ.

Въ западной стѣнѣ, обращенной къ саду, есть просторная дверь, на-глухо заложенная большими камнями, которые, для бѣльшей крѣпости, завалены изнутри кучею камней меньшей величины. Противъ нея въ крѣпостной стѣнѣ монастыря видна особая дверь, также наглухо и чисто задѣланная тремя огромными камнями правильной формы, искусно въ это отверстіе пригнанными. Это дверь синайскаго архіепископа.

Послѣдній, жившій въ монастырѣ архіепископъ, былъ Кириллъ. Онъ умеръ въ 1760 году. Съ того времени признано удобнѣйшимъ, чтобы архіепископъ и намѣстникъ его жили

не здѣсь, а въ другихъ странахъ, съ цѣлю избѣгнуть хищническихъ, непомерныхъ требованій со стороны Арабовъ, при возведеніи его въ санъ и при вступленіи въ монастырь. Для этого вступающія дверь открываютъ, но удаляютъ всѣхъ сопровождающихъ его Арабовъ, которыхъ, за *бихишмазъ* (подарочкомъ) при подобномъ случаѣ набирается многія сотни; потомъ снова задѣлываютъ. Честь отваленія камней отъ этого входу принадлежитъ, по принятому изъ-давня обычаю, тремъ почетнѣйшимъ Арабамъ изъ синайскаго населенія, которые вмѣстѣ и главные тѣлохранители особы архіепископа. Въ этомъ качествѣ они помѣщаются на извѣстное время въ монастырѣ, получаютъ отъ него и угощеніе и богатые подарки.

Пространство, заключенное въ монастырскихъ стѣнахъ, раздѣляется на девять или десять дворовъ разной величины и формы; они соединяются между собою узкими, извилистыми, какъ въ лабиринтѣ, переходами и корридорами, которые, по причинѣ неровности почвы, то поднимаются, то опускаются. Вокругъ дворовъ и вдоль переходовъ расположены зданія разной высоты и архитектуры; въ верхніе ярусы ведутъ деревянныя или каменные лѣстницы, устроенныя снаружи; отъ нихъ идутъ ходы въ другія зданія, и опять лѣстницы, такъ, что, обойдя все одинъ разъ, трудно составить въ головѣ планъ всѣхъ этихъ строеній. На двухъ или трехъ дворахъ разведены виноградныя лозы, цвѣты, и деревья, которыя бросаютъ прекрасную тѣнь, а на дворѣ большаго храма, у предѣла Неопалимой Купины, растутъ два красивые кипариса, изъ которыхъ одинъ возвышается надъ стѣнами монастырскими и видѣнъ издалека. Вода обильна и искусно проведена во всѣ части обителя; лучшею считается вода колодець Неопалимой Купины и Моисѣя. Оба они находятся въ низшей части монастыря, близъ большаго храма и, вѣроятно, имѣютъ между собою подземное соединеніе. Послѣдній такъ названъ потому, что у него предполагаютъ, вполне ошибочно, первую встрѣчу и знакомство Моисѣя съ дочерью Іефера, которымъ здѣсь онъ помогъ за-

донъ овецъ и язь которыхъ одну набралъ потомъ себѣ въ супружество ; онъ находится у паперти храма съ лѣвой стороны, и, по количеству воды, есть главный,

Лучшее украшеніе монастыря — соборный храмъ, воздвигнутый въ память Преображенія Господня, по мнѣнію высшаго синайскаго архіепископа Крнстандіуса, который основываетъ его на мозаическомъ изображеніи этого событія Новаго Заѣта, существующемъ на алтарномъ сводѣ храма. Обыкновенно называютъ монастырь Екатеринбургскимъ, по той причинѣ, что здѣсь покоятся мощи Святой Екаторины. Прокошій, жившій въ томъ же столѣтіи, когда монастырь воздвигнутъ, говоритъ напротивъ, что церковь была построена во имя Святой Дѣвы.

Соборная церковь стоитъ на особомъ дворѣ очень близко къ сѣверо-восточной стѣнѣ. Храмъ имѣетъ форму параллелограмма, длиною въ осемнадцать и шириною въ десять сажень. Постройка его проста, массивна, прочна. Двумя рядами цѣльныхъ гранитныхъ, но теперь побѣленныхъ колоннъ, съ капителями разныхъ орденовъ, по семи колоннъ съ каждой стороны, овъ раздѣленъ на три части. По словамъ монаховъ, колонны побѣлены для приданія храму, также выбѣленному, виду, болѣе веселаго. Высота колоннъ три сажени. Вверху ихъ висятъ иконы, изображающія всѣхъ годичныхъ Святыхъ, а пониже хранятся, въ самыхъ же колоннахъ, мощи святыхъ угодниковъ Божіихъ. Потолокъ, поддерживаемый колоннами, покрытъ темно-голубою краскою, и по немъ разбросаны золотыя звѣзды, а посреди изображенъ Вседержитель. Толстыя поперечныя стрѣлы, скрѣпляющія колонны сверху, и строилы, на которыхъ лежитъ коническая крыша, покрытая листовымъ свинцомъ, принадлежатъ ко времени первоначальной постройки. Полъ мраморный, узорчатый, сѣланъ искусно и содержится въ большой опрятности : изъ правильныхъ кусковъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, составлены фигуры, круги и четвероугольники съ безчисленными украшеніями, размѣщенными въ строгой симетріи по красивому рисунку. По сторонамъ хра-

ма, внутри у стѣнъ, устроены изъ досокъ мѣста для монаховъ.

У одной изъ колоннъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ алтаря, возвышаются богато-украшенные кресла рѣзной работы, орѣхового дерева съ позолотою, съ большими по сторонамъ орлами и съ куполомъ сверху, поддерживаемымъ двумя ангелами. На внутренней части спинки находится видъ монастыря и образъ Преображенія Господня, работы какого-то Корнара. Большія окна вокругъ, въ два ряда, прекрасно освѣщаютъ внутренность храма. Къ восточной части прижмутъ альковъ со сводомъ, гдѣ помѣщается алтарь, нѣсколько выступающій во внутрь храма, такъ, что переднія двѣ колонны, поддерживающія потолокъ храма, находятся внутри его.

Стѣна алтаря, отдѣляющая его отъ остальной части храма, украшена въ византійскомъ вкусѣ нѣсколькими рядами образовъ въ рѣзныхъ рамкахъ; сверху, надъ царскими вратами, возвышается кипарисное рѣзное же Распятіе большаго размѣра. Позолота щедро положена вездѣ, гдѣ только можно. Нижній ярусъ стѣны обложенъ квадратными досками бѣлаго мрамора съ изображеніями разныхъ событій изъ Священнаго Писанія. Алтарь поднять отъ пола церкви на нѣсколько ступенекъ. Надъ мраморнымъ престоломъ, на четырехъ колоннахъ, возвышается, въ видѣ короны, куполъ съ разными изображеніями на перламутровыхъ и черепаховыхъ дощечкахъ; колонны его такой же работы. Большія иконы, по сторонамъ царскихъ вратъ, представляютъ, одна Спасителя, сѣдящаго на престолѣ, а другая Богоматерь съ четырьмя Пророками, Давидомъ, Соломономъ, Исаіею и Давиломъ, предсказывавшими о рожденіи Спасителя.

Почти у cadaго образа находится лампада, а посреди церкви висятъ пять серебряныхъ и хрустальныхъ люстръ. Лучшая изъ нихъ прислана Императрицею Елисаветою Петровою. Значительнѣйшая часть люстръ, лампадъ, панцидиль и множества разныхъ вещей, употребляемыхъ при священнодѣйствіи, сдѣланы изъ чистаго серебра и носятъ

штемпеля русскіе. По стѣнамъ много образовъ, въ довольно богатыхъ рамахъ, но самой простой работы.

На внутренности алтарнаго свода сохранились древнія мозаическія изображенія. Здѣсь видно Преображеніе Господне: по срединѣ Спаситель, по правую сторону Илія, по лѣвую Моисѣй, внизу ученики Іоаннъ, Петръ и Іаковъ, пораженные удивленіемъ и ослѣпленные свѣтомъ небеснымъ.

Часть стѣны отъ алтарнаго свода до потолка также представляетъ мозаическія фигуры. Надъ самымъ сводомъ два окна, раздѣленные узкимъ простѣлкомъ; по одну сторону ихъ изображенъ Моисѣй передъ Неопалимою Купиною, а по другую тотъ же Святой Пророкъ съ скрижалями заповѣдей; въ погахъ у обоихъ изображеній, два парящіе херувима; еще ниже, по бокамъ свода, два медальона съ портретами основателей монастыря, императора Юстиніана и жены его Феодоры.

Мощи Святой Екатерины хранятся въ небольшой ракъ карарскаго мрамора съ рѣзными изображеніями. Крышка мраморная, отдвижная. Надъ ракою мраморный балдахинъ и куполь, а передъ нею вдѣлана въ стѣну полированная мраморная доска съ изображеніемъ лика Святой мученицы. Передъ этимъ изображеніемъ и надъ ракою висятъ семь неугасаемыхъ лампадъ. Мощи состоятъ изъ головы и руки; на головѣ укрѣплена золотая корона съ разноцвѣтными камнями, на рукѣ — нѣсколько золотыхъ колець простой работы. Мощи помѣщаются на дорогомъ подносі, покоящемся на хлопчатой бумагѣ, которою наполнено три-четверти внутренняго объема раки. При открытіи раки, по всему храму разносится благовоніе розоваго масла. Для этихъ мощей, сестра Императора Петра-Перваго царица Екатерина Алексѣевна, прислала сюда серебряную позолоченную раку во весь человѣческій ростъ; она хранится особо, въ числѣ монастырскихъ драгоценностей, и нашему путешественнику показывали только ея крышку, на которой представлена рельефно, въ большомъ видѣ, Святая Мученица.

Кромѣ главнаго алтаря, въ храмѣ есть девять придѣловъ;

шесть съ боковъ, на каждомъ по три, и два рядомъ съ алтаремъ, въ особыхъ отдѣленіяхъ. Черезъ нихъ вступаютъ въ девятый придѣлъ, находящійся за самымъ алтаремъ и заключающій въ себѣ самое священное мѣсто обители, мѣсто Негараемой и Неопалимой Кушны, гдѣ Господь воззвалъ Моисѣя и впервые говорилъ ему: «Я есмь Богъ твоихъ отцовъ».

Студенецъ Моисѣевъ находится съ лѣвой стороны храма, у паперти, отъ которой ведетъ къ нему особая дверь. Воды здѣсь всегда полно, и она очень близка отъ краевъ колодца.

Библіотека находится въ небольшой комнатѣ съ полками по стѣнамъ. Книги лежатъ въ полномъ безпорядкѣ, и мѣстами навалены кучами. Значительнѣйшая часть — рукописныя, и многія изъ нихъ очень толстыя. Всѣ эти рукописи — на языкахъ греческомъ и арабскомъ, и болѣею частью — творенія Святыхъ Отцовъ. Арабскія рукописи не представляютъ ничего особенно любопытнаго. Печатныя гречеокія книги стары; новыхъ почти нѣтъ. Господинъ Уманецъ замѣчаетъ, что здѣшніе жильцы плохіе охотники до книгъ и вообще до чтенія, и о библіотекѣ весьма мало заботятся.

Осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности монастыря, путешественникъ пожелалъ взойти на вершины Синая, куда нужно подниматься ущелиемъ по дорожкѣ, устроенной болѣею частью ступеньками. Три монаха и нѣсколько человекъ Аравитянъ служили ему проводниками и объясняли преданія, относящіяся къ мѣстностямъ. Въ нѣкоторой высотѣ надъ монастыремъ находится небольшая церковь Явленія Пресвятой Богородицы, четыре нештукатуренныя стѣны съ плоскою крышею, безъ всякихъ украшеній и образовъ внутри, съ нѣсколькими столбами и остатками перегородокъ, отдѣлявшихъ нѣкогда алтарь отъ прочей части храма. Почти въ такомъ же состояніи нашель господинъ Уманецъ всѣ отшельническія обители и церкви, разбросанныя въ синайскихъ городахъ, которыя онъ видѣлъ въ этотъ и на дру-

гой день. Исключеніе составляет только одна церковь, въ монастырѣ Сорока Мучениковъ; потому что этотъ монастырь обитаемъ и обнесенъ стѣнами. По преданіямъ, вѣроятно преувеличеннымъ, нѣкогда въ этихъ горахъ монашествовало до шести тысячъ иноковъ.

Надъ храмомъ Богородицы ущелье суживается еще болѣе и путь становится круче. Къ гребню хребта, ущелье представляется не болѣе какъ раздѣлиной между отвѣсными гранитами. Здѣсь находится узкое отверстіе со сводомъ, для проходу одного человѣка; за нимъ саженьхъ въ пятидесяти есть еще другая такая же дверь, на самомъ гребнѣ Хорива. Въ прежнія времена поклонники, приходившіе сюда толпами до восхожденія на святая вершины, должны были говѣть цѣлую недѣлю въ монастырѣ, исповѣдаться и причаститься Святыхъ Таинъ; у дверей, вверху, стояли монахи и пропускали только тѣхъ, у кого были записки отъ игумена объ исполненіи ими этихъ благочестивыхъ приготовленій. Послѣ шестидневнаго поста и молитвы, избраннѣйшимъ дозволялось идти вверху; тамъ у первыхъ дверей ожидалъ ихъ духовникъ для исповѣди, а у вторыхъ священникъ, въ полномъ облаченіи, съ чашею Святыхъ Таинъ. Хоръ пѣвчихъ, зажженные факелы и куреніе еиміама, подъ сводомъ голубаго неба, довершали торжественность, и когда причастникъ пропускался черезъ порогъ двери, можно судить о тѣхъ чувствахъ, какими преисполнена была грудь его въ эту минуту.

Подходя къ послѣдней двери, въ рамѣ ея видно одно только голубое небо. По подъему, отъ самаго монастыря не встрѣчается ни малѣйшихъ слѣдовъ жизни, ни одного вершка земли, гдѣ бы растительность могла уцѣпиться. Со всѣхъ сторонъ громоздится камень на камень, одна скала давитъ другую, одинъ утесъ заслоняетъ другой.

Перейдя дверь, вы очутились въ другомъ мірѣ. Обширная горная перспектива разстилается передъ вашими глазами. Но самые примѣчательные предметы, это—два огромные пика, которые съ гребня величаво поднимаются къ небу и ко-

торымъ гребень Хорива служить какъ бы пьедесталомъ, Гора Моисѣя и Гора Святой Екатерины.

На этой высотѣ, которую полагаютъ въ *шесть тысячъ семь сотъ* парижскихъ футовъ, есть небольшой участокъ земли, обнесенной стѣною, съ ярко зеленою, съ прекраснымъ кипарисомъ, въ тѣни котораго можно отдохнуть. Въ прошломъ столѣтіи росли здѣсь даже *три оливковыя дерева*. Рядомъ находится церковь Святаго Иліи, съ придѣломъ Святаго Елисея. Въ церкви показываютъ, гдѣ святой Пророкъ, убѣгая отъ враговъ, посягавшихъ на его жизнь, послѣ сорока-дневнаго пути на святую гору поселился на довольно долгое время. Здѣсь онъ слышалъ Господа, и здѣсь былъ свидѣтелемъ бури, ниспровергшей окрестныя горы, видѣлъ землетрясеніе, повергшее эти скалы въ такой хаосъ, видѣлъ огонь обжегшій скалы. Близъ церкви видны развалины стараго зданія, которое, говорятъ, было нѣкогда мечетью. Тутъ же вблизи, скала съ арабскими надписями.

Отъ этого мѣста до вершины *Джебель-Муса*, или Моисѣевой Горы, еще—часть пути, столько же какъ и отъ монастыря сюда, но пути, гораздо болѣе медленнаго и утомительнаго. Путники наши взобрались на нее облитые потомъ и задыхаясь отъ усталости. Въ прежнія времена однако жъ совершались торжественные ходы до самой вершины пика, и на подъемѣ донинѣ есть ниша въ скалѣ, куда ставили при такихъ случаяхъ иконы.

Вершину составляютъ двѣ или три огромныя гранитныя скалы, примкнутыя одна къ другой; на нихъ разстилается неправильная и неровная площадка, саженъ въ пятнадцать въ діаметрѣ. Юго-восточная часть площадки нѣсколько поднята и виситъ надъ пропастью. Порода камня въ этомъ мѣстѣ—красный гранитъ, почернѣвшій отъ солнца и который снизу кажется какъ бы задымленнымъ; часть сѣверо-западная состоитъ изъ сѣраго гранита, и оттого вершина издали представляется двухъ-цвѣтною. Вышина ея по Рюппелю—*семь тысячъ тридцать пять* парижскихъ футовъ, по Руссегеру семь тысячъ девяносто шесть, по другимъ нѣсколько менше семи тысячъ. Но должно замѣтить, что всѣ

эти измѣренія сдѣланы барометрами, которыхъ исправность подлежитъ большимъ сомнѣнiямъ. Восточная скала съ пещерой носитъ названiе *Скалы Моисѣя*. У ней-то, по словамъ преданiя, Моисѣй бесѣдовалъ съ Богомъ, здѣсь ему повелѣно сотворить скинiю свидѣнiя и кивотъ завѣта, и здѣсь потомъ получилъ онъ скрижали заповѣдей. Скала покрыта множествомъ надписей арабскихъ, греческихъ, армянскихъ. Тотчасъ за нею лежатъ развалины зданiя. По остаткамъ видно, что оно было воздвигнуто довольно искусными руками. Эти стѣны принадлежали, какъ говорятъ, римско-католической церкви. Рядомъ возвышаются, во всей цѣлости, стѣны существующей донынѣ греческой церкви, самой простой архитектуры. Постройку этого храма приписываютъ, одни Императрицѣ Еленѣ, другiе Юстинiану. Какъ гнѣздо ласточки, виситъ зданiе надъ пропастью, и такъ близко къ ней, что стѣна алтаря идетъ въ одинъ отвѣсъ съ отрѣзомъ утеса. Мѣста, болѣе живописнаго, здѣсь нельзя себѣ представить. Внизу, на востокъ и югъ, цѣлое море скалъ и острокопечныхъ вершинъ. Возлѣ церкви стоитъ мечеть, также еще цѣлая, даже съ наружною и внутреннею штукатуркой, но почти въ такомъ же заустѣнiи. Подъ нею пещера и преданiя говорятъ, что въ ней-то Моисѣй постился сорокъ дней и сорокъ ночей, передъ принятиемъ закона.

Тотчасъ за мечетью—большая натуральная цистерна, полная воды самой свѣжей, чистой, холодной, скопившейся отъ дождей и снѣговъ; эту цистерну, какъ и все здѣсь, называютъ Моисѣевою.

Вершины, видныя отсюда, будучи ниже Джебель-Мусы, кажутся почти въ одномъ между собою уровнѣ и одна къ другой весьма близкими. Одна только вершина Святой Екатерины господствуетъ надъ этою толпою каменныхъ головъ, во путь къ ней по гребню Хорива не близокъ. Посѣтивъ разныя церкви, часовни и пустыни, болѣе или менѣе разрушенныя, господинъ Уманецъ восходилъ и на эту знаменитую возвышенность, мужественно преодолевъ всѣ трудности пути по скатамъ, почти отвѣснымъ. Вершинѣ Святой Екатерины барометрическiя измѣренiя приписываютъ вы-

шину болѣе, чѣмъ въ осемь тысячъ парижскихъ футовъ, превосходящую цѣлою тысячею футовъ вышиною Моисѣевой Горы. На сѣверномъ краю вершины находится маленькая часовня, сложенная изъ камней безъ известки. Поломъ ей служить скала. На этой поверхности выдается незначительная выпуклость, соответствующая формѣ человеческого тѣла. Преданіе гласитъ, что на этой выпуклости обрѣтено тѣло Святой Екатерины и что самая выпуклость образовалась отсюда. Часовня построена въ недавнее время и весьма непрочна; вѣтеръ дуетъ насквозь, дверей нѣтъ, крыша плоская и лежитъ на нѣсколькихъ необтесанныхъ бревнахъ. Путешественники, желая оставить по себѣ память, не нашли другаго удобнаго мѣста начертать имена свои какъ на этихъ бревнахъ; въ особенности одно изъ нихъ испещрено надписями на разныхъ европейскихъ языкахъ, но болѣе всего на англійскомъ. Нѣкоторые надписи принадлежатъ Американцамъ.

Обширная панорама открывается отсюда во всѣ стороны; почти весь полуостровъ видѣнъ какъ на ладони. Красное Море съ своими островами — у ногъ зрителя и оба залива, какъ двѣ распростертыя руки, протягиваются на встрѣчу ему, обхватывая синайскій островъ, который подымается уступами выше и выше до самыхъ пиковъ. Островки, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ у береговъ, кажутся частицами тумана, плавающими надъ поверхностію моря. Акабскій Заливъ видѣется ближе, чѣмъ Суэзскій, и потому, что съ той стороны возвышаются цѣпи горъ, а съ другой, лежатъ низменные мѣста, совершенно открытыя. Кое-гдѣ, на синевѣ моря, видѣются бѣлыя пятнышки и только по движенію ихъ, вы заключаете, что это должны быть суда. Далеко въ морѣ, рѣзко начерталась черная полоса; приглядѣвшись пристально, вы видите, что эта полоса движется, и догадываетесь, что это почтовый пароходъ-фрегатъ, идущій въ Суэзъ изъ Бомбая или Калькутты. За Суэзскимъ Заливомъ видны еще горы на горизонтѣ. По сю сторону залива, между нимъ и хребтомъ Хорива, разстилается, вдоль большой части морскаго берега, песчаная

равнина; на половинѣ ея протяженія, у самаго берега, мелькаетъ Торъ, главный городъ полуострова.

Полуостровъ врѣзывается въ море мысомъ Расъ-Мухаммедъ, и здѣсь — раздѣленіе моря на два залива. Оттуда къ северу, къ Синаю, множество пиковъ выходитъ изъ горныхъ грядъ и хребтовъ, но вниманіе останавливается преимущественно на двухъ превышающихъ прочіе; одна изъ этихъ горъ, на западъ, *Джебель-Сербаль*, другая, на югъ, *Джебель-уммъ-Шаумеръ*; первая явно уступаетъ первенство той горѣ, на которой вы стоите, но вторая кажется выше, и спутники господина Уманца утверждаютъ, что она дѣйствительно — самый высшій пунктъ полуострова.

Эта часть разсказу нашего путешественника показалась намъ самою занимательною и мы съ удовольствіемъ изложили ея содержаніе. Читатели, не знакомые съ сочиненіями иностранныхъ путешественниковъ, найдутъ въ немъ большой интересъ, не смотря на слогъ русскаго повѣствованія и на отсутствіе тѣхъ наблюденій или замѣчаній, которыя поражаютъ умъ, подстрекаютъ любопытство и одушевляютъ воображеніе. Остальныя страницы перваго тома посвящены разсужденію о предполагаемомъ соединеніи Средиземнаго Моря съ Краснымъ посредствомъ канала или желѣзной дороги. Во второй части изложены подробности возвратнаго пути, замѣчанія о маннѣ Ветхаго Завѣта и нѣсколькихъ другихъ обстоятельствахъ библейской археологін, бывшихъ уже неоднократно предметомъ очень ученыхъ изслѣдованій, и, наконецъ, тѣ статьи, которыя авторъ называетъ *отрывками объ Египтъ и Святой Земль*. Достоинство всего этого чрезвычайно относительно. Читатель, для котораго тѣ страны болѣе или менѣе новы, долженъ быть, не только доволенъ, но даже восхищенъ, свѣдѣніями, доставляемыми объ нихъ авторомъ. Знающіе ихъ лично или посредствомъ чтенія, встрѣтятся, быть-можетъ, только съ повтореніями давно извѣстнаго и повсюду сказаннаго. Другіе не будутъ удовлетворены выпусченіемъ изъ виду тѣхъ живительныхъ для ума и науки сторонъ, которыя въ этой сторонѣ возбуж-

даютъ такой сильный интересъ въ образованномъ любителѣ исторіи, географіи, естествознанія, искусства. Но — общій законъ — всѣ такіе читатели не судьи для русскихъ книгъ. Мы не въ правѣ быть очень взыскательными, и я полагаю, что — принявъ въ соображеніе всѣ обстоятельства, мы должны быть въ восторгѣ отъ такихъ книгъ, какъ предлагаемая, особенно, когда онѣ отличаются прекрасною скромностью безпритязательнаго автора «Поѣдки на Сидай».

=

**Путешествіе по Нижнему Египту и внутреннимъ областямъ
Дельты. А. Рафаловича. Санктпетербургъ, 1850.**

Нижній Египетъ, одна изъ трехъ областей Египта, безспорно самая неинтересная провинція этой полу-независимой провинціи оттоманской имперіи. Европейскіе путешественники проѣзжаютъ ее, почти не останавливаясь. Окинувъ любопытнымъ взглядомъ Александрію, болѣе по причинѣ классической знаменитости ея имени, чѣмъ по настоящей важности этого порта, они обыкновенно спѣшатъ въ Каиръ и оттуда начинаютъ свои наблюденія надъ разоренною, невѣжественною и нищенствующею странною или свои изслѣдованія по части древностей, единственной примѣчательной вещи въ нынѣшнемъ Египтѣ. И очень справедливо. Въ бѣдности и нечистотѣ Нижній Египетъ ничѣмъ не отличается отъ Средняго и Верхняго, между-тѣмъ какъ на вниманіе образованнаго человѣка не даетъ ему права полное отсутствіе памятниковъ этой великолѣпной и таинственной древности, которыми такъ облагораживаются пошлыя равнины и пески другивъ частей нильскаго края. Что значитъ Египетъ безъ памятниковъ! для

дарство? Въ политическомъ отношеніи, это — ничтожество, въ нравственномъ, это — все та же Турція. Одни только французскіе газетчики, которые, въ своихъ завистливыхъ политическихъ грезахъ, все-еще мечтають о возможности пробраться этимъ путемъ въ англійскую Индію, могутъ находить въ египетскомъ пашалыкѣ особенныя прелести, достойныя уваженія и ухаживанія. Они-то и придали Египту воображаемую и ни на чемъ не основанную государственную важность; они-то, сдѣлавшись совѣтниками и клеветами случайнаго его правителя, возбудили въ немъ честолюбіе, довершившее разореніе страны; они-то уговорили его повѣрить въ свою геніальность и безсовѣстно прославляли его великимъ человѣкомъ, благодатнымъ преобразователемъ, мужемъ просвѣщеннымъ и глубокомысленнымъ. Они, лезя безграмотному Албанцу, величая его не бывалымъ титуломъ *вице-короля*, выдавая за *могущественнаго друга Франціи*, увлекли было въ одно время, въ эти смѣшныя мечты, и нѣкоторыхъ парижскихъ политиковъ, надѣленныхъ болѣе воображеніемъ чѣмъ проникательностью. Для всей остальной Европы, шарлатанство это было слишкомъ явственно, и отвратительно. Даже многіе изъ Французовъ, обманутыхъ или разоренныхъ этою комедіею, разгигривавшеюся въ парижскихъ газетахъ, давно обнаружили ея безстыдство. Политическое и административное положеніе африканскаго пашалыка было очень хорошо оцѣнено въ послѣднее десятилетіе. Никто уже не интересовался Египтомъ какъ странною: одни его памятники стали по-прежнему упражнять наше вниманіе, памятники—его слава, его сила, настоящее его богатство. Терпѣніе Европейца едва уже могло перенести какихъ-нибудь сорокъ, пятьдесятъ страницъ замѣчаній о современномъ состояніи Египта. Да и этого пространства по-настоящему было много и для него и для его паши: стоить ли распространяться о нищетѣ нищеть, объ отсутствіи всего, о хищности одного изъ восточныхъ воеводъ! Въ этой всеобщей румнѣ, которую теперь зовутъ Египтомъ, развалины храмовъ, дворцовъ и гробницъ Фараоновъ, удѣлявши

послѣ тысячелѣтій, конечно занимательнѣе развалинѣ ничтожныхъ городовъ и сель, разрушенныхъ правительственною мудростью послѣдняго турецкаго паши.

Послѣ чего, нельзя не быть великому удивленію читателя! который вдругъ встрѣчается на бѣломъ свѣтѣ съ толстою книгою въ четыреста сорокъ страницъ — объ одномъ только *Нижнемъ Египтѣ*!... Такаго избытку чести навѣрное не ожидалъ этотъ бѣдный санджакъ. Такой скуки, безспорно, не заслуживалъ за всѣ свои грѣхи благосклонный читатель. Четыреста сорокъ страницъ объ одной пустой области всепустѣйшаго Египта, о той части Нильской долины, гдѣ даже и слѣда древности не осталось!... Но древностями эта книга и не занимается: она объективно изучаетъ, только, въ строгомъ смыслѣ, нынѣшнее состояніе *Нижняго Египта*, въ которомъ ровно ничего не состоитъ нынче. Чтò же такое необыкновенное и любопытное открыла она въ этой ямѣ? какими важными наблюденіями обогатила кладовую свѣдѣній вселенной? какими достойными памяти подробностями наполнила эти сотни страницъ? чѣмъ именно потчуетъ читателя? — Ничѣмъ! *дневникомъ* поѣздокъ по селамъ и городишкамъ египетской Дельты, въ каковомъ «дневникѣ», съ неумолимою точностью, показывается по порядку — сколько въ такомъ-то селѣ жителей мужеска и женска пола — сколько дворовъ въ немъ развалилось, и сколько еще держится на фундаментѣ — гдѣ находится мелочная лавочка и гдѣ живетъ мясникъ — кто въ ней староста, кто цырюльникъ, кто писарь — въ которой сторонѣ помойный ямы — какая въ тотъ день стояла погода — откуда дулъ вѣтеръ — у кого авторъ завтракалъ — гдѣ пилъ кофе — съ кѣмъ курилъ трубку — и все разное прочее тому подобное. Тутъ же находятся наблюденія надъ тѣмъ, какъ дѣлать горшки — какъ дѣлается конжутное масло, диковника, привозимая изъ тульской губерніи въ Милютинны Лавки, какъ ткнуть холстъ, и такъ далѣе. Къ открытіямъ, внесеннымъ въ слезанный дневникъ, принадлежитъ преимущественно то, что

Восточные сахару въ кофе не кладутъ; что въ Розеттѣ моютъ и ломаютъ васъ въ бани хорошо; что какой-то господинъ П* наняваетъ обширный домъ съ садомъ и въ домѣ этомъ хороша одна зала въ нижнемъ этажѣ; что простыя женщины въ Египтѣ любятъ пестроту цвѣтовъ въ нарядахъ, въ чемъ уподобляются онѣ.... не всѣмъ прочимъ простымъ жеманамъ, но.... исключительно Абиссинкамъ; что финики бываютъ двухъ родовъ, сушеные и свѣжіе, сжатые въ тѣсто, совершенно какъ въ лавкѣ Смурова, который даже скажетъ вамъ что *эти послѣдніе* (слогъ дневника) называются *адже*; что *по-арабски* піастръ собственно называется *гъришъ*, во множественномъ числѣ *гурушъ*, хотя это — по-турецки, заимствовано отъ всѣмъ намъ извѣстнаго слова *грошъ*; что нынѣшнее арабское слово *Гыбти*, Коптъ, едва-ли не есть корень древняго имени *Aegyptus*, хотя и въ древности было извѣстно слово *Koptos*, какъ названіе города; что у Коптовъ есть *молодые мальчишки и дѣвочки* — совсѣмъ не старыя.... (стр. 98); что родословная этихъ несчастныхъ Коптовъ совсѣмъ-дескать неразгадаема, и не придумаешь, отъ какаго народа могутъ происходить они, хотя племя ихъ объясняется удовлетворительно самымъ языкомъ ихъ книгъ, знаменитымъ коптскимъ языкомъ, который признанъ древнимъ нижеегипетскимъ нарѣчіемъ. Дальнѣйшія открытія дневника: въ арабскихъ пѣсняхъ говорится о дѣвѣ «съ бѣлою какъ *мраморъ* грудью» — любопытно бы видѣть, какъ это сказано по-арабски, тѣмъ болѣе что дневникъ представляетъ видъ знатока арабскаго языка и поправляетъ другихъ; «первый и главный шагъ» къ чтенію собственныхъ именъ въ іероглифахъ сдѣланъ Французомъ, Шамполиономъ-Младшимъ!.... а не докторомъ Юнгомъ, Англичаниномъ, какъ всѣ донынѣ были уоѣждены; — воду въ Египтѣ Аравитяне «неправильно называютъ *муоје*, а въ *Сиріи* гораздо правильнѣе, *ма*, тогда какъ *муоје* есть совершенно правильное уменьшительное слова *ма* и значитъ «водица»; англійское «правительство», которое никакихъ дорогъ не строитъ, предлагало будто-бы египетскому пашѣ дать де-

негъ на постройку желѣзной дороги черезъ Суэзскій Пере-
шеокъ; а паша тотъ былъ удивительный человекъ — авторъ
дневника съ своимъ товарищемъ пришли отъ него *просто*
съ восторгъ — и вотъ по какому поводу случилось это незаб-
венное пришествіе «просто въ восторгъ»: сказанный товарищъ
рекомендовалъ вниманію и щедротамъ паши одного вновь при-
бывшаго варшавскаго фокусника, а великій паша или вице-
король (дневникъ открылъ, что Мехмеда-Али такъ слѣдуетъ
именовать) отвѣчалъ на это: *Помилуйте, мало ли у меня фоку-*
сниковъ! — изъ чего видно, что дневнику «просто» ничего не
стоитъ приходить «просто въ восторгъ»; въ отношеніи же къ
вѣротерпимости и кротости, разница дескать между фран-
цузскими и турецкими правами огромна: въ 1797 году, въ
время экспедиціи Французовъ, губернаторомъ города Розет-
ты былъ извѣстный генералъ Мену; несмотря на преклон-
ныя лѣта, онъ влюбился въ молодую Аравитянку, мусуль-
манку, дочь банщика, и, чтобы жениться на ней, онъ, побѣ-
дитель, принялъ магометанскую вѣру (мерзавецъ!). «Турокъ,
завоеватель христіанскаго города, восклицаетъ дневникъ,
конечно поступилъ бы «иначе, если бы ему понравилась дочь
мѣщанина гяура!» (стр. 77). И множество другихъ столь же
невѣроятныхъ навностей.

Послѣ такихъ примѣровъ неловкости мысли, соображенія
и рѣчи, трудно питать большое уваженіе къ правильности су-
жденій дневника и къ дарованію его наблюдать точно и
основательно. И дѣйствительно, судьба какъ-будто преслѣ-
дуетъ его: въ книгѣ у него ничего не ладится; онъ тратитъ
время и вниманіе на предметы, не стоящіе того чтобы за-
ниматься ими, утруждаетъ читателя подробностями, вовсе не
касающимися до нашего любопытства, не видитъ существен-
наго, выпускаетъ изъ виду самое интересное, вѣрить тѣмъ,
кого слѣдовало бы остерегаться и, обыкновенно, выводитъ
заключенія, оскорбляющія или логику или науку. Возь-
жемъ, не выбирая, первое разсужденіе, какое попадетъся. На-
примѣръ, о нильской водѣ (стр. 183). «Арабскіе писатели

«сочинили много ученых диссертаций о египетской волѣ, ее качествахъ и дѣйствіяхъ; нѣкоторые ей приписываютъ причину необыкновенной плодовитости египетскихъ женщинъ. Не знаю, въ какой степени, изъ разныхъ стихій, среди которыхъ живетъ или которыми питается человѣческій организмъ, въ правѣ мы искать въ одной исключительнаго дѣйствія на производительную силу, но въ моихъ глазахъ весьма правдоподобно мнѣніе одного врача, видимаго мною въ послѣдствіи въ Даміатѣ и который утверждалъ, что напротивъ того *Ниль* причиною, конечно косвенною, выкидышей, «столь частыхъ между женами *феллаховъ*». Вы полагаете, что послѣ стихій, среди которыхъ живетъ или которыми питается человѣческій организмъ, и послѣ ихъ дѣйствія на производительную силу, теперь логически пойдетъ рѣчь о томъ, что напротивъ того питаніе этой стихіей оказывается вреднымъ, по-видимому, для беременности. Ничего не бывало! Не о питаніи организма людей, а о носкѣ кувшиновъ на головѣ, будетъ разсужденіе. «Врачъ этотъ полагаетъ, что *выкидыши* часто зависятъ здѣсь отъ общаго въ краѣ обычая женщинъ носить на головѣ тяжелые кувшины съ водою». Чѣмъ же *Ниль*-то виноватъ этому общему обычаю? Отчего же онъ-то — причина частыхъ выкидышей? Развѣ *Ниль* приказываетъ или проситъ носить воду его непременно на головѣ и еще въ тяжеломъ кувшинѣ? Дневнику, производителю этой ученовидной галиматіи, не безызвѣстно однакожь, что въ Сиріи, Аравіи, Малой-Азійи, и по-всюду въ этой части Востока, женщины точно также носятъ воду на головѣ въ тяжелыхъ кувшинахъ, и нерѣдко по горамъ: тамъ однако жъ не жалуются на частые выкидыши и такого явленія никто не замѣчаютъ. Какъ же было не подумать о томъ, что если въ Египтѣ плодовитость женщинъ необыкновенна, если дѣтей тамъ рождаютъ гораздо чаще и болѣе чѣмъ въ другихъ странахъ, то, неизбѣжно, и число выкидышей должно быть значительно противъ средняго числа ихъ при необыкновенной плодовитости племени? Вовсе не видно, на хорошіе глаза логики, чтобы частые выкидыши зависели отъ

Наша. Да и на чемъ основане это извѣстіе дневника о необыкновенной плодовитости женщинъ въ Египтѣ? Тогомъ безпредѣльно начитаннаго ориенталиста увѣряетъ онъ, что арабскіе писатели сочинили много ученыхъ диссертаций о нильской водѣ и что нѣкоторые изъ нихъ приписываютъ ей необыкновенную плодовитость египетскихъ женщинъ. Въ оправданіе такихъ великолѣпныхъ притязаній на ориентальную эрудицію стоило труда назвать по-крайней-мѣрѣ нѣсколько изъ этого множества ученыхъ диссертаций. Изъ арабскихъ писателей, извѣстныхъ Европейцамъ, одинъ Абдоллатыфъ посвятилъ нѣсколько строкъ разсужденію о качествахъ нильской воды, да в тотъ ничего не говорить о необыкновенной плодовитости Египтянокъ. Статистика же обнаружила намъ фактъ, очень понятный и физиологически, что плодовитость роду человеческого самая значительная — на сѣверѣ и примѣтно уменьшается по-мѣрѣ приближенія къ югу и жаркой полосѣ. Всегдашняя, исторически извѣстная, ограниченность народонаселенія въ Египтѣ, не превосходявшаго въ лучшія времена его десяти или двѣнадцати милліоновъ и давно упавшаго до четырехъ, трехъ, и ниже, ни мало не подтверждаетъ этой необыкновенной плодовитости. Такому ученovidному дневнику нельзя не знать, кромѣ того, что плодовитость племенъ, самыхъ извѣстныхъ нынче своей *производительною силою*, очень непостоянна относительно къ времени, и въ однѣ эпохи или вѣка усиливается, въ другіе примѣтно ослабѣваетъ. Ирландская плодовитость, напримѣръ, въ наше время вдругъ стала очень умѣреннойю. Плодовитость отдѣльныхъ классовъ отличается еще болѣе разительными разницами. Веѣмъ доказывается, и доказано, что *производительная сила* въ человечествѣ зависитъ несравненно болѣе отъ обстоятельствъ, особенно нравственныхъ, чѣмъ отъ стихій. Развратъ, напримѣръ, дѣйствуетъ на нее очень пагубно, неговоря уже о другихъ вліяніяхъ, не имѣющихъ ничего общаго со стихіями.

Но если требовать логики отъ дневника, то пришлось бы ссориться съ нимъ безпрестанно. Не удивляется ли онъ,

на страницѣ 206-ой, что въ Египтѣ, кровь въ женщинахъ, сидящихъ на балконахъ за частыми рѣшетками, кровь *нагрѣваемая тропическимъ солнцемъ* (нагрѣваемая за рѣшетками, гдѣ — тѣнь и темнота! куда солнце и не проникаетъ)! — что эта кровь не разыгрывается до маленькихъ пшалоостей, довольно обыкновенныхъ въ Европѣ? И это мы читаемъ въ дневникѣ физиолога, изыскателя таинственныхъ дѣйствій эпидемій? Физиологія и опытъ одногласно удостовѣряютъ, что жаръ и зной, расслабляя организмъ, вовсе не расслабають его къ любви. Даже птицы улетаютъ на время любви изъ подъ тропическаго солнца въ болѣе прохладныя мѣста. Самая умѣренная наука достаточна для показанія, что любострастіе не болѣе зависитъ отъ солнца, чѣмъ *выкидыши зависятъ отъ Нила*. Оно вездѣ и всегда дѣйствуетъ эпидемически; оно очень прилипчиво, и у обоихъ половъ, особенно у женскаго — простое слѣдствіе примѣра, принятыхъ понятій и воспитанія. Самый любострастный народъ, извѣстный въ исторіи, жмъ у ледовитаго пояса, въ странѣ почти забытой солнцемъ. Этотъ народъ былъ Норманны. И теперь въ той же странѣ, и отъ того же колѣна, живетъ народъ самой строгой нравственности, Норвежцы.

Въ другомъ мѣстѣ, не увѣряетъ ли очень важно многоученный дневникъ, въ равную обиду и логикѣ и истинѣ, что въ Египтѣ *весьма рѣдко* (!) найти человека, *даже въ высшихъ сословіяхъ* (!!), который бы умѣлъ свободно писать, и особенно читать писанное (!!!) (стр. 333)? Это «особенно» очень остроумно: значить большая часть грамотныхъ, *даже въ высшихъ сословіяхъ*, не умѣютъ прочесть того что сами они напишутъ, или, все-равно, на Востокѣ есть болѣе пишущихъ, чѣмъ читающихъ? Не пужно опредѣлять, въ какой степени заслуживаетъ нашего довѣрія, относительно къ своимъ наблюденіямъ, дневникъ путешествія, который важно провозглашаетъ такія вопіющія несособразности. Между-тѣмъ каждому знающему мусульманскій Востокъ извѣстно, что число грамотныхъ тамъ гораздо

значительнѣе, чѣмъ во многихъ европейскихъ земляхъ, прославляющихъ себя просвѣщенными. Религіозная обязанность читать Алкоранъ и набожный обычай списывать его собственноручно, сильно способствуютъ къ размноженію грамотности между мусульманами. Вслѣдствіе извѣстной благотворительности Восточныхъ, и не только по долгу вѣры, но и по нуждѣ, даже по личной готовности каждаго, жертвовать частью своего достоянія на какое-нибудь богоугодное дѣло, низшія учебныя заведенія и богадѣльни учредились у нихъ повсемѣстно: почти при всякой мечети существуютъ первоначальныя школы, *мектебъ*. *Медресе*, академіи, или родъ богословско-юридическихъ факультетовъ, очень многочисленны. Каиръ во всѣ времена славился на Востокѣ своей мусульманскою ученостью. Одно уже это, при множествѣ первоначальныхъ училищъ, должно было остановить дневникъ въ приговорѣ, произносимомъ совершенно на-обумъ, о всеобщей безграмотности края. И замѣтите: «*весьма рѣдко*» найти челоуѣка, даже въ высшихъ сословіяхъ, который умѣлъ бы свободно писать, и особенно читать *писанное*, — а печатнаго тамъ почти и не водится. Для Восточныхъ, которыхъ вся литература рукописна, донынѣ гораздо легче и пріятнѣе читать писанное чѣмъ печатное. Не знаю, въ какой степени нашъ дневникъ знакомъ съ *механизмомъ семитическихъ языковъ*, къ которымъ принадлежитъ и арабскій: очень позволительно заключать, изъ приводимыхъ имъ арабскихъ фразъ, изъ его правописанія и произношенія арабскихъ словъ, что онъ никогда не изучалъ, вовсе не знаетъ и не понимаетъ этого механизма; но какъ на «механизмъ семитическихъ языковъ» вздумалъ онъ основывать важность египетскихъ секретарей, которые вездѣ — очень важныя лица, то нельзя не полюбопытствовать на его аргументы. «*Самый механизмъ семитическихъ языковъ*, къ которымъ «*принадлежитъ и арабскій, совершенное (!?)*» выпущеніе гласныхъ буквъ въ нисъмѣ; сходство и *крючковатость* со-«*гласныхъ*», и прочая, дѣлають очень важнымъ постъ гла-«*внаго писца*», то есть, писаря, или дьяка. *Крючковатость*:

вотъ странный упрекъ арабскимъ бумагамъ!... Въ такомъ же алфавитѣ буквы—не кривизоваты? Но ученый дневникъ и не догадывается того, что выпускъ согласныхъ въ арабскомъ языкѣ, и въ другихъ языкахъ того же корня, есть прямое, естественное и неизбежное слѣдствіе особеннаго ихъ механизма или внутренняго звуковаго устройства; что для восточнаго человѣка, да и для европейскаго ориенталиста, хотя нѣсколько владѣющаго языкомъ, гораздо легче читать арабское писаніе съ выпускомъ короткихъ гласныхъ, — однѣ только *короткія* и выпускаются, — чѣмъ съ прибавкою этихъ тоническихъ знаковъ, которыя только сбиваютъ съ пути и затрудняютъ чтеніе; и что это наконецъ—дѣло привычки, въ полномъ значеніи слова. Наши Евреи, которые въ семействахъ своихъ говорятъ по-нѣмецки, выучившись въ дѣтствѣ читать библейскіе тексты съ выпускомъ гласныхъ, пишутъ потомъ свои письма и счеты на нѣмецкомъ языкѣ еврейскими буквами, съ выпускомъ гласныхъ, и находятъ эту методу гораздо легче для житейскаго употребленія грамоты, чѣмъ настоящее нѣмецкое правописаніе и готическій алфавитъ. Восточные Евреи точно также пишутъ по-испански. Андалузскіе Мавры писали въ семнадцатомъ столѣтіи книги свои на испанскомъ языкѣ арабскими буквами и по арабской методѣ. Литовскіе Татары пишутъ молитвенники, письма и счеты на русскомъ языкѣ арабскимъ алфавитомъ, съ выпускомъ известнаго количества гласныхъ, и вы ихъ не убѣдите, чтобы наша графическая система была яснѣе и удобнѣе той, къ которой они съ дѣтскихъ лѣтъ привыкли. *Самый*, дескать, *механизмъ семитическихъ языковъ* дѣлаетъ постъ главнаго писаря очень важнымъ!... А между-тѣмъ главные писцы въ Египтѣ, по многократнымъ утвержденіямъ дневника — люди не-семитическаго племени, но Копты, привыкшіе съ дѣтства по своимъ духовнымъ и священнымъ книгамъ совсѣмъ къ другому писму, къ другой методѣ изображенія и чтенія звуковъ, заимствованной у Грековъ и совершенно похожей на нашу; самыя плохіе знатоки арабскаго языка и арабской грамоты:

по-зато люди воспринимавшіе въ смѣтливомъ духѣ коммерческаго сословія, люди вообще дѣловые, смышленѣе туземныхъ Арабовъ на канцелярскія продѣлки и служебныя плутни и, оттого, естественныя любимцы и помощники турецкихъ чиновниковъ въ Египтѣ. Турки, для этого званія, предпочитаютъ здѣсь Коптовъ; по тѣмъ же причинамъ и уваженіямъ въ иныхъ провинціяхъ они охотнѣе вѣряютъ должность своей «правой руки» или *factotum* Греку или Армянину, чѣмъ нелегкому одноплеменнику. Вотъ вся тайна чрезвычайной важности кентскихъ «писцовъ», писарей или дьяковъ на берегахъ Нила.

Осматривая и описывая такимъ высокоученымъ образомъ нищія села и пустыя города Нижняго Египта, дневникъ говорить, что онъ *объективно изучаетъ* его и что такое изученіе было ему *очень полезно*. Самъ онъ конечно — лучший судья этой пользы, которая для читателя, безпрестанно поражаемаго несообразностями отиѣтокъ и заключеній, совершенно неприимѣтна. Кажется, что главною цѣлью такого удачнаго «изученія» страны было рѣшеніе вопроса, занимающаго нынче врачей во всей Европѣ, о прилипчивости или неприлипчивости чумы. Дневникъ нашъ не привнесъ къ этому спорному дѣлу никакихъ вновь обрѣтенныхъ документовъ. Онъ не забылъ ничего стараго, и не прибавилъ ничего новаго къ тому, что всегда повторяла въ Европѣ теорія, принятая контагіонистами: совершенно все то же самое можно было сказать не трогаясь съ мѣста и не принимая труда *изучать* сель египетской Дельты. Путешествіе служить ему только предохранительнымъ пластыремъ для понятій, взятыхъ съ собою въ дорогу. Онъ такъ мало расположенъ слушать доводы послѣдователей противнаго мнѣнія, что даже не заботится о сохраненіи самыхъ простыхъ приличій ученаго безпристрастія. Мы не хотимъ разбирать сужденій его о свойствахъ страшной болѣзни. Смѣлый дневникъ нашъ, какъ рѣшительный контагіонистъ, чумы не задѣлъ, и только отдѣливается отъ нея, окружаясь дымомъ «*космическихъ причинъ*», само-

произвольнаго, что въ его языкѣ должно значить добросовѣстное изрочденіе или самородности, и тому подобныхъ пустыхъ словъ, которыя звучатъ громко, но ровно ничего не объясняютъ. Если бы дневникъ, поѣздкою за средиземную пучину и объективнымъ изученіемъ сель Нижняго Египта, бросилъ какой-нибудь лучъ свѣту на сущность эпидемій, «польза», которою онъ хвалится, была бы понятна, и каждый встрѣтилъ бы книгу съ уваженіемъ. Но самъ онъ сознается, въ концѣ ея, что теорія эпидемій, покуда, остается въ дѣтствѣ: къ чему же послѣ того служить всѣ разглагольствія о прилипчивости или не прилипчивости или о способахъ борьбы съ нею?

Нѣтъ закона, воспрещающаго путешественнику налагать на читателя свой путевой дневникъ со всѣмъ грузомъ дорожныхъ пожитковъ, со всѣми дрязгами ямской и постоялой части поѣздокъ, со всею скукою его регистраторской формы: но, въ наше время, когда уже не нужно никого убѣждать этою тяжелою формою въ томъ, что вы дѣйствительно были въ далекой землѣ и лично видѣли заморскихъ людей, дневники прощаются только дарованію, одаренному прекраснымъ слогомъ и пріятнымъ разговоромъ. Дневникъ, который подобно этому блеститъ отсутствіемъ и того и другаго, можетъ превосходно оставаться въ портфель путешественника, который благоразумнѣе поступитъ, если извлечетъ самъ изъ него все, что кажется ему новымъ, любопытнымъ или поучительнымъ, и представить это въ сокращенномъ видѣ, безъ притязанія на пококковскіе приемы и безъ напраснаго утомленія читателей. Не трудно нагрузить свои путевыя записки, всѣмъ что случится увидать, услышать или прочитать: но нужна, послѣ, большая разборчивость, большой талантъ и вкусъ, чтобы отдѣлать изъ него и сообщить публикѣ только то, что достойно и ея и писателя. Въ дневникѣ, о которомъ здѣсь рѣчь, болѣе прочитаннаго въ книгахъ и журналахъ и заимствованнаго изъ разговоровъ съ другими наблюдателями, не всегда совершенно уважи-

тельными, чѣмъ лично примѣченнаго. Дневникъ нашъ обширно пользовался въ особенности французскими печатными источниками и бесѣдами съ Французами, болѣе или менѣе причастными къ Египту. Эти данныя набросаны въ немъ безъ разбору, безъ оцѣнки, безъ соображенія одного съ другимъ, многое невѣрно выражено, и все утоплено въ пропасти никому не нужныхъ путевыхъ подробностей странствованія по области маловажной въ ученomъ отношеніи и совершенно неинтересной для общаго любопытства. До прибытія путешественника исчезла изъ этого несчастнаго края даже и послѣдняя занимательная черта его, чума. И дневникъ разсуждаетъ объ ней по наслышкѣ, изучаетъ ее заочно, принимая и отвергая свидѣтелей объ ней по своему вкусу. Но, собственно, если бы она тамъ и была, что пользы! къ чему тутъ нуженъ Нижній Египетъ, если чума происходитъ отъ «космическихъ причинъ», то есть, Богъ вѣсть отчего и откуда!

Холера вотъ уже почти уничтожила чуму. Если холера станетъ часто совершать свои страшныя путешествія кругомъ свѣта, чума навѣрное совсѣмъ исчезнетъ съ лица земли. Существованіе двухъ великихъ эпидемій несовмѣстно. Но если когда-нибудь чума возобновится въ Нижнемъ Египтѣ, объективномъ дневнику нашему очень *полезно* было быотправиться туда еще разъ, именно для *изученія* достоинства свидѣтелей, которымъ онъ вѣритъ. Онъ увидитъ явленіе, которое видѣли мы сами, имѣвъ удовольствіе дважды находиться среди чумы субъективно. Лишь только чума вспыхнетъ, всѣ контагіонисты оказываются трусами и, *vice versa*, всѣ трусы становятся контагіонистами. Люди, по природѣ не очень доступные страху, черезъ недѣлю пресвободно и преспокойно занимаютъ своими дѣлами. Но — впрочемъ — правду сказать — глѣ же и наша-то логика? Вѣдь, чтобы это увидѣть ясно, не надо самому быть контагіонистомъ!

Восхищаясь очень посредственно дневникомъ «Путешествія по Нижнему Египту», мы не говоримъ однако жъ,

чтобы въ немъ не было вовсе страницъ, приличныхъ путешествуію. На три такія мѣста можно указать предпочтительно : описаніе коптской свадьбы ; подробности о болѣзни покойнаго паши, — авторъ дневника былъ приглашенъ мѣстными медиками на консультацію по возвращеніи Мехмеда-Али изъ Неаполя, — и очеркъ провинціального управленія, помѣщенный въ концѣ второй главы второй книги, лучшее мѣсто во всемъ сочиненіи. Собственно , этими тремя мѣстами могъ бы и удовольствоваться авторъ, прибавивъ къ нимъ, если угодно, еще нѣсколько страницъ о барражѣ Нила, образцовыхъ деревняхъ и карантинныхъ учрежденіяхъ Нижняго Египта. Все это составило бы около сотни страницъ путешествія, конечно, не блестящаго новизною свѣдѣній, но, во всякомъ случаѣ, довольно интереснаго: остальное не стоило печати. Въ очеркѣ провинціального управленія не сказано тоже почти ничего такого, чего нельзя читать въ другихъ источникахъ и что не было многократно читано публикою въ газетахъ, журналахъ и разныхъ сочиненіяхъ объ Египтѣ; но это — хорошій перечень болѣе или менѣе всѣмъ извѣстнаго съ прибавкою нѣсколькихъ новыхъ подробностей восторженной важности для общаго любопытства.

Приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ этой главы, пропуская, по возможности, ошибочное, дурно понятое или невѣрно выраженное. Мы говоримъ — *по-возможности*, потому что трудно было бы устранивъ или отмѣтивъ всѣ неточности въ сочиненіи писателя, который готовился къ уразумѣнію чумы, а разсуждаетъ о восточныхъ учрежденіяхъ.

«Во время Манжена въ области (то есть, *уздѣ*: авторъ областями называетъ округа, народонаселеніемъ равные нашимъ уздамъ, пространствомъ гораздо меньшіе), въ области Мәнүфііе находилось 312 деревень съ 55,120 домами или избами, и 224,480 жителей обоого пола. Врачи въ Шибинѣ не могли мнѣ сообщить никакихъ цифръ, чтобы повѣрить эти данныя.... (Какая нужда повѣрить! къ чему это полезно? и кому интересно? Вѣдь это не статистика!) Число

Феддинова обработанной земля, по Клотъ-Ваю, доходить до 20,000....

«Хозяинъ, который владеть достаточнымъ количествомъ скота, и поля котораго выедаются въ мѣстахъ, изобилующихъ сѣбахомъ (сезитородною землею, употребляемою для удобренія почвы), въ августѣ высѣваетъ кукурузу и собираетъ въ декабрь отъ 6 до 10 ардебовъ (четвертей) съ фэддана (трети десятины), цѣною каждый ардебъ въ тридцать піастровъ (піастръ египетскій въ $6\frac{1}{2}$ копѣекъ серебромъ). Тотчасъ послѣ кукурузы свѣтося пшееница, дающая въ апрѣль съ фэддана отъ 4 до 6 ардебовъ, каждый въ сорокъ піастровъ; или же вмѣсто пшееницы свѣютъ берсимъ, послѣдовательные покосы котораго въ теченіе трехъ мѣсяцевъ приносятъ около 150 піастровъ дохода съ фэддана. Послѣ берсима у многихъ владѣльцевъ поля засѣваются въ мартъ и апрѣль или *гулдз'омъ*, приносящимъ до 500 піастровъ, или пенькою, за которую выручается отъ 1,000 до 1,500 піастровъ съ фэддана, или хлопчатую бумагою, отъ которой получается отъ 6 до 8 «кантаровъ» хлопчатки, цѣною въ 150 піастровъ кантаръ, или наконецъ — кунжутѣмъ, дающимъ съ фэддана отъ 4 до 5 ардебовъ сѣмянъ, стоящихъ по 120 піастровъ каждый.

«Ленъ свѣютъ въ октябрѣ, послѣ двухъ вспашекъ; съ фэддана получается въ концѣ марта около 4 ардебовъ сѣмянъ, по 60 піастровъ каждый, и отъ 4 до 6 кантаровъ стеблей, продаваемыхъ по столько же за кантаръ (центнеръ, равный 100 килограмъ, *ратль*, или 100 англійскимъ фунтамъ, 110 нашимъ). Послѣ льна нѣкоторые владѣльцы высѣваютъ гулдзъ или бумагу, но сборъ въ такомъ случаѣ бываетъ меньше чѣмъ послѣ луцерны, которая, вмѣсто того, чтобы истощать почву какъ ленъ, служить къ ея удобренію. Хлопчатую бумагу свѣютъ каждый годъ снова, и только ослахи недостаточные оставляютъ растеніе два года сряду на поляхъ, хотя въ продолженіе втораго получается хлопчатка худшаго качества и въ маломъ количествѣ. Послѣ кукурузы иные хозяева разводятъ бобы, даваемые здѣсь въ пищу людямъ и скоту, и получаютъ съ фэддана по 5 ардебовъ, цѣною каждый въ 35 піастровъ, или высѣваютъ ячмень, со-

бирая отъ 4 до 6 ардебовъ, которые продаются по 25 піастровъ ардебъ.

«Изъ нечисленныхъ посѣвовъ, лѣтніе, дѣлаемые во время самаго низкаго уровня Нила, могутъ быть предпринимаемы одними только владельцами богатыми, у которыхъ довольно быковъ для необходимыхъ въ тѣ мѣсяцы частыхъ орошеній, безъ чего здѣсь ничего не растетъ. Работники живутъ на харчахъ хозяина и получаютъ отъ 18 до 20 піастровъ въ мѣсяцъ платы, часть деньгами, часть натурою; работники, при плугѣ съ паромъ быковъ, вспахиваютъ фодданъ земли въ два дня, много въ два съ половиною; но хозяину, у котораго земли много, и который содержитъ работниковъ круглый годъ, достаточно имѣть по одному человѣку на каждые семь фоддановъ. Поденщики работаютъ съ восхожденія до захожденія солнца, завтракаютъ утромъ въ одиннадцать часовъ и ѣдятъ вечеромъ. При скудной пищѣ они гораздо слабосильнѣе Европейцевъ: по опытамъ французскихъ инженеровъ, разницу между результатомъ труда работника въ Европѣ и работника Египтянина, можно выразить цифрою 220 : 160 такъ что въ Египтѣ три человѣка нужны тамъ, гдѣ достаточно двухъ работниковъ въ нашихъ странахъ.

«*Мири*, ежегодно платимый въ казну съ фоддана земли въ этой области, не превышаетъ среднимъ числомъ 70 или 80 піастровъ, тогда какъ хозяинъ, находящійся въ вышеупомянутыхъ благоприятныхъ условіяхъ, въ урожайный годъ можетъ получать до 1,500 піастровъ чистаго дохода съ фоддана.....

То, что «вообще полагаютъ» объ египетской поземельной собственности, полагаютъ совершенно основательно, и объективный дневникъ очень неудачно старается придать себѣ видъ ученаго оппонента, не понимая арабскихъ терминовъ, которые самъ онъ приводитъ. Въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, при покореніи Египта турецкимъ султаномъ Селимомъ-Завоевателемъ, земли въ Египтѣ, какъ и при прежнихъ мусульманскихъ правительствахъ и какъ въ большей части западно-азійскихъ провинцій, раздѣлялись на три раз-

ряда : на земли «подлежащія завѣщанію», *эль-уссіе*, отданныя въ наследственное но, ограниченное владѣніе частнымъ лицамъ, которыхъ звали *мултезимъ*, владѣльцами «обязанными» или «условными» ; на земли хлѣбопашцевъ, или феллаховъ, *эль-атаръ*, и на земли «кормовыя», *резакъ*, или «укрѣпленныя», *вукуфъ*, то есть, принадлежащія мечетямъ, медресамъ, училищамъ, богодѣльнямъ и другимъ заведеніямъ, почитаемымъ за богоугодныя. Земли этого третьяго разряда были освобождены отъ платежа податей и отъ разныхъ повинностей ; всѣ прочія были обложены сборомъ, взимаемымъ съ владѣльца. Сборъ этотъ состоялъ изъ двухъ взносов : изъ *мири*, или *змири*, «царской дани», которая поступала въ казну, и изъ *кушуфійе*, или чиновничьей подати, служившей на содержаніе мѣстныхъ начальниковъ, беевъ, кашефовъ. Владѣлецъ долженъ былъ отдавать на эти статьи двѣ трети дохода съ земли. Остальная треть называлась «милостью» или «щедротою», *файзъ*, и предоставлялась въ пользу мултезима, или владѣльца, но не иначе какъ съ условіемъ прежде заплатить двѣ обязательныя части. Въ случаѣ неуплаты *ильтизама*, или «обязанностей», земля могла быть отобрана въ казну и отдана другому лицу.

По смерти мултезима, наследники, для вступленія во владѣніе землею, должны были получить вновь «инвеституру» (не *инвеституру*, а просто *ерлыкъ*) отъ паши, управлявшаго Египтомъ во имя турецкаго султана ; за выдачу акта на владѣніе (*такситъ*) наследники вносили въ пользу паши сумму, равнявшуюся трехлѣтнему итогу «файза», или чистаго дохода владѣльца ; сверхъ того въ пользу *дефтердара* (казначея) тысячу фаддъ съ каждаго кошелька цѣны имѣнія, и столько же для аги корпуса *чаушей* (кошелекъ содержитъ пятьсотъ пѣястровъ или двадцать тысячъ фаддъ). Тѣ же самыя пошлины платились посторонними лицами, которымъ умирившій безъ потомства мултезимъ передавалъ землю по завѣщанію ; но если онъ умиралъ безъ дѣтей и не сдѣлавъ завѣщанія, то земли поступали въ казну. Отношенія феллаховъ, касательно правъ собственности по воздѣлываемымъ ими участкамъ, къ мултезиму или владѣльцу деревни, соответствова-

ли отношеніямъ этого послѣдняго къ султану: феллахи владѣли опредѣленными участками, передавали ихъ своему потомству, имѣли право закладывать и продавать землю, но съ непремѣннымъ условіемъ точнаго и правильнаго платежа податей мултэзиму; если феллахъ несила подать неисправно; то мултэзимъ отнималъ у него землю; но феллахъ всегда имѣлъ право вновь вступить во владѣніе, коль скоро способы его, поправившись, давали ему возможность оплатитъ недоимки. Поле феллаха, умирающаго безъ наследниковъ, возвращалось къ мултэзиму; но хижина, стадо и вообще все движимое имущество его отбиралось въ казну. Феллаху, который по бѣдности не могъ воздѣлывать всей принадлежавшей ему земли, дозволялось закладывать часть ея и вырученныя деньги употреблять на обработку остальной части: по уплатѣ же долга, заложенная земля возвращалась къ феллаху.

«Въ селеніи поля, принадлежавшія собственно мултэзиму, воздѣлывались наемными работниками или отдавались въ арендное содержаніе постороннимъ лицамъ, или наконецъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на основаніи старинныхъ обычаевъ, феллахи обязаны были обрабатывать ихъ въ видъ барщины для владѣльца, который въ такомъ случаѣ давалъ отъ себя скотъ, земледѣльческія орудія и сѣмена для посѣвовъ. Феллахи, приходившіе на работу съ своими собственными плугами, получали незначительную поденную плату; другіе работали безмездно.

«*Резаки* (и *вакуфы*), или земля принадлежащая мечетямъ (и богоугоднымъ заведеніямъ), или земли мечетей, совершенно освобождались отъ платежа *мири* и другихъ повинностей, равно какъ и отъ указныхъ пошлинъ при вступленіи во владѣніе имѣніемъ, исключая случая, когда мултэзимъ завѣщевалъ на это цѣлую деревню: мечеть (или заведеніе), тогда сами считались какъ-бы мултэзимомъ, и подобно ему платили *мири*. Вообще же поля и владѣнія мечетей и заведеній, при первоначальномъ размежеваніи земель, вовсе не были включены въ итогъ поверхности, на которую распределялся *мири*. Эти преимущества, искони въковъ предоставленныя въ Египтѣ (и въ другихъ мусульманскихъ земляхъ) богоугоднымъ заведеніямъ, сдѣлались причиною, что многіе владѣльцы стали записывать свои земли въ *вакфу*

мечетей (и заведений), съ тѣмъ однако жъ условіемъ, чтобы онъ вступилъ во владѣніе ими не прежде, какъ по совершенномъ прекращеніи прямого нисходящаго потомства завѣщателя; польза такой сдѣлки состояла для владѣльца въ томъ, что имѣніе, считаясь уже собственностью мечети (или заведенія), освобождалось отъ платежа поминанъ при каждомъ переходѣ въ руки новаго наследника, и не подвергалось конфискаціямъ, столь частымъ въ мусульманскихъ земляхъ. Въ другихъ случаяхъ имѣніе тотчасъ отдавалось богоугоднымъ заведеніямъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ платилъ ежегодную ценсію потомству дарителя.... Мечети (и заведенія) не имѣли права продавать вакуфы и рсаки, но имъ дозволялось отдавать ихъ въ арендное содержаніе на девяносто лѣтъ, за известную сумму, одновременно внесенную арендаторомъ, и за определенную ежегодную сверхъ того плату. Если по истеченіи девяноста лѣтъ, земля или домъ находились въ первобытномъ состояніи, то мечеть имѣла право отнять ихъ у арендатора, но если онъ во время своего управленія улучшилъ имѣніе, развелъ на немъ деревья, перестроилъ зданія и тому подобное, то имѣніе оставалось за нимъ и впредь, пока онъ продолжалъ исправно вносить условленную ежегодно плату. Богатыя владѣнія богоугодныхъ заведеній въ послѣдствіи сдѣлались поводомъ къ крайнимъ злоупотребленіямъ со стороны завѣдывавшихъ ими инеховъ и *назырей* (смотрителей), которые наживали огромныя состоянія, не всегда заботясь о содержаніи мечетей, школъ и прочаго въ должномъ порядкѣ. Съ другой стороны, выгоды, получаемыя частными лицами отъ учрежденія «вакуфовъ» изъ имѣній, были такъ велики и заманчивы, что число ихъ съ каждымъ годомъ умножалось, и казна, терпѣвшая отъ того чувствительный ущербъ въ своихъ доходахъ, наконецъ принуждена была запретить завѣщаніе земель безъ предварительнаго разрѣшенія правительства.

- Учрежденный Селимомъ (янычарскіе) оджаки получили отъ этого султана и преемниковъ его большую часть земель, принадлежавшихъ казнѣ въ Египтѣ. Впослѣдствіи мамлюкскіе бенъ всеми силами старались ограничить права этой безпокойной милиціи, которую известный *Али-бей* пачти совершенно истребилъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія; богатѣйшіе мултзимы въ краѣ были приписаны къ

этими оджакамъ и отобраннымъ у нихъ владѣнiя, Али-бей рѣшилъ своимъ приверженцамъ-мамлюкамъ. Съ уничтоженiемъ власти Османъ Французами, и по истребленiи послѣднихъ мамлюковъ Мехметомъ-Али, 1 марта 1811 года, деревни и земли, принадлежавшия имъ, сами съ бою перешли въ руки *сифе-короля* (?!). Этими онъ однако не удовлетворялся, и вскоре присвоилъ себѣ имѣнiя и всея прочiя мултзимовъ, которыхъ тогда въ Египтѣ считалось еще около 6,000. Для достиженiя этой цѣли *великий* (?!!) паши поступилъ слѣдующимъ образомъ: нуждаясь въ деньгахъ во время войнъ съ Валахитами въ Аравiи, онъ обложилъ все египетскiя деревни чрезвычайнымъ налогомъ въ 55,000 кошелековъ, суммою, огромною при тогдашнихъ курсахъ нiистра (около $3\frac{1}{4}$ миллионъ рублей серебромъ), и поручилъ сборъ ея не Кобтамъ, а вооруженнымъ Арнаутамъ. Всея крайности, цѣльи селенiя разбѣжались, мултзимы сильно возрентаи; тогда Мехметъ-Али объявилъ, что онъ готовъ со вниманiемъ разобрать это дело и жалобы владѣльцевъ и пригласилъ ихъ, подлинныя документы на право владѣнiя представитъ своему *касия-бечу* (наиболѣе къ) въ Каиръ. Получивъ документы, бей немедленно потребовалъ ихъ, и 1 февраля 1814 Мехметъ-Али былъ единственныи мултзимъ въ краѣ; съ-тѣхъ-поръ съ этимъ званiемъ и самое имя его вышло изъ употребленiя, и нынѣ въ Египтѣ уже не слышатся. Владѣльцы, лишившимся такимъ образомъ всей собственности, Мехметъ-Али назначилъ пожизненныя пенсiи, которыя сначала составляли сумму 24,000 кошелековъ ежегодно; но съ постепеннымъ умноженiемъ числа получателей, расходъ на этотъ предметъ въ послѣднiе годы не превышалъ 4,000 кошелековъ, и вскоре совершенно долженъ прекратиться. Въ сентябрь 1809 Мехметъ-Али тѣмъ же способомъ оладѣлъ землями мечетей и богочудныхъ заведенiй; однѣ только земли *атаръ*, пока еще оставлены были феллахамъ.

«На подобный поступокъ не рѣшался никто изъ прежнихъ владѣтелей Египта; но никто изъ нихъ не имѣлъ того ненасытнаго честолюбiя, тѣхъ обширныхъ плановъ и безконечныхъ, вѣчно возобновлявшихся нуждъ, которыя побудили Мехмета-Али перемѣнить, вмѣстѣ съ правами собственности, все естественныя, вѣками упреоченныя усѣ-

ція торговли, промышленности и производительности края, равно какъ и условныя начала внутреннего управления.

«Еще не успѣвъ онъ отодвинуть отъ непримиримой борьбы съ пашаками, какъ вспыхнула война съ Вахабитами, и при преданности своей, истощила способы Египта. Надежда найти золото побудила потомъ папу отправить сына своего Изманла съ корпусомъ для завоеванія Сенара и Кордофана (†182†): золото они не привезли, а тысячи людей легли въ смертоносныхъ равнинахъ Омара, наводимыхъ ежегодно періодическими дождями. Тогда-же стала паша образовывать регулярные полки, по образцу европейскнхъ войскъ, и чрезвычайно увеличилъ армию; вслѣдъ за тѣмъ создалъ многочисленный флотъ, тогда какъ Египетъ лишился первыхъ потребныхъ для того матеріаловъ, лѣса и желѣза. Все нужное для войскъ и флота, инструменты, врачи, инженеры, оружіе, артиллерія, выписывалось изъ Европы, и, благодаря услужливости пріятелей, за все платилось въ три-дорога. Вскрѣсь отпрыскалась война въ Моревъ; за нею въ 1831 хелера жестоко стирпетвовала на берегахъ Нила; изъ пощаженнаго этою *заразой* (??) населенія, часть легла въ войнѣ съ сирійскими Арабами, или сдѣлалась жертвою чумы 1835, отъ которой въ одномъ городѣ Каирь изъ 250,000 жителей въ четыре мѣсяца умерло свыше 30,000 человекъ (?); скотскіе надежды довершили разореніе края, между тѣмъ издержки все увеличивались; во совету Европійцевъ..... учреждены были школы разныхъ наименованій и родовъ, одна другой бесполезнѣе; устраивались фабрики, совершенно невстребанныя частную промышленность края, не принося въ большей части случаевъ никакого чистаго дохода *вице-королю*. На все это нужны огромныя деньги, а феллахамъ уже не откуда было доставать ихъ; безпрестанные чрезвычайные налоги и неслыханныя бѣдствія, заразы, падежи, войны, похитившія цвѣтъ населенія, окончательно, казалось, истощили Египетъ. Тогда Мехметъ-Али предпринялъ послѣдній шагъ, обратившій все населеніе нильской долины изъ самостоятельныхъ хлѣбопашцевъ въ поденщиковъ, работающихъ на поляхъ *вице-короля*: онъ присвоилъ себѣ *атѣръ*, еще находившійся у феллаховъ....

«Сосредоточивъ такимъ образомъ въ рукахъ своихъ всю землю,

сдѣлавшись единственнымъ въ Египтѣ помѣщикомъ, владѣнія котораго простирались отъ Средиземнаго Моря до нильскихъ катарактовъ, Меммутъ-Али пошелъ еще дальше и заботылъ быть также единственнымъ въ края купцомъ, фабрикантомъ и заводчикомъ.... (все это состоялось гораздо прежде; но оставимъ хронологию безъ вниманія).

«Глава и начальникъ деревни, наблюдающій за порядкомъ, за возложеннымъ предписаній правительства, и отвѣчающій за исправный платежъ податей, есть *шейхъ эль-бэлэдъ* (староста), избираемый изъ зажиточнѣйшихъ мѣстныхъ обывателей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же представитель и защитникъ *интересовъ* (?) подчиненныхъ ему феллаховъ. Въ вознагражденіе за возложенныя на него обязанности, часть земель шейха-эль-бэлэдъ освобождается отъ повинностей; онъ имѣетъ право сажать феллаховъ въ тюрьму, наказывать ихъ тѣлесно, и распоряжается довольно безотчетно при распредѣленіи налоговъ, наборѣ рекрутъ или людей, требуемыхъ для общественныхъ работъ, и талъ далѣе. Самъ лично онъ не освобожденъ отъ тѣлесныхъ наказаній; притомъ не всегда бываетъ грамотенъ, и въ такомъ случаѣ перепискою при немъ занимается Кобтъ, *кятыбъ*, писецъ (то есть, писарь). Званіе шейха-эль-бэлэдъ часто остается наследственнымъ въ одномъ и томъ же семействѣ: при хищности и сребролюбіи Арабовъ, шейхи извлекаютъ разныя выгоды изъ своего положенія и наживаютъ большія состоянія, которыя впрочемъ рѣдко идутъ въ прокъ; начальство до поры до времени смотритъ сквозь пальцы на все ихъ злоупотребленія, и потомъ, при удобномъ случаѣ, разомъ отнимаетъ богатства, незаконно нажитыя въ теченіе многихъ лѣтъ.

«Второе лицо въ деревнѣ послѣ шейха есть *шахэдъ*, свидѣтель, назначаемый также изъ мѣстныхъ феллаховъ и обязанный быть грамотнымъ; у него хранятся регистры частныхъ имуществъ и росписи слѣдующихъ съ деревни податей; онъ есть родъ кадія, представляетъ собою какъ бы мѣстную судебную власть и пользуется названіемъ *эль-адэля* (правосудный).

«*Суррафъ* (мѣняла), почти постоянно выбираемый изъ Кобтовъ, принимаетъ подати, вносимыя по книгамъ имахеда, поверяетъ всѣ и

достоинство монеты, которую нею отправляетъ къ областному казначею, выдаетъ феллахамъ квитанціи и отвѣчаетъ за собранныя ими суммы, отъ которыхъ казна уступаетъ ему, вмѣсто жалованья, извѣстные проценты.

«Хоули (становой), обязанъ знать въ точности предѣлы какъ цѣлаго селенія, такъ и отдѣльныхъ участковъ каждаго феллаха, и разбираетъ возникающіе по этому предмету споры или недоумѣнія; ему поручается также надзоръ за вспашкою и обовьненіемъ земли, воздѣлываемой на счетъ владѣльца или казны. Если при слабомъ разливѣ Нила часть полей осталась неорошевною, то хоули измѣряетъ ихъ, чтобы они могли быть освобождены отъ платежа мири; впрочемъ въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно посылается на мѣсто изъ областного города землемеръ (*массахъ*) изъ Кобтовъ, измѣряющій незасѣянные поля въ присутствіи шейха-эль-бэлэдъ и хоули. Этотъ послѣдній непременно избирается изъ мѣстныхъ обывателей, и его званіе переходитъ отъ отца къ дѣтямъ; онъ пользуется нѣкоторыми льготами отъ казны, и сверхъ-того получаетъ вознагражденіе за труды отъ феллаховъ. Хоули рѣдко знаетъ грамоту; свидѣнія его обыкновенно бываютъ изустныя, по преданію; когда ему приходится дѣлать измѣренія, то цифры записываются сэррафомъ или писцомъ шейха-эль-бэлэдъ.

«Шейхъ, шахэдъ, сэррафъ и хоули составляютъ деревенскій *дианъ*, присутственное мѣсто, въ которомъ коллегіально рѣшаются дѣла по внутреннему управленію и администраціи, принимаются къ исполненію предписанія областныхъ властей, распределяются повинности и тому подобное.

«При шейхѣ находится феллахъ, въ качествѣ низшаго полицейскаго агента: это *эль-мэшхедъ*, обязанный знать мѣсто жительства всѣхъ обывателей. На него возлагается также исполненіе тѣлесныхъ наказаній, отведеніе въ тюрьму провинившихся феллаховъ, доставленіе проезжающимъ нужной провизіи или потребныхъ для дороги животныхъ, и такъ далѣе. Когда мэшхедъ не занятъ по должности, знакомъ которой служить длинная палка въ рукахъ его, то онъ всегда

выходится въ домъ шейха; званіе это даетъ ему пятикратныя доходы. Кроме того родъ полицейскихъ обязанностей возить и на сафире (сторожъ); въ эту должность избирается одинъ или несколько изъ бѣдѣйшихъ феаховъ; онъ стережетъ склады навознаго или чистаго хлѣба и наблюдаетъ во время разлива Нила, чтобы плотины водопроводныхъ каналовъ не были прорваны преждевременно или тайно ночью.

«Въ каждомъ почти селѣ находятся наконецъ *каллафъ* (пастухъ), владычій по изустному преданію нѣкоторыми практическими ветеринарными познаніями; *мозаниъ* (цирюльникъ), на котораго нынѣ возложено оспопрививаніе въ деревняхъ; *имамъ* (мулла), для богослуженія, и *нагаръ* (столяръ) для починки земледѣльческихъ орудій и другихъ подобныхъ работъ. По древнему обычаю, все эти должности считаются общественными, и лица, на которыхъ онѣ возложены, получаютъ ежегодную небольшую плату изъ сельскихъ доходовъ.

«Подобное муниципальное устройство, въ нѣсколько бѣльшемъ размѣрѣ, встрѣчается и въ мѣстечкахъ и городахъ. Въ областныхъ (уездныхъ) городахъ *диванъ*, подъ председательствомъ *губернатора* (то-есть, губернатора узда, городничаго, *мудиръ*), состоитъ изъ градскаго главы (*хакэмъ*); главнаго письмоводителя (*башъ-клямъ*), постоянно назначаемаго изъ Кобтовъ и начальствующаго надъ всеми писцами (писарями) въ деревняхъ; областного казначея *башъ-саррафъ*), у котораго хранятся регистры мира и прочихъ повинностей, и который опредѣляетъ деревенскихъ саррафовъ и отвѣчаетъ за нихъ; наконецъ изъ главнаго инженера (*башъ-мхандэсъ*), наблюдающаго за содержаніемъ въ порядкѣ каналовъ, плотинъ, насыпей, мостовъ. Въ эти диваны призываются также, въ случаѣ надобности, начальники расположенныхъ въ городѣ военныхъ командъ, врачи и другіе. Сверхъ-того всякое сословіе въ городахъ, всякій ремесленный цехъ, купцы, промышленники, матросы слуги, имѣютъ избираемаго изъ среди нихъ шейха или старосту, который раскладываетъ подати на членовъ сословія и отвѣчаетъ за точный взносъ ихъ; подобнымъ образомъ все части, кварталы, и улицы въ городахъ, имѣютъ своего

особого налога, лично занимающего квартиру, санития, доходы в способе существования каждого из обывателей и заведывающего полицией свою частью.....

«Существовавший, со времени завоеванія Кенита султаном Салтаномъ, сборъ съ главныи его подраждельцами и приближенными разными разными наименованій, Мохмагъ-Али замѣнилъ однообразные приемы налоговъ, миря для земель, *фирдаза* или *рестъ*, поголовный окладомъ. По свойству почвы, по плодотворности ея, и болѣе или менѣе легкому орошенію, земли дѣлятся на три разряда, высшій, средній и низшій, платящіе соответственно отъ четырехъ до двухъ рублей серебромъ миря съ фаддана; земли дурныя, въ низшихъ мѣстахъ составляющіе четвертый разрядъ, обложенныя весьма малою податью; земли, идущія подъ каналы, дороги, пруды, насыпи, исключаются изъ итога отвлеченной въ селеніяхъ поверхности, обложенной миря. Поземельный сборъ составляетъ около половины всѣхъ доходовъ Египта, и въ 1836 году давалъ нашъ 320,000 кошельковъ, или десять милліоновъ рублей серебромъ.

Поголовный окладъ или *фирда* взимается со всѣхъ мужескаго пола жителей Египта, безъ различія вѣроисповѣданія, и примерно равняется $\frac{1}{12}$ предполагаемаго ежегоднаго дохода. Кобты, служащіе при разныхъ диванахъ, матросы (кроме Нубійцевъ, освобожденныхъ отъ этой повинности), слуги, и такъ далѣе, ежегодно платятъ въ казну свое мѣсячное жалованье; отъ куцовъ собирается $\frac{1}{12}$ получаемыхъ ими по торговлѣ барышей; эта $\frac{1}{12}$ не должна превышать 500 піастровъ въ годъ, но при раскладкѣ податей на членовъ коммерческаго сословія въ каждомъ городѣ это правило не соблюдается. Въ деревняхъ *фирда* раскладывается на хижины и равняется отъ 30 до 100 піастровъ въ годъ съ каждой. Налогъ этотъ составляетъ около пятой части суммы, выручаемой ежегодно изъ миря, и въ 1836 давалъ 60,000 кошельковъ, или около милліона 900 тысячъ рублей серебромъ.

«Фирда утверждается правительствомъ разъ на всегда для каждой области, а въ ней для каждого округа, города и села; но раскладка

его на частный обывателю вручается шейху аль-беладъ и старшимъ сословій и чиновъ, которые поступаютъ при этомъ совершенно произвольно и безответственно, покровительствуя однимъ и притесняя другихъ ... Росписи повинностей для отдельныхъ сословій и каждого члена ихъ въ особности, остаются неизмѣнными въ продолженіи трехъ лѣтъ; платежъ податей производится ежегодно: одна треть непременно деньгами, остальные две трети разно-орочными билетами (*тазкоре*), которые выдаются здѣсь казною вместо двойкой монеты, подрядчикамъ, чиновникамъ, при уплатѣ жалованья, и прочимъ, и которые всегда стоятъ гораздо ниже нарицательной цѣны ихъ. При нихъ эти билеты продавались съ уступкою 12%; нередко уступка доходитъ до 15 и 18%, но казна принимаетъ ихъ сто за сто, такъ что тутъ страдаютъ только лица, которымъ слѣдуетъ получать деньги отъ вице-короля; самъ ничего не выигрываетъ, а банкиры, откупщики и вообще должники казны, обогащаются.

«При такомъ механизмѣ раскладки фирдэ на цѣлыя сословія, никто въ Египтѣ не знаетъ впередъ, сколько ему собственно придется платить, такъ какъ назначеніе суммы зависитъ отъ усмотрѣнія шейховъ. Вслѣдствіе этого Египтянинъ, пользующійся даже порядочными доходами, которые позволяли-бы ему жить хорошо, одѣваться какъ слѣдуетъ, починять домъ или перестроить его удобнѣйшимъ образомъ, предпочитаетъ зарывать деньги въ землю, кутаться въ лохмотья, отказывать себѣ и семейству въ необходимомъ, обитать въ избѣ, разваливающейся со всѣхъ сторонъ, однимъ словомъ, принять наружный видъ нищаго, чтобы только избавиться жадности шейховъ и увеличенія налагаемаго на него фирдэ. По закону *безпредѣльной* (круговой?) ответственности всѣхъ за свякаго и каждаго за всѣхъ, недолжники взыскиваютъ съ другихъ членовъ того же сословія или цеха. *Вице-король* не допускаетъ ни какихъ причинъ, могущихъ имѣть вліяніе на уменьшеніе итога слѣдующихъ повинностей; чума ли истребила въ селеніи часть жителей, истребила ли падежи весь рогатый скотъ, пашъ до этого пѣтъ дѣла: фирдэ и мирри всегда должны быть заплачены сполна.

• Изобрѣтеніе этой системы ответственности и распространеніе ея

не только на членов одного и того же сословія, но на цѣлыя города, округи и наконецъ на цѣлыя области, принадлежитъ Махмуд-бегу, одному изъ любимцевъ вице-короля.

Эта система изобрѣтена еще Римлянами и существуетъ почти повсюду въ прежнихъ римскихъ провинціяхъ турецкой имперіи. Все что путешественникъ говоритъ о вредныхъ ея тамъ послѣдствіяхъ — должно быть отнесено къ недоразумѣнію. Она вредна единственно отъ хищности и лихоимства. Но какая система при такихъ условіяхъ не вредна?

«Лихоимство здѣсь приведено въ систему и составляетъ неисцѣлимый ракъ, пожирающій весь край. Важнѣйшее по вліянію въ области лицо послѣ *мудира* (губернатора) есть главный писецъ (писарь, дьякъ), всегда изъ Кобтовъ.... Вся корреспонденція, всѣ регистры, вся административная часть въ его вѣдѣніи; ему же подчинены многочисленные писари-Кобты, служащіе въ городахъ и деревняхъ при шейхахъ, казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, фабрикахъ, магазинахъ. По укоренившемуся обычаю, эти писаря ежегодно уступаютъ своему начальнику при областномъ диванѣ, $\frac{1}{12}$ получаемаго ими годового жалованья; съ собираемой такимъ образомъ значительной суммы, главный писарь часть отдаетъ губернатору и вмѣстѣ съ нимъ смотритъ сквозь пальцы на всѣ злоупотребленія, обманы и притѣсненія, дѣлаемые его подчиненными, обыкновенно за-одно съ деревенскими шейхами. Нужно-ли напримѣръ принять отъ феллаховъ хлѣбъ въ казну, Кобты имѣютъ двѣ различныя мѣры, однѣ большія, для приема, другія меньшія, для сдачи зерна; нужно ли измѣрить поверхность полей, неорошенныхъ при недостаточномъ разливѣ Нила, для освобожденія ихъ отъ платежа мири? Кобтъ-землемѣръ искуснымъ употребленіемъ трости, служащей для этой операціи, по произволу увеличиваетъ или убавляетъ число фелдановъ. Никакое прошеніе обиженаго до мудира не доходитъ, а еслибъ и дошло, то изъ областного дивана, въ которомъ главный писарь непремѣнный членъ, дальше не вынуждается....

«Такъ же точно какъ главный писарь, областной казначей посту-

всѣтъ съ подчиненными ему деревенскими *саррафами*; главный инженеръ отъ поддѣдомствѣнными ему инженерами, и такъ далѣе: они всегда получаютъ $\frac{1}{12}$ годоваго жалованья своихъ чиновниковъ, и въ замѣнъ предоставляютъ имъ съ лихвою возвратитъ издержки отъ феллаховъ. Больно-ли напримръ чиститъ водопроводные въ поляхъ каналы или возвысить плотины и насыпи, инженеры предпочтительно выбираютъ эпоху жатвы или посева, чтобы требовать изъ деревень число работниковъ вдвое бѣльшее противъ дѣйствительно нужнаго; у него изъ феллаховъ есть деньги, тотъ выкупаетъ себя и необходимыхъ ему воденщиковъ; феллахи бѣдные лично должны отправляться на эти общественныя работы, оставляя поля свои незастьянными или хлебъ не сяттымъ. Медико-полицейскіе врачи, Арабы, опредѣленные въ области Нижнаго-Египта, гдѣ ихъ при мнѣ находилосьъ 72, не отстаютъ въ хищничествѣ отъ своихъ соотечественниковъ... Невѣжество ихъ въ дѣлѣ врачевномъ очель велико, и канрская медицинская школа принесла и приноситъ краю большой вредъ, выпуская въ свѣтъ молодыхъ людей почти безъ всякаго образованія, даже не всегда грамотныхъ, но постоянно съ притязаніями, которыми вообще легко увлекается коренной Египтянинъ, по характеру тщеславный, надменный, легкомысленный и весьма мало разсудительный. Выходя изъ школы, эфенди жонится, носитъ мундиръ, «ничанъ» и саблю, а жалованья получаютъ въ мѣсяць не болѣе 150 піастровъ (съ небольшимъ 8 рублей серебромъ); надзору его поручается отъ 25 до 35 деревень. По здѣшнему медико-полицейскому уставу, обыватель за неисполненіе правилъ чистки улицы передъ домомъ, выноски мусора за городъ или село, и такъ далѣе, платитъ всякій разъ по 20 піастровъ пени: но какъ между-тѣмъ, по разнымъ причинамъ, правила эти весьма плохо соблюдаются, то обязывая взятенный ему округъ, эфенди, по прибытіи въ деревню тотчасъ пускается въ переговоры и торгъ съ шейхомъ эль-белэдъ, относительно суммы, за которую онъ согласенъ оставить эти упущенія безъ взысканія; если ему дадутъ 100 или 150 піастровъ, то шейхъ съ феллаховъ, конечно, беретъ ихъ 200 и болѣе. Подобнымъ образомъ врачъ придирается къ мясникамъ, къ продавцамъ соленой рыбы и другихъ припасовъ, не съ цѣлью отвратитъ злоупотребленія ихъ, а для полученія подарковъ и денегъ. Врачи эти не разъ представляли главнымъ областнымъ медикамъ именныя списки

дтей, которыхъ по округу привита была есиа цирюльниками и получали изъ дивана положежную на вознагражденіе этихъ послѣднихъ плату, а потому на дѣль оказывалось, что дѣтямъ осыи вовсе не нравились, или даже что ихъ не было на-лицо.... Суммы, ежегодно поступающія въ областныя кассы, изъ волосъ, собираемыхъ по деревнямъ за несоблюденіе гнѣиенческаго устава, весьма значительны, но деньги эти всегда исчезаютъ, неизвестно куда, те естъ разбираются часовани дивана. По этому уставу мудру предоставлена власть, въ случаѣ бѣдѣности провинившагося, замѣнить пеню тѣлеснымъ наказаніемъ или заключеніемъ въ тюрьму: благодаря такому простору дѣйствій, истрава вымывается и съ бѣдѣйшихъ, черезъ продажу съ публичнаго торгу послѣдней овицы или козы, а въ регистры дивана все записывается аресты и тѣлесныя наказанія!

«Приведенныхъ подробностей, важется, достаточно, чтобы объяснить и причину страннаго противорѣчія, между богатою производительностью нильской долины, и нищетою феллаховъ. После описаннаго, конечно, не будутъ изумлять читатели эти лужинцы и грязныя рублища, среди полей, засѣянныхъ хлопчатною и льномъ; эти разваливающіяся хижины, въ краю, котораго почва вездѣ даетъ отличнаго качества кирпичъ; эта слудная пицца и лишесія, при поспѣвающихъ жатвахъ благодатной природы; эта гнилая вода, употребляемая для питья въ виду Нила и оладжикъ волахъ, качивахъ изъ къ морю; этотъ болзвенный кажектическій видъ населеній, водъ въчюгелубымъ, безоблачнымъ небомъ.

«Имущество мечетей, земли мултэзимовъ и наконецъ поля феллаховъ, однь за другими сосредоточились въ рукахъ Албанца; сверхъ-того, по системѣ неограниченной взаимной отвѣтственности, онъ овладѣлъ всеми вѣтвями частной промышленности. Честолюбивые Франки уверяли его, что все это очень хорошо и полезно, что онъ «геніальный преобразователь Египта»; болтливыя газеты на Западѣ не умолкали въ корыстныхъ хвалахъ своихъ. Между-тѣмъ Европа ближе ознакомилась съ богатыми продуктами нильскихъ береговъ, на которыхъ Мехметъ-Али умѣлъ ввести порядокъ и, для ненавистныхъ гяуровъ, безопасность, прежде совершенно неизвѣстную въ томъ край.

Сотни промышленныхъ искателей счастья хлынули на Египетъ; купцы въ Марсель, въ Италию, Англию стали требовать въ несравненно большемъ противъ прежняго количествѣ, египетской хлопчатки, кружнутыхъ сѣмянъ, индиго, арабской камеди; въ замѣнъ забракованныхъ ружьевъ и снарядовъ, негодныхъ къ употребленію машинъ, и вообще всѣхъ товаровъ, которыхъ нельзя было сбывать на другихъ рынкахъ, и которые охотно покупались пашою; обороты достигли небывалыхъ размѣровъ. Дѣло для Мехмета-Али теперь шло о томъ, какъ-бы ежегодно получать денежный балансъ сколь возможно для него выгоднѣе, а для этого нужно было производить все болѣе и болѣе тѣхъ продуктовъ, которые нѣльзя навѣрнѣйшій сбытъ за границую. Онъ началъ предписывать земледѣльцамъ, какіе именно продукты воздѣлывать, и не позволялъ продавать ихъ частнымъ лицамъ; потому по установленнымъ имъ произвольнымъ цѣнамъ, принималъ хлопчатку, хлѣбъ, бобы и прочее отъ феллаховъ, и съ барышнемъ отпускалъ ихъ европейскимъ негодіантамъ и комиссіонерамъ изъ центральныхъ магазиновъ въ Александрію и Канъ. Хлѣбъ вздорожалъ, оттого что большая часть полей пошла подъ хлопчатку или индиго, но денегъ у пашы все-таки не было, потому что купцы, получавшіе товары въ долгъ, объявляли себя несостоятельными; потому что проценты, взимаемые лицами, къ которымъ паша отправлялъ на свой собственный счетъ грузы за границу, пожирала всю прибыль, выручаемую при продажѣ. Тогда обложилъ онъ податью финиковыя пальмы, плоды ихъ и всѣ произведенія, получаемыя отъ этого дерева, также скотъ, хлѣбъ, нильскія барки, цыновки, печи для выведенія цыплятъ и такъ далѣе, однимъ словомъ, весь Египетъ работалъ и производилъ не для себя.

«Съ окончаніемъ въ 1841 году сирійской войны, положившей конецъ безпредѣльнымъ честолюбивымъ планамъ великаго-пашы, система монополій если не совершенно прекратилась, то по-крайней-мѣрѣ стала обнаруживаться въ меньшихъ размѣрахъ: армія и флотъ сдѣлались бесполезными, и комплектъ ихъ былъ значительно уменьшенъ; закрыли немало школъ и фабрикъ, уволили множество Европейцевъ; частной промышленности предоставлено было нѣсколько больше простору. Въмѣстѣ съ тѣмъ паша началъ раздавать обременен-

ныя недоимками деревни, высшимъ сановникамъ и собственнымъ своимъ дѣтямъ, обязывая ихъ вносить за феллаховъ казенныя подати и предоставляя выручать свои издержки изъ доходовъ земли. За собою Мехметъ-Али удержалъ только 370 деревень; старшій сынъ его, Ибрагимъ-паша, получилъ ихъ 400; другой сынъ, Сандъ-паша — 115; внукъ; Аббасъ-паша — 109; зять, Крамилъ-паша — 60; наследники племянника; Ибрагимъ-паша Іекена — 90; министръ финансовъ, Шерифъ-паша, взялъ 217 деревень, Кобъ Базилюсъ-бей — 175, мансурскій губернаторъ, Хуршидъ-паша — 73, Хуршидъ-паша сѣнарскій — 45, Ахмедъ-паша Тахэръ — 29, нѣкто Мустафэ-эффенди Шарми — 35. Въ это число 1718 деревень не включены тѣ, которыя достались на долю другимъ чиновникамъ, получившимъ по 15, 10, 8 и такъ далѣе, какихъ весьма много; всего-же въ Египтѣ только 3500 деревень. Помѣстья пашин и дѣтей его извѣстны подъ названіемъ *чифтликъ*; въ нихъ владѣльцы даютъ феллахамъ скотъ, земледѣльческія орудія и нужное для посѣвовъ зерно; феллахи получаютъ или незначительную поденную плату, или-же работаютъ безмездно и въ такомъ случаѣ пользуются пятою частью доходовъ. Какъ совершается это дѣленіе между пашинами и феллахами, о томъ можно судить, глядя на плачевное состояніе селеній и изнуренныхъ обитателей. Деревни, предоставленныя частнымъ лицамъ, называются *о́хдэ*; владѣльцы ихъ дѣлаютъ условія съ феллахами, по удобству: то нанимаютъ ихъ въ работники за поденную плату и удерживаютъ за собою весь продукты, то отдаютъ имъ для воздѣлыванія часть земли. Губернаторъ области Дакахііе, Хуршидъ-паша, владѣющій 73 деревнями, платитъ за нихъ ежегодно въ казну 11,000 кошельковъ (около 345 тысячъ рублей серебромъ) или пятую часть всѣхъ взимаемыхъ съ области податей; употребивъ огромныя суммы на устройство этихъ имѣній, закупку скота, онъ обремененъ долгами и изъ доходовъ земли далеко не выручаетъ всѣхъ своихъ издержекъ. Подобной участи подверглись многіе другіе изъ новыхъ владѣльцевъ.

«Послѣ этихъ подробностей.....»

Послѣ этихъ подробностейъ нечего и описывать нынѣшній Египетъ, особенно, одну провинцію нынѣшняго Египта. Странно! написавъ хорошія страницы, авторъ въ нихъ изъ

вняется. «Послѣ этихъ подробностей, говоритъ авторъ, *«можетъ-быть сухостью своею утомившиъ читателя, возвращаюсь къ дневнику моего путешествія»*. А дневникъ-то его и есть сухость сухостей, а всякая сухость, безплезно написанная бумага, и египетская скука. Лучше было не возвращаться!

Намъ хотятъ сообщить еще нѣсколько томовъ такого же *наученія* Туниса, Сиріи и Константинополя.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МАРТЪ и АПРѢЛЬ 1850.

НОВЫЯ КНИГИ.

СЕРВСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ. *Перевелъ Н. Бергъ. Москва, 1847.*

За неизмѣнимъ новыхъ произведеній литературы, позволюте говорить о старой книжкѣ, родившейся и умершей три года назадъ, безъ вѣдома читателей. Я отыскала ее въ печатныхъ руинахъ прошедшихъ годовъ. Не знаю, какимъ образомъ ускользнула она въ свое время отъ моего лѣтописнаго свѣдѣнія: но какъ бы то ни было, я только-что прочтала ее за новую. Книжка, сама по себѣ не совсемъ занимательная, относится къ предмету, очень любопытному. Лѣтъ двадцать пять тому, когда Европа шарилъ во всемъ своимъ карманамъ, ница у себя поэзи, и ничего не находила въ нихъ промѣ теорій и вздоровъ, кто-то сказалъ, въ шутку, что онъ знаетъ народъ, довольно никому не извѣстный, у котораго поэзи рождаются какъ у насъ ромъ и горохъ. Вся неототушно спрашивали — какой это народъ? гдѣ онъ живетъ? что дѣлаетъ? какъ зовутъ его? Шутникъ отвѣчалъ, на угадъ: Сербы! Это имя озадачило самыхъ ученыхъ браковщиковъ поэзи: многіе изъ нихъ никогда не слыхивали имени Сербовъ. Но какъ поэзію нужно было отыскать непременно, а ся нигдѣ не имьлось, то и всѣ повѣрили, что нынче поэзи оттого у насъ не видно, что вся она спряталась у Сербовъ. Сербы вошли въ славу въ *эстетикъ*, которая, какъ увѣряють, должна быть наукою о вкусу. Имя ихъ прогремѣло въ журналахъ. Энтузіасты, познав-

шіе по-сербски, бѣгали по Турціи и Иллиріи, ловили лоскутки сербскихъ стихотвореній, и переводили ихъ на разные языки. Люди искусства не хлопотали такъ много: они прямо сочиняли сами сербскую поэзію лучшаго качества и пускали эти искусственные алмазы въ оборотъ за настоящіе. Вслѣдствіе чего весь читатели были въ восторгъ отъ Сербовъ и ихъ поэзіи. Рецензенты нѣсколько лѣтъ сряду жили и кормились одними Сербами. Пушкинъ хотѣлъ что-нибудь изъ нея перевести на русскій языкъ, и перевелъ, но, сгоряча, не полагая на подлинныя сербскія стихотворенія — перевелъ поддѣльныя, какъ самыя удивительныя, самыя поэтическія изъ всѣхъ. Даже великій Гете былъ увлеченъ общимъ потокомъ: онъ, давно уже ничѣмъ не восхищавшійся, сталъ также восхищаться сербской поэзіей, и, однажды, вынувъ изъ заветнаго ящика долго спрятанное золотое перо и написалъ для какого-то нѣмецкаго журнала статейку о *сербской поэзіи*. Великій Гете душевно сожалѣлъ въ ней, что сербскій языкъ ему не извѣстенъ, — о чемъ переводчики сербскихъ поэзіи никогда и не подумали сожалѣть — и это утвердило навсегда славу сербскаго гения. Съ-тѣхъ-поръ никто не сомнѣвался, что Сербы первые поэты въ мірѣ. Вскорѣ провозгласили ихъ и Гомерами: разумется, что это возведеніе въ перво-эпическій санъ происходило въ Москвѣ; но Сербы, узнавъ стороною, что Гомеры теперь у насъ обращены въ дешовый товаръ, сами не захотѣли этой чести или: этой обиды, и предпочли остаться на степени малороссійскихъ бандуристовъ, мѣтѣ блестательной, но гораздо приличнѣе ихъ сербскому искусству.

Очень забавная путаница вышла изъ этой кратковременной моды на сербскій гений. Переводъ Пушкина, поддѣльныхъ сербскихъ поэзіи попалъ случайно въ Сербію. Съ остолбенѣніемъ увидѣли Сербы, что они такіе чудесные поэты. Поддѣльная сербская поэзія такъ ихъ восхитила, что настоящей они и слушать не хотѣли: они всенародно объявили въ главномъ своемъ журналѣ, *Сербске новине*, который *штампается* (печатается) у *Пешту* и *выльзае* (выходитъ: удивительный редакторскій терминъ!... никто не выражается такъ поэтически какъ Сербы) *выльзае* себя три раза въ недѣль, *три лудъ у седмицу*, что если бы они умѣли производить такую поэзію, то нажили бы себя огромныя деньги. Между-тѣмъ господишъ Бергъ отъправился въ Сербію за подлинною сербскою поэзіей — собралъ ее почтительно и съ великимъ тщаніемъ — привезъ на Русь — пере-

валъ очень вѣрно на русскій языкъ — и представилъ удивленію публики черезъ посредство московскихъ *серболубцевъ*. Странное дѣло! кромѣ серболубивыхъ издателей — и не смотря на ихъ предисловія — никто изъ насъ не пришелъ въ восхищеніе. Настоящая сербская поэзія промелькнула между нами не замѣченной: не многіе, замѣтившіе ее случайно, зъвнули въ честь ей два, три раза, и съ этимъ воздаваніемъ она канула въ забвеніе. Всѣ согласились съ добродушнымъ мнѣніемъ Сербовъ, что поддѣльная сербская поэзія, которую съ парижской прозы Пушкинъ переложилъ въ петербургскіе стихи, гораздо лучше.

Теперь, какъ сербская поэзія вышла изъ моды, не угодно ли вамъ ладнокровно посмотреть, что этѣ была за поэзія и о чемъ вы столько лютовали? Я выпишу вамъ лучшую сербскую пѣсню: *Полеми соколица сива*; а вы поинщите въ ней поэзіи:

• Какъ летѣлъ ясень соколъ-птица
Отъ святыни, отъ Ерусалима,
Несъ онъ по небу ласточку-птичку.
Не ясень то былъ соколъ-птица,
.
И не ласточку несъ онъ птичку,
А письмо
Прилетѣлъ на поле Косово,
И письмо опускаетъ онъ тихо,
Опускаетъ Царю на колѣно:
Такъ письмо Царю заговорило:
«Именитый родонъ, Царь Лазарь!
Ты какого желаешь царства?
На небѣ-ль царствовать хочешь?
Иль земнаго тебѣ царства надо?
Если царства земнаго хочешь,
То сѣдай коней своихъ борзыхъ;
Подтяни имъ крѣпче подпруги,
Наточи булатныя сабли
И ударь съ братьями на Турокъ:
Все Турецкое погибнетъ войско!
А желаешь небеснаго царства,
Такъ созижди на Косовѣ церкву,
Заложь не мраморъ въ основанье,
Заложь ты чистый шелкъ да бархатъ;
Причасти потѣбъ и выстрой войско —

Дажуть войско все на ратномъ подѣ,
Да и ты, Князь, тутъ же съ ними ляжешь!»

Какъ письмо прочиталъ Царь Лазарь,
Самъ съ собой раздумывать началъ :
«Боже правый! чего пожелать мнѣ?
И какого попросить царства?
То-ли царство попросить на небѣ?
То-ли выбрать царство земное?
Коль земнаго царства пожелаю —
Коротко земное наше царство,
А небесное во вѣки будетъ!»

Восхотѣлъ небснаго онъ царства,
Отрицался царства земнаго,
И построилъ на Косовѣ церкву,
Заложилъ на ирархоръ въ основанье,
Заложилъ онъ чистый шелкъ да бархатъ;
Патріарха сербскаго позвалъ
И двѣнадцать съ нимъ владимъ великихъ;
Причастилъ войско и построилъ;
Лишь построилъ онъ свое войско,
На Косово ударили Турки.

Повелъ войско Югъ-Богданъ старшій,
Съ девятью своими сыновьями,
Съ девятью словно соколами,
И у всякаго рать въ девять тысячъ,
А у Юга рать въ двѣнадцать тысячъ.
Стали съ Туркомъ биться-рубиться,
Семь Пашей положили досконъ,
Но какъ стали добивать восьмага,
Тутъ погибъ Югъ-Богданъ старшій
И легли тутъ все его дѣти,
Девять братьевъ, соколовъ лсныхъ,
И все войско вѣсть съ ними пало.

Мариявчицей тронца вышла :
Банъ Углеша, воевода Гойко
И король Вукашинъ съ нимъ;
Съ каждымъ было тридцать тысячъ войска;
Стали съ Туркомъ биться-рубиться,
Восемь разомъ пашей положили,
Но какъ бить девятаго стали :
Мариявчицей погибле двое —
Банъ Углеша съ воеводой Гойкомъ,

А король былъ тѣмъ превращенъ,
 Растоптали его кони вражьи;
 Вѣстѣ съ нимъ и рать его пала:

Выступаетъ герцогъ Степанъ съ войскомъ.

Много было съ герцогомъ войска,
 Много войска: шестьдесятъ тысячъ;
 Сталъ съ Туркомъ битесь-рубиться,
 Разомъ девять пашей положили,
 Но какъ бить десятка стали —
 Тутъ погнѣ герцогъ могучій
 И за нимъ вся рать его пала.

Выступаетъ сербскій князь Лазарь.

Много Серба съ Лазаремъ было,
 Много Серба: семьдесятъ семь тысячъ;
 Разогналъ онъ на Косову Турковъ,
 Не успѣлъ имъ дать оглядѣться,
 А не только славный бой затѣять,
 И советъ побилъ-было онъ Турковъ —
 Только Вукъ — апагема проклять! —
 Выдалъ теста на Косовскомъ полѣ!
 Тутъ царя одолѣли Турки
 И погнѣ нашъ славный князь Лазарь,
 Пала съ нимъ и рать его сила,
 Сила-рать, семьдесятъ семь тысячъ.
 Все было свято и преславно
 И причастно Господу Богу.»

Что касается до меня, то я, признаюсь, не вижу, въ чемъ состоитъ поэтическая красота этой прославленной *эпопеи о погибши сербскаго царства*, не смотря на очень пріятныя украшенія подлинника, которыя господинъ Бергъ счелъ нужнымъ допустить въ своемъ переводѣ. *Carmen incultum et inane*, и ничего болѣе. Какое сравненіе съ поддѣльной сербской поэзіей Мери и Пушкина!

Возьмемъ еще *поэму* въ другомъ родѣ: искусный переводчикъ прозвалъ ее *Зейнинымъ заклятіемъ*.

«Полотно ткала-сидѣла Зейна,
 Полотно ткала на огородѣ.
 Мать приходитъ звать ее на ужинъ:
 «Слышишь, Зейна, ужинать пойдемъ-ка!
 Поѣдимъ-ка сахарной баклавы!»
 Дочь на это съ сердцемъ отвѣчаетъ:

«Безъ меня пускай отходитъ ужинъ!
 Не до ужина нѣтъ горькой винче:
 Отъ тоски болитъ и ноетъ сердце! —
 Приходясь ко нѣтъ сегодня нилый,
 Ощипалъ мои цвѣты-цвѣточки,
 Оборвалъ въ ставу шелковы нитки.
 Побранилъ его съ тобою вмѣстѣ:
Грудь мол, ты будь ему телинцей!
Руки больна — на шель цплюю!
А уста ему пусть оги вымьютъ!»

Это милое *Заклятіе* извѣстно въ пѣсняхъ и турецкихъ и новогреческихъ. Видно, Турки и Греки перевели ее съ сербскаго.

Коротко сказать, самая удивительная вещь въ подлинной сербской поэзіи — та, что въ ней рѣшительно ничего нѣтъ — въ томъ числѣ не рѣдко и смыслу — и что вся Европа нѣсколько лѣтъ удивлялась ничему какъ прекраснѣйшей поэзіи.

Но не вся Сербія въ Сербіи. Вотъ еще томъ настоящей сербской поэзіи, которая никогда не видала Дуная. Господинъ Феть — Русской: по-крайней-мѣрѣ, онъ увѣряетъ; но онъ явственно у Сербовъ учился поэзіи. Онъ, напимѣрѣ, беретъ снѣгъ. Ну, что такое снѣгъ? Ровно ничего! И не прибавивъ къ снѣгу ни одной мысли, онъ изъ него лѣпнеть стихи, цѣлую поэму — эпопею — снѣговую владу, вездѣ только снѣгъ да стихи, мятель звуковъ, сугробы риемъ, зги Божьей не видно — поэзія самая высокая, самая сербская. Слушаешь — что-то есть; смотришь — ничего нѣтъ; ничего не сказано, и все въ снѣгу и въ стихахъ обстоитъ благополучно. Послушайте сами:

I.

«Я Русской, я люблю молчанье дали вразной,
 Подъ пологомъ снѣговъ какъ смерть однообразной...
 Лѣса подъ шапками нѣтъ въ нивѣ сѣдохъ,
 Да рѣчку звонкую подъ темноснѣжны льдомъ.
 Какъ любятъ находить задумчивые взоры,
 Завѣянные рвы, навѣянные горы,
 Былики сонныя, нѣтъ средь вагихъ полей,
 Гдѣ холмъ причудливый, какъ нѣкій мавзолей,
 Изваянъ полвочью, — круженье вихрей дальныхъ
 И блескъ торжественный при звукахъ погребальныхъ».

II.

Знаю я, что ты, малютка,
 Лунной ночью не робка :
 Я на свѣтѣ вижу утропѣ
 Легкій оттискъ башмачка.
 Правда, ночь при свѣтѣ лунномъ
 Холодна, тиха, ясна;
 Правда, ты не даромъ, другъ мой,
 Покидаешь ложе сна.
 Бриллианты въ свѣтѣ лунномъ,
 Бриллианты въ небесахъ.
 Бриллианты на деревьяхъ,
 Бриллианты на свѣгахъ.
 Но боюсь я, другъ мой милый,
 Чтобы въ вихрѣ духъ ночной
 Не завѣялъ бы тропинку,
 Проложенную тобой.

III.

Вотъ утро сѣвера — сонливое, скупое,
 Лживо смотрится въ окно волоковое;
 Въ печи трещить огонь — и сѣрый дымъ ковромъ
 Тиховько стелется надъ кровлею съ конькомъ.
 Пѣтухъ заботливый, копающъ на дорогѣ,
 Кричать... а дѣдушка брадатый на порогѣ
 Крахтитъ и крестится схватившись за кольцо,
 И хлопья бѣлыя летятъ ему въ лицо.
 И полдень вастаетъ. Но, Боже! какъ люблю я,
 Какъ тройкою лишникъ кабитку удалю
 Прочитать — и скроется... И долго, мнитъ ся мнѣ,
 Звукъ колокольчика трепещеть въ тишинѣ.

IV.

Вѣтеръ злой, вѣтръ крутой въ полѣ
 Заливается,
 А сугробъ на степной волѣ
 Завивается,
 При лунѣ, — на верстѣ морозъ
 Огонечкани, —
 Про живыхъ вѣтеръ вѣсть пронесъ
 Съ позвоночками.
 Подъ дубовыхъ крестомъ свиститъ,
 Раздувае ся.

Сѣрый заяцъ степной хруститъ,
Не пугается.

V.

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.
Какъ гроздь винограда,
Вѣтвей концы висятъ, —
И радостенъ для взгляда
Весь траурный нарядъ.
Люблю игру денницы
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнутъ красу вѣтвей.

VI.

Котъ поѣтъ, глаза прищуря,
Мальчикъ дремлетъ на коврѣ,
На дворѣ играетъ буря,
Вѣтеръ свистеть на дворѣ.
«Полно тутъ тебѣ валиться,
Спрячь игрушки, да вставай!
Подойди ко мнѣ прощаться,
Да и спать себѣ ступай.»
Мальчикъ всталъ. А котъ глазами
Поводилъ и все поѣтъ;
Въ окна снѣгъ валитъ клоками,
Буря свистеть у воротъ.

VII.

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна:
Бѣлая равнина,
Полная луна.
Свѣтъ небесъ высокихъ,
И блестящій свѣтъ,
И саней далекихъ
Одинокій бѣтъ.

VIII.

Ночь свѣтла, морозъ сілетъ,
Выходи — снѣжокъ хруститъ;

Пристѣжная оязбасть
 И на мѣсть не стоитъ.
 Сядемъ — полость застегну я, —
 Ночь свѣтла и ровень путь.
 Ты умолкнешь — замолчу я
 И пошелъ куда вѣбулъ.
 И летучею задюю
 Зимней ночью при дунѣ,
 Я душѣ твоей раскрою
 Все, что ясно будетъ мнѣ.

IX.

На двойномъ стеклѣ узоры
 Начертилъ морозъ,
 Шумный день — свои дозоры
 И гостей унесъ;
 Смолкнулъ яркій говоръ сплетней,
 Скучный голосъ дня.
 Благодатнѣй и пріятнѣй
 Все кругомъ меня.
 Предъ горящими дровами
 Сядемъ — тамъ тепло.
 Мѣсяцъ быстрыми лучами
 Пронизалъ стекло.
 Ты хитрила, ты скрывала,
 Ты была умна;
 Ты давно не отдыхала,
 Ты утомлена.
 Но люблю я утомленье
 Это созерцать :

 Въ торжествѣ успокоенья
 Свѣтлой красоты,
 Безъ улыбки, безъ движенья,
 Мнѣ понятна ты».

А мнѣ, такъ все тутъ не понятно. Во-первыхъ, я не понимаю связи между любовью и снѣгомъ. Во-вторыхъ, не понимаю я поэзии безъ высокой мысли нравственной или религіозной, и знаю достоверно, что Гомеръ также не понималъ ея безъ этого основнаго элемента, и что въ древности именно за это воздвигали ему храмы. Одно только по-

нимаю я въ этомъ дѣлѣ, а именно то, что Гейне писалъ стихи точно такъ, какъ пишетъ господинъ Фетъ — что это школа — родъ сербской поэзіи — соколъ летитъ въ Палестинѣ, а царство падаетъ на Косовомъ Полѣ — на стеклѣ морозъ чертитъ узоры, а дѣвушка умна, и господинъ Фетъ любитъ созерцать утомленія. Я спрашиваю: что жъ это доказываетъ?

Но удивляться такой поэзіи я никому не мѣняю. Я знаю, что вся Европа нѣсколько лѣтъ удивлялась ей, и что тѣми, которые Гомера никогда не читали, она провозглашена была совершенно гомеричскою.

Но я забываю сказать, откуда взято это стихотвореніе. Оно принадлежитъ прекрасной книгѣ, которой заглавіе :

СТИХОТВОРЕНІЯ А. ФЕТА. (Москва, 1850, въ-8., стр. 162).

Въ этой книгѣ — до полутора ста поэмъ разной величины, но все въ томъ же родѣ : снѣга — гаданія — мелодіи — вечера и ночи — баллады — сонеты — подражанія восточному — антологическія стихотворенія — разныя стихотворенія — и стихотворенія изъ Гейне. Кроме Гейне, господинъ Фетъ беретъ также, и очень многое, изъ Уланда, Кернера, Мицкевича, Байрона, Мура, изъ всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ поэтовъ — иногда говоритъ, откуда что беретъ, но большею частью считаетъ это не нужнымъ, предоставляя читателю удовольствіе угадать. Но все взятое, онъ передѣлываетъ по своему, и такъ искусно, что повсюду вы получаете самую высокую поэзію Ничего. Вотъ одна изъ *балладъ* господина Фета : названіе ей — *Легенда*.

«Вдоль по берегу полями
 Ёдетъ сынъ княжвой;
 Сорокъ отроковъ *верхами* (пѣшками?)
 Слѣдуютъ толпой.
 Стравенъ ликъ его суровой,
 Все кругомъ молчить,
 И водкова лишь съ подковой
 Часто говоритъ.
 «Разгуляйся въ полѣ,» — сыну
 Говорилъ старикъ.
 Знать смысловую кручину
 Старый взоръ проникъ.

Съ золотыми стреленани
 Кляжи арманакъ;
 Шемаханскими шелками
 Вышить весь чепракъ;
 Но печаленъ въ полѣ чистомъ.
 Клязь себѣ не радъ,
 И не клячетъ громкимъ свистомъ
 Кречетовъ назадъ.
 Онъ давно душою жаркой,
 Въ перегарѣ силъ,
 Всю неволю жизни яркой
 Стаитъ отлюбилъ.
 Полюбить успѣвъ вериги
 Молодой тоски,
 Переписываетъ книги,
 Пишетъ кондаки.
 И не разъ въ минуты битвы
 Съ жизнью молодой,
 Въ увлеченіи молитвы
 Находилъ покой.
 Ёдетъ онъ въ раздумьи шагомъ
 На лихомъ конѣ;
 Вдругъ пещеру за оврагомъ
 Видитъ въ сторовѣ:
 Тамъ душевной жаждѣ пищу
 Старецъ находилъ,
 И къ пустынному жилищу
 Клязь поворотилъ.
 Годы страсти, годы спора
 Провесились вдругъ,
 И пустынного простора
 Онъ почувалъ духъ.
 Связъ съ коня, оборотился
 Къ отрокамъ спиной,
 Снял кафтанъ, перекрестился
 И махнулъ рукой.»

Я опять спрошу : что же это доказываетъ ?... Если на свѣтѣ есть такая легенда, то она, конечно, не изъ числа самыхъ замысловатыхъ легендъ. Легенда значитъ — вещь достойная чтенія, исторія какихъ-нибудь великихъ чудесъ или дивныхъ происшествій. Въ этой же новаго рода Легендѣ ровно нечего ни читать, ни слушать : кто то

позвалъ куда-то и махнулъ рукою!... Господинъ Фетъ, конечно, знаетъ еще лучше моего, что баллада звучитъ по-русски *плавная* льня.

Я приведу цѣлую поэму господина Фета, ту именно, которую, какъ я думаю, самъ онъ считаетъ перломъ своихъ стихотвореній, и представлю вамъ разобрать, что такое доказываетъ она. Поэма называется *Соловей и роза*, и поэтъ не только не говоритъ, откуда взялъ онъ ее, но и не ставитъ ея даже въ числѣ подражаній. На то его поэтическая воля. Но о любви соловья къ розѣ, я знаю; Востокъ сочиняетъ стихи уже пятое тысячелѣтїе, и въ нихъ постоянно есть особенный смыслъ мистическій, который превосходно понимается всѣмъ Востокомъ. Европейскіе поэты, любители всего новаго и слѣдовательно всего восточнаго, нѣсколько разъ пытались написать стихи на соловья и на розу, полагая, что, наговоривъ на счетъ этой птицы и этого цвѣтка всякихъ бессмыслицъ, всякихъ грезъ, никому не понятныхъ и ни съ чемъ не связанныхъ, всякихъ ментаній безъ цѣли и значенія, они будутъ такими же великими поэтами какъ наиримѣръ Турки или Бухарцы. Какая самонадѣянность! Господинъ Фетъ повторяетъ этотъ опытъ по ихъ слѣдамъ :

«Небесъ и земли повелитель,
Творецъ плодотворнаго міра
Далъ счастье, далъ радость всей твари
Цвѣтущихъ долинъ Кашемира.
И равны всѣ звеня предъ вѣчнымъ
Въ цѣпи непрерывной творенья,
И жизненнымъ трепетомъ общица.
Исполнены чудныя звеня.
Такая дрожащая бездна
Въ дыханьи полудня и ночи,
Что ангелы въ страхѣ закрыли
Крылами звѣздистыя очи.
Но такъ же въ саду мірозданья,
Гдѣ радость и счастье-привычка,
Забиты, отвергнуты счастьемъ
Кустарникъ и сѣрая птичка.
Листовъ окаймленныхъ пилани;
Побѣговъ вращающихся спицами
Миндальныхъ, ластушекъ гески,
Чудящихся вѣрчихъ пилани».

Безгласная стая птичка
 Одна не пугается терний,
 И любить друг друга — во счастья
 Не в утренней части, ни в вечерней.
 И по небу вьши пролетать,
 Как волны безбрежного моря;
 Никто не узнасть ихъ страсти,
 Никто не увидитъ ихъ горя.
 Однажды сіяющій ангелъ,
 Купался въ бодякахъ зенита,
 Узрѣвъ и кустарникъ и птичку
 Въ долині почвой Ишенира.
 И вѣжному свету стало
 Ихъ видѣть такъ грустно и больно,
 Что съ неба слезу отблеву
 На нихъ уронилъ несколько.
 И къ утру свершилося чудо:
 Краснѣла и шлѣла сквозь слезы,
 Склонилася въ вѣткѣ упругой
 Головка душистыхъ розы.
 И къ ночи съ безгласною птичкою
 Еще переиѣла чудеснѣй:
 И листья и звѣзды трепещуть
 Ея упонительной пѣсней.

онъ.

Рая вѣчнаго магманикъ,
 Вешній гость я, вѣвчій страшикъ;
 Чужды ваши мнѣ цвѣты;
 Страшны искры мнѣ мороза.
 Другъ мой роза, дѣва роза,
 Я бѣ не пѣлъ, когда бѣ не ты.

она.

Полночь мать моя родная,
 Незанѣтно разцвѣла я
 На зарѣ весны;
 Для тебя жъ у бѣдной розы
 Ароматъ, краса и слезы,
 Заревые сны.

онъ.

Ты такъ вѣжна, какъ утреннія розы
 Едва раскрывъ малиновыи шипокъ;

Ты такъ свѣтла, что не нелюбъ слезы
 Туманять ни внимательный зрачекъ;
 Ты такъ чиста, что немислы земные
 Невольно врутъ въ груди передъ тобой;
 Ты такъ свята, что ангелы святые
 Зовутъ тебя ихъ смертною сестрой.

О Н А.

Мой другъ, мой братъ, мой милый, мой любовникъ!
 На милую внимательный взглядъ:
 За розу ты не принялъ ли шиповникъ,
 Смирное подобіе родни?
 И если есть во мнѣ благоуханье,
 Оно лишь тѣмъ коснется до тебя,
 Что скромное, безвѣстное созданье,
 Стремясь къ тебѣ, такъ предало себя.

О Н Ъ.

Ты роза долины, я ночи пѣвецъ,
 И чувство въ насъ братское тоже;
 Намъ мѣсяцъ кристальный готовить вѣнецъ,
 А солнце пурпурное ложе.
 Росою на пѣсни, на пѣсни росой.
 Дала отвѣчать намъ природа,
 И наши всѣ звуки, всѣ блески, какъ рой
 Горять у небснаго свода.
 Тамъ ангелъ лазурный, востока жилецъ,
 Ихъ огненной вѣтитъ рукою.
 Ты роза долины, я ночи пѣвецъ:
 Мы вѣчные братья съ тобою.

О Н А.

Ты поешь, когда дремлю я,
 Я цвѣту — когда ты спишь;
 Я горю безъ поцѣлуя,
 Безъ отвѣта ты грустишь.
 Но и радость и мученье
 Мудро намъ судьба дала:
 Ты не пѣлъ бы безъ стремленья,
 Я бъ безъ страсти не цвѣла.

О Н Ъ.

На востокѣ небо чисто,

Какъ сафиръ твоихъ очей;
 Въ рощахъ пальмовыхъ тѣнисто,
 Лунный лучъ дрожить теплѣй.
 На востокъ есть у Бога
 Заповѣдныя мѣста:
 Сердцу снится та дорога —
 Полетнишь съ тобой туда.
 Ни фазановъ позлащенныхъ,
 Ни павлиновъ не сомнѣй;
 Ни плодовъ мы запрещенныхъ
 Тихомолкомъ не сорвѣй.
 Мы, какъ лотосъ, богомольно
 Заглядимся въ ручеекъ...
 Сердцу станетъ сладко, больно —
 Полетнишь же на востокъ.

О Н А.

Мой милый, гдѣ сердце — тамъ грезы,
 Гдѣ вѣра — тамъ царство весны;
 Гдѣ очи — тамъ жаркія слезы,
 Гдѣ думы — тамъ чудные сны...
 Во свѣтѣ мое спящее око
 Небесный извѣрило кругъ,
 Отъ запада вплоть до востока,
 Узрѣло и сѣверъ и югъ...
 Ни дна; только, въ безднѣ рождался,
 Горять и сверкають ключи,
 И, силою вѣчной вращался,
 Дрожать золотые лучи:
 И вся эта сила стремилась
 Къ одной отдаленной звѣздѣ;
 А я все молилась, молилась,
 Чтобъ ты былъ нѣтъ вѣренъ вездѣ.

О Н Ъ.

Дѣва роза, доброй ночи!
 Звѣзды въ небесахъ.
 Двѣ звѣзды горять, какъ очи
 Въ голубыхъ лучахъ;
 Двѣ звѣзды горять привѣтно
 Нынче, какъ вчера;

Сонъ подирался незаметно...
Роза, спать пора!

Она.

Зацѣлюю тебя, закачаю,
Но боюсь надъ тобой задремать:
На зарѣ лишь уснешь ты, я знаю,
Что всю ночь будешь пѣть ты опять.
Закрывается нилое око,
Голова у меня на груди.
Вѣтеръ, вѣтеръ, мой вѣтеръ востока,
Не тревожь его сна, не буди.
Я сама не дышу, не ласкаю,
Только вѣждамъ закрылъ ему сонъ,
И кудрями его не играю:
Все боюсь, не проснулся бы онъ.
Вѣтеръ, вѣтеръ лукавый, поди ты,
Я уиѣю сама цѣловать;
Я устами коснуся ланиты
И мой нилый проснется опять.
Просыпайся жъ; заря потухаетъ:
Для пѣвца золотая пора.
Дѣва роза тихонько вадыхаетъ,
Отпускаетъ тебя до утра.

Онъ.

Ахъ, опять къ ночному бдѣнью
Вышелъ звѣздный хоръ...
Эхо ждетъ завторить пѣнью...
Спалъ до этихъ поръ!
Вѣтъ вѣтеръ надъ дубровой,
Листики шелестить.
У меня въ тѣни лавровой
Дѣва роза спить.
Хорошо ль ей, сладко ль спится,
Я предъзнаю,
И звѣздамъ, что ей приснится,
Громко пропою.

Она.

Я дремлю, но слышитъ
Роза соловья;

Вдгеровъ кодышитъ
 Сонную меня.
 Звукъ остаются
 Всѣ въ нокъ лнсткахъ;
 Слышу — а проснутъся
 Не могу никакъ.
 Заревны слезы,
 Наклоняясь, амо.
 Ной у сонной розы
 Про любовь мою.

И во снѣ только любить и любить,
 И отъ счастья плачетъ и спитъ!
 Эти пѣсни она приголубитъ,
 Если эхо о нихъ промолчитъ.
 Эти пѣсни землѣ рассказали
 Все, что розѣ приснилось во снѣ,
 И глубоко, глубоко запали
 Еѣ въ румянное сердце оиѣ.
 И въ ноци подѣ землею коренья
 Влагу ноци сосутъ да сосутъ,
 А у розы росой умиленья
 Бриллиантами слезы текутъ.
 Отъ чего жѣ подѣ навѣсомъ прохлады
 Раздается такъ голось пѣвца?
 Роза! пѣсни не знаютъ преграды:
 Безъ конца твои сны, безъ конца.»

Я не поэтъ — я простой летописецъ — и не мудрено, что я не понимаю, чего тутъ соловей хочетъ отъ розы или роза отъ соловья и съ какой стати они наговорили другъ-другу такихъ страстей — не считая того, что поэтъ наговорилъ объ нихъ. Но и самъ великій мутти-эфенди съ цѣлымъ корпусомъ константинопольскихъ улемовъ, я уврѣнъ, не разгадаютъ такой необычайной мудрости. Впрочемъ, легко быть можетъ, что и тутъ, какъ и въ другихъ эпопеяхъ сербской школы, ровно ничего нѣтъ кромѣ стиховъ. Вотъ почему, кто хочетъ, можетъ отъ нея приходиться въ восторгъ. Для этого нужно только обожать поэзію.

Другихъ стихотвореній господина Фета я не показываю. Эти три пьесы кажутся мнѣ лучшими во всемъ собраніи. Онъ, пожалуй, скажетъ, что я сужу слишкомъ строго объ его произведеніяхъ. Это — изъ участія къ его дарованію. Мнѣ кажется, что господи́нь Феть, оставивъ принятое имъ направленіе къ поэзіи Ничего и убѣдясь, что ex Nihilo nihil fit — то-есть, что безъ хорошей и ясной основной мысли ничего толковаго на свѣтъ быть не можетъ, даже и самой пустой вещи, поэзіи, въ состояніи былъ бы подарить насъ не такими сербскими эпопеями.

РЪЗНИИ ИЗВѢСТІА.

— Ученый и неутомимый сотрудникъ нашъ, котораго трудолюбіе и основательныя познанія такъ хорошо извѣстны читателямъ четвертаго отдѣленія, Г. В. Небольсинъ, издалъ, въ двухъ томахъ, *«Статистическое обозрѣніе внешней торговли Россіи»*. Книга эта, наполненная цифрами и расчетами и, по многимъ уваженіямъ, не подлежащая разбору въ этомъ журналѣ, удостоена Русскимъ Географическимъ Обществомъ полной Жуковской преміи. Принимающіе участіе въ нашей народной промышленности, какъ сельской, такъ и мануфактурной или торговой, найдутъ въ ней цѣлыя сокровища полезныхъ для нихъ показаній.

— Извѣстное сочиненіе Александра Дюма, *«Эдуардъ-Третій»*, издано въ Москвѣ въ русскомъ переводѣ въ четырехъ книжечкахъ, которыя смѣло назвать *четырьмя частями*. Переводчикъ принялъ это сочиненіе за романъ.

МАЙ, 1850.

=

Н О В Ы Е К Н И Г И.

=

Москва и Москвичи. *Записки Богдана Ильича Бельскаго, издаваемые М. П. Загоскинымъ. Выходъ четвертый. (Москва, 1850, сг-12., стр. 283.)*

Это четвертый, «выходъ» Михайла Николаевича Загоскина. Вотъ смъ его же, того же устранимаго, бойкаго и всегда всеаго балагуръ.... я не смю сказать юмориста.... Михайло Николаевичъ не любитъ этого слова, какъ иностраннаго, и гдъ-то, въ «Москву и Москвичехъ» научилъ насъ, что юморъ называется собственно по-русски — балагурство:

Пъездка за границу, комедія въ четырехъ дъйствіяхъ, сочиненія Ш. Н. Загоскина, представленная въ первый разъ въ Москвѣ 19 января, 1850 года. (Москва, 1850, въ-8., стр. 90.)

Въ четвертомъ выходѣ «Москвы и Москвичей» представлены, съ обыкновеннымъ искусствомъ автора, съ тамъ же добродушнымъ балагурствомъ.... то есть, юморомъ.... и тамъ же развязнымъ, живописнымъ, подлиннымъ русскимъ языкомъ, которые научилъ насъ полюбить въ своихъ сочиненіяхъ, двъ забавныя картины нравовъ и типовъ Бблокаменной, купеческая свадьба и ея гости, и московскіе сводчики, то есть, ясное сказать, аферисты. Свадьба въ купеческомъ семействѣ, на которую кондитеръ, безъ труда для хозяина, ставитъ, за условленную цвну, все, ужинъ, шампанское, конфеты, огурцы первой соли, и гостей высшаго общества — очень оригинальная сцена. Сводчики — остатокъ «плутовства», грязнаго, обрваннаго, простодушнаго, но очень драматическаго и тонкаго, который теперь исчезаетъ и замъняется звучнословнымъ и наглымъ «шарлатанствомъ». Къ этимъ двумъ картинамъ авторъ прибавилъ собраніе разныхъ чертъ изъ прежней русской жизни, подъ заглавіемъ «Осенніе вечера», гдъ каждый изъ членовъ небольшого деревенскаго

общества, составленного из добрых и умных людей, неостероженно рассказывает что слышал или что с ним самим случилось. Цыганки и предсказания занимают значительную часть «Осенних вечеров». Известно, как эти случаи интересны, одною уже своею таинственностью: я говорю о предсказаниях, а не о Цыганках, которые в такого рода «случаях» всегда бывают старыя и гадки. Самъ Богданъ Ильичъ Бѣльскій, издаваемый Михайломъ Николаевичемъ Загоскинымъ, рассказывает о себѣ одинъ изъ этихъ «случаевъ», совершенно удивительный.

— Вы знаете, дѣдушка, — такъ говоритъ Богданъ Ильичъ, обращаясь къ Лаврентію Алексѣевичу, — что въ двѣнадцатомъ году мѣся не было при главной арміи; я находился тогда въ отдѣльномъ корпусѣ графа Витгенштейна и служилъ въ сводномъ кирасирскомъ полку, сформированномъ изъ запасныхъ эскадроновъ кавалергардскаго и конногвардейскаго полковъ. Со мною служилъ въ одномъ эскадронѣ поручикъ Перофирій Ивановичъ Лидинъ. Мы шли весь походъ вѣсть, на бивакахъ спали въ одномъ шалашѣ, на переходахъ всегда шли рядомъ, однимъ словомъ, почти никогда не разставались. Лидинъ былъ нѣсколькими годами постарше меня, собой прекрасный мужчина, отлично храбрый офицеръ; но тихой и скромный, какъ красная дѣвушка. Я рѣдко видалъ его веселымъ даже и тогда, когда ему случалось, ради компаніи, покутить съ своими товарищами, то-есть, выпить лишній бокалъ шампанскаго. Другіе офицеры чѣмъ больше пили, тѣмъ громче разговаривали, шумѣли и веселились, какъ говорится, на распанку; а онъ съ каждымъ новымъ стаканомъ вина, или пунша, становился все тише и молчаливѣе. Лидинъ очень любилъ музыку, и самъ игралъ прекрасно на фляжеолетъ, который всегда носилъ съ собою.

«Вотъ, если не ошибаюсь, пятого октября, то-есть, наканунѣ полоцкаго сраженія, мы расположились биваками верстахъ въ пятнадцать отъ Полоцка, изъ котораго должны были, на другой день, во чтобъ ни стало, выжить Французовъ. Зная, что намъ придется вставать чѣмъ свѣтъ, мы съ Лидинымъ поторопились напиться чайку и залегли въ своемъ шалашѣ, чтобы выспаться порядкомъ до утра, но сонъ дѣло невольное: прошло часъ два, а намъ не спалось. Лидинъ, который казался задумчивѣе обыкновеннаго, вынулъ изъ кармана свой фляжеолетъ и заигралъ на немъ похоронный маршъ»

— Да полно, Лидинъ! сказалъ я, что вы отвратъ что-нибудь собрали? Чѣмъ бы тебѣ радоваться, что у насъ завтра ширь на весь миръ....

— У насъ! повторилъ Лидинъ, вѣтъ, Владиміръ развѣ у васъ, а мнѣ на этомъ пирѣ не широваѣ.

— Это почему?

— Потому, что мертвые не пируютъ.

— Да вѣдь ты, кажется, живъ?

— Не надолго.

— А почему ты это думаешь? спросилъ я.

— Да какъ тебѣ сказать, промолвилъ Лидинъ, помолдавъ несколько времени. Я бы самъ ничего не думалъ, да вотъ тутъ кто-то надъ ухомъ шепчетъ: «Порфирій! насмотрись вдоволь на эти чистыя, ясныя небеса, полюбуйся этими яркими звездами, да и прости съ ними навсегда! Другой уже ночи для тебя не будетъ».

— Какъ тебѣ не стыдно, Порфирій! сказалъ я. Неужели ты вступишь предчувствіямъ? Да это совершенная глупость, суевѣріе....

— Нѣтъ, Владиміръ, отвѣчалъ Лидинъ: если бѣ я былъ суевѣренъ, такъ мнѣ бы и въ голову не пришло, что меня завтра убьютъ. Ты не вступишь предчувствіямъ, а вступишь ли ты предсказаніямъ?

— Да это одно и то же, Порфирій; разница только въ томъ, что если мы вѣримъ предчувствіямъ, такъ сами себя обманываемъ; а если вѣримъ предсказаніямъ, такъ насъ обманываютъ другіе. Да что, развѣ тебѣ было что-нибудь предсказано?

— Лидинъ не отвѣчалъ ни слова. Я повторилъ мой вопросъ.

— Да! проговорилъ наконецъ мой товарищъ. Мнѣ предсказано, что я умру не прежде, какъ увижу то, чего до-сихъ-поръ, кажется, ни кто еще не видалъ, такъ вѣроятно, и я не увижу.

— Что жъ это такое?

— А вотъ послушай. Ты помнишь, что у насъ былъ растакъ въ уездномъ городѣ Невель. Тебя послали впередъ готовить «уражъ», а мнѣ вмѣстѣ съ артиллерійскимъ капитаномъ Прилуцкимъ отвели квартиру у одного богатаго купца. Послѣ сытнаго обѣда, которымъ угостилъ насъ хозяинъ, мы хотѣли было отдохнуть, какъ вдругъ въ свѣяхъ нашей квартиры поднялся шумъ.

— Эй вы! закричалъ Прилуцкій. Что у васъ тамъ?

— Да вотъ, ваше благородіе, сказалъ дѣвщикъ Прилуцкаго, вхо-

— Да съ чѣмъ? спросилъ, никакъ-то поговорила съ тобою? —

— Да кто она такая?

— А ушуты съ зомора? какъ-то Цыганка.

— Молодешкая? спросилъ Прилуцкій.

— И, нѣтъ, ваме благородіе! старая корга; да фанка-то кини — взглянуть странно!

— Что жъ, она милостинку что-ли проситъ? сказалъ я.

— Никакъ нѣтъ, ваме благородіе; хочеть вамъ поворожить.

— Вотъ что! молвила Прилуцкій. Ну, хорошо, пусть съ.

— Довольно сказала правду: во всю жизнь мою и не видать ничего безобразнаго этой старой Цыганки, и, будь то ея дикимъ, осталь- сненнымъ глазами, съ точно можно было назвать полоумною.

— Послушай, голубушка, сказалъ Прилуцкій, мы люди востанов, такъ намъ не худо знать, вернется ли мы живы и здоровы домой. Вотъ тебѣ на ладонку, примолвилъ онъ, подавая ей двугривенныя, поворожи! Да прежде всего скажи, здорова ли моя жена и дѣти!

— Изволь, молодець, проворчала Цыганка. Подай-ка мнѣ свою ручку.... Шутить, баринъ, продолжала она: у тебѣ нѣтъ ни жены, ни дѣтей, да и слава Богу!

А что? спросилъ Прилуцкій.

— Да такъ!...

— А что, голубушка, что жъ, меня Французы убьютъ что-ли?

— Умирать-то вѣсьмъ надобно, промолвила Цыганка; да только ты, молодець, умрешь не такъ, какъ другіе.

— А какъ же онъ умретъ? прервалъ я.

— Да нечего сказать: не по людски! Онъ умретъ сидя верхомъ на мѣдномъ конѣ.

Мы оба засмѣялись.

— А мой товарищъ? спросилъ Прилуцкій.

Цыганка посмотрѣла мнѣ на руку и сказала:

— И тебѣ, молодець, не сдобровать; ты умрешь въ ту самую минуту, какъ увидишь церковь Божію на облакахъ.

— А если не увижу? спросилъ я.

— Коли не увидишь, такъ тебѣ и смерти не видать!

— Вотъ что, Владимиръ, было мнѣ предсказано, примолвила Лидія, оканчивая свой рассказъ.

— Какой вздор! — сказал я. — И ты называешь эти бессмысленные слова полумудрой бабы предсказаніем!

— Ужъ тамъ какъ хочешь, Владимиръ, — а вѣдь Прилуцкаго-то убили подъ Клястицами.

— Ну чтожъ?

— Такъ ты не слыхалъ, какъ его убили? Въ ту самую минуту, какъ открылся огонь съ одной маскированной неприятельской батареей и ему первымъ ядромъ оторвало голову, знаешь ли, что онъ сидѣлъ верхомъ?

— На мѣдномъ конѣ? — перервалъ я.

— Да! почти. Онъ сидѣлъ верхомъ на своей пушкѣ, а вѣдь ты знаешь, у насъ въ артиллеріи чугунныхъ пушекъ нѣтъ!

— Ну, конечно, случай довольно странный.... Впрочемъ, если эта Цыганка действительно предсказываетъ будущее, такъ тѣмъ лучше для тебя. Верхомъ на пушку сѣсть можно, можно даже по нуждѣ назвать эту пушку мѣднымъ конемъ, а построить церковь на облакахъ, воля твоя, ужъ этого никакъ нельзя.

— А вотъ увидимъ, — приполвилъ Лидипъ, принимаясь опять за свой похоронный маршъ. Я повернулся на бокъ, закутался въ шинель, заснулъ и, вѣроятно, по милости этой плачевной музыки, видѣлъ во всю ночь пренеприятные сны, особенно одинъ, который я и до сихъ поръ забыть не могу. Мнѣ казалось, что я точно также убить какъ Прилуцкій, что меня хоронятъ со всеми военными почестями и, вмѣсто орденовъ несутъ передъ гробомъ на бархатной подушкѣ мою оторванную голову.

— Нашъ полкъ выступилъ въ походъ до разсвѣта. Часа три мы шли лѣсомъ по такой адской дорогѣ, что я и теперь не могу вспомнить о ней безъ ужаса. Грязь по колено, кочки, вѣя, валеханинъ, и на каждой верствѣ два или три болота, въ которыхъ лошади вязли по самую грудь. Солнце взошло, а мы все еще не могли выбраться изъ этой труподобы, то-есть, пройти съ небольшимъ веротъ десять. Мы все умирали отъ нетерпѣнія, потому что нашъ авангардъ давно ужъ былъ въ дѣлѣ, и мы слышали передъ собой не только пушечную пальбу и ружейную перестрѣлку, но подъ конецъ, не смотря на непрерывный гулъ, могли даже различать человѣческіе голоса, и это родное громогласное «ура», съ которымъ русскіе солдаты всегда бросаются въ штыки. Вы можете себѣ представить, какъ весело было намъ все это слышать и ничего не

видеть! — Вотъ нашему полку велѣли остановиться и дать отдохнуть лошадямъ. Потому мы прошли еще съ полверсты; этотъ безконечный бѣгъ сталъ рѣдѣть, завалию пороховъ и мы выехали на опушку лѣса. Сначала мы ничего не видали передъ собою, кромѣ обширной равнины и густаго дыма, который стался по землѣ, клубился въ воздухъ и волновался вдали какъ необозримое море; но когда насъ подвинули впередъ, то мы стали различать движенія колоннъ, атаки конницы и непрерывную бѣготню нашихъ и неприятельскихъ застрѣльчиковъ, которые то подавались впередъ, то отступали назадъ, въ одномъ мѣстѣ собирались въ отдѣльныя толпы, а въ другомъ дрались въ разсыпную. Когда мы стояли на опушкѣ лѣса, то видали только издали, какъ неприятельскія ядра ломали деревья, или бороздили и взрывали землю, съ визгомъ влѣтали опять на воздухъ, а теперь ужъ они лежали позади насъ. Я еще никогда не бывалъ въ дѣлѣ, и поэтому, какъ вовсе неопытный новичекъ, былъ чрезвычайно въжливъ, то есть, встрѣчалъ всякое неприятельское ядро превозмужно поклономъ. Товарищи надъ мною подшучивали, да я и самъ послѣ каждаго поклона смѣялся отъ всей души. Лидинъ, казалось, вовсе не думалъ о томъ, что смерть летитъ надъ нашими головами. На грустномъ лицѣ его не замѣтно было ни малѣйшей тревоги; онъ былъ только блѣднѣе и задумчивѣе обыкновеннаго. Съ правой стороны, шагахъ въ пятнадцать отъ нашего полка, начиналась мелкая, но занимающая большое пространство и очень густая заросль. Лидинъ смотрѣлъ ужъ нѣсколько минутъ, не сводя глазъ на этотъ кустарникъ.

— Владиміръ! сказалъ онъ, погляди, вотъ прямо, сюда.... что это?... показалось чтоль мнѣ? Ты ничего не видишь?

— Ничего, отвѣчалъ я.

— Вотъ опять! продолжалъ Лидинъ, — вонъ за березовымъ кустомъ.... Ты не замѣтилъ?

— Да что такое?

— Въ этомъ кустарникѣ кто-нибудь да есть.

— Вѣроятно наши егеря.

— Такъ зачѣмъ-же на нихъ синіе мундиры?

— И, что ты! сказалъ я. Да какъ попасть сюда Французамъ? Помилуй, позади нашихъ колоннъ!

— Егеря! проговорилъ въ полголоса Лидинъ. Ну, можетъ-быть,

да тільки не наши. Мнѣ показалось, що и кивера-то этихъ русскихъ егерей очень походятъ на французскіе.

— Ну вотъ еще! перервалъ я. Да какъ можно отсюда отличить русскій киверь отъ французскаго?... Полно, Порфирій! Конечно, и я слышалъ, что эти наполеоновскіе волтижеры большіе проказники; но уйдти за двѣ версты отъ своей передовой линіи—нѣтъ, воля твоя, ужъ это было-бы слишкомъ дерзко!

«Лидинъ не отвѣчалъ ни слова и продолжалъ смотрѣть на кусты.

— Ты бывалъ когда-нибудь въ Полоцкъ? спросилъ я, помолчавъ нѣсколько времени.

— Бывалъ, отвѣчалъ Порфирій.

— Вѣдь онъ долженъ быть близко отсюда?

— Да, недалеко.

— Чтожъ мы его не видимъ?

— Его не видно за дымомъ.

— За дымомъ? Такъ онъ долженъ быть вонъ тамъ,—сказалъ я, указывая на дымныя облака, которыя, сливаясь въ одну огромную черную тучу, закрывали передъ нами всю нижнюю часть небосклона.

«Лидинъ кивнулъ головою.

— Постой, постой! продолжалъ я. Вотъ, кажется, поднялся вѣтерокъ, такъ, можетъ-быть, этотъ невидимка Полоцкъ выглянетъ изъ своей засады.

Въ-самомъ-дѣлѣ, облака стали расходиться, въ вышинѣ засверкали золотые кресты, дымная туча разсѣлась на-двое и посреди ея разрыва обрисовался, облитый солнечными лучами, бѣлый езуитскій костель съ своимъ высокимъ куполомъ

— Ахъ, какая прелесть! вскричалъ я невольно. Посмотри, Лидинъ! точно декорация!... Не правда ли, что этотъ костель стоитъ какъ-будто бы на облакахъ?

«Лидинъ вздрогнулъ, протянулъ ко мнѣ руку и сказалъ твердымъ голосомъ: — Прощай, Владиміръ!

Въ эту самую минуту, по опущкѣ кустарника пробѣжалъ дымокъ, замелькали огоньки и пули посыпались на насъ градомъ. Лидинъ тяжело вздохнулъ и упалъ съ лошади. Это былъ послѣдній его вздохъ: пуля попала ему прямо въ сердце.»

Попѣдка за границу, комедія, очень забавная драматическая картина нашихъ родныхъ правовъ, составлена изъ содержанія, Одного

уже известнаго читателю, разсказа «Москвы и Москвитинъ», помещеннаго въ третьемъ выходѣ этого добраго и занимательнаго творенія. Комедія эта имѣла полный успѣхъ въ представленіи на московскомъ театрѣ. Въ Петербургѣ, чтобы създать за границу, снѣтъ только дойти до Невы и вскочить на пароходъ. Весь Петербургъ бывалъ за границею и никто въ стенахъ его не упоминаетъ о такомъ подвигѣ. Германія для него—часть Васильевскаго Острова, Италия — только продолженіе его голландскихъ печей, теплая комната своей собственной квартиры, въ которой лѣтомъ топить не нужно. Парижъ каждый день приходитъ самъ къ нему по почтѣ. Но въ Москвѣ, и за Москвою, поездка за границу — важная экспедиція: одни сборы въ путь доставляютъ знаменитость; человѣку, бывшему и, особенно, разорившемуся за границу, всѣ завидуютъ; многіе передъ нимъ встанутъ съ почтеніемъ. Эта черта нашихъ внутреннихъ нравовъ богата превосходнымъ, неисчерпаемымъ комизмомъ, и авторъ воспользовался ею съ своимъ извѣстнымъ драматическимъ умомъ. Петербургъ, для котораго она—новость, Петербургъ, по природѣ насмѣшникъ и изрядный фанфаронъ, будетъ смѣяться еще болѣе чѣмъ Москва, гдѣ въкоторыя самолюбія обижались картиною ея какъ личности.

VII.

С Н Ъ С Ъ.

=

ПРИЧИНЫ ПАДЕНІЯ АРФЫ. Многие недоумываютъ, почему арфа, некогда столь превозносимая и прославленная, почти совсѣмъ исчезла изъ нашего общества.

Одни приписывали причину этого забвенія ея вещественному несовершенству, другіе—соперничеству фортепіано, съ каждымъ днемъ болѣе опасному; нныя считали это просто капризомъ.

Но все эти причины кажутся намъ не довольно удовлетворительными. Прежде всего скажемъ противъ замѣчанія, основаннаго на несовершенствѣ инструмента: арфа, въ такомъ видѣ, какъ она находится въ настоящее время,—инструментъ звучный, гармоническій, исполняющій мелодіи, инструментъ, который не безъ усвѣху можетъ выдержать сравненіе съ фортепіано и скрипкою, своими счастливыми соперниками.

Другая причина, выведенная изъ повсемѣстнаго возрастающаго употребленія фортепіано, имѣеть болѣе основанія, но не безъ опроверженія: фортепіано могло повредить арфѣ, но не уничтожить ее; потому что если бы это соперничество было такъ губительно какъ утверждаютъ,

то ни одинъ инструментъ не могъ бы выдержать его, а мы не думаемъ, чтобы число любителей скрипки, віолончели, кларнета, флейты, рожка, фагота, значительно уменьшилось; следовательно и эта причина не совсѣмъ справедлива.

Ужъ не капризъ ли это? Но капризъ какъ и любовь — произвольный слѣпецъ; тотъ и другой превращаютъ свою повязку въ галстукъ, лишь только захотятъ ясно видѣть.

Одному парижскому журналисту, случилось бесѣдовать съ одной пожилой дамой, его пріятельницею, современницею мадамъ Жонны, женщиною необыкновеннаго ума, но безусловно погруженною въ свои идеи.

— Сударыня, спросилъ онъ, чему вы приписываете паденіе арфы?

— Ахъ! дитя мое, отвѣчала она, худощавыя женщины убили ее.

Собесѣдница имѣла, но давно уже, очень давно, большой успѣхъ въ свѣтъ.

— Какъ! возразилъ онъ, съ видомъ нѣкотораго сомнѣнія, вы думаете....

— Да такъ, отвѣчала она. Вы понимаете, прибавила она съ улыбкою, которую, казалось, вызвало воспоминаніе молодости, что за арфою женщина рисовалась; арфа дѣлала ее на нѣсколько мгновеній Коринною, музою; если артистка имѣла прекрасную руку, аристократическіе пальцы, миленькое личико, о, арфа была для нея торжествомъ, отъ котораго могли бы зачахнуть съ зависти всѣ дурныя и безобразныя.

— Такъ вы думаете, что худощавыя женщины....

— Дитя мое, повѣрь моей опытности, женщины худощавыя, видишь ли.... женщины худощавыя способны на все! Ты не можешь себя и представить, какія клеветы она распространяли на счетъ арфы. Онъ преувеличивали число лопнувшихъ струнъ, распространяли мысль, что упражненіе на этомъ несчастномъ инструментѣ портитъ талію, и потомъ, для довершенія удару, — и на этотъ разъ онъ былъ смертеленъ, — онъ принялись работать надъ фортепиано по осьми часовъ въ сутки. Хорошъ инструментъ ваше фортепиано, нечего сказать! продолжала она съ горечью; точно будто женщина сидитъ за прилавкомъ или за конторкой. Тутъ безнаказанно можно быть безобразной, имѣть ноги какъ у слона. Ужасъ!

— Ахъ! сказала она послѣ краткаго молчанія, чего же хотите вы

отъ арфы? Чтò могла она сдѣлать противъ осьми или десяти тысячъ худонавыхъ женщинъ, рзынвынхся погубить ее!

— Погибнуть! подхватилъ журналистъ трагическимъ голосомъ.

— Ну, она и погибла, или скорѣе удалась изъ своего отечества; она пала жертвою коварныхъ интригъ.

Непріятно видѣть себя въ необходимости дѣлать самому себя унижательныя признанія; потомъ слѣдуетъ глава о непредвидѣнныхъ случаяхъ; фортепіано должны были одержать верхъ, потому что вязальное ремесло, не смотря на безчисленные успѣхи, принесенные ему нынѣшней цивилизаціею, не достигло еще искусства снабжать руками и плечами изъ чистой шерсти, лучшаго достоинства, тѣхъ несчастныхъ, къ которымъ природа была такъ скупа. Арфа бѣжала изъ Франціи и скрылась въ Англіи.

Вотъ мнѣніе староверки о паденіи арфы. Это мнѣніе правдоподобно; но съ другой стороны можно полагать, что настоящая причина забвенія арфы заключается въ музыкѣ, написанной для этого инструмента.

Въ то время, когда фортепіано сдѣлалось любимымъ инструментомъ великихъ музыкантовъ, прославившихъ конецъ прошедшаго и начало нынѣшняго столѣтія, когда Моцартъ, Бетховенъ, Гуммель повѣряли ему свои чудныя вдохновенія, арфа находилась исключительно въ рукахъ передѣльвателей, да еще какихъ, Господи Боже мой! Что бы выдержать соперничество съ фортепіано, они усиливались перекладывать на арфу всѣ образцовыя произведенія великихъ композиторовъ.

Каждый инструментъ имѣетъ свой духъ, свои средства, свои особенныя эффеkты. Не возможно на арфѣ играть фортепіанную музыку, точно такъ же какъ на фортепіано нельзя играть музыку, написанную для скрипки.

СЕРВАНТЕСЪ, ДРАМАТИЧЕСКІЙ ПОЭТЪ. Не безъ восторгу произнесимъ мы имя Сервантеса, гениальнаго писателя, принадлежащаго не одному народу, не одной школѣ, не одному роду, но всѣмъ родамъ, всѣмъ школамъ, всѣмъ народамъ; потому что онъ поэтъ всего чловѣчества.

Мы вовсе не имѣемъ въ виду изобразить со- всевозможными подробностями эту великую литературную личность, не намѣрены зан-

маться подробнѣмъ разборомъ испанской комедіи именуемой «Донъ Кихотъ Ламанскій». То и другое уже слишкомъ извѣстно, и тому и другому отдава должная справедливость. Кто не знаетъ науку исторію и несчастья Сервантеса? Кому не извѣстны приключенія Рыцаря Печального Образа? Кто не повторитъ охотно мнѣсь съ Вальтеръ-Скоттомъ, что романъ безсмертнаго Сервантеса, есть образцовое произведеніе человеческого ума, неизгладимый барельефъ, въ которомъ развивается, какъ въ обширной панорамѣ, длинная цѣпь людей съ ихъ нравами, обычаями, наклонностями столь многообразными. Дѣйствительно, Донъ-Кихотъ гораздо выше романа, это сатира, комедія, эпопея. Испанія открыла въ этой книгѣ единородную, нравственность, красноречіе, которыхъ до того времени и не подозревала въ себѣ, и обязана этимъ одному только генію Сервантеса.

И такъ мы не хотимъ разсматривать этого великаго челоука съ различныхъ точекъ зрѣнія, а только показать его какъ драматическаго поэта.

Сервантесъ — онъ самъ это намъ рассказываетъ — написалъ до двадцати комедій, которыя были представлены на театрѣ при рукоплесканіяхъ публики безъ приношеній — таковъ былъ обычай того времени — безъ приношеній огурцовъ и другихъ подобныаъ тому продуктовъ. Изъ этихъ давно уже забытыхъ сочиненій, во послѣдствіи времени отысканныхъ, достойны вниманія: «Острога галоридъ невольниковъ въ Алжиръ», воспоминавія о собственной жизни Сервантеса и о его пльнѣ; «Морское сраженіе», въ прологѣ котораго онъ хвалится тѣмъ, что тремя днями ограничилъ представленія обыкновенно доходившія до пяти, и даже болѣе, потому что въ Испаніи, какъ и во Франціи употребляли восемь дней на представленіе одной пьесы, напримеръ: «la Maison des Jaloux», l'Entretien, «la Confesse», «la Jérusalem», «l'Unique et bizarre Arcinède», «l'Amazone», «le Bois d'Amour», «la grande Sultane», наконецъ «la Numancia», или Numance détruite.

Сверхъ-того Сервантесъ написалъ десять интермедій, исполнявшія огня и остроумія; въ одной изъ нихъ, какой-то gracioso (шутъ), желая склонить кади на милость, общается ему выучить слова говорить по-турецки, въ слѣдствіе чего началъ — сатира, бросающая камешекъ за Пиренеи — давать ему уроки бискайскаго языка, для того, говорилъ онъ, что тотъ языкъ всего болѣе имѣетъ

сходства съ пуританизмъ, а слѣды всего Божественнаго говорятъ испу-
щенія.

Въ Донъ-Кихотъ, Сервантесъ изложилъ правила для театральнаго искусства, а самъ никогда имъ не слѣдовалъ. Дѣйствительно онъ говорилъ, что его теорія согласовалась съ правилами искусства; но по несороченному вкусу публики, если бы онъ вздумалъ приложить ее къ практикѣ, то рисковалъ бы получить *множества*, о которыхъ мы упоминали. Вотъ что онъ заставляетъ говорить каноника въ главѣ XLVIII первой части «Донъ Кихота».

«Если эти модныя комедіи, какъ выдуманныя такъ и почерпнутыя изъ исторіи, болѣею частію чепуха, безъ смыслу и толку съ начала до конца, а не смотря на то, толпа охотно слушаетъ ихъ, румовещеть и, на перекоръ здравому разсудку, находятъ очень хорошиими; если авторы сочиняющіе и актеры разыгрывающіе ихъ, говорятъ, что они должны быть такъ написаны, потому что публика этого хочетъ, потому что тѣ, которые строго уважаютъ правила искусства и слѣдуютъ имъ, хороши только для какихъ-нибудь трехъ, четырехъ умныхъ людей, умвющихъ это достойно оцѣнить, тогда какъ всѣ остальные нисколько не понимаютъ ихъ достоинства, и что гораздо выгоднѣе зарабатывать кусокъ хлѣба вмѣстѣ съ толпою, чѣмъ заслуживать славу съ малымъ числомъ избранныхъ. Все это случится съ моею книгою, хоть бы я дыру себя во лбу выдолбилъ, чтобы поддержать правила: я бы столько же выигралъ какъ кастильскій портной, который шилъ на всѣхъ въ долъ и на своей подкладкѣ. Я старался нѣсколько разъ доказать писателямъ, что они ошибаются въ своихъ разсчетахъ, что они привлекутъ гораздо болѣе публики и приобретутъ болѣе славы, представляя правильныя комедіи, нежели безтолковыя сочиненія; но они такъ упрямы, такъ глубоко закоснѣли въ своихъ предразсудкахъ, что никакое убѣжденіе, никакая ясная причина не можетъ разувѣрить ихъ. Однажды мнѣ, я сказалъ одному изъ этихъ упрямовъ: не припомните ли вы, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, представляли въ Испаніи три трагедіи, сочиненныя знаменитѣйшимъ поэтомъ? Всѣ три трагедіи до-того удивили и привели въ восторгъ всѣхъ видѣвшихъ ихъ на сценѣ, и толпу и избранныхъ, что онѣ гораздо болѣе привнесли доходу актерамъ, нежели три десятка лучшихъ комедій, написанныхъ впоследствии?— «Безъ-сомнѣнія, отвѣчалъ писатель, о которомъ говорю, ваша милость намекаетъ на

Филиду и Александру?» — Точно, отвѣчалъ я, дѣло идетъ о книгѣ. Онѣ конечно написаны по правиламъ искусства. А посмотрите, потеряли ли они что-нибудь оттого? и не всамъ ли понравились, потому что авторъ слѣдовалъ правиламъ. Не публику должно винить въ томъ, что она требуетъ глупостей, а тѣхъ, кто не умѣетъ доставить ей ничего лучшаго. Ничего нѣтъ глупаго въ «Отмыщеннои неблагодарности Нумансін», «Влюбленномъ купцѣ», еще менѣе въ «Благосклонной пріятельницѣ» и наконецъ въ нѣкоторыхъ другихъ, написанныхъ даровитыми поэтами, съ пользою для ихъ славы и для кошелька актеровъ, игравшихъ эти сочиненія.

Кончилось тѣмъ, что Сервантесъ требовалъ цензуры, какъ средства для преобразованія театра въ наружномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Онъ самъ не былъ всегда вѣренъ своимъ правиламъ, и что ни говори, самъ же постоянно писалъ въ огромныхъ театральныхъ развратахъ, въ развратахъ романтическихъ.

Хотите знать, какое извиненіе нашелъ для Сервантеса одинъ изъ его соотечественниковъ, для объясненія различія, которое онъ ставилъ между практикою и теоріею своихъ театральныхъ сочиненій? Онъ говоритъ, что правила его были написаны для шутки, что онъ ихъ сочинилъ какъ «Донъ Кихота», для того только, чтобы осмѣять своихъ современниковъ. Это мнѣніе слишкомъ изысканно, чтобы быть справедливымъ, и кажется, Сервантесъ не нуждается въ томъ, чтобы заимствоваться умомъ отъ кого бы то не было.

Нумансін или «Осада Нумансін» главная театральная пьеса Сервантеса, болѣе другихъ дѣлавшая шуму въ Испаніи и чужихъ краяхъ.

Мы не войдемъ въ подробный разборъ этой пьесы; довольно сказать, что въ ней повсюду виднѣтъ человѣкъ, умвнннй владѣть мечемъ, восторжвнннй какъ проливается кровь, наслушавнннй бушеванннй пламени. Въ этой пьесѣ Сервантесъ доходитъ до высшей трагеднннй древнннхъ. Безъ желанннй, безъ уснннй, одною силою своего гелннй, стремнннй къ творчеству, онъ приближается къ античной простотѣ и величннй, и однимъ скачкомъ становится на вершнннй Парнаса, между Софокломъ и Эсхиломъ. Что можетъ быть прекраснннй этой нуманской женщнннй, которая влнннй за собою своего младенца, умирающаго отъ недостатка пищи? Что можетъ быть поразнннй, отчаянннхъ криковъ младенца: «Матушка! матушка! встѣ хочу». Это вонннй изъ башннй Уголно, но еще страннннй, еще ужаснннй; потому

что этотъ вопль вырывается изъ нѣдръ цѣлаго города, потому что голюдь терзаетъ цѣлое народонаселеніе.

Легко понять, что эта пьеса Сервантеса должна быть, и дѣйствительно была принята съ восторгомъ на всемъ полуостровѣ, вездѣ, гдѣ только представляли ее. Когда она появилась, Испанія была еще упоена славою побѣды Карла-Пятаго. Слѣды этого могущественнаго монарха, такъ долго потрясавшаго міръ, раздавались еще въ ушахъ Испанцевъ звучною торжественностью побѣды. Представьте себѣ подавленныхъ Филиппа, гордыхъ сознаніемъ національнаго превосходства, внимающихъ словамъ, которыя льстятъ самымъ задушевнымъ страстямъ ихъ, и тогда поймете восторгъ, возбужденный этой трагедіей.

Не смотря на это, сочиненіе Сервантеса не безъ недостатковъ. «Нумансія», чрезвычайно запутанная драма, драма съ несвязанными явленіями. Одно слѣдуетъ за другимъ безъ всякаго порядку и правильности, тѣмъ болѣе непонятныхъ, что Сервантесъ, какъ мы уже сказали, стоялъ за классицизмъ и самъ предлагалъ учредить цензуру, которой обязанность состояла бы въ томъ, чтобы наблюдать за соблюденіемъ на театрѣ трехъ единствъ Аристотеля.

Всего болѣе Сервантесу нравилось, въ отношеніи театра, то, что онъ могъ не ограничиваться никакими предѣлами въ самобытности своей мысли. Сцена для него была странно очарованія; онъ могъ свободно распоряжаться облаками, морями, горами, и хвалиться тѣмъ, что первый представилъ, съ помощію дѣйствующихъ лицъ, всѣ мечты воображенія и сокровеннѣйшія мысли души. По несчастію, говорилъ онъ, я долженъ былъ заняться другими дѣлами; я оставилъ перо и комедіи, а въ это время появилось дивное явленіе, *чудо природы*, Лопесь-де-Вега, который сдѣлался царемъ комедіи — *que alzose con la monarquía comica* — подчиняя и покоряя своему владычеству всѣхъ, кто писалъ фарсы. Онъ наполнилъ міръ комедіями, *достойными, прекрасными, хорошо направленными*, и въ такомъ огромномъ количествѣ, что онъ не помѣстился бы на десяти тысячахъ страницъ; и чудное дѣло, онъ самъ видѣлъ представленіе всѣхъ своихъ комедій, или по-крайней-мѣрѣ, его увѣрили, что онъ всѣ были представлены.

Но зачѣмъ же Сервантесъ оставилъ театръ, если имѣлъ на немъ успѣхъ? А за тѣмъ, что это былъ самый неблагодарный родъ литературы. Актеры, особенно въ Испаніи, были самые плохіе платильщики. Наскучивъ этимъ, Сервантесъ бросилъ комическую иронию и тра-

гическое деро. Въ то время въ Севильѣ гетемиды великая Арама, тотъ чудовищный флотъ, который долженъ былъ, еслибы буря не разсвела его, разрушить могущество Англій на морѣ. Сервантесъ удакъ въ Андалузю и получилъ мѣсто провантскаго чиновника при флотѣ, или нотариуса, или что-то въ этомъ родѣ. И когда, послѣ тринадцати-лѣтняго отсутствія онъ возвратился къ двору, то увидѣлъ, что былъ почти совсѣмъ забытъ. Онъ снова хотѣлъ имѣть для театра, но не могъ, по невозможности, какъ самъ говоритъ, заставить играть новыя и старыя свои сочиненія. Въ этихъ обстоятельствахъ, онъ рѣшился напечатать ихъ, и по этому случаю обратился къ Вильяролю, самому известному мадритскому книгопродавцу, который отвѣчалъ ему точно такъ, какъ отвѣчалъ бы книгопродавецъ нашего времени: «Одинъ знаменитый писатель, съ которымъ я совѣтовался, сказалъ мнѣ, что можно ожидать много отъ вашей прозы, но отъ вашихъ стиховъ, ничего». Въ отмщеніе, Сервантесъ посвятилъ этому открыту нѣсколько насмѣшливыхъ страницъ въ своемъ «Путешествіи на Нарнасъ», написанномъ въ подражаніе Цезарю Капорали, Перузскому. Вильяроль однако былъ не злопамятенъ, и въ 1615 году, за годъ до смерти Сервантеса, напечаталъ восемь его комедій, столько же интермедій, съ посвященіемъ графу Лемосу. Если станемъ разсматривать весь этотъ репертуаръ въ целомъ, то найдемъ, не смотря на Бутервека и Сисмонди, которые считаютъ его очень дурнымъ, много увлекательности, много силы и ума; мы разокажемъ только нѣсколько мѣстъ изъ entremésida — забавная комедія — и это дастъ нѣкоторое понятіе объ ней.

У дона Антоніо д'Альмандаресъ, богатаго дворянина, есть сестра Марселла, которую любитъ студентъ, по имени Карденіо. Карденіо не знаетъ, какъ сблизиться съ своей красавицею и на ней обвѣнчаться, тѣмъ болѣе, что кузень Марсаллы, человекъ очень богатый, скоро возвратится изъ Америки, чтобы жениться на ней. Здѣсь, какъ видите, еще не дяди, ввѣчно возвращающіеся изъ Америки, какъ въ комедіяхъ Пикара, но двоюродные братцы. Къ счастью Карденіо, коноухъ Марсаллы, котораго онъ успѣлъ подкупить, подарилъ ему зяку, и обвѣщавъ сблать новый кафтанъ, даетъ ему совѣтъ, выдать себя за дона Сильвестра д'Альмандаресъ. Студентъ сперва представляеть затрудненія. Онъ боится, если хитрость его откроется, подвергнуться строгому наказанію, а слуга его Торрантъ дрожить при мысли о вѣст-

лица; но Мунозъ заверяетъ, что дастъ имъ такія подробныя свѣдѣнія о донъ Сальвестрѣ д'Альмандарасѣ и его семействѣ, что уже очень легко будетъ разыграть его роль. Тогда студентъ и его слуга рѣшаются попробовать счастья. Они уходятъ, чтобы переизменить костюмъ и заставить — такъ какъ кузень очень богатъ — деньгами, драгоценностями, говорящими попугаями; — признано, что они непременно должны быть вывезены изъ Америки, и тогда не было корабля, который не привозилъ бы подобныхъ вещей: — но какъ у студента не было ни гроша, по обычаю всѣхъ студентовъ, по-крайней-мѣрѣ испанскихъ, то слуга долженъ былъ сочинить еще сказку. Онъ являлся на сцену въ одеждѣ пилигрима, въ самомъ жалкомъ состояніи, въ сопровожденіи брата Марселлы, со всѣми признаками страшнаго отчаянія. — Да, сеньоръ, вотъ что съ нами случилось, сеньоръ донъ Сальвестръ д'Альмандарасъ, вашъ двоюродный братъ, былъ застигнутъ на морѣ бурей, также какъ и я, его нижайшій слуга; буря была такая ужасная, что надо было облегчить корабль и бросить въ море, проглотившее все какъ пару яицъ, все, что заключалось въ его толстомъ брюхѣ; а между этими вещами, увы! находилось четырнадцать тысячъ слитковъ золота, принадлежавшихъ моему господину; это облегчило корабль, но не усмирило бури. Наконецъ, не знаю какъ и куда мы причалили къ берегу, полунагіе и лишенные всего; мы не спасли ничего изъ своего богатства, не спасли даже попугая, это необыкновенное чудо, обладавшаго такимъ редкимъ и великимъ искусствомъ; ему недоставало только одного: умѣнья говорить.

— Что ты рассказываешь, прерываетъ Антоніо, попугаи, которые не умѣютъ говорить, не дорого стоятъ.

— Точно такъ, сеньоръ, но нашъ попугай говорилъ знаками все, что только ему вздумается. Кроме-того, погибло у насъ множество драгоценныхъ вещей; напримѣръ, жемчугъ величиною въ грецкій орѣхъ и бѣлый какъ только что выпавшій снѣгъ. У насъ были еще изумруды величиною съ гору или съ бочку самаго огромнаго размѣра; два мѣшка съ брилліантами, анисъ и кошениль.

— А въ какомъ мѣстѣ случилось это кораблекрушеніе?

— Не знаю сеньоръ; я въ то время спалъ и не могъ рассмотреть мѣстоположенія. Не удивляйтесь этому, страхъ часто производитъ подобное дѣйствіе. Когда мы вышли на землю, господа мой не захотѣлъ ничего принять изъ всего предлагаемаго, кромѣ сагаона соб-

ходящаго числа денегъ; но онъ плохо разсѣлъ, потому, что мы были сюда безъ копѣйки».

Антоніо д'Альмандаресъ говорить, что все исправить, и что не стоить труда объ этомъ заботиться, потому что весь его домъ къ ихъ услугамъ. Вскорѣ приходитъ Карденіо и подтверждаетъ хитросплетенную ложь своего слуги. Обманутый Антоніо принимаетъ его за настоящаго двоюроднаго брата, обнимаетъ, даетъ въ честь его праздникъ и уводитъ въ домъ. Тогда Торрантъ обращается къ Мунозу, давшему имъ совѣтъ перерядиться, и говорить ему: «О чемъ ты думаешь, Мунозъ»? — Я думаю о томъ, что все правда ли, что ты сказалъ. — «Какъ! правда, возражаетъ Торрантъ; такъ, по этимъ извѣстіямъ, кантанъ, тебѣ обѣщанный, утонулъ вмѣстѣ съ портнымъ».

Таковъ первый день; живой, веселый, одушевленный разсказъ, остроумная шутка, удивительно похожая на старинный французскій театръ, такой щедрый на переодѣванія и палочные удары. Второй день продолжаетъ передавать намъ эти комическія сцены, исполненыя наивности и простодушія.

При поднятїи завѣса, дѣйствіе начинается представленіемъ Карденіо Марселлы, которая, никогда не выдавъ его прежде, обманута, также какъ и ея братъ, хитростью студента. Карденіо, увлеченный восторгомъ, восклицаетъ: «Нѣтъ, сеньора, буря не разсыяла нашъ флотъ; нѣтъ, сеньора, жестокое и бурное море не довершило нашего несчастія; нашъ корабль не разверзся отъ носа до кормы, потому что я достигъ такой пристани, такого берегу; волны не поглотили моихъ сокровищъ, потому что теперь я богаче, нежели былъ когда-нибудь, получая отъ васъ такое великое благо; — потому что, сравнякъ, брошенный сюда случаемъ, я преклоняюсь передъ вашею особой».

Въ это время, какъ въ пьесахъ Мольера, Торрантъ, слуга Карденіо, по своему волочится за Христинной, служанкою Марселлы. Это волокитство, которому помѣхою другой слуга, по имени Окапа, представляетъ не менѣе забавныя сцены. Интрига запутывается еще на другомъ обстоятельстве: Антоніо д'Альмандаресъ, братъ Марселлы, влюбленъ въ женщину, которая носить одинаковое имя съ его сестрою. Настоящая Марселла, услыжавъ, что братъ называетъ ее по имени, со вздохами и слезами, думаетъ, что онъ горитъ къ ней преступною любовью, и всеми силами старается избѣгать его. Тутъ есть еще какой-то Амброзіо, влюбленный въ третью

Марселлу, а первая воображаетъ, что и онъ также влюбленъ въ нее. Отъ этой тройкой любви, происходятъ преуморительныя недоразумѣнія, за что комедія заслужила названіе *забавной* — *entretenida*.

Наконецъ въ третьемъ дѣйствіи возвращается изъ Америки настоящій донъ Сильвестръ д'Альмандаресъ; на шеѣ у него толстая золотая цѣпь; онъ покрытъ брилліантами; слуга, сопровождающій его, въ такомъ же богатомъ нарядѣ. На золотой цѣпи у него виситъ портретъ его кузины, и донъ Сильвестръ, смотря на него, говоритъ, что если портретъ жжетъ, то оригиналъ можетъ искать себѣ другаго мужа. Слуга его очень советуетъ ему это сдѣлать, тѣмъ болѣе, что если можно было разрубить Гордіевъ узелъ, то ничто не можетъ разорвать брачнаго союза. Въ это мгновеніе Марселла выходитъ съ своими людьми, которые несутъ впереди бархатную подушку. Она отправляется къ обѣднѣ. Донъ Сильвестръ, узнавъ ее по сходству съ портретомъ, останавливаетъ Муноза и спрашиваетъ его, не это ли Марселла д'Альмандаресъ. Тотъ отвѣчаетъ утвердительно и сообщаетъ дону Сильвестру д'Альмандаресъ о скоромъ бракосочетаніи Марселлы со вторымъ Сильвестромъ д'Альмандаресъ или Карденіо, отдыхающимъ послѣ кораблекрушенія. Вы поймете удивленіе настоящаго Сильвестра, вытѣсненнаго новымъ Созіемъ. Онъ требуетъ поясненій, подробностей. «Клянусь честию! отвѣчаетъ Мунозъ, вотъ кто можетъ вамъ все объяснить, потому что это его слуга; онъ былъ при этомъ кораблекрушеніи». Приближается Торрантъ. Настоящій Сильвестръ спрашиваетъ у него, справедливо ли рассказываютъ, что онъ и господинъ его испытали такую страшную бурю. «Точно, отвѣчаетъ Торрантъ, и дуракъ тотъ, кто можетъ оставаться на землѣ, а пускается на водяной лошади.» — Но, отвѣчаетъ донъ Сильвестръ, въ какомъ же мѣстѣ случилась эта буря? Не при Бермудскихъ ли островахъ? — «Сеньоръ, отвѣчаетъ Торрантъ, непонимающій что такое Бермудскіе острова, мы вѣхали очень покойно, когда, подъѣхавъ къ гостинницѣ, увидѣли запертую дверь.» — Но, говоритъ донъ Сильвестръ, вы подвергались опасности въ Багамскомъ каналѣ? — «Я, сеньоръ, не знаю другаго кромѣ того, посредствомъ котораго Бахусъ вливаетъ въ меня свой сладостный напитокъ.» — На какой же берегъ вы вышли? — «Мы вышли на землю, сеньоръ.» — Но на какуюже землю? — «Да на ту, гдѣ мы вышли, и прочая. Видя, что нѣтъ возможности узнать что-нибудь отъ слуги, донъ Сильвестръ рѣшается ждать прихода его господина. Наконецъ Карденіо

приходить, и настоящій донъ Сильвестръ, обращаясь къ нему, говоритъ, что онъ олуга его брата и пришлеть ему отъ него десять тысячъ пиастровъ, да три тысячи отъ его матери.

Тогда Торрантъ восклицаетъ: Вотъ это не дурно, потому что наши пиастры погибли, у одного меня погибло четырнадцать тысячъ. — Донъ Сильвестръ прибавляетъ: «Отецъ вашъ несылаетъ вамъ также портретъ вашей кузины.

Торрантъ. У насъ былъ уже такой, но море, вместо того, чтобы укрѣпиться отъ прикосновенія къ нему, поглотило его.

Донъ-Сильвестръ. Ваша милость живетъ другаго брата? Карденіо. Да, сеньоръ.

Мунозъ. (Тихо). Нѣтъ, нѣтъ! о, эта ошибка насъ погубитъ.

Донъ-Сильвестръ. Его зовутъ.....

Торрантъ. Донъ-Жуаномъ.

Донъ-Сильвестръ. А сколько ему лѣтъ?

Торрантъ. Столько, сколько онъ зачечетъ.

Донъ-Сильвестръ. Не въ томъ дѣло, чтобы ея ели ели лодь, надо умѣть и поддержать ее. Я настоящій донъ Сильвестръ д'Альмайдаресъ.

Торрантъ. Ахъ я несчастный; три дня бѣгалъ галоръ и кнута, хранявъ упорное молчаніе; сегодня же болтливость сгубила меня.»

Вскорѣ Карденіо признается въ своей хитрости; оправдываетъ вину любовью и пѣса кончается, но безъ свадьбы; что большая рѣдкость въ Испаніи, какъ и во Франціи.

Вотъ очеркъ очень грубый, очень краткій, этой прелестной комедіи Сервантеса, гдѣ интрига нѣсколько замутана; но въ ней много ума, много остроумія въ подробностяхъ. Это все тотъ же творческій умъ, царствующій въ Донъ-Кихотъ и въ *Novelas ejemplares*. Торрантъ, рассказывая исторію, отъ которой такъ и пахнетъ галоромъ, дерзокъ какъ Фигаро и хитеръ какъ Сканепъ.

Таковы театральныя сочиненія Сервантеса. Онъ не рисуетъ, какъ Мольеръ, выюкіе характеры; онъ только начинаетъ, онъ еще грозитъ пороку, но уже нападаетъ на омынное. Кроме того, замѣтимъ еще, какое различіе существуетъ между театральными сочиненіями Сервантеса и его романами. На сценѣ, авторъ «Донъ-Кихота» не подражаетъ мечтаніямъ Аріоста; онъ смотритъ на вещи болѣе справедливымъ взглядомъ. Онъ идетъ по настоящему пути и его «Счастье»

ный гудяка», «Два Болтуна» и некоторыя другія очаровательными цески, заставляють отъ души хохотать. Въ этомъ отношеніи, по сержкамъ людской комедіи, начертаннымъ безпристрастною и мощною рукою, Серватчесь, какъ писатель, принадлежитъ не одной Испаніи, но всемірній геціи, о которомъ можно сказать, что для него нтъ ничего недоступнаго; однимъ словомъ писатель, который, такъ же какъ Мольеръ, принадлежитъ цѣлому свѣту.

КАВРИОЛЕТЪ ПАГАНИНИ. Многие писатели въ статьяхъ своихъ о Паганини утверждали, что великій артистъ получалъ блестящее воспитаніе, что онъ съ удивительною легкостью говорилъ и писалъ на всѣхъ живыхъ языкахъ; но это несправедливо; Паганини не писалъ и не говорилъ ни на какомъ языкъ, кромъ италіянскаго. Въ послѣдніе годы, проведенныя имъ въ Парижѣ, онъ, связывая кое-какъ французскія слова, добился до того, что его могли понимать. Онъ никогда не могъ принудить себя къ дальнимъ занятіямъ и что страшно, чинить его, превосходно удерживавшая мотивы и музыкальныя фразы, самыя многосложныя и запутанныя, никогда не могла удержатъ самыхъ мелкихъ словъ изъ чужаго языка. Въ иностранныхъ земляхъ, особливо въ Германіи, Паганини слылъ за величайшаго скупца; уверяли, что знаменитый скрипачъ притворялся, будто не понимаетъ нѣмецкаго языка, чтобы избавиться отъ докучливыхъ слугъ, которые всегда осаждали его прежде и послѣ концертовъ, требуя у него денегъ.

Онъ предпочтительно искалъ знакомства людей, говорящихъ по-италіянски, и когда удавалось ему встрѣчать людей, которые безъ всякаго расчета восхваляли его, онъ предавался иногда самой беззаботной веселости; слова его лились потокомъ. Онъ былъ счастливъ, что могъ болтать, и безъ умолку, съ громкимъ смѣхомъ, рассказывалъ различныя забавныя приключенія. Вотъ известный анекдотъ, который въ устахъ Паганини имѣлъ особенный отпечатокъ :

— Случилось мнѣ однажды вечеромъ идти по улицамъ Вьенны, говорилъ онъ, когда раскаты грома раздавались по небу, а дождь былъ въ окна; я шелъ медленно, безъ цѣли, глаза на проходящихъ, когда дождь и буря застигли меня въ предмѣстіи; я былъ одинъ, что рѣдко случалось со мною. Чтобъ возвратиться домой, надобно было одѣвать по-крайней-мѣрѣ пальто; оставалось одно средство, — нанять одного

изъ встрѣчавшихся извозчиковъ; они, не понимая языка, на которомъ я говорилъ, продолжали путь свой и не отворяли мнѣ дверецъ своихъ экипажей; четвертый уже провзжалъ; дождь лилъ ливнемъ, время было ужасное. На этотъ разъ кучеръ понялъ меня; онъ былъ италианецъ, настоящій италианецъ. Садясь въ кабриолетъ, я хотѣлъ стоговаться съ нимъ и спросилъ:

— Сколько ты возьмешь, чтобъ довести меня до дому?

— Пять флориновъ, отвѣчалъ онъ, цѣну билета въ концертъ Паганини.

— Бездальникъ, отвѣчалъ я, какъ ты смѣешь требовать пять флориновъ за такое близкое разстояніе? Паганини играетъ на одной струнѣ, а ты развѣ можешь заставить свой кабриолетъ взать на одномъ колесѣ?

— Э! сударь, играть на одной струнѣ совсѣмъ не такъ трудно, какъ думаютъ; я самъ музыкантъ, и сегодня удвоилъ цѣну за вѣду, чтобы послушать этого господина Паганини.

Я не торговался болѣе; кучеръ везъ меня добросовѣстно, болѣе получаса шелъ я до предмѣстия, онъ привезъ меня къ подъезду моей гостиницы, менѣе нежели въ десять минутъ. Я вынулъ пять флориновъ изъ кошелька, и билетъ изъ бумажника.

— Возьми, вотъ деньги, которые ты требовалъ отъ меня, сказалъ я извозчику, и билетъ въ концертъ этого господина Паганини, который онъ дастъ завтра въ филармонической залѣ.

На другой день, въ восемь часовъ вечера, толпа тѣснилась у дверей залы, гдѣ я долженъ былъ играть. Я только что вошелъ, какъ вдругъ полицейскій обратился ко мнѣ съ словами: «У входа стоитъ человекъ, въ довольно грязномъ кафтанѣ, и хочетъ войти насильно.» Я последовалъ за полицейскимъ; это былъ вчерашній извозчикъ, который, пользуясь даннымъ мною правомъ, непременно хотѣлъ войти съ своимъ билетомъ, и кричалъ, что ему не могутъ отказать входа въ концертъ. Я далъ позволеніе и, не смотря на его кафтанъ, невычищенные сапоги, впустилъ своего пріятеля, думая что въ толпѣ его не замѣтятъ. Къ великому моему удивленію, только что я вышелъ на эстраду, передо мною явился мой извозчикъ, производившій разительное впечатлѣніе контрастомъ своей одежды и наружности съ прелестными личиками и великолѣпными нарядами дамъ, сидѣвшихъ въ переднихъ рядахъ.

Каждой піесѣ, игранный мною, анлодировали съ увлеченіемъ, я имѣлъ огромный успѣхъ, но мужикъ въ кафтанѣ имѣлъ не менѣе моего успѣха. Онъ рукоплескалъ безъ милосердія и кричалъ изо всѣхъ силъ, въ серединѣ піесы, когда все безмолствовало. Его жесты и рукоплесканія, походившія на сумасшествіе, обратили на себя такое же вниманіе, какъ и странный нарядъ его. Вечеръ кончился, и, слава Богу, безъ всякаго происшествія. На другой день, лишь только я проснулся, мнѣ доложили, что какой-то человекъ, не желавшій назвать себя, хочетъ говорить со мною; а какъ я не спынилъ отвѣтомъ, то тотъ самый человекъ, который возбуждалъ вчера столько веселости въ моемъ концертѣ, изволилъ явиться предо мною. Первое движеніе мое было приказать его вытолкать; но у него былъ такой смиренный видъ, что я не имѣлъ духу на это рѣшиться.

— Diavolo! Чего ты хочешь?

— Сіятельныйшій, отвѣчалъ онъ; я пришелъ просить у васъ милости; у меня четверо дѣтей, я бѣденъ, я вашъ соотечественникъ. Вы богаты, знамениты, и если захотите, можете обогатить меня.

— А какимъ образомъ?

— А вотъ какъ: позвольте мнѣ сзади своего кабриолета написать большими буквами только два слова: *Кабриолетъ Паганини*.

САЛОМОНЪ ГЕСНЕРЪ. Въ жизни каждого человека бываютъ черныя дни, тяготящіе надъ нимъ какъ небо, исполненное дождевыхъ испареній, тяготящее надъ раскаленною природою. Въ эти грустные дни, мысль не стремится гордо и торжественно въ цвѣтуція поля будущаго, но мучительно обращается къ прошедшему и у дѣтства своего выманиваетъ чистыя воспоминанія. Въ эти то тяжелыя минуты нужна и мать и родительскій кровъ, гдѣ было такъ уютно, и сирень, наполнявшая весеннимъ благоуханіемъ наши молодыя мечты, и въ особенности книга, читанная въ кругу семейства, въ длинные, земные вечера. О! сколько очарованій соединено съ этой книгою! Помните ли, какія чистосердечныя слезы проливали вы, когда драма омрачалась и когда головы ваши склонялись какъ молодыя лиліи, съ которыхъ падаетъ роса! И сколькихъ уже нѣтъ изъ тѣхъ, которые, такіе же невинные какъ и вы, внимали трогательнымъ рассказамъ; одни увлечены смертію, другіе порокомъ! Взгляните, какъ ряды ихъ уменьшились; посмотрите, посмотрите какъ головки дѣтей по-

блески водъ изсушающаго вѣтра страстей. Саломонъ Гесмеръ, цѣломудреннѣйшій писатель, котораго читалъ намъ отецъ нашъ, ты знаешь, какія сладкія и печальныя слезы проливалъ я, когда отыскалъ тебя на полкахъ съ книгами, какъ друга давно забытаго, протиравшаго намъ руку въ ту минуту, когда сердце наше беззвучно сжимается.

Позвольте же мнѣ рассказать вамъ жизнь моего стараго поэта. Его простое и скромное существованіе сдѣлаетъ лучшими и васъ и меня.

Саломонъ Гесмеръ родился въ Цюрихѣ въ 1730 году. Биографы говорятъ, что его семейство славилось ученостью, и бѣдный Саломонъ приводилъ въ отчаяніе отца неспособностью выучиться чему-нибудь. Нѣкто Бодмеръ, тогда извѣстный профессоръ, занимался имъ некоторое время для того, чтобы погрузить его въ море науки, но другу нашему Саломону не очень нравилось это купанье, и онъ отыскалъ на ерундовыхъ деревьяхъ скуку, которую заставлялъ его испытывать старый профессоръ. Бодмеръ отослалъ его къ отцу, съ грозными предсказаніями. Рѣзвый ученикъ весело возвращался въ родительскій домъ; старый родственникъ, пасторъ въ окрестностяхъ Цюриха, замѣтивъ живую физиономію рѣзваго Саломона, общался укротить маленькаго дива. Онъ началъ тѣмъ, что позволилъ своему воспитаннику таскаться, куда и сколько душѣ его угодно; и когда ребенокъ, уставши прыгать по полямъ, прибѣгалъ какъ молодой утомленный олень отдохнуть подъ тѣнь старыхъ дубовъ, онъ всегда дѣлалъ такіе наивные вопросы, которые невольно заставляли старика улыбаться. Тогда только начинался урокъ. Этою умною снисходительностью, старый священникъ возбуждалъ любознательность своего ученика, и мало-по-малу приготавлилъ въ немъ поэта, съ которымъ скоро позваніемъ.

Въ одно утро Гесмеръ, проснувшись вспомнилъ, что наканунѣ ему приказано избрать какое-нибудь званіе. Бѣдный ребенокъ желалъ бы всю жизнь провести подлѣ своего стараго дяди, да наблюдая облака встрѣчающіяся на небѣ; но увы! отецъ очень положительно сказалъ ему, что въ этомъ мірѣ непременно надобно что-нибудь дѣлать, и Саломонъ рѣшился быть книгопродавцемъ.

Когда Саломонъ увидалъ себя среди печальной конторы, окруженный реотрама, на которыхъ приходъ и расходъ простиралъ свои темныя черныя руки, онъ сталъ горько сожалѣть о голубомъ небѣ,

въ которомъ съ пѣніемъ летали жавронки, въ тотъ часъ, когда жвены весело начинаютъ свой день. Но поэзія скоро улыбнулась ему сквозь слезы, и Саломонъ, отерши глаза, какъ избалованное дитя, которому дали для утѣшенія игрушку, написалъ самую прелестную изъ эклогъ своихъ, «Аглая и Милонъ». Къ чему говорить вамъ о содержаніи этого мильскаго разсказа, отличающагося только уточненною нѣжностью, нисколько не похожею на приторныхъ пастушковъ Флоріана. Видите ли, Аглая и Милонъ двое дѣтей, которыхъ сердца открываются для любви какъ цвѣты для весны. Надобно видѣть ихъ въ маленькой поэмѣ Геснера, сладко ублаживаемыхъ какъ двѣ юныя розы, ласкаемыя свѣжимъ вечернимъ вѣтеркомъ. Они увидали на лугу двухъ цѣлующихся горлицъ, уванившихъ въ высокую траву. Милонъ прижимаетъ къ трепещущей груди свою возлюбленную.

Нѣтъ, не могу передать вамъ съ какимъ чистосердечіемъ, съ какимъ дѣвственнымъ цѣломудріемъ и невыразимою прелестію все это разсказано; тутъ есть поэзія и настоящая поэзія, которой не вредитъ воспоминаніе о Теокрытѣ и Виргиліи. Повторяю, это не холодная, выскопарная идиллія кавалера Флоріана, нѣтъ, это сладкая, тихая мелодія, отъ которой наворачиваются слезы на глазахъ.

Свѣшимъ передать вамъ все, что знаемъ хорошаго о бѣдномъ Саломонѣ, и должны будемъ сей-часъ разсказать вамъ о немъ очень много дурнаго. Что Геснеръ не былъ поэтомъ, это совершенная истина, онъ былъ одаренъ только нѣжною душою, которой чувствительность слишкомъ рано развилась уроками стараго дяди. Вѣроятно онъ не былъ счастливъ, когда писалъ свои прелестныя идилліи, потому что онъ запечатлѣнъ тихою грустью, что придаетъ имъ еще болѣе прелести въ глазахъ читателя. Геснеръ любилъ и понималъ природу; онъ писалъ довольно граціозныя картины, но въ нихъ недостаетъ красокъ и разнообразія; онъ смотрѣлъ на природу не какъ художникъ; онъ зналъ только натуру юношей и влюбленныхъ, и воспоминаніе о ней тревожило его, когда изъ глубины своей цюрихской конторы, онъ, вздыхая, писалъ на фактурныхъ листахъ свою поэтическую прозу. Великая природа приподняла для него только маленькій уголокъ своего покрывала; она не показала ему своихъ безплодныхъ пустынь, безднъ, водопадовъ, горъ съ обнаженными ве-

чиннами, на которыхъ шумитъ буря, ни могучихъ дубовъ, которые, вырываясь съ корнями, съ трескомъ ломаются. Однимъ словомъ, Геснеръ никогда не могъ подняться выше полета бабочки, и когда ему хочется произвести шумъ бури, мы чувствуемъ тихое паденіе дождя съ розовыхъ листьевъ. Однако посмотрите какъ онъ волнуется въ своей маленькой сѣрѣ; у него нѣтъ раздражающихъ воплей Андрея Шеніе, ни нежныхъ очерковъ, такъ часто встречаемыхъ у Виргилія:

.... Ah! te ne frigora laedent.

Ah! tibi ne teneras glacies seret aspere plantas!

Онъ не въ такой степени художникъ, чтобы разстроиваться до слезъ, но онъ улыбается такъ мило, что всегда приятно видѣть его улыбку. Среди печальной рабочей, онъ не переставалъ вспоминать луга, гдѣ прыгаютъ безъ принужденія; онъ писалъ стихи природѣ, какъ любовникъ пишетъ стихи своей возлюбленной.

Геснеръ вообразилъ себя великимъ поэтомъ, когда его сочиненія были такъ хорошо приняты и переведены на многіе иностранные языки. Онъ тоже хотѣлъ создать свое *opere monumentum* и съ жаромъ принялся за работу. Не поставимъ ему этого въ вину; вѣдь это единственная глупость, сдѣланная имъ въ продолженіе долгой жизни, и онъ съ такимъ простодушіемъ совершилъ ее! Про кого можно это сказать въ наши времена?

Послѣ первой неудачной поэмы онъ запутался въ лабиринтъ поэмъ, изъ которыхъ напечаталъ только «Перваго мореплавателя», давно уже преданнаго забвенію. Тогда ему пришла самая странная мысль, какая только можетъ придти въ голову человѣку; онъ задумалъ писать пастушескія драмы. И дѣйствительно написалъ «Евандра и Альсима», драму въ трехъ дѣйствіяхъ и «Эраста», легкое небольшое сочиненіе въ одіомъ дѣйствіи, изъ котораго Мармонтель передѣлалъ оперу «Сильвена», которую только музыка Гретри дѣлала сносною. Мы попали изъ Хариды въ Сицилу. Геллертъ заимствовалъ изъ «Зрителя», Аддиссона, прелестную повесть «Джемсъ и Ярико». Джемсъ Англичанинъ, родился купцомъ, какъ рождаются поэтами. У него только одна мысль — разбогатѣть, одна любовь — къ золоту. Онъ узналъ, что самое скорое средство достигнуть этой цели, отправиться въ Индію, и исполненный надеждъ, сѣлъ на корабль. Но увы! всего нельзя предвидѣть: несчастный Джемсъ не думалъ, что корабль, на кото-

ромъ пылъ онъ, разобьется у берега Гвинеи, и что онъ, принужденъ будетъ спасаться впасть и блуждать по лѣсамъ, преслѣдуемый тигромъ. Но вотъ онъ встрѣтилъ молодую дѣвушку, которая сначала накорѣила, а потомъ полюбила его. Джокль менѣе всего способенъ былъ любить; онъ скоро сталъ скучать объ Англіи, и Ярико пожертвовала изъ любви къ нему своими неизгъримыми лѣсами, гдѣ предусмотрительная природа снабдила деревья пищею для людей; она садится на корабль съ Джоклемъ, и... и злодѣй продаетъ ее, чтобы заплатить за свой перевозъ.

Эта прелестная идиллія разсказана съ простодушною и трогательною грустью, свойственною Геснеру. Но развязка не понравилась автору, онъ выдумалъ и прибавилъ очень неудачное продолженіе къ Джоклю и Ярико.

Геснеръ проводилъ тихую и спокойную жизнь среди своего семейства, которое любилъ и которое его обожало, это цюрихскій старѣйшина, слава своей родины: отцы съ гордостью указывали на него своимъ дѣтямъ, и все выставляли за образецъ эту благородную и простую натуру. Когда дѣти не висѣли у него на шее, онъ занимался своею поэтическою прозою или повѣрялъ реестры типографіи, и природу, о которой такъ часто говорилъ намъ, видѣлъ только изъ маленькаго уголка своего окна.

Въ одно осеннее утро, не въ такое утро, когда природа освѣщается великолѣпнымъ восхожденіемъ солнца, но исполненное тихой грусти, солнце появилось сквозь легкій туманъ, которымъ природа прикрывается какъ хорошенькая женщина, выходя изъ ванны закутывается въ прозрачный газъ, не только не скрывающій граціозныя формы, но придающій имъ очарованіе, въ воздухъ разливалось благоуханіе освѣжающихъ испареній. Но пускай говоритъ самъ Геснеръ: «Солнце сіяло сквозь зеленыя виноградныя вѣтви, позлащенныя пурпуромъ лучей его, эти вѣтви образовали надъ окномъ бесѣдку, слегка колеблемую дуновеніемъ утренняго вѣтра, небо было ясно; цѣлое море тумана покрывало долину; самыя высокіе холмы, съ своими дымящимися хижинами и пестрымъ убранствомъ осени, точно острова возвышались изъ глубины этого моря, освѣщаемаго солнцемъ; деревья, обремененныя созрѣвшими плодами, представляли взорамъ тысячи отбѣнковъ желтаго и пурпураваго цвѣту, перемежающихся съ зеленою.»

Тогда возмущенный восторга Геснеръ воспѣваетъ сладость жи-
зни, красоту деревни и добродѣтель, золотую чашу, заключающую въ
себя блаженство. Жена его, которую поэтъ изобразилъ подъ ви-
домъ прекрасной Даны, вскорѣ приходитъ съ двумя дѣтьми на
рукахъ, прекраснымъ какъ любовь, дарованная имъ жизнь, и доб-
рый Геснеръ прижимаетъ всѣхъ трехъ къ груди, проливая слезы уми-
ленія.

Прежде окончанія этого очерка, гдѣ сказано слишкомъ много
дурнаго о нѣкогда любимомъ писателѣ, да будетъ намъ позволено
сказать нѣсколько словъ о большомъ сочиненіи его, подъ названіемъ
«Ночь», сочиненіи, сохранившемъ въ нашихъ глазахъ всю первобытную
свѣжесть. Геснеръ не считаетъ его лучшимъ, потому что въ одномъ
письмѣ упоминаетъ объ немъ какъ о каррикатурѣ, сочиненной въ минуту
упоенія или безумія. Не знаю, чистосердечно ли выраженіе его мысли,
но по нашему мнѣнію, тутъ больше поэзіи, нежели во всѣхъ другихъ его
поэмахъ. Геснеръ только доказалъ, что когда ему не мѣшаетъ воин-
ственное вооруженіе, которое ему совсемъ не къ лицу, тогда у него
проявляется сила, и много силы, тогда онъ умѣетъ соединить умъ съ
чувствительностью и нѣжными впечатлѣніями, которыя навѣваетъ ему
чуждая лѣтняя ночь. Въ эту поэму у него введенъ небольшой остроум-
ный рассказъ о происхожденіи свѣтляковъ, гдѣ сохранена вся прелесть
превращеній Овидія, исключая только его плодовитости.

Мы думаемъ, если бы Геснеръ имѣлъ столько благоразумія, чтобы
не переступать ограниченныхъ предѣловъ своего таланта, если бы онъ
прилежно изучалъ скромную сферу, гдѣ могъ дѣйствовать на сво-
бодѣ, — тогда бы онъ сдѣлался уважаемымъ писателемъ, сочиненія
его читались бы до-сихъ-поръ если не съ удивленіемъ, то съ удо-
вольствіемъ и Германія могла бы гордиться своимъ Геснеромъ какъ
Французы гордятся Андреемъ Шеніе.

сѣной отъ рожденія. Въ разстояніи нѣсколькихъ ружейныхъ
выстрѣловъ отъ Гранпрё, на краю пустыни, покрытой верескомъ и
дрокомъ, находился одинъ изъ тѣхъ грубыхъ памятниковъ гальскаго
суевѣрія, которые довольно часто встрѣчаются въ самыхъ пусты-
нныхъ деревняхъ отдаленныхъ провинцій. Онъ состоялъ изъ огромна-
го гранитаго камня, горизонтально положеннаго на двухъ другихъ
камняхъ поменьше, какъ бы въ видѣ стола, возвышавшагося надъ зем-

лею на одинъ футъ съ половиною; вѣроятно это былъ какой-нибудь кельтическій надгробный памятникъ, котораго настоящее назначеніе еще и теперь неизвѣстно. Не будь этого достовѣрнаго преданія, приписавшаго его сооруженіе поколѣнію, исчезнувшему уже много вѣковъ тому, можно бы было принять его, какъ мы полагаемъ, за исполнскій столъ, сооруженный для полевыхъ обѣдовъ всѣхъ работниковъ во время жатвы, почему здѣсь и назвали его «Столomъ жнецовъ».

Дикія деревья, невоздѣланныя заботливою рукою человека, составляли маленькую рощицу, покрывая памятникъ, въ знойное время, густою и отрадною тѣнью. Это было очаровательное мѣсто, откуда совершенно можно было видѣть все происходившее въ Гранпрѣ, отъ котораго оно отдѣлялось только пустошью и рѣдкимъ кустарникомъ.

Зоя особенно любила эту рощицу, и приходила иногда посидѣть на гальскомъ камнѣ; тамъ она находилась, такъ сказать, подъ защитою своего брата и своихъ домашнихъ; можетъ-быть по этой причинѣ она и предпочла это убѣжище другимъ, для своего свиданія съ молодымъ докторомъ; потому что тутъ она находила два необходимыя условія: уединеніе и безопасность.

Гораздо равнѣ назначеннаго ею часа, Викторъ Нельякъ, съ ружьемъ въ рукѣ, и въ одеждѣ простаго охотника, чтобы не возбудить подозрѣнія, таинственно пробрался къ Столу Жнецовъ, и тамъ, сидя на гранитной массѣ, ждалъ въ молчаніи, если не съ терпѣніемъ, выполненія обѣщанія, которое ему такъ легко было получить. Взоръ его ни на минуту не покидалъ двери, изъ которой, по его предположенію, должна была выдти молодая двушка; но, или онъ слишкомъ рано пришелъ на свиданіе, или, можетъ-быть, Зоя поняла все неблагоуразуміе своего поступка, только двушка не приходила. Былъ полдень, самое то время, когда палая жаръ принуждаетъ жнецовъ прервать свои работы; поле было пусто. Но никто не показывался изъ дома, казалось, необитаемаго.

— Да что жъ это, смѣются что ли надо мной, съ досадою проворчалъ охотникъ. Впрочемъ, это очень можетъ случиться, потому что я до-сихъ-поръ не могу понять, какъ могла эта молодая простушка, которая казалась такою скромною и робкою, вдругъ такимъ-образомъ навязать мнѣ свиданіе, котораго я едва осмѣливался просить. Вѣроятно здѣшнія женщины слишкомъ простодушны или слишкомъ лукавы. Кто ихъ знаетъ? Можетъ-быть она смотритъ изъ за занавѣсы.

вѣсокъ какого-нибудь окна и смѣется надъ тѣмъ, что одурачила меня, и вѣроятно, чтобъ вполне этимъ насладиться, она назначила мнѣ это мѣсто, такое близкое отъ дому; она не захотѣла даже побеспокоиться сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобъ осмѣять меня. Но, нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! у ней такой непорочный видъ! Нѣтъ, тутъ есть что-то такое, чего я еще не понимаю; но быть-можетъ, она объяснить мнѣ это. Подождемъ.

Съ принужденнымъ самоотверженіемъ, онъ еще прошелся по маленькой рощицѣ, но вскорѣ отбросивъ всякое благоразуміе, вскочилъ на друидическій камень, чтобы лучше наблюдать, что происходило въ домѣ. Но едва прошло нѣсколько минутъ, какъ одно изъ оконъ, на которыя онъ не переставалъ смотреть, осторожно отворилось, и бѣлый платокъ быстро замахалъ. Викторъ понялъ безъ сомнѣнія, что это значило, и, соскочивъ съ памятника на землю, насмѣшливо проворчалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, моя маленькая жеманница, не буду больше компрометировать тебя, тѣмъ болѣе, что имѣю на то свои собственные причины. Но, послушни, а то, я не отвѣчаю ни за что.

Едва онъ кончилъ эти слова, кто-то вышелъ наконецъ изъ дому, и докторъ узналъ дѣвицу Лакло, которая приближалась къ нему съ зонтикомъ и книгою. Она шла медленно и оборачивалась иногда, какъ будто желая удостовѣриться, не слѣдуютъ ли за ней; но отойдя на нѣкоторое разстояніе отъ дому, она побѣжала съ легкостію молодой лани и въ одинъ мигъ явилась у Стола Жнецовъ.

Викторъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и съ жаромъ сказалъ ей:

— Милое дитя! Какъ вы добры, что вспомнили о своемъ обещаніи.

Молодая дѣвушка, вся раскраснѣвшись и задыхаясь отъ послѣдняго движенія, позволила вести себя къ каменному памятнику, села на него, и сказала съ очаровательнымъ замѣшательствомъ, опустивъ глаза:

— Простите меня, что я заставила васъ долго ждать; я видѣла изъ окна, что вы теряете терпѣніе, но никакъ не могла оставить брата; я писала подъ его диктовку къ нашему лучшему другу и наставнику Сандону, сильно заболѣвшему на своей родинѣ. И къ тому же, признаться ли вамъ? продолжала она съ большимъ смущеніемъ-

онъ, со вчерашняго дня мнѣ пришло въ голову, что поступокъ, на который я рѣшилась въ минуту необдуманности, можетъ быть не приличенъ, и если бъ я могла сказать вамъ свое мнѣніе....

— Сударыня, сказалъ Викторъ съ живостью и упрекомъ, какъ вы можете бояться положиться на честнаго человѣка?

Молодая дѣвушка отняла свою руку, которою докторъ считалъ за нужное овладѣть, и сказала ему съ спокойствіемъ невинности:

— Отъ этого, не колеблясь, и вѣрилась я вамъ, и надѣюсь, что довѣренность моя не будетъ обманута.

Очевидно было, что каждый изъ нихъ рассуждалъ по своему, и съ противоположнымъ намѣреніемъ. Послѣднія слова Зои поразили молодого доктора, и онъ началъ сомнѣваться, чтобы дѣвица Лакло могла придти на свиданіе для одной съ нимъ цѣли. Едва промелькнула эта мысль въ его умъ, онъ принялъ оборонительное положеніе и сталъ осторожнѣе; Зоя напротивъ, сдѣлалась спокойнѣе и довѣрчивѣе.

— Прежде всего, продолжала она, скажите мнѣ, прошу васъ, что выдумаете о состояніи этаго бѣдняка, котораго вы ходили навѣстить? Правда ли, что его жизнь въ опасности?

— Нисколько, отвѣчалъ Викторъ, пришедшій къ Столу Жнецовъ совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы говорить о медицинѣ; если онъ воздержится отъ пьянства, я отвѣчаю за него; черезъ осемь дней онъ будетъ здоровъ.

— О! я и не ожидала другаго отъ человѣка, столь знаменитаго своимъ великимъ искусствомъ, сказала молодая дѣвушка съ видомъ благоговѣнія; и когда я узнала, что вы сдѣлали съ нашимъ сосѣдомъ, я снова возымѣла давно утраченную надежду.

Всѣ эти похвалы докончили разочарованіе бѣднаго Нельяка; не смотря на всю самоувѣренность свѣтскаго человѣка, онъ былъ рѣшительно смѣшонъ въ эту минуту; но Зоя, слишкомъ невинная и слишкомъ погруженная въ свою задушевную мысль, не могла замѣтить его затруднительнаго положенія.

— Согласитесь же, докторъ, сказала она лукаво, что я васъ отгадала?

— Увѣрены ли вы въ этомъ?

Всѣ ваши поступки съ самаго прѣзда въ Помри, не могли оставить никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. Вы такъ внимательно раз-

считивали моего брата, въ первый разъ вступившись съ нами, тамъ у мадьянцы! посещение мадамъ де-Францивицъ, которая она вѣроятно только по вашей просьбѣ удостоила насъ, бѣдныхъ деревенскихъ жителей, какъ-будто такая знатная парижская дама могла найти какое-нибудь удовольствіе въ нашемъ обществѣ; постоянное стараніе встрѣчаться съ нами каждый разъ, какъ мы выходили изъ дому, все это не доказывало ли, что вы искали случая говорить съ нами? Но всѣмъ извѣстная уже антипатія Юстина къ докторамъ препятствовала вамъ посвятить насъ, безъ приглашенія. Вѣроятно, въ слѣпоту моего брата вы нашли любопытный фактъ, достойный наблюденія, можетъ-быть возможный для исцеленія, и изъ любви къ наукѣ и человечеству, вы хотѣли познакомиться съ нами, чтобы попробовать это трудное леченіе. О! если бы такъ, докторъ, я съ ума сойду отъ радости! Ну говорите же, не обманывайте меня; я знаю, вы не можете обманывать: скажите, нѣтъ ли какого-нибудь средства возвратить зрѣніе моему брату?

— Не смѣю утверждать.... я не увѣренъ.

— О! я понимаю, вы не хотите подать мнѣ надежду, которая можетъ-быть не исполнится, сказала молодая дѣвушка съ жаромъ и со слезами на глазахъ; скажите мнѣ по-крайней-мѣрѣ, что нѣтъ совершенной невозможности, скажите, что еще осталось какое-нибудь средство! Все правда, что вамъ говорили объ отвращеніи Юстина къ наукѣ, которая до-сихъ-поръ оставалась безсильною; но мы оба составимъ заговоръ противъ него. Я берусь исполнять, если нужно противъ воли его, всѣ ваши приказанія. Притомъ же я такъ буду умолять его, что онъ не въ состояніи будетъ отказать намъ; онъ поверитъ вамъ. Но ради Бога, докторъ, скажите мнѣ, думаете ли вы, что человеческое знаніе можетъ исцѣлить бѣднаго слѣпца?

Говоря это, она устремила на Виктора взглядъ полный тоски. Казалось, онъ колебался; два раза порывался онъ отвѣчать, но оба раза хранилъ молчаніе. Наконецъ онъ рѣшился, и тихо сказалъ:

— Можетъ-быть!

Зоя вскочила въ восторгъ.

— Да вознаградить васъ Господь за все счастье, которое дастъ мнѣ выше драгоценное слово! воскликнула она. Мой бѣдный братъ не будетъ уже исключеніемъ изъреди тысячи другихъ существъ! Онъ увидитъ небо, природу, людей. О! начните лечить его! вы, безъ сом-

наши, будете имѣть успѣхъ; я знаю, ваше искусство дѣлало уже нечли мудаца, и когда ваши усилія увеличатся успѣхомъ, и зрѣніе будетъ возвращено Юстину, мы оба будемъ любить васъ, уважать какъ своего благодѣтеля, а бѣдная наша мать, умирающая съ ужасною мыслію, что ея возлюбленный сынъ осужденъ на вѣчный мракъ, съ высоты неба благословитъ васъ.

Восторгъ этотъ увеличилъ смущеніе доктора. Невольная краска покрывала его лицо. Онъ попросилъ Зою опять сѣсть и сказалъ ей холодно:

— Миръ очень жаль разрушить всѣ эти прекрасныя мечты; но жестоко было бы поселить въ вашемъ сердцѣ надежду, которая могла бы скоро разрушиться. Прежде всего, я обязанъ сказать вамъ истину. Положеніе вашего брата таково, что можетъ-быть, безумно было бы докучаться на его излеченіе.

— Такъ стало-быть, нѣтъ никакой надежды?

— Я не говорю, чтобы совсѣмъ не было надежды; но она такъ невѣрна, что большое несчастіе было бы полагаться на нее, и строить на ней планы въ будущемъ. Однако же, не ругаясь за успѣхъ, который, говоря по совѣсти, болѣе нежели сомнителенъ, я сдѣлаю опытъ столь пламенно желаемый вами, но только съ условіемъ.

— Говорите, сказала съ живостью молодая дѣвушка.

— Это условіе состоитъ въ томъ, чтобы все это осталось между нами, сказалъ докторъ съ некоторымъ стыдомъ. Вы понимаете, если я не буду имѣть успѣха...

— Да, да, понимаю, сказала Зоя, съ легкою улыбкою; но можно ли сказать объ этомъ Юстину?

Я еще ничего не могу отвѣчать вамъ на это; прежде всего нужно мнѣ чаще видѣть вашего брата, и въ особенности гораздо ближе, нежели какъ я видалъ его до-сихъ-поръ; но для этого вы должны стараться побѣдить его отвращеніе къ свѣту; вы сами должны вмѣстѣ съ нимъ пріѣзжать въ Помри. Я буду изучать его болѣзнь, наблюдать за нимъ, такъ, что онъ не будетъ знать о томъ; въ случаѣ нужды, мы скажемъ ему о нашихъ намѣреніяхъ; до-тѣхъ-поръ, это должно оставаться тайною между нами. Но, продолжалъ онъ тихо и съ замѣшательствомъ, если вы иногда удостоите назначить мнѣ тайныя свиданія, какъ сегодня, мы будемъ говорить о немъ, о его болѣзни, и безъ его вѣдома предпримемъ некоторые опыты, а вы бу-

доче сообщать мнѣ ихъ результатъ, и если эти опыты увѣчатся успехомъ и слѣпота его дѣйствительно излечима.... Приходить ли иногда сюда братъ вашъ?

— О! очень рѣдко; притомъ же его очень легко увидѣть издали, если только онъ не пойдетъ черезъ пустошь.

— Прекрасно! Если вы только позволите, я буду иногда заходить сюда, потому, что это ваше любимое мѣсто; но до-тѣхъ-поръ, пока я не удостовѣрюсь, что есть возможность помочь ему, умоляю васъ, помните нашъ уговоръ; ни слова вашему брату, ни слова мадамъ де-Франшвилъ, которую, говорятъ, вы будете иногда посѣщать. Я лечу ее, прибавилъ онъ съ намѣреніемъ, и боюсь....

— Довольно, сказала она съ нерѣшительностью, потому что всѣ эти таинственныя распоряженія внушали ей невольное подозрѣніе. Я согласна потому, что только на этомъ условіи вы соглашаетесь лечить моего брата; вѣрьте, что ваша тайна будетъ сохранена. Но я буду просить у васъ исключенія для нашего добраго, стараго друга, Сандона, отъ котораго у насъ нѣтъ тайнъ. Его удержала болѣзнь, и онъ можетъ быть здѣсь не ранѣе какъ черезъ мѣсяцъ; но когда онъ возвратится....

— О! до-тѣхъ-поръ, я буду имѣть положительное мнѣніе о вашемъ братѣ, съ живостью сказалъ докторъ, и тогда вы можете повѣрить тайну вашему другу.

— Взгляните, сказала молодая дѣвушка съ увлеченіемъ, взгляните, продолжала она, указывая на деревню, все, что вы видите здѣсь, эти богатые луга, эти мызы, лѣсъ, все это наше, и все это будетъ принадлежать тому, кто возвратитъ зрѣніе моему несчастному брату, сдѣлаетъ его подобнымъ всѣмъ людямъ. Мы умоляли бы его позволить намъ быть только его фермерами, мы съ радостью отдали бы ему все наше богатство, и все еще считали бы себя обязанными ему благодарностью, преданностью, любовью....

— Вы ошибаетесь, думая вознаградить мое усердіе великолѣпными обещаніями богатства и корысти. Награда, которой я желаю, гораздо достойнѣе меня и васъ.

— Зря! закричалъ сильный голосъ, въ нѣкоторомъ разстояніи.

Молодая дѣвушка вздрогнула.

— Юстинъ! прошептала она. Уйдите потихоньку. Можетъ-быть....

— Зоя! повторилъ все приближающійся голосъ, съ камъ это ты говоришь? Мнѣ показалось, что ты была не одна?

Викторъ Нолькъ хотѣлъ удалиться, но дѣвушка сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ оставался неподвиженъ.

— Уже поздно, сказала она едва слышнымъ голосомъ; онъ взошь услышнть! ни слова, ни движенія.

— Э! теперь ты говоришь одна, продолжалъ слѣпой, отъ тонкаго слуха котораго не исчезалъ ни малѣйшій звукъ; ну же, сестра, отъ чего ты мнѣ не отвѣчаешь? вѣдь я знаю, что ты здѣсь, шалунья!

Въ это время Юстинъ вошелъ въ рощу со стороны пустыни и лицомъ къ лицу явился передъ молодыми людьми. Они были такъ заняты, что не замѣтили его, какъ онъ шелъ, и онъ чуть было не захватилъ ихъ. Викторъ остался въ совершенной неподвижности, опираясь локтемъ о дерево, и только ширина друндическаго камня отдѣляла его отъ Юстина. Зоя же пошла навстрѣчу брату, и сказала съ худо скрываемымъ замѣшательствомъ:

— Ну да, я здѣсь, Юстинъ; я только что хотѣла идти домой, и если ты хочешь, то пойдемъ....

— Позволь мнѣ отдохнуть, сказалъ братъ, спокойно усаживаясь на памятникъ; здѣсь очень хорошо. Такъ ты одна? Я слышалъ, что никто не уходилъ отсюда, однако жъ мнѣ показалось....

Онъ поворачивалъ голову на право и на лѣво, съ видомъ подозрѣнія, и случайно ли или по необъяснимому инстинкту, столь ему свойственному, или наконецъ потому, что Викторъ сдѣлалъ какое-нибудь непримѣтное движеніе, или произвелъ легкій шорохъ, живые, но безъ всякаго выраженія глаза Юстина, казалось, устремились на него. Къ счастью, Зоя призвала на помощь маленькую хитрость, какія такъ легко изобрѣтають женщины.

— А! такъ ты меня слышалъ? сказала она торопливо, я читала вслухъ стихотворенія, что мы въ послѣдній разъ получили изъ Париза.

Слѣпой не отвѣчалъ, но обратясь къ ней, взявъ руку сестры и съ минутой подержавъ ее въ своей, сказалъ наконецъ:

— Какъ рука твоя дрожить!

— Все это отъ этого проклятаго чтенія! Въ ту минуту, какъ ты меня прервалъ, я такъ была увлечена поэтомъ....

Юстинъ никогда не сомнѣвался въ словахъ сестры, потому что

истина и чистосердечіе всегда руководили ея словами. Всѣ эти объясненія другому могли казаться подозрительными, но онъ ихъ находилъ очень естественными. Онъ съ извжностью улыбнулся и продолжалъ :

— Бѣдняжка! Но оставимъ это. Знаешь ли, сестра, я боюсь, не опоздаемъ ли мы къ мадамъ де-Франшвилъ.

— Еще рано думать о нашемъ туалетѣ, сказала Зоя вставая; однако жъ, братецъ, если ты хочешь....

Юстинъ, смѣясь, принудилъ ее снова сѣсть.

— Подожди еще, душенька; развѣ я не знаю, что намъ остается еще два часа для приготовленій къ визиту? Но ты не можешь себя представить, сестра, сколько удовольствія предстоить мнѣ въ присутствіи этой женщины, слышать звуки ея чистаго, гармоническаго голоса! Съ-тѣхъ-поръ, какъ я сталъ существовать, Зоя, я никогда не чувствовалъ ни къ кому того, что чувствую къ ней! Вчера, близъ нея, мнѣ казалося, что все существо мое переродилось; я ощущалъ вмѣстѣ и радость, и удивленіе, и уваженіе. Не знаю, какъ-то случилось, что ея рука прикоснулась къ моей, я не могу описать тебѣ сладостнаго ощущенія, какое произвело во мнѣ прикословеніе этой мягкой атласной руки. Ты тоже прекрасна, и я люблю тебя отъ всей души; но не знаю, отчего мадамъ де-Франшвилъ мнѣ кажется еще прекраснѣе тебя, и можетъ-быть я люблю ее столько же какъ тебя, хотя, кажется, не такую любовью. Она такъ внимательна ко мнѣ, такъ заботлива, даже болыне чѣмъ ты; одна эта женщина, наконецъ, совершенно поняла и мое положеніе и мой характеръ. Ты же — ты только любишь меня съ безграничною преданностью! О, я не жажду, Зоя, но ты знаешь, что въ твоемъ присутствіи я привыкъ думать вслухъ!

Зоя, слушая признанія брата, относившіяся къ ней одной, чувствовала ужасное безпокойство; она украдкой взглянула на Виктора, какъ-будто окаменѣвшаго на мѣствѣ, едва переводившаго дыханіе.

— Пойдемъ, Юстинъ, ты все расскажешь мнѣ дома, сказала она.

Эта настойчивость возбудила подозрѣнія слѣпаго.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, Зоя, что это съ тобою сегодня? Въ твоемъ голосѣ, твоихъ движеніяхъ и словахъ есть что-то необыкновенное. Правда, продолжалъ онъ, наклоня голову на-право и на-лѣво, съ нѣко-

горькаго безпокойствомъ, мнѣ самому кажется, что здѣсь все не на овоемъ мѣстѣ, меня что-то тяготитъ, но не знаю, что именно.

— Это воображеніе, братецъ, сказала молодая дѣвушка, съ видомъ упрека; со вчерашняго дня я тоже замѣтила, что ты очень изволнованъ. Ты сдѣлался равнодушнѣе ко всему, что тебя занимало, и что ты прежде любилъ. Ты не думаешь, что нашей собственности, можетъ-быть намъ самимъ угрожаетъ опасность. Сейчасъ, когда мы писали вмѣстѣ письмо къ Сандону, ты не нашелъ въ сердцѣ ни одного слова утѣнительнаго для нашего стараго, большаго друга, и вотъ теперь я сама, сестра твоя, подруга, твой лучший другъ, я тоже подвергаюсь твоей несправедливости и упрекамъ.

Въ этихъ словахъ было желаніе поссориться съ Юстиномъ, съ намѣреніемъ отвлечь его вниманіе. Слѣпой дался въ обманъ и отвѣчалъ вѣчно :

— Ты обвиняешь меня въ жестокости и несправедливости противъ тебя, Зоя; но ты не знаешь, что половина сокровенныхъ мыслей, преслѣдующихъ меня со вчерашняго дня, наполнены тобою. Мадамъ де-Франшвилъ сказала мнѣ....

— Опять эта женщина, сказала Зоя съ досадою.

— Она сказала мнѣ, продолжалъ слѣпой, какъ бы не слыша этого замѣчанія, она, женщина свѣтская, столько пострадавшая отъ свѣта, она сказала мнѣ, что самый трудный долгъ, который должно мнѣ выполнить, состоитъ не въ томъ, чтобъ защищать тебя отъ какихъ-нибудь деревенскихъ негодяевъ, но отъ этихъ щеголеватыхъ волокитъ, всегда ухаживающихъ вокругъ такихъ хорошенькихъ женщинъ, какъ ты.

— О братецъ, какъ могла придти такая мысль тому, кто знаетъ; какую мы ведемъ жизнь? Мы не принимаемъ ни чужихъ, ни соседей; мы живемъ въ уединеніи, въ пустынѣ.

— Это самое отвѣчалъ я мадамъ де-Франшвилъ, прибавивъ, что чувствую себя въ силахъ защищать тебя противъ враговъ всякаго рода, и если бъ кто нашелся такой дерзкій, что осмѣлился бы приблизиться къ тебѣ....

— Но для чего ты говоришь мнѣ объ этомъ теперь, Юстинъ? съ робостью спросила молодая дѣвушка, дрожащая отъ мысли, не имѣлъ ли братъ ея подозрѣнія о присутствіи Виктора.

— Для чего, Зоя? для того, что новое знакомство съ помрйонскимъ

всѣядни, можетъ-быть, подвергнетъ тебя той опасности, о которой я говорилъ; для того, что ты, сестрица, должна обѣщать, поклясться мнѣ, твоему единственному другу, твоему единственному покровителю въ мѣрѣ, что вездѣ и всегда я буду твоимъ повѣреннымъ, что ты будешь повѣрять мнѣ всѣ свои тайны, что ты признаешься мнѣ во всѣхъ своихъ опасеніяхъ, своихъ надеждахъ, что ты повторить мнѣ всѣ слова, которыя будутъ тебѣ нашептывать.

— Братецъ, воскликнула Зоя, внѣ себя и заливаясь слезами, развѣ не тебѣ одному принадлежитъ вся моя любовь и довѣренность?

— Выслушай, дитя мое, продолжалъ Юстинъ важно и торжественно, хотя я и стараюсь иногда увѣрить себя, хочу заставить и другихъ вѣрить тому, но положеніе мое въ-самомъ-дѣлѣ, можетъ-быть, не таково, какъ другихъ людей; мнѣ часто говорили, что братья безъ сожалѣнія и печали расстаются съ своими сестрами, когда придетъ время; что каждый изъ нихъ имѣетъ тогда новую привязанность, новое семейство, и что каждый сохраняетъ къ другому чувство пріятное и разсудительное, но гораздо слабѣйшее чувства матери, жены, отца или мужа. Что касается до меня, Зоя, я никогда не сдумю имѣть къ тебѣ такой легкой привязанности, и не чувствую себя способнымъ къ этимъ обыкновеннымъ жертвамъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я сталъ понимать себя, ты всегда подлѣ меня какъ ангелъ-хранитель, который оставитъ меня только когда я умру. До-сихъ-поръ, мнѣ никогда не приходила мысль, что мы можемъ когда-нибудь разлучиться; ты никогда не оставишь меня, ты обѣщала это нашей матери на смертномъ ея одрѣ; я привыкъ считать тебя, сестра, нераздѣльною частью самого себя; я эгонистъ, можетъ-быть, но что же дѣлать? Это вина нашей матери и твоя собственная: вы приучили меня къ мысли, что все должно покоряться моимъ желаніямъ, что вы созданы быть моими невольницами. Теперь я люблю тебя выше всякаго выраженія, и не могу снести мысли, что ты должна забыть брата для мужа. Я буду ревновать, — да, это чувство должно быть ревность, — я буду ревновать къ вниманію, которое ты будешь оказывать кому бы то ни было, потому что мнѣ казалось бы, что это было бы съ вашей стороны, похищеніемъ моей собственности. Однако же, Зоя, если бъ это несчастіе когда-нибудь совершилось, если бы, не смотря на твои обѣщанія и увѣренія, ты почувствовала когда-нибудь, что тебѣ скучно жить со мною, что ты

можешь быть счастливее съ другимъ, ты должна мнѣ сказать о томъ, сестрица; я не хотѣлъ бы заставить тебя испытывать все, что можетъ быть ужаснаго для другихъ въ моемъ положеніи слѣпца. И такъ ты обещаешь мнѣ....

— О, Юстинъ, Юстинъ! воскликнула молодая дѣвушка, забывши все и съ восторгомъ бросившись въ его объятія, я никогда не оставлю тебя!

— Хорошо, хорошо, сестрица, отвѣчалъ Юстинъ радостно; ты обещаешь мнѣ ничего не скрывать, что могло бы повредить нашему братскому союзу, который долженъ продолжаться всю нашу жизнь?

— Да, да, братецъ, повторила молодая дѣвушка.

Въ это время взоръ ея остановился на докторъ Нельякъ, неподвижно стоявшемъ на одномъ мѣстѣ, въ двухъ шагахъ отъ нея, какъ живой, неумолимый укоръ совѣсти. Она отвернулась и тихо опустилась на скамью, будто лишаясь чувствъ.

Юстинъ почувствовалъ, что она лишилась чувствъ, и поспѣшилъ поддержать ее, сказавъ съ отчаяніемъ:

— Зоя, моя возлюбленная Зоя, что съ тобой? О Боже мой! Я напугалъ ее своими мрачными мыслями! И никого нѣтъ, чтобы помочь ей! Петръ! Жаннета! кричалъ онъ своимъ звонкимъ голосомъ.

Въ домъ могли услышать, что онъ звалъ, и положеніе доктора становилось чрезвычайно опаснымъ. Прибѣжавшіе на помощь непременно увидѣли бы его, и непріятное объясненіе было неизбежно. Виктору невозможно было сдѣлать ни малѣйшаго движенія, не измѣнивъ себя. Къ счастью, Зоя сохранила довольно сознанія, чтобы чувствовать предстоящую опасность.

— Не зови, Юстинъ, сказала она тревожнымъ голосомъ, я чувствую себя лучше, это пройдетъ.

Сила воли побѣдила слабость организаціи....

— Какъ ты испугала меня, дорогое дитя мое, сказалъ слѣпой, отирая лобъ; обещаю тебѣ никогда не говорить болѣе о предметѣ, такъ сильно взволнованшемъ тебя. Но и ты имѣй всегда ко мнѣ довѣренность, которую обещаю, и тогда узнаешь, способенъ ли я удалить отъ тебя всевозможныя обольщенія и опасности.

Съ твердостью произнесъ Юстинъ эти слова и еще разъ обернулся къ Виктору; посторонній зритель, не зная о слѣпотѣ его, могъ бы подумать, что онъ съ угрозою смотрѣлъ на доктора. Въ ту минуту,

когда слыной звалъ на помощь своихъ служителей, былъ чувствовать, что его голосъ не имѣлъ обыкновенной полноты и звучности, и что новый предметъ противостоялъ между имъ и домомъ. Онъ уже протянулъ руку, чтобы узнать причину останавливавшую его голосъ, когда Зоя, довольно оправившись, поспѣшно встала и схватила его за протянутую впередъ руку.

— Пойдемъ, сказала она; я чувствую себя хорошо, совершенно хорошо.

Юстинъ, ни въ чемъ не сомнѣваясь, позволилъ вести себя. Они медленно приближались къ дому. Зоя не обернулась, не сдѣлала ни малѣйшаго знака, не взглянула на доктора, который не смѣлъ пошевелиться, пока они не были уже далеко. Онъ слышалъ, какъ Зоя тихо сказала брату, вѣроятно съ намѣреніемъ привлечь все его вниманіе.

— Юстинъ, я очень сожалею, что Сандовъ боленъ, и не можетъ быть съ нами, когда онъ такъ нуженъ.

— А зачѣмъ, Зоя?

— Я боюсь, что страшная пора, предсказанная нашею матерью, настала для тебя.

Отвѣтъ Юстина исчезъ въ такомъ разстояніи, что даже ухо дикаря не могло распознать шума ихъ шаговъ. Викторъ Нельякъ продолжительно вздохнулъ и сказалъ про себя, какъ бы вознаграждая себя за долгое молчаніе, которое принужденъ былъ хранить:

— Вотъ смѣшное положеніе! Была минута, что мнѣ казалось, будто этотъ противный братъ видѣлъ меня! По чести, если онъ не видѣлъ меня, то по-крайней-мѣрѣ чувствовалъ, потому что оборачивался ко мнѣ съ такимъ видомъ.... И вотъ соперникъ, которымъ бѣдная Эвѣлія хочетъ возбудить во мнѣ ревность. Ну что жъ! Бѣдняга ужъ влюбленъ въ нее по уши и это займетъ ихъ обоихъ! Но сестра его, эта бѣдная малютка Зоя! Я хорошо сдѣлалъ, что не объяснился ей въ любви; если бъ я только сказалъ ей, зачѣмъ пришелъ сюда, она, растроганная этой патетической сценой, пожалуй призналась бы, что я здѣсь; но что же я буду дѣлать? Обманывать ли ее на счетъ слѣпаго? Приходить ли опять? Или бросить все и не возвращаться болѣе?

Онъ съ минуту размышлялъ въ молчаніи, потомъ пожалъ плечами и сказалъ.

— Ничего не знаю. Я только чувствую, что влюбился въ Зою до безумія.

Потомъ, взявъ ружье, онъ посвянно отправился въ Помри, чтобы тамъ не замѣтили его продолжительнаго отсутствія.

Богатое помѣстье Помри, куда съ недавняго времени переехала на житье мадамъ де-Франшвилль, по мѣстоположенію своему совсѣмъ не было такъ пріятно какъ Гранпрё, хотя по обширности и богатству земель, принадлежавшихъ ему, стояло вдвое дороже. Обширное зданіе, старое, мрачное, раскинутое между дворомъ и садомъ, окруженное гигантскими капитановыми деревьями, совершенно скрывавшими его отъ глазъ путешественника, и въ то же время отъ живущихъ въ немъ виды окружныхъ деревень, стояло въ лоцнѣ, вокругъ которой только обнаженные, бесплодные холмы ограничивали горизонтъ. Трудно повѣрить, чтобы женщина, привыкшая къ роскоши, къ удовольствіямъ, рѣшилась заживо погребсти себя въ такомъ грустномъ уединеніи, безъ какой-нибудь очень важной причины, извѣстной можетъ-быть только ей одной.

Дорога, нѣсколько шире другихъ, извивалась между холмами и шла какъ разъ передъ рѣшеткою дома Помри. Такимъ важнымъ преимуществомъ уединеннаго и безмолвнаго положенія нельзя было не воспользоваться; съ двухъ сторонъ главнаго входа, недалеко отъ большой дороги, были выстроены два красивые павильона, одинъ для садовника, другой, немного больше перваго, въ видѣ бельведера, въ которомъ можно было и жить въ случаѣ нужды. Тамъ по крайней-мѣрѣ было и прохладнѣе и свѣжѣе, нежели подъ дуинымъ сводомъ деревьевъ, окружавшихъ главное строеніе. Въ этомъ павильонѣ, жилъ управляющій имѣнія мадамъ де-Франшвилль во время ея отсутствія, то-есть почти всегда.

Мѣсяцъ спустя, послѣ описанныхъ происшествій, около полудня, показался на этой дорогѣ путешественникъ верхомъ на лошади, медленно подъезжавшей къ Помри. Путешественникъ былъ старикъ, бѣдный, утомленный, и повидимому едва державшійся на лошади. Не смотря на жаркое время, онъ закутался въ теплый плащъ, еще мокрый отъ дождя, ливнаго цѣлое утро; когда же плащъ случайно раскрывался, видна была простая одежда зажиточнаго гражданина и красная ленточка Почетнаго Легіона. Ничто въ наружности путеше-

ственика не допускало предположеній о бѣдности; однако все въ немъ возбуждало чувство состраданія. Очевидно было, что путешественникъ боленъ и рѣшился предпринять путь для какого-нибудь крайне нужнаго дѣла, въ которомъ принималъ близкое участіе. Обыкновенно спокойное и доброжелательное выраженіе лица его совершенно измѣнилось отъ физическаго страданія, быть-можетъ давно уже его безпокойнаго но никогда въ такой степени, какъ въ настоящее время. Голова его въ изнеможеніи склонилась то направо, то налѣво, узда вынадала изъ рукъ, какъ-будто у него нестало силъ держать ее.

Утомленная лошадь не въ силахъ была воспользоваться слабостью своего всадника. Старикъ ли, съ своею тяжелою одеждою и огромнымъ чемоданомъ, превосходилъ обычную мѣру тяжести, или переездъ съ самаго утра по дурнымъ дорогамъ былъ слишкомъ долгій, но бѣдная лошадь была чрезвычайно утомлена; она по временамъ останавливалась, какъ бы не въ силахъ идти далѣе, и всадникъ съ великимъ трудомъ могъ заставить ее продолжать путь. Наконецъ, за сто шаговъ отъ Помри, она опять остановилась, и на этотъ разъ хозяинъ даже не думалъ принуждать ее, ноявяъ, что она останавливается не изъ упрямства, а отъ совершеннаго безсилія, и уже не пришиворивалъ ее. Онъ бросилъ вокругъ безпокойный взоръ и сказалъ съ глубокимъ уныніемъ:

— Нечего дѣлать! надо покориться необходимости; остановилась на нѣсколько минутъ въ Помри, потому что иначе невозможно. Остановиться, когда я почти у цѣли своего путешествія! когда каждая минута могла бы предупредить великія несчастія.

Говоря такимъ образомъ, онъ съ трудомъ сошелъ съ лошади, которая, освободясь отъ своей ноши, тотчасъ же пошла. Незнакомецъ взялъ ее подъ уздцы и медленно приблизился къ жилищу.

Подходя къ воротамъ, старикъ, казалось, удивился, найдя наружную калитку затворенною. Это обстоятельство, повидимому ничтожное, заставило его снова задуматься. Онъ остановился на мгновенье въ раздумьи, и въ это самое время краткій разговоръ въ павильонѣ послышался надъ его головою.

— Тетушка, сказалъ тихій и тревожный голосъ, мнѣ кажется кто-то подъѣхалъ. Не онъ ли наконецъ возвратился?

— И, вѣтъ, моя милая, отвѣчалъ брюзгливый и непріятный голосъ; вѣдь ты знаешь, что онъ пошелъ въшкомъ; а это кто-то воркомъ.

Хотя оба гелоса были равно незнакомы путешественнику, но необходимость, въ которой онъ находился, не позволяла ему прокатить мимо, и, не смотря на опасеніе дурнаго пріема, онъ рѣшился позволить. Почти въ то же мгновеніе, ливрейный слуга отворилъ калитку.

— Дома ли управляющій Флеше? спросилъ старикъ, немного сомнѣвшись при видѣ новаго лица.

— Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ слуга; съ пріада барыни, управляющій живетъ у нотариуса въ Сентъ-Флоранъ.

— Какъ, воскликнулъ незнакомецъ съ величайшимъ удивленіемъ, владѣтели Помри здѣсь?

— Болѣе мѣсяца.

Совершенное уныніе выразилось на болѣзненномъ лицѣ незнакомца. Онъ отвернулся, какъ бы желая удалиться; потомъ опять вернувшись, сказалъ слугѣ, ожидавшему въ молчаніи :

— Такъ, любезный другъ, если мадамъ де-Франшвилль у себя, доложи ей, что пріятель, знакомый ея управляющаго, просить позволенія на нѣсколько минутъ отдохнуть въ ея домъ.... Мнѣ предстоитъ еще долгій путь, а моя лошадь такъ же обезсилѣла, такъ же утомилась, какъ и я.

Слуга пошелъ передать эту просьбу госпожѣ, но не успѣлъ. Молодая женщина, блѣдная и страдающая, въ изящномъ утреннемъ нарядѣ, съ открытой головой, стояла на крыльцѣ, ведущемъ въ павильонъ, и слышала все.

Это была мадамъ де-Франшвилль.

— Милостивый государь, сказала она незнакомцу съ любезностію; хотя господина Флеше здѣсь нѣтъ, но вамъ очень рады въ этомъ домѣ. Губертъ, продолжала она, обращаясь къ слугѣ, прикажи приготовить комнату и отведи лошадь въ конюшню.

Старикъ въжлъ во поблагодарилъ и передалъ Губерту лошадь и тяжелый дорожный плащъ.

— Пока готовятъ вамъ комнату, продолжала мадамъ де-Франшвилль, не сдѣлаете ли вы мнѣ чести, отдохнуть минуточку въ павильонъ? Вы, кажется, очень устали.

Старикъ не могъ отказаться отъ приглашенія такой любезной хозяйки; онъ сталъ входить по ступенькамъ, чтобы подойти къ ней, но силы ему измѣнили и, сдѣлавъ только шагъ, онъ принужденъ былъ опереться на бронзовыя перила. Эвала, съ обычною добротою, бро-

силась поддержать его и при всей своей слабости, служила ему опорю до дверей павильона. Незнакомецъ, казалось, былъ очень тронуть такою снисходительностью.

— Примите мою признательность, сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ, употребляя всь усилія, чтобы не слишкомъ опираться на нежную ручку, поддерживавшую его; старикъ въ семьдесятъ лѣтъ не можетъ безнаказанно провхать въ одинъ перевздъ тридцать миль, верхомъ, особенно не успѣвъ еще порядочно оправиться отъ продолжительной и тяжелой болѣзни.

— Вѣроятно, важныя причины принудили васъ рѣшиться на подобное путешествіе?

— О, дѣйствительно очень важныя, сударыня!

Они вошли въ прелестную комнату, обтянутую новою матеріею. Нѣсколько стульевъ и столикъ подъ китайскимъ лакомъ составляли всю мебель этого будуара, съ маленькимъ диваномъ, на которомъ вѣроятно отдыхала за минуту мадамъ де-Франшвилъ. У окна, задернутаго бѣлымъ занавѣсомъ, который смягчалъ яркій дневной свѣтъ, сидѣла старая дѣвица Помри, занимаясь рукодѣльемъ. Увидавъ путешественника, она привстала, нахмурясь, и, казалось, взглядомъ спрашивала племянницу, какъ она могла ввести къ себѣ незнакомца.

Но Эввалія, какъ-будто не замѣчая дурнаго расположенія духа старой дѣвы, посадила незнакомца на диванъ, а сама сѣла въ нѣсколькихъ шагахъ на стулъ.

— Подождите минуту, сказала она съ кротостію; я надѣюсь, что заботливость и внимательность наша заставитъ васъ не жалѣть объ отсутствіи Флене.

— Немного отдыху, вотъ все, что осмѣливаюсь просить отъ вашего обязательнаго гостепрѣимства.

Наступила минута молчанія; мадамъ де-Франшвилъ разсматривала незнакомца съ слишкомъ большимъ вниманіемъ, чтобы не имѣть на то особенныхъ тайныхъ причинъ.

— Вы повидимому такъ страдаете, продолжала она, что, кажется, не будетъ нескромностью спросить васъ, далеко ли еще должны вы продолжать свой путь?

— Нѣсколько у меня не стало силъ именно въ ту минуту, какъ

я уже приближался къ цѣли. Едва осталась мнѣ отсюда до Гранпрё, куда я ѣхалъ.

— Такъ я не ошиблась, сказала Эвлалія съ довольною улыбкою, я не ошиблась въ своихъ надеждахъ, которыя одинъ видъ ваше внушилъ мнѣ; я имѣю честь принимать у себя мосьё Сандонъ?

— Какъ, вы знаете мое имя? спросилъ старикъ, приводящая голову.

— Мосьё Сандонъ, повторила старая дѣва, тараща свои красные глаза, чтобы разглядѣть гостя племянницы. Наставникъ слѣпаго и....

— Да, сударыня, сказалъ Сандонъ съ удивленіемъ. Но могу ли я знать, почему....

— Мы знаемъ ваше имя? прервала Эвлалія. О, мы знаемъ еще много другихъ вещей, и все, что мы знаемъ, заставляетъ меня считать за счастье и гордость, принимать у себя человека самаго благороднаго, самаго преданнаго, наиболее достойнаго уваженія.

— Сударыня, съ кротостію отвѣчалъ Сандонъ, кланяясь, вы не отвѣчали однако на мой вопросъ.

— Вы такъ утомились, что я не заставлю васъ разгадывать загадки, и скажу вамъ, что мы часто говорили о васъ съ нашими милыми сосѣдями Лакло. Мнѣ говорили неопредѣленно о вашемъ скоромъ возвращеніи, и....

— Такъ эти милые дѣти бываютъ иногда здѣсь? спросилъ старикъ съ задумчивымъ видомъ.

— О, очень часто, особенно Юстинъ. Я даже просила его посѣтить меня сегодня, и можетъ-быть онъ будетъ здѣсь черезъ нѣсколько минутъ.

— Такъ это вы его ждали теперь, спросилъ Сандонъ, пристально поглядѣвъ на молодую женщину; когда я хотѣлъ позвонить у воротъ, я слышалъ....

Этотъ намекъ, хотя очень деликатный, заставилъ покраснѣть мадамъ де-Франивиль, и она поспѣшно отвѣчала:

— О нѣтъ, нѣтъ. Я ждала.... не его.

Сандонъ оперся на руку и началъ говорить печальнымъ и убѣдительнымъ голосомъ:

— Вы видите иногда моихъ милыхъ воспитанниковъ; не можете ли вы уничтожить безпокойство, которое почти причиною моихъ страданій. Только третьяго дня, послѣ долгаго молчанія, получалъ я отъ

Зоя письмо, въ нѣсколькихъ словахъ, но чрезвычайно меня встревожившее. Она настоятельно проситъ меня прѣхать немедленно по полученіи ея письма. Нензбѣжное несчастіе, говоритъ она, угрожаетъ имъ, ей и брату, и только мое присутствіе можетъ смягчить этотъ ударъ. Безъ-сомнѣнія, вы уже довольно знаете любовь мою къ этимъ двумъ бѣднымъ дѣтямъ, чтобы повѣрить, что я, не колеблясь ни минуты, отправился, не смотря на слабость и болѣзнь. Я испытываю смертельное безпокойство съ-тѣхъ-поръ, какъ получалъ это роковое письмо, и если вы знаете что-нибудь о несчастіи, имъ угрожающемъ, умоляю васъ именемъ всего для васъ священнаго, скажите мнѣ.

— Несчастіи! сказала съ изумленіемъ мадамъ де-Франшвилъ; увѣряю васъ, я ничего не знаю, и не понимаю.

— Но я знаю въ чемъ дѣло, сказала мадамъ де-ла-Помри, оставляя свою работу; малютка говоритъ о неприятностяхъ своего брата съ соседними владѣльцами и фермерами.

— О неприятностяхъ, говорите вы? мнѣ ничего объ этомъ не писали.

— Вы преувеличиваете происшествіе, тетушка! Юстинъ никогда не говорилъ мнѣ объ опасномъ....

— Онъ не приказалъ вамъ объ этомъ говорить, сказала мадамъ де-ла-Помри, съ злою улыбкой; онъ боится, что вы запретите ему ходить сюда, а какъ ему полюбілось въ Помри....

— Съ-этихъ-поръ, сказала Эвлалія съ безпокойствомъ, я всегда буду посылать за нимъ карету. Этотъ молодой человекъ такъ добръ, великодушень, неустрашимъ! Такъ вотъ, москѣ Сандонъ, несчастія, о которыхъ Зоя писала къ вамъ. Думаете ли вы, что они такъ велики?

— Это очень большое несчастіе, сударыня, но его еще можно поправить; я же, признаюсь вамъ, думалъ, что случившееся несчастіе было неисправимо. Теперь я надѣюсь, что черезъ нѣсколько дней, если Богу будетъ угодно возратить мнѣ силы и здоровье, всѣ эти жалкія ссоры прекратятся.

— И если я могу быть чѣмъ-нибудь полезна для скорѣйшаго примиренія, съ любовью сказала мадамъ де-Франшвилъ, не щадите меня. Я также какъ и вы считаю себя другомъ Лакло и его сестры, и имѣю право....

— Вот и они! сказали мадамозель де-ла-Помри, стоявшая у окна. И въ то же время послышался звонокъ у главнаго входа.

— Кто же, тетунка?

— Юстинъ и докторъ Нельякъ.

— Вмѣстѣ?

— Да, вмѣстѣ.

Мадамъ де-Франшвилъ показалось это неприятно, но прежде нежели она имѣла время предаться своимъ размышленіямъ, молодые люди вошли въ павильонъ. Юстинъ былъ одѣтъ изысканно; докторъ же, напротивъ, въ охотничьемъ платьѣ, съ ружьемъ въ рукѣ. Сандонъ всталъ и сдвигалъ нѣсколько шаговъ впередъ; но оба поклонились ему въ молчаніи. Юстинъ еще не узналъ его.

— Благодарю васъ, Юстинъ, что вы исполнили мою просьбу, сказала мадамъ де-Франшвилъ; не удивляюсь, продолжала она, устремивъ на доктора проницательный взглядъ, что Нельякъ забываетъ свою больную, если страсть къ охотѣ увлекаетъ его даже до Гранпрё.

— Не браните его, сказалъ Юстинъ, потому что сегодня, въ своихъ нашествіяхъ, онъ нашелъ случай оказать мнѣ услугу, наказавъ одного негодяя, надѣвавшаго мнѣ своими ругательствами.

— Благодарю васъ, докторъ, сказала мадамъ де-Франшвилъ, немного успокоенная, казалось, извѣстіемъ, повидямому столь простымъ. Впрочемъ, это новое оскорбленіе доказываетъ, что опасеніе, о которомъ мы сейчасъ говорили съ самымъ дорогимъ другомъ Юстина, слишкомъ основательно?

— Съ другомъ, сказалъ слѣпой, поворачивая голову вправо и влево, какъ это съ нимъ нерѣдко случалось, когда онъ былъ въ присутствіи посторонняго; не могу ли я узнать...

Слабая и дрожащая рука взяла его за руку. Юстинъ только прикоснулся къ ней и съ отверзтыми объятіями, съ радостнымъ восторгомъ воскликнулъ:

— Сандонъ! вы! вы здѣсь! Наставникъ мой! отецъ! благодѣтель!

Сандонъ въ слезахъ бросился въ его объятія, и нѣсколько минутъ они оставались въ этомъ положеніи.

Всѣ присутствующіе пришли въ изумленіе при этомъ необъяснимомъ истиникъ, когда одно прикосновеніе руки открыло молодому слѣпцу присутствіе стараго учителя.

Мадамъ де-Франивиль дала время пройти нервымъ восторгамъ, потому съ кротостію сказала Юстину :

— Мнѣ очень жаль, мосѣ Лакло, потревожить весьма естественную радость, которой вы предаетесь, видя господина Сандона; но я должна оказать вамъ, что дорогой гость мой боленъ, обезсилѣвъ отъ утомленія и имѣетъ нужду въ отдыхѣ; крайняя необходимость только доставила мнѣ честь видѣть его у себя. Но вотъ Губертъ ждетъ съ полчаса, чтобы мы отпустили нашего дорогаго больнаго гостя, и чтобы проводить его въ приготовленную комнату.

— О, сударыня! удовольствіе видѣть Юстина здоровымъ и невредимымъ служить мнѣ вмѣсто отдыха, сказалъ Сандонъ приветливо.

— Мы должны повиноваться мадамъ де-Франивиль, сказалъ Юстинъ съ покорностію; я только попрошу у нея позволенія проводить васъ въ назначенную вамъ комнату, для того, чтобы поддержать васъ. Намъ нужно многое сказать другъ другу, не правда ли, мой превосходный другъ?

— Пусть будетъ такъ; но чтобы любовь ваша не помѣшала покою друга, въ которомъ онъ такъ нуждается, я васъ жду черезъ нѣсколько минутъ.

Юстинъ всталъ и взялъ за руку Сандона, чтобы поддержать его во время перехода до главнаго зданія. Мадмоазель де-ла-Помри вышла изъ павильона за нѣсколько минутъ, и Нельякъ долженъ былъ остаться одинъ съ Эввалиею. Онъ всталъ и подошелъ къ Сандову съ любовнымъ предложеніемъ поддержать его подъ другую руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, докторъ, быстро сказала мадамъ де-Франивиль. Юстина и Губерта будетъ достаточно. И она прибавила тише :

— Оставайтесь, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Нельякъ смотрѣлъ на выходящую группу и, стоя посреди комнаты, казалось, нѣсколько минутъ находился въ нерѣшимости, не послѣдовать ли за ними. Лобъ его наморщился, губы сжались.

— Викторъ, прошепталъ возлѣ него умоляющій голосъ.

Онъ сдѣлалъ шагъ къ двери.

— Викторъ! повторилъ голосъ съ еще болѣе умоляющимъ выраженіемъ.

— Ну, пусть будетъ такъ! сказалъ съ гнѣвомъ Викторъ, бросаясь на стулъ; я не могу долѣе выносить подобной жизни; надобно же когда-нибудь все кончить; говорите, я васъ слушаю.

Сандонъ спокойно улегся на мягкомъ диванѣ въ самой спокойной комнатѣ; въ каминѣ развели большой огонь, чтобы высушить его платье, мокрое отъ дождя; передъ нимъ же, на серебряномъ подносѣ, стояли всевозможныя прохладительныя питья, которыя разсудительное усердіе считало полезнѣйшими для его здоровья.

Юстинъ съелъ подлѣ него, совершенно предавшись радости свиданія съ своимъ старымъ наставникомъ. Не смотря на приказанія мадамъ де-Франшвилъ, онъ, казалось, совсѣмъ не былъ расположенъ оставить его такъ скоро, тѣмъ болѣе, что Сандонъ, нетерпѣливо желая узнать все случившееся въ Гранпрѣ въ его отсутствіе, употреблялъ всѣ средства чтобы удержать его. Однако онъ еще ничего не говорилъ о письмѣ, заставившемъ его пуститься такъ послѣпно въ такой утомительный путь; онъ начиналъ подозрѣвать, что Юстинъ легко могъ не знать о несчастіи, о которомъ упоминала Зоя, и что гораздо благоразумнѣе стараться осторожно проникнуть въ эту тайну.

— Юстинъ, не былъ ли ты слишкомъ строгъ и суровъ къ людямъ, которыхъ ты сдѣлалъ своими непримиримыми врагами? развѣ ты забылъ кротость и снисхожденіе твоей доброй матери? О, какъ я раскаяваюсь, что оставилъ тебя! Когда я увѣждалъ, тебя если не любили, то по-крайней-мѣрѣ уважали; теперь же, возвращаясь послѣ двухмѣсячнаго отсутствія, я узнаю, что помѣстье твое разоряется. И какъ знать, какія еще несчастія ожидаютъ тебя, Юстинъ? Куда дѣвалась твоя бдительность, прозорливость, дѣятельность, которыми ты обладалъ прежде? Ты даже не подумалъ призвать меня, который, по обязанности и по любви къ вамъ, тотчасъ явился бы къ тебѣ на помощь.

Юстинъ склонилъ на минуту голову, какъ бы подавленный тяжестью этихъ упрековъ, которыхъ справедливость онъ вполнѣ чувствовалъ.

— Любезный наставникъ, отвѣчалъ онъ съ большимъ смущеніемъ, я можетъ-быть сдѣлалъ большую ошибку, положившись на собственныя силы къ прекращенію неприятностей, о которыхъ вы мнѣ сейчасъ говорили, и, особенно, оставаясь въ преступной безпечности, которая удивляетъ меня самого. Вы правы, я близокъ къ разоренію, и съ нѣкотораго времени мысли мои до того смущены, что теперь только я увидѣлъ передъ собою пропасть, въ которую готовъ

низвергнуться. Правда, Зоя раза два, три хотѣла наругать: мощно-опредѣленными подозрѣніями.

— Зоя? повторилъ Сандонъ; котораго это нѣмѣ привело къ рѣшительному объясненію; такъ Зоя болѣе тебя тревожилась?

— О, вы знаете, какъ бдѣяжка ребка; сказалъ слѣпой; ужасался; все се безмокнутъ; всего она страшится. Напрямно я старался се успокоить. Не знаю отчего, она нездорова, взволнована, и я часто слышу; что она плачетъ....

— Сними мнѣ, Юстинъ, прервавъ его старикъ, вознижая каждое его слово, увѣренъ ли ты, что только одна неприятности съ сестрами причиною печали твоей сестры?

— Да... я думаю; развѣ еще ребяческая глупость....

— Что же?

— Ну, продолжалъ слѣпой, приближаясь къ нему съ доверчивостью, между нами сказать, Сандонъ, я думаю, что Зоя ревнуетъ.

— Ревнуетъ? повторилъ старикъ, пораженный этимъ выраженіемъ; ревнуетъ? что же возбуждаетъ въ ней это чувство?

— То, что я всякой день хожу сюда и не беру ее съ собою; она старается удержать меня каждый разъ, какъ я собираюсь выйти; говорить объ угрожающихъ намъ опасностяхъ, плачетъ, приходитъ въ отчаяніе; но я очень вижу, не одинъ страхъ неприятностей тревожить ее, она совсѣмъ по другой причинѣ желаетъ, чтобы я оставался въ Гранпрѣ; и я увѣренъ, что причиной этому ревность.

— Но, мой милый сынъ, къ кому же сестра твоя можетъ ревновать тебя здѣсь. Я не понимаю.

— Такъ я вамъ во всемъ признаюсь, сказалъ Юстинъ еще болѣе тихимъ голосомъ, еще ближе наклоняясь къ старику; я вамъ во всемъ признаюсь и вы узнаете то, что до-сихъ-поръ казалось вамъ непонятнымъ. Вы не знаете, Сандонъ, почему, уже болѣе мѣсяца, я нисколько не думаю о разореніи своего имѣнія, не забочусь о Зовъ, которая такъ много меня любитъ, почему наконецъ, всѣ мои привязанности, всѣ способности, кажется, совершенно уничтожились? Вотъ уже цѣлый мѣсяць какъ у меня одна мысль, одно чувство, преобладаетъ надъ всеми другими, это.... я долге не вврилъ самому себѣ, но теперь не могу обманываться, это оттого.... что я влюбленъ.

— Влюбленъ, ты! воскликнулъ Сандонъ.

— А почему же нѣтъ? Не вы ли сами, давъ мнѣ воспитаніе, ко-

горю и горжусь, развили во мнѣ чувство собственнаго достоинства? Развѣ вы меня обманывали? и я действительно стою ниже людей въ нравственномъ отношеніи? Если же нѣтъ, то почему же я не могу чувствовать страстной любви къ женщинѣ и внушить ей такую же любовь?

Старикъ покачалъ головою съ смущеннымъ видомъ:

— Могу ли по крайней мѣрѣ знать, кто эта женщина? спросилъ онъ.

— Вы ее уже знаете ... мадамъ де-Франшвилъ.

— Несчастный! воскликнулъ Сандонъ, въ изнеможеніи падая на диванъ. Ты любишь мадамъ де-Франшвилъ! Но, ради Бога! чего ты надеешься отъ этой любви?

— Чего я надеюсь! повторилъ слѣпой съ восторгомъ; о, вы не знаете, какъ эта женщина кротка, добра и прекрасна, лучше всѣхъ женщинъ! Вы не знаете, какія сокровища терпѣнія, преданности, ума, заключаются въ ея сердцѣ! Въ первый разъ, какъ я ее увидѣлъ, во всемъ существѣ моемъ совершился чудный переворотъ; я почувствовалъ себя лучше, умнѣе, самоувѣреннѣе. Всѣ люди, которыхъ я зналъ, оскорбляли меня своимъ сожалѣніемъ, уничтожали свою гордость. Она одна, можетъ-быть, умѣла снизить до меня или возвысить меня до себя, не оскорбляя, не унижая меня... Да простятъ всѣ дорогіе моему сердцу, но эта женщина сдѣлала для моего счастья болѣе, нежели всѣ вы вмѣстѣ. Она сдѣлала болѣе нежели вы, Сандонъ, вы, оказавшій мнѣ столько благодѣяній, развившій мнѣ умъ и сердце; болѣе, нежели моя бѣдная сестра, посвятившая мнѣ свою жизнь; болѣе, нежели моя незабвенная мать, которая всѣ помышленія свои на землѣ обращала на меня точно также, какъ, безъ сомнѣнія, на небѣ всѣ молитвы ея возсылаются за меня! Наконецъ, что мнѣ сказать вамъ? Сперва душа моя была преисполнена удивленія и обожанія въ присутствіи этой женщины; я чувствовалъ къ ней какую-то благоговѣйную любовь; она первая подала мнѣ руку, она сблизилась со мною, улыбалась мнѣ, ласкала мои робкія надежды, и я, Сандонъ, наконецъ повѣрилъ, что эта несравненная женщина, можетъ такъ же любить меня, какъ я ее люблю.

Сандонъ не зналъ что отвѣчать, какъ объяснить слѣпцу, упорному въ убѣжденіяхъ, различные оттѣнки чувствъ, разнообразіе общественныхъ приличій, которыхъ онъ никогда не могъ понять? И потому онъ съ уныніемъ и грустью сказалъ своему питомцу: Digitized by Google

— Я всегда старался, Юстинъ, предостеречь тебя отъ безумныхъ надеждъ, пагубныхъ для тебя болѣе, нежели для кого-нибудь другаго; опасность ихъ ты не можешь даже постигнуть. Эта пагубная страсть служитъ тому доказательствомъ. Какъ могъ ты подумать, чтобы молодая, богатая и свѣтская женщина, безъ всякаго сомнѣнія бывшая предметомъ страстнаго обожанія и лести, могла полюбить....

— Бѣднаго, несчастнаго слѣнца? не правда ли, вы это хотѣли сказать? прервалъ Юстинъ, безъ гнѣва и безъ горечи.

— А почему вы знаете, Сандонъ, можетъ-быть то, что вы называете моимъ недостаткомъ, и обратило вниманіе этого благороднаго созданія? Не говорилъ ли я вамъ, что она олицетворенная доброта, великодушіе, умъ? Можетъ-быть особенность моихъ наклонностей и положенія между людьми, привлекла ея уваженіе, благосклонность, ея любовь? Съ перваго дня, при встрѣчъ нашей, она была ко мнѣ внимательна, показывала уваженіе, нѣжную заботливость, которыя преисполнили меня благодарностью. Своимъ сладостнымъ голоскомъ, она жалуется мнѣ на несчастія общественной жизни; проклинаетъ свѣтъ, который вполне извѣдала, со мною, который не хочетъ его знать; наконецъ, она изливала въ мое сердце свои печали, огорченія, страданія, какъ изливаютъ ихъ въ сердце друга, въ преданности, благородствѣ и вѣрности котораго не сомнѣваются. Скажите, Сандонъ, какъ же долженъ я понимать уваженіе, предпочтеніе, изліянія души, удовольствіе, съ которымъ слушаютъ мои утѣшенія, какъ не съ увѣренностью, что мадамъ де-Франинваль имѣетъ ко мнѣ особенное расположеніе, сильнѣйшее, нежели кто другой, принадлежащій къ обыкновенному оду людей, могъ бы внушить ей.

Но Сандонъ продолжалъ качать головою, повторяя съ отчаяніемъ :

— Нѣтъ, нѣтъ, Юстинъ, это невозможно.

— Вы все еще сомнѣваетесь, Сандонъ! воскликнулъ слѣпой весело, но еще тише; ну, черезъ нѣсколько минутъ, можетъ-быть, мнѣ самому не останется болѣе никакого сомнѣнія. Сегодня утромъ, мадамъ де-Франинваль прислала сказать мнѣ, что желаетъ со мною переговорить наединѣ, что ей нужно вѣрить мнѣ очень важныя дѣла. Видите ли, это почти то же, что назначенное свиданіе, и безъ сомнѣнія, все наконецъ объяснится. Замѣтила ли вы ея смущеніе, когда я пришелъ вмѣстѣ съ докторомъ ?

— Такъ это тебя она ждала съ такимъ нетерпѣніемъ? съ удивленіемъ спросилъ Сандонъ; однако она мнѣ сказала....

— Съ нетерпѣніемъ! воскликнулъ Юстинъ въ восторгъ; вы замѣтили, что она ждала кого-то съ нетерпѣніемъ? О, это меня, Сандонъ, меня она ждала, вѣрьте, и я умру отъ радости!

Въ надеждахъ Юстина было столько простодушія, увлеченія, до-вѣрчивости, которыя во всякомъ другомъ человѣкѣ показались бы глупымъ тщеславіемъ, что у Сандона сжалось сердце, и онъ не смѣлъ разрушить ни одной надежды бѣднаго юноши. Однако, считая за долгъ исполнить тяжелую обязанность, онъ старался поселить хоть нѣкоторое сомнѣніе въ его душѣ, когда вдругъ пронзительный, но ослабленный разстояніемъ вопль достигъ до нихъ.

Юстинъ вдругъ вскочилъ и съ минутою оставался неподвиженъ и безмолвенъ, прислушиваясь, не возобновится ли опять этотъ вопль.

— Это голосъ мадамъ де-Франшвилъ! сказалъ онъ наконецъ съ безпокойствомъ; можно подумать, что это голосъ отчаянія. Сандонъ, извините меня, я пойду узнать, что могло вырвать подобный вопль изъ груди мадамъ де-Франшвилъ; не случилось ли какое-нибудь несчастіе....

— Ступай, дитя мое, сказалъ старикъ съ грустью. Этотъ разговоръ утомилъ меня; онъ слишкомъ важенъ, и я долженъ собраться со всеми силами, чтобы возобновить его. Ступай; когда же ты долженъ будешь оставить Помри, зайдя за мною, мы вмѣстѣ отправимся въ Гранпре.

Юстинъ пожалъ ему руки и бросился къ лѣстницѣ, по которой уже часто имѣлъ случай ходить, съ-тѣхъ-поръ, какъ сталъ посѣщать этотъ домъ.

Онъ замѣтилъ, что вопль, испугавшій его, раздавался изъ наружнаго павильона, и пошелъ по тому направленію со всею поспѣшностью, какую только позволяло ему знаніе мѣстности. Пробѣгая каштановую аллею, онъ столкнулся съ человѣкомъ, бѣжавшимъ съ необыкновенною поспѣшностью къ дому. По шуму шаговъ, Юстинъ узналъ Виктора Нельяка.

— Докторъ! докторъ! воскликнулъ слѣпой, справедливо думая, что никто лучше Виктора не объяснитъ ему причину раздаваемаго вопля.

Но или онъ обманулся, или докторъ не считалъ за нужное отвѣ-

чать ему; онъ въ молчаніи взошелъ на лѣстницу, по которой Юстинъ только-что сошелъ.

Слѣпой, въ сильномъ безнекойствѣ, хета и не сознавалъ причины этого безнекойства, подходилъ къ павильону, въ которомъ въ это время царствовало величайшее смятеніе.

Когда онъ вошелъ, мадамъ де-Франнивилъ, блѣдная и разстроенная, была въ жестокихъ судорогахъ.

Полулежа на диванѣ, она была въ рукахъ тетки и своей горничной, подававшихъ ей необходимую помощь Юстинъ, никѣмъ незамѣченный въ суматохѣ, одно мгновеніе оставался неподвижно на порогѣ комнаты и старался по шуму отгадать причину такой странной тревоги.

Эввалия въ забытьѣ отталкивала всѣхъ ухаживавшихъ за нею и говорила слабымъ и отрывистымъ голосомъ :

— Нѣтъ!... оставьте меня!... я хочу умереть! Мнѣ остается единъ только стыдъ!... одно страданіе!... оставьте меня, говорю вамъ! я не могу болѣе выносить жизни, послѣ такого безславья, я хочу умереть.

— Умереть! повторилъ медленный и важный голосъ, заставившій затрепетать трехъ женщинъ.

Въ то же время приблизился Юстинъ, такой же блѣдный, и также разстроенный, какъ Эввалия.

Увидѣвъ его, Эввалия оттолкнула всѣхъ окружавшихъ ее, судорожно вскочила, схватила слѣпаго за руку и сказала ему съ увлеченіемъ :

— О, подите сюда, мой добрый Юстинъ! Вы единственный мнѣ другъ, искренній, вѣрный, безкорыстный! Вы одни не имѣете пороковъ и низости людей; вы одни выслушаете меня съ добротою, будете имѣть снисхожденіе къ моимъ слабостямъ, уваженіе и сожалѣніе къ моимъ горестямъ. Вамъ хочу все рассказать, у васъ хочу и просить совета и покровительства.

Потомъ она холодно и отрывисто сказала: — Оставьте насъ!

— Но, милая племянница, сказала мадамъ де-ла-Помри съ гордостью, я не могу оставить васъ въ такомъ состояніи....

— Кажется, я у себя въ домѣ, закричала Эввалия, и имѣю право распоряжаться какъ мнѣ угодно.

На этотъ разъ женщины не смѣли противорѣчить приказаніямъ ма-

дамъ де-Франивиль, хотя и не придалъ въ этому, и вышелъ съ удивленіемъ и страхомъ.

Оставшись одни, Юстинъ и Эввалія нѣсколько минутъ оставались въ молчаніи. Слѣпой, глубоко пораженный нѣкоторыми словами, вырвавшимися у молодой женщины, стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, мрачный и задумчивый. Эввалія старалась успокоиться отъ отчаяннаго перелома, и уже нервическіе спазмы, за минуту воздымавшіе ея грудь, начинали мало-по-малу утихать.

— Сударыня, важно и холодно сказалъ молодой Лакло, вы хотѣли сказать мнѣ причину вашего страшнаго отчаянія; если эта причина тайна, которую вы хотите открыть только мнѣ одному, то говорите безъ всякаго опасенія, я не измѣню вашей тайны.

Мадамъ де-Франивиль тихо принудила Юстина свѣсть подлѣ себя и сказала ему съ доверчивостью и самозабвеніемъ :

— Юстинъ, не говорите со мною такъ холодно, когда я страдаю; теперь болѣе, нежели когда-нибудь, имѣю я нужду въ этой отрадной и утѣшительной дружбѣ, которую вы мнѣ оказывали, потому что я очень несчастна!

Этотъ сладостный и грустный голосъ, произведшій на слѣпца такое глубокое впечатлѣніе при первомъ свиданіи, и теперь тронулъ его; но легкое волненіе, быстро исчезнувшее съ его лица, было единственнымъ признакомъ внутренняго чувства.

— Я слушаю васъ со вниманіемъ и уваженіемъ.

— Юстинъ, сказала молодая женщина, приближаясь къ нему, и взявъ руки его въ свои нежныя, маленькія ручки : можетъ-быть вы строго осудите слабости, неизвинительныя въ глазахъ вашихъ, и однако я ничего не хочу скрывать отъ васъ. Вы имѣете счастье не знать еще, что такое любовь, Юстинъ, и можетъ-быть никогда не узнаете ея; по-крайней-мѣрѣ вы слышали, что мучительнѣйшія страданія, какія только можетъ вынести человѣкъ, происходятъ отъ этой страсти. Можетъ-быть вы съ своимъ разсудительнымъ умомъ будете снисходительны къ бѣдной женщинѣ, любившей только одинъ разъ въ жизни, и которую поразила жестокая увѣренность, что она не любима взаимно.

Наружность Юстина была спокойна и неподвижна, какъ кусокъ мрамора. Эввалія продолжала.

— Я вамъ уже говорила, Юстинъ, какъ вступила въ свѣтъ. Двад-

цати-двухъ лѣтъ, я осталась вдовою старика, богатая, хорошенькая можетъ-быть — по-крайней-мѣрѣ такъ говорили — я любила эту роскошную и разсыпанную жизнь, раскрывавшуюся предо мною. И въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я пила наслажденія изъ упительной чаши тщеславія и богатства, увлекательныхъ для всякой женщины. Тогда я была счастлива! безъ мыслей, безъ сожалѣній, безъ желаній, я предавалась беззаботной и веселой жизни, гдѣ каждое время года имѣетъ свои наслажденія, каждый день свое празднество.

Окруженная обожаніемъ, упоенная лестію, я не думала, что въoldsвствіи времени должна буду дорого заплатить за всѣ эти минуты блаженства. Я любила одни удовольствія, или скорѣе, предавалась имъ, не отыскивая и не убѣгая ихъ; я не пожалѣла бы, если бы они вдругъ меня оставили. Настало время, когда душа моя, усыпленная безчувственнымъ эгоизмомъ и спокойнымъ равнодушіемъ, вдругъ проснулась. Я вдругъ почувствовала вокругъ себя страшную пустоту; я поняла, что была одна, и захотѣла доставить себѣ невинное развлеченіе, употребивъ съ пользою для кого-нибудь свое положеніе въ свѣтъ, свое вліяніе и всѣ преимущества, покровительствуя какому-нибудь развивающемуся таланту, какому-нибудь непризнанному достоинству; и по случаю ли, или по капризу, въ толпѣ обожателей, составлявшихъ мой маленькій дворъ, я отличила человѣка, который болѣе другихъ, казалось мнѣ, заслуживалъ участія и преданности. Юстинъ, этотъ человѣкъ былъ тогда самымъ преданнымъ, самымъ почтительнымъ, самымъ незначущимъ изъ всѣхъ окружавшихъ меня. Онъ, какъ всѣ честолюбцы, бросился въ свѣтъ, чтобы пріобрѣсть въ немъ положеніе, которое случай или честолюбіе могли доставить ему. Не знаю, почему взоры мои остановились на немъ; не знаю почему лицо его, поблѣднѣвшее отъ занятій науками, его простой нарядъ, робкое обращеніе, привлекли мое вниманіе; я еще не любила его тогда! Но какъ бы то ни было я отличила его, потому что онъ былъ всѣхъ скромнѣе, потому что мнѣ предстояло больше труда возвысить его. Юстинъ, человѣкъ, которому я хотѣла быть покровительницею, за котораго хотѣла имѣть честолюбіе, потому что не имѣла его уже для себя, человѣкъ, котораго я хотѣла осыпать благодарностями, сама не зная для чего, для разсыпанія ли, или изъ женскаго каприза, вы его уже знаете: это докторъ Нельякъ.

Юстинъ быстро и мѣрно кивнулъ головою, какъ статуя командора, когда Донъ-Жуанъ приглашаетъ ее на ужинъ.

— О, если бы вы видѣли Виктора въ то время, продолжала мадамъ де-Франшвилъ, одушевляясь; если бы вы видѣли какъ онъ былъ внимателенъ, ласковъ, вкрадчивъ! И притомъ онъ былъ истинно ученъ; родившись въ бедности, онъ старался найти въ трудѣ замышлу недостававшему богатству. Ввести его въ свѣтъ было мнѣ легко, и мои усидя уѣзвчались усѣхомъ. Тогда я была въ большой силѣ, тогда въ рукахъ моихъ была эта пустая, ничтожная погремушка, которая называется скипетромъ моды; каждое мое слово было оракуломъ хорошаго общества. Я употребляла свое могущество въ пользу своего любимца; я ввела его въ самыя блистательныя гостиныя, рекомендовала самымъ высокимъ особамъ; кто хотѣлъ быть менѣе другомъ, долженъ былъ совѣтоваться съ докторомъ Нелькомъ въ малѣйшихъ болѣзняхъ. То, что сначала было занятіемъ, развлеченіемъ, сдѣлалось для меня дѣломъ самолюбія, и благодаря гордости своей благодѣтельница, благодаря моимъ усидямъ и стараніямъ, Нелькъ имѣлъ огромный успѣхъ; я хочу еще вѣрить, что этотъ успѣхъ былъ заслуженный. Но лучше было бы для меня, Юстинъ, если бы все мои намѣренія остались безуспѣшны; въ то время, когда я радовалась торжеству, такъ легко заслуженному, великое несчастіе угрожало мнѣ; какъ баснословный ваятель, сама не подозревая того, я влюбилась въ свое собственное произведеніе; я, никогда никого не любившая, полюбила Виктора. Онъ былъ слишкомъ хитеръ и проницателенъ, чтобы тотчасъ не замѣтить чувства, имъ возбужденнаго, а какъ сердце его наполнено было однимъ честолюбіемъ, онъ постарался употребить его въ пользу. Онъ еще не такъ возвысился, какъ впрямую хотѣлъ и, съ моею помощью, надѣялся достигнуть верха своихъ желаній. Помощію настояній и хитростей, онъ заставилъ меня продолжать начатое, заставилъ меня ничего не щадить, чтобы возвести его на вершину колеса, на которомъ онъ назначилъ себѣ мѣсто. Чего не могла я сдѣлать, будучи царицею гостивыхъ, которой поклонялось и повиновалось все, которая повсюду встрѣчала только послушныхъ рабовъ! Такимъ-образомъ, хитростію ли, интригами, или истиннымъ достоинствомъ, онъ достигъ всего, чего желалъ; еще въ цвѣтъ лѣтъ онъ стоялъ уже на верху славы, куда

съ трудомъ достигаютъ въ старости и самыя мужественныя труженія; правда, я была истощена этой безконечною борьбою, и съ ужасомъ почувствовала, что здоровье мое погибло, лучшіе годы жизни прошли въ интригахъ, и доброе имя мое было сдѣлано жертвою пламеннаго усердія къ его пользѣ. Тогда, Юстинъ, глаза мои открылись. Викторъ приобрѣлъ болѣе славы и почестей, нешелъ денегъ; онъ подвергнулъ безславію мое имя, между тѣмъ какъ я была очень далека отъ всякой соблазнительной съ нимъ связи; бракъ былъ необходимъ, неизбѣженъ; это было рѣшено и уже объявлено всѣмъ. Прошли три года, а Викторъ все уклонялся. Не буду говорить вамъ о возмутительныхъ обманахъ, низкихъ отговорахъ, которыя онъ употреблялъ для оправданія вѣчныхъ отсрочекъ; то онъ не имѣлъ еще настоящаго положенія въ свѣтъ, то я слишкомъ любила свѣтъ и не могла бы терпѣливо вынести брачной жизни. Чтобы онъ не отговаривался болѣе, я оставила блистательный городъ, гдѣ протекло для меня столько прекрасныхъ дней; но и эта жертва была бесполезна: Викторъ сталъ отговариваться разстройствомъ моего здоровья, требовавшимъ еще новой отсрочки. Съ этой минуты, Юстинъ, я не обманывала себя болѣе; я узнала, что полюбила человека честолюбиваго, съ сухимъ и холоднымъ сердцемъ, неспособнымъ никого любить, оттолкнувшимъ меня какъ бесполезное орудіе, когда я стала уже не нужна для его возвышенія. Повѣрите ли, Юстинъ, что я лишена самаго жалкаго утѣшенія, — думать, что Викторъ по-крайней-мѣрѣ не могъ любить другую. Послѣ столькихъ жертвъ, послѣ столькихъ доказательствъ преданности любви и постоянства, вдругъ узнаю, что въ свѣтъ, который я для него оставила, только и говорятъ о любовныхъ интригахъ и соблазнительныхъ связяхъ Виктора. Въ первое мгновеніе я не хотѣла вѣрить, но скоро получила убійственныя доказательства, и нѣтъ болѣе сомнѣній, что онъ чувствуетъ ко мнѣ одно равнодушіе. О, вы не знаете, Юстинъ, вы не можете знать всего, что есть горькаго въ подобномъ положеніи! Любить до обожанія, до безумія, принести въ жертву этой любви свою силу, крѣпость, доброе имя, надежды, счастье, и видѣть себя презрѣнною, преданною на посмѣшище, забытою для недостойныхъ соперницъ!... О, Юстинъ, вы счастливы, что никогда не узнаете этихъ безконечныхъ страданій, страшныхъ мученій, потому что онъ уничтожаютъ и убиваютъ.

И она бросила мрачный взглядъ на свои прозрачныя и исхудав-

нѣя руки, потомъ подняла глаза и взглянула на Юстина. Онъ все еще оставался неподвиженъ ; прекрасное лицо его было важно, задумчиво и выражало только глубокое вниманіе, хотя губы его судорожно сжались и слегка покрылись пѣной. Сама не зная отчего, Эввалія, смотря на спящаго, почувствовала невольный ужасъ; она инстинктивно угадывала, что внутри этого желѣзнаго чловѣка съ такою безстрашною наружностью, происходило что-то ужасное, чего онъ не хотѣлъ еще открыть.

Съ едва замѣтнымъ трепетомъ, она отвернулась и продолжала не съ такою уже увѣренностью, какъ прежде.

— Теперь, Юстинъ, то, что я хочу сказать вамъ, можетъ-быть, касается столько же васъ какъ и меня; я хочу сообщить вамъ подробности, которыя подтвердились съ того времени, какъ я просила васъ прѣхать въ Помри сегодня утромъ; я не думала тогда о жестокихъ обстоятельствахъ, вынудившихъ меня передать вамъ этотъ продолжительный и грустный разсказъ.

Она ожидала отвѣта отъ своего собесѣдника, внушавшаго ей неопредѣленный ужасъ выраженіемъ неподвижности и молчаніемъ. За то какъ же она изумилась и успокоилась, когда Юстинъ съ внезапнымъ одушевленіемъ и чрезвычайною вѣжливостію, сказалъ ей :

— Вы ошибаетесь, если думаете, что я слушаю разсказъ вашъ безъ живѣйшаго участія ; я жду продолженія и хочу узнать какимъ-образомъ я — онъ сдѣлалъ удареніе на это слово — могу занимать мѣсто въ вашемъ сердечіомъ и грустномъ разсказѣ.

Слова были вѣжливы, даже ласковы, но улыбка, ихъ сопровождавшая, выражала такую горечь и мрачность, что если бы она ее замѣтила, весь страхъ снова возвратился бы къ ней.

Прежде всего, Юстинъ, продолжала она, вы должны узнать причину нашего путешествія и пребыванія здѣсь. Я вамъ уже сказала, что ко всѣмъ мученіямъ, раздиравшимъ мое сердце, присоединилась еще ревность. Нѣсколько мѣсяцовъ тому, я рѣшилась сдѣлать испытаніе, на которомъ, увы ! основывала послѣднюю надежду. Я думала, что если бы мнѣ удалось на нѣкоторое время исторгнуть Виктора изъ привычной его разсыянной жизни, отъ занятій, поглощавшихъ его время, и удалиться съ нимъ въ тишину уединенія, гдѣ бы онъ могъ наконецъ размыслить о моей участи, которой самъ причиною ; гдѣ бы онъ никого не видалъ кромѣ меня, гдѣ бы я занимала всѣ

его минуты; можетъ-быть въ немъ произойдетъ счастливый переворотъ, и онъ тронется такимъ самоотверженіемъ и терпѣніемъ, и рѣшится возстановить мое доброе имя, что по законамъ свѣта было непремѣнною его обязанностью. Тогда я вспомнила объ этомъ пѣмѣствѣ, самомъ отдаленномъ и самомъ худшемъ изъ всѣхъ моихъ земель, но гдѣ, говорили мнѣ, я найду невѣдмое мирное уединеніе, такъ некренно желанное. Много труда стало мнѣ уговорить Виктора на это путешествіе; наконецъ я достигла этого и прѣехала сюда съ нимъ и тетушкою, въ надеждѣ, что уединеніе этого убѣжища, мое постоянство и угрызения совѣсти Нельяка будутъ способствовать совершенному исполненію моихъ намѣреній.

Вы знаете, Юстинъ, какъ эти надежды скоро разрушились. Вместо ожидаемыхъ попеченій и исключительнаго вниманія, Викторъ съ перваго же дня сталъ проводить все время на охотѣ или въ прогулкахъ по живописнымъ окрестностямъ. Если я иногда жаловалась на это забвеніе, онъ отвѣчалъ мнѣ пошлыми учтивостями или шутками; если я начинала упрекать его, онъ сердился и приходилъ въ раздраженіе, и сегодня, вслѣдствіе подобной ссоры, когда я стала упрекать его, что цѣлый день не видала его, онъ пришелъ въ такое изступленіе, что рѣшился сказать мнѣ, Юстинъ, — онъ имѣлъ дерзость сказать, — что не смотря на всѣ свои усилія, не можетъ любить меня, что любитъ другую, но не можетъ на ней жениться, а потому и уѣзжаетъ въ Парижъ, а меня покидаетъ въ этой пуготынѣ!...

Сказавъ это, Эввалия залилась слезами, которыя уже не разъ въ продолженіе ея разказа наворачивались на ея глазахъ; при воспоминаніи же о сценѣ, бывшей до прихода Юстина, нервическіе спазмы, удерживаемые въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, возобновились съ болѣею силою; но, казалось, слѣпой юнона не обращалъ вниманія на проявленіе такой жестокой печали, и когда мадамъ де-Франкивиль нѣсколько успокоилась, онъ спросилъ глухимъ и суровымъ голосомъ :

— Такъ вы осуждены на мученіе — знать, что повсюду и всегда вы не любимы, что смѣются надъ вашими страданіями, что другой, счастливѣйшій, оскорбляетъ и унижаетъ васъ?... О, это странное мученіе! И мы, бѣдные слѣпцы, несчастные парии умоумъ и сердецъ, мы то же можемъ понимать это.

Мадамъ де-Франкивиль быстро отошла отъ Юстина; она заметила,

что жестоко оскорбила его, но не понимала еще всей глубины настоящей раны.

— Юстинъ, спросила она съ участіемъ, что съ вами? Что значать этотъ видъ, эти странныя слова?

Юстинъ оставался въ мрачномъ молчаніи, какъ-будто не слыхалъ вопроса.

— Простите ли вы меня, спросилъ онъ самъ послѣ короткаго молчанія, если я осмѣлюсь напомнить вамъ, что вы говорили что-то о подозрѣнійхъ, которыя я могу пояснить....

— Но я не знаю, съ робостью сказала Эвлалія, должна ли я теперь, когда вы такъ необыкновенно взволнованы, сообщить вамъ предположенія, которыя могутъ глубоко огорчить васъ и, можетъ-быть, даже возбудить вашъ гнѣвъ?...

— О, говорите, не бойтесь ничего, отвѣчала слѣпой, постепенно одушевляясь; если я, по мнѣнію другихъ, существо бесполезное, несовершенное, неспособное чувствовать, годное для того только, чтобы быть утѣшителемъ чужихъ страданій, какъ отжившій старикъ, который не въ силахъ уже ни любить, ни желать, ни надѣяться; по крайней-мѣрѣ я обладаю силою мужчины для того чтобы вынести бремя горести, и какъ бы тяжело ни было это бремя, оно не принудитъ мою гордость просить пощады. Посмотрите, продолжалъ онъ, обращаясь къ Эвлаліи съ гордымъ видомъ: минуту тому назадъ сердце мое было разбито, растерзано на тысячу частей, въ глубинѣ души я выстрадалъ все мученія ада; и посмотрите, руки мои не сжались отъ ярости, грудь не истерзана, волосы конечно не посѣдѣли.... О, увѣрю васъ, мы, слѣпцы, умѣемъ страдать въ тиши, въ молчаніи; теперь вы можете говорить безъ страху; я готовъ ко всему.

Только теперь глаза ея открылись; она поняла всю истину.

— Юстинъ! воскликнула мадамъ де-Франшвилъ, Юстинъ, мнѣ страшно понять васъ!... Какъ! вы, вы, дружбу котораго я всегда считала такою чистою и безкорыстною....

— Не будемъ говорить обо мнѣ, прервалъ Юстинъ, опять принимая спокойный видъ: не станемъ заниматься мною, потому что въ эту минуту дѣло идетъ о васъ и позвольте мнѣ опять спросить васъ....

— Хорошо, Юстинъ, сказала Эвлалія въ невыразимомъ волненіи,

едва понимая силу словъ : дѣло идетъ о вашей сестрѣ.... то-есть, прибавила она спохватившись , я подозреваю, что Викторъ подъ предлогомъ охоты, ходитъ.... къ этой неизвѣстной соперницѣ!... О! Боже мой! сжалясь надо мною! воскликнула она, закрывая глаза платкомъ.

Сльпой, холодный и неумолимый, стоялъ передъ нею.

— Если я только понялъ смыслъ вашихъ словъ, сказалъ онъ, вы думаете, что эта неизвѣстная соперница, похитившая у васъ любовь этого.... Виктора, моя сестра Зоя. Смѣю ли я спросить васъ, сударыня, господинъ ли Викторъ сказалъ вамъ это?...

— О нѣтъ! нѣтъ, Юстинъ, это мое собственное подозрѣніе. Я думала.... мнѣ говорили....

— Если господинъ Викторъ или кто другой говорилъ вамъ, что-либо такое, чтò могло бы затѣмнить честь сестры моей, то это гнусная ложь; если же вы боитесь за себя и за своего Виктора, простой и робкой дѣвушки, воспитанной вдалѣ отъ свѣта, въ глуши деревни, то успокойтесь : сестра моя никогда не выйдетъ замужъ, она мнѣ это обѣщала, она обѣщала это моей умирающей матери; она никогда никого не будетъ любить, потому что всѣ ея привязанности съ давнихъ поръ сосредоточены на братѣ; она никогда не слыхала словъ любви, потому что имѣетъ ко мнѣ полную довѣренность и тотчасъ же все пересказала бы мнѣ; вотъ какова особа, которую угодно вамъ считать своею соперницею; теперь вы можете судить, въ состояніи ли она быть опасною для мадамъ де-Франшвилъ.

Эвлялія была поражена этою жестокою, неумолимою откровенностью, разорвавшею всѣ уклончивыя обороты и мягкость выражений.

Сльпой всталъ.

— Полагаю, сказалъ онъ, что довольно ясно отвѣчалъ на всѣ ваши вопросы, и проищу васъ позволить мнѣ удалиться.

Онъ медленно подходилъ къ двери. Мысли Эвляліи до-того были смущены, что она, казалось, потеряла способность думать и говорить

— Прощайте, повторилъ онъ выходя, звучнымъ голосомъ; будьте счастливы.

— Юстинъ, воскликнула молодая женщина, съ усиліемъ дѣлая въ-

сколько шаговъ, чтобы остановить его: Юстинъ, умоляю васъ, еще нѣсколько словъ....

— Одно, если вамъ угодно, сказалъ торжественно слѣпой, я васъ любилъ и прощаю васъ!

Черезъ нѣсколько минутъ Юстинъ и Сандонъ выходили изъ ворота дома мадамъ де-Франшвилъ. Сандонъ велъ подъ уздцы ослѣпанную лошадь. Услышавъ шумъ отворяющихся воротъ, Эвваляія показала на крыльцѣ маленькаго павильона.

— Юстинъ, Юстинъ! воскликнула она вся въ слезахъ.

Молодой Лакло остановился, оставилъ руку своего товарища и обернувшись въ ту сторону, откуда послышался голосъ, вежливо поклонился.

— Честь имѣю кланяться, сказалъ онъ громко, и благодарить васъ за гостепримство, оказанное моему другу.

И онъ тотчасъ же увлекъ Сандона, который, увидѣвъ мадамъ де-Франшвилъ, могъ только поднять руки къ небу въ знакъ горести и покорности Провидѣнію; и оба въ молчаніи отправились по дорогѣ въ Гранпрѣ.

Когда они отошли на такое разстояніе отъ Помри, что нельзя было уже ихъ ни слышать, ни видѣть, оба вдругъ остановились. Сандонъ взялъ молодаго человека за руку и крѣпко пожалъ ее.

Тогда вдругъ разбилась рѣшимость Юстина; слезы хлынули изъ его глазъ, онъ бросился въ объятія своего названнаго отца и оставался такъ въ безмолвіи, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ.

— Не унывай, милый Юстинъ, сказалъ старый наставникъ, какъ только собрался съ силами; не унывай, у тебя остается еще другъ и сестра, которые любятъ тебя болѣе всего въ мірѣ; мы постараемся утѣшить тебя.

— Да, да, Зоя меня очень любитъ, сказалъ слѣпой, опять отправляясь въ путь, и я долженъ возложить всѣ свои надежды на добрую сестру.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Въ продолженіе всего этого года мы слышали одного только иностраннаго пианиста, господина Шифа. Софія-Бореръ, этотъ Листъ въ женскомъ платьѣ, такъ восхищавшая насъ два года тому назадъ, обѣщавшая навѣстить насъ, въ этомъ году, во обѣщаніе ея осталось неисполненнымъ. Мы узнаемъ, что

она, усладивши варшавскую публику, нечуть отстаивать Россію навсегда. Петербургскіе пианисты, правду сказать, въ этомъ году непростительно какъ ленивы; самый звончай изъ нихъ, господинъ Гендельтъ, по прежнему не выходитъ на состязаніе Господинъ Герке, прежде рачотчивѣйшій на свой блестящій механизмъ, давно уже не является въ наши концертныя залы; даже господинъ Левинъ видѣтъ былъ только въ некоторыхъ пьесахъ въ четыре руки, при восьми своемъ истинно превосходномъ талантѣ, который всегда, казалось, чувствовалъ потребность выказываться передъ публикою. Одинъ только господинъ Рубинштейнъ храбро состязался на попріица этого года. Одинъ онъ былъ представителемъ пианистовъ нашего города и, конечно, намъ нечего было опасаться за такого представителя. Игра господина Рубинштейна съ прошедшаго года еще больше усовершенствовалась. И тогда уже онъ обладалъ тою виртуозностью, для которой вътѣ ни препятствій, ни трудностей и которая составляетъ необходимое условіе нынѣшняго артиста; но тогда онъ находился постоянно въ какомъ то волненіи; его особеннымъ наслажденіемъ было побѣждать величайшія затрудненія, громоздить трудности на трудности, — это былъ гигантъ, нападавшій на невозможность. При такой могущественной силѣ нельзя было ожидать большой прелести и пріятности. Но въ этомъ году господинъ Рубинштейнъ сдѣлалъ огромный шагъ въ усовершенствованіи; теперь игра его болѣе спокойна, болѣе обдуманна, а слѣдовательно болѣе прелестна, вразумительна. Не смотря на свою молодость, этотъ артистъ безспорно принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ виртуозамъ, которые служатъ образцами для всей прочей толпы. Онъ участвовалъ во многихъ концертахъ и вездѣ игра его имѣла огромный и полный успѣхъ.

Въ этомъ году къ намъ привѣзжало мало иностранныхъ артистовъ, и скрипка была счастливѣе всѣхъ инструментовъ, благодаря двумъ иностраннымъ скрипачамъ, господину Франкенштейну и господину Голду. Господинъ Франкенштейнъ, еще молодой человекъ, подаетъ большія надежды своимъ прекраснымъ талантомъ; онъ уже очень успѣлъ въ механической части искусства. Мы замѣтили, что у него недостаетъ вкуса, что впрочемъ и естественно въ молодомъ, еще неопытномъ человѣкѣ. Опытъ и изученіе могутъ со временемъ образовать его вкусъ. Господинъ Франкенштейнъ выводитъ мелодіи съ особенною прелестію и живостью, но не умѣетъ ихъ хорошо складывать. Очень часто въ

игра его слышно какое-то глубокое увлеченіе, — принадлежность однихъ польскихъ музыкантовъ. Господинъ Франкенштейнъ съ восторгомъ былъ встрѣченъ публикою.

Господинъ Гольдъ пользуется большою извѣстностію. Начавъ изученіе искусства подъ руководствомъ знаменитаго Бема, онъ игралъ не въ одной Вьенѣ и другихъ столицахъ Германіи, но и въ Парижѣ. Мнѣніе парижской публики обыкновенно служитъ артисту вѣрнымъ дипломомъ во всѣхъ прочихъ странахъ свѣта. Французскіе журналы относятся о господинѣ Гольдѣ не только съ хорошей стороны, но и съ похвалою, и мы были въ правѣ ожидать отъ него чего-нибудь необыкновеннаго. Господинъ Гольдъ игралъ всего одинъ разъ, именно въ концертѣ театральнѣйшей дирекціи на Александринскомъ театрѣ. Слинкомъ было бы дерзко судить объ артистѣ по одной только піесѣ, и въ этотъ разъ мы удовольствуемся сказать, что господинъ Гольдъ, въ-самомъ-дѣлѣ, превосходный скрипачъ; онъ исполняетъ мелодіи съ особенною выразительностію и со вкусомъ, и владѣеть твердымъ, хорошо обработаннымъ механизмомъ; намъ показалось, что смычекъ его не совсемъ силенъ и что тамъ и сямъ, заботясь много объ эффектѣ, онъ прибѣгалъ къ некоторымъ небольшимъ хитростямъ, которыя такъ и отзываются шарлатанствомъ. Но можетъ-быть эта слабость звуковъ есть недостатокъ самаго инструмента или слѣдствіе его игры въ обширной театральнѣйшей залѣ. Одна піеса не могла вполне выказать его таланта, и мы дождемся его другаго концерта, чтобы потомъ окончательно опредѣлить свой приговоръ надъ нимъ. Нельзя не упомянуть объ одномъ прекрасномъ артистѣ, участвовавшемъ въ этомъ концертѣ дирекціи, — о нашемъ господинѣ Шиндлерѣ. На самомъ неблагодарномъ изъ инструментовъ, фаготѣ, онъ исполнилъ превосходное произведеніе Карла-Маріи Вебера съ удивительнымъ совершенствомъ и вкусомъ. Оркестръ нашъ долженъ гордиться тѣмъ, что имѣетъ въ числѣ своихъ членовъ такого отличнаго артиста, какъ господинъ Шиндлеръ.

Теперь остается сказать о большомъ и прекрасномъ концертѣ, данномъ господиномъ Луи-Мауреромъ на Михайловскомъ театрѣ. Читатели наши уже знаютъ великія заслуги этого артиста; теперь прибавимъ, что этотъ концертъ далъ новое доказательство рвенія господина Маурера къ серіозной и классической музыкѣ, его достоинства какъ композитора и учителя, и его таланта въ управленіи оркестромъ. Первая часть

концерта заключала въ себѣ три инструментальныя классическія сочиненія: увертюру изъ «Меден» Керубини, маршъ изъ «Развалинъ Лейнгъ», Бетховена и маршъ «коронованія Карла - Десятаго», Керубини. Мы уже не разъ слышали и удивлялись увертюрь изъ «Меден», этой музыкальной картинѣ, гдѣ въ звукахъ представлена борьба страстной ревности и материнской любви въ такомъ ошутительномъ видѣ, что едва ли можно лучше изобразить красками. Остальныя два марша мы слышали здѣсь въ первый разъ. Религіозный маршъ коронованія прекрасное сочиненіе, исполненное прелести и гармоніи, напоминаетъ собою немного маршъ изъ «Ифигенія», Глюка, и другой изъ «Волшебной флейты» Моцарта. Особенная прелесть этого марша заключается въ инструментовкѣ; соединеніе флейты *piccolo* и рога производить удивительный эффектъ: это вмѣстѣ прозвательно и гармонично, легко и серьезно, смѣло и пріятно. Если бы Керубини написалъ одинъ этотъ маршъ, то и тогда уже имя его заслуживало бы безсмертія. И въ маршѣ Бетховена *piccolo* играетъ также первую роль. Но какая разница между этими двумя маршами! Въ произведеніи Керубини, отъ начала до конца, царствуетъ религіозная торжественность, каждая нота благоухаетъ ошміаномъ и сладкимъ созвучіемъ молитвы; у Бетховена же шуточный фарсъ: толпа дервишей проходить скорыми шагами, оборотившись задомъ, сцену, соупутствуемая причудливой мелодіей маленькой флейты (*piccolo*), которая выдѣлываетъ какія-то странныя ноты. Смѣшнѣе всего—это самый конецъ; въ немъ есть что-то такое глупое и нелѣпое, что слыша его никакъ нельзя удержаться отъ смѣху. Можетъ ли публика устоять противъ веселости Бетховена, этого всемірнаго генія, столь же великаго въ комизмѣ, какъ въ возвышенномъ стилѣ! Публика единодушно потребовала повторенія этого превосходнаго марша.

Другія части первой половины концерта состояли въ піесахъ, исполненныхъ различными виртуозами. Сыновья господина Маурера играли одинъ за другимъ; старшій, Всеволодъ, исполнилъ на скрипкѣ концертъ—сочиненіе своего отца (немного устарѣлое) и варіаціи Арто на вѣчную: *bell'alma innamorata* изъ «Лучія» (сочиненіе чрезвычайно скучное). Всеволодъ Мауреръ выказалъ себя по прежнему превосходнымъ виртуозомъ; его правильная и спокойная игра имѣла полный и вполне заслуженный успѣхъ. Александръ Мауреръ сыгралъ на віолончели «*Souvenir de Spa*» Серве; игра Александра Маурера по-

ходитъ на игру его брата: она чиста, правильна и чрезвычайно спокойна; следовательно характеръ игры Александра Маурера прямо противоположенъ характеру великаго виртуоза — сочинителя исполненной имъ пьесы. Этотъ контрастъ не могъ благоприятствовать, ни исполнителю, ни самому сочиненію. Мы имѣемъ право думать, что господинъ Мауреръ лучше бы сдѣлалъ, если бы выбралъ для себя другую пьесу, которая болѣе соответствовала бы характеру его таланта. Потомъ господинъ Мауреръ участвовалъ въ исполненіи сочиненнаго отцемъ его ноктурна для четырехъ виолончелей.

Виолончель въ настоящее время вошла въ особенную милость у публики, чего она впрочемъ вполне заслуживаетъ по своему звуку, столь родственному мужскому голосу и по удобствамъ, какія она предоставляетъ артисту, желающему выказать на ней всю свою виртуозность. Виолончель — одинъ изъ самыхъ новыхъ инструментовъ нынѣшняго оркестра, изобрѣтена была только въ началъ прошедшаго столѣтія однимъ французскимъ церковникомъ, по имени Тардье, изъ Тараскона въ Провансѣ. До того времени ея замѣняла Viola di gamba. Этотъ старинный инструментъ имѣлъ шесть или семь струнъ, настроенныхъ обыкновенно въ аккордъ: D, G, c, e, a, d̄, а иногда и иначе. Были также и меньшія Viole di gamba о пяти струнахъ, называемыя Французами Basse de Viola. Но честь усовершенствованія этого инструмента безспорно принадлежитъ Англичанамъ; только у нихъ и были первые и послѣдніе виртуозы на Viola di gamba; послѣднимъ виртуозомъ на этомъ инструментѣ былъ знаменитый Абель, со смерти котораго (съ 1686 года), Viola di gamba впала въ совершенное забвеніе. Главная причина этого упадка ея заключалась въ изобрѣтеніи виолончели, которой звукъ не былъ такъ рѣзокъ и пронзителенъ, какъ у ея предшественника. Однако же виолончель въ началъ была далеко не та, что она теперь. Она имѣла пять струнъ, изъ которыхъ четыре настраивались по квинтамъ C, G, d, a; а послѣдняя въ кварту d̄. При всѣхъ достоинствахъ этого новаго инструмента, былъ одинъ недостатокъ, его тяжесть; что и подало мысль Себастьяну Баху замѣнить его другимъ, имъ изобрѣтеннымъ инструментомъ, названнымъ Viola pomposa. И на ней находилось также пять виолончельныхъ струнъ; только послѣдняя была настроена не въ d̄, но тономъ выше, въ e. Существенное различіе между виолончелью и Viola pomposa, состояло въ способъ держать инструментъ. Виолон-

чель ставили между козьнами, а Viola romposa держали какъ скрипку, что конечно не могло быть удобнымъ для довольно большого и значительно тяжелаго инструмента. Когда же послѣдователь Тардѣ, метръ Берто, снялъ съ виолончели пятую струну, и тѣмъ сдѣлалъ ее болѣе удобною для игры, виолончель побѣдила свою предшественницу Viola di gamba, и скоро восторжествовала надъ назначенною ей въ преемницы Viola romposa. Въ концѣ уже прошедшаго столѣтїа, виолончель появилась во всѣхъ оркестрахъ; еще Джеминиани (въ 1758 году), Корелли и Себастьянъ Бахъ писали пїесы для концерта на виолончели, но только въ началѣ нынѣшняго столѣтїа она сдѣлалась настоящимъ концертнымъ инструментомъ; однимъ изъ первыхъ виртуозовъ на ней былъ Бернгардъ Ромбергъ; за нимъ появилось на ней такое же множество виртуозовъ, какъ и на другихъ инструментахъ, а теперь мы часто видимъ что четыре виолончели, отдѣлись отъ остальнаго оркестра, совокупляются въ гармоническое цѣлое и не смотря на небольшой объемъ своихъ звуковъ, производятъ очень прїятный эффектъ; такъ напримѣръ, прекрасное и замысловатое ноктурно Маурера, имѣло полный успѣхъ, совершенно достойный исполнителей, господъ Шуберта, Кнехта, Бера и Маурера.

Въ заключеніе первой части концерта, былъ исполненъ превосходный хоръ для мужскихъ голосовъ «Der Jäger Abschied», Мендельзона, съ аккомпаниментомъ шестнадцати рожковъ и четырехъ тромбонзовъ. Это огромное количество мѣдныхъ инструментовъ заглушило немногочисленный хоръ голосовъ; вообще замѣтно было, что они дурно сыгрались, отъ чего и характеръ сочиненїа былъ дурно переданъ; но въ началѣ, когда одни мѣдные инструменты играли первый куплетъ, эффектъ былъ превосходенъ, величественъ и въ-самомъ-дѣлѣ прекрасенъ.

Вторую часть концерта составляла прелестная музыка, сочиненная Мендельзономъ, на поэтическое мечтаніе Шекспира, подъ названїемъ «Сонъ въ Ивановскую ночь». Увертюра этого произведенїа написана была Мендельзопомъ въ то время, когда ему было еще четырнадцать лѣтъ, и служить если не главнымъ, то по-крайней-мѣрѣ неоспоримымъ доказательствомъ необыкновеннаго могущества этого преждевременнаго таланта. И въ-самомъ-дѣлѣ, во всей извѣстной до того времени музыкѣ, нѣтъ ничего, даже сколько-нибудь похожаго на эту истинную музыку сѣлфовъ. Это одинъ изъ самыхъ удачныхъ его опытовъ, какого не произвелъ ни одинъ композиторъ, и Мендельзонъ,

рассматривая на множество написанных нить впоследствии прекрасных сочинений, никогда не был так очастливо вдохновенъ, какъ въ этомъ твореніи его дѣтства. Мы часто встречаемъ въ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ повторенія его пляски силфовъ, и онъ послѣ оказывалъ какое-то пристрастіе къ этому роду музыки. Призванный впоследствии великимъ учителемъ своего искусства, Мендельзонъ былъ приглашенъ въ Берлинъ; король, которому посвящена была увертюра «Сонъ въ Ивановскую ночь», просилъ его положить на музыку всю прекрасную драму Шекспира, и Мендельзонъ взялся за этотъ трудъ, не по заказу, но съ любовью, обдуманностью и съ совершеннымъ знаніемъ дѣла. И въ самомъ дѣлѣ эта музыка считается въ числѣ лучшихъ его образцовыхъ сочиненій; нужно удивляться здѣсь свѣжести воображенія, обилію мелодій, богатству инструментовки и мастерскому, но всегда умвренному употребленію вохъ средствъ, предоставляемыхъ натукою тонкому и острому уму. Очевидно, что мотивы увертюры, которая уже сама по себѣ обнимаетъ весь характеръ и вохъ положенія драмы, должны повториться во всемъ произведеніи. Оно такъ и есть. Особенно пляска силфовъ, которую начинается увертюра, повторяется еще разъ въ финальной сценѣ всего сочиненія, и очень любопытно видѣть какимъ-образомъ композиторъ съумѣлъ здѣсь поправить ошибку, сдѣланную въ молодости. Всякій сознается, что увертюра слишкомъ длинна: юность никогда не знаетъ мѣры. Лаконизмъ—искусство немногими словами высказывать многое, принадлежитъ только зрѣлому возрасту. Нить идей въ увертюрѣ нрѣдко прерывается; три раза она какъ будто хочетъ окончиться и только въ четвертый оканчивается совершенно. Но есть еще болѣе важный недостатокъ въ увертюрѣ: первый мотивъ, который на самомъ дѣлѣ долженъ быть въ два темпа *alla breve*, у него идетъ въ четыре; поэтому все, что должно входить въ два такта, у него входить въ одинъ. Мендельзонъ впоследствии поправилъ эту ошибку: мотивъ восстановленъ въ размѣрѣ *alla breve*. Въ партитурѣ оркестра этой ошибки не существуетъ, но ее можно встрѣтить въ первомъ изданіи этой увертюры, въ аражировкѣ для четырехъ рукъ, сдѣланной самимъ авторомъ. Партитура для оркестра была издана уже несколько лѣтъ спустя, и Мендельзонъ воспользовался этимъ промежуткомъ времени, чтобы повать ошибку и избѣжать ее въ партитурѣ.

Твореніе начинается этой прекрасной, весьма любимой увертюрой.

Первый акт не представляет ничего особеннаго для музыки, но три слѣдующіе акта, гдѣ изображены фантастическія сцены въ очарованномъ лѣсу близъ Аонія, почти вполне принадлежатъ музыкѣ. Здѣсь появляется то любовь, то ревность, то смѣливыя пошлости вѣнскихъ ремесленниковъ, приготавливающихъ драматическое представленіе, и вотъ эти разнообразныя сцены окружены и проникнуты поэтическою толпою сѣфовъ; послѣдніе, не смотря на то, что слишкомъ заняты осорою ихъ царя Оберона съ царицею Титаніею, не могутъ однако жъ устоять противъ искушенія въ свободныя минуты вымѣшаться въ дѣла простыхъ смертныхъ. Въ особенности отличается злобный бѣсенокъ Пукъ—самый удалой дьяволъ. Недовольный собственною властію переворачивать вверхъ дномъ всю людскія головы и общественныя отношенія добрыхъ вѣнскихъ жителей, заблудившихся въ лѣсу, онъ осмѣливается даже увлечь въ вихрь своихъ шалостей благородную Титанію, со всею ея безмѣрной горестью оскорбленной супруги. Музыка, предшествующая второму акту, изображаетъ вѣрный портретъ бѣсенка, котораго могло создать только воображеніе Шекспира, а талантъ Мендельсона перенести въ звуки. Въ этомъ scherzo весь оркестръ приходитъ въ волненіе, но не дѣлая никакого шума—это очаровательная музыка сѣфовъ; они легко, пріятно и кокетливо порхаютъ по его мотивамъ и пассажамъ, постоянно одушевленнымъ и живымъ, и однако жъ ни въ чемъ не схожимъ съ мотивами увертюры. Каждый инструментъ оркестра принимаетъ дѣятельное участіе въ шалостяхъ Пука. Для самаго даже лучшаго оркестра въ свѣтъ не легко было бы выйти благополучно и счастливо изъ этого запутаннаго положенія. Не смотря на слабость флейты, это мѣсто, благодаря искусному управленію Маурера, было сыграно превосходно, и немедленно повторено по желанію всей публики. Очень естественно, почему въ концертъ не могли исполнить мелодраматической музыки изъ сцены сѣфовъ; но не слѣдовало бы выпустить прелестнаго, небольшого марша, сопровождающаго появленіе этихъ фантастическихъ существъ; онъ восхитителенъ по изобрѣтенію и инструментовкѣ. Полное страсти колено въ *la mineur*, когда Эрминія ищетъ своего любовника, было прекрасно выполнено и произвело большой эффектъ, несмотря на малопонятный въ концертъ мажорный тонъ въ концѣ, которымъ означается появленіе ремесленниковъ. Пѣніе сѣфовъ вмѣстѣ съ прелестнымъ и фантастическимъ соло не могло вполне выказаться въ

концерта, лирическимъ драматическаго эфекта. Одно изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ во всемъ произведеніи, это контурное въ ші шаѳеиг, сопровождающее сонъ четырехъ главныхъ лицъ. Это инструментальное и совершенно самостоятельное сочиненіе, въ которое композиторъ вложилъ все богатство мелодіи и чувствъ, и такъ искусно отцвѣтилъ всею разнообразіемъ пріятной, новой и поэтической инструментовки; это мѣсто есть подлинный сонъ въ Ивановскую ночь. Каждый, кто только знаетъ все произведеніе, долженъ съ нетерпѣніемъ ожидать этого мѣста: и оно не было исполнено, намъ не дали этого драгоценнаго перла! Почему? отгадать трудно; сочиненіе чрезъ это навѣрно лишилось одного изъ своихъ сокровищъ, и публика, сознаемъ, охотно бы пожертвовала для него соло охотничьяго рога, о которомъ мы ничего не говорили, потому что оно слишкомъ отзывается посредственностью.

Съ послѣднимъ актомъ драма Шекспира возвращается къ дѣйствительности: мы присутствуемъ на свадьбѣ Тезея съ царицею Амазонкой, Иполитою; раздается оглушительный маршъ; летучіе звуки музыки въ предшествовавшихъ актахъ уступаютъ мѣсто яснымъ и широкимъ аккордамъ ші шаѳеиг. Инструментовка растекаетъ всю свои сокровища, рога громко трубятъ; вся остальные мѣдныя и духовыя инструменты соединяются въ аккорды оглушительной звучности. Ночь исчезла, наступаетъ совершенный день, и появляется торжественное шествіе царской четы. Это прелесть, — высоко, — великолѣпно! Музыка, придѣланная къ шутовскому представленію аѳонскими ремесленниками трагедіи Пирамъ и Тисбы, не могла идти къ концерту, по этому ея и не было въ немъ. Въ финалъ мы еще разъ видимъ появленіе царя и царицы сильфовъ, въ сопровожденіи всей своей крылатой свиты, чтобы дать благословеніе новобрачнымъ. Здѣсь снова слышится мотивъ увертюры, но, какъ мы уже прежде сказали, въ болѣе правильномъ размѣрѣ. Какъ здѣсь, такъ и въ увертюрѣ, конецъ сходенъ съ мотивомъ изъ «Оберона», Вебера. Можетъ-быть Мендельзонъ, сочиняя свою увертюру, выбралъ этотъ мотивъ съ цѣлію олицетворить идею о короляхъ сильфовъ.

Мы обязаны живѣйшею благодарностью достойному господину Мауреру за то, что доставилъ намъ удовольствіе услышать это образцовое произведеніе Мендельсона, прекрасно исполненное оркестромъ. Мы хотѣли бы слышать это твореніе въ его цѣломъ и полномъ объе-

мъ, однако же не хотимъ верить, чтобъ таею артистою, какъ господинъ Мауреръ, рѣшился спустить главныя части, но будучи побужденъ къ тому болѣе важными причинами. Эта музыка имѣла полный эффектъ въ концертѣ, но что бы было, если бы представили ее намъ въ настоящемъ видѣ, — на сценѣ. Я видѣлъ представленію ея въ Ивановскую ночь на Берлинскомъ театрѣ. Постановка на сцену, совершенно въ томъ видѣ, какъ было во времена Шекспира, сдѣлана была Лудвигомъ Тикомъ; хорамъ и оркестромъ дирижировалъ самъ Мендельзонъ. Это было истинно-великолѣпное цѣлое и произвело необыкновенный эффектъ. У насъ, въ Петербургѣ, существуетъ немецкій театръ; представленіемъ этой драмы, онъ могъ бы доставить огромное удовольствіе возмъ любителямъ истинно-прекраснаго.

Мы говорили не о всехъ артистахъ, которые участвовали въ нынѣшнихъ концертгахъ, однако же не можемъ умолчать о господинѣ Жерве-Нейрейтеръ, явившейся почти во всехъ концертгахъ. Прекрасный талантъ и прекрасный голосъ этой пѣвицы ни на минуту не перестаютъ возбуждать восторгъ въ публикѣ и, конечно, явица вполне достойна расточаемыхъ ей рукоплесканій и букетовъ. Говорятъ, что госпожа Жерве на будущій годъ приглашена въ Итальянскую оперу.

Исполнивъ съ верой и правдой должность музыкальнаго чичероне, въ отношеніи къ нашимъ читателямъ, мы обязаны еще просмотрѣть новыя музыкальныя сочиненія, и указать на все, что есть изъ нихъ лучшаго. Нынѣшній годъ не изобилуетъ новостями; зато мы не получили почти ни одной музыкальной новости. Лѣто вѣроятно много вознаградитъ насъ за все лишнее зимы; но какъ лѣто еще не наступило, а съ нимъ вмѣстѣ еще не прибыли иностранныя корабли, которые привезутъ намъ все, что только вышло въ теченіе осени изъ-за границы, то мы пока должны довольствоваться однимъ отечественными изданіями. Когда мы говоримъ о петербургскихъ изданіяхъ, то это значитъ — объ изданіяхъ Бернарда и Леви; другихъ же хорошихъ издателей, въ нашемъ городѣ, нѣтъ. Самое замѣчательное изъ изданій Бернарда, это его сборникъ «Nouvelles», выходящій перваго числа каждаго мѣсяца и, вѣроятно, всякій изъ нашихъ читателей знаетъ по опыту неправоту и точность этого изданія. Въ этомъ году вышло четыре тетради «Нувеллетта», и издатель собралъ въ нихъ, съ какою-то особеннымъ тактомъ и съ превосходнымъ вкусомъ, самыя изящныя и прелестныя новости во-всѣхъ ро-

дать, такъ-что въ этомъ журналѣ каждый можетъ быть удовлетво-ренъ по своему вкусу. Въ немъ есть и прекрасная фантазія Прудона, на мотивъ изъ «Эрнани,» и прелестный парафразисъ испанской аріи — Кулака, и отрывокъ изъ альбома Листа; наконецъ болѣе посредственныя, — піесы Фосса, Равины и другихъ. Между сочи-неніями напечатанными въ первый разъ, замѣчательнѣе всего «Trot-de-cavalerie» — Рубинштейна. И такъ «Нувеллистъ» остается вполне достойнымъ своей прежней славы, хотя въ нынѣшнемъ году и со-держалъ въ себѣ множество танцевальныхъ піесъ, которыя соб-ственно не относятся къ намъ; но для многихъ подписчиковъ это скорѣе достоинство журнала, чѣмъ его недостатокъ.

«Musée Musical», открытый подъ въдомствомъ господина Леви, вла-дѣющаго, не смотря на свою молодость, всею спаровкой опытнаго практика, не издаетъ ни сборника, ни журнала, но въ замѣнъ того печатаетъ множество сочиненій, преимущественно въ легкомъ ро-дѣ, какъ-то танцы и русскіе романсы. Эти два рода музыки со-ставляютъ особенность этого учрежденія и трудно найти во всей Россіи другой музыкальный магазинъ, который былъ бы такъ бо-гатъ выборомъ танцевъ и романсовъ, какъ этотъ Musée musical. Такъ какъ о вальсахъ и романсахъ не стоить говорить много, то мы поговоримъ съ нашими читателями о нѣсколькихъ сочиненіяхъ дру-гаго рода, прекрасно изданныхъ этимъ учрежденіемъ. На этотъ разъ мы выбрали послѣднія сочиненія одного изъ лучшихъ артистовъ Пе-тербурга, котораго имя пользуется значительною извѣстностью въ музыкальномъ мірѣ. Карлъ Леви издалъ недавно свои небольшія пь-ски для фортепіано; они, мы увѣрены, доставятъ удовольствіе мно-гимъ изъ нашихъ читателей, и въ особенности читательницъ. La Berg-сеuse — андантино въ la bémol majeur; прелестная и пріятная піеска, какою и должна быть; это небольшая мелодія, дышущая материнскою любовью, которая повторяется нѣсколько разъ, облеченная каждый разъ въ новую одежду пассажей. Когда заговорятъ о Bergseuse, кто не вспомнитъ Шопена? Но піеса Леви нисколько не походитъ на Berg-сеусе Шопена, и это важное достоинство. Bergseuse Леви не танъ во-душна и поэтична, какъ Bergseuse Шопена, но зато она гораздо болѣе и болѣе изящна и совершенна: — качества, достойныя уваженія

для бѣльшей части пианистовъ. Это легкое и пріятное сочиненіе вполнѣ заслуживаетъ всеобщаго вниманія.

Когда танцевальная, или какъ говорятъ, бальная музыка, получила право гражданства въ искусствѣ, когда Штраусъ и Ланнеръ обратили артистическое вниманіе на этотъ, прежде столько бѣдный родъ музыки, — тогда онъ былъ принятъ и пианистами. Шопенъ, Тальбергъ и Листъ написали прекрасныя сочиненія въ формѣ вальса. Полька, такъ недавно вошедшая въ употребленіе, не имѣла еще чести быть признанной господами пианистами. Рубинштейнъ первый написалъ salon-польку. Его замысловатыя сочиненія имѣли полный успѣхъ. Примѣръ заразителенъ: Леви, видя успѣхъ Рубинштейна, пустился также въ польки. Его живая и прелестная *Lydie-polka*, носить на себѣ тѣ черты ума, которыми Леви почти всегда отличается; въ ней нѣтъ бѣглыхъ пассажей, такъ часто встрѣчаемыхъ у Рубинштейна, но за то въ ней много новыхъ и поразительныхъ мѣстъ. Въ самой полькѣ замѣтна какая-то привлекательная небрежность, которая, нисколько не вредя характеру этого танца, имѣетъ особенную музыкальную занимательность и производитъ прекрасный эффектъ. Въ превосходномъ трио, двѣ мелодіи искусно и незамѣтно сливаются вмѣстѣ.

Скоро будетъ два года, какъ Леви издалъ большой вальсъ въ четыре руки, подъ заглавіемъ «*Les Viennoises*», посвященный Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Недавно вышло уже третье изданіе этого вальса, что служитъ неоспоримымъ доказательствомъ его огромнаго успѣха. Если прибавимъ, что это сочиненіе вполнѣ достойно такого успѣха, то, мы думаемъ, это достаточно увѣрить всѣхъ любителей вальсовъ въ достоинствѣ *Les Viennoises*; мы отъ души желаемъ имъ поскорѣе познакомиться съ этимъ вальсомъ, которому они навѣрно будутъ рукоплескать, и за который сами получаютъ рукопожатія.

Открытая въ *Musée musical*, на чрезвычайно выгодныхъ условіяхъ, подписка на музыкальное чтеніе, продолжаетъ усиливаться. Не только петербургскіе любители почерпаютъ отсюда свои музыкальныя наслажденія, но и почти весь городъ въ Россіи получаютъ, по почтѣ, ихъ аккуратныя посылки. По истинѣ, это учрежденіе одно изъ самыхъ счастливыхъ пособій, за что мы обязаны живою благодарностью Густаву Леви, первому его вводителю въ Россію.

Въ Парижъ дѣятельно разучиваютъ новую оперу Обера «L'enfant prodigue»; всѣ декорации будутъ готовы черезъ нѣсколько дней.

Итальянскій театръ давалъ еще разъ «Донъ-Паскуаля»; въ представленіи участвовали: Лабланшъ, Ронкони, Бринволи и госпожа Персіани. Лабланшъ перемѣнилъ свой костюмъ: нужно же слѣдовать модѣ, — но талантъ его остался все тотъ же; — онъ по прежнему идеаль комизма и вѣрности въ этомъ осуществленномъ имъ лицѣ. Ронкони превосходенъ въ роли доктора, а Бринволи поетъ очень пріятно серенаду. Госпожа Персіани играетъ лучше съ-тѣхъ-поръ, какъ не поетъ въ роли Нормы, для которой голосъ ея слишкомъ рязокъ и пронзительнъ.

Въ началѣ апрѣля на Итальянскомъ театрѣ исполнили «Sélem», описательную симфонію; либретто ея принадлежитъ Теофилю Готье, а музыка Эрнесту Рейеру, который, послѣ долгаго пребыванія на востоцкѣ, вынесъ оттуда совершенно оригинальныя впечатлѣнія, и любопытно было бы сравнить ихъ съ впечатлѣніями Фелиціана-Давида.

Тальбергъ участвовалъ въ двухъ концертахъ, данныхъ госпожею Зонтагъ на прощаніе съ Парижемъ. Зала оба раза была полна, и восторгъ дѣлился на двѣ равныя части. Кромѣ всѣхъ своихъ достоинствъ, госпожа Зонтагъ имѣетъ еще одно: это безысключительность ея таланта, — она съ одинаковымъ совершенствомъ можетъ слѣдовать всѣмъ методамъ, всѣмъ школамъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ концертовъ, она пропѣла прелестную фантазію Toredor — Адольфа Адама, на народную тему: Ah! vous dirai je, maman, съ прелестію и очарованіемъ, и окончательно утвердила славу этого произведенія.

Дѣйствительно, прекраснымъ идеямъ, также какъ и учрежденіямъ, не нужно много времени, чтобы проложить себѣ дорогу. Вотъ на примѣръ Филармоническое общество въ Парижѣ не успѣло родиться, а уже занимаетъ первое мѣсто во мнѣніи парижской публики. Правду сказать, приманкою для всѣхъ служило болѣе всего имя Берліоза, учредителя общества и начальника его оркестра. Новое общество своею дѣятельностью и огромнымъ успѣхомъ доказало свои личныя права на сочувствіе публики. Двѣнадцатый концертъ блестящимъ образомъ оправдалъ всѣ надежды Парижанъ на это общество. Увертюра изъ «Фрейшютца», исполненная съ глубокимъ чувствомъ и въ возвышенномъ стилѣ, служила введеніемъ къ богатой программѣ вечера, которому особенную занимательность придавали въ «Harold

ев Итаіе» — симфонія Берліоза, и въ отрывкахъ изъ «Alceste» — Глюка. Жаль, что въ этихъ отрывкахъ павцы-солнеты выказали себя ниже своего назначенія. Не смотря на такую несправность и не смотря на то, что они были лишены необходимой драматической обстановки, эти отрывки произвели превосходный эффектъ, въ особенности инструментовкой, достойной соперницей древнихъ барельефовъ. — Нужно такъ глубоко изучить и понять эту музыку, полную разнообразія подъ формою простоты, какъ Берліозъ, чтобы вести ее съ такимъ тактомъ, увречностью и съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла; казалось, имъ руководилъ самый духъ Глюка. Но онъ еще болѣе отличился, какъ композиторъ «Гарольда».

Передъ отъездомъ госпожи Виардо въ Берлинъ давали два раза «Пророка». Стеченіе публики было такъ велико, что недоставало мѣстъ въ залѣ. Пророкъ былъ причиною отсрочки «Гугенотовъ»; только будущему зимою госпожа Виардо возьметъ на себя роль Валентины. — Въ страстную пятницу лучшіе артисты исполнили «Stabat mater» Россини.

Многіе журналы говорятъ о смерти Гардони; это слишкомъ печальная новость, и мы пока рады сомнѣваться въ ней.

Не только одинъ Парижъ наводненъ концертами и артистами, но и вся Франція. Въ Марсели отпачалась Альбони; она пѣла въ двухъ концертахъ въ залѣ Boisselot, и потомъ являлась во многихъ операхъ, какъ-то: «Favorite», «Reine de Chypre» и въ другихъ. «Пророкъ» продолжаетъ наполнять залу марсельскаго театра.

Въ Булонѣ, Тальбергъ участвовалъ въ двухъ концертахъ, данныхъ Филармоническимъ обществомъ въ пользу бѣдныхъ. Имя Тальберга привлекло цѣлую толпу поклонниковъ. Знаменитый артистъ игралъ съ неподражаемымъ искусствомъ свое большое дуо на «Норму», вмѣстѣ съ господиномъ Шиллингомъ. Концертъ долженъ былъ окончиться «Тарантеллой» Тальберга; но когда публика единодушно потребовала повторенія ея, Тальбергъ сѣлъ за фортепьяно и сыгралъ свою піесу на «Донъ-Паскуала», изданную уже въ 1845 году. Эффектъ былъ превосходенъ и великій артистъ приобрѣлъ себя еще новую славу.

Въ Лионѣ, скоро послѣ отъѣзда Альбони, ярибыла двинца Гейнефеттеръ, и не дала остыть восторгу и удивленію публики. Съ равнымъ успѣхомъ пала она въ «Жидовкѣ» и въ «Гугенотахъ». Го-

лость ея не такъ силенъ и звученъ, какъ у Альбини, однако же она мало уступаетъ ей въ чистотѣ методы и въ возвышенности стиля; наконецъ какъ артистка, Гейнефеттеръ можетъ стоять на ряду со всеми прекрасными талантами, блистающими на сценѣ.

Новая опера Галлеви, «*La fée aux Roses*», давалась на сценѣ страсбургскаго театра, давно не бывавшаго свидѣтелемъ такого блестящаго успѣха. За долго до поднятія занавѣса, толпа тѣснилась въ залѣ. Таланты артистовъ соотвѣтствовали этому образцовому произведенію Галлеви; декорации и постановка на сцену были великолѣпны.

Въ Лондонѣ, въ день открытія театра Ея Величества, давали оперу «Меден» — Майера, и «Метаморфозы», балетъ Поля Тальони. Изъ шестидесяти-семи партитуръ, написанныхъ Майеромъ, партитура «Меден» пережила всѣ. Дѣвица Пароди, которой поручена была главная роль, не произвела такого впечатлѣнія, какъ нѣкогда въ Парижѣ произвела въ этой роли Паста. Находятъ, что Пароди однако же много успѣла въ интонаціи, отличающейся искусствомъ и силою. Въ представленіи участвовали также Calzolari, Beletti, Micheli, Dai Fiori и госпожи Джулиани и Мальпазута. Карлотта Гризи по обыкновенію была прелестна въ новомъ балетѣ.

Четыре дня спустя открытъ былъ итальянскій театръ Covent-Garden, представленіемъ образцоваго произведенія Вебера, *Il Francos agiogo*, съ речитативами Берліоза, которыя пѣли госпожи Каstellанъ и Вера и господа Маральти и Формесъ. Эта опера дана четыре раза съ ряду. На первомъ и на четвертомъ представленіи присутствовали королева и принцъ Альбертъ. Увертюру въ каждое представленіе должны были играть по два раза.

Госпожа Шартонъ-Демёръ выбрала для своего бенефиса на Сентъ-Жемскомъ театрѣ, «*Le mason*» Обера и «*L'esclave le Samoëns*», съ партитурой, не Флотова, написанной для комической оперы въ Парижѣ, но съ партитурою голландскаго композитора Van der Does, или какъ думаютъ, какой-то августѣйшей особы, подписавшейся именемъ этого композитора.

Теперь въ Лондонѣ концерты въ самомъ разгарѣ. Классическая музыка (квартеты) вошла въ большое употребленіе. Эрнстъ продолжаетъ удивлять и восхищать всѣхъ. Хотя 1850 годъ не представляетъ такихъ блестящихъ надеждъ какъ 1851, годъ выставки, но онъ не меньше будетъ занимателенъ по исполненію комическихъ произведеній

Глюка, Мейербера, Галевы, Обера, Бетховена, вместо прискучивших уже произведений новейшей школы. Это совершенный переворотъ во вкусъ публики.

Директоръ брюссельскаго Королевскаго театра, слыша что вездѣ дають «Пророка», вознамѣрился и у себя устроить представленіе этого произведенія Мейербера, и смѣло уведомиль публику, что скоро дастъ представленіе; но у него не было денегъ на необходимыя издержки для постановки на сцену этой оперы и потому онъ объявилъ, что не можетъ дать ее. Аматеры изъ высшаго круга, потерявъ надежду слышать на театрѣ все твореніе Мейербера, захотѣли слышать хоть отрывки его и согласились выполнить весь четвертый актъ. Концертъ въ пользу бѣдныхъ давалъ случай или предлогъ этому музыкальному торжеству. Соло поручены были первыимъ лицамъ въ брюссельскихъ салонахъ; хоры были набраны изъ сословія аристократовъ, капиталистовъ и высшихъ гражданъ. Только оркестръ предоставленъ былъ однимъ артистамъ по званію. Уведомленіе объ этомъ концертѣ возбудило во всѣхъ живое любопытство. Сборъ доходилъ до 8,000 франковъ: цифра, въ наше время, довольно краснорѣчивая. И бѣдняки получили неожиданное вспомошествованіе, благодаря этой прихоти любителей, автору «Пророка» и обѣднвшему директору брюссельскаго театра.

Послѣдній концертъ Консерваторіи былъ превосходенъ. Господинъ Фетисъ такъ хорошо умѣетъ управлять оркестромъ, что онъ у него играетъ какъ искусный скрипачъ на своемъ Страдиваріусѣ, соблюдая всѣ оттенки и разнообразія акцента, свойственные одному солисту. Въ этомъ же концертѣ отличился превосходный флейтистъ Рейхертъ, еще молодой человекъ, лѣтъ осемнадцати. Какой-то артистъ консерваторіи, сдѣлавшись случайно обладателемъ прекрасной *Viole d'amour*, взялся вывести изъ забвенія этотъ инструментъ шестнадцатаго вѣка. Онъ патянулъ на нее семь струнъ и началъ учиться. Недавно онъ игралъ въ концертѣ. *Viole d'amour* издаетъ вѣжные и трогательные звуки. Успѣхъ артиста, воскресителя этого инструмента, былъ бы еще полнѣе, если бы онъ обратилъ большее вниманіе на выборъ піесъ. Вы можете-быть думаете, что онъ игралъ какіе-нибудь отрывки изъ древней музыки, или по-крайней-мѣрѣ какія-нибудь піески въ готическомъ вкусѣ? Совсѣмъ нѣтъ. Онъ храбро проигралъ арию, варіированную для скрипки. Артистъ съ *Viole d'amour* и съ современны-

ми ей пѣсами можетъ прославиться въ Парижъ, или въ Лондонъ. Теперь нѣтъ ничего необыкновеннаго играть на скрипкѣ; исполненіе на этомъ инструментѣ доведено до крайней степени совершенства. По крайней-мѣрѣ *Viola* будетъ что-нибудь новое; она имѣетъ эффекты, свойственные только ей одной.

Концерты и въ Брюсселѣ въ такой-же модѣ, какъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Госпожа Зонтагъ дала два концерта; билеты продавались по двѣнадцати франковъ, — по цѣнѣ неслыханной для Брюссельцевъ; однако же зала всегда была полна слушателей. Нельзя думать, чтобы другая пѣвица съ одинаковымъ талантомъ могла получить такой огромный успѣхъ; вся аристократія хотѣла показать графинѣ-артисткѣ свое сочувствіе къ ней.

Въ Амстердамѣ былъ также данъ «Пророкъ» труппою нѣмецкихъ артистовъ. Дѣвица Рамани (въ роли Фидесы) и господинъ Леманъ (въ роли Іоанна Лейденскаго) были встрѣчены громкими рукоплесканіями. Опера имѣла огромный успѣхъ.

Вотъ и въ Антверпенѣ недавно давали ее. Единодушный и вполне заслуженный восторгъ сопровождалъ отъ начала до конца представленіе этой пьесы. Это былъ самый величайшій успѣхъ въ исполненіи, которое удовлетворяло всѣмъ взыскательнымъ требованіямъ, и доставило истинную артистическую пальму антверпенской труппѣ.

Дѣвица Гунди приглашена на сцену Лейпцигской оперы, гдѣ скоро будетъ данъ «Пророкъ» и Гунди будетъ пѣть роль Фидесы.

Въ последнее засѣданіе берлинскаго общества концертовъ королевской капеллы, исполняли симфонію въ *si bémol* — Тауберта. Это прелестное произведеніе возбудило восторгъ въ многочисленныхъ слушателяхъ.

Женни-Линдъ участвовала въ концертѣ, данномъ обществомъ въпомоществованія въ пользу престарѣлыхъ ремесленниковъ. Между прочими пѣсами она пѣла «*la grand' mère*» — Мейербера, и заслужила громкія рукоплесканія всей берлинской публики. Теодоръ Пиксиэ исполнилъ двѣ пѣсы и имѣлъ большой успѣхъ.

Женни-Линдъ также отличилась въ Дрезденѣ, гдѣ дала на придворномъ театрѣ концертъ въ пользу бѣдныхъ; въ числѣ пропѣтыхъ пѣсень, особенно замѣчательно было превосходное *terzetto*, для одного голоса соргано и двухъ флейтъ, въ «*Camp de Silésie*» — Мейербера. Эта пѣса написана нарочно для знаменитой пѣвицы; ея прелестный голосъ,

соперничеству съ двумя «лейтани», выказался во всемъ своимъ блескъ и доставилъ ей необыкновенное торжество. Публика не ограничилась простыми изъявленіями своего восторга къ Женни, — не удовлетворялась одними браво и цвѣтами; а переняла у итальянцевъ обычай, до того не употреблявшійся въ Германіи: впустила въ залу огромное количество бѣлыхъ голубей. После концерта, члены театральнаго оркестра исполнили серенаду подъ окнами Женни-Линдъ и молодые люди устроили гулянье съ зажженными факелами, въ честь великой пѣвицы.

Въ Вѣнѣ, въ первомъ концертѣ филармоническаго общества, исполнили увертюру изъ «Struensee» — Мейербергера, которая, по обыкновенію, была принята съ восторгомъ. На одномъ вечерѣ, данномъ музыкальнымъ обществомъ, госпожа Лагранжъ пропѣла, какъ истинная артистка, большую арію принцессы изъ «Роберта». — Императоръ наименовалъ господина Вильмерса пианистомъ своего двора.

В. ДАМКЕ.

=

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Въ магазинѣ М. Бернарда, на Цовскомъ проспектѣ, противъ Малой Марской, въ домѣ Паскаля № 11.

Цѣны на серебро.

Оперы для фортепіано въ четыре руки.

MUYERBEER. «Le Prophète». Grand opéra en cinq actes (17 r. 45 c.).

«Robert le diable» (14 r. 29 c.).

AUBER. «La muette de Portici» («Fenella») (6 r. 15 c.). «La Sirène».

BALFE. «Les quatre fils d'Aymon» (8 r. 58 c.).

BELLINI. «Norma» (5 r. 15 c.). «Puritani» (6 r. 85 c.). «Sonnambula» (5 r. 15 c.).

BOIELDIEU. «La dame blanche» (5 r. 15 c.).

DONIZETTI. «Anna Bolena» (11 r. 15 c.). «Belisario» (10 r. 29 c.).

ПАРОВОДСТВО НА ГАНГЕСЬ И ИНДЪ. Присоединение Пенджаба къ английскимъ владѣніямъ въ Остѣ-Индіи, открыло возможность пароводству развить богатые естественныя средства этого благословеннаго края, который уже и именемъ своимъ обязанъ множеству рѣкъ, пересѣкающихъ его*. Индъ, бывшій некогда главнымъ торговымъ путемъ Средней Азіи, представляетъ и нынѣ съ своими притоками превосходную систему сообщеній, которой выгоды не укрѣдись отъ практическаго взора Англичанъ. Преходя такое же пространство, какъ Миссиссипи, онъ глубже ея, представляетъ, со всеми своими рукавами, болѣе шести-сотъ немецкихъ миль судоходнаго протяженія, и можетъ быть для Остѣ-Индіи тѣмъ же, что Миссиссипи для Америки. Нужно только дѣятельныхъ мѣръ со стороны правительства, чтобы воспользоваться, съ помощью пару, обширною системою сообщенія, которую природа дала этому краю.

Доселѣ всѣхъ болѣе стараются объ успѣхъ этого дѣла два инженера, Альбертъ Робинсонъ и Джонъ Борнъ; они не щадятъ трудовъ и усилій, чтобы обратить вниманіе компаніи на огромныя выгоды, которыя обѣщаетъ ей развитіе пароводства на остѣ-индскихъ рѣкахъ. Первый уже завелъ, по особенной, имъ изобрѣтенной системѣ, нѣсколько пароводовъ на Гангесѣ, которые дѣятельно ходятъ по немъ назадъ и впередъ.

Въ 1834 году остѣ-индская компанія рѣшилась учредить линіи желѣзныхъ пароводовъ на Гангесѣ; это были однако же простыя

* Пенджабъ значитъ: *платье рѣкъ*.

буксирныя суда, которыя не могли сами возить ни товаровъ, ни пассажировъ. Нѣсколько лѣтъ довольствовались этою системою, которая первоначально была принята въ Америкѣ, но уже давно брошена по неудовлетворительности ея. Господинъ Робинсонъ, до прибытія своего въ Остъ-Индію, былъ инженеромъ въ Америкѣ. Увидѣвъ огромныя индійскія рѣки, онъ былъ пораженъ ничтожествомъ ихъ пароходовъ передъ пароходами, употребляемыми въ Америкѣ, и рѣшился завести на Гангесѣ такіе же прекрасные, огромные и быстрые пароходы, какіе онъ видалъ на рѣкахъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Съ этою цѣлю онъ изслѣдовалъ Гангесъ, измѣрилъ его глубину и ширину на протяженіи осьмидесяти-двухъ англійскихъ миль, и, убѣдившись въ удобности своего предпріятія, приступилъ къ исполненію его, не отступая ни передъ какими затрудненіями.

Такія предпріятія въ Индіи сопряжены съ особенными трудностями. Усыпительное дѣйствіе климата, склонность оставаться при томъ, что уже существуетъ, невѣжество туземцевъ, апатія европейцевъ жить подъ отвѣсными лучами солнца, — препятствія почти непреодолимыя. Но смотря на то, господинъ Робинсонъ нашелъ нѣсколько друзей, которые взялись ему содѣйствовать. Онъ составилъ рисунки для своихъ судовъ и послалъ ихъ въ Англію, гдѣ суда были построены на верфяхъ Фриберна, на Темзѣ. Когда суда прибыли съ машинами въ Остъ-Индію, онъ набралъ нѣсколько работниковъ изъ туземцевъ, которые, подъ его руководствомъ, сдѣлались скоро отличными рѣчными судоходами; это былъ успѣхъ, какого онъ самъ не смѣлъ ожидать. Онъ не остановился на первомъ опытѣ, и не переставалъ трудиться и хлопотать до-тѣхъ-поръ, пока не завелъ шесть или семь пароходовъ, которые въ настоящее время постоянно и съ значительною скоростью ходятъ внизъ и вверхъ по Гангесу.

Гангесъ судоходенъ отъ Аллахабада до Калькутты, на протяженіи семидесяти-двухъ англійскихъ миль. Чрезвычайная быстрота теченія, которая представляла огромныя затрудненія тамошнимъ судамъ, легко побѣждается пароходами. Гораздо страшнѣе для нихъ время мелководія, въ которое глубина фарватера въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не превосходитъ трехъ футовъ. Господинъ Робинсонъ особенно старался обратить на этотъ предметъ вниманіе остъ-индской компаніи, и въ недавно издаваемой имъ книгѣ предлагаетъ прорыть каналъ на днѣ рѣки. Такъ-какъ грунтъ состоитъ изъ песку, то онъ

волагаетъ, что для этого достаточно устроить бамбуковыя тычины, помощью которыхъ теченіе само снесетъ песокъ. Приводимые имъ примѣры доказываютъ, какихъ ничтожныхъ издержекъ будётъ стоить, чтобы сдѣлать рѣку судоходною во всякое время, между-тѣмъ какъ теперь суда иногда задерживаются по нѣскольку дней. Видя результаты, которыхъ достигло упорство одного человѣка, можно себя представить, чего могла бы достигнуть компанія съ своими огромными средствами.

Индъ представляетъ большія затрудненія, чѣмъ Гангесъ. Теченіе его еще быстрее, и слѣдовательно требуетъ большей силы машинъ; но за то глубина воды, на протяженіи пяти-сотъ миль, нигдѣ не бываетъ меньше пяти футовъ, такъ что по немъ могутъ ходить самыя большія пароходы; на протяженіи же еще пяти-сотъ миль, онъ судоходенъ для пароходовъ второй величины.

Господинъ Борнъ, состоящій инженеромъ при одной изъ желѣзныхъ дорогъ, проектированныхъ въ Остъ-Индіи, и хорошо изучившій страну, утверждаетъ, что пароходство долго еще должно имѣть преимущество передъ другими путями сообщенія, во-первыхъ, по весьма простой причинѣ, что рѣки уже существуютъ, между-тѣмъ какъ желѣзныя дороги надо строить; а во-вторыхъ, что сообщеніе водою должно обходиться гораздо дешевле. Онъ предлагаетъ распространить пароходство не только по Гангесу и Инду, но и по другимъ рѣкамъ, особенно по Годаверн и Нербуддъ. Для этого онъ изобрѣлъ легкія суда, которыя сидятъ въ водѣ не глубже одного фута, и притомъ снабженныя колесами, помощью которыхъ онъ могутъ проходить по мелямъ. Это совершенно новое изобрѣтеніе, которое, если удастся, значительно подвинетъ пароходство, сдѣлавъ ему доступными такія мѣста, гдѣ оно было доселѣ невозможно.

Господинъ Борнъ сопровождаетъ этотъ проектъ весьма любопытными подробностями о торговлѣ на Индѣ и о выгодахъ учрежденія колоніи въ Кашмирѣ.

Главная польза отъ учрежденія пароходства на Индѣ, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что оно чрезвычайно облегчитъ колонизацію Кашмира и смежныхъ съ нимъ областей. Военная колонія въ этихъ мѣстахъ образуетъ самую сильную крѣпость, которая будетъ владычествовать надъ всею Среднею Азіею и избавитъ остъ-индскую компанію отъ необходимости держать такое многочисленное войско

въ Пенджабъ. Климатъ Кашмира здоровъ, а какъ съ учрежденіемъ пароходства будутъ возможны болѣе частыя и быстрыя сообщенія, то можно надѣяться, что исполненіе этой мысли не встрѣтитъ большаго препятствій. Кашмирская долина простирается на сто-двадцать англійскихъ миль въ длину, на двадцать въ ширину; она опоясана горами, черезъ которыя рѣка Джелумъ пробилъ себѣ путь, образовавъ этотъ входъ въ Пенджабъ. Народонаселеніе, доходившее за двадцать-пять лѣтъ до осьми-сотъ тысячъ душъ, нынѣ едва достигаетъ двухъ-сотъ тысячъ; угнетенія Сейковъ, покоровшихъ ее въ 1819 году, совершенно уничтожили ея торговлю. Туземцы — народъ чрезвычайно смѣшанный, но утратившій прежній свой воинственный духъ подъ продолжительнымъ и тяжелымъ игомъ. Колонія можетъ найти большія пространства плодородной земли, которыя въ короткое время щедро вознаграждать труды воздѣльвателей. Кашмиръ снабжаетъ всю Индію шафраномъ, и его розовая эссенція превосходитъ даже персидскую. Сарачинское пшено, маисъ, пшеница, овесъ, просо разводятся тамъ съ большимъ успѣхомъ; также могутъ быть разведены все плоды и овощи Англій. Не менѣе благоприятенъ онъ разводенію шелковичнаго червя; кашмирскія шали известны по всему свѣту; туземцы выдѣлываютъ превосходное огнестрѣльное оружіе и самыя драгоценныя клинки. Писчая бумага, изготовляемая въ Кашмирѣ, гораздо лучше остъ-индской; онъ доставляетъ также превосходныя лаки и кристаллы, точеные съ необыкновеннымъ искусствомъ. По словамъ господина Борна, эта область, и по плодородію почвы, и по смѣшанности жителей, и наконецъ по своему положенію, самое выгодное мѣсто для основанія колоній, которая можетъ служить оградой англійскихъ владѣній въ Остъ-Индіи, и въ то же время представить въ Пенджабъ Англійю въ маломъ видѣ. Самымъ удобнымъ средствомъ учредить такую колонію, прибавляетъ господинъ Борнъ, было бы поселить тамъ войско, набранное съ этою цѣлью въ Англій, раздать всемъ офицерамъ и солдатамъ участки земель въ Кашмирѣ съ тѣмъ, чтобы все они сами и ихъ потомки, всегда готовы были браться за оружіе, при первомъ требованіи. Для болѣе пользы этой колоніи необходимо, чтобы она старалась быть въ тѣсной дружбѣ съ смежнымъ племенемъ Сейя-Пошъ, небольшимъ народцемъ Гинду-Куша, заселяющимъ Кафирстапъ, въ сѣверной части Кабула, и происходящимъ, какъ говорятъ, отъ тѣхъ Грековъ, которыхъ Александръ Македонскій по-

оселить въ Бактрин. Племя Сейя-Пошъ отличается красотой и впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ мужественно защищало свою родину отъ нападений сосѣдственныхъ мусульманскихъ народовъ. Союзъ съ ними можетъ впоследствии доставить возможность основать другую колонію въ горахъ свѣрхнаго Кабула, которая облегчитъ окончательное занятіе этой долины и Баміанскаго ущелья. Очевидно, что какъ учрежденіе пароходства по Инду будетъ способствовать къ колонизаціи Кашмира и гималайскихъ высотъ, такъ, съ другой стороны, колоніи эти дадутъ чрезвычайное развитіе торговль по Инду. Сверхъ того облегченіе и ускореніе сообщений, безъ сомнѣнія, доставятъ въ Пешджабъ новое мѣсто обыва произведеніямъ англійской промышленности.

Музыка у галловъ. Начало музыки современно началу поэзін. Какъ-скоро человекъ нашель ритмъ для своей рѣчи, онъ старается сопровождать ее различными интонаціями голоса и разнѣренными звуками инструментовъ ударныхъ, духовыхъ и струнныхъ. Конечно, между этою первоначальною музыкою и тою, къ которой привыкъ нашъ слухъ, находится все разстояніе, отдѣляющее превосходное исполненіе прелестной Оберовской партитуры отъ нестройной симфоніи кострюль, сковородъ и тазовъ, которыми потомки Галловъ донынѣ чествятъ иногда несчастныхъ, подвергшихся ихъ немилости. Однако же, принявъ въ соображеніе, что человекъ можетъ только постепенно идти къ совершенствованію, надо съ благодарностью признать въ грубомъ *плектрумъ*, деревянной, костяной или металлической палочкѣ, которою Греки и Римляне, а послѣ нихъ и другія племена извлекали непріятные звуки изъ натянутыхъ струнъ, начало паганинѣвскаго смычка.

Сказки, окружающія рожденіе искусствъ у всѣхъ народовъ, повторяются и у Галловъ. По словамъ Діодора-Сицилійскаго, введеніе музыки у Галловъ приписывается какому-то мудрецу, по имени Барду, который, въ незапамятное время, первый сталъ учить ихъ искусствамъ. Желаніе отыскать всему опредѣленное начало, преслѣдовало греческихъ историковъ; но рассказы ихъ о первобытныхъ временахъ не выдерживаютъ самой легкой критики. Какъ предполагать музыкальныя училища у народа, находившагося на первыхъ ступеняхъ обществитія, и едва ли умѣннаго писать?

Достоверно только то, что какъ-скоро родились у нихъ религія, обряды, народныя торжества и преданія, явилась и музыка, или скреже, первые опыты религіознаго и народнаго пѣнія.

Еще до введенія въ Галлію друидизма, были у Галловъ воинственныя пѣвцы-позты, барды, которые сопровождали вождей въ битвы, воодушевляли ихъ прославленіемъ подвиговъ бывшихъ временъ, при звукахъ *роты*, маленькой *китары*, на подобіе греческой китары Гомеровскаго вѣка, представляли имъ славную будущность. Послѣ битвы, они возвращались съ ними въ свое племя, чтобы воспѣвать ихъ торжество или оплакивать ихъ смерть; потому что смерть вождя оставалась безславною, если пѣсни барда не огласили славою его могилы. Это свидѣтельствуетъ Луканъ, восклицая: «О вы, которые возсылаете къ безсмертію имена и души витязей, павшихъ въ битвѣ, барды, много воспѣли вы гимновъ!»

Друидизмъ давалъ высокое значеніе бардамъ. Древнѣйшее гальское многобожіе, простое и грубое, не могло породить высокыхъ обрядовъ и пѣсенъ; друидизмъ, напротивъ, прибывъ съ сильнымъ жреческимъ сословіемъ, съ образовавшимися уже обрядами и съ обильными священными преданіями, возложилъ на бардовъ должность рапсодовъ, хранителей религіозныхъ гимновъ, распространилъ на нихъ важный даръ прорицанія и чародѣйства, принадлежавшій друидиссамъ.

Ни одно народное торжество, ни одно жертвоприношеніе, ни одно собраніе друидовъ, ни одно избраніе вождя, не могло совершиться безъ участія бардовъ.

Если пѣсни и преданія друидовъ были, какъ вообще полагаютъ, юсточнаго происхожденія, то музыка религіозныхъ гимновъ была издавна опредѣлена неизмѣнно, такъ что барды не могли ничего прибавлять къ ней; но они сочиняли новыя пѣсни по случаю необыкновенныхъ происшествій, бракосочетаній, семейныхъ торжествъ, шировъ. Они сопровождали также пляски, ударяя въ звучные щиты, повѣшенныя на вѣковые дубы.

Такимъ-образомъ барды являются во всѣхъ публичныхъ и частныхъ происшествіяхъ общественной жизни Галловъ. Діодоръ-Сицилійскій свидѣтельствуетъ о ихъ нравственномъ вліяніи. «Они пользовались, говоритъ онъ, такимъ уваженіемъ, что присутствіе ихъ и убѣжденія нередко останавливали цѣлыя войска, готовые вступить въ бой. При

трогательныхъ звукахъ ихъ китаръ, самыя свирѣпыя страсти смирились, какъ лютые звѣри подъ мановеніемъ чародѣевъ.

Газлическія пѣсни, приписанныя барду Оссіану, и которыя, не смотря на свою подложность, представляютъ вѣрную картину нравовъ и быта древнихъ сѣверныхъ народовъ, во многихъ мѣстахъ свидѣтельствуютъ о благотворномъ вліяніи музыки на этихъ полудикарей, не подвергшихся еще римскому растлѣнію. «Сладостная мелодія пѣсень, говорятъ онъ, смягчаетъ и чаруетъ души; она подобна туману, возникающему надъ озеромъ, и распространяющемуся по безмолвной долины».

Въ другихъ мѣстахъ они прославляютъ назначеніе бардовъ: «Барды суть пѣвцы славы, и голосъ ихъ будетъ раздаваться до скончанія вѣковъ». — «Если мечъ воина обогрился кровью покорившагося врага, барды не внесутъ имени его въ свои пѣсни, и витязи отвернутся отъ него, когда безславная душа его вознесется къ горнымъ чертогамъ».

Это высокое званіе унизилось мало-по-малу подъ вліяніемъ чужеземныхъ нравовъ; барды стали льстецами. Греческій путешественникъ Поссидоній, посѣщавшій Галлію незадолго до завоеванія ея Римлянами, приводитъ одинъ случай, показывающій это паденіе. Одинъ сильный вождь авернскаго племени, Люэрънъ, рассказываетъ онъ, всегда имѣлъ при себѣ множество бардовъ, что считается у Галловъ первымъ признакомъ могущества. Однажды, когда Люэрънъ давалъ большой пиръ, одинъ изъ нихъ опоздалъ и пришелъ, когда вождь уже сѣлся въ колесницу, чтобы ѣхать; бардъ побѣжалъ за нимъ, взялъ роту и спѣлъ жалобную пѣснь о своей неудачѣ; Люэрънъ, зная, чѣмъ можно утѣшить барда его времени, бросилъ ему горсть золота; бардъ взялъ золото, и продолжая идти за колесницею, запѣлъ на болѣе веселый ладъ: «О вождь, золото родится подъ твоими стопами, взглядъ твой даритъ людей счастіемъ».

Такъ барды стали прославлять только тѣхъ, чье богатство и чья щедрость могли платить имъ за усердіе пирами и за пѣсни золотомъ; за то, когда римское оружіе стало гнать друидовъ даже въ лѣсахъ Арморики, послѣднемъ ихъ убѣжищю, не многіе барды послѣдовали за ними въ несчастія. Любя пышность, празднества и пиры, большая часть предпочла присоединиться къ греческимъ и римскимъ скоморохамъ и музыкантамъ, которые пришли по слѣдамъ завоевателей и поселились

въ значительнѣйшихъ городахъ южной Галліи. Но голоса и китары ихъ были заглушены новыми гармоніями болѣе усовершенствованнаго искусства, принесеннаго въ Галлію; скоро и самое имя ихъ исчезло; что же касается ихъ преданій и пѣсень, не увѣковѣченныхъ письменностью, — только темные слѣды ихъ сохранились въ народныхъ легендахъ.

Новая эпоха настала для музыки въ Галліи; арены и театры Нарбонны, Арля, Нима, Ліона, Марселя и другихъ городовъ огласились новымъ пѣніемъ и многочисленными инструментами. Если отъ завоеванія пострадали нравы, то искусство выиграло. Это продолжалось до водворенія христіанства; языческая музыка процвѣтала въ Галліи не болѣе четырехъ столѣтій, но оставила по себѣ слѣды весьма важные для послѣдующаго развитія искусства.

Вмѣстѣ съ училищами грамматики и реторики, учрежденными во многихъ городахъ Галліи щедротами римскихъ императоровъ, возникли и училища художествъ, въ которыхъ не забыта была и музыка. Августъ основалъ, между прочими учрежденіями, нѣчто въ родѣ академіи художествъ въ Ліонѣ, куда пріѣзжали римскіе артисты пріобрѣтать новую славу своими талантами и образовывать учениковъ.

Преподаватели языковъ и наукъ преподавали и первыя начала музыки. Квинтиліанъ говоритъ, что учитель грамматики не можетъ успѣшно преподавать свой предметъ безъ нѣкотораго знанія музыки, потому что онъ долженъ объяснять мѣру словъ и ритмы. Такимъ образомъ музыка, составлявшая необходимое условіе римскаго воспитанія, вошла и въ курсъ преподаванія первыхъ гальскихъ училищъ.

Императоръ Тиверій, въ пылу минутной строгости, приписывая порчу нравовъ искусствамъ, издалъ эдиктъ, которымъ повельно всемъ художникамъ, особенно актерамъ и музыкантамъ, покинуть Римъ, и искать себѣ пропитанія своими искусствами въ другихъ мѣстахъ. Многие изъ нихъ искали убѣжища въ главнѣйшихъ городахъ Галліи и много содѣйствовали развитію любви къ театральнымъ представленіямъ и музыкѣ. Съ этого времени города Галліи начали состязаться съ самимъ Римомъ въ пышности и великолѣпін; вездѣ открылись цирки и театры. Сальвіанъ, священникъ марсельскій, возставалъ противъ вольности современныхъ драматическихъ представленій; вместо,

гдѣ онѣ давались, онѣ называютъ *odeum*; это родъ трибуны, на которой артисты пѣли и играли на различныхъ инструментахъ.

Императоръ Калигула сильно покровительствовалъ артистамъ, призвалъ многихъ въ Римъ, и значительно увеличилъ лѳонскую академию. Этотъ городъ пользовался также особенною благосклонностью Нерона, который самъ любилъ участвовать въ театральныхъ представленіяхъ, и не разъ состязался съ актерами своего времени. Особенно любилъ онъ музыку, и былъ въ ней настоящимъ артистомъ.

Музыкальные инструменты, принесенные въ Галлію Римлянами, были по бѣльшей части греческаго происхожденія. Сами Римляне не отличались изобрѣтательностью въ искусствахъ, а только сохраняли и передавали ихъ, какъ получили отъ Грековъ; можно сказать, что если они покорили Грецію своей власти, то Греція покорила ихъ своимъ правамъ и своей образованности.

Ударные инструменты, употреблявшіеся въ римской Галліи, сколько извѣстно, были: *кимвалы*, мало отличившіеся формою отъ нынѣшнихъ; *кромалии*, которыхъ рѣзкіе звуки сопровождали пляску распутныхъ женщинъ; овальный *систръ*, заимствованный у Египтянъ и состоявшій изъ пластинокъ разныхъ металловъ; маленькіе бубны съ бубенчиками и металлическими бляхами, сохранившіеся донынѣ почти во всѣхъ странахъ, и особенно у Басковъ, откуда и ихъ нынѣшнее французское названіе *tambours de basques*.

Главнѣйшіе струнные инструменты были: *барбитонъ*, *тетрахордъ* и позднѣе *октахордъ*; всѣ они видоизмѣненія лиры; отъ раздѣленія звуковъ въ тетрахордъ заимствована диатоническая система новѣйшей музыки. *Псалтеріонъ* былъ о десяти струнахъ, и играли на немъ помощью *плектрума*; пѣвица, сопровождавшая имъ свое пѣніе, называлась *psaltria*. Былъ также родъ двуструнной китары, построенный четверугольникомъ, суживавшимся къ одному концу; сомнительно, чтобы изъ такого инструмента можно было извлекать большія выгоды въ музыкальномъ отношеніи.

Струны на всѣхъ этихъ инструментахъ были льняныя, и натягивались очень туго.

Изъ духовыхъ инструментовъ упоминаютъ о *турьель-рогъ*, котораго употребленіе должно быть очень древнее въ Галліи, гдѣ охота за туромъ представляла большія опасности и много славы; о *морской трубѣ*, большой раковинѣ съ отверстіемъ въ нижней части; о *Пано-*

вой трубы, которой нижній конецъ расширился. Кроме того были еще трубы прямыя и изогнутыя; первыя употреблялись на войнѣ; вторыя, называвшіяся *lituus*, преимущественно употреблялись конницею въ сраженіяхъ и при триумфахъ.

Трубачи надѣвали обыкновенно на нижнюю часть лица *перитетъ*, родъ кожаной подвязки, съ прорѣзомъ для губъ; она сжимала нѣтъ щеки и тѣмъ придавала болѣе силы дыханію.

Самымъ употребительнымъ инструментомъ, въ это время, была флейта весьма различныхъ видовъ.

Простая флейта, прямая или согнутая, длинная или короткая, называлась *zeugos*; первоначально въ ней было только четыре дырочки; потомъ число ихъ увеличилось, и такая флейта стала называться *multifoga*. Нерѣдко употребляли нѣсколько простыхъ флейтъ разомъ, которыя производили болѣе густыя или болѣе рвзкіе звуки. Для упрощенія ихъ употребленія изобрѣли *двойную флейту*, приделавъ къ одной амбушюрѣ двѣ простыя флейты одинаковыхъ или различныхъ размѣровъ.

Флейтички также употребляли *перитетъ*.

Плиній говоритъ, что въ его время дѣлали серебряныя флейты, которыя сохраняли тонъ лучше тростниковыхъ или деревянныхъ; это доказываетъ, что древніе не знали дерева, годнаго на этотъ инструментъ.

Флейта являлась во всѣхъ общественныхъ торжествахъ, на театрѣ и въ храмахъ. Въ праздникъ Цибелы, одной изъ богинь-хранительницъ города Отуна, изображеніе ея возили по городу въ колесницѣ, при звукахъ фригійской флейты и кимваловъ, среди изступленныхъ плясокъ жрецовъ и радостныхъ кликовъ народа.

Флейта употреблялась также при похоронахъ; отсюда и поговорка; *Jam licet ad tibicines mittas*, пора послать за флейтичками; что значило, что человекъ при смерти.

Другой инструментъ, сохранившій свою первоначальную форму во многихъ странахъ — *волынка* севенскихъ и овернскихъ горъ, *tibia auricularis* Галло-Римлянъ, представляетъ любопытный, хотя непріятный для ушей, остатокъ древнихъ гальскихъ инструментовъ.

Свирель, *fistula*, состояла въ то время изъ семи трубочекъ: впоследствии число ихъ измѣнилось.

На древнихъ сосудахъ галло-римской эпохи видно множество ин-

струментовъ, очень разнообразныхъ и странныхъ формъ. Вся старанія ученыхъ опредѣлить ихъ употребленіе, были бы напрасны; это такія же фантастическія изображенія, какъ цвѣты, которыми артисты украсили эти сосуды.

Что касается нотации у Галло-Римлянъ, до насъ не дошло ни одного образца ея. Можно однако же полагать, что Римляне перенесли въ Галлію, вмѣстѣ съ греческою музыкою, и греческую нотацию. Она заключалась въ буквахъ, которыя разставлялись въ различныхъ положеніяхъ надъ словами; мѣра, безъ сомнѣнія, опредѣлялась долгою или краткою слога въ греческихъ и латинскихъ словахъ.

Эта недостаточная система перенесена безъ всякаго измѣненія въ Галлію: Галлы также мало изобрѣли новаго въ музыкѣ какъ и въ архитектурѣ. Конечно, на большихъ религіозныхъ или общественныхъ торжествахъ гальскихъ городовъ, новыя мелодіи, сочиненныя для этихъ торжествъ, изрѣдка прерывали однообразіе греческихъ мелодій; но изъ нихъ не сохранилось ничего, по чему можно бы судить о ихъ достоинствѣ. О гармоніи, конечно, не было и помину. Греки, говорить Калькбренверъ, никогда не воображали, чтобы инструментальная музыка могла быть чѣмъ-либо, кромѣ однообразнаго и безцвѣтнаго повторенія пѣнія.

Барвары, которые ничего не понимали въ изпѣженныхъ пѣсняхъ и громозвучныхъ трубахъ Галло-Римлянъ, смяли, въ своихъ разрушительныхъ наездахъ, цирки, театры, искусства и артистовъ.

Въ Восточной Церкви пѣніе было уже въ употребленіи въ третьемъ вѣкѣ; въ гальской же церкви оно водворилось собственно только въ четвертомъ вѣкѣ, когда христіанство сдѣлалось вѣрою господствующею. Впрочемъ и до того времени христіанскія общины, существовавшія тайно или открыто, смотря по времени и по личности императоровъ, пѣли уже хоромъ, безъ сопровожденія инструментовъ, гимны святаго Амвросія.

Многіе отцы Церкви свидѣтельствуютъ о благотворномъ дѣйствіи религіознаго пѣнія. Самъ святой Амвросій говоритъ: «Самое сильное средство соединенія душъ и помысловъ, это когда толпа народа сливается въ одинъ многочисленный хоръ». Въ другомъ мѣстѣ онъ сравниваетъ это сліяніе голосовъ, мужскихъ, женскихъ и дѣтскихъ, съ мелодическимъ говоромъ волнъ.

Такимъ-образомъ, подъ свѣцію Церкви, сохранились нѣкоторыя на-

пъвы древняго Востока; просвъщенный же и художественный вкусъ святаго Амвросія, собравшаго ихъ, ручается въ томъ, что это были самыя оригинальныя и прекрасныя изъ мелодій древности.

ВАНЪ-ДЕЙКЪ И МЕЛЬНИЧИХА. Время, все уничтожающее, не коснулось однако произведеній Ванъ-Дейка, портреты котораго сохранили всю свѣжесть красокъ и оттѣнковъ; можетъ-быть время даже покрыло эти безсмертныя полотна гармоническою пылью, волшебною паутиной, придающею древней живописи таинственный видъ освященныхъ произведеній, въ которыхъ нельзя узнать человѣческой руки.

Фламандская школа, по своему первоначальному основанію, обречена на вѣчное стремленіе отъ идеала къ дѣйствительности, отъ поэзіи къ истинѣ. Если это направленіе повредило великимъ произведеніямъ въ Брюгге, Антверпенъ и Брюссель, то развѣ нельзя утвердительно сказать, что оно принесло пользу твореніямъ Ванъ-Дейка? Дѣйствительно, если уже естественность должна царствовать во всей силѣ и свободѣ, такъ это именно въ портретахъ, лишь бы только художникъ умѣлъ, подобно Ванъ-Дейку, озарить ихъ свѣтомъ неба и ума.

Портреты, самая вѣрная страница изъ исторіи; для изученія характеровъ, страстей какой-нибудь эпохи, гораздо полезнѣе посѣщать портретныя галлерей, нежели библіотеки; въ продолженіе трехъ или четырехъ вѣковъ, составилаь съ гениальною медленностью портретная галлерей, гдѣ можно найти портреты всѣхъ знаменитыхъ людей, извѣстныхъ въ христіанскомъ мѣрѣ. Живописецъ могъ ошибаться, но все же онъ вѣрнѣе самаго добросовѣстнаго историка. Если голова, которую онъ вамъ показываетъ, — голова какого-нибудь царя, царя по храбрости, гению, царя по рожденію или уму; вы увидите что на чель или во взглядъ его блещитъ вѣнецъ этого царскаго достоинства. Душа чловѣка могучаго непрерывно выражается на его лицѣ; напрасно онъ скрываетъ ее, она противъ его воли вырывается наружу. Но чтобы схватить черты этой души и выразить ее на полотнѣ волшебною помощію красокъ, для этого надобно быть первокласснымъ живописцемъ, Тиціаномъ, Ванъ-Дейкомъ или Рембрантомъ, живописцемъ, обладающимъ даромъ творчества. На одного такого творца божественной школы, сколько прійдется бездарныхъ живописцовъ, ко-

вирующихъ вещественную оболочку, нисколько не заботясь о мысли, оживляющей чело!

Антонъ Ванъ-Дейкъ, изъ Герцогенбуша, родился въ Антверпенъ въ послѣднемъ году шестнадцатаго столѣтїя. По мнѣнїю Губрекена, отецъ его былъ живописцемъ на стекль, а мать превосходно выпивала. Въ то время живопись была совершенно въ упадкѣ, соборовъ уже не воздвигали, протестантизмъ уничтожилъ готическое искусство, и безъ сомнѣнїя искусство вышиванїя, гораздо существеннѣйшее, болѣе способствовало для воспитанїя маленькаго Ванъ-Дейка, нежели вышедшее изъ употребленїя искусство живописи на стекль. Первымъ учителемъ Ванъ-Дейка былъ отецъ; но онъ скоро понялъ, что искусному живописцу на стекль очень трудно образовывать хорошаго живописца масляными красками, и потому повелъ сына къ своему другу Ванъ-Балену.

Ванъ-Баленъ путешествовалъ въ Римъ и Венеци, изучилъ всѣ творенїя великихъ художниковъ, былъ самъ ученый художникъ и хорошій живописецъ. Такой попятливый ученикъ какъ Ванъ-Дейкъ, могъ выдти изъ его мастерской искуснымъ художникомъ. Но Ванъ-Дейкъ видѣлъ картины Рубенса; въ глазахъ его Ванъ-Баленъ былъ художникъ, заслужившїй свою славу, но Рубенсъ — царь живописи. Онъ постучалъ у дверей послѣдняго: — Кто тамъ? — Ребенокъ, понимающїй вашъ генїй. Въ тотъ же дець Рубенсъ узналъ, что это былъ гевїальнїй ребенокъ. Онъ скоро заставилъ его рисовать въ своихъ картинахъ. Случалось даже, что Ванъ-Дейкъ рисовалъ цѣлыя картины, на которыхъ выставлено имя Рубенса, хотя учитель едва коснулся къ нимъ своего кистью.

Въ знаменитой картинѣ «Святїе съ креста» щека и подбородокъ Пресвятой Дѣвы нарисованы Ванъ-Дейкомъ: но въ этой картинѣ Рубенсъ не думалъ воспользоваться талантомъ своего ученика. Вотъ анекдотъ, принадлежащїй исторїи искусства. Всякїй дець, около четырехъ часовъ, Рубенсъ прогуливался пѣшкомъ или верхомъ. Слуга обманывалъ его, какъ это всегда случается; то-есть, за деньги, отворялъ двери кабинета Рубенса, для всѣхъ учениковъ, работавшихъ въ смежной мастерской. Тутъ они пользовались превосходнымъ урокомъ; по начатымъ очеркамъ получали понятїе, какимъ образомъ, мощнїй генїй принимался за работу. Давно уже они не были въ его кабинетъ; между-тѣмъ знали, что Рубенсъ обѣщалъ это образцовое

произведеніе для церкви Антверпенской Богоматери. Однажды вечеромъ любопытство ихъ выразилось необыкновенно живымъ и шумнымъ образомъ. Едва только двери кабинета отворились, Горденсъ и Дипенбекъ бросились впередъ, подтолкнутые другими; находившимися сзади. Дипенбекъ не могъ удержаться на ногахъ: онъ упалъ на изображеніе Пресвятой Дѣвы и стеръ руку, щеку и подбородокъ. Вся ученики пришли въ ужасъ, они уже собирались бѣжать, потому-что Рубенсъ въ гнѣвъ былъ настоящій Юпитеръ Олимпійскій, когда Ванъ-Гекъ первый заговорилъ:

— Любезные товарищи, надобно, не теряя времени, рѣшиться на все для своего спасенія; намъ остается еще около трехъ часовъ дня; пускай же самый покусный изъ насъ — ужъ конечно не я — возьметъ кисть и попробуетъ исправить бѣду. Я подаю голосъ за Ванъ-Дейка.

Такъ говорилъ Ванъ-Гекъ. Все голоса были въ пользу Ванъ-Дейка, кромъ его собственнаго.

Однако, по настоянію ли своихъ товарищей, или по предчувствію торжества, онъ храбро принялся за дѣло. На другой день Рубенсъ пригласилъ всю мастерскую смотреть «Снятіе со креста».

Все ученики поблѣднѣли. Ванъ-Дейкъ едва не упалъ въ обморокъ. Рубенсъ говорилъ о своемъ гениі съ простодушною гордостью; онъ объяснялъ своимъ ученикамъ все красоты своего новаго произведенія. Наконецъ дошедъ до описанія Пресвятой Дѣвы, онъ вдругъ сказалъ: — Вотъ рука и голова, которыя не хуже всего, что я сдѣлалъ вчерашній день. Неизвѣстно какимъ образомъ Рубенсъ узналъ о происшедшемъ. Одни говорятъ, что онъ все стеръ и послалъ Ванъ-Дейка путешествовать; по мнѣнію же другихъ, онъ почтилъ кисть Ванъ-Дейка, и назвалъ его вице-королемъ фламандской живописи. Но изъ любви къ истинѣ надолжно придерживаться мнѣнія, что Рубенсъ завидовалъ Ванъ-Дейку; все знаменитые художники были немпожко завистливы, но нельзя допустить, чтобы такой умный человекъ, какъ Рубенсъ, превосходный дипломатъ, проявилъ бы свою зависть мщеніемъ.

Если вѣрить разнымъ анекдотамъ, то Рубенсъ завидовалъ Ванъ-Дейку совсѣмъ по другой причинѣ. Увѣряютъ, что молодой живописецъ былъ любимъ Изабеллою Брандтъ. Ванъ-Дейкъ, не обладая греческою красою, можетъ-быть, въ своей физиономіи, гордой и извжной, рыцарской и страстной, заключалъ идеальную кра-

соту своей родины и своего вѣка; потому что надобно замѣтить, красота перемѣняетъ характеръ, смотря по страстямъ и наклонностямъ вѣка и народа. Но какъ эти страсти написаны на вѣтрѣ, нарисованы на волнахъ, то нельзя ничего сказать утвердительнаго, ни отвергать положительно. Вѣрно только то, что около этого времени Ванъ-Дейкъ оставилъ своего учителя; они разстались братьями по оружію, а не врагами. Ванъ-Дейкъ подарилъ Рубенсу въ знакъ высокой и глубокой признательности, свои любимыя картины: «Ессе Ното», «Христосъ въ саду Геосиманскомъ» и портретъ Изабеллы Брандтъ. Можетъ-быть этотъ портретъ нарисованъ пламенной любовью, но распространившимся слухамъ о любви Ванъ-Дейка къ Изабеллѣ уже нельзя потому повѣрять, что Рубенсъ поставилъ этотъ портретъ въ гостиной и показывалъ его какъ чудо искусства всѣмъ посетителямъ и друзьямъ. — Если бы вы не отпраплялись въ путь, сказалъ Рубенсъ Ванъ-Дейку, я бы повелъ васъ въ свой кабинетъ и сказалъ: выберите что вамъ угодно. Но къ чему дарить вамъ картины, когда вы ѣдете въ Италію, страну искусства; я лучше отдамъ вамъ лучшую лошадь изъ своей конюшни.

Ванъ-Дейкъ ухалъ; отецъ, мать и сотня друзей провожали его. Хотя лошадь его рвалась отъ нетерпѣнія, но онъ оборачивался всякую минуту, чтобы взглянуть на послѣдніе знаки прощанія матери, которая провожала его дѣлве всѣхъ друзей. Наконецъ онъ уже ничего не видалъ кромѣ шпіля антверпенскаго собора. — И я, воскликнулъ онъ въ священномъ восторгѣ, и я нарисую когда-нибудь *Снятіе со креста*.

Ванъ-Дейкъ остаповился на самое короткое время въ Брюссель; въ одно июльское утро, онъ оставилъ мѣстопробываніе эрцгерцоговъ. Проехавъ двѣ мили, онъ увидалъ деревушку и остановился тамъ выпить кружку пива. Онъ садился уже на лошадь, но судьба удержала его лошадь за поводъ. Молодая крестьянка, свѣжѣе, бѣлѣе, розовѣе всѣхъ двадцатилѣтнихъ мечтаній, появилась на порогъ харчевни и сказала ему съ улыбкою, выказавши свои зубы бѣлые какъ у молодаго волченка.

— А еще прощальный глотокъ, баринъ? Ванъ-Дейкъ оставилъ своего пылаго товарища путешествія.

— Прощальный глотокъ, повторилъ онъ, но я не поѣду.

Онъ сошелъ съ лошади, чтобы поближе полюбоваться этою ванъ-

ной красотою, столь-блестящей и неожиданной и которая должна была сделаться его третьимъ наставникомъ. Она была одѣта почти однимъ только воздухомъ; ноги ея были обнажены, юбка короткая, рубашка едва застегнута, волосы развивались по волѣ вѣтра, шея выставлена на солнце. Ванъ-Дейкъ вошелъ въ харчевню.

— Куда вы ѣхали, баринъ?

— Въ Италію; но если ты хочешь, я не поѣду далѣе.

Въ жизни и талантѣ Ванъ-Дейка, сердцу назначено было разыгрывать роль важнѣе головы. Савентгемская мельничиха, хоть и крестьянка, но осуществляла идеалъ Ванъ-Дейка. А отыскавъ свой идеалъ, онъ не захотѣлъ уже оставлять родины. Онъ мужественно поселился въ семействѣ своей любимицы.

И такъ Ванъ-Дейкъ, уже знаменитый, привыкшій къ хорошему обществу и родившійся съ привычками знатнаго барина, удовольствовывался мастерскою подъ сельскимъ навѣсомъ, въ тѣни мельницы. После то же случилось и съ Рембрандтомъ.

Такъ говорилъ Декампъ.

Однако изъ Савентгема слухъ распространился и въ Брюссель, а изъ Брюсселя дошелъ до Антверпна, что одинъ молодой живописецъ, отправляясь въ Римъ, остановился на дорогѣ для прекрасной двадцати-лѣтней мельничихи, внушившей ему вдохновеніе. Рубенсъ узналъ въ этомъ Ванъ-Дейка; онъ отправился въ Савентгемъ. Подъѣзжая, онъ услышалъ ржаніе лошади, которую подарилъ своему ученику и нашелъ Ванъ-Дейка на крылечкѣ мельницы, небрежно лежавшаго у ногъ любезной. «Думаю, сказалъ онъ ему улыбаясь, что теперь вы обойдетесь безъ наставника». Ванъ-дейкъ уже бросился на шею Рубенсу. «А Римъ, а Венеція, а Рафаэль, а Тиціанъ, а Микель-Анджело, а Веронезъ?» — Завтра ѣду, отвѣчалъ Ванъ-Дейкъ съ внезапнымъ восторгомъ. Онъ уѣхалъ. Романъ его жизни окончился этой страничкою. Біографы не говорятъ, скоро ли онъ утѣшился.

Что стало съ хорошенькой мельничихой, съ самымъ свѣжимъ его вдохновеніемъ? Отеръ ли другой кто слезы ея? Она была создана для любви: она утѣшилась.

Ванъ-Дейкъ прямо поѣхалъ въ Венецію; онъ съ любовью изучалъ чудное сліяніе цвѣтовъ, выраженія головъ и драпировку Тиціана и Веронеза, не теряя изъ виду естественности. Искусство украшало у

него истину, но онъ никогда не жертвовалъ истиной въ пользу украшеній. Изъ Венеціи онъ поѣхалъ въ Геную, но не надолго. Изъ Генуи отправился въ Римъ, куда пригласилъ его кардиналъ Бентиволио написать его портретъ.

Римъ тогда былъ наполненъ цѣлою ватагою фламандскихъ живописцевъ, отрекшихся отъ своего первобытнаго генія, то-есть, отъ силы, блеска и избытка, для робкаго подражанія итальянскимъ художникамъ. Ванъ-Дейкъ сначала надѣялся найти друзей между соотечественниками; но все они съ яростью напали на него, когда узнали въ его портретахъ смѣлую и блистательную кисть Рубенса. Эти обидѣнные Фламандцы, отказавшіеся отъ національнаго генія для рабскаго подражанія, не хотѣли допустить возможности, чтобы фламандскій живописецъ, напитанный правилами Фламандской школы, пріѣхалъ въ Римъ съ талантомъ, который можетъ затмить ихъ таланты. Они могли бы еще простить Ванъ-Дейку въ такомъ случаѣ, когда бы онъ согласился проводить въ ихъ обществѣ сумасбродную и безпорядочную жизнь; но въ школѣ Рубенса онъ получилъ самыя благородныя привычки. Колонія фламандскихъ живописцевъ составила противъ него такой сильный заговоръ, что онъ вынужденъ былъ тотчасъ же послѣ своего пріѣзда оставить въковой городъ. Онъ поѣхалъ въ Сицилію, гдѣ между прочими портретами рисовалъ портретъ Филиберта-Савойскаго; изъ Палермо возвратился въ Геную, наконецъ изъ Генуи въ Антверпенъ, гдѣ нашелъ Фламандцевъ, болѣе похожими на Фламандцевъ, нежели находившихся въ Римѣ. Одинъ только онъ послѣ Рубенса видѣлъ свое имя написаннымъ огромными буквами на доскахъ общества Святаго Луки.

Однако, не смотря на свидѣтельство Рубенса, онъ долженъ былъ вести еще долгую борьбу; прежде нежели признали его геній. Куртрайскіе каноники заказали ему образъ для жертвенника. Ванъ-Дейкъ нарисовалъ «Спасителя на крестѣ», высокое произведеніе, превосходное по исполненію. Онъ пригласилъ монаховъ, когда его картина была уже поставлена на мѣсто въ церкви, рассчитывая заранѣе на восторженное ихъ удивленіе. Каково же было его изумленіе, когда монахи стали смотреть на картину и на живописца съ презрѣніемъ. — Что это за малеванье! Что за маляръ!

Ванъ-Дейкъ хотѣлъ было защищать свою картину; но монахи не дали ему сказать ни слова, заговоривъ всѣ вдругъ.

Ванъ-Дейкъ остался одинъ съ столяромъ и нѣкоторыми церковнослужителями, которые думали утѣшить его, советуя взять картину домой, и увѣряя, что не все еще потеряно.

Ванъ-Дейкъ, сознавая свои силы, не унывалъ; онъ съ гордостью приказалъ столяру поставить свою картину на мѣсто. На другой день онъ опять явился къ монахамъ, увѣряя ихъ, что они дурно разсмотрѣли его картину. Всѣ хоромъ отвѣчали ему, что не хотѣтъ видѣть его картину въ другой разъ; они заплатили ему, боясь подвергнуться безславію, но съ такимъ неудовольствіемъ, что художникъ былъ глубоко оскорбленъ. Однако нѣкоторые знатоки, проѣзжавшіе черезъ Куртрей, всюду кричали, что «Спаситель на крестѣ» Ванъ-Дейка чудо искусства. Слухъ объ этомъ распространился все болѣе и болѣе; цѣлыя толпы собирались дивиться картинѣ: тогда Ванъ-Дейкъ всѣмъ рассказалъ о случившемся происшествіи. Въ намѣреніи поправить свою ошибку, монахи созвали капитулъ. Засѣданіе кончилось тѣмъ, что они письменно просили Ванъ-Дейка варьировать имъ еще и другія картины.

Впрочемъ, Ванъ-Дейкъ никогда не могъ похвалиться щедростью монастырей. Онъ нарисовалъ «Святаго Августина» для августинскаго монастыря; когда дѣло дошло до расплаты, ему объявили, что онъ не такъ нарисовалъ одежду святаго, что ряса должна быть черная, а не бѣлая. Ванъ-Дейкъ передѣлалъ одежду. Ванъ-Дейкъ остановился въ Антверпенѣ только для отдыха. Слава Рубенса занималъ слишкомъ видное мѣсто, не оставивъ ничего для другихъ. Ванъ-Дейкъ уѣхалъ въ Гагу, гдѣ принцъ Оранскій, Фридрихъ Нассаускій, платилъ ему щедро. Онъ жилъ во дворцѣ и нарисовалъ болѣе двадцати портретовъ принцевъ, герцоговъ, послапниковъ. Изъ Гаги онъ отправился въ Англію, изъ Англіи во Францію, болѣе движимый страстью къ прибыли, нежели любовью къ искусству. Но вѣроятно ему уже предназначено было судьбою бороться со многими препятствіями, прежде нежели онъ составитъ себѣ состояніе; въ Лондонѣ и Парижѣ никто не обратилъ вниманія на его талантъ. И вѣроятно ли? онъ вынужденъ былъ возвратиться въ Антверпенъ и опять писать картины для монаховъ. Ксчастію, капитулскій орденъ былъ щедрѣе августинцевъ.

Наконецъ тяжелое время испытанія для него кончилось. Едва только онъ выѣхалъ изъ Англіи, какъ многіе портреты, нарисованные имъ при дворѣ принца Оранскаго перешли ко двору англійскаго короля. Превосходное выраженіе портретовъ Ванъ-Дейка привело въ восторгъ Карла-Перваго; онъ желалъ призвать его къ своему двору. Но Ванъ-Дейкъ не могъ забыть, какъ Англія была для него негостеприимна во время перваго путешествія, и поклялся никогда туда не возвращаться. Однако кавалеръ Дигби насильно привезъ его въ Лондонъ и представилъ королю. Карлъ-Первый такъ милостиво и съ такимъ уваженіемъ принялъ его, какъ будто самаго Рубенса. Онъ пожаловалъ ему свой портретъ, украшенный брилліантами, на золотой цѣпочкѣ, и Ванъ-Дейкъ съ почтительностью надѣлъ цѣпь на свою шею. Потомъ Карлъ-Первый пожаловалъ ему знаки ордена Бани; и желая сдѣлать для него Англію вторымъ отечествомъ, назначилъ ему значительную пенсію и двѣ квартиры, зимнюю и лѣтнюю, сказавъ ему, что всѣ придворные будутъ просить его нарисовать портреты ихъ, и самъ назначилъ цѣну портретамъ: сто фунтовъ стерлинговъ за портретъ во весь ростъ и пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ за поясные портреты.

Это было лучшее время его жизни. Какъ Рубенсъ, онъ царствовалъ и назначеніе его было самое высокое и самое пріятное: увѣковѣчить созданіе Божіе. Самыя прелестныя женщины Англіи собирались какъ на праздникъ передъ палитрой, увѣнчивающей ихъ неувядающими розами. Свѣтлорусые волосы развѣвались для него волнистыми прядями; свѣжія плечи, бѣлые свѣжыхъ вершинъ Альповъ, обнажались во всей красѣ для его кисти. Когда прекрасная принцесса де-Бриנדль съ такою снисходительностью предстала полуобнаженная въ его мастерскую, когда Ванъ-Дейкъ трепетною рукою срисовывалъ ея шею ослабительной бѣлизны, — это чудо творчества природы, — не думалъ ли онъ, что великій Творецъ создалъ эту шею для него?

Ванъ-Дейкъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Карломъ Первымъ. Онъ былъ ненасытимъ и стоялъ королю дороже перваго министра. Однажды Карлъ-Первый сидѣлъ передъ живописцемъ, снимавшимъ съ него портретъ, — можетъ-быть тотъ самый превосходный портретъ, который увѣковѣченъ гравированіемъ, — король только что говорившій съ герцогомъ Норфолькомъ о дурномъ состояніи си-

нансовъ, обернулся къ Ванъ-Дейку и сказалъ ему шутя: «А вы, кавалеръ, понимаете, что значить имѣть нужду въ пяти или шести тысячахъ гиней?» — Очень, государь; художникъ, котораго столъ всегда накрытъ для друзей, испытываетъ слишкомъ часто пустоту своего кармана». Ванъ-Дейкъ бросился въ страшныя издержки, обогащалъ своихъ любовницъ и слугъ, но мало-по-малу разстроилъ свой талантъ и здоровье. Въ безумной роскоши, онъ выстроилъ не дворець, какъ Рубенсъ, но лабораторію, потому что завлеченъ былъ алхимистами: все золото, создаваемое его волшебной кистью, исчезло въ химическихъ опытахъ.

Другъ его, герцогъ Букингемъ, увлекъ живописца въ бездну алхиміи. Надменный любимецъ Карла-Перваго, видя что почти разорилъ Ванъ-Дейка, хотѣлъ поправить свою вину, впрочемъ невольную. Онъ исторгнулъ его у любовницъ и женилъ на дочери лорда Рутвена, шотландскаго вельможи. Это была одна изъ прелестнѣйшихъ женщинъ въ Англіи, но она принесла ему въ приданое только имя и красоту, уже знаменитую. Когда Ванъ-Дейкъ женился, то собравъ остатки своего богатства, ухалъ въ Антверпенъ въ надеждѣ, что его примутъ тамъ съ восторгомъ. Но ему рѣшительно не суждено было получать почести и пользоваться славою. Онъ еще разъ ѣздилъ въ Парижъ; его увѣрили, что онъ поправитъ свое состояніе, разписывая луврскую галерею, но Пуссепъ успѣлъ пріѣхать прежде его. Въ другой разъ онъ принужденъ былъ оставить негостепримную Францію, возвратившись въ Англію, но было уже поздно; онъ употреблялъ во зло свои силы, и еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ не имѣлъ уже ни крѣпости, ни мужества. Онъ заболѣлъ и не всталъ уже болѣе съ болѣзненнаго одра. Жена его родила дочь; смерть этой дочери, умершей двухъ или трехъ лѣтъ, нанесла послѣдній ударъ его сердцу.

Онъ умеръ сорока двухъ лѣтъ, не очень жалѣя о жизни, съ начальной и благочестивой надеждою быть погребеннымъ въ церкви Сантаго Павла, возлѣ милаго праха своей дочери. Марія Рутвенъ вышла въ другой разъ замужъ, но не надолго пережила его.

Сравнивая Ванъ-Дейка съ Рубенсомъ, видимъ, что Ванъ-Дейкъ былъ менѣе гениалецъ, но имѣлъ болѣе привлекательности, менѣе величія, но болѣе возвышенности, менѣе восторженности, но болѣе совершенства. Надобно сказать, что онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, пренебрегалъ своею жизнью, былъ всегда влюбленъ и следовательно всегда сумас-

бродствовалъ. Часто восхищались великими произведеніями Ванъ-Дейка съ такимъ же восторгомъ какъ произведеніями Рубенса. Тѣмъ же, которые отвергають въ немъ геній, можно указать на знаменитую картину «Святаго Мартина», нарисованную въ маленькой деревушкѣ Савенттемъ, когда ему было двадцать лѣтъ, когда онъ былъ одинъ, безъ наставника и не имѣлъ образцовъ. Въ Италіи онъ оставилъ превосходныя картины, не уступающія картинамъ ни Рубенса, ни Тиціана.

Онъ обладалъ, какъ Рубенсъ, поэзіею красокъ; выраженіе его лицъ не имѣетъ такой живости, за то въ нихъ больше гармоніи; его свѣто-тѣни — торжество искусства, потому что въ нихъ нѣтъ ничего искусственнаго. Всего же болѣе надобно удивляться его твердой, широкой и вмѣстѣ нѣжной кисти, заключающей удивительную оконченность. Это совершенство отдѣлки тѣмъ непостижимѣе, что онъ рисовалъ голову въ одинъ сеансъ и съ одной палитрой. Большею частью онъ начиналъ портретъ утромъ, удерживалъ свой оригиналъ на объѣдъ и кончалъ вечеромъ. Видно, что тѣ, съ которыхъ онъ рисовалъ, не скучали у него. Дѣйствительно, Ванъ-Дейкъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи актеровъ, фокусниковъ, музыкантовъ, танцовщицъ, все, что производитъ шумный блескъ. Онъ всегда умно преувеличивалъ тѣни и свѣтъ, и потому всегда достигалъ великаго и простаго. Онъ заимствовалъ у природы только необходимое для истины и украшалъ ее всею роскошью искусства. Его головы выходятъ изъ рамки, до-того онъ рельефны, до-того исполнены жизни; смотря на нихъ, забываешь, что это картина.

Какъ портретный живописецъ, Ванъ-Дейкъ стоитъ наравнѣ съ Рафаэлемъ, Гольбейномъ, Веласкесомъ и Рембрандтомъ. Вся его портреты дышатъ жизнью; онъ схватывалъ сходство именно въ ту минуту, когда душа оживляла лицо; отъ этого портреты его отличаются идеальной красотой, не смотря на необыкновенное сходство. Впрочемъ, когда душа не проявлялась на лицѣ, Ванъ-Дейкъ влагалъ свою на кончикъ кисти.

Ванъ-Дейкъ, — живописецъ наипростодушнѣйшимъ образомъ постигшій тайну идеальной красоты своего вѣка; вся его блистательные портреты, озаренные отсвѣтомъ новой зари, восходившей надъ міромъ, выражаютъ испанскую и романтическую поэзію вмѣстѣ съ рыцарскимъ возвышеннымъ благородствомъ. Можно сказать, что они напоминаютъ

собою героевъ Тасса, болѣе влюбленныхъ, нежели кровожадныхъ; въ они заключаютъ въ себя что-то рыцарское. Чувствуешь, что они сердцемъ пережили романъ своей жизни. И потому портреты Ванъ-Дейка, не только что превосходнѣйшія произведенія искусства, но выраженіе ихъ лицъ и положеніе головы исполнены выраженія. Такіе портреты всегда принадлежать какому-нибудь семейству.

Сколько разъ случалось, что портретъ дѣдушки долженъ былъ уступить почетное мѣсто портрету, написанному Ванъ-Дейкомъ.

Одинъ только Тиціанъ, какъ портретный живописецъ, стоитъ, можетъ-быть, выше Ванъ-Дейка; спъ суровѣе и величественнѣе. Надобно однако сказать, что Ванъ-Дейкъ рисовалъ только Фламандцевъ, да Англичанъ, тогда какъ Тиціанъ рисовалъ Итальянцевъ: если австрийскій живописецъ встрѣчалъ болѣе идей для своей палитры, то венеціанскій живописецъ естественно находилъ болѣе силы и характера.

Вдохновеніе Ванъ-Дейка было возвышеннѣе вдохновенія Риго; онъ понималъ, что для головы надобно жертвовать всѣмъ. Однако у него ни въ грунтѣ, ни въ драпировкѣ, ни въ подробностяхъ, нигдѣ не замѣтно небрежности въ отдѣлкѣ. Руки занимаютъ второстепенное мѣсто, хотя онъ писалъ ихъ съ большимъ стараніемъ. Надобно замѣтить, что Ванъ-Дейкъ появился въ лучшее время, нежели Риго: въ началъ семнадцатаго столѣтія. Костюмы были во всей своей суровой пышности; не прошло ста лѣтъ, парикъ Людовика-Четырнадцатаго все испортилъ, и еще того хуже, костюмъ до того бросался въ глаза, что лицо стало только дополненіемъ картины.

Ванъ-Дейкъ имѣлъ много подражателей, но мало учениковъ. Изъ его мастерской вышли Фушье, Бергъ-опъ-Цонгъ, подражавшій попеременно Ванъ-Дейку, Тинторету и Броверу, Гапвеманъ, де-Лаге искусно подражавшій кисти своего учителя, послѣ четырехъ или пяти уроковъ; Ренъ, Дюпкеркъ, помогавшій великому живописцу въ портретныхъ украшеніяхъ, Бекъ, де-Дельфть, пользовавшійся уваженіемъ при всѣхъ европейскихъ дворахъ. Кисть его летала съ такою быстротою, что Карлъ-Первый воскликнулъ, когда тотъ срисовывалъ съ него портретъ:

«Ты, Бекъ, кажется, рисовалъ бы и верхомъ и на почтовыхъ».

Хотя Гонзалесъ Кокъ былъ ученикомъ Давида Рикерта, но можно сказать, что настоящимъ учителемъ его былъ Ванъ-Дейкъ. Въ пор-

третахъ его та же возвышенность, тотъ же вкусъ и почти та же кисть.

Лели — Петръ Ванъ-дёръ-Фесъ — родившійся въ 1618 и умершій въ 1680 году, наследовалъ послѣ Ванъ-Дейка милости англійскаго двора. Онъ такъ же какъ и Ванъ-Дейкъ, имѣлъ всегда готовый столъ на двѣнадцать особъ и оркестръ изъ двѣнадцати музыкантовъ, игравшій во время его объѣда. Но онъ не разорился какъ Ванъ-Дейкъ, «потому что не имѣлъ любовницъ и не вѣрилъ въ алхимию». Его не очень цѣнятъ потомство; однако Лели превосходный портретный живописецъ, исполненный блеска и искусства. Онъ былъ домашнимъ живописцемъ попеременно у Карла-Перваго, Кромвеля и Карла-Второго. Онъ умеръ скоропостижно, пораженный, какъ говорятъ его биографы, укусами Квеллера при лондонскомъ дворѣ; отравленный, говорить съ большею справедливостью другой, по ошибкѣ доктора.

Съ Ванъ-Дейкомъ оканчивается рядъ великихъ живописцевъ его родины. Фламандская природа истощилась, принося въ даръ свѣту дивныхъ дѣтей. Геній какъ золотые колосья, растетъ только на вспаханной нивѣ послѣ обильной росы. Геній Сѣвера удался далѣе подъ густые туманы; онъ разцвѣлъ въ Лейденѣ, въ Гарлемѣ и Амстердамѣ. Школа Рубенса разсыпалась и исчезаетъ мало-по-малу. Послѣ этой богатой жатвы мы встрѣчаемъ кой-гдѣ только зеленые отростки; послѣ этого ослѣпительнаго свѣту мы видимъ только подъ распространяющимся мракомъ ночи лучи, заходящаго солнца, сохраняющаго на время свои багровыя и огненныя цвѣта, но скоро останутся одны только звѣзды на небосклонѣ искусствъ.

ВОЙ САРАНЧИ. — МОШЪ-ВЛАНЪ. — ИСТОРИЯ ЖЕЛЕЗНАГО КРЕСТА.
Изъ писемъ путешественника. Была самая лѣтняя пора. Въ полдень жаръ стоялъ невыносимый, хлѣбъ волновался и зрѣлъ, альпійская флора разсыпала по дерпу и мху пестрое множество разнообразныхъ цвѣтовъ, этихъ дѣвственныхъ питомцевъ уединенія; дивная краса ихъ никому невѣдома, благоуханіе ихъ вознеслось только къ небу. Атмосфера была наполнена чистыми и пронзительными звуками насѣкомыхъ. Между листьями орѣшника распѣвали стрекозы, въ бороздахъ полей ползали тучи саранчи.

Эти безчисленныя стаи насѣкомыхъ заставили меня задуматься о казни, ниспосланной Господомъ. Весною опустошенія, причиняемыя

этими насъкомыми, ужасны. Если не ошибаюсь, въ 1613 году, въ окрестностях Арля во Франціи, этими насъкомыми было пожрано пятнадцать тысячъ десятинъ хлѣба. Мѣстное начальство распорядилось, назначивъ полторы тысячи человекъ для того, чтобъ ихъ убивать, жечь, и отыскивать яйца, которыми было наполнено три тысячи мѣръ. Воздухъ портится отъ зловредныхъ испареній ихъ труповъ, нередко производящихъ чуму. Восточные жители солятъ этихъ жестко-крылыхъ насъкомыхъ, точно какъ Европейцы солятъ свои сельди, и продаютъ на каирскихъ рынкахъ между съвотными припасами. Эту пищу не жалуй, со временемъ введутъ въ употребленіе и у насъ, у насъ, у которыхъ пресъщенные желудки требуютъ иностранныхъ яствъ. И кто знаетъ? Можетъ-быть саранча также вкусна, какъ улитка для бордосскаго матроса, змѣя для Негровъ, ласточкины гнѣзда для Китайцевъ.

Недавно проходилъ я полемъ, и случайно увидалъ мальчика изъ деревни Виларъ, погруженнаго въ странное занятіе. Въ каждой рукѣ держалъ онъ за крылья по зеленой саранчѣ, называемой *grylus migratorius*, длиною въ два съ половиною дюйма. Подержавши ихъ нѣсколько времени одну противъ другой, онъ вдругъ сблизилъ ихъ такъ, что въ движеніяхъ своихъ онъ сцѣпились длинными своими лапками. Если-бы возможно было въ эту минуту узнать, по какимъ-нибудь признакамъ, расположеніе духа этихъ насъкомыхъ, то конечно эти признаки ясно выразили бы гнѣвъ возрастающій отъ толчковъ, которыми не переставалъ раздражать ихъ мальчикъ; потому что вскорѣ страшный бой завязался между ними, а онъ во все время схватки держалъ ихъ одну противъ другой. Никогда пойманный тигръ, никогда ягуаръ, терзающій собакъ, ни пантера, не находящая уже спасенія, не выказывали столько остервененія, столько неутомимой ярости. Съ каждымъ уязвленіемъ ихъ широкіе клещики или челюсти, ухвативъ, за какой-нибудь члѣпъ отрывали его отъ тѣла, или съ жестокостью углублялись въ мягкое и нѣжное мясо. Одинъ изъ бойцевъ потерялъ свои лапы и весь былъ покрытъ ранами; казалось, имъ овладело бѣшенство и онъ съ такою яростью впился въ челюсть своего противника, что оставилъ въ ней половину собственной, когда мальчикъ захотѣлъ ихъ разнять. Тогда другой боецъ, не смотря на затруднительное состояніе своей челюсти, съ жестокостью нанесъ ему смертельный ударъ,

произшедший его немю такъ, что голова на половину отделилась, и побжденный испустилъ послѣднй вздохъ.

Не кажется ли вамъ, что мы присутствовали при какомъ-нибудь смертельномъ поединкѣ варварскихъ временъ? Кто внушилъ этому ребенку такое жестокое любопытство къ подобному зрѣлищу? Какъ у меня достало силъ позволить ему продолжать эту забаву? Нѣтъ, не общество развращаетъ чловѣка; въ немъ самомъ находится начало зла, происходящее отъ дурныхъ примѣровъ. Школьникъ безопасно рѣжетъ своимъ перочиннымъ ножичкомъ бднхъ, живыхъ птичекъ, и если воспитаніе не преобразуетъ и не направитъ его, этотъ школьникъ можетъ сдѣлаться злымъ чловѣкомъ.

Но я забываю, что главный предметъ этого письма долженъ состоять въ описаніи Монъ-Блана.

Сначала я пошелъ пѣшкомъ, по дорогѣ, ведущей въ Сенъ-Максимъ де-Бюфоръ, главный городъ Кантона или *приказа* всей долины, оттуда повернулъ въ левую рощу, посреди которой находилась огромная скала. Объ этой скалѣ существуетъ преданіе. На мѣсть ея находилась нѣкогда мельница подъ высокимъ водопадомъ. Мельникъ этой мельницы дернулъ однажды, въ *воскресенье*, пустить ее въ ходъ. Огромный камень отделился съ горъ, уналъ на мельницу, не раздавивъ ея, и въ цѣлости заключилъ ее въ одномъ углубленіи своей массы, навсегда разлучивши ее со свѣтомъ. Нынѣшняя прогулка доставила намъ еще два преданія, сходныя между собою, о земледѣльцѣ Жиротскаго озера и объ отроискомъ охотникѣ. Меня уверяли, что внутри камня всегда слышны удары жернова мельницы, осужденной вмѣстѣ съ хозяиномъ на вѣчную работу. Приложивъ ухо къ расщелинѣ камня, я узналъ, что причиною суетврныхъ толковъ было странное эхо отъ ропота волнъ рѣки, протекающей въ долинѣ, на довольно большомъ разстояніи, и которой отсюда не видно и не слышно, по-крайней-мѣрѣ по прямой линіи. Потомъ я пошелъ по крутой тропинкѣ, которая терялась на горѣ, между высокимъ ельникомъ во сто, или во сто двадцать футовъ высоты, представляя небу быть моимъ руководителемъ и стараясь какъ можно меньше спотыкаться на острые камни, которыми усыпана тропинка.

Время было чудесное. Свѣжій вѣтерокъ тихо шелестилъ между листьями орѣшника, малевкія испуганныя бѣлки карабкались по вѣтвямъ, пастыкомыя напѣвали свои однообразныя баллады въ высокой травѣ. Иногда огромный орелъ, испуганный шумомъ моихъ шаговъ,

съ свистомъ взвивался надъ лѣсомъ. Словомъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ лѣтнихъ дней, когда наслажденіе здоровьемъ, беззаботность юности и любовь къ живописному мѣстоположенію, обращаютъ насъ какъ блуднаго сына къ природѣ, матери, всегда свистодательной и кроткой.

Я остановился на высокомъ холмѣ, съ котораго видны двѣ или три бѣнины, и часть стѣнъ, возвышающихся надъ громадою развалинъ. Отсюда видна бофорская долина съ своими извилинами, похожими на олеви рога, огромными еловыми лѣсами, лугами, покато склоняющимися до самыхъ береговъ рѣки, то безмолвно ласкающей, то съ хриплымъ ревомъ и ослѣпительною скатертью пѣны прорывающейся между громадными утесами; эта долина показалась мнѣ отсюда прекрасною своимъ дикимъ величіемъ, покоящеюся подъ солнцемъ, точно оазисъ, окруженный песками и пустынями.

При выходѣ изъ лѣсу, который я проходилъ съ наклоненною головою, солнечный лучъ заставилъ меня поднять глаза. Великолѣпный видъ нижнихъ долинъ исчезъ, такъ же какъ и теплота воздуха. Предомною развертывалась извилистая цѣпь пастбищъ, замкнутая громадою утесовъ, покрытыхъ вѣчно-бѣлою пеленою зимы; какъ пустынная пирамида, эта громада возвышала чело свое надъ облаками, мрачная зелень точно поясомъ окружала ее и исчезала у ногъ моихъ. Между стѣною горизонта и пажитями, казалось, висѣвшими на ея колоссальныхъ чреслахъ, была однако глубокая разсѣлина. Эта разсѣлина поглощаетъ деревни и равнины, а стѣна, позлащаемая солнцемъ или орошаемая туманами бурь, эта могучая пирамида земли, посящая на себя вѣнецъ изъ урагановъ и мантию изъ вѣчныхъ снѣговъ, это Монъ-Бланъ! Монъ-Бланъ, съ высотъ котораго спускаются осемнадцать ледниковъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ до шести миль длины.

Я провелъ ночь въ Отлюсѣ.

Отлюсъ отчизна высокаго образованія (alla lux), — маленькая деревушка, колокольня которой покрыта жестью изящной работы, казалась серебрянымъ минаретомъ какого-нибудь города Аравіи. Семейство поэта Дюси, переводчика Шекспировыхъ драмъ, было родомъ изъ Отлюса.

При захожденіи солнца, когда тѣнь помрачила зеленыя пажити, я увидѣлъ послѣдніе розовые лучи дня, рассыпавшіеся алмазами по снѣгамъ Монъ-Блана, и потомъ исчезающіе одинъ за другимъ.

На другой день утромъ я былъ въ ущельи Жоли или Дамской площади. Ущелье Жоли образуетъ долину Отлюсь на Монъ-Бланъ; ея крутая отлогость на сѣверо-восточной покатости горъ спускается до Notre-Dame-de-la-George, часовнѣ, посвященной Пресвятой Богородицѣ, и скрывающейся въ изгибахъ развѣтви, отдѣляющей Монъ-Бланъ отъ отлюсскихъ пажитей.

Остроконечности горъ исчезали въ небесахъ по мѣрѣ того, какъ я всходилъ все выше и выше. Горная цѣпь альпійскаго великана, котораго самая вершина постепенно уменьшаясь, наконецъ, казалось, совсемъ исчезла при моемъ приближеніи, представлялась глазамъ монмъ не въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, склоняясь къ Фосиньи, подобно волнамъ на берегу морскомъ.

На право, мрачные, темные утесы, кое-гдѣ пересекались длинными полосами снѣга, отъ противоположности которыхъ они дѣлались еще мрачнѣе. Прямо передо мною, лежало ледяное море съ перваго взгляда казавшееся широкою, песочною дорогою, углубляющеюся въ горный поворотъ; вскорѣ чудныя тѣни отдѣлили одну отъ другой песчинки этого пути и превратили ихъ въ стальные головы огромныхъ льдинъ. Надъ этимъ полярнымъ моремъ иногда взвивались неизмѣримыя, снѣжныя скатерти, блѣтя на лазуревомъ небѣ, и грохотъ лавинъ гремѣлъ надъ ледникомъ. На лѣво, зубчатая Альпы застилали горизонтъ своимъ снѣжнымъ и зубристымъ профилемъ, а близъ меня, на краю ущелья Жоли, печально наклоненная, зеленая вершина игловатаго ельника, казалась смиренною дочерью горъ, преклоняюща колына, передъ своимъ царственнымъ владыкою.

По правую сторону ущелья Жоли, я нашелъ озеро, называемое «La Gigotta». Это озеро образуется изъ снѣжной воды; никогда рыбы не могли въ немъ жить, и никто еще не успѣлъ взмѣрить глубину его. Воды озера неподвижны; кругомъ горы, покрытыя дерномъ защищаютъ его отъ вѣтровъ. При наступленіи вечера, въ то время, когда нижняя часть земли покрывается мракомъ, а солнце освѣщаетъ только вершину Монъ-Блана, — возвышенности котораго загораются какъ лава Этны, — это зеркало, въ мрачной рамѣ отражающее въ водахъ своихъ сначала пурпуровыя, потомъ розовыя снѣга своего великолѣпнаго сосѣда, представляетъ странное явленіе. Когда, прорываясь изъ него каскадомъ, протекаетъ долину отлюсскую до самаго Бофора. Когда я подходилъ къ нему, пасущіяся коровы

придавали тучнымъ пастбищамъ береговъ озера какое-то поэтическое одушевленіе; пастухъ, сидя посрединѣ зеленѣющей вершины, пѣлъ въ одиночествѣ горную мелодію, носившую отпечатокъ тихой окрестной природы.

Дикія утки съ наступленіемъ осени прилетаютъ на берега Жиротскаго озера, серна приходитъ утолять жажду въ его прозрачныхъ водахъ. Недалеко отсюда, вдоль отрейской горы, въ бурныя ночи скитается проклятый охотникъ съ своими собаками, осужденный на вѣчную и бесплодную охоту за дичью, за то, что однажды соблазвившись охотою, забылъ, что воскресный день есть день покоя и молитвы. Подобная участь постигла хлѣбопашцевъ, съвязавшихъ въ воскресенье: они исчезли съ своими полями въ бездонной пропасти и связныя воды тотчасъ покрыли ее зеркальною, лазуревою скатертью Жиротскаго озера. Къ этимъ преданіямъ прибавьте рассказъ о мельникѣ бофорской долины. Туземцы тщательно чтятъ седьмой день недели.

Вечеромъ надо было опять спуститься въ Виларъ, и вотъ я остался озеро, простился съ Монъ-Бланомъ, на минуту остановился въ шалашъ, чтобы взглянуть на выдѣлываніе швейцарскаго сыра и отправился въ Отлюсъ, колокольня котораго ярко горѣла отъ солнечныхъ лучей надъ лѣсомъ, граничившимъ съ горизонтомъ.

Письмо это окончу исторіей глухо-нѣмого, нѣсколько, по правдѣ сказать, прикрашенной мною.

Я забылъ сказать, что мѣсто въ ущельи Жоли, съ котораго я восхищался Монъ-Бланомъ, имѣло странную форму: мѣстами взрытое и обрушенное отъ частыхъ ударовъ молніи, отъ которой гранитъ, самый крикѣй камень, гранитъ, это первобытное начало поверхности земнаго шара, дѣлается здѣсь рыхлымъ какъ алебастръ. Желѣзный крестъ, водруженный въ жерло рывины, около которой земля, казалось, колебалась подъ ногами, поразило мои взоры; мрачный и склонившійся подъ ударами бурь, онъ мнѣ казался таинственнымъ признакомъ забытаго существованія, погибшаго самымъ бѣдственнымъ образомъ. По возвращеніи, я тотчасъ сталъ разспрашивать, и вотъ результатъ моихъ поисковъ, частью собранныхъ на мѣстѣ, частью угаданныхъ.

Много уже лѣтъ тому, Лаура Ж** была самая пригоженькая дѣвушка и самая большая кокетка маленькой деревни, савойской провинціи, граничащей съ водами Лемана. Пока кокетство это происхо-

дало отъ ея молодости, красоты, легкости побѣдъ, составлявшихъ непреодолимую прелесть для ея самолюбія, подъ тонкою оболочкою легкомыслія и равнодушія, Лаура скрывала огненную душу, которая должна была обнаружиться при напорѣ страстей. Любовь къ тщеславію, этотъ червь подтачивающій все, что есть въ насъ чистаго, часто портитъ самыя лучшія натуры; Лаура утратила въ немъ всю величественность своего сердца и подвергла опасности самыя благородныя побужденія.

Между ея усерднѣйшими обожателями находился молодой рыбакъ, Филиппъ, самаго жестокаго и страшнаго нрава, изъ всѣхъ туземныхъ рыбаковъ; Филиппъ былъ ни красивъ, ни любезенъ; не смотря на то, Лаура незамедлила пристраститься къ нему, потому только, что онъ нисколько не походилъ на ея обыкновенныя жертвы. Всѣ знаютъ, что нѣредко для женщинъ, по-крайней-мѣрѣ для нѣкоторыхъ, достаточно самой ничтожной причины, чтобы только изъ своенравія изменить ихъ гордость и внушить сильныя страсти. Старикъ отецъ Лауры, стоя на краю гроба, и заботясь о будущности дочери, объявилъ о предложеніи, сдѣланномъ богатымъ поселяниномъ и просилъ ее согласиться на этотъ бракъ и утѣшить послѣднія его минуты. Въ это время наступила рекрутская очередь, Филиппъ поступилъ въ сардинскую армію, и отправился въ Пиемонтъ; они признались во взаимной любви и Филиппъ обѣщался тотчасъ возвратиться, какъ только найметъ вмѣсто себя рекрута, въ чемъ однако не имѣлъ успѣха. Много прошло дней, а онъ не возвращался. Новый же искатель былъ такъ богатъ, что это должно было удовлетворить тщеславію Лауры и ея привычку къ роскоши, а Филиппу, кажется, суждено было остаться навсегда бѣднымъ рыбакомъ. Потому ли, что эти разсужденія ослабили любовь, или эта любовь не достигла еще той силы, которая хранилась въ ея пылкой душѣ; какъ бы то ни было, Лаура согласилась выдти замужъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, отецъ ея умеръ.

Семь лѣтъ спустя Лаура жила съ своимъ мужемъ въ деревянномъ домѣ въ Шабле, на границѣ провинціи Фосинья. Единственный сынъ ихъ былъ глухо-вѣмой.

Маленькому Юсефу было десять лѣтъ въ то время, съ котораго мы начинаемъ свой разсказъ; его нельзя было назвать красивымъ, но лицо его тотчасъ же внушало самое искреннее участіе, увеличивавшееся

потомъ отъ его жалкаго недостатка. Живой умъ его выражался движеніями, замѣтно ясными. Слабое здоровье его стоило многихъ попеченій его матери; зато онъ питалъ къ ней вистыяктивне неисчерпаемую любовь и благодарность; но позднія сожалѣнія и тоска до того раздражили характеръ Лауры, что она стала обращаться съ сыномъ своимъ съ недоброежелательствомъ, почти съ ненавистью. Старинная любовь, долго скрываемаая, проснулась съ новою силою, съ бѣльшимъ страданіемъ нежели когда-либо; до нея дошли слухи, что Филиппъ предался безпорядочной жизни, которая рано или поздно грозила ему позорною казнью. Мужъ, въ преклонныхъ уже лѣтахъ, взыскательнаго права, подозрѣвая причину ея печали, осыпалъ иногда ее упреками.

Впрочемъ, однажды, Лаура до того не оставалаяся у него въ долгу, вдругъ сдѣлалась кротка и покорна; но въ отношеніи сына отвращеніе ея еще увеличилось; бѣдный малютка долженъ былъ терпѣливо сносить непостижимую жестокость матери. Эта внезапная перемена была тайною для ея мужа, но мы проникнемъ ее при развязкѣ.

Однажды между ними происходила одна изъ тѣхъ бурныхъ сценъ, о которыхъ мы уже намекнули, но гораздо ужаснѣе нежели когда-нибудь. Гнѣвъ Лауры не зналъ предѣловъ; это была первая вспышка послѣ двухъ-мѣсячнаго необыкновеннаго спокойствія, предшествующая бури, внезапно разразившейся и, по видимому безъ всякой побудительной причины. Мужъ, замѣтившій въ одно время необыкновенное безчувствіе и удвоенную ненависть къ маленькому Іосифу, сдѣлалъ ей замѣчаніе на этотъ счетъ, отчего и произошла вся эта сцена, кончившаяся только уходомъ Лауры. Она возвратилась очень поздно, когда мужъ уже спалъ. Іосифъ, постоянно отталкиваемый матерью, всталъ уже на маленькій чердакъ и съ сердцемъ, полнымъ горя и полными слезъ глазами, легъ въ постель съ припадками лихорадки, часто возобновлявшейся при его бользенной организаціи.

Въ полночь, Лаура легла подлѣ своего мужа, и увѣрившись что онъ спитъ, привстала и въ темнотѣ съ безпокойствомъ прислушивалась. Глухой и продолжительный свистъ послышался въ долнѣ.

Лаура осторожно встала съ постели, взяла глухой фонарь, зажгла его, потомъ снова посмотрѣла спитъ ли мужъ, и прошла въ сосѣдную комнату, блѣдная какъ смерть, съ холоднымъ потомъ на лбу.

Въ это самое время, Іосифъ, изнемогавшій отъ лихорадочнаго на-

роксизма, почувствовалъ такую смертельную слабость, что захотѣлъ быть съ матерью и не слышавши ничего происходившаго, всталъ.

Съ трудомъ сходилъ онъ, тащась по лѣстницъ, ведущей съ чердака прямо въ спальню родителей, но тутъ силы его оставили; дрожь пробѣжала по жиламъ, глаза покрылись туманомъ и бѣдный ребенокъ, потерявъ чувства, растянулся на ступенькахъ лѣстницы.

Когда онъ падалъ, мать его открыла окно въ сосѣдней комнатѣ.

Черная тѣнь обрисовалась на минуту, потомъ, руководимая фонаремъ, который Лаура держала въ рукахъ, потихоньку впрыгнула въ окно.

— Филиппъ, сказала Лаура тихимъ и дрожащимъ голосомъ.

— Такъ онъ спитъ? спросилъ Филиппъ; все спокойно; ну же, къ дѣлу, живѣе!

Свѣтъ фонаря упалъ тогда на рыбака. Да, это былъ онъ; только лицо его было блѣдно и искажено, глаза горѣли. Онъ былъ одѣтъ какъ горецъ, въ голубомъ, шерстяномъ колпакъ, съ поясомъ такого же цвѣта. Онъ сдѣлалъ движеніе, жилетъ его распахнулся; Лаура увидѣла блестящій, длинный ножъ за поясомъ.

— О! вѣтъ! вѣтъ сказала она съ ужасомъ, прислоняясь къ перегородкѣ и протягивая руку къ оружію.

— Молчать! сказалъ глухо рыбакъ, появивши ея мысль; теперь поздно бояться. Будь спокойна, я сдержу свое слово.

И взявъ фонарь изъ рукъ Лауры, которая вошла въ спальню, онъ подождалъ нѣсколько минутъ, потомъ самъ вошелъ туда же.

Все было тихо въ домѣ. Только слышался жалобный вой втра въ горахъ и, далеко въ долину, завываніе сторожевой собаки.

Филиппъ поднесъ фонарь къ постели; горецъ все спалъ крѣпкимъ сномъ.

Тогда рыбакъ, взявши у него изъ-подъ изголовья маленькій ключъ, которымъ Лаура не имѣла силъ завладѣть прежде, приблизился къ комоду, отворилъ его, взялъ тяжелый ларчикъ, обитый желѣзомъ и направивши на него свѣтъ фонаря, который частью освѣщала ларчикъ и лѣстницу чердака, находившуюся позади, вложилъ ключикъ въ замокъ.

Лаура слѣдила за его движеніями, блѣдная, съ изумленными взорами.

Въ это время маленькій Юзонъ опомнился. Пораженный свѣтомъ,

онъ поднялся на колѣни, и опираясь рукою о перила, сталъ смотрѣть.

Когда онъ хорошо разглядѣлъ и понялъ все происходившее и много, гдѣ находился, онъ пришелъ въ такой ужасъ, что собравши все свои силы, задыхаясь, испустилъ крикъ раздрающій, хриплый.

Свящій горецъ сдѣлалъ движеніе.

Рыбакъ подошелъ къ постели съ широкимъ ножомъ; а когда Лаура, примѣтивъ сына, упала на колѣна, ударившись лбомъ объ уголъ кровати, рука рыбака тяжело опустилась. Страшный крикъ вырвался изъ груди горца, потому кровь его задушила: онъ вздохнулъ и умеръ.

Тогда кровожадные глаза убійцы устремились на лѣстницу. Онъ положилъ безчувственнаго Юсефа на полъ и поднялъ снова ножъ.

Вдругъ шумъ оружія и говоръ раздались у двери и, подобно громовому удару, разразились въ этой комнатѣ смерти.

— Отворите, нынѣ король.

Филиппъ выпустилъ свою жертву, въ одно мгновеніе выскочилъ въ открытое окно и исчезъ.

Дверь выпябли королевскіе карабинеры, и войдя въ комнату, остановились передъ женщиною и ребенкомъ, неподвижно лежащими у ногъ ихъ.

— Мы пришли саникомъ поздно, сказалъ бригадиръ, приближаясь съ фонаремъ къ постели.

Карабинеры эти получили приказъ поймать въ горахъ дезертера савойской бригады, называемаго Филиппомъ П^м, котораго видѣли здѣсь въ продолженіе нѣкотораго времени. Когда они проходили исполняя свое ночное преслѣдованіе, крики Юсефа и отца его привлекли ихъ.

Они подняли длинный ножъ убійцы. Нѣсколько дней спустя, Лаура съ сыномъ были отведены въ соседній городъ, посажены въ тюрьму и подверглись первому допросу.

Филиппъ рыбакъ, вступивъ въ дѣлъ, действительно ли оттого, что пришелъ въ отчаяніе потерявши Лауру, или вѣрнѣе оттого, что пребываніе въ болынихъ городахъ развило дурныя врожденныя его склонности, но онъ велъ невоздержную жизнь, долго скрывая это хитро и осторожно. Однажды онъ за преступленіе былъ приговоренъ

къ смерти, но ему удалось убѣжать, пробраться черезъ цѣпь Альпійскихъ горъ, и бѣглый, блуждающій около Фосиньи, онъ встрѣтился съ Лаурей и скоро возобновились съ нею первыя сношенія. Съ этого времени Лаура, внезапно перемѣнила свое поведеніе въ отношеніи мужа. Фильвинъ снова взялъ власть надъ этой безумной женщиною, но достигнувъ послѣдней степени порока, думалъ болѣе о томъ, чтобы воспользоваться богатствомъ, нежели продолжать связь, начинавшую тяготить его, и въ тайныхъ свиданіяхъ его съ Лаурой, убѣдилъ ее въ необходимости бѣжать за границу. Она долго не соглашалась, но рыбакъ имѣлъ демонское вліяніе на ея душу. Лаура была увлечена имъ въ сообщницы воровства, къ которому присоединилось, какъ мы уже видали, отрадное убійство.

Маленькій Іосифъ, свидѣтельство котораго было такъ важно, спрашиваемый знаками и принуждаемый къ отвѣту, показалъ разными знаками какъ онъ видѣлъ челоуѣка, вооруженнаго длиннымъ ножомъ, который старался отворить сундучекъ, куда отецъ его запералъ деньги и какъ онъ, испустивъ крикъ, лишился чувствъ. Вотъ все, что онъ зналъ. Когда же ему дали понять, что здѣсь была мать его замѣшана, онъ не отвѣчалъ ничего, но поблѣднѣлъ и задрожалъ.

Лаура говорила, что она встала въ то время, когда незнакомецъ держалъ сундучекъ и отворялъ его ключемъ. Отъ страха она упала безъ чувствъ, и не могла знать, что происходило. У тѣла своего мужа она выказала самую глубокую печаль, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе.

Между-тѣмъ карабинеры, бросившись преслѣдовать рыбака, успѣли схватить его. Когда онъ снова покусился бѣжать, пуля исполнила долгъ правосудія. Передъ смертью онъ признался въ своемъ преступленіи. Но отъ какого-то чувства привязанности, онъ отрекся отъ сообщества Лауры, принявъ на себя все преступленіе воровства и убійства.

Слѣды убійства были согласны съ его показаніями, потому что между-прочимъ было доказано, что ножъ принадлежалъ ему и одинъ свидѣтель подтвердилъ, что онъ наканунѣ замѣтилъ его въ горахъ; Лаура и сынъ ея были выпущены изъ тюрьмы.

Отсюда начинается одна изъ задушевныхъ драмъ, которыя совершаются медленно, незамѣтно, но тѣмъ не менѣе достигаютъ своей раз-

вязки, какъ не кажется она невѣроятной и ужасной для востороннихъ.

Лаура, убѣжденная, что сынъ ея признавалъ ее участницею въ преступленіи, хотя свидѣтельство его доказывало противное, смотрѣла на него какъ на олицетворенное угрызеніе совѣсти, поставленное Богомъ возлѣ нея. За тѣмъ послѣдовалъ длинный рядъ страданій, бессонныхъ ночей, и ужасовъ, которые начались необъяснимой ненавистью, а кончились хладнокровно предпринятымъ рѣшеніемъ, хладнокровно совершеннымъ преступленіемъ.

Но четыре года протекли въ вершинительности и мукахъ работающей ненависти. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, раздраженное побѣ, казалось, отмстило за преступленіе. Лаура лишилась богатства, оставленнаго ея мужемъ. Сырня ея сгорѣли отъ пожара, жатвы были побиты градомъ; къ этому присоединилась привычка къ праздности, и все это вмѣстѣ, привлекло къ ея двери толпу кредиторовъ. Вскорѣ богатая преступница, сообщница убійцы, впала въ самую глубокую нищету и принуждена была просить милостыни.

Иосифъ, всегда отталкиваемый своею матерью, переносилъ все съ холодною покорностью; но при каждой потерѣ, при каждомъ несчастіи, сердце его обливалось кровью, откуда взялось наконецъ сокровище вѣжности и преданности, столь долго удерживаемыхъ.

Лаура видѣла въ этомъ только лукавство, посредствомъ котораго онъ вызывалъ ея довѣренность, чтобы удостовѣриться въ своихъ подозрѣніяхъ: и ужасъ ея удвоился.

Съ этого дня, она задумала погубить своего несчастнаго сына.

Это было 15 августа, въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, праздника, *Notre-Dame de la Gorge*, во имя которой поставлена маленькая часовня, въ глубинѣ обширной разсѣлины, отдѣляющей Монъ-Бланъ отъ ущелія Жоли; этотъ день Лаура избрала, чтобъ избавиться отъ своего сына, которому тогда было десять лѣтъ.

Глухо-нѣмой малютка слѣдовалъ за матерью на богомолье, ежегодно совершаемое горными жителями.

Послѣ щедрой милостыни, собранной ими, Лаура съ наступленіемъ ночи отправилась въ дорогу, располагая пройти ущельемъ Жоли, чтобъ дойти въ верхнюю Савою.

Переходъ этотъ чрезвычайно затруднительный и тягостный, дѣлается въ высшей степени опаснымъ въ ночное время. (Не прошли они

половины дороги, какъ Лаура принуждена была взять сына своего на руки и сойти такимъ-образомъ по крутому и скользкому спуску.

Когда она сошла въ ущеліе, буря, образовавшаяся въ ледникъ, съ вихремъ окружила горы, распространила непроницаемый мракъ и разразилась надъ несчастною женщиною и ея сыномъ потоками холоднаго дождя и странной молвіей. Ничто не могло лучше способствовать совершенію намѣренія ея. Поставивъ сына подъ утесомъ, при свѣтъ молніи, она знаками приказала ему подождать, пока она пойдетъ отыскивать какую-нибудь житницу, гдѣ они могли бы укрыться.

У бѣднаго ребенка ноги были избиты, онъ чувствовалъ въ нихъ жестокую боль и дрожалъ отъ страха при видѣ приближавшейся бури; онъ судорожно обнималъ мать, покидавшую его на волю яростныхъ стихій на высокой горѣ, далеко отъ жилищъ людей, умирающаго съ голоду, холоду и страху. Она ушла не оглянувшись разу, не простившись съ плачущимъ сыномъ, съ которымъ размучалась навсегда! Она ушла, преступная жена и жестокая мать, забывъ, что есть Богъ всевидящій, всегда готовый поразить ее стыдомъ и позоромъ, есть ангель-хранитель, никогда не покидающій бѣдныхъ, несчастныхъ дѣтей! Когда она была уже далеко, послъ цѣлаго часу отчаянія и страданій, Іосифъ поползъ, отыскивая мать свою и изнемогая отъ бесплодныхъ усилій напраснаго крика!

Ни малѣйшаго шуму не было слышно кромъ бури, все болѣе и болѣе усиливающейся; потоки дождя, гонимые вѣтромъ, полились въ разныхъ мѣстахъ, безпрестанно опрокидывая Іосифа, который однако снова подымался.

Наконецъ, при блескѣ молніи, онъ увидѣлъ мать, заблудившуюся въ двухъ стахъ шагахъ отъ него; онъ всталъ, ухватился за утесъ и протягивая въ ней руку, испустилъ вопль отчаянія заглушенный ураганомъ.

Вдругъ снова сверкнула молвія еще ближе, и казалось, покрывла ее огненнымъ покрываломъ.

Когда ударъ грома раздался въ горахъ, Іосифъ, лишившись чувствъ, свалился въ оврагъ.

На разсвѣтъ первый пастухъ, гнавшій свое стадо въ ущеліе, увидѣлъ Іосифа и своими попеченіями возвратилъ его къ жизни. Лохмотья одежды, превратившіеся въ пепель, были единственными остатками Лауры, найденными въ новой пропасти, вырытой небесною

молнію. Іоаннъ, усыновленный горцемъ спасшимъ его, въ послѣдствіи поставилъ здѣсь желѣзный крестъ.

Дворянинеъ и денди. Нѣсколько лѣтъ тому, огромная толпа съ равней поры осаждала двери театра della Scala, потому что асина общала любопытству диллетантовъ восхитительный вечеръ. Дале шло о появленіи на миланской сценѣ Тамбурины, который началъ уже тогда упрочивать за собою славу, и заключилъ контрактъ съ директоромъ della Scala на нѣсколько представлений. Все избранное общество, привлеченное магическимъ именемъ, которое сдѣлалось уже знаменитымъ, напередъ общало себя самыя сильныя и усладительныя ощущенія. Кареты съ аристократическими гербами и болѣе скромныя экипажи банкировъ, гражданъ, литераторовъ, артистовъ, толпились, сцѣплялись и сгнѣшивались.

Успѣхъ Тамбурины былъ невыразимый. Никогда великій артистъ не пользовался болѣшимъ торжествомъ, рукоплесканіями и удивленіемъ, то было истинное торжество. Вся первая часть представленія шла превосходно. Какъ вдругъ, звуки свистка возмутили это блистательное начало. Послѣ мы узнали, что то были шикальщики, нанятые личнымъ врагомъ знаменитаго артиста.

Это изъявленіе недоброжелательства слабое, одинокое, заглушалось шумомъ рукоплесканій; но какъ ни было оно бессильно, Тамбурины былъ жестоко пораженъ. Истинный артистъ всегда сознаетъ свои силы, онъ въ высшей степени мнителенъ и раздражителенъ, его благородная гордость возмущается противъ несправедливости, какъ бы ни были достойны презрѣнія дѣйствователи. Это объясняетъ знаки нетерпѣнія и негодованія, выраженные Тамбурины, когда онъ превзошедъ самаго себя, въ аріи, до него не замѣчаемой, вдругъ услышалъ повтореніе зловѣщаго звука, который и прежде такъ непріятно поразилъ и огорчилъ его. Голова его закружилась, кровь закипѣла въ жилахъ.... горькая улыбка блуждала на устахъ, лицо приняло грозное выраженіе и будучи не въ силахъ удержать своего негодованія, онъ бросилъ на своихъ враговъ взглядъ полный ироніи и пр. зрѣнія.

Тогда нѣсколько голосовъ повторили слѣдующія слова :

— Онъ долженъ извиниться передъ нами; мы требуемъ этого....

Молодой денди, находившійся съ партеръ, особенно отличался ме-

жду самыми заглавными зачинщиками, голосъ его покрывалъ все прочіе, каждый разъ, когда онъ кричалъ эти слова :

— Онъ долженъ извиниться.

— Онъ не будетъ извиняться, отвѣчалъ твердымъ и смѣлымъ голосомъ сардинскій дворянинъ, сидѣвшій въ двадцати шагахъ отъ нашего еженебля, который при самомъ началѣ этой тревоги, не переставалъ оказывать живѣйшее участіе къ знаменитому артисту, бывшему предметомъ такого глубокаго нападенія.

То былъ прекрасный молодой человекъ, лѣтъ восемнадцать, превосходно сложенъ, съ привлекательной фizioноміей, граціознымъ обращеніемъ и изящными манерами.

Раздраженный до крайности такимъ рѣзкимъ отвѣтомъ, молодой денди съ грознымъ движеніемъ бросился къ дворянину. Съ живостью они размѣнялись отрывистыми словами и назначили дуэль, на другой день, на разсвѣтъ.

Съ апрѣля, ночи въ Италіи становятся чрезвычайно коротки. А происшествіе, о которомъ мы рассказываемъ, случилось въ іюль мѣсяца; и потому трехъ часовъ еще не пробило на соборныхъ часахъ, какъ оба противника съѣхались на назначенное мѣсто въ сопровожденіи свидѣтелей. Всякое объясненіе было бесполезно и тотчасъ же начали приготовляться къ поединку.

Сардинскій джентльменъ принесть двѣ шпаги; одну онъ подавъ своему сопернику; но тотъ возвращая ее, сказалъ ему:

— Я долженъ сдѣлать одно замѣчаніе: я не могу биться на шпагахъ, и причина моего отказа очень проста; во всю жизнь мою я не дотрогивался до шпаги. Если вы благородный человекъ, въ чемъ я и не сомнѣваюсь, то вѣроятно вы захотите, чтобы оружіе было равное: я вамъ предлагаю пистолеты.

При этомъ неожиданномъ предложеніи, джентльменъ, казалось, погружился въ глубокое размышленіе; потомъ, какъ будто вдругъ принявъ твердое рѣшеніе, онъ сказалъ:

— Согласенъ, пусть будутъ пистолеты.

И онъ попросилъ своего свидѣтеля достать два пистолета. Черезъ нѣсколько минутъ они были принесены.

Все распоряженія скоро были окончены.

Кинули жребій и судьба назначила денди первый выстрѣлъ. Онъ выстрѣлялъ, но пуля пролетѣла мимо непріятели не коснувшись его.

— Теперь ваша очередь, сказалъ онъ джентльмену.

Но тотъ, вмѣсто отвѣта, вынулъ изъ кармана маленькую золотую табакерку, которую постоянно носилъ съ собою и положилъ ее на руку своего свидѣтеля; потомъ, отступивъ на тридцать шаговъ, выстрѣлилъ изъ пистолета прямо въ табакерку, не коснувшись даже руки державшей ее. Все это было сдѣлано съ непостижимою точностью и быстротою.

— Вы видите, милостивый государь, сказалъ онъ удивленному и смущенному противнику: вы видите, что если бы я захотѣлъ воспользоваться моимъ преимуществомъ, вы бы погибли; но я думаю, что во вчерашнемъ поступкѣ вашемъ было болѣе легкомыслія, нежели злобы, вотъ почему я пощадилъ васъ.... Но пусть это послужитъ вамъ урокомъ. Вы оскорбили великаго артиста, а оскорбить великаго артиста — безчестное дѣло. Геніальный человѣкъ есть существо, имѣющее право на всеобщее удивленіе и уваженіе. Выслушайте меня: я дворянинъ и знатной фамиліи, но не стыжусь признаться, что отдалъ бы наслѣдіе моихъ предковъ, мое званіе и гербы, еслибъ могъ въ замѣнъ этой жертвы, получить хотя десятую часть таланта, знаменитости и славы великаго артиста, котораго вы осмѣлились оскорбить.

Денди смиренно преклонилъ свою голову, внимая этому убедительному увещанію, потомъ поклонился и исчезъ, не сказавъ ни слова.

Вся подробности этаго разсказа мы слышали отъ очевидца, который притомъ положительно увѣрялъ насъ, что имя этого дворянина было: Маріо-де-Капдіо.

ЖЕНЩИНЫ ВЪ АРЬѢ. «Еслибъ отъ меня зависѣло выбрать мѣсто, гдѣ бы провести послѣднія дни жизни, писалъ пѣвецъ «Мучениковъ», я выбралъ бы окрестности Арля: не знаю другаго мѣста, гдѣ бы мнѣ такъ правилось умереть.» Слова понятныя, когда проходишь между остатками города, куда императоръ Константинъ на время перенесъ столицу имперіи: величественная и таинственная страна, гдѣ нельзя сдѣлать шагу, чтобы не наткнуться на какую-нибудь знаменитость въ развалинахъ, нельзя дотронуться земли, чтобы не задѣть исторіи.

Какъ Римъ на двухъ берегахъ Тибра, Арль раскинулся по обѣимъ берегамъ Роны и во все времена привлекалъ къ себѣ роскошною растительностью, превосходствомъ климата, разнообра-

многъ видовъ и величественностью своихъ пейзажей. Греки дали ему сладкозвучное названіе Βενησια, символъ его питательнаго плодородія, и основали тутъ колонію, достойную соперницу Марсея. Римляно обогатили его монументами, словно слѣдами испанской печати, которую народъ-владыка налагалъ на всю страны міра, удостоенныя его самодержавнаго предпочтенія. Христіанство основало въ Арль самыя первыя и знаменитѣйшія метрополи. Въ его же стѣнахъ Сарацины учредили главную столицу своего владычества въ Провансъ. Христіанское благочестіе, рыцарство среднихъ вѣковъ, украшали ея самыми великолѣпными зданіями и одушевляли самыми поэтическими приключеніями.

Арль нашихъ времянь сохранилъ все прежнее очарованіе. Но болѣе всего восхищаетъ путешественника, пльняетъ его, заставляетъ вздыхать при отъздѣ и страстно желать возвращенія, — красота арльскихъ женщинъ. Каждое владычество, слѣдовавшее одно за другимъ, какъ уже сказано выше, принесло дань свою для образованія этой красоты. Нерѣдко можно встрѣтить даже три типа: греческій, римскій и сарацинскій, во всей первобытной чистотѣ. Слѣдуйте подъ театральныя портики, за эту ю молодую дѣвушкой высокаго росту, съ чистымъ и правильнымъ профилемъ, съ матовой шейю и бархатными щечками точно персякъ, замѣтьте граціозность ея походки, прислушайтесь къ легкому акценту, остроумію рѣчей, мелодической чистотѣ ея нарѣчія, заставляющихъ говорить въ смежныхъ странахъ: «мы не такъ хорошо говоримъ, какъ арльскія дѣвушки». Постарайтесь завести разговоръ съ нею, и всегда приличная живость, остроумныя отвѣты, напоминаютъ вамъ преданія о свѣтлорусыхъ дѣвахъ Аттики. А та, которая величественно садится на ступенькахъ амфитеатра и драпируясь мантилейю, повелительно обводитъ своими пламенно-важными взорами арену, гдѣ сражается раздраженный быкъ, она превышаетъ толпу смуглою головкою, исполненною величія, правильности, мужества; не очевидно ли, что она дочь тѣхъ могущественныхъ матронъ, по одному мановенію пальчика которыхъ въ Колизеѣ убивали побѣжденнаго гладіатора, сестра Транстеверинновъ, гордившихся тѣмъ, что чисто римская кровь течетъ въ ихъ жилахъ? Наконецъ можете ли вы не мечтая объ Испаніи и Востоку видѣть рзвую походку, глаза газели, бронзовый цвѣтъ лица, молодой женщины, которой стройная талія сквозь мавританскія галереи

монастыря гнется и волнуется какъ гибкая пальма, качаемая вторкомъ? Это физическое сходство дѣлается еще замѣчательнѣе въ характерахъ Арліянки : вѣжная и развѣя, способная къ возвышеннымъ думамъ и геройской преданности, какъ твердая Римлянка, она вмѣстѣ съ этимъ обладаетъ граціознымъ кокетствомъ Изаанки, и пламенною, глубокою страстью сестеръ Гюльбары и Зюлейки. Она страстно любитъ цвѣты и духи; поэзія тоже ей не чужда; она находитъ удовольствіе въ прогулкахъ, любитъ празднества, сцѣплятъ на балы и серенады; всякое зрѣлище привлекаетъ ее, не столько само по себѣ, сколько по неожиданнымъ приключеніямъ. Ни что не можетъ быть подвижнѣе ея мысли, ничто не можетъ быть оживленнѣе пурпура устъ ея. Впрочемъ это не мѣшаетъ имъ быть истинно-благочестивыми.

Медленно прогуливаясь между развалинами, Арліянка, садится ли какъ живая статуя, на уединенномъ камнѣ, опирается ли на полуобрушенныя колонны, рукоплещетъ ли на равнинахъ Мейро бѣстрыхъ коней, въ которыхъ течетъ еще арабская кровь, молится ли и предается размышленію у святаго Трофима, переглядывается взорами, или наконецъ, спускается ли она къ рѣкѣ съ глинянымъ сосудомъ на головѣ и пройдя гавань, обставленную кораблями, становится козынями на палубѣ, и съ улыбкою погружаетъ свою чашу въ трепещущія волны, всегда и вездѣ нарядъ ея, положеніе, профиль какъ въ камнѣ, заключаютъ для артиста какую-нибудь восхитительную идею. Самыя непріятныя позы дѣлаются въ ней очаровательными и благородными : напримѣръ, что можетъ быть непріятнѣе женщины, которая подперется рукою въ бокъ? Такова однако же привычка у всѣхъ Арліянокъ. Но локоть ея такъ граціозно округляется, рука съ такою вѣжною гибкостью складывается. Къ тому же, это положеніе придаетъ груди выпуклость полную прелесть, чудно обрисовываетъ талію совершенно андалузскую! Головка ея наклоняется, шея сгибается, горлышко надувается съ стройною гибкостью лебеди или миловидностью голубя. А крошечныя ножки по справедливости должны были войти въ пословицу. Однажды въ Арль я покупалъ у мелочнаго торговца китайскія туфли. «Покупаю ихъ, сказала я шутя, потому, что буду имѣть удовольствіе попробовать много ножекъ прежде, нежели найду такія, которымъ они будутъ въ пору, и подвезу ихъ въ даръ волшебницѣ, обладающей такимъ чудомъ».

»: — Вамъ не за чѣмъ ходить далеко, прошепталъ позади меня гдѣто, исцѣленный кокетливой пріятности; позвольте мнѣ ихъ приглядѣть? И въ мигъ мои китайскія туфли такъ чудно обтянули ножки незнакомки, что хотя купленные и заплаченные, онѣ не вышли изъ лапки торговца. Онѣ были одѣланы для жены какого-нибудь мандарина, а принились какъ разъ на ножку скромной и прелестной ремесленницъ города Арля; пусть мой подарокъ, такъ остроумно приспособенный, будетъ въ судьбѣ ея талисманомъ Сандрильоны!

Женщины Арля, въ некоторомъ родѣ провансскія Аоніянки. Что мы сказали о признанномъ превосходствѣ ихъ нарядѣ, также справедливо и въ отношеніи одежды; надобно сказать, что нарядъ, разумяется послѣ любви, есть великое дѣло въ ихъ жизни. Костюмъ ихъ, сохраняемый донны въ вопреки всемірному распространенію парижскихъ модъ, очень способствуетъ къ увеличенію ихъ прелестей; онѣ это знаютъ и умѣютъ носить его съ совершеннымъ искусствомъ, съ самой изысканной разборчивостью. «Я слышалъ, сказалъ я однажды прекрасной дѣвушкѣ, которая, казалось, олицетворяла собою Венеру Арльскую, не разъ заставлявшую меня нашептывать *Vergil in secessu patuit Dea* изъ *Виргилія*. я слышалъ, что Арліянокъ обвиняютъ въ томъ, что онѣ носятъ баснословное число юбокъ?» — Мы носимъ до девяти юбокъ, отвѣчала она смѣясь, но это совсѣмъ не для того, чтобы выставлять талию или скрыть какой-нибудь природный недостатокъ, а собственно для того, чтобы придать болѣе полноты и упругости нижней части одежды, и воспрепятствовать мистральскому шквалу, дуящему такъ часто и прерывисто, перемѣять одежду самыми непріятными для глаза складками, разстроивающими всю гармонію костюма. О! Удино! къ чему твоя слава, распространившаяся повсюду, куда проникаютъ французскіе журналы и моды, то-есть, во всѣ уголки міра? Простая гризетка на берегахъ Роны угадала твою науку, и сказать ли, побѣдила твои расчеты, потому что соединеніе воздушныхъ матерій, выбираемыхъ и употребляемыхъ со вниманіемъ, сохраняетъ мягкость, гибкость и разнообразіе движеній, которыхъ никогда не будетъ въ твоихъ неумолимыхъ волосяныхъ юбкахъ.

Изъ всего, что изобрѣтаетъ новѣйшая мода, Арліянки умѣютъ выбрать и приладить что-нибудь къ системѣ своего наряда. Но основаніе этой системы остается неизмѣнно; всё тотъ же узкій корсажъ, всегда

черный въ большомъ нарядѣ и цвѣтной запросто, и матерія для корсажа измѣняется смотря по времени года и по богатствѣ ея. Всё также широкая юбка яркихъ цвѣтовъ, тонкая обувь, маленькая чепчикъ, подобранный на самой косѣ подъ черешковую гребенку, стянутую и придерживаемую широкою бархатною лентою, обшитое шелковой бахромой, которая выдѣляется въ Германіи собственно для города Арля. На эту ленту употребляется вся яркость и разнообразіе самой роскошной палитры. Волосы волнистые или гладко причесанные, иногда лежатъ обручемъ, придерживаемые черною шинилькою, а лѣтомъ развѣваются воздушными локонами. Достаточно нѣскольکو булавокъ, чтобы укрѣпить эту уборку, которая напоминаетъ фригійскую шапочку и вмѣстѣ діадему, отрадный символъ возвышеннаго характера женщинъ, украшающихъ себя этою уборкою, которая не портитъ округлости головы, удивительно выказываетъ шею, оставляя ей всю свободу граціозныхъ движеній. Но всего замѣчательнѣе въ нарядѣ Арлянокъ три косынки: шелковая, газовая и кружевная, которыми драпируетъ она бюстъ своей такими дивно-искусными складками, что можетъ привести въ отчаяніе самаго изобрѣтательнаго ваятеля. Ничто не можетъ быть прелестнѣе и очаровательнѣе этого наряда, который какъ-будто такъ много выказываетъ, а между-тѣмъ, такъ мало открываетъ. И тутъ имъ довольно нѣсколькихъ булавокъ, чтобы создать самое удивительное убранство, все зависитъ отъ искусства какъ ихъ приколотъ: по выемѣ косынки вокругъ шеи, по расположеніи складокъ, можно тотчасъ узнать Арлянку между сотнею Провансалокъ, которыя постоянно употребляютъ все свои старанія, чтобы проникнуть эти тайны и научиться совершенству, приводящему ихъ въ отчаяніе. Атласъ, бархатъ, кружева, золото, множество брильянтовъ, словомъ все, что промышленность изобрѣла роскошнѣйшаго, все, что натура и искусство создали лучшаго, дополняетъ и довершаетъ великолѣпіе этого костюма.

Достопримѣчательнѣйшая часть одежды ихъ состоитъ еще въ мантильи; въ ней-то заключается самое главное. Для этой мрачной оболочки, пламенная дѣва Арля добровольно жертвуетъ пышностью, потому что по милости мантильи она можетъ безбоязненно замышлять и развивать пити своихъ любовныхъ интригъ. Закутавшись мантильей, она, ни кѣмъ неузнанная, крадется на тайное свиданіе; подъ широкими складками мантильи, всегда однообразна-

го покроя и цвѣта, изъ предосторожности, можно, закутавшись, вдвоемъ гулять подъ высокими деревьями, или сидѣть на разбитыхъ надгробныхъ камняхъ или на крутыхъ устьяхъ цвѣтами берегахъ канала, или, прислонясь къ стѣнамъ, размѣниваться любовными речами и лютвенными обѣщаніями. Обманутый мужъ, ревнивый любовникъ проходятъ мимо измѣнницы, даже не подозревая того, потому что Арліянка подъ своей мантилей неприкосновенна, какъ Венеціанка подъ маской или Парижанка въ домино. Въ продолженіе веселыхъ карнавалныхъ сатурналій, мантиля Арліянки играетъ свою роль и характеръ; изъ сентиментальной дѣлается заманчивой и насмѣшливой, и маскарадъ ночью разыгрывается на улицахъ Арля съ такою открытою веселостію и остроумнымъ лукавствомъ, какихъ не встрѣтишь уже въ оперѣ. Здѣсь торжество способности женщинъ Арля поражать стальными стрѣлами возраженія, и горе безразсудному, который не вооружившись достаточнымъ количествомъ остроумія, дерзнетъ перекидываться съ нею перекрестнымъ огнемъ рвчей.

Хотя нарядъ, какъ мы уже сказали, составляетъ великое дѣло для женщинъ Арля, однако все-таки онъ занимаетъ второстепенное мѣсто послѣ любви, которой служитъ только могущественнымъ помощникомъ.

Въ своей любви, женщина Арля сосредоточиваетъ все источники ума, весь пылъ страстей, всю дѣятельность души. Она доверчива и легковѣрна, потому что любить, она уступаетъ скорѣе изъ преданности, нежели изъ упительныхъ желаній. Тогда любовь дѣлается ея жизнью, и время летитъ не измѣняя ея. Любовь часто сближаетъ разстоянія и уравниваетъ общественныя отношенія. Но если восторженная и взрвая любовь молодой дѣвушки встрѣчаетъ въ мужчинѣ только ввѣчно холодный расчетъ, грубую чувственность и вѣроломство эгоизма, тогда она испытываетъ не только горе, но истинное отчаяніе: существованіе ея навсегда разбито. Сколько случилось мнѣ видѣть самыхъ прелестныхъ и наиболее достойныхъ страстной любви дѣвушекъ, безрасудно отдающихся какому-нибудь пошлому волокитѣ и потомъ живо похоронившихъ себя въ монастырскомъ уединеніи или умирающихъ отъ безнадежной любви. Если бы мрачный монастырь Кармелитокъ въ Арль могъ смягчить на минуту суровость устава, предписаннаго Терезой, и предъ нами могло бы упасть черное

покрывало, скрывающее благочестивыхъ отшельницъ; еслибъ мы могли видѣть врата, отрясаемый съ одра и чело, поднимавшееся съ колючей сѣзки, служащей имъ изголовьемъ, мы могли бы слышать, что онъ въ мрачномъ одиночествѣ своемъ перескакиваетъ черепу, единственному замогильному украшенію ихъ удивительной кельи; сколько тогда раздражающихъ несчастій вдругъ представало бы предъ нами и сколько пролитыхъ слезъ могли бы мы подмѣтить!... Нѣкоторые, жестоко обманутыя, вооружаются ненавистью и ужасно мстятъ, но такихъ не много; любовь въ Арль гораздо больше проливаетъ слезъ, нежели крови.

Вечеромъ однажды, пройдя аллею тяжелыхъ саркофаговъ, пошедши на аллею сениковъ, гигантскихъ отражей стовратнаго города и подобно имъ непрерывно предлагающихъ живымъ великую загадку смерти, остановился я у входа на площадку Notre-Dame de Grâce. Въ углу между густыми кустами петрушки, проскурняна, клецица съ копьеобразными листьями, возвышалась мраморная гробница, украшенная крестомъ императора Константина. Развалившаяся, въ половину засыпанная землею, перемѣшанною съ костями мертвецовъ, испещренная многолѣтними растеніями, гробница была такъ обширна и помидному такъ удобна, что одна мать усвѣлась въ ней посреди цвѣтовъ, не обращая вниманія на остатки скелета, полузакрытаго цвѣтами. Съ радостью въ сердцѣ, съ улыбкой на устахъ, она безмолвно кормила грудью своего младенца. Подлѣ нея на обрушившихся могилахъ и между черепами, побѣлѣвшими отъ двухъ тысячъ лѣтъ, рѣзвилась старшая дочь ея; семилѣтняя смуглая шалунья, гонялась за бабочками и рвала полевой красный макъ.... О мать, такъ скоро забывшая смерть, упоенная жизнью! О дитя, съ очаровательною легкостью прыгающее съ пропасти на пропасть, помышляющее только о томъ, какъ бы остановить блистательный полетъ самаго непостояннаго изъ легкокрылыхъ насѣкомыхъ и какъ бы нарвать побольше самыхъ яркихъ и самыхъ мимолетныхъ цвѣтовъ, не были ль и вы поэтическимъ изображеніемъ прелестныхъ дочерей Арля и ихъ слишкомъ доверчивой любви?

День склонялся къ вечеру, послѣдніе лучи солнца покрыли эту картину теплою и уютною атмосферою.

ВТОРАЯ САНДРИЛЬОНА. Въ одно утро, послѣ прогулки верхомъ, Феликсъ де-Февръ зашелъ къ своему сапожнику, честному Эльзасцу, который, по собственнымъ словамъ его, обувалъ всѣхъ мужчинъ и всѣхъ дамъ.

Дѣлая ему свой заказъ, Феликсъ замѣтилъ пару полусапожекъ съ-раго неразрезнаго бархата, такихъ хорошенькихъ, такихъ изящныхъ и въ особенноти такихъ маленькихъ, что все вниманіе его устремилось на нихъ.

Феликсъ до безумія любилъ крошечныя ручки и ножки и удивлялся, какъ Наполеонъ рѣшился развестись съ Жозефиной, у которой руки и ноги, говорятъ, были чудо совершенства. По его мнѣнію, только тѣ женщины были достойны обожанія, у которыхъ была едва приметная ножка и микроскопическая ручка.

Онъ только что хотѣлъ распросить башмачника, кому принадлежатъ эти воспитательныя полусапожки, какъ вдругъ дверь отворилась и вошли двѣ дамы.

Первая принадлежала къ числу тѣхъ старухъ, типъ которыхъ такъ хорошо схваченъ въ «*Français peints par eux-mêmes*», подъ именемъ *матери актрисы*.

Другая, милевидная дѣвушка не старше осемнадцати лѣтъ, съ маленькимъ личикомъ, обрамленнымъ длинными, черными волосами, съ изыскою и лукавой улыбкой и простодушнымъ видомъ, приводившимъ въ восторгъ.

— Готовы? спросила она сладкимъ голоскомъ.

Башмачникъ, тотчасъ взявъ полусапожки изъ рукъ Феликса и показывая ихъ молодой дѣвушкѣ, отвѣчалъ:

— Недостаетъ только коемочки.

— Какъ это скучно! сказала старуха. Васъ просили приготовить къ назначенному времени.

— Меня всегда такъ торопятъ, сказалъ Эльзасецъ.

— Можете-ли вы прислать ихъ ко мнѣ? спросила молодая дѣвушка.

— Черезъ часъ они будутъ у васъ, отвѣчалъ башмачникъ.

— Смотрите же, я полагаюсь на васъ, сказала хорошенькая дѣвушка.

И она вышла въ сопровожденіи ворчавшей старухи, вѣжливо отвѣчая на почтительный поклонъ Феликса.

Когда она исчезла изъ виду, Феликсъ спросилъ башмачника:

— Кто эта дѣвица?

— Не знаю.

— По-крайней-мѣрѣ вы знаете гдѣ она живетъ?

— Въ улицѣ Серизе, М...

— А какъ ее зовутъ?

— Мадмоазель Целина.

А чѣмъ она занимается?

— Не знаю. Она всегда сама заходитъ за своими башмаками.

Феликсъ былъ одинъ изъ тѣхъ молодыхъ празднующею, которые ищутъ какъ-нибудь убить время. Кромѣ удивленія къ маленькимъ ножкамъ, ему представлялся случай убить нѣсколько часовъ и можетъ-быть завязать интригу. Онъ сказалъ своему сапожнику:

— Мосье Ватманъ, мнѣ нужно идти черезъ улицу Серизе. Не хотите ли вы мнѣ поручить эти ботинки, я ихъ доставлю по адресу.

— И получите за нихъ двѣнадцать франковъ? сказалъ Эльзасецъ съ безпокойствомъ.

— Конечно, отвѣчалъ Феликсъ, смѣясь.

И вынувъ изъ кармана три эку въ сто су, отдалъ ихъ Ватману, который далъ сдачи три франка обязательному молодому человеку.

Когда ботинки были окончены, Феликсъ взялъ ихъ и отправился въ улицу Серизе. Подойдя къ дому, на которомъ былъ выставленъ номеръ, указанный Ватманомъ, онъ вошелъ и спросилъ: тутъ ли живетъ мадмоазель Целина?

— Здѣсь, отвѣчалъ привратникъ, занимавшійся починкою старого сертука.

И онъ оставилъ свой верстакъ, вѣжливо подаль стулъ Феликсу и тихо ударилъ два раза въ дверь, выходившую въ его комнатку.

Тотчасъ же эта дверь отворилась, и мадмоазель Целина, выставивъ свою прелестную головку, тихо сказала:

— Что тебѣ надо, батюшка?

Привратникъ, опять принимаясь за работу, отвѣчалъ, показывая на Феликса:

— Этотъ господинъ желаетъ съ вами говорить.

Целина съ перваго взгляда узнала молодого человека, хотя только мелькомъ видѣла его у башмачника, что только доказываетъ, что женщины разглядятъ больше и лучше въ одну минуту, нежели мы, мужчины въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. Она покраснѣла, сама не-

зная отчего. Что же касается до Феликса, онъ былъ совершенно пораженъ. Прелестную дѣвушку, которую очень можно было принять за княжну, онъ находитъ въ каморкѣ привратника. Целина называетъ отцемъ привратника; дѣтя говорить «ты» старику, отвѣчавшему ей вѣжливо — «вы», все это перепутало его мысли.

— Что вамъ угодно? робко спросила Целина.

Сударыня, отвѣчалъ Феликсъ, въ одну минуту оправившійся отъ замѣшательства; Ватману не съ кѣмъ было отослать вамъ эти ботинки. Бывъ свидѣтелемъ, съ какимъ нетерпѣніемъ вы желали имѣть ихъ, я осмѣлился завести ихъ вамъ.

— Вы слишкомъ добры, прошептала Целина въ замѣшательствѣ. Потому что объясненіе молодого, щегольского коммисіонера, показалось ей нѣсколько неудовлетворительнымъ; и она покраснѣла, на этотъ разъ, вѣроятно зная отчего.

Взявъ ботинки, она прибавила:

— Мнѣ очень жаль, что вы такъ беспокоились.

Феликсъ поклонился, и хотѣлъ уже удалиться, какъ вдругъ старуха, которую онъ видѣлъ утромъ вмѣстѣ съ Целиною, вмѣшалась въ разговоръ. Она стала благодарить за одолженіе, оказанное молодымъ человѣкомъ и пригласила его отдохнуть.

Феликсъ этого только и желалъ; онъ вошелъ въ другую комнату, убранныю самую простою мебелью, но со вкусомъ; тутъ же стояло и ортепiano.

Они говорили болѣе часу о театрѣ, о музыкѣ; и когда Феликсъ удалился, то долженъ былъ сознаться, что во всю жизнь ни въ одной гостинной не встрѣчалъ женщины, у которой было бы болѣе ума, прелести и красоты, чѣмъ у мадамъ Целины. Если бы она принадлежала къ семейству какого-нибудь негоціанта—Феликсъ былъ такъ влюбленъ, что немедленно предложилъ бы ей руку. Но могъ ли онъ жениться на дочери привратника?

Возвратившись домой, онъ однако жъ тотчасъ же написалъ къ Целинѣ о своей къ ней любви. Потомъ весело пообедалъ съ своими друзьями, какъ будто сдѣлалъ какое-нибудь похвальное дѣло.

На другой день утромъ, Феликсъ еще лежалъ въ постели, когда ему доложили, что какой-то человѣкъ нетерпѣливо желаетъ видѣть его. Онъ надѣлъ халатъ, вышелъ въ приемную и встрѣтился лицомъ къ лицу съ привратникомъ дома въ Серизе.

— Милостивый государь, сказалъ честный человекъ, безъ всякихъ околичностей. Если бы Целина была моею дочерью, я безъ ровноту перенесъ бы оскорбительное объясненіе ваше, потому что вы, богачи, убеждены, что дѣти бѣдняка рождаются для того только чтобы служить вамъ забавою. Я только оберегалъ бы свое дитя, не сдѣлалъ вамъ ни малѣйшаго упрека. Но Целина не моя дочь и я пришелъ просить васъ не марать любовными письмами имени, которое она носитъ. Словомъ, я пришелъ просить васъ не преслѣдовать болѣе мадамозель Целину де-Норле.

— Ради Бога объясните мнѣ, какимъ образомъ....

— Маркизь де-Норле умеръ разорившись совершенно, сказалъ привратникъ. Мои предки въ продолженіе многихъ вѣковъ жили хлѣбъ Норле, я и принялъ дочь моего господина. Работая съ утра до ночи, на что мы и обречены отъ рожденія, мы съ женою приберегли еще кое-что и прежде, и такимъ образомъ, могли дать Целинѣ воспитаніе, соответственное ея рожденію и окружали ее роскошью, къ которой она привыкла съ самого дѣтства.

— Вы превосходѣйшій человекъ, сказалъ Феликсъ, сжимая его руку.

Говоря такимъ-образомъ, онъ позвонилъ и приказалъ принести все необходимое для письма. Потомъ написавъ письмо, подалъ его привратнику, прося прочесть.

— Чтѣ вы думаете объ этомъ? спросилъ онъ его потомъ.

— Что вы поступаете благородно, сказалъ старикъ, утирая слезу. Но я не могу напередъ судить объ отвѣтъ мадамозель Норле.

— Ступайте же къ ней и употребите все свое вліяніе надъ нею, воимъ заслуженное вашею преданностью, чтобы она меня простила.

Старикъ возвратился домой и отдалъ Целинѣ письмо, въ которое баронъ Феликсъ просилъ ея руки.

Спустя вѣскольно мѣсяцевъ, священникъ церкви Святаго Павла благословилъ брачный союзъ молодыхъ людей, которые, выходя изъ церкви, улыбаясь другъ-другу съ любовью, и до-сихъ-поръ страстно любятъ другъ-друга, хотя женаты уже болѣе двухъ лѣтъ.

Когда у Феликса спрашиваютъ тайну его постоянства, онъ отвѣчаетъ :

— Я всегда имѣлъ особенную страсть къ маленькимъ ручкамъ и

ножкамъ; и пока я не найду ножки, меньше ножки моей жены, моя любовь къ ней не уменьшится.

И Целина съ гордостью улыбается на эти рѣчи своего мужа, потому что плутовка знаетъ очень хорошо, что одна только Сандрильона могла надѣть ея туфельку.

ДЕШЕВЫЙ ЭКИПАЖЪ. Кавалеръ де-Сенъ-Луи былъ нѣкогда очень богатъ; но обдѣнвъ, жилъ небольшимъ пожизненнымъ пенсіономъ, который давалъ ему старый пріятель; пенсіонъ былъ очень скудный, потому что пріятель былъ самъ человекъ небогатый, но удовлетворялъ нуждамъ бѣднаго кавалера. Онъ занималъ маленькую комнатку въ улицѣ Вожираръ; ходилъ гулять въ Люксембургъ; добрая сосѣдка продавала ему похлебку, а нѣкоторые старые друзья, такіе же старики какъ онъ самъ, приходили бесѣдовать съ нимъ о давно прошедшихъ временахъ. Жизнь, проходившая въ прогулкѣ и продолжительныхъ бесѣдахъ, была пріятна старику. Но однажды, увы! онъ заболѣлъ.... Въ Парижѣ нельзя быть долго больнымъ, чтобы не истратить много денегъ, больше, нежели сколько имѣешь. Однако, благодаря попеченіямъ доброй сосѣдки, онъ выздоравливалъ, но кошелекъ его опустѣлъ, а до пенсіона было еще далеко. Для выздоравливающаго нужна нѣкоторая отрада въ жизни; желудокъ, ослабленный продолжительной діетой, требуетъ легкой, изысканной пищи; а для тѣла необходимо неутомительное движеніе. Лекаръ, докторъ, какъ вамъ угодно, приказалъ выздоравливающему, котораго не допустилъ умереть, употреблять бѣлое мясо домашней птицы и прогулки въ каретѣ. Бѣлое мясо домашней птицы и прогулки въ каретѣ, человекъ, у котораго нѣтъ ни копѣйки, да это просто насмѣшка. Но эти доктора ужъ вѣрно такъ сотворены; они лечатъ какого-нибудь бѣдняка точно такими же средствами какъ и пера Франціи. Въ крайнихъ случаяхъ, бѣлое мясо домашней птицы можетъ быть замѣнено бѣлымъ мясомъ телятины; бѣдные люди не всегда имѣютъ право дѣлать все, что нужно для здоровья. Но кареты, чѣмъ ихъ замѣнить? Бѣдный старикъ удовольствовался прогулками по крошечной комнаткѣ своей, въ ожиданіи, чтобы солнышко проглянуло въ уголокъ его окна и согрѣло его своими лучами. Но силы не возвращались, прогулки въ каретѣ были необходимы.

Въ одно утро старый кавалеръ съ необыкновеннымъ стараніемъ чистилъ свою шляпу, мѣнѣ другихъ поношенную и нѣтъ самое черное; потомъ взялъ трость съ костянымъ набадашиникомъ, съ золотымъ ободочкомъ и, собравъ все свои силы, вышелъ потихоньку отъ сосѣдки, которая не упустила бы случая сдѣлать замѣчаніе насчетъ его неблагоразумія. Онъ медленно пошелъ около домовъ; дошелъ до церкви Святаго Сулпиція и съ большимъ трудомъ взошелъ по ступенямъ.

Въ это время служили обѣдню по усопшемъ; великолѣпный балдахинъ возвышался надъ катафалкомъ; многочисленная толпа наполняла церковь, и длинный рядъ каретъ стоялъ у церковныхъ дверей; покойникъ богатъ, въ послѣдній разъ выставившій на показъ свое богатство.

Когда пѣніе окончилось, старый кавалеръ тоже сталъ на колѣни, и вспомнилъ коротенькую молитву, которую читалъ еще въ дѣтствѣ, потомъ всталъ, и смѣшавшись съ толпою приглашенныхъ, съ важностью направилъ шаги свои къ дверямъ. Вмѣстѣ со всеми, онъ сѣлъ съ крыльца, и сѣлъ въ первый экипажъ....

Вы угадываете остальное. Всякій разъ, когда въ его кварталъ бывали богатые похороны, онъ самъ помѣщалъ себя въ число приглашенныхъ, чтобы прогуляться въ экипажѣ.

Вотъ чтò значитъ жить на счетъ другихъ.

Но онъ жилъ не долго, и путешествіе, такъ часто совершаемое на счетъ другихъ, и послѣ котораго старикъ всегда чувствовалъ себя лучше, онъ сдѣлалъ уже на собственный свой счетъ. Въ экипажѣ онъ былъ одинъ; небольшое число друзей, очень старыхъ, слѣдовало за нимъ.... пышкомъ.

союзъ женщинъ. Въ наше время презираютъ интересными тайными приключеніями, которыя съ такимъ легкомысліемъ разсказывались нашимъ предками; теперь все обращаютъ въ водевиль; — что сказа ли бы *романтисты* шестнадцатаго столѣтія, если бы слышали, какъ наши разсказчики анекдотовъ перекладываютъ въ куплеты закулисные приключенія? Въгь маленькій разсказъ, паденный вами въ собраніи анекдотовъ того времени, и который, не смотря на все же ане, мы никакъ не можемъ передать буквально. Но какъ бы ни было, слушаемъ:

Въ лучшее время царствованія Людовика-Четырнадцатаго, молодой бретанскій дворянинъ явился въ Парижъ съ необыкновенно полными надеждами и тощимъ на деньги; онъ былъ врасвой наружности, имѣлъ плащь почти новый, глаза черные, взоръ смѣлый и дерзкій, какъ у человека, желающаго узрѣть и женить и озаглавить себя въ своей поустрашимости; онъ былъ отличенъ молодой маркизой. Они любили другъ друга долго, долго — но меньшей мѣры недѣль шесть; въ одно утро маркиза проснулась, прибавляя къ прекрасному имени Гастона эпитетъ неблагогодарнаго!

Да! молодой Бретанецъ сдѣлался настоящимъ Парижанниномъ, и однажды вечеромъ забылъ, что маркиза ждала его, для того, чтобы наказать герцогиню*** желаемый ея мадригалъ.

Маркиза и герцогиня были *задушевныя* пріятельницы; этотъ случай рѣшительно ихъ поссорилъ. Но однажды, когда маркиза, предавшись мечтамъ, думала о прошедшемъ — о чудныхъ дняхъ, всегда такъ близкихъ и такъ далекихъ намъ, — вдругъ она услышала ступъ экипажа у подъезда своей отеля.

— Ужели онъ! сказала она, опять счастливая и заранѣе вращая въ глубинѣ своего сердца, чтобы потомъ имѣть право хорошенько его помучить.

Представьте же ея удивленіе, когда она увидѣла, что изъ кареты выходятъ герцогиня, ея задушевная пріятельница, ея соперница, и вошло, безъ малѣйшаго смущенія вошла она въ будуаръ маркизы, поцѣловала ее въ обѣ щеки, сказавъ: «Моя дорогая красавица!» Когда же на лицѣ маркизы выразилось удивленіе и негодованіе, герцогиня громко расхохоталась.

— Я вижу, что ты на меня сердншься, сказала она, принуждая ее смѣяться, а я нисколько тутъ не виновата; посмотри, вотъ доказательство.

И герцогиня вынула изъ-за карсажа раздушенное письмо и подавала его своей пріятельницѣ.

— Читай, сказала она.

Маркиза распечатала письмо и прочла:

«Жестокая красавица,

«Если вы будете продолжать своей суровостью гасить огонь, пожирающій меня, то скоро придете на могилу проливать слезы сожалѣнія и раскаянія. Безчеловѣчная! такъ закройте же глаза, когда я смо-

трю на васъ, чтобы воспринять моему сердцу потонуть и погибнуть въ нихъ, или умолите сына Венеры ослѣпить меня; потому что если я васъ увижу еще два раза и если ваши прекрасные глаза не слажутъ мнѣ: Да! — я не знаю, до чего доведетъ меня отчаяніе.

— Ну, сказала герцогиня, думаешь ли ты, что такъ пишуть влюбленные?

— О нѣтъ; съ жаромъ сказала маркиза, я люблю тебя и благодарю, прости мнѣ!

Послѣ краткаго молчанія она продолжала:

— Думаешь ли ты, что онъ еще меня любитъ?

— Дитя, сказала герцогиня, пожимая плечами; возьми, прочти это другое письмо, и ты увидишь, какъ эти господчики говорить о насъ.

«Милый кавалеръ,

«Давно я хотѣлъ писать къ тебѣ и рассказать всю мою приключенія; но ужины, прогулки и любовныя похождения отняли у меня все время, надобно однако сказать тебѣ нѣсколько словъ о моей жизни; я постараюсь, чтобы письмо мое было не очень длинно.

«У меня была любовница, маркиза, довольно хорошенькая, не много глупенькая; не смотря на послѣднее достоинство, черезъ шесть недѣль моей красавицы, казалось, надѣла моя любовь; чтобы не быть оставленнымъ, я бросилъ ее первый и притворился, будто ухаживаю за герцогинею, ея пріятельницею, въ надеждѣ, что ревность маркизы возвратитъ ее къ любви; и думалъ справедливо; но случилось, что притворяясь влюбленнымъ въ герцогиню, я въ-самомъ-дѣлѣ полюбилъ ее, и въ то же время мнѣ страшно хочется опять увидать мою маленькую маркизу. Вотъ тебѣ двѣ нагриги разомъ. Ба! герцогиня и маркиза, Парижанки, это право не дурно для бретанскаго барона».

— Представь себѣ! сказала герцогиня, это письмо моему Гастову попало мнѣ въ руки по нечаянному случаю, я бы порадовалась ему отъ всего сердца, если бы ты согласилась вмѣстѣ со мною наказать его, наказать по-крайней-мѣрѣ равнодушіемъ эту дерзость баронинки.

• — Да, онъ уже забытъ, сказала маркиза.

Любовь Гастона льстила самолюбію герцогини, и только въ первую минуту досады она рѣшилась показать оба письма маркизѣ и предложить ей оборонительный союзъ.

.. По случаю — мы не беремъ на себя ответственности за него — въ то время, когда карета подъезжала къ отелю маркизы и герцогини выходила оттуда, Гастонъ проходилъ мимо отели; онъ угадалъ все; послѣдно написалъ двѣ записки, кликнулъ своего пажа и приказалъ отнести ихъ по адресу: одна была къ герцогинѣ, другая къ маркизѣ. Пажу дана была инструкція: онъ пришелъ въ то время, когда они кончали письма и отдалъ одну записку герцогинѣ, не говоря отъ кого она, а другую маркизѣ, сказавъ, что записка отъ гонимой, потому убѣждалъ недождавшихся отвѣта.

Прочитавъ записку, герцогиня притворилась больною и хотѣла ухать; маркизъ очень хотѣлось, чтобы она скорѣе уехала, она и не удерживала ее.

Въ обѣихъ запискахъ назначалось свиданіе, въ которомъ кавалеръ общалъ каждой изъ нихъ объяснить свое поведеніе.

Часъ спустя, Гастонъ, подъ руку съ дамою прохаживался въ назначенномъ мѣстѣ, какъ вдругъ изъ аллеи съ лѣвой стороны вышла герцогиня, а изъ аллеи на право маркиза. Соперницы узнали другъ друга и хотѣли удалиться, но Гастонъ останавливалъ ихъ.

— Я знаю, что вы придете обѣ, сказалъ онъ съ самохвальствомъ, и хотѣлъ дать вамъ совѣтъ. Въ любви никогда не заключайте союзовъ, ни договоровъ съ другими женщинами, потому что союзница ваша — всегда врагъ вашъ; я васъ люблю отъ всего сердца, а потому и хотѣлъ вамъ это сказать.

Соперницы разбѣжались по противоположнымъ направленіямъ, а кавалеръ спокойно взялъ подъ руку танцовщицу, сопровождавшую его.

Его дерзость надвѣла много шуму и доставила ему великое уваженіе знатныхъ щеголей и остроумныхъ людей того времени.

СЕТТИНЫ РУМЯНА. Разсказъ Шарля-Ребо. Статья послѣдняя.
Я не разсудилъ за благо сдѣлать признаніе, которое положило бы конецъ всѣмъ этимъ проектамъ и внезапно бы утихло это страшное нетерпѣніе. Если признаться, то я былъ очень радъ, что Леонъ уезжалъ; отсутствіе его давало намъ, по-крайней-мѣрѣ, время опомниться передъ свиданіемъ, котораго Анаша теперь опасалась столько же, сколько прежде желала.

Какъ только зной уменьшился, Леонъ выпшелъ прогуляться. Черезъ часъ послѣ того я пошелъ въ павильонъ, гдѣ меня ожи-

длин. Пробежав садомъ, я привстала около дерева монпансю въ блондъ шляпъ, которая шла по одной толпой шло, закрыла лицо руками; я отравился за нею и узналъ Анжину де-Батвилъ. Она обрѣвала соломенную шляпку и шла на оканейгу, замѣтивъ снѣжинки. Увидѣвъ меня, легонько вскрикнула, едва-да зночь свѣтъ возлѣ нея, и сказала прерывающимся голосомъ :

— Ахъ! какое страшное испытаніе выдержала я!

— Откуда вы? что такое случилось? вскричала я, вѣсивъ ее за руку.

Она старалась успокоиться и сказала, удерживая рыданія :

— На поворотѣ одной улицы встрѣтилась я лицомъ къ лицу съ Леономъ.... глаза его остановились на мнѣ на одно мгновеніе, потомъ онъ прошелъ.... ахъ, графъ! онъ не узналъ меня!

— Часто смотритъ на меня; я каждый день подвержусь такой разсѣянности, сказалъ я, надясь ослабить фактъ, столь значительный.

Но Анжана со слезами покачала головою.

— Онъ меня видѣлъ! я въ этомъ увѣрена, но не могу вамъ узнать.... Я уже не та молоденькая дѣвушка, которую любилъ онъ.... я подурнѣла! Ахъ! пусть, по-крайней-мѣрѣ, видитъ онъ меня въ воспоминаніи такую, какъ меня оставилъ! Мое присутствіе разрушитъ этотъ образъ. Никогда не покажусь я ему на глаза. Теперь болѣе всего боюсь я новой встрѣчи. Не говорите ему обо мнѣ, графъ, умоляю! Пусть онъ не знаетъ о моемъ приездѣ, я не стану выходить, до-тѣхъ-поръ, пока мнѣ будетъ можно оставить Батавию.

— Успокойтесь и выслушайте меня. Леонъ не знаетъ, что вы въ Батавіи; сегодня вечеромъ онъ увѣжаетъ въ одно изъ своихъ владѣній, и воротится только черезъ нѣсколько недѣль: до-тѣхъ-поръ, мы что-нибудь придумаемъ.

— До-тѣхъ-поръ я уѣду, отвѣчала она съ горестной рыпностью. Мнѣ надо скрыть свои слезы; матушка не должна знать объ этой встрѣчѣ.... она не знаетъ, что Леонъ въ Батавіи, что я пришла сюда въ надеждѣ его увидѣть. Ахъ! какъ хорошо я едва-да, что заключила въ глубинѣ сердца мои обманчивыя мечты, мои тщетныя надежды!... Бѣдная матушка! Я избавляю ее отъ большой горести, она никогда не узнаетъ, что съ красотою я потеряла счастье своей жизни!

Легкій шумъ послышался въ листьяхъ и кто-то прошелъ мимо насъ. Анаша измѣнилась въ лицѣ и прошептала съ испугомъ :

— Мы не одни!

— Не бойтесь, сказалъ я, это прогуливается старуха Шандра, я отвѣчаю за ея скромность, только не подадимъ виду, что не доверяемъ ей.

Я знакомъ подозревалъ Шандру: старуха эта походила на колдунью, съ своей желтой кожей, съ зубами, почерквившими отъ бетеля, съ се-режками, въ видѣ роговъ и съ распущенными волосами. Она была ужасно безобразна и физиономія ея выражала что-то зловещее. А между-тѣмъ это было предобрѣйшее существо на свѣтъ, пречувствительное къ несчастію ближняго. При видѣ незнакомки, которой наружность и глаза полные слезъ, показывали глубокую горестъ, она съ почтительнымъ состраданіемъ сказала мнѣ на малайскомъ языкѣ :

— Могу я чѣмъ-нибудь услужить этой госпожѣ?

— Конечно, отвѣчалъ я, затѣмъ я тебя и призвалъ. Она теперь хочеть быть одна. Стерегн здѣсь, чтобы никто не подошелъ. Я сейчасъ ворочусь.

Я пошелъ въ павильонъ. Мадамъ де-Нангѣль играла въ шашки съ капитаномъ и сказала мнѣ спокойно :

— Дочь моя въ саду, она сейчасъ сдѣлала въ городѣ прогулку, которая ее утомила.

— Мы будемъ пускать ее только въ каретѣ, прибавилъ капитанъ.

Леопъ ухалъ вечеромъ и, признаюсь, не безъ удовольствія видѣлъ я, какъ онъ садился въ экипажъ, одно его отсутствіе могло нѣсколько успокоить Анашу и ослабить жестокое впечатлѣніе, нанесенное ея сердцу. Капитанъ тоже радовался обстоятельству, отлагавшему объясненіе и употреблялъ все мѣры, чтобы сдѣлать дамамъ пріятнымъ пребываніе въ его домѣ; каждый день возилъ онъ ихъ или въ городѣ, или по окрестностямъ. Анаша предавала этиягъ развлеченіягъ, стараясь скрыть свою грусть и уныніе, но на самомъ дѣлѣ думала только о томъ, какъ бы оставить навсегда Батавію; страшная забота терзала ее: она боялась возвращенія Леона.

Часто гуляя въ саду, разговаривала она съ Шандрой, порядочно знавшей по-французски. Старуха была любопытна и проникательна; часто удавалось ей слышать, что говорилъ мнѣ ея господинъ. Конечно, она не была его повѣрленною, но такъ же хорошо, какъ я, знала

все, что у него на сердце. И потому я не удивился, когда она сказала мнѣ, обмахивая меня перомъ, въ одинъ вечеръ, когда я курить лежа въ галлерей.

— Баринъ словно ракъ пятится назадъ, хочетъ вѣзть на родину жениться.... невѣста прѣехала сюда, а онъ увѣзъ въ тотъ же день, не выдавшись съ нею.

— Онъ ее видѣлъ, отвѣчалъ я лаконически.

— А! сказала Шандра.

Помолчавъ немного, она продолжала: лѣто проходить, розовый цвѣтъ многолепестника уже завялъ....

— И тотъ, кто его видѣлъ свѣжимъ и блестящимъ уже не узнаетъ его.... Да, Шандра, точно такъ....

— Только-то! проинтала она съ улыбкою, проворно замахавъ опахаломъ изъ перьевъ аргуса (родъ фазана).

На слѣдующій день я не видѣлъ Шандры, она выплыла съ разсвѣтомъ, сказывали мнѣ другіе слуги, но вечеромъ, воротясь домой, я нашелъ ее въ галлерей....

— Если можете остановиться на минутку, сказала она, я покажу вамъ рѣдкую вещицу, подороже золота и драгоценныхъ камней.

— Не талисманъ ли? спросилъ я улыбаясь.

Шандра покачала головой.

— Прежде сядьте, сказала она.

Я зажегъ сигару и сѣлъ на бамбуковое кресло. Старуха поднесла сжатый кулакъ къ моимъ глазамъ и сказала мнѣ таинственно:

— Знаете ли, что у меня въ рукѣ?

— Нѣтъ, чортъ побери, не знаю; если хочешь, чтобы я зналъ, такъ покажи.

Она растопырила длинные, желтые пальцы съ толстыми перстыями и показала мнѣ стеклянный пузырекъ, наполненный бѣлыми и розовыми пастильками.

— Конфеты! сказалъ я, вотъ удивительная рѣдкость!

— Нѣтъ не конфеты, отвѣчала она важно, а только зернушки.... съ виду дрянь, а на дѣлѣ кладъ.... это возвращаетъ молодость и красоту.

Я пожалъ плечами.

— Не врете, такъ увидите.

— Отъ тебя зависитъ тотчасъ убѣдить меня: попробуй на себѣ.

— Не удастся, отвѣчала она, не смутившись; послушайте: если вы сорвете цвѣтокъ многолепестника и онъ начнетъ вянуть, вы можете, опустивъ стебель въ воду видѣть его черезъ минуту опять нѣжнымъ и прелестнымъ, но если цвѣтокъ отцвѣлъ, если вы спустите въ воду сухой стебель съ зрѣлымъ плодомъ, не правда ли, что вмѣсто зеренъ не явятся розовые листья?

Такъ попробуй на комъ-нибудь другомъ, сказалъ я съ намѣреніемъ.

— Я такъ и хочу, и вы можете завтра утромъ увидѣть собственными глазами дѣйствіе этого порошка, отвѣчала Шандра съ непоколебимою увѣренностью.

На другой день, я вовсе о томъ не думалъ и, по обыкновенію, отправился въ павильонъ, но при первомъ взглядѣ, брошенномъ на Анашу, я окаменѣлъ отъ изумленія и сталъ покатъ глазами старую Шандру: она изъ уголка смотрѣла на меня съ торжествующимъ видомъ. Надо было сознаться, порошокъ произвелъ чудеса. Я увидѣлъ Анаису такую, какъ оставилъ ее въ Брестъ годъ тому назадъ: цвѣтъ лица былъ прозраченъ, слегка оживленъ, малѣйшее волненіе разливало по чертамъ ея, какъ прежде, розовый отблескъ. Нѣжный румянецъ щекъ придавалъ болѣе блеску глазамъ и, чудное дѣло! зловѣщая сѣть морщинъ, которыми начинало покрываться лицо ея, совершенно исчезла. Анаша очевидно понимала свое удивительное преобразование, она сіяла радостью и ежеминутно смотрѣлась въ зеркало. Капитанъ взглядывалъ на нее украдкою, и безпрестанно смѣялся, какъ человекъ, который не знаетъ, куда ему дѣваться отъ изумленія и радости. Мать почти не замѣтила переменъ, поражавшей всѣхъ: дочь всегда казалась ей красавицей. Однако она мнѣ сказала:

— Не находите ли вы, графъ, что здѣшній воздухъ удивительно полезенъ Анашѣ? Лицо ея, сегодня утромъ, показываетъ превосходное здоровье: пусть теперь мнѣ скажутъ, что островъ Ява самое нездоровое мѣсто въ свѣтѣ.

Почтенный капитанъ не могъ выдержать.

— Графъ, вскричалъ онъ, посмотрѣвъ на меня съ значительнымъ видомъ, я въ восторгѣ. Особенно же мучило меня нетерпѣніе распространить Шандру и я поспѣшилъ подъ важнымъ предлогомъ увести старую Яванку.

— Не нашла ли ты источника колдовья? спросилъ я, когда мы отъѣхали съ ней одни.

— Я не знаю этого источника, его вѣтъ на островъ Явъ, отвѣчала спокойно моя колдунья.

— Ты, по-крайней-мѣрѣ, знаешь, гдѣ взяла порошокъ, производящій красоту? теперь я сознаюсь, что ты вчера говорила правду.... виновать, что не вѣрилъ и смѣялся надъ тобой, теперь я дамъ тебѣ то, хочешь, если ты мнѣ скажешь, что это за чудный порошокъ....

— Скажу, скажу, только не сегодня.

— Когда же?

— Наканунъ вашего отъезда; ни однимъ днемъ раньше, ни однимъ днемъ....

Я зналъ, что настаивать было бесполезно, упрямыя люди этой породы на свѣтъ вѣтъ. Я только сказалъ ей:

— По-крайней-мѣрѣ ты мнѣ скажешь, какимъ-образомъ ты это дѣлаешь?

— Пожалуй, сказала она, вытаскивъ пузырекъ изъ-за пояса. Я развожу порошокъ въ чистой водѣ, потомъ мою лобъ и щеки.

— Больше ничего?

— Ничего. Если мыться такъ черезъ два, три дня, молодость продолжится долго.

— Сущее колдовство! Да здравствуетъ колдунья, изобрѣтшая такой чудный секретъ!

— Наканунъ вашего отъезда я скажу вамъ, какъ зовутъ ее! прошептала Шандра съ торжественнымъ видомъ.

Все, въ чемъ увѣрила меня старуха, совершенно оправдалось; дѣйствіе порошка продолжалось, красота Анаши дѣлалась постоянною, и черезъ нѣсколько дней я подумалъ, что время написать Леону. Капитанъ Нантѣль думалъ тоже; однако мнѣ хотѣлось узнать, что думаетъ о томъ Анаша. При первомъ моемъ словѣ, она сказала мнѣ съ видомъ робкой увѣренности:

— Да, теперь, можетъ-быть, я осмѣлюсь, показаться Леону. но мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ зналъ, что я здѣсь. Пожалуйста, графъ, напишите ему просто, чтобы онъ пріѣхалъ.

Я точно написалъ Леону, что не могу къ нему пріѣхать, а прошу его какъ можно скорѣе воротиться въ Багавію. Онъ пріѣхалъ черезъ день. Я обещалъ Анашѣ молчать и Леонъ еще ничего не зналъ. По-

слѣ обѣда, я взялъ его подъ руку и увелъ въ кокосовую аллею. Солнце закатывалось и лучи его освѣщали кооленно всю аллею; къ западу полоса облаковъ, ярко розоваго цвѣту, плавала въ светлой лазури небось. Все было безмолвно, въ обширной оградѣ сада слышалось только дуновение вѣтру, тихо шумѣвшаго въ длинныхъ листьяхъ кокосовыхъ деревьевъ.

— Какъ здѣсь хорошо! сказалъ Леонъ; вдыхая съ наслажденіемъ свежесть воздуха и душистый запахъ цветущихъ мушкетовыхъ деревьевъ.

— Чтò это за дама, сидитъ тамъ въ алее? спросилъ онъ вдругъ остановившись.

Я не отвѣчалъ, сердце мое билось... Онъ ничего не зналъ и вошелъ спокойно впередъ.

— Развѣ вы не видите? продолжалъ онъ; въ бѣломъ платьѣ, лица не видать, но какая красивая талія, какіе прелестные светлорусые волосы...

— Подойдемъ ближе, можетъ-быть ее узнаемъ, сказалъ я, увлекая его.

Вдругъ онъ остановился, лицо у него поблѣднѣло, губы задрожали, колѣна подогнулись.

— Ахъ! сказалъ онъ, точно будто Анаша де-Нантѣль.

И внѣ себя онъ бросился къ ней съ крикомъ:

— Да, это она!... это она!

Не знаю, право, чтò потомъ было, я закрылъ глаза платкомъ. Да, я плакалъ, плакалъ отъ умленія и противъ воли: славная черта въ жизни повѣреннаго! Когда я пришелъ въ себя, Леонъ сидѣлъ на скамейкѣ, возлѣ Анашы, цаловалъ ей руки съ восторгомъ радости и говорилъ очень страстные вещи. Разсудивъ, что присутствіе мое довольно бесполезно въ такую минуту, я скромно удалился и подошелъ къ капитану, показавшемуся на концѣ аллеи.

Черезъ четверть часа, Анаша приблизилась къ намъ, опираясь на руку Леона. Она была прелестна какъ ангелъ, съ глазами еще влажными отъ слезъ, съ лицомъ оживленнымъ пѣжнымъ волненіемъ. Подойдя ко мнѣ, она сказала, съ неизъяснимымъ выраженіемъ торжества и счастья:

— Онъ узпалъ меня, графъ!...

Зачѣмъ мнѣ описывать вамъ развязку, вы ее уже знаете. Я бы по

кончилъ до утра, если бы вздумалъ рассказывать вамъ о великолѣпныхъ свадебныхъ празднествахъ, продолжавшихся Богъ знаетъ сколько времени, если бы захотѣлъ исчислить наряды, вещицы и весь подарки брачной корзинки. Оставимъ счастливыхъ супруговъ въ медовомъ мѣсцѣ и воротимся къ колдуньѣ Шандрѣ, обѣщавшей мнѣ открыть наканунѣ отъѣзда тайну чудеснаго порошка.

Едва окончились свадебныя ширшества, какъ я долженъ былъ оставить Батавию. Въ одно утро я сказалъ Шандрѣ, сунувъ ей въ руку довольно тяжелый кошелекъ :

— Ну! Шандрочка, завтра мы отплываемъ : помнишь обѣщаніе ?

— Помню, отвѣчала она не запинаясь, и сегодня вечеромъ сдержу его.

Потомъ, посмотрѣвъ вокругъ, не слышитъ ли насъ кто, она прибавила такимъ тономъ, какимъ вѣроятно прежде назначала любовныя свиданія :

— На закатъ солнца я буду тамъ, на берегу рѣки, подъ двумя кокосами.

— Приду! отвѣчалъ я, хотя, право, было смѣшно тайкомъ разговаривать съ старухой Шандрой во мракъ ночи, какъ говорятъ романисты.

Солнце было уже на закатъ, когда я вышелъ изъ города; черезъ минуту блескъ его внезапно угасъ, потому что въ тропическихъ странахъ неизвѣстенъ этотъ переходъ, который мы называемъ сумерками и мракъ падаетъ на землю какъ покрывало.

Я бы, конечно, не нашелъ мѣста свиданія, если бы Шандра не вышла мнѣ на встрѣчу. Она взяла меня за руку и привела подъ два кокосовыя дерева, у подошвы которыхъ лежалъ обломокъ огромнаго камня. Мы были одни въ этомъ уединенномъ мѣстѣ, но вдали слышался шумъ города и музыка, подъ звуки которой танцуютъ ронгенки, дающія каждый вечеръ балетъ на чистомъ воздухѣ для увеселенія туземцевъ.

Старуха собиралась съ мыслями нѣсколько секундъ, потомъ сказала съ торжественнымъ видомъ :

— Я сдержу обѣщаніе и расскажу вамъ, какъ явайскія женщины нашли драгоценный составъ, дѣлающій женщинъ красавицами.

При этомъ вступленіи, предвѣдая рассказъ пространный и басно-

словный, я зажегъ сигару, свѣлъ на камень какъ можно спокойнѣе и сказалъ Шандръ :

— Говори, дочь моя, я готовъ слушать тебя до завтра.

Старуха присѣла на корточкахъ передо мною и начала :

— Вамъ известны обычай нашей страны, вы знаете ронгенокъ, этихъ красивыхъ дѣвушекъ, которые рождаются на свѣтъ для забавы явайскихъ начальниковъ и голландскихъ богачей; у нихъ большіе черные глаза, длинныя волосы, падающіе до пятъ, стройный ростъ, круглыя щеки, ротикъ красный и полуоткрытый какъ спѣлый гранатъ. Но имъ недостаетъ того, что вы Европейцы называете блескомъ, свѣжестью. Кожа у нихъ блѣднозолотистаго цвѣту, томный кругъ окружаетъ ихъ прекрасные глаза, онъ похожъ на красивыя желтыя розы съ черными листьями. Вотъ, одинъ разъ — этому уже много лѣтъ — въ Батавіи только было и разговоръ что о ронгенкѣ Сетти, удивительной красавицѣ, славившейся своими дарованіями. Танцевала она на всѣхъ праздникахъ; явайскіе князья и богатые Голландцы наперерывъ отбивали ее другъ у друга и она всегда возвращалась домой съ цѣлымъ грузомъ піастровъ и драгоценностей. Вдругъ Сетти впала въ тоску, перестала являться на праздникахъ: ни піастры, ни дорогія вещицы не привлекали ея, и она не хотѣла танцевать даже передъ князьями. Цѣлый день сидѣла запершись у себя, даже не взглядывая на улицу и выходила только вечеромъ гулять по каналу. Часто оставалась она тамъ всю ночь и возвращалась утромъ съ волосами, растрепанными отъ вѣтру. Всѣ удивлялись, отчего она скучаетъ и груститъ. Многіе думали, что она помѣшалась, но ронгенки, прежнія ея подруги, увѣряли, что она влюблена; но въ кого? никто этого не зналъ. Въ одно утро судовщики, спавшіе на берегу канала, не мало удивились, примѣтивъ на разсвѣтъ цвѣты и драгоценныя вещицы, которыми Сетти всегда убирала себѣ голову, разбросанныя у порога одного изъ домиковъ. Они узнали, что все это принадлежало прелестной Сетти и начали искать и громко звать ее. Крикъ ихъ разбудилъ людей въ домъ и старая Голландка показалась у окна.

— Что вамъ нужно? Кого вы ищете? Не ты ли высокую дѣвушку въ красномъ саронгѣ, которая часто здѣсь гуляетъ? Она была здѣсь ночью, я еще не спала и услышавъ, что она плачетъ и вздыхаетъ, выглянула въ окно. Она лежала на землѣ съ распущенными волосами

и разбросала вокруг себя цветы и вещи. Потом встала и поблуждала къ каналу. Я думаю, что она утопилась.

Бросились искать ее въ воду, но не нашли; ронгенка исчезла и весь убѣдился, что тѣло ее съѣли акулы. Однако Сетти не умерла. Показавшись ее покажи въ каналъ, она уплыла на малайской лодкѣ, далеко отъ Батавіи, на поклоненіе могущественной Лара-Джонъ-Гранъ....

— Что это за Лара-Джонъ-Гранъ? спросилъ я, ничего не понимая въ этомъ вступленіи.

— Лара-Джонъ-Гранъ, великая богиня, которой прежде поклонялись на этомъ островѣ, отвѣчала важно Шандра; отъ тяжести ея тѣла дрожить земля, когда она ступаетъ, на головѣ у ней золотая пирамида; змѣя служить ей поясомъ и у ней восемь рукъ....

— Да это уродъ! вскричалъ я. Но что пужды, продолжай, Шандрочка!

— Лара-Джонъ-Гранъ могущественная богиня, продолжала она съ непоколебимой важностью. И я также была въ ея храмѣ. Онъ на разстояніи пятидневнаго пути отъ Батавіи, въ пустынь, близъ моря. Это огромное зданіе, полуразрушенное, которое издали примешь за гору съ дверями и окошками. Дворъ покрытъ высокою травой, подъ которой ползаютъ змѣи, деревья растутъ въ расщелинахъ разрушающихся стѣнъ, но входъ въ храмъ еще цѣль и охраняемъ двумя каменными великанами. Прелестная Сетти одна пришла въ это мѣсто и принесла Ларъ-Джонъ-Гранъ свои золотые браслеты и цветы многолепестника. На закатъ солнца вошла она по двадцати ступенямъ храма и дрожащими шагами вступила въ эту огромную залу, гдѣ среди безмолвія и мрака покоится изображеніе Лари-Джонъ-Гранъ.

— Ты также его видѣла? перебилъ я опять.

— Какъ же! онъ представляетъ Лару-Джонъ-Гранъ, стоящую на быкъ, съ поднятыми вверхъ осемью руками. Сетти преклонилась къ ногамъ богини и поднесла ей свое приношеніе. Тогда Лара-Джонъ-Гранъ наклонила къ ней свое каменное лицо и сказала пріятнымъ голосомъ:

— Принимаю твои подарки, дочь моя, я знаю твою горестъ: ты влюблена въ молодого человека, недавно пріѣхавшаго изъ Голландіи, но онъ тебя не любитъ, хотя ты красавица. А презираетъ онъ

тебя, потому что цвѣтъ лица у тебя янтарный и щожь такі блѣды. Ну! Сетти, я сделаю тебя даръ, отъ котораго красота твоя такъ же засияетъ, какъ у тѣхъ гордыхъ Голландокъ, которыхъ Корнелій Ванъ-Клусъ предпочитаетъ явайскимъ дѣвамъ.

При этихъ словахъ она протянула къ ронгенъ свою шестую руку и подала ей порошокъ, который еще и теперь называютъ румяна Сеттины. Скоро ронгенка появилась въ Батавіи съ лицомъ розовымъ какъ цвѣтъ многолепестника. Корнелій Ванъ-Клусъ страстно въ нее влюбился, но вотъ каковы капризы дѣвушекъ! она отвергла его въ свою очередь и устояла противъ всѣхъ его преслѣдованій. Говорятъ она жила долго, оставалась всегда красавицей и до самой смерти танцевала передъ князьями. Она жила на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы находимся теперь; эти два кокосовыя дерева посадила она, в камонъ, на которомъ вы сидите, еще до-сихъ-поръ называется скамьей ронгенки. Мы старухи узнали отъ нашихъ бабушекъ исторію Сетти, но это тайна, о которой мы говоримъ только между собою и мужчинамъ никогда не открываемъ. Вотъ что я общала сказать вамъ; теперь вы знаете происхожденіе порошка, котораго удивительное дѣйствіе видѣли недавно.

Какъ! вскричалъ я разсердившись, такъ ты затѣмъ мнѣ назначила здѣсь свиданіе съ такою таинственностью, чтобы рассказать эту нелѣпую сказку!... Да я вовсе не это хочу знать! Шандрочка, оставимъ въ покоѣ твою осьмирукую богиню и постарайся просто растолковать мнѣ, изъ какихъ сладобѣевъ составляютъ румяна Сеттины.

— Не знаю, отвѣчала она съ величайшимъ хладнокровіемъ, но знаю, и ронгенки, которыя притираются ими, также не знаютъ.

— Стало быть, сказала я съ насмѣшкой, стряпаетъ ихъ сама Лара-Джонъ-Грашъ и, время отъ времени, роиаетъ пузырькъ съ облаковъ.

— Да-съ, когда какой-нибудь ронгенкъ попадется, отвѣчала съ безстыдствомъ Шандра.

— Чортъ тебя побери! вскричалъ я, съ сильной охотой задушить старую колдунью. Но удержался, будучи твердо увѣренъ, что ни угрозами, ни силою не добьюсь ни слова больше и подождя къ Шандру, сказалъ ей, смягчивъ голосъ :

— По-крайней-мѣрѣ, дай мнѣ пузырькѣ.

— Возьмите, отвѣчала она охотно, вытаскивъ его изъ за пояса.

На другой день я оставилъ Батавію, увезши какъ сокровище нѣсколько щепотокъ знаменитаго порошка. Послѣ часто сожалѣлъ, что не вывезъ его цѣлый грузъ!...

— А пузырькѣ, графъ! вскричали вдругъ всѣ женщины, а остатокъ пузырька у васъ?....

Старый морякъ опустилъ голову съ комическимъ замѣнательствомъ и не рынался отвѣчать.

— Говорите скорѣе, дядюшка, прибавила прелестная племянница. Гдѣ пузырькѣ? что вы сдѣлали съ румянами?

— Я истратилъ ихъ въ то время какъ былъ послѣдній разъ влюбленъ, возразилъ графъ, смѣясь.

При этомъ признаніи всѣ также засмѣялись, а хорошенькая племянница вскричала:

— Я никогда не подозрѣвала васъ, дядюшка, въ такомъ кокетствѣ! Но скажите-ка намъ, имѣли ли вы съ-тѣхъ-поръ какое-нибудь извѣстіе о Леонѣ. Что бѣнгалской розѣ?

Какъ же, племянница, и славныя вѣсти; они живутъ прекрасно и у нихъ много дѣтей.

— А достопочтенный капитанъ Нантѣль?

— Еще чудо! Онъ взялъ въ повѣренныя Шандру, она также написала его своимъ румянами и вѣрно ему удалось, потому что въ одинъ прекрасный день онъ прислалъ мнѣ увѣдомленіе о женитбѣ своей на мадамъ де-Нантѣль!...

Прелестная племянница усѣлась у ногъ графа и сказала ему съ воспитательной наивностью:

— Право, дядюшка, вамъ бы надо воротиться въ Батавію, можетъ-быть старуха Шандра согласится теперь дать свой рецептъ.

— Позду, племянница, возразилъ графъ, съ улыбкой дотронувшись пальцемъ до щекъ молодой женщины, да, общаю, когда это хорошенько личико станетъ покрываться морщинами, когда эта ослѣпительная блязна потеряетъ прозрачность и свѣжесть, я позду и привезу тебѣ румянъ Сеттиныхъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ Въ этомъ году нашъ концертный сезонъ имѣлъ страшнаго соперника, — преждевременную и прекрасную весну, съ ея соловьями, съ ея зеленью и цвѣтами, съ ея свѣтлымъ небомъ и болѣе нежели весеннимъ жаромъ. Сначала концерты силились было противиться ей; весеннимъ пѣніемъ и баркаролами они прельщали публику; но потомъ, когда чрезвычайный жаръ напомнилъ намъ югъ Европы, — они прибѣгнули къ тарантелламъ Италіи и къ серенадамъ Испаніи.

Но скоро весна едѣлась настоящимъ лѣтомъ и концерты прекратились совсѣмъ.

Последніе концерты не успѣли привлечь къ себѣ большого числа слушателей, но критика считаетъ обязанностью удостовѣрить всѣхъ артистовъ, участвовавшихъ въ нихъ, что трудъ ихъ не вполне потерянъ. Можетъ-быть они найдутъ некоторое утѣшеніе въ нашемъ отчетѣ, что напередъ доставляетъ намъ двойное удовольствіе.

Господинъ Константинъ Деккеръ давалъ концертъ, не столько съ цѣлью выказать всѣ свои достоинства какъ виртуоза, но болѣе чтобы выказать свои качества какъ композитора. Исполнено было нѣсколько тріо, одинъ секстуоръ и даже нѣкоторые хоры изъ оперъ, а въ заключеніе играны сочиненія серьезныя и строгія, написанныя Деккеромъ. Господинъ Деккеръ вполне заслужилъ наше уваженіе за глубокое знаніе и за искусство въ употребленіи строгихъ и сложныхъ формъ. Если мелодіи его и не отличались особенною прелестью и даже отзывались иногда сухостью, то мы все-таки не должны забывать, что первостепенные гении рѣдки. Гений не приобретается ученіемъ. Но кто съ помощью труда изучилъ все, что только можно изучить, и твердостью сумѣлъ побѣдить всѣ главныя препятствія, тотъ долженъ быть признанъ за достойнаго и добросовѣстнаго артиста. Сочиненія господина Деккера имѣютъ слишкомъ много внутренняго достоинства и очень мало внешней прелесть, но они вполне заслуживаютъ вниманія знатоковъ. Къ несчастью, въ его концертъ было мало слушателей, и мы не можемъ сказать утвердительно, что между ними было мало знатоковъ. Не смотря на то, всѣ сочиненія господина Деккера были приняты съ громкими рукоплесканіями и въ особенноти отрывокъ изъ *тріо* для скрипки, альты и віолончели, исполненный господами Маурерами, и большой *секстуоръ* для двухъ скрипокъ,

двухъ альтовъ и двухъ виолончелей, съигранный (дало удивительное!) десятию исполнителями (наютъ рья партій были удвоены). Эта масса безспорно есть одно изъ лучшихъ сочиненій господина Деккера, — она полна живости и увлекательности, что дѣлаетъ особенную честь автору.

Господилъ Франкенштейнъ, о которомъ мы уже говорили, давалъ своей второй и послѣдній концертъ, и господинъ Гольдъ, также знакомый нашимъ читателямъ, далъ наконецъ свой собственный концертъ, гдѣ выказалъ себя необыкновеннымъ виртуозомъ. Особенность его таланта — это необыкновенная смѣлость и отважность, посредствомъ которой онъ побуждаетъ величайшія затрудненія. Всюду заслуженный имъ успѣхъ былъ совершенный.

На нѣмецкомъ театрѣ было много музыкальныхъ интермедій, гдѣ дѣлялась преимущественно госпожа Жерве. Успѣхъ этой превосходной пѣвицы быстро усиливается; вызовамъ и браво не было конца! букеты сыпались градомъ! публика была въ полномъ очарованіи отъ нея! Говорятъ, что мы будемъ имѣть удовольствіе слышать госпожу Жерве въ некоторыхъ нѣмецкихъ операхъ, которыя думаютъ поставить на сцену, съ помощью остатковъ прежде бывшей здѣсь нѣмецкой труппы. Если слухъ этотъ осуществится, то театральная дирекція принесетъ большую пользу искусству и доставитъ публикѣ не мало удовольствія.

Въ эту минуту въ большой модѣ концерты танцевальной музыки въ общественныхъ садахъ, и никогда не было у насъ такого богатства въ ней, какъ въ нынѣшнемъ году. Правда, что любимецъ нашей публики. Иоганъ Гунгль, уже болѣе не слышенъ, но онъ заимлетъ, въ Павловскомъ Воксалѣ, двоюроднымъ братомъ артиста, Юсефомъ Гунглемъ, котораго нарочно вывала изъ Берлина дирекція Царско-сельской желѣзной дороги, вмѣстѣ съ полнымъ оркестромъ. До-сихъ-поръ въ Истербурѣ ни одна оркестръ не исполнялъ такъ хорошо бальной музыки, какъ оркестръ Гунгля; тутъ каждый музыкантъ — виртуозъ, начиная отъ треугольника до ары, отъ контрбаса до первой скрипки. Истинное очарованіе слышать фантазіи и нонурри, написанныя Юсефомъ Гунглемъ съ цѣлю выказать во всемъ блескъ всю виртуозность исполнителей. Что же касается до танцевальной музыки, то характеръ игры Гунгля существенно отличается отъ игры его брата. У Юсефа Гунгля господствуетъ не тотъ увлекатель-

ный элементъ, который называется *dansant*, но никакъ-то прелестная небрежность, заставляющая слушателя думать, что онъ слышитъ эти танцы въ концертъ, а не на балъ. Мнѣше публички насчетъ господина Юсефа Гунгля, кажется, еще не утвердилось окончательно, но безъ сомнѣнія она не замедлитъ признать его гениальнымъ композиторомъ и искуснымъ капельмейстеромъ, что не причинитъ никакого вреда Югану Гунглю, готовому прежде всего отдать справедливость своему двоюродному брату. Будущею зимою онъ снова приметъ слезенный шпъ на некоторое время скипетръ.

Недавно прибылъ къ намъ новый герой бальной музыки, съ полнымъ оркестромъ, — господинъ Лумби. Онъ долгое время прельщалъ публичку въ Копенгагенъ, потомъ объѣхалъ всю Европу и вездѣ восторгъ къ нему доходилъ до изступленія. Господинъ Лумби играетъ на дачѣ Королевыхъ. До-сихъ-поръ онъ слышанъ былъ немного разъ, но всегда имѣлъ огромный успѣхъ. Особенно производить фуроръ его фантазія подъ заглавіемъ «*Traumbilder*».

Въ Парижѣ недавно давали новую комическую оперу въ трехъ дѣйствіяхъ «*Le songe d'une nuit d'été*». Либретто господъ Розіе и Лезена, партитура господина Томъ.

Въ этой оперѣ Томъ разсыпалъ свои прелестныя мелодіи, немного изысканныя, и въжнюю, иногда совершенно неожиданную, почти новую гармонію, столь роскошную подъ его перомъ.

Интердукція увертюры этого новаго произведенія Томъ, исполнена какой-то таинственной прелести, какого-то неопредѣляемаго шума, и навѣваетъ прохладою и свѣжестью вечера. Эта симфонія, полная прелестной музыкальной поэзіи, есть уже сама по себѣ сонъ въ лѣтнюю ночь, какимъ онъ родился въ мысляхъ Шекспира и былъ изображенъ имъ, со всемъ своимъ собственнымъ очарованіемъ и съ своими прелестными грезами. Здѣсь флейта предается сладкимъ, мелодическимъ фантазіямъ; грустно напѣваютъ виолончели; подаетъ свой простой, незатѣйливый голосъ гобой; и даже *cornet à piston* называютъ себя особеннымъ образомъ. Во второмъ актѣ этой увертюры является что-то похожее на *scott-free* и, такъ сказать, рассчитливо пробуждаетъ французскій галопъ. Куплеты Фальстафа, вставленные въ интердукцію, написаны свободно и въ хорошемъ размѣрѣ; они были исполнены пѣвцомъ блестящимъ образомъ. Слѣдующее затѣмъ дуо королевы и Оливія отличается прелестію и блестящею вокализацией. Тріо,

изъ сцены друкъ соргамъ и Фальстафа, хорошо выражено композиторомъ; но послѣ живописнаго мѣста альтовъ, слѣдуетъ вальсъ въ довольно простомъ стилѣ. За этимъ наступаетъ разговоръ между Шекспиромъ и лордомъ Латимеромъ, разговоръ, отзывающійся мыслями великаго англійскаго поэта, которыми Розье весьма воспользовался. Здѣсь Латимеръ поетъ романсъ, съ аккомпаниментомъ альта-соло, романсъ съ прелестною мелодіею, которой пѣвецъ сообщаетъ еще большую прелесть.

Пѣніе при появленіи Фальстафа живописно, а пѣніе Латимера очень хорошо рисуется среди прелестной игры оркестра.

Музыкальный антрактъ, которымъ возвѣщается пробужденіе Шекспира въ лѣтнюю ночь, среди Ричмондскаго парка, производитъ пріятный эффектъ, при самой изящной инструментовкѣ, гдѣ смѣшиваются альты, переливающіеся изъ тона въ тонъ волторны и даже простой *cornet à piston*, который Томъ, кажется, хочетъ возстановить, заставляя его пѣть очаровательно и поэтически. Послѣ этой легкой интродукціи, композиторъ помѣстилъ хоръ охотниковъ, какъ нельзя лучше написанный для голосовъ, гдѣ вступленіе первыхъ теноровъ слышится въ хроматической фразѣ, нисходящей въ самомъ прелестномъ эффектѣ; вокальные басы выполняются живописно и съ искусными переходами изъ тона въ тонъ. Хоръ этотъ былъ повторенъ въ первомъ представленіи; вѣроятно его заставятъ повторять и въ слѣдующихъ. Въ сочиненіи этой части очень замѣтно влияніе Вебера.

Ночная арія Шекспира, гдѣ прославляется пріятность вечера, напоминаетъ ту пышность оркестра, которую Гретри старался показать въ аріи Геснера въ своей «Елисаветъ». Приоковуляется королева Елисавета, которую Шекспиръ принимаетъ за Жюльету своего «Ромео», и которая говоритъ, или лучше сказать поетъ ему въ благородной, въ чистой мелодіи, сопровождаемой сладкой гармоніей: «Non, je ne suis pas Juliette: Réveille-toi, noble poète!» Финальный хоръ этого втораго акта написанъ въ музыкальномъ и какъ нельзя больше драматическомъ стилѣ. Это сильно, восторженно; безпорядочно, но безъ всякой запутанности; блистательно и шумно, но безъ всякой суматохи. Царица пѣнія въ Комической Оперѣ въ настоящее время, госпожа Лефевръ, поетъ эту арію съ особенною легкостью и прелестью; она поетъ нѣкоторыя мѣста, какъ смѣлая и знающая пѣвица; но

также декламируетъ въ ней какъ пѣвица, и это недостатокъ, отъ котораго, можно надѣяться, она скоро исправится. «Le ojei enfin exauce ma prière», прелестная мелодія, которую поетъ графиня Оливія. Дуэтъ изъ сцены и приванія ея лорду Латимеру написанъ съ живымъ драматическимъ чувствомъ. Дуо Фальстафа и Шекспира открываетъ поприще для дѣятельности всего оркестра, что доказываетъ глубокое знаніе композитора въ инструментовкѣ.

Кудеркъ, вступившій на театръ Комической Оперы въ роли Шекспира, показалъ себя тѣмъ же, чѣмъ былъ и прежде: выразительнымъ пѣвцомъ и превосходнымъ комикомъ. Дѣвица Лесебръ, какъ мы сказали, блистательная и уже довольно извѣстная пѣвица; Було, драматическій и вмѣстѣ прелестный теноръ. Дѣвица Гриммъ, чувствительная пѣвица и актриса, и наконецъ Баталь явившійся тѣмъ, чѣмъ никогда не былъ, basso cantante e buffo giocoso. Вокализація его чиста и блестяща. Иногда онъ беретъ ноты подобно Пеллегрини и Тамбурини въ ихъ лучшее время; онъ много содѣйствовалъ успѣху произведенія Тома.

Филармоническое общество въ Парижѣ дало свой четвертый и послѣдній концертъ, достойный быть истиннымъ заключеніемъ. Любопытная, разнообразная программа, полная новыхъ и прелестныхъ піесъ, собраніе знаменитыхъ виртуозовъ, личное присутствіе Фелиціана, Давида и Рожера, — оркестръ полный огня и смѣлости, ведомый къ побѣдъ Берліозомъ, — вообще очень замѣчательное исполненіе, — не слишкомъ ли довольно всего этого, чтобы возбудить рукоплесканія публики, и заслужить одобреніе критики? И въ-самомъ-дѣлѣ успѣхъ былъ полный: занимательность постоянно поддерживалась, такъ что даже послѣ десяти длинныхъ піесъ, «Invitation à la valse», Вебера, произвело необыкновенное впечатлѣніе. Правда, что Берліозъ облекъ эти прелестныя мелодіи въ самую изящную, пльнительную и какъ нельзя лучше согласованную инструментовку: аранжировать такъ, — все равно, что создать.

Публика равномерно съ восторгомъ приняла три отрывка изъ «Проклятія Фауста», «Сельскій хороводъ» (Ronde villageoise), гдѣ каждый куплетъ оканчивается чрезвычайно оригинально, и наконецъ интродукція Pastorale, гдѣ артистъ хотѣлъ изобразить тысячу отъяковъ шуму, оживленный и оплодотворенный весною природы, — эту

очаровательную гамму листьев, воды, летнего ветра, земли, горы и долины, это сладостное и волнующееся дыхание каждого живого существа, так красноречиво представленное въ «Версере» — Бёте. Но, смотря на опасное сравненіе, весьма возбужденное въ насъ воспоминаемъ о симфоніи «Pastorale» Бетховена, «Эклоги» Берлиоза остается тамъ не менѣе очень впечатлительною ниссою; она рисуетъ передъ нами и напоминаетъ пастушескія стихотворенія Теокрита, — пейзажъ волнъ жизни и цвѣту. Музыка находитъ въ совершенной связи съ содержаніемъ монолога, декламируемаго Рожеромъ, во время выдержекъ оркестра. Рожеръ хорошо выполнилъ этотъ речитативъ. Но особенно въ аріи Іосифа, онъ выказалъ всю способность своего чистаго, богатаго органа, и эту выразительную дикцію, которая составляетъ особенность его стиля. Талантъ Рожера развивается день ото дня, и ежели артистъ будетъ постоянно заниматься (что онъ и дѣлалъ до-сихъ-поръ), обработкою и усовершенствованіемъ своего голоса, то въ короткое время можетъ стать въ главѣ первыхъ теноровъ Европы.

Госпожа Лабордъ, приглашенная теперь на театръ Оперы, пѣла въ этомъ концертѣ арію изъ «Клятвы», съ тою роскошью рзвой вокализаци, къ которой публика охотно пристрастилась, какъ дитя къ мишурѣ и къ блестящему огъ солнца бисеру. Не смотря на давнюю извѣстность Апполинарія Контскаго (Appolinaire de Kontski), попытки его не увѣнчались успѣхомъ. Слушатели отказались считать особенно важнымъ исполненіе pizzicato и *à l'arco* вмѣстѣ, что производитъ хриплый, жесткій, смѣшанный и даже смѣшной звукъ, не имѣющій никакой прелести. Господинъ Контскій не былъ счастливѣе и въ другой попыткѣ, снявъ со скрипки три струны и на одной выполнивъ каватину изъ «Роберта», *Grâce pour moi*. Заслуга въ преодолѣніи трудности и въ смѣломъ обнаруженіи эксцентричности, тогда только можетъ считаться важною, когда удовлетворяетъ прежде всего основному закону музыки, именно: угодить нашему слуху, если не въ состояніи дѣйствовать на сердце. Для чего же лишать себя удовольствія въ пользованіи нормальными способностями инструмента, если знаешь, что безъ нихъ можно произвести болѣе, нежели сомнительную интонацію, и плохую, бѣдную звучность; если наконецъ все это клонится только къ тому, чтобы безъ всякаго основанія показать инструменталь. Это простое заблужденіе, и господинъ Контскій сдѣлаетъ лучше все-

го, если отъ него откажется для собственной пользы. Отличней виртуозъ, онъ достаточно обладаетъ прекрасными качествами, чтобы отказываясь отъ званія второстепеннаго оркестра къ упадку, съ которымъ можно достигнуть своей цѣли только въ присутствіи почитающей публики. Во сколько тысячъ разъ превосходитъ очинченный, исправленный, добросовѣстный стиль хорошей школы, какимъ владеетъ напримѣръ господинъ Жакартъ! Этотъ молодой артистъ показалъ высокій талантъ въ соло Серво, исполненномъ имъ на виолончели съ превосходнымъ вкусомъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ пѣсь, въ этомъ концертѣ исполняли хоръ изъ «Охотниковъ», Кадокса, знаменитаго автора «Desux Scottishmnes» и «Похода Евреевъ къ землѣ обѣтованной», взятаго изъ «Моисея» — Фелициана Давида, и наполненнаго прекрасными подробностями. Въ заключеніе дана была увертюра «Аталія», эгого образцоваго произведенія Мендельсона. Онъ, какъ извѣстно, написалъ очень много превосходныхъ увертюръ, какъ напримѣръ: «Гротъ Фингала», «Сонъ въ ивановскую ночь», «Шиль на морѣ», «Мелюзина» и прочее. Но ни одна изъ нихъ, по нашему мнѣнію, не можетъ быть такъ вразумительна, богата и разнообразна, какъ «Аталія», запечатлѣнная тѣмъ духомъ, которымъ дышатъ трагедіи Расина. Эта увертюра написана Мендельсономъ.

Впечатлѣніе, произведенное этою, въ высочайшей степени музыкальною увертюрою, было необыкновенное. Она открываетъ намъ все, что есть драматическаго въ гении Мендельсона.

Парижское соединенное музыкальное общество давало музыкальное утро въ пользу госпожи Манора, вдовы его основателя. Здѣсь участвовала госпожа Шлейель; она играла во второй разъ Concerto Мендельсона, потому мелодію Шуберта и Fugandole Приюдева. Великая артистка произвела эффектъ болѣе, нежели когда-нибудь: безконечныя рукоплесканія публики и оркестра сопровождали каждую сыгранную ею пѣсу. Госпожа Шлейель отправилась въ Мецъ, оттуда побываетъ въ Нансъ и Страсбургъ и потомъ возвратится на недолгое время въ Парижъ.

Большое филармоническое общество, вспомоществуемое отборными хорами и оркестрами дружка музыкальныхъ учреждений въ Парижѣ, исполняло въ церкви Saint-Eustache, многу съ Requiem, Берлиоза.

Цѣна за мѣста и добровольныя приношенія назначены въ пользу жертвъ ужасной анжерской катастрофы.

Вдова Оберъ, мать знаменитаго композитора Обера, умерла девяносто-трехъ лѣтъ. Погребеніе ея совершено было съ большимъ торжествомъ.

Альбони восхищала публику въ Бордо. Она дала тамъ концертъ и потомъ участвовала въ представленіи «Charles VI», «Favorite», «Reine de Chypre» и въ «Fille du régiment»; многочисленная толпа зрителей была въ полномъ восторгѣ отъ нея.

Альбони же будетъ пѣть въ Парижѣ въ роли Фидесъ въ «Пророкъ», Мейербера. Для всѣхъ прочихъ также какъ и для Альбони, это большой рискъ — пѣть роль Фидесы послѣ Viardot.

Итальянскій театръ закрытъ съ недавняго времени. Ранкони понесъ большія потери въ управленіи этимъ театромъ, и не думаютъ даже, что въ будущую зиму будетъ существовать Итальянская Опера.

Въ Лондонѣ, на театрѣ Ея Величества, «Донъ Паскуале» имѣлъ преемникомъ «Донъ Джіовани», который почти въ одно и тоже время давали и на Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ. Госпожа Зонтагъ пѣла въ роли Зерлины, которую, Малибранъ, Персіани и Альбони исполняли одна послѣ другой и каждая по своему. Игра госпожи Зонтагъ не такъ точна и вѣрна, какъ игра Альбони, но она прелестна и привлекательна; Зонтагъ должна была повторить duo *Laci darem*, арию *Batti* и *Vedrai, capino*. Коллетти навѣрно изображаетъ собою идеальнаго испанскаго героя, а госпожа Пароди также не вѣрна въ роли донны Анны. Лабланъ, самый смѣшной изъ всѣхъ Лепорелло. Карлота Гризи и Марія Тальони спорятъ за пальму первенства въ балетѣ. На Ковентъ-гарденскомъ театрѣ давали «Lucrezia Borgia», гдѣ госпожа Окольская, до пріѣзда дѣвицы Мерикъ, дебютировала, но безъ успѣха, въ роли Орсини. Потомъ давалась «Норма», въ которой участвовали Гризи, Тамберликъ и дѣвица Вера, прекрасная въ роли Адалгизы. Скоро представленъ будетъ «Робертъ»: Маріо, Тамберликъ, Формесъ, Массоли, Тальяфико, госпожа Гризи и Кастелланъ явятся вмѣстѣ; это будетъ что-то удивительное и необыкновенное.

Графъ и графиня Росси (Геприетта Зонтагъ), были приняты королевою и принцемъ Альбертомъ. Здѣсь находились многіе члены королевской фамиліи, и вся англійская знать. Госпожа Росси пѣла арию

изъ «Врстанія въ Сераль», Моцарта, арию изъ «Гугенотовъ» — Мейер-бера и каватину Россини.

На театрѣ Ея Величества недавно давали еще «Свадьбу Фигаро», Моцарта: Зонтагъ пѣла въ роли Сюзанны, и мисъ Catherine Hayes была очень мила въ роли Керубена. На театрѣ Принца представленъ былъ передѣланный на англійскій языкъ «Густавъ-Третій», Скриба и Обера; двѣица Но исполняла роль, созданную госпожею Фальконъ въ Парижѣ. — Геллеръ съ блескомъ явился въ концертъ «Beethoven quartet Society». Съ помощью этого превосходнаго пианиста и знаменитой скрипки Эрнста, господинъ Рушлотъ не можетъ сомнѣваться въ успѣхъ своего предпріятія.

Госпожа Дулькенъ, пианистка, извѣстная въ Лондонѣ какъ виртуозъ и профессоръ музыки, умерла на тридцать-осьмомъ году жизни; кроме музыкальнаго таланта, она обладала большими свѣдѣніями въ литературѣ. Она оставила многочисленное семейство почти безъ всякой поддержки.

Въ Брюссель, въ артистическомъ и литературномъ кругу, было второе чтеніе господина Фетиса объ исторіи музыки. Разказавъ въ краткихъ словахъ о преобразованіи, какое произвело утѣшительное ученіе Евангелія въ судьбѣ челоуѣчества, въ идеяхъ и въ нравахъ его, этотъ ученый объяснилъ, какимъ-образомъ пѣніе, присоединяемое къ молитвамъ христіанъ, вдругъ приняло характеръ важности, благоговѣнія, до тѣхъ-поръ незнаемый; какъ это пѣніе переходило съ Востока на Западъ со втораго вѣка христіанской эры, какимъ-образомъ оно измѣнялось и въ какомъ состояніи нашелъ его папа Григорій, когда предпринялъ преобразование осьми-гласника.

Въ Берлинѣ, госпожа Віардъ въ первый разъ явилась на Королевскомъ театрѣ; она выбрала для своего дебюта роль Валентины изъ «Гугенотовъ». Имя Віардъ и Тихачека, привлекли въ театръ безчисленное множество публики. Не смотря на увеличенную цѣну мѣстамъ, зала была полна. Послѣ большаго дуо четвертаго акта, госпожа Віардъ была вызвана на сцену. Тихачекъ былъ еще болѣе въ голосъ, чѣмъ тогда какъ онъ пѣлъ въ «Робертѣ»; это прекрасный артистъ, котораго всегда съ удовольствіемъ слушаютъ. Равнозврно аплодировали и другимъ артистамъ, участвовавшимъ въ представленіи «Гугенотовъ». При дворѣ былъ данъ концертъ :

здѣсь отличались Тихачевъ и дѣвица Пикасъ, которой король высказалъ свою благодарность въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Съ самаго возвращенія Мейсера, у короля бывають по средамъ, въ его покояхъ, большіе концерты, подъ дирижерствомъ знаменитаго маэстро, въ которыхъ преимущественно исполняютъ древнюю музыку. — Въ Берлинѣ только и говорили о первомъ представленіи «Пророка». Еще наканунѣ представленія образовалась огромная толпа у кассы театра.

В. ДАМКЕ.

=

КНИГИ ПО УМѢРЕННОЙ ЦѢНѢ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Комп., комиссіонера Императорской Библіотеки, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петальа, № 5.)

Цѣны въ серебрахъ:

- ALLET. Génie du dix-neuvième siècle. Paris 1843. 1 vol. in-12. 1 rbl. 10 c.
- ANGE conducteur ou recueil de prières les plus propres à inspirer la dévotion. Paris. 1 vol. in-18. 40 c.
- BEURAU. Simples notions sur l'agriculture. 2e édition. Paris 1849. 1 vol. in 12. 50 c.
- BOSSUET. Méditations sur les Evangiles. Paris. 2 vols. in-12. 1 rbl. 50 c.
- BOUVIER. Pensées pieuses sur divers sujets. Paris 1844. 1 vol. in-12. 1 rbl. 15 c.
- CARRON. L'heureux matin de la vie ou petit traité sur l'humilité. Paris. 1 vol. in 18. 40 c.
- CELLERIER. Pensées pieuses sur divers sujets. Paris 1830. 1 vol. in-18. 1 rbl.
- COMPASSION de la Très-Sainte-Vierge, précédée du discours de Bossuet et du dialogue de Saint-Anselme, illustrée par Overbeck et Strindbe. Paris 1844. 1 vol. gr in-8, relié, avec tranches dorées. 4 rbls. 50 c.
- COMMON et MANNE. Dictionnaire italien-français et français-italien. 9e édition. Paris 1850. 1 vol. in-8. 4 rbls.
- COURTOIS-GÉRARD. Instructions pratiques sur la culture des plantes dans les appartements, sur les fenêtres et dans les petits jardins. Paris 1849. 1 vol. in-18. 30 c.
- DESSAC. Des infirmes grands et des infirmes petits des différents

- ordres; et de leur emploi dans les mathématiques. Paris 1849. 1 vol. in-8. 50 c.
- DEBAY.** Hygiène complète des cheveux et de la barbe, d'après de récentes découvertes physiologiques et médicales, indiquant les moyens d'obtenir une pousse vigoureuse, d'arrêter la chute, le grisonnement et de régénérer les cheveux sur les crânes les plus chauvés. Paris 1850. 1 vol. in-12. 40 c.
- DESAOT.** Esquisse de la phrénologie et de ses applications, exposée aux gens du monde. Paris 1843. 1 vol. in-18. 65 c.
- DIKZ.** Pensées sur le christianisme, preuves de sa vérité. 2e édition. Paris 1844. 1 vol. in-12 1 rbl. 70 c.
- ESPRIT** (l') de Saint-François de Sales présenté aux gens du monde. Paris. 1 vol. in-18. 1 rbl. 45 c.
- EVANGILES** (les) de N. S. Jésus-Christ; traduction de Lemaître de Sacy. Paris 1837. 1 vol. gr. in-8 relié, avec gravures et tranches dorées. 10 rbls.
- GASPARIN** (Mme. la Case, de). Le mariage au point de vue chrétien. 2e édition. Paris 1844. 5 vols. in-12. 3 rbls. 50 c.
- GIRARDIN** et Du Breuil. Cours élémentaire d'agriculture. Paris 1830. Tome 1, avec figures intercalées dans le texte, pour 2 volumes. 4 rbls.
- GÉRAME.** Une journée consacrée à Marie. Paris. 1 vol. in-18. 85 c.
- GODESCARD.** Les vies des Saints-Pères et martyrs. Paris, 1844 1 vol. gr. in-8 relié, avec gravures, tranches dorées et ornements en or. 12 rbls.
- IMITATION** de Jésus-Christ; traduction de Gousselin. Tours, 1847. 1 vol. in-18 relié, avec gravures et tranches dorées. 2 rbls. 15 c.
- IMITATION** de la Très-Sainte-Vierge sur le modèle de l'imitation de Jésus-Christ. Tours, 1846. 1 vol. in-18 cartonné avec gravures et tranches dorées. 1 rbl. 50 c.
- JONES.** Grammaire persane. 2de édition française, revue, corrigée et augmentée par Garcin de Tassy. Paris 1845. 1 vol. in-12. 1 rbl. 60 c.
- JOURNÉE** (la) du chrétien sanctifiée par la prière et la méditation. Nouvelle édition. Tours 1848. 1 vol. in-18 relié, avec tranches dorées. 2 rbls. 50 c.
- LANSAC** (de). La vie de Jésus-Christ d'après les livres saints; avec gravures de Laville. Paris 1842. 1 vol. gr. in-8 relié, avec tranches dorées. 3 rbls. 75 c.
- LATOUR.** Choix de poésies religieuses, avec une introduction et des notices sur chaque auteur. Paris. 1 vol. in-18. 1 rbl. 50 c.
- LECOURTIER.** Explication des messes de l'eucologie de Paris. Paris. 2 vols. in-18. 1 rbl.

- Manuel de la messe, ou explication des prières et des cérémonies du saint sacrifice. Paris. 1 vol. in-12. 1 rbl.
- L'ECUY. Bible de la jeunesse; abrégé de l'histoire de l'Ancien et du Nouveau Testament. Paris. 1 vol. in-12. 1 rbl. 50 c.
- LE GUILLOA. Beautés de la Saint-Bible, avec des réflexions selon l'esprit de l'Eglise et des pères. Paris 1844. 1 vol. in-12. 85 c.
- MARTELLI. Cours de langue italienne d'après la méthode Robertson, suivi d'un traité sur la versification. Paris 1846. 1 vol. in-8. 1 rbl. 15 c.
- NEPVEU. Pensées ou réflexions chrétiennes pour tous les jours de l'année. Lyon. 2 vols. in-12. 1 rbl.
- PAROISSIEN (grand) romain, contenant les offices de tous les dimanches, augmenté du commun des Saints, de l'office de la Sainte-Vierge et de l'exercice du chemin de la Croix. 4e édition. Tours 1849. 1 vol. in-18 relié, avec trauches dorées. 2 rbls.
- PAYEN. Précis de chimie industrielle. Paris 1849. 1 vol. in-8, avec atlas. 5 rbls.
- PRIERES et instructions chrétiennes à l'usage des enfants. Paris. 1 vol. in-18. 30 c.
- QUICHERAT. Traité de versification française. 2e édition. Paris 1850. 1 vol. in-8. 2 rbls. 50 c.
- RECUEIL de méditations et de prières pour le culte domestique. Paris 1842. 1 vol. in-8. 1 rbl. 60 c.
- RIVALIERE FRAUENDORF (comte de la). La religion du cœur ou le guide du néophyte; lecture consolante pour chaque jour du mois, 3e édition. Paris. 1 vol. in-12. 50 c.
- SAVOYE. Cours de langue allemande, d'après la méthode Robertson 4e édition. Paris 1848. 1 vol. in-8. 2 rbls. 50 c.
- SCUDO. Critique et littérature musicales. Paris 1850. 1 vol. in-8. 2 rbls. 50 c.
- TESSIER. Recherches cliniques sur le traitement de la pneumonie et du choléra suivant la méthode de Hahnemann. Paris 1850. 1 vol. in-8. 1 rbl. 75 c.
- VAN-TENAC. Album des jeux de hasard et de combinaisons à l'usage dans les salons et dans les cercles. Paris 1847. 1 vol. in-12. 1 rbl.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 1 июня 1850 года.

Старшій цензоръ *Розформъ*.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля № 11.

Цѣны на серебро.

Trio и дуэты для фортепіано.

BERIOT. Premier duo concertant pour piano et violon. Op. 63. (2 r. 58 c.).

BERIOT et OSBORNE. Duo brillant sur l'opéra «le Barbier de Seville», pour piano et violon. (2 r. 29 c.). Grand duo brillant sur la Gazsaladra. (2 r. 29 c.).

BERIOT et WOLFF. Grand duo brillant sur l'opéra: «Robert Bruce», pour piano et violon. (2 r. 29 c.). Duo brillant sur l'opéra: «la muette de Portici». (2 r. 29 c.). Duo sur «Haydée ou le secret», opéra d'Auber. (2 r.). Duo brillant sur les motifs de l'opéra: «le val d'Andorre». (2 r.). Duo brillant sur l'opéra: «le Prophète», pour piano et violon. (2 r. 29 c.).

BÉNÉDICT et PANOFKA. Sérénade et boléro. Grand duo pour piano et violon. (2 r. 29 c.).

CHOPIN. Sonate pour piano et violoncelle. Op. 65. (3 r. 43 c.).

DAVID. Douze mélodies piano et violoncelle. Liv. 1 à 6 (chaque 1. r. 72 c.). Les mêmes mélodies pour piano et violon. Liv. 1 à 6 (chaque 1 r. 72 c.).

DREYSCHOCK et PANOFKA. Duo concertant pour piano et violon sur «le Prophète», opéra de Meyerbeer. (2 r.).

FESCA. Sixième grand trio pour piano, violon et violoncelle. Op. 54. (3 r. 72 c.).

FRANCK. Trio pour piano, violon et violoncelle. Op. 11. (5 r. 72 c.).

FORDE. L'anima del opéra. Cavatines et autres pièces favorites pour piano et flûte. 60 Cahiers (chaque 65 c.).

KAYSER. Répertoire des jeunes amateurs. Petites fantaisies pour piano et violon. Op. 25. № 1 à 9. (chaque 1 r. 15 c.).

LASEKK. La chasse. Grand duo concertant pour piano et violoncelle. (1 r. 72 c.).

LITOLFF. Grand trio pour piano, violon et violoncelle. Op. 47. (6 r. 85 c.).

LITOLFF et LEONARD. Trois morceaux de salon pour piano et violon Op. 53. № 1. Rêve d'amour. (1 r. 43 c.). № 2, La capricieuse. (1 r. 43 c.). № 3, Scène champêtre. (1 r. 42 c.).

- LOUIS.** Sérénade sur des motifs de l'opéra: «le Val d'Audorre» pour piano et violon. Op. 174. (2 r. 29 c.). Souvenir du «Prophète», opéra de Meyerbeer. Grande fantaisie dramatique pour piano et violon. (2 r.).
- MARSCHNER.** Trio pour piano, violon et violoncelle. Op. 138. (4 r. 29 c.).
- MOLIQUE.** 2-me grand duo concertant pour piano et violon. Op. 24. (5 r. 72 c.). 3-me grand duo concertant pour piano et violon. Op. 33. 4 r. 58 c.).
- REISSIGER.** 17-me grand trio pour piano, violon et violoncelle. Op. 183. (3 r. 43 c.). 18-me grand trio pour piano, violon et violoncelle. Op. 189. (4 r. 29 c.).
- REBER.** Six pièces pour piano et violon. Op. 15. (4 r.). Les mêmes pour piano et violoncelle. Op. 15. (4 r.).
- SCHUMANN.** Trio pour piano, violon et violoncelle. Op. 63. (6 r.).
- SPHR.** Quatrième trio pour piano, violon et violoncelle. Op. 133. (5 r. 72 c.).
- SZCZEPANOWSKI et AGUILAR.** Grand duo concertant pour piano et violoncelle (2 r. 29 c.).
- VIEUXTEMPS et RUBINSTEIN.** Grand duo concertant pour piano et violon, sur des thèmes de l'opéra: «le Prophète» de Meyerbeer. 2 r. 30 c.).
- WITWICKI.** Duo pour piano et violon. Op. 19. (1 r. 15 c.).

Русскіе романси.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛББОМЪ съ каррикатурами. Собрание новыхъ русскихъ романсовъ. № 1. Даргомыжскій, «Я сказала зачѣнь». № 2. Глинка, «Ты скоро меня позабудешь». № 3. Львовъ, «Воспоминаніе». № 4. Варламовъ, «О молчи, милый другъ мой, молчи». № 5. Толстой, «Былыя слезы». № 6. Князь Одоевскій, «Колыбельная пѣсня». № 7. Алябьевъ, «Не задумывайся мой другъ». № 8. Castriote-Scanderberg «L'Attente». № 9. Даргомыжскій, «Не называй се небесной». — Съ весьма схожими портретами сочинителей (Цѣна 3 руб. за пересылку за 2 фун.).

ВИЕЛГОРСКІЙ, Графъ М. Ю. «Бывало». Романсъ. 3-е изданіе. (75 к.) «Волшебный сонъ». Романсъ. (75 к.). «Темнорусыя кудри илаго». (40 к.).

АЛЯБЬЕВЪ. «Въ зачѣнь разлуки и печали». (40 к.).

ВАРЛАМОВЪ. «О молчи, милый другъ мой, молчи». (60 к.). «Вижу ты прекрасна». Романсъ. (60 с.). «Глаза». (70 с.). «Я любила его». (60 с.).

ГЛИНКА. «Адель», слова Пушкина (1 г.). «Мери», драматическая сцена Пушкина. (70 к.). «Дубрава шумитъ». (1 г.). «Ты скоро меня поза-

будешь». (60 с.). «Заздравный кубокъ», (1 г.). Пѣснь «Маргарита». (1 г.).

ГУРИЛЕВЪ. «Матужка голубушка». Новое изданіе для контральта. (40 с.). «Радость душечка» (40 с.). «Кто слезы льетъ». (60 с.). «Бѣдная дѣвушка». (40 с.). «Вамъ не повяль носѣ печали». (50 с.). «Гаданье». (40 к.).

ДАРГОМЫЖСКІЙ. «Ты скоро меня позабудешь». (40 к.). «И скучно и грустно». (60 к.). «Мнѣ грустно пот. ну». (40 к.). «Не называй се небесной». (40 к.). «Я сказала зачѣтъ». (80 к.). «Дѣтныцы красавицы. Дуэтъ». (90 к.). «Слышу ли голосъ твой». (50 к.). «Шестнадцать лѣтъ». (60 к.). «Тучки». (70 к.). «Молитва», слова Лермонтова. (50 к.).

КАЖИНСКІЙ. «Думка». Малороссійская пѣсня. (40 к.).

КУЗМИНСКІЙ. «Мнѣ не любить тебя нельзя». (40 к.).

ЛОДИ. «Мечта». Романсъ. (40 к.).

РУБИНШТЕЙНЪ. Музыкальные вечера. Собраніе двѣнадцати новыхъ романсовъ въ двухъ тетрадяхъ (по 1 р. 50 к.).

ЯКОВЛЕВЪ. «Голосъ съ того свѣта». (40 к.). «Розаль ты розочка». (40 к.).

СОБРАНІЕ любимыхъ пѣсень Московскихъ цыганъ. 18 номеровъ. (По 50 и по 40 к.).

ПѢСНИ РУССКАГО НАРОДА, собранныя и аранжированныя для одного голоса съ аккомпаниментомъ фортепiano; 135 пѣсень въ четырехъ отдѣленіяхъ. (8 р.)

НОВОЕ СОБРАНІЕ русскихъ пѣсень аранжированныхъ на четыре голоса съ аккомпаниментомъ фортепiano или скрипки, альты и виолончеля, П. Воротниковымъ. Дѣтъ тетради (по 3 р.).

МУЗЫКАЛЬНАЯ АЗБУКА или первоначальная школа пѣнія, составленная А. Нансерономъ, профессоромъ Парижской консерваторіи. (Abc musical ou methode de chant par A. Nanzeron). (Цѣна 3 р. за пересылку за 2 ф.).

(Выписывающіе вотъ на суммѣ не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать - пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять рублей, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіемъ непосредственно въ магазинъ Гернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были издавы или объявлены.)

Въ томъ же магазинѣ вышла шестая тетрадь «Шувеллиста» (годъ XI) которая содержитъ въ себѣ: Schiller, Divertissement. Eggbard, Variations de bravoure. Schiff, Linzer-Walzer, Styrienne. Voss, Une pensée passagère, melodie. Döhler, Marche florentine. M^e 2. Mazarini, Chère Marie, Polka Mazurka. Wallerstein, Souvenir d'un bal. Polka. Leclairpientier, Bagatelle sur le Prophète. Crisez, Divertissement. Po-

манушь, Романъ. Arnaud, Romance. МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ. (Годовая цѣна подписки 10 рублей сереб. — съ пересылкою 11 рублей 50 коп. серебромъ).

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

MUSÉE MUSICAL,

на Невскомъ проспектѣ, въ Пассажѣ, подь № 25.

Для фортепiano.

- ADAM.** Pas des Clochettes. (70 c.).
 — Serenade de «Don Pasquale» transcrite pour le piano. (30 c.).
 — «La Fille de Marbre». Tarantelle. (50 c.).
- ALKAN, A. V.** «Le Chemin de Fer». Étude. (1 r. 15 c.).
 — Nocturne. (60 c.).
 — Transcriptions pour piano. № 1, Psalm de Marcello. (60 c.). № 2, Armide de Gluck. (60 c.). № 3, Iphigén. en Tauride de Gluck. (75 c.). № 4, Andante de Haydn. (75 c.). № 5, Marche et Chœur de Grétry. (60 c.). № 6, Menuet de Mozart. (60 c.).
- APPIANO.** Deux airs favoris de Lortzing et Kreutzer, transcrit pour piano. (75 c.).
- ALTVATER.** Romance sans paroles. (70 c.).
- AUBER.** Ouverture de «La Part du Diable». (70 c.).
 — La même avec accompagnement du violon. (1 r.).
- BACH, J. S.** Vingt-un préludes et fugues, précédés d'une fantaisie et suivis de cinquante préludes-chorals, composés pour l'orgue par le célèbre Bach, et transcrits pour piano par Jean Tscherlitzky. Seize livraisons. (30 r.).
- BEETHOVEN.** «Le Désir». Sehnsuchts-Walzer. (V. Schubert). (30 c.).
 — Marche à la turque. (50 c.).
 — Romance. Op. 10, transcrite. (60 c.).
 — Sonate pathétique. Op. 13. (1 r. 15 c.).
 — Grand Trio, transcrit pour piano. (1 r. 40 c.).
 — Melancolia. (75 c.).
- BELLINI.** Motifs favoris de «la Sonnambula» (1 r.).
 — Motifs favoris de «Il Pirata». (70 c.).
 — Motifs favoris de «I Puritani». (70 c.).
 — Ouverture de «Beatrice di Tenda», pour le piano ~~à~~ mains. (60 c.).

JUL 16 1937

